КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

1924—1934

ЦЕНТРАРХИВ

1934

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Я. Берзин. По ленинскому пути . . . . . 5—12

Десять лет назад . . . . . 17—50

Архивные документы к биографии В. И. Ленина (1887—1914 гг.),

Казань и Самара (1887—1893) . . . . . 55—74

Петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса" (1893—1896) . . . . . 75—117

Ссылка (1897—1900) . . . . . 118—139

Период „Искры" (1901—1903) . . . . . 140—154

Второй съезд и раскол партии (1903—1904) . . . . . 155—172

Революция 1905—1907 гг. . . . . 173—214

Эпоха реакции (1908—1910) . . . . . 215—222

Начало подъема рабочего движения (1910—1914 гг.) . . . . 223—248

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ)

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

СО ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНА
ПОБЕДИЛИ МЫ В БОЯХ ЗА ОКТЯБРЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ.
СО ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНА
ДОБИЛИСЬ МЫ РЕШАЮЩИХ УСПЕХОВ В БОРЬБЕ
ЗА ПОБЕДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.
С ЭТИМ ЖЕ ЗНАМЕНЕМ
ПОБЕДИМ В ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ВО ВСЕМ МИРЕ.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЕНИНИЗМ!

Сталин

ЛЕНИН

По ленинскому пути.

(К десятой годовщине смерти Ленина).

«Он ушел от нас навеки, наш несравненный боевой товарищ, а мы пойдем бесстрашно дальше... Партия пойдет железным шагом вперед, потому что она ленинская партия, потому что она воспитана, закалена в боях, потому что у нее есть в руках то завещание, которое оставил ей Ленин».

Из воззвания ЦК РКП (б) 22 января 1924 г.

Десять лет прошло с того дня, как умер наш великий и незабвенный учитель и вождь Ленин.

Всем еще памятно, какой острой и жуткой болью отозвалась весть о его смерти в сердцах миллионов людей. В лице Владимира Ильича Ленина сошел в могилу человек, имя которого стало — по словам т. Сталина — «самым любимым именем трудящихся и эксплоатируемых масс». Смерть Ленина, величайшего гения современного пролетариата, была безмерно тяжелым ударом не только для большевистской партии, не только для рабочих и трудящихся крестьян Советского союза, но и для рабочего класса и коммунистических партий всех капиталистических государств, для сотен миллионов трудящихся всего мира.

Всем еще памятно и то, что смерть Ленина вызвала новый прилив радостных надежд в рядах буржуазии. Классовые враги пролетариата в Стране советов, банкиры и купцы, промышленники и помещики буржуазных стран, а вкупе с ними и многочисленная рать социал-предателей всяких мастей — все они были уверены, что вместе с Лениным умерло и его дело, что смерть признанного вождя вызовет растерянность и панику в рядах нашей партии, неминуемо поведет к перерождению и разложению большевиков, послужит началом развала в других коммунистических партиях и во всем Коммунистическом интернационале, что таким образом советская власть в СССР будет расшатана и ослаблена и международному империализму будет облегчена задача свержения диктатуры пролетариата в СССР и уничтожения коммунизма во всем мире.

Все, наверное, помнят также, что в некоторых,— правда, незначительных, — прослойках нашей партии, а также в ряде других секций Коммунистического интернационала смерть Ленина, действительно,

усилила растерянность и оживила паникерские настроения. После смерти Ленина снова зашевелились все временные попутчики большевизма с Троцким во главе; увлекая за собой кое-какие неустойчивые, колеблющиеся элементы и широко развивая свою фракционную деятельность, они пытались свернуть партию Ленина, а также созданный им Коммунистический интернационал с твердого ленинского пути.

Не дрогнуло однако ленинское руководство в партии большевиков. Не дрогнула и вся партия в целом. Не дрогнуло и возглавляемое большевиками основное ядро Коммунистического интернационала.

Уже первый отклик большевиков-ленинцев на трагическую весть о смерти любимого вождя прозвучал как призывный удар набатного колокола: мы пойдем бесстрашно вперед! И устами тов. Сталина, лучшего ученика и многолетнего верного соратника Ленина, большевистская партия в траурные январские дни 1924 г. торжественно дала свою клятву: держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии, хранить единство партии, как зеницу ока; хранить и укреплять диктатуру пролетариата; укреплять и расширять Союз советских социалистических республик; укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический интернационал.

Прошло первое десятилетие без Ленина. И ныне, в день десятой годовщины его смерти, партия большевиков с гордостью может заявить, что она сдержала свою торжественную клятву, данную на могиле своего первого великого вождя, что она с честью выполнила заветы Ленина.

В течение этого десятилетия большевистской партии приходилось действовать в чрезвычайно трудной и сложной обстановке. В борьбе за укрепление диктатуры пролетариата и за создание прочного фундамента социалистического строя партия должна была преодолевать на своем пути бесчисленные препятствия и разрешать как в теории, так и на практике нескончаемый ряд величайших и сложнейших задач. Но под руководством своего ленинского ЦК с т. Сталиным во главе партия успешно справлялась со всеми трудностями и верной рукой вела пролетариат и все трудящиеся массы Союза от одной великой победы к другой.

Здесь мы можем вкратце отметить только некоторые вехи на этом победоносном пути.

Прежде всего — партия сохранила в чистоте, отстояла против многочисленных врагов, незыблемо утвердила и в различных направлениях развила дальше ленинскую теорию — ленинизм, это важнейшее орудие в классовой борьбе пролетариата.

Не легка была задача большевиков-ленинцев в этой области. Вскоре после смерти Ленина начался ожесточенный поход троцкистов против основных положений ленинизма, в первую очередь против учения Ле-

нина о возможности построения социализма первоначально в одной стране. С троцкистами сблокировались Зиновьев и Каменев, которые и раньше, еще при Ленине, проявляли немало колебаний, а в решающий момент Октябрьской революции дошли до открытого штрейкбрехерства. С первых же шагов своего «похода» троцкисты тесно сомкнулись с самыми грязными подонками ренегатов коммунистического движения на Западе и вскоре перешли на дорогу Каутских и Гильфердингов, Бауэров и Данов. Превратившись в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, троцкизм дал последней не только тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против советской власти и не только организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций — он дал контрреволюционной буржуазии также «духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков» (Сталин).

Этой, как и всем другим попыткам «ревизовать» учение Ленина сокрушительный удар нанесла партия с тов. Сталиным во главе. При этом т. Сталин, не ограничиваясь простым восстановлением взглядов Ленина, нагло извращаемых троцкистами, прежде всего всесторонне разработал и углубил ленинское учение о возможности построения социализма в одной стране. Прочно увязав его с ленинским же законом неравномерности развития капитализма и со всем учением Ленина о диктатуре пролетариата, о революционной стратегии и тактике, об особенностях переходного периода, о кооперативном плане для деревни, о союзниках пролетариата и его резервных силах на различных этапах революции, тов. Сталин разработал и дальше развил все стороны теоретического учения Ленина. На основе ленинского генерального плана построения социализма тов. Сталин создал развернутую программу социалистического строительства и теоретически обосновал разрешение всех конкретных вопросов, которые выдвигались ходом социалистического строительства в нашей стране, а также всем ходом развития мировой революции.

Сейчас же после того, как партия разбила троцкистско-зиновьевскую оппозицию, ей пришлось обратить свои удары главным образом против правых оппортунистов. Последние (Бухарин, Рыков, Томский), отражая влияние мелкобуржуазной и кулацкой идеологии на некоторые слои рабочего класса, выступали с возражениями против намеченных партией быстрых темпов индустриализации страны и ликвидации кулачества как класса, пытаясь оправдать свою явно ликвидаторскую политику «теоретическими» рассуждениями о постепенном затухании классовой борьбы при диктатуре пролетариата и о возможности безболезненного «врастания в социализм», происходящего как бы самотеком. Партия под руководством тов. Сталина беспощадно разоблачила буржуазную сущность этих рассуждений, разгромила правых уклонистов

и на основе ленинского учения об экономической политике пролетариата в эпоху пролетарской диктатуры смело пошла по пути быстрой индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Эти победы над антиленинскими учениями на теоретическом фронте имели колоссальное практическое значение и еще раз наглядно подтвердили правильность учения Ленина о неразрывном единстве теории и практики. В самом деле, научно обоснованное понимание сущности диктатуры пролетариата и всех особенностей переходного периода являлось необходимой предпосылкой для выработки такой политической линии, которая обеспечила бы построение социализма в одной стране в наиболее краткий срок. Только на прочной основе учения Ленина—Сталина большевистская партия могла развернуть ту колоссальную творческую работу, которая была необходима прежде всего для подготовки подступов к первой пятилетке, затем — для выработки и осуществления этого грандиозного плана социалистического строительства, наконец— для перехода к новому, еще более грандиозному плану создания бесклассового общества в течение второй пятилетки. Ход событий подтвердил правильность этой генеральной линии политики нашей партии, и если в первой половине минувшего десятилетия в защиту учения о возможности построения социализма в нашей стране можно было приводить главным образом только теоретические доводы, то теперь решающим аргументом служат достигнутые успехи партии: выполнение первой пятилетки в четыре года, построение фундамента социалистической экономики, окончательное укрепление СССР на социалистическом пути.

Указанная борьба за чистоту ленинской теории являлась вместе с тем и борьбой за сохранение и укрепление единства большевистской партии.

В своей внутрипартийной работе большевики-ленинцы после смерти вождя неуклонно и твердо проводили ленинскую политику. Широко развертывая большевистскую самокритику и всемерно развивая самодеятельность масс, партия в то же самое время вела упорную и последовательную борьбу со всякими отклонениями от генеральной линии, сурово пресекала всякие нарушения железной большевистской дисциплины, беспощадно разбивала все попытки создания фракционных группировок, безжалостно выметала из своих рядов проникшие туда антиленинские элементы. Проводя ленинскую политику борьбы на два фронта, партия до конца разоблачила и на-голову разбила троцкизм, ставший передовым отрядом контрреволюционной буржуазии, и решительно сокрушила правые и право-левацкие фракционные группировки, стремившиеся подорвать единство партии Ленина. Всячески облегчая вступление в партию для рабочих и для всех преданных делу коммунизма трудящихся, партия вместе с тем очищала свои ряды от

примазавшихся элементов и карьеристов, от перерожденцев и двурушников и с этой целью время от времени предпринимала — помимо постоянной работы контрольных органов—генеральную проверку и чистку всех организаций. В результате такой ленинской организационной политики партия за истекшее десятилетие выросла и укрепилась количественно и качественно. В подтверждение этого приведем только два показателя: за указанный период число членов партии увеличилось в 6 раз, а рабочая прослойка с 44% повысилась до 67%. Большевистская партия, эта могущественная монолитная организация, стоящая на незыблемой почве марксизма-ленинизма, руководимая ленинским ЦК с гениальным вождем т. Сталиным во главе, твердо ведет за собой всю многомиллионную массу трудящихся Советского союза, успешно осуществляет величайшую историческую задачу — строительство социализма и в полном смысле слова является передовым, ударным отрядом мирового пролетариата.

Поистине гигантскими являются достижения большевистской партии за послеленинский период в деле укрепления диктатуры пролетариата, укрепления Союза советских социалистических республик.

Советское правительство, руководимое нашей партией, за эти годы успешно преодолевало многочисленные затруднения, возникавшие для единственного в мире пролетарского государства на фронте внешней политики. Оно добилось за последнее десятилетие установления нормальных (или почти нормальных) дипломатических и торговых сношений с большинством капиталистических государств Европы и с рядом стран в других частях света. Проводя эту политику, оно сумело в переговорах с правительствами буржуазных стран полностью отстоять все свои принципиальные позиции, обеспечить безусловную независимость и самостоятельность Страны советов, укрепить и развить систему монополии внешней торговли и т. д. Выступая на международной арене в защиту политики мира и разоружения, разоблачая всякие дипломатические махинации и воинственные замыслы империалистических государств, советское правительство достигло того, что империалистическим хищникам не удалось до сих пор сколотить единый антисоветский фронт и осуществить свои планы вооруженного нападения на СССР. В то же время, учитывая эти планы и возрастающую угрозу новой мировой войны и интервенции, советское правительство принимало все меры к усилению своей обороноспособности, чтобы в случае нападения империалистов на СССР дать им должный отпор и оправдать заявление т. Сталина: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

Партия разбила также внутри страны многочисленные попытки классовых врагов подорвать диктатуру пролетариата путем вредительства и других способов контрреволюционной борьбы. В этом деле пар-

тия опиралась на все возрастающую классовую бдительность рабочего класса и на полную поддержку своей политики со стороны всех трудящихся.

Выполняя завет Ленина о необходимости укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический интернационал, партия большевиков на всех этапах борьбы международного пролетариата оказывала ему активную поддержку. Являясь руководящей секцией Коминтерна, большевистская партия помогала братским партиям преодолевать бесчисленные трудности, которые они встречают на своем пути. В частности, передавая братским компартиям Запада и Востока свой большевистский опыт, накопленный на протяжении трех революций и за годы диктатуры пролетариата, она много содействовала ускорению процесса большевизации этих партий и полного изживания ими всех остатков реформистских традиций и демократических иллюзий. Можно смело сказать, что громадный авторитет большевистской партии среди рабочих всего мира, завоеванный ею под руководством Ленина, еще больше укрепился и возрос в период сталинского руководства.

Гигантские победы большевиков в послеленинскую эпоху нашли свое наиболее яркое выражение в итогах осуществления первого пятилетнего плана социалистического строительства.

> «Героической борьбой рабочего класса уже за годы первой пятилетки построен фундамент социалистической экономики, разгромлен последний капиталистический класс — кулачество, а основные массы крестьянства — колхозники стали прочной опорой советской власти в деревне. СССР окончательно укрепился на социалистическом пути» (тезисы тт. Молотова и Куйбышева к XVII съезду партии).

За эти годы лицо Страны советов изменилось до неузнаваемости. Построена крупная технически передовая промышленность, коренным образом реконструировано сельское хозяйство и в деревне создан новый колхозный строй, достигнуты громадные победы в деле поднятия производительности труда и улучшения положения трудящихся города и деревни. СССР превратился в страну передовой культуры, причем особенно значительный хозяйственный и культурный рост имеет место в прежде наиболее отсталых национальных районах Союза.

Изумительные успехи первой пятилетки, достигнутые партией под руководством своего ленинского ЦК, подготовили предпосылку и мощную базу для построения и осуществления второй пятилетки, главные задачи которой были намечены уже в постановлении XVII партконференции:

«Основной политической задачей второй пятилетки является ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовое различие и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

В соответствии с этим тезисы тт. Молотова и Куйбышева устанавливают, что второй пятилетний план народного хозяйства должен обеспечить:

а) ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, окончательную ликвидацию, на основе полного завершения коллективизации крестьянских хозяйств и кооперирования всех кустарей, частной собственности на средства производства; ликвидацию многоукладности экономики Советского союза и установление социалистического способа производства, как единственного способа производства, с превращением всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей социалистического общества;

б) завершение технической реконструкции всего народного хозяйства СССР на базе, созданной в период первой пятилетки и идущей по пути дальнейшего быстрого подъема промышленности, производящей средства производства (тяжелой промышленности);

в) более быстрый подъем благосостояния рабочих и крестьянских масс и при этом решительное улучшение всего жилищного и коммунального дела в СССР;

г) укрепление экономических и политических позиций пролетарской диктатуры на основе союза рабочего класса с крестьянством для окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще;

д) дальнейшее укрепление обороноспособности страны и т. д.

Как показал опыт осуществления первой пятилетки, гигантский размах и быстрые темпы социалистического строительства повелительно требуют новых методов работы. Следуя указаниям тов. Сталина, партия после XVI съезда провела крупные организационные мероприятия, направленные к улучшению работы всех органов диктатуры пролетариата. Ныне в тезисах доклада тов. Кагановича об организационных вопросах XVII съезду предлагается развернутый план перестройки партийного и советского аппарата — план, выполнение которого должно устранить «отставание организационно-практической работы от требований политической линии партии» и таким образом обеспечить с организационной стороны осуществление грандиозного плана социалистического строительства.

За десять лет, прошедших со дня смерти Ленина, рабочий класс Страны советов выполнил все заветы своего первого вождя и достиг величайших побед на всех фронтах своей борьбы. Успешно завершив задачи восстановительного периода, он перешел к задачам реконструк-

ции народного хозяйства и уже в течение первой пятилетки построил фундамент социалистического общества. Осуществляя великую программу второй пятилетки, завершая полную реконструкцию народного хозяйства, ликвидируя окончательно частную собственность на средства производства и все капиталистические элементы и классы вообще, превращая всех трудящихся в активных строителей социалистического общества, — рабочий класс СССР на деле претворяет в жизнь вековые мечты лучших умов человечества и вековые стремления миллионов революционных рабочих, которые бесконечное число раз поднимались на борьбу против капиталистического гнета и, побежденные, погибали в тюрьмах и на баррикадах.

Свои великие победы пролетариат СССР одержал под знаменем Ленина и Сталина. Под этим же знаменем он пойдет дальше по пути к созданию коммунистического общества. Под тем же знаменем одержит свою победу мировая социалистическая революция.

Я. Берзин.

Настоящий выпуск «Красного архива» целиком посвящен документам, относящимся к жизни и деятельности В. И. Ленина.

В разделе «Десять лет назад» помещены исторические документы, являющиеся непосредственным откликом на смерть В. И. Ленина. Сюда относятся: Обращение ЦК РКП(б) «К партии. Ко всем трудящимся», Правительственное сообщение, Воззвания Исполкомов Коминтерна и Профинтерна, Обращение «Ко всем трудящимся Союза ССР от XI Съезда Советов РСФСР», Обращение II Всесоюзного Съезда Советов «К трудящемуся человечеству» и др.

Здесь же мы печатаем речь т. Сталина, произнесенную им на траурном заседании II Всесоюзного Съезда Советов 26 января 1924 г. («Правда» 1924 г., № 23).

Раздел заканчивается откликами рабочих и крестьян на весть о смерти В. И. Ленина. Эти резолюции, письма, корреспонденции взяты нами из материалов профсоюзных организаций, фонда писем «Крестьянской газеты» и др. Конечно это лишь ничтожная часть хранящихся в архивах документов, отражающих чувства и мысли миллионов трудящихся нашей страны в те траурные дни, но эта выборка является в достаточной мере показательной для тех настроений, какие вызвала весть о смерти Ленина в широких массах трудящихся СССР.

Второй раздел — «Архивные материалы о В. И. Ленине» — заключает в себе документы, относящиеся к биографии Ленина. Документы почерпнуты нами из ряда архивов царского правительства: арх. б. департамента полиции, Московского охранного отделения, Московского губернского жандармского управления, Петербургского градоначальства, Главного управления по делам печати и др. Из огромной массы документального материала, имеющегося о В. И. Ленине в архивах, мы стремились выбрать то, что может в той или иной мере помочь нашим историкам партии в установлении дат, фактов жизни и революционной деятельности Ленина. Эти документы дают также богатый материал для характеристики отношения к Ленину царского самодержавия. Нужно сказать, что среди миллионов лиц, бывших в поле зрения царской полиции за все время суще-

ствования царизма, ни один человек не был предметом такого пристального внимания со стороны слуг самодержавия, как В. И. Ленин. Тысячи документов о Ленине, сохранившихся в царских архивах, свидетельствуют об этом. Царское самодержавие понимало, какого врага оно имело в лице Ленина. Недаром один из наиболее дальновидных слуг царизма, Зубатов, еще в 1900 г. писал, что «крупнее Ульянова сейчас в революции никого нет», и тогда же предлагал «срезать эту голову с революционного тела» (см. стр. 138).

Разумеется, материалы жандармских учреждений представляют собой довольно мутный источник исторического исследования, пользоваться ими следует с величайшей осторожностью, подвергая каждый документ самому тщательному критическому анализу. Это относится особенно к так наз. «агентурным запискам», жандармским отчетам и сводкам, которые, помимо специфического полицейского характера, свойственного всем документам этого рода, заключают в себе часто сознательные извращения исторических фактов по соображениям розыска. Иной характер имеют материалы так называемых «перлюстраций», т. е. копии писем, перехваченных «черным кабинетом». В большинстве случаев это — более или менее точные копии писем, прошедших через руки жандармов. Здесь мы получаем нередко ценный историко-партийный материал, не сохранившийся в партийных архивах.

Часть документов печатается нами в извлечениях, поскольку они повторяют содержание других документов или не связаны непосредственно с определенными событиями в жизни В. И. Ленина. Например, допросы арестованных по делу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» мы печатаем главным образом в части, касающейся роли В. И. Ленина в «Союзе борьбы».

Большинство документов публикуется впервые. Некоторые же документы мы считаем необходимым напечатать, несмотря на то, что они были опубликованы ранее, поскольку они дополняют коллекцию документов, относящихся к тому или другому событию.

В ряде публикуемых материалов о В. И. Ленине имеются сведения, относящиеся к партийной деятельности в условиях подполья ближайшего ученика, соратника Ленина, вождя нашей партии т. Сталина. Так в письме без подписи из Мюнхена, несомненно, принадлежащем Н. К. Крупской, адресованном в Тифлис Т. А. Казаровой, от 20 октября 1905 г., речь идет о «Борьбе пролетариата» — нелегальном органе закавказских большевиков в 1905 г., которым руководил т. Сталин. Жандармы устанавливают также участие т. Сталина (под псевдонимом «Ивановича») на Таммерфорсской конференции 1905 г. (см. стр. 186). В 1912 г. жандармы перехватили письмо, в котором В. И. Ленин пишет: «От Ивановича [И. В. Сталина] ничего. Что он? Где он? Как он? Дьявольски необходим легальный человек в Питере или около Питера, ибо там дела плохи. Война бешеная и трудная...». 18 мая 1912 г. жандармы перехватили новое письмо, на этот раз из Петербурга в Париж, к Надежде Константиновне. В нем сообщается об аресте т. Сталина. В записке начальника Московского охранного отделения от 11 ноября 1912 г. имеются указания на участие тов. Сталина в известном совещании большевиков в Кракове. Директор департамента полиции Белецкий 2 марта 1913 г. в докладе министру внутренних дел, говоря об обыске в квартире т. Петровского и о деятельности большевиков, пишет: «В числе кооптированных членов «Русского бюро» (Центрального комитета) были задержанный в квартире члена Государственной думы Петровского Свердлов и арестованный в феврале месяце некий Иосиф Джугашвили, также бежавший из Нарымского края». При этом сами жандармы расшифровывали, что «Джугашвили арестован в зале Калашниковской биржи во время концерта-маскарада; он в момент ареста сидел за отдельным сто-

лом с членом Государственной думы Шаговым» (см. стр. 239). Об участии в Краковском совещании т. Сталина («Коба») имеются также сообщения департамента полиции (см. стр. 240). В 1914 г. начальник Московского охранного отделения в докладе директору департамента полиции пишет, что в числе ряда предложений, сделанных В. И. Лениным думской фракции большевиков, было предложение «для успешности партийного съезда устроить организационные объезды», для чего организовать побеги «известных высланных партийных деятелей», в числе которых названы Свердлов и Иосиф Джугашвили («Коба»).

Документы расположены нами по важнейшим периодам жизни и революционной деятельности В. И. Ленина: 1) Казань и Самара, 2) Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», 3) Ссылка, 4) Период «Искры», 5) Второй съезд партии и раскол, 6) Революция 1905—1907 гг., 7) Эпоха реакции, 8) Новый подъем рабочего движения (1912—1914 гг.).

Документы, взятые из фондов Архива революции (фонды департамента полиции, Московского охранного отделения, Московского губернского жандармского управления), подготовлены к печати научными сотрудниками Архива М. Сыромятниковой, Ю. Годлевской, А. Кобяко, Е. Горелкиной, Л. Браже и А. Спировой, под руководством В. Далаго. Документы, взятые из фондов Ленинградского отделения Центрального исторического архива (ЛОЦИА) и Ленинградского областного архивного управления (ЛОАУ), подготовлены к печати А. Сергеевым. Отклики рабочих (из фондов Архива профсоюзов, Московского и Ленинградского областных архивных управлений) подготовлены к печати Е. Леви, Г. Иосселиани и А. Пономарь; отклики крестьян (из фонда «Крестьянской газеты», хранящегося в Центральном Архиве Октябрьской Революции) — М. Левиной. Указания на архивохранилища и фонды, из которых извлечены публикуемые документы, сделаны в подстрочных примечаниях к тексту.

В. Максаков.

Десять лет назад

ИЗВЕЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РКП(б) О КОНЧИНЕ В. И. ЛЕНИНА.

К партии и ко всем трудящимся.

21 января окончил свой жизненный путь товарищ ЛЕНИН.

Умер человек, который основал нашу стальную партию, строил ее из года в год, вел ее под ударами царизма, обучал и закалял ее в бешеной борьбе с предателями рабочего класса, с половинчатыми, колеблющимися, с перебежчиками. Умер человек, под руководством которого несокрушимые ряды большевиков дрались в 1905 году, отступали во время реакции, снова наступали, были в первых рядах борцов против самодержавия, сумели разбить, разоблачить, свергнуть идейное господство меньшевиков и эсеров. Умер человек, под боевым водительством которого наша партия, окутанная пороховым дымом, властной рукой водрузила красное знамя Октября по всей стране, смела сопротивление врагов, утвердила прочно господство трудящихся в бывшей царской России. Умер основатель Коммунистического Интернационала, вождь мирового коммунизма, любовь и гордость мирового пролетариата, знамя угнетенного Востока, глава рабочей диктатуры в России.

Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как наш покойный вождь, учитель, друг. Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического — бесстрашный ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений, — все это нашло свое великолепное воплощение в ЛЕНИНЕ, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера.

ЛЕНИН умел, как никто, видеть и великое и малое, предсказывать громаднейшие исторические переломы и в то же время учесть и использовать каждую маленькую деталь; он умел, когда нужно, бешено наступать и, когда нужно, отступать, чтобы готовить новое наступление; он не знал никаких застывших формул; никаких шор не было на его мудрых, всевидящих глазах, ибо он был прирожденный вождь пролетарской армии, гений рабочего класса.

В сокровищницу марксизма товарищ ЛЕНИН внес немало драгоценного. Именно ему рабочий класс обязан разработкой учения о пролетарской диктатуре, о союзе рабочих и крестьян, о всем значении для борющегося пролетариата национального и колониального вопросов, и наконец, его учением о роли и природе партии, и все это богатство было в руках ЛЕНИНА не мертвым капиталом, а живой, несравненной прак-

тикой. «Революцию гораздо приятнее делать, чем писать о ней», — не разговаривал ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ, и всю свою жизнь, от ее сознательного начала до последнего мученического вздоха, товарищ ЛЕНИН отдал до конца рабочему классу. Не было и нет человека, который так глубоко был бы предан своему делу, как ЛЕНИН, не знавший в своей прекрасной жизни ничего кроме интересов партии, пролетариата, коммунистической революции. Не было и нет человека, который имел бы такое глубочайшее чувство своей ответственности, как он. Нечеловеческая, неудержимая жажда работы, неустанная мысль, беспощадная растрата своей энергии сломили этот богатырский организм и погасили навсегда жизнь любимейшего из любимых — нашего ИЛЬИЧА.

Но его физическая смерть не есть смерть его дела. ЛЕНИН живет в душе каждого члена нашей партии, каждый член нашей партии есть частичка ЛЕНИНА, вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение ЛЕНИНА.

ЛЕНИН живет в сердце честного рабочего.

ЛЕНИН живет в сердце каждого крестьянина-бедняка.

ЛЕНИН живет среди миллионов колониальных рабов.

ЛЕНИН живет в ненависти к ленинизму, коммунизму, большевизму в стане наших врагов.

Теперь, когда нашу партию постиг самый тяжелый удар — смерть ИЛЬИЧА, — мы должны с особой настойчивостью выполнить его основные заветы.

Никогда ЛЕНИН не был так велик, как в минуты опасности. Твердой рукой он проводил партию через строй этих опасностей, с несравненным хладнокровием и мужеством идя к своей цели. Ничего противнее, отвратительнее, гаже паникерства, смятения, смущения, колебания для ЛЕНИНА не было.

Партия и здесь пойдет по его стопам. Он ушел от нас навеки, наш несравненный боевой товарищ, а мы пойдем бесстрашно дальше. Пусть злобствуют наши враги по поводу нашей потери, несчастные и жалкие! Они не знают, что такое наша партия! Они надеются, что партия развалится, а партия пойдет железным шагом вперед, потому что она ленинская партия, потому что она воспитана, закалена в боях, потому что у нее есть в руках то завещание, которое оставил ей товарищ ЛЕНИН.

Против мирового союза помещиков и капиталистов мы будем строить наш союз рабочих и крестьян, союз угнетенных наций.

Мы твердой ногой стоим на земле. В европейской развалине мы являемся единственной страной, которая под властью рабочих возрождается и смело смотрит в свое будущее. Вокруг нашего славного знамени собираются миллионы! Смерть нашего учителя — этот тяжелый удар — сплотит еще сильнее наши ряды, дружной боевой цепью идем мы в поход против капитала, и никакие силы в мире не помешают нашей окончательной победе.

Эта победа будет самым лучшим памятником товарищу ЛЕНИНУ, тому, которого, как лучшего друга, массы звали своим «ИЛЬИЧОМ».

Да здравствует, да живет и побеждает наша партия!

Да здравствует рабочий класс!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РКП(б).

Москва. 22 января 1924 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

Вчера, 21-го января, в 6 час. 50 мин. вечера, в Горках близ Москвы скоропостижно скончался ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН). Ничто не указывало на близость смертельного исхода. За последнее время в состоянии здоровья ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА наступило значительное улучшение. Все это заставляло думать, что его здоровье будет и дальше восстанавливаться. Совершенно неожиданно вчера в состоянии здоровья ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА наступило резкое ухудшение. Несколько часов спустя ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА не стало.

Заседающий в Москве Всероссийский съезд советов и открывающийся в ближайшие дни Всесоюзный съезд примут необходимые решения для обеспечения дальнейшей непрерывной работы Советского правительства. Самый тяжелый удар, постигший трудящихся Советского Союза, как и всего мира, со времени завоевания власти рабочими и крестьянами России, глубоко потрясет каждого рабочего и каждого крестьянина не только в нашей республике, но и во всех странах. Широчайшие массы трудящихся всего мира будут оплакивать величайшего своего вождя. Его больше нет среди нас, но его дело останется незыблемым. Выражающее волю трудящихся масс Советское правительство продолжит работу ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА, идя дальше по намеченному им пути. Советская власть стоит твердо на своем посту, на страже завоеваний пролетарской революции.

Москва, Кремль. 22 января 1924 г.

СООБЩЕНИЕ О БОЛЕЗНИ И КОНЧИНЕ В. И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА).

Начало болезни ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА) относится к концу 1921 года; точнее время начала болезни определить трудно, так как, по всем данным, она развивалась медленно и лишь постепенно подтачивала его могучий организм в расцвете его деятельности, причем сам ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ не обращал на свою болезнь должного внимания.

В марте 1922 г. врачи, исследовавшие ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА, еще не могли обнаружить никаких органических поражений ни со стороны его нервной системы, ни со стороны внутренних органов вообще, но ввиду сильных головных болей и явлений переутомления ему было предложено отдохнуть в течение нескольких месяцев, вследствие чего он переехал в «Горки». Однако скоро вслед за этим, в начале мая, обнаружились первые признаки органического поражения мозга. Первый приступ выразился общей слабостью, утратой речи и резким ослаблением движения правых конечностей; эти явления продолжались в течение трех недель.

В дальнейшем начали повторяться подобные же припадки, не дававшие стойких явлений; они наступали периодически в течение мая, июня, июля и длились от получаса до двух часов. Благодаря сильному организму и заботливому уходу окружающих, в июле уже наступило существенное улучшение, настолько закрепившееся в августе и сентябре, что в октябре ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ вернулся к своей деятельности, хотя и не в прежнем размере. В ноябре он произнес три больших программных речи.

С начала декабря припадки возобновились, выражаясь в преходящих параличах правых конечностей, и 16 декабря наступил стойкий паралич правой руки и правой ноги, заставивший его слечь в постель.

В январе и феврале 1923 года в состоянии здоровья ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА наблюдались колебания то в сторону улучшения, то в направлении ухудшения. В феврале ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ еще диктовал свои политические статьи.

9 марта развился тяжелый приступ паралича правой половины тела с резким поражением речи, сразу принявший стойкий характер.

В середине мая в расчете на благотворное действие воздуха ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ был перевезен в «Горки», где он оставался все последующее время своей болезни. В «Горках» сначала наступило некоторое улучшение, но во второй половине июня появилось обострение болезненного процесса, с явлениями возбуждения и бессоницы, что продолжалось около месяца. Во второй половине июля болезненные явления затихли, и с этого времени начался период медленного и непрерывного улучшения. Ежедневно ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ совершал прогулки, катаясь в кресле по парку, был в хорошем настроении, аппетит и сон восстановились до нормальных размеров. Постепенно он начал ходить с посторонней помощью, а с начала августа оказалось возможным приступить к упражнениям для восстановления утраченной способности речи.

Эти упражнения производились систематически сначала врачами, а потом супругой ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА Надеждой Константиновной под руководством врачей, и она вела их почти до дня смерти ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА. Заботу о физическом благополучии больного с самого начала взяла на себя его сестра Мария Ильинична и неустанно продолжала это до последнего дня.

В сентябре ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ мог уже без посторонней помощи сходить с лестницы, и всходить на нее, держась за перила, а в октябре он самостоятельно ходил по комнате, опираясь на палку. В сентябре он почти ежедневно ездил на прогулку в лес на автомобиле и оставался на воздухе 2—3 часа.

Речь улучшалась постепенно; ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ежедневно брал газету, просматривал ее и указывал статьи, которые должны были ему прочитываться, причем живо интересовался их содержанием и ясно его усваивает. Хотя медленно и с трудом, но начинал упражняться в письме левой рукой.

С наступлением солнечных зимних дней ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ нередко ездил в санях в лес в сопровождении охотников. Во время этих прогулок был оживлен и весел. На рождестве была устроена елка для детей, на которой ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ присутствовал, был в хорошем настроении и заботился, чтобы детей не стесняли в их играх.

Можно было ожидать, что состояние здоровья ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА упрочивается, и улучшение, хотя и медленно, будет итти вперед. Однако вслед за кратковременным периодом предвестников, 21 января, в шесть часов вечера, разразилась катастрофа: почти в течение часа продолжался остро развившийся и бурно протекавший припадок, выразившийся в полной утрате сознания и в резком общем напряжении мускулатуры. В 6 час. 50 мин. последовал смертельный исход вследствие паралича дыхания при явлениях гипертермии (перегревание тела) до 42,3°. Смертельный исход был установлен присутствовавшими во время припадка и оказывавшими ему помощь профессорами Ферстером, Осиповым и д-ром Елистратовым.

С самого начала заболевания ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА и в течение всей его болезни принимались все меры для точного выяснения его болезненного состояния и восстановления его здоровья. Больной находился под постоянным наблюдением и пользованием врачей; периодически устраивались консилиумы, состоявшие из русских и заграничных профессоров и врачей, часть которых принимала длительное участие в лечении больного. Последний консилиум состоялся 15 января 1924 г. В пользовании ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА и в консилиумах принимали участие: профессор Даркшевич, профессор Ферстер, профессор Клемперер, профессор Борхардт, профессор Россолимо, проф. Крамер, д-р Кожевников, д-р Левин, д-р Гетье, проф. Минковский, проф. Струмпель, проф. Кеншер, проф. Нонке, проф. Бумке, д-р Елистратов, д-р Обух, д-р Розанов, проф. Авербах, проф. Осипов, проф. Бехтерев, д-р Доброгаев, проф. Кроль, проф. Фельдберг, д-р Попов и наркомздрав Семашко.

Вскрытие тела покойного ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА было произведено 22 января проф. Абрикосовым в присутствии: проф. Ферстера, проф. Осипова, проф. Дешина, проф. Вейсброд, проф. Буник, д-ра Гетье, д-ра Елистратова, д-ра Розанова, д-ра Обуха, наркомздрава Семашко. Вскрытие обнаружило резко выраженный общий склероз сосудов, с особенно тяжелыми изменениями до степени обизвествления мозговых артерий, множественные и обширные очаги размягчений на почве артериосклероза в левом и отчасти в правом полушарии головного мозга; свежее кровоизлияние в области четверохолмия.

Данные вскрытия, а также истории болезни, устанавливают, что единственной основой болезни покойного ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА является распространенный

резко выраженный давний склероз сосудов мозга, явившийся последствием чрезмерной мозговой деятельности в связи с наследственным предрасположением к склерозу. Вследствие сужения просветов артерий мозга и нарушения его питания в зависимости от недостаточного притока крови развивались очаговые размягчения мозговой ткани, объясняющие все предшествующие симптомы болезни (параличи, расстройство речи). Непосредственной причиной смерти явились усиление расстройства кровообращения в головном мозгу и кровоизлияние в область четверохолмия.

Таким образом данные вскрытия выяснили, что у ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА имелся неизлечимый болезненный процесс сосудов, который несмотря на все принятые меры неминуемо должен был привести к роковому концу.

Проф. Ферстер.
Проф. Осипов.
Проф. Абрикосов.
Проф. Фельдберг.
Проф. Фейсброд.
Проф. Дешин.
Наркомздрав Н. Семашко.

Москва, 23 января 1924 г.

ВОЗЗВАНИЕ ИСПОЛКОМОВ КОМИНТЕРНА И ПРОФИНТЕРНА.

23 января 1924 года.

ЛЕНИН — НАШ БЕССМЕРТНЫЙ ВОЖДЬ.

Широкие массы революционных рабочих всего мира охвачены скорбью,— скорбью по ЛЕНИНУ, — величайшему из вождей рабочего движения. Но пусть эта скорбь не лишает нас мужества, товарищи. Вспомним с благодарностью о бессмертных заслугах его перед всемирным рабочим движением и, воодушевленные его великим примером, будем стремиться к осуществлению его исторических заветов.

Как МАРКС, так и ЛЕНИН, несмотря на его смерть, навсегда останется нашим вождем. МАРКС дал нам свое учение об освобожденном пролетариате, — ЛЕНИН повел пролетариат по пути победоносного осуществления этого учения.

ЛЕНИН создал победоносную революционную рабочую партию — Российскую Коммунистическую партию. С несокрушимой верой в революционную силу и будущность рабочего класса он трудился над созданием партии. Он создавал партию при невероятных трудностях и преследованиях, при непрестанной борьбе против царской деспотии, против глубоко вкоренившихся предрассудков, против предателей — «социалистов», лже-вождей рабочих масс. В этой долголетней борьбе он создал победоносную стратегию и тактику революционного марксизма и партийное оформление коммунистического движения.

В истории международного рабочего движения деятельность ЛЕНИНА открыла новую главу.

С первых же дней своей деятельности повел ЛЕНИН героическую борьбу против того изменнического, отравленного капитализмом духа, который господствовал в партиях Второго Интернационала. И когда в начале империалистической войны эти партии позорно пошли на службу к разбойничьим капиталистическим правительствам, ЛЕНИН с гениальным предвидением провозгласил исторический лозунг пролетарской мировой революции: «Империалистическая война должна превратиться в войну гражданскую».

Вооруженный безграничным революционным мужеством, вдохновленный железной волей к победе, повел он в 1917 году русский пролетариат на разрушение капиталистического государства.

Он первый из всех вождей современного рабочего движения ясно сознал историческое значение политического пробуждения крестьянства и необходимость создания тесного боевого союза между крестьянством и индустриальным пролетариатом при гегемонии последнего.

Раньше чем кто-либо другой он увидел в рабочих и крестьянских советах грядущую государственную форму диктатуры пролетариата. Он сплотил пролетариат вокруг лозунга: «Вся власть советам!» Он создал

советскую власть, он сделал все для ее укрепления, для освобождения ее от бешеного натиска окружающих ее несчетных врагов.

Никто из нас не забудет того удара, который был нанесен гнусным покушением на ЛЕНИНА в 1918 г. В нашей борьбе мы ни на минуту не забудем того, что предатели рабочего класса отравленной пулей хотели сразить нашего дорогого вождя.

И Коммунистический Интернационал был основан ЛЕНИНЫМ пять лет тому назад. ЛЕНИН тогда же указал нам, в чем должна состоять задача нашего Интернационала: «Осуществление вечных идеалов социализма и рабочего движения». И прежде всего это была задача его собственной жизни. Никогда еще история не видела более благородного примера глубокой преданности святому идеалу освободительной борьбы трудящихся масс. Никто никогда еще не сделал так много для осуществления этого идеала, как ЛЕНИН.

Своим руководством в Коммунистическом Интернационале он дал нам прочный базис для революционного рабочего движения всех стран. Этим базисом является прежде всего развитое им в теории и осуществленное на практике марксистское учение о государстве и революции, о диктатуре пролетариата, а также и его ясный анализ существа буржуазной демократии.

Его учение о демократическом централизме и данные им в 1903 году гениальные директивы об организации революционной работы еще и сейчас представляют собой величайшую ценность для нашей работы в этой области. Такой же величайшей ценностью являются для нас пророческие слова его последней речи на 4-м Всемирном конгрессе и его последняя статья о перспективах мировой революции.

Величайшее значение придавал он объединению под знаменем Коминтерна всех истинно революционных сил из различных лагерей и направлений старого рабочего движения. В один из самых серьезных моментов он дал нам лозунг завоевания масс, как необходимой предпосылки для завоевания власти и установления пролетарской диктатуры. Особое внимание уделял он революционному развитию Германии вплоть до самого последнего времени, когда мы все надеялись, что в Германии гордо подымет свою голову пролетарская революция.

ЛЕНИН был и навсегда останется бессмертным вождем пролетарской мировой революции.

Своим гениальным зорким взглядом он сумел оценить национальное пробуждение и революционный подъем народов Востока, борющегося против алчности к власти и золоту капиталистического империализма. Он отдавал себе полный отчет в мировом значении восстания народов Востока и неустанно работал над задачей привлечения их в ряды Коминтерна, и прежде всего его заслугой явится осуществление Коминтерном слов поэта: «С Интернационалом воспрянет род людской».

Подобную же чуткость проявлял ЛЕНИН в своем подходе к юношескому и женскому коммунистическому движению. Он ясно видел, что юношеское и женское движение нанесут последний удар главному врагу пролетарской революции — невежеству и пассивности масс.

Гигантскими шагами, — как это и предвидел ЛЕНИН, — идет вперед мировая пролетарская революция. Помня о ЛЕНИНЕ, мы должны напрячь все свои силы в борьбе против ига капитала.

Готовьтесь к боям, революционные пролетарии всех стран! Пусть ненависть к врагам коммунизма будет так же пламенна и вечна в наших сердцах, как любовь к ЛЕНИНУ!

На борьбу за полное осуществление заветов товарища ЛЕНИНА! К этой борьбе призывает Исполком Коминтерна все свои секции.

Мы обращаемся к миллионам наших товарищей по борьбе во всем мире с призывом: следуйте заветам ЛЕНИНА, которые продолжают жить в его партии и во всем, что создано трудом его жизни! Боритесь, как ЛЕНИН, и, как ЛЕНИН, вы победите!

ИСПОЛКОМ КОМИНТЕРНА.
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ БЮРО КРАСНОГО ПРОФИНТЕРНА.

КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ СОЮЗА ССР ОТ XI СЪЕЗДА СОВЕТОВ РСФСР

Не стало ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА. Величайший вождь пролетариата, его самый дорогой и любимый учитель, уже более четверти столетия указывавший ему путь и неуклонно шедший впереди пролетарской революции, закрыл глаза навеки. Нет больше среди нас несравненного нашего руководителя, столь близкого каждому рабочему и крестьянину, ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА.

Он болел долго и тяжело. Однако его смерть наступила внезапно. Его тяжкий недуг постепенно ослабевал, и казалось, что он находится на пути к выздоровлению. Его физические силы восстанавливались, он обнаруживал замечательную физическую бодрость. Но 21 января среди дня ему вдруг стало хуже. Прошло несколько часов, кровоизлияние в мозг решило судьбу ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА. В 6 ч. 50 м. он тихо скончался.

Кончилась богатая результатами жизнь величайшего революционного борца всех времен. Не было в истории более плодотворной жизни. В тридцатилетних трудах и борьбе ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ выковал несравненное орудие пролетарской диктатуры, Коммунистическую партию, и при ее помощи, как гениальный полководец, повел армию трудящихся к победе. Не было в истории событий, равных по своему значению нашей Октябрьской революции, положившей начало для всего человечества новой эре, свободному обществу братства и труда. Великий вождь, подготовивший Октябрьскую революцию, выбравший исторический момент, чтобы призвать трудящихся к завоеванию власти, научивший пролетариат осуществлять свою диктатуру и с бесподобным искусством проведший республику трудящихся через беспримерные испытания и руководивший постепенным развитием советского строя, оставил в судьбах человечества более глубокий след, чем кто-либо другой в истории.

Освобождение угнетенных и неполноправных национальностей представляет одну из главных идей учения ЛЕНИНА. Братский союз народов и товарищеское сотрудничество пролетариев всех стран и наций— вот чему учил нас т. ЛЕНИН. Эта идея легла в основу нашего Великого Союза Республик и его конституции.

Кончина т. ЛЕНИНА совпала с окончательным проведением в жизнь союзной конституции, означающей крупный шаг вперед советского строя и громадное увеличение внутреннего сплочения и внешнего могущества государства трудящихся. Второй Всесоюзный съезд соберется для того, чтобы завершить оформление Союза советских республик. Единая федерация рабоче-крестьяских республик крепко и незыблемо стоит, как непобедимая цитадель власти трудящихся.

Укрепление советского строя успело совершить гигантские успехи. Под его славными знаменами крепко сплотились трудящиеся массы со-

ветских республик, которые для рабочего класса всего света служат светлым маяком, образцом и примером. Под гениальным руководством ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА угнетенные массы бывшей России стали сами руководить своей судьбой и управлять своей великой страной, в то время как угнетенные классы и народы всего света увидели в нем своего вождя и учителя. Весь капиталистический мир с оружием в руках тщетно пытался подавить сопротивление рабочих и крестьян советских республик или взять их измором, голодом и холодом, посредством блокады. После неслыханных испытаний и трудностей шаг за шагом восстанавливается народное хозяйство советских республик, налаживается их внутреннее управление, растет благосостояние трудящихся, крепнет братский союз национальностей и развивается новая культура освобожденного труда. Внешнее положение советских республик становится с каждым днем более крепким и благоприятным, и ряд сильнейших правительств ведет или готовится вести с нашим Союзом переговоры об его полном юридическом признании. То дело, которому ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ отдал свою жизнь, твердо стоит, и никаким враждебным силам не удастся расшатать его.

Необозримая работа нам еще предстоит. Колоссальные трудности мы еще должны преодолеть. Мы еще должны справиться с бедностью, нищетой. Выполняя заветы ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА, вспоминая каждое его слово, твердо держась предуказанных им путей, мы со всеми врагами справимся и все преодолеем и выйдем победителями из ожидающей еще нас борьбы. Уже больше года ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ не принимал непосредственного участия в нашей работе, и наши враги, заранее торжествовавшие победу и надеявшиеся, что без его руководства погибнет советский строй, успели убедиться, что их надежды нелепы, их замыслы лишены всякой почвы.

Трудящиеся массы, взявшие в свои руки собственную судьбу, продолжают итти вперед по своему трудному пути без своего дорогого учителя и гениального вождя. В их сознательности, в их сплоченности, в их преданности своим великим идеалам, в их верности заветам ушедшего от них навеки учителя — залог их дальнейших успехов и их окончательной победы. С неослабной энергией и с железной твердостью пусть каждый из нас продолжает свою работу. Пусть память о незабвенном вожде удесятерит наши силы и поможет нам неуклонно итти дальше по правильному революционному пути. ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА нет, но он жив в сердцах каждого рабочего и каждого крестьянина!

Главное, чему учил нас ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ, это — необходимость неразрывного союза рабочих и крестьян. На протяжении всей революции т. ЛЕНИН пронес и защитил эту основную идею его жизни и учения. Пока рабочие и крестьяне шли врозь, буржуазия и помещики били и тех и других. Только союз рабочего класса и крестьянства под руководством партии, созданной т. ЛЕНИНЫМ, обеспечил победу над угнетателями народа. Впервые в 1917 году после Великой Октябрьской революции крестьянство России почувствовало себя свободным, низвергло гнет помещиков, осуществило великий земельный передел.

Союз рабочего класса и крестьянства закреплен был в Красной армии, которая сумела защитить крестьянскую землю и рабоче-крестьянскую власть. Союз рабочего класса и крестьянства обеспечит и впредь полную победу трудящихся.

Главный наказ, который дает советскому правительству XI Съезд советов в момент, когда мы потеряли ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА, это: беречь, как зеницу ока, союз рабочих и крестьян, всю политику страны вести так, чтобы союз этот становился все более крепким и неразрывным, ни на волос не отклоняться от политики т. ЛЕНИНА в этом коренном вопросе всей нашей жизни.

В этот тяжелый момент XI Съезд советов РСФСР обращается к вам, рабочие, крестьяне, красноармейцы, казаки, с призывом к неослабному единству и сплоченности под красным знаменем вашей советской власти. Совместными усилиями мы продолжим нашу работу и выполним то, что предначертал нам ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ.

Вечная память ему, поведшему всех трудящихся и угнетенных к победе!

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

ПРЕЗИДИУМ XI СЪЕЗДА СОВЕТОВ РСФСР.

Москва. 22 января 1924 г.

ОБРАЩЕНИЕ II ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

к трудящемуся человечеству.

Мы хороним ЛЕНИНА. Всемирный гений рабочей революции отлетел от нас. Великан мысли, воли, дела умер. Сотни миллионов рабочих, крестьян, колониальных рабов оплакивают смерть могучего вождя. Трудящиеся России, которых он сплотил, повел в победный бой, провел через все опасности своей мудрой, железной, властной рукой, сотнями тысяч толпятся у его смертного ложа. Со всех концов мира летят волны печали, траура и гнева. Враги, против которых вел бешеную борьбу пламенный революционер, невольно склоняют свои знамена. Все поняли, что закатилась яркая звезда человечества. Из гроба своего ЛЕНИН встал перед миром во весь свой гигантский рост.

На рубеже новой эпохи в веках будет стоять эта громадная фигура. Ибо ЛЕНИН был и будет, даже после своей физической смерти, вождем нового человечества, пророком, творцом нового мира.

Из столетий в столетия тянется череда мучительных попыток освобождения от гнета рабства и насилия. Но впервые во всемирной истории угнетенные классы вышли на арену борьбы и победили. Впервые они укрепили свою победу стальной броней пролетарской диктатуры. Впервые городской пролетарий, крестьянин-бедняк, забитый раб бывших царских колоний почувствовали себя хозяевами новой жизни, устроителями своей исторической судьбы. Впервые в человеческой истории трудящиеся массы увидели свою собственную силу: да, они могут победить! Да, они могут построить, и они построят царство труда, о котором мечтали лучшие, самые светлые головы человечества!

Отцом этого человечества уже давно назвали ЛЕНИНА порабощенные народы Азии. Своим любимейшим и мудрейшим вождем считает ЛЕНИНА революционный пролетариат Европы и Америки, великих цивилизованных континентов нашего времени. И в этой невиданной всемирно-исторической связи, в этом мировом союзе всех угнетенных, всех порабощенных, всех трудящихся лежит залог победы над капиталом, этой дьявольской помехой общественного развития.

Неукротимым вулканом революционной энергии был ЛЕНИН, за которым бушевало целое море подземной революционной лавы. Но, воспитав в себе все лучшее, что давала старая культура, имея в своих руках великолепное орудие марксистской теории, он, человек грозы и бури, вводил мощную, всесокрушающую стихию масс в гранитные берега революционной целесообразности и разума. Его способность к предвидению была колоссальна. Его уменье организовывать массы было изумительно. Он был самым великим полководцем всех стран, всех времен и всех народов. Он был полководцем нового человечества, освобождающего мир.

ЛЕНИН умер. Но ЛЕНИН жив в миллионах сердец. Он живет в могучем прибое человеческих масс. Он живет в великом союзе рабочих

и крестьян, пролетариев и угнетенных наций. Он живет в коллективном разуме коммунистических партий. Он живет в рабочей диктатуре, которая грозной твердыней стоит на границах Европы и Азии.

Умирает старый мир. Распластанной, изуродованной, искалеченной лежит древняя Европа, мать капиталистической цивилизации. Веками работал европейский капитал, создавая руками рабочих чудеса техники, рыскал по всему свету, порабощая миллионы, наступал своей железной пятой на оба полушария земли. Веками укреплял он на земле царство жадности и наживы, крови, грязи и порабощения. Но, запутавшись в своих собственных сетях, обратив свою технику и науку в средства чудовищного самоистребления, он дал первую гигантскую трещину в мировой войне. Расшаталась, закачалась, готова уже рухнуть дьявольская машина капитала. Ко дну тянет капитал всю Европу и весь мир. И только одна сила, великая, освобождающая, победоносная, может спасти его: это — сила трудовых масс, это — энергия и воля рабочего класса, ведущего и сплачивающего сотни миллионов.

Вождем этих основных масс человечества и был т. ЛЕНИН. Он имел все ключи к душам самой отсталой части рабочих и крестьян. Проникая в самую сердцевину человеческих пластов, он будил их самосознание, их классовый инстинкт, он выводил на дорогу самых забитых и угнетенных. Перед лицом сильных мира сего он бросил в поднимающиеся массы простой и безумно смелый лозунг: «Вся власть Советам!» И это чудо стало совершаться. Растет и крепнет союз наших государств. Для новой жизни поднимаются из самых глубоких низин новые люди, простые рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки. Они все больше, все чаще, все решительнее берутся за рычажки государственной власти, и шаг за шагом сменяют старое, дряхлое, негодное. После кровавых боев поднимается на ноги наша страна и растет царство труда, царство рабочих и крестьян.

Мы потеряли в ЛЕНИНЕ главного капитана нашего корабля. Эта потеря незаменима, ибо во всем мире не было такой светлой головы, такого громадного опыта, такой непреклонной воли, какие были у ЛЕНИНА. Но мы бесстрашно смотрим в грядущее. Рукой мастера провел т. ЛЕНИН наше государство сквозь строй самых крупных опасностей. Дело прочно поставлено на правильный путь. Сотни тысяч учеников ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА крепко держат великое знамя. Миллионы сплачиваются вокруг них. И даже самой физической смертью своей отдает ЛЕНИН свой последний приказ: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Товарищи и братья! Выше вздымайте наши красные знамена! Не знайте колебаний в нашей великой освободительной борьбе! «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир!» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Председатель II Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик

М. Калинин.

Секретарь II Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик

А. Енукидзе

Москва. 26 января 1924 г.

РЕЧЬ ТОВ. СТАЛИНА НА ЗАСЕДАНИИ II ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ 26 ЯНВАРЯ 1924 г.

Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала, Мы — те, которые составляют армию великого пролетарского стратега, армию тов. ЛЕНИНА. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является тов. ЛЕНИН. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны неимоверных лишений и героических усилий, — вот кто прежде всего должны быть членами такой партии. Вот почему партия ленинцев, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса.

Уходя от нас, тов. ЛЕНИН завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, тов. ЛЕНИН, что мы с честью выполним твою заповедь!

25 лет пестовал тов. ЛЕНИН нашу партию и выпестовал ее, как самую крепкую и самую закаленную в мире рабочую партию. Удары царизма и его опричников, бешенство буржуазии и помещиков, вооруженные нападения Колчака и Деникина, вооруженное вмешательство Англии и Франции, ложь и клевета стоустой буржуазной печати, — все эти скорпионы неизменно падали на голову нашей партии на протяжении четверти века. Но наша партия стояла, как утес, отражая бесчисленные удары врагов и ведя рабочий класс вперед, к победе. В жестоких боях выковала наша партия единство и сплоченность своих рядов. Единством и сплоченностью добилась она победы над врагами рабочего класса.

Уходя от нас, тов. ЛЕНИН завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, тов. ЛЕНИН, что мы с честью выполним и эту твою задачу!

Тяжела и невыносима доля рабочего класса. Мучительны и тягостны страдания трудящихся. Рабы и рабовладельцы, крепостные и крепостники, крестьяне и помещики, рабочие и капиталисты, угнетенные и угнетатели,— так строился мир с покон веков, таким он остается и теперь в громадном большинстве стран. Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступать, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унизительными. Только в нашей стране удалось угнетенным, задавленным массам трудящихся сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов и поставить на его место господство рабочих и крестьян. Вы знаете, товарищи, — и теперь весь мир признает это, — что этой гигантской борьбой руководил тов. ЛЕНИН и его партия. Величие ЛЕНИНА в том прежде всего и состоит, что он, создав Республику Советов, тем самым показал на деле угнетенным массам всего мира, что надежда на избавление не потеряна, что господство помещиков и капиталистов недолговечно, что царство труда м о ж н о создать усилиями самих трудящихся, что царство труда нужно создать н а з е м л е, а не на небе. Этим он зажег сердца рабочих и крестьян всего мира надеждой на освобождение. Этим и объясняется тот факт, что имя Ленина стало самым любимым именем трудящихся и эксплоатируемых масс.

Уходя от нас, тов. ЛЕНИН завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, тов. ЛЕНИН, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!

Диктатура пролетариата создалась в нашей стране на основе союза рабочих и крестьян. Это первая и коренная основа Республики Советов. Рабочие и крестьяне не могли бы победить капиталистов и помещиков без наличия такого союза.

Уходя от нас, тов. ЛЕНИН завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, тов. ЛЕНИН, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!

Второй основой Республики Советов является союз трудящихся национальностей нашей страны. Русские и украинцы, башкиры и белорусы, грузины и азербайджанцы, армяне и дагестанцы, татары и кир-

гизы, узбеки и туркмены, — все они одинаково заинтересованы в укреплении диктатуры пролетариата. Не только диктатура пролетариата избавляет эти народы от цепей и угнетения, но и эти народы избавляют нашу Республику Советов от козней и вылазок врагов рабочего класса своей беззаветной преданностью Республике Советов, своей готовностью жертвовать за нее. Вот почему тов. ЛЕНИН неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик.

Уходя от нас, тов. ЛЕНИН завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянемся тебе, тов. ЛЕНИН, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!

Третьей основой диктатуры пролетариата является наша Красная армия, наш Красный флот. ЛЕНИН не раз говорил нам, что передышка, отвоеванная нами у капиталистических государств, может оказаться кратковременной. ЛЕНИН не раз указывал нам, что укрепление Красной армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии. События, связанные с ультиматумом Керзона и с кризисом в Германии, лишний раз подтвердили, что ЛЕНИН был, как и всегда, прав. Поклянемся же товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную армию, наш Красный флот!

Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится незыблемо. В чем ее сила? Не только в том, что страна наша держится на союзе рабочих и крестьян, что она олицетворяет союз свободных национальностей, что ее защищает могучая рука Красной армии и Красного флота. Сила нашей страны, ее крепость, ее прочность состоят в том, что она имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира. Рабочие и крестьяне всего мира хотят сохранить Республику Советов, как стрелу, пущенную верной рукой тов. ЛЕНИНА в стан врагов, как опору своих надежд на избавление от гнета и эксплоатации, как верный маяк, указывающий им путь освобождения. Они хотят ее сохранить, и они не дадут ее разрушить помещикам и капиталистам. В этом наша сила. В этом сила трудящихся всех стран. В этом же слабость буржуазии всего мира.

ЛЕНИН никогда не смотрел на Республику Советов, как на самоцель. Он всегда рассматривал ее, как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока, как необходимое звено для облегчения победы трудящихся всего мира над капиталом. ЛЕНИН знал, что только такое понимание является правильным не только с точки зрения международной, но и с точки зрения сохранения самой Республики Советов. ЛЕНИН знал, что только таким путем можно воспламенить сердца трудящихся всего мира к решительным боям за освобождение. Вот почему он, гениальнейший из гениальных вождей пролетариата, на другой же день после пролетарской диктатуры заложил фундамент Интернационала рабочих. Вот почему он не уставал расширять и укреплять союз трудящихся всего мира, Коммунистический Интернационал.

Вы видели за эти дни паломничество к гробу тов. ЛЕНИНА десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле тов. ЛЕНИНА. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света для того, чтобы засвидетельствовать, что ЛЕНИН был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара.

Уходя от нас, тов. ЛЕНИН завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, тов. ЛЕНИН, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал!

ОТКЛИКИ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН НА СМЕРТЬ В. И. ЛЕНИНА

I

Резолюция общего собрания рабочих и служащих петроградского завода «Большевик» 23 января 1924 г. [1])

Мы, рабочие и работницы завода «Большевик», собравшись в количестве четырех тысяч человек и заслушав сообщение о смерти дорогого вождя Владимира Ильича, постановили.

Мировой пролетариат понес в лице Владимира Ильича неоценимую утрату как учителя, вождя и друга.

Владимир Ильич умер, но его идеи, его дух с нами, они приведут нас ближайшими путями в царство социализма.

Мы, верные заветам Ильича, еще больше укрепим наш союз с крестьянством, крепче сомкнем свои ряды вокруг РКП(б) и начатое Ильичом дело доведем до победного конца!

Мы ходатайствуем, чтобы колыбель нашей социалистической революции — Петроград носила почетное имя товарища Ленина и чтобы сам он был похоронен в этом городе, откуда он руководил ходом революции в Петрограде.

Да здравствует ленинизм!

Да здравствует мировая социалистическая революция!

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

Из протокола общезаводского собрания рабочих и служащих Балтзавода 23 января 1924 г. [2])

Умер гениальный, всемирный, любимейший вождь рабочего класса.

Умер на великое горе рабочих всего мира и на радость врагам рабочего класса глава рабочего движения всего мира.

Но мы заявляем на весь мир: как ни тяжела для нас потеря Владимира Ильича, мы рук не опустим! Все радующиеся и на этот раз впадут в обман.

Начатое Лениным дело освобождения мирового пролетариата от гнета капитала и его приспешников мы будем продолжать, еще теснее сплотившись, с удесятеренной энергией, до тех пор, пока знамя коммунизма не будет развеваться на всем земном шаре!

Ленин умер, но он бессмертен среди нас!

Да здравствует ленинизм!

Да здравствует Российская Коммунистическая Партия!

Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

Да здравствует Всемирный Союз Советов!

---

[1]) ЛОАУ, фонд обл. ком. ВСРМ, 1924 г., д. № 12, л. 278.

[2]) Там же, л. 182.

Добавление к резолюции:

1) Просить губисполком и губком РКП ходатайствовать в Москве разрешить похороны т. Ленина в Питере, где он начал открытую борьбу с капиталистами и буржуазией.

2) Просить Петроградский совет и губисполком переименовать Петроград в Ленинград.

3) Провести по заводу добровольную подписку на венок т. Ленину, с вычетом из получки. Выборы делегатов, для возложения венка, поручить завкому.

Резолюция и все три добавления приняты единогласно.

Из протокола экстренного общего собрания рабочих завода «Красный треугольник» 23 января 1924 г.[1])

По заслушании информации о смерти вождя и учителя Владимира Ильича Ленина дано следующее обещание пролетариата завода:

«Нашего дорогого учителя и вождя, самого гениального и самоотверженного, самого простого и понятного всем, неизменного товарища всемирного рабочего класса, товарища Ленина не стало!

Совершилось то, чего мы так боялись! Он умер!

Будет радость у толстых буржуев, у жирных банкиров, у подлых хищников мирового грабежа.

Но пусть не радуются, проклятые, Ленин умер, но идеи его вечны!

Великая скорбь охватывает нас, но мы смело и неуклонно, стальными шеренгами бойцов, пойдем к новым боям и новым победам. Нет и не будет такой силы, которая бы внесла смятение в наши ряды!

Мы, рабочие и работницы завода «Красный треугольник», кляпемся еще теснее, еще крепче сомкнуть свои пролетарские ряды вокруг верных учеников и преемников товарища Ленина Российской Коммунистической Партии (большевиков) и штаба мировой революции — III Коммунистического Интернационала.

Мы заявляем всем врагам нашим, стремящимся загубить дело революций, завоеванное пролетариатом под руководством т. Ленина, что не выпустим красного знамени из рук до полной победы коммунизма на всем земном шаре!

Тов. Ленин умер, но он жив и будет жить в наших сердцах!

Да здравствует ленинизм во всем мире!».

Вынесена резолюция:

«Мы, рабочие и работницы завода «Красный треугольник», заслушав сообщение о смерти горячо любимого учителя и вождя мирового пролетариата товарища Ленина, даем пролетарское обещание выполнить его заветы.

Одновременно с сим, считая, что колыбелью революции является Красный Питер, что большая часть деятельности т. Ленина прошла среди питерских пролетариев, учителем и руководителем которых он был в течение долгих лет, и что в Питере рукою Ильича был зажжен костер русской и мировой революции, мы просим Петроградский губисполком и Петроградский губком РКП(б) возбудить ходатайство перед ВЦИК о перевезении тела Ильича в Петроград и о переименовании города Петрограда в Город Ленина.

Во время пролетарской великой скорби никто не должен предаваться веселью, мы просим поэтому губисполком о закрытии всех зрелищ, ресторанов, пивных и кафе на текущую неделю.

---

[1]) ЛОАУ, фонд Лен. губ. отд. союза химиков, 1924 г., д. № 26, л. 1.

Одновременно обращаемся с призывом к товарищам рабочим и работницам города Петрограда поддержать настоящую резолюцию и дать пролетарское обещание довести дело, начатое т. Лениным, до победного конца».

Пролетарское обещание и резолюция принимаются единогласно.

Резолюция общего собрания рабочих и служащих московского завода «Шарикоподшипник СКФ» 23 января 1924 г.[1])

Заслушав доклад о смерти нашего дорогого вождя Владимира Ильича Ленина, мы, беспартийные рабочие завода «Шарикоподшипник СКФ», выражая глубокое прискорбие о совершившемся событии — смерти дорогого нам вождя Владимира Ильича, говорим, что этот удар и эта потеря нашего рулевого революции больно отозвались в наших сердцах. Но в то же время мы выражаем уверенность, что наши вожди в лице Коммунистической партии доведут до конца те идеи и те заветы, которые нам начертал наш дорогой Ильич, т. е. торжество всемирной революции и уничтожение рабства на земле, и поэтому мы считаем и говорим, что теперь, после утери нашего вождя, мы должны еще более напречь усилия к тому, чтобы все трудящиеся Союза Советских Республик сплелись воедино под руководством наших вождей в лице ЦК партии; при теснейшей связи с трудящимися массами довести до конца то великое дело, которое начал Владимир Ильич! И всем тем, кто теперь, быть может, радуется нашему несчастью и кто захочет посягнуть на нашу свободу, дать достойнейший отпор!

Резолюция общего собрания рабочих и служащих 1-й МГЭС им. т. Смидовича и МОГЭС 23 января 1924 г.[2])

Общее собрание работников 1-й МГЭС и МОГЭС считает, что великую потерю, понесенную международным и российским пролетариатом в лице Владимира Ильича, мы можем возместить только отдав свои лучшие силы Российской Коммунистической Партии и удесятерив свою сплоченность вокруг Ленинской партии РКП, рука об руку с которой выполнять великие заветы Ильича.

В партию, с партией и за партию — наш очередной лозунг!

Вместо венка тов. Ленину организовать фонд памяти Ленина по ликвидации безграмотности, организовав сбор и отчисления среди работников.

Резолюция собрания рабочих и служащих фабрики «Парижская коммуна» 23 января 1924 г.[3])

Смерть Ленина — самый тяжелый удар, постигший трудящихся Советского Союза и всего мира — с болью отозвалась в сердце каждого рабочего и крестьянина не только у нас, но и во всем мире. Со смертью т. Ленина налагается на каждого из нас больше обязанностей в деле проведения в жизнь его указаний. У твоей могилы мы говорим: ты вывел нас на верную дорогу, и мы сплоченными рядами дойдем до коммунизма!

Мы уверены, что путем Ленина советская власть победит, победит во всем мире.

Общее собрание рабочих и служащих 1-й Государственной обувной фабрики «Парижская коммуна» призывает рабочих сплотиться вокруг Советской власти, РКП(б) и профсоюза, — сохраняя полное спокойствие итти по всем их указаниям. С именем Ленина мы твердо будем стоять на страже завоеваний пролетарской революции и напряжем свою волю к победе над мировой буржуазией!

---

1) МОАУ, фонд Мосрайкома союза металлистов, д. № 114, 1924 г.

2) Там же, д. № 1061, 1924 г.

3) МОАУ, Материалы памяти В. И. Ленина и погибших борцов революции, л. 66.

Резолюция общего собрания рабочих фабрики «Краснопрядильщик» 24 января 1924 г. [1])

Глубока скорбь, тяжело горе и велика печаль осиротелых пролетариев!

Умер великий Ленин, наш вождь, наш брат и отец!

Его жизнь — подвиг и забота о страждущих братьях. Его революционные и боевые дела нашли свое бессмертное выражение в успехе пролетарской диктатуры.

Его труды остались человечеству не только в его сочинениях, служащих тому же делу освобождения трудящихся; его труды, его наследство мы видим в лице стальной и могучей, созданной им, Рабочей Российской Коммунистической Партии.

Лучшим памятником от каждого рабочего явится вступление в ряды этой Ленинской партии.

Достойным памятником Ленину будет мировая пролетарская революция и коммунизм на всем земном шаре.

Мы, рабочие и работницы «Красного прядильщика», призываем всех трудящихся революционным делом и повседневным трудом немедленно с удесятеренной энергией приступить к постройке этого Ленинского памятника!

Ленин умер, но осталась созданная им Коммунистическая партия!

Сплотим теснее вокруг нее наши ряды!

Да здравствует Ленинская Коммунистическая партия!

Да здравствует рабочий класс Союза Советских Республик!

Резолюция общего собрания рабочих и служащих 2-го Арматурного завода Трансмосторга 26 января 1924 г. [2])

Проклятая смерть остановила биение столь дорогого нам сердца Ильича. Она неуклонно его подстерегала втечение двух лет, она прекратила работу мозга, отдавшего все свои мысли на улучшение положения рабочего класса мира.

Дорогой Ильич, не услышим мы больше твоих слов — как молотом, добивающих буржуазию и теплотою согревающих наши сердца! Ты начал великое дело освобождения трудящихся и верь нам, на смену идущим, что не уныние и растерянность господствует среди нас, но твердая уверенность итти по освещенному тобою пути, с каждым днем расширяя этот путь.

Осиротевшая партия, не думай, что с потерею своего рулевого ты останешься одинокою—нет, мы, беспартийные, вливаемся в твои ряды для коллективного творчества и, скованные железною пролетарскою дисциплиною и единством партии, пойдем вместе под твоим водительством для дел, начатых Владимиром Ильичом Лениным!

Из протокола экстренного собрания рабочих-металлистов г. Тюмени 23 января 1923 г. [3])

Общее собрание металлистов гор. Тюмени с болью в сердцах рабочей массы приняло печальную весть о кончине великого, горячо любимого вождя мировой революции и всех трудящихся Владимира Ильича тов. Ленина. Мы все в единодушии стойко и непоколебимо перенесем этот тяжелый удар, постигший трудящихся Советского союза, и заявляем, что Ильича среди нас нет, но его дело оста-

---

[1]) МОАУ, фонд Моск. губ. отд. союза текстильщиков, д. № 1127, 1924 г.

[2]) МОАУ, фонд Замоскворец. совета, д. № 996, 1924 г.

[3]) Архив профсоюзов, фонд № 20, д. № 268, 1924 г., л. 26.

нется незыблемым. Выражаем до глубины души свое соболезнование по поводу смерти горячо любимого вождя трудящихся. Еще заявляем, что его смерть еще более нас сплотит вокруг Советского правительства и руководительницы рабочей революции — Коммунистической партии.

Вечная память великому вождю Владимиру Ильичу тов. Ленину!

Резолюции, вынесенные на собраниях заводов Ярославской металлопромышленности 24—26 января 1924 г.[1])

1 ГАРЗ

В этот тяжелый для трудящихся СССР момент, в связи с кончиной любимого вождя В. И. Ленина, все трудящиеся должны заполнить собою коллективно то место, где был тов. Ленин, и свято и нерушимо хранить его заветы непоколебимости рабочего класса в борьбе с капиталистами, которые в связи с кончиной Ильича и последней дискуссией будут пытаться оскалить свои хищные зубы на рабочий класс. Мы во всеуслышание заявляем, что партия РКП(б) должна крепко, сплоченно вести нас, не теряя инициативы, к победе над капиталом. Не время сейчас дискуссировать, когда требуется, засучив рукава, работать, не покладая рук. Этого требуем мы, рабочие, которые доверили свое завоевание РКП(б)!

Вечная память вождю мирового пролетариата В. И. Ленину!

Да здравствует крепкая, мощная и единодушная РКП, в ряды которой мы вольем пополнение честнейших и лучших из нас!

Ильич умер, но дело его с нами!

После смерти тов. Ленина, чтя его память, как великого вождя и учителя, мы, рабочие и служащие, сплотимся, как один человек, вокруг нашей Коммунистической партии для проведения заветов нашего дорогого Ильича.

Дорогой Ильич, ты умер, но имя твое не умрет и дело, начатое тобою, доведем до конца!

СУДОВЕРФЬ

Мы, рабочие и служащие Ярославской судостроительной верфи, с глубокой скорбью чувствуем ту тяжелую утрату, которую понесла не только наша Республика, но и весь мировой пролетариат в лице В. И. Ленина. Мы глубоко уверены, что его идеи и ученье не умрут. Мы, беспартийные товарищи рабочие и служащие, заявляем, что мы должны еще крепче и плотнее сомкнуть свои ряды под руководством РКП(б) и Советов и продолжать начатое тов. Лениным дело до полной победы над буржуазией всего мира.

Мы чувствуем, что в нашей стойкости и сплоченности — залог этой победы.

Спи, дорогой учитель и вождь, Владимир Ильич, мы помним и будем исполнять твои заветы!

ЗАВОД ВЕСТИНГАУЗА

Рабочие и служащие, а также все население завода Вестингауза, получив печальную весть о смерти дорогого нашего вождя Владимира Ильича, с глубокой скорбью выражает свое соболезнование ЦК РКП(б), Коминтерну и уважаемой супруге вождя мирового пролетариата. Сознавая незаменимую потерю в лице Ильича и чрезвычайную ответственность, которая встает перед ЦК РКП(б) и Коминтерном за судьбы мирового пролетариата, мы, рабочие и служащие и все

---

[1]) Архив профсоюзов, фонд № 20, д. № 268, 1924 г.

население, даем клятву честно и неуклонно проводить в жизнь заветы Ильича, вполне сознавая, что заменить Ильича может лишь вся партия и весь пролетариат.

Мы, рабочие, отвечая на постигший нас удар массовым вступлением в РКП(б), призываем всех, для кого дорог Ильич, теснее сплотить ряды вокруг РКП(б) и оберегать штаб мировой революции!

Резолюция 4-й районной конференции металлистов Надеждинского района 29 января 1924 г. [1])

Четвертая районная конференция металлистов Надеждинского района, собравшаяся в дни большой скорби пролетариата России и всего мира, дни, когда великий учитель и вождь Ленин кончил свой жизненный путь, от имени шестнадцати тысяч металлистов Надеждинского района выражает твердую веру в то, что рабочие, организованные в свои батальоны борьбы — профсоюзы, под руководством великой Коммунистической партии, понесут дальше знамя Ильича и дело его передадут из поколения в поколение. Пусть имя Ленина будет маяком для рабочих всех стран востока, запада, юга и севера! Пусть самые далекие уголки земли с трепетом произносят это великое имя! Да здравствует Партия, вождем которой был Ильич! Да здравствует власть Советов, созданная им!

Из протокола общего собрания Якутского союза рабочих металлистов 3 февраля 1924 г. [2])

Якутский союз рабочих металлистов глубоко тронут смертью т. Ленина В. И., великого и верного вождя всех угнетенных и эксплоатируемых рабочих и крестьян всего мира, который светлым факелом осветил путь к благосостоянию рабочего класса, к правде и борьбе за конечный идеал коммунизма, и мы, рабочие металлисты, строго должны итти по этой дороге и учить тех, кто еще находится в недоумении в вопросах коммунизма.

Пусть противник не надеется, что смерть т. Ильича видоизменит политическое направление — она поставит его на твердый пьедестал и укрепит в сердцах рабочих и крестьян заветы безвременно погибшего т. Ильича, которые обязательны и непоколебимы для нас.

Союз клянется памятью т. Ильича над его святой могилой, что завоеванную власть советов не отдадим врагу никогда и будем бороться, подбодряемые памятью бессмертного для нас Ильича, до последней капли крови.

Спи, незабвенный и славный учитель и светоч жизни пролетарской массы, Владимир Ильич, безвременно погибший ради нас, рабочих!

Принять пожелание в связи со смертью Ильича пополнить ряды Коммунистической партии, чтобы более сплотиться в дружный кружок и работать совместно с РКП(б), созданной умершим т. Ильичом. (Решение единогласно).

Провести подписной лист на сбор пожертвований на устройство воздушной эскадры имени тов. В. И. Ленина.

Телеграмма шахтеров Грушевского рудоуправления Донбасса ЦК РКП(б), ЦК КП(б)У Съезду Советов Союза Сов. Социалистических Республик, ЦК ВСГ 23 января 1924 г. [3])

С тяжелым чувством глубокого волнения получили мы, шахтеры Грушевского рудоправления Донбасса, печальную весть о смерти горячо любимого вождя миро-

[1]) Там же, л. 12.
[2]) Архив профсоюзов, фонд ЦК металлистов, 1924 г., д. № 41.
[3]) Архив профсоюзов, фонд № 9, д. № 88, 1924 г., св. 10, л. 25.

вой революции Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Память о нем будет всегда в сердцах наших; его заветы и ученье будут путеводной звездой нашей дальнейшей работы по социалистическому строительству.

Смерть вырвала из рядов трудящихся вождя, много лет стоявшего у руля революционного движения и власти первой Республики труда. Но смерть дорогого Ильича не нарушит единства рабочего класса, руководимого крепкой, сильной и спаянной Коммунистической партией. Умер вождь трудящихся, но не умрут завоевания пролетариата, который с удвоенной энергией приступит к работе на трудовом фронте по восстановлению и развитию народного хозяйства республики. Мы, 8 000 шахтеров Грушевских рудников, заявляем, что не покладая рук будем работать в забоях и уступах, чтобы скорее приблизить час полного торжества труда и тем выполнить заветы умершего Владимира Ильича. Клянемся стоять на страже революционных завоеваний рабочего класса, добытых кровью наших товарищей, отцов и братьев!

В то же время предупреждаем всех наших классовых врагов, что в любой момент, по зову рабоче-крестьянской власти и Коммунистической партии, мы готовы сменить наши обушки на винтовки и выступить на защиту интересов мирового пролетариата. Недалек тот час, когда убийцы вождей революционного движения понесут должную кару от рук трудящихся.

Выражая искреннее пролетарское соболезнование по поводу смерти дорогого Владимира Ильича, мы твердо верим, что Коммунистическая партия и рабоче-крестьянское правительство выведут всех трудящихся Союзных республик на светлую дорогу социализма.

Да здравствует ЦК РКП(б)!

Да здравствует Съезд Советов Социалистических Республик Союза трудящихся!

Да здравствует мировая революция!

Из протокола общего собрания ячейки КП(б)У с участием беспартийных на руднике «Октябрьская революция» 24 января 1924 г.[1])

Постановили: послать телеграммы ЦК РКП(б) и Н. К. Крупской.

1) «Москва. Кремль. ЦК РКП(б). Общее собрание ячейки рудника «Октябрьская революция», совместно с беспартийными, с чувством тяжелой боли узнав о смерти дорогого вождя В. И. Ленина, считает своим долгом сообщить Центральному комитету, что эта тяжелая утрата еще более сплотит наши ряды под руководством ЦК РКП(б) и Коминтерна.

Мы требуем от своего ЦК в этот ответственный момент такого же единения и сплоченности, какой есть у нас на рудниках и заводах».

«Москва. Кремль. Н. К. Крупской. Общее собрание коммунистов рудника «Октябрьская революция», совместно с беспартийными, шлет вам сердечное соболезнование.

Вы потеряли спутника и вместе с нами вождя. Но будьте тверды, как мы, ибо дело Владимира Ильича не погибнет. Залог этому — созданная Ильичом РКП(б) и наши октябрьские завоевания».

Предложение об отчислении однодневного заработка принимается единогласно.

Предложение о посылке делегата для возложения венка на гроб вождя принимается единогласно.

Предложение о дополнительных, в случае надобности, отчислениях принимается единогласно.

---

[1]) Архив профсоюзов, фонд № 9, д. № 88, 1924 г., св. 10.

Резолюция общего собрания рабочих и служащих шахты № 1—2 Боково-Хрустальского рудоуправления Донбасса 26 января 1924 г. [1])

Заслушав доклад на общем собрании рабочих и служащих шахты № 1—2 при Боково-Хрустальском местном отделении ВСГ, биография Владимира Ильича Ленина, о его общественной, политической деятельности, о его значении в Октябрьской революции и с глубоким прискорбием отмечая смерть дорогого Ильича, говорим: вся энергия на проведение его заветов в жизнь! Но, твердо помня, что смерть Ильича может вызвать попытку западной буржуазии подавить установившуюся на твердой платформе действий революцию в России, мы, рабочие и служащие, заявляем, что пусть международная буржуазия не надеется на нашу растерянность, что в нужный момент мы все, как один, сплотясь вокруг руководящей нами Коммунистической партии, выступим для защиты прав и завоеваний мирового пролетариата, заветов и идей незабвенного Ильича!

Из протокола общего собрания рабочих и служащих Усольского сользавода (Урал) 30 января 1924 г. [2])

Мы, рабочие Усольского сользавода, заслушав доклад о т. Ленине в связи с его смертью, громко и во всеуслышание заявляем: в тяжкую для нас минуту потери величайшего вождя мировой социалистической революции мы, рабочие и работницы, единой дружной семьей сплотимся под знаменем РКП(б), той партии, которая научилась под руководством тов. Ленина побеждать, и пойдем по дороге, указанной нашим великим учителем Ильичом, до водворения власти трудящихся во всем мире!

Да здравствует РКП(б), твердо проводящая заветы тов. Ленина! Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Из протокола экстренного общего собрания рабочих и служащих вятской текстильной фабрики «Красный труд» 23 января 1924 г. [3])

1) Заслушав печальное сообщение о смерти великого, дорогого, всемирного вождя Коммунистической партии и рабочего класса Владимира Ильича Ленина, мы, общее собрание рабочих и служащих фабрики «Красный труд», выносим глубокое сожаление по Владимиру Ильичу и клянемся, что мы, с потерей нашего вождя Владимира Ильича, не падем духом, а будем еще сплоченнее, крепче и бдительнее. Пусть не радуются наши враги, враги рабочего класса над нашим великим горем, постигшим нас в день 21 января! Мы потеряли т. Ленина, но его идея жива и жить будет с нами до полной победы над мировым капиталом!

Спи спокойно, великий и дорогой наш вождь и товарищ, Владимир Ильич, твое учение, твои идеи и твои боевые лозунги мы гордо и честно выполним до победного конца во всем мире!

Да здравствует Коммунистическая партия, наш единственный вождь!

Да здравствует Третий Интернационал, могильщик всемирной буржуазии!

2) Просить Вятский губком РКП(б) послать телеграмму ЦК РКП(б): «С утратой нашего дорогого вождя Владимира Ильича Ленина, великого гения народов всего мира, поручаем заместить такового нашей Коммунистической партии в целом, к которой мы питаем полное доверие, и надеемся, что идею Ильича мы, рабочие, под руководством нашей Коммунистической партии, довершим до конца.

---

[1]) Архив профсоюзов, фонд № 9, д. № 88, 1924 г., св. 10, л. 9.
[2]) Там же, л. 50.
[3]) Архив профсоюзов, фонд № 7, д. № 137, 1924 г., л. 1.

С потерей Ильича мы, беспартийные рабочие, удвоим сплоченность, организованность в наших рядах и усилим доверие к партии и никакие козни мировой буржуазии нам будут не страшны.

Ильич умер — этим самым нас заставил проснуться, и теперь мы будем бдительны и зорки к развертывающимся революционным событиям на Западе и вовремя сумеем подать руку помощи нашим братьям пролетариям».

Резолюция общего собрания текстильщиков гг. Ростова и Нахичевани на Дону 23 января 1924 г. [1])

Общее собрание текстильщиков гг. Ростова и Нахичевани на Дону, с болью узнав о внезапной смерти любимого вождя Владимира Ильича, выражает уверенность, что II Съезд Советов СССР, помня заветы Ильича, справится с поставленными перед ним задачами так же, как справлялся под его руководством, и заявляет, что текстильщики с еще большей стойкостью пойдут по указанному Ильичом пути к победе мирового пролетариата над капиталом, и обещают, что лозунг Ильича о смычке рабочего класса с крестьянством они углубят под руководством детища Ильича — Российской Коммунистической партии (большевиков).

Да здравствует Российская Коммунистическая партия (большевиков)!

Да здравствует победа мирового пролетариата над капиталом!

Из протокола общего собрания рабочих и служащих, членов союза текстильщиков г. Оренбурга 1 февраля 1924 г. [2])

1) В тяжелые дни утраты нашего вождя Владимира Ильича, мы, текстильщики, в отпор надеждам буржуазии, призываем к тесному сплочению всего пролетариата, к созданию единой крепкой рабоче-крестьянской семьи. Мы твердо должны помнить заветы, данные нам, текстилям, Владимиром Ильичом: настойчивость, выдержка и стойкость в деле создания социализма. Рука об руку рабочего с крестьянином!

Каждый рабочий должен проникнуться сознанием, что он правит страной. Надо, чтобы каждый рабочий поэтому относился к труду, как единственному средству сохранить рабоче-крестьянскую власть.

Мы, текстильщики, являемся одним из наиболее важных проводников основной идеи Владимира Ильича — «смычка города с деревней». Нашими руками сотканный ситец, сработанное полотно по дешевой цене, дошедшее до крестьянина,— правильный и единственный путь достижения союза рабочего с крестьянином. Оренбургские текстильщики слышат призыв своего ЦК и отвечают: «Крепче и теснее мы, рабочие-текстильщики, станем плечо к плечу, теснее сомкнем свои ряды под знаменем союза и Коммунистической партии! К труду, неустанному труду во имя победы рабочих и крестьян!»

2) Поручить правлению организовать клуб в кратчайший срок. Назвать именем Владимира Ильича.

Резолюция общего собрания служащих, мастеровых и рабочих Купянского узла 27 января 1924 г. [3])

Заслушав доклад о жизни и деятельности вождя и гения рабочего класса Владимира Ильича Ленина, мы рабочие, служащие и граждане Купянского узла, с тяжелой болью переносим потерю дорогого нам Ильича. Теряя Ильича как челове-

---

1) Архив профсоюзов, фонд № 7, д. 128, 1924 г., л. 2.
2) Архив профсоюзов, фонд № 7, д. № 152, 1924 г., лл. 1—2.
3) Архив профсоюзов, фонд № 25, д. № 20, 1924 г., л. 26.

ка, мы не потеряем его заветы. Мы клянемся теснее сплотиться вокруг Коммунистической партии. Теряя Ильича, мы через коллективное усилие подойдем к мировой революции. Через коллектив мы пойдем к осуществлению социализма и тем самым осуществим заветы Ильича. Спи же, дорогой, дорогой вождь и товарищ Ильич! Все, что ты нам заповедал, мы проведем в жизнь! Мы не дадим буржуазии восторжествовать, твой образ всегда находится внутри нас!

Вперед же к победе, к социализму, к мировой революции! Вечная память Ильичу!

Да здравствует мировая революция!

Да здравствует союз рабочих и крестьян, являющийся залогом победы!

II

Из протокола общего собрания граждан дер. Мокино, Бедряжской волости, Рябковского района, Сарапульского округа, Уральской области 23 января 1924 г.

Заслушав доклад т. Зверева о смерти вождя всемирной революции т. Ленина-Ульянова В. И., мы, граждане данного селения нашей глухой деревушки Мокино, выносим следующую резолюцию:

«Впервые услыхав от т. Зверева, нашего уполномоченного общества, такую печальную для нас весть, что т. Ленин-Ульянов В. И. скончался скоропостижно в то время, когда уже мы ждали его вновь видеть за работой на посту председнаркома и СТО, продолжая зачатое им дело для блага трудового народа, — и вдруг такая весть, — с невыносимою печалью на сердце жалеем нашего дорогого вождя всемирной революции, который всеми силами боролся с врагами трудящихся масс за их освобождение и наилучшую жизнь всего мира.

Тов. Ленин умер, но имя его не умерло. Будем оплакивать и вспоминать везде и всюду, как родного отца Советской России, но жаль того, что мы далеко от Москвы и не можем придти на место его похорон, чтоб отдать ему последние слова: «Прощай, дорогой отец Владимир Ильич!» А также думаем, что не мы одни в глухой деревушке плачем и жалеем Владимира Ильича: когда услышит об этом весь мир, то горько всплачут трудящиеся массы.

Итак, т. Ленин В. И. умер, но его место займет другой вождь и будет продолжать работу по намеченному пути т. Ленина, но всемирная революция не умерла, а будет жить и разгораться по всему земному шару. И заканчиваем: «Смерть паразитам трудового народа! Да здравствует всемирная власть Советов с ее вождями и Коммунистической партией! Вечная память умершему вождю всемирной революции т. Ленину-Ульянову В. И.!»

Собрание закрыто с пением похоронного марша.

Из письма крестьянина Горской волости, Череповецкого уезда, П. Т. от 23 января 1924 г.

Пусть смотрит буржуазия на наше горе! Для них ничего нет радостного в этой тяжелой утрате. Мы еще раз покажем им, что трудовая Русь сильна и единодушна, что Ильич для нас, крестьян, был всем, был нашей гордостью.

Прощай, Ильич! Мы победим! Да здравствует мировая революция!

Из протокола собрания крестьян деревни Обуховки и Ушаковки Ратовской волости, Сызранского уезда, Симбирской губернии 24 января 1924 г.

Заслушав печальную телеграмму из Москвы о смерти нашего дорогого товарища и вождя Владимира Ильича Ленина, мы, крестьяне дд. Обуховки и Ушаковки

Ратовской волости, даем свое слово, что в день смерти Ильича — 21 января — будем чтить и вспоминать нашего бывшего вождя. Хотя Ильича теперь уж больше нет среди нас, но все крестьяне должны помнить, сколько он полезных и хороших дел сделал для крестьянства. Он всегда старался и шел по восстановлению и улучшению крестьянского хозяйства. Еще не так давно вся Россия была окружена врагами, которые хотели задавить нас и отнять у нас Ильича, но мы бросили соху и взялись за оружие, с оружием в руках мы не дали стереть с лица земли Советскую Россию, не дали также и Ильича. В то время нами руководил Ленин, и благодаря его умению и энергии, как ни старалась, как ни хитрила буржуазия почти всех государств, победить ей не удалось, и она,— надолго или нет,— но все-таки оставила нас в покое.

Мы знаем, что наш землячок Ильич много еще хотел сделать нового и хорошего для крестьянства, но преждевременная смерть не дала этого сделать. Мы чувствуем, что, когда мы здесь со слезами на глазах и трауром в душе встречаем весть о смерти нашего вождя, буржуазия других государств, а также и наша, у которой он отнял фабрики, заводы и другие ихние богатства, которые она наживала нашими мозолистыми руками, наоборот, радуется и веселится. Но мы заявляем во всеуслышание, что пусть она не радуется преждевременно! Хотя Владимир Ильич и помер и его больше нет среди нас, но идея его будет жить с нами, с нашими потомками и никогда не умрет.

Спи же спокойно, наш дорогой землячок, товарищ и вождь, и будь спокоен за свою идею! Знай, что ты трудился недаром, массы сумели и сумеют оценить твой труд!

Из письма крестьянина Рассказовской волости, Славгородского уезда, Омской губернии, И. А. К. «Какая получилась тревога в сибирской захолустной деревне»

22 января в 4 часа утра получена телеграмма о смерти Ильича. Один по одному граждане узнали о таком нещастии и стали собираться толпою. У многих слезы на глазах.

Когда волисполком объявил митинг по поводу смерти Ильича, то вся деревня с нетерпением ждала этой минуты. Когда открыли митинг и стали высказываться на тему, кто был Ленин и что он сделал для трудящихся, то все присутствующие плакали, и когда оратор выскажется, то сотни задавали вопросов на тему, не грозит ли опасность республике, не нападет ли на нее капитал.

Спустя несколько времени прислушивались к каждой поступающей бумажке в сельсовет, и также каждый старается посмотреть в газету, что делается в правительстве, и до сих пор деревня не прийдет в чувство от такой тревоги, и нет такого человека, чтобы не сожалел Ленина.

Из воспоминаний крестьянина А. (без адреса)

К нам в захолустье докатилась весть о смерти великого вождя трудящихся Владимира Ильича только 23 января 1924 г., т. е. на другой день как мы праздновали день 9 января (22), в тот момент, как мы вместе с предсоветом, секретарем комячейки и другими товарищами взялись за разборку здания под постройку клуба комсомола. Вдруг прибегает десятник и испуганно, дрожащим тоном, говорит: «Идить у исполком, там привызли якусь далыграму с пошты, шо умэр Ленин». Нас всех охватило остолбенение, и мы чуть ли не хором произнесли: «Что ты врешь? Этого быть не может!» Как будто, действительно, Ленин был бессмертным, но сами друг попереди друга бросились к совету, и, действительно, перед секретарем совета лежала телеграмма в траурном обводе. Мы брали, читали, бросали, не верили, потом опять брали, опять читали; сердца заекали, всех охватило тревожным волнением; у кого слезы, кто закусил губу, забегали во все стороны.

Нужно было готовиться отдать последнюю честь В. И. Это было в 2 часа дня. Я пошел в канцелярию комсомола писать траурные лозунги. Не прошло и 20 минут, как эта весть докатилась на окраину станицы. Ко мне прибегает один красноармеец 1918 г. (демобилизованный), весь почернел, не отдыхая спросил: «Василий, в чем дело? Правда, что умер В. И.?» Я, желая его успокоить, хотел скрыть от него. «Нет,— говорю,— это неправда», но страшные буквы «Спи, дорогой товарищ...» выдали меня. Он увидел их перед мной и только успел выскочить в другую комнату, упал на пол и залился слезами. Было так жутко, как будто конец мира, о котором проповедуют попы.

Еще больше было жутко и обидно, почему мы не там, в той шумной Москве, где лежит воевода, почему мы не можем его видеть, хотя бы на смертном одре, с закрытыми от нас уже навеки глазами.

На другой день был объявлен митинг, и развевались траурные знамена, наводившие на всех ужас и какую-то скорбь. К 9 часам собрались хлеборобы, желая отдать последний долг своему вождю, но жаль то, что, где ни искали материалов для докладов, нигде не могли найти, кроме листка отрывного календаря, где была его биография в 10—15 словах. После окончания митинга и шествия мы с предсоветом и секретарем комячейки отправились в коммуну (12 верст) для проведения митинга. Приехали, там был полон двор хлеборобов с окрестных хуторов. После митинга мы долго с ними беседовали. Они спрашивали: «А как же мы теперь будем жить без Ильича? Не заберет нас буржуй?» Мы, сколько могли, разъяснили и уехали домой.

Из письма крестьянина пос. Кинель, Самарского уезда, А. В. С. от 26 января 1924 г.

Помер наш дорогой и уважаемый нами Ильич, но пусть не чувствует буржуазия, что в связи со смертью Ильича будет успех в ихних интересах! Нет не будет! Ильич помер, но заветы его в наших сердцах — это путь к благому делу крестьянина.

Резолюция собрания крестьян сел. Богатырево, Сахтышской волости, Тейковского уезда, Иваново-Вознесенской губернии 27 января 1924 г.

Мы, граждане с. Богатырева, Сахтышской волости, Тайковского уезда, Иваново-Вознесенской губ., узнавши с глубокой скорбью о смерти великого учителя и вождя — вождя рабочих и крестьян — Владимира Ильича Ульянова-Ленина, собрались 27 января, в день похорон его, в своей избе-читальне почтить память умершего Ильича. Ленин будет и по смерти своей живым памятником в наших сердцах, и мысль о нем ободрит нас и удвоит нашу работу на устройство коммунистического общества,— мы претворим в жизнь учение великого учителя. Слившись в общем горе, постигшем мир бедняков, еще раз скажем: «Вечная память тебе, дорогой Владимир Ильич! Спи спокойно, дорогой наш вождь, и будь спокоен за то, что твое дело не умрет никогда среди нас, твоих сподвижников!»

В увековеченье же памяти великого Владимира Ильича Ленина переименовываем свою избу-читальню в читальню имени Владимира Ильича Ленина.

Из письма крестьянина поселка Ольгинского, Пановской волости, Тюкалинского уезда, Омской губернии, Е. К. от 28 января 1924 г.

Дабы увековечить память мирового вождя пролетариата, постановили переименовать свой поселок Ольгинский в поселок Ленин, ибо Ольгинский именовался в честь дочери царя Николая, и это нам было ненавистно.

Из письма крестьянина сел. Багаряк, Шадринского округа, П. О. от 29 января 1924 г.

В день похорон Владимира Ильича Ленина члены РКП(б), РКСМ, профсоюзов, дети, женщины и граждане села Багаряк, Шадринского округа, на митинге, после 4 часов дня, вынесли следующую резолюцию:

«В минуту отпуска гроба в землю Владимира Ильича Ульянова-Ленина мы, члены РКП(б), РКСМ, профсоюзов и граждане села Багаряк, с глубокой скорбью в сердцах преклоняемся с обнаженными головами перед открытой могилой великого вождя. Долой ликования буржуазии! Да здравствует Советская власть! Да здравствует ленинизм!

Желая воздвигнуть памятник тов. Ленину в селе Багаряк, поручаем районному комитету РКП(б) и районному исполнительному комитету приступить к работе по сбору средств на таковой, воздвигнув его в ближайшее время».

О постановке памятника Ильичу сами крестьяне вынесли ряд постановлений.

На митингах выступали беспартийные крестьяне-землеробы и со слезами на глазах говорили, что они потеряли великого человека.

Из письма за подписью «Ленинец» из сел. Елисаветовки, Екатерининской волости, Ростовского округа, Донской области, от 7 февраля 1924 г.

Граждане села Елисаветовки, Екатерининской волости, Ростовского округа, Донской области, заслушав на траурном собрании доклады тов. Бережного и Левченко о кончине Ильича, в своей резолюции дали клятву: проводить заветы Ильича до полной победы трудящихся над капиталом и постановили свое село Елисаветовку переименовать в Ленинское и воздвигнуть на площади памятник с надписью: «Незабвенному вождю и дорогому учителю В. И. Ленину».

Письмо крестьянина деревни Залавье, Чичерской волости, Гомельской губ., Г.П.И. от 15 февраля 1924 г.

Здравствуй, дорогой товарищ Мефодий![1]) Еще до вашего письма мы и все граждане узнали великое горе, что умер наш вождь Владимир Ильич. 22 января вечером была получена Залавским сельсоветом телеграмма и было прочитано на сходке о смерти Ильича. Когда была прочитана телеграмма, все стали задавать вопрос: что может сейчас быть с нашей республикой? Но кончалось одним, что Ленин умер, но учение его не умерло. Ты знаешь, Мефодий, что приходилось телеграмму читать на сходке несколько раз: кто опоздал чуть, то читай снова.

Я тебе приведу один факт из волостной конференции, где и мне пришлось участвовать. История происходила очень чудная, где после ораторов выступали крестьянские докладчики. Один старик, который имеет 60 лет, сказал так: «Все мы товарища Ленина жалеем и говорим о нем очень много, но мы, как крестьяне, должны почтить тов. Ленина, снять шапки и встать».

И все, как один, участвующие на конференции, сняли свои шапки и, как один, встали, и послышалось старику сильное рукоплескание. А другой факт такой: тоже один крестьянин лет 40, заслушав все доклады ораторов, взял слово и сказал: «Постигло нас большое горе, что умер тот человек, которому нет равного больше на земном шаре». Еще он добавил так, что сломалась у машины главная часть, и машинист дал тревожный гудок и собрались, говорит, туда все рабочие и крестьяне и спрашивали, в чем дело, а он ответил, что сломалась главная часть и нужно установить новую. Но не добрали такой части, которая могла заменить ту часть, которая сломалась, и пришлось установить на одну часть две. Но ту-

[1]) Адресат неизвестен.

док, как гул тревожно, так и гудет. Тов. Мефодий, поверь, что слова его были до того тревожные, что слышались вздохи среди крестьянских масс.

Дорогой товарищ Мефодий! Вот тебе привет от всех заславских крестьян и наказ, что вы, как Коммунистическая партия, вождь рабочих и крестьян, должны выполнять все заветы Ильича.

Кулацкие элементы все еще трепещут и не верют в крепкую силу совласти, но я им говорю всегда, что — погибнет солнце и луна, но совласть никогда, что каждый рабочий и каждый беднейший крестьянин верит в силу Коммунистической партии, как руководящей всей пролетарской массой. — Вы мне пишите что-нибудь, а я вам буду описывать все те дела, которые происходят в деревне и в волости. Передовые товарищи, выполняйте все те заветы, которые оставил нам тов. Ленин, выполняйте все его заветы крестьянским массам, чтобы были вы первые и по смерти Ленина!

Из письма крестьянина Успенской волости, Валуйского уезда, Воронежской губернии, И. Я. от 18 февраля 1924 г.

Крестьяне Успенской волости, Валуйского уезда, Воронежской губ., на своей волостной беспартийной конференции постановили: построить памятник нашему дорогому вождю-учителю Владимиру Ильичу Ленину. Вместе с постановлением открыта подписка по листам на добровольные пожертвования на постройку памятника. В первый час подписки подписались на 250 руб. золотом и надеюсь, что такое пожертвование будет продолжаться с горячим сознанием и сожалением об Ильиче.

Письмо члена коммуны «Дача», Русановской волости, Борисоглебского уезда, Тамбовской губернии, К. от [?] марта 1924 г.

3-го сего марта на общем собрании членов коммуны были разрешены следующие вопросы:

1) В партию Ленина. Докладчик, председатель коммуны И. В. Кузнецов, подходя к означенному вопросу, доложил следующее.

а) Являясь организатором и членом настоящей коммуны, я считал долгом провести в жизнь таковую, для чего и создал коллективное хозяйство из вас, более сознательных трудовых своих товарищей с детства, крестьян. В настоящее время мы уже выполнили свою работу на 80%; не выполненные еще 20% — в перевоспитании самых отставших и более престаревших членов, но они изживутся постепенно сами. Пятилетнее существование коммуны плюс пережитая нами гражданская война научили многому: последняя отняла от нас и уничтожила наши прежние имущества, ту прежнюю собственность, у которой мы жили вечными рабами. Нашему счастью помогло несчастье: бандитские нашествия, уничтожив наше прежнее достояние, помогли нам скорее забыть частную собственность, и мы стали коммунары.

б) Смерть нашего мирового вождя, пролетарского вождя, В. И. Ленина легла тяжелым камнем на сердца рабочих и нас, крестьян. Враги же наши — буржуазия, в противовес нашей печали, могут радоваться и пировать. Наш долг — усилить и сомкнуть теснее ряды Коммунистической партии, что у нас не только в России, а даже и за границей уже проделывается, но не крестьянами, а лишь только рабочими. Разве для них только дорога революция, а для крестьянина нет? Крестьянин увлекся своею несчастною собственностью и совершенно забыл про политику. Кому из вас приходилось читать газету, тот, наверно, невольно остановился перед вопросом: почему мы, крестьяне, не такие сознательные, как рабочие? Революция должна быть для всех одинаково важной, она дала рабочим фабрики и

заводы, а нам, крестьянам, землю. Таким образом, революция должна быть нам одинаково дорога, как и для рабочих, но в действительности мы видим далеко не сравненное. Цельные страницы газет заполнены постановлениями рабочих, входящих в партию Ленина (по случаю его смерти). Поэтому наш долг, как сознательных и передовых крестьян коммунаров, идущих по программе тов. Ленина, последовать примеру рабочих и повести за собой те темные крестьянские массы, между которых мы находимся. Мы должны сказать во всеуслышание, что нам тоже дорога революция и незабвенен ее вождь Владимир Ильич Ленин: мы идем в твою партию, т. е. в Российскую Коммунистическую партию, в ней наше спасение, и она избавит нас от прошлого вечного рабства.

Постановили: по случаю смерти нашего мирового вождя Владимира Ильича Ленина объявить в коммуне коллективную запись в члены РКП(б) (в партию Ленина) с 3-го сего марта и по 1-е мая с. г., просить уком об утверждении записавшихся в кандидаты.

Из письма крестьянина с. Чекуева, Мардинской волости, Онежского уезда, Архангельской губернии, А. А. П. от 25 марта 1924 г.

При Мардинской избе-читальне 19 марта открылся уголок Ленина, в котором имеются газеты и журналы, посвященные памяти Ильича, его портреты в разных позах и в разные периоды его жизни, а также есть «Ильич в гробу».

Роль, играемая этим уголком в жизни, заключается в том, что, смотря на эти газеты и портреты, каждый крестьянин невольно вспомнит всю жизнь своего вождя и учителя, который вывел крестьянство из-под гнета капитала.

А если кто не знает его биографии, то прочитает в лежащих газетах и журналах.

Из письма крестьянина станицы Морозовской Северо-Кавказского края, И.Ю.К. от 1 января 1926 г.

Утром 22 января 1924 г. среди крестьянства нашего района стала распространяться грустная весть о смерти великого учителя. Это известие передавалось из уст в уста как-то особенно жутко. Вообще наше крестьянство было сильно потрясено столь тяжелой утратой любимого и дорогого человека Владимира Ильича. Чувство и настроение крестьянства и вообще всего трудящегося населения было такое, что трудно выразить и передать словами. На лицах каждого можно было наблюдать только неизгладимую печаль. Из окрестных селений в тот момент было громадное стечение народа. Во время траурной процессии не менее 10 тысяч человек шли по улицам Морозовской с обнаженными и опущенными головами. Взрослые люди плакали, как дети.

В ознаменование памяти о Владимире Ильиче в нашем районе есть: 1) сельско-хозяйственная коммуна имени Ленина, 2) школа-семилетка имени Ленина, 3) районная библиотека имени Ленина. Несколько крестьянских хуторов носят название Ленина. Главная улица в районном центре имени Ленина, а также есть Ленинские уголки: при школах, клубах и библиотеках. Новорожденным дают имена в память Ленина: Владилен, Лена, Нинель и т. п.

Интерес к учению В. И. со стороны хлеборобов проявляется громадный. Все, что имеется из литературы, прочитывается с громадным интересом. Спрос на литературу большой. Больше спрашивают сочинения Ленина, что удовлетворяется библиотеками, избами-читальнями и красными уголками. Портреты Ленина встречаются в жилищах хлеборобов. Вообще интерес к учению Ленина большой и удовлетворяется по мере возможности. Имя Ленина знает не только все взрослое население, но и дети. Большинство Ленина понимают, как вождя революции, руко-

водившего борьбой пролетариата против буржуазии. Описать более подробно нет времени.

Из письма крестьянина станицы Смоленской, Северского района, Кубанского округа, Т.М.К. от [?] января 1926 г.

2 года тому назад, 21 января, наши хлеборобы услышали весть о смерти своего вождя т. Ленина. Весть эта произвела целую смуту среди хлеборобов. Многие не верили, чтобы Ленин умер, но, когда убедились точно, не выдерживали и плакали и говорили: «Как мы теперь сможем без него управлять государством?» А больше всего боялись, чтобы не напала буржуазия войной на советское государство, пользуясь случаем смерти т. Ленина.

Некоторые хлеборобы были в степи, а некоторые выезжали на работу, но когда услышали весть о смерти т. Ленина, то бросили работу и бежали к сельсовету узнать, в чем дело. Когда ему говорили, что умер Ленин, то он, ничего не говоря, или уходил, повесив голову, или стоял и в землю смотрел, как-будто что-то потерял и хотит найти, а женщины плакали и говорили: «Лучше б нас сто умерло, лишь бы был жив Ленин».

Многие старики казаки говорили: «Вот я никому не нужен и живу, а такой дорогой человек, как Ленин, умер». «Як бы, — каже, — можно було б, я сам бы умер, абы тильки Ленин воскрес».

Хлеборобы очень часто заходят в комнату Ленина, где много его портретов и расспрашивают и читают сами, как и для кого жил тов. Ленин. Особенно враждуют на Каплан, которая стоит и стреляет в Ленина возле автомобиля. Некоторые со злостью говорят: «Глаза ей выколоть, чтобы она не стреляла!»

Вот как наши хлеборобы отозвались на смерть т. Ленина и поныне не забывают за него и забыть, кажут, нельзя за такого доброго человека.

Много и таких хлеборобов, которые начали изучать учение т. Ленина. Уже прошли школы-передвижки, и есть стремление учиться дальше тому, чему учил т. Ленин, и проводить в жизнь ленинизм.

Из письма селькора [без адреса] 19 января 1926 г.

Наше село в ночь под 22 января получило печальную телеграмму о смерти Ильича. 22 января был собран митинг. Волостная ячейка РКП(б) много говорила о Владимире Ильиче. Крестьянство было, конечно, тронуто, но со стороны кулацкого элемента носились слухи, что Ленин умер и не удержится советская власть. Я сам был встревожен, и у сознательных крестьян являлись слезы на глазах. Много говорилось ячейкой о том, что мы можем уже жить без Ленина по-ленински. Конечно, большая была отдана почесть памяти Ленина.

В настоящее время на имя Ленина имеются школы, улицы, клуб и читальня.

Из письма селькора из сел. Брасова, Севского уезда, Брянской губернии от 28 января 1926 г.

В поселке Ново-Добрик, Брасовской волости, Севского уезда, Брянской губернии, на собрании в память траурных дней смерти Ильича, заслушав доклад о деятельности и биографию Владимира Ильича, постановили в память великого вождя, выполняя его заветы, приобрести трактор Фордзон для более совершенной обработки земли, для чего подали заявление местному агроному на имя Брянского губ. земуправления.

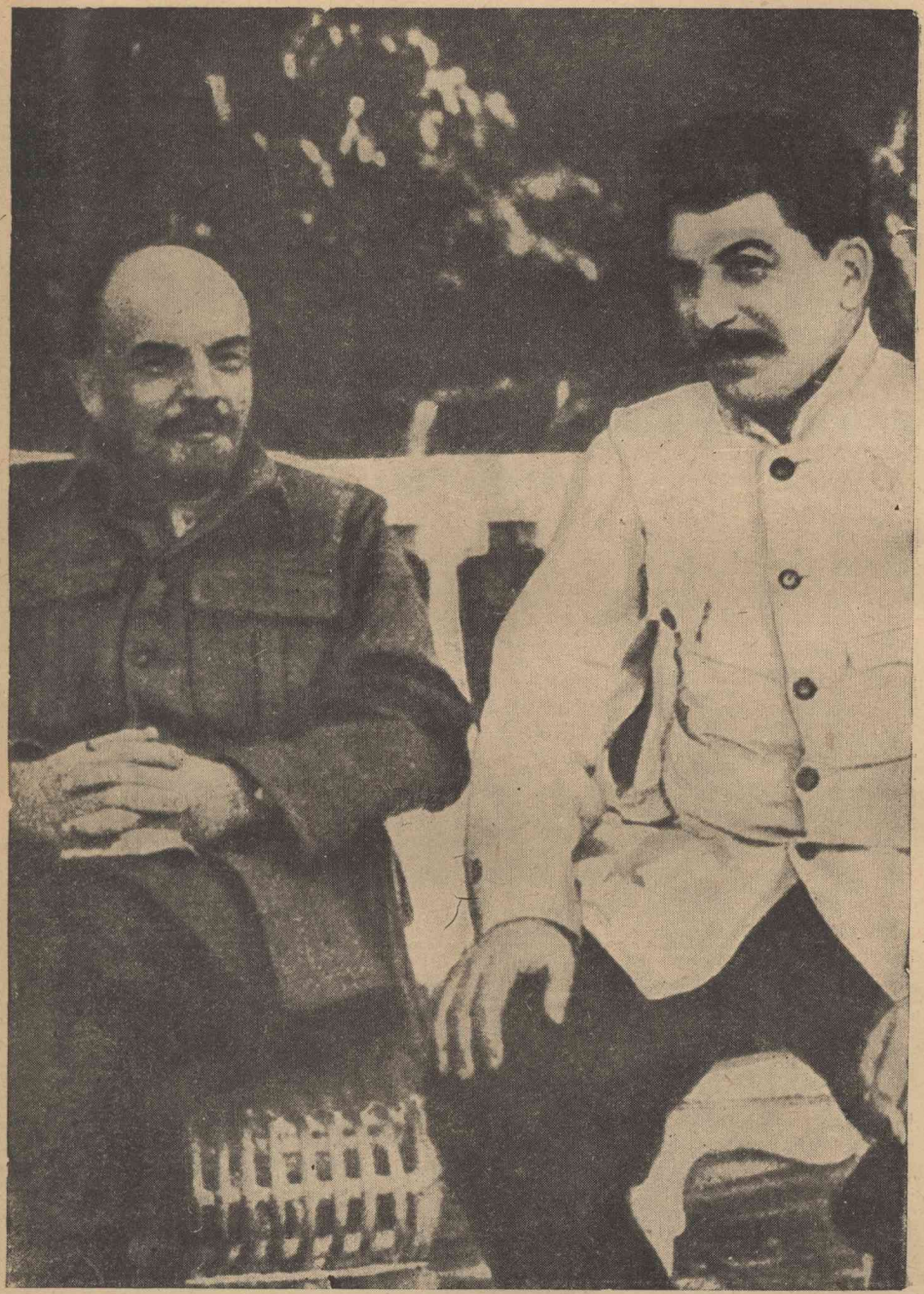
Из письма селькора Усть-Лабинского района, Северо-Кавказского края от [?] января 1926 г.

Два года тому назад крестьяне-бедняки и середняки Усть-Лабинского района, Братского сельсовета, Северо-Кавказского края, узнав о смерти Ильича, великого вождя трудового народа, с глубоким прискорбием встретили эту весть. Многие плакали. Кулачество смерть Ильича встретило ликованием. В настоящее время крестьяне-бедняки и середняки о предстоящей двухлетней годовщине смерти Ильича говорят так: «Ильич ушел от нас, но у нас есть могучий заместитель — партия РКП(б), которая нас будет вести по намеченному Владимиром Ильичом пути».

Из письма крестьянина сел. Сытой Буды, Новозыбковского уезда, Гомельской губернии, С. Г. от [?] марта 1926 г.

В селе Сытой Буде крестьяне часто поминают вождя Ленина. Крестьяне изучили биографию Владимира Ильича Ленина. В селе Сытой Буде вождя не забудут, и крестьяне часто будут его поминать. Крестьяне собираются в избу-читальню и вспоминают про Ленина. Они изучают его великие дела. Они говорят: «Будем бороться против буржуев, как Ленин нас учил!».

Крестьяне посылают своих детей в школу. Они говорят, что Ленин говорил перед смертью, что нужно учиться и учиться. Они также посылают своих детей в пионеры. Они говорят своим сынам: «Учитесь и становитесь юными ленинцами».



В. И. ЛЕНИН и И. В. СТАЛИН в ГОРКАХ
(1922 г.)

Архивные документы к биографии В. И. Ленина

(1887—1914)

Казань и Самара.

(1887—1893)

Телеграмма начальника Казанского губернского жандармского управления в департамент полиции от 4 декабря 1887 г. 3351 [1])

Сегодня сходка студентов и ветеринаров; в университете оскорблен действием студентом Алексеевым инспектор университета; 90 возвратили билеты; к четырем часам толпа разошлась без участия полиции. Ветеринары подали петицию; руководителей полагаю арестовать.

Полковник Гангардт.

Телеграмма казанского губернатора в департамент полиции от 4 декабря 1887 г. [2])

Студенты университета и ветеринарного института, в 12 часов дня, устроили сходку в здании университета, причем студент 1 курса юридического факультета Константин Александров Алексеев нанес оскорбление действием инспектору Потапову. Войска хотя были приготовлены, но участия не принимали. Студенты оставили здание университета в 4 часа вследствие убеждений ректора, но 99 возвратили билеты. Студенты ветеринарного института подали директору петицию. Следствие производится.

Из списка студентов, исключенных из Казанского университета за участие в сходке 4 декабря 1887 г. [3])

40. Ульянов Владимир. скрытный, невнимательный и даже невежливый, что очень поражало ввиду того, что он при окончании курса в гимназии получил золотую медаль. Еще за два дня до сходки подал повод подозревать его в подготовлении чего-то нехорошего: проводил время в курильной, беседуя с Зегржой, Ладыгиным и другими, уходил домой и снова возвращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще о чем-то шушукаясь; 4-го декабря бросился в актовый зал в первой партии, и вместе с Полянским первыми неслись по коридору 2-го этажа. Ввиду исключительных обстоятельств, в которых находится семья Ульянова, такое отношение его на сходке дало повод инспекции считать его вполне способным к различного рода противозаконным и даже преступным демонстрациям [3]).

---

[1]) ДП, III, 1887 г., д. № 662, ч. I, л. 44.

[2]) ДП, III, 1887 г., д. № 662, ч. I, л. 45.

[3]) Архив Казанского университета. Опубл. во II Ленинском сборнике, стр. 441—442.

Донесение начальника казанского губернского жандармского управления в департамент полиции от 4 декабря 1887 г. № 1441 [1])

Сего 4 декабря, в 12 часов дня, студенты Казанского ветеринарного института: 1 курса Константин Антонов Выгорницкий, 2 курса Александр Егоров Скворцов, 3 курса Николай Александров Мотовилов и того же курса Иван Иванов Воскресенский, находясь во главе толпы своих товарищей, подали г. директору института петицию по предметам, не относящимся собственно до этого учебного заведения, но в которой требовались отмена существующего университетского устава, признание за студентами права устраивать свои вспомогательные кассы, студенческие кухмистерские и т. п. [2]), затем, не производя беспорядков в здании ветеринарного института, участвовавшие в подаче петиции и все бывшие при этом студенты, с Выгорницким во главе, направились к императорскому казанскому университету, где тем временем студенты оного в количестве 150—200 человек, собравшись толпой, окружили с угрозами инспектора студентов г. Потапова, который, отступая перед напором студентов, выражавших ему различные порицания, вошел в свою канцелярию, куда за ним проникли и студенты, из которых бывший впереди студент 1 курса юридического факультета Константин Александров Алексеев, сын обер-офицера, уроженец Уфимской губернии, нанес г. Потапову, без всякого повода, оскорбление действием, ударив его по лицу, а затем кто-то из толпы, но, кто именно, осталось пока невыясненным, покушался нанести г. Потапову удар стулом, причем помощник инспектора г. Войцехович, отклонивший удар, получил ушиб руки. Прибывший затем ректор университета г. Кремлев, при участии некоторых профессоров, обратился с увещанием к студентам, производившим беспорядки, требуя, чтобы студенты прекратили оные и разошлись; увещания ректора продолжались около 3 часов, причем студенты, с своей стороны, требовали удаления инспектора г. Потапова, отмены университетского устава, разрешения устраивать вспомогательные кассы и кухмистерские, возвращения исключенных за последние годы студентов и привлечения к ответственности должностных лиц, содействовавших этому исключению и, наконец, чтобы настоящий их поступок остался безнаказанным, но все-таки к 4 часам пополудни, не производя иных насильственных действий и особых беспорядков, студенты разошлись, так что не представилось необходимости прибегать к содействию воинской команды, которая в составе одного батальона 7 пехотного Ревельского полка находилась в готовности во дворе соседнего с университетом здания казанского городского полицейского управления. При этом из числа производивших беспорядок студентов университета 90 человек тут же представили ректору свои входные билеты, заявив о нежелании оставаться долее в университете, прочие же участники беспорядка, присоединившись к этому заявлению, объяснили, что входные билеты их будут также представлены ими. Равным образом, без особых понудительных мер, разошлись к тому же времени и пришедшие к университету студенты Казанского ветеринарного института, которые во время беспорядка, не принимая в нем активного участия, находились на улице, подле здания университета, чем и ограничились для выражения своего сочувствия студентам оного. В самом

[1]) ДП, III, 1887 г., д. № 662, ч. I, л. 171.
[2]) Петицию см. ниже стр. 60.

же ветеринарном институте не произошло иного беспорядка, кроме подачи вышеупомянутой петиции, подписавшие которую и вообще обратившие на себя внимание своим поведением 17 студентов ветеринарного института, в представляемом списке поименованные [1]), по постановлению совета института, сего же числа из оного исключены, причем Выгорницкий, Скворцов и Мотовилов будут, по распоряжению г. казанского губернатора, арестованы впредь до отправления их на родину; остальным же, равным образом, предложено будет выехать из г. Казани также, как и студентам университета, которые будут подвергнуты исключению, каковую меру г. попечитель казанского учебного округа предполагает применить к большинству участников произведенного беспорядка, из которых против вышеупомянутого студента Константина Алексеева возбуждено судебное преследование. По распоряжению г. попечителя учебного округа Казанский университет временно закрыт до окончательного водворения спокойствия среди студентов, из которых сторонниками беспорядков было только меньшинство, причем и из этого меньшинства многие действовали под давлением товарищей.

Донося об изложенном, долгом считаю присовокупить, что во время вышеописанного беспорядка в Казанском университете среди студентов циркулировало составленное и отгектографированное неизвестными лицами воззвание, экземпляр которого при сем представляется [2]).

Полковник Гангардт.

Донесение казанского губернатора министру внутренних дел от 6 декабря 1887 г. № 1014 [3])

Ввиду студенческих беспорядков в г. Москве я своевременно сделал должное распоряжение о принятии надлежащих мер к предотвращению противозаконных сборищ студентов Казанского университета в портерных, кухмистерских и других частных домах, где, по обыкновению, у них бывают предварительные суждения. Кроме сего на всех пунктах, удобных для сборищ, был усилен полицейский пост, а командующему войсками казанского военного округа было сообщено о сделании распоряжений, чтобы на всякий случай был в готовности один из расположенных в Казани баталионов; при этом учебное начальство обязалось при первых признаках намерения студентов совершить беспорядок в здании университета тотчас же дать знать полицмейстеру.

4 числа сего декабря, в 12 часов дня, получил я известие, что во время лекций несколько из студентов, отворив двери аудитории, закричали: «На сходку». Это был, видимо, условный знак, вследствие которого большая часть молодежи бросилась в актовый зал, а меньшинство, и преимущественно студенты высших курсов, чтобы не быть участниками незаконных действий, удалились из университета. Беспорядок был произведен в присутствии инспектора и прочих членов инспекции, и, когда инспектор Потапов начал уговаривать студентов, чтобы они разошлись, студент 1 курса юридического факультета Константин Александров Алексеев, уроженец Златоустовского уезда и поступивший в Ка-

[1]) Список исключенных студентов ветеринарного института имеется в этом же деле (л. 174), а список исключенных студентов университета, среди которых значится и В. И. Ульянов, см. II Ленинский сборник, стр. 439—440.

[2]) Воззвание см. ниже, стр. 58.

[3]) ДП, III, 1887 г., д. № 662, ч. I, л. 180.

занский университет 11 августа сего года из уфимской гимназии, нанес удар рукою по лицу инспектора.

В то же время, то есть в 12 часов дня, и в ветеринарном институте собралось до 60 человек студентов с целью произвести беспорядок, но, вследствие убеждений директора, особых беспорядков не произвели, а ограничились подачей через студента Скворцова петиции, при сем представляемой в копии. После чего всей гурьбой отправились в университет и там присоединились к волновавшимся студентам.

Получив извещение о сказанных беспорядках и опасаясь главным образом столкновений простого народа, относящегося весьма недружелюбно к волнующейся молодежи, я тотчас же потребовал войска в полицейское здание, находившееся вблизи университета. Более трех часов университетское начальство убеждало студентов разойтись, и только в 4 часа пополудни волнующаяся молодежь вышла небольшими группами из университетского здания. К этому времени собравшаяся толпа народа по увещанию полиции разошлась, и на улице никаких беспорядков не было; но во время волнений студентов удалось полиции отобрать несколько экземпляров воззваний, один экземпляр которого при сем прилагается [1]). Виновники составления сего воззвания еще не разысканы, но дознание производится. Оставляя залу университета, 99 студентов возвратили инспекции имеемые ими билеты на право слушания лекций. Ныне попечитель учебного округа отношением за № 617 уведомил, что из лиц, участвовавших в беспорядках, исключено из университета пока 39 человек, а директор ветеринарного института сообщил, что из института исключено 17 студентов. Исключенным присланы списки, и о высылке их из Казани сделано уже надлежащее распоряжение.

Доводя о сем до сведения вашего сиятельства, долгом считаю почтительнейше доложить, что с сего числа чтение лекций в университете временно приостановлено, в институте же эти лекции были прекращены ранее ввиду производимых поверочных экзаменов; мера надзора за студентами мною усилена, и через полицейских чинов охраняются входы в здание университета и института, причем имеется наблюдение, дабы не было сделано каких-либо неблаговидных поступков противу попечителя, к которому студенты относятся недружелюбно.

Губернатор Андреевский.
Управляющий канцелярией Орлов.

Листовка казанских студентов [2])

Товарищи!

Тяжким бременем лег новый университетский устав [3]). Вас, питомцев дорогой «alma mater» вас, представителей молодой интеллигентной мысли, он отдал во власть шпионствующей инспекции, он сузил и ни-

---

[1]) См. ниже.

[2]) ДП, III, 1887 г., д. № 662, ч. I, л. 175-б. Воспроизводится с гектографированного оригинала.

[3]) Речь идет о реакционном уставе 1884 г., введенном при министре народного просвещения Делянове. Этим уставом от поступающих в университет требовалось представление свидетельства о безукоризненном поведении от местной полиции, в зданиях университета безусловно было запрещено устройство студенческих читален, столовых, концертов и др. публичных собраний, участие студентов в каких бы то ни было общественных кружках и т. д.

звел на «нет» значение профессорской коллегии, сделал из них учителей-чиновников, он ограничил доступ в университеты сыновьям бедных отцов, увеличив взнос за право слушания лекций, установив тяжелые условия при получении стипендий и т. д. Но это еще не все: циркуляр министерства народного просвещения от 18 июня 1887 г. лишил ваших юных братьев возможности получать даже гимназическое образование. Наконец, в событиях московских 23, 24, 25 ноября текущего года, когда лилась кровь наших товарищей (2 студента было убито), когда нагайки свистали над головами их, в этих событиях нанесено было позорное оскорбление всей русской интеллигентной молодежи. Казанские студенты! Неужели мы не встанем на защиту попранных прав наших университетов, неужели мы не выразим нашего протеста пред разыгравшейся во всю ширь реакцией? Мы верим в казанское студенчество и мы зовем его на открытый протест в стенах университета! [1])

---

[1]) В одном из перлюстрированных департаментом полиции писем очевидец об университетских событиях в Москве 1887 г. пишет:

«В воскресенье 22 с. м. [ноября 1887 г.] в зале дворянского собрания был студенческий концерт. Во время антракта между первым и вторым отделением, в то время, когда публика начала возвращаться на места, студент 3 курса юридического факультета Синявский приближается сзади к инспектору и окликает его по имени и отчеству. «Что вам угодно?», оборачивается к нему инспектор. «Вот что мне угодно от лица всех студентов!», отвечает студент, да влепил ему такую оплеуху, что тот еле на ногах удержался. Инспектора (Брызгалова), бледного, как смерть, вывели из зала. На поднявшийся в зале гвалт Синявский бросившимся к нему совершенно спокойно сказал: «К чему этот шум, ведь я не удираю. Сидите и слушайте музыку, а я с полицейскими пойду себе, куда мне нужно». Он вышел, его повезли и т. д. Брызгалов — чрезвычайно серьезный, несимпатичный, между студентами и даже в обществе недолюбливаемый человек.

Для того, чтобы выразить сочувствие поступку Синявского, показать, что это было общее дело, а не индивидуальная, личная, месть, студенты на следующий день затеяли сходку. Каким-то путем проведала об этом полиция и осадила ворота. Сходка была отложена на следующий день. Вчера я в 12 ч. подхожу к университету (сходка была назначена в час на университетском дворе) и вижу такое зрелище: масса (до 2 000) студентов стоит перед зданием и воротами и перебранивается с приставами и полицейскими, которые заперли ворота и стерегут находящихся за воротами во дворе человек 500 студентов. Через несколько минут приходят к тем (во дворе) педели и под предлогом, что ректор хочет с ними говорить, зовут их в актовую залу. Студенты пошли. Пришедши туда, они однако узнали, что это была хитрая заманка и больше ничего: ректор за ними присылать и не думал, их заманили, а затем заперли. Лишь только об этой проделке узнали на улице, волнение между студентами увеличилось еще более. Приезжает Юрковский (обер-полицмейстер, «сиятельство») и начинает убеждать студентов расходиться по домам. Ему отвечают, что это сделают не раньше, чем выпустят тех. Тут пошли перекоры да переговоры—вдруг, донцы, доблестное воинство донских казаков, с 3-саженными пиками да с фунтовыми нагайками! Что дальше произошло, описать трудно. Солдаты, студенты, народ, полицейские— все это смешалось в один клубок. Били нас и казаки с нагайками, били и мясники с Охотного ряда — опора отечества и престола, прибежавшие на помощь казакам; били по голове, по лицу, словом — куда попало. Пытавшихся обороняться сажали на извозчиков и увозили. Я в это время стоял непосредственно возле Юрковского и таким образом остался цел. Из других, кто не успел во-время убежать (студенты, впрочем, не бежали, бежала толпа), мало осталось кто теперь не ходит с повязанной головой. Запертых в актовом зале под вечер выпустили, отобрав сначала у них билеты и арестовав тех, кого принимали за зачинщиков (говорят, до 100 чел.), остальным запретили являться в университет «впредь до особого распоряжения». Сегодня повторилась вчерашняя история, в меньшем только виде. Собравшихся студентов было лишь около 500—600 человек. Когда появились казаки, они пошли к клинике на Рождественке, казаки за ними, они обратно в университет, казаки за ними, пока, наконец, не разогнали их. Завтра соберутся, вероятно, опять; собираются подписи на петиции удалить Брызгалова и судить снисходительно Синявского, поступок которого был выражением недовольства всех до последнего студентов» (ДП, III, 1887 г., д. № 662, ч. I, л. 63).

Петиция, поданная казанскими студентами ректору университета 4 декабря 1887 г.[1])

Собрало нас сюда ничто иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности, а также желание обратить внимание общества на эти условия и представить правительству нижеследующие требования. Мы пришли к заключению, что реформы наивозможно ближайшего будущего по отношению к университетам должны быть следующие:

a) Для всех российских университетов устав должен быть один и тот же.

d) Университетом должна заведывать коллегия профессоров совершенно самостоятельно.

c) Никакого контроля со стороны университета над частною жизнью студентов не должно быть.

d) Студентам должно быть предоставлено право сходок для обсуждения дел, касающихся студенчества, а также право коллективной подачи петиций.

e) Право иметь свои библиотеки, читальни, кассы взаимопомощи, кухмистерские и управлять ими через своих выборных.

f) Должен быть гласный студенческий суд, решения которого профессорская коллегия не может игнорировать.

q) Студенты получают право распределять стипендии и пособия по усмотрению выборных от студентов лиц.

II. Уничтожение сословности и всякого рода препятствий, затрудняющих доступ в учебные заведения (например, высокая плата, форма и т. п.).

III. Справедливость требует, чтобы все наши товарищи — всех университетов, исключенные за студенческие волнения, были приняты вновь.

IV. Для удовлетворения возмущенного нашего и общественного мнения, необходимо, чтобы были наказаны те лица, по приказанию или недосмотру которых были совершены в 20-х числах прошедшего месяца зверские насилия над нашими товарищами, московскими студентами, и даже убийства, официально скрываемые.

Казанские студенты.

Телеграмма тов. министра внутренних дел Шебеко казанскому губернатору 4 декабря 1887 г. № 81936[2])

Благоволите исключенных студентов немедленно выслать из города.

За министра Шебеко.

---

[1]) Воспроизводится с оригинала напечатанной на гектографе листовки, сохранившейся в деле ДП, III, 1887 г., д. № 741, л. 4-а—4-б, в конверте, адресованном Н. М. Пушкову, в Алатырь, Симбирской губернии, с датой на почтовом штемпеле Казани «6 декабря 1887 г.». Листовка была переслана Симбирским ГЖУ в департамент полиции при отношении 17 декабря 1887 г. с указанием, что адресат—Н. М. Пушков, бывш. студент Казанского университета, учитель математики в Алатырской прогимназии.

[2]) ДП, III, 1887 г., д. № 662, ч. I, л. 47.

Телеграмма казанского губернатора тов. министра внутренних дел 14 декабря 1887 г. № 13581 [1])

Все исключенные студенты университета и ветеринарного института высланы из Казани, уволенные уезжают.

Губернатор Андреевский.

Донесение начальника Казанского губернского жандармского управления в департамент полиции от 29 декабря 1887 г. № 1650 [2])

Вследствие предписания департамента от 19 декабря за № 3428/785 [3]) имею честь донести следующее.

После беспорядков 4 декабря, согласно отношения г. попечителя учебного округа, по распоряжению г. казанского губернатора, были заключены под стражу, впредь до отправления на родину, исключенные из университета студенты, причем они продовольствовались на счет казанского полицмейстера, и кроме того, родные, знакомые и товарищи, приходя на свидания с арестованными или для переговоров об отъезде последних, приносили в полицейское управление в значительном количестве съестные припасы, теплые вещи и деньги. Затем, снабженные всем необходимым, отправлялись в путь, сопровождаемые до черты города одним полицейским чиновником; при этом случалось, что отъезжавших провожали товарищи студенты, размещенные в нескольких экипажах, и один раз, действительно, подобный поезд следовал по главной улице г. Казани (Воскресенской), обращая на себя внимание, в особенности учащейся молодежи, имеющей обыкновение по праздничным дням разгуливать по упомянутой выше улице; общее внимание было возбуждено еще более эксцентричным поступком двух принадлежащих к лучшему казанскому обществу дам — вдовы богатого землевладельца Софьи Михайловны Чемезовой и дворянки Софьи Николаевны Глушиной, которые, накупив целый куль разных закусок и вин, бросили его в сани проезжавших студентов, которые затем раскланивались со всеми гуляющими, благодаря за сочувствие, а некоторые даже бросали гектографированные листки, начинающиеся «Прощай, Казань, прощай университет», а гулявшие на улице учащиеся аплодировали отъезжавшим [4]).

Вообще, нельзя не сознаться, что казанское общество отнеслось сочувственно к студентам, благодаря слухам, распускаемым многими лицами, о несоответствующих будто бы здравомыслящему человеку действиях г. попечителя учебного округа и бестактности и недобросовестности студенческой инспекции, которая, по словам этих лиц, явилась главною виновницею беспорядков 4 декабря. К довершению всего, г. попечитель учебного округа своими решительными распоряжениями возбудил к себе неприязненные отношения многих влиятельных лиц в губернии и в особенности ректора казанского университета г. Кремлева, на стороне которого стоит большинство профессоров; из них, как на наи-

---

[1]) ДП, III, 1887 г., д. № 662, ч. I, л. 112.

[2]) ДП, III, 1887 г., д. № 735, лл. 5—8.

[3]) В этом «предписании» департамент полиции предлагал «доставить подробные сведения как о профессорах, так и о тех лицах, кои обратили внимание сочувственным отношенем к студенческим беспорядкам», лл. 2—3 в том же деле.

[4]) См. ниже стр. 63.

более выдающихся по своим крайне либеральным убеждениям, я могу указать на Щербакова, Васильева, Штукенберга и Преображенского. Эти лица, кроме Штукенберга, 4 декабря на сходке, по удалении ректором инспекции, обращались к студентам с речами, но содержание этих речей осталось неизвестным. Затем 5 декабря в совете университета г. Щербаков, не будучи никем уполномоченным, обратился с благодарственною за прекращение сходки речью к ректору Кремлеву, на что последний ответил: «К сожалению, мой образ действий не одобряется начальством».

В настоящее время г. попечитель предоставил правлению университета наложить, по усмотрению, дисциплинарные взыскания на менее виновных студентов, вследствие чего члены правления гг. Кремлев, Щербаков и Васильев настаивали на том, чтобы каждый студент обвинялся в присутствии правления и виновного самим инспектором. Таким образом последний ставился бы в самое неудобное положение, находясь вынужденным входить в пререкания с обвиняемыми, чем последние еще более озлоблялись бы против инспекции. Признавая подобный образ действий правления несоответствующим, г. попечитель приостановил деятельность по изложенному вопросу правления университета и просил г. министра народного просвещения отстранить от должностей г. Кремлева и декана медицинского факультета г. Щербакова.

Ко всему вышесказанному считаю необходимым присовокупить, что в настоящее время многие исключенные студенты,— судя по слухам, побуждаемые г. Щербаковым,— представляют удостоверения разных лиц, а в том числе и квартирных хозяек, о том, что эти студенты не были на сходке 4 декабря, а потому они не подлежат никакому наказанию; подобные удостоверения носятся исключенными из дома в дом, как доказательства несправедливости действий инспекции и высшего учебного начальства вообще, ввиду чего казанское общество все более и более проникается сочувствием к студентам, как к лицам, невинно пострадавшим лишь благодаря жестокости и лицемерию инспекции университета, которая, по моему мнению, была в высшей степени сдержанна в своих обвинениях по событию 4 декабря, где, как известно департаменту из показания Алексеева, г. инспектор Потапов был оскорблен действием не одним Алексеевым, а вся толпа студентов выталкивала его из залы, имея в руках ножки и ручки от сломанных студентами кресел.

Профессор Штукенберг, заведующий естественным факультетом, давшим наибольший процент участников беспорядков, еще раньше навлекал на себя подозрения в сомнительной политической благонадежности, выразившейся в деле о студенческой библиотеке Рейнгардта, закрытой по высочайшему повелению в 1883 г., каковое дело возбуждено по предписанию департамента полиции от 27 апреля 1883 г. за № 954.

Профессор же Васильев, как мне известно негласным путем, находится в сношениях с эмигрантами в Лондоне и состоит в дружеских сношениях с крайне подозрительным в политическом отношении г. Анненским, заведующим казанским земским статистическим бюро, а ныне занимающим такую же должность в Нижнем Новгороде, причем, по моим сведениям, возле названного Анненского группируются все неблагонадежные элементы, удаленные из Казани.

Что же касается до сборов денег, теплых вещей и даже съестных припасов в пользу отъезжавших из Казани исключенных студентов, то этим, главным образом, занималась жена осматривающего оружие в войсках казанского военного округа полковника Семянина — Наталья Александровна, при участии вышеупомянутых Глушилиной и Чемезовой и дочери местного купца девицы Алевтины Семеновой Пчелиной, два брата которой были исключены из университета за участие в беспорядках 4-го сего декабря, а ранее были замечены как деятельные сторонники казанского землячества[1]).

Полковник Гангардт.

Листовка исключенных казанских студентов[2])

Прощай, Казань!.. Прощай, университет!.. Недалеко еще то время, когда мы въезжали сюда, полные веры и любви к университету и его жизни, мы думали, что здесь, в храме науки, мы найдем те знания, опираясь на которые, мы могли бы войти в жизнь борцами за счастье и благо нашей измученной родины! Мы страстно искали этих знаний!.. Но с чем же столкнулись мы здесь?.. Навстречу нам шла та «наука для науки», которую так яростно защищали некоторые из господ профессоров на сходке 4 декабря, та наука, благодаря которой, говорили они, мы, студенты, могли бы спокойно и бесстрастно смотреть на гнет и страдание дорогой родины... Вместе с тем нас охватило и деморализующее влияние инспекции и клики ее шпионов, клевретов... Жутко и холодно стало нам... Мы не пошли за нашими учителями... Наша молодая кровь, наше молодое сердце заставило искать выхода... Мы сгруппировались в землячество, твердо веруя, что здесь, в товарищеском кругу, мы поддержим друг друга, здесь мы найдем также и выход нашим страстным стремлениям к развитию в нас убеждений и взглядов, твердых и честных, читая и беседуя друг с другом... Но и этого нам не дали!.. Нам запретили организоваться в землячества, грозя исключением!.. С каждым днем гнет нового устава чувствовался все жестче и жестче... Начались исключения из университета. На весь этот гнет мы сдержанно отвечали мирными протестами в дни нашего университетского акта; кроме того мы письменно обращались ко всем профессорам, приглашая притти к нам на помощь в борьбе с гнетом нового университетского устава... В ответ — ни слова! Наконец, вышли в свет известные циркуляры, закрывшие доступ в гимназии, а тем самым и в университет неимущей молодежи, детям тружеников, бедняков, детям крестьян, мещан и т. д. Все это страшно возмутило нас... Наступившие ноябрьские события в Москве, факты нахальной и зверской расправы с нашими товарищами, студентами Московского университета, нанесли нам, как студентам, кровное оскорбление... Мы должны были протестовать, и наш протест вылился в активную форму — сходку... За наш протест нас исключают из университета и изгоняют из Казани!!!

Мы уезжаем из Казани с глубокой верой в правду нашего дела!..

---

[1]) «Землячество» — основная организационная ячейка, объединявшая в своих рядах студентов одной области или губернии. Делегаты от землячеств составляли «союзный совет», направляющий всю общественную работу студенчества.

[2]) ДП, III, 1887 г., д. № 741, л. 30. Воспроизводится с гектографированного оригинала. Опубликована в очерке Ф. Раскольникова «Ленин-студент», «Молодая гвардия» 1933 г., № 9, ст. 105.

Жмем руки тем, кто любит нас!!!

Искреннее спасибо за сочувствие и материальную поддержку многих членов казанского общества!!!

Донесение начальника Казанского губернского жандармского управления в департамент полиции от 8 февраля 1888 г. № 253[1]).

Имею честь представить при сем в департамент полиции «алфавитный список» на исключенного из числа студентов императорского казанского университета за участие в студенческих беспорядках 4 декабря 1887 года Владимира Ильина Ульянова, подчиненного ныне, на основании п. 3 циркуляра г. министра внутренних дел от 9 апреля 1882 года за № 1365, негласному надзору полиции[2]).

Подполковник Матушевский.

Лит. А

Алфавитный список лиц, состоящих под негласным надзором в Казанской губернии[3])

№ дела	Имя, отчество, фамилия, сословие и лета от роду.	Семейное положение.	Имущественное обеспечение.	Место постоянного жительства.	Обстоятельства прошедшей жизни поднадзорного и настоящее его занятие.	Год, число и № распоряжения департамента государственной полиции, по которому учрежден надзор.	Время выбытия из района жанд. управл. или прекращения надзора.
	Владимир Ильин Ульянов, дворянин, 18 лет.	Отец умер, мать Мария Александровна Ульянова 50 лет. Дочери: Анна, девица, 22 лет; Ольга, 16 лет; Мария, 9 лет. Сыновья: Владимир, 18 лет, и Дмитрий 13 л.	Пенсия отца в 1200 р.	Деревня Кокушкино, Черемшевской волости, Лаишевского уезда.	До сих пор учился дома и в гимназии в г. Симбирске. Пробыл 3 месяца в Казанском университете, откуда исключен за участие в студенческих беспорядках 4 декабря 1887 года. В настоящее время занимается продолжением своего образования.	Негласный надзор учрежден на основании п. 3 циркуляра г. министра внутренних дел от 9 апреля 1882 г.	

И. д. начальника управления подполковник Матушевский.

---

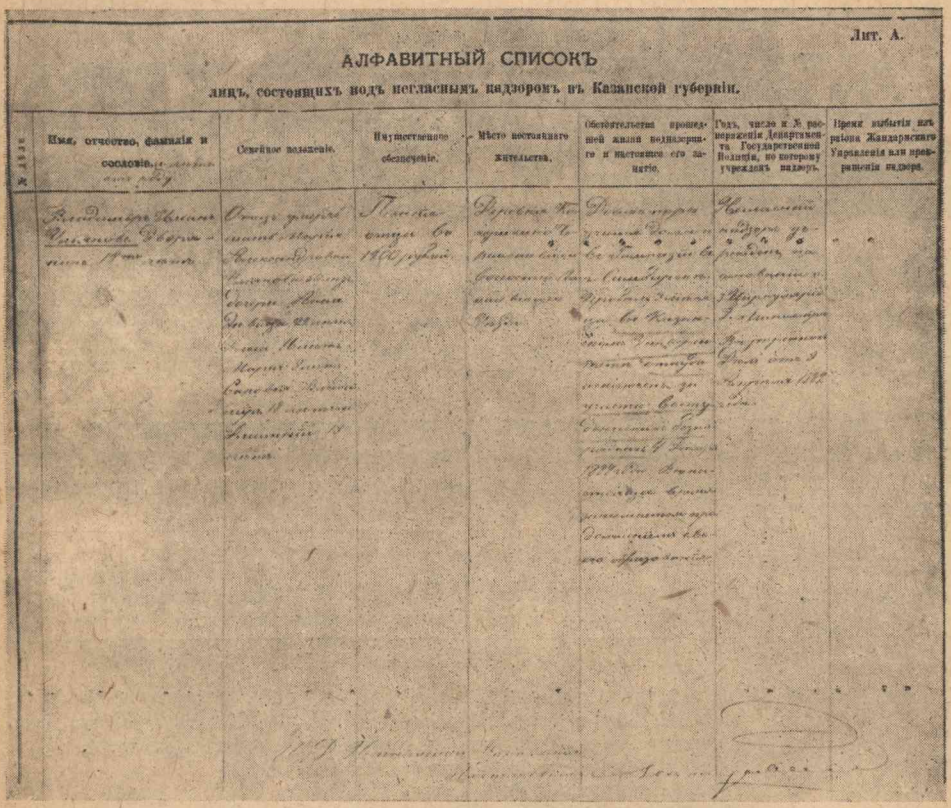
[1]) ДП, V, 1887 г., д. № 7189, ч. I, л. 31. В подлиннике дата года отсутствует, но имеется входящий № от 15 февраля 1888 г.

[2]) Этот циркуляр имел задачей «обеспечить возможность более удобного собирания сведений о поднадзорных, к нему было приложено: «положение о негласном полицейском надзоре», утвержденное мин. вн. дел 1 марта 1882 г., и установленные формы донесений: лит. А. к. § 7 — «алфавитный список» поднадзорного; лит. Б. к § 8 — «извещение» в случае отъезда поднадзорного; лит. В. к § 12 — полугодовые «сведения» о поднадзорном (ДП, III, 1882 г., д. № 101, лл. 61—66).

[3]) ДП, V, 1887 г., д. № 7189, ч. 1, л. 32.

Отношение департамента полиции в Донское областное жандармское управление от 3 апреля 1888 г. № 942/274[1])

Из производящейся в департаменте полиции переписки усматривается, что в конце минувшего года в г. Казани образовался кружок крайне вредного направления, к которому принадлежали брат Натана Богораза, исключенный из Таганрогской гимназии, Лазарь Богораз (по крещении Сергей Губкин), брат казненного Александра Ульянова—студент Казанского университета Владимир Ульянов, студент Казанского ветеринарного института Константин Выгорницкий (близкий знакомый казненного Андреюшкина), Александр Скворцов, Иван Воскресенский и др. Кружок этот, при посредстве студента С.-Петербургского университета, уроженца г. Таганрога Василия Зелененко, поддерживал сношения с петербургскими кружками противоправительственного направления.



Лит. А.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

лицъ, состоящихъ подъ негласнымъ надзоромъ въ Казанской губерніи.

№ дѣла	Имя, отчество, фамилія и сословіе.	Семейное положеніе.	Имущественное обезпеченіе.	Мѣсто постояннаго жительства.	Обстоятельства прошедшей жизни подназорнаго и настоящее его занятіе.	Годъ, число и № распоряженія Департамента Государственной Полиціи, по которому учрежденъ надзоръ.	Время выбытія изъ района Жандармскаго Управленія или прекращенія надзора.
	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	

Из числа упомянутых лиц Скворцов и Воскресенский, по исключении их из института, в начале сего года поселились вместе с Богоразом в г. Таганроге, где некоторое время находился и Зелененко, возвратившийся затем в С.-Петербург.

---

[1]) ДП, III, 1886 г., д. № 151, л. 118.

Из препровождаемой при сем совершенно доверительно выписки из письма Губкина (Богораза) усматривается, что он находится где-то близ Ростова на Дону, состоя в непосредственных сношениях с народом. Скворцов же (Шпак) остается в Таганроге вместе с Иваном (вероятно, Воскресенским), а также с Дмитрием и Борисом — личностями, не известными департаменту.

Придавая особое значение указанному кружку, департамент полиции покорнейше просит выяснить состав членов оного и установить за деятельностью и сношениями их тщательное наблюдение. О месте пребывания же Богораза, равно и личности «Ив. Пет.», под руководством коего он состоит, и проживающих в Таганроге Дмитрия, Бориса и Ивана сообщить департаменту подробные сведения, причем присовокупить указания о месте жительства, имени, отчестве и фамилии дяди Богораза, на имя коего он предлагает Зелененко адресовать свою корреспонденцию.

Директор П. Дурново.

Из справки департамента полиции [1])

В 1887 и 1888 годах из Казанского университета разновременно уволено и исключено 102 чел.

Из означенного числа воспрещено жительство в Казани 41 чел.

Вновь разрешено жительство в Казани 12 чел.

Кроме вышеназванных лиц нижеследующие студенты Казанского университета обращались с ходатайством:

1. . . . . .

2. Ладыгин Василий, Ульянов Владимир и Шаровский Александр просили о разрешении им жить в Казани и университетских городах для поступления в университет, но, ввиду неблагоприятных сведений об этих лицах, департамент полиции признал их ходатайства преждевременными.

Список студентов Казанского университета, исключенных и уволенных из оного в минувшем 1887 и текущем 1888 гг. за участие в беспорядках и политическую неблагонадежность, с указанием последующих распоряжений [2]).

Имя, отчество, фамилия.	Предмет ходатайств.	Распоряжение департамента по ходатайствам.
. . . . .	. . . . .	. . . . .
24. Ульянов Владимир.	В 1888 г. мать Ульянова неоднократно ходатайствовала о разрешении принять вновь сына Владимира в какой-либо университет [3]).	Ходатайство признано преждевременным.
	В сентябре 1888 г. Ульянов ходатайствовал о разрешении уехать за границу для окончания образования.	Отклонено.

[1]) ДП, III, 1888 г., д. № 47[1], л. 12. Без даты.

[2]) То же дело, л. 16. Заголовок подлинника.

[3]) В делах департамента полиции сохранилось два прошения М. А. Ульяновой на имя директора департамента полиции от 9 мая и 15 июля 1888 г. (ДП, III, 1887 г., д. № 662, ч. 2, лл. 95, 133).

Литер В.

Сведения о лицах, состоящих под негласным надзором полиции с 1 июля 1888 г. по 1 января 1889 г. по Казанской губернии [1])

№№ по пор.	Имя, отчество, фамилия и сословие.	Время учреждения надзора.	Сущность сведений, полученных при наблюдении.	Время прибытия в район другого и какого именно жандармского управления или же прекращение надзора.
. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .
55	Ульянов, Владимир Ильин, бывший студент Казанского университета.	27 декабря 1887 года.	Ни в чем замечен не был.	Дер. Кокушкино, Черемышевской волости, Лаишевского уезда, Казанской губ.

Начальник Казанского губернского жандармского управления полковник Гангардт.

Отношение директора департамента полиции на имя казанского губернатора от 16 сентября 1888 г. № 2480 [2])

М. Г.

Николай Ефимович,

Бывший студент Казанского университета Владимир Ульянов обратился к господину министру внутренних дел с ходатайством о разрешении ему выезда за границу для поступления в один из иностранных университетов.

Не находя с своей стороны возможным удовлетворить ходатайство Ульянова, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство заграничного паспорта ему не выдавать и приказать объявить ему, что департамент полиции находит выезд его за границу преждевременным.

Вместе с тем покорнейше прошу ваше превосходительство, в случае выезда означенного Ульянова из Казани, уведомить департамент, куда именно он выехал, и сообщить непосредственно от себя подлежащему губернатору о невыдаче ему паспорта.

Примите, м. г., уверение и т. д.

[Дурново].

Из донесения начальника Казанского губернского жандармского управления в департамент полиции от 3 ноября 1888 г. № 1629 [3])

Вследствие предписания от 15 прошлого октября месяца за № 2779/4931 [4]) имею честь донести департаменту полиции, что из числа упомянутых в донесении моем от 27 сентября сего года за № 1400 [5]) в г. Казани проживают и по настоящее время следующие лица: Николай

[1]) ДП, III, 1889 г., д. № 74, ч. 25, л. 2. — Заголовок подлинника.

[2]) ДП, III, 1887 г., д. № 662, ч. 2, л. 170. Воспроизводится с отпуска.

[3]) ДП, III, 1888 г., д. № 222, л. 15.

[4]) В этом предписании департамент полиции затребовал сведения о лицах, группировавшихся в г. Казани вокруг С. Г. Сомова (в том же деле, л. 13). О казанском кружке С. Г. Сомова М. Горький пишет: «Я познакомился с ним [Сомовым] в Казани, где он организовал довольно обширный кружок молодежи; после переезда Сомова в Нижний во главе кружка встал его талантливый ученик Федосеев, вскоре «проваливщийся» вместе со всем кружком» («Былое», 1921 г., № 16).

[5]) По поводу кружка лиц, группировавшихся вокруг С. Г. Сомова (в том же деле, л. 10).

Семенов Купревич... Александр Александрович Тычинский... Кроме вышеупомянутых лиц в г. Казани проживают бывшие студенты Казанского университета: Владимир Ильич Ульянов, недавно прибывший в г. Казань, где проживает в квартире матери своей без определенных занятий...

Донесение казанского губернатора министру внутренних дел от 13 мая 1889 г. № 1425 [1])

Проживающий в г. Казани бывший студент императорского Казанского университета, состоящий под негласным надзором полиции, дворянин Владимир Ульянов поданным прошением ходатайствует о разрешении ему выдать заграничный паспорт на выезд за границу для лечения, причем представил медицинское свидетельство о своей болезни.

Литер В.
Совершенно секретно.

Сведения о лицах, состоявших под негласным надзором полиции с 1 января 1889 года по 1 июля 1889 года по Казанской губернии [2])

№№ по пор.	Имя, отчество, фамилия и сословие.	Время учреждения надзора.	Сущность сведений, полученных при наблюдении.	Время выбытия в район другого и какого именно жандармского управления или же прекращения надзора.
. . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .
38	Ульянов, Владимир Ильин, бывший студент Казанского университета.	27 декабря 1887 г.	Вел знакомство с подозрительными лицами.	3 мая 1889 года выбыл в Самарскую губернию.

Начальник Казанского губернского жандармского управления полковник Гангардт.

Сведения о лицах, состоявших под негласным надзором полиции в Самарской губернии с 1 июля 1889 года по 1 января 1890 года [3])

№№ по пор.	Имена, отчества, фамилии и сословие.	Время учреждения надзора.	Сущность сведений, добытых наблюдением.	Время выбытия в район другого и какого именно жандармского управления.
. . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .
17	Владимир Ильин Ульянов, дворянин.	27 декабря 1887 г. в г. Самаре; определенных занятий не имеет.	В политическом отношении сомнителен и требует наблюдения.	

Начальник Самарского губернского жандармского управления полковник Сердюков.

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 12.
[2]) ДП, III, 1889 г., д. № 74, ч. 25, л. 7.
[3]) ДП, III, 1890 г., д. № 74, ч. 46, л. 2.

Представляя о вышеизложенном на благоусмотрение вашего высокопревосходительства и прилагая медицинское свидетельство о болезни Ульянова, долгом считаю присовокупить, что дворянин Ульянов в сентябре месяце 1888 года ходатайствовал в министерстве внутренних дел о разрешении ему выезда за границу для поступления в один из иностранных университетов и 16 сентября, за № 2480 [1]), директор департамента полиции сообщил предместнику моему для объявления Ульянову, что департамент полиции находит выезд его за границу преждевременным. Из доставленных же казанским полицмейстером сведений видно, что сказанный Ульянов есть родной брат состоящей под гласным надзором полиции Анны Ульяновой, за время проживания в Казани хотя к делам политического характера не привлекался, но аттестуется личностью вредного направления в политическом отношении.

Губернатор Полторацкий [2]).

Отношение министерства народного просвещения в департамент полиции от 11 ноября 1889 г. № 1889 г. № 18877 [3]).

Бывший студент Казанского университета Владимир Ульянов обратился в министерство народного просвещения с ходатайством о допущении его к экзамену на степень кандидата юридических наук при каком-либо высшем учебном заведении.

Ввиду сего департамент народного просвещения имеет честь покорнейше просить департамент полиции сообщить имеющиеся в его распоряжении сведения о политической благонадежности Ульянова и заключение по предмету изложенного выше ходатайства.

Вице-директор [подпись].

Отношение департамента полиции в Казанское губернское жандармское управление от 16 мая 1890 г. № 1961 [4]).

По встретившейся надобности департамент полиции имеет честь просить ваше высокородие сообщить подробные сведения о деятельности, сношениях и политической благонадежности бывшего студента императорского Казанского университета Владимира Ильича Ульянова как до исключения его в 1887 г. из университета за участие в студенческих беспорядках, так и за последнее время его проживания в Казани.

Директор П. Дурново.

Донесение Казанского губернского жандармского управления в департамент полиции от 27 мая 1890 г. № 481 [5]).

Вследствие предписания департамента полиции от 16 мая, за № 1961 [6]), имею честь донести, что бывший студент императорского Ка-

---

[1]) См. выше стр. 67.

[2]) На отношении резолюция: «Я полагал бы отклонить, так как может ехать на Кавказ (Ессентуки, № 17)».

[3]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 15.

[4]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 21. Аналогичное отношение было послано того же числа начальнику Самарского губернского жандармского управления.

[5]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 22. На донесении резолюции: «Есть ли ответ из Самары?». — «Господин директор изволили приказать объявить матери Ульянова, что сын ее с прошением о принятии в университет должен обратиться к учебному начальству, на запрос которого департаментом будет дан соответственный отзыв».

[6]) См. выше.

занского университета Владимир Ильин Ульянов до исключения его в 1887 году из университета, как выяснилось негласным наблюдением, вел деятельное сношение с прибывшим 31 августа 1887 года в г. Казань из Таганрога Лазарем Богоразом (он же Сергей Губкин), братом казненного политического преступника Натана Богораза, а также вел знакомство с известными департаменту полиции исключенными за участие в студенческих беспорядках 4 декабря 1887 года бывшими студентами Казанского университета Иваном Воскресенским, Константином Выгорницким, Дмитрием Матвеевым, Пантелеймоном Дахно и Сергеем Полянским.

После же беспорядков 7 декабря 1887 года упомянутый Владимир Ульянов из г. Казани выехал в деревню Кокушкино Лаишевского уезда, откуда возвратился снова в г. Казань в начале октября 1888 года, а затем 3-го мая 1889 года из г. Казани выехал в г. Самару, причем за все это время Ульянов в чем-либо предосудительном замечен не был.

Полковник Гангардт.

Донесение Самарского губернского жандармского управления в департамент полиции от 31 мая 1890 г. № 311 [1]).

Вследствие отношения от 16 мая, за № 1962 [2]), имею честь довести до сведения департамента полиции, что состоящий под негласным надзором полиции бывший студент Владимир Ульянов за время проживания в г. Самаре определенных занятий не имел, в политическом отношении за ним хотя ничего замечено не было, но он вел знакомство с лицами сомнительной благонадежности.

Подполковник Эшенбах.

Сведения о лицах, состоящих под негласным надзором полиции в Самарской губернии с 1 января по 1 июля 1890 года [3]).

№№ по пор.	Имена, отчества, фамилии и сословие.	Время учреждения надзора.	Сущность сведений, добытых наблюдением.	Время выбытия в район другого и какого именно жандармского управления.
. . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .
50	Владимир Ильин Ульянов, бывший студент.	27 декабря 1887 г. На хут. Алакаевском, Самарского уезда. Определенных занятий не имеет.	Подозрительный в политическом отношении, требует наблюдений.	

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 20. На подлиннике резолюции: «Прошу переговорить». — «Господин директор изволил приказать выждать ответ на запрос, посланный в Самару, относительно лиц, которых посещала Израильсон. Делопроизводитель Семякин, 6/VI».

[2]) См. 4-е примечание на стр. 69.

[3]) ДП, III, 1890 г., д. № 74, ч. 46, л. 16.

Извещение о выезде состоящего под негласным надзором в г. С.-Петербурге Владимира Ильина Ульянова, 21 года [1]).

Совершенно секретно.

. . . . . .

. . . . . .

Ульянов подчинен негласному надзору полиции на основании 3 п. циркуляра г. министра внутренних дел от 1 апреля 1882 года, за № 1365, ввиду исключения его из числа студентов Казанского университета за участие в беспорядках 4 декабря 1887 года.

Время выезда, месяц и число.	Место, куда отправляется.	Сведения, обнаруженн. наблюдением при переездах.
11 ноября 1891 г.	В г. Москву, почему настоящее извещение препровождается к господину московскому обер-полицмейстеру.	

Петербургский градоначальник генерал-лейтенант Грессер.

16 ноября 1891 года. № 11521.

ЗАПРОС

в адресный стол из [Моск.] охр. отд.

Ульянов Владимир Ильин, сын действит. стат. советника.

За нач. отд. [подпись]

11 января 1892 года.

СПРАВКА

адресного стола [2])

Ульянова Владимира Ильина, сына действ. стат. советника, адреса не оказалось.

За начальника адрес. стола Соколов.

11 января 1892 года.

Университетский диплом В. И. Ленина [3])

ДИПЛОМ.

Предъявитель сего, Владимир Иванов [4]) Ульянов, вероисповедания православного, родившийся 10 апреля 1870 г., с разрешения г. министра народного просвещения, подвергался испытанию в юридической испытательной комиссии при императорском С.-Петербургском университете в апреле, мае, сентябре, октябре и ноябре месяцах 1891 года.

По представлении сочинения и после письменного ответа, признанных весьма удовлетворительными, оказал на устном испытании следующие успехи: по догме римского права, истории римского

---

[1]) Моск. охр. отд., 1889 г., д. № 166, т. 2, л. 6.

[2]) Там же, л. 5.

[3]) Воспроизводится с копии в деле канцелярии попечителя петербургского учебного округа о выдаче дипломов лицам, выдержавшим испытания в юридической испытательной комиссии при Петерб. университете, за 1891 г., л. 398 (ЛОЦИА).

[4]) Так в подлиннике.

права, гражданскому праву и судопроизводству, торговому праву и судопроизводству, уголовному праву и судопроизводству, истории русского права, церковному праву, государственному праву, международному праву, полицейскому праву, политической экономии и статистике, финансовому праву, энциклопедии права и истории философии права — весьма удовлетворительные.

Посему, на основании ст. 81 общего устава императорских российских университетов 23 августа 1884 года, Владимир Ульянов, в заседании юридической испытательной комиссии 15 ноября 1891 г., удостоен диплома первой степени, со всеми правами и преимуществами, поименованными в ст. 92 устава и в V п. высочайше утвержденного в 23 день августа 1884 года мнения Государственного совета. В удостоверение сего и дан сей диплом Владимиру Ульянову за надлежащею подписью и с приложением печати управления С.-Петербургского учебного округа. Город С.-Петербург. Января 14 дня 1892 года.

Попечитель С.-Петербургского учебного округа М. Капустин.

Председатель юридической испытательной комиссии
В. Сергеевич.

Правитель канцелярии [подпись].

№ 334.

Отношение департамента полиции на имя самарского губернатора от 8 июня 1892 г. № 2924 [1]).

Департамент полиции имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в зависящем распоряжении об объявлении помощнику присяжного поверенного Владимиру Ильичу Ульянову, проживающему в доме Рытикова на углу Почтовой и Сокольничьей улиц, что соответствующий о нем отзыв будет дан лишь на запрос надлежащего судебного начальства [2]).

И. д. директора Сабуров.

Отношение председателя Самарского окружного суда в департамент полиции от 18 июня 1892 г. № 1556 [3]).

Присяжным поверенным заведуемого мной суда Андреем Николаевым Хардиным в январе 1892 года принят в свои помощники дворянин

---

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 24.

[2]) В том же деле имеется подлинное прошение В. И. Ленина о допущении его к адвокатской практике, опубликовано в «Красной летописи» 1924 г., № 1 (10).

[3]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 25.

Владимир Ильин Ульянов, о чем Хардин и довел до сведения окружного суда представлением от 1 января 1892 года (по входящему реестру № $\frac{556}{119}$), которое, в силу 354-й статьи учреждения судебных установлений, и принято судом к сведению. 29 февраля 1892 года Ульянов обратился в суд с прошением о выдаче ему свидетельства на право быть поверенным, но как при означенном представлении Хардина не было приложено удостоверения подлежащих властей о благонадежности Ульянова, а было лишь представлено свидетельство от испытательной комиссии при С.-Петербургском университете от 22 ноября 1891 года за № 205, о том, что Ульянов, прослушав курс по юридическому факультету, признан, по испытанию, имеющим право на диплом первой степени, то мной и было объявлено Ульянову о невозможности получить просимое им свидетельство без представления им надлежащего удостоверения о его благонадежности. По поводу этого Ульянов подал мне 11 июня 1892 года (по входящему реестру № $\frac{8749}{2233}$) прошение, в коем, ходатайствуя о сношении с департаментом полиции по вопросу о неимении препятствий к выдаче ему просимого свидетельства, указывает, вместе с тем, на препятствия, ввиду коих он лишен возможности представить сам удостоверение о его благонадежности.

Сообщая о вышеизложенном в департамент государственной полиции (с приложением засвидетельствованной копии с вышеозначенного прошения Ульянова от 11 июня 1892 года), имею честь покорнейше просить не оставить меня уведомлением: не имеется ли препятствий к выдаче Ульянову свидетельства на право хождения, в качестве поверенного, по судебным делам[1]).

Председатель Анненков.

Донесение самарского полицмейстера московскому оберполицмейстеру от 27 августа 1893 г. № 208[2]).

Состоящий под негласным надзором полиции бывший студент Владимир Ильин Ульянов выбыл из г. Самары в Москву.

О чем имею честь донести вашему превосходительству и покорнейше просить распоряжения об учреждении за Ульяновым негласного надзора полиции.

Полицмейстер Агатицкий.

---

[1]) На подлиннике резолюция: «Оставить Ульянова под негласным надзором и уведомить о неимении препятствий к выдаче свидетельства на право хождения по делам. 2 июня». Департамент полиции отношением от 4 июля 1892 г. за № 3371 уведомил председателя Самарского окружного суда, «что к выдаче дворянину Владимиру Ильину Ульянову свидетельства на право ходатайства по делам препятствий со стороны департамента не встречается». (См. «Красная летопись» 1924 г., № 1 (10).

[2]) Моск. охр. отд., 1889 г., д. № 166, т. 2, л. 123.

Донесение начальника Самарского губернского жандармского управления в департамент полиции от 1 сентября 1893 г. № 539 [1]).

Состоящий под негласным надзором полиции в г. Самаре:
Фамилия — Ульянов.
Имя — Владимир.
Отчество — Ильин.
Звание — бывший студент.
Выбыл — 17 августа 1893 г. в г. Москву.
О выезде сообщено начальнику Московского губернского жандармского управления.

№ 539. 1 сентября 1893 г.

Начальник управления полковник Попов.

---

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 956, л. 176.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»

(1893 — 1896)

Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции от 7 сентября 1893 г. № 9659 [1]).

Состоящий под негласным надзором полиции:
Фамилия — Ульянов.
Имя — Владимир.
Отчество — Ильин.
Звание — сын действительного статского советника.
Прибыл 31 августа 1893 г. в С.-Петербург и поселился в д. № 58 по Сергиевской ул., 4 участка Литейной части.
№ 9659.
7 сентября 1893 г.

ЗАПРОС
в [Моск.] адресн. стол из [Моск.] охр. отд.[2])

Ульянов, Владимир Ильин, бывший студент.

За нач. отд. [подпись]
9 ноября 1893 года.

СПРАВКА
адресного стола

Ульянова, Владимира Ильина, бывшего студента, адреса не оказалось.

9 ноября 1893 г. [подпись]

Донесение пристава 2 участка Яузской части г. Москвы в Московское охранное отделение от 1 декабря 1893 г. № 63 [3]).

Согласно отношения от 28 ноября сего года, за № 8289, имею честь сообщить, что негласным путем дознано, что бывший студент Владимир Ильин Ульянов проживает в Петербурге, где состоит на службе, но, по какому ведомству, неизвестно. Присем имею честь присовокупить, что семья Ульяновых живет скрытно, получает ежедневно громадное количество писем и, что также замечено за последнее время, в квартире Ульяновых почти нет мебели, но замечено присутствие какого-то аппарата вроде электрической батареи, но большого формата. Муж Елизаровой получил отставку, останавливался проездом из Самары в Петербург на квартире Ульяновой три дня и вчера уехал в Петербург.

И. д. пристава Смирницкий.

---

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 179.
[2]) Моск. охр. отд., 1889 г., д. № 166, т. 2, л. 141.
[3]) Там же, л. 152.

Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции от 20 января 1894 г. № 2826 [1]).

Вследствие отношения от 18 прошлого декабря, за № 7271 [2]), имею честь уведомить департамент полиции, что студент Юрьевского университета Иосиф Мордухов Давыдов за время проживания в Москве вращался исключительно среди лиц, политически неблагонадежных.

Кроме пассивного его участия на чисто студенческом вечере 12 сего января, агентуре известно, что он с увлечением дебатировал 9 числа этого месяца на конспиративно устроенной сыном коллежского ассесора Николаем Ефимовым Кушенским вечеринке в доме Залесской, по Воздвиженке. Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель В. В. (врач Василий Павлов Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела.

19 сего января наблюдаемый выехал в С.-Петербург, о чем было телеграфировано полковнику Секеринскому с тем, чтобы о результатах наблюдения им был поставлен в известность департамент полиции.

Исправляющий должность обер-полицмейстера
полковник Власовский.

Начальник отделения подполковник [подпись].

Ведомость № 177 о лицах, состоявших под негласным надзором полиции с 1 января 1894 года по 1 июля 1894 года в С.-Петербурге [3]).

. . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .
29	Ульянов, Владимир Ильин, сын действительного статского советника.	Секретное прибавл. к приказу 16 окт. 1890 г. за № 56, ст. 4.	В д. № 7 по Казачьему пер. занимал комнату в квартире Перновского мещанина Фердинанда Боде, занимался адвокатурой, но у себя никого не принимал, дома бывал мало, ежедневно куда-то уходя, но вел себя хорошо и в предосудительных поступках не замечался.	14 июня 1894 г. выбыл в г. Самару.

Сведения, полученные при наблюдении с 1 июля 1894 года по 1 января 1895 года [4]).

Совершенно секретно.

Имя, отчество, фамилия и звание.	Место жительства и род занятий.	Сведения, полученные наблюдением за отчетный период.
Владимир Ильин Ульянов, сын действительного статского советника, бывший студент Казанского университета.	Казачий пер., д. № 7, кв. 13. Состоит помощником присяжного поверенного.	В образе жизни ничего предосудительного не замечалось.

Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге.

[1]) ДП, Ш, 1891 г., д. № 958, л. 26. Опубликовано в сборнике «На заре рабочего движения», стр. 148—149.

[2]) Отношением от 18 декабря 1893 г., за № 7271, департамент полиции уведомил о разрешении Давыдову И. М. временно проживать в Москве «в агентурных целях, ввиду обширного знакомства названного лица».

[3]) Фонд особ. хран. Архива революции, 1894 г., д. № 119.

[4]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 178. Заголовок подлинника.

ВЕДОМОСТЬ

о лицах, состоящих под надзором полиции 8-го участка Московской части [г. Петербурга] [1])

на 1894 год

№ 39 14 февраля
№ 25

Приставу 4 участка Московской части.

№	Чин, звание, имя, фамилия и приметы лица поднадзорного, а также какой губернии уроженец.	Лет от роду.	По какому распоряжению и за что именно подвергнут надзору.	С какого времени состоит под надзором.	На какой срок подвергнут надзору и какому именно: гласному или секретному.	Где учрежден надзор, на месте ли жительства, или выслан из другой губ. и чем занимается.	Получает ли от казны содержание.	Имеет ли семейство и где оно находится.	Если умер, то где и когда именно.	Если выбыл из-под надзора, то по какой причине, с чьего разреш., куда и когда именно.	Аттестация.
. . .	. . . . .		. . . . .	. . .	. . .	. . . . .	. . .	. . . .	. . .	. . . . .	. . . . .
15	Сын действительного статского советника, помощник присяжного поверенного Владимир Ильин Ульянов.	24	По секретному прибавлению к приказу от 16 октября 1890 года, за № 56, и надписи охранного отделения, пристава 1 уч. Московской части от 15 января 1894 г. за № 532.	С 13 января 1894 г.	Негласному без означения срока.	По месту жительства в доме № 15, кв. 14 по Лештукову переулку, где занимает комнату у титулярного советника Александра Павловича Роговского с платой 15 р. в месяц. Занимается письменными работами.	—	Неизвестно.	—	12 февраля 1894 г. выбыл в дом № 7 по Мало-Казачьему переулку	За время проживания в политической неблагонадежности не замечен.

И. д. пристава Мальцов.

[1]) Фонд особ. хран. Архива революции, 1894 г., д. № 119.

Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции от 1 сентября 1894 г. № 10934 [1]).

Состоящий под негласным надзором полиции:
Фамилия — Ульянов.
Имя — Владимир.
Отчество — Ильин.
Звание — сын действительного статского советника.
Прибыл 27 августа 1894 г. в С.-Петербург и поселился в д. № 7 по Малому Казачьему пер., 4 участка Московской части.
№ 10934.
1 сентября 1894 г.

Донесение петербургского градоначальника в департамент полиции от 2 мая 1895 г. № 5947 [2])

Состоящий под негласным надзором полиции сын действительного статского советника Владимир Ильин Ульянов 25 минувшего апреля выбыл за границу по паспорту, выданному мной 15 марта сего года, за № 720.

Об изложенном имею честь сообщить департаменту полиции, согласно § 10 положения 1 марта 1882 г. о негласном надзоре.

Генерал-лейтенант фон Валь.
Начальник отделения полковник Секеринский.

Циркуляр департамента полиции от 26 мая 1895 г. № 4254 [3])

Г.г. начальникам жандармских пограничных пунктов.

Департамент полиции, препровождая при сем список лиц, проживающих за границей, имеет честь просить вас, милостивый государь, установить наблюдение за возвращением означенных лиц в пределы империи и, в случае прибытия их на вверенный вам пограничный пункт, поступить согласно указаниям, изложенным в списке.

Вместе с сим рассылается список лиц, возвратившихся из-за границы, наблюдение за коими подлежит прекращению.

Директор генерального штаба генерал-лейтенант Петров.

Список лиц, за коими надлежит установить наблюдение за возвращением в пределы империи.

№№ по пор.	Фамилия, имя, отчество, звание и по какому паспорту выехал за границу.	Как поступить по прибытии на пограничный пункт.
. .	. . . . .	. . . . .
22	Ульянов, Владимир Ильин, сын действительного статского советника, по паспорту, выданному с.-петербургским градоначальником 15 марта 1895 г., за № 720.	Тщательный досмотр багажа и о направлении избранного пути уведомить департамент полиции и начальника подлежащего жандармского управления для продолжения негласного надзора полиции по положению 1 марта 1882 года.

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 180.
[2]) Там же, л. 32.
[3]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, лл. 33—35.

Список лиц, на коих падает подозрение в принадлежности к социально-революционному обществу [1])

27 мая 1895 г.

№№	Фамилия, имя, отчество и звание.	Сведения отделения.	Отметка.
1	Ульянов, Владимир Ильин, помощник присяжного поверенного округа С.-Петербургской судебной палаты.	Брат казненного государственного преступника Александра Ульянова и с 1887 г. состоит под негласным надзором полиции. Известен отделению с 1888 года вследствие сношений его с высланным впоследствии в Зап. Сибирь Виктором Бартеневым. Вместе с бр. Ванеевыми, Василием Старковым, сестрами Невзоровыми, Верой Сибилевой и др. стоит во главе кружка, занимающегося революционной пропагандой среди рабочих и в интересах этого кружка, для приобретения революционных связей, 25 минувшего апреля выбыл за границу. (Сообщено департаменту полиции 2-го мая сего года за № 5947).	

Отношение департамента полиции на имя заведующего заграничной агентурой П. И. Рачковского от 6 июля 1895 г. № 4678 [2]).

Состоящий под негласным надзором полиции помощник присяжного поверенного округа С.-Петербургской судебной палаты сын действительного статского советника Владимир Ильин Ульянов 25 апреля сего года выехал за границу с паспортом, выданным с.-петербургским градоначальником 15 марта 1895 г. за № 720.

По имеющимся в департаменте полиции сведениям, названный Ульянов занимается социал-демократической пропагандой среди петербургских рабочих кружков, и цель его поездки за границу заключается в приискании способов к водворению в империи революционной литературы и устройства сношений рабочих революционных кружков с заграничными эмигрантами.

Сообщая о сем, прошу вас учредить за деятельностью и заграничными сношениями Владимира Ульянова тщательное наблюдение и о последующем уведомить.

Директор Н. Петров.

Справка департамента полиции [3]).

Ульянов, Владимир Ильин, род. в 1870 г., дворянин, сын действительного статского советника, брат казненного Александра Ульянова, имеет мать вдову Марию, сестер Анну, Ольгу и Марию и брата Дмитрия. Средством к существованию семьи служит пенсия, получаемая за службу отца в размере 1200 руб. в год.

Первоначальное образование получил в симбирской гимназии, а затем поступил в 1887 г. в Казанский университет. Впервые обратил на

[1]) ДП, III, 1895 г., д. № 684, л. 29. — Заголовок подлинника.

[2]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 33.

[3]) ДП, VII, 1895 г., д. № 379, лл. 67—68. Все данные этой справки вошли в справку, составленную в 1900 г., которая опубликована в «Красной летописи» 1922 г., № 2—3, стр. 306—307.

себя внимание сношениями с известным Лазарем Богоразом. За участие в студенческих беспорядках, происходивших в декабре 1887 г., исключен из университета, с воспрещением жительства в Казани и с учреждением негласного надзора полиции.

В июле 1888 года мать Ульянова ходатайствовала о разрешении принять вновь сына ее Владимира в Казанский университет, а в сентябре того же года сам Ульянов ходатайствовал о разрешении ему уехать за границу для окончания образования в одном из заграничных университетов, — оба эти ходатайства, ввиду преждевременности, были отклонены.

В мае 1889 г. казанский губернатор представил ходатайство Ульянова о разрешении ему выезда за границу для лечения, и его превосходительство г. директор названное ходатайство изволил отклонить, ввиду того, что от означенной в медицинском свидетельстве болезни Ульянов может ехать на Кавказ.

По распоряжению московского генерал-губернатора, Ульянову, на основании 16 ст. положения о государственной охране, воспрещено жительство в Москве и Московской губернии. Из ведомости о лицах, состоящих под негласным надзором полиции в Казанской губернии, представленной при отношении начальника Казанского губернского жандармского управления от 20 июля 1889 г., усматривается, что Ульянов ведет знакомство с подозрительными лицами.

В 1889 г. на Ульянова было обращено особое внимание, как на одного из поднадзорных, пребывавших в Казани, которая местность, по сведениям, добытым по известному делу о взрыве в Цюрихе, признавалась местом пребывания особо видных деятелей революционного движения в России.

В 1889 же году Ульянов ходатайствовал о допущении его до экзамена на степень кандидата юридических наук; имеющиеся об Ульянове сведения были сообщены министру народного просвещения.

В то же время были получены указания (из Самары по месту пребывания Ульянова), что он продолжает вращаться в среде лиц вредного в политическом отношении направления.

В октябре 1891 г. было отклонено ходатайство Ульянова о разрешении ему выезда за границу.

В минувшем июне (1892 г.) Ульянов ходатайствовал о разрешении ему быть поверенным при Самарском окружном суде.

Согласно положенной резолюции было объявлено, что соответствующий отзыв будет дан в случае запроса подлежащего его начальства.

Помимо изложенного Владимир Ульянов находился в сношениях с Ив. Ив. Воскресенским, принадлежавшим к кружку Лазаря Богораза.

В июле 1892 г. сообщено председателю самарского окружного суда на его запрос, что к выдаче Ульянову свидетельства на право хождения в качестве поверенного по судебным делам препятствия не встречается.

В апреле сего 1895 г. Ульянов выехал за границу по паспорту, выданному с.-петербургским градоначальником от 25 марта того же года, за № 720, и как состоящий под негласным надзором помещен в циркуляр на пограничные пункты от 26 мая 1895 г. № 4254.

Из ведомости негласного надзора г. С.-Петербурга, по 1 января сего [1895] г., усматривается, что в образе жизни Ульянова ничего предосудительного не замечалось.

Ныне, ввиду полученных об Ульянове неблагоприятных сведений (вх. № 8574), о выезде его за границу сообщено [П. И. Рачковскому].

Рапорт начальника Вержболовского пограничного отделения Петербургско-Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог в департамент полиции от 7 сентября 1895 г. № 170 [1])

Сего числа прибыл из-за границы указанный в циркуляре департамента полиции от 26 мая с. г. за № 4254 сын действительного статского советника Владимир Ильин Ульянов, по паспорту с.-петербургского градоначальника от 15 марта с. г. за № 720, и направился, судя по купленному билету, в гор. Вильно.

По самому тщательному досмотру его багажа, ничего предосудительного не обнаружено. О чем доношу департаменту полиции.

Ротмистр Шпейер.

Рапорт начальника Виленского губернского жандармского управления в департамент полиции от 16 сентября 1895 г. № 1239 [2]).

Имею честь донести департаменту полиции, что начальник Вержболовского пограничного отделения С.-Петербургско-Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог сообщил мне о прибытии 7 сего сентября из-за границы сына действительного статского советника Владимира Ильина Ульянова по паспорту с.-петербургского градоначальника, от 15 марта сего года, за № 720, указанного в циркуляре департамента полиции от 26 мая 1895 г., за № 4254, который, судя по купленному билету, направляется в г. Вильну. Собранными же негласным образом справками пребывания означенного Ульянова в г. Вильне до настоящего времени не обнаружено.

Полковник Черкасов.

Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции от 1 октября 1895 г. № 13863 [3])

Состоящий под негласным надзором полиции:
Фамилия — Ульянов.
Имя — Владимир.
Отчество — Ильин.
Звание — дворянин.
Прибыл 29 сентября 1895 г. в С.-Петербург и поселился в д. № 44 по Садовой ул., 3 участка Спасской части.

№ 13863.
2 октября 1895 г.

---

[1]) ДП, о. о., 1898, д. № 6, ч. 950, л. 34.
[2]) Там же, л. 35.
3) Там же, л. 181.

Из записки петербургского градоначальника в департамент полиции от 27 мая 1895 г. № 7347 [1])

Деятельность этого кружка [«социал-демократов» — «Союза борьбы» в Петербурге] выразилась: 1) в издании брошюры под заглавием «Задачи рабочей интеллигенции в России», каковая была отгектографирована бывшим студентом Технологического института Яковом Пономаревым, 2) в выпуске брошюры, озаглавленной «Что такое «друзья народа» (появились I и III выпуск; выпущены Старковым и Ульяновым). Кроме того, при содействии Старкова, та же брошюра (II выпуск) была издана в Москве [2]).

Полковник Секеринский.

Из донесения начальника Московского губернского жандармского управления в департамент полиции от 20 марта 1895 г. № 1213

При обыске, произведенном у лекаря Сергея Иванова Мицкевича 3 декабря 1894 года, у него были обнаружены:

. . . . . .

9) гектографированная тетрадь, под заглавием: «Выпуск III. «Что такое «друзья-народа» и как они воюют против социал-демократов». Сентябрь 1894 г. Издание провинциальной группы социаль-демократов». Статья эта проповедует классовую борьбу как средство ниспровергнуть капитализм и взывает к коммунистической революции.

Из протокола Московского губернского жандармского управления 19 января 1895 г. об осмотре предметов, взятых при обыске 3 декабря 1894 г. у С. И. Мицкевича [3])

Желтая обложка величиною в ¼ листа с гектографированною надписью: «Выпуск III. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Сентябрь 1894 г. Издание провинциальной группы социал-демократов». В обложку эту вложены 35 сложенных пополам и несброшированных полулистов белой писчей бумаги, образующих таким образом 140 страниц; страницы эти заполнены гектографированным текстом и являются, повидимому, концом брошюры вышеприведенного наименования. Начинается осматриваемая часть этой брошюры словами: «В заключение познакомимся еще с одним «другом народа» г. Кривенко, выступающим тоже на прямую войну с социал-демократами», и, по содержанию своему, представляет полемическую статью, направленную против «либеральных социологов и экономистов,

---

[1]) ДП, VII, 1895 г., д. 684, л. 6—16. При отношении от 27 мая 1895 г. за № 7347 начальник Петроградского охранного отделения представил директору департамента полиции записку о результатах наблюдения за «образовавшейся в С.-Петербурге новой революционной группой так называемых «социал-демократов», направивших преступную деятельность свою главным образом на пропаганду в рабочей среде». Записка эта использована в статье В. Федоровой «К истории петербургского кружка «социал-демократов», помещенной в сборнике «Старая гвардия», Гиз, Ленинград, 1926 г., стр. 132—152.

[2]) «Что такое «друзья народа» написано В. И. Лениным весной—летом 1894 г. и издано в трех выпусках в том же году частью на гектографе, частью на автокописте. Первый и третий выпуск известны (см. Сочинения Ленина, 2-е изд. т. I, стр. 51—222); вторая часть не найдена.

[3]) Моск. суд. палата, дознание, 1896 г., доп. к № 28, т. I, л. 62.

участвующих в «легальной» прессе, по преимуществу в журнале «Русское богатство». В статье этой анонимный автор, говоря от лица «русских социал-демократов» и весьма горячо и страстно опровергая взгляды помянутых «либеральных демократов», полагающих возможным улучшить быт эксплоатируемого большинства путем частичных преобразований настоящего общественного и экономического строя, проводит мысль, что единственный способ облегчения нуждающейся части населения — ниспровержение существующего ныне капитализма с помощью классовой борьбы. Этой целью и определяется политическая деятельность социал-демократов, которая состоит в том, «чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, бунтов и стачек в организованную борьбу всего русского рабочего класса, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации эксплоататоров»... Заканчивается настоящая статья на 111 странице следующей фразой: «Когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идеи... об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции». На остальных страницах изложены две статьи, названные автором «приложениями II и III». Первая из этих статей посвящена полемике г. Струве с Ник. — оном, а вторая касается теории Маркса в изложении ее «либеральными публицистами» и отзыва о последних представителях партии «Народного права», причем сделана ссылка на брошюру «Насущный вопрос», 1894, изд. партии «Народного права». На 109 странице по гектографированному тексту, скопированному с подлинника, сработанного на пишущей машине, сделаны от руки чернилами следующие исправления: «своей», «ической», «е», «ческого», «хозяйства» и «дро».— К осматриваемой брошюре приложена на двух полулистах белой писчей бумаги литографированная статистическая таблица об имущественном положении 24 домохозяев.

Письмо петербургского градоначальника фон-Валь на имя директора департамента полиции Н. Н. Сабурова от 2 октября 1895 г. № 13889 [1])

М. г. Николай Николаевич.

В дополнение к письму моему от 27 мая сего года за № 7347, при котором я имел честь препроводить вашему превосходительству записку о результатах наблюдения за образовавшимся в С.-Петербурге противоправительственным кружком так называемых социл-демократов, было сообщено вам о дальнейшей деятельности этого кружка, выразившейся за последнее время в издании и выпуске брошюр: «Царь голод», «Рабочий день» и «Праздник 1 мая». Ныне появилось новое издание, отпечатанное на пишущей машине, под заглавием: «Русское фабричное зако-

[1]) ДП, III, 1895 г., д. № 684, лл. 103—104.

нодательство». По имеющимся агентурным сведениям, брошюра эта издана тем же кружком «социал-демократов», при ближайшем участии известного вашему превосходительству из помянутой записки помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова, возвратившегося в истекшем сентябре из-за границы.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

В. фон-Валь.

Отношение директора департамента полиции на имя начальника Петербургского губернского жандармского управления от [?] декабря 1895 г. № 2912 [1]).

23 декабря 1894 года на Невском механическом заводе «Московского товарищества» в С.-Петербурге произошли беспорядки, вызванные промедлением в выдаче рабочим следовавшей им заработной платы. Вскоре по прекращении означенных беспорядков, в феврале текущего года, рабочие С.-Петербургского порта на строившемся броненосце «Петропавловск» (на Галерном острове) объявили забастовку, будучи недовольны распоряжением начальства об открытии работ ранее установленного обычаем времени. Затем возникло брожение между рабочими Нового адмиралтейства. 21 февраля возобновились беспорядки на Механическом заводе «Московского товарищества», в то же время в Новом порту были разбросаны отпечатанные на пишущей машине воззвания, озаглавленные «Чего следует добиваться портовым рабочим», а вскоре после сего появилось и новое воззвание, начинавшееся словами: «До 1895 года рабочие как на Галерном островке»...

В воззваниях этих указывалось на притеснения и несправедливости, оказываемые рабочим со стороны портового начальства, и первые призывались к пожертвованиям в пользу пострадавших; равным образом, и на Механическом заводе «Московского товарищества» в день беспорядков 21 февраля также появилось воззвание к рабочим, призывающее их к борьбе с фабрикантами.

Появление упомянутых воззваний вслед за произведенными на означенных заводах беспорядками подтверждало имевшиеся уже в то время в С.-Петербургском охранном отделении сведения об организовавшемся в С.-Петербурге, преимущественно среди учащейся молодежи, социал-демократическом кружке, члены которого занимались революционной пропагандой в рабочем классе, образованием среди рабочих кружков саморазвития и организациею рабочих для поддержки стачек и забастовок.

По агентурным сведениям охранного отделения, участниками этого кружка явились студенты С.-Петербургского технологического института Василий Старков и Петр Запорожец и рабочие Василий Андреев, Шелгунов и Иван Иванов Яковлев. Упомянутые студенты еще до апрельских арестов 1894 года были знакомы и состояли в сношениях с известными прапорщиком запаса армии Михаилом Александровым, студентами Медицинской академии Михаилом Сушинским и Николаем Белецким и студентом С.-Петербургского университета Борисом Зотовым, с

[1]) ДП, VII, 1895 г., д. № 339, лл. 1—6.

которыми сходились в сочувствии вообще революционному движению, не соглашаясь однако с ними в выборе способов и приемов революционной деятельности. Участие в кружке в первое время его возникновения принимали также слесаря Балтийского завода Матвей Фишер и Константин Фокин (он же Норинский), арестованный за участие в революционной пропаганде в июне 1894 года.

Постепенно разрастаясь, кружок этот к осени 1894 года, кроме названных выше лиц, считал в составе своих членов еще студентов Технологического института Германа Красина, Александра Малченко, Степана Радченко, помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова и рабочих Балтийского завода Константина Куприянова и С.-Петербургского арсенала Александра Павлова Ильина. Лица эти, по агентурным сведениям, составили из себя так называемую «Центральную группу» для руководства рабочим движением, собирали рабочих на сходки преимущественно в квартире Ивана Яковлева и, в видах приобретения средств на пропаганду, устроили между ними сбор для так называемой рабочей кассы и библиотеки, хранившейся у упомянутого выше Шелгунова. К концу 1894 года, благодаря деятельности центральной группы, было сформировано несколько отдельных рабочих кружков, программа которых заключалась в ознакомлении рабочих с социалистическим движением как путем устной пропаганды, так и раздачи им соответствующих брошюр и других изданий. К числу этих кружков принадлежали: 1) кружок в Гавани, собиравшийся в квартире Яковлева и находившийся под руководством Ульянова, 2) кружок Шелгунова за Невской заставой, руководимый Старковым, 3) Путиловский, в котором роль руководителя принадлежала Запорожцу, и 4) кружок на Выборгской стороне, где с рабочими занимались Малченко и Красин.

Независимо сего, некоторые из наиболее сочувствовавших делу пропаганды рабочих составили из себя особый «Центральный рабочий кружок», в состав которого вошли рабочие Путиловского завода Николай и Константин Ивановы, Иван Васильев Ефремов, Иван Владимиров Форсов, Петр Павлов Садов, С.-Петербургского арсенала — Александр Павлов Ильин, Балтийского завода — Константин Куприянов, упомянутые выше Иван Яковлев и Василий Шелгунов, работницы Резиновой мануфактуры Феодосия Никифорова и Елизавета Желабина, рабочий Государственной типографии Василий Яковлев Антушевский, мещанин Николай Евстифеев Рядов и бывший рабочий карточной фабрики Николай Дементьев Богданов.

Установленным за перечисленными выше рабочими наблюдением удалось выяснить сношения их как с упомянутыми Старковым, Запорожцем, Ульяновым и другими, так и с новыми личностями, принявшими на себя впоследствии также руководство рабочим движением. Так, было выяснено, что Николай и Константин Ивановы, Никифорова, Рядов и некоторые другие посещают весьма часто дом № 26 по Загородному проспекту, где и бывают у дочери землемера-таксатора Веры Владимировой Сибилевой. Вечером 5 января 1895 года Сибилева проведена была в дом № 44 по Гагаринской улице, где зашла в квартиру, занимаемую известным уже ранее по своей политической неблагонадежности врачом Станиславом Быковским и дочерьми колежского ассесора Еленой и Елизаветою Агринскими; вслед за Сибилевой в ту же квартиру явились Николай и Константин Ивановы, Иван Ефремов, Петр Садов, он же Сазонов, Феодосия Никифорова и Елизавета Жела-

бина. По полученным впоследствии агентурным сведениям, сходка эта имела целью указать членам рабочей организации на необходимость более энергичной деятельности по образованию тайных рабочих кружков, а равно и наиболее действительные способы пропаганды.

Быковский, Агринские и Сибилева требовали от явившихся на сходку представителей рабочих заняться организациею возможно большего количества кружков саморазвития и указывали на проведение народовольческой программы, как наиболее соответствующей условиям политического строя империи; независимо сего, Быковский пытался провести мысль о необходимости террористической деятельности, как единственно целесообразного средства для борьбы с правительством. Против этого последнего положения возражал рабочий Николай Иванов, мнение которого было поддержано прочими рабочими, вследствие чего и было постановлено: держаться общереволюционной деятельности, направив главным образом все силы к широкому развитию рабочих кружков, причем Быковский, Агринская и Сибилева обязались доставить руководителей для занятий в кружках. Последнею, действительно, и были рекомендованы в качестве руководителей два лица: студент Технологического института Анатолий Александров Ванеев и упомянутая выше Елизавета Капитонова Агринская, известная между рабочими под именем Лидии Николаевны.

Последствием сходки 5 января было устройство еще нескольких рабочих кружков, один из которых стал собираться в доме № 179 по набережной р. Фонтанки, в квартире Феодосии Никифоровой; сходки этого кружка чаще других посещали Николай и Константин Ивановы, Иван Ефремов, Петр Садов, Николай Рядов и Василий Шелгунов.

Затем дальнейшим наблюдением было установлено, что, кроме перечисленных выше Быковского, Агринских, Сибилевой, Малченко, Запорожца, Ульянова, Старкова, Радченко, Ванеева и Красина, в деятельности кружка социал-демократов принимали также участие: слушательницы женских курсов Зинаида и София Невзоровы и Александра Глаголева, студент Технологического института Владимир Батурин, кандидат С.-Петербургского университета Александр Нагоров и сын чиновника Василий Александров Ванеев. По распределении между членами кружка ролей Нагоров, Ульянов, Быковский и Сибилева *) приняли на себя заведывание общими делами и организацию денежной помощи рабочим, привлекаемым к дознаниям, Глаголева, Елена Агринская и Батурин — производство денежных сборов и приискание квартир для сходок, Ванеевы, Запорожец, Малченко (носящий в рабочих кружках кличку «Василия Федоровича») и Елизавета Агринская — непосредственную пропаганду в рабочих кружках.

Из числа упомянутых лиц Ульянов в конце апреля текущего года выбыл за границу, повидимому, с целью по поручению кружка завязать сношения с русскими эмигрантами и приискать способы для правильного водворения в империю революционной литературы. Преступная же деятельность остальных до весны сего года выразилась в следующем: Сибилева при содействии Нагорова и через посредство Никифоровой неоднократно посылала денежные суммы высланным из Петербурга, привлеченным к дознанию по делу «группы народовольцев», рабочим

*) Носит в рабочих кружках прозвище «Марии Петровны». (Примечание в подлиннике.)

Константину Норинскому, Матвею Фишеру, Ивану Кейзеру, Логину Желабину и Николаю Богданову, из коих последний в марте приезжал тайно в столицу для свидания с нею. Запорожец, Малченко и Старков часто посещали под вымышленными именами и в рабочих костюмах квартиру Ивана Яковлева (Наличная улица, д. 71, кв. 4), где принимали участие в собраниях «Центрального рабочего кружка».

При этом как они, так и Анатолий Ванеев и Елизавета Агринская («Лидия Николаевна») читали на сходках рефераты социалистического содержания (о норме рабочего дня, положении рабочего класса и т. п.) и раздавали рабочим революционные издания («Историю революционного движения в России» Туна, «Рабочий сборник», брошюры «Александр III», «Насущный вопрос», «7 ноября 1894 года», «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», «Ежегодный всемирный праздник рабочих» и т. п.). Из числа сходок на квартире Яковлева заслуживает особого внимания имевшая место 5 марта 1895 года. На этой сходке, на которой присутствовал и временно пребывавший в С.-Петербурге Николай Богданов, принят был составленный Николаем Ивановым «Устав кассы взаимопомощи рабочих», кассиром которой и выбран Иванов; затем рабочий Антушевский читал отпечатанную на пишущей машине народовольческую брошюру, призывающую рабочих к борьбе с правительством для достижения политической свободы.

Сообщая об изложенном департаменту полиции 27 мая 1895 года, за № 7347, бывший с.-петербургский градоначальник генерал-лейтенант фон-Валь уведомил, что, независимо сего, деятельность кружка «социал-демократов», по агентурным сведениям, выразилась еще: 1) в издании брошюр «Задачи рабочей интеллигенции в России», воспроизведенной на гектографе бывшим студентом Технологического института Яковом Пономаревым, и «Что такое «друзья народа», а равно в издании воззваний, появившихся среди рабочих вслед за беспорядками в Новом порту и на Механическом заводе «Московского товарищества». К сему генерал-лейтенант фон-Валь присовокупил, что весною 1895 г. были замечены попытки сближения с членами «Центральной рабочей группы» известного агитатора прапорщика запаса Александра Ергина, который через посредство рабочего Путиловского завода Николая Полетаева распространял между рабочими, входящими в состав «Центрального рабочего кружка», № 3 «Летучего листка группы народовольцев».

При рассмотрении вышеизложенных сведений и принимая во внимание, что на лето большинство участников кружков разъехалось, департамент полиции в июне месяце предложил с.-петербургскому градоначальнику продолжать наблюдение по сему делу, усилив таковое ко времени возвращения осенью выбывших из Петербурга деятелей, и принять меры к освещению агентурным путем предполагавшейся будущей деятельности этих кружков.

Из поступивших ныне дополнительных сведений по этому делу усматривается, что летом и осенью текущего года между членами «социал-демократического кружка» стали появляться в обращении народовольческие издания, как-то — брошюры «Царь голод» и «Рабочий день», и что затем кружком этим были изданы и распространяемы преступного содержания брошюры «Праздник 1 мая» и «Русское фабричное законодательство», а равно распространяемы печатные издания группы народовольцев «Ткачи» и «Стачки и их значение для рабочих».

Независимо сего, 26 апреля в квартире рабочего Николая Иванова состоялась сходка для выбора нового кассира рабочей кассы взаимопомощи, причем выбранным оказался рабочий Борис Зиновьев.

Затем в мае в лесу близ станции Удельной, Финляндской железной дороги, имела место сходка интеллигентных представителей кружка, собранная с целью решения вопроса о возможности соединения для совместной революционной деятельности с остатками группы народовольцев. На сходке принимали участие Старков, Запорожец, Малченко, Радченко, Батурин, Ванеевы, Зинаида Невзорова, Агринский и Вера Сибилева; кроме указанного выше вопроса обсуждался вопрос о замещении некоторых главных руководителей, предполагавших выехать на летнее время из столицы, причем на Сибилеву возложено было непосредственное сношение с рабочими, а на Быковского и Агринских общее заведывание делами кружка.

С этих пор Сибилева и Елизавета Агринская стали посещать д. № 5 по Колпинской улице, а именно квартиру работницы Резиновой мануфактуры Наталии Степановой, вышедшей ныне замуж за рабочего Ивана Кейзера. Квартира эта являлась, повидимому, местом для сходок рабочих и для склада революционных сочинений, доставляемых интеллигентными членами кружка; сюда, после первых же посещений Сибилевой и Агринской, переехал на жительство Иван Яковлев, приходя неоднократно для занятий с рабочими Старков, а равно часто являлись вновь вступившие в кружок рабочие братья Петр и Иван Кейзеры. Последний, привлеченный уже ранее к дознанию политического характера и представляющийся вообще личностью в высшей степени неблагонадежною, не замедлил принять в деятельности кружка энергичное участие. По агентурным сведениям, приписывающим Кейзеру появившиеся вначале текущего года в Новом порту и на Механическом заводе «Московского товарищества» воззвания «Чего следует добиваться портовым рабочим» и «До 1895 года», Кейзер приобрел на средства кружка пишущую машину, литографский камень и другие принадлежности тиснения и стал печатать в посаде Колпино, куда был выслан из С.-Петербурга, разные издания, в том числе «Отчего русские крестьяне голодают» и «Религия капитала». Участвуя в собраниях кружка, Кейзер проводил мысль о необходимости выделения из числа рабочих энергичных людей, способных на самостоятельную революционную работу и готовых даже к насильственной борьбе путем террора для устранения лиц, участвующих в правительственной агентуре.

Одновременно с Кейзером кружок усилился еще несколькими новыми членами из рабочих, в том числе Борисом Зиновьевым и Петром Карамышевым (рабочие Путиловского завода). Лица эти предоставили свои квартиры для склада революционных сочинений («Новый защитник самодержавия или горе Тихомирова», «Русское рабочее и революционное движение», «7 ноября 1894 г.» и т. п.) и в течение летних месяцев распространяли таковые между своими товарищами. Узнав о брожении среди рабочих сталепрокатной мастерской Путиловского завода в июне сего года, вызванном понижением заработной платы, Зиновьев и Карамышев в течение двух недель посещали эту мастерскую с целью агитации, подстрекая рабочих настаивать на своих требованиях. Отчасти под влиянием этой агитации рабочие мастерской сделали забастовку, повлекшую за собою высылку нескольких зачинщиков. После сего Зи-

новьев и Карамышев, опасаясь обыска, перенесли из своих квартир, при участии рабочих Петра Акимова и Николая Дудинского, хранившиеся у них революционные сочинения; независимо распространения означенных сочинений, Зиновьев и Карамышев, по агентурным сведениям, предполагали заняться воспроизведением таковых, с каковою целью и заготовили печатный станок. Когда появились брошюры «Царь голод», «Рабочий день» и «Ткачи», названные рабочие, вместе с Шелгуновым, Антушевским и Полетаевым, распространили их в кружках за Нарвской и Невской заставами. Для обсуждения вопроса о способах распространения этих сочинений были устроены сходки: 16 июля близ Волкова кладбища и 6 августа за Невской заставой; на сходках этих присутствовали также Шелгунов и Иван Кейзер.

3 сентября состоялась сходка кружка, устроенная с особыми мерами предосторожности. Для сего был зафрахтован пароход «Тулон» общества Финляндского легкого пароходства; из квартиры Степановой (Кейзер) было дано знать о сходке во все рабочие кружки, но явилось однако не более 15 лиц, которые и собрались у пристани Летнего сада в сопровождении Сибилевой и Антушевского; прогулка продолжалась с 9 часов утра до 8 часов вечера. При этом на пароходе во время пути произносились речи об отношениях капиталистов к правительству, которое называлось «узурпатором» и «угнетателем» народа; речи сводились к призыву борьбы с правительством.

Из речей в особенности выделялись сказанные Василием Антушевским и чиновником комиссии погашения долгов Пантелеймоном Лепешинским, обсуждавшим тяжкое положение рабочего класса и способы к его улучшению. Названный Лепешинский, игравший роль как бы руководителя сходки, был при этом, как и прочие интеллигентные участники, в рабочем костюме.

Вскоре после описанной сходки возвратился из-за границы Владимир Ульянов, цель которого, изложенная выше, повидимому, была достигнута. На это указывает появление, вслед за возвращением Ульянова, заграничных революционных изданий в значительном количестве как в рабочих кружках, так в особенности у Зиновьева и Карамышева; в числе этих изданий были, между прочим: «Кто чем живет», «Хитрая механика» и т. п. По агентурным сведениям, Ульянов успел войти за границей в сношения с известным эмигрантом Плехановым, который будто бы и обещал доставить в империю революционную литературу. С возвращением Ульянова деятельность кружка оживилась. Ульянов немедленно имел свидание с Анатолием Ванеевым и Яковом Пономаревым, от которых и узнал, что Красин и, повидимому, Радченко отказались от дальнейшего участия в кружке, который однако пополнился взамен их новыми членами: инженер-технологами Михаилом Названовым и Глебом Кржижановским.

Деятельность двух последних, а равно Ульянова и Анатолия Ванеева, по данным наблюдения, за последнее время представляется в следующем виде.

27 сентября Ванеев посетил дом № 20 по Клинскому проспекту, исключительно населенный рабочими.

30 сентября, выйдя из квартиры в штатском платье, с нахлобученною шапкою и спрятанной в воротник плаща нижнею частью лица, он отправился к Названову, куда прибыла слушательница высших женских курсов Елена Сибирская. В это же время к дому, в котором про-

живает Названов, подошел и Ульянов, но, не заходя в дом, вскоре же удалился. Через четверть часа Ванеев, вместе с Сибирской, отправились на извозчике в дом № 48 по Гороховской улице; Сибирская осталась ожидать на извозчике, а Ванеев направился к студенту С.-Петербургского университета Виктору Сережникову. Спустя около получаса Ванеев вышел от последнего в сопровождении студента того же университета Николая Митрофанова-Шеманова, причем они вынесли и поставили на извозчика чемодан желтой кожи, который Сибирская и отвезла на свою квартиру. Сопровождавший ее часть пути Митрофанов-Шеманов заходил при этом в обитаемый дом, вынес оттуда сверток бумаг и передал его также Сибирской.

Что касается Владимира Ульянова, то последний по возвращении из-за границы, по данным наблюдения, постоянно находился в сношениях с Названовым, Ванеевым, Сибирской, Сибилевой и Кржижановским. 30 сентября он посетил дом № 139 по Невскому проспекту, исключительно населенный рабочими, а 1 октября отправился в дом № 8/86, по 7 линии Васильевского острова, где проживают рабочие Степан Иванов, Владимир Ипатьев, Владимир Горев, Александр Шнявин, Николай Александров и Тиц Франгольц. В доме этом Ульянов пробыл три часа, после чего вышел оттуда вместе с Глебом Кржижановским, с которым и отправился затем к себе домой. Последний, как установлено наблюдением, находился в означенное время также в сношениях с Пономаревым, Названовым и сестрами Невзоровыми.

Данные наблюдения, а равно указания агентурного характера, дают основания предполагать, что за последнее время петербургский кружок социал-демократов выработал по отношению к себе следующую организацию.

Руководители кружка составили из себя особую группу, присвоившую себе название «Центрального кружка», в состав коего входят: Старков, Запорожец, Малченко, Ульянов, Анатолий и Василий Ванеевы, Названов (выбывший ныне во Владимирскую губернию), Кржижановский, Сибилева и Елизавета Агринская.

Рабочие, близко стоящие к руководителям, образуют так называемую «Центральную рабочую группу», к которой и принадлежат рабочие: Шелгунов — как представитель рабочего населения за Невской заставой, Карамышев (он же Петька) и Зиновьев (он же Борис) — представители Путиловского завода, Яковлев — от арсенала и Иван Кейзер — от рабочих посада Колпино.

«Центральный кружок», с своей стороны, разделяется на два отдела: 1) Центральный комитет, имеющий обязанность следить за рабочими кружками, вырабатывать и посылать в последние агитаторов-руководителей и издавать произведения подпольной литературы; в состав комитета входят от интеллигенции — Ульянов, Старков и Кржижановский, а от рабочих несколько представителей, в том числе Яковлев и Шелгунов; комитет имел свою «агитационную кассу», составленную из пожертвований сборов с вечеринок, лотерей и т. п.; 2) Литературная группа, состоящая из нескольких лиц, в том числе тех же Ульянова, Старкова и Кржижановского.

Что касается рабочей группы, то последняя делится на кружки, распределенные по особым районам столицы, имеющим каждый особого руководителя. Районы эти следующие: Невская застава (руко-

водители Старков и Кржижановский), Васильевский остров (Ульянов и Названов), Выборгская сторона (Малченко) и Путиловский завод (Запорожец). Цель организации этих кружков, кроме общей пропаганды вообще революционных идей среди рабочих, — подготовка «боевой рабочей группы»; каждый кружок имеет свою кассу, предназначаемую для помощи рабочим во время стачек, а также при арестах; касса эта составляется из ежемесячных взносов членов кружка.

Наконец, к рабочей группе принадлежит также особый «Рабочий комитет», назначение которого заключается в сборе сведений о положении рабочих на фабриках и сообщении таковых Литературной группе.

По полученным за самое последнее время указаниям:

1) В квартире Карамышева и Зиновьева часто собираются сходки, на которых обсуждаются вопросы о дальнейшем образовании рабочих кружков.

2) Николай Полетаев приобрел значительное количество революционных брошюр исключительно издания «Группы народовольцев», которые затем взяты у него рабочим Шелгуновым.

3) Студент С.-Петербургского технологического института Марк Шат хранит у себя в большом количестве революционные издания; студент же университета Павел Романенко занимается воспроизведением (в том числе так называемой «Эрфуртской программы») для распространения их затем среди рабочих.

4) Члены петербургского социал-демократического кружка принимали непосредственное участие в издании и распространении воззваний на фабрике Торнтона во время бывших там беспорядков. Так, 7 ноября сего года Ульянов и Старков зашли вечером к рабочему Александровского сталелитейного завода Никите Меркулову, которому и передали 40 рублей в пользу семейств рабочих, задержанных за беспорядки на означенной фабрике. При этом они поручили ему убеждать рабочих держаться стойко, не опасаясь за будущее и обещая обеспечить им денежную помощь. В последующие затем дни названные агитаторы постоянно приходили к Меркулову и 12 ноября доставили последнему большое количество тех именно воззваний, которые и были впоследствии разбросаны на фабрике. Принесены они были туда же знакомым Меркулова местным рабочим Василием Михайловым Волынкиным и Василием Шелгуновым

и 5) что расклеенные на Путиловском заводе утром 5 декабря оттиснутые на мимеографе воззвания, начинающиеся словами «Товарищи, в паровозо-механической мастерской стачка», также, повидимому, изданы тем же кружком, так как, по агентурным сведениям, были распространяемы уже названными рабочими Борисом Зиновьевым и Петром Карамышевым.

Ввиду такого усиления пропаганды и распространения революционных изданий департамент полиции признал своевременным приступить к немедленной ликвидации с.-петербургской социал-демократической группы, почему и предложил и. д. с.-петербургского градоначальника в ночь на 9 декабря сего года сделать распоряжение о производстве одновременных обысков у нижеследующих лиц: помощника присяжного поверенного Владимира Ильина Ульянова, инженера-технолога Глеба Максимилианова Кржижановского, инженера технолога Василия Васильева Старкова, студента Технологического института

Анатолия Александрова Ванеева, сына чиновника Василия Александрова Ванеева, врача Степана Станиславова Быковского, дочери колежского ассесора Елены Капитоновой Агринской, кандидата университета Александра Владимирова Нагорова, прапорщика запаса артиллерии Александра Александрова Ергина, чиновника комиссии погашения государственных долгов Пантелеймона Николаева Лепешинского, инженера-технолога Александра Леонтьева Малченко, студента Технологического института Петра Кузьмина Запорожца, студента С.-Петербургского университета Николая Васильева Митрофанова-Шеманова, студентов того же университета Виктора Константинова Сережникова и Павла Романенко, студента Технологического института Марка Моисеева Шат, дочери землемера-таксатора Веры Сибилевой, слушательниц Высших женских курсов Елены Васильевой Сибирской и Александры Матвеевой Глаголевой, дочери коллежского ассесора Елизаветы Капитоновой Агринской, с.-петербургских ремесленников Ивана и Петра Ивановых Кейзер, жены первого Наталии Степановой Кейзер (она же Панфилова), сына отставного канцеляриста Ивана Иванова Яковлева, Василия Яковлева Антушевского, Василия Андреева Шелгунова, лужского мещанина Константина Яковлева Иванова, Николая Гурьянова Полетаева, с.-петербургского мещанина Бориса Иванова Зиновьева, сына надворного советника Петра Иванова Карамышева, Петра Иванова Акимова, Николая Ефремова Дудинского, Константина Константинова Куприянова, крестьянина Калужской губернии Никиты Егорова Меркулова, крестьянина Смоленской губернии Василия Михайлова Волынкина, петрозаводского мещанина Ивана Васильева Ефремова, мещанина города же Петрозаводска Петра Константинова Сазонова (он же Садов), мещанина посада Солец Николая Евстифеева Рядова, крестьянина Степана Иванова, Владимира Николаева Ипатьева, Владимира Никифорова Горева, Александра Михайлова Шпявина и крестьянина Лифляндской губернии Тица Франгольца.

Независимо сего, об аресте и препровождении в С.-Петербург мещанина Николая Яковлева Иванова сообщено по телеграфу начальнику Киевского губернского жандармского управления, начальнику же Владимирского губернского жандармского управления предложено об учреждении возможно тщательного наблюдения за деятельностью и сношениями инженера-технолога Михаила Кондратьева Названова, впредь до дальнейших о нем распоряжений.

Сообщая об изложенном, департамент полиции покорнейше просит ваше превосходительство приступить по изложенным данным к производству при вверенном вам управлении дознания, в порядке ст. 1035 уст. угол. суд., присовокупляя, что о передаче в ваше распоряжение арестованных и всего обнаруженного по обыску вместе с сим предложено с.-петербургскому градоначальнику.

Вместе с сим, препровождая при сем экземпляр воззвания, начинающегося словами «Рабочие паровозо-механической мастерской Путиловского завода требуют», оказавшегося наклеенным в ночь на 5 сего декабря в Покровском сквере и на Калинкинском мосту, департамент полиции считает нужным добавить, что воззвания эти также, повидимому, представляют издание того же социал-демократического кружка.

Директор Сабуров.

Донесение пом. петербургского градоначальника Турчанинова на имя директора департамента полиции Сабурова от 10 декабря 1895 г. № 17674 [1])

М. г. Николай Николаевич.

Вследствие письма вашего превосходительства от 8 сего декабря за № 10310 [2]), в ночь на 9-е число сего же месяца были произведены обыски у лиц, поименованных в списке, представленном вашему превосходительству начальником охранного отделения полковником Секеринским. При этом обыски эти дали, между прочим, следующие результаты.

1) У чиновника комиссии погашения долгов Пантелеймона Лепешинского и сожителя его студента С.-Петербургского технологического института Степана Гуляницкого в общей их квартире обнаружены народовольческая программа (отпечатана на пишущей машине), 22 экземпляра печатной брошюры «Ткачи», изданной в текущем году, 16 экземпляров брошюры под заглавием «Царь голод», 10 экземпляров брошюры «Рабочий день», 230 экземпляров отлитографированного отчета петербургского отделения Красного креста с 1 мая по 1 декабря сего года, литографированная брошюра о стачках и их значении для рабочих, воззвание о беспорядках еврейских рабочих (только что оттиснутое, повидимому, на мимеографе), воззвание к рабочим фабрики Торнтона (оттиснуто на пишущей машине) [3]), воззвание возмутительного содержания в 7 экземплярах, озаглавленное «Императорского дома нашего приращение...», прибор для тиснения с двумя валиками, жестянка с типографской краской, жестянка с желатином, чековые квитанции для сбора денежных пожертвований, рукопись преступного содержания, озаглавленная: «По поводу речи царя», записная книжка с выдержками из биографии казненных и осужденных государственных преступников и разная переписка.

2) У студента Технологического института Анатолия Ванеева — печатные, гектографированные и рукописные преступные издания, главным образом, относящиеся к рабочей пропаганде, каковы, например, воззвания: «К рабочим фабрики Кенига» (4 экз.), «К рабочим Путиловского завода», «К русским рабочим», и статьи, относящиеся к стачкам: в мастерской механической обуви, в Иванове-Вознесенске, Ярославской стачке, стачка на фабрике Торнтона и Лаферма, о стачках в Петербурге, Вильне, Минске; рукопись под заглавием «О чем думают наши министры» [4]) и разная переписка.

---

[1]) ДП, VII, 1895 г., д. № 339, лл. 13—19.

[2]) Директор департамента полиции Сабуров отношением от 8 декабря 1895 г. за № 18 310 на имя пом. петербургского градоначальника Турчанинова сообщал, что «вследствие переписки, происходившей между департаментом полиции и петербургским градоначальником о привлечении к ответственности лиц, занимающихся преступной пропагандой среди петербургских заводских и фабричных рабочих, сего числа, в департаменте полиции состоялось частное совещание при участии прокурора судебной палаты для установления по данным наблюдения охранного отделения списка лиц, подлежащих обыску и аресту по сему делу», и просил «сделать распоряжение о производстве, сегодня ночью, у означенных в списке лиц, в порядке положения об охране, обысков и подвергнуть содержанию под стражей тех из них, которые подлежат аресту».

[3]) Автор воззвания — В. И. Ленин. См. Сочинения, 2 изд., т. I, стр. 449.

[4]) Автор рукописи — В. И. Ленин. См. Сочинения, т. I, стр. 417—421.

3) У помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова — также гектографированные и рукописные сочинения: воззвание к рабочим фабрики Кенига (разорвано), по поводу забастовки в мастерской механической обуви (разорванная рукопись), «Ярославская стачка 1895 г.» и разная переписка.

4) У дочери землемера-таксатора Веры Сибилевой — гектограф, печатные и гектографированные брошюры, некоторые в нескольких экземплярах, главным образом, по рабочему вопросу, и такие же рукописи, из коих одна писана химическими чернилами, повидимому, для гектографа, и разная переписка.

5) У инженера-технолога Василия Старкова — печатная брошюра «Кто чем живет», книга по рабочему вопросу, разная переписка, в числе коей, между прочим, оказалась писанная собственноручно Старковым и представляющая собою воззвание к рабочим фабрики Торнтона, начинающаяся словами: «Чего требуют ткачи». Воззвание это, отпечатанное на мимеографе, как известно вашему превосходительству из письма моего от 16 минувшего ноября, за № 16394, распространялось на здешних фабриках в половине ноября сего года.

На обороте означенной рукописи написан тою же рукою печатный набросок другого воззвания, начинающегося: «Това... Градон. Ф. Валь запретил...», каковое воззвание было отпечатано также на упомянутом распространявшемся воззвании к торнтоновским рабочим.

6) У студента С.-Петербургского университета Павла Романенко — большое количество печатных гектографированных и рукописных сочинений, в том числе речь рабочего Алексеева, с предисловием Плеханова, в 24 экз., рукопись Каутского, озаглавленная «Основы социал-демократии», 53 листа копировальной бумаги и разная переписка по рабочему вопросу.

7) У студента Технологического института Марка Шата — печатные, рукописные и оттиснутые на пишущей машине революционные издания, брошюры и воззвания в большом количестве экземпляров, преимущественно по рабочему вопросу, в том числе распространявшиеся ныне арестованными членами кружка брошюры: «Царь голод», «Ткачи» и «Рабочий день».

8) У студента Технологического института Александра Малченко — такие же печатные и гектографированные сочинения, в том числе два экземпляра рукописной программы для собирания сведений о фабриках и фабричном начальстве.

9) У студента Технологического института Петра Запорожца — брошюры на польском языке, главным образом, по рабочему вопросу, 2 экз. гектографированного воззвания «Прядильщикам фабрики Кенига», 6 паспортов на разных лиц.

10) У слушательниц Высших женских курсов Елены Сибирской и Анны Катауровой брошюры «Группы народовольцев», «Ткачи» и «Рабочий день».

11) У прапорщика запаса Александра Ергина — брошюры «Рабочий день», «Хитрая механика» и разная переписка по рабочему вопросу.

Затем по обыскам у рабочих обнаружено:

У рабочего Василия Антушевского — большое количество печатных изданий, в нескольких экземплярах каждое, каковы: «Рабочий день», «Царь голод», «Ткачи», литографированная брошюра о стачках

в разных местностях; рукописи: к годовщине 1 марта, программы: организации рабочих союзов, кружков и сношений с рабочими группами (в рукописях), о рабочей кассе, воззвания (рукописные). Из числа сих последних обращает на себя внимание воззвание, начинающееся словами: «Товарищи! Прочитанное Антушевским во время прогулки 3 сентября с. г... », — как подтверждающее изложенные в записке охранного отделения сведения о том, что интеллигентные руководители кружка устроили 3 сентября с. г. в целях революционных прогулку, совместно с рабочими, на пароходе Финляндского общества «Тулон». Это подтверждается еще более обнаруженной у того же Антушевского квитанцией за № 175 в уплате 30 руб. за нанятый 3 сентября пароход для прогулки по Неве от Летнего сада. Квитанция эта выдана на имя Лепешинского. Кроме того у Антушевского оказались печатные копии с совершенно секретного циркуляра петербургского губернатора от 14 июня 1877 г. за № 20, секретный циркуляр воронежского губернатора земским начальникам от апреля 1892 года.

У рабочего Николая Рядова — разные печатные и гектографированные издания, причем у него оказалась гектографированная брошюра, оканчивающаяся словами: «тайная организация пролетариата...», тождественная с таковою же обнаруженною у Малченко, и кроме того гектографированный циркуляр г. министра внутренних дел по наблюдению за молодыми людьми, командируемыми для борьбы с эпидемиею.

Наконец, у некоторых других рабочих оказались печатные революционного содержания брошюры, в том числе «Царь голод», «Ткачи», «Рабочий день», причем у рабочего Василия Шелгунова найдено воззвание к рабочим фабрики Торнтона (оттиснутое на пишущей машине) и рукопись — критика «Группы народовольцев».

Ввиду сего и согласно распоряжения вашего превосходительства, подвергнуты личному задержанию в С.-Петербургском доме предварительного заключения: 1) Владимир Ульянов, 2) Глеб Кржижановский, 3) Василий Старков, 4) Анатолий Ванеев, 5) Стефан Быковский, 6) Александр Нагоров, 7) Александр Ергин, 8) Пантелеймон Лепешинский, 9) Александр Малченко, 10) Петр Запорожец, 11) Павел Романенко, 12) Марк Шат, 13) Вера Сибилева, 14) Елена Сибирская, 15) Елизавета Агринская, 16) Иван Яковлев, 17) Василий Антушевский, 18) Василий Шелгунов, 19) Николай Полетаев, 20) Борис Зиновьев, 21) Петр Карамышев, 22) Петр Акимов, 23) Никита Меркулов, 24) Николай Рядов, 25) Анна Катаурова, 26) Степан Гуляницкий и 27) Наталия Кейзер, рожденная Степанова.

Независимо от сего, арестованы Василий Ванеев и Иван Кейзер по требованию начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления и подвергнуты обыскам с оставлением на свободе: 1) Елена Агринская, 2) Николай Митрофанов-Шеманов, 3) Виктор Сережников, 4) Александра Глаголева, 5) Константин Иванов, 6) Яков Иванов, 7) Николай Дудинский, 8) Константин Куприянов, 9) Василий Михайлов (он же Волынкин), 10) Иван Ефремов, 11) Петр Сазонов, 12) Степан Иванов, 13) Владимир Горев, 14) Александр Шнявин, 15) Николай Александров, 16) Тиц Фрогмольц и 17) Владимир Ипатьев.

Сообщая об изложенном вашему превосходительству, с препровождением описи всего обнаруженного по обыскам 9 сего декабря, имею честь присовокупить, что арестованные и все вещественные доказатель-

ства вместе с сим передаются в С.-Петербургское губернское жандармское управление для возбуждения дознания.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном уважении и совершенной преданности.

Иван Турчанинов.

Протокол допроса Л. А. Ванеева 19 декабря 1895 г.[1])

1895 года, декабря 19 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Клыков, на основании ст. 1035[7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина, допрашивал обвиняемого, который показал:

Зовут меня Анатолий Александрович Ванеев.

Я не признаю себя виновным в принадлежности к какому бы то ни было революционному или противоправительственному кружку или группе и, в частности, к сообществу, именующемуся социал- демократическим кружком или группой, о существовании которых мне известно лишь по слухам, но из каких членов они состоят, я не знаю. Сам я никакой революционной деятельностью и, в частности, пропагандой среди рабочих не занимался. Никогда никаких рабочих кружков не посещал; рабочего Ивана Яковлева я не знаю, и мне никогда не приходилось бывать по Наличной улице, д. № 71, кв. 4; Старкова, Запорожца, Малченко, Батурина, Зинаиду Невзорову я знаю и с этими лицами был в 20 числах мая этого года на прогулке в Удельном лесу. На этой прогулке присутствовал мой брат Василий, только тогда приехавший из Нижнего Новгорода в С.-Петербург. Прогулка имела чисто увеселительный характер: была взята с собой гармония, закуска и вино, но при этом никаких вопросов политического характера не обсуждалось.

Елизаветы и Елены Агринских я не знаю, но эту фамилию слыхал. Фамилии Сибилевой не слыхал совсем. Веры Владимировны, Марьи Петровны и Лидии Николаевны в числе моих знакомых нет. Врача Быковского я также не знаю. С помощником присяжного поверенного Владимиром Ильичом Ульяновым я знаком, хотя очень мало, и познакомился с ним, насколько припоминаю, в прошлом году на технологическом балу. У Ульянова я был на квартире раза два, когда он проживал на Большом Казачьем переулке, он же у меня, кажется, не бывал.

---

[1]) Из печатаемых ниже протоколов допросов выбраны для опубликования здесь только те, в которых имеются фактические данные о революционной деятельности В. И. Ленина, послужившие материалом для обвинения и вошедшие в так называемый «Доклад по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 гг. преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами», подписанный вице-директором департамента полиции Семякиным 17 декабря 1896 г., — по существу обвинительный акт по делу о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса в Петербурге» (опубликован в приложениях к Собранию сочинений Ленина, I изд., стр. 520—626; там же опубликован (стр. 627—629) и «Приговор в окончательной форме» за подписью министра юстиции Муравьева, № 255, датированный 29 января 1897 г.).

Сведения повторяющиеся и показания чисто личного характера в публикуемых здесь протоколах опущены (отмечены в тексте многоточием).

Копии печатаемых протоколов хранятся в фонде деп. полиции, VII, делопр., 1895 г., д. № 339.

Протоколы допросов В. И. Ленина воспроизводятся по копиям в том же деле департамента полиции, VII, 1895 г., № 339, т. II; лл. 133; 134; 161; 221; 241; (опубликованы в «Записках Института Ленина», вып. I, 1927 г., стр. 128—131).

В последний раз я виделся с Ульяновым недели за две до моего ареста на улице. С Ульяновым в близких отношениях не находился.

Глеба Кржижановского я знаю, как студента нашего института, бывал у него изредка, а он у меня был не более одного, двух раз. Никого из рабочих у меня знакомых нет. Инженера-технолога Названова и студента Сережникова я знаю и у них бывал. Женщины с фамилией Сибирской и студента Митрофанова-Шеманова я не знаю. Мне никогда не случалось выносить от Сережникова какой-либо чемодан. Революционных изданий среди рабочих я не распространял.

По поводу отобранных у меня по обыску вещественных доказательств объясняю: 1) воззвание гектографированное, начинающееся словами «Товарищи, в паровозно-механических мастерских стачка», 2) «К прядильщикам фабрики Кенига» и 3) брошюра «Праздник 1 мая» принесены мне были дня за 4—5 до моего ареста, без моей о том просьбы, одним лицом, которого я назвать не желаю, и даны на хранение, причем были завернуты в бумагу. Изданий этих я не читал. Тем же лицом мне были принесены дня за два до обыска рукописи, мне ныне предъявляемые и означенные вами под №№ с 4 по 13. Перечень их изложен в заметке под № 13 и озаглавлен: «Рабочее дело 1895 г.» № 1, январь. Содержание этих рукописей мне неизвестно, и, кто их писал, не знаю. Записная тетрадь, заключающая в себе выдержки из книги Энгельса «Происхождение семьи, собственности и государства», поэма Шевченко «Сон» писана мною. Печатная брошюра «Очерк истории международного общества рабочих» получена мною 1½ или 2 года назад, не помню, от кого. Вырезки из немецких газет с биографией Карла Маркса принадлежали мне и лежали у меня года два. Предъявляемая мне записка, начинающаяся словами «К отчету библиотечной комиссии», найдена у меня в изорванном виде, и я не помню, чтобы таковую мог изорвать я. Кто автор этой записки, я не знаю, но таковая относится не ко мне, и каким образом очутилась она у меня, я не знаю.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Адъютант управления поручик
Добровольский.

Протокол допроса В. И. Ленина 21 декабря 1895 г.

1895 года, декабря 21 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Клыков, на основании ст. 1035[7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина, допрашивал обвиняемого, который показал:

Зовут меня Владимир Ильин Ульянов.

Не признаю себя виновным в принадлежности к партии социал-демократов или какой-либо партии. О существовании в настоящее время какой-либо противоправительственной партии мне ничего не известно. Противоправительственной агитацией среди рабочих не занимался. По поводу отобранных у меня по обыску и предъявляемых мне вещественных доказательств объясняю, что воззвание к рабочим и описание одной стачки на одной фабрике находились у меня случайно, взятые для прочтения у лица, имени которого не помню.

Предъявленный мне счет составлен лицом, имени которого я назвать не желаю, по порученной им мне продаже книг, во-первых, Бель-

това (О монизме в истории) и, во-вторых, сборника в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира. Что же касается до упомянутого в этом счете Ив. Никол. (должен два рубля), то это относится к моему знакомому Ивану Николаевичу Чеботареву, купившему у меня один том вышеозначенной книги Бельтова за два рубля. Почерк, коим писана рукопись под № 2 и 3 по протоколу осмотра, мне неизвестен, и рукопись, означенная под № 4, где описана Ярославская стачка 1895 г., писана мною с рукописи полученной мною, как выше было указано, и возвращенной обратно. На заданный мне вопрос о знакомстве с студентом Запорожцем отвечаю, что вообще о знакомствах своих говорить не желаю, вследствие опасения компрометировать своим знакомством кого бы то ни было. При поездке за границу я приобрел себе, между прочим, французские, немецкие и английские книги, из которых припоминаю: Schoenlank, Bruno, „Zur Lage der Arbeitenden Klasse in Bayern", Stadthagen, A., „Der Arbeiterrecht"...[1]), „Les paysans" и другие. Когда я поехал за границу, я имел при себе чемодан, которого теперь у меня нет, и где я его оставил, не помню. Уезжая за границу, я переехал границу, кажется, 1 мая, а возвратился в первой половине сентября. По возвращении из-за границы, я прямо проехал к матери в Москву: Пречистенка, Мансуровский переулок, дом Лоськова (ее тогдашний адрес), а оттуда в 20 числах сентября приехал в С.-Петербург и поселился в Таировом переулке, дом № 44/6, кв. № 30. Вещи на квартиру я перевез с вокзала. В день ли приезда я нашел эту квартиру или спустя несколько дней, я не помню. Мне кажется, что 17 числа я не был еще в С.-Петербурге, но положительного ответа о числах сверх вышеизложенного дать не могу.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Адъютант управления поручик Добровольский.

Протокол допроса Г. М. Кржижановского 22 декабря 1895 г.

1895 года, декабря 22 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Клыков, на основании ст. 1035[7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина, допрашивал обвиняемого, который показал:

Зовут меня Глеб Максимилианович Кржижановский.

Я не признаю себя виновным в принадлежности к социал-демократическому кружку или к какому-нибудь иному противоправительственному сообществу. Лично я противоправительственной пропагандой среди рабочих никогда не занимался. В доме № 3/31 по 7 линии Васильевского острова в квартире рабочих я никогда не бывал.

Помощника присяжного поверенного Ульянова я знаю, познакомился в прошлом году: где и при каких обстоятельствах, теперь не помню. Мы изредка посещали друг друга. Я арестован в доме № 31, кв. 10, по Херсонской улице, ранее жил (с осени) по Верейской улице, д. № 32, кв. 7; весной перед выездом из Петербурга на лето я занимал кв. по Коломенской в д. № 7 (9), кв. 47. За Невской заставой в квартиру рабочих

[1]) Не разобрано.

не ездил. Старкова знаю по Технологическому институту (кончили вместе). Отобранные у меня книги Маркса, Энгельса и Каутского принадлежат мне. Рукопись-конспект «Эрфуртской программы» и тетрадь с записками Шелгунова, Лаврова, Щедрина, Туна, Локка, Чернышевского, Спенсера написана мною; тетрадь со статьей «Фр. Энгельс» — не моя, получил, не помню, от кого; все это я читал, интересуясь научными вопросами.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Адъютант управления поручик

Добровольский.

Протокол допроса В. М. Волынкина 23 декабря 1895 г.

1895 года, декабря 23 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Клыков, на основании ст. 1035[7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина, допрашивал обвиняемого, который показал:

Зовут меня Василий Михайлов Волынкин.

В 1894 году я проживал в артели рабочих фабрики Торнтона и близко сошелся с рабочим Порфирием Михайловым, к которому приходил рабочий другой какой-то фабрики — Петр Морозов и которого я теперь признаю в предъявленной мне фотографической карточке. Они беседовали и читали книжки, из которых помню «Спартак», какой-то сборник. Порфирия Михайлова на фабрике прозвали «студентом», потому что он не соблюдал постов. Через него я познакомился с Петром Морозовым. В начале этого года Порфирий Михайлов был уволен с фабрики, а через месяц был уволен и я. Так как у меня не было ночлега, то Михайлов пригласил меня к себе на квартиру.

За неделю до масляницы я в первый раз ночевал в квартире Михайлова, куда в восемь часов вечера явился высокого роста молодой человек в белом нагольном полушубке, высоких сапогах и в шапке черного искусственного барашка. Вошедший, обратясь к Михайлову, спросил, указывая на меня: «Это что за человек», и получив в ответ, что «мой товарищ, хороший человек», он сел и стал меня расспрашивать об условиях найма и положения рабочих на фабрике Торнтона. Михайлов называл этого молодого человека «Василием Федоровичем», которого я теперь узнаю в предъявленной мне фотографической карточке, снятой, по вашим словам, со студента Технологического института Анатолия Александровича Ванеева. Пробыл тогда этот господин в квартире Михайлова около часу и ушел. Более я означенного Василия Федоровича, т. е. Анатолия Ванеева, нигде не встречал...

До поездки Михайлова на родину, именно на пятую ночь моего пребывания в квартире его, он мне заявил, что ему «велели переменить квартиру на более удобную», поэтому я, вместе с Михайловым, отправились разыскивать квартиру и наняли по Шлиссельбургскому проспекту, в д. Мартьянова... Так как в этом доме квартира была общая с другими рабочими, то необходимо было ее переменить, и тогда мы, т. е. я, Михайлов и Кузьма Григорьев отыскали квартиру по Муравьевскому переулку в д. Ганцева и наняли в кв. № 7 или 5-й, комнату за семь рублей в месяц. Здесь мы поместились, а именно: я, Михайлов и Кузьма

Григорьев, причем последние двое прописали свои паспорта, а я жил без прописки, не предъявляя паспорта.

Приблизительно на первой или второй неделе великого поста к нам явился интеллигентный, в рабочем платье и высоких сапогах. Он поздоровался с Михайловым и Григорьевым, фамилия последнего Царьков, как с старыми уже знакомыми. Явился этот человек с целью осмотра нанятой нами квартиры, причем Михайлов и Царьков называли его «Григорием Ивановичем». Последнего я признаю теперь в предъявленной мне карточке инженера-технолога Глеба Кржижановского. На этот раз Кржижановский, фамилия которого мне до настоящего времени не была известна, ни о чем особенном с нами не говорил, а только поручил Царькову собрать в предстоящее воскресенье своих товарищей и пообещал притти сам. Нас собралось в то время в воскресенье пять человек, а именно: я, Михайлов, Царьков, рабочий ткач фабрики Торнтона по имени Прокофий, отчество и фамилия его мне неизвестны, и рабочий Павел Зиновьев Воинцев; явился «Григорий Иванович», т. е. Глеб Кржижановский в том же рабочем платье, расспрашивал подробно о расценке нашей работы на фабрике Торнтона и наши ответы записывал на бумагу, с собой принесенную. При этом он разъяснял, что весь труд рабочих идет главным образом на пользу хозяина, а им достается «какая нибудь десятая или двадцатая копейка». Вообще он много говорил по этому предмету, но что именно, я объяснить затрудняюсь. Дня через два — через три опять пришел Кржижановский в нашу квартиру, где собрались те же лица, принес с собой рукописную сказку, под названием «Как царь Ахреян ходил богу жаловаться». Эту сказку прочитал нам и оставил нам, сказав, чтобы мы еще раз прочли. Сказку эту Кржижановский хвалил и говорил, что ее нужно хорошенько прочесть, чтобы понять, к чему там все написано. Из всех нас эту сказку только один Царьков мог хорошо прочитать, и он нам еще раз ее прочел. При каждом посещении своем Кржижановский расспрашивал нас о положении рабочих на фабриках и говорил, что эти сведения ему необходимы для составления книжки, которую он обещал нам прочесть. Потом Порфирий, на мое замечание, каким образом он может составить книжку, объяснил, что у них, т. е. у интеллигентов, есть литография или типолитография, так что они могут напечатать все, что им угодно. Кржижановский посещал собрания рабочих в нашей квартире каждое воскресенье, а иногда и среди недели в течение всего великого поста до самой пасхи. Собрания эти посещал рабочий Торнтоновской фабрики Ион Петров (Мильщих). После пасхи мы квартиру оставили: я поступил на фабрику Торнтона, Царьков поселился где-то на Петербургской стороне, а Михайлов, как выше сказано, уехал на родину, перед отъездом указав мне квартиру Кржижановского, жившего тогда по Коломенской улице в доме № 9, кв. 49.

Кроме показанного, я еще желаю добавить, что Кржижановский разъяснял нам также на собраниях о том, что у фабрикантов «две силы: войско и деньги»...

Еще перед пасхой Порфирий Михайлов познакомил меня на улице с рабочими Никитой Егоровым Меркуловым и Василием Шелгуновым, с последним несколько позже. Меркулов привел меня и Михайлова к себе на квартиру в дом, кажется, Юсова по Шлиссельбургскому проспекту; оказалось, что он живет с тремя другими рабочими, фамилий которых я не знаю.

При второй моей встрече с Меркуловым он дал мне адрес Василия Шелгунова, жившего по Александровской улице, дом № 23, кв. 5, и велел притти к нему, потому что будет у него собрание. Я отправился к Шелгунову, застал у него рабочих Меркулова и Ивана Васильева, с Обуховского завода, и неизвестную мне до тех пор личность из интеллигентных, лысого господина с рыжей бородой. Этого последнего я теперь вполне признаю в показываемой мне вами фотографической карточке помощника присяжного поверенного Владимира Ильина Ульянова, имя, отчество, фамилию и звание которого я здесь слышу впервые. Я помню, что его называли рабочие, а именно Шелгунов — Василием, Владимиром, а как по отчеству, теперь позабыл. При моем появлении Ульянов прямо обратился ко мне и стал расспрашивать, подобно тому, как это делал вышеупомянутый Кржижановский, о расценке и т. п.

Я только один раз был у Шелгунова, а Ульянова раньше видел в квартире Кржижановского; он отворял мне дверь в первое мое посещение его. У Шелгунова на квартире было много книг, названий которых я не знаю. При встрече Ульянова в квартире Шелгунова я его спросил, приехал ли Григорий Иванович (Кржижановский) с дачи; Ульянов ответил, что не знает последнего, а когда ему напомнил о своей встрече на квартире Григория Ивановича, то Ульянов сказал, что передаст ему о моем желании с ним видеться, и он приедет на квартиру Меркулова. В следующее воскресенье я был у Меркулова и там виделся с Кржижановским, который расспрашивал меня насчет работ на фабрике. Так как мне надоело отвечать все на те же расспросы, то я и высказал ему свое недовольство, сказав: «Что вы, Григорий Иванович, все о расценках спрашиваете, пора бы нам что-нибудь полезное и поучительное сообщить!» На это Кржижановский ответил так: «Для нравоучения я приведу к вам своего товарища». В начале октября месяца сего года явился в квартиру Меркулова молодой человек в штатском платье, которого я теперь узнаю в показываемой мне фотографической карточке Николая Алексеева Богораза. Так как в промежуток времени между моим последним свиданием с Кржижановским и появлением Богораза произошла на Торнтоновской фабрике легкая забастовка, то Богораз и стал меня спрашивать о подробностях этой забастовки, причем сделал замечание такого рода: «Вот если бы ткачи дружно стояли на своих требованиях о прибавке заработной платы и не возобновляли бы работ, то расценок был бы для вас выгодный. Этому-то вас и учим, чтобы вы дружно отстаивали свои интересы». Затем Богораз предложил Меркулову рассортировать всех нас по группам, сообразно тому, кто чему желает обучаться, и начал говорить нам о необходимости устройства рабочей кассы для оказания помощи рабочим на случай стачек.

Числа 15 или 18 ноября в квартиру Меркулова пришел Кржижановский вместе с Богоразом; там были Василий Шелгунов и два рабочих с бумажной фабрики Максвеля, мне неизвестных. Меня Кржижановский отвел в соседнюю пустую комнату и стал расспрашивать о причине забастовки у Торнтона и с моих слов записал все, что я говорил, но при этом по находившемуся у него расценочному листу указывал мне, на какие именно сорта товара сделаны фабрикантом сбавки и в каком именно размере. Когда мы с Кржижановским возвратились в комнату Меркулова, то Богораз спросил Меркулова, есть ли у него книжки «Кто чем живет», «Царь голод» и «Ткачи». Меркулов ответил,

что у него все эти книги есть в достаточном числе, но только один экземпляр остался брошюры «Ткачи», и просил Богораза принести последнюю, что Богораз впоследствии и исполнил, принеся шесть экземпляров. В этот раз, по предложению Богораза, мы стали читать вслух брошюру «Кто чем живет», причем Меркулов заявил, что он эту брошюру знает наизусть. Кроме того у Меркулова были брошюры «Рабочий день». Брошюры все перечисленные выше мы, собираясь на квартире Меркулова, прочитывали каждый про себя. В третий раз Богораза я видел вместе с новою личностью, которую я теперь признаю в предъявляемой мне карточке студента Константина Тахтарева, бывшего в студенческом сюртуке и простом пальто в квартире Василия Шелгунова, где тогда находились: я, Шелгунов, Иван Васильев, что выше упомянут, и Меркулов, Богораз рассказывал нам о том, как во Франции происходила революция...

Далее говорил, что необходимо стремиться к свободе печати, к свободе сходок, а для этого рабочие должны соединиться и произвести революцию с целью изменения правительства, так, как это существует во Франции, где, если недовольны президентом, то можно его сменить, а на мои возражения, что при подобной смене России никто денег в долг не поверит, Богораз ответил, что я глуп. Тахтарев все время молчал, не сказав ни слова. Этого Тахтарева я еще раньше видел в квартире Меркулова в октябре месяце, куда он приходил вместе с Кржижановским, но и тогда он тоже молчал, а только вслушивался, что говорил Кржижановский, и всматривался в нас... После появления двух воззваний на фабрике Торнтона, одного на листе бумаги, а другого на четвертушке, я при встрече у Меркулова с Кржижановским сказал ему об этом, на что он заметил, «что, значит, есть люди лучше нас» и что в составлении этих воззваний он не принимал участия. Сам я этих воззваний у Меркулова не видел и на фабрике Торнтона их не разбрасывал...

С подлинным верно. Адъютант управления поручик Добровольский.

Протокол допроса Петра Акимова 3 января 1896 г.

1896 года, января 3 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Кузубов, на основании ст. 1035[7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда А. В. Волковицкого, допрашивал обвиняемого, который в дополнение своих объяснений от 22 декабря показал:[1])

Зовут меня Петр Акимов.

Из числа предъявляемых вами мне фотографических карточек разных лиц я узнаю тех из них, которых вы называете Владимиром Ульяновым, Глебом Кржижановским, Иваном Яковлевым и Василием Стар-

[1]) В деле имеется следующая записка делопроизводителя департамента полиции Янкулио: «Настоящее показание дополнительное к показанию от 22 декабря, в котором показано, что у Карамышева и Зиновьева бывали сходки. Теперь Акимов показал, что на сходке видел Ульянова и Кржижановского и что за Нарвской заставой встречал Старикова и Ивана Яковлева».

ковым. Всех этих лиц я видел на той сходке у Зиновьева и Карамышева, о которой я говорил в показании своем 22 минувшего декабря. Сходка эта происходила, как я говорил раньше, в общей квартире Зиновьева и Карамышева, на Огородном переулке, дом № 6, и, кажется, это было 3 сентября. Я помню только, что это было первое воскресенье после первого сентября. Я пошел в лавочку общества потребителей, чтобы обменять заборную книжку августовскую на сентябрьскую, из лавочки часа в два или три дня зашел к Зиновьеву и Карамышеву и застал у них сходку. Кто еще был у них, я не знаю, так как фамилии из бывших там мне неизвестны, и в числе лиц, карточки которых вы мне предъявляете, я не вижу никого из бывших тогда у Зиновьева и Карамышева, а между тем там было человек шесть-семь кроме самих Карамышева и Зиновьева...

Относительно лиц, которых вы мне по карточкам называете Ульяновым, Кржижановским, то я положительно утверждаю, что обоих их я видел на упомянутой сходке, так как Ульянова помню, что он рыжий и лысый, а Кржижановского вы мне показывали, кроме того, здесь в управлении.

У Зиновьева и Карамышева я был в сентябре еще раза два кроме описанного случая и в одно из этих посещений застал у них на квартире двух рабочих, которых Карамышев назвал рабочими — одного Балтийского завода, а другого — Патронного завода; последнего даже назвал по имени и отчеству, которое я забыл. А меня Карамышев, рекомендуя названным рабочим, назвав по имени и отчеству, добавил: «Вот из этого человека может выйти современем хороший революционер». После этого рабочий Патронного завода пригласил меня побывать у него на квартире, сказав, что адрес его может всегда дать мне Карамышев...

Зиновьева в этот мой приход на квартире не было. Чтобы сказать точно, когда я именно видел Ульянова на сходке в квартире Зиновьева и Карамышева, нужно справиться в лавке общества потребителей по Петергофскому шоссе, когда мною были куплены в сентябре штаны за 2 р. 50 к., так как я помню, что именно, купив штаны, идя из лавочки, я зашел к Зиновьеву и там застал сборище, и в числе лиц, там находившихся, был и Ульянов. Тогда выяснится, когда я его видел, на сборище ли третьего сентября или в этот второй раз.

Обвиняемому были предъявлены фотографические карточки Василия и Анатолия Ванеевых, Павла Романенко, Владимира Ульянова, Николая Полетаева, Кржижановского, Александра Ергина, Александра Малченко, Александра Нагорова, Степана Гуляницкого, Марка Шата, Степана Быковского, Пантелеймона Лепешинского, Николая Меркулова, Василия Старкова и Ивана Яковлева.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Адъютант управления поручик Добровольский.

Протокол допроса П. М. Михайлова 13 января 1896 г.

1896 года, января 13 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Клыков, на основании ст. 1035 [7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты

А. Е. Кичина, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от 11 января, показал:

Зовут меня Порфирий Михайлов Михайлов.

Перед рождественскими праздниками, а именно в декабре 1893 года, я пристал к народовольческому кружку, в составе коего тогда находились: Петр Андреев Морозов, Сергей Фунтиков, Михаил Яковлев Сурулев (Харьков), рабочий фабрики Торнтона Прокофий Степанов, крестьянин Смоленской губернии. Этот кружок посещал сперва какой-то студент технолог, которого я видел только один раз, а после его ареста в мае 1894 года стал являться интеллигентный, под именем Владимира. Личность эта, как мне объясняли, была из студентов-медиков. С появлением в нашем кружке Владимира мы перестали именоваться народовольцами и стали называться «социал-демократами». После ареста Морозова, Фунтикова, а потом и Сурулева в кружок наш вступили рабочие фабрики Торнтона: Сергей, фамилия которого мне неизвестна, Николай Кролик, который был, кажется, арестован по прежним делам, Павел Зиновьев Воинцев, рабочие Александровского чугунно-литейного завода — Тихон, фамилии его не знаю, но он, кажется, Старицкого уезда Тверской губернии, и в самое последнее время, не больше шести месяцев тому назад, присоединился к нашему кружку Василий Михайлов Волынкин. Собрания нашего кружка происходили у меня на квартире в доме Ганцева по Муравьевскому переулку, где со мной помещался Кузьма Григорьев Царьков, также принадлежавший к нашему кружку с давнего времени, еще до моего вступления. Занятиями на этих собраниях кружка руководил вышеупомянутый Владимир, который нам разъяснял положение фабричного рабочего, эксплоатируемого фабрикантами, поддерживаемыми правительством, и указывал на необходимость устройства рабочих кружков самообразования, устройства рабочей кассы для поддержки стачечников во время забастовок. Советовал требовать от правительства улучшения своего положения, а в случае его отказа стремиться к низвержению правительства насильственным путем, а для этого нужно сорганизоваться рабочим в большие массы и стараться солдат склонить на свою сторону. Для чтения Владимир приносил нам следующие книги: «Хитрую механику», «Царь голод», «Рабочий день», «Ткачи», «Варлен», сочинения Лассаля, Дарвина, Чернышевского, Шелгунова и многих других авторов. Книги эти хранились у меня и у вышеупомянутого Тихона. Между рабочими я этих книг не распространял, но их брали читать члены нашего кружка...

В течение зимы 1895 года я посетил раз пять или шесть рабочего Никиту Меркулова, жившего по Шлиссельбургскому проспекту в доме Чугунова, и там мне приходилось встречать сходки, на которых присутствовал: интеллигентный, которого я теперь признаю в карточке Владимира Ульянова, и рабочие Семянникова завода Влас и фабрики Максвеля Илья, фамилий которых я не знаю; бывали там и другие рабочие, но я их совсем не знаю.

Ульянова, которого я фамилию здесь слышу в первый раз, я застал за чтением вслух брошюры «Ткачи», и мне Меркулов сообщил, что он руководит занятиями их кружка. Ульянова я раза два заставал в квартире Меркулова и нигде более его не встречал. Зимою 1895 года рабочий Путиловского завода Николай Яковлев Иванов однажды позвал меня к себе на квартиру, говоря, что у него будет сходка; я ездил к нему на квартиру, на Петергофское шоссе, — в каком доме не помню,—

но не застал его дома. О том, что Николай Иванов принадлежал к социал-демократическому кружку, мне было известно, но я не знаю ни состава того кружка, ни лица, руководящего им... Еще в 1894 году посещал кружок наш в казарме фабрики Торнтона некий Иван Иванович, из рабочих, но такой развитой, что его считали все наряду с интеллигентными, он вел среди рабочих противоправительственную пропаганду; для отвлечения внимания полиции Иван Иванович завязывал глаз платком. В предъявляемой мне карточке Александра Фадеева я признаю указанного Ивана Ивановича...

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Адъютант управления поручик Добровольский.

Протокол допроса Б. Зиновьева 20 января 1896 г.

1896 года, января 20 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Клыков, на основании ст. 1035 [7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от 19 декабря 1895 г., показал:

Зовут меня Борис Зиновьев.

Как я уже говорил, моя деятельность выражалась большей частью в личной пропаганде среди рабочих, без всякой организации, но мной же был устроен кружок на квартире Петра Карамышева, в деревне Тентелевой, дом № 13, кв. 1, в котором были кроме меня и Карамышева — Дудинский, Муст, которые были участниками кружка только потому, что жили вместе с Карамышевым на одной квартире. В феврале месяце 1895 г. я познакомился со Старковым, который посещал этот кружок два раза, но книг не носил, которого я считаю личным другом. Скоро этот кружок распался, так как участвующие им не интересовались. После чего я снова принялся за личную пропаганду среди рабочих, поддерживая связи со Старковым, который и посещал меня. После этого, как уже известно, я однажды, по приглашению Карамышева, познакомился с Ивановым на сходке у него 26 апреля; все, что там происходило, я уже описал ранее в двух протоколах. В конце июня я познакомился с Акимовым, которого посещал вместе с Карамышевым.

Еще ранее я познакомился с Старковым, с Кржижановским, Запорожцем и Ульяновым, которые и посещали меня в квартире в Огородном переулке, дом № 6, кв. 2. Из них я иногда ходил к Запорожцу, которого я и привел на квартиру Акимова, жившего тогда по Огородному переулку в последнем доме, в котором и происходили сходки, на которых бывали кроме меня и Карамышева — Шепелев, Морозов, Малинин и Евграф. В августе месяце Иван Кейзер, с которым я познакомился у Ивана Яковлева в доме № 5 по Колпинской улице, предложил мне посетить неизвестных мне интеллигентов в Семеновском полку...

С подлинным верно. Адъютант управления поручик Добровольский.

Протокол допроса Ф. П. Петрова 25 января 1896 г.

1896 года, января 25 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Филатьев, на основании ст. 1035[7] уст. угол.

судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина, допрашивал обвиняемого, который показал:

Зовут меня Филипп Петров Петров.

Я не признаю себя виновным в принадлежности к каким-либо преступным сообществам, в частности к кружку социал-демократов. Когда я жил еще у дяди своего Фунтикова в 1894 г. за Невской заставой, в селе Смоленском, по Глухому переулку, дом № 3, кв. 1, то к нему ходил Шелгунов, с которым и я познакомился; он осенью 1894 года предложил мне познакомиться с Николаем Ивановым и дал мне его адрес, по Петергофскому проспекту в д. № 64. Я как-то в праздник и пошел к Иванову, где встретил кроме хозяина еще рабочего Николая Дедова и Петра Давыдова, работающего по Обводному каналу на бумагопрядильной фабрике, и барышню Феню, которая и жила у Иванова.

Отобранная у меня по обыску тетрадь, в которой изложены, в виде статьи, сведения о Путиловском заводе и положении его рабочих, написана моей рукой; статья составлена мною по письменной программе, полученной мною совместно с рабочим Петром Грибановым от одного интеллигента, приходившего перед пасхой прошлого года в общую нашу квартиру с Грибановым, за Нарвской заставой, по Ново-овсянниковской улице, в доме № 55. Этот интеллигент называл себя «Николаем Георгиевичем», и я его признаю на предъявленной карточке Малишевского. Он просил меня и Грибанова написать ответы по упомянутой программе; для чего это ему было нужно, я не знаю, но думаю, что для напечатания. Мы исполнили эту просьбу, но он нашел работу Грибанова лучше и взял себе, а моя осталась у меня. Кем в конце отобранной у меня тетради написана заметка о существующем общественном строе, который со времени Маркса называется капиталистическим, я не знаю...

Личность, изображенную на предъявляемой мне фотографической карточке (предъявлена карточка Владимира Ульянова), я знаю и видал этого интеллигента в 1894 году за Невской заставой на квартире у Ильи Костина на сходке рабочих. Бориса Зиновьева и Петра Карамышева я знаю по Путиловскому заводу, но никогда у них не бывал. Добавляю, что с января прошлого 1895 года я ни в каких кружках не участвовал, сходок не посещал и ни с какими интеллигентами не входил в сношение.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Адъютант управления поручик Добровольский.

Протокол допроса С. А. Афанасьева 5—6 февраля 1896 г.

1896 года, февраля 5—6 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Кузубов, на основании ст. 1035[7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от 24 января, показал:

Зовут меня Семен Афанасьев Афанасьев.

Я бывал на собраниях кружков рабочих в двух квартирах. Начал посещать я такие собрания с мая месяца 1895 года...

В начале сентября Волынкин познакомил меня с рабочим Василием Шелгуновым, жившим тогда по Александровской улице, дом № 23, кв. 4. В конце сентября Шелгунов, зайдя ко мне, предложил пойти с ним гулять в сад «Вену» за Невской заставой. И так как ни у него, ни у меня не было входных билетов, то он отправился к Анне Ивановне Чечулиной, учительнице воскресной школы, находящейся по Шлиссельбургскому тракту, и взял у нее такие билеты. В саду Шелгунов познакомил меня с рабочим Меркуловым; последний в разговоре со мной выразил намерение переменить свою квартиру и узнав, что у меня есть свободная комната в доме № 16, кв. № 2, по Прогонному переулку, попросил меня сдать ему эту комнату, а спустя неделю переехал жить ко мне. Это было в самом конце сентября. К нему начали ездить разные лица. Раньше других приходил Кржижановский, затем он привел двух человек, которых я не знаю по фамилиям и не вижу в предъявляемых мне фотографических карточках,— они были только один раз, и сходки при них не было,— потом Кржижановский привел того, которого вы по карточке называете Малишевским,— последний бывал несколько раз в квартире Меркулова на сходках, когда бывали Степанов, Волынкин и еще какой-то молодой брюнет, его также нет среди предъявляемых мне карточек. К Меркулову почти каждый вечер приходил Иван Бабушкин, тот, карточку которого вы мне предъявляете, и раза два в неделю Шелгунов. Меркулов, Бабушкин и Шелгунов заявили Кржижановскому, что приводимые им, упомянутые выше, лица плохо ведут с ними разговоры об устройстве кассы, и просили дать других руководителей.

После этого Кржижановский два раза приходил с тем лицом, которого вы по карточке называете Владимиром Ульяновым. Во время посещения Ульяновым квартиры Меркулова там были рабочие Волынкин, я, Шелгунов, Бабушкин, Меркулов, Крутиков — рабочий фабрики Максвеля — и другой рабочий той же фабрики, но ни имени, ни фамилии его я не знаю,— из себя он беленький, совсем молодой мальчик, лет 17—18. В то время, когда у меня жил Меркулов, я вместе с ним был раз шесть на квартире Шелгунова, на сходках, где один раз я видел в статском платье тех двух студентов-медиков, которых вы по карточкам называете: одного — Константином Тахтаревым, а другого Александром Никитиным; одновременно с ними был и Ульянов. Тахтарев и Никитин были у Меркулова только один раз,— это было в первых числах декабря, они просили Меркулова познакомить их с тем интеллигентом, который руководит их кружком, почему Меркулов и назначил им день, когда они могут встретить этого интеллигента в квартире Шелгунова.

Через несколько дней мы были у Шелгунова, где были упомянутые Ульянов, Тахтарев и Никитин, последние два — тут же познакомились с Ульяновым. На сходке этой кроме упомянутых трех интеллигентов были я, Меркулов, Шелгунов, Волынкин, Бабушкин. Все три интеллигента расспрашивали Волынкина и меня о порядках на фабрике Торнтона и предлагали нам склонить возможно большее число рабочих к участию в рабочей кассе, говоря при этом, что рабочие могут не стесняться суммой взносов: сколько кто может, пускай столько и дает, а мы выберем такого человека, который будет принимать деньги от рабочих и выдавать им расписки, а когда будет сходка для выбора кассира, то будут об этом оповещены все, кто пожелает сделать взнос в кассу. Кажется, 2 декабря Меркулов заявил мне, что это день его ан-

гела и что у него будут гости, просил освободить ему еще одну комнату. Вечером, действительно, собралось человек 13; были Бабушкин, Шелгунов, сам Меркулов, из рабочих больше не было никого, даже меня не пригласили; из интеллигентов были: Кржижановский, Никитин, Тахтарев, потом те, которых вы по карточкам называете Александром Малченко, Николаем Богатыревым, Василием Старковым, остальных четырех я не знаю и в предъявляемых мне карточках их не вижу, — все они были в статском платье, — кроме того Меркулов мне после говорил, что двое интеллигентов, самые главные, не явились, хотя обещали, но, как ему передавали, отложили свое посещение до следующего раза.

Ни выпивки, ни закуски в комнату Меркулова не подавалось, а, насколько мне удалось слышать из своей комнаты, говорили там об устройстве рабочей кассы и о том, как такие кассы устроены в других государствах; где жили упомянутые интеллигенты, я не знаю, а на вопрос мой об этом Меркулову он сказал, что они живут в разных местах в городе: на Выборгской, Петербургской стороне, на Васильевском острове и за Нарвской заставой. Все упомянутые лица собрались в квартиру Меркулова к 8 часам и разошлись в 10½ часов; я еще забыл сказать, что на вопрос мой Меркулову, долго ли оставались у Шелгунова тогда на собрании интеллигенты, когда я с Волынкиным ушел, он ответил, что после моего ухода еще было три заседания разных рабочих, а интеллигенты те же присутствовали на всех заседаниях и оставались до 5 часов утра, а сам он остался тогда ночевать у Шелгунова.

Когда была стачка рабочих на фабрике Торнтона, кажется, в ноябре месяце и было арестовано 11 человек рабочих, то Ульянов передал Меркулову 40 рублей для выдачи семействам арестованных и сказал, что если этих денег будет мало, он даст еще. Меркулов этих денег не передал, так как рабочие скоро были освобождены из-под стражи...

Обвиняемому предъявлялись фотографические карточки всех лиц, привлеченных ныне при С.-Петербургском губернском жандармском управлении к дознанию, и лично обвиняемые Богораз и Малченко.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Адъютант управления поручик Добровольский.

Протокол допроса К. Г. Царькова 18 марта 1896 г.

1896 года, марта 18 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Кузубов, на основании ст. 1035[7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда А. А. Горемыкина, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений, показал:

Зовут меня Кузьма Григорьев Царьков.

Мне предъявляется клочок белой бумаги с рукописью на нем, сделанною карандашом, следующего содержания: «Г. И. Квартира мною найдена, всепокорнейше прошу вас дать ответ мне: можете ли вы навестить нас? Притом прошу вас, С. М., помочь мне 10 руб. Еще не сможете ли вы переслать листков для фабрики Лебедева? Остаюсь известный вам К. Г. Ц. Выборгская сторона, Большой Сампсониевский проспект, дом № 25, кв. № 9». Записка эта писана мною собственноручно, я не помню, наверное, когда именно я писал эту записку, но мне кажется,

что это было в начале декабря прошлого 1895 года. Записка эта предназначалась для «Григория Ивановича», того самого, которого вы по карточке называете Кржижановским, но послал я ее Семену Афанасьеву, так как знал, что последний знаком с Кржижановским. Записку эту я вложил в конверт и вручил Федору Михайловичу, по кличке «Англичанка», прося его отнести записку к Афанасьеву. «Англичанка» знал содержание записки, так как я прочел ему, и я не просил его отнести записку эту к Анне Ивановне Чичуриной, а именно к Семену Афанасьеву. Говоря в записке о квартире, я имел в виду квартиру, которую я нашел для сходок рабочих на Выборгской стороне, поручил же мне найти в этой местности для указанной цели квартиру Кржижановский. Квартиру однако я не нанял и сходок не происходило на Выборгской стороне; так как в это время среди рабочих фабрики Лебедева шли разговоры о произведенных сбавках заработной платы, то я просил Кржижановского прислать «листков», т. е. воззваний, возбуждающих рабочих к стачкам. О таких листках я слышал от Волынкина, который говорил мне, что у него такие листки были, что он сам передавал их на фабрике Торнтона рабочим и что, если я попрошу интеллигентов, то и мне пришлют листков, что рабочие, читая эти листки, узнают из них многое их интересующее.

Как я дошел до умения распространять листки среди рабочих, так это было так. До 1895 года я не имел понятия о революционной деятельности, хотя прожил на петербургских фабриках более десяти лет. В конце 1894 года я поехал на родину для вынутия жребия для отбывания воинской повинности. И так как я по семейному положению в солдаты взят не был, то 10 января 1895 года возвратился в Петербург. В марте 1895 года я встретился в трактире «Бережки» по Шлиссельбургскому проспекту с Порфирием Михайловым и с Василием Волынкиным. Из разговоров моих с ними они узнали, что я был арестован,— кажется, в 1891 году,—за беспорядки на фабрике Торнтона, а поэтому, как мне кажется, они завели со мной разговор о движениях среди рабочих в настоящее время. Порфирий Михайлов предложил мне поселиться в одной квартире с ним и Волынкиным и сказал, что к нам будет ходить интеллигент. Когда я заявил ему, что я еще не имею места и что платить за квартиру поэтому не могу, то он заметил, что за квартиру будут платить интеллигенты. Спустя несколько дней, кажется, числа 17—18 марта,— я пришел на квартиру к Порфирию Михайлову, где вместе с ним жил и Волынкин, и мы втроем поехали к интеллигенту Григорию Ивановичу, жившему по Коломенской улице, дом № 49, кв. 16. Здесь было человек 12 интеллигентов, которые были в другой комнате, а к нам вышли: Кржижановский, затем те, которых вы по карточкам называете Ульяновым и Запорожцем; в дверях же той комнаты, где мы были, стоял тот, которого вы по карточке называете Стефаном Быковским. Кржижановский познакомился со мной и Волынкиным и сказал, что за квартиру он платить будет, если мы поселимся вместе с Порфирием Михайловым. Мы наняли квартиру, кажется, по Муравьевскому переулку или по Александровской улице, в доме Ганцева. Прожили мы там около месяца. Нас посещал Кржижановский и рабочие фабрики Торнтона Павел Зиновьев, Волынцев и Семен Афанасьев, еще 3 человека, но тех не помню. Кржижановский говорил, что ему нужно написать историю фабрики Торнтона, почему он и собирал о ней разные сведения, расспрашивая об этом посещавших нас

упомянутых рабочих, но ни книжек нам никаких не давал и ничего не читал. Вскоре Кржижановский предложил нам уйти с квартиры ввиду того, что приближаются каникулы, а к тому же ему показалось, что за ним следят. До сентября месяца я ни с кем из упомянутых лиц не встречался. В сентябре пришел раз ко мне на квартиру возвратившийся с родины Павел Волынцев и сообщил, что Никита Меркулов имеет особую комнату, где у него происходят собрания рабочих, которых посещают интеллигенты; он мне сказал адрес этой квартиры,— кажется, Прогонный переулок, дом № 15; во всяком случае, эта была комната в квартире Семена Афанасьева,— и пригласил меня приходить туда. Я пошел один только раз на квартиру Меркулова и застал там Кржижановского, Ляховского, Меркулова, Волынкина, Афанасьева и еще двух незнакомых мне рабочих фабрики Максвеля. Тут Ляховский рассказывал нам, почему фабрикант богат, почему рабочий беден. Говорил он очень много и, насколько помню, речь свою озаглавил: «Труд и капитал». Тут Кржижановский мне предложил подыскать на Выборгской стороне квартиру и рабочих, которые могли бы собираться, а он будет приходить их учить. Когда впоследствии я подыскал квартиру, то я написал ту записку, которую вы предъявили мне сегодня. Перед рождеством пришел ко мне Волынкин, разыскав меня на мельнице Воронина, куда я поступил на работу, и сказал мне, что у него был обыск и ему отказали в работе на фабрике Торнтона, потому, думает он, что им были переданы рабочим этой фабрики листки.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Адъютант управления поручик Добровольский.

Протокол допроса В. И. Ленина 30 марта 1896 г.

1896 года, марта 30 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Филатьев, на основании ст. 1035[7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений от [?], показал:

Зовут меня Владимир Ильич Ульянов.

В квартирах рабочих на Васильевском острове, за Невской и Нарвской заставах я не бывал. Относительно предъявленных мне рукописей: 1) листок, на котором написано «Рабочее дело» и по рубрикам указаны разные статьи; 2) рукопись о стачке ткачей в Иваново-Вознесенске; 3) стачка в мастерской механического изготовления обуви, отобранных, по словам лиц, производящих допрос, у Анатолия Ванеева, объясняю, что они писаны моей рукой, а также предъявляемая мне рукопись: «Фридрих Энгельс» (из венской газеты „Neue Revue“) писана мной, составляя перевод, сделанный мной во время пребывания за границей и приготовленный для напечатания в одном из русских изданий; фактических объяснений о рукописях под рубриками 1) 2) 3) я представить не могу.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Адъютант управления
поручик Добровольский.

Протокол допроса В. И. Ленина 7 мая 1896 г.

1896 года, мая 7 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Филатьев, на основании ст. 1035 [7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений, показал:

Зовут меня Владимир Ульянов.

К показанию своему от 30 марта сего года я добавить ничего не могу. Относительно же свертка, в котором, по словам лица, производящего допрос, оказались предъявленные мне на предыдущем допросе мои рукописи, я ничего сказать не могу. По поводу сделанного мне указания на имеющиеся против меня свидетельские показания — объясняю, что не могу дать объяснений по существу вследствие того, что мне не указаны показывающие против меня лица. Относительно своей заграничной поездки объясняю, что я предпринял ее, поправившись только что от болезни воспаления легких, которою был болен весной 1895 г. в С.-Петербурге, причем я воспользовался при этом возможностью заняться по предметам своей специальности в Париже и Берлине — главным образом, в Берлинской королевской библиотеке. Ни в какие сношения с эмигрантами я не вступал. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Адъютант управления поручик Добровольский.

Протокол допроса В. И. Ленина 27 мая 1896 г.

1896 года, мая 27 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Филатьев, на основании ст. 1035 [7] уст. угол. судопр. (судебных уставов императора Александра второго, изд. 1883 г.), в присутствии товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда А. А. Горемыкина, допрашивал обвиняемого, который, в дополнение своих объяснений, показал:

Зовут меня Владимир Ульянов.

По поводу предъявляемого мне письма за подписью А. Попова, адресованного на Казанскую улицу (д. 61, кв. 11 или в скобках: д. № 11, кв. 61), объясняю, что ни почерк письма, ни фамилия писавшего мне совершенно неизвестны, и письмо это, адресованное по адресу квартиры, в которой я никогда не жил, писано, очевидно, не ко мне. Предъявленная мне телеграмма из Regensburg'а от 25 апреля 1896 г., адресованная W. Ulijanoff, — St. Petersburg, такого содержания: «Patentirt gestiegen nur bei 10.000 Kilo gehabten Reiss Finikseidam», послана, очевидно, не ко мне, а к какому-нибудь торговцу, судя по ее содержанию. Так как по поводу предъявленного мне на предыдущем допросе указания, что есть сведения о моих сношениях за границей с эмигрантом Плехановым, мне не сообщено, каковы эти сведения и какого рода могли быть эти сношения, то я считаю нужным объяснить, что эмигрант Плеханов проживает, как я слышал, вблизи Женевы, а я ни в Женеве ни вблизи ее не был и, следовательно, не мог иметь с ним сношений.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Адъютант управления поручик Добровольский.

Выписка из письма В. Трапезникова, Казань, от 29 декабря 1895 г., к Раисе Петровне Поморцевой, в Пермь, аптека губернского земства [1])

Здесь получен (тайно) сборник статей Струве, Бельтова, Потресова, П. Скворцова, Тулина и Кузнецова, не пропущенный в продажу. Роскошная вещь! [2])

Здесь была библиотека общестуденческая,— с другой стороны, была библиотека частной группы оппортунистов, которых тогда я считал еще марксистами, не будучи близко с ними знаком. Я был членом ее и даже, можно сказать, одним из учредителей. Но эта библиотека, образованная в прошлом году, приняла крайне несимпатичный для меня характер, ввиду того, что она состояла исключительно из легальных книг, а книги иного сорта встречали гонение у оппортунистов.

Как бывает ежегодно, и в прошлом году со студенческого вечера были взяты деньги, которые обыкновенно шли в пользу общестуденческой библиотеки и кассы, имевшей целью помощь политической пропаганде. На этот раз они тоже были взяты, но названные учреждения не получили части их, и, как мне сказал библиотекарь оппортунистов, эти деньги пошли на частную библиотеку. Впоследствии оказалось, что они ушли неизвестно куда. Вот и поймите причину разрыва между мной и оппортунистами в лице Бр. [3]), Ал. Топ. [4]) и проч.

Сведения, полученные при наблюдении с 1 июля 1895 г. по 1 января 1896 г. [5])

Имя, отчество, фамилия и звание.	Место жительства и род занятий.	Сведения, полученные наблюдением за отчетный период.
Владимир Ильин Ульянов, действительный студент Казанского университета.	По Гороховой ул., д. № 61. Помощник присяжного поверенного.	Привлечен при С.-Петербургском губернском жандармском управлении к дознанию по обвинению в государственном преступлении. 9 декабря 1895 г. арестован.

Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге.

Копия письма с подписью «М», Москва, от 6 февраля 1896 г., к Исааку Христофоровичу Лалаянц, в Екатеринослав, Полицейская ул., д. Райгородского [6])

Жена [Елизарова А. И.] живет уже почти месяц в Петербурге. Пишет, что больной выглядит очень бодро, но что надеяться на скорый выход из больницы нельзя [7]).

[1]) ДП, III, 1894 г., 1461, л. 30. Здесь и далее заголовок—подлинника перлюстрации.

[2]) Речь идет о сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», центральное место в котором принадлежало статье Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» за подписью «К. Тулин». Сборник был отпечатан в количестве 2 000 экз.; в мае 1895 г. сдан был в цензуру, но в марте 1896 г. был уничтожен по постановлению Комитета министров. Удалось спасти только 100 экземпляров — см. статью «Ленин в цензуре», «Кр. летопись» 1924 г., 2/11, стр. 19—22.

[3]) Вероятно, студ. Казанск. унив. Сергей Брунштейн. (Примечание в подлиннике).

[4]) Вероятно студ. Казанск. унив. Николай Топорко. (Примечание в подлиннике).

[5]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 169.

[6]) ДП, III, 1892 г., д. № 944, л. 30. Печатается в сокращении. На подлиннике помета: «Марк Елизаров, см. с. с. 87396» — что означает ссылку на публикуемое ниже перлюстрированное письмо (см. стр. 113.).

[7]) Речь идет об арестованном В. И. Ленине.

Придется пролежать, кажется, еще долго. Сообщить что-нибудь интересное не могу. Доходят слухи, что еще там масса заболеваний [1]). В Москве тихо, хотя мои опасения, которые я сообщил в прошлый раз, имеют много шансов за себя. Если до сих пор ничего нет, то это объясняется еще тем, что до сих пор путешественник ничего не сказал, что он должен сказать, и что он, конечно, скажет. Тогда... ну, тогда посмотрим, что будет...

У нас в Москве идут большие приготовления к майским торжествам. Для коронации строят бесконечное множество всевозможнейших сооружений—украшений. Наплыв в Москву будет так велик, что многим из аборигенов приходится уезжать. Таковых недремлющее око, — как передают не из самых, впрочем, первых источников, — наметило уже 18000 человек. Бедняжки, не могущие присутствовать на великом торжестве, уезжая могут только в утешение себя произнести русскую пословицу: «Сокол с места, а ворона на место». Ну, и слетится же этого воронья! Недаром от содержателей гостиниц и меблированных комнат взята подписка о предоставлении в распоряжение администрации одного из каждых 15 нумеров...

Адрес вы написали совершенно верно: Москва, Остоженка, Мансуровский пер., № 4 (Лоськова), кв. 3. Другого теперь сообщить пока не могу, а когда представится напишу...

Копия письма без подписи [Елизарова А. И.], С.-Петербург, от 15 марта 1896 г., к Марку Тимофеевичу Елизарову, в Москву, Мансуровский пер., по Пречистенке, д. № 4, кв. 3 [2]).

Получила вчера письмо А. М., за которое благодарю, и твои трагические многоточия. От нас письма идут что-то медленно, хотя мы опускаем их в курьерский ящик. У меня уже далеко нет энергии к беготне первого моего приезда. С Чеб[отаревыми] видимся редко [3]). Ив. Н. [Чеботарев] был как-то, да не застал. Путешествую еще усиленно к В[ольке]штейну; он делает некоторые попытки, но все они, боюсь, не приведут ни к чему. С В. [И. Лениным] поболтали нынче целый час; он бодр попрежнему. Дач смотреть не ездили: во-1-х, хочется узнать сначала, к чему приведут хлопоты, так как тогда, может быть, напрасно и смотреть; во-2-х, распутица сильная [4]).

Донесение Петербургского губернского жандармского управления в департамент полиции от [?] марта 1896 г. № 3145 [5]).

Вследствие отношения от 28 сего марта, за № 498 [6]), с возвращением прошения вдовы действительного статского советника Марии Ульяно-

[1]) Имеются в виду январские аресты членов «Союза борьбы» в Петербурге.

[2]) ДП, III, 1892 г., д. № 944, л. 35. На подлиннике резолюции и. д. директора: «К соображению» и помета: «Настоящей копией выясняется фамилия автора письма к И. Х. Лалаянцу с подписью «М» (он же Марк Тимофеевич Елизаров), копия с которого представлена была 9 февраля сего года. В этой копии указан адрес «М»: Москва, Мансуровский пер., д. № 4, кв. 3».

[3]) В семье Чеботаревых столовался В. И. Ленин, живя в Петербурге.

[4]) После ареста В. И. Ленина А. И. Елизарова приезжала в Петербург, а в мае она вместе с матерью и сестрой поселилась там на даче. См. воспоминания А. И. Елизаровой «Владимир Ильич в тюрьме», «Пролетарская революция», № 3 (26) стр. 107.

[5]) ДП, VII, 1895 г., д. № 339, ч. 2, л. 57.

[6]) Отношение департамента полиции от 26 марта, за № 498, с препровождением прошения М. А. Ульяновой об освобождении сына на поруки, содержало просьбу дать свое заключение.

вой, имею честь уведомить департамент полиции, что, ввиду упорного запирательства Ульянова, я полагал бы прошение Марии Ульяновой оставить без последствий [1]).

Генерал-майор Оноприенко.

Выписка из письма Скляренко [2]), Онега, Архангельской губ., от 6 мая 1896 г., к Марку Тимофеевичу Елизарову, в Москву, служба тяги Московско-Курской железной дороги [3]).

За «Zur Kritik» очень благодарен [4]). Волгина [Плеханова] тоже получил [5]).

Прекрасная статья Т-на [Тулина-Ленина] объехала уже несколько городов Архангельской губ. [6]), и у меня по поводу нее затеялась довольно содержательная переписка с одним «сомневающимся вевистом» [7]).

Как поживает путешественник [Ленин, В. И.]? Мы праздновали 1 мая (русское) и хотели послать ему поздравление, но раздумали по некоторым соображениям. Сегодня шлю письмо Чивирядзе [Лалаянцу?] в Екатеринослав. Городом он очень доволен, особенно тем, что в нем «мало крестов, но много фабричных труб».

Политических ссыльных в Архангельской губернии теперь уже 43 человека, из них 50% социал-демократов, 14% народоправцев, 5% народников и народовольцев и 21% польских националистов. Теперешний состав ссыльных гораздо «демократичнее» прежних: рабочих 30%.

«Оманифестят» ли нас? — ждем [8]).

Поклонитесь путешественнику [Ленин В. И.].

Письмо председателя совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты Люстиха на имя вице-директора департамента полиции Зволянского от 27 мая 1896 г. [9]).

М. г.

Сергей Эрастович.

Позвольте обратиться к вашему доброму содействию по следующему поводу: помощник присяжного поверенного Вл. Ил. Ульянов

---

[1]) На прошении М. А. Ульяновой в департамент полиции от 19/III 1896 г. об освобождении Владимира Ильича под поручительство имеется резолюция вице-директора Зволянского: «Прошение отклонить и объявить просительнице». (ДП, VII, 1895 г., д. № 339, ч. 2, л. 58).

[2]) А. П. Скляренко-Попов был участником первого в Самаре марксистского кружка в 1893 г., куда входили Ленин и Лалаянц.

[3]) ДП, III, 1892 г., д. № 944, л. 37.

[4]) Речь, очевидно, идет о книге К. Маркса «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» («Критика некоторых положений политической экономии», появившейся в полном переводе на русский язык в первый раз в 1896 г. (Москва, изд. Бонч-Бруевича, перевод П. П. Румянцева, под редакцией Мануилова).

[5]) Речь идет о работе Плеханова-Волгина «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова» (В. В.), написанной в 1896 г.

[6]) Речь идет о статье Ленина: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», первоначально напечатанной в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» за подписью К. Тулин (СПБ, 1895 г.).

[7]) Вевист — сторонник «В. В.» — псевдоним В. П. Воронцова, одного из главных теоретиков народничества 80—90 годов.

[8]) Имеется в виду «манифест» в связи с коронацией Николая II, по которому ждали амнистии по политическим делам.

[9]) ДП, VII, 1895 г., д. № 339, ч. 2, л. 104.

довольно давно уже арестован по обвинению в государственном преступлении; мать и сестра его удостоверяют, что за это время здоровье его сильно расстроилось, и просят освободить его до решения дела на поручительство; присяжный поверенный Волькенштейн, при котором г. Ульянов состоит помощником, также об этом просит и готов принять сам поручительство. Зная вас как человека, всегда готового оказать посильную помощь страдающим, если обстоятельства это позволяют, я и решился просить вас не отказать в содействии и Ульянову к освобождению его, с поручительством матери или г. Волькенштейна.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

В. Люстих.

Письмо вице-директора департамента полиции Зволянского на имя председателя Совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты Люстиха от 12 июня 1896 г. № 1100 [1]).

М. г.

Вильгельм Осипович.

Вследствие письма от 27 минувшего мая имею честь уведомить, что вопрос об освобождении из-под стражи привлеченного к дознанию по делу политического характера помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова уже неодновременно был возбуждаем его матерью, тем не менее ни жандармское управление, ни прокурорский надзор не признали возможным, по обстоятельствам дела, сделать что-либо в этом отношении. В настоящее время дознание об Ульянове производством уже закончено и находится в рассмотрении министерства юстиции.

Примите, м. г., уверение в совершенном почтении и проч.

С. Зволянский.

Копия письма Марка Елизарова, Москва, от 21 октября 1896 г. к Исааку Христофоровичу Лалаянцу, в Екатеринослав, служба тяги Екатерининской железной дороги [2]).

Были громадные эпидемии, такие, что и вымолвить трудно. Заболеваемость была, главным образом, среди иностранцев... [3]). Наши живут в Питере. Ждут финала... Уже все прошло в последней инстанции, от министерства юстиции до мин. внутр. дел [4]); надеются, что ноябрем все кончится. Хорошо бы, если бы не пришлось на Выборг... [5]), но едва ли — брудер [Ленин] чувствует себя отлично. Работает над капитальной статьей о внутренних рынках. Когда эта статья выйдет, то вперед можно сказать, что «удивит мир злодейством», и «упокойники в гробах спасибо скажут, что умерли»... [6]).

[1]) ДП, VII, 1895 г., д. № 339, ч. 2, л. 105. Воспроизводится с отпуска.

[2]) ДП, III, 1892 г., д. № 944, л. 39. На подлиннике перлюстрации резолюция и т. д. вице-директора: «Прошу копии обоих писем Елизарова послать для сведения московскому обер-полицмейстеру».

[3]) Речь идет об аресте в Москве активных работников «Московского рабочего союза».

[4]) Речь идет о ходе дела Ленина и всех привлеченных по делу «Союза борьбы».

[5]) Так в подлиннике перлюстрации.

[6]) Ленин в тюрьме работал над подготовкой книги «Развитие капитализма в России», законченной в ссылке и вышедшей в 1899 г.

До последнего времени все собирал материалы, но теперь засел писать. Боится, что не окончит к окончанию предварительного сл[едствия].

У нас дела идут бойко. Торговля процветает. Хороший товар всегда ведь найдет сбыт... Вот только пожар был и много убытку причинил.

Вы слышали, что «Сам[арский] вест[ник]» переходит в руки Гарина и там будут работать Струве, Скворцов, Гуревич и др? [1]).

Простите за мое бесконечное молчание.

Копия письма Марка Елизарова, Москва, от 21 октября 1896 г. к Алексею Васильевичу Скляренко, в Онегу, Архангельской губ. [2]).

Простите за очень долгое молчание. У нас в Москве лето было довольно грустное: были пожары, но только на окраинах больше и горели по преимуществу простон.....[3]). Большинство же разъезжалось на дачи, кто в командировку, а кто и на отдых... В Петербурге — вот там дела обстоят немного иначе. Там погода сначала казалась лучше здешней, но потом сразу испортилась: такая началась жара, духота, а потом заболеваемость, что просто ужас. Эпидемия в полном смысле слова охватила все круги... [4]).

Теперь, благодаря вышнему, все успокоилось. И в Питере и в Москве люди опять вошли в колею и начали потихоньку делать то маленькое дело, которое никак не хотят видеть наши Михайловские и Кривенки.

Теперь нельзя жаловаться ни на что... Но удивительнее всего то, что люди умирали, умирали, а их все столько же, если не больше... Во время сильной эпидемии летом одному старцу сказали (закаленному врагу друзей народа), что вся рыба в реке вымерла, и он хотя бы глазом моргнул, даже улыбнулся и говорит: «Ну что же, рыба умерла — икра осталась. Так вот и с людьми»... [5]).

Дело путешественников перешло в министерство внутренних дел. Надо думать, что до рождества окончится [6]). Наши теперь живут в Питере, а в Москве я с младшими.

Брат [Ленин] чувствует себя отлично. Пишет без конца. Выглядит очень бодро, хотя нельзя сказать, что на нем все это не отразилось.

---

[1]) Речь идет о газете «Самарский вестник», которая с конца 1896 г. перешла в руки новой — марксистской — редакции.

[2]) ДП, III, 1892 г., № 944, л. 38.

[3]) Так в подлиннике. Имеются в виду, повидимому, аресты среди рабочих.

[4]) Имеются в виду, очевидно, с одной стороны, оживление в связи с летними стачками текстильщиков, с другой стороны, аресты: в конце июня арест Лахтинской типографии народовольцев, где печаталась брошюра Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» и где погибла при аресте рукопись его «О стачках»; в августе была арестована Н. К. Крупская и другие члены «Союза борьбы».

[5]) Речь идет о В. И. Ленине.

[6]) Речь идет о Ленине и других, привлеченных по делу «Союза борьбы».

Говорят, что манифест начинают распространять и на таких, как ваша милость.

У нас в Москве теперь довольно бойко и живо, хотя жаль, что много внутренних раздоров, домашних смут... Мало очень терпимости к мнению другого, а потому слишком много склонности к сектантству. Адрес тот же [1]).

---

[1]) На подлиннике перлюстрации резолюция директора департамента полиции: «Прошу переговорить с подробной справкой об Елизарове. За женой его в Петербурге просить Секеринского наблюсти некоторое время, чтобы убедиться, что делает. 25/X. Зволянский» и резолюция вице-директора: «Я всегда говорил, что он и его жена — люди сомнительные. Семякин».

Ссылка.

(1897—1900)

Справка департамента полиции от 23 декабря 1896 г. [1]).

Ульянов, Владимир Ильин, помощник присяжного поверенного, привлечен по делу С.-Петербургского кружка «социал-демократов». Сидит под стражей с 9 декабря 1896 г. Министр юстиции полагает выслать Ульянова в Восточную Сибирь на 3 года. Департамент согласился с этим мнением, и дело возвращено в министерство юстиции 18 декабря за № 2778 [2]).

Отношение департамента полиции на имя петербургского градоначальника от [?] декабря 1896 г. № [?] [3]).

Департамент полиции имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении к объявлению проживающей по Литейной, д. 25, кв. 10, дворянке Марии Ульяновой, на поданное прошение, что вопрос о назначении сыну ее Владимиру Ульянову города для водворения под надзор полиции зависит от усмотрения иркутского генерал-губернатора, к которому она и может обратиться со своим ходатайством, по объявлении Владимиру Ульянову о месте высылки.

Прошение М. А. Ульяновой на имя директора департамента полиции 10 февраля 1897 г. [4]).

Его превосходительству господину директору департамента полиции.

Вдовы действительного статского советника Марии Александровны Ульяновой

Прошение.

Вследствие того, что высылаемый в Восточную Сибирь сын мой Владимир Ульянов слабого здоровья, почему я не решаюсь отпустить его одного и вознамерилась сопутствовать ему в ссылку, то имею честь

---

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 45.

[2]) На подлиннике помета: «Надо при случае сказать С. Г. Ковалевскому, что Ульянов не заслуживает особых снисхождений, это Елизарова хлопочет. Семякин».

[3]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 58. Воспроизводится с отпуска, на котором следующая расписка: «Настоящее отношение мне объявлено. Анна Елизарова. 14/XII».

[4]) ДП. о. о., 1898 г., № 6, ч. 950, л: 49. На подлиннике резолюции: «В доклад г. министру и на два дня разрешить приезд в Москву. 12/II»—«Разрешить ввиду совместной поездки с матерью. с правом остановки в Москве на два дня. 12/II».

покорнейше просить ваше превосходительство разрешить ему проследовать на место ссылки на свой счет с проходным свидетельством.

Вдова д. с. с. Мария Ульянова.

10-го февраля
1897 г.

Справка департамента полиции [1]).

По высочайшему повелению 29 января 1897 г. по делу Петра Запорожца Владимир Ульянов высылается в Восточную Сибирь на 3 года [2]).

В С.-Петербургский дом предварительного заключения.

Отношение департамента полиции в Главное тюремное управление 12 февраля 1897 г. № 1418 [3]).

Министерством внутренних дел признано возможным разрешить высылаемому, на основании высочайшего повеления 29 января 1897 г., за государственное преступление, в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на три года Владимиру Ильину Ульянову следовать из Петербурга в ссылку на свой счет по проходному свидетельству.

Сообщая об изложенном, в дополнение к отношению от 7 сего февраля, за № 1158, департамент полиции имеет честь покорнейше просить Главное тюремное управление не отказать в зависящем распоряжении об освобождении Ульянова из-под стражи с передачей его в ведение петербургского градоначальника.

И. д. директора Зволянский.

Отношение департамента полиции на имя петербургского градоначальника от 14 февраля 1897 г. № 1510 [4]).

Министерством внутренних дел признано возможным разрешить высылаемому на три года в Восточную Сибирь Владимиру Ильину Ульянову, ввиду ходатайства следующей вместе с ним по назначению матери названного лица, остаться в С.-Петербурге до вечера 17-го сего февраля для сборов в дорогу и совета с врачами.

Об изложенном департамент полиции имеет честь уведомить ваше превосходительство, в дополнение к отношению от 12 сего февраля, за № 1417, для зависящего распоряжения и объявления о том Ульянову, покорнейше прося сделать распоряжение об учреждении за названным лицом на время пребывания его в столице, независимо гласного надзора полиции, также негласного наблюдения и о последующем сообщить департаменту.

И. д. директора Зволянский.

---

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 45. В том же деле (л. 64) имеется расписка В. И. Ленина об объявлении ему помощником начальника дома предварительного заключения постановления о высылке. Текст объявления и расписка опубликованы в «Красной летописи» 1925 г., № 3, стр. 203.

[2]) Дело о «Петербургском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» по министерству юстиции получило название «Дело о Петре Запорожце и др.».

[3]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 50.

[4]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 7, ч. 950, л. 56.

Служебная записка Московского охранного отделения 14 февраля 1897 г.[1]).

Для сведения дежурных.

Когда какой-либо пристав запросит по телефону, что ему делать с проходным свидетельством, предъявленным Ульяновым, или же таковое свидетельство будет присланным в пакете, то тогда следует о прибытии Ульянова сообщить г. чиновнику для поручений Медникову, или же, в отсутствие последнего, С. Е. Федорову, для учреждения за Ульяновым гласного надзора.

Если же Ульянов явится лично в отделение и предъявит проходное свительство, то тогда спросить по сему делу начальство, как поступить с Ульяновым.

14 февраля 1897 г.

Телеграмма и. д. директора департамента полиции Зволянского московскому обер-полицмейстеру 15 февраля 1897 г.[2]).

Мать высылаемого в Восточную Сибирь Владимира Ульянова ходатайствует, ввиду болезни, о разрешении сыну пробыть в Москве неделю. Сообщаю на ваше усмотрение.

И. д. директора Зволянский.

Рапорт пристава 1 участка Арбатской части г. Москвы в Московское охранное отделение от 21 февраля 1897 г. № 49[3]).

Упоминаемый в секр. прибавлении на 25 июня 1889 года, за № 26, сын действительного статского советника Владимир Ильин Ульянов сего числа остановился проездом из С.-Петербурга в г. Иркутск в д. Романовского по Собачьей площадке вверенного мне участка, сроком на два дня, согласно проходного свидетельства с.-петербургского градоначальника за № 2560.

Сообщая об этом отделению, имею честь уведомить, что за своевременным выездом Ульянова из Москвы имеется наблюдение.

Пристав подполковник Захаров.

Заявление М. Т. Елизарова в Московское охранное отделение[4]).

Фамилия — Елизаров.
Имя — Марк.
Отчество — Тимофеевич.
Звание — коллежский секретарь.
Кого желает видеть — вместе с шурином Ульяновым.
По какому делу: выяснить возможность остаться ему еще несколько дней в моей квартире в ожидании ответа от департамента полиции.
Место жительства:
Собачья площадка, д. Романовского, кв. № 4.

---

[1]) Моск. охр. отд., 1889 г., д. № 166, т. 3, л. 109.
[2]) ДП, о. о., 1898 г., д. 6, ч. 950, л. 61. Воспроизводится с отпуска.
[3]) Моск. охр. отд., 1889 г., д. № 166, т. 3, л. 116.
[4]) Там же, л. 117.

Прошение В. И. Ленина в Московское охранное отделение 22 февраля 1897 г. [1]).

В Московское охранное отделение.

Помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова

Прошение.

На основании распоряжения административных властей я подлежу ссылке в Восточную Сибирь на три года из С.-Петербурга. Г. директор департамента полиции разрешил мне еще в С.-Петербурге отправиться в Иркутск по проходному свидетельству на свой счет, заехав на двое суток в Москву к моей матери.

Найдя, что сопровождать меня в Иркутск ей крайне обременительно по слабому состоянию ее здоровья и что остальные ссыльные по этому же делу отправлены по железной дороге на казенный счет, моя мать подала уже из Москвы прошение г-ну директору департамента полиции о разрешении мне пробыть у нее несколько дольше и о том, чтобы присоединить меня к партии. Прошение это было послано во вторник, 18 февраля, с курьерским поездом, чтобы оно получено было в С.-Петербурге в среду и г. директор имел время сделать то или другое распоряжение. Но так как почтовые сношения все-таки слишком медленны и я опасался, что срок моего пребывания в Москве может истечь раньше получения ответа, то на другой же день, в среду, 19 февраля, моей матерью послана была телеграмма в С.-Петербург г-ну директору департамента полиции, с уплаченным ответом — телеграмма с прошением разрешить мне остаться при ней по случаю ее болезни еще на неделю. Справки, наведенные на телеграфе, показали, что ответ по телеграфу не получен, и потому я решил обратиться в Московское охранное отделение, предполагая, что ответ на телеграмму и на прошение сообщен предварительно ему.

В настоящее время, следовательно, я нахожусь в неопределенном положении. Если г. директор департамента полиции не разрешит мне присоединиться к партии для отправки на казенный счет по железной дороге, то я тотчас же по получении ответа отправлюсь в г. Иркутск на свой счет, согласно предписанию, содержащемуся в выданном мне проходном свидетельстве.

На основании вышеизложенного я имею честь покорнейше просить Московское отделение о выдаче мне контрамарки для того, чтобы остаться в Москве до получения ответа из департамента полиции.

Помощник прис. поверенного Владимир Ульянов.

Москва, февраля 22 дня 1897 года.

При сем прилагаю квитанцию почтового отделения на вокзале Николаевской железной дороги от 18 февраля за № 56.

Надпись на проходном свидетельстве В. И. Ленина, выданном петербургским градоначальником 14 февраля 1897 г. за № 2560 [2]).

Ульянов прибыл из С.-Петербурга в Москву 18 февраля 1897 г., выбыл из здешней столицы по направлению в г. Иркутск 22 сего февраля 1897 г.

За зав. отд. [подпись].

---

[1]) Моск. охр. отд., 1889 г., д. № 166, т. 3, лл. 114—15.

[2]) Моск. охр. отд., 1889 г., д. № 116, т. 3, л. 118.

Расписка В. И. Ленина об обязательстве выехать из Москвы 22 февраля 1897 г.

Подлинное проходное свидетельство получил 22-го февраля, когда и обязуюсь выехать из Москвы с поездом Московско-Курской железной дороги в 11 часов вечера.

В. Ульянов.

Телефонная депеша [1]).

12 час. [?] мин. пополуночи 23 числа сего февраля месяца 1897 года полицейский надзиратель Серегин передал из 3 уч. Мещанской части: Ульянов выехал в 11 ч. 30 м. вечера по Курской ж. д. в Тулу. С ним были Елизаров, две дамы и студент. Последний только проводил и ушел с вокзала, а Елизаров и две дамы поехали вместе с Ульяновым.

Принял дежурный Богомолов.

Донесение московского обер-полицмейстера в департамент полиции от 24 февраля 1897 г. № 525 [2]).

Имею честь уведомить департамент полиции, что помощник присяжного поверенного Владимир Ильин Ульянов, упоминаемый в отношении департамента от 12 сего февраля, за № 1419, прибыв 18 февраля в Москву, 22 числа выбыл из столицы по направлению в город Иркутск; пребывание же Ульянова в Москве сверх разрешенной остановки в течение двух дней допущено Ульяновым самовольно без предъявления полиции проходного свидетельства, в ожидании будто бы ответа на поданное им в департамент полиции прошение.

И. д. обер-полицмейстера полковник Трепов.

Справка департамента полиции 8 мая 1897 г. [3]).

Из отзыва иркутского генерал-губернатора от 31 марта сего года, за № 2336, усматривается, что местом водворения Владимиру Ульянову назначен Минусинский округ, кроме г. Минусинска.

Отношение енисейского губернатора в департамент полиции от 5 июля 1897 г. № 511 [4]).

Минусинский окружной исправник донес, что политический административно-ссыльный Владимир Ульянов прибыл в назначенное ему место жительства — село Шушенское, Минусинского округа, 8 мая с. г., и тогда же учрежден за ним надлежащий гласный надзор полиции сроком на три года.

Об этом имею честь сообщить к сведению департамента полиции.

И. д. губернатора Приклонский.

Отношение енисейского губернатора в канцелярию московского обер-полицмейстера от 22 августа 1897 г. № 658 [5]).

Покорнейше прошу канцелярию объявить вдове действительного статского советника Марии Александровой Ульяновой, ходатайствую-

---

[1]) Моск. охр. отд., 1899 г., д. № 166, т. 3, л. 119.

[2]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 65. Опубликовано в «Записках института Ленина», т. III, стр. 82.

[3]) ДП, о. о. 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 79.

[4]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 82.

[5]) ДП, VII, 1896 г., д. № 319, т. 6, л. 95-а.

щей о разрешении ее сыну административному ссыльному Владимиру Ульянову, ввиду его болезненного состояния, переехать из села Шушенского, Минусинского округа, для лечения и совместного с нею жительства, в г. Красноярск, что ходатайство это оставлено мною без последствий. Адрес Ульяновой: Москва, Собачья площадка, дом № 68, квартира № 4, Арбатская часть 1-го участка.

И. д. губернатора Приклонский.

Телеграмма В. И. Ленина директору департамента полиции из Минусинска 8 января 1898 г. № 156 [1]).

Имею честь просить разрешить моей невесте Надежде Крупской переезд в село Шушенское.

Административно-ссыльный Ульянов.

Прошение Н. К. Крупской на имя министра внутренних дел 9 января 1898 г. [2]).

Его высокопревосходительству г-ну министру внутренних дел.
Дочери коллежского асессора Надежды Константиновны Крупской.

Прошение.

Выходя замуж за Владимира Ильича Ульянова, находящегося в Енисейской губернии, Минусинском округе, селе Шушенском, я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою назначить мне местом высылки, если таковая последует мне в виде наказания, местожительство моего жениха.

Избирая Сибирь местом ссылки, я прошу также о сокращении срока ее до 2-х лет ввиду того, что через 2 года кончается срок ссылки моего жениха, а также ввиду того, что со мною едет мать. — 1898 года, января 9-го дня.

Надежда Крупская.

С.-Петербург, Литейный пр., д. 35, кв. 18.

Прошение В. И. Ленина на имя енисейского губернатора 12 августа 1898 г. [3]).

Его превосходительству господину начальнику Енисейской губернии.

Административно-ссыльного по политическому делу, помощника присяжного поверенного, Владимира Ильича Ульянова, живущего в с. Шушенском Минусинского округа.

Прошение.

Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство разрешить мне приехать на одну неделю в гор. Красноярск для обращения

---

[1]) Моск. охр. отд., 1889 г., д. № 166, т. 3, л. 213.
[2]) ДП, VII, 1898 г., д. № 319, т. 6, л. 113.
[3]) Фонд особого хран. Архива революции. № 39. На подлиннике помета: «Прошу г. городового врача освидетельствовать г. Ульянова».

к специалисту по зубным болезням. Местный врач, после неоднократных безуспешных попыток, признал себя некомпетентным в данном случае, а дантиста в настоящее время в г. Минусинске нет.

Г. Минусинск, 12 августа 1898 г.

Помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов.

Поданию подлежит господину минусинскому окружному исправнику.

Донесение енисейского губернатора иркутскому генерал-губернатору 24 августа 1898 г. № 835 [1]).

Имею честь представить вашему высокопревосходительству, что административно-ссыльному, состоящему под гласным надзором полиции в Минусинском округе, Владимиру Ульянову, согласно его ходатайства и представленных двух медицинских свидетельств минусинского городового врача Смирнова о состоянии его здоровья, а также ввиду болезни Ульянова, требующей скорой подачи помощи, мной разрешено названному ссыльному прибыть на одну неделю в г. Красноярск для лечения.

Два медицинских свидетельства и прошение Ульянова при сем представляются.

Губернатор Плец.

Отношение канцелярии иркутского генерал-губернатора на имя енисейского губернатора 16 сентября 1898 г. № 7197 [2]).

Канцелярия, по приказанию г. генерал-губернатора, имеет честь покорнейше просить распоряжения вашего превосходительства об установлении наблюдения за своевременным возвращением административно-ссыльного Ульянова в Минусинск по окончании лечения в Красноярске.

Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции 18 ноября 1898 г. № 206 [3]).

Вышло в свет и продается в книжном магазине «Знание» (донесение мое за № 195) новое произведение легальной социал-демократической литературы под заглавием: «Экономические этюды и статьи Владимира Ильина», С.-Петербург, типография Лейферта, 1899 г.

Названный автор более известен под другим своим псевдонимом— «Тулин». Под таким псевдонимом печатались его статьи в «Новом слове» и в каком-то социал-демократическом сборнике, не пропущенном цензурою [4]). Настоящую его фамилию знают немногие, так как со-

---

[1]) Фонд. особого хран. Архива революции, № 39. На подлиннике помета: «5 сентября. Просить наблюсти за возвратом в Минусинск».

[2]) Там же.

[3]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 163. Воспроизводится с копии, на которой пометы: «Господин министр желает ознакомиться с этим изданием, просит жандармское управление доставит 1 экз.» — «Исполнено 20/XI».

[4]) Имеется в виду сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». «Новое слово» — первый легальный марксистский журнал, выходивший в 1897 г. В «Новом слове» первоначально была напечатана статья Ленина «К характеристике экономического романтизма», перепечатанная затем в сборнике «Экономические этюды и статьи» в 1899 г.

циал-демократы держат ее в большом секрете, оберегая в этом авторе одного из своих вожаков. В действительности это — политический ссыльный Владимир Ильин Ульянов, родной брат террориста Александра Ульянова, казненного в 1887 году.

О чем имею честь доложить вашему превосходительству.

Полковник [подпись].

Письмо начальника Петербургского охранного отделения Пирамидова на имя директора департамента полиции Зволянского 9 января 1899 года № 5/1 [1]).

Ваше превосходительство, милостивый государь, Сергей Эрастович.

Настоящие сведения, по моим соображениям, должны иметь некоторую связь с делом, о котором на-днях ваше превосходительство изволили говорить со мною совершенно конфиденциально, почему считаю необходимым представить вам их письмом, а не официальным донесением, хотя здесь указывается и на лиц, о коих ранее уже последовали мои донесения.

Агентурным, но заслуживающим доверия, путем мною узнано, что Вржосек, Рунин, Гофман (девица), Ионов, Маслов, Савин и еще шесть или семь лиц, пока мне неизвестных, образовывают самостоятельную редакционную комиссию для составления, издания и распространения книг и брошюр, имеющих своею задачею и вообще могущих способствовать формированию из фабричных рабочих сознательных и убежденных социалистов. В работах комиссии согласились принимать участие Потресов и проживающий вне Петербурга известный Ульянов (он же Тулин, он же Владимир Ильин). Для составления книг комиссия разработает программу вопросов и положений, схематически очерчивающих те элементы обществоведения, исторических и частью философских наук, которые желательно представить в популярном изложении с вышеуказанной целью.

Сообразно таким вопросам и положениям составляются брошюры или же подбираются библиографическим методом существующие уже книги и статьи в русской и иностранной литературах, отвечающие требованиям комиссии: русские — для переиздания, а иностранные — также и для перевода.

Воспроизведение этих брошюр будет иметь место как в легальной, так и в нелегальной печати — смотря по степени остроты разрабатываемых тем. Для нелегального воспроизведения комиссия располагает типографиею «Рабочего знамени». Составление брошюр на заданные комиссиею темы может быть принято на себя ее членами или поручено и заказано посторонним лицам и специалистам и литераторам, не состоящим членами комиссии, как то: Милюкову, Нестору Котляревскому, Поссе, Струве и другим.

Для издания брошюр в легальной печати охотно предлагают свое содействие Березин и Семенов, собственники книжного магазина «Знание» (Садовая ул.), но оба эти лица, несмотря на краткое еще время своей издательской и книгопродавческой деятельности, в очень обширных кругах петербургской публики успели прослыть людьми недобросовестными. Ввиду этого предложение Березина и Семенова, вероятно, будет отклонено.

---

[1]) ДП, о. о., 1899 г., д. № 80, лл. 1—2.

Очень прельщает Вржосека и Рунина идея самостоятельного издания книг на товарищеских началах, и если эта идея будет разделена прочими членами комиссии, то каждый полноправный член ее обязывается к единовременному денежному взносу в размере 50 рублей.

Распространение книг будет производиться как путем обыкновенной продажи, так и путем сношений с петербургскими и провинциальными рабочими кружками.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть, ваше превосходительство, покорнейшим слугою.

В. Пирамидов.

Отношение начальника Енисейского губернского жандармского управления на имя начальника управления в Минусинском и Ачинском уездах от 24 марта 1899 г. № 330 [1]).

Вследствие донесения от 18 сего марта, за № 83, сообщаю вашему высокоблагородию, что вам следует произвести обыск у Ульянова в порядке 1035 ст. и не в очередной объезд, а по прибытии товарища прокурора в г. Минусинск, о командировании которого я уведомил сего числа, за № 329, прокурора Красноярского окружного суда и кто будет.

Полковник Вознесенский.

Постановление начальника Енисейского губернского жандармского управления № 51 [2]).

1899 года, мая 2 дня, в селе Шушенском, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Николаев, рассмотрев письмо, отобранное мною сего числа при обыске у административно-ссыльного Владимира Ульянова, и принимая во внимание, что таковое ничего предосудительного в политическом отношении в себе не содержит, а также и то, что при производстве сказанного обыска ничего преступного не обнаружено, по соглашению с товарищем прокурора Красноярского окружного суда г. Никитиным, постановил: Владимира Ульянова, по поводу отобранного у него письма, допросить, в качестве свидетеля.

Подполковник Николаев.
Товарищ прокурора Никитин.

Выписка из письма М. И. Ульяновой, Подольск, Московской губернии, от 16 сентября 1899 г., к Владимиру Ильичу Ульянову, в Минусинск, Енисейской губ. [3]).

Анна Ильинишна Елизарова сейчас в Москве и напишет тебе, верно, о статье Булгакова, когда вернется. Я не успела зайти к écriv [ain — писателю П. Б. Струве], когда была в Питере, а просила это сделать одну свою подругу. Он ей сказал, что все твои статьи переданы им в редакцию «Жизни», но не знает, когда они будут напечатаны, по цензурным

---

[1]) Фонд особ. хран. Архива революции, 1899 г., № 45, л. 345.
[2]) Там же.
[3]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 489, л. 4. На подлиннике этой перлюстрации резолюция директора департамента полиции: «Со всей перепиской по поводу поступления Елизарова в доклад г. министру».

условиям. Его статья тоже лежит с июня. В настоящее время цензура прижимает «Жизнь» [1]).

Бернштейна ты можешь оставить себе, а вот Вандервельда придется вернуть [2]). Полемику о Бернштейне постараюсь достать, какую смогу, да и Анна, вероятно, много интересного будет получать этот год из Германии,— туда поехал ее хороший знакомый.

В нумере от 8 сентября «Франкфуртской газеты» есть изложение новой статьи Бернштейна, где он уж прямо нападает на программу.

Интересно, что решат на предстоящем партейтаге, — может быть, исключат Бернштейна из партии, а «Франкфуртская газета» выражает пожелание, чтобы его взгляды распространение получили [3]).

Марку Тимофеевичу Елизарову так и отказали в выдаче свидетельства о благонадежности. Он [4]) вообще против того, чтобы лица его возраста поступали в высшие учебные заведения. Как ни вертелся вице-директор департамента, князь Хилков [5]) принял его на свой риск [6]).

Из протокола осмотра документов Е. М. Крумзе 30 сентября 1899 г. № 16250 [7]).

1899 года, сентября 30 дня, в г. Саратове, я, начальник Саратовского губернского жандармского управления, полковник Иванов, в присутствии товарища прокурора Саратовского окружного суда Е. И. Новичкова и нижеподписавшихся понятых, производил осмотр бумаг, препровожденных ко мне начальником Вятского губернского жандармского управления при отношении от 17 сентября сего года, за № 1637, отобранных по обыску, бывшему 14 сентября, от состоящей под гласным надзором полиции в г. Котельниче Вятской губернии фельдшерицы Елены Михайловой Крумзе, причем могущими иметь значение для дела признаны следующие [8]):

6) Записка, написанная чернилами, на ¼ листа почтовой бумаги малого формата, без подписи автора и наименования адресата.

---

[1]) «Жизнь» — орган легального марксизма, во главе со Струве и Туган-Барановским, под ред. Поссе, выходил в Петербурге с 1899 г. по 1901 г., когда был закрыт постановлением правительства.

В «Жизни» в январской и февральской книжках за 1900 г. напечатаны были предназначавшиеся для журнала «Начало» (закрытого в июне 1899 г.) статьи Ленина «Капитализм в сельском хозяйстве» и «Ответ г. П. Нежданову». Первая написана по поводу статьи Булгакова «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия» в журнале «Начало», № 1—2, за 1899 г.

[2]) Речь идет о книге Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899 г.), отзыв о которой дает Ленин в письме своем к М. А. Ульяновой 1 сентября 1899 г., опубликованном в «Пролетарской революции» 1920 г., № 8—9, стр. 156—157, и ответом на которое является воспроизводимое здесь письмо.

[3]) Имеется в виду Ганноверский съезд германской социал-демократии, который происходил 9—15 октября н. ст. 1899 г. Главным вопросом был вопрос о Бернштейне. Съезд высказался за сохранение партией ее прежней тактики, приняв умеренную резолюцию, за которую голосовали также и сторонники Бернштейна. См. письмо Ленина М. И. Ульяновой от 22 августа 1899 г. в «Пролетарской революции», 1929 г., № 8—9, стр. 153—154, в котором он просит прислать отчеты о предполагаемом съезде.

[4]) Вице-директор департамента полиции.

[5]) Министр путей сообщения.

[6]) Речь идет о поступлении М. Т. Елизарова в Московское инженерное училище ведомства путей сообщения.

[7]) ДП, VII, 1899 г., № 363, л. 69.

[8]) Опускается подробная опись отобранных документов.

Записка эта следующего содержания:

«Посылаю некую резолюцию и прошу сделать вот что: прочитайте ее вашим социал-демократам и спросите каждого, согласен ли он с ней? Затем сосчитайте число голосов, поданных «за», и сообщите хотя по почте, сколько их. Если будут по поводу резолюции какие-нибудь замечания, тоже хорошо было бы (воспользовавшись каким-нибудь случаем) сообщить их мне.

Если кто-нибудь согласится с оговоркой, то и это напишите (число согласных с резолюцией, но с оговоркой). Резолюция эта написана не нами, и я прошу вас никому не говорить даже, что этот экземпляр попал к вам из Орлова и что считают голоса из Орлова.

Экземпляр этот прошу при случае возвратить мне; пожалуйста, не затеряйте его и в другое место не посылайте [1]).

Всего хорошего. Извините за вид письма, очень у меня рука устала.

Деньги присланы от «нас» к «вашим». Это ежемесячная высылка, о которой ваши знают. Передайте их колонии.

О ссуде на тильзовую фабрику сообщу особо. Я буду писать так, как будто просят у меня лично и отвечаю лишь от своего лица, а уже вы там понимайте мое «я» во множественном числе.

Напишите обязательно (узнайте где-нибудь), есть ли в вашем уезде (в деревнях, селах и других местечках) нуждающиеся рабочие, ссыльные (их фамилии и адреса). Наверное, ваша колония что-нибудь о комнибудь из них знает».

7) Рукопись на четырех листах почтовой бумаги малого формата, которая озаглавлена так:

«Собрание социал-демократов одной местности, в числе 17 человек, приняло единогласно следующую резолюцию и постановило опубликовать ее и передать на обсуждение всем товарищам» [2]).

Далее идет самый текст рукописи, которая ввиду важности ее содержания приводится дословно... [3]).

Из доклада департамента полиции особому совещанию 16 декабря 1899 г. [4]).

Инженер-технолог, уроженец г. Самары, Глеб Максим. Кржижановский, 26 лет, инженер-технолог, уроженец Саратовской губернии, Василий Васильев Старков, 27 лет, лекарь Яков Мееров Лейбов Ляховский, 26 лет, помощник присяжного поверенного, уроженец г. Симбирска, Владимир Ильин Ульянов, 28 лет, потомственный почетный гражданин, бывший студент С.-Петербургского университета, еврей, Юлий Иосиф Цедербаум, 24 лет, и отставной губернский секретарь Пантелеймон Николаев Лепешинский, 30 лет, привлекались по делу о петербургских социал-демократических кружках (дело Запорожца).

. . . . . .

Ульянов в 1895 году ездил за границу, где, по агентурным сведениям, вошел в сношения с эмигрантом Плехановым с целью установить

---

[1]) Речь идет о «Протесте российских социал-демократов», написанном Лениным в ссылке летом 1899 г. против «Credo» Е. Кусковой.

[2]) Подробный рассказ об обсуждении проекта «Протеста» Минусинской колонии социал-демократов с перечнем 17 человек, которые подписали его, дает П. Н. Лепешинский в своей книге «На повороте», Гиз, 1922 г., стр. 100—102.

[3]) Далее следует копия «Протеста», текст которой совпадает с текстом, опубликованным в Сочинениях Ленина, 3 изд., т. II, стр. 477—486.

[4]) ДП, III, 1894, д. № 950, л. 42.

способ для правильного водворения в Россию революционной литературы; по возвращении в С.-Петербург участвовал в составлении статей для подпольной газеты сообщества «Рабочее дело»; руководил рабочими кружками.

. . . . . .

Ввиду истекшего 29 января 1900 г. срока ссылки названных лиц, департамент полиции полагал бы: воспретить им жительство, независимо столиц и С.-Петербургской губернии, также в местностях фабричного района, университетских городах и в г.г.: Иркутске и Красноярске, с их уездами, сроком на три года, не касаясь в отношении Ляховского и Цедербаума ограничений, лежащих на названных двух лицах как на евреях.

За вице-директора Лерхе.

Особое совещание, в заседании 16 декабря 1899 года, постановило согласиться с заключением департамента полиции.

Делопроизводитель Лерхе.

Извещение департамента полиции В. И. Ленину 5 января 1900 г. № 48 [1]).

От департамента полиции объявляется уроженцу г. Симбирска помощнику присяжного поверенного Владимиру Ильину Ульянову, что по рассмотрении в особом совещании, образованном на основании 34 ст. положения о государственной охране, обстоятельств дела о названном лице, господин министр внутренних дел постановил: воспретить ему, Ульянову, по освобождении его 29 января 1900 года от надзора полиции, жительства в столицах и С.-Петербургской губернии впредь до особого распоряжения, а в губерниях: Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Тульской, Пермской, Уфимской, Орловской, Екатеринославской, Бакинской; Варшавской и Петроковской, Белостокском уезде Гродненской губ., Области войска донского и г. г. Вильне, Киеве, Николаеве, Одессе, Харькове, Риге, Юрьеве, Либаве, Казани, Томске, Елисаветграде, м. Кривом-Роге Херсонской губ., а также в Иркутске и Красноярске, с их уездами, в течение трех лет, сроком по 29 января 1903 года.

За вице-директора [подпись].

№ 48.

5 января 1900 г.

За делопроизводителя Зайцев.

Настоящее постановление мне объявлено 28 февраля 1900 г.

Помощник присяжного поверенного В. Ульянов.

Подпись руки Ульянова учинена в моем присутствии, что и удостоверяется. Псковский полицмейстер [подпись].

Отношение енисейского губернатора в канцелярию иркутского генерал-губернатора от 9 февраля 1900 № [?] [2]).

Имею честь уведомить канцелярию генерал-губернатора для сведения, что состоящая в Минусинском уезде под гласным надзором поли-

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 93. Опубликовано в «Красной летописи» 1925 г., № 3, стр. 204.

[2]) Фонд особого хранения Архива революции, № 39.

ции Надежда Константиновна Ульянова (урожденная Крупская), согласно разрешения департамента полиции, 30 января с. г. выехала на жительство в Уфимскую губернию, о чем мною и сообщено г. уфимскому губернатору для зависящего распоряжения о подчинении Ульяновой упомянутому надзору полиции. При этом присовокупляю, что муж Ульяновой, Владимир Ульянов, по окончании 29 января с. г. срока гласного надзора полиции, выехал на жительство в г. Псков.

Губернатор Плец.

Отношение департамента полиции на имя начальника Енисейского губернского жандармского управления от 17 февраля 1900 г. № 1839 [1]).

Признавая полезным подчинить проживающего в селе Шушенском, Минусинского округа, сына действительного статского советника административно-ссыльного Владимира Ильина Ульянова негласному надзору, согласно положению 1 марта 1882 г., департамент полиции имеет честь просить вас, милостивый государь, учредить за означенным лицом негласный надзор, руководствуясь указаниями циркуляра от 1 декабря 1889 г. за № 4113.

По истечении не менее двух лет со времени подчинения Ульянова надзору, если в деятельности и поведении его не будет замечено ничего предосудительного, вам надлежит о прекращении надзора войти в департамент с представлением в порядке, указанном в п. 2 и 4 § III вышеозначенного циркуляра.

Прилагаемый при сем листок подлежит заполнению и возвращению в департамент.

Вице-директор [подпись].

Секретное прибавление к приказу по московской городской полиции на 22 февраля 1900 г. № 2 [2]).

1. Нижепоименованные лица лишены права проживать в Москве впредь до особого распоряжения. . . . . .

. . . . . .

Ульянов, Владимир Ильин, б. студент Казанского университета, уроженец г. Симбирска, ныне помощник присяжного поверенного, упоминаемый в секретном прибавлении №№ 39—88 и 26—89 (166—89) 137.

. . . . . .

И. д. московского обер-полицмейстера полковник Трепов.

Начальник Московского охранного отделения Зубатов.

Отношение начальника Московского охранного отделения Зубатова на имя вице-директора департамента полиции Ратаева от 2 марта 1900 г. № 2255 [3]).

Совершенно секретно.

Милостивый государь!

Леонид Александрович.

Имею честь уведомить ваше высокородие, что состоящий под особым надзором полиции в г. Орле бывший вольнослушатель Киевского

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 90.
[2]) Моск. охр. отд., 1899 г., д. № 1806, л. 5.
[3]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 8, лит. Б, л. 40.

университета Владимир Александров Русанов, о котором сообщалось вам в письмах от 22 минувшего декабря, 22 и 25 января сего года, за №№ 15871, 248 и 256, 15 числа истекшего февраля прибыл в Москву и остановился, без прописки документа, у сестры своего друга Клавдия, дочери священника Орловской губернии, Глафиры Михайловой Островой. В тот же день Русанов посетил упоминавшуюся в предыдущих моих сообщениях дочь священника Каликсту Афанасьеву Турбину и повидался с слушательницей коллективных курсов, дочерью чиновника, Зинаидой Михайловой Сороко, с которой и в следующие дни был вместе довольно часто. 16-го числа Русанов навестил известную департаменту полиции дочь священника Карачаевского уезда, Зинаиду Алексееву Крутикову, проживающую в доме № 10, Кудрявцева, по Семинарскому тупику.

Почти одновременно с Русановым в здешнюю столицу приехал известный в литературе (под псевдонимом «Ильин») представитель марксизма Владимир Ульянов, только что отбывший срок ссылки в Сибири, и поселился, тоже нелегально, в квартире сестры своей Анны Ильиной Елизаровой, проживающей в доме Шаронова, по Бахметьевской улице, вместе с мужем своим Марком Тимофеевым и сестрой Марией Ульяновой (все трое состоят под надзором полиции). Последняя из упомянутых 17 числа свела брата своего Владимира на Мещанскую улицу, где указала ему дом Гельбрас, куда он и зашел — здесь квартирует приятель его, негласно поднадзорный, инженер-технолог Герман Борисов Красин и жена последнего Екатерина Васильева, по первому мужу Алексеева, урожденная Пронина.

18 февраля, в 5 часов дня, в дом Шаронова пришла Глафира Острова, с которой, через полчаса, Анна Елизарова отправилась: сначала к повивальной бабке, бывшей воспитательнице орловской гимназии, дочери прусского подданного, Эмилии-Кларе Францевой Гофман, а от нее, немного спустя, к вышеупоминавшейся Ольге Крутиковой; сюда же вскоре явился и Владимир Русанов; Острова через 45 минут ушла отсюда, а Елизарова пробыла на свидании более часа.

19 февраля бывший студент Московского университета Дмитрий Ильин Ульянов, отбывающий в Подольске, Московской губернии, срок гласного надзора, прибыл тайно в здешнюю столицу и привел с собой на квартиру Елизаровых, где в это время находились Мария и Владимир Ульяновы, таганрогского мещанина Исаака Христофорова Лалаянца, который, как известно вашему высокородию, является, вместе с женой своей, лидером наблюдения, имеющегося в г. Екатеринославе за группой, печатающей газету «Южный рабочий» [1]). В этот же день квартиру Елизаровых посетил хорошо известный Московскому охранному отделению, бывший студент Московского технического училища, Александр Васильев Бугринов, женатый на Анжелике Карпузи, состоящей под негласным надзором полиции.

В ночь на 22 февраля Русанов выбыл из Москвы товаро-пассажирским поездом на Орел.

---

[1]) Речь идет о свидании Ленина в Москве с членом Екатеринославского комитета РСДРП Лалаянцем, уполномоченным комитетом и редакцией «Южного рабочего» вести переговоры с Лениным об участии его в организации Второго съезда — см. воспоминания Лалаянца «О моих встречах с В. И. Лениным», «Пролетарская революция» 1929 г., № 1 (84), стр. 68.

Из вышеизложенного явствует, что между представителями социал-демократических групп Москвы, Орла и Екатеринослава ведутся оживленные сношения, которые, разумеется, не могут остаться без влияния на интенсивность их деятельности.

Покорнейше прошу вас, м. г., принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности вашего покорного слуги

С. Зубатова.

Отношение енисейского губернатора в департамент полиции от 13 марта 1900 г. № 478 [1]).

Препровождая при сем извещение за № 48 [2]), с распиской на нем уроженца г. Симбирска помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова, имею честь уведомить департамент полиции, что, как донес мне псковский полицмейстер, Ульянов прибыл в г. Псков 26 февраля с. г. и что за ним учрежден негласный надзор полиции.

Губернатор Плец.

Время заполнения листка: 24 марта 1900 года	**Листок негласного надзора [3])**	Дело № 83 1900 года.
Фамилия, имя, отчество.	Ульянов, Владимир Ильин.	Год, месяц, число и № распоряжения департамента полиции.
Звание и происхождение.	Потомственный дворянин Симбирской губернии.	1900 г. февраля 17 дня № 1839.
Вероисповедания.	Православного.	
Время и место рождения.	10 апреля 1870 года г. Симбирск.	
Место жительства.	Г. Псков, Архангельская улица, дом Чернова	
Место воспитания (среднее и высшее).	Воспитывался в Симбирской гимназии и С. Петербургском университете, имеет диплом юридического факультета.	
Занятия и средства к жизни.	Числится в звании помощника присяжного поверенного и вновь поступает в это состояние.	
Семейное положение и родственные связи.	Женат на Надежде Константиновне, урожденной Крупской, детей не имеет, жена проживает в г. Уфе.	

На обороте отмечаются сведения, полученные местным наблюдением. По общему наблюдению пока еще предосудительного не замечено.

Пристав [подпись]

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 92.
[2]) См. выше, стр. 129.
[3]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 96.

Из справки департамента полиции об А. М. Калмыковой [август] 1902 г.[1]).

В феврале 1900 г., по случаю приезда из Пскова в Петроград главарей русской социал-демократии[2]) Александра Потресова и Владимира Ульянова, у Калмыковой состоялись многолюдные сборища, на которых обсуждались открыто способы борьбы с правительством и степень пригодности для пропаганды разных подпольных литературных органов. Сама Калмыкова неоднократно предпринимала поездки в Псков, где в то время проживали Ульянов, Потресов и Цедербаум[3]). Во время ее приездов местные революционеры и статистики устраивали собрания, на которых читались рефераты, произносились противоправительственные речи и т. п.

Справка департамента полиции от 25 апреля 1900 г.[4]).

Ульянову, по освобождении 29 января 1900 г. от гласного надзора полиции, независимо обычных ограничений, воспрещено также жительство и в местностях фабричного района (Уфимской губернии).

Ввиду ходатайства Ульянова прибыть в г. Уфу по болезни жены, полагал бы дозволить ему приезд в Уфу на полтора месяца.

Кроме того полагал бы уведомить московского обер-полицмейстера, что к разрешению Ульянову приезда в Москву на одну неделю для свидания с матерью препятствий нет (Трепов высказал согласие на этот приезд «после 20 апреля»).

25/IV. Делопроизводитель Лемтюжников.

Отношение департамента полиции на имя псковского губернатора, от 27 апреля 1900 г. № 4242[5]).

Департамент полиции имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении об объявлении проживающему в г. Пскове, Архангельская ул., д. Чернова, дворянину Владимиру Ильину Ульянову, что ходатайство о дозволении ему приехать в г. Уфу признано неподлежащим удовлетворению.

Директор Зволянский.

Отношение департамента полиции на имя московского обер-полицмейстера от 29 апреля 1900 г. № 4243[6]).

Вследствие отношения от 3 сего апреля, за № 3719[7]), департамент полиции имеет честь уведомить ваше превосходительство, что к дозво-

---

[1]) ДП, о. о., 1906 г., д. № 200, л. 4.

[2]) В подлиннике слова «главарей русской социал-демократии» зачеркнуты карандашом и над ними написано: «поднадзорных».

[3]) На подлиннике помета департамента полиции: «Все трое эмигрировали за границу и ныне [1902 г.] стоят во главе заграничного Центрального комитета «Лиги объединенных социал-демократов».

[4]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч, 950, л. 88. На подлиннике пометы: «Отклонить, если ограничение есть». «На усмотрение моск. обер-полицмейстера. Лерхе».

[5]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 101.

[6]) ДП, о. о., д. № 6, ч. 950 л. 102. Воспроизводится с отпуска.

[7]) В отношении от 3 апреля, за № 3719 московской обер-полицмейстр сообщал департаменту полиции, что на свидание Ульянова с матерью согласен «после 20 апреля».

лению дворянину Владимиру Ульянову приехать на одну неделю в Москву для свидания с матерью препятствий не встречается.

Об изложенном департамент полиции долгом считает сообщить на усмотрение вашего превосходительства, покорнейше прося о последующем объявить просительнице, матери названного лица, вдове действительного статского советника, Марии Александровой Ульяновой, проживающей в Москве, Бахметьевская ул., д. 25, кв. 4.

Директор Зволянский.

Из справки департамента полиции о В. Ф. Кожевниковой [1]).

В мае 1900 г. в Петербург прибыли, по агентурным указаниям, с революционными целями, для свидания с прибывшими из-за границы нелегальными Копельзоном и Тепловым, не имеющие права жительства в Петербурге Владимир Ульянов и Юлий Цедербаум, причем укрывались на квартире Кожевниковой.

Из записки Петербургского охранного отделения от 10 марта 1902 года № 173 [2]).

В 1900 году в квартире матери Александра Малченко в С.-Петербурге были обнаружены укрывавшимися без прописки известные поднадзорные Владимир Ульянов и Юлий Цедербаум [3]).

Отношение начальника Псковского губернского жандармского управления в департамент полиции от 6 мая 1900 г. № 333 [4]).

На основании циркуляра департамента полиции от 11 декабря 1895 г., за № 10342, имею честь сообщить, что псковским губернатором 5-го сего мая, за № 34, выдан заграничный паспорт состоящему под негласным надзором полиции дворянину Владимиру Ильину Ульянову, для поездки в Германию, сроком на 6 месяцев.

Генерал-майор князь Девлет-Киндеев.

Отношение департамента полиции на имя псковского губернатора от 13 мая 1900 г. № 4622 [5]).

Департамент полиции имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении об объявлении проживающему в Пскове, Архангельская ул., д. Чернова, дворянину Владимиру Ильину Ульянову, что ему разрешено приехать в Уфу на полтора месяца.

За вице-директора [подпись].

Донесение начальника Московского губернского жандармского управления в департамент полиции от 5 июня 1900 г. № 5897 [6]).

Имею честь сообщить департаменту полиции, что к состоящим под негласным надзором полиции отставному коллежскому секретарю

---

[1]) ДП, III, 1901 г., д. № 810, л. 2.
[2]) ДП, VII, 1901 г., д. № 806, л. 110.
[3]) Документы об аресте В. И. Ленина в Петербурге 21 мая 1900 г. и протокол его показаний опубликованы в «Красной летописи», 1924 г., № 1 (10).
[4]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 115.
[5]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 105.
[6]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 107.

№ 27.

С П Р А В К А.

У л ь я н о в ъ, Владиміръ Ильичъ |кличка "Ленинъ"|, родился въ 1870 году въ гор. Симбирскѣ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

Въ 1887 году Ульяновъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ исключенъ изъ Казанскаго Университета съ воспрещеніемъ жительства въ гор. Казани и съ учрежденіемъ негласнаго надзора полиціи. Въ 1895 году Ульяновъ выѣхалъ за границу по паспорту, выданному С.Петербургскимъ Градоначальникомъ отъ 25 Марта того же года за № 720 и какъ состоящій подъ негласнымъ надзоромъ помѣщенъ въ циркуляръ на пограничные пункты отъ 26 Мая 1895 года за № 4254. Находясь за границей Ульяновъ вошелъ въ сношенія съ эмигрантомъ Плехановымъ съ цѣлью устано-

вить правильное водвореніе въ Россію революціонной литературы, а затѣмъ по возвращеніи въ Петербургъ, Ульяновъ участвовалъ въ составленіи статей для подпольной газеты "Рабочее Дѣло".

Въ 1896 году Ульяновъ привлекался къ дознанію по дѣлу о "С.Петербургскихъ преступныхъ кружкахъ со

Справка департамента полиции (1905 г.)

Марку Тимофееву Елизарову и жене его Анне Ильиной Елизаровой, живущим в городе Подольске, Московской губернии, 1-го текущего июня прибыл из города Пскова родной брат последней, состоящий под негласным надзором полиции Владимир Ильин Ульянов, в сопровождении чиновника С.-Петербургского охранного отделения.

По собранным сведениям, эта поездка была разрешена Ульянову г. министром внутренних дел сроком на 6 дней.

Генерал-лейтенант Шрамм.

Сведения, полученные при наблюдении с января 1900 г. по 1 июля 1900 года [1])

Совершенно секретно

Имя, отчество, фамилия и звание.	Место жительства и род занятий.	Сведения, полученные наблюдением за отчетный период.
Анна Ильина Елизарова, урожденная Ульянова, жена отставного коллежского секретаря.	Город Подольск, по Серпуховской улице, дом Кедровой. Без занятий.	Прибыла в город Подольск 5 апреля, вместе с мужем своим, негласно-поднадзорным, Марком Тимофеевым Елизаровым, матерью своей Марией Александровой Ульяновой и сестрой, состоящей под особым надзором полиции, Марией Ильиной Ульяновой, и поселилась у брата своего, состоявшего под гласным, а затем, с 9 июня, под негласным надзором полиции, Дмитрия Ильина Ульянова. О прибытии к Елизаровой брата ее Владимира Ульянова сообщалось департаменту полиции от 5 июня за № 5897; Владимир Ульянов 7 июня выбыл из города Подольска в город Уфу вместе с Анной Ильиной и Марком Тимофеевым Елизаровыми, причем последние двое вернулись обратно 26 июня.

Московское губернское жандармское управление

Отношение департамента полиции на имя московского губернатора от 13 июля 1900 г. № 6975 [2]).

Департамент полиции имеет честь уведомить ваше превосходительство, для зависящих распоряжений, что сыну действительного статского советника Владимиру Ильину Ульянову разрешено прибыть в г. Подольск на три дня.

Сообщая об изложенном, департамент полиции вместе с сим покорнейше просит объявить о сем проживающей в том же городе матери его, вдове действительного статского советника, Марии Александровне Ульяновой.

Директор [подпись].

Донесение Московского губернского жандармского управления в департамент полиции 17 июля 1900 г. № 7447 [3]).

Состоящий под негласным надзором полиции:
Фамилия — Ульянов.

[1]) ДП, III, 1892 г., д. № 456, л. 176.
[2]) ДП, о. о. 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 110.
[3]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 175.

Имя — Владимир.
Отчество — Ильин.
Звание — дворянин.
Прибыл 10-го текущего июля в город Подольск.

Генерал-лейтенант Шрамм.

Сведения, полученные при наблюдении с 1 июля 1900 г. по 1 января 1901 года [1]).

Имя, отчество, фамилия и звание.	Место жительства и род занятий.	Сведения, полученные наблюдением за отчетный период.
Владимир Ильин Ульянов, потомственный дворянин.	Проживал в г. Пскове, занимал должность присяжного поверенного.	За время проживания в г. Пскове до выезда за границу ни в чем предосудительном не замечен.

Псковское губернское жандармское управление.

Сведения, полученные при наблюдении с 1 июля 1900 г. по 1 января 1901 года [2]).

Имя, отчество, фамилия и звание.	Место жительства и род занятий.	Сведения, полученные наблюдением за отчетный период.
Владимир Ильин Ульянов, дворянин.	Г. Подольск, по Серпуховской улице, дом Кедровой. Без занятий.	Прибыл 10 июля и жил с матерью своей Марией Александровой Ульяновой, сестрой, состоящей под особым надзором полиции, Марией Ильиной Ульяновой, братом, состоящим под негласным надзором полиции, Дмитрием Ильиным Ульяновым, другой сестрой и ее мужем, состоящим под негласным надзором полиции, Анной Ильиной и Марком Тимофеевым Елизаровым, 16 июля выбыл за границу.

Московское губернское жандармское управление.

Из циркуляра департамента полиции начальникам жандармских пограничных пунктов от 19 сентября 1900 г. № 2144 [3]).

Департамент полиции, препровождая при сем два списка лиц, выбывших за границу, имеет честь просить ваше высокоблагородие установить наблюдение за возвращением означенных лиц в пределы империи и, в случае проезда их через вверенный вашему надзору пограничный пункт, обратить внимание таможенных чинов на тщательный досмотр их багажа и, при обнаружении чего-либо предосудительного, арестовать и телеграфировать департаменту для получения дальнейших указаний, в противном же случае предоставить им свободно следовать, уведомив о направлении избранного ими пути департамент и начальника подлежащего жандармского управления для установления за деятельностью и сношениями лиц, перечисленных в списке № 1, секретного наблюдения с тем, чтобы о результатах оного, по истечении двух месяцев, обязательно было сообщено департаменту, а в отношении указан-

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 168.
[2]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 16.
[3]) ДП, о. о., 1898 г. д. № 6, ч. 950, л. 120.

ных в списке № 2 лиц для продолжения негласного надзора полиции по положению 1 марта 1881 года и циркуляру 1 декабря 1889 года за № 4113. Директор Зволянский.

Список № 2 лиц, за коими по возвращении в пределы России надлежит учредить негласный надзор полиции [1]).

Фамилия, имя, отчество и звание.	Когда, кем и за каким № выдан заграничный паспорт.
. . . . .	. . . . .
49. Ульянов, Владимир Ильин, дворянин.	И. д. псковского губернатора 5 мая 1900 г. № 34.

Чиновник особых поручений Ратаев.

Из письма заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции от 8 (21) декабря 1900 [2]).

В последнее время мне удалось узнать из достоверного источника имена трех вожаков вновь народившегося и захватившего в свои руки социал-демократического кружка в России [3]), избравшего своим представителем за границей Нахамкиса и К°. Вот их имена: Ульянов (Ленин), Цедербаум [4]) (или Цидербаум) [Ю. Мартов] и Потресов. Первый из них приезжал недавно за границу и виделся с Нахамкисом [Стеклов Ю.] по делам партии, а второй — автор брошюры под заглавием «Красное знамя в России» [5]). Осторожная проследка [3]) за означенными революционерами осветила бы народившуюся организацию, воинственные задачи которой сильно меня беспокоят. Из того же источника мне известно, что Ульянов и К° предполагают в ближайшем будущем устроить большой съезд в России из социал-демократов всех толков, имеющий целью свести борьбу с почвы чисто экономической на политическую, с пропагандою насильственных действий.

Вашего превосходительства преданнейший слуга Рачковский.

Из агентурных сведений из Москвы от 27 декабря 1900 г. № 7232 [6]).

...Социал-демократия рухнула безнадежно и направлений столько, что публика голову потеряла, и ищут чего-нибудь единого. Отсюда и предположение о съезде в Полтаве. Хорошо бы накрыть их собрание и так как роль Ульянова и др. вполне выяснена, то срезать эту голову с революционного тела было бы желательно поскорее особым совещанием, ибо долгое наблюдение, в целях формальных улик, даст им возможность раскачать публику до бомб; беря их последователей, но мелких, мы будем лишь играть им на-руку, раздувая настроение и вызывая усиленную агитацию. Смелый шаг относительно главарей даст, по-моему, блестящий результат. Ведь крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого.

---

[1]) Д П, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 128.

[2]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 1, лит. Б, л. 139.

[3]) Так в подлиннике.

[4]) Цедербаум, Юлий Иосифов, состоит под негласным надзором полиции. (Примечание в подлиннике.)

[5]) Брошюра Ю. Мартова «Красное знамя в России» вышла за границей в октябре 1900 г.

[6]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 2, ч. 1, лит. В, л. 209. Агентурные сведения из Москвы составлялись на основании писем начальника Московского охранного отделения Зубатова на имя директора департамента полиции Зволянского.

Список № I лиц, подлежащих розыску по делам политическим [1])

№№ по пор.	Фамилия, имя, отчество, звание, основание розыска и приметы.	Как поступить по розыскании и особые примечания.
. . .	. . . . .	. . . . .
89	Ульянов, Владимир Ильин, потомственный дворянин Симбирской губернии, помощник присяжного поверенного, родился 10 апреля 1870 года в г. Симбирске, вероисповедания православного, воспитывался в Симбирской гимназии и по окончании в 1887 году курса поступил в Казанский университет, откуда был исключен за участие в студенческих волнениях в 1887 году, затем в 1891 г. поступил в С.-Петербургский университет; занимается литературным трудом; женат на б. административно-ссыльной Надежде Крупской; мать — вдова Мария Александровна проживает в г. Подольске, Московской губ.; брат Дмитрий—негласно поднадзорный в г. Подольске; сестры: Мария—привлечена в Москве к дознанию по обвинению в государственном преступлении и Анна — замужем за Марком Тимофеевым Елизаровым, состоящим под негласным надзором полиции. Привлекался к дознанию по делу о с.-петербургских социал-демократических кружках и по высочайшему повелению, последовавшему в 29 день января 1897 года, выслан под гласный надзор полиции на три года в Восточную Сибирь с воспрещением, по освобождении его 29 января 1900 года от надзора, жительства в столицах и С.-Петербургской губ, впредь до особого распоряжения, а в губерниях Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Тульской, Пермской, Уфимской, Орловской, Екатеринославской, Бакинской, Варшавской и Петроковской, Белостокском уезде Гродненской губернии Области войска донского и гг. Вильне, Киеве, Николаеве, Одессе, Харькове, Риге, Юрьеве, Либаве, Казани, Томске, Елисаветграде, м. Кривом Роге Херсонской губернии, а также в Иркутске и Красноярске с их уездами в течение трех лет, сроком по 29 января 1903 года. По паспорту, выданному псковским губернатором 5 мая 1900 г., за № 34, выбыл заграницу, где вошел в состав „Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии“. (Циркуляр на пограничные пункты от 19 сентября 1900 г. за № 2144). Приметы: рост 2 арш. 5½ вершков, телосложение среднее, наружностью производит впечатление приятное, волосы на голове и бровях русые, прямые, усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова круглая, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши средней величины [2]).	Обыскать, арестовать и телеграфировать департаменту полиции для получения дальнейших указаний. ——— Фотографическая карточка имеется.

Делопроизводитель Лемтюжников

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 138. Приложение к циркуляру департамента полиции губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам, начальникам жандармских губернских и железнодорожных полицейских управлений и на все пограничные пункты от 22 июня 1901 г. № 2234.

[2]) Ср. справку о Ленине, опубликованную в „Каторге и ссылке“ 1924 г., № 2, стр. 12, легшую в основу этой справки.

Период „Искры".

(1901—1903)

Из агентурных сведений из Москвы от 3 января 1901 г. [1]).

...Там в Петербурге ходит проспект «Искры» № 1, который, якобы, вышел со статьей Плеханова «Критика критиков» о своевременности приступа к политической борьбе, так как рабочие обучились уже экономической борьбе [2]). Ожидают возвращения Владимира Ульянова, имеющего эту теоретическую формулу воплотить в кровь и плоть. Вот бы хлопнуть-то сего господина!..

Листовка редакции «Искры» [3]

К РУССКИМ ЗА ГРАНИЦЕЙ

С декабря 1900 года издается, а в настоящее время выходит ежемесячно, общерусская политическая газета «Искра», орган русской революционной социал-демократии.

Поставив себе целью систематическую борьбу с царским самодержавием вплоть до его полного низвержения, «Искра» нуждается во всесторонней поддержке всех, кто стонет под игом царизма и желает приблизить день его падения. Примыкая к Российской социал-демократ. раб. партии, которой удалось в течение короткого времени посеять в глубоких слоях народной массы сознание ее политических прав и жажду борьбы за свободу и равенство, «Искра» стремится сгруппировать вокруг поднимаемого ею знамени революционной социал-демократии все недовольные общественные элементы, которые, поддерживая борющийся рабочий класс, всего действительнее сумеют помочь делу политического освобождения нашей родины.

«Искра» — газета политическая. Стоя на почве твердых принципов международного социализма, она ведет обличительный поход против господствующей клики, разоблачая все гнусности современного режима во всех его проявлениях и развивая в широких слоях народа сознание необходимости борьбы за свободу.

Мы приглашаем всех, кто сочувствует борьбе, начатой рабочим классом за общее дело свободы, борьбы, так ярко проявившей свой освободительный характер в весенних событиях этого года, поддержать дело политической пропаганды при посредстве общерусской социал-демократической газеты.

---

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 2, ч. I, лит. Г, л. 1.

[2]) Статья Плеханова «Критика наших критиков» была напечатана не в «Искре», а в № 2-3 «Зари».

[3]) Архив революции, отд. печати, № 19983.

Более всего мы нуждаемся в обличительных материалах. Мы просим вас присылать все, что может служить к разоблачению современного режима и к пропаганде активной борьбы с ним.

Редакция «Искры».

Адреса для присылки материалов, рукописей и денег (из-за границы): Hrn Paul Axelrod, Vogelsangstrs. 9, Zürich; Bibliothèque du Parti Ouvrier Français, 36, rue Hallé, Paris [1]).

Из «Обзора важнейших дознаний» за 1901 г. [2])

Социал-демократы.

В последнем обзоре было сказано [3]), что в конце 1900 г., по решению петербургской «Центральной социал-демократической рабочей партии», за границей была основана самостоятельная организация в качестве главного представителя интересов партии в России. Тогда же приступили к изданию органов новой группы — газеты «Искра» и журнала «Зари» [4]); в редакции первой из них работал Владимир Ульянов, в сотрудничестве с Александром Потресовым и Юлием Цедербаумом. «Искра» печатается в Мюнхене, но ей старательно придается вид и характер издания, выходящего в пределах России.

Центр партии «Искры» находится в Берлине, где ее сторонники представляют довольно большой кружок, имеющий свою нелегальную библиотеку и склад подпольной литературы, переправляемой при всяком удобном случае в Россию.

Во главе берлинского кружка «искровцев» стоят эмигранты: Михаил Вячеслов, Анна Елизарова, Петр Смидович, он же Червинский. К этому кружку примыкает группа «Сибирских социал-демократов» [5]), весьма немногочисленная по своему составу, но имеющая свою кассу.

Газета «Искра» с первых же своих номеров стала проведывать завоевание политической свободы и борьбу с русским самодержавием. Так, в статье «На пороге двадцатого века» [6]) говорится: «Разрушение самодержавия безусловно необходимо для развития нашей партии. Если между западноевропейскими социалистами и их великой целью стоит эгоизм имущих классов, то между нашей зарождающейся партией и западноевропейской социалистической семьей стоит самодержавный царь с его полицейским государством. Но нет той стены, которую не могла бы разрушить человеческая энергия. Российская социал-демократическая партия возьмет на себя инициативу борьбы с абсолютизмом и нанесет ему смертельный удар, опираясь на более или менее энергичную, прямую или косвенную, поддержку всех недовольных элемен-

---

[1]) Далее следует перечисление оглавлений №№ газ. «Искра» с № 1 по 8-й, вышедший в сентябре 1901 г.

[2]) Обзор важнейших дознаний за 1901 г., № XXV.

[3]) Обзор важнейших дознаний за 1900 г., № XXIV.

[4]) «Заря» — социал-демократический научно-политический журнал, выходивший в Штутгарте с апреля 1901 г. по август 1902 г. под редакцией В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и А. Н. Потресова.

[5]) «Искровская» группа в Томске (Титов, Массалитинов, Мельников, Н. Баранский) существовала с весны 1902 г. до января 1903 г. См. Н. Баранский. «В рядах Сибирского соц.-демократического союза», изд. Истпарта Сиббюро ЦК РКП(б), 1923 г.

[6]) Статья Г. Плеханова — см. «Искру» № 2, изд. Истпарта при ЦК ВКП(б), 1928 г., стр. 27.

тов, и политическая свобода будет первым культурным завоеванием России в двадцатом веке».

В издании «Зари» видное участие принимали: Георгий Плеханов, Пинхус Аксельрод, Вера Засулич и Овший Нахамкис [Стеклов]. Вскоре после выхода в свет первой книжки «Зари» [1]) редакцию ее была издана в Штутгарте брошюра «Самодержавие и земство», содержащая в себе конфиденциальную записку статс-секретаря Витте к действительному тайному советнику Горемыкину по вопросу о повсеместном введении в России земских учреждений [2]). Брошюра эта выдержала несколько изданий и принесла редакции большие деньги. Рукопись ее была передана в редакцию «Зари» лицом, оставшимся невыясненным, в виде копии с подлинника, причем то же самое лицо вручило Аксельроду и Плеханову на издание брошюры 6000 рублей; из них на отпечатание было израсходовано 1800 рублей, остальные же деньги поступили в кассу редакции.

Весной 1901 г. Сергей Андропов и Виктор Ногин, в интересах слияния социал-демократических групп, тайно выехали в Россию, но там были задержаны [3]).

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции от 22 декабря 1901 г. [4]).

Социал-демократы. В первых числах августа действующие за границей социал-демократы решили устроить союзный съезд в Цюрихе. На упомянутом съезде предполагалось вырешить следующие вопросы: 1) присоединится ли «Рабочая мысль» [5]) к «Российской социал-демократической партии» и если присоединится, то на каких основаниях, т. е. сольется ли с ней всецело или на федеративных началах, по примеру «Союза еврейских рабочих России, Польши и Литвы»; 2) придавая всеобщему социал-демократическому объединению желательную и вполне законченную форму, съезд должен был решить, признавать ли за партийный и центральный орган «Искру» и «Рабочее дело» или основать новый орган; 3) съезд должен был приступить к выбору редакции, администрации и заграничного комитета и 4) предполагалось, что на съезде будут выяснены отношения объединенных социал-демократов к другим революционным партиям и группам.

На означенный съезд должны были приехать представители социал-демократической партии из России, которые однако воздержались от участия в нем.

Проектированный съезд заграничных социал-демократических организаций состоялся 13 минувшего октября, причем, вместо ожидав-

---

[1]) Вышла в свет в апреле 1901 г.

[2]) «Самодержавие и земство» — брошюра П. Б. Струве, в которой он останавливается на секретной записке министра финансов Витте, направленной против проекта министра внутренних дел Горемыкина о введении земских учреждений в Западном крае. В 1901 г. печаталась в типографии «Зари». Критическому разбору этой брошюры посвящена одна из самых блестящих работ Ленина — статья «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (Соч., т. IV).

[3]) Андропов был арестован 26 августа 1901 г. на пароходной пристани в г. Казани, а Ногин, живший в Петербурге со 2 сентября по подложному паспорту Назарова, арестован 2 октября 1901 г.

[4]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 1, лит. Б, л. 4.

[5]) «Рабочая мысль» — центральный орган «экономистов», выходила в Петербурге с октября 1897 года по декабрь 1902 г. (№№ 3, 11 и 16 вышли в Берлине).

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ
ИСКРА
„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину
№
ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА
EN AVANT.
ВПЕРЕДЪ
ЖЕНЕВА, 4 ЯНВАРЯ (22 ДЕК
РАБОЧІЙ
ИЗДАНІЕ ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ
№ 2
3 августа 1905 года
Годъ 1
LE PROLETAIRE
ЖЕНЕВА 27 (14) мая 1905 года.
№ 1.
Пролетарій
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!
Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

шегося объединения всех заграничных социал-демократических групп в одну общую организацию, произошел еще больший раскол [1]). Самым важным пунктом на третьем очередном съезде [2]), подлежавшим решению, был вопрос об образовании заграничного союза социал-демократов, администрация коего являлась бы единственной представительницей интересов Российской социал-демократической рабочей партии. Но желание каждой отдельной фракции занять первенствующее положение в новой организации за границей привело к тому, что собрание делегатов обратилось в беспорядочную толпу исступленных и друг друга не понимающих крикунов. Плеханов выступил в качестве представителя русской революционной организации «Социал-демократ» [3]), «Искры» и «Зари»; Иваншин — в качестве представителя «Союза русских социал-демократов» [4]) и их органа «Рабочее дело» [5]), а Нахамкис—как представитель новой социал-демократической организации «Борьба» [6]).

Дебаты и споры были до того ожесточенны, что не только представители не пришли ни к какому соглашению, но Плеханов со своими единомышленниками вынужден был покинуть собрание демонстративно, не дождавшись результатов съезда, в результате чего решено было закрыть съезд. Нахамкис торжественно заявил, что он отделяется от Плеханова и образует новую социал-демократическую группу, с партийным органом «Борьба» во главе.

Участниками съезда было высказано соображение, что возникшие споры и разногласия будут разрешены Центральным комитетом «Российской социал-демократической партии» и в результате съезда, который должен состояться в непродолжительном времени в России. На упомянутом съезде и будет решен вопрос, следует ли всем фракциям объединиться в один заграничный союз русских социал-демократов или же каждой организации будет предоставлено действовать самостоятельно. «Решение Центрального комитета в том или другом смысле мы вынуждены признать безапелляционным», — сказал Иваншин — «в противном случае, я и мои товарищи выделим себя из «Российской социал-демократической партии».

Таким образом, и впредь до решения русского социал-демократического съезда, каждая заграничная группа будет функционировать отдельно и на прежних основаниях, причем все издания, как, например, революционная организация «Искры», «Заря», «Союз русских социал-демократов» и революционная организация «Борьба» будут носить, по-

---

[1]) Речь идет об объединительном съезде заграничных с.-д. организаций, состоявшемся 4—5 октября 1901 года в Цюрихе. На съезде соглашение не было достигнуто. Между «Искрой» и оппортунистическим крылом русской социал-демократии произошел полный раскол.

[2]) Департамент полиции «объединительный съезд» ошибочно отожествляет с третьим съездом «Союза русских социал-демократов», происходившим параллельно с общим объединительным. Предшествующие два съезда «Союза русских социал-демократов» состоялись — первый в ноябре 1898 г. и второй в апреле 1900 г.

[3]) «Социал-демократ» — революционная группа, в апреле 1900 года отколовшаяся от «Союза русских социал-демократов за границей».

[4]) «Союз русских социал-демократов» — заграничная организация, основана в конце 1894 года по инициативе группы «Освобождение труда».

[5]) «Рабочее дело» — орган заграничного «Союза русских социал-демократов», издававшийся с апреля 1899 г. Редактировался Б. Кричевским, Сибиряком и В. Иваншиным, позднее А. Мартыновым.

[6]) «Борьба» — заграничная социал-демократическая группа, возникшая в начале 1901 г. в Париже в составе Д. Б. Рязанова, Ю. М. Стеклова и Э. Л. Гуревича.

мимо названия той или другой фракции, общую всем им этикетку «Российская социал-демократическая рабочая партия».

В разговоре по поводу происшедшего на съезде инцидента Аксельрод заявил: «Вся эта публика интересуется, прежде всего,— по меткому выражению Аксельрода,— своей лавочкой и придает главное значение догме, а на общие интересы революционного движения она уже смотрит потом. Ближайшим поводом к ссоре послужили две статьи, которые Иваншин и К° поместили в № 10 «Рабочего дела» [1]). Плехановцы их считают, во-первых, революционно-нетактичными, а во-вторых, партийно-безнравственными. В своем «Рабочем деле», майском 9 №, — продолжал Аксельрод, — Иваншин и К° предлагали соединение, заявляли о слиянии и вообще писали об одном общем деле, а потом вдруг сразу 10-й номер выпустили, который плехановцы получили только утром, в день самого съезда. Эту статью 10-го номера «Рабочего дела» Плеханов объясняет желанием Иваншина удержать за собой первенствующую и руководящую роль за границей и его тайным желанием сделаться здесь единственным представителем «Российской социал-демократической рабочей партии». До съезда в заседании комиссии была написана обеими группами резолюция по принципиальным вопросам, на базисе которой и должно было быть основано предстоящее заседание. В этой резолюции высказались против экономического направления, против мильеранизма и бернштейнианизма, столь дорогих союзу, а когда съезд был открыт, то прежде всего, был поставлен вопрос: остается ли этот съезд верен основным положениям этой резолюции? Иваншин и К°, ранее согласные, стали подкапываться под эту же резолюцию. После двух заседаний выяснилось, что никакого соглашения между «Рабочим делом» с одной стороны и «Искрой», «Зарей» и «Социал-демократом» с другой быть не может. За «Рабочее дело» говорил, главным образом, Кричевский, а потом Иваншин. Со стороны плехановцев говорил Петров-Ульянов [В. И. Ленин], говорил долго и красноречиво, разбивая «Рабочее дело». Не придя ни к какому решению и видя, что каждой группе хочется играть роль и быть председателем [2]) «Российской социал-демократической рабочей партии» за границей, плехановцы ушли, не дождавшись результатов съезда, который закрылся.

В заключение Аксельрод прибавил, что объединение «Искры», «Зари» и «Социал-демократа» в одну революционную лигу социал-демократов есть уже факт свершившийся [3]). И действительно, они выпустили «Манифест», содержание которого сводится к следующему:

«После столь неудачной попытки к объединению всех заграничных организаций русской социал-демократии,—говорится в «Манифесте»,— революционная организация «Социал-демократ» и заграничный отдел органа «Искра» и «Заря» решили слиться в «Заграничную лигу революционной социал-демократии», поставившей себе задачей — активное содействие [?] элементам в России в деле выработки социал-демократической организации» [4]).

---

1) Речь идет о статьях: Б. Кричевского — «Принципы, тактика и борьба» и А. Мартынова «Обличительная литература и пролетарская борьба».

2) Так в подлиннике.

3) В состав Заграничной лиги вошли: группа «Освобождения труда», члены организации «Социал-демократ» и заграничная организация «Искры» и «Зари».

4) Речь идет о заявлении Заграничной лиги русской революционной социал-демократии, выпущенном Лигой в 1901 г. отдельным листом (см. Ленин, Сочинения, 2 изд., т. IV, стр. 538).

Копия письма из Каружа [близ Женевы], 22 сентября (5 октября) 1901 г., к Н. Медведкову, в Петербург, Петербургская сторона, Съезжинская улица, д. 21, кв. 2 [1]),

Химический текст.

«Искра» окончательно разошлась с Союзом, который отказался снова от тех принципов ортодоксального марксизма, с которыми он согласился на предварительной конференции [2]). Все присланное получено. Адрес новый [3])... Город тот, где мы с вами в последний раз виделись. «Искра», «Социал-демократ» и «Заря» объединились под именем «Лига революционных с.-д.». Пишите часто и регулярно. Я долго не писал потому, что не было денег на марку.

Копия письма из Мюнхена, 14 декабря 1901 г. н. ст., с подписью «Катя» [Крупская Н. К.], к Ревекке Абрамовне Шепшелевич, в Одессу, Маразлиевская ул., д. 22, кв. 15 [4]).

Зашифрованный химический текст.

Ваше заказное письмо получено: вообще получены все ваши письма вплоть до № 3 [5]). Каюсь, виновата, сама не ставила на письмах №№. Разрешается меня выругать. Я уже писала, что давным давно сообщила в Варну о комнате. На-днях получила оттуда известие, что письмо было своевременно получено, но человек не мог поехать, так как из-за чумы не берут на пароход. Откладывает поездку до конца ноября н. ст.

Получили ли деньги?

Ввиду вашей болезненности пока лучше не связываться с Кавказом. Яков [Цедербаум С. О.] никак не может покончить с транспортом. Дем[ентьев]ский путь в опасности [6]), прослежена посылка пакетов. Не знаю, чем это кончится.

Свяжите, пожалуйста, новый комитет с нами [7]).

А теперь пару слов о союзниках [8]). Оказывается, что господа затеяли в самом ближайшем будущем устроить съезд из представителей главных комитетов и заграничных организаций [9]). Нам, очевидно, хотят сообщить в последнюю минуту. Мы предлагаем нашим держаться такой тактики: требовать, чтобы съезд был отложен, по крайней мере, до весны. К новому году выйдет брошюра «Искры», в которой в связи с организационными вопросами будут рассмотрены причины разногласий [10]).

---

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 6, лит. С, л. 170.

[2]) Речь идет об объединительном съезде в октябре 1901 г. и предварительной конференции социал-демократических организаций, состоявшейся в Женеве в июне 1901 г. Резолюции конференции см. Ленин, Сочинения, 2 изд., т. IV, стр. 536.

[3]) Далее следует зашифрованный текст, не разобранный департаментом полиции.

[4]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 6, лит. С, т. 2. л 72.

[5]) В Архиве революции в делах департамента полиции сохранился ряд писем одесских корреспондентов «Искры» с перепиской по организационным вопросам.

[6]) Речь идет о О. Б. Басовском-Дементьеве, наладившем с августа 1901 г. транспорт «Искры» через Галицию, шедший через Львов, местечко Теофиполь, Волынской губ., в Киев.

[7]) Речь идет о южной революционной группе социал-демократов, образовавшейся в Одессе в октябре 1901 г. из с.-д. пропагандистов, недовольных экономическим направлением Одесского с.-д. комитета.

[8]) Представители «Союза русских социал-демократов» за границей.

[9]) Речь идет о предполагавшемся втором съезде партии.

[10]) Так в подлиннике.

Созывать съезд до появления этой брошюры значит желать решать дело, не выслушав обе стороны. Если в комитетах будут выбираться лишь представители «Рабочего дела», то требовать, чтобы были посланы представители и от «Рабочего дела» и от «Искры» (от большинства и от меньшинства). Если съезд все же состоится теперь и выскажется против «Искры», требовать от комитетов, чтобы они публично протестовали против этого, а если они не согласятся, то выходить из комитетов и печатать о причинах выхода. Сейчас же своим людям начать сговариваться, чтобы действовать единодушно. С.-Петербургский комитет стоит за скорость, Киевский, по словам «союзников», составил резолюцию, что «Искра» — газета для интеллигенции, а не для рабочих. Ну, au revoir! Пишите.

Копия письма из Мюнхена, с подписью «Катя» [Крупская Н. К.], от 24 декабря н. ст. 1901 г., к Софье Николаевне Афанасьевой, в Одессу, Б. Житомирская, д. 22, кв. 2825 [1]).

Зашифрованный химический текст.

24/XII. Получаете ли мои письма? От Якова [Цедербаум С. О.] все нет известий, а в Питере полный провал [2]). Взяты, повидимому, все девицы (адрес для явки поэтому недействителен, и им нельзя пользоваться ни под каким видом). Безусловно арестована Мандельштам, остальные — по всем вероятиям. Там вышла какая-то дикая история. Была вторично прислана квитанция на багаж, и вторично взят человек. Сначала я думала, что это Яков ухитрился сделать такую неосторожность, но потом по числам рассчитала, что это не мог быть Яков. Кто же? Имярек [Дан] винит Мандельштам, что она слишком многое сообщала своей берлинской приятельнице, которая выболтала несоюзникам. За границей давно идет трезвон о провале....

Что делается в России? На основании всяких листков можно думать, что волна студенческого движения подымается высоко. Мейер [В. И. Ленин] написал по этому поводу статью. Мы заказали Акиму [Л. Гольдман] и лошадям [3]) до 10 тысяч оттисков этой статьи. По всем видимостям, движение разгорается, но если бы даже оно и затихло, этим не потеряет значения.

Надо ее раскидывать. Убедите Красавца [Крохмаль], Оршу [Радченко Л. И.] и пр. в необходимости делать это [4]). В статье указана не-

---

[1]) ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, т. 2, л. 35.

[2]) В начале декабря 1901 г. была арестована группа лиц—Михеева, Цедербаум, Минская, Рубинчик, братья Соболевы, Мандельштам, Гуро, Курницкая, Щекина, Данциг, Терсуев, Рогут и Шабесс. См. «Обзор важн. дознаний» 1901 г., № XXV, стр. 36.

[3]) «Лошади» — конспиративное название искровской с.-д. группы, находившейся в Баку и Астрахани (А. Енукидзе, В. Кецховели, М. Книпович, Л. Гальперин и др.), работавшей над организацией транспорта искровской литературы из-за границы и в бакинской типографии.

[4]) Речь идет о статье Ленина «Начало демонстраций», напечатанной в № 13 «Искры» (декабрь 1901 г.). Статья эта распространена была Киевским комитетом. В Архиве революции сохранился отдельный оттиск статьи со следующим добавлением от издателей:

«От издателей. Перепечатывая эту статью «Искры», мы добавляем сообщение о следующих данных, имевших место за последнее время.

В Харькове была назначена на утро 3 декабря демонстрация. Вследствие ненастной погоды она утром не состоялась и была отложена на вечер. Вечером, по сло-

обходимость для рабочих пристать к студенческому движению. Я боюсь только, что наша публика будет говорить, что Фекла [«Искра], не зная условий и т. д. Лошади привезут в Киев две тысячи «Морозовской стачки» и столько же «Р.....е...е н...алекс.» [1]). Недурно было бы, если бы в Красавцеве [Киеве] заплатили бы за это. Последнее время писем мало. Алексей [Мартов, Ю. А.] еще не вернулся, пишет, что страшно устал. Борцы [2]) образовывают нейтральные группы. Образовалась (это уже помимо их) новая нейтральная группа «Свобода» [3]) (не смешивать с социалистами-революционерами), выпустила глупейший листок с порицанием товарищам, зачем не соединились. «Союз» готовит 11-й номер [4]). Мейер [В. И. Ленин] накатал уже 3 печатных листа, но дошел лишь до половины [5]). Ну, прощайте пока, дорогая. Существует ли Тодорка [Захарова, К.]?. Для нее были посланы деньги на имя Лазарис. Получены ли? И вообще, как обстоят дела? Ansichtskarten не получили почему-то [6]).

Копия письма «Кати» [Крупская Н. К.] из Мюнхена, от 26 января н. ст. 1902 г., к Мовшесону, в Одессу, Ришельевская ул., книжный магазин «Образование» [7]).

Химический текст.

Наша знакомая, бывшая у вас, переслала нам ваш адрес и ключ [8]). Хотелось бы вступить с вами в тесную переписку. Присылайте, пожалуйста, всякие вновь выходящие листки и пр., а то получаем лишь очень немногое и через третьи руки. Пишите о том, как идет работа. Пишите не только адрес, но и частные сообщения, помечайте только «не для печати». Мы крайне дорожим подобного рода сообщениями, так как они освещают достодолжным образом картину движения, а как важно иметь постоянно перед глазами картину всего движения, об этом не стоит и говорить. Сейчас печатается несколько брошюр. Одна (мы ей придаем большое значение), которая задается целью выяснить точку зрения «Искры» на организционные вопросы [9]). Эти вопросы — больное место, об этом ясно говорят получаемые нами письма. Каждый ставит вопрос об организации и по-своему разрешает его. Другая брошюра,

---

вам очевидцев, на главной улице города собралось около четырех тысяч демонстрантов (толпу, вместе с впоследствии присоединившейся публикой, определяют в 12—14 тысяч чел.). Большинство демонстрантов — рабочие. При пении революционных песен было выкинуто три красных знамени, встреченных восторженными криками толпы. Казаки и полиция, нагайками разгоняя толпу, распространили демонстрацию по многим улицам города. В разных местах демонстрация длилась до 10 часов вечера. Арестов не было.

Январь, 1902 г. Типография «Искры». (Архив революции, инв. № 19751).

[1]) Так в подлиннике. Очевидно, речь идет о брошюре «Речь Петра Алексеева».

[2]) Члены группы «Борьба».

[3]) «Свобода» — революционно-социалистическая группа, возглавлявшаяся Л. Надеждиным (Е. Зеленским). Возникла в мае 1901 г., прекратила свое существование в 1903 году.

[4]) Речь идет о подготовке к печати 11 № «Рабочего дела».

[5]) Речь идет о брошюре Ленина «Что делать», которая вышла в свет в марте 1902 г.

[6]) Открытка с видом.

[7]) Моск. охр. отд., 1902 г., д. № 1459, л. 76.

[8]) Повидимому, имеется в виду К. Захарова, работавшая агентом «Искры» в Одессе.

[9]) Речь идет о брошюре Ленина «Что делать».

которая тоже печатается,— письма практиков, долго работавших в комитетах и ставящих на обсуждение всех работающих товарищей вопрос, как должна вестись местная работа [1]). Много в этом письме интересного. Действительно, жизнь выдвигает новые и новые вопросы, требует на них ответа, и ответ может быть выработан лишь совместной работой всех товарищей. Но, чтобы возможно было работать вместе, нужна живая связь, поэтому мы еще раз просим вас: пишите побольше и почаще, и для печати и для сведения,— последнее не менее важно. Адрес вы знаете.

Всего хорошего.

Копия письма «Кати» (Н. Баумана) [2]), из Мюнхена, от 23 января (5 февраля н. ст.) 1902 г., к Михаилу Марковичу Меерсону, в Москву, Петербургский Международный коммерческий банк, Московское отделение [3]).

Химический текст.

Письмо ваше получили, но оно было так бледно написано и на такой тонкой бумаге, что ничего почти не удалось разобрать. Поняли, что Богданов [Бабушкин И. В.] где сидит — неизвестно [4]), что со Старичком [Крохмаль] свидание не удалось и с Лошадью [Гальперин Л. Е.] также. Да. Что касается Старичка, то ваши опасения, повидимому, оказались неосновательными, как вы это уже знаете, вероятно, от... [5]). Теперь о Богданове. Знаете ли адрес его жены? Ей необходимо будет помогать. Состоялось ли, в конце концов, знакомство с Андреем [Д. Ульянов] и Рыжаковым [Цейтлин]? Оставил ли Богданов связи? Получили подарок, посланный Егоровым [Левин] [6])? Ваш адрес дан одному старому товарищу, сговоритесь с ним. Познакомились ли с... [7]). Ответьте на все эти вопросы, а также напишите, сколько денег дали лошадям [8]) и установили ли правильные сношения. Егоров послал вам подарок, но адрес для явки дал какой-то фантастический: Страховое общество... Впрочем, если выйдет недоразумение, человек будет ждать другого адреса. Только что получил от Егорова письмо с этим известием и пишу ему Eilbrief [9]), где сообщаю данный вами адрес для явки... [10]. Не понимаю, как он мог не знать вашего адреса.

Итак не забудьте, пожалуйста, что ответы о листке (см. ниже) нужны непременно к 1 марта стар. стиля. Пусть вносят поправки, какие найдут желательными, и выскажутся относительно того, какая подпись желательна. Пусть определят количество необходимых экземпляров [11]).

---

[1]) Речь идет о брошюре «Письмо к товарищам пропагандистам», изд. Заграничной лиги русской революционной социал-демократии с предисловием Мартова (декабрь 1901 г.). (Отдел печати Архива революции, инв. № 1162).

[2]) Департаментом полиции неверно расшифрована подпись «Катя» под этим письмом. Оно написано не Н. Бауманом, а Н. К. Крупской.

[3]) Моск. охр. отд., 1902 г., д. № 971, л. 245.

[4]) Бабушкин в декабре 1901 г. был арестован в третий раз в Орехово-Зуеве и переслан в Екатеринослав.

[5]) Далее следует шифр, не разобранный департаментом полиции.

[6]) Подарок — № 10 «Искры», напечатанный в Кишиневской типографии.

[7]) Далее неразобранный шифр.

[8]) См. примечание на стр. 147.

[9]) Скорой почтой.

[10]) Так в подлиннике.

[11]) Речь идет о майской листовке: «Товарищи, наступает день первого мая», тип. «Искры». (См. «Пролетарская революция» 1930 г., № 6, стр. 142—144.).

Скоро пришлем проект майского листка. Обсудите его тотчас же с...[1]) Съездите в Нижний, Тулу, Тверь, дайте на обсуждение, добейтесь ответа, согласны ли принять, и если да, то в каком количестве экземпляров прислать, пусть дадут адреса для явки. Также Тамбов и Воронеж. Ответ необходимо получить до 1 марта. Сделайте это непременно. Итак, на вашем попечении Нижний, Тула, Тверь, Тамбов, Воронеж. Если можете проникнуть еще куда, то и туда. Ответьте немедленно, беретесь ли это сделать. Получены ли книги? Привет от друзей.

Записка для памяти директора департамента полиции 2 мая 1902 г.[2]).

Около месяца тому назад за границей появилась вызвавшая большую сенсацию брошюра Н. Ленина (псевдоним члена редакции «Искры» Юлия Цедербаума[3]) «Что делать».

Брошюра эта, главным образом, ни что иное, как продолжение полемики между «Искрой» и «Рабочим делом». Автор, между прочим, доказывает, что история русской социал-демократии распадается на три периода: первый с 1884—1894 гг. — период возникновения и упрочнения теории и программы социал-демократии, второй — с 1894 по 1898 — период детства и отрочества, в течение коего социал-демократия появляется, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия. Третий период с 1898 г. по настоящее время — период разброда, распадения, шатания, сопровождаемый готовностью идти на всякие уступки и перед «критикой Маркса, и перед экономизмом», и перед «терроризмом». Ярким представителем этого периода шатания, по мнению автора, является «Союз русских социал-демократов» с их органом «Рабочее дело». Четвертый период предвещается уже многими признаками и, по мнению автора, «поведет к упрочению воинствующего марксизма; русская социал-демократия из кризиса выйдет окрепшей и возмужавшей, и на смену арьергарда оппортунистов выступит действительно передовой отряд самого революционного класса».

Поэтому на вопрос: что делать? автор дает короткий ответ: «Ликвидировать третий период».

Между прочим, интерес в брошюре представляет изображение, как относилось главное управление по делам печати к так называемому «легальному марксизму» (заметка на странице 8-й, под заглавием «Критика в России»). Из этого легального марксизма и вырос тот «Союз борьбы», который в 1896 году организовал первые массовые стачки в Петербурге и который ныне дошел до крупного революционного кружка. Интересны также страницы 21, 22 и 23, посвященные описанию деятельности умершего Анатолия Ванеева и возникновения «Союза борьбы».

Зволянский.

---

[1]) Далее неразобранный шифр.

[2]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 1448, л. 2.

[3]) На обложке дела с заголовком «Произведения нелегальной печати. «Что делать», брошюра сочинения Ленина — псевдоним Юлия Цедербаума», из которого извлечена публикуемая записка, имеется помета департамента полиции: «Неверно — это псевдоним Ульянова».

Копия письма «Кати» [Н. К. Крупская] из Дармштадта, от 27 августа нов. ст. 1902 г., к Эрнестине Эрнестовне Киль [Стасова Е. Д.], на станцию Парголово, Финляндской железной дороги, деревня Старожиловка, дача Безрукова [1]).

Зашифрованный химический текст.

Письмо 5-е и все предыдущие (с листком Тверского комитета и стихотворением также) получены. С Терентием [Тверская организация РСДРП] и Старухой [Московский комитет] связей у нас нет, ибо Лина [Попова-Радченко] на наши письма молчит. Передайте Соне [Кржижановский Г. М.], что мы стали посылать ей журнал на юридический отдел. Пусть справляется. Нам может посылать журнал на известный ей адрес Тар.... [Тахтарев в Лондоне]. Пусть Соня подробно сообщит Феклe [«Искра»], где, кто и что у нее есть, пришлет явки, адреса для писем и проч., а то очень неудобно уж не знать решительно ничего о том, что у ней есть. Пусть связывают с нами людей, как делает, например, Аркадий [Радченко И. И.] и о чем мы Соню давным давно просим. Корреспонденций что-то стало приходить мало... Соня не связала нас, например, с Ряховским], и люди просят связать их с Феклой совершенно постороннего человека... Все это большой непорядок. Димочку [И. Г. Смидович] торопите ехать к Каролине [Харьковский комитет], ее присутствие там теперь необходимо. У Роберта [«Рабочее дело»] на юге связи, и он что-то затевает. Осипу [Левицкий К.] в Одессу необходимо послать меховую кофточку. Там мех [«Искра»] не в моде, его давно никто не видал, царствуют там всякие «борьбисты»... [2]). Всех их к рукам прибрать надо. Пришлите адрес для склеенных из листков переплетов. Умеете ли их расклеивать? Ну, кажись, все.

Между здешними друзьями Роберта идет внутренняя разноголосица, сколько человек, столько отдельных направлений, — двое хотят, чтобы Роберт согласился во всем с Феклой. Вообще они угнетены. Ваня [Краснуха, В. П.] уехал, получили ли письмо, сообщавшее подробно о результатах переговоров? Сообщите то, что просила о музыканте [Красиков П. А.] и Павле [М. Вайнштейн]. Шлю горячий привет.

Копия письма «Кати» [Крупская Н. К.] от 29 (по штемпелю 30) сентября н. ст. 1902 г., из Люттиха, к ученику Могилевскому, виолончелисту, в Москву, Большая Никитская, императорская консерватория [3]).

Зашифрованный химический текст.

Вчера получили ваше письмо из Базеля, а третьего дня химическое, оно было писано очень плохой химией и начала не могла разобрать, адреса разобрала, относительно второго есть кое-какие сомнения, поэтому повторите фамилию адресата и другую фамилию [4]). На адрес

---

[1]) Моск. охр. отд., 1902 г., д. № 1348, л. 8.

[2]) Сторонники группы «Борьба».

[3]) Моск. охр. отд., 1902 г., д. 1348, л. 43.

[4]) «Письмо «Наташи» (Гуревич-Кожевникова В.) к Х. Беземо, в Нюренберг сообщено 13/IX за № 5733. Письмо ее же от 2 сентября к Базелю (шифрованное)». (Пометы департамента полиции). Речь идет о письмах Гуревич-Кожевниковой в редакцию «Искры», сохранившихся в том же деле, лл. 37 и 42, с текстом заявления Московского комитета РСДРП о признании им «Искры» своим руководящим органом, опубликованного в «Протоколах Второго съезда РСДРП»,—«Прибой», 1924 г., Ленинград, стр. 119.

Базеля пока не пишите (он меняется). Адрес Горнунга тоже меняется. Надо: Dr. Kornung, Leipzig, Klein Schroeder, Antonien Strasse 3. Вот еще адреса (еще не работавшие): 1) W. S. Cluse, 62 Mildmay Grove. Islington, London. W. 2) A. Pa Harzell, 85 Avenall Rd. Higbury, London. Потом пришлю еще адресов. Очень рады, что вы объявились. Связаны ли вы с Соней (Кржижановский, Г. М.)? Спишитесь с ней, у ней есть связи с Москвой, — Самара, в управление госуд. имуществ, Андрею Ивановичу Малинину. Ключ — «Несчастные» Некрасова. Постараемся еще раздобыть для вас кое-какие связи у Орла, Тулы (связей у нас теперь довольно много, — вы знаете, оптимизмом особенным я не заражена). Чтобы не было задержек, делаю так: дам всем, от кого, думаю, будет прок, ваш адрес и ключ тот, который дала для Сони. Пусть списываются непосредственно с вами, так дело будет проще. Кое-что, вероятно, сможет дать Грач [Бауман Н. Э.].

Вы, конечно, слыхали о побеге из Киева 11 человек? [1]) и из Екатерин. двух. Все искровцы (за исключением одного). Почти все теперь за границей. Бродяга [М. А. Сильвин] погиб.

Литературу скоро доставим, ибо пути стали работать отлично: работают лошади, наладил дело опять и очень хорошо Дементьев [Басовский]. Запасайтесь поскорее адресом на явки.

Димка [Смидович И. Г.] влетела. Аркадий (теперь Касьян) [Радченко] еле удрал из Питера, если жив. От него что-то нет никаких известий. Теперь он должен был быть у Сони. Вашим генералам писали четыре раза, от них имели лишь одно письмо с благодарностью, на это письмо отвечал обстоятельно Ленин [2]). Получено ли это письмо? Если нет, пусть дадут новый адрес, и я повторю письмо. После отъезда Касьяна у Коли [Петербургский комитет] началась какая-то ерунда и бестолковщина. Ну, об этом потом. Крепко жму руку. Друзья шлют привет.

Сейчас только что получили ваше письмо от 6/IX и письмо Лины (Попова-Радченко) от 5/IX [3]). Поручение ваше исполню сегодня же. Лине передайте, что записка Витте получена и уже напечатана с большой популярной статьей Мартова о стачках [4]). Перед Линой (Е. И. Радченко), очень извиняемся за ошибку, но мы, право же, в этом не виноваты: за что купили, за то и продаем.

---

[1]) 31 августа 1902 г. при помощи русской организации «Искры» из Киевской тюрьмы бежали десять искровцев: О. Б. Басовский, Н. Бауман, О. С. Блюменфельд, В. С. Бобровский, Л. Е. Гальперин, М. Г. Гурский, В. И. Крохмаль, М. М. Литвинов, Б. С. Мальцман, О. Пятницкий и один с.-р. Б. Илесский. См. «Искра» № 25 от 28 сентября 1902 г.

[2]) Письмо Ленина Московскому комитету 24 августа 1902 г., см. Сочинения, 2 изд., т. V, стр. 167.

[3]) «На имя д-ра Горнунга от 6/IX». «На имя Рихарда Илльге, в Лейпциг (сообщено 10/IX за № 5661». (Пометы департамента полиции).

[4]) Речь идет о брошюре «Самодержавие и стачка». Записки министра финансов Витте о пересмотре статей закона о стачках. С приложением статьи Мартова, «Новая победа русских рабочих», изд. Лиги русской революционной социал-демократии, 1902 г. (Архив революции, отдел печати, инв. № 1509).

Выписка из письма С. Вишнякова, Льеж, от 10 ноября 1902 г., к Николаю Леонидовичу Мещерякову, в Москву, Мясницкая, 11, меблированные комнаты [1]).

У нас здесь ничего нового, за исключением того, что сегодня приезжает и читает реферат Н. Л. [В. И. Ленин] [2]). Что у вас? Нашли ли место? Пишите мне ул. де Мутон блан, 9.

Выписка из письма с подписью «В», Женева, от 14 ноября 1902 г., к Генриху Мошинскому, в Киев, Бассейная, 8, для Ивана Александровича [3]).

Мне в университете засчитали все предметы, которые я уже прошел в Киеве. Так что я теперь работаю в клиниках, как студент 4-го курса.

Здесь уже началась серия рефератов. Между прочим, читал Ленин на тему о терроре и аграрном вопросе [4]). Реферат тянулся два вечера. Социал-революционеры оппонировали с пеной у рта, но напрасно.

Редакция «Жизни» теперь здесь [5]). Завтра Поссе будет читать на тему о Толстом, а через неделю реферат Чернова (это глава социал-революционеров), не знаю, на какую тему, но, должно быть, будет ругать «Искру» и вообще социал-демократов. Вообще в этом году будет ожесточенная битва между с.-д. и с.-р.

Я уже завязал здесь знакомство, каждую неделю бываю на журфиксе у Плеханова, где собирается все самое интересное здесь. С каким удовольствием я бы теперь попал в Россию, в Киев, там можно не скучать, — была бы охота, а дела сколько хочешь!

Выписка из письма с подписью «Твой С.», Льеж, Бельгия, от 16 января 1903 г., к Иосифу Евсеевичу Рашба, в Киев, Б. Владимирская, 60 [5]).

Ты, как видно, находишься «под знаком критики», как сказал бы один из тех приезжих гостей, о которых ты спрашивал — имя ему Плеханов (он же в легальной печати Бельтов). С него начался наш реформенный год [6]): он читал реферат. Другой заезжий гость был Ленин, автор известной книги «Что делать» — один из редакторов «Искры». Он читал реферат «Наше отношение к социалистам-революционерам».

Выписка из письма без подписи, Париж, от 4 марта 1903 г., к М. Спеваку, в Новоминск, Варшавской губ., для Леона [7]).

Борьба между социал-революционерами и социал-демократами теперь в полном разгаре. С одной стороны выступили такие силы, как Ленин, с другой — Чернов и др. Конечно, борьба повлекла за собой сильный раскол среди молодежи, страшный антагонизм, но ведь без

---

1) ДП, о. о., 1901 г., д. 825, т. 10, л. 282.

2) Это и след. два письма относятся к периоду поездок В. И. Ленина по городам Швейцарии с рефератами на тему об аграрной программе (10—20 ноября 1902 г.).

3) ДП, о. о., 1905 г., д. № 240, л. 3.

4) Речь идет о реферате Ленина в Женеве 11 ноября 1902 г.

5) ДП, о. о., 1902 г., д. № 1384, л. 7.

6) Так в подлиннике. Очевидно, надо читать: «рефератный».

7) ДП, о. о., 1903 г., д. № 1075, л. 27.

этого обойтись нельзя. Сегодня читает Чернов, и социал-демократы с Лениным во главе собираются возражать. Ленин говорит прекрасно, буквально овладевает слушателями. Прошлый раз ему возражали Кричевский и Невзоров, но возражения их были бледны и нелепы по содержанию — ими был поднят ни на чем не основанный вопрос о недостаточной революционности «Искры» [1]). Боюсь писать тебе все подробно, не зная — можно ли. Сообщи мне, тогда я буду обо всем писать. Письма, конечно, немедленно уничтожай. Почему ты не хочешь осуществить твоих старых планов? Омега просит тебе передать привет.

Адрес мой: ул. Лаланд, 7, м-лле Исаевой, для меня — имя и отч.

Копия письма (по почерку «Кати») [Крупская Н. К.], Нюренберг, от 28 мая н. ст. [1903 г.], агроному Залоге, Крестцы, Новгородской губернии [2]).

Химический текст.

От Рузова [Гусев А. И.] узнали ваш ключ и адрес. В свое время мы писали в Россию. Давали явку и проч. Но человек, которому было писано, провалился, не успев передать никому полномочий. Потом писать было уже поздно. Теперь опять написали. Надеемся, дело устроится.

Вышла на-днях популярная брошюра Ленина, для крестьян, называется «К деревенской бедноте» — заключает в себе популярное изложение социал-демократического учения вообще и аграрной программы в частности [3]).

Хорошо бы завязать нам с вами непосредственные сношения. Пишите нам по адресу № 26 — mr. Henry Kayment, Hartley, England, Sidcup (Kent).

Подписывайтесь не шифром «Иванов» (это необходимо, чтобы знать от кого письмо).

---

[1]) Речь идет о выступлениях Чернова, Кричевского и Невзорова на диспуте после реферата Ленина об аграрной программе русских с.-д. в Париже 3—6 марта 1903 г.

[2]) ДП, о. о., 1903 г., д. № 1000, т. I, л. 74.

[3]) Брошюра Ленина «К деревенской бедноте» вышла из печати в мае 1903 г. См. Ленин, Сочинения, 2 изд., т. V, стр. 206.

Второй с'езд и раскол партии.

(1903—1904)

Второму съезду Российской социал-демократической рабочей партии. Обзор деятельности Киевского комитета партии за последний год (с 1 мая 1902 г. по 1 мая 1903 г. [1]).

Приветствуя Второй съезд партии, Киевский комитет желает ему успеха в предстоящей ему трудной работе фактического создания социал-демократической партии. Полагая, что главной задачей съезда будет упорядочение и расширение общерусской работы, Киевский комитет считает тем не менее уместным представить съезду краткий отчет своей деятельности за минувший год и предложить его вниманию несколько вопросов, выдвинутых практикой местного движения последних дней.

Одним из важнейших событий в жизни нашей организации в указанном промежутке времени было признание «Искры» руководящим органом, принятие и проведение в жизнь ее организационных планов. Следствием этого явится более широкая, плодотворная и неуловимая для жандармов агитация в массах, которая, несомненно, принесет хорошие плоды.

Из других событий в жизни Киевского комитета следует отметить два удачных побега из Киевской тюрьмы, состоявшихся при его содействии; о первом побеге 11 человек [2]) и о втором — Инны Леман много писалось в нелегальной литературе, и потому мы не будем на них останавливаться. Что касается устной агитации в массах, то конспиративные условия не позволяют подробно изобразить ее размеров. Укажем лишь то, что в минувшем году было устроено около 15 массовых собраний численностью от 30 до 200 человек на каждом. Праздновалась годовщина восстания декабристов, были устроены собрания под новый год, перед первым мая и т. д.

Ярких демонстративных проявлений социал-демократического движения в Киеве в этом году не было. Не было ни крупных стачек, ни внушительных демонстраций: стачка портных, стачка кроватчиков и стачка литейщиков, из коих только последняя закончилась полной уда-

---

[1]) Мин. юст., I, 1905 г., д. № 17993, л. 1. Заголовок подлинника. Воспроизводится с оригинала типографской листовки. Обзор сохранился в деле с рапортом прокурора Киевской судебной палаты министру юстиции от 19 января 1904 г., в котором он пишет что «Обзор этот предназначался для Второго съезда РСДРП, состоявшегося в июле 1903 г. в Брюсселе. Экземпляры обзора были отобраны у задержанных при переходе через границу неких Гольдина и Десницкого». Десницкий был избран делегатом на Второй съезд партии от Нижнего. См. VIII Ленинский сборник, стр. 236.

[2]) См. примечание на стр. 152.

чей; самопроизвольная демонстрация рабочих на Подоле перед участком, где содержались рабочие, арестованные на Демиевке, и трижды повторявшаяся попытка устроить демонстрацию 4 мая — вот все проявления у нас массового движения рабочих в этом году. Демонстрационное движение, видимо, переживает кризис; подвергается критической оценке значение демонстраций и порядок их организации; на эти темы ведутся споры и дебаты. Ввиду разноречивости мнений покамест невозможно подвести им итог и резюмировать взгляды Киевского комитета по этому вопросу... [1]).

Приток денежных средств в этом году был очень невелик. Всего с 1 ноября по 1 мая 1903 г., т. е. в наиболее доходные месяцы, нами получено 1 297 руб. 48 коп., т. е. несравненно менее, чем в предшествующие годы за то же время. В новый революционный год мы вступили с дефицитом в 380 руб. 12 коп. Крайний недостаток в деньгах являлся самым существенным препятствием для расширения нашей деятельности, установки второй типографии, более частого провоза заграничной литературы и т. д. С прискорбием мы должны констатировать тот факт, что студенчество оказывало нам в истекшем году очень незначительную денежную поддержку, да и личная помощь студентов в делах нашей организации значительно сократилась. В предшествующие годы главным источником доходов комитета были всевозможные предприятия и сборы, устраиваемые студентами; иногда студентам удавалось добывать довольно крупные суммы, например, Киевское землячество несколько раз давало комитету до 1000 руб. Ничего подобного не наблюдается в последние годы. У этих явлений имеется, впрочем, и обратная сторона: в настоящее время значительно возрастает приток денежных средств от рабочих, которые сколачивают довольно крупные суммы копеечными сборами. Денежная поддержка, оказанная комитету в минувшем году рабочими, значительно превышает даже сумму студенческих пожертвований. Очень может быть, что отмеченная нами инертность студентов — явление временное и случайное, но весьма вероятно, что оно имеет более глубокие причины и является признаком политической дифференциации. Не удовлетворяясь студенческим движением, но в то же время не чувствуя и достаточной решимости для того, чтобы перешагнуть через классовые перегородки и принять участие в борьбе пролетариата, радикально настроенное студенчество склоняется в сторону идей социалистов-революционеров, партия которых носит в значительной степени студенческую окраску. «Булгаковщина» и «Освобождение» оказывают также свое разлагающее влияние; влияние это сказывается главным образом в том, что в студенчестве и широких слоях разночинной интеллигенции нарождается охлаждение и скептическое отношение к ортодоксальной социал-демократии, но активных и убежденных сторонников указанные течения приобретают мало. Отмеченное нами расслоение политических сил имеет и свою положительную сторону: оно содействует очищению социал-демократии от всяких не социал-демократических примесей.

Первенствующая роль в освободительном движении, охватившем Россию, все более и более переходит к русскому рабочему; рабочий становится центром революционного движения в России: об этом красно-

---

[1]) Далее следует сообщение о количестве полученной и распространенной литературы в изданиях Киевского комитета, опубликованное в газ. «Искра» № 44 от 15 июля 1903 г. — см. «Искра», изд. Истпарта, т. VI, стр. 188—189, «Из партии».

речиво свидетельствуют хотя бы отчеты Киевского «Красного креста», из которых видно, какую значительную часть арестованных составляют теперь рабочие. Три—четыре года тому назад рабочие едва составляли 10—15 процентов общего числа арестованных, в прошлом году их было уже 48 процентов, в этом году с января по май рабочих было более 75 процентов общего числа арестованных.

Число сознательных рабочих увеличивается, разрастается круг лиц, захваченных движением, и вместе с тем усложняются задачи социал-демократии. Развитие движения ставит на очередь новые вопросы, разрешение которых возможно лишь при правильном разделении труда между общерусской и местной работой.

Киевский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Копия письма «Кати» [Крупская Н. К.], из Дармштадта, от 22-го сентября н. ст. [1903 г.], в Астрахань, Базарная площадь, Казенная винная лавка № 12, Наталье Алексеевне Александровой [1]).

Химический текст.

Дорогие друзья, получили ваше письмо и деньги. Ваши упреки несправедливы, не писал потому, что завален был делами. Из новостей интересного мало. Ходят слухи, что в апреле был съезд с.-д. [2]). Бунд ушел из партии, так как не соглашался оставаться в ней иначе, как на федеративных началах. «Союз заграничных социал-демократов» распущен, и отдельные его члены (почти все) заявили о своем желании вступить в Лигу. «Южный рабочий» распущен. Из всех делегатов $^2/_3$ было «искряков», приняли программу, обсуждали ее очень долго; в проект программы «И[скры]» внесены лишь несущественные поправки, даже аграрная часть принята. Выработали устав партии, ряд резолюций. Далеко, конечно, не все вопросы разрешены, — очень много времени заняло препирательство с Бундом. «Искра» была признана руководящим органом. Но когда вопрос дошел до выборов центральных учреждений, сами «искряки» разошлись между собой в оценке лиц и момента. В. Ленин, Плеханов и $^2/_3$ «искряков» стояли за искровский состав Ц. К., мотивируя это тем, что работа пойдет успешно лишь тогда, если между центрами будет полное доверие и взаимное понимание. Мартов же и остальная часть съезда находили, что для ЦК и необязательна твердость направления, что Центр. комитет может быть смешанный. Центр. комитет выбран (незначит. большинством в 4 голоса) искровский. Затем разошлись по вопросу о составе редакции. Ленин, ввиду того, что теперь по уставу редакция является не только литературной коллегией, но идейной руководительницей, предложил сам выбрать в редакцию 3-х лиц. Выбраны были Мартов, Плеханов и Ленин, но Мартов отказался, мотивируя свой отказ нежеланием входить в редакцию без старых товарищей, которых-де обидели, не выбрали их. Теперь в редакции Плеханов и Ленин, и оставлено пустое место для Мартова, если он пожелает войти. Все эти разногласия крайне тяжело отозвались на настроении съезда. Меньшинство очень недовольно результатами, кричит (вопреки очевидности) о недееспособности ЦК и Центрального органа,

[1]) ДП, о. о., 1903 г., д. № 1000, т. I, л. 74.

[2]) Речь идет о Втором съезде партии, происходившем с 17 июля по 10 августа ст. 1903 г.

проповедуя бойкот их, старается всячески дискредитировать их и набросать побольше палок под колеса. Скверно то, что на стороне меньшевиков Мартов и невыбранные члены редакции. Их именем прикрываются все враги «Искры». Конечно, комитеты не дадут меньшинству перерешать решения съезда и вносить анархию в работу. Намаялись достаточно из-за этой анархии. Вот, что говорят. Не знаю, насколько все это верно. Неприятно то, что сидим без гроша, нет на самое необходимое.

Письмо директора департамента полиции Лопухина директору департамента юстиции и полиции в Женеве 6 ноября 1903 г. № 10 759 [1]).

Вследствие письма от 24 октября с. г., за № 28836 [2]), имею честь уведомить вас, г. директор, что Владимир Ильин Ульянов, в бытность свою студентом Казанского университета, принимал деятельное участие в студенческих беспорядках, происходивших в 1887 году, за что был уволен из названного учебного заведения. В 1896 году, проживая в Петербурге, Ульянов занимался преступной пропагандой среди местного фабричного населения, за что был привлечен к ответственности, содержался некоторое время под стражей, а затем выслан под надзор полиции в Восточную Сибирь сроком на 3 года.

По паспорту, выданному псковским губернатором 5 мая 1900 г., за № 34, он выбыл за границу, где вошел в состав действующих за границей русских эмигрантских кружков, причем принял, под псевдонимом Ленина, наиболее видное участие в преступной деятельности русских революционеров.

Принимая во внимание, что названный Ульянов является опытным революционным деятелем, имею честь покорнейше просить вас, г. директор, не позволите ли признать возможным обратить внимание на его деятельность и сношения и в случае проявления им своей преступной деятельности, не отказать уведомить меня.

Лопухин.

Выписка из письма с подписью «Мед [вежонок — Ульянова М. И.], из Киева, от 27 ноября 1903 г., к Юлии Викторовне Громовой, в Самару, Троицкая, св. д. [3]).

Химический текст.

ЦК РСДРП в настоящее время имеет возможность известить о следующих важнейших фактах партийной жизни, явившихся в результате переговоров представителей ЦК, с одной стороны, представителей ЦО, с другой, и так назыв. «меньшинства», с третьей. № 53 «Искры» выходит в качестве ЦО РСДРП, причем сотрудниками являются все без исключения прежние сотрудники «Искры». Состав редакции сформирован прежний, кроме Ленина, продолжающего сотрудничать, но вышедшего из состава редакции с 1 ноября с. г. В том же № «Искры» печатается извещение ЦК о партийном съезде, и с этих пор в ЦО имеет помещаться часть официальных сообщений ЦК, [подлежащих] широкой огласке. Сообразно с изменениями ЦО, на основании партийного

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 144. Воспроизводится с отпуска.
[2]) Письмо в деле не сохранилось.
[3]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 13, лит. М, л. 62.

устава, сформирован и верховный Совет партии, который на первом же своем заседании выразил полную уверенность в дружной совместной работе обоих центральных учреждений партии. Конфликт ЦК с «Лигой» вполне исчерпан обоюдным соглашением сторон.

Между Мартовым и Лениным произошел обмен писем, устраняющих всю личную сторону их конфликта. Сообщая все это, ЦК полагает, что рядом этих фактов знаменуется новая эра партийных отношений, ведущая к более спокойной, дружной работе во имя высших интересов партии; более подробные сведения о всем происшедшем будут сообщены комитетам специальными делегатами ЦК.

Это официальное извещение, которое ЦК просит разослать по всем комитетам вашего района.

Что касается подробностей обо всем происшедшем, то лично я о многом еще не осведомлен. Могу сказать только, что хотя и много неприятного в уступках, которые пришлось сделать, но все-таки это чуть ли не лучший исход. В ЦК никто из меньшинства не будет кооптирован, и это требование ими снято. Между русскими центрами и Мартовым установились недурные отношения. Страшно только, не вспыхнуло бы опять чего за границей — очень уж там горячая атмосфера теперь. Где теперь дяденька [Книпович Л.]? Передайте ему горячий привет.

Письмо ваше получено; как дела теперь?

Выписка из письма «Кати» [Крупская, Н. К.], из Нюренберга, от 9 декабря 1903 г. н. ст., к Елене Яковлевне Тернер, в Томск, Банный пер., соб. д. [1]).

Химический текст.

В настоящее время положение дел таково: после съезда Лиги [2]), когда за границей отношения между большинством и меньшинством обострились до невозможности, Плеханов заявил, что необходимо кооптировать старую редакцию и войти в соглашение с меньшинством. Ленин, не желая мешать миру, буде такой возможен, но не считая для себя возможным теперь работать в шестерке, вышел из редакции (№ 52 вышел под редакцией одного Плеханова), заявив, что в «И[скре]», он писать будет продолжать, в чьих бы руках ни была редакция. Плеханов начал переговоры. Меньшинство условиями мира поставило: 1) кооптацию старой редакции, 2) 2 места в Совете, 3) несколько мест в ЦК и 4) уступка в «Лиге». Плеханов обратился к ЦК с просьбой вступить в переговоры, заявив при этом, что без ЦК он никого не кооптирует. Переговоры ни к чему не привели, ибо ЦК соглашался лишь на кооптацию 2-х членов оппозиции в ЦК и на предоставление им одного места в Совете.

Тогда Плеханов кооптировал Мартова, Засулич, Аксельрода и Старовера — без всякой оговорки относительно Совета. Заграничный отдел ЦК устроил архив, он усиленно просит сообщать ему самые подробные сведения о постановке работы на местах, о связях и пр. Самое лучшее, если бы в заграничный отдел ЦК присылались копии писем, направленных в русский ЦК, раз эти письма касаются организационных

---

1) ДП, о. о., 1906 г., д. № 25, ч. 44, л. 2.

2) Речь идет о Втором съезде Заграничной лиги русской революционной социал-демократии, происходившем с 26 по 31 октября 1903 г. в Женеве.

вопросов. Во избежание недоразумений, оговаривается, что решения может принимать исключительно русский центр, копии же и пр. нужны лишь для сведения.

Писать можно по адресам: No I Mr. Henry James, Electrical Engineer, 22 Rochester square, Camden Town London N, No 111 Henrich Lenges, Fechrmannstr. 12 Darmstadt.

Письмо того же содержания отправлено по следующему адресу: Генриху Ричардовичу Паш, в Иркутск, Русско-китайский банк.

Копия письма Матвея, из Екатеринослава, от 9 декабря 1903 г., к Лидии Ивановне Шаболовской, в Киев, Дмитриевская ул., 25 [1]).

Химический текст.

В одном из последних заседаний принята следующая резолюция: «Е. К. [Екатеринославский комитет] выражает свою солидарность со всеми постановлениями съезда, подчиняется всем центральным учреждениям, избранным съездом, приглашает товарищей объединяться и выражает свое порицание всяким дезорганизаторским попыткам, нарушающим цельность и единство работы».

О лицах, о которых вы спрашивали, можем сообщить следующее: под этими конспиративными кличками здесь, действительно, работали в оппозиции два лица, теперь выбывшие, но настоящие их имена не совпадают. У лица с двойной кличкой спросите, как разыскать библиотеку.

Копия письма «Жени», из Киева, от 20 декабря 1903 г., к К. Мюллер, Нюренберг, Heynestr. 25 [2]).

Химический текст.

Для Тони [3]).

Саратов, декабрь 03 г.

По поводу извещения ЦК мы считаем долгом своим заявить, что ЦК, по нашему мнению, сам нарушил партийную дисциплину, когда, вместо того, чтобы раскассировать «Лигу», он вошел с ней в переговоры и пошел на уступки. Он создал этим нежелательные прецеденты для будущего и уронил свой авторитет в глазах противников централизма. Пока, впредь до разъяснения, мы считаем себя стоящими в обязательных отношениях к ЦК и с нетерпением ждем этих разъяснений. Кроме того, высказываем решительное желание, чтобы товарищ Ленин во что бы то ни стало занял принадлежащее ему место в редакции «Искры».

Копия письма «Кати» [Крупская Н. К.], из Нюренберга, от 23 декабря 1903 г. н. ст., к Юлии Александровой Добржинской, в Киев, Липки, Левашевская, 26, для Жоржа [Воровский, В. В.] [4]).

Химический текст.

Дорогой друг, простите, что так долго не отвечали. По обыкновению, страшная у нас сутолока, да и не знаешь, что писать. Травинский

---

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 8, лит. М, л. 15.
[2]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 19, лит. М, л. 17.
[3]) Заграничная редакция «Искры».
[4]) ДП, о. о., 1903 г., д. № 2374, л. 5.

[Кржижановский Г.], надеялся, что в партии установится мир, а какой тут к чорту мир! Меньшинство держится такой тактики: продолжает вести агитацию против ЦК, но подпольно. В печати ни слова не пускается о расколе. Хотят замолчать дезорганизационную деятельность меньшинства и вместе с тем (см. № 53, «Наш съезд», ст. Мартова [1]) перед публикой стараются изобразить дело так, что на съезде разошлись из-за того, что у большинства была неверная точка зрения; большинство стояло за формализм, бюрократизм, за проведение централизма при помощи кулака и т. д. Все это чистейшая ложь. Когда Ленин написал в ответ на этот № письмо в редакцию, его отказались напечатать под тем предлогом, что печатание письма потребует опубликования документов о переговорах ЦК с меньшинством, а эти документы они не хотят публиковать, чтобы не скомпрометировать ЦК. Подумаешь! Излицемерились совсем. Ленин выпустил свое письмо отдельно [2]). Не знаю, что из этого выйдет. Если бы хотели мира, то они должны были [бы] держать мир честно, а они мира не хотят, а готовят свой ЦК. Денег на газету не дают, дали тысячу, но теперь издается масса, требуют явки в комитеты, а на-днях Дан сделал ЦК такое чудовищное предложение: у нас-де (у меньшинства) есть транспорт, можем возить 30 п. в месяц, так вот пусть ЦК даст нам эту литературу, половина будет ему, половину мы развезем в «свои» комитеты... Вот так мир! А ЦК думает, что в партии мир — эх-ма!..

Публика разъезжается понемногу. Ну, как вы поживаете? Как устроились? Как довольны публикой? Прошлое ваше письмо было очень обстоятельно, за него большое спасибо.

Емельяну [Одесский комитет] писали раза 3. Почему он не получает писем, не знаю, сегодня напишу еще по старому адресу.

Передайте ему адрес для писем нам.

Я передал секретарство, так как мне назначили официального помощника и изъяли часть переписки из моего ведения. Вообще поторопились выказать всяческое недоверие. Теперь разделение переписки. Те адреса, которые даны вам, идут в ваши руки, № 26 теперь II, а также № 40 — IV (нумерация римская). Ну, бывайте здоровы и пишите. В. [Ленин] шлет горячий привет. Ждем писем.

Из письма Крохмаля, из Мюнхена, 9 января 1904 г. н. ст., к г-же Радновский, контора Ив. Яков. Ксяловате в Ростов на Дону [3]).

Упорно говорят о том, что Ленин основывает свою газету, и даже знают ее название «Молот» (недурно!) [4]).

Из письма Крохмаля, из Вены, 18 января 1904 г., к Давиду Моисеевичу Левину, в Киев, Мариинско-Благовещенская, 19, кв. 10 [5])

В кратких словах положение таково: Ленин зарывается все больше и больше, с характерной для него прямотой бьет на раскол.

---

1) Речь идет о статье Мартова «Наш съезд», напечатанной в № 53 «Искры» от 25 ноября 1903 г.

2) Речь идет о брошюре Ленина «Почему я вышел из редакции «Искры» (письмо в редакцию «Искры»)». См. Ленин, Сочинения, 2 изд., т. VI, стр. 126.

3) ДП, о. о., 1903 г., д. № 1000, т. I, л. 171.

4) Очевидно, речь идет о предполагавшемся выпуске первой большевистской газеты, вышедшей под названием «Вперед» в декабре 1904 г. под редакцией В. И. Ленина, М. С. Ольминского, В. В. Воровского и А. В. Луначарского.

5) ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 13, лит. М, л. 262.

Градом сыплются резолюции, порицающие «неповиновение»[1]). Все резолюции будут напечатаны в брошюре Мартова в ответ на письмо Ленина, там же будут выставлены от имени редакции перечисленные условия. Выйдет брошюрка к 1 февраля (ст. ст.[2]). Тогда двинется новый транспорт. Ленин тоже написал брошюру о разногласиях — уже набирается[3]). Вышел № 56 [«Искры»].

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Берлине Гартинга в департамент полиции от 9 апреля 1904 г. № 99[4])

Ленин-Ульянов и его жена едут в деревню на 1½—2 месяца, представителем ЦК в Женеве будет в течение этого времени Мартин Мандельштам. Жена Мандельштама состоит секретарем в Центральной экспедиции; кассиром ЦК и заведующим экспедицией является Бонч-Бруевич.

Копия письма с подписью «Ленин» из Нюренберга, от 15 августа нов. ст. 1904 г., к доктору Александрову, Гомель, Ининская улица (внутри конверта «для М. К.»[5])

Химический текст.

Для Фрэда. Дорогой товарищ! Получил ваше последнее письмо. Пишу по старому адресу, хотя боюсь, что письма не доходят, на предыдущее письмо было отвечено довольно обстоятельно. То товарищеское доверие, которое видно во всех ваших письмах, побуждает меня написать вам лично. Письмо это пишется не от коллегии и не для комитета. Положение дел в вашем комитете, изнывающем от недостатка людей, отсутствия литературы, полной неосведомленности, таково же, каково положение дел во всей России. Повсюду страшное безлюдие, в комитетах меньшинства еще больше, чем в комитетах большинства, полная разрозненность, общее тяжелое настроение и озлобление, застой в положительной работе. Начиная со второго съезда партию рвут на части, и теперь в этом смысле сделано очень и очень много: тактика меньшинства страшно ослабила партию, она сделала все возможное, чтобы дискредитировать и ЦК, начав его травлю еще на съезде, ведя ее усиленно и печатно и устно; еще больше дискредитировала она ЦО, сделав его из органа партийного органом сведения личных счетов с большинством. Если вы читали «И[скру]», вам нечего говорить об этом. В погоне за разногласиями они выставили теперь своим лозунгом и ликвидирование четвертого — искровского — периода и жгут все, чему поклонялись, совершенно искажая перспективу, толкуя искровство так, как толковали раньше его злейшие враги. Партийные работники, помнящие то, что они отстаивали вчера, не идут за ЦО. Громадное большинство комитетов стоит на точке зрения съездовского большинства, и у них все более и более рвутся духовные узы с партийным органом.

---

[1]) Речь идет о резолюциях отдельных комитетов, осуждающих дезорганизаторские действия меньшевиков после съезда.

[2]) Имеется в виду брошюра «Борьба с осадным положением в РСДР», выпущенная Мартовым в ответ на письмо Ленина «Почему я вышел из редакции «Искры».

[3]) Речь идет о брошюре Ленина «Шаг вперед — два шага назад»; вышла из печати 12 мая 1904 г.

[4]) ДП, с. о., 1904 г., д. № 1, ч. 2, л. 101.

[5]) ДП, о. о., 1904 г., д. 1982, л. 3.

Но теперешнее положение дел так отражается на положительной работе, так тормозит ее, что у целого ряда партийных работников явилось такое настроение: уйти в положительную работу, отстранившись совершенно от всей той ожесточенной междоусобной борьбы, которая происходит в партии. Они хотят закрыть глаза, заткнуть уши, спрятать голову под крыло положительной работы, они бегут и прячутся от всего того, от чего теперь, будучи в партии, никуда не убежишь. Часть ЦК и заняла такую позицию, стремясь замолчать нарастающие разногласия, замолчать фактическое разложение партии. «Большинство» (не примиренство) говорит: надо поскорее какой-нибудь исход, надо так или иначе договориться, надо попробовать найти рамки, в которых идейная борьба шла бы более или менее нормально, нужен новый съезд. Меньшинство против съезда, они говорят: громадное большинство партии против нас, и съезд нам невыгоден; «примиренское» большинство тоже против съезда, оно боится того озлобления, которое нарастает у всех и против ЦО и против ЦК. Если бы думать, что съезд может повести только к расколу, это значило бы признать, что у нас совершенно нет партии, что партийное чувство так слабо развито у всех нас, что оно не может взять верх над старой кружковщ[иной]. В этом отнош[ении] [я] лучш[его мнения о наших противн[иках], чем они сами о себе. Конечно, поручиться ни за что нельзя, но попытку партийным обр[азом] разрешить конфликт и найти исход—сделать надо. «Больш[инство]» раскола, во всяком случае, не хочет, а работать дальше при тех условиях, которые создались теперь, делается все более и более невозможным. Уже более 10 комитетов высказались за съезд, но даже, когда громадное большинство выскажется за съезд, он состоится не так скоро, ибо ЦО и ЦК, вероятно, и Совет, будут против желания большинства русских товарищей [1]).

Относительно литературы товарищ из ЦК, с которым об этом шла беседа, ответил, что в ЦК литература доставляется аккуратно. Очевидно, какая-нибудь путаница. Людей посылали вам дважды, но в России их направляли в другие места. Постараемся прислать новинки с оказией.

С товарищеским приветом Ленин.

Копия письма без подписи [2]) [Крупская Н. К.] из Гроссенлое, от 24 августа 1904 г., к Юлии Петровне Ильиной, Пермь, Екатерининская ул., д. Ильиных. (На письме надпись красным карандашом: «Очень прошу передать это письмо Л[ине] [В. С. Мутных] [3]).

Химический текст.

Дорогие мои, сегодня узнал из письма, которое предназначалось не мне, что вас будут судить судом. Вот несчастье-то! Оно, конечно, интересно, но потом-то, потом — годы тюрьмы, а то и каторги. Эх, черти! Как вы поживаете, доходят ли до вас какие-нибудь новости? Знаете ли подробно о разногласиях? Здесь только и речи что о них, почти ими

---

[1]) Резолюции местных комитетов за созыв третьего партийного съезда см. сб. «Как рождалась партия большевиков», изд. Истпарта ЦК РКП(б), Ленинград, 1925 г.

[2]) Автор письма с подписью «Ленин» к Антону Ивановичу Пересу, Москва (Примечание в подлиннике.)—Письмо Ленина от 24 августа 1904 г. к Антону Ивановичу Пересу хранится в деле ДП, о. о., 1904 г., д. № 10005, л. 4; опубликовано в XV Ленинском сборнике, стр. 111.

[3]) ДП, о о., 1904 г., д. № 6, ч. 515, л. 35.

только и живем. Если получу ответ и подтверждение того, что этот адрес, на который я пишу, хорош, то напишу подробно. Мой адрес такой: Karl Müller, Heynestrasse, 25.

Сейчас напишу два слова о современном положении дел ЦО, Заграничной лиги и Совета в меньшинстве (в Совете [партии] 2 из ЦК, 2 из ЦО и 5-й — Плеханов). ЦК теперь в болоте, так как ни «большинство» ни «меньшинство» — самый вредный элемент,— они же «примиренцы», они же «толстовцы». Русские комитеты большая часть на стороне «большинства». Большинство делится на «мягких» и «твердокаменных», во главе последних Ленин. «Мягкие», они же «примиренцы» и т. д. «Твердокаменные» агитируют за немедленный созыв съезда, ибо убеждены, что только на съезде может разрешиться настоящий кризис партии. Для съезда надо половину комитетов, за него высказалось уже десять, нехватает трех. Совет [партии] и ЦК и ЦО не хотят съезда, ибо думают, что съезд может повести к расколу [1]), что «большинство» считает невероятным. Отношения между большинством и меньшинством очень обостренные. В настоящее время ЦК выступил с манифестом [2]), пока рукописным, в примитивном духе, хочет примирения на следующих условиях: кооптировать 1 или 2 в ЦК, Ленину предложить войти в редакцию (т. е. фактически выкинуть его из партии, ибо его влияние растворится в редакционной шестерке). «Большинство» гнет свою линию, т. е. ведет агитацию за съезд, все больше сплачивает твердый элемент. На съезде хотят торжества старого искровского направления. Ибо теперь «Искра» уже не та, многие комитеты даже отказываются признавать ее партийным органом, и Акимов (экономист), Рязанов (борьбист), а за ними и Бунд, в один голос говорят, что «Искра» повторяет то, что говорили рабочедельцы Мартынов, Акимов и К°. Меньшинству будут предоставлены известные гарантии, будет дана полная возможность вести борьбу в рамках устава, теперь же они рвут партию на части своей дезорганизаторской деятельностью. Психология меньшинства это психология интеллигентского индивидуализма или анархического индивидуализма, как говорят здесь. Партия Плеханова совсем особая. Он на съезде был на стороне «большинства» и только после съезда Лиги [заявил]: «Или кооптируйте стариков, или я ухожу». Ну, ушел Ленин, Плеханов мечтал о возможности примирения и погряз в болоте. Он первый и громче всех кричал об интеллигентском индивидуализме, а теперь ему приходится volens-nolens защищать их. Он совершенно не верит в русские комитеты, совершенно не уважает русских практиков. Его письма в 66, 67, его фельетон в 70, 71 №№ [«Искры»] (прочтя книгу «Что делать» Ленина) с эпиграфом «Лучше поздно, чем никогда» это верх безобразия, верх неприличия, это писатель, который зазнался [3]). Но он будет наш. Он не по убеждению с ними теперь, это

---

[1]) Действия Совета, направленные против созыва третьего партийного съезда, разоблачены В. Воровским (Орловским) в его брошюре «Совет против партии». См. сб. «Как рождалась партия большевиков», Ленинград, изд. ЦК РКП(б), 1925 г., стр. 365—405.

[2]) Речь идет об «июльской декларации», принятой ЦК после обсуждения вопроса «о современной борьбе групп внутри партии», опубликованной в сокращенном виде в № 72 «Искры» от 25 августа 1904 г. вместе с обращением уполномоченных «меньшинства» «К членам партии».

[3]) В №№ 66 и 67 «Искры» опубликовано открытое письмо Плеханова к ЦК РСДРП «Теперь молчание невозможно». В 70 и 71 №№ «Искры» — фельетон Плеханова «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция».

все очень сложно и в главном случае не скажешь [1]). Пока крепко всех вас целую.

Дайте адреса для «Искры».

Выписка из письма без подписи [Крупская Н. К.], из Дармштадта, от 26 сентября 1904 г., к А. Б. Рудину, Одесса, Надеждинская, редакция «Южного рабочего» [2])

Химический текст.

На юге декларация встречена была холодно, а на востоке сочувственно [3]). Против съезда будто бы высказались Самара, Саратов, Астрахань, Урал и Сибирь. Не знаю, верно ли. Барон [Э. Э. Эссен] был в Самаре и просил явок, но бюро ему отказало. Не знаю, добился ли какого толку. Туда необходимо съездить, а то со всем востоком сношений нет никаких, и они там в полном неведении. Из ваших писем не поняли, какую позицию занял Киев. Кто такой Владимир (Наумов)? Не поняли, какова позиция Наума и какие заявления готов подписать Ленин. От кого вы слышали, что Барон [Э. Э. Эссен] примкнул к примиренцам? Что это, примиренцы говорят? Теперь о партийных делах. Не знаю, знаете ли вы, что «коллегия» [ЦК] кроме 10 пунктов приняла еще ряд других: распустить Южное бюро, скрыть протоколы Совета, отнять от Ленина все функции заграничного представителя, поручить Сюртуку [Кош В. Л.] цензуру произведений Ленина и «большинства» вообще. Сюртук будет решать, можно ли печатать в партийной типографии то или другое произведение. Ввиду этого «большинство» предприняло собственное издание (Бонч [Бруевич] — Ленин). Вышли брошюры Галерки [М. С. Ольминский]: «Долой бонапартизм» по поводу декларации ЦК, «Наши недоразумения» Рядового [А. А. Богданов-Малиновский] и Галерки [4]); «К партии» (резолюция Рижского и Московского Комитетов [5]). (Если Одесса присоединилась, пусть пришлет резолюцию, а также резолюцию Южного бюро и конференции. Питерской резолюции не получали). Совет лицемеров [Совет партии], молчавший, когда Акимов [Махновец В.] и Рязанов издавали свои брошюры с заголовком РСДРП, теперь постановил, что частные лица не имеют права ставить на своих изданиях эти заголовки,—это те самые люди, которые ведут войну с бюрократизмом и формализмом. Ленин, как вы знаете, опротестовал декларацию ЦК и отказался иметь дело с Нилом [Носков В.]; до получения ответа на свой протест отказался итти в Совет [6]). Совет собирается без него, ему даже не посылают протоколов, причем обращаются не к рабочим, а к комитетам. Вообще теперь они пустились в демагогию, мы,-де апеллируем к рабочим. Постановили также издавать популярный орган «Социал-демократ», будет выходить раз в месяц. Не знаю, много ли этим возьмут. Из 20 комитетов, имеющих право голоса, высказалось за

---

[1]) Так в подлиннике перлюстрации.

[2]) ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 67, л. 22.

[3]) Очевидно, речь идет об «Июльской декларации ЦК». См. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VI, стр. 407.

[4]) Брошюры Ольминского и Богданова-Малиновского—см. в сб. «Как рождалась партия большевиков», изд. ЦК РКП(б), Ленинград, 1925 г.

[5]) Речь идет об обращении «22» «К партии». Издано отдельной брошюрой вместе с резолюцией Рижского и Московского комитетов.

[6]) Заявление Ленина о сложении с себя должности члена Совета партии и члена редакции ЦО, см. Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 106.

съезд уже 12 (не считая Саратова и Северного комитета). Теперь Совет дал право голоса еще Самарскому, Смоленскому, Астраханскому и Орловско-Брянскому комитетам. С января право голоса получают Курский, Воронежский и Рижский комитеты. Нижний высказался за съезд. Казань тоже. Необходимо, чтобы комитеты принимали резолюции о поддержке изданий «большинства», присылали листки, корреспонденции, материалы. Надо обратить усиленное внимание на организацию стр. част. [1]). У «большинства» уже готов целый ряд брошюр. Будут издаваться без перерыва, пока хватит средств. Ну, всего хорошего. Пишите.

Копия письма без подписи [Крупская Н. К.], из Нюренберга, от 30 сентября н. ст. 1904 г., к Елене Яковлевой Тернер, Томск, аптекарский магазин «Пойзнер и Нови» [2]).

Химический текст.

Товарищи. В «Искре» напечатано заявление, что хотя «Сибирский союз» и подал голос за съезд, но товарищ, привезший резолюцию, заявил, что «Сибирский союз» возьмет ее обратно [3]). Из России пишут, что примиренцы утверждают, что «Сибирский союз» взял уже свою резолюцию обратно. Ввиду того, что «Сибирский союз» может взять назад резолюцию в силу недостаточного знакомства с фактами, считаю необходимым изложить вам их. Поворот Плеханова повлиял на некоторых членов ЦК, которые пришли к заключению, что надо ужиться с меньшинством какой бы то ни было ценою. Меньшинство энергично вело свою линию, а ЦК уклонялся от всякого выступления и оставил комитет «большинства» защищаться от травли меньшинства, как они сами знают и умеют. Полицейский отбор изменил состав ЦК [4]), причем в ЦК оказались в большинстве люди, склонные держаться политики Плеханова. Оказавшись в ЦК в большинстве, они незаконно исключили из своего состава еще одного из своих членов—«Твердого» [Землячка Р. С.], затем выпустили свою знаменитую декларацию, послав ее для напечатания в ЦО прежде, чем она была сообщена члену ЦК Ленину и он мог приложить к ней свое особое мнение. Кроме декларации, новая коллегия постановила: раскассировать Южное бюро за агитацию за съезд, раскассировать экспедицию, скрыть от партии протоколы Совета, отстранить Ленина от всех функций заграничного представителя, назначила особого агента для цензуры над его сочинениями. Ленин опротестовал состав ЦК и способ его действий, послал свой протест в Россию в ЦК [5]). Ответа на него он до сих пор не получил. «Большинство» (так называемое «твердое») находит, что ЦО и ЦК, получив свое звание над партией, действуют ее именем ответственно перед нею [6]). Поэтому «большинство» считает, что ни ЦК ни ЦО не имеют права агитировать против съезда. Они не имеют права затягивать до бесконечности свои полномочия и действовать именем партии, не давая ей отчета в своих действиях. Тем более при таком положении дел, когда недоволь-

[1]) Так в подлиннике, повидимому, следует: «транспортной части».
[2]) ДП, о. о., 1906 г., д. № 25, ч. 44, лл. 4—5.
[3]) Заявление Сибирского союза РСДРП см. сб. «Как рождалась партия большевиков», изд. Истпарта, Ленинград, 1925 г.
[4]) Речь идет об аресте Ф. Ленгника и М. М. Эссен.
[5]) Речь идет о письме Ленина от 18 августа 1904 г. к пяти членам ЦК. См. Ленинский сборник, т. XV, стр. 111.
[6]) Так в подлиннике.

ство ЦК и ЦО всеобщее. Теперешние же партийные учреждения всячески борются против созыва съезда. Когда Ленин поднял вопрос о необходимости съезда, его вышибли из ЦК, за агитацию за съезд распустили Южное бюро. ЦО под предлогом мира, водворившегося в партии после декларации ЦК (утверждение совершенно ложное: на Кавказе, в Николаеве, в Екатеринославе, Одессе декларация была встречена с негодованием; после декларации Петербург, Москва, Северный Комитет, Тверь, Рига, Николаев, Одесса, Екатеринослав подтвердили свои резолюции о съезде, вновь высказались за съезд Нижний и Казань), не печатает резолюций за съезд интригой Ленина [1]). Ввиду такой позорной политики ЦК, ЦО и Совета, которые пытаются всеми силами фальсифицировать общественное мнение партии, заткнуть рот большинству, большинство решило издавать свои вещи, как частная группа. Совет, заявивший, что он борется против бюрократизма и формализма, тотчас же потребовал от издателей паспорта. Они потребовали бумажки, которые бы указывали по чьему поручению издают Бонч-Бруевич и Ленин, хотя прекрасно знают, что взгляды Ленина разделяют очень многие товарищи. Конечно, найдутся комитеты, которые заявят, что «поручают» Ленину издавать произведения «большинства», и заручиться такой бумажкой было бы нетрудно. Судите об искренности теперешнего Совета... Он молчал, когда Акимов и Рязанов ставили на своих изданиях заголовок партии, теперь же, когда «большинство» стало печатать свои произведения, заявил, что отдельные члены партии не имеют права ставить этого заголовка и что издания большинства ничего общего с партией не имеют. Из 20 комитетов, имевших право голоса на съезде, тринадцать уже высказались за съезд,— теперь Совет утверждает, что «официально» им известно только 6 комитетов, высказавшихся за съезд, что резолюция Северного комитета взята обманом и т. п. Между тем после декларации ЦК Северный комитет вновь подтвердил резолюцию за съезд. Нужно было 13 комитетов (26 голосов) для того, чтобы съезд мог состояться. Теперь Совет дает право голоса 6 новым комитетам, вроде Орловского, Брянского, Смоленского и пр., о которых заведомо известно, что там меньшинство или примиренцы. Если будете писать Ленину, пишите по адресу: Mr. I. W. Johnston, C/O Allan et C° Ltd «Warchonsimen» I Charlote Square Newcastelean Type.

Постановление Северного комитета РСДРП 30 октября 1904 г. [2])

Северный комитет, выслушав доклад товарища «большинства» о разногласиях в партии большинства и меньшинства, постановил: 1) подтвердить, во 1-х, свое дважды (в августе и сентябре) выраженное мнение о необходимости скорейшего созыва III съезда партии, видя в последнем единственное средство к практическому объединению партии и, во 2-х, свое недоверие к ЦК и ЦО. 2) Выразить живейшее сочувствие инициативе 19 и особенно 22 товарищей по прекращению фактически царящей в партии кружковщины и дезорганизации путем подготовительных работ к созыву III съезда и объединения отдельных комитетов большинства. 3) Выразить пожелание, чтобы комитеты большин-

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 21, лит. А, л. 139. Воспроизводится с оригинала письма с адресом: Германия, Nürenberg, Zigarrenhandlung, Philipp Rügner, Neuenstrasse 44, Allemagne.

ства теперь же занялись выработкой: а) желательной программы III съезда, б) желательной программы текущей работы партии в ее целом в настоящий, исключительный по своим условиям, момент. 4) Заявить о полном нравственном удовлетворении, доставленном настроением и поведением товарища Ленина, поскольку оно выразилось в его письмах от мая, 1 августа [1904 г.] о разногласиях в партии и в ЦК [1]). 5) Выразить полное сочувствие и доверие деятельности литературной группы, сорганизовавшейся около товарища Ленина. 6) Выразить категорическое порицание совершенно непартийному и незаконному с точки зрения партийного устава и удивительному по своей логической непоследовательности и принципиальной неустойчивости отношению ЦК и Совета партии к литературной деятельности товарища Ленина и его праву, как члена партии и члена ЦК, иметь самое деятельное [?] по вопросу о III съезде мнение. 7) Подробную мотивировку настоящего постановления представить в ближайшем будущем в органы партии.

Северный комитет.

Октябрь 30-е число.

Кстати, здесь крайне нужны люди. Присылайте. Перешлите копию в ЦО. Мы послали, да дойдет ли?

Копия письма без подписи, из Твери, от 2 ноября 1904 г., к François Honay, Льеж, rue de Rousseau 54 [2])

Химический текст.

Резолюция Тверского комитета.

С формальной стороны, ввиду постановления Совета партии о необходимости каждые 2 месяца подтверждать резолюции комитетов по вопросу о скорейшем созыве III партийного съезда, Тверской комитет заявляет, что и в настоящее время остается на своей прежней точке зрения, уже раз выраженной им в резолюции, напечатанной на страницах «Искры». Мотивированное заявление высылается в самом непродолжительном времени. Теперь же Тверской комитет считает необходимым выразить свое полное сочувствие возникшей литературной группе для издания брошюр, с Лениным во главе, которая только благодаря партийным неурядицам не имеет возможности получить санкции наших центров.

Тверской комитет обещает ей свое полное содействие.

Копия письма со штемпелем: почтовый вагон Москва—Петербург, от 8 ноября 1904 г., к Филиппу Регнер, Нюренберг [3]).

Химический текст.

Ленину.

Московский комитет, обсуждая вопрос о состоявшемся постановлении Совета партии, гласящем, что он лишает литературную группу с

---

[1]) Письмо Ленина членам ЦК от 26 мая 1904 г. — см. Сочинения, 2 изд., т. VI, стр. 342—343. Письмо Ленина Глебову-Носкову от 29 августа (11 сентября) 1904 г.: см. там же, стр. 360—367.

[2]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 14, лит. А, л. 14.

[3]) Моск. охр. отд., 1902 г., д. № 1376, л. 44. На подлиннике след. помета департамента полиции: «Такого же содержания письмо послано к М. Мюллеру, в Нюренберг».

Лениным во главе права ставить в заголовке своих произведений надпись РСДРП, пришел к следующему выводу: В силу этого постановления Ленин оказывается вне партии, так как он является крупнейшей именно литературной силой, а его литературная работа не заслуживает партийной санкции, по мнению Совета партии. Ленин фактически перестал быть членом партии. Московский комитет высказывает свое негодование по поводу подобного, с партийной точки зрения, совершенно незаконного бойкота самого крупного и авторитетного партийного литератора. С своей стороны, Московский комитет высказывает полную солидарность со взглядами Ленина, высоко ценит всю его деятельность, в которой Ленин стремился к созданию действительно крепкой пролетарской партии. Принимая во внимание теперешнее положение вышеназванной группы, Московский комитет обещает ей со своей стороны всяческое содействие для литературного издательства и призывает к тому же всех партийно настроенных товарищей.

Московский комитет РСДРП.

Копия письма без подписи [Крупская Н. К.], из Лейпцига, от 29 ноября нов. ст. 1904 г., в аптеку Фишер, Ярославль [1])

Химический текст.

Дорогие товарищи. Известите, пожалуйста, получено ли письмо Ленина от 10 ноября; в адресе, как оказалось, была ошибка; очень неприятно, если письмо пропало. Адреса, на которые пишет Чижиков, действуют, надписывайте только химией «Для Ленина».

Выписка из полученного агентурным путем письма Чинаревского, Париж, от 15 ноября 1904 г., к Алексею Александровичу Королеву, в Орел, губернская земская управа [2]).

Теперь в Париже (русском) начался сезон рефератов. На-днях были на реферате Ленина «Крестьянство и социализм», а вчера «Либерализм и социализм». Ленин сильный оратор и его приятно слушать, но нового чего-нибудь он не говорит. Струве также был среди публики.

Выписка из письма без подписи, Париж, от 25 ноября 1904 г., к (Сергею Дмитриевичу Львову, в Казань, реальное училище [3])

Последнее время у нас был здесь Ленин. Он пробыл 1½ недели, причем почти каждый день были дебаты, уходившие далеко за полночь. Сначала он напал на с.-р., затем на либералов; ему возражал Струве. Прения тянулись три вечера. Нечего и говорить, какой интерес представляло это столкновение двух вождей, двух партий в такой момент, когда на очереди стоят прямые вопросы действия, активного политического выступления пролетариата и либералов [4]).

---

[1]) ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 21, лит. А, л. 117.
[2]) ДП, о. о., 1904 г., д. № 1075, т. 2, л. 76.
[3]) ДП, о. о., 1906 г., д. № 762, л. 27.
[4]) Речь идет о докладе В. И. Ленина в Париже на тему «Социал-демократия и либерализм».

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Берлине Гартинга директору департамента полиции от 27 ноября 1904 г.[1])

Центральный комитет социал-демократической партии сошелся с так называемым «меньшинством». «Большинство», руководителем которого является Ленин, объявило войну и Центральному комитету и требует съезда. Центральный комитет и «меньшинство» — против. За Ленина и за съезд высказались около 70-ти комитетов, между ними комитеты следующих городов: Одесса, Николаев, Екатеринослав, Москва, Тверь, Петербург, Тула, Северный комитет, Казань, Нижний, Сибирь, Кавказ, Рига, Воронеж (?)[2]), Гомель (?)[2]), Северо-Западный комитет (?)[2]). «Большинство» все-таки фактически сильнее «меньшинства», и к нему примкнули новые теоретические силы. Ленин готовится к изданию новой газеты, выход 1-го номера которой уже ожидается со дня на день[3]). Первые 15 номеров уже обеспечены. В редакцию этой новой газеты входят следующие лица: Богданов (редактор «Правды»[4]), Луначарский (сотрудничает в Киеве в «Откликах»), Степанов [Скворцов И. И.], Галерка (кличка революционера) [Ольминский] — муж «Натальи Ивановны», участвовавшей на втором съезде социал-демократов, [Александрова Е. М.] и сестры социал-демократа, известного под именем Каратаева, настоящая фамилия которого Георгий Караев.

К «меньшинству» примыкают почти все заграничные члены «Лиги социал-демократов» и только три русских комитета.

Социал-демократы сильно дезорганизованы в настоящее время в России. Многие из их вожаков сидят в тюрьмах; особенно сильна организация этой партии в Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве и Киеве. Кавказ силен для массового движения, движение в Польше считается стихийным, но не социал-демократическим...

Завед. Берлинской агентурой А. Гартинг.

Копия письма без подписи [Крупская Н. К.], из Лейпцига, от 2 января н. ст. 1905 г., С. Т. Дунович, в Москву, Тверская, д. Найденова, № 17, зубоврачебный кабинет[5])

Химический текст.

Для Бориса. Дорогие товарищи. На-днях послали вам письмо Ленина с сообщением[6]) о том, что большевики вынуждены были приступить к изданию своей газеты «Вперед»[7]). Посылаем адрес для сношения

---

[1]) ДП, с. о., 1904 г., д. № 1, ч. 2, т. 3, л. 24.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Речь идет о подготовлявшемся выпуске газеты «Вперед» № 1, который вышел 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.).

[4]) «Правда» — ежемесячный марксистский журнал, выходивший в Москве с января 1904 г. Редактором журнала официально числилась В. Кожевникова. Фактическая редакция состояла из А. Богданова, Б. Румянцева, П. Быкова, М. Луница.

[5]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1666, л. 78.

[6]) Речь идет о «Письме к товарищам. — К выходу органа партийного большинства» — см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VI, стр. 372—376.

[7]) «Вперед» — первая большевистская газета, выходившая в Женеве с 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.) по 18 (5) мая 1905 г. Всего вышло 18 номеров. Газета редактировалась В. И. Лениным, В. В. Воровским, М. С. Ольминским и А. В. Луначарским. «Вперед» в качестве идейно-политического органа за границей, наряду с практическим центром в России (Бюро комитетов большинства), содействовал политическому и организационному оформлению большевизма, завершенному на III съезде.

с редакцией «Вперед» и для корреспонденции. Особенно важно привлечь как можно больше рабочих к писанию корреспонденций. Отношения у меньшинства с большинством страшно обострились. 3 самых ярых меньшевика, кооптации которых в ЦК меньшевики требовали с самого начала, теперь кооптированы в ЦК (пока неофициально), и теперь ЦК зашевелился [1]). Под его непосредственным влиянием разыгралась позорная питерская история. В Питере рабочие рвались на демонстрацию, демонстрация была назначена задолго до 28-го, но организаторы меньшевики ничего не делали для ее подготовления, а напротив вели контрагитацию. Наконец, за 3 дня до демонстрации меньшевики-комитетчики назначают экстренное собрание и, пользуясь отсутствием 3-х большевиков, проводят отмену демонстрации, техника сжигает 15 тысяч листков [2]).

Отмена демонстрации вызывает взрыв негодования среди рабочих; большевики созывают новое собрание в полном составе, и демонстрация назначается вновь, но сделать было уже ничего невозможно. Меньшевики, пользуясь всеобщим негодованием против комитета, устраивают раскол, поддерживают новый ЦК, который предоставил в их распоряжение литературу, деньги, связи и т. п.

И такая тактика теперь будет проводиться повсюду. Вот адрес: № 19(a) Meta samter, Bärwaldstr., 59, Berlin S. W.

Немедля известите о получении обоих писем.

Копия письма с подписью «Нация» [С. И. Гусев], из С.-Петербурга, от 21 января 1905 г., в Нюренберг, Herrn Leitner, Colonialgeschäft, 34, Löbleinstr., 34 [3])

Химический текст.

Пишу по поручению бюро [4]). Декларация сработана [5]), недоразумение с Кавказом будет улажено. В принципиальном отношении декларация не разнится от вашего проекта [6]). Вышел спор по вопросу об едином центре. Точка зрения из посылаемой вам статьи. Другие выставляли единый центр чуть ли не как важнейший принципиальный вопрос [7]).

---

[1]) В. Розанов, Р. Гальберштадт и В. Крохмаль.

[2]) Речь идет о демонстрации в Петербурге 28 ноября 1904 г. В № 1 «Вперед» от 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.) напечатана заметка об этой демонстрации В. Воровского и статья «Пора кончить» Н. Ленина и В. Воровского — см. «Вперед» и «Пролетарий», изд. Истпарта ЦК ВКП(б), 1924 г., вып. I, стр. 15, 18—19. Статья «Пора кончить» опубликована в Сочинениях Ленина, 2-е изд., т. VII, стр. 40—43.

[3]) ДП, о. о., 1906 г., д. № 1666, л. 215. «Второе письмо однородного содержания было послано по адресу Вегенер, Берлин». (Примечание в подлиннике.)

Письмо было послано М. М. Литвиновым — см. «Пролетарская революция», 1925 г., № 4, стр. 14—15.

[4]) Речь идет о «Бюро комитетов большинства»—организационном центре, взявшем на себя непосредственную работу по подготовке и созыву съезда.

[5]) Речь идет об извещении от имени Бюро комитетов большинства о созыве III съезда (было напечатано в № 8 «Вперед» от 28 (15) февраля 1905 г. — см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VII, стр. 427—430).

[6]) Имеется в виду проект извещения о созыве III съезда, разосланный Лениным в первой половине декабря 1904 г. всем членам Бюро комитетов большинства — см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VII, стр. 21—23.

[7]) Точка зрения Ленина по вопросу об едином центре изложена в его статье «Изменение пункта устава о центрах» — см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VII, стр. 134—136.

Гораздо больше изменений в условиях созыва съезда. В первом пункте вашего проекта внесены Совет, ЦК, ЦО и Лига, как организации, утвержденные съездом. Во II пункте проекта перечислены с правом решающего голоса 8 новых комитетов: Минский, Астраханский, Орловский, Смоленский, Рижский, Казанский и другие. III и IV пункты без изменений, V пункт выброшен, пункты VI и VII без изменений. Кроме того, везде слово «очередной» выброшено.

Мотивировка — нужно быть по возможности лояльными. Лояльными по отношению к тем, против которых в то же время поднято знамя восстания.

Так как эти изменения очень существенны, то решено запросить вас. Отвечайте телеграммой.

Декларация вам выслана.

Копия письма «меньшинства», из Амбюланта [Швейцария], от 19 февраля н. ст. [1905 г.], в книгоиздательство «Грамотей», Москва [1])

Химический текст.

Дорогие друзья. Завтра нами будет разослано по всем имеющимся у нас адресам в организации письмо, касающееся важных современных вопросов. Мы принуждены сделать это не через вас, в интересах крайне необходимой экономии времени. Тотчас же по получении настоящего письма и завтрашнего заявления вышлите сюда для ведения крайне важных переговоров уполномоченных от ЦК, необходимо участие очень опытного местного практика. Мы хотели бы, чтобы кроме одного из ЦК был уполномочен Семен.

В ответ на предложение Бебеля Ленин ответил, что ни о каком соглашении не может быть и речи и что письмо Бебеля будет прочитано нам Лениным на партийном съезде, который имеет быть созван в самом ближайшем будущем [2]). Жму руку.

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 2, л. 44.

[2]) Речь идет о предложении Бебеля, от имени правления германской социал-демократии, третейского суда для улажения «конфликта» между «большинством» и «меньшинством» (письмо Бебеля см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VII, стр. 427). Черновик ответа Ленина на это письмо см. там же, стр. 99. В № 11 «Вперед» 24 февраля 1905 г. за подписью Бюро комитетов большинства был опубликован «Ответ германским товарищам» (на предложение Бебеля) — см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VII, стр. 451.

Революция 1905—1907 гг.

Копия письма «большинства» [Н. К. Крупская] из Нюренберга, от 7 февраля 1905 г., С. П. Новиково, в Тулу, Суворовская ул., д. Новикова [1])

Химический текст.

Старому другу [П. Ф. Куделли]. Вчера получили от Тесинца [Л. С. Шаповалова] письмо, где он пишет, что ввиду наступившей революции отдали позицию «меньшинству», «меньшинство»-де организовало революционный центр на выборном начале. Впрочем, я плохо поняла, что они сделали. Ужасно обидно, что отдали Екатеринослав [2]). Если бы вы знали, какая сволочь беспринципная эти «меньшевики», не сердитесь за резкое выражение, но столько накипело на душе против них,— хуже разврата я не видела: взгляды приноравливаются к тому, что в данный момент выгоднее говорить,— сегодня проповедывается одно, завтра — другое совершенно подходящее для лицемера. На каждом шагу не стесняются никакой демагогией, никакой клеветой. Спросите Дяденьку [Л. М. Книпович], что они проделывали у них, спекулируя на меньшинство партийности большинства [3]). Ну, крепко обнимаю, дальнейшее перешлите Тесинцу и условьтесь с ним о шифре с нами.

Дорогой товарищ. Из вашего письма не ясно, как вы поступали, отдавая Екатеринослав на растерзание меньшевикам, уж очень обидно. Из вашего письма видно, как тяжело вам приходилось, но все же отдавать им комитет нельзя.

Если какое-нибудь соглашение состоялось, истолкуйте его как временное, мы хотим помочь, чем можем, но для этого необходимы постоянные сношения. Во-первых, необходим адрес, а еще лучше два, для писем к вам. Мы писали в Екатеринослав много раз и ни на одно письмо не получили ответа, нужно найти адрес чистого и аккуратного человека, который бы тотчас по получении передавал вам письма. Адрес пишите через тетеньку [П. Ф. Куделли] или дяденьку, с которыми у вас, верно, есть шифр, которым будете писать нам. С адресом поспешите. Если переберетесь в другое место, то и оттуда первым долгом перешлите свой адрес. Адрес шифруйте тщательнее, чтобы не было ошибок. Затем нужна явка для посылки людей и оказии с литературой. Явка для нас необходима, без нее мы не можем ничем помочь. Затем нужно достать ряд адресов для посылки в конвертах «Вперед». Пришлите же скорее все указанные адреса. Если вы официально не заявили об уп-

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 108, ч. 27, лл. 4—5.

[2]) Речь идет о захвате меньшевиками Екатеринославского комитета (в январе 1905 г.) — см. письмо С. И. Гусева, опубликованное в № 2 «Пролетарской революции» 1925 г., стр. 38—39.

[3]) Так в подлиннике перлюстрации.

разднении комитета, то дело еще поправимо. Мы послали к вам уже троих. Если нужны будут листки, можем составлять их тут, но для этого опять-таки нужен адрес и правильная переписка. Уступать позицию меньшинству нельзя никоим образом. Это значит сдавать позицию людям, крайне неустойчивым в принципиальном отношении. Вчера еще «Искра», например, проповедывала, что массовые демонстрации — «низший тип», а «высший тип» это выступление на либеральных собраниях; вчера она еще говорила о том, что от либералов надо добиться только обещания стоять за всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право и вступить с ними в соглашение (как будто можно когда-нибудь верить обещаниям либералов), вчера еще «Искра» говорила, что нельзя их держать, а сегодня она уже метнулась в другую сторону и возвещает, что самодержавие схвачено за горло, когда до этого — ух, как далеко! Конечно, сейчас меньшевики стараются использовать момент в свою пользу — теперь-де не время для разногласий, подчиняйтесь скорее меньшинству, но мы тут, Питер и Одесса испытали уже, к чему ведет тактика уступки меньшинству. Питерцы и одессцы пустили меньшевиков к работам, и те подняли невероятную смуту, парализовали всю работу и, в конце концов, выступили в качестве особых утвержденных Центральным комитетом групп. Конечно, больно, обидно, горько, что в такой момент приходится работать врозь, но вместе работа невозможна. Нужна крепкая, сплоченная партия и надо скорее заложить ее основу, а для того чтобы заложить ее основу, надо сплотить свои ряды. Таким путем придешь скорее к цели. Пускай меньшевики временно окажутся сильнее, но успех этот может быть лишь временный. Присылайте шифр и адрес. Привет.

Копия полученного агентурным путем письма, без подписи, а по почерку В. Бонч-Бруевич, С.-Петербург, от 2 марта 1905 г., к г-же Дежерин, в Женеву, ул. Каруж 95, булочная [1])

Дорогие друзья, только что прочел постановление Совета по поводу 3-го съезда, созываемого Бюро. Где же предел подлости и лжи? Они усиленно рассылают это постановление, вырезая его из «Искры», вместе с заявлением Тифлисского комитета [2]). Эти оба заявления производят некоторое (и значительное) впечатление. Все ждут ответа Бюро редакции «Вперед». Необходимо ответить по пунктам точно, ясно, категорически и распространить ответ широко [3]). Несомненно, это их последняя карта. Игнорировать ли их просьбу, посылать доверие или недоверие, или, наоборот, широко использовать это постановление, и каждому кружку, и каждой группе, и каждой организации послать свое решение? Против последнего говорит то, что большевики очень завалены работой и, очень вероятно, не захотят с этим возиться, но надо знать, что меньшевики напрягают все силы, чтобы дать как можно больше резолюций, и эти по существу дутые резолюции, конечно, будут иметь не-

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 83, л. 132.

[2]) Речь идет о постановлении Совета партии от 8 марта (23 февраля) 1905 г., напечатанном в № 89 «Искры» от 9 марта (24 февраля) 1905 г. вместе с воззванием Тифлисского комитета от 7 февраля 1905 г. под названием «Всем тифлисским рабочим».

[3]) См. ниже листовку «От Бюро комитетов большинства РСДРП». Ленин ответил на постановление Совета статьей «Кого они хотят обмануть?», напечатанной в № 10 «Вперед» от 15 (2) марта 1905 г.—см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VII, стр. 156—157.

НА ХУАНХ

Российская
Социально-демократическая
Рабочая Партия.

ВПЕРЕДЪ

№ 4. ЖЕНЕВА, 31 (18) ЯНВАРЯ 1905

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦІИ ВЪ РОССІИ.

Великіе, грозные 9 (22) января

Величайшія историческія событія происходятъ въ Россіи. Пролетаріатъ кастовъ противъ царизма, пролетаріатъ былъ повергнутъ до состоянія правительствомъ. Теперь прямо на исполненіе совѣщенія на улицу, что происшествіе ужасающаго сразу сравнительно возмущенія рабочихъ стачечному движенію и вызвало народной самостоятельности, желая встрѣтить дѣло по примѣненія военной силы. И вотъ дѣло это было: Тысячи уличныхъ и газетныхъ [illegible] этого кровавого воскресенья 9 января въ Петербургѣ. Бѣлѣло рабочихъ и мирныхъ рабочихъ женщинъ и дѣтей. Войско сдѣлало контрольную [illegible] на рабочихъ, которые мирно шли къ царю. Мы [illegible] хорошій урокъ! съ невооруженными [illegible] говорятъ теперь царскіе слуги и ихъ [illegible] съ консервативной буржуазіи.

Да, урокъ былъ великій! Русскій пролетаріатъ не забудетъ этого дня. Самые невѣжественные изъ [illegible] слои рабочаго класса, начиная [illegible] отъ царя и искренно желавшіе мирно передать самому царю просьбы измученнаго народа, [illegible] они получили уроки отъ царской силы, [illegible] такого или иного царя, всякихъ видовъ [illegible].

Рабочій классъ получилъ великій урокъ. [illegible] своей борьбы. Россія вновь просыпается, пролетаріатъ [illegible] на борьбу, онъ [illegible] за оружіе, за [illegible] и [illegible] своей борьбы. [illegible] къ царю, къ [illegible] за свободой, [illegible] къ [illegible] и [illegible] къ [illegible] и [illegible] къ [illegible] и

которое агитационное значение. Вот, мол, нас сколько! Эти два заявления рассылаются, очевидно, усиленно, так как получили многие студенты, очень мало, а то и совершенно непричастные к делу.

Видел члена Бакинского комитета. Он говорит, что в Тифлисе меньшевики пролезли благодаря ЦК и прямой подлости. Там должен был возникнуть комитет большинства. Возник или нет, не знаю. Поражает всех также, что, на основании сведений «Вперед», как утверждает «Искра», только 10 комитетов из 33 за съезд, т. е. меньшинство. Нужно, как можно скорее, перечисление комитетов.

Обращение Бюро комитетов большинства РСДРП [1]).

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

От Бюро комитетов большинства РСДРП.

В № 89 «Искры» резолюция «Совета партии» от 8 марта 1905 г. объявляет незаконным съезд, созываемый Бюро, и ставит вне партии всех участников съезда, т. е. все партийное большинство и ту — в данный момент уже значительную — часть партийного меньшинства, которая высказалась за съезд и выразила готовность принять в нем участие.

Мысль одним почерком пера исключить из партии громадное большинство членов партии сама по себе настолько нелепа, что не нуждается в критике. Но остается тот печальный факт, что «Совет партии» формально объявил раскол между всеми сторонниками съезда и сторонниками «Совета». Свой бюрократический утопический образ действий «Совет партии» оправдывает некоторыми аргументами и соображениями. Ввиду недостаточной осведомленности многих членов партии, мы считаем нужным разобрать эти аргументы и соображения.

1) По уставу съезд созывается «Советом партии», когда за съезд выскажется больше половины правоспособных партийных организаций. Бюро комитетов большинства — не Совет партии и не имеет за собой, по словам Совета, половины правоспособных партийных организаций (которых Совет насчитывает 33 кроме центров). Разъясняем. В течение года сторонники съезда добивались созыва его через центры, но «Совет партии» сделал такой созыв съезда объективно невозможным, произвольно объявив некоторые законные резолюции за съезд недействительными (например, резолюцию Николаевского комитета), произвольно установивши двухмесячные сроки для счета резолюции, сроки по конспиративным и пространственным условиям недостаточные даже для оповещения всех комитетов о ходе партийных дел, и создавши еще ряд других произвольных ограничений прав комитетов по созыву съезда. Этими незаконными действиями «Совет партии» сделал себя неправоспособным по вопросу о созыве съезда, и Бюро комитетов большинства, опираясь на революционное право, вполне законно созывает съезд по требованию комитетов большинства.

Счет правоспособных организаций в резолюции «Совета партии» фактически неверен (и, к сожалению, очевидно, заведомо неверен). Указаны такие, не имеющие за собой года работы со времени утверждения, комитеты, как Казанский и Кубанский; неверно указан также срок

[1]) Архив революции, отдел печати, № 9088.

наступления правоспособности комитетов Полесского и Северо-Западного (1 апреля, а не 1 января). В данный момент, по неполным еще сведениям Бюро, окончательно успели высказаться за немедленный съезд комитеты: Петербургский, Московский, Тверской, Северный, Тульский, Нижегородский, Саратовский, Уральский, Одесский, Рижский, Самарский, Воронежский, 4 Кавказских, Николаевский. Кроме того, по имеющимся документам (телеграмма ЦК его кавказскому представителю) и по сообщениям членов и представителей ЦК, за немедленный съезд высказался и ЦК, который столько времени был против съезда.

Это уже громадное большинство партии, потому что в числе 17 перечисленных местных комитетов имеются почти все наиболее крупные. Относительно перечисленных комитетов (Санкт-Петербургский, Рижский, Одесский, Нижегородский, Воронежский) «Совет партии», в политических целях, утверждает, что они имеют за собой лишь ничтожную часть организованных членов партии на месте, особенно из рабочих. Имея в руках точные, фактические данные, которые будут представлены съезду, Бюро заявляет, что это неправда,— специально же от местных рабочих групп и организаций имеется множество резолюций за съезд, которые и будут представлены 3-му съезду.

2) «Совет партии» выражает свое удивление, что Бюро, созывая съезд не через центры, тем не менее приглашает эти центры. Дело между тем очень простое. Поскольку «Совет партии», вопреки воле партии, съезда не созывает, постольку Бюро с этим «Советом» не считается; поскольку же числится формально существующим по традиции от Второго съезда, постольку Бюро считало себя формально обязанным пригласить его на 3-й съезд.

3) «Совет партии» заявляет, что съезд, созываемый Бюро, не представляет даже гарантий «конспиративной безопасности» — отмечаем инсинуацию, заключающуюся в этом утверждении, как характерное проявление того нравственного упадка, до которого дошла группа, называемая «Совет партии».

4) «Совет партии» обращает внимание на отказ Бюро от третейского суда с меньшинством и видит в этом отказе нежелание по-товарищески решить дело. Бюро уже разъясняло, что столкновение большинства и меньшинства дело не личное и не групповое, которое может быть разрешено судом, а борьба политических идей, между которыми партия должна сделать выбор, что и может быть разрешено только ею самою в лице ее съезда.

5) «Совет партии» съезд признает несвоевременным, потому что на него не поехали бы действительные партийные работники, чтобы не отрываться от активной работы. Трудно найти слова, чтобы достойно заклеймить всю неискренность этого заявления. Ведь съезд необходим именно для того, чтобы путем выработки партийной тактики и организации избежать той громадной бессмысленной растраты сил, которая получается благодаря теперешней дезорганизованности партии (и это отчетливо сознают все действительные активные работники).

Итак, непартийным объявляется не 3-й съезд партии, а сам «Совет партии». Все время его представители высказывались против съезда под тем предлогом, что съезд поведет к расколу, а теперь они формально объявляют раскол, лишь бы избежать съезда. Такова неумолимая диалектика жизни, неизбежно разоблачающая всякую политическую неискренность и лицемерие.

«Совет партии» приглашает все партийные организации высказаться о доверии или недоверии к нему. Предлагаем всем партийным организациям ответить ему так: мы доверяем ровно настолько, насколько вы сами себе доверяете, а насколько именно, это видно из того, до какой степени вы боитесь съезда, которому должны дать отчет о своей деятельности.

«Совет» взывает к лойяльности партийных работников по отношению к центральным учреждениям партии. Есть два вида лойяльности: лойяльность бюрократическая и лойяльность реальная, диктуемая партийной дисциплиной. Когда центры потеряли жизненную связь с партией, когда они открыто ведут партию к слабости и расколу, тогда лойяльность к «центрам» становится пагубной; она диктуется бюрократическим пониманием партийной дисциплины или личной заинтересованностью. Бюро комитетов большинства также взывает к лойяльности партийных работников, но не по отношению к центрам, а по отношению ко всей партии, к ее насущной ближайшей задаче — объединиться в организованную политическую силу.

Съезд созван и партия станет партией.

Долой заграничную дрязгу, долой политическое лицемерие!

Да здравствует партийное объединение!

Бюро комитетов большинства.

Март 1905 г. Типография Петербургского комитета.

Копия письма без подписи [Н. К. Крупская], из Нюренберга, от 21 апреля нов. ст. 1905 года, к Софье Павловне Новиковой, в Тулу, Суворовская ул., свой дом [1])

Химический текст.

Удивляемся отсутствию от вас писем и корреспонденций. Посланную бумажку получили. Пишите чаще. Почему не присылаете листков? Имеете ли «Вперед»? Какие номера?

До сих пор еще неизвестно, пойдут ли меньшевики на съезд, русские меньшевики, повидимому, за съезд, но без Центрального органа и Совета, конечно, не пойдут. Совет же в № 95 «Искры» разразился прямо бешеной руготнею, заявил, что съезд в лучшем случае может быть признан простой конференцией [2]). Ругают всех и вся, а пуще всего ЦК (прямо какой-то дикий бред). За съезд получены уже резолюции 26 организаций, и ЦК не теряет надежды уломать Совет. Если же Совет на съезд не пойдет, то съезд состоится и без него. Постановления Совета восстанавливают против него всех, даже болотистых. Выяснилось, что представительство в Совете ЦК было фиктивно.

В последнем номере «Neue Zeit» Каутский заявил, что разногласия между «Искрой» и «Вперед» не таковы, чтобы могли быть разрешены третейским судом, и что вмешательство немцев, которые не знают русских условий и потому не могут судить о целесообразности той или

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 108, ч. 27, л. 11.

[2]) Речь идет о постановлении Совета партии от 7 апреля, напечатанном в № 95 «Искры» 31 марта 1905 г. Ленин критикует это постановление в своей статье «Изобличенный Совет» — см. Сочинения Ленина, т. VII, стр. 225—228. Там же, на стр. 229—235, напечатано «Открытое письмо председателю Совета РСДРП тов. Плеханову», написанное от имени ЦК Лениным совместно с членами ЦК Л. Б. Красиным и А. И. Любимовым.

иной формы организации для русской социал-демократической партии, было бы неуместно [1]).

Письмо Н. К. Крупской в Одесскую организацию РСДРП [2])

Дорогие друзья! Съезд кончился, и все делегаты уже благополучно разъехались и перебрались в Россию, поэтому о съезде можно уже писать. На-днях выходит «Извещение», в котором печатаются устав и резолюции [3]). Как только выйдет, пошлем вам немедленно, а пока вкратце расскажу о съезде, что знаю [4]).

Письмо это частного характера. Открыто говорить можно лишь по выходе «Извещения». Представителей ЦК в Совете не было последнее время вовсе. Дейч представительствовал от имени ЦК в Совете, не имея никакого права, так как никто [его] на это не уполномачивал. Он получил полномочия лишь от одного агента ЦК только на участие в «технической» заграничной комиссии. Все постановления Совета о несозыве съезда приняты тремя членами Совета — Плехановым, Аксельродом и Мартовым. Поэтому ЦК, приехав за границу на съезд, тотчас же назначил своих представителей в Совет и просил Плеханова назначить заседание Совета, где бы ЦК совместно с Центральным органом мог обсудить положение дел. Плеханов созвать Совет отказался до тех пор, пока ЦК не заявит, что он подчиняется в с е м постановлениям Совета, в том числе и постановлению о несозыве съезда. ЦК заявил, что он подчиняется всем законным постановлениям Совета, постановление же о несозыве съезда ЦК считает незаконным. ЦК предлагал отложить съезд на 2 недели, представить Совету все материалы для проверки законности созыва съезда, и если Совет выяснит, что число полноправных комитетов, желающих съезда, меньше половины, они вместе с Советом уйдут со съезда. Несмотря на это Совет с представителями ЦК не был даже созван, а меньшевики категорически отказались участвовать на съезде, хотя делегаты от меньшевистских организаций уже были выбраны и приехали за границу. Под давлением ЦО, они отказались от участия на съезде, причем делегаты сибирский, смоленский отказываться от участия на съезде не имели права, так как мандаты им были даны без всяких оговорок. ЦК ничего не оставалось, как итти на съезд без меньшевиков. В съезде приняли участие делегаты следующих полноправных организаций: Петербург, Москва, Северный комитет, Нижний, Тула, Рига, Воронеж, Саратов, Одесса, Кавказский союз (согласно утвержденному тотчас же после II съезда Ц—том устава Кавказского союза, поль-

---

[1]) Перевод статьи Каутского «Разногласия между русскими социалистами» был напечатан в № 97 «Искры» 18 апреля 1905 г.

[2]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 4, лит. Ж, лл. 30—31. Письмо без даты: Копия письма была послана Одесским губернским жандармским управлением в департамент полиции при отношении за № 3038 от 29 мая 1905 г., в котором сообщалось, что подлинник письма находится «в распоряжении ответственного организатора Дальницкого района «Наума».

[3]) Речь идет об «Извещении о III съезде РСДРП», написанным Лениным и напечатанном в № 1 «Пролетария» от 27 (14) мая 1905 г. — см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VII, стр. 295—296.

[4]) III Съезд РСДРП происходил с 25 (12) апреля по 10 мая (27 апреля) 1905 г. в Лондоне. Имел 26 заседаний. Число делегатов с решающим голосом — 24 (представляли 46 голосов), с совещательным — 14. Меньшевистские делегаты, выбранные на съезд и прибывшие за границу, вместо Лондона, поехали в Женеву на организованную редакцией «Искры» конференцию, заседавшую одновременно с III съездом.

зующегося правом на 8 гол.)[1]), Николаев, Урал, Орловский, Брянский, Северо-Западный, Полесский, Самарский, Тверской (когда Тверской узнал об отказе Парвуса от делегатских полномочий, он прислал другого делегата). Всего 21 организация (за Казанью не признано право решающего голоса) с 42 голосами решающими плюс 4 голоса членов ЦК (в качестве членов ЦК и членов Совета). Всего 46 решающих голосов. С совещательными голосами были еще делегаты от следующих организаций: Казанского комитета, Архангельского комитета, Комитета заграничных организаций, Харьковской, Екатеринославской и Пинской групп. Делегат Кременчугского комитета выразил желание принять участие в съезде, но не успел приехать. Всего принимало участие на съезде 40 человек. Порядок дня был выработан следующий:

I. Вопросы тактические: 1) вооруженное восстание, 2) отношение к политике правительства накануне и в момент переворота, 3) отношение к крестьянскому движению.

II. Вопросы организационные: 4) отношение рабочих и интеллигентов к партийным организациям, 5) устав партии.

III. Отношение к другим партиям и течениям: 6) отношение к отколовшейся части РСДРП, 7) отношение к национальным с.-д. партиям, 8) отношение к либералам, 9) практические соглашения с социалистами-революционерами.

IV. Внутренние вопросы партийной жизни: 10) пропаганда и агитация.

V. Отчеты делегатов: 11) отчет ЦК, 12) отчеты делегатов местных комитетов.

VI. Выборы.

По всем вопросам после оживленных дебатов приняты резолюции (вы скоро их получите). Что касается устава, то пока сообщаю лишь те пункты, которые разнятся от старого устава.

§ I устава принят Ленинский[2]). Центр один—ЦК, который из своей среды выбирает уже ответственного редактора Центрального органа (выбран Ленин). Центральный орган будет называться «Пролетарий», а не «Вперед»[3]). Будет также издаваться популярный орган[4]). Съезды устраиваются ежегодно. Всякая утвержденная съездом или ЦК организация имеет право издавать от своего имени партийную литературу. ЦК обязан транспортировать издание всякой организации, если этого требует 5 полноправных организаций. Местные комитеты должны быть распущены ЦК, если за распущение высказываются одновременно ЦК двумя третями голосов и $^2/_3$ местных работников, входящих в партийные организации. Все партийные организации, выполняющие целостную работу (комитеты местные, районные, заводские и т. д.), ведают автономно все дела, относящиеся специально и исключительно к этой области, для заведывания которой они созданы.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Резолюции III съезда и устав РСДРП, утвержденный III съездом, см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VII, стр. 436—438.

[3]) «Пролетарий» — центральный орган РСДРП, выходивший в Женеве с 27 (14) мая по 25 (12) ноября 1905 г. Всего вышло 26 номеров. Ответственный редактор «Пролетария» — Ленин.

[4]) Речь идет о «Рабочем»—популярном органе РСДРП («Издание Центрального комитета РСДРП»), выходившем в России с августа по 25 октября 1905 г. Всего вышло 4 номера.

Всякая партийная организация обязана представлять в ЦК подробный отчет о своей деятельности не реже одного раза в 2 недели и отчислять в партийную кассу 20% всех своих доходов. Организации автономные имеют право кооптации. В комитетах и соответствующих им организациях официальные кандидаты, предложенные ЦК или периферийными организациями, кооптируются простым большинством голосов. В ЦК кооптация единогласная.

Работы съезда прошли очень дружно. Вначале публика была настроена очень нервно. Держались замкнуто, но общая работа всех сплотила, дух недовольства рассеян, всякие старые счеты забыты. Выборы сошли мирно [1]). Наметившиеся во время съезда делегаты-кандидаты прошли значительным большинством. Делегаты разъехались с чувством удовлетворения, с стремлением поскорей взяться за работу. Вообще несомненно, что кооптационный период ликвидирован теперь. Крепко жмем ваши руки, товарищи [2]).

Выписка из письма с подписью «Н. Ленин», из Мюнхена, от 10 октября нов. ст. 1905 г., к Евгению Ивановичу Пушенскому, в Херсон, казенная палата [3])

Химический текст.

Дорогие товарищи. Получили от товарища, бывшего у вас, адрес для писем вам и спешим воспользоваться им, чтобы связаться непосредственно. Мы придаем непосредственным связям и обмену мыслей важное значение, а потому и делаем попытку установить связь. Нам пишите по адресу: г-ну Альберту Мильде, Мариенстрассе 13[II], Лейпциг (Albert Mlde, Marienstrasse. 13[II]).

Н. Ленин [4]).

Выписка из письма без подписи [Н. К. Крупская], из Мюнхена, от 20 августа 1905 г., к присяжному поверенному Михаилу Николаевичу Дурылину, в Москву, Новинский бульвар, д. Плевако [5])

Химический текст.

Дорогие товарищи! Все посылаемые вами письма с адресами получаем во многих экземплярах, получили также переписанные корреспонденции Нижнего, — не знаю, прошли ли они через ваши руки или на них случайно стоит штемпель «Москва». Имейте в виду, что отменены адреса № 22а (Kolbe), № 16а (Lorenz) и № 15а (Lonack). Этими адресами больше пользоваться нельзя, остальные действуют хорошо. Ни сообщений о внутренней жизни организации, ни корреспонденций не получаем. Впрочем об этом мы уже писали вам. Знаете ли вы некоего, который явился к нам от имени Московского комитета, без пароля, по одному техническому делу? Важно это выяснить. Подтвердите вашу явку и дайте еще адрес для писем: известите немедля о получении

---

1) III съезд избрал ЦК в составе: В. И. Ленина, Л. Б. Красина, А. А. Богданова, А. И. Рыкова и Д. С. Постоловского. Официальными кандидатами в ЦК были назначены: А. М. Эссен, П. П. Румянцев и С. И. Гусев. После ареста Рыкова (27 (14) мая 1905 г.) в состав ЦК был введен Румянцев.

2) Письмо аналогичного содержания было послано Н. К. Крупской 25 (12) мая 1905 г. в Кострому на адрес Е. В. Королевой.

3) ДП, о. о., 1906 г., д. № 1666, прод. 5, л. 205.

4) «Ленин»—эмигрант Ульянов». (Примечание в подлиннике).

5) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1666, прод. 4, л. 460.

письма. Дальнейшее передайте, пожалуйства, Ольге Петровне [Ц. С. Зеликсон-Бобровская].

Дорогой друг, получила ваше письмо. Сильно виновата перед вами, что не ответила на предыдущее ваше письмо. Сначала было страшно некогда, писать приходилось с Адама, хотелось поговорить как следует, но, когда выдавалась свободная минута, рука не поднималась писать опять о том же, о чем уже приходилось писать стольким друзьям, столько раз. Теперь решила написать в тот же день. За последние месяцы многое изменилось. Вопрос о большинстве и меньшинстве перестал сверлить таким гвоздем, как раньше, и перестал так всецело поглощать внимание. Некогда как-то очень-то о них думать — очень уже интенсивно пошла работа организационного строительства, если можно так сказать. Со стороны это вряд ли заметно, но когда дело имеешь с сотнями корреспондентов (а это теперь так), то нельзя этого не почувствовать... И это очень бодрит, настроение такое же золотое, как было перед вторым съездом. Правда, ужасно мучает невозможность удовлетворить хоть одну сотую часть [запросов] на литературу и людей, но кое-что все-таки делается. Кое-кто из старых друзей хандрит, но это объясняется, как мне кажется, личными мотивами, либо разными случайными впечатлениями... В общем, дела очень и очень недурны. Пишу это несмотря на то, что касса пуста, как никогда, что приходится нехотя ругать и ЦК и комитетчиков и личных друзей за то, что не пишут, что оставляют своими сведениями... Неосведомленность страшно отзывается на работе. Надеюсь, вы будете теперь писать. Из Москвы нам никто не пишет, и мы собственно говоря о Москве ничего не знаем. Дайте адрес для писем вам. Шлем приветы. А где Макар? [В. П. Ногин].

Копия письма без подписи [Н. К. Крупская], из Мюнхена, от 20 октября нов. ст. 1905 г., к Жозефине Адольфовне Казаровой, в Тифлис, городской приют для душевнобольных [1]).

Химический текст.

Дорогие товарищи. Получили второй и третий номер «Борьбы пролетариата» и ваши письма [2]). Получили ли «Пролетарий» по новым адресам? Вы просили прислать статью о женском конгрессе. Раньше сделать этого не могли — больно некогда было, а теперь поздно. Сейчас начался сезон, каждый день кто-нибудь уезжает или приезжает, масса свиданий, связи с Россией страшно растут и время ужасно горячее, за всем приходится напряженно следить. Не думайте, чтобы мы не хотели помочь вам — просто это оказывается физически невозможно. Перешлем вам на-днях статейку одного товарища, может, подойдет. Как у вас дела? Отчего не присылаете корреспонденций?

Теперь напишу немного об общем положении дел. В Питере дела идут блестяще: там теперь хороший состав комитета, наплыв организаторов и пропагандистов. Все письма оттуда подтверждают одно: работа кипит, каждый день митинги на заводах, в высших учебных заведениях, влияние организаций страшно растет, связи растут, публика прямо пьянеет. Меньшевики свелись на-нет отчасти благодаря провалам, от-

---

[1]) ДП, о. о., 1905 т., д. № 5, ч. II, лит. А, лл. 74—75.

[2]) «Борьба пролетариата» — газета, нелегальный орган закавказских большевиков. Выходила с 13 (1) июля 1905 г. на трех языках. Руководил газетой И. В. Сталин.

1 Октября 1905 года.

Выписка изъ письма съ подписью: " Н. Ленинъ", изъ Мюнхен , о 10 Октября нов. ст. 1905 года, къ Евгенію Ивановичу П у ш е н - с к о м у , въ Херсонъ, Казенная Палата.

Химическій текстъ.

Дорогіе товарищи. Получили отъ товарища, бывшаго у васъ, адре для писемъ вамъ и спѣшимъ воспользоваться имъ, чтобы связаться не посредственно. Мы придаемъ непосредственнымъ связямъ и обмѣну мыс лей важное значеніе, а потому и дѣлаемъ попытку установить связь. Нам пишите по адресу: г-ну Альберту Мильде Маріенстрассе 13 II , Лейпцигъ. (Albert Milde, Marienstrasse, 13 II)

Н. Л е н и н ъ.

части благодаря тому, что их влияние после их благоглупостей по вопросу о Государственной думе быстро стало падать, особенно среди рабочих. Да, кроме того, их болтовня о правах приелась. Начинают сознавать, что это болтовня. Рабочие меньшевики переходят к большинству. В Москве работа в последнее время шла широко. Наиболее жгучие вопросы обсуждались на конференциях (в Москве так называемое собрание периферий [1]) рабочих). Листки выходили в массах (в Москве три техники). Правда, отмечалось некоторое понижение настроения, но оно, как оказалось, не помешало разыграться московским событиям. Вы знаете из газет, что там всеобщая стачка [2]). Когда до вас дойдет это письмо, уже выяснится: начало ли это восстания или вспышка, которую правительству удастся подавить? Сегодня в газетах телеграммы, что стачка распространяется на Питер и Варшаву. В средней полосе работа растет, так, например, в Орле к 3-му съезду почти ничего не было, а теперь на Брянском заводе уже около 300 рабочих. Впрочем, в этих местах нет широкого движения, и они пустеют, публика бежит в центры. Зашевелился Восток: из Нижнего пишут, что меньшевики там стали смирные, нет больше разговоров о бюрократизме, централизме и проч. Выпустили листок о Государственной думе, а потом стали его отбирать. Большевики рабочие дразнят там меньшевиков: «И у вас подвигаются выборы в Учредительское собрание?»

В Казани работа шла широко, у них великолепная техника, выходит даже своя газета «Рабочий» [3]).

Из Саратова пишут: миновали красные деньки меньшевиков. Вообще Восток как-то начинает встряхиваться. «Сибирский союз» просит посылать им листки Центрального комитета для перепечатки корреспонденций. Не такие уже, как видно, они заклятые меньшевики. Отовсюду из ссылки бежит народ. Якутск, Енисейск, Вологда переполнены меньшевиками. Вообще просто диву даешься, откуда все это берется. Связи у нас все растут да растут. Были бы деньги только, а то все организации страдают безденежьем. Меньшевики в пессимистическом настроении, из одной крайности бросаются в другую. Теперь они уже говорят, что нельзя рассчитывать на открытое выступление. Впрочем, теперь, после Москвы, опять, пожалуй, в другую крайность бросятся.

Как многое изменилось с 3-го съезда! Нет уже той апатии, которая царила раньше в организациях, работа идет быстро и, удивительное дело, все — и ЦК и комитеты самым добросовестным образом стараются проводить в жизнь постановления съезда. Связь между организациями заметно растет, большую роль играют листки ЦК, рассылаемые по комитетам [4]). Они ставят известные вопросы на обсуждение комитетов, дают лозунги. Теперь замечается, судя по письмам, что комитеты одновременно обсуждают одни и те же вопросы, принимаются одинаковые резолюции, достигается единообразность действий и одновременность выступлений. Конечно, все это еще в слабой степени, но прогресс в этом отношении замечается большой. Замечается также, что

---

[1]) Так в подлиннике перлюстрации.

[2]) Всеобщая стачка рабочих в Москве началась 10 октября (27 сентября) 1905 г.

[3]) «Рабочий» — большевистская газета, издание Казанского комитета РСДРП, выходившая в 1905 г.

[4]) Речь идет о «Летучих листках Центрального комитета РСДРП», которые освещали текущие тактические и организационные вопросы. Всего вышло 4 номера. Первый листок вышел 10 (23) июня, последний—в сентябре 1905 г.

происходит более быстрый обмен опытом, слышно меньше жалоб на оторванность и недостаток людей.

Крепко жмем руки и желаем бодрости и успеха в работе!

Выписка из письма С. Знаменского, Женева, от 8 октября 1905 г., к Григорию Григорьевичу Знаменскому, в С.-Петербург, В. О., Малый проспект, д. 45, кв. 6 [1])

Очень уж быстро развиваются российские события, и заграница растерялась [2]). Здесь те же распри, то же словоизвержение, а когда льется кровь, надо меньше слов, а больше дела. На-днях Ленин читал сообщение о московских событиях и доказывал, что все делается так, как рекомендуют большевики, а меньшевики все-де более уклоняются вправо — к либералам. Меньшевик возражал, и, конечно, ругал большевиков [3]). Серые [4]) устраивают сегодня вечер для добывания средств. Говорят, что седые [5]) хотят провалить этот вечер.

Агентурные сведения департамента полиции за декабрь 1905 г. [6])

В 9-м номере газеты «Новая жизнь» [7]), от 10 ноября сего года, Центральным комитетом Российской социал-демократической рабочей партии было объявлено о созыве на 10 декабря 4-го очередного съезда (фракции «большинства») для разрешения назревших политических вопросов и на первом плане — вопроса о партийном объединении, причем сказано, что являться следует к 8-му декабря, по «явкам» Центрального комитета или местного С.-Петербургского комитета [8]). Действительно, к означенному числу делегаты стали съезжаться в Петербург, и 10 декабря, в числе 41 человека, разбившись на три группы, выехали в Финляндию, взяв билеты до ст. «Райволы», где все соединились и направились в гор. Таммерфорс.

12 декабря, утром, делегаты собрались в Народном доме финляндских социал-демократов и открыли заседание. Первоначально был поставлен вопрос о том, можно ли считать съезд состоявшимся. Этот вопрос был решен в отрицательном смысле, ибо не было делегатов от многих городов. Поэтому собрание присвоило себе название «конференции». Выработав программу порядка дня, делегаты стали читать свои

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 1666, прод. 7, л. 240.

[2]) Имеется в виду начавшаяся широкая забастовочная волна в России (всеобщая стачка рабочих в Москве, начало забастовки в Петербурге 16 (3) октября 1905 г. и др.).

[3]) В «Датах жизни и деятельности Ленина», изд. Института Ленина, 1931 г., сведений, подтверждающих это выступление Ленина, не имеется.

[4]) Социалисты-революционеры.

[5]) Социал-демократы.

[6]) ДП, о. о., 1906 г., д. № 145, л. 2.

[7]) «Новаяжизнь» — первая легальная большевистская газета, выходившая ежедневно в Петербурге с 9 ноября (27 октября) по 16(3) декабря 1905 г. По цензурным условиям вначале газета выпускалась вместе с некоторыми беспартийными литераторами (Н. М. Минский, В. Вересаев и др.). Ближайшее участие в газете принимали В. Ленин, В. Воровский, М. Горький и др. С № 21 газета стала выходить с подзаголовком «РСДРП». Всего вышло 28 номеров.

[8]) Обращение ЦК «К созыву IV съезда РСДРП (ко всем партийным организациям и ко всем рабочим социал-демократам)» — см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VIII, стр. 462—464.

доклады о работе на местах. К 18 декабря «конференция» закончила работу и составила резолюцию, в копии у сего прилагаемую [1]).

Делегаты были представлены от следующих городов: С.-Петербурга—2, по кличке «Леонтьев [Б. И. Горев] и «Исаев [В. С. Цицарин]; Твери—2; Перми—2, по кличке «Жуков» и «Правдин»; Саратова—2; один по кличке «Воронов»; Тулы—2, одна по кличке «Тетенькина» [П. Ф. Куделли]; Смоленска—2; Тифлиса—2, один по кличке «Иванович» [И. В. Сталин]; Екатеринбурга—1, по кличке «Яковлев»; Вятки—1, по кличке «Александров» [В. А. Горбачев]; Уфы—1 [А. В. Кибардин]; Риги—1, по кличке «Кириллов» [М. Бородин]; Ковны—1, по кличке «Паульсен»; Тамбова—1; Николаева—1; Таганрога—1; Казани—2, по кличке «Лозовский» и «Адашев» [Алуф]; Пскова—1, по кличке «Псковский»; Нарвы—3, по кличке один «Иванов» (настоящая фамилия—Рейснер, бывший профессор Томского университета), вторая—«Наталина» и третий—неизвестно; Ростова-Ярославского—1, по кличке «Медведь»; от Костромской окружной организации «Наумов» [О. А. Квиткин]; Воронежа—2; [В. И. Невский, Д. Г. Большаков], Сибири—1 [Н. Н. Баранский], Самары—2 (опоздали). От Центрального комитета «Ленин»—Ульянов с женой («Саблина») [Н. К. Крупская], писатель П. Румянцев, по кличке «Филиппов», и «Зимин» [Л. Б. Красин]. От организационной комиссии «меньшевиков»—«Даневич» [Гуревич—Смирнов]. Была также одна пожилая женщина, по кличке «Дяденька» [Книпович].

Вышеупомянутый «Исаев» является представителем от рабочих из-за Невской заставы; приметы его следующие: блондин, лет 25, с небольшими усиками, пальто с воротником, круглая барашковая шапка. Приметы «Леонтьева»: по типу еврей, низенького роста, с черной французской бородкой, в осеннем пальто.

При поверке кассы Центрального комитета оказалось:

Приход кассы с 1 июня около	78.000 руб.
Расход	47.000 »
Остаток	30.110 »
Уплачено долгов	20.000 »
В остатке	10.100 »

Расход заключается в следующем:

Для организации вооруженного восстания в Москве и Петербурге	14.316 руб.
Содержание нелегальных типографий	7.670 »
Помощь членам партии	790 »
Нелегальные паспорта	325 »

---

[1]) Речь идет о Таммерфорсской конференции большевиков, происходившей с 25 (12) декабря по 30 (17) декабря 1905 г. и заменившей собой объявленный ЦК IV съезд партии, который не мог состояться из-за развернувшихся в России событий. Резолюции конференции см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. VIII, стр. 464—466 и 515—516.

Деньги получаются Центральным комитетом исключительно от издания книг в России (книгоиздательства «Молот», «Буревестник» и др.), от переиздания русских авторов за границей и постановки пьес [1]). Означенные предприятия дают около 100.000 рублей в год.

22 декабря в С.-Петербурге, на Загородном проспекте, в д. № 9, в кв. Ивана Григорьева Симонова, состоялась сходка из лиц Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии и делегатов Твери, Казани, Тамбова, Тифлиса, Риги, Перми, Воронежа, Петербурга, а также Ленина и Мартова-Цедербаума [2]). На этой сходке был прочитан доклад о слиянии фракций «большинства» и «меньшинства». Слияние произошло на следующих условиях: выбраны 14 членов редакционной комиссии — по равному числу с каждой стороны, из них избрано 4 человека (по 2 с каждой стороны) в коллегию, которая должна следить за течениями двух фракций. После этого доклада Лениным и Мартовым были прочитаны рефераты о двух тактиках партии. Ленин рекомендовал полный бойкот Государственной думы и предлагал готовиться к вооруженному восстанию. Мартов же не отвергал выборов в Государственную думу до губернских собраний, в которых выборными лицами от партии социал-демократов можно, по его мнению, революционизировать массы, отделить их от консервативных элементов, создать таким образом временное революционное правительство и тем создать огромный шаг к вооруженному восстанию. «Центром» было высказано пожелание, чтобы в данный момент и даже 9 января никаких уличных демонстраций не производить, основываясь на том, что в настоящее время само правительство вызывает на уличные демонстрации. Решено усиленно готовиться к вооруженному восстанию и объявить таковое тогда, когда можно будет считать себя достаточно сильным для выступления. Главные усилия партии решено направить для пропаганды в войсках.

В редакцию газеты «Новая жизнь» являлся из Москвы один из дружинников, который заявил, что все почти профессионалы-дружинники перебрались в Петербург и только некоторые уехали в другие города.

Для писем, телеграмм и для приезда дана явка: Загородный проспект, д. № 9, кв. 8 — Ивана Григорьевича Симонова. Явка эта дана для всех делегатов.

В настоящее время в Петербурге ставится нелегальная типография, в которой, вместе с приезжими из Одессы, будет работать постоянный обитатель редакции «Новой жизни», приметы коего следующие: по типу еврей, небольшого роста, с черными усами, одевается в осеннее пальто, в черную, поддельного барашка шапку, с проломом.

Секретарем Центрального комитета является бывший секретарь газеты «Новая жизнь» (небольшого роста, плешивый).
[?] декабря 1905 года.

---

[1]) «Молот» в Одессе и «Буревестник» в Москве—издательства, на которые большевистская партия распространяла свое влияние, так называемые тогда «полупартийные» издательства.

[2]) В «Датах жизни и деятельности Ленина», изд. Института Ленина, 1931 г., сведений об участии Ленина в этой «сходке» не имеется.

Справка департамента полиции от 5 января 1906 г. [1]).

По справке, наведенной в С.-Петербургском охранном отделении, оказалось, что Ленин и Мартов еще не арестованы, но намечены уже к задержанию, ввиду чего в настоящее время охранным отделением выясняются их адреса.

Отношение председателя Комитета министров гр. Витте на имя управляющего министерством внутренних дел Дурново от 5 января 1906 г. [2]).

Статс-секретарь граф Витте, свидетельствуя совершенное почтение его высокопревосходительству Петру Николаевичу Дурново, имеет честь препроводить при сем № 1 еженедельного журнала газеты «Молодая Россия», органа «большинства» социал-демократической партии [3]).

Отношение департамента полиции на имя прокурора Петербургской судебной палаты от 7 января 1906 г. № 241 [4]).

Департамент полиции покорнейше просит ваше превосходительство не отказать в сообщении сведений о том, в каком положении находится в настоящее время дело об арестованном № 1 газеты «Молодая Россия» от 4 сего января. Автора помещенной в этом номере статьи под заглавием «Рабочая партия и ее задачи при современном положении» г. Ленина департамент полагал бы необходимым подвергнуть безусловному содержанию под стражей как лицо, осмелившееся напечатать и распространить прямой призыв к вооруженному восстанию, и в этом смысле долгом считает просить соответствующих распоряжений вашего превосходительства и уведомления о последующем.

Выписка из письма, с подписью «Катя», С.-Петербург, от 24 января 1906 г., к С. С. Чегодаевой, в Харьков, Чернышевская, 107 [5])

Для социал-демократических газет нужны были редакторы — на случай ареста и закрытия одной газеты выпускать сейчас же газету под другим именем. Я взяла на себя выхлопотать у градоначальника разрешение на издание газеты «Боевой клич», но мне не разрешили; пришлось переменить название на «Эхо», которого я и считаюсь ответственным редактором и издателем [6]). Однако, при теперешней свире-

---

[1]) ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 591. На подлиннике имеются следующие пометы: 1) «Потребность непременного ареста обоих», 2) «Исполнено 6/I».

[2]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 13, ч. 9, л. 7. На подлиннике имеются две резолюции—П. Дурново: «№ этот арестован, не следует ли арестовать Ленина?» и директора департамента полиции: «Экстренно просить прокурора Судебной палаты сообщить о положении дела, прося его сделать зависящее распоряжение по безусловному содержанию под арестом автора статьи Ленина, как осмелившегося напечатать и распространить прямой созыв к вооруженному восстанию».

[3]) «Молодая Россия» — еженедельная общественно-политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербуге, легальный орган студентов социал-демократов. Вышел всего один номер 17 (4) января 1906 г., в котором была помещена статья Ленина «Рабочая партия и ее задачи при современном положении». См. Ленин, Сочинения, изд. 2, т. IX, стр. 1—7.

[4]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 13, ч. 9, л. 14. Воспроизводится с отпуска.

[5]) ДП, перлюстрация, 1906 г., № 442.

[6]) «Эхо»—ежедневная большевистская газета, легально выходившая в Петербурге с 22 июня (5 мая) по 20 (7) июля 1906 г. взамен закрытой «Вперед». Всего

пости самодержавия, нет никакой возможности издавать социал-демократическую газету. Из имеющихся пяти разрешений, в первую голову, пустили бы газету с наиболее подходящим названием.

Копия полученного агентурным путем письма, с подписью «Южное бюро объединенного Центрального комитета РСДРП», Киев, от 6 февраля 1906 г., к Нине Федоровне Кокоткиной, в Курск, губернская земская управа [1]).

В ближайшем будущем имеется в виду издавать партийный легальный орган [2]). Издавать его в том виде, в каком издавалось «Начало» [3]) и «Новая жизнь» [4]), по теперешним временам, очевидно, не удастся — придется понизить тон. Ввиду этого необходимо наряду с этим органом издавать другой—нелегальный, что и будет сделано [5]). Нелегальный орган будет выходить 2—3 раза в месяц и состоять из двух отделов: руководящих статей и хроники партийной жизни. Необходимо, чтобы партийные организации приняли самое энергичное участие в доставлении материала для этого отдела. Поэтому просим вас, товарищи, присылать всякий имеющийся у вас материал, касающийся партийной жизни. Вскоре пришлем проект избирательного закона на общепартийный объединительный съезд, а также проект порядка дня [6]). Пришлем также и новую брошюру (выходит на-днях), посвященную обоснованию двух существующих в партии тактик по отношению к Государственной думе: брошюра состоит из статей Ленина и Дана, стоящих в этом вопросе на различных точках зрения, с предисловием Мартова [7]).

Очень просим организацию озаботиться доставлением адресов для посылок вам писем, листков, брошюр и пр. Многие адреса, очевидно, устарели — их надо заменить новыми и т. п.

Известите о получении письма 18/I ОЦК.

ОЦК постановил, чтобы местные организации отчисляли из своих средств 20% на нужды ОЦК.

вышло 14 номеров. Руководил газетой и принимал в ней активное участие Ленин. Ответственным редактором и издателем «Эхо» была Е. С. Миланова, которая, повидимому, и является автором этого письма.

[1]) ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 25, ч. 69, лл. 11—12. Печатается в сокращении.

[2]) Речь идет о попытке возобновить издание объединенного органа (большевиков и меньшевиков) в виде газеты «Слияние». Попытка оказалось неудачной, так как типографии отказались печатать газету.

[3]) «Начало» — легальная меньшевистская газета, выходившая с 26 (13) ноября по 15 (2) декабря 1905 г. Всего вышло 16 №№. В редакцию газеты входили Парвус и Троцкий.

[4]) «Новая жизнь» см. примечание на стр. 185.

[5]) Речь идет о «Партийных известиях»—издании объединенного Центрального комитета РСДРП накануне IV («Объединительного») съезда. В редакцию входили: В. Ленин, А. Луначарский, В. Базаров и от меньшевиков — Ф. Дан, Ю. Мартов, А. Мартынов. Всего вышло два номера: № 1 — 20 (7) февраля и № 2 — 2 апреля (20 марта) 1906 г.

[6]) Речь идет о циркулярном письме ОЦК под названием «К партии (основы для созыва объединительного съезда)» См. Ленин, Сочинения, изд. 2, т. IX, стр. 446—450.

[7]) Речь идет о брошюре «Государственная дума и социал-демократия», в которой были помещены статьи Ленина «Государственная дума и социал-демократическая тактика» (опубликована в Сочинениях Ленина, т. IX, стр. 13—19) и Ф. Дана «Государственная дума и пролетариат».

Выписка из письма с подписью «Маня», Москва, от 23 марта 1906 года, к Екатерине Дмитриевне Смирницкой, в Харьков, Нетеченская ул., д. 40, школа [1])

В партии работа кипит, работников нехватает, так много надо. Москва наводнена шпиками, бывают частые провалы. Три дня тому назад провалились три типографии [2]). Приезжал Ленин, выработали резолюцию для съезда [3]).

Выписка из письма Ивана Орахелашвили, С.-Петербург, от 27 марта 1906 г., к Елене Филипповой, в Париж, Фоссе ст. Жак., 19 [4])

Раньше ходили слухи об амнистии, а теперь говорят, что удачный заем за границей [5]) поведет к таким разгулам реакции, которых не знает еще история. Предполагается, будто, организовать «Варфоломеевские ночи» для интеллигенции.

В такой атмосфере проходят выборы в Думу, а также съездовская кампания. Съезд партии предполагается в первых числах апреля, что прямо-таки бесит тов. «меньшевиков», заранее каркающих, что никакого объединения съезд не даст. Но преобладающее значение на съезде делегатов из рабочих (из интеллигенции со стороны большевиков будет только Ленин) обеспечивает нормальное течение работ съезда, а также восстановление столь долго попираемой дисциплины партийной и подчинение фактическому большинству со стороны меньшинства.

Выписка из полученного агентурным путем письма Бонч-Бруевича (на бланке редакции журнала «Наша жизнь»), от 28 марта 1906 г., к Ф. Циммерману, в Давос-Дорф [6]).

Журнал наш закрыт. Мы воскресаем под видом брошюрного издательства [7]). Первые три книги Ленина выйдут на-днях. Моя мечта создать продолжение того, что мы сделали в Женеве, и так или иначе все-таки существовать, и главное избавиться от всяких посредников и начать истинно «свое» дело.

---

[1]) ДП, перлюстрация, 1906 г., № 1962.

[2]) Речь идет об аресте 31(18) марта 1906 г. в Москве трех типографий большевиков в квартирах А. М. Ивановой, В. Н. Ларионова и П. Г. Барышникова.

[3]) Имеется в виду приезд Ленина в Москву в марте 1906 г. с предварительным проектом тактической платформы большевиков к IV («Объединительному») съезду. Ленин участвовал в двух совещаниях руководящей группы большевиков Московской организации, посвященных обсуждению проекта платформы большинства (платформа опубликована в IX т. Сочинений Ленина, стр. 37—50 и 450—451).

[4]) ДП, о. о., 1906 г., 1 отд., д. № 9, ч. 60, л. 375.

[5]) Речь идет о заключении царским правительством внешнего займа во Франции. Заем был заключен в середине апреля 1906 г. на сумму 843.750.000 рублей.

[6]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 82, л. 152.

[7]) Речь идет о книгоиздательстве «Вперед», официально являвшемся издательством при ОЦК РСДРП, а фактически бывшем издательством при большевистской части ЦК. В редакцию входили: М. Ольминский, А. Елизарова, В. Воровский, В. Величкина, В. Бонч-Бруевич, И. Гольденберг и А. Луначарский. Общее руководство редакцией издательства осуществлял коллектив в составе В. Ленина, В. Базарова и А. Богданова.

У нас выходят картины, вышли три: портреты Шмидта (10 коп.), Энгельса (5 коп.) и «Бездомные», из жизни итальянского пролетариата (5 коп.).

Есть надежда, что «Наша жизнь» будет вновь разрешена, тогда заработаем во-всю.

Пока что у нас будет выходить журнальчик под названием «Библиотека нашего читателя» [1]).

Копия письма за подписью «Марс» (Я. Озоль), Стокгольм, 26 апреля 1906 г., отобранного при обыске у Клары Карпович [2])

Здравствуй.

Приехали оба с Звейн. уже в понедельник утром. После обеда состоялось первое заседание [3]). Хорошо, что не поехал по данному Дб. адресу. Пароход большой партии (90) около Ганге наскочил на скалу и хорошо, что все не утонули. После того они на другом пароходе прибыли сюда. И здесь, как видно, русских шпионов довольно. Поэтому не живем в гостинице, но каждый — у знакомых.

Первые три дня прошли в конструировании, пересмотре мандатов и вопросов дня. Вчера в 4 ч. пополудни начали обсуждать первый очередной пункт. Порядок дня следующий: 1) аграрная программа; 2) текущий момент; 3) отношение к выборам и Государственной думе; 4) вооруженное восстание; 5) партизанская борьба; 6) временное правительство, местное революционное самоуправление; 7) отношение к рабочим советам; 8) отношение к крестьянскому движению; 9) профессиональные союзы; 10) отношение к непартийным организациям; 11) польское учредительное собрание; 12) партийная организация; 13) национальные социал-демократические организации; 14) отчеты и 15) выборы.

Уже по дороге все разделились на две фракции: меньшевиков и большевиков. Вначале и здесь обе (особенно меньшевики) устраивали закрытые заседания. После некоторые начали протестовать, и теперь все поклялись больше закрытых заседаний не созывать. Но это, как видно, было потому, что меньшевики чувствуют свое первенство. Меньшевиков — 60—70, а большевиков около 40—50 человек. Всего же 125, а со всеми приглашенными и имеющими совещательный голос — 135 человек [4]). Особенно ярко фракции показали себя при обсуждении порядка дня и выборах председателя. Меньшевики провели своих 2— Плеханова (70) и Дана (62), из большевиков попал только Ленин (60) в бюро... Вчера явился Плеханов. Очевидно, все резолюции будут приняты в духе меньшевиков. Большевики стояли за то, чтобы вопрос об объединении с национальными соц.-дем. организациями был поставлен на первом месте, но меньшевики протестовали. Была назначена комиссия (5 членов), в состав которой входит с правом совещательного голоса

---

[1]) «Библиотека наших читателей»—большевистский еженедельный политический и литературный журнал, заменивший закрытый журнал «Наша мысль». Вышло всего 2 №№. 1-й № вышел 9 мая (26 апреля) 1906 г. Перестал выпускаться в связи с переходом на брошюрное издательство («Вперед»).

[2]) ДП, о. о., 1907 г., д. № 349, лл. 138—139.

[3]) Речь идет о IV (Объединительном) съезде РСДРП.

[4]) Делегатов с решающим голосом на съезде было 111 чел., из них 49 большевиков и 62 меньшевика; вместе с приглашенными (Г. Плеханов, П. Аксельрод и др.) и с имевшими совещательный голос число участников съезда дошло до 156 чел. — см. «ВКП(б) в резолюциях съездов и конференций», 1932 г. стр. 66.

весь российский ЦК и все делегаты национальных организаций [1]). Эта комиссия должна технически выработать все статьи объединения.

Вчера состоялось первое заседание объединительной комиссии. Социал-демократы Польши и Бунд дали объяснения, на каких началах они могут войти в состав партии. Мы думаем, что и нам следовало немного изменить принятую на конференции резолюцию, т. е. дополнить следующими пунктами, которые у поляков есть, а у нас нет: в примечании к 2 п. о ликвидации национальной организации надо было добавить: «Социал-демократия Латышского края самостоятельно определяет свои отношения к социал-демократическим организациям на одной территории, не вступившим еще в партию». Тут же надо было добавить: «Социал-демократия Латышского края является единственной представительницей пролетариата этого края в партии». В конце надо было добавить: «Изменение этих условий на общепартийном съезде возможно лишь с согласия центрального органа (или съезда) Социал-демократии Латышского края». Социал-демократия Польши вместе с ЦК Российской партии уже раньше разработали проект, который только надо утвердить в конгрессе русских и Социал-демократии Польши уже в партии [2]). Статьи проекта гласят: 1) самостоятельность Социал-демократии Польши и Литвы во всех внутренних вопросах, касающихся агитации и организации в Польше и Литве, а также самостоятельное определение ею своих отношений к другим организациям, действующим на той же территории (примечание: отношение Социал-демократии Польши и Литвы к Бунду) устанавливается с согласия РСДРП. В пределах этого общего отношения определение конкретных случаев выступления на местах предоставляется Социал-демократии Польши и Литвы (собственные партийные съезды, комитеты и литература). 2) Право самостоятельного определения в пределах своей деятельности отношения к профессиональным союзам. 3) Социал-демократия Польши и Литвы сохраняет свое прежнее название как подзаголовок к РСДРП. 4) Польские социал-демократические организации могут войти в состав РСДРП лишь путем вступления их в состав Социал-демократии Польши и Литвы. Соглашения постоянные или временные между такими польскими организациями и РСДРП заключаются лишь с согласия Социал-демократии Польши и Литвы. 5) Самостоятельное представительство Социал-демократии Польши и Литвы на интернациональных социалистических съездах и в Международном социалистическом бюро, пока Польша на конгрессах составляет самостоятельную секцию. 6) На всех междупартийных конференциях, в которых принимает участие какая-нибудь из партий, работающих в Польше, обязательно участие, наряду с представителями РСДРП в целом, особых представителей на равных правах от Социал-демократии Польши и Литвы. 7) В состав редакции ЦО входит член Социал-демократии Польши и Литвы, который, в согласии с остальными членами, руководит польским отделом. 8) Признание автономии Польши [3]).

---

[1]) В состав комиссии вошли: Дианов (Сан-Девдориани), Литвинов, Островский, Панов (И. А. Теодорович), Матвеев (В. А. Базаров).

[2]) Речь идет о проекте соглашения, выработанном ОЦК и Главным правлением Социал-демократии Польши и Литвы (опубликован в «Протоколах Объединительного съезда РСДРП», стр. 357).

[3]) Проект резолюции большевиков «Отношение к национальным социалистическим партиям» опубликован в Сочинениях Ленина, т. IX, стр. 47. Там же, стр. 468—

Мы просим уполномочить нас пополнить резолюцию вышеупомянутыми пунктами. Бунд попрежнему требует федерацию. Адрес: Стокгольм, ... [1].

Аграрную программу, как кажется, провалят. Плеханов и Маслов больше стоят за муниципализацию, Ленин — за национализацию, но только при республике, Финн (Енотаевский) требует просто раздела земли между крестьянами и, конечно, конфискацию. Меньшевики обещают представить объединительный пункт тотчас, как только комиссия кончит предварительные работы. Меньшевики были против «текущего момента», но большевики большинством голосов провели «текущий момент» особой статьей. В этом вопросе лучше всего можно будет видеть результаты их деятельности, так как отчеты стоят на последнем плане, и для них назначена особая комиссия, которая опрашивает каждого делегата, чтобы потом в целости представить готовую сводку из всех мест со всеми датами. Мы просим выслать нам выписки из протоколов конференции: 1) о числе членов; 2) об отчете кассы; 3) боевые организации; 4) жертвах (также и не членов партии); 5) литературе («Борьбе») [2] и прокламациях [3]).

Из Риги явились двое. Одного утвердили с правом голоса, а другого допустили с совещательным голосом. В мандатной комиссии 3 меньшевиков и 2 большевиков, и меньшевики стригут большевиков, где только могут. Они даже провалили 12-го петербургского делегата, который был назначен интеллигентной организацией (320 голосами), хотя число выборщиков определено в 300 [4]). Из одного только Тифлиса — 12 делегатов, Баку—7. Меньше всего из Сибири — 2 делегата. Там в последнее время все организации дезорганизованы. Также и сам центр слаб, за исключением Москвы, из которой 13 делегатов. Все же сильнейшим оказывается Кавказ. С правом совещательного голоса также был допущен делегат РУП [5]), который письмом (поданным Бундом) просил совещательный голос в конгрессе. Прошу ответить 1) о праве дополнить резолюцию, 2) о нашем отчете. Просим объединительной резолюции пока еще не печатать, если это только возможно. Очень может статься, что между обеими фракциями произойдет большой разлад. Насчет этих обменных сделок здесь, должно быть, ничего не выйдет.

Местные церберы тащат всех русских прямо с парохода в участок, где заставляют по 2—3 часа ожидать, осматривают, измеряют и строго допрашивают: чем занимается, как приехал сюда, сколько денег, получил ли от финляндцев денег, как намерен возвратиться, через какой пограничный пункт, чем отец занимается, политические убеждения, из какого города? Все русские по вторникам должны являться в участки. Даже пальцы измеряют. Не знаю, как они попадут домой.

Марс.

471, см. резолюцию съезда об условиях слияния РСДРП с национальными социал-демократическими организациями.

[1]) В подлиннике неразборчиво несколько слов.

[2]) «Борьба» (Zihna) — нелегальный орган социал-демократии Латышского края, основан в марте 1904 г.

[3]) Речь идет о так называемой «Весенней конференции» Латышской социал-демократии, состоявшейся в марте 1906 г.

[4]) Речь идет об аннулировании мандата представителя петербургской студенческой организации большевика Молоденкова (Галеева).

[5]) РУП — «Революционная украинская партия».

Выписка из донесения начальника Московского охранного отделения на имя директора департамента полиции от 10 мая 1906 г. № 5345 [1])

Секретно.

Имею честь донести вашему превосходительству, что, по полученным мной агентурным сведениям, после 4-го съезда Российской социал-демократической рабочей партии выбран новый состав объединенного комитета названной организации, причем в Центральный комитет войдут всего 10 лиц. В том числе 7 из фракции «меньшинства» и 3 из фракции «большинства» [2]).

Из числа лиц, вошедших в состав нового Центрального комитета, агентура указала на «большевиков»: Владимира Ульянова (Ленин), приват-доцента Московского университета Николая Александрова Рожкова и Афанасия Дмитриева Игнатова, известного наблюдению под кличкой «Бритый». Из числа же «меньшевиков» агентуре известны Нежданов (он же Череванин) и лицо, носящее фамилию Строев, которое пока не установлено. (По справке в Москве проживает Николай Николаев Строев, 28 лет, без определенных занятий). Где будет иметь свое пребывание Центральный комитет, пока не выяснено, но есть предположение что «меньшевики» изберут местом своего пребывания г. С.-Петербург, а «большевики» Москву.

Доклад Петербургского охранного отделения в департамент полиции 4 июня 1906 г. № 10596 [3])

3 сего июня вечером, ввиду имевшихся указаний, что в типографии товарищества «Дело», арендуемой социал-демократической газетой «Вперед», печатается брошюра Н. Ленина «Доклад об Объединительном съезде РСДРП», сделано было распоряжение о производстве осмотра типографии (д. № 96 по Фонтанке) [4]). При осмотре обнаружено около 40 пудов заключительной части брошюры с 81 страницы, матрицы для печатания этой части брошюры и обложки, на которой местом издания помечена «Москва», а также разные наборы этой брошюры, почему на место для производства обыска был вызван офицер губернского жандармского управления и товарищ прокурора.

Об изложенном докладываю вашему высокопревосходительству.

Полковник Герасимов.

---

[1]) ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 25, ч. 10, л. 34.

[2]) В состав ЦК, выбранный IV (Объединительным) съездом, вошли: В. А. Десницкий (кличка Строев), Л. Б. Красин, А. И. Рыков (впоследствии замененный А. А. Богдановым) — от большевиков; В. Н. Розанов, Л. И. Гольдман, Л. М. Хинчук, В. Н. Крохмаль, Л. Н. Радченко, П. Н. Колокольников, Бахметьев — от меньшевиков. Впоследствии в ЦК были введены представители национальных социал-демократических партий, объединившихся с РСДРП: от СД Польши и Литвы — А. Р. Варский и Ф. Э. Дзержинский; от Бунда — Абрамович (Р. А. Рейн) и Ионов (Ф. М. Койген); от Латышской социал-демократии — К. К. Данишевский.

[3]) ДП, о. о., 1906 г., д. № 25, ч. 13, л. 10.

[4]) Брошюра Н. Ленина «Доклад об Объединительном съезде РСДРП» (письмо к петербургским рабочим) вышла в июне 1906 г. в издательстве «Вперед» (см. т. IX Сочинений Ленина, стр. 175—226).

Докладная записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции 8 июля 1906 г. № 12749 [1])

7 сего июля вечером в помещении общества технологов, в д. № 45, по Английскому проспекту, предполагалась конференция большевиков и меньшевиков с.-д. под председательством лидера большевиков Ленина [2]).

Конференцию эту предполагалось задержать, но, очевидно, под влиянием арестов в редакции газеты «Мысль» [3]), к назначенному времени собралось лишь около 10 человек, из числа которых при выходе задержаны на улице врач Раиса Аркадьева Карфункель, домашняя учительница Елена Дмитриева Стасова и сын надворного советника Петр Ананьев Красиков.

По личному обыску у Карфункель отобрана конспиративная заметка о каком-то голосовании большевиков и меньшевиков и списки членов районных комитетов С.-Петербургской социал-демократической организации. Такой же список отобран у Стасовой. Кроме того, у нее отобраны рукописные проекты устава Петербургского совета и Петербургского комитета РСДРП.

Красиков в момент задержания изорвал паспорт на имя какой-то женщины и какие-то записки. В С.-Петербурге Красиков не прописан. У Карфункель и Стасовой обыски производятся.

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник Герасимов.

Выписка из письма с подписью «Твоя Анюта», С.-Петербург, от 23 сентября 1906 г., к Н. М. Бабаду, в Киев, Мало-Васильковская, д. 32, кв. 18 [4])

Окончить курс, все равно, так скоро не придется — революция помешает. Хотя у нас тоже большое тяготение к учебнику, но наши курсы, сравнительно с прошлым годом, очень полевели. Теперь о наших делах. На вчерашнее собрание было назначено по 10 человек с каждого района для собеседования с Лениным. Несмотря на все предосторожности была лишняя публика, ввиду чего Ленину дали знать, чтобы он не приходил, а собрание превратили в отчетное, каждый район давал сведения о работе.

Отношение начальника Главного управления по делам печати А. В. Бельгарда на имя прокурора Московской судебной палаты К. К. Александрова-Дольника от 24 сентября 1906 г. № 9568 [5])

Милостивый государь,

Константин Константинович.

Подольский губернатор, отношением от 22 минувшего августа, за № 10139, сообщил Главному управлению по делам печати, что в книж-

[1]) ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 25, ч. 13, л. 32.

[2]) Имеется в виду совещание пропагандистов, агитаторов и партийных работников Петербургской организации РСДРП, состоявшееся 20 (7) июля 1906 г. в Петербурге и посвященное обсуждению вопроса о тактике социал-демократии в Госуд. думе. Ленин выступал на этом собрании с докладом о тактике социал-демократической фракции в Госуд. думе.

[3]) «Мысль» — ежедневная политическая и литературная газета, легальный орган партии социалистов-революционеров, выходила в Петербурге с 3 июля (20 июня) 1906 г. по 20 (7) июля 1906 г., перед роспуском I Госуд. думы газета была закрыта. Всего вышло 15 номеров.

[4]) ДП, перлюстрация, 1906 г., № 6365.

[5]) ЛОЦИА, Канц. Гл. упр. по делам печати, II отд., 1906 г., д. № 837, л. 3.

ных магазинах вверенной ему губернии, между прочим, обращаются в продаже брошюры крайне революционного характера и даже открыто призывающие к вооруженному восстанию, причем как на образец брошюр этого последнего рода действительный статский советник Эйлер указывает на произведение Н. Ленина, под заглавием «Роспуск Думы и задачи пролетариата». Книгоиздательство «Новая волна». Москва, 1906 г. Цена 4 коп.

Принимая во внимание, 1) что, по имеющимся в Главном управлении по делам печати сведениям, против лиц, виновных в составлении, издании и отпечатании брошюры Ленина, Московским комитетом по делам печати, еще 12 минувшего августа, возбуждено судебное преследование, по ст. 103 и п. п. 1 и 2 ст. 129 угол. улож., с наложением на эту брошюру ареста, 2) что, согласно ст. 10 отд. VII закона 24 ноября 1905 г. (сравн. отд. VI закона 26 апреля 1906 г.), распоряжение об аресте должно быть или оставлено в силе или отменено подлежащим судебным установлением и 3) что сведений о результате возбужденного по брошюре Ленина судебного преследования в Московский комитет по делам печати до настоящего времени не поступало и что поэтому Главное управление по делам печати лишено возможности сделать распоряжение об изъятии вышеупомянутой брошюры из обращения, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не признано ли будет возможным ускорить разрешением означенного дела и о последующем почтить меня уведомлением.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Бельгард.

Отношение прокурора Московской судебной палаты К. К. Александрова-Дольника на имя начальника Главного управления по делам печати А. В. Бельгарда от 29 сентября 1906 г. № 5377 [1])

Милостивый государь
Алексей Валерианович.

Вследствие письма от 24 сего сентября, за № 9568, имею честь уведомить ваше превосходительство, что арест, наложенный Московским комитетом по делам печати на брошюру «Роспуск Думы и задачи пролетариата», книгоиздательство «Новая волна», Москва, 1906, цена 4 коп., определением Московской судебной палаты от 6 сего сентября утвержден.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

К. Александров-Дольник.

Выписка из письма с подписью «А. Ф.», С.-Петербург, от 18 ноября 1906 г., к Николаю Яковлевичу Дроздову, в Москву, М. Бронная, д. Гирша, кв. 117 [2])

По рассказам работающей здесь публики, рабочие мало интересуются Думой; у некоторых создалось даже самостоятельно бойкотист-

---

[1]) ЛОЦИА, Канц. Гл. упр. по делам печати, II отд. 1906 г., д. № 837.
[2]) ДП, перлюстрация, 1906 г., д. № 8057.

ское настроение. Приготовление к избирательной кампании внесло мало оживления в работу и так же, как у вас, не уничтожило грызни между большевиками и меньшевиками. Народа для всей работы нужно много, а студенчество настойчиво зубрит к экзаменам и мало помогает.

Здесь хотят выставить кандитатуру Гольденберга, Рожкова, Луначарского и Дана, а от Москвы, как вы, вероятно, знаете, выставят Ленина [1]). В Думу, значит, попадут преимущественно большевики.

Выписка из письма с подписью «Твой Нуте», Одесса, от 22 ноября 1906 г., к Вейнштейну, для Менделя, в Варшаву, Чисте, еврейская больница, 6-е отделение [2]).

Поделюсь тем, что было на недавно состоявшейся конференции всероссийской [3]). Изложу тебе смехатично, потому что скоро выйдут протоколы этой конференции и тебе удастся подробнее ознакомиться [4]).

Присутствовали на конференции 32 члена с решающими голосами, в том числе представители от Бунда и Польской С.-Д. Всего заседаний было 8. Первое было посвящено выборам президиума. Было предложено 2 списка кандидатов. 1-й список: Загорский, Ленин и Абрамович, 2-й список: Ленин, Загорский и Варский. После непродолжительных прений был выбран президиум из 4-х лиц: Загорский — 29 голосов, Ленин — 27, Абрамович — 19 и Варский — 14.

Затем было приступлено к выработке порядка дня. 18-ю против 14-ти принят следующий порядок дня:

I. Избирательная кампания. II. О партийном съезде.

III. О рабочем съезде. IV. Борьба с черносотенцами.

V. О партизанских выступлениях.

По I пункту порядка дня было 4 докладчика: Ленин, Мартов, Варский (от Польской С.-Д.) и Абрамович (от Бунда).

По II пункту порядка дня был докладчиком тов. Богданов. Созыв экстренного съезда был большинством голосов отклонен, но постановлено созвать очередной съезд не позже 15 марта будущего года.

Затем III и IV пункты порядка дня были слиты в один под названием «О партийной дисциплине».

О последнем пункте, т. е. о партизанских выступлениях, докладчик не успел нам доложить. Могу только сказать, что настроение конференции по отношению к этому вопросу было очень враждебно. Одним из товарищей финских с.-д. было произнесено приветствие РСДРП и пожелание ей успехов.

Отношение Петербургского комитета по делам печати на имя петербургского градоначальника от 2 декабря 1906 г. № 2983 [5]).

С.-Петербургский комитет по делам печати, усмотрев в отпечатанной в типографии О. И. Пастора (Литейный, 60) брошюре под заглавием «Книгоиздательство «Наша мысль». Н. Ленин. «Победа кадетов и задачи рабочей партии», ц. 30 к., признаки преступления, постановил:

---

[1]) Речь идет об избирательной кампании во II Госуд. думу.

[2]) ДП, перлюстрация, 1906 г., д. № 8332.

[3]) Речь идет о Второй конференции РСДРП («Первой всероссийской»), происходившей 16—20 (3—7) ноября 1906 г. в Таммерфорсе.

[4]) Резолюции конференции см. Ленин, Сочинения, изд. 2, т. X, стр. 438—440.

[5]) ЛОЦИА, Петерб. комитет по делам печати, 1906 г., д. № 305, л. 1.

наложить арест, на основании ст. 3 отд. IV именного высочайшего указа правительствующему сенату от 26 апреля 1906 года.

Сообщая о вышеизложенном, С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство сделать соответствующие распоряжения. Председательствующий [подпись].

Секретарь [подпись].

Отношение Петербургского комитета по делам печати на имя прокурора Петербургской судебной палаты от 2 декабря 1906 г. № 2984 [1]).

Старший инспектор типографий в С.-Петербурге препроводил в С.-Петербургский комитет по делам печати экземпляр брошюры под заглавием: «Н. Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии». «Книгоиздательство «Наша мысль» (Литейный пр., 60, кв. 9). Цена 30 коп. Типография О. И. Пастора (Литейный, 60).

Повидимому, брошюра эта была написана и появилась в свет еще до открытия первой Государственной думы.

Автор ее не видит никакого выхода для русского народа из ее нынешнего положения, кроме революционного. Все это произведение — сплошной призыв к вооруженному восстанию и к диктатуре пролетариата. Это составляет все содержание брошюры, и в полемике с своими противниками, кадетами и Плехановым — г. Ленин только на разные лады варьирует одну и ту же тему. Все особо резкие места отмечены синим карандашом. Страницы 46—53 дают достаточное представление о тоне и идеалах автора. Брошюра подлежит аресту и судебному преследованию по п. 1 ст. 129.

Ввиду изложенного Петербургский комитет постановил: 1) привлечь к законной ответственности, по силе п. 1, ст. 129 угол. улож. суд. 1905 г., виновных в напечатании брошюры и 2) наложить на нее арест на основании ст. 3 отд. IV временных правил для неповременной печати 26 апреля 1906 г.

Сообщая о сем, комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против автора брошюры Н. Ленина (имя, отчество, звание и местожительство его комитету неизвестны), а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу.

Экземпляр брошюры при сем препровождается.

Председатель член комитета граф Головин.

Из протокола дознания Петербургского губернского жандармского управления по делу Л. М. Прохорова 19 июня 1908 г. [2])

В декабре 1906 года в одной аудитории дома графини Паниной происходила общегородская конференция с.-д. На этой конференции был Ленин. Председателем на этой конференции был бывший рабочий Невского завода Цисарин, секретарем же женщина под кличкой «Дяденька» [Л. М. Книпович] — секретарша Петербургского комитета с.-д.

Леонид Марков Прохоров.
Подполковник Ил. Горленко.

---

[1]) ЛОЦИА, Петерб. комитет по делам печати, 1906 г., д. № 305, л. 2. Воспроизводится с отпуска.

[2]) ДП, о. о., 1908 г., д. № 514, л. 2—4.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.
№ 19
Условія подписки
Новая Жизнь
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СРЕДА, 23-го НОЯБРЯ 1905 Г.
Въ этомъ № 6 страницъ.
„НОВАЯ ЖИЗНЬ"
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЖАЛО
Еврейскій Рабочій"
Залъ Тенишева
КОНЦЕРТЪ
В. И. Касторскаго

„Новая Жизнь" от 23 ноября 1905 г. с передовой статьей В. И. Ленина „Умирающее самодержавие и новые органы народной власти".

Выписка из письма Георгия Мелкумяна, Харьков, от 14 февраля 1907 г., к Розе Линда, в Астрахань [1]).

Я показал тебе фактами, как ЦК стремится к тому, чтобы «меньшевистская» тактика стала единственной тактикой партии и как он

[1]) ДП, перлюстрация, 1907 г., д. № 1738.

старается везде выдвинуть «меньшевиков». В случае каких-либо столкновений между представителями обеих фракций ЦК, игнорируя элементарные основы справедливости, оправдывает меньшевиков и старается дискредитировать в глазах массы большевиков. Видимо, большевики не дают покоя меньшевикам, несмотря на то, что недавно видный лидер последних Негорев [Иорданский Н. И.] в «Невской газете» [1]) объявил большевизм вымирающим и приглашал «беспощадно» ликвидировать его «остатки». Можно голоса большевиков подавить числом, но уничтожить большевизм как течение немыслимо. В своих действиях ЦК дошел до того, что начал вмешиваться во внутренние дела тех организаций, в которых преобладают большевики, при этом грубо нарушались автономные права этих организаций — протесты оставались гласом вопиющего в пустыне. ЦК всеми средствами стремится в тому, чтобы задушить «злых» большевиков.

Вышла брошюра Ленина, посвященная последнему расколу «меньшевиков» в петербургской организации [2]). ЦК передает эту брошюру на товарищеский суд [3]). Нападки всегда бывали с обеих сторон — почему на этот раз ЦК желает за это судить нашего товарища, пока неизвестно.

Отношение Московского комитета по делам печати в Главное управление по делам печати от 22 февраля 1907 г. № 549 [4])

Сделав сего числа распоряжение о наложении арестов на две брошюры, под заглавиями: 1) «Российская социал-демократическая рабочая партия. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Н. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. М. 1905. Цена 60 коп.» и 2) «П. Алферьев. Первый дебют русского парламента. М. 1907 г. Цена 20 коп.», Московский комитет по делам печати имеет честь довести о изложенном до сведения Главного управления по делам печати, во исполнение циркулярного распоряжения от 29 декабря минувшего года, за № 13785, и в дополнение к представлению своему от 17 сего февраля, за № 496.

При этом присовокупляется, что первая брошюра, без фирмы типографии, прислана в комитет, среди других изданий, при предписании Главного управления по делам печати от 5 сего февраля за № 1671, а вторая поступила в комитет из московской типографии т-ва И. Н. Кушнерев и К-о.

Председательствующий [подпись].

Секретарь Г. Креницын.

---

[1]) «Невская газета» — ежедневная газета, легальный орган меньшевиков. Выходила в Петербурге с 15 (2) мая 1906 г. Вышло всего 10 №№. Последний (10-й) № вышел 26 (13) мая 1906 г., после чего газета была закрыта правительством. «Невскую газету» заменил «Курьер».

[2]) Речь идет о брошюре Ленина «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика», вышедшей в январе ст. ст. 1907 г. (см. т. X Сочинений Ленина, стр. 303—315).

[3]) Постановление ЦК по поводу указаний брошюры Ленина см. в «Красной летописи», 1923 г., № 9, стр. 68—69.

[4]) ЛОЦИА, Канц. Гл. упр. по делам печати, II отд., 1907 г., д. № 395, л. 1.

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже Гартинга в департамент полиции от 1 марта 1907 г. № 85 [1])

Имею честь донести вашему превосходительству только что полученные нижеследующие первые сведения о действующих в С.-Петербурге социал-демократах:

1) «Никитич» — Леонид Борисович Красин, инженер, служит в «Обществе электрического освещения», улица Гоголя, № 44, среднего роста, стройный и худой, темный шатен (совершенно темно-каштановый), мягкие волосы, борода вокруг всего лица, усы того же цвета, нос чуть-чуть вздернут, на лбу и под глазами морщины; имеет на вид лет 35—40.

2) Орловский, настоящая фамилия коего Воровский, Вацлав Вацлавович, живет по Верейской улице, дом № 3, кв. 18, у Вейнберга. Он состоит редактором журнала «Вестник жизни» [2]) (Невский, № 102) и социал-демократической «большевистской» газеты «Новый Луч» [3]) (Загородный пр., дом № 9, кв. 30). Печатается эта газета в типографии «Дело» (Большой Казачий пер., дом № 9). В этой типографии по вечерам от 9 до 11—11½ часов происходят собрания редакции, куда входят: Лейтайзен, Иосиф Гольденберг (высокий, черный, с большой бородой; выдающийся оратор, руководивший предвыборной кампанией в Петербурге); Радомысльский, живший ранее в Берне; Петр Петров Румянцев (10 Рождественская ул., дом № 41, кв. № 3), Сергей Александров Суворов (Забалканский, 34-В, кв. 17, у Рудакова, среднего роста, черный, худой, в очках, черная плохая бородка, наполовину не имеет зубов); Войтинский, сотрудничающий под именем Сергея Петрова, и Ленин. Днем эта редакция собирается от 12 до 2-2½ часов в «Вестнике жизни» (Невский пр., № 102); по воскресеньям же вся редакция с сотрудниками часов от 5 до 10½ вечера съезжаются в Куокаллу, villa Vasa квартира Лейтайзена, где живут Ленин с женой и Богданов. В Куокалле же поселился известный по Берлину Левит-Левид и Александр Цейтлин, убежавший из-под ареста в С.-Петербурге.

Кроме того «большевики» имеют на Караванной ул., № 9, книжный склад и издательство «Вперед», которыми заведует Бонч-Бруевич и жена его (Величкина). Затем они издают нелегально, повидимому, в Выборге, две газеты: «Пролетарий» [4]) и «Вперед» [5]), о чем будет сообщено дополнительно.

---

[1]) ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 51, т. I, лл. 196—198.

[2]) «Вестник жизни» — еженедельный научный, литературный и политический журнал, легальный орган большевиков. Выходил в Петербурге с 12 апреля (30) марта по 2 декабря (19 ноября) 1906 г. Всего вышло 13 №№. В 1907 г. был превращен в ежемесячник — вышло 7 №№. «Вестник жизни» выходил под общей редакцией П. П. Румянцева при участии В. И. Ленина, Л. Каменева, А. Луначарского, И. Гольденберга и др.

[3]) «Новый луч» — большевистская ежедневная политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге с 5 марта (20 февраля) 1907 г. Вышло всего 7 №№.

[4]) «Пролетарий»—нелегальный орган Московского и Петербургского комитетов РСДРП, фактически орган большевистского центра. Начал выходить 3 сентября (21 августа) 1906 г. в Финляндии. С № 3 по № 5 включительно и Московского окружного комитета, а с № 5 по № 11 Пермского и Курского комитетов, с № 11 по № 20 включительно и Казанского комитета. В конце 1907 г. (с № 21) издание «Пролетария» было перенесено сначала в Женеву, а потом в Париж, где он издавался до конца 1910 г. Всего вышло 50 №№.

[5]) «Вперед» — ежедневная большевистская легальная газета, выходившая в Петербурге с 8 июня (26 мая) 1906 г. взамен закрытой «Волны». Фактически редакто-

3) Раиса Лемберг, урожденная Лифшиц (из Берлина), носит кличку «Вера»; заведует районным комитетом на Выборгской стороне; живет: Невский, д. № 147.

4) Владимир Шанин, 1-я Рождественская ул., дом № 12, кв. № 59, агитировал перед выборами.

5) Бубнов, член комитета в Иваново-Вознесенске; проживает в настоящее время в Петербурге, 7 рота, дом № 18, кв. 19.

Центральный вертеп всех районных комитетов, Центрального комитета и Петербургского комитета помещается в Технологическом институте, в столовой. Там есть комната, которая так и называется «Секретариат Центрального комитета» и «Секретариат Петербургского комитета». Чтобы туда попасть, необходимо иметь пароль — от «меньшевиков»: «От Акима», а от «большевиков»: «От Макара Матвеевича». На втором этаже помещается столовая, а на третьем все секретариаты, где собираются от 3 до 5 часов дня и после обеда. Там бывают: Елена Стасова, Надежда Константиновна Ленина, Виктор Николаевич Крохмаль-Загорский и еще другие лица, о которых будет сообщено дополнительно.

«Меньшевики» имеют издательство «Новый мир» (Николаевская № 61), которым заведует Дмитрий Павлович Калафатти, ликвидировавший дела «меньшевиков» в Женеве вместе с живущим там Нончевым. Он бывает там от 10 до 4 часов. Бухгалтерию издательства ведет некий Афанасий, настоящая фамилия которого Вейцман, — он очень дельный социал-демократ, работал в Таганроге и Ростове-на-Дону с Крохмалем (высокого роста, красивый, черный, большие усы и борода, носит пенснэ; заикается).

Съезд социал-демократов должен состояться между 1 и 10 апреля старого стиля[1]), и на нем, вероятно, будут присутствовать человек 200—250. Созыв его оттягивается за недостатком средств, которых для его осуществления потребуется до 50.000 рублей. «Меньшевики» и «большевики», каждые отдельно, изыскивают нужные деньги, рассчитывая таким способом побольше провести своих делегатов. Центральному заграничному бюро в Берлине поручено послать доверенное лицо в Стокгольм, Христианию и Копенгаген с целью выяснить, не сможет ли здание Народного дома одного из этих городов служить местом съезда. Есть надежда, что в съезде примет участие агентура, которая, возможно, что будет даже располагать двумя мандатами.

Выяснено, что, если опыты с пулеметом изобретения Мартенса, производимые в Лондоне, окажутся успешными, то Центральный комитет Российской с.-д. рабочей партии даст необходимые средства на их изготовление.

Заведующий заграничною агентурою А. Гартинг.

Циркуляр департамента полиции начальникам районных охранных отделений от 4 апреля 1907 г. № 6355[2])

В дополнение к циркулярному предложению от 2 минувшего марта, за № 3389, департамент полиции предлагает вашему высокоблаго-

тором газеты был Ленин. Вышло всего 17 №№. 27 (14) июня 1906 г. газета была закрыта. Ее заменило «Эхо».

[1]) Речь идет о V съезде РСДРП, состоявшемся 13 мая — 1 июня (30 апреля — 19 мая) 1907 г. в Лондоне.

[2]) ДП, циркуляры, 1907 г., № 58, л. 9.

родию обратить особое внимание на деятельность во вверенном вам районе фракции социал-демократической рабочей партии — «большевиков», так как меньшевистские группы по настроению их в настоящий момент не представляют столь серьезной опасности, как большевики.

За вице-директора Васильев.

За заведующего особым отделом Павловский.

Ведомость о лицах, подлежащих розыску, от 10 апреля 1907 года. № 1755 [1])

№№ по пор.	Звание, происхождение, имя, отчество, фамилия, лета, вероисповедание и прозвище, если таковое имеется	Приметы	Состоял ли под стражею или под надзором полиции и по какому делу	Где проживал последнее время и по какому делу	Имеет ли семейство, родных и где они проживают	Куда должен быть направлен по розыскании
	Потомственный дворянин, Владимир Ильич Ульянов, 42—44 лет, православный, пишет под псевдонимом „Н. Ленин“	Среднего роста, блондин, особых примет нет	Неизвестно. По моему делу не состоял [2])	До декабря 1905 г. СПБ, по Греческому проспекту, д. № 15—8, кв. 9 от'явлен в Финляндию	По паспорту женат, но имя и адрес жены неизвестны	К судебному следователю 27-го участка. гор. СПБ, у которого обвиняется по 1 и 2 п. 129 ст. уголовн. уложения

И. д. судебного следователя 27-го участка г. С.-Петербурга В. Середа

Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции от 11 апреля 1907 г. № 8995 [3])

Ввиду постоянных недоразумений между ЦК, ПК и местными районными комитетами Петербургской РСДРП членами упомянутой партии внесены были предложения в ЦК о созыве общегородской конференции для изыскания способов устранения существующей розни. Для большей продуктивности партийной работы, т. е. для реорганизации всей Петербургской организации с.-д. 25 минувшего марта в г. Терриоках, на даче Оттенета, по Церковной улице, состоялась общегородская конференция в составе 136 человек (91 большевиков и 45 меньшевиков) под председательством Ленина, Алексинского, Рожкова и студента С.-Петербургского университета Аполлонова [4]).

Выборы на конференцию были двухстепенные, от 50 человек по 1. Всего голосовало 6 778 человек.

Результаты заседания следующие.

Руководящим органом Петербургской организации является общегородская конференция, которая собирается не менее двух раз в месяц и переизбирается через каждые 6 месяцев. От нее исходит инициатива всей партийной работы в С.-Петербурге.

---

[1]) ДП, VII, 1907 г., д. № 1, ч. 73, лл. 206—207.

[2]) Какое именно дело было у судебного следователя 27-го участка г. Петербурга установить не удалось. В 1906—1907 гг. В. И. Ленин привлекался по делу о брошюрах «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и «Доклад об объединительном съезде РСДРП».

[3]) ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 51, т. I, л. 290—291.

[4]) Речь идет о первой сессии социал-демократической конференции Петербургской организации. В «Датах жизни и деятельности Ленина», изд. Института Ленина, 1931 г., сведений о присутствии Ленина на этой конференции не имеется.

Для проведения в жизнь партии ее постановлений она избирает из своего состава исполнительную комиссию, состоящую из двух представителей от каждого района и одного секретаря. В данное время исполнительная комиссия состоит из 19 человек (15 большевиков и 4 меньшевиков).

Что же касается вопроса о представительстве военно-боевой организации в упомянутой комиссии, то он будет разрешен в следующем заседании конференции.

Исполнительная комиссия для планомерной работы, в свою очередь, также из своей среды избирает исполнительное бюро, в состав которого входят: ответственный агитатор-пропагандист, ответственный литератор, секретарь и 2 члена.

Кроме того, независимо от исполнительного бюро, выбирает кассира, который в бюро не входит.

Ведению исполнительного бюро подлежит общее руководство: 1) школами агитаторов и пропагандистов, как из интеллигенции, так и из среды рабочих, 2) выпуском агитационной литературы для местной организации и 3) исполнением директив общегородской конференции, перед которой оно и отчитывается.

Районные комитеты переименованы в районные конференции и в своих действиях ответственны лишь перед общегородской конференцией, по отношению же исполнительной комиссии автономные функции районных конференций те же, что и исполнительной комиссии, но только в своем районе.

Денежные сборы лежат на обязанности районных конференций, которые отчисляют определенный процент в исполнительную комиссию и последняя в общегородскую конференцию [1]).

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник Герасимов.

Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже Гартинга в департамент полиции от 4 мая 1907 г. № 170 [2])

Имею честь доложить вашему превосходительству, что в Бюро съезда Российской социал-демократической рабочей партии в Лондоне [3]) избрано 5 человек:

1) От «большевиков» Ленин.
2) От «меньшевиков» Дан.
3) От поляков Тишко [Тышко].
4) От «бундовцев» Виницкий-Медем и
5) От латышей — Азис (кажется, Азоль, [Озоль] член Государственной думы).

Первое заседание, 13 мая, ушло всецело на выборы бюро и чтение имеющих право голоса решающего и совещательного. В конце заседания произошел небольшой скандал, так как 3—4 «меньшевика» подали протест против избрания Ленина, но «большевики» не дали дочитать, подняв отчаянный крик, и собрание было закрыто.

---

[1]) Конференцией был принят в основу предложенный ПК (большевиками) план реорганизации Петербургской организации РСДРП (опубликован в «Красной летописи» 1931 г., № 2, стр. 78—79).

[2]) ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 80, т. 2, лл. 153—154.

[3]) Речь идет о V съезде РСДРП.

Второе заседание происходило 14 мая; председательствовал Медем. Весь день ушел на обсуждение регламента, т. е. как производится голосование, сколько минут давать на доклады, сколько на отчеты, сколько ораторам и т. п.

Третье заседание происходило 15 мая и было посвящено обсуждению порядка дня съезда. Председательствовал Тишко. На фракционном собрании «большевиков» был выработан следующий проект:

1) Отчет Центрального комитета.
2) Отчет думской фракции и ее организация.
3) Современный момент.
4) Классовые задачи пролетариата в современный момент буржуазно-демократической революции.
5) Отношение к буржуазным партиям.
6) Обострение экономической борьбы и экономической нужды.
7) Профессиональные союзы и партия.
8) Рабочий съезд и беспартийная организация.
9) Отношение к Государственной думе.
10) Работа в армии.
11) Об участии членов партии в буржуазной прессе.
12) Подготовка к вооруженному восстанию и боевые организации.
13) Партизанские выступления.
14) Организационные вопросы и разное..

Из этих пунктов приняты съездом следующие: 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 13. Пункты же 3, 4, 11 и 12 отклонены. Еще будет обсуждаться о праздновании 1-го мая и милитаризме; предложено поляками.

Из ораторов выступали: от «Бунда» — Абрамович, Медем, Зельцер и Либер (Гольдман); от поляков: Тишко, Залевский, Мархлевский; от «большевиков»: Ленин, Гольденберг, Каменев, Мандельштам, Алексинский, Станислав, Рожков, Покровский, Емельян; от «меньшевиков»: Плеханов, Мартов, Мартынов, Троцкий.

Получены сведения, что «Центральный комитет» находится без средств. Он хотел послать Максима Горького к кое-каким английским богачам достать взаймы 25 тысяч рублей, но Горький отказался иметь дело с меньшевистским Центральным комитетом. «Большевики» также находятся без денег, но они должны получить из Петербурга от «Никитича» [Красин], и, кроме того, их поддерживает Горький.

Ввиду настоящий агентуры о высылке средств, я, по получении денег, о которых ходатайствовал в телеграмме от 15(2) мая, выеду на день или два в Лондон для помощи агентуре.

Заведующий заграничною агентурою А. Гартинг.

Отчет о заседании V съезда РСДРП от 21 мая [1907 г.][1])

Заседание 21 мая было посвящено дискуссии по докладам о деятельности думской фракции. В числе ораторов выступали раньше всего несколько депутатов Думы: Джапаридзе, Белоусов, Петров, Нестеров[2]), они ничего нового не внесли в доклад, а только более подробно

[1]) Заголовок подлинника. Публикуемый «Отчет» был представлен в департамент полиции заведующим заграничной агентурой в Париже 11 (24) мая 1907 г. при отношении за № 186; хранится в деле ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 80, т. 2, лл. 197—198.

[2]) На V съезде присутствовало 10 членов социал-демократической фракции II Государственной думы.

остановились на некоторых пунктах деятельности Думы. Джапаридзе защищал фракцию за ее хождение на совещание с кадетами и партией народовой [1]), другие нападали или защищали политику фракции за ее позицию по продовольственному вопросу, по бюджетному и т. п. Затем выступал Череванин из Москвы: он—отъявленный оппортунист и всецело стоит за соглашение со всеми кадетами и народовцами и вполне поддерживает позицию меньшевиков. Затем говорили Вячеслав (Рожков) от большевиков, Тышко и Залевский — от поляков, Троцкий — от центра, состоящего из Бунда, отчасти поляков и латышей и стоящего за компромиссные решения, умеряющие борьбу меньшевиков и большевиков. Тышко и Залевский и Троцкий принципиально на стороне большевиков и резко критиковали деятельность думской фракции. Троцкий же только нападал на большевиков за их резкость по отношению к меньшевикам в борьбе, в резолюциях. Он требовал резолюции мягкой, под которой могли бы подписаться и Бунд, и поляки, и латыши. Ему отвечал Ленин.

Вообще Ленин—самый блестящий оратор на съезде. Стоит он на крайней революционной точке зрения, говорит с необыкновенным жаром и захватывает даже своих противников. Он крайне резко разбил все доводы и оправдания меньшевиков и очень резко ответил Троцкому и центру за их метание от одной стороны к другой, за их шатания и их нерешительность и предлагал всем присоединиться к резолюции большевиков, к резолюции вполне приемлемой. После него говорили Дан и Рядовой [Богданов]. Дан произнес речь очень горячую, речь в защиту фракции, и внес вместе с Мартовым резолюцию, просто выражающую доверие думской фракции. После речи Рядового прения были закрыты и решено дать слово двум ораторам от каждой фракции.

Отчет о заседаниях социал-демократического съезда в Лондоне за 25 (12) и 27 (14) сего мая [1907 г.] [2])

Оба заседания, за 25 и 27 мая, были посвящены обсуждению вопроса об отношении к буржуазным партиям. Докладчиками выступали четверо: Ленин, Люксембург, Мартынов и Абрамович. Ленин, стоя на точке зрения развития революции, совершаемой пролетариатом и крестьянством посредством вооруженного восстания, подготовляемого социал-демократической партией, отстаивал решительную борьбу с реакцией, правительством и буржуазными партиями вплоть до кадетов. Со всеми же левыми партиями: трудовиками, социалистами-революционерами, народовиками он рекомендовал блок, втягивание их в революцию и т. п. [3]). На этой же точке зрения стояла и Роза Люксембург. Мартынов и Абрамович стояли, наоборот, за использование и кадетов, так как реформы, которые завоеваны, слишком незначительны, чтобы они могли удовлетворить буржуазию; поэтому последней предстоит еще тоже сыграть некоторую революционную роль, и социал-демократам вследствие этого нельзя отказываться от соглашения с ними, т. е. кадетами.

---

[1]) «Народовцы» (национал-демократическая партия) — партия польской буржуазии.

[2]) Заголовок подлинника. Публикуемый «отчет» был представлен в департамент полиции заведующим заграничной агентурой в Париже 17 (30) мая 1907 г. при отношении за № 202; хранится в деле ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 80, т. 2, лл. 254—255.

[3]) Доклад Ленина «Об отношении к буржуазным партиям» — см. т. XI Сочинений Ленина, стр. 245—254.

Из ораторов в дискуссии выступали в защиту крайней революционной точки зрения Станислав, Троцкий, Покровский, Тышко; в защиту же оппортунистической точки зрения Мартов, Плеханов, Либер. 27 мая давали свои заключительные слова докладчики, и вопрос был исчерпан часам к 12. Резолюция еще не принята, и остальное время означенного числа было посвящено обсуждению, когда съезд закрыть: решено — в субботу, если на пятницу и субботу достанут помещение, так как из церкви [1]) в четверг уже выгоняют. Обсуждали часа два — три, как достать денег на дорогу, как вдруг явился Дейч и заявил, что он с помощью Фанни Степняк достал у одного богатого англичанина 1.700 фунтов и 300 фунтов прислал берлинский Vorstand Vorwärts'a.

На съезде 27 (14) мая опять был скандал. Дело в том, что меньшевики, предвидя победу большевизма с вооруженным восстанием, партизанскими выступлениями и т. п., прилагают все усилия к тому, чтобы сорвать съезд, дабы остались впредь резолюции Стокгольмского съезда. Но так или иначе, успеет ли съезд принять новые резолюции или нет, ясно намечается поворот социал-демократов к революционным методам борьбы, к втягиванию в революцию других крайних элементов и т. п. Все речи, как большевиков, так и меньшевиков, ясно подчеркивают итог, что меньшевизм, расцветший благодаря Думе, с течением времени, когда Дума показала свою импотентность, вымирает и снова дает простор большевистским или, вернее, крайне революционным течениям.

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже Гартинга в департамент полиции от 9 июня 1907 г. № 246 [2])

Его превосходительству господину директору
департамента полиции.

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным из совершенно секретного источника сведениям, не подлежащим оглашению, Ленин живет в Финляндии по паспорту, выданному в Берлине на имя германского подданного, типографщика Эрвина Вейкова (Erwin Weykoff), родившегося в городе Hameln'е 16 июля 1862 года.

Заведующий заграничною агентурою А. Гартинг.

Справка департамента полиции от 16 июня 1907 г. [3])

Владимир Ильин Ульянов (Ленин) состоит под наблюдением с с 1887 года. В 1896 году привлечен был по делу о «С.-Петербургских социал-демократических кружках» и по высочайшему повелению, 29 января 1897 года выслан был в Восточную Сибирь на 3 года. По возвращении из ссылки выехал за границу в мае 1900 года и вошел в состав Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Циркуляром департамента от 22 июня 1901 года предписано было арестовать Ульянова в случае появления в России, но в 1905 году, после воспоследования манифеста 21 октября 1905 г., распоряжение это отменено, и ныне Ульянов ни по каким делам не разыскивается.

Агентурные сведения о нем за последнее время сводятся к следующему: проживал он в Куоккале, дача «Villa Vasa», квартира Лейтен-

1) Съезд происходил в помещении одной из лондонских церквей.

2) ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 51, т. 2, л. 47. Опубл. в «Красной летописи», 1927 г., № 1, стр. 37.

3) ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 51, т. 2. лл. 50—51. Опубл. в «Красной летописи», 1927 г., № 1, стр. 38.

зен, и по праздникам его посещали лица, составляющие центр с.-д. Жена его состояла в секретариате Центрального комитета. Ульянов участвовал в Лондонском съезде и выбран кандидатом в члены Центрального комитета. Принадлежит к фракции большевиков.

Старший помощник делопроизводителя Павловский.

Отношение департамента полиции на имя начальника Петербургского охранного отделения от 18 июня 1907 г. № 128573 [1]).

Препровождая при сем копию донесения заведующего заграничной агентурой от 22 (9) июня, за № 246, департамент полиции предлагает вашему высокородию в возможно непродолжительном времени сообщить все имеющиеся во вверенном вам отделении данные о Владимире Ильине Ульянове (Ленине) начальнику Петербургского губернского жандармского управления для возбуждения о нем формального дознания, причем генерал-майору Клыкову надлежит, по привлечении Ульянова в качестве обвиняемого, возбудить вопрос о выдаче его из Финляндии.

К сему департамент присовокупляет, что сведения о прежней революционной деятельности Ульянова и о месте жительства его в последнее время изложены в розыскном циркуляре от 22 июня 1901 года за № 2234 и записке департамента от 7 марта текущего года за № 3383.

За вице-директора Васильев.

За заведующего особым отделом Павловский.

Циркуляр департамента полиции от 23 июня 1907 г. № 150034/11 [2])

Препровождая при сем для зависящих распоряжений списки А и Б разыскиваемых лиц и 528 экземпляров разыскных карт, департамент полиции просит подлежащие власти, в случае обнаружения кого-либо из упомянутых лиц, немедленно привести в исполнение указанные в соответствующих графах списка требования разыскивающих их учреждений, при получении сего указаний, могущих содействовать розыску, уведомить о сем департамент.

И. д. директора П. Курлов.

Заведующий отделом Лебедев.

Список А.

По розыске нижепоименованных лиц, надлежит немедленно их арестовать, обыскать и затем поступить с ними согласно указанного в пункте 1 каждой розыскной статьи требования разыскивающих учреждений и уведомить об исполнении департамент полиции на предмет прекращения розыска.

. . . . . .

2611. Владимир Ильин Ульянов (псевдоним Н. Ленин).

а) Потомственный дворянин, 42—44 л., православный, женат, г) роста среднего, блондин, е) С. Петербург, Греческий пер., 15—8, кв. 9, ж) С.-Петербургский окружной суд [3]), з) 1 и 2 п. 129 ст. уг. ул., и) аре-

---

[1]) ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 51, т. 2, лл. 48—49. Опубликовано в «Красной летописи», 1927 г., № 1, стр. 37.

[2]) ДП, роз. цирк. 1907, 1908, 1909 гг.

[3]) В объяснении к циркуляру под литерой «ж» значится следующее: «Каким жандармским управлением или судебным учреждением или должностным лицом и где именно привлечен или по какому постановлению подвергнут высылке или надзору?».

стовать, обыскать, препроводить, в распоряжение судебного следователя 27 уч. г. С.-Петербурга, к) 7 делопроизводство [департамента полиции].

Выписка из письма, с подписью «Твой Васюк», Куоккала (Финляндия), от 11 июля 1907 г., к Берте Исааковне Мейксин, в Одессу, Базарная ул., д. № 27, кв. 9 [1]).

8-го июля [ст. ст.] в Териоках состоялась общегородская конференция Петербургской организации РСДРП по вопросу о выборах в Думу [2]). Конференция была неожиданно прервана, резолюции не вынесла. Тем не менее успели наметиться 3 течения: 1) большевики — бойкотисты (докладчик Юр. Каменев), 2) меньшевики — антибойкотисты (докладчик Ф. Дан) — их взгляды общеизвестны, и 3) большевики — антибойкотисты (ленинцы...[3]), докладчик Ленин) во главе с Лениным. Доклад Ленина сводится к следующему: бойкот Думы — тактика целесообразная только тогда, когда он (бойкот) может вылиться, завершиться вооруженным восстанием. Теперь шансов на вооруженное восстание нет. Еще — бойкот вредная тактика при наличности пониженного настроения...[4]).

Выписка из полученного агентурным путем письма без подписи, С.-Петербург, от 16 июля 1907 г., к Елисавете Аполлоновне Семеновской, в Киев, Институтская, д. № 5, кв. 39 [5]).

Была я в Териоках на конференции Питерской, где решался вопрос об отношении к Госуд. думе [6]). Слышала Ленина и пришла в восторг. Ленин за участие в выборах; мотивирует это тем, что мы переживаем совсем другое время, чем во время первой Думы. Тогда было революционное настроение и лозунг «бойкот» мог перейти в вооруженное восстание, только в этом случае он и имеет смысл. А теперь бойкот будет только пассивным, что нежелательно.[7]). Из бойкотистов говорил Каменев, из ЦК. Он говорил, что бойкот необходим, потому что все равно с.-д. не пройдут, а участвуя в выборах, они создадут иллюзию, что Дума будет выбрана от всего населения. Нечего тратить энергию, а лучше ее обратить на экономическую борьбу. От меньшевиков говорил Дан. Этот — за участие, говоря, что с.-д. должны всегда участвовать во всех явлениях государственной жизни, а участвуя в выборах, публика будет политически воспитываться, что́ подымет настроение, и пр. Резолюции не выносили. Но ЦК выпустил листок с двумя тактиками ЦК, ибо 7 человек из ЦК приняли резолюцию за бойкот и 6 — против. Слушать лидеров нам пришлось при ужасной обстановке: сначала собрались в квартире трактирщика, — только что Ленин начал, как пришел хозяин

---

1) ДП, перлюстрация, 1907 г., № 6871.

2) Речь идет о Петербургской общегородской конференции РСДРП, происходившей 21 (8) июля и 27(14) июля 1907 г. в Териоках.

3) Одно слово не разобрано.

4) Тезисы доклада Ленина см. Сочинения, т. XII, стр. 43—44.

5) ДП, о. о., 1907 г., д. № 460, л. 85.

6) Речь идет о первом заседании Петербургской общегородской конференции РСДРП в Териоках 21 (8) июля 1907 г.

7) Тезисы доклада Ленина на этой конференции — см. Сочинения Ленина, т. XII, стр. 43—44.

и сказал, что полиция грозит ему закрыть трактир. Тогда пошли в лес. Шли для конспирации поодиночке, а дождь лил как из ведра, не дал и резолюции вынести.

Агентурные сведения департамента полиции от 17 июля 1907 г.[1]).

На-днях закончилась общегородская конференция РСДРП[2]). Последнее заседание было исключительно посвящено одному вопросу — об участии с.-д. партии в выборах в 3-ю Государственную думу.

По ходу прений последнее заседание явилось продолжением предыдущего. Лидер большевиков (Ленин), изменивший в этом году свою принципиальную точку зрения на выборы, как известно, явился в настоящее время горячим их поборником. В талантливой речи, которая явилась резюме произнесенного им на конференции доклада в защиту участия партии на выборах, оратор горячо и убедительно доказывал полную целесообразность новой своей тактической позиции.

Впечатление от речи на членов конференции было огромное. Затем из среды большевиков выступило несколько бойкотистов, доказывавших еще недавно полную бесцельность для партии «итти в Думу».

В общем прения носили, как с одной стороны, так и с другой стороны, страстный характер. По окончании их был поставлен на баллотировку вопрос об участии партии на выборах, причем он был принят большинством 33 голосов против 30. Подробную резолюцию ввиду позднего времени вынести не удалось: ее поручено [составить] специально образованной на сей предмет комиссии.

Выписка из полученного агентурным путем письма без подписи, Штутгарт, от 24 июля 1907 г., к А. И. Потехину, в С.-Петербург, Мало-Казачий пер., типогр. т-ва «Дело»[3]).

С нетерпением жду официального документа, который я просил достать, так как всего осталось 8 дней, в течение которых можно попасть на заседания «Интернационального социалистического конгресса»[4]). После 15 августа прекращаются все переговоры с временным бюро[5]). 18 августа местный с.-д. районный комитет устраивает здесь небывалый по грандиозности митинг. Митинг будет в долине — площади; будут 6 трибун и на каждой по 3 оратора. Будут Бебель, Зингер, Вандервельде, Гайдман и Ленин. Пишите: Штутгарт, ул. Канштаттер (Canstatterst), 97—11, г-ну Яуману (Jaumann), для С. Сендеровича.

Выписка из письма с подписью «Анат. Франс», С.-Петербург, от 5 сентября 1907 г., к Лидии Леонидовне Морозовой, в Москву, Разгуляй, Денисовский пер., д. Крушинского[6]).

На-днях состоялась Петербургская общегородская конференция, на которой тов. Ленин сделал доклад о международном социалистическом

---

[1]) ДП, о. о., 1907 г., д. № 615, лл. 7—8. К «Сведениям» приложена листовка «Тезисы доклада на Петербургской конференции 8 июля», см. иллюстрацию ее в библиографическом сборнике «С.-д. листовки 1894—1917 гг.», изд. Института Ленина, стр. 267.

[2]) Речь идет о втором заседании Петербургской общегородской конференции РСДРП — 27 (14) июля 1907 г. в Териоках.

[3]) ДП, о. о., 1907 г., д. № 356, л. 34.

[4]) Речь идет о Штуттартском конгрессе II Интернационала.

[5]) Имеется в виду бюро по созыву Штуттартского конгресса.

[6]) ДП, перлюстрация, 1907 г., д. № 7884.

конгрессе в Штутгарте [1]). Избран новый ЦК, в число членов которого попал и известный вам т. Измаил [Саммер]. Летом здесь работы не велось никакой. Теперь же начинает шириться организационная и агитационная работа. Начала снова выходить газета «Вперед» [2]), орган Петербургского, Московского, Московского окружного, Пермского и Курского комитетов РСДРП. Выборы в Окр. орг. состоятся 9 сентября и, по всей вероятности, дадут с.-д. уполномоченных [3]). На-днях состоится окружная районная конференция, которая и выберет ОК. Скажу еще несколько слов по поводу последнего (второго) письма ЦК ко всем организациям, в котором дается директива, как вести рекрутскую кампанию [4]). ЦК рекомендует итти в солдаты и связываться с местными пролетарскими организациями, а также вести агитацию среди молодежи и организовывать кружки из рекрут.

Копия письма с подписью «Н. К.» [Н. К. Крупская], из С.-Петербурга, от 4 октября 1907 г., к И. И. Гуковскому, в Баку, Комитет съезда нефтепромышленников, статистическое отделение [5])

Дорогие товарищи, из докладов ваших делегатов вы ознакомились с положением наших дел. Пишем о том, что у нас произошло за последние две недели. С поляками переговоры не привели ни к чему. Несмотря на максимальную уступчивость со стороны большевиков, спеться с ними не оказалось никакой возможности. Каждый день они предъявляли все новые и новые требования, которые затрудняли дело и гарантировали полную неработоспособность ЦО. Все здешние большевики единогласно пришли к заключению, что тянуть дольше канитель не стоит. Вопрос о ЦО остается открытым на неопределенное время, а большевики приступают к изданию «Пролетария». Озаботьтесь немедленной присылкой корреспонденций. Желательно было бы, чтобы корреспонденции носили не исключительно фракционный характер, т. е. касались не исключительно вопросов о борьбе большевиков с меньшевиками, хотя важно и это, а вопросов экономической и политической местной жизни. Пишите почаще, присылайте также выходящие у вас издания. Пришлите побольше адресов для посылки вам, тотчас же по выходе, всех новинок.

С тов. приветом Н. К.

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже Гартинга в департамент полиции от 10 октября 1907 г. № 449 [6]).

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным указаниям, известный Ленин, он же Ульянов, получает кор-

---

[1]) Речь идет о Петербургской общегородской конференции РСДРП, заседавшей в ночь на 16 (3) сентября 1907 г., где стоял доклад о международном социалистическом конгрессе в Штутгарте. В «Датах жизни и деятельности Ленина», изд. Института Ленина, 1931 г., указаний на это выступление Ленина нет.

[2]) «Вперед» — 1906—1908 гг. — популярная газета, издававшаяся редакцией «Пролетария», вышло 20 номеров. На первом номере указано — издание «Пролетария» и как место издания помечена Варшава; со 2 № идет подзаголовок: орган МК и МОК, к чему последовательно прибавляются с 3 № ПК, Пермский, Курский, с 8 № — Казанский комитет; с 4 № местом издания указана вместо Варшавы и Вильно — Москва. Последний № 20 вышел 19 января (1 февраля) 1908 г. с указанием, вместо Пермского и Казанского, Уральского областного комитета.

[3]) Речь идет о выборах в III Госуд. думу по Петербургу.

[4]) Речь идет о «Письме к партийным организациям № 2», выпущенном ЦК РСДРП 25 августа 1907 г.

[5]) ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 51, т. 2, л. 271.

[6]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 160.

респонденцию по нижеследующему адресу: Finland, Terioki, Herrn Paavo Kakko, на внутреннем конверте: «Для Л — на».

Заведующий заграничною агентурою А. Гартинг.

Донесение Финляндского жандармского отделения в департамент полиции от 29 октября 1907 г. № 883 [1]).

На предписание департамента полиции, за № 137 733, доношу, что Пааво Какко, бывший полицейский служитель, известный финляндский агитатор, в настоящее время содержит в Териоках гостиницу для приезжающих «Товарищ», где и скрываются все революционеры под вымышленными фамилиями. Пааво Какко, действительно, получает корреспонденцию на имя Ленина, но, кто этот Ленин, выяснить не представилось возможным. В настоящее время Какко открыл там же на Церковной улице, в доме Вуотинена, вторую гостиницу, в которой проникший туда агент заметил, что там проживают только студенты, курсистки и другие подозрительные личности; в этой гостинице посторонний, не проживающий там, не может получить даже стакан кофе.

Домохозяин Воутинен в настоящее время проживает в Риме, откуда он, как слышно, и удовлетворяет революционеров всеми средствами.

Ротмистр [Яковлев?].

Отношение Петербургского комитета по делам печати на имя прокурора Петербургской судебной палаты от 28 ноября 1907 г., № 3062 [2])

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступила книга под заглавием «Вл. Ильин. За 12 лет. Собрание статей. Том первый. Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии». 30 печ. листов. 1 600 экземпл. Цена 2 р. 50 к. Типография — В. Безобразов и К-о (Вас. остр., Большой пр., д. № 61).

Названная книга состоит из ряда статей разных авторов с критическим их обзором составителя сборника Ильина и других лиц. Все эти статьи, равно как и критика их, заключают в себе изложение учения социал-демократии с точки зрения авторов статей и отличаются явно революционным направлением. Они имеют главнейшею целью уяснить способы борьбы рабочего класса и крестьянства с капиталистическим и существующим в России государственным строем, с абсолютизмом вообще и русским самодержавием в особенности, развивать и поддерживать в названных классах стремления к ниспровержению самодержавия путем вооруженного восстания и провозглашению демократической республики. Особенно ясно и определенно выражено это на страницах 130—134, 136, 138, 139, 140, 141, 149, 369, 385, 445, 453, 461—469.

Усмотрев в вышеназванной книге признаки преступлений, караемых ст. 128 и п. п. 1 и 2 ст. 129 уголовного уложения издания 1903 года, С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) привлечь к законной ответственности, по силе приведенных узаконений, виновных в напечатании книги и 2) наложить на нее арест на основании ст. 3 отд. IV временных правил для неповременной печати 26 апреля 1906 года.

Сообщая о сем в дополнение к отношению своему от 27 сего ноября за № 3057, комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против составителя сбор-

---

[1]) ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 162.

[2]) ЛОЦИА, Канц. Гл. управления по делам печати, 1 отд., 1907 г., д. 493, л. 2.

ника Вл. Ильина (имя, отчество, звание и местожительство его комитету неизвестны), а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу.

Экземпляр книги при сем препровождается.

Председательствующий, член совета Главного управления по делам печати А. Катенин.

За секретаря граф Головин.

Определение Петербургской судебной палаты от 3 декабря 1907 г.[1]).

1907 года, декабря 3 дня. По указу его императорского величества, С.-Петербургская судебная палата, по II уголовному департаменту, в распорядительном заседании, в котором присутствовали: председатель департамента А. И. Руадзе, члены палаты: Л. В. Позен и И. П. Севастьянов, товарищ прокурора Л. А. Шульгин, исп. об. пом. секретаря В. И. Ненарокомов, слушала: предложение прокурора судебной палаты от 29 ноября, за № 18856, с подлинным отношением С.-Петербургского комитета по делам печати от 28 ноября, за № 3062, об утверждении постановления означенного комитета о наложении ареста на книгу под заглавием «Вл. Ильин. За 12 лет. Собрание статей. Том первый. Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии». Ц. 2 р. 50 к. Типогр. — В. Безобразов и К-о (Вас. остр., Больш. пр., 61).

Рассмотрев означенное отношение, а равно приложенную к нему книгу под заглавием «Вл. Ильин. За 12 лет. Собрание статей. Том первый. Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии» и усматривая в напечатании сей книги признаки преступного деяния, предусмотренного 2 п. 1 ч. 129 ст. уголовного уложения, по выслушании словесного заключения товарища прокурора, судебная палата определяет: на основании 121314 и 121315 ст. у. у. с. по прод. 1906 года оставить в силе распоряжение С.-Петербургского комитета по делам печати о наложении ареста на вышеозначенную книгу, о чем уведомить прокурора судебной палаты передачею к делам его копии сего определения. Подлинное за надлежащими подписями и скрепою.

Приговор Петербургской судебной палаты от 22 декабря 1907 г.[2])

1907 года, декабря 22 дня, по указу его императорского величества, С.-Петербургская судебная палата, по 1-му уголовному департаменту, в открытом судебном заседании, в котором присутствовали:... [3])

Слушала предложенное прокурором палаты дело об уничтожении в порядке ст. 6 отд. IV закона 26 апреля 1906 г. брошюры «Н. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Автор этой брошюры, неизвестно в какой типографии отпечатанной, излагает свой взгляд на тактику российской социал-демократической партии при современных условиях политической жизни России. Придавая исключительное значение резолюции 3-го съезда РСДРП в смысле правильной оценки политического момента и ближайших задач социал-демократической партии, автор брошюры подробно останавливается на каждом отдельном пункте этой резолюции, которая, по мнению автора, выясняет вполне характер и цель революционного правитель-

---

[1]) Там же, л. 4. Воспроизводится с копии.

[2]) ЛОЦИА, Канц. Гл. упр. по делам печати, 1 отд., 1907 г., д. № 55, л. 5. Воспроизводится с копии. См. «Записки Института Ленина», 1927 г., вып. I, стр. 163—165.

[3]) Так в подлиннике.

ства. «По своему происхождению и основному характеру это правительство должно быть органом народного восстания. По своему формальному назначению оно должно быть орудием созыва всенародного учредительного собрания. По содержанию его деятельности оно должно осуществить программу-минимум пролетарской демократии, как единственно способную обеспечить интересы восставшего против самодержавия народа» (л. 14). Излагая за сим будущий ход революционной борьбы с существующим строем и останавливаясь на тех общественных классах, которые бы могли вступить в борьбу с «царизмом», автор брошюры говорит: «Силой, способной одержать решительную борьбу с царизмом, может быть только народ... Решительная победа революции над царизмом есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (стр. 43); и такая победа будет именно диктатурой, т. е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные «легальные», «мирным путем» созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, непременно и немедленно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и царских буржуа, и царизма... Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она сможет провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики... Мы вовсе не забываем о громадной трудности этой задачи, но, идя на борьбу, мы должны желать победы и уметь ловить настоящий путь к ней». Сделав этот вывод, автор брошюры останавливается затем на критике других примеров борьбы, предлагаемых другими политическими группами, как-то «освобожденцами», «новоискровцами» и др., причем заканчивает свои рассуждения следующими словами: «Во главе всего народа и в особенности крестьянства — за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплоатируемых — за социализм! Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата, таков классовый лозунг, который должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждый практический шаг рабочей партии во время революции» (стр. 98).

Принимая во внимание, что в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции» заключаются признаки преступления, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 129 уг. улож., судебная палата, руководствуясь 6 ст. IV отд. закона 26 апреля 1906 г., определяет: брошюру «Н. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции» уничтожить.

Подлинный за надлежащими подписями.

Выписка из письма с подписью: «Миша», Женева, от 26 апреля 1908 г., к Абраму Ильичу Израйловичу, в Москву, Сретенка, часовой магазин Герстман [1]).

Рефераты читали большевик Александров, меньшевик Игорев, с.-р. Лункевич. Меньшевики почти все здесь: Дейч, Мартов, Мартынов, Аптекман и др. На-днях читали рефераты Ленин и Алексинский [2]). Плеханов приехал из Италии.

[1]) ДП, перлюстрация, 1908 г., кор. 49, № 2347.

[2]) Очевидно, речь идет о реферате Ленина, состоявшемся в Женеве 7 мая (24 апреля) 1908 г на тему: «Оценка русской революции и ее вероятное будущее».

Эпоха реакции.

(1908—1910)

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже Гартинга в департамент полиции от 11 июня 1908 г. № 209 [1])

На-днях в Женеве на реферате Богданова, полемизировавшего с Плехановым, выступил «Иннокентий» [Дубровинский Н. Ф.], член Центрального комитета и редакции «Пролетария», и заявил от имени своего и Ленина [2]), что большевизм ничего не имеет общего с философским направлением Богданова (эмпириомонизмом) и что они являются сторонниками Плеханова (т. е. философского материализма). В ответ на это Алексинский выругал «Иннокентия», указав, что он будто бы не имел права делать такого заявления, и затем созвал большевистский кружок, принявший резолюцию, противную мнению «Иннокентия», на сторону которого стал решительно Ленин, порвавший теперь отношения с Алексинским.

Заведующий заграничною агентурою А. Гартинг.

Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже Гартинга в департамент полиции от 3 декабря 1908 г. № 485 [3])

На-днях должна состояться всероссийская конференция Российской социал-демократической рабочей партии [4]); место созыва ее пока неопределенно, так как женевский большевистский центр стоит за Стокгольм, но «Марат» (помощник присяжного поверенного Шанцер), Лядов (Мандельштам) и «Иннокентий» (Дубровинский) предпочитают Париж, куда вчера уже приехал для переговоров о сем Ленин. Окончательно этот вопрос вырешится сегодня или завтра.

Состав конференции точно пока еще не определен, но на ней будут присутствовать: от Центрального комитета партии: редакция «Пролетария», Ленин (Ульянов), «Григорий» (Радомысльский), «Виктор» (Лодзинский), возможно также Каменев; от меньшевиков: «Игорь» (Гольдман, брат бундовца Гольдмана), и из России: 5 делегатов Московского района: Лядов [Маньдельштам], «Химик» [Бубнов А. С.], «Марат» [Шанцер В. Л.] и «Всеволод» [Денисов В. П.], «Станислав» [Вольский].

---

[1]) ДП, о. о., д. № 5, ч. 82, т. 2, лл. 71—72. Печатается в сокращении.

[2]) Речь идет о «Десяти вопросах референту», составленных В. И. Лениным в качестве материала для выступления И. Ф. Дубровинского на реферате А. А. Богданова.

[3]) ДП, о. о., 1908 г., д. № 233, лл. 205—206.

[4]) Речь идет о Всероссийской конференции РСДРП, состоявшейся 3—9 января 1909 г. (21—27 декабря 1908 г.) в Париже.

2 делегата от Петербурга, 1 делегат от Урала, 1 делегат от Поволжья, 3 делегата от Кавказа (вероятно, Плеханов, Дан и Мартов), 1, возможно, делегат от Николаева, 3 поляка, 3 бундовца, 2 латыша.

Рассмотрению конференции, между прочим, подлежит: «боевой вопрос» о редакции «Пролетария», так как Ленин, «Григорий» [Зиновьев Г. Е.] и Каменев — «антибойкотисты» и «антиотзовисты», а «Марат», Лядов, Алексинский, все делегаты Москвы и Петербурга — «отзовисты». Отзовистами считаются члены социал-демократической партии — сторонники немедленного отозвания из Государственной думы членов этой партии за то, что те недостаточно энергично защищают там ее интересы.

Докладывая об изложенном вашему превосходительству, долгом считаю добавить, что заграничная агентура будет располагать дополнительными сведениями как о личном составе этой конференции, так и о резолюциях на ней выработанных.

Заведующий заграничной агентурой А. Гартинг.

Копия с полученного агентурным путем письма с подписью «Алек...», Париж, от 12 января 1909 г., к м-лль Залесской, в Харьков, Плетневский, д. 12 [1])

...Через несколько дней выйдет центральный орган «Социал-демократ». «Голос социал-демократа» не выходит; почему, не знаю, но говорят, что скоро выйдет [2]).

На-днях закончилась российская конференция. Вчера т. Ленин читал доклад об этом [3]). Все резолюции приняты, представленные большевиками. На этот раз Бунд голосовал с большевиками, а меньшевики остались одни. По получении адреса вышлю немедленно резолюции конференции.

Выписка из полученного агентурным путем письма за подписью «М. Кравич», из Парижа, в Туруханский край, деревня Осиновая, на имя политического ссыльного Маркела Аксенова от 13 января 1909 г. [4])

Дорогой товарищ. Что же мне дальше писать о политической жизни в Париже? Можешь представить себе—как лучше. Очень часто читают рефераты известные эсдеки товарищи Мартов, Дан, и недавно читал товарищ Дейч, который был 16 лет в Сибири, реферат об Азефе и вызвал многие споры с эсерами. И Ленин читал реферат, тоже вызвал любопытные споры с эсерами [5]) Но так как мне нежелательно или невозможно выписать смысл дебатов, я постараюсь прислать лучше печатные вещицы с этой темой. Для тебя печатные вещи будет интереснее и точнее, [чем] как я буду писать. Интересен был реферат товарища Ленина о «Современном положении России».

---

[1]) ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 83, л. 19.

[2]) «Голос социал-демократа» — орган меньшевиков-ликвидаторов.

[3]) Указаний на этот доклад в «Датах жизни Ленина» не имеется.

[4]) ДП, о. о., 1909 г., № 5, ч. 83, л, 184.

[5]) Указаний на это выступление Ленина с рефератом в «Датах жизни Ленина» нет. 20 (7) января 1909 г. Ленин написал статью «Как социал-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социал-революционерам» для № 41 «Пролетария».

Копия письма без подписи [Н. К. Крупская], из Парижа, от 29 января н. ст. 1909 г., в Одессу, редакция «Одесского обозрения», Главная, д. 12. На внутреннем конверте «Орловскому» [Воровский В. В.][1]).

Химический текст.

Жозефине [Воровский В. В.] — Дорогой друг, деньги 100 р. будут высланы немедля. Адресов в Киев, Екатеринослав и Херсон у нас нет. Напишу, что сообщили из Питера. Конференция состоялась[2]). Было 5 большевиков, 5 поляков, 3 бундиста, 3 меньшевика, латыши отсутствовали. Резолюции приняты в большевистском духе (они вам уже посланы). Будет выходить ЦО. Ближайший номер выйдет не позже 15/II нов. стиля[3]). Меньшевики и бундовцы разбиты в России страшно. Большевики плохо ли, хорошо ли—держатся, но в их среде пошла склока. Перед конференцией «левые» (отзовисты—махисты) чинили всяческие скандалы. Пытались объявить себя Всероссийской большевистской конференцией (было 2 московских, 2 питерских и 1 уралец) и, пользуясь перевесом одного голоса (3 отзовиста и 2 антиотзовиста), упразднить Большевистский центр, раскассировать редакцию «Пролетария», навязать пролетариям отзовистское направление, распорядиться деньгами и пр. Попытка не удалась, но они рвут и мечут, созывают большевистскую конференцию. Впрочем, не следует думать, что в России преобладают отзовисты. После уже конференции пришло заявление из Москвы, что двое отзовистов не являются представителями большинства Московской конференции[4]). В № 7 «Рабочего знамени» (газета Моск. обл.) отзовизм отчитан так, что чудо[5]). Это направление, поскольку оно вырисовалось на конференции, является какой-то карикатурой на большевизм. Продуманный до конца отзовизм выражает точку зрения...[6]) пролетариата; правда, когда отзовистам было показано, в какую яму они лезут, они стали «раскрадываться» [?], смягчать сказанное, от отзовизма мало что и осталось. Может быть, это направление как цельное, связное направление может отцвести, не успевши расцвесть, но, во всяком случае, несут они вздор махровый. Недаром с.-р. в новом номере «Труда» (14) обнимают ваших отзовистов[7]). Думская фракция не так уж плоха, но они заброшены. У нас некому работать из [?] фракции. Нету легальной публики совсем. Мешковский [Гольденберг И. П.] что-то хворает и не очень-то ходит во фракцию, другого подходящего человека в Питере нет, а меньшевиков человек 60 работает при фракции. Я еще удивляюсь, как при таких условиях все члены фракции не сделались еще меньшевиками. Людей у нас вообще нет, все по тюрьмам и ссылкам.

---

[1]) ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 83, л. 34.

[2]) Речь идет о Всероссийской (декабрьской) конференции.

[3]) «Социал-демократ» — центральный орган РСДРП, № 2, вышел 10 февраля (28 января) 1909 г.

[4]) На конференции от Центрально-промышленной области были 2 «левых» большевика — отзовист Вольский и примыкавший к ультиматистам Мандельштам М. Н. (Лядов).

[5]) Речь идет о статье «Письмо партийного работника» в № 7 «Рабочего знамени», где дается критический разбор отзовистской статьи «Письмо рабочего (о плане партийной работы в связи с оценкой текущего момента)», помещенной в № 5 «Рабочего знамени».

[6]) Неразборчиво.

[7]) «Труд»—рабочая газета Петербургского комитета партии с.-р. Вышло 20 №№ с сентября 1906 г. по март 1908 г.

Что одесситы не шлют никаких писем и корреспонденций? Неужели совсем нечего писать.

Привет от И[льи]ча и других.

Выписка из письма Б. Лейбовича, из Парижа, к Лейбовичу (брату) в Новороссийскую тюрьму (до 13 февраля 1909 г.) [1]**.**

Здесь Ленин и у него кружок из всех парижских большевиков для занятий, или, вернее, лекций по философии, да, теперь здесь снова сосредоточивается партийная жизнь; здесь печатные органы двух тебе известных течений, здесь и лидеры их. Они читают рефераты, принимают участие в местных группах партий, — очевидно, сами много работают.

Донесение Московского комитета по делам печати в Главное управление по делам печати от 6 марта 1909 г. № 772 [2]**.**

Прокурор Московского окружного суда отношением от 3 сего марта, за № 18, уведомил Московский комитет по делам печати, что дело об издании брошюры: «Н. Ленин. Роспуск Думы и задачи пролетариата». Книгоиздательство «Новая волна», Москва, 1906 г., фирма типографии не обозначена, цена 4 коп., определением Московской судебной палаты от 1 февраля 1907 года дальнейшим производством прекращено, а самое издание названной брошюры подлежит уничтожению согласно приговора Московской судебной палаты от 18 ноября 1908 года.

Об изложенном комитет имеет честь донести Главному управлению по делам печати в дополнение к представлениям своим от 17 августа и 22 сентября 1906 года, за №№ 2417 и 2702.

Председатель [подпись].
Секретарь Г. Креницын.

Донесение начальника Московского охранного отделения в департамент полиции 19 марта 1909 г. № 39 [3]**.**

По полученным мною агентурным сведениям, Максим Горький прислал в Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии письмо, и через Лядова, по содержанию этого письма, велись переговоры [4]. Горький предлагает на свой счет перевезти на лето на остров Капри и содержать там 10 человек, для подготовки их как пропагандистов-большевиков, причем главными лекторами там будут Ленин [5]) и Луначарский [6]). Кто именно поедет, пока неизвестно.

Об изложенном имею честь донести вашему превосходительству.

За начальника отделения помощник подполковник [подпись].

---

[1]) ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 83, л. 62.

[2]) ЛОЦИА, Канц. Гл. упр. по делам печати, II отд., 1906 г., д. № 837, л. 7.

[3]) ДП, о. о., 1909 г., д. № 271, л. 1.

[4]) Речь идет об «Открытом письме», подписанном Гориным и «Михаилом» (Вилоновым Н. Е.), посланном в Московский комитет РСДРП, о содействии организованной на о. Капри группой отзовистов, ультиматистов и богоискателей, во главе с А. А. Богдановым, «Первой высшей соц.-дем. пропагандистско-агитаторской школе для рабочих». Большевистский центр послал в Московский комитет резолюцию-письмо, где указал на антипартийный характер Каприйской школы.

[5]) По настоянию слушателей школы были посланы приглашения читать лекции: Ленину, Дубровинскому, М. К. Владимирову, Плеханову и др.

[6]) 3 — 4 августа (21 июля) 1909 г. состоялось организованное собрание школы, на котором был выбран совет и избраны лектора: Богданов А. А., Луначарский А. В., Стан. Вольский, Десницкий и Семашко.

Докладная записка начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции от 25 мая 1909 г. № 8797 [1]).

Вследствие предложения от 15-го сего мая, за № 129390, докладываю департаменту полиции, что, по имеющимся в отделении сведениям, в настоящее время в Париже, под председательством Ленина, происходит не Всероссийская конференция Российской социал-демократической рабочей партии, а конференция так называемого Большевистского центра, в составе делегатов исключительно от фракции большевиков.

Справка: доклады 28 марта с. г. № 5760 и 28 апреля № 7621.

И. д. начальника отделения подполковник Карпов.

Выписка из полученного агентурным путем письма Староверова [2]), Неаполь, от 10 августа 1909 г., к политическому ссыльному Староверову, в Усть-Сысольск, Вологодской губернии [3]).

Товарищи, я на острове Капри. Между нашими заграничными генералами, как и в Усть-Сысольске, идет страшная борьба. Как вы знаете, инициатива по организации школы принадлежит одному рабочему [Вилонов, «Михаил»] и Горькому; горячо ее поддерживают Богданов, Луначарский и некоторые другие видные члены партии... Мы, слушатели, обратились к Ленину с просьбой, чтобы он приехал и читал лекции по аграрному вопросу и по партийной тактике [4]). Что из этого выйдет, не знаем, ибо он против нас. Скорее всего, будет организована другая школа в Париже под руководством Ленина, в которую нас и отзовут [5]). А пока слушаем здесь лекции: Богданов читает политическую экономию, Горький художественную литературу, Луначарский историю, Лядов историю педагогии, Алексинский по организационным вопросам.

Отношение Московского комитета по делам печати в Главное управление по делам печати от 21 августа 1909 г. № 3074 [6]).

Прокурор Московского окружного суда отношением от 19 сего августа, за № 73, уведомил Московский комитет по делам печати, что согласно определения Московской судебной палаты от 24 июля текущего года все издание брошюры под заглавием: «Н. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. (Российская социал-

---

[1]) ДП, о. о., 1909 г., д. № 186, л. 87.

[2]) «Староверов, Иван Алексеев, революционная кличка «Петр», был арестован в Москве в феврале 1908 г.» (Примечание в подлиннике.)

[3]) ДП, о. о., 1909 г., д. № 271, л. 26.

[4]) Речь идет о письме 7 учеников Каприйской школы, командированных от Москвы, Московской областной и Московской окружной организации. Ответ Ленина на их письмо см. в XIV т. Сочинений Ленина, стр. 118—123, — «Письмо ученикам Каприйской партийной школы: товарищам Юлию, Ване, Савелию, Ивану, Владимиру, Станиславу и Фоме».

[5]) Большевистский центр отправил в школу на о. Капри письмо «Товарищам-рабочим, прибывшим в школу NN» (было напечатано в «Приложении» к № 47—48 «Пролетария», 24 (11) сентября 1909 г.), в котором приглашал слушателей переехать в Париж. Впоследствии — вначале исключенные ученики-ленинцы Каприйской школы, а потом по окончании школы и остальная часть слушателей прослушали в Париже ряд лекций, в том числе и лекции Ленина.

[6]) ЛОЦИА, Канц. Гл. упр. по делам печати, II отд., 1907 г., д. № 395, л. 5.

демократическая рабочая партия, «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Издание Центрального комитета РСДРП, Москва, 1905 г., цена 60 коп.» подлежит уничтожению.

Об изложенном комитет имеет честь донести Главному управлению по делам печати в дополнение к представлениям своим от 2 и 21 марта 1907 года, за №№ 643 и 867.

Председатель А. Сидоров.
Секретарь Г. Креницын.

Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции от 17 сентября 1909 г. № 15650 [1]).

В дополнение к № 14494 от 31-го минувшего августа, доношу департаменту полиции, что Петербургским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии вынесена резолюция: послать людей своих в Каприйскую школу лишь в том случае, если в числе лекторов ее будет и Ленин

И. д. начальника отделения подполковник Карпов.

Циркуляр департамента полиции от 29 октября 1909 г. № 138009 [2])

Начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений.

В департаменте полиции получены сведения о том, что между 6—8 ноября текущего года в Брюсселе состоятся заседания «Интернационального социалистического бюро» [3]), на каковых заседаниях, помимо рассмотрения местных вопросов о предполагаемом слиянии голландских социал-демократических фракций, предстоит разрешение вопроса об «Интернациональном съезде», намеченном на 1910 год в городе Копенгагене [4]); на помянутом съезде будет присутствовать в качестве делегата от Российской социал-демократической рабочей партии известный деятель последней Ленин; независимо от сего известно, что так как решения, имеющие быть выработанными на заседаниях названного Бюро в Брюсселе, будут разосланы всем центральным комитетам существующих в России социал-демократических партий и приняты во внимание этими комитетами, то, несомненно, на предстоящий в Копенгагене съезд будут также командированы от означенных партий, причем выборы делегатов будут произведены повсеместно. Вместе с сим надлежит иметь в виду, что делами помянутого «Интернационала» ведает Бюро из трех лиц, причем главным лицом является некий Гюисманс, который ведет сношения как с партийными комитетами, так и с редакциями газет.

Сообщая об изложенном, департамент полиции просит вас, милостивый государь, принять меры к своевременному установлению путем внутренней агентуры делегатов, которые будут выбраны на предстоящий съезд, и аресту таковых; если же заблаговременно получены будут све-

---

[1]) ДП, о. о., 1909 г., д. № 271, л. 76.

[2]) ДП, о. о., 1909 г., д. № 311, л. 28.

[3]) Речь идет об одиннадцатой сессии Международного социалистического бюро состоявшейся в Брюсселе 7 ноября (25 октября) 1909 г.

[4]) Речь идет о 8-м Международном социалистическом конгрессе, состоявшемся в Копенгагене 28 августа — 3 сентября (15—21 августа) 1910 г.

дения о месте и времени районных или областных конференций для выборов делегатов, то ликвидировать такие собрания.

За директора Харламов.
Заведующий отделом полковник Климович.

Выписка из письма за подписью «Твой муж», Льеж, 1 ноября 1909 г., в Москву, Нине Васильевне Часовниковой, Петровка, д. Кабанова, Школьный музей [1]).

Относительно «Дневника» [2]) я написал в Париж Марку и, как только получу, пришлю тебе. Дня 2 назад здесь был Ленин [3]). Самая последняя новость это то, что из школы исключено 5 или 6 учеников и Михаил [Вилонов]. Исключены потому, что они оказались «солидарными с тактической позицией «Пролетария» [4]). Итак самое главное предложение [5]) новой фракции погибло. Говорил он еще, что Плеханов со своим призывом борьбы с «ликвидаторами» остался, повидимому, одиноким, по крайней мере за границей. Л[енин] думает, что главная задача большевиков в настоящее время — это сплочение вокруг себя всех фракций в целях борьбы за партию. Что касается до образования центра путем уступок меньшевикам, то он категорически отрицает даже возможность каких-либо принципиальных компромиссов. Он говорил, что если возможны какие-либо уступки, то лишь только организационные, при том условии, чтоб меньшевики определенно высказались против ликвидаторства, а не сидели бы между двух стульев, как последний номер «Голоса социал-демократа».

Узнай, отправлен ли уже Рожков, в какие места, и прибыли ли они на место. Это меня просил Л[енин]. На Рождество приезжай хоть на две недели.

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже Красильникова 5 декабря 1909 г. № 681 [6]).

Имею честь доложить вашему превосходительству, что в субботу 4 декабря н. ст. в Париже на очередном собрании 2-й Парижской группы содействия РСДРП Ленин прочел доклад о последнем заседании Международного социалистического бюро (донесение мое № 573), в коем он принимал участие в качестве представителя русской социал-демократии, коснувшись главным образом принципиальной стороны тех восьми вопросов, которые намечены бюро к обсуждению на предстоящем летом 1910 г. в Копенгагене Интернациональном социалистическом конгрессе [7]).

Чиновник особых поручений Красильников.

[1]) ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 34, л. 150.

[2]) Речь идет о «Дневнике социал-демократа» — непериодическом органе Плеханова, выходившем в Женеве и Петербурге попеременно, с большими перерывами, с марта 1905 г. по 1916 г.; всего вышло 17 №№.

[3]) Очевидно, Ленин заезжал в Льеж проездом из Парижа в Брюссель на 11 сессию Международного социалистического бюро.

[4]) Речь идет об исключении 5 учеников-ленинцев: 1) Панкратова, И. И., 2) Устинова Н. У., 3) Романова А. С. (оказавшегося впоследствии провокатором), 4) Козырева Н. Н. и 5) Люшвина, В. Е. Все исключенные в первой половине ноября 1909 г. отправились в Париж, где прослушали цикл лекций, в том числе лекции Ленина по вопросам: а) современный момент и наши задачи, б) аграрная политика Столыпина.

[5]) Так в подлиннике. Следует: «предприятие».

[6]) ДП, о. о., 1909 г., д. № 311, л. 45.

[7]) Указаний на этот доклад Ленина в «Датах жизни» нет.

Из циркуляра департамента полиции от 9 апреля 1910 г. № 109179 [1]).

Начальникам губернских жандармских управлений, охранных отделений, жандармских полицейских управлений железных дорог, жандармским офицерам на пограничных пунктах и помощникам начальников губернских жандармских управлений, имеющим отдельные канцелярии.

В департаменте полиции получены нижеследующие сведения о положении за границей в настоящий момент Российской социал-демократической рабочей партии.

Осуществление задачи «партийного единства», принятой на последних пленарных заседаниях, тормозится из-за того, что в центральных учреждениях Российской социал-демократической рабочей партии, как то: Центральном комитете, Заграничном бюро Центрального комитета и Центральном областном бюро [2]) находятся, хотя и в меньшем числе, члены меньшевистского ликвидаторского толка, а не «плехановского», представители коего совершенно отсутствуют. Ввиду последнего обстоятельства, стремления членов названных партийных учреждений большевиков направлены к тому, чтобы изгнать из состава таковых «ликвидаторский элемент», заменив его «плехановцами»; при таком условии, по их мнению, легче может быть достигнут выставленный лозунг «единства в партийной работе и устранение фракционных отношений». На состоявшемся недавно собрании группы «большевиков» [3]) была принята предложенная «Лениным» (Ульянов, Владимир Ильин [4]) резолюция об исключении из партии «Романа» [К. М. Ермолаев], «Юрия» [А. А. Бронштейн] и «Михаила» [В. А. Исув] — меньшевиков-ликвидаторов, отказавшихся войти в Центральный комитет и даже уклонившихся притти на одно из заседаний, назначенное для кооптации новых членов в Центральный комитет, благодаря чему означенное заседание было сорвано; кроме этих лиц предложено также исключить из членов Заграничного бюро Центрального комитета «Игоря» (он же Игорев — Гольдман, Борис Исааков), как приверженца ликвидаторского течения и тормозящего объединение заграничных групп.

По всем данным, «окончательное объединение» возможно лишь при условии, если «плехановцы» объединившись выйдут из меньшевистской фракции и соединятся с «большевиками»; это состояться может только в том случае, если в Парижской группе найдется лицо с организаторскими способностями и могущее объединить находящихся здесь «плехановцев». За неимением в данный момент в группе подобного лица, надежды на проведение намеченного объединения возлагаются на самого Плеханова, приезд коего в Париж ожидается в ближайшем будущем.

---

[1]) ДП, о. о., 1910 г., д. № 28, л. 69.

[2]) Речь идет об Областном бюро Центрального промышленного района.

[3]) Речь идет о закрытом заседании Парижской большевистской группы содействия РСДРП, состоявшемся в марте 1910 г. См. доклад заграничной агентуры в департамент полиции от 26 марта (8 апреля), в деле ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, лл. 62—63.

[4]) «См. Приложение к Обзору Российской социал-демократической рабочей партии за №№ 27 и 69». (Примечание в подлиннике.)

Новый подъем рабочего движения.

(1910—1914)

Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже Красильникова директору департамента полиции 15 октября 1910 г. № 949 [1]).

По полученным указаниям, в Париже на-днях состоялось собрание большевиков-ленинцев [2]), на котором обсуждался вопрос об устройстве большевиками, совместно с плехановцами, популярной газеты под названием «Рабочая газета» [3]). Эта газета ставит себе задачей агитацию и пропаганду общественных революционных целей в популярном изложении, но на базе повседневных событий и жизни рабочей массы, туда же войдет и популярная полемика с отзовистами и меньшевиками-ликвидаторами, а также с Троцким и его газетой «Правдой». Вскоре должен выйти анонс об издании этой газеты.

На собрании этом «меньшинство» высказалось против этой затеи как нового средства для раздоров, но «большинство» выразило сочувствие, причем многие, особенно Ленин, не скрывали, что они имеют целью сплотить снова вокруг этой газеты большевистскую фракцию.

Об изложенном имею честь доложить вашему превосходительству.

Чиновник особых поручений Красильников.

Копия письма за подписью «С[тарик]» [В. И. Ленин], Париж, 8 ноября н. ст. 1910 г., С.-Петербург, Пески, Херсонская, 5—7, кв. 9, Владимиру Димитриевичу Бонч-Бруевичу [4]).

Дорогой В[ладимир] Д[митриевич]! Получил сегодня еще вести о новом литературном детище, но, к удивлению, от вас ни звука [5]). Что сие значит? Беспокоюсь крайне за судьбу детища. Например, пишут, что боятся, не устарело ли посланное. Это меня крайне беспокоит. Я самым категорическим образом настаиваю, чтобы было помещаемо все посылаемое (с исправлениями на условиях, «независящих обстоятельств», если сие необходимо). Это ведь вопрос принципа, вопрос направления. У нас нет еще данных по этому вопросу, мы надеемся на вас, а вы молчите. Так невозможно. Раза два в неделю — это минимум хоть маленьких вестей от вас, чтобы поддерживать связь и чувствовать близость к делу.

---

[1]) ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 170.

[2]) Повидимому, речь идет о собрании большевиков, состоявшемся 3 октября 1910 г. См. Ленинский сборник, т. XIII, стр. 187.

[3]) «Рабочая газета» — популярный орган большевиков, издававшийся в Париже с 12 ноября (30 октября) 1910 г. по 12 августа (30 июля) 1912 г. Всего вышло 9 №№.

[4]) ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, ч. 1, лит. Б, л. 60.

[5]) Речь идет о газете «Звезда», № 1 которой вышел 16 (29) декабря 1910 г.

А тут еще пишут «недовольные» (я сегодня получил длинное письмо одного недовольного: наверное, догадываетесь, кого).

Очень прошу поэтому: пишите, пишите почаще и поподробнее.

Шлю большой привет В[ере] М[ихайловне].

Ваш С[тарик] [В. И. Ленин].

Выписка из письма с подписью «А[лександров?]», Париж, от 7 января 1911 г. к Адаму Маркиановичу Авраменок, в село Назимово, Енисейской губернии, Енисейского уезда, Анциферовской волости [1]).

Недавно был реферат Ленина «Толстой и русское общество», в котором [Ленин] характеризовал Толстого как выразителя эпохи подготовки революции и эпохи революционных настроений до выступления революционного класса, отметил революционную роль его, как критика частной собственности на землю, брака современного, и реакционность его взглядов на развитие капитализма, реакционный характер его религии и пр. [2]). Из социал-демократической прессы здесь выходит ЦО «Социал-демократ», популярная «Рабочая газета» и орган ликвидаторов-меньшевиков «Голос социал-демократа».

Фракционная группировка: среди большинства меньшевиков, сторонников «Голоса социал-демократа»,— ликвидаторское течение, легалистское; часть меньшевиков — партийцев, сторонников Плеханова, стоящих ближе к революционной социал-демократии; ортодоксальные большевики с Лениным во главе; «впередовцы» (Алексинский, Покровский, Богданов и другие), теперь свихнувшиеся в сторону революционной фразы и идущие в союзе с ликвидаторами в борьбе с блоком партийцев — меньшевиков и большевиков. Бывают доклады о положении дел в партии. В настоящее время я занят организацией «курсов социальных наук для рабочих», лекции будут читать Ленин, Войнаровская,, Каменев (история общественного движения в России начиная с 60-х годов). Курсы будут марксистские.

[Копия письма без подписи], Москва, 11 января 1911 г., Париж, Ульянову, XIV, rue Marie-Rose, 41 [3]).

Поправки получены, товарищ, равно и последнее ваше письмо. Задержать набор «Наших упразднителей» не смог, ибо они уже набраны [4]). Материал набирался потому, что, как мы условились, № надо выпустить числа 15. Но так как обещанные вами статьи в отдел «На темы дня» до сих пор не получены, то № запоздает немного. Статьи высылайте скорее по адресу «М» или книгоиздательства. Спрос на журнал [5]) растет. На руках осталось не более 50 экземпляров; встречен хорошо. Из многих мест получаем сочувственные письма.

---

[1]) ДП, перлюстрация, 1911 г., № 106.

[2]) Речь идет, очевидно, о состоявшейся в Париже 5 (18) января 1911 г. публичной лекции Ленина о Толстом.

[3]) ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, ч. 46, лит. Б, л. 8. На копии письма помета: «Резолюция г. директора: «Что это за журнал? 13. I. 11 г.».

[4]) Речь идет о статье Ленина «Наши упразднители», впервые напечатанной в №№ 2 и 3 журнала «Мысль» за январь и февраль 1911 г.

[5]) Большевистский легальный журнал «Мысль», который издавался в Москве; № 1 вышел в декабре 1910 г., а последний (№ 5) был конфискован в апреле 1911 г. и журнал закрыт. В. И. Ленин поместил в нем большую работу «О статистике стачек в России» и ряд других статей.

Выписка из письма, без подписи, Париж, от 11 января 1911 г., к М. В. Хойнацкой, в Киев, Львовская, 24, для Славы [1]).

«Мысль» будет послана тебе из Москвы. Я сама всеми силами буду способствовать распространению «Мысли», «Звезды» и другой литературы, но главным образом надеюсь на тебя, так как ты больше можешь сделать.

Я считаю, что среди массы течений в современном марксизме это единственно правильное, заслуживающее широкой пропаганды. Я скажу больше, что это единственно марксистское течение в строгом смысле этого слова. Это является показателем кризиса, переживаемого марксизмом, возникшего благодаря благосклонному вниманию буржуазии, которой угодно было обратить его на это идейное течение после 1905 г. Я совершенно согласна с тем положением, которое выставляет В. И. [Ленин] в объяснении различных отклонений от марксизма, а именно буржуазным влиянием на пролетариат [2]). Ведь верно, что буржуазия должна была обратить все свои силы на борьбу с марксизмом, увидав в 1905 г. те громадные массы пролетариата, которые он повел за собой, которые примкнули к нему, пошли под его знаменем.

Эти отклонения от марксизма существуют и в другой сфере его проявления. И надо сознаться, что здесь верной является линия политического поведения, указанная В. И. [Лениным] и поддержанная Г. Плех[ановым]. Я постараюсь присылать тебе все, что может развернуть пред тобой эту линию от ее начала до конца. Хотелось бы, чтобы эта правильно понятая линия проводилась и в Киеве.

Мне часто теперь приходится встречаться с М[арто]вым, Алек[синским], В. И. [Лениным] и другими. В. И. [Ленин] говорит гораздо лучше, чем пишет, — необыкновенная голова. Всегда, о чем бы ни пошла речь, он становится на глубоко принципиальную точку зрения, достаточно ее обосновывая, что отнюдь не делают другие. Алексинский прекрасно говорит, но удивительно поверхностно. Видно, что далек от него как пролетариат, так и его интересы. Мартов—типичный ликвидатор, противный до последней степени, плохо говорит. Позицию политическую он занимает подобную той, которую еще недавно занимал Троцкий, т. е. удобную всем, потому что выгодно прятать свою настоящую физиономию.

[Копия письма без подписи], Москва, 13 января 1911 г., Париж, Михайлову, для A. C. Georges Saché 11 [3]).

По части литературы — выходит в Питере еженедельная газета с участием Плеханова, Ильина (Ленина) и др. под названием «Звезда». Вышло пока 2 нумера.

Из циркуляра департамента полиции начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений от 3 августа 1911 г. № 105747 [4]).

В департаменте полиции получены сведения о том, что 20 июня 1911 года за границей, в 18 километрах от Парижа, в местечке Лонжюмо

[1]) ДП, перлюстрация, 1911 г., № 1, январь, л. 227.

[2]) Имеется в виду, очевидно, статья Ленина «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» в № 2 «Звезды» от 5 января 1911 г. (23 декабря 1910 г.) за подписью: «В. Ильин».

[3]) ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, ч. 46, лит. Б, л. 10.

[4]) Моск. охр. отд., 1911 г., д. № 11, л. 100.

открыла свои действия общепартийная школа Российской социал-демократической рабочей партии.

Несмотря на то, что состав [школьного] комитета междуфракционный, школа носит характер чисто ленинско-фракционный и главным образом по той причине, что при выборе учеников в России посланный Лениным в качестве агента для набора некий не установленный «Семен» [Шварц] руководствовался желанием, чтобы в школу попадали преимущественно рабочие — последователи ленинского большевистского направления [1]).

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже Красильникова в департамент полиции 16 сентября 1911 г. № 1203 [2])

По полученным указаниям, 23 и 24 сего сентября в Париже происходило заседание «Интернационального социалистического бюро» (доклад от 9/22 ноября 1909 г. за № 573 [3]), на коем из русских присутствовали Ленин и Плеханов.

«Бюро», обсудив, между прочим, вопрос относительно конфликта в Марокко, вынесло резолюцию, согласно коей, в случае объявления войны, во Франции, Германии и Англии должны быть организованы всеобщие забастовки и восстание.

Резолюция эта не будет подлежать опубликованию.

Об изложенном имею честь доложить вашему превосходительству.

Чиновник особых поручений Красильников.

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже Красильникова в департамент полиции от 17 сентября 1911 г. № 1205 [4]).

По полученным указаниям, 25 сентября в Цюрихе состоялось собрание местной группы Российской социал-демократической рабочей партии, на коем докладчиком выступал Ленин, сообщавший о положении дел в партии [5]).

Об изложенном имею честь доложить вашему превосходительству.

Чиновник особых поручений Красильников.

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже Красильникова в департамент полиции от 28 ноября 1911 г. № 1573 [6]).

По полученным подполковником Эргардтом от агентуры сведениям, кружком содействия «Рабочей газеты», т. е. большевиками-ленинцами, принято официальное решение о восстановлении большевистской ленинской фракции. С этой целью решено произвести анкету по всем западноевропейским городам об имеющихся группах и организациях больше-

---

[1]) Занятия в партийной школе продолжались с мая по август 1911 г. В. И. Ленин прочел ряд лекций по политэкономии, по аграрному вопросу и по теории и практике социализма.

[2]) ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, прод. 2, л. 21.

[3]) Упоминаемый доклад сообщает о заседании Интернационального соц. бюро 7—9 ноября 1909 г. в Брюсселе; хранится в деле ДП, о. о., 1909 г., д. № 311, л. 32.

[4]) ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, ч. 1, лит. С, л. 113.

[5]) В «Датах жизни и деятельности Ленина», изд. Института Ленина, 1931 г. указания на этот факт не имеется; сообщается только о реферате Ленина в Цюрихе 26 сентября на тему «Столыпин и революция».

[6]) ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, прод. 2, л. 124.

виков-ленинцев, а также отдельных сторонниках и в ближайшем будущем устроить съезд этих большевиков, на коем и восстановить их организацию; признать «Рабочую газету» органом этой фракции; избрать Заграничный большевистский центр, а также восстановить БЦ, т. е. общероссийский большевистский центр. Съезд этот имеется в виду устроить в январе 1912 года [1]).

Об изложенном имею честь доложить вашему превосходительству.

Чиновник особых поручений Красильников.

Из донесения заведующего заграничной агентурой в Париже Красильникова в департамент полиции от 28 декабря 1911 г. № 1709 [2]).

В дополнение к донесению за № 1641 [3]) и телеграмме за № 411 с. г., имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным подполковником Эрдгардтом от агентуры сведениям, конференция заграничных групп большевиков-ленинцев продолжалась с 27 по 30 минувшего декабря нового стиля.

Первые два дня конференции были посвящены докладам:

1) организационной комиссии по созыву настоящей конференции,

2) делегатов с мест,

3) Ленина о положении дел в партии. Был избран Комитет заграничной организации (КЗО РСДРП), в состав коего вошли:

1) Д-р Семашко (Александров).

2) Д-р Владимирский (Камский).

3) Арманд («Инесса»).

4) Гайдамович («Сергей») [А. А. Трояновский].

5) Гайдамович («Галина») [Г. Ф. Розмирович].

6) «Николай Васильевич» (Кузнецов) [Н. И. Сапожков].

Резолюция конференции по отпечатании будет представлена вашему превосходительству дополнительно.

Чиновник особых поручений Красильников.

Из донесения начальника Московского охранного отделения директору департамента полиции Н. П. Зуеву от 22 января 1912 г. № 292905 [4])

Ваше превосходительство, милостивый государь Нил Петрович!

В дополнение к телеграмме моей от 19 сего января, за № 289022, и представлению от того же числа, за № 291619, имею честь донести вашему превосходительству, что вверенным мне отделением добыты ниже-

---

[1]) Речь идет о предполагавшейся Всероссийской конференции РСДРП, которая состоялась в январе 1912 г. в Праге.

[2]) ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, л. 8.

[3]) Указанное донесение заграничной агентуры в Париже от 13 (26) декабря 1911 г. (имеется в этом же деле, л. 1) сообщает, что «конференция будет происходить в кафе-ресторане по avenue d'Orléans, 1»; что «цель созываемой конференции — создать сплоченную большевистскую организацию, которая служила бы оплотом Ленину в его борьбе с другими фракциями и помогла бы в работе по созыву партийной конференции. Порядок дня намечен следующий: 1) Проверка мандатов. 2) Отчет бюро по организации конференции. 3) Доклады делегатов групп. 4) Доклад Ленина о положении дел в партии. 5) Организация и объединение большевиков-ленинцев за границей. 6) Выборы заграничного большевистского центра. 7) Помощь российской конференции. 8) Доклад о «Рабочей газете».

[4]) ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, л. 50.

следующие сведения о результатах работы ныне уже закончившейся социал-демократической конференции [1]).

Местом для конференции избран был, как это и указано в предыдущих представлениях, чешский город Прага; заседания происходили в помещении дома чешских профессиональных организаций, расположенного во дворе недвижимости № 7 по «Губернской» улице и любезно предоставленного чехами устроителям конференции.

Всех заседаний было до 23, работы велись и утром и вечером. Днем открытия конференции было 6 января сего года по старому стилю, закончилась конференция 17 сего же января.

В работах конференции принимало участие 18 человек, из коих 15 пользовались правом решающего голоса, и остальные трое присутствовали лишь с голосом совещательным.

По составу своих представителей конференция носила исключительно большевистский характер, так как на ней отсутствовали делегаты инородческих (бундисты, поляки, латыши) социал-демократических организаций и уполномоченные иных, помимо большевиков, фракционных течений РСДРП. Два меньшевика (от Екатеринослава и Киева), явившиеся на конференцию независимо от официального отказа Плеханова участвовать в таковой, благодаря подавляющему преобладанию большевиков, оказались совершенно изолированными и влияния на ход работ конференции оказать не могли [2]).

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже Красильникова в департамент полиции от 2 февраля 1912 г. № 159 [3]).

По полученным подполковником Эргардтом от агентуры сведениям, 31 января с. г. в Лейпциге Ленин прочел реферат на тему «Историческое значение Л. Н. Толстого».

Выручено было с реферата: за продажу билетов 84 марки, продано литературы «Социал-демократ» и «Звезда» на 14 марок и в пользу политических ссыльных и каторжан собрана 21 марка.

Об изложенном имею честь доложить вашему превосходительству [4]).

Чиновник особых поручений Красильников.

Письмо В. И. Ленина 28 марта 1912 г. [5])

Дорогие друзья! Меня страшно огорчает и волнует полная дезорганизация наших (и ваших) сношений и связей. Поистине, есть отчего в отчаяние придти. Вместо писем вы пишете какие-то телеграфические краткие восклицания, из коих ничего понять нельзя.

1) От Ивановича [Сталин] ничего, — что он? Где он? Как он? Дьявольски необходим легальный человек в Питере или около Питера, ибо там дела плохи. Война бешеная и трудная. У нас ни информации, ни руководства, ни надзора за газетой.

---

[1]) Речь идет о Всероссийской конференции РСДРП (Пражской), происходившей с 5 (18) по 17 (30) января 1912 г.

[2]) Меньшевики участники конференции, делегаты от Киева — Шварцман и от Екатеринослава — Зевин.

[3]) ДП, о. о., 1910—12 гг., д. № 5, ч. 1, л. 67.

[4]) В «Датах жизни и деятельности Ленина», изд. Института Ленина, 1931 г., указания на этот факт не имеется; есть лишь сведения об участии Ленина на совещании ЦК РСДРП в Лейпциге 19 января (1 февраля) 1912 г.

[5]) Воспроизводится с копии, находящейся в фонде ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 79, л. 59.

2) Связей ни один из конферентов не доставляет. Ни один, ни один! Ведь это же развал полный!

3) Резолюций толковых, ясных, с указанием, от какой организации, с присоединением к решениям, с подтверждением того, что делегат от них был, приехал, выслушал, нет ниоткуда. Неужели не ясна разница таких формальных резолюций от писем интимного свойства: «прилично» — «здорово» — «победители» и т. п.?. Нет резолюции из Киева, из гор. Савки[1]). Николай прислал письмо с рядом радостных возгласов, но совершенно бестолковое. Ни для печати, ни для официального использования оно совершенно не годится: были ли прочтены все резолюции?[2]). Одобрено ли их содержание? Каков текст резолюции о конференции? Соединяются ли с местными ликвидаторами? Ни на один (ни на один!) из этих основных элементарных вопросов нет никакого ответа. Связей с этим городом (архиважен!) нам не передано ни одной. Разве это не развал? Разве эта не насмешка над работой?

4) Резолюции о требовании денег ниоткуда ни одной. Просто позор!

5) Ни из Тифлиса, ни из Баку (центры страшно важные) ни звука толком, были ли доклады? Где резолюции? Стыд и срам!

6) Ниоткуда ни единой перепечатки извещения или хотя бы части его, ни печатной, ни гектографированной![3]) Позор.

7) Точного письменного ответа нет и о платформе. Будет ли издана? Когда? Утверждена ли полностью? Нам надо печатать ее в ЦО, но точных вестей нет.

8) Необходимо еще раз объехать все организации и везде провести резолюции точные, формальные, подробные, толковые, ясные и а) о представительстве на конференцию и по существу, б) и о присоединении к ЦК, в) и против ликвидаторов — конкретно против местных и вообще, и д) с требованием денег.

9) С деньгами плохо, пришлите решение, дающее нам право на судебный иск; от немцев отказ[4]). Без суда крах полный через три-четыре месяца.

10) Если у вас нет денежных источников, надо тотчас радикально пересмотреть бюджет: мы вышли из всех норм и идем к банкротству.

11) В «Vorwärts'e» от 26 марта появилась бешеная и гнусная статья против конференции, от имени редакции. Ясно, что это Троцкий. Бой великий из-за конференции, а Россия молчит. Нечего бравировать и хвастать: все знают о «Vorwärts'e» и протестах, а из России ничего.

Итог: это развал и дезорганизация. Объезд и связи. Переписка точная. Перепечатка. Извещения хотя бы гектографированные. Иначе все одно хвастовство.

Ленин.

Передайте письмо С. для дальнейшей пересылки. Привет!

---

[1]) Екатеринослав, где работал Зевин, революционная кличка которого была «Савка».

[2]) Речь идет о резолюциях Всероссийской (Пражской) конференции РСДРП.

[3]) Речь идет о брошюре «Всероссийская конференция РСДРП 1912 г.», вышедшей в Париже в издании Центрального комитета в феврале 1912 г., где помещены «Извещение о конференции» и все принятые на ней резолюции.

[4]) Речь идет о получении денег от «держателей»—немецких с.-д. К. Цеткин, К. Каутского и Ф. Меринга — см. примечание ниже.

Письмо Н. К. Крупской 3 апреля 1912 г.[1])

Химический текст.

3/IV [1912 г.]. Дорогой друг, получили ваше письмо. Получили ли вы наше? Вся наша публика разбрелась кто куда в поисках работы. Друг с другом плохо связаны; каждый думает, что дело делают другие. Между тем положение дел таково, что требует напряжения всех сил. Против конференции ополчились все заграничные силы — голосовцы, бундовцы, меньшевики, латыши, примиренцы, впередовцы, парижские плехановцы (Плеханов молчит пока что). Собрали они тут так наз. «партийное» собрание, куда натащили всякого неимеющего к партии никакого отношения народу, и провели резолюцию, что конференция была ленинским свозом [2]), и решено поддерживать бундовско-латышскую конференцию [3]). Издательская деятельность сразу оживилась. Вышел № 4 и 5 листка «Голос с.-д.», бундовские «Известия», «Правда» № 24, брошюра впередовцев. Вранье самое нахальное идет. Вся эта литература направлена против конференции. Троцкий проповедует, что главная задача конференции привлечь ликвидаторов, что лучше их и социал-демократов нет и что теперь они вовсе не отрицают партии. Резолюция парижского собрания послана в Международное бюро, перепечатана в «Vorwärts'e» немцами, причем тут же напечатана статья приятеля Троцкого Гильфердинга о русских делах — самого гнусного характера. Теперь «блок» выдает эту статью Троцкого за «мнение немецкой социал-демократии». Денег от немцев добром явно не получим. «Блок» собирает на ликвидаторскую конференцию деньги с немцев. Ну, немцам где разобраться в русских делах, написано в «Vorwärts'e», — так, значит, и есть. «Правда», листки, брошюры впередовцев, все это полетит теперь в Россию, всякие сплетнические письма. Всему этому нужно дать отпор, если не хотеть, чтобы партийцы были побеждены ликвидаторами. Наша публика очень уж благодушно настроена и слишком легко смотрит на заграницу, склока-де. Чтобы покончить со склокой, надо дать отпор. Надо провести ряд формальных резолюций, подобрать народ. Каково положение дел в Москве? Существует ли там организация или все и вся провалилось? Невозможно собрать публику и выяснить дело. «Блок» рассчитывает, что Московская организация примет участие и в ликвидаторской конференции. Не сможете ли съездить в Нижний, повидаться с тамошней публикой? Правда ли, что «Кацап» [А. А. Поляков] приветствует конференцию и обещал работать? Немедля сообщите о получении этого письма и вообще пишите почаще. Всего лучшего.

Н. К.

3/IV 1912 г.

---

[1]) ЦП, о. о., 1910 г., д. № 5, прод. П, л. 240. Воспроизводится с копии.

[2]) Речь идет о состоявшемся в Париже 12 марта 1912 г. совещании ликвидаторов во главе с Троцким для принятия резолюции протеста против Всероссийской (Пражской) конференции РСДРП (см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. XV, прим. 181, стр. 659, XIII Лен. сб., стр. 205).

[3]) Имеется в виду состоявшееся в январе 1912 г. совещание национальных организаций (Бунд, СД Латышского края, Кавказский областной комитет и СД Польши и Литвы). Это совещание и созданное им Бюро организационного комитета подготовило троцкистско-ликвидаторскую «Августовскую» конференцию 1912 г

И. В. СТАЛИН
(1912 г.)

Из агентурной записки Московского охранного отделения от 29 марта 1912 г. [1]).

Ленин на Международном социалистическом бюро заявил, что он снимает с себя представительство от старого ЦК РСДРП, так как последний перестал существовать, а является сейчас в Бюро представителем от нового ЦК, избранного конференцией русских организаций.

Международное социалистическое бюро согласилось принять его в свой состав, не входя в рассмотрение вопроса, правильно или неправильно образован этот комитет. Да Бюро и не могло входить в рассмотрение этого вопроса, ибо по уставу правом представительства пользуется всякая социалистическая партия, защищающая интересы пролетариата. Сколько таких партий в стране, это безразлично, лишь бы они были социалистическими и имели организационную связь с массами.

А что этим двум условиям новая организация удовлетворяет, это несомненно. Кроме того это уже не первый случай, так как до сих пор, кроме социал-демократов, в Международное социалистическое бюро входил представитель от социалистов-революционеров, а Англия представлена даже тремя лицами. Извещение о происшедшей перемене Бюро разослано по всем странам, входящим в состав Интернационала, и везде было опубликовано за исключением Германии.

«Vorwärts» не опубликовал этого извещения, а напротив, в нем была помещена анонимная статья, по всем приметам принадлежащая перу Троцкого, в которой излагаются горькие жалобы на раскол, произведенный Лениным, выражается протест против объявления конференцией себя верховным органом партии и называется узурпаторством присвоение новой организацией старого партийного имени. На эту статью Ленин написал уже обстоятельный ответ, который переводится сейчас на немецкий язык. Если «Vorwärts» откажется его печатать, то он будет издан в Германии отдельной брошюрой [2]).

Приняты также меры для выделения и сплочения всех сочувствующих новой организации. Я уже писал, что образована заграничная организация РСДРП, главным условием приема в которую является признание законности конференции и нового ЦК и отказ от сношений с Россией кроме как через ЦК. Теперь большевистские заграничные группы повсеместно колятся, образуются везде секции новой заграничной организации, в которые входят не только все большевики-ленинцы, но и некоторые из большевиков-примиренцев, меньшевиков-партийцев, часть латышей и как исключение немногие из бундовцев.

Не дремлет и Россия. Со всех сторон получаются резолюции, одобряющие все решения конференции и признающие ЦК. Ну, да от организаций, делегировавших своих представителей на конференцию, ничего другого и ожидать нельзя было. Гораздо знаменательнее резолюция областной конференции сельских рабочих Прибалтийского края (это члены Латышской партии). В этой резолюции выражается сожаление, что латышский ЦК отказался участвовать в конференции, и выражается принципиальное одобрение решениям, принятым ею. Эта резолюция по-

---

1) ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, прил. 2, лл. 225—228.

2) Имеется в виду статья Ленина «Аноним из «Vorwärts'а» и положение дел в РСДРП», написанная в марте 1912 г. и направленная в редакцию «Vorwärts». Так как «Vorwärts»» отказался ее напечатать, она выпущена была в Париже отдельной брошюрой на немецком языке с подписью «Редакция ЦО РСДРП «Социал-демократ»»; см. Сочинения Ленина, 2 изд., т. XV, стр. 419—431.

казывает, что в Латышской партии не все уже так непримиримо настроены, как их ЦК. Это же показывает и факт вступления в заграничные секции многих заграничных латышей.

Весьма возможно, что, в конце концов, латышский ЦК принужден будет отказаться от участия в голосовской конференции, если только она состоится, а отсюда и до объединения с латышами только один шаг...

Выписка из письма за подписью «Вера Семеновна», С.-Петербург, 13 мая 1912 г., в Париж, С. Лещинскому, 10. Rue Cardinal Lemoines [1]).

Уважаемый товарищ Надежда Константиновна! За неимением адреса некогда известить вас о положении дел в Петербурге. Об аресте Сер[го — Орджоникидзе] и Коб[ы — Сталина] вам, наверно, уже известно. Личность С[ерго] раскрыли, его обвиняют за побег из ссылки. Коб[а — Сталин, И. В.] пока о себе никаких сведений не дал. Что касается местной работы, то кое-что удалось наладить... [2]).

Из отношения московского градоначальника на имя министра внутренних дел от 23 мая 1912 г. № 298035 [3]).

По агентурным сведениям подведомственного мне охранного отделения, на одном из последних партийных заседаний известный с.-д. деятель В. И. Ульянов («Ленин») отметил, что необходимо принятие самых энергичных мер к проведению в IV Государственную думу кандидатов РСДРП, но, вместе с тем, остановился на вопросе о строжайшей конспирации при предварительных обсуждениях кандидатур, дабы партия не могла бы в будущем понести серьезные неудачи, примером чего может служит прошлогоднее поражение в Москве, когда расконспирированный до начала выборов кандидат на место ушедшего Ф. А. Головина литератор Скворцов был задержан и выслан из столицы [4]).

Генерал-майор Адрианов.

Начальник отделения полковник П. Заварзин.

Выписка из письма, с подписью «В. Мих[айлов — В. М. Молотов]», секретарь газеты «Правда», С.-Петербург, от 16 июня 1912 г., к Вл. Ульянову, в Краков, Австрия [5])

Письмо ваше мы получили и выслали старые номера «Правды» [6]) и «Невской звезды». В дальнейшем также будем вам высылать и то

---

[1]) ДП, перлюстрация, 1912 г., д. № 1 — май.

[2]) Продолжение письма, использованное в ст. «Апрельско-майские дни 1912 г. в Петербурге», в № 3(14) «Красной летописи», 1925 г., стр. 224—225, опускается.

[3]) Моск. охр. отд., агентурный отдел, 1912 г., д. № 3, л. 113.

[4]) Речь идет о резолюции Всероссийской (Пражской) конференции РСДРП «О выборах в IV Государственную думу». Имеется в виду пункт 6, в части подготовки к избирательной кампании гласящий следующее: «Ввиду правительственных преследований, ареста с.-д. кандидатов и т. п., необходима особенно выдержанная, систематическая и осторожная работа, чтобы всеми способами, быстро сообразуясь с различными приемами полицейской тактики, парализовать все ухищрения и насилия царского правительства и провести с.-д. в IV Государственную думу, а затем и вообще укрепить группу демократических депутатов в этой думе» — см. Ленин, Сочинения, 2 изд., т. XV, стр. 381.

[5]) ДП, перлюстрация, 1912 г., № 1176.

[6]) «Правда» — ежедневная легальная большевистская газета, выходившая в Петербурге с 5 мая (22 апреля) 1912 г. по 21 (8) июля 1914 г., переменив девять названий.

и другое. Теперь же пока нужно вам заявить, что нам очень нужны статьи; надеемся, что пришлете и будете присылать без замедления. Ждем ваших статей.

Приговор Петербургской судебной палаты от 25 июня 1912 г. [1])

1912 года, июня 25 дня. По указу его императорского величества, С.-Петербургская судебная палата, по 2-му уголовному департаменту, в открытом судебном заседании, в котором присутствовали: . . . . . [2])

Слушала: дело об уничтожении брошюры: «Н. Ленин. Доклад об объединительном съезде социал-демократической рабочей партии. (Письмо к петербургским рабочим)». Москва. 1906 г.

Рассмотрев означенное дело и имея в виду: 1) что в брошюре «Н. Ленин. Доклад об объединительном съезде социал-демократической рабочей партии. (Письмо к петербургским рабочим)», Москва, 1906 г., заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 п. 129 ст. угол. улож., 2) что определением СПБ судебной палаты, от 10 июля 1906 г., постановление СПБ комитета по делам печати о наложении ареста на вышеуказанную брошюру утверждено и 3) что дело об издании и распространении означенной брошюры, определением СПБ судебной палаты от 25 сентября 1908 г., за необнаружением виновных, дальнейшим производством прекращено, судебная палата, по выслушании заключения товарища прокурора, определяет: брошюру: «Н. Ленин. Доклад об объединительном съезде социал-демократической рабочей партии. (Письмо к петербургским рабочим)», Москва, 1906 г., на основании 1 п. 129 ст. угол. улож. и 1213[16] ст. у. у. с., уничтожить вместе с стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для ее напечатания.

Подлинное за надлежащими подписями и скрепою.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже Красильникова в департамент полиции от 10 августа 1912 г. № 1016 [3])

Вследствие предписания от 27 минувшего июля, за № 104 403, имею честь доложить вашему превосходительству, что упомянутые в нем заграничные адреса являются:

Под № 1-м — M-me Oulianoff, 4, Marie-Rose, Paris — хорошо известным адресом Надежды Константиновны Ульяновой-Лениной, жены лидера большевиков РСДРП Владимира Ульянова-Ленина.

Чиновник особых поручений Красильников.

Приговор Петербургской судебной палаты от 21 августа 1912 г.

1912 года, августа 21 дня. По указу его императорского величества, С.-Петербургская судебная палата, по 2-му уголовному департаменту, в открытом судебном заседании, в котором присутствовали: председательствующий М. В. Лешко-Попель, члены палаты — И. П. Севастьянов и Г. И. Орлов, товарищ прокурора П. М. Устимович, помощник секретаря Д. М. Молчанов.

---

[1]) ЛОЦИА, Петерб. ком. по делам печати, 1906—1912 гг., д. № 162, л. 9. Воспроизводится с копии в деле.

[2]) Пропуск в копии.

[3]) ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 1, лит. А, л. 30.

[4]) ЛОАУ, Канц. ст. инспектора типографий Петербурга, д. 1093, л. 4. Воспроизводится с копии в деле.

Слушала: дело об уничтожении брошюры: «Н. Ленин. Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии». Книгоиздательство «Вперед», СПБ, 1906 г.

Рассмотрев настоящее дело и имея в виду: 1) что в брошюре: «Н. Ленин. Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии». Книгоиздательство «Вперед», СПБ, 1906 г., заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 п. 1 ч. 129 ст. угол. улож., 2) что определением СПБ судебной палаты, от 13 октября 1911 г., постановление СПБ комитета по делам печати о наложении ареста на вышеназванную брошюру утверждено и 3) что дело об издании и распространении рассматриваемой брошюры определением СПБ судебной палаты, от 14 августа с. г., за недоказанностью распространения брошюры и за истечением давностного срока для предъявления обвинения по 132 ст. угол. улож., дальнейшим производством прекращено, судебная палата, по выслушании заключения товарища прокурора, определяет: брошюру: «Н. Ленин. Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии». Книгоиздательство «Вперед», СПБ, 1906 г., на основании 1 п. 1 ч. 129 ст. угол. улож. и 1213[16] ст. у. у. с., уничтожить вместе с стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для ее напечатания.

Подлинное за надлежащими подписями и скрепою.

Приговор Петербургской судебной палаты 26 октября 1912 г.[1])

1912 года, октября 26 дня. По указу его императорского величества, С.-Петербургская судебная палата, по 2-му уголовному департаменту, в открытом судебном заседании, в котором присутствовали: . . . . . [2]).

Слушала: дело об уничтожении брошюры «Н. Ленин. Социал-демократия и избирательные соглашения». Книгоиздательство «Вперед», СПБ, 1906 год, типо-литография «Отто Унфуг».

Рассмотрев настоящее дело и имея в виду: 1) что в брошюре «Н. Ленин. Социал-демократия и избирательные соглашения». Книгоиздательство «Вперед», СПБ, 1906 г., типо-литография «Отто Унфуг», заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул., 2) что определением СПБ судебной палаты от 1 августа с. г. постановление СПБ комитета по делам печати о наложении ареста на вышеназванную брошюру — утверждено и 3) что дело об издании и распространении рассматриваемой брошюры определением СПБ судебной палаты от 24 октября с. г., за недоказанностью факта распространения брошюры и за истечением давностного срока для предъявления обвинения к лицам, виновным в напечатании брошюры,— по 132 ст. уг. ул., на основании 277 ст. у. у. с., дальнейшим производством прекращено, судебная палата, по выслушании заключения товарища прокурора, определяет: брошюру «Н. Ленин. Социал-демократия и избирательные соглашения». Книгоиздательство «Вперед», СПБ, 1906 г., типо-литография «Отто Унфуг», на основании 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул. и 1213[16] ст. у. у. с., уничтожить вместе с стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для ее напечатания.

Подлинное за надлежащими подписями и скрепою.

---

[1]) ЛОЦИА, Петерб. ком. по делам печати, 1912 г., д. № 106, л. 9. Воспроизводится с копии в деле.

[2]) Пропуск в подлиннике.

Из записки начальника Московского охранного отделения на имя директора департамента полиции Белецкого от 11 ноября 1912 г. № 306 442 [1]).

На происходившем за границей заседании членов ЦК («Ленин», «Зиновьев» и «Коба» [Сталин]) решено организовать в пределах империи пять отдельных подпольных техник, поставив их вне местных подпольных организаций, во избежание возможного при частых арестах и ликвидациях провала. Обслуживая местные нужды, эти техники будут работать при помощи самостоятельно созданных для них небольших (в 3—5 человек) групп и останутся учреждениями ЦК. Поставить эти техники берет на себя какой-то партийный работник грузин, который думает истратить на каждый из необходимых станков не более 40 рублей; он же сорганизует на местах необходимые технические группы и явится их ответственным перед ЦК руководителем и посредником.

Ваш покорнейший слуга А. Мартынов.

Из агентурной записки Московского охранного отделения по Российской социал-демократической рабочей партии 17 ноября 1912 г. [2])

Сведения.	Резолюция начальника, исполнения по ним и установки.
. . . . .	. . . . .
„Ленин" пригласил к себе за границу вновь избранных в Государственную думу IV созыва социал-демократических депутатов по рабочим куриям. Цель означенного приглашения — желание дать указания относительно поведения и вообще работы в думской фракции. Удастся ли „Ленину" собрать на это совещание всех социал-демократов депутатов, неизвестно [3]).	Учесть в розыске—принять к сведению. „Ленин"—Ульянов, Владимир Ильич, дворянин.

Отношение Главного управления по делам печати на имя прокурора Петербургского окружного суда от 27 февраля 1913 г. № 3025 [4])

Вследствие отношения от 10 января с. г. за № 120, Главное управление по делам печати уведомляет ваше превосходительство, что, согласно сообщению СПБ градоначальника от 17 февраля с. г. за № 825, 30 января с. г. в типографии СПБ градоначальства, в комиссии, уничтожены посредством разрывания на мелкие части арестованные экземпляры брошюры под заглавием «Н. Ленин. Социал-демократия и избирательные соглашения». К-во «Вперед». СПБ, 1906, типо-литография «Отто Унфуг», цена 6 коп.

К изложенному Главное управление по делам печати считает долгом присовокупить, что относительно приговора СПБ судебной палаты от 26 октября 1912 г. об уничтожении экземпляров упомянутой бро-

---

[1]) ДП, о. о., 1910—1913 гг., д. № 5, прод. 3, л. 44 об.

[2]) ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 46, лит. Б, л. 172.

[3]) Имеется ввиду „Февральское" совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, происходившее с 28 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г.

[4]) ЛОЦИА, Канц. Ул. упр. по делам печати, I отд., 1912 г., д. 317, л. 11. Воспроизводится с отпуска.

№ 2977 549

М. В. Д.
С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ
ГРАДОНАЧАЛЬНИКЪ.

Инспекція по надзору за типографіями, литографіями и т. п. заведеніями, а также книжною торговлею въ С.-Петербургѣ.

" " Февраля 1913

№ 825.

18го Февраля 1913 10

17 ФЕВ. 1913

Въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

17/2

Вслѣдствіе отношенія отъ 17 Января сего года за № 812, имѣю честь увѣдомить Главное Управленіе по дѣламъ печати, что 30 Января сего года въ типографіи С.Петербургскаго Градоначальства, въ коммиссіи, уничтожены посредствомъ разрыванія на мелкія части арестованные экземпляры брошюры "Ленинъ. Соціалдемократія и избирательныя соглашенія". Книгоиздательство "Впередъ".

Два экземпляра этой брошюры при семъ прилагаются.

15/II

За Градоначальника, Помощникъ его,
Камергеръ ВЫСОЧАЙШАГО Двора [signature]

Два экземпляра упомянутой брошюры получилъ 27/II 1913 [signature]

Старшій Инспекторъ [signature]

317
14/II

шюры сообщено гг. губернаторам в циркулярном отношении управления от 21 января 1913 г., за № 1028, для зависящих с их стороны распоряжений.

И. д. начальника Главного управления по делам печати
гр. Татищев.
Исп. об. правителя дел граф Головин.

Из доклада директора департамента полиции Белецкого министру внутренних дел от 2 марта 1913 г. [1])

Некоторыми членами Государственной думы подписан запрос, предъявленный господину председателю Совета министров и министру внутренних дел по поводу обыска в ночь на 10 февраля сего года в квартире члена Государственной думы Петровского чинами С.-Петербургского охранного отделения и столичной полиции и лишения последними того же члена Государственной думы свободы.

...В начале февраля текущего года Петербургскому охранному отделению стало известно о проживании в квартире члена Государственной думы Петровского лиц, не располагающих правом жительства в столице, а именно: мещанина г. Полоцка Якова Свердлова и дочери екатеринбургского купца Клавдии Новгородцевой...

Этим обстоятельством и объясняется необходимость посещения чинами охранного отделения квартиры члена Государственной думы Петровского, принадлежащего к социал-демократической фракции Государственной думы большевистско-ленинского направления. Сторонники этого течения, во главе с известным членом Центрального комитета российской социал-демократической рабочей партии Лениным, стремятся к изменению существующего государственного строя путем вооруженного восстания и образования временного правительства на демократических началах. Не надеясь в ближайшем будущем привести в исполнение указанный замысел, представители названного течения рекомендуют своим сотоварищам прежде всего использовать в революционных выступлениях членов Государственной думы, входящих в состав социал-демократической фракции, и в этих целях устанавливать с фракцией самые тесные связи. Причина такого требования стоит в тесной связи с назначением самой фракции; задачи, преследуемые фракцией, заключаются в открытой и при том легальной пропаганде с думской кафедры программных требований Российской социал-демократической рабочей партии в целях ознакомления с таковыми возможно большего числа рабочих и населения. Помимо того, думская социал-демократическая фракция является местом, куда обращаются социал-демократы за разрешением различных партийных вопросов, а также за защитой партийных интересов и откуда получаются директивы о направлении социал-демократической работы на местах.

Играя такую роль в жизни страны, социал-демократическая фракция в то же время является органом, подчиненным Центральному комитету Российской социал-демократической рабочей партии, в состав коего входят вышеупомянутый Ленин, его супруга, урожденная Крупская, и еврей Радомысльский. Первый из них является убежденнейшим социал-демократическим работником уже в течение 17 лет; за свою деятельность в России Ленин в 1897 году был сослан в Восточ-

[1]) ДП, о. о., 1913 г., д. № 307, лл 381—387.

ную Сибирь на 3 года, после чего выбыл за границу, где в настоящее время и находится; за время проживания за границей Ленин принимал участие почти во всех съездах партии и заведывал средствами последней; с учреждением Государственной думы создал «социал-демократическую фракцию»; с появлением в 1909 году в партии отдельных течений Ленин создал отдельное «большевистское течение», названное его именем, переформировал за границей партийные учреждения, издавал на протяжении ряда лет несколько партийных органов и в настоящее время состоит издателем Центрального органа «Социал-демократ».

Что касается его жены, урожденной Крупской, то последняя также была подвергнута в 1898 году 3-летней административной высылке, по отбытии коей направилась за границу и стала ближайшей помощницей своего супруга Ленина во всех партийных предприятиях последнего, исполняя роль секретаря Центрального комитета, принимая участие в нескольких бывших за границей партийных конференциях и ведя до настоящего времени оживленные сношения со многими существующими в империи социал-демократическими организациями.

Затруднения, возникшие в вопросах отдания партийных директив существующим нелегально в России социал-демократическим организациям, в издании партийной литературы и в транспортировке ее из-за границы для распространения в России, побудили Ленина, в целях ближайшего воздействия Центрального комитета на означенные социал-демократические организации и для поднятия духа в таковых, создать в Петербурге «Русское бюро Центрального комитета», составив таковое частью из членов социал-демократической фракции Государственной думы, частью из известных социал-демократических деятелей путем кооптации таковых. В числе таких кооптированных членов «Русского бюро» известны были задержанный в квартире члена Государственной думы Петровского Свердлов и арестованный в феврале месяце некий Иосиф Джугашвили [И. В. Сталин][1]), также бежавший из Нарымского края.

Насколько известно, Свердлов предполагался для редактирования издаваемой в Петербурге легальным порядком под руководством члена Государственной думы Бадаева газеты «Правда», которая является руководящим органом ленинцев в России и ведет на своих страницах неустанную пропаганду социал-демократических идей.

Из сказанного явствует, что деятельность Российской социал-демократической рабочей партии, ввиду стремления к достижению означенных выше своих идеалов, является деятельностью безусловно противогосударственного направления и ведет к созданию в империи смуты. В то время, как вся верноподданная часть населения России единодушно готовилась к празднованию высокоторжественных дней 300-летия царствования дома Романовых, эта партия в лице вышеупомянутого Центрального комитета, совместно с думской фракцией, была занята выработкой директив по омрачению этих торжеств. Для достижения сего эта партия стремилась к устройству революционных выступлений в форме демонстраций политического характера, забастовок рабс-

---

[1]) Джугашвили арестован в зале Калашниковской биржи во время концерта-маскарада; он в момент ареста сидел за отдельным столом с членом Госуд. думы Шаговым. (Примечание в подлиннике.)

чих и студенческих беспорядков с выпуском листков и прокламаций революционного содержания.

Директор С. Белецкий.

Отношение департамента полиции на имя заведующего заграничной агентурой в Париже от 12 марта 1913 г. № [?] [1])

Ознакомясь с содержанием доклада вашего высокоблагородия от 7 (20) февраля сего года, за № 240, департамент полиции считает необходимым уведомить вас, что, согласно имеющимся в департаменте сведениям, на конференции членов Российской социал-демократической рабочей партии в Кракове [2]) член Государственной думы Полетаев не присутствовал, а на помянутом совещании были следующие лица: Ленин, Зиновьев, Надежда Константиновна Крупская, члены Государственной думы Малиновский, Петровский, Бадаев, Валентина Николаевна Лобова, вызванный из Петербурга рабочий Медведев (токарь), поручик русской артиллерии Трояновский (настоящая фамилия), жена Трояновского Галина, бывшая партийная работница на юге, и Коба [Сталин].

За вице-директора полковник Еремин.
За заведующего особым отделом Курочкин.

Копия письма с подписью «Федя», (Франция), 13 мая 1913 г., в Москву, к Эмилию Нордштрему, Садовая улица, д. № 410, кв. 10 [3]).

Письму вашему я очень обрадовался. Я тоже считаюсь ликвидатором с.-д., так как на меня еще в Париже сыграла «Наша заря» свою роль [4]). Я еще там вышел из-за нее из большевистской организации. Подкупили меня и взгляд на борьбу с реакцией и их взгляд на подполье. Ваше замечание относительно озлобления безусловно верное, но все-таки теоретические-то разногласия довольно сильны. Попробуйте-ка убедите Ленина в том, что наше движение более или менее определилось на германский тип развития, — он зубами загрызет за это. Его прямо преследует революция — вот-вот она, он ее уже видит...

Из агентурной записки Варшавского районного охранного отделения по городу Варшаве за апрель 1913 г., составленной 25 мая 1913 г. № 5 365 [5]).

Лидер русских большевиков Ленин прочел 18 апреля (в здании народного университета по улице Шевской) лекцию на тему «Рабочее движение в России и социал-демократия» [6]). Говорил он по-русски. Между ним и редактором «Пржедсвита», Васильевским, завязалась го-

---

[1]) ДП, о. о., 1910—13 гг. д. № 5, прод. 3, л. 211. Воспроизводится с отпуска.

[2]) Речь идет о происходившем 28 декабря 1912 г.—1 января 1913 г. в Кракове совещании ЦК РСДРП с партийными работниками, названном по конспиративным соображениям «февральским».

[3]) ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 1, лит. Б, л. 56. На подлиннике перлюстрации имеется след. адрес отправителя: «Tchijow, Rue des Merlicans, 55, Anzin (Nord) France».

[4]) Так в подлиннике. «Наша заря» — ежемесячный легальный журнал, орган ликвидаторов, выходил в Петербурге с начала 1910 по 1914 г.

[5]) ДП, о. о., 1913 г., д. № 143, лит. Б, л. 15 об.

[6]) В «Датах жизни и деятельности Ленина 1870—1924», изд. Института Ленина, 1931 г. нет указания на этот факт. Повидимому, речь идет о докладе Ленина, прочитанном в Кракове.

грячая полемика по поводу вооруженного восстания в Царстве польском [1])...

Подробный отчет об этой лекции помещен в «Напржуде» [2]).

Начальник районного охранного отделения [подпись].

Помощник по району подполковник [подпись].

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже Красильникова на имя директора департамента полиции от 12 июня 1913 г. № 924 [3]).

По полученным от агентуры сведениям, Ленин обратился с письмом в парижскую секцию большевиков с предложением принять меры к регулярной постановке вопроса о нелегальной литературе и издании партийного центрального органа «Социал-демократ», так как постоянная конфискация №№ издающейся в С.-Петербурге «Правды» делает невозможным проводить свои идеи в рабочие массы и вести широкую пропаганду.

В связи с этим предложением парижская секция большевиков подняла вопрос о созыве конференции заграничных групп большевистского толка с главной целью оборудовать регулярные выпуски центрального органа и другой партийной литературы.

Конференцию предложено созвать текущим летом [4]).

Об изложенном имею честь доложить вашему превосходительству.

Чиновник особых поручений Красильников.

Выписка из письма за подписью «Твой друг...» [5]), Цюрих, 21 июня 1913 г., в м. Грицев, Волынской губернии, Моисею Вольфовичу Качману [6]).

Завтра пойду на лекцию Н. Ленина «Национальный вопрос и социал демократия» [7]). Хочу преподать тебе маленький совет: не пиши на открытках о вашей общественной деятельности — не забывай, что ты живешь не в Европе или Америке, а в матушке Рассее.

Приговор Петербургской судебной палаты от 26 июня 1913 г. [8]).

1913 года, июня 26 дня. По указу его императорского величества, С.-Петербургская судебная палата, по 2-му уголовному департаменту, в открытом судебном заседании, в котором присутствовали:

---

[1]) «Przedsivit» («Рассвет») — теоретический орган Польской социалистической партии (ППС).

[2]) «Naprzòd» («Вперед») — центральный орган Польской с.-д. партии, издавался в Кракове.

[3]) ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 10.

[4]) Речь идет о 2-й конференции заграничных организаций РСДРП, состоявшейся в Берне 3 августа (21 июля) 1913 г., на которой В. И. Ленин делал доклад о положении дел в партии. См. ниже доклад Красильникова от 18 августа 1913 г., № 1267.

[5]) Неразобрано.

[6]) ДП. о. о., 1913 г., д. № 9, ч. 51, лит. Б, л. 27.

[7]) В «Датах жизни и деятельности Ленина», изд. Института Ленина, 1931 г., дата реферата указана «26 июня (9 июля)»; запись прений на этом реферате см. в XVII Ленинском сборнике, стр. 213—215.

[8]) ЛОАУ, Канц. ст. инспектора типографии Петербурга, д. № 37, л. 1. Воспроизводится с копии в деле.

Председательствующий Н. Д. Архангельский, члены палаты К. А. Васильев. М. П. Стремоухов, товарищ прокурора Е. В. Давыдов, помощник секретаря Н. Н. Белов.

Слушала: дело об уничтожении брошюры «Н. Ленин. Услышишь суд глупца... Из заметок с.-д. публициста». Книгоиздательство «Новая дума», СПБ, 1907 года.

Рассмотрев настоящее дело и имея в виду: 1) что в брошюре «Н. Ленин. Услышишь суд глупца... Из заметок с.-д. публициста». Книгоиздательство «Новая дума», СПБ, 1907 г., заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 п. 1 ч. 129 ст. угол. улож.; 2) что определением СПБ судебной палаты, от 15 мая 1912 года, постановление СПБ комитета по делам печати о наложении ареста на вышеназванную брошюру утверждено и 3) что дело об издании и распространении рассматриваемой брошюры, определением СПБ судебной палаты от 20 мая 1913 года, на основании 5 п. XVIII ст. именного высочайшего указа от 21 февраля 1913 года, дальнейшим производством прекращено, судебная палата, по выслушании заключения товарища прокурора, определяет: брошюру «Н. Ленин. Услышишь суд глупца... Из заметок с.-д. публициста». Книгоиздательство «Новая дума». СПБ, 1907 г., на основании 1 п. 1 ч. 129 ст. угол. улож. и 1 213 [16] ст. уст. угол. судопроизв., уничтожить вместе с стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для ее напечатания.

Подлинное за надлежащими подписями и скрепою.

Из докладной записки Петербургского охранного отделения на имя директора департамента полиции от 15 августа 1913 г. № 4815 [1]).

В дополнение записки от 28 минувшего июля, за № 4 797 [2]), докладываю вашему превосходительству, что, по полученным в отделении сведениям, в Австрии, в м. Закопане, в конце прошлого июля месяца, под председательством лидера партии Ленина, состоялось совещание руководителей фракции большевиков Российской социал-демократической рабочей партии по поводу репрессий в отношении рабочей печати в С.-Петербурге, в результате которого приняты нижеследующие решения.

По сведениям Центрального комитета партии, гонения на рабочую печать являются результатом совещаний объединенного дворянства, заинтересованного в различных торговых, промышленных и фабричных предприятиях, под давлением которого правительство и приняло в настоящее время энергичные меры по отношению к рабочей прессе, решив, повидимому, окончательно обессилить таковую, в надежде, что репрессии много сократят забастовочное движение.

Если репрессии не прекратятся, решено усилить нелегальную печать в виде брошюр и листков, для чего поставить в империи хорошую нелегальную технику, употребив на это 30 000 марок, которые находятся ныне у германских социал-демократов и в наступающем сентябре месяце будут переданы Центральному комитету партии. Транспортировку неле-

---

1) ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 80.

2) В этой докладной записке сообщалось след.: «На совещании обсуждаются вопросы о необходимости созыва Всероссийской конференции Российской социал-демократической рабочей партии и об организации в августе сего года школы для членов Государственной думы социал-демократов-большевиков и некоторых других наиболее деятельных партийных работников, предназначенных в качестве делегатов на предстоящую конференцию, намеченную к созыву в сентябре сего года». ДП, о.о., 1910 г., д. № 5, л. 54.

гальной литературы из-за границы предполагается производить при содействии пограничного польского населения, переходящего границу по легитимационным билетам. Также решено увеличить число экземпляров центрального органа партии «Социал-демократ» и выпускать его более часто и аккуратно.

Кроме того, было решено немедленно приступить к изданию в Москве рабочей газеты под названием «Наш путь», причем днем выпуска первого № таковой намечено 20 августа [1]).

Совещание пришло к заключению, что так как просветительные общества и профессиональные союзы систематически преследуются и закрываются правительством, то нет возможности вести легальную партийную работу, почему необходимо перейти в подполье и создать нелегальную организацию по примеру 1905 года, с изменениями, указанными практикой прошлой революции.

По тем же сведениям, в упомянутом выше м. Закопане будет открыта фракционная школа, курс обучения в коей продолжится с 1 сентября по 1 октября текущего года, причем в числе учеников этой школы будут члены Государственной думы фракции большевиков и рабочие с мест: от Петербурга—4, Москвы—3, Одессы и Николаева—2, Екатеринослава—1 и Харькова—1. Выбор учеников рабочих предоставлен членам Государственной думы. Фракция меньшевиков участия в школе не принимает.

Из донесения заведующего агентурой в Париже Красильникова в департамент полиции от 18 августа 1913 г. № 1 267 [2]).

По полученным от агентуры сведениям, между 3 и 8 августа с. г. в Берне состоялась конференция заграничных секций (организаций) Российской социал-демократической рабочей партии, т. е. большевистских.

Конференция эта была вызвана необходимостью поднять и усилить деятельность заграничных секций (большевистских) ввиду настоятельной нужды правильной организации выпуска нелегальной заграничной литературы, транспортов, материальной поддержки Центральному комитету и Центральному органу.

Местом конференции был избран Берн потому, что там временно проживают Ленин с женой, участие коих в конференции считалось необходимым...

Два первых дня были посвящены докладам с мест. В результате оказалось, что наиболее активными и крепкими организациями почти во всех городах Западной Европы, где имеются эмигрантские колонии, являются большевистские организации, что среди их членов имеются повсюду энергичные и сознательные работники, готовые оказывать деятельную помощь партийно-большевистским предприятиям.

Из доклада Комитета заграничных организаций (КЗО) выяснено, что все проживающие за границей большевики хорошо объединены, что два номера «Бюллетеня» [3]), выпущенного КЗО, имели успех.

Затем Лениным был прочитан доклад о положении в России...

Чиновник особых поручений Красильников.

---

[1]) «Наш путь» — московская газета большевиков, выходила с 7 сентября (25 августа) по 25 (12) сентября 1913 г. Вышло всего 13 №№.

[2]) ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 69.

[3]) Бюллетень Комитета заграничных организаций № 1 вышел 7(20) января 1913 г., а № 2 — 2 апреля 1913 г.

Приговор Петербургской судебной палаты от 21 августа 1913 г.[1]).

1913 года, августа 21 дня. По указу его императорского величества. С.-Петербургская судебная палата, по 2-му уголовному департаменту, в открытом судебном заседании, в котором присутствовали: председатель департамента А. В. Муромцев, члены палаты: Н. Д. Архангельский, И. П. Севастьянов, товарищ прокурора Г. П. Ненарокомов, секретарь С. К. Гольдфарб.

Слушала: дело об уничтожении брошюры под заглавием: «Н. Ленин. Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати». Книгоизд. «Пролетарское дело», СПБ, 1906 г., тип. «Труд и польза».

Рассмотрев настоящее дело и имея ввиду: 1) что в брошюре «Н. Ленин. Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати» заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул., 2) что определением СПБ судебной палаты, от 12 июня 1913 года, постановление СПБ комитета по делам печати о наложении ареста на означенную брошюру утверждено и 3) что дело об издании и распространении рассматриваемой брошюры, определением СПБ судебной палаты от 17 июля 1913 г., на основании 5 п. XVIII ст. именного высочайшего указа от 21 февраля 1913 г., дальнейшим производством прекращено, судебная палата, по выслушании заключения товарища прокурора, определяет: брошюру «Н. Ленин. Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати». Книгоизд. «Пролетарское дело», СПБ, 1906 г., типогр. «Труд и польза», на основании 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул. и 1213[16] ст. уст. угол. судопр., уничтожить вместе с стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для ее напечатания.

Подлинное за надлежащими подписями.

Приговор Петербургской судебной палаты от 6 сентября 1913 г.[2]).

1913 года, сентября 6 дня. По указу его императорского величества. С.-Петербургская судебная палата, по 2-му уголовному департаменту, в открытом судебном заседании, в котором присутствовали:..[3])

Слушала: дело об уничтожении брошюры под заглавием «Н. Ленин. Социал-демократия и выборы в Думу».

Рассмотрев настоящее дело и имея в виду: 1) что в брошюре «Н. Ленин. Социал-демократия и выборы в Думу» заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул.; 2) что определением СПБ судебной палаты, от 8 мая 1913 года, постановление СПБ комитета по делам печати о наложении ареста на означенную брошюру утверждено и 3) что дело об издании и распространении рассматриваемой брошюры определением СПБ судебной палаты, от 31 августа 1913 года, за необнаружением виновных, на основании 277 ст. у. у. с., дальнейшим производством прекращено, судебная палата, по выслушании заключения товарища прокурора, определяет: брошюру «Н. Ленин. Социал-демократия и выборы в Думу», на основании 1 п. 1 ч. 129 ст. уг.

---

[1]) ЛОАУ, Канц. ст. инспектора типографий Петербурга, д. № 376, л. 3. Воспроизводится с копии в деле.

[2]) ЛОЦИА, Канц. Гл. упр. по делам печати, 1 отд., 1913 г., д. № 91, л. 8. Воспроизводится с копии в деле.

[3]) Пропуск в копии.

ул. и 1213[16] ст. уст. угол. судопр., уничтожить вместе с стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для ее напечатания.

Подлинное за надлежащими подписями.

Телеграмма директора департамента полиции Белецкого заведующему заграничной агентурой в Париже 22 сентября 1913 г. № 1 099 [1]).

102 762. К Ленину выехали члены социал-демократической фракции шестерки в школу и на их совещание. Примите меры к освещению совещания, состава школы, о последующем сообщите [2]).

Белецкий.

Телеграмма департамента полиции заведующему заграничной агентурой в Париже 3 декабря 1913 г. № 1433 [3]).

Ленин отпечатал в Австрии пятьдесят тысяч прокламаций «Девятое января» [4]), десять тысяч резолюций Августовского совещания, также выпустил тридцать второй номер «Социал-демократа» и просит прислать человека для перевозки в Петербург.

Русское бюро Центрального комитета с помощью Елены Розмирович подыскало лицо, возможно студента, который возьмет от Ленина транспорт и восьмого декабря будет обратно в Петербурге для раздачи литературы депутатам, уезжающим на каникулы. Примите все меры к выяснению транспортера в целях ареста его на обратном пути. О результатах немедленно телеграфируйте.

Orloff.

Из письма: Льеж, 22 января 1914 г., за подписью «Твой Вуля», в Киев, Е. М. Гольдфрейн, Прозоровская, 30, кв. 6 [5]).

Последнее время здесь идет полоса рефератов. Были рефераты вообще, были Житловский, Ленин и все по вопросу, который больше всего занимает в настоящее время здешнее еврейское студенчество. Оно разделяется здесь резко на две группы: националистов и так назыв. демократов и вот по вопросу о национализме идет бесконечная грызня [6]).

Копия письма: Краков, 2 февраля 1914 г., С.-Петербург, Пантелеймоновская, 2, Никите Золотарю [7]).

Открылся 3 января, продлится не меньше как до 26 января. Брюссель, кооперативный дом (народный) на площади Ст. Жилль. Присут-

---

[1]) ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 117.

[2]) Речь идет о совещании Ленина с депутатами думской фракции большевиков, состоявшемся 23—24 сентября (6—7 октября) 1913 г. в м. Пронино.

[3]) ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, т. 3, л. 41.

[4]) Речь идет о листовке ЦК РСДРП «Ко всем рабочим и работницам России! 9 января» с призывом к однодневной стачке и демонстрации (отдел печати Архива революции, № 14904).

[5]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 59, ч. 1, лит. В, л. 1.

[6]) Имеется в виду, очевидно, реферат Ленина по национальному вопросу. В «Датах жизни и деятельности Ленина», изд. Института Ленина, 1931 г., указания на реферат в Льеже нет, а отмечен реферат в Париже 23 (10) января 1914 г. на тему «Национальный вопрос».

[7]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, продолжение, л. 23. Речь в письме идет о IV съезде СД Латышского края.

ствуют: Митова — 1 большевик, Венденский район — 1 большевик, Маленской — 1 большевик, Рига — I район — 2 меньшевика, II район — 1 большевик, III район — 2: 1 большевик, 1 меньшевик, IV район — 4 большевика, V район — 4 меньшевика, Либава — 1 примиренец, Культурный центр — 1 большевик.

Гости — Ленин, Малиновский, Чхенкели, Семковский, Бунд, ППС и другие, латыш Браун.

Порядок дня: 1) доклад ЦК и с мест; 2) русские дела и думская фракция; 3) современный момент и задачи партий; 4) профессиональные организации и экономическая борьба; 5) кооперативное движение и его задачи, роль партии; 6) культурно-просветительные и другие рабочие общества; 7) страховая кампания; 8) местное самоуправление: а) в деревне, б) в городе, в) проект самоуправления Прибалтийского края; 9) отношение к буржуазным партиям; 10) сотрудничество в буржуазной прессе; 11) аграрный вопрос; 12) организационные вопросы; 13) работа в военной организации; 14) организация моряков; 15) способы агитации и пропаганды; 16) разное; 17) выборы.

Отношение департамента полиции на имя начальника Петербургского охранного отделения от 12 февраля 1914 г. № 167000 [1]).

По полученным в департаменте полиции сведениям, известный лидер Российской социал-демократической рабочей партии Владимир Ильин Ульянов-Ленин выехал из-за границы в С-Петербург [2]), причем поездка его вызвана следующими обстоятельствами.

Когда в думской социал-демократической фракции произошел раскол, то по этому поводу было запрошено мнение и взгляд на положение социал-демократической фракции у Плеханова. Плеханов одобрил тактику действий большевистской шестерки и осудил ликвидаторскую семерку. Последняя, узнав об этом, решила выразить Плеханову протест, но перед самым голосованием депутат Бурьянов перешел на сторону большевиков, а два отказались высказаться, и таким образом результаты голосования определились только 4-мя голосами. Это было сообщено по телеграфу Ленину, и последний уехал в С.-Петербург с целью и этих двух воздержавшихся депутатов привлечь на сторону большевиков.

Означенный Ульянов-Ленин значится в розыскном циркуляре департамента полиции от 23 июня 1907 года за № 150034—II (ст. 2611), как привлеченный к следствию по обвинению в преступлении, предусмотренном 129 ст. уг. ул., преследование по каковой статье, за силою высочайшего указа 21 февраля 1913 года, подлежит прекращению, если совершенное Ульяновым деяние касается преступлений по делам печати.

Сообщая об изложенном, департамент полиции просит ваше высокоблагородие принять все меры к выяснению места жительства Ленина в С.-Петербурге и его аресту и по его задержании возбудить о нем переписку в порядке охраны [3]), если во вверенном вам отделении не ока-

---

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, л. 81.

[2]) Департамент полиции был введен в заблуждение своей агентурой. В 1914 г. В. И. Ленин в Петербург не приезжал.

[3]) «Как о лице, явно принадлежащем к Российской соц.-демокр. рабочей партии». (Примечание в подлиннике.)

жется достаточно данных для привлечения Ленина к дознанию в порядке ст. уст. уг. судопроизводства.

Исп. об. вице-директора Васильев.
И. д. заведующего особым отделом Броецкий.

Из доклада начальника Московского охранного отделения на имя директора департамента полиции от 27 апреля 1914 г. № 291815[1]).

Имею честь представить вашему превосходительству нижеследующие агентурные сведения, полученные мной из весьма осведомленного источника.

Член Государственной думы социал-демократ Петровский, вернувшись недавно из-за границы, где он был у известного Ленина, передал членам думской социал-демократической рабочей фракции (шестерке) следующие, выработанные Лениным, предположения о дальнейшем направлении партийной деятельности.

По определению Ленина (относится к середине апреля сего года), сильно поднявшееся за последнее время революционное настроение в России имеет тенденцию расти дальше, но, не будучи в достаточной степени руководимо, за отсутствием налаженных подпольных организаций, может оказаться бессильным и бесцельным. Поправить положение может только партийный съезд, для созыва коего необходимо напрячь все силы.

Съезд политически сорганизует рабочих и даст определенные директивы, убьет ликвидаторов и думскую «семерку».

Отсутствие в настоящее время авторитетного партийного центра и налаженного подпольного партийного аппарата сильно дезорганизует выбивающееся из-под влияния социал-демократов растущее рабочее движение; отсутствие этого аппарата именно теперь дает себя очень остро чувствовать.

Ленин предлагает теперь же наладить дело, сорганизовать при Центральном комитете особую комиссию из выдающихся и известных рабочих, пользующихся доверием рабочей массы.

Кроме указанной комиссии создать так называемые «организационные» (по созыву партийного съезда) комиссии: в Москве, на Кавказе, на юге и на Урале.

Комиссии эти должны поднять авторитет центральных партийных учреждений...

Для успешности созыва партийного съезда устроить организационные объезды, для чего вызвать (устроив побеги) известных высланных партийных деятелей: Андрея Свердлова, Иосифа Джугашвили («Коба») [Сталин], Спандарьяна («Тимофея»), Варвару Яковлеву («Ольга») и Смирнова («Фома»).

Кроме того для успеха созыва съезда устроить агитационные объезды по России, что поручается думским с.-д. депутатам (шестерке)...

«Порядок дня» съезда нижеследующий:

1) Отчет Центрального комитета и отчеты с мест.
2) Политический момент.
3) Организационные задачи партии.
4) Задачи стачечного движения.
5) Новый законопроект о печати.

---

[1]) Моск. охр. отд., разработка, 1914 г., д. № 108, лл. 75—78.

6) Тактика профессионального движения.
7) Тактика страховых учреждений.
8) Программные вопросы:
а) Национальный вопрос — разъяснения программы.
б) Некоторые дополнения к программе минимум.
9) Народничество.
10) Ликвидаторы в связи с Совещанием, предложенным Международным социалистическим бюро.
11) Участие в буржуазной прессе.
12) Выборы в Центральный комитет и в редакцию Центрального органа.
13) Текущие дела.

Состав:

С.-Петербург — от 10 до 15, Москва — от 6 до 10, Моск. окружн. орган. — от 2 до 4, Московская область — от 4 до 6, Киев, Харьков, Екатеринослав, Одесса, Николаев, Кременчуг, Шахтеры — от 9 до 10, Урал — от 4 до 6, Волга — от 3 до 4, Кавказ — от 2 до 3, Гомель — Двинск — от 2 до 3, Эстонцы — от 1 до 2, Вологда — 1, Архангельск — 1, Сибирь — 1, литературные предприятия от 7 до 10, гостями: Бунд, Латыши, Литовцы, Поляки...

О созыве съезда предложено не оповещать широкие массы, а конспирировать, прикрывая его участием в Международном социалистическом конгрессе (август 1914 г.).

На имеющую быть в конце июля сего года Международную женскую конференцию, по возможности, командировать 2—3 делегаток-работниц и посылать мандаты на имя Надежды Константиновны Лениной.

Усилить агитацию за присылку мандатов на Международный социалистический конгресс.

Ответств. редактор **Я. Берзин**. Редакционная коллегия: **В. Максаков.** (Зам. отв. редактора), **В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. Ротштейн**

Государственное социально-экономическое издательство. Техред. **С. Топаз.**

Сдано в произв. 15/XII 1933 г. — 13/I 1934 г. Подписано в печать 20/I — 24/I 1934 г.
Статформ $Б_5$ 176×250 15 1/2 п. л., 60 480 зн. в п. л. С.-Э.(п.) № 132. Зак. 1658
Уполн. Главлита В—77 505 Тираж 3750

Интернациональная (39) тип. „Мособлполиграф", ул. Скворцова-Степанова, 3.

КНИГОТОРГОВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

НОВЫЕ КНИГИ

ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ УРАЛО-КУЗБАССА

ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ Н. А. ЛАПИНА

Центрархив—соцэкгиз. 1933. Стр. 195 + 2 карты. Ц. 5 р.

„...Для широкого ознакомления наших хозяйственных и научно-исследовательских учреждений с материалами разработок полезных ископаемых, производившихся в прошлом на Урале и в Сибири (район Урало-Кузбасса), Центральное архивное управление выпускает настоящий сборник. В нем даются извлеченные из архивных материалов наиболее ценные сведения о разведках, добыче и анализах ископаемых. Все сведения сопровождаются указанием, из какого источника они взяты, к какому времени относятся и где можно получить заинтересовавший читателя архивный материал..." (из предисловия).

М. Г. ХУДЯКОВ

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ НА СЛУЖБЕ ЭКСПЛОАТАТОРСКИХ КЛАССОВ

Классовая сущность буржуазной археологии. Отношение к древностям в докапиталистическом обществе. Исторические концепции XVI—XVIII столетий. Последняя стадия феодализма. Русская археология в период капитализма.

(„Библиотека ГАИМК", № 13). ОГИЗ—ГАИМК. 1933. Стр. 162. Ц. 4 р. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОСУДАРСТВ. ИЗД-В.

ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: Москва 64, Покровка, 28. „Книга—почтой". Ленинград, Проспект 25 Октября, 28, „Универкнига—почтой". Харьков, Сергиевск. ул., 3, отдел „Книга—почтой".

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА.

Цена 2 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 год

на журнал

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Год издания 13-й

6 книг в год

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции и гражданской войны, истории фабрик и заводов

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—15 руб., на 6 мес.—7 р. 50 к.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех отделениях, магазинах и киосках Книготоргового объединения государственных издательств и его уполномоченными, всюду на почте и письмоносцами.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

11726

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ)

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

Сдано в произв. 5/III — 20/IV 1934 г. Подписано в печать 4/VI 1934 г.
Статфор. Б$_5$ 176 × 250 9^3/$_4$ п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п) № 9. Зак. 190
Уполн. Главлита Б—36990 Тираж 3000

Интернациональная (39-я) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3.

Накануне русско-японской войны.

(Декабрь 1900 г. — январь 1902 г.).

Публикуемые ниже документы охватывают период от 18 декабря 1900 г. до 8 января 1902 г. Тридцать два года прошло с того времени. Несмотря на это можно с полным основанием сказать, что публикуемая впервые переписка между царскими посланниками и министром иностранных дел Николая II Ламздорфом, как и переписка последнего с другими членами царского правительства, представляет крупный политический интерес и для настоящего времени. Она содержит много поучительнейших данных для характеристики авантюристской политики царского империализма на Дальнем Востоке вначале XX столетия, завершившейся грандиозным поражением. Она также дает много нового для характеристики авантюристской политики японского империализма на Дальнем Востоке, не только тогда, но и сейчас, тридцать два года спустя. И совершенно ясно, что дело тут не в формальной аналогии, а в объективном положении классов. Публикуемые документы не только раскрывают в известной степени тайну рождения русско-японской войны на решающем этапе ее подготовки, но прекрасно отражают истинное содержание империалистической внешней политики современной Японии, занявшей на Дальнем Востоке место царского самодержавия, со всеми присущими ему чертами.

Если к тому же учесть, что подготовка—внутренняя и внешняя—Японии к войне с царской Россией до сих пор освещена документально очень слабо, то станет ясным значение публикуемых документов, которые бросают свет на эту сторону, наименее изученную нашими историками.

Решающая вооруженная схватка между российским и японским империализмом, начавшаяся в январе 1904 года, подготовлялась втечение ряда лет.

Еще 22 марта 1900 года английский посланник в Токио Сетоу писал лорду Салисбюри: «Полагаю, что война между Россией и Японией неминуема. Япония не будет готова раньше 1903 года[1]), хотя некоторые утверждают, что она должна воевать теперь или никогда, пока еще не закончена Сибирская дорога». Этот документ, не лишенный значения, опубликован в «Таймсе» 5 марта с. г., 34 года спустя! В британских архивах, надо думать, хранится немало еще более важных документов, относящихся к той эпохе. Но даже увидевший свет небольшой отрывок из письма Сетоу Салисбюри показывает, что будущий союзник японского империализма был в курсе всего происходившего. Война была предрешена и к ней готовились всесторонне.

Начиная с 1900 года Япония стала развивать особенно энергичную деятельность в области вооружения и подготовки к большой войне. Полным ходом шло вы-

---

[1]) Разрядка наша. — *И. Е.*

полнение военно-морской программы, накопление запасов военного имущества, обучение резервов [1]). Словом, подготовлялся тот военный аппарат, который должен был при первой же возможности переложить сложные дипломатические формулы на прозаический язык пушек. Этого требовали те политические цели, к которым господствующие классы Японии настойчиво стремились десятки лет: отбросить своего соперника — царскую Россию от тихоокеанского побережья, самим окончательно завладеть Кореей, закрепиться в Манчжурии, протянуть свои щупальцы в сторону Монголии, имея в перспективе стать решающей силой при разделе Китая. Готовилась Япония не менее широко и в политическом отношении. Кое-что об этом сообщает Извольский в своих депешах и письмах на протяжении почти всего 1901 года. В сущности говоря японский империализм был и в этом смысле несравненно лучше подготовлен к войне, чем царское самодержавие. Если однако война началась лишь 3 года спустя, то это прежде всего объясняется тем, что еще не была завершена ее внешнеполитическая и финансовая подготовка [2]).

Документы, публикуемые ниже, заканчиваются исключительно важной датой—8 января 1902 г. Как известно, несколько дней позже был заключен англо-японский военный союз. К этому же времени с полной очевидностью выяснилось, что и американский империализм, чрезвычайно озабоченный безостановочным проникновением царской России в Китае, будет содействовать Японии. Так именно и случилось впоследствии. В итоге царское самодержавие оказалось изолированным. И это обстоятельство сыграло немаловажную роль в победе японского империализма над царизмом, чем бездарность царских министров и гнилость всего режима Романовых.

Ценность публикуемой переписки заключается в том, главным образом, что она позволяет необычайно ярко установить задачи империалистической дипломатии в период, непосредственно предшествующий вооруженной схватке, в период, когда вопрос о войне уже предрешен. И надо сказать, японская империалистическая дипломатия того времени справилась со своей задачей. Справилась в основном и главном: она сумела обеспечить себе выгодное внешнеполитическое положение, она точно установила действительно международное положение противника, — оно было сложным и затрудняло сосредоточение всех его сил в том пункте, который для японского империализма имел решающее значение, т. е. на Дальнем Востоке.

Она не менее точно определила также внутриполитическое положение России—оно также было чрезвычайно трудным, здание царского самодержавия уже сильно трещало под усиливающимися ударами нараставшей первой русской революции.

Она вместе с тем отчетливо «прощупала» настроение и намерения господствующих группировок, дворцовой камарильи, бюрократии и придворных клик в царской России.

Миссия маркиза Ито, предложения которого были высокомерно отвергнуты в Петербурге, где они были поняты как признак слабости, имела между тем вполне точное предназначение: позондировать почву накануне заключения англо-японского союза [3]).

---

[1]) Об этом в Петербурге знали, но все же не представляли себе, как широко идет подготовка к войне в Японии. См. соответствующие успокоительные заверения Извольского и донесения царского военного агента в Токио.

[2]) См. например, секретную телеграмму царского посла в Париже Урусова Ламздорфу от 26/XII 1901 г. (8/I 1902 г.)

[3]) Японский и царский проекты соглашения показывают, как непримиримы были противоречия между сторонами, показывают лучше и ярче, чем можно было себе представить.

Наконец, на протяжении всего года японской дипломатии удается, в сущности, вести царское правительство за нос и порадовать его «рождественским яичком» в виде англо-японского союзного договора, заключенного в Лондоне спустя неполных 2 месяца после пребывания маркиза Ито в царской столице!

Если царского бюрократа Ламздорфа и его коллег из других министерств иногда и брали сомнения относительно готовности царского империализма в военно-политическом отношении к продолжению взятого курса (см., например, письмо к управляющему военным министерством от 18 июня 1901 г. и др.), то для них никогда не подлежало сомнению главное, а именно, что для Японии захват Кореи и Манчжурии лишь первая ступень к новым обширным завоевательным планам на Дальнем Востоке. Неслучайно ведь японское правительство так старательно пытается вначале проникнуть в «тайны» русско-китайских переговоров! Его эти переговоры интересовали и заботили потому, что они лишь формально имели целью установление порядка и условий эвакуации царских войск из Манчжурии, оккупировавших всю страну под предлогом борьбы с боксерским восстанием 1900 г. На самом деле «местный» договор должен был подготовить окончательный захват трех китайских провинций в недалеком будущем царским империализмом.

Русско-китайские переговоры о Манчжурии проходят через всю публикуемую переписку, как эпизод в борьбе между царским империализмом и японским. Но это эпизод чрезвычайно важный — он позволяет установить, что уже за три года до начала военных действий *неизбежность их была совершенно ясна как в Петербурге, так и в Токио*. Достаточно в этом смысле красноречивым свидетельством являются письмо Извольского Ламздорфу от 23 марта 1901 г. и ряд писем Ламздорфа Извольскому, а также военному министру и министру финансов, которые вошли в настоящую публикацию. Вопрос сводился лишь к времени.

Как же царское правительство использовало почти три года, оказавшиеся в его распоряжении? Да, собственно говоря, никак!

Значит ли это, что господствующие классы царской России *не хотели* делать все выводы из авантюристической политики, которая ими проводилась на Дальнем Востоке? Значит ли это, что в Петербурге *не желали* учесть все обстоятельства, которые уже в 1901—1902 гг. властно напоминали о том, что дело идет к войне? Дело, конечно, не в желании. Как раз в своих желаниях царское самодержавие не знало удержу. Но именно русско-японская война показала, насколько велико несоответствие между желаниями и объективными возможностями для исторически обреченных классов, когда они оказываются лицом к лицу с новой исторической силой. В таком положении очутился царский режим в 1904—1905 гг. В этом же положении оказывается японский империализм сейчас.

Не мешает вспомнить замечательные строки покойного М. Н. Покровского из его предисловия к дневнику Куропаткина: «Суть была в том империалистическом авантюризме, который жил в крови последнего представителя династии. Николай жадно тянул руки ко всему, что, казалось ему, плохо лежит: ограниченность его сказывалась в том, что он *не умел разобрать, что именно плохо лежит*, и больно получал по рукам»[1]). Эту блестящую характеристику можно с успехом распространить на царское самодержавие в целом, не только на его желания, но, главным образом, на способности, в самом широком смысле этого слова. Но ее также можно распространить и на господствующие классы Японии, *одной из самых реакционных сил современности, стремящейся*

[1]) «Красный архив», 1923 г. том. II, стр. 8. Набранное разрядкой подчеркнуто нами. — *И. Е.*

превзойти царское самодержавие прежде всего в роли жандарма против трудящихся масс Азии и в первую голову Китая, претендующей на роль «оплота против большевизма». Японский империализм, так же как и царское самодержавие накануне русско-японской войны, жадно протягивает руки ко всему, что, как ему кажется, плохо лежит; так же как и царская дворцовая камарилья, японская военщина не умеет разобрать, что именно плохо лежит! Разница только в том, что Романовы больно получили по рукам, а японские империалисты явно рискуют головой! И тот факт, что это обстоятельство их не останавливает, как не останавливало царский империализм, который безудержно рвался к новым авантюрам, свидетельствует лишь о степени одряхления и внутреннего разложения господствующих клик в Японии.

Тридцать два года назад Япония находилась в ином положении: беспредельный авантюризм николаевского режима позволял милитаристским и столь же авантюристским группировкам Японии маскировать свои не менее широкие захватнические империалистические планы в отношении Кореи и Китая «исторической миссией» защиты целостности Китая и независимости Кореи. Тридцать два года назад иначе решался вопрос о внутриполитической подготовке войны: пролетариат в Японии был в зачаточном состоянии, и классовая дифференциация в целом была значительно слабее, а это в громадной степени облегчало господствующим классам дело подготовки масс к войне, тем более, что царский империализм и не скрывал своих намерений относительно самой Японии. К тому же и окружающая обстановка не та, что в 1904—1905 гг. Трудящиеся массы Китая и Кореи — это «плохой» тыл для японского империализма.

Спустя тридцать два года в совершенно иной обстановке японский империализм проходит тот этап своего бытия, который для царского самодержавия закончился катастрофой в 1905 году.

Публикуемые документы имеют, таким образом, троякое значение. В-первых, они позволяют более подробно выяснить характерные черты политики царского империализма на Дальнем Востоке, черты, повидимому, «бессмертные», ибо мы их почти полностью видим воспроизведенными в нынешней Японии. Во-вторых, они дают немало поучительного материала для оценки внутриполитического положения в Японии накануне заключения англо-японского союза. В-третьих, они содержат небезынтересный фактический материал для характеристики дипломатического механизма развязывания войны на первом этапе развития империализма и для оценки значения так называемых «мирных» начинаний империалистических правительств, их «миротворческих усилий», направленных к маскировке военных приготовлений.

Роль «умеренного» и «миролюбивого» маркиза Ито обрисована в публикуемых документах достаточно выпукло. Но они бросают яркий свет и на нынешнего маркиза Ито — адмирала Саито, так же как и на современного Комура — министра иностранных дел Хирота. Это — все знакомые лица!

В иной обстановке эти документы имели бы для нас только историческое значение. Но ни для кого не является сейчас тайной, что японский империализм лихорадочно готовится к войне против СССР, готовится, по образному выражению тов. Блюхера на XVII съезде нашей партии, к тому, «чтобы сделать прыжок на наш Дальний Восток». В Токио, повидимому, не совсем понимают, в чем заключается различие между двумя эпохами, разделенными тридцатью двумя годами. А главное, руководящие круги Японии, в понятии которых еще не померкло прошлое, очень часто продолжают подходить к оценке положения с точки зрения, которую можно было приложить к царской России, но совер-

шенно негодной сейчас, спустя семнадцать лет после свержения николаевского режима, уничтожения старой буржуазно-помещичьей России и непрерывного роста могущества великого Советского Союза, действительной и подлинной социалистической родины населяющих ее трудящихся народов, воодушевленных борьбой за социализм. Трудящиеся Японии знают, что за шовинистическими баснями военно-фашистских элементов о «красном империализме» скрывается их страх перед нарастающим революционным кризисом в их собственной стране, звериная ненависть против отечества трудящихся всего мира и неутолимая жажда новых колониальных сверхприбылей.

В новой исторической обстановке японский империализм идет по старой дорожке царского самодержавия, воспроизводя его наиболее яркие особенности—реакционность и авантюризм. Он спешит, подталкиваемый логикой событий, которые уже привели к тому, что империалистическая Япония очутилась в исключительно сложной внутренней и международной обстановке; он сам всемерно форсирует ход событий. Условия однако радикально изменились. После разгрома на полях Манчжурии, после Цусимы наступила первая русская революция, но царский империализм, хотя и значительно ослабленный, еще просуществовал 12 лет, сумев обрушить на трудящихся России ужасы мировой империалистической войны, в которой царское самодержавие потерпело полное крушение. Японскому империализму, повидимому, суждено пройти этот путь по сокращенной программе, ибо тех внутренних сил, которыми он располагал тридцать два года тому назад, у него сейчас нет. Революция стучится в двери империи, и ее победа не потребует 12 лет!

И. Ерухимович.

Депеша посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 18 декабря 1900 г. № 48 [1]).

Возникшая здесь некоторое время тому назад организация под названием «Национальный союз» продолжает весьма деятельную агитацию в пользу поддержания всеми средствами принципа «целости и неприкосновенности Китайской империи».

Как я уже имел честь доносить, агитация эта главным образом направлена против приписываемых России завоевательных замыслов по отношению к Манчжурии, причем затрагивается также вопрос о Корее, самостоятельности которой также, будто бы, грозят наши действия в Северном Китае. На-днях состоялось общее собрание союза под председательством его вожака, президента палаты господ — князя Конойе. После длинных речей на вышесказанную тему собрание приняло два решения: одно, общее, порицающее нерешительную политику японского правительства, и другое, специальное, имеющее следующий текст:

«Настоящее состояние Манчжурии несогласно с принципом сохранения целости Китайской империи и является угрозою по отношению к Корее. Необходимо поэтому как можно скорее найти средство изменить это положение вещей».

Вышеописанная агитация не лишена, по моему мнению, серьезного значения и весьма способствует поддержанию среди японского общества возбуждения по поводу наших действий в Манчжурии. Пропаганда князя Конойе и его единомышленников затрагивает весьма попу-

---

[1]) Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве внешней политики. Текст их подготовил к печати М. Н. Гершевич.

лярную среди здешних националистов мысль о цивилизаторской миссии Японии в Китае и об общности интересов всех представителей желтой расы и находит особенно сильный отголосок в консервативных слоях японского общества. Поэтому, хотя маркиз Ито[1]) еще до вступления во власть высказался против этой пропаганды, ныне он, очевидно, опасается принять против нее какие-либо меры, и князь Конойе, несмотря на официальное свое положение, беспрепятственно продолжает свою агитацию.

Извольский.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 4 января 1901 г.

Несмотря на полученное мною от маркиза Ито конфиденциальное уверение о готовности его вступить в обсуждение условий, на которых могла бы состояться нейтрализация Кореи, Като[2]) сказал мне, что японское правительство предпочитает отложить переговоры об этом вопросе до того времени, когда окончательно выяснится судьба Манчжурии. Эта перемена настроения вызвана возникшею здесь во всех сферах сильной агитацией по поводу известия о заключении между нами и местною китайской администрацией соглашений, которым придается значение формального договора об учреждении русского протектората над Манчжурией. Сославшись на историю русско-японского соглашения 1898 года о Корее[3]), последовавшего непосредственно за занятием нами Порт-Артура и Талиенвана, Като прямо высказал опасение, что, если японское правительство вступит в настоящее время в новую сделку о Корее, это будет истолковано в том смысле, что оно заранее мирится с условиями вышесказанного договора о Манчжурии. Агитация по поводу манчжурского и корейского вопросов приняла за последние дни большие размеры и производит сильное давление на правительство, ослабленное продолжающейся болезнью и отсутствием маркиза Ито.

Сообщение японского посланника в Петербурге от 9 января 1901 г.[4]).

Принимая во внимание временный и условный характер пользования Россией частью Ляодунского полуострова, а также принимая во внимание, что территория, которую она арендует, занимает ограниченное пространство и отделена от границ Кореи, возможно было это положение России примирить со вторым доводом, выдвинутым державами, когда они советовали Японии очистить Ляодунскую провинцию, и по-

---

[1]) Маркиз Ито (1840—1909), японский премьер-министр в 1900—1901 гг., один из крупнейших представителей правящей бюрократии Японии, автор японской конституции 1890 г. и создатель японской партии воинствующего японского империализма сейюкай.

[2]) Като — японский министр иностранных дел в 1901 г.

[3]) Русско-японский протокол от (25) 13 апреля 1898 г. под флагом взаимного обязательства о сохранении независимости Кореи и невмешательства в ее внутренние дела представлял собой грубое вмешательство царской России и Японии во внутренние дела Кореи и фактически положил конец ее независимости. Договор обязывал обе стороны не принимать мер к назначению военных инструкторов и финансовых советников при корейском правительстве без предварительного взаимного соглашения. Кроме того царское правительство обязывалось не препятствовать развитию торговых и промышленных сношений между Японией и Кореей.

[4]) Перевод с французского.

этому Япония без колебаний подписала с Россией протокол от 25(13) апреля 1898 года.

Однако в настоящее время положение России в Манчжурии носит совершенно иной характер; оно могло бы естественно возбудить опасения, если бы Россия не заявила положительно о своем намерении очистить провинцию.

Протокол 1898 г. сохраняет свою силу. С японской точки зрения этот протокол действует прекрасно и вполне соответствует требованиям настоящего момента (Le protocole de 1898 demeure encore en vigueur. Il semble au point de vue du Japon que ce protocole se trouve bien à nous régir en répondant bien aux exigences actuelles.)[1]).

При этих обстоятельствах японское императорское правительство придерживается того мнения, что для того, чтобы устранить всякие выводы и умозаключения, которые возможно могли бы проистекать из акта нейтрализации, было бы целесообразно отложить переговоры до того времени, когда будет восстановлено «status quo ante», что позволило бы нам возобновить обсуждение вопроса, не испытывая влияния посторонних соображений.

Депеша посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 14 января 1901 г. № 2.

Я имел честь получить телеграмму от 2 января[2]), которой вашему сиятельству угодно было уполномочить меня самым категорическим образом опровергнуть известие о состоявшемся будто бы между Россией и Китаем договоре касательно протектората над Манчжурией. Как мною сказано в предыдущем донесении, еще до получения этой телеграммы, я счел себя в праве заявить японскому министру иностранных дел, что вышесказанное известие могло быть основано лишь на явном недоразумении и что речь, без сомнения, шла лишь о временном урегулировании отношений между нашими войсками и местной администрацией. Ни это заявление, ни весьма энергические мои представления о неблаговидности и опасности беспрепятственной агитации против России на почве манчжурского вопроса не произвели однако на г. Като должного впечатления, и описанное мною шовинистское движение продолжало с каждым днем развиваться, при явном попустительстве со стороны правительства. Особенно серьезное внимание г. Като я счел долгом обратить на деятельность «Национальной унии» и председателя ее князя Коноэ, участие которого в открыто враждебной нам пропаганде, по моему мнению, отнюдь не совмещалось с его званием президента палаты пэров и официальным положением при японском дворе (он состоит попечителем принадлежащего дворцовому ведомству дворянского училища).

Это натянутое положение продолжалось до того момента, когда я мог уже не от собственного имени, а на основании полученных мною

---

[1]) Ср. ниже, стр. 42.

[2]) В телеграмме Извольскому от 2 января 1901 г. Ламздорф сообщал, что переговоры с особо назначенным китайским уполномоченным имеют целью «урегулирование многосторонних вопросов, связанных с восстановлением в Манчжурии китайской административной власти и водворением в провинции прочного порядка, могущего обеспечить спокойствие на нашей обширной сухопутной границе и обусловленную особой конвенцией постройку Манчжурской дороги».

от вашего сиятельства инструкций, опровергнуть вымысел о тайном русско-китайском договоре и разъяснить истинный смысл соглашения, заключенного между главным начальником Квантунской области и мукденским цзяньцзюнем [1]). Передав г. Като в общих словах содержание телеграммы вашего сиятельства, я еще раз самым настойчивым образом поставил ему на вид безрассудность происходившей агитации и высказал ему мое твердое убеждение, что от воли правительства вполне зависело удержать это движение в надлежащих рамках. На этот раз слова мои не остались без результата: на следующий же день в газете «Japan Times», инспирируемой японским министерством иностранных дел, появилась успокоительная статья; в тот же день комитет «Национальной унии» получил от начальника столичной полиции уведомление, что отныне ассоциация эта будет считаться политическим сообществом; чрез это «Национальная уния» подчиняется действию специального закона о политических сообществах, и деятельность ее будет подлежать, до известной степени, надзору полиции. Кроме того это распоряжение заставит, вероятно, князя Конойе или отказаться от председательства в «унии» или же оставить придворную должность. Вместе с тем японское правительство решило, очевидно, принять и некоторые другие, негласные меры для прекращения агитации, ибо тон газет внезапно значительно понизился, и нападки их на Россию со дня на день сделались реже и мягче. Успокоению умов, как я имел честь телеграфировать, значительно содействует также возвращение к своему посту маркиза Ито, очевидно, призвавшего к порядку оставшихся во время его отсутствия хозяевами положения молодых членов кабинета.

Можно ли считать, что возникшее здесь столь внезапно возбуждение действительно и окончательно улеглось, покуда сказать весьма трудно. Истинные причины двусмысленного положения, занятого в настоящем случае правительством, не совсем ясны. Весьма возможно, что воинственная агитация против России понадобилась кабинету для того, чтобы побороть противодействие парламента и собственной его партии проекту увеличения налогов для покрытия военных издержек в Китае. Но, кроме того, здесь, очевидно, происходит борьба среди самих членов правительства, между благоразумными элементами, представляемыми маркизом Ито, и группой молодых министров, во главе которых стоит г. Като. Покуда власть находится в руках крупнейшего из так называемых «старших» государственных людей Японии,— Meiji statesmen [2]) —

---

[1]) Повидимому имеется в виду соглашение, заключенное 13/XI ст. ст. 1900 г. между начальником Квантунской области, вице-адмиралом Алексеевым и мукденским цзяньцзюнем (губернатором) Цзень-ши. По этому соглашению в Мукдене и других городах сохранялись русские гарнизоны. Сохранялось также русское управление в Инкоу и в других местах до того момента, как «установится порядок и спокойствие» в этих местностях. Цзяньцзюню же предоставлялось лишь право организовать вооруженную городскую и земскую полицейскую стражу.

При цзяньцзюне должен был состоять русский комиссар, который должен был быть осведомлен обо всех важнейших делах.

Несмотря на передачу военной и полицейской власти в руки русских военных властей ответственность за «порядок и спокойствие» и «беспрепятственную» постройку железной дороги перекладывалась на цзяньцзюня.

[2]) Meiji statesmen — государственные люди эпохи Мейджи, эпохи революционного низвержения старой феодальной власти в Японии в 60-х годах XIX века представителями нового слоя дворянства, тесно связанного с торговой буржуазией. Эта часть дворянства боролась и победила под знаменем восстановления императорской власти в Японии.

вспышки вроде только что описанной, несмотря на всю их безрассудность, не представляют непосредственной и неминуемой опасности. Но если молодым и честолюбивым деятелем вроде г. Като удастся выдвинуться в первый ряд, весьма возможно, что самого пустого повода будет достаточно для вовлечения Японии в опасные осложнения. Указанная мною борьба будет, вероятно, теперь перенесена на парламентскую почву, и на-днях ожидается в нижней палате со стороны националистов ряд запросов о внешней политике правительства, причем, как говорят, маркиз Ито подвергнется резким нападениям за приписываемую ему склонность к дружбе с Россией. Нельзя не пожелать, чтобы маркизу Ито удалось в полной мере утвердить свой авторитет по отношению к беспокойным элементам как в парламенте, так и среди собственных его сотоварищей, ибо лишь при этом условии можно надеяться избежать повторения в еще более острой форме инцидентов вроде описанного.

Извольский.

Отпуск секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Токио Извольскому от 17 января 1901 г.[1]).

Здешний японский посланник передал мне «памятную записку» приблизительно следующего содержания:

Ввиду нынешнего существенно изменившегося положения дел в Манчжурии японское правительство находит предпочтительным отложить переговоры о нейтрализации Кореи впредь до восстановления status quo ante. Остающийся до сих пор в силе протокол 13 апреля 1898 года, по мнению Японии, вполне отвечает требованиям настоящей минуты.

На это сообщение я отвечал, что с удовольствием принимаю к сведению заявление японского правительства о том, что оно признает существующие между нами соглашения по корейским делам вполне удовлетворительными, так как императорское правительство всегда придерживалось того же мнения. Почин в вопросе о нейтрализации Кореи принадлежит не России, и если вам поручено было войти по сему предмету в переговоры с токийским кабинетом, то лишь потому, что в самой Японии неоднократно высказывались взгляды, будто протокол 1898 года недостаточно определяет взаимные отношения обоих государств к Корее.

Что касается, наконец, положения дел в Манчжурии, то оно ясно и точно обрисовано в телеграмме моей от 8 января.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 29 января 1901 г.

Като дал парламенту следующий письменный ответ на запрос о Манчжурии: «Все державы признали необходимым сохранить целость Китая, Россия же заявила, что она заняла Ню-Чуан временно для восстановления порядка и спокойствия в Манчжурии и защиты железной дороги в восточном Китае и что, по восстановлении порядка и спокойст-

[1]) На документе царская помета синим карандашом: «С[огласен]»; далее рукою Ламздорфа: «С.-Петербург. 17 января 1901 г.».

вия в Манчжурии, она отзовет оттуда свои войска, если только действия других держав не послужат этому препятствием. Японское правительство полагается как на это официальное заявление России, так и на искренность желания держав сохранить целость Китая.»

Кроме этого письменного ответа Като изложил в пространной речи ход последних событий и участие в них Японии. Речь эта, по тону, вполне умеренна, но заключает некоторые недомолвки, указывающие на недоверие к нашим заявлениям о Манчжурии. Так, по поводу слухов о русско-китайском секретном соглашении Като сказал следующее: «Японское правительство осведомлено об этих слухах, но достоверно об этом ничего не знает. Повидимому, речь идет о некоторого рода соглашении, заключенном между китайскими местными и русскими порт-артурскими властями, но не утвержденном еще центральными властями. Будет ли это соглашение иметь впоследствии официальное значение,— совершенно неизвестно, а потому не могу вам сказать здесь ничего более».

Извольский.

Донесение посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 1 февраля 1901 г. № 6.

Телеграммами от 26[1]) и 29 января я имел честь уведомить ваше сиятельство о запросах, сделанных японскому правительству в парламенте о его внешней политике, в особенности по отношению к манчжурскому вопросу, и об ответе министра иностранных дел на эти запросы. Ныне считаю долгом представить при сем по возможности точный русский перевод официального японского текста: 1) письменного (согласно существующей здесь практике) ответа кабинета парламенту и 2) той части устной речи г. Като, которая непосредственно касается манчжурского вопроса.

В телеграмме моей от 29 января я позволил себе высказать, что, хотя речь г. Като бесспорно отличается умеренностью тона, она заключает однако существенные недомолвки, могущие объясниться лишь крайним недоверием японского правительства к нашим заявлениям о Манчжурии. Действительно, после категорического опровержения с нашей стороны слухов о тайном договоре между нами и Китаем министр иностранных дел, конечно, мог дать парламенту несколько более определенные и успокоительные объяснения. Казалось бы, что г. Като имел тем менее основания отрицать осведомленность японского правительства об этом предмете, что он получил достоверные сведения из двух источников: от меня и от японского посланника в Петербурге, которому, как мне известно от самого г. Като, ваше сиятельство изволили дать, хотя не официальные, но вполне дружественные разъяснения об истинном смысле соглашения, состоявшегося между вице-адмиралом Алексеевым[2]) и мукденским цзяньцзюнем. Подобные недомолвки не-

[1]) В телеграмме Ламздорфу от (8 февраля) 26 января 1901 г. Извольский сообщал, что несмотря на улегшееся возбуждение в печати в парламенте продолжалась шовинистическая авитация вокруг предполагаемых планов России в Манчжурии в форме многочисленных запросов японскому правительству по внешним политическим вопросам вообще и по манчжурскому вопросу в особенности.

[2]) Алексеев Е. И., вице-адмирал, начальник Квантунской области, затем наместник на Дальнем Востоке (с 1903 г.). Своей агрессивной политикой много способствовал обострению отношений Японии с Россией, повлекшему за собой русско-японскую войну.

вольно наводят на мысль, что г. Като намеренно старается поддержать в парламентской и общественной среде беспокойство насчет наших планов в Манчжурии. Я не решаюсь однако вполне определенным образом возвести на него это обвинение; практика парламентских речей здесь еще весьма мало выработана, и цель правительственных сообщений часто заключается лишь в том, чтобы как можно скорее положить конец нежелательному вмешательству парламента. С этой точки зрения, неопределенность ответа г. Като имела хорошую сторону, ибо этим путем отнимался повод к дальнейшим прениям, которые могли бы принести лишь еще больший вред русско-японским отношениям. Действительно, после окончания вышесказанной речи между министром иностранных дел и некоторыми членами оппозиции произошел лишь весьма незначительный обмен мыслей.

Речь г. Като, в общем, и за исключением тех ее мест, которые относятся к манчжурскому вопросу, произвела здесь вполне благоприятное впечатление. В ней ясно и без излишней хвастливости излагается участие Японии в последних событиях. Приступление Японии к англо-германскому соглашению [1]) упомянуто в ней в чисто деловом тоне, без всяких толкований и комментариев; наконец, особенно щекотливый и жгучий корейский вопрос вовсе в ней не затрагивается. Маркиз Ито во время вышеописанных прений в палате не присутствовал по причине, или, может быть, под предлогом болезни, что еще раз подчеркнуло все усиливающееся влияние на дела группы молодых министров с г. Като во главе.

Извольский.

Письмо посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 9 февраля 1901 г.

Я имел честь получить секретную телеграмму от 17 января касательно переданной вашему сиятельству японским посланником памятной записки по корейскому вопросу. Об этом японском сообщении мне, кроме того, подробно известно от здешнего министра иностранных дел, который доставил мне, для личного моего сведения, текст телеграфических инструкций, послуживших г. Чинда [2]) основанием для вышесказанной записки. Текст этот я считаю небесполезным представить при сем вашему сиятельству на случай, если бы могло показаться интересным сличить его с текстом сообщения японского посланника.

---

[1]) Англо-германское соглашение 16/3 октября 1900 г. представляло собою типичный сговор двух империалистических хищников об обеспечении своих интересов в Китае от покушений конкурентов — в первую очередь, России и Японии. Договор обязывал стороны сохранять открытыми для торговли и экономической деятельности все порты на реках и морском побережьи Китая для выходцев из всех стран и накладывал обязательства на обе стороны применять этот принцип в пределах сфер своего влияния. Английское и германское правительства взаимно обязались не использовать боксерского восстания для территориальных приобретений в Китае. В случае использования китайских осложнений третьей державой обе стороны должны были договориться о шагах, которые необходимо было предпринять в целях соблюдения собственных их интересов. Англия и Германия приглашали и другие державы присоединиться к договору.

В правительственных кругах царской России договор рассматривался, как попытка Англии создать антирусскую коалицию в вопросе о Манчжурии.

[2]) Чинда — японский посланник в Петербурге в 1901 г.; позже посланником был Курино.

Настоящему своему шагу токийский кабинет придает, повидимому, весьма серьезное значение. Цель этого шага, по моему убеждению, состоит в том, чтобы установить точку отправления для дальнейших дипломатических действий Японии по отношению к манчжурско-корейскому вопросу. Я преднамеренно употребляю выражение «манчжурско-корейский вопрос», ибо, как я уже неоднократно имел честь доносить, весь план японского правительства, очевидно, состоит именно в том, чтобы связать манчжурский вопрос с корейским. Мысль эта, мне кажется, вполне ясно выступает в японском сообщении, в котором открыто заявляется, что японское правительство согласно вступить в обсуждение нового соглашения о Корее лишь после того, как в Манчжурии будет восстановлен прежний порядок вещей и тем самым будет устранен всякий повод к нежелательным толкованиям и выводам. В разговоре со мной г. Като откровенно высказал, каких именно «толкований и выводов» он опасается. По его мнению, соглашение 1898 г. было прямым последствием нашего водворения в Порт-Артуре и Талиенване и, с японской точки зрения, оправдывалось тем, что занятие этих пунктов не являлось угрозой по отношению к Корее. Поэтому, если бы ныне Япония вступила с нами в новую сделку о Корее, это могло бы быть истолковано в том смысле, что японское правительство считает совместимым с своими интересами постоянное занятие нами всей Манчжурии.

Чтобы еще полнее выяснить цели и побуждения токийского кабинета в настоящем вопросе, я позволю себе вкратце повторить некоторые соображения, уже высказанные в предыдущих моих письмах. Ваше сиятельство изволите вспомнить, с какой готовностью и поспешностью Япония присоединилась к англо-германскому соглашению. Сделка эта, в глазах японского правительства, должна была служить гарантией в том, что при окончательной ликвидации нынешнего кризиса на Дальнем Востоке Япония не окажется в менее выгодном положении, нежели другие державы; кроме того, здесь были вполне уверены, что вышесказанное соглашение направлено главным образом против России и ее поступательного движения в Манчжурии. Ныне здесь все более и более начинают опасаться, что ни Англия, ни Германия не решатся предпринять энергических действий против утверждения России в такой части Китая, где ни у той, ни у другой из этих двух держав нет серьезных интересов. Даже если предположить, что в Лондоне и Берлине сочтут, что подобное утверждение России в Манчжурии подходит под третью статью англо-германского соглашения, японское правительство, естественно, опасается, что результатом такого толкования явится не удаление России из Манчжурии, а скорее вознаграждение Англии и Германии на счет Китая. Таким образом, Япония рискует оказаться лицом к лицу с совершившимся фактом значительного приращения сферы русского влияния, и этим объясняется болезненная забота японского правительства заранее приуготовить путь к получению соответственного вознаграждения. Я уже имел случай высказать, что вознаграждения этого Япония может искать лишь в Корее, ибо всякое приобретение на счет Китая крайне здесь непопулярно и противно основной мысли новейшей японской политики. Если в своем последнем сообщении японское правительство высказывает, что последнее русско-японское соглашение о Корее остается в силе и достаточно отвечает требованиям настоящей минуты, это лишь доказывает, что оно считает несвоевре-

менным и невыгодным для себя связывать себе руки новой сделкой по этому вопросу, покуда окончательно не выяснится судьба Манчжурии. Если только окажется, что Россия приобретает в этой провинции, в той или в другой форме, твердое военное и политическое положение, следует опасаться, что японское правительство тотчас заявит, что оно, в его глазах, является угрозой по отношению к Корее и требует соответствующих поступательных действий Японии для защиты своих интересов в этой последней стране.

В стремлении обеспечить свои интересы японское правительство ищет, конечно, прежде всего, поддержки других заинтересованных держав, и можно быть уверенным, что японская дипломатия напрягает все усилия, чтобы возбудить против наших действий в Манчжурии не только Англию и Германию, но также и Китай. Есть много указаний на то, что токийский кабинет старается приобрести преобладающее влияние при странствующем китайском дворе[1]): кабинет этот, без сомнения, располагает различными негласными средствами воздействия на сказанный двор, а манчжурский вопрос доставляет ему удобный случай выступить в роли защитника целости Китая и интересов манчжурской династии. Ближайшая цель японского правительства состоит при этом, конечно, в том, чтобы создать, по отношению к России, комбинацию, подобную той, вследствие которой сама Япония должна была отказаться, после войны с Китаем, от утверждения на Ляодунском полуострове. Если же однако подобная комбинация не состоится, Япония должна будет или отказаться от всякого вознаграждения или же решиться действовать собственными силами. Найдет ли японское правительство в себе достаточно смелости, чтобы пойти по этому второму пути, не останавливаясь даже перед риском столкновения с Россией, заранее сказать невозможно. Ни состояние японских финансов, ни испытанное благоразумие стоящего ныне во главе японского правительства государственного человека не позволяют думать, чтобы здесь могли сознательно к этому готовиться. Но я не раз уже имел случай высказывать, что необходимо самым серьезным образом иметь в виду возможность внезапной вспышки общественного мнения, способной со дня на день послужить поводом к переходу власти в другие руки или даже увлечь настоящее правительство. Во время недавней острой агитации по поводу известия о соглашении с мукденским цзяньцзюнем весьма ясно обнаружился разлад между маркизом Ито и группой молодых министров под предводительством г. Като. С тех пор личность маркиза Ито как-будто все более и более отодвигается на второй план: в наиболее критическую минуту он оказывается больным и не принимает участия в парламентских прениях о внешней политике, предоставляя первую роль г. Като. Инструкции, данные японскому посланнику в С.-Петербурге, по моему мнению, также носят отпечаток личных взглядов г. Като и являются новым доказательством его возрастающего влияния на дела. Правда, что со времени моего решительного объяснения с ним о воинственной пропаганде печати и политических обществ здесь принимаются довольно энергические меры против этой агитации, газеты хотя все еще переполнены выдумками и нападками на Россию, но

[1]) Выражение «странствующий двор» иронически употребляется Извольским в связи с тем обстоятельством, что китайский двор, в результате боксерского восстания и карательной экспедиции держав против Китая, принужден был бежать из Пекина и в период, к которому относится письмо Извольского, находился в Сиань-фу.

сдерживаются в известных пределах; политические общества или закрываются или подчиняются надзору полиции, которая прекращает их заседания, как только начинаются воинственные речи. Но отнюдь нельзя поручиться, что на подготовленной уже почве агитация не возобновится с новой силой по самому неожиданному поводу, и если японское правительство будет увлечено на путь решительных действий, кризис может наступить с необыкновенной быстротой. В настоящую минуту ни военный, ни морской наши агенты не отмечают со стороны японского правительства никаких воинственных приготовлений (если не считать систематической закупки угля). Но не надо забывать, что как географическое положение Японии, так и особенности организации ее морских и сухопутных военных сил дают ей возможность, с большой быстротой и почти без заметных предварительных приготовлений, в любую минуту перебросить внушительное количество войска на ближний корейский берег, так что вполне возможно, что первый японский отряд высадится в Корее чуть ли не раньше, чем в Петербург дойдет отсюда по телеграфу известие о критическом обороте дела.

Ваше сиятельство, конечно, поймете, что все изложенное тяжело гнетет мое чувство ответственности и что я считаю своей нравственной обязанностью не скрывать ни одного из наблюдаемых мной здесь тревожных симптомов.

Извольский.

Письмо посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 1 марта 1901 г.

После некоторого временного затишья здесь опять происходит сильнейшее волнение, вызванное, как я имел честь уведомить ваше сиятельство по телеграфу, известием, будто между нами и Китаем заключен в Петербурге окончательный договор о Манчжурии; по другим сведениям, договор этот еще не подписан и покуда имеет лишь форму проекта, подлежащего принятию со стороны Китая. Здешним газетам телеграфируют из Пекина пространный текст двенадцати статей, из которых будто бы состоит этот договор. Все это опять подает повод к ряду парламентских запросов, воинственных газетных статей, митингов и т. д. Так называемая «Национальная уния» с новой силой возобновила свою пропаганду, на этот раз не столько в Токио, сколько в провинциальных городах, откуда ежедневно телеграфируют о сходках, адресах, демонстрациях и т. д. С особенной тревогой во всех газетах указывается на одновременное пребывание части нашей эскадры в корейских водах и на сосредоточение японского боевого флота в западных портах, чему единогласно придается значение обоюдной морской воинственной демонстрации.

Среди всего этого шума японское правительство сохраняет, покуда, полное молчание и ничего не сообщает ни парламенту, ни печати о своем взгляде на нынешний фазис событий. Молчание это г. Като соблюдает также в полной мере по отношению не только ко мне, но, повидимому, и к иностранным представителям, и, несмотря на все мои старания, я до сих пор не мог еще в точности узнать, в чем именно состоят предпринятые Японией в связи с манчжурским вопросом дипломатические действия. Единственное более или менее достоверное указание я мог почерпнуть из официальной телеграммы, полученной здешним

французским посланником, в которой ему сообщалось, что, по сведениям г. Пишона, все иностранные представители в Пекине, кроме французского и бельгийского, протестовали против отдельного русско-китайского соглашения о Манчжурии, причем некоторые из них заявили, что, если соглашение это будет ратификовано, они потребуют соответственной компенсации и что на вопрос китайских уполномоченных, окажут ли державы Китаю поддержку, если последний откажется удовлетворить требования России, до сих пор ответила лишь Япония, заявившая, что она готова поддержать Китай «при всех случайностях», (dans toutes les évèntualités). Здесь господствует убеждение, что японское правительство действительно предписало своему посланнику в Пекине энергически высказаться против отдельного русско-китайского соглашения о Манчжурии и что протест г. Комуры[1]) на 10 дней предшествовал сообщениям, сделанным по тому же предмету китайским уполномоченным представителям большинства других держав. Непосредственно от министра иностранных дел мне известно лишь о получении им сообщения Северо-Американских Соединенных Штатов, в котором высказывается принципиальное возражение против заключения Китаем особого соглашения с одной державой, без ведома и согласия других заинтересованных кабинетов. По словам г. Като, японское правительство ограничилось тем, что приняло к сведению это сообщение и не высказало по поводу его никакого мнения.

Вследствие телеграммы вашего сиятельства от 22 февраля[2]) с. г. я не преминул сообщить г. Като, что я уполномочен опровергнуть газетные слухи о заключении между нами и Китаем окончательного договора о Манчжурии и разъяснить ему, что передаваемый газетами текст вымышлен и что отдельное соглашение с Китаем будет иметь целью определить условия, при коих эвакуация Манчжурии явилась бы возможной и намерение возвратить эту область Китаю осуществимым. Несмотря на все мои усилия вызвать г. Като на откровенную беседу, я встретил с его стороны явное нежелание вступить со мной в обсуждение этого вопроса и мог еще раз убедиться в едва скрываемом недоверии, с которым он относится к нашим заявлениям о Манчжурии.

Из всего вышесказанного ваше сиятельство изволите усмотреть, что я имею покуда весьма мало положительных данных, на коих я мог бы основать определенное суждение о ближайших планах и намерениях японского правительства. Я продолжаю однако думать, что в настоящую минуту все усилия Японии направлены к тому, чтобы побудить наиболее заинтересованные державы к совместному противодействию нашей политике, и что покуда она отнюдь не помышляет сознательным образом о каких-либо отдельных и решительных действиях. По самым тщательным справкам, наведенным нашим военным агентом, здесь не заметно никаких особенных военных приготовлений и нельзя отметить ни одной меры, которую можно было бы объяснить в связи с воинственным тоном печати. Что касается до военно-морской части, я уже имел честь телеграфировать вашему сиятельству, что морской агент наш подтверждает факт сосредоточения почти всего японского боевого флота в

[1]) Комура — в 1900 г. японский посланник в России, позже японский министр иностранных дел.

[2]) В телеграмме Извольскому от 22 февраля 1901 г. Ламздорф отрицал факт заключения договора с Китаем и сообщал, что целью соглашения являлось определение условий, при которых Россия может возвратить Манчжурию Китаю.

ближайших к нам портах, но что эта мера, по его мнению, не имеет тревожного значения и объясняется еще раньше назначенными на текущий месяц морскими маневрами. Тем не менее несомненно, как я уже имел честь неоднократно доносить, что японский флот находится в полной боевой готовности и занимает по отношению к театру возможных военных операций наиболее выгодное положение. Покуда во главе японского правительства стоит маркиз Ито, можно вполне надеяться, что он не поддастся внушениям крайних элементов, громко требующих, чтобы Япония взялась, даже одна, за оружие, чтобы воспрепятствовать нашим действиям в Манчжурии, но парламентские события, о которых я доношу в последних моих донесениях, к сожалению, значительно ослабили еще недавно столь сильный авторитет этого государственного человека, удаление которого с политического поприща открыло бы доступ к власти гораздо менее благоразумным элементам. Нельзя не отметить необыкновенного сходства между нынешним внутренним положением Японии и тем, которое непосредственно предшествовало японо-китайской войне. Разница состоит лишь в том, что тогда борьба происходила между маркизом Ито, и нижней палатой, между тем как ныне ему противодействует составленная из гораздо более влиятельных элементов палата пэров.

Известно, что именно внутренние затруднения на парламентской почве оказали в 1894 году большое влияние на внешнюю политику Японии и были одной из главных причин воинственной развязки японо-китайского конфликта из-за Кореи.

Извольский.

Секретная телеграмма посланника в Пекине Гирса министру иностранных дел Ламздорфу от 11 марта 1901 г.

Ли-Хун-Чан[1]) был у меня сегодня, чтобы сообщить, будто бы японский посланник заявил ему, что в случае подписания Китаем соглашения с нами большинство держав откажется от ведения дальнейших переговоров с Китаем и что, с другой стороны, китайский посланник в Токио телеграфирует, будто бы в Японии усиленно готовятся к мобилизации армии. Ввиду этого Ли-Хун-Чан запросил меня, может ли Китай рассчитывать на содействие России в случае нападения на него Японии. Я ответил Ли-Хун-Чану, что о сообщаемых им намерениях Японии мне пока ничего неизвестно.

Гирс.

Донесение посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 12 марта 1901 г. № 12.

Известие о заявлениях графа Бюлова[2]) в германском парламенте по вопросу об англо-германском соглашении и Манчжурии произвело

[1]) Ли-Хун-Чан (1823—1901) — один из виднейших государственных деятелей Китая. В качестве представителя Китая заключил в 1896 г. соглашение с Россией в лице Русско-китайского банка о Китайской Восточной железной дороге. Он же вел в 1901 г. переговоры с русским правительством об эвакуации русских войск из Манчжурии.

[2]) Бюлов заявил в германском рейхстаге: «16 октября прошлого [1900] года мы заключили англо-германское соглашение, цели которого я мог изложить тогда следующим образом: с одной стороны, поддерживать столь долго, сколь это возможно, неприкосновенность Китая и лишь настолько вмешиваться в китайские дела, насколько это требуется интересами нашей торговли. На Манчжурию англо-германское соглашение не распространяется». «Националь-цейтунг» от 15 марта 1901 г., № 179.

здесь, как и следовало ожидать, самое глубокое впечатление. Как я уже имел честь доносить, японское правительство присоединилось к вышесказанному соглашению в полной уверенности, что акт этот был главным образом направлен против предполагаемых замыслов России на Манчжурию и свидетельствовал о прекращении прежнего согласия между нами и Германией по делам Дальнего Востока. Здесь с самого начала ничего так не опасались, как именно подобного согласия, и сближение Германии с Англией, как полагали, в ущерб русской политике, было встречено здесь с живейшими чувствами радости и облегчения. Ваше сиятельство изволите вспомнить, что прежде, чем приступить к соглашению 16 октября, японское правительство потребовало как в Берлине, так и в Лондоне некоторые разъяснения и что в ответной своей ноте на тождественное англо-германское сообщение г. Като поставил согласие Японии в зависимость от полученных им уверений, что она будет пользоваться теми же правами, как и первоначально подписавшие этот акт державы. Другими словами, японское правительство заранее удостоверилось в том, что в случае применения 3-й статьи вышесказанного соглашения оно будет участвовать, наравне с Германией и Англией, в обсуждении дальнейшего образа действия подписавшихся держав, но, как мне положительно известно, японский министр иностранных дел не сделал в то время ни в Берлине, ни в Лондоне никакого специального вопроса о том, распространяется ли действие англо-германского соглашения на Манчжурию. Здесь тем не менее господствовало полное убеждение в невозможности отрицательного толкования, о чем и свидетельствуют сделанные около месяца тому назад в японском парламенте заявления г. Като. Легко понять поэтому, какую бурю вызвало здесь известие о речи графа Бюлова. Все без исключения здешние газеты отзываются об этой речи с сильнейшим негодованием, и в парламенте тотчас же был сделан по этому поводу запрос. Хотя текст заявлений германского канцлера передан сюда в довольно сбивчивой форме, японское правительство, очевидно, не сохраняет никакого сомнения относительно истинного их смысла: как я имел честь телеграфировать, г. Като весьма коротко отвечал, что «по полученным им сведениям, граф Бюлов, действительно, заявил в германском парламенте, что англо-германское соглашение не касается Манчжурии, но что это не будет иметь никакого влияния на дальнейший образ действия японского правительства». Вслед за сим в газете «Japan Times», которая обыкновенно служит органом для официозных сообщений министерства иностранных дел, появилась . . . . . [1]) резкая статья, в которой образ действия Германии назван «преднамеренным обманом» и «гнусным политическим фокусничеством» и в заключение говорится, что «если европейские державы мало заинтересованы в Манчжурии и потому от них нельзя ожидать сопротивления России, Япония имеет в этой области жизненные интересы, и вся японская нация надеется, что правительство примет необходимые меры для сохранения японских прав и интересов».

В момент отправления настоящего донесения я не могу еще высказать никакого определенного суждения о том, каким образом положение, столь неожиданно для Японии занятое графом Бюловым, отразится на дальнейших планах и действиях японского правительства. Вашему сиятельству уже известно, что в последнее время Япония действова-

[1]) Пропуск в подлиннике.

ла в двояком направлении: с одной стороны, она производила непосредственное давление на китайских уполномоченных, грозя, в случае подписания особого договора с Россией, потребовать соответствующей компенсации, а, с другой, старалась побудить наиболее заинтересованные державы оказать ратификации этого договора совместное противодействие. Заявления графа Бюлова наносят сильный удар этому последнему плану и ставят японское правительство в весьма трудное и даже несколько смешное положение, так как оно почти открыто высказывало уверенность в существовании против России коалиции, наподобие той, которая принудила Японию отказаться от Ляодунского полуострова. Вся надежда Японии возлагается теперь на Англию и здесь всячески стараются преувеличить и раздуть недавние недоразумения ее с нами по вопросам о Блондских островах и концессии в Тяньцзине [1]). Впрочем, я должен еще раз сказать, что кроме заявления министра иностранных дел в парламенте и статьи газеты «Japan Times», которой, мне кажется, не следует придавать чрезмерного значения, у меня не имеется никаких положительных указаний на планы и решения японского правительства, так как г. Като продолжает систематически уклоняться от всякого обсуждения со мной текущих событий, иностранные же мои коллеги, повидимому, не более меня посвящены в тайну его мыслей.

Извольский.

P. S. Как я имел честь телеграфировать вашему сиятельству, почти в последнюю минуту перед закрытием сессии парламента правительству был сделан новый запрос об англо-германском соглашении и о заявлениях графа Бюлова. Г. Като отвечал, что «японское правительство не вступало с Россией в обмен мыслей по этому поводу, что, по имеющимся у него сведениям, граф Бюлов действительно заявил в германском парламенте, что Манчжурия не входит в район действия англо-германского соглашения, но что это нисколько не изменило взгляда Японии на смысл этого соглашения»; в заключение г. Като объявил, что «правительство считает несвоевременным давать какие-либо дальнейшие разъяснения об этом предмете».

Закрытие парламентской сессии освобождает японское правительство до будущей осени от постоянных щекотливых запросов о внешней политике. Нельзя не признать, что правительство это сумело сохранить в своих ответах довольно спокойный тон и в общем сдержать парламентскую агитацию по манчжурскому вопросу в пределах приличия; агитация эта будет однако продолжаться на почве газетных статей, адресов, митингов и т. д. и может еще создать кабинету много затруднений.

---

[1]) Недоразумения между Англией и Россией по поводу Тяньцзинской русской концессии начались в ноябре 1900 г. с момента захвата русскими участка для концессии, так как этот участок включал кусок земли, прилегавший к Пекин-Тяньцзинской железной дороге, на который претендовали англичане. Конфликт обострился до того, что возникла опасность вооруженного столкновения между русскими и английскими часовыми, когда спорный кусок земли был занят англичанами.

Отпуск секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Токио Извольскому от 12 марта 1901 г. № 108[1]).

Получил телеграмму от 11 марта[2]).

Можете дать японскому правительству вполне успокоительные заверения: проектируемое между Россией и Китаем отдельное соглашение имеет исключительно в виду определение условий, при коих может быть осуществимо заявленное императорским правительством намерение возвратить Китаю Манчжурию, занятую русскими войсками вследствие тревожных событий минувшего года.

Отчет о беседе японского посланника с министром иностранных дел от 12 марта 1901 г.[3]).

Его высокопревосходительство гр. Ламздорф не пожелал официально принять сообщение, которое передал ему согласно распоряжению его правительства г. Чинда по поводу предполагаемых соглашений по манчжурскому вопросу. Он заявил, что достоинство и право независимости всякого государства не дозволяют ему в его положении принять подобное сообщение, так как он не может признать за третьей державой право интерпеллировать и вмешиваться в дело, о котором ведутся переговоры между двумя независимыми государствами.

По тем же его соображениям и также потому, что он не получал на то высочайшего повеления, он не пожелал также официально обсуждать и вести переговоры по этому вопросу.

Однако, горячо желая поддержать то доброе согласие, которое так счастливо существует между Россией и Японией, он может в качестве представителя российского правительства вполне искренно и положительно заверить японское правительство, что соглашения, которые ему предстоит заключить относительно Манчжурии, в настоящий момент временно занятой против своего собственного желания Россией, будут носить временный характер и не будут содержать в себе постановлений, наносящих ущерб суверенным правам Китая на территорию, о которой идет речь, или правам и интересам других держав.

Россия, ведя переговоры относительно подобных соглашений, которые являются в некотором роде лишь «modus vivendi», ищет только способов, которые позволили бы ей возможно скорее привести в исполнение ее желание очистить территорию, которую она занимает, согласно обещаниям и заявлениям, неоднократно ею возобновляемым, уважать неприкосновенность Китая и возвратить ему Манчжурию.

Итак, как только Россия убедится в водворении в Манчжурии порядка и безопасности благодаря восстановлению китайского правительства в Пекине и нормального и регулярного положения вещей в Манчжурии, она поспешит возвратить эту территорию Китаю, если только ей в этом не помешают действия других держав.

---

[1]) На отпуске пометы: «На подлинной собственной е. и. в. рукою написано: «С[отласен]». 12 марта 1901 г.».

[2]) В подлиннике эта фраза на французском языке.

[3]) Перевод с французского.

Что касается обсуждения вопроса о Манчжурии на дипломатической конференции в Пекине[1]), то Россия не может отступить от принятого ею принципа. Она неоднократно заявляла, что только вопросы касающиеся общих интересов заинтересованных держав, будут поставлены на вышеупомянутой конференции и что отдельные дела, представляющие интерес лишь для каждой из них, будут обсуждаться отдельно. К этой-то последней категории и принадлежит вопрос о Манчжурии, в котором заинтересована только Россия.

Кроме того граф выразил желание как можно скорее подписать вышеупомянутые соглашения, чтобы доказать искренность России. Он заявил, что он предполагает, как только он их подпишет, немедленно сообщить их японскому правительству, как наиболее заинтересованному изо всех правительств, каковое правительство,— сказал он,— тогда убедится в искренности русского правительства и получит полное удовлетворение.

Он прибавил, что если содержание сообщенных соглашений не будет удовлетворять японское правительство, ему стоит только обратиться к русскому правительству. Оба правительства тогда договорятся между собой.

Секретная телеграмма посланника в Пекине Гирса министру иностранных дел Ламздорфа от 13 марта 1901 г.

Получил телеграмму от 9-го[2]) и 10-го.

На сегодняшнем свидании со мною Ли сообщил мне, что не может дать никаких приказаний Ян-Ю[3]) до получения ответа на сделанный им по сему поводу запрос в Сиань-фу. Он ожидает ответа завтра. Замечаю сильное изменение в отношении Ли-Хун-Чана к нашему соглашению. Он утверждает, что Япония грозит войной как нам, так и Китаю в случае подписания, и будто бы японский посланник прочел ему инструкции, данные японскому представителю в Петербурге, энергично протестовать против соглашения. Япония влияет теперь одна на Китай. Английский посланник ограничивается заявлением китайским уполномоченным, что Англия находится в наилучших отношениях с Японией.

Гирс.

Заметка, переданная министерством иностранных дел японскому посланнику 14 марта 1901 г.[4]).

Что касается фразы, начинающейся словами: «Однако, горячо желая и т. д.», то гр. Ламздорф заявил, что о ф и ц и а л ь н о он отклоняет

---

[1]) Конференция держав в Пекине происходила в 1900—1901 гг. в связи с так называемым восстанием боксеров, т. е. стихийным революционным восстанием китайского крестьянства, которое пыталась использовать в своих внутриполитических и международных интересах китайская императорская власть. Империалистические державы требовали суровых репрессий против революционных китайских масс и использовали положение, чтобы добиться от Китая дальнейших экономических и политических привилегий. Конференция потребовала от китайского правительства сурового наказания для «виновников насилий» над иностранцами, наложила на Китай непосильную контрибуцию и т. д.

[2]) В телеграмме Гирсу от 9 марта 1901 г. Ламздорф изъявлял согласие на германское предложение создать особую комиссию по установлению способности Китая платить наложенную на него контрибуцию за боксерское восстание с оговоркой, что эта комиссия не должна превратиться в орган контроля над финансами Китая.

[3]) Ян-Ю — китайский посланник в Петербурге в 1901 г.

[4]) Перевод с французского. Здесь говорится по поводу отдельных слов и выражений, находящихся в «Отчете о беседе японского посланника» (см. стр. 21-22).

какое бы то ни было объяснение, но, говоря с представителем Японии, соседней и дружественной державы, он может конфиденциально, с полной искренностью и доверительно, заявить, как сказано далее.

В параграфе, который начинается так: «Россия, ведя переговоры относительно подобных соглашений», выражение «modus vivendi» относится к настоящему проекту соглашения с Китаем, имеющему целью определить порядок эвакуации Манчжурии. Выражение «modus vivendi» может относиться только к соглашению исключительно временного характера, заключенному на месте русскими военными властями и установившему некоторые отдельные подробности, относящиеся к восстановлению китайских губернаторов в некоторых частях Манчжурии во время нахождения еще там русских войск.

Что касается места, выраженного так: «чтобы доказать искренность России», следует подчеркнуть, что искренность русского правительства не нуждается в каких-либо доказательствах. Русское правительство желает только рассеять легенду, распространяемую частью иностранной прессы, которая с помощью ложных слухов старается внедрить ошибочное толкование намерений России с целью помешать, если возможно, заключению соглашения, которое само уже является новым подтверждением твердого намерения России ускорить эвакуацию Манчжурии.

Наконец, русское правительство, конечно, намерено сообщить японскому правительству текст соглашения, как только оно будет заключено, но следует уточнить значение и смысл последней фразы, где имеется следующее место: «что если содержание и т. д.» Его надо понимать так: если после сообщения японскому правительству текста заключенного соглашения, оно пожелало бы иметь некоторые разъяснения, то оно может обратиться для этого к русскому правительству, и гр. Ламздорф имеет все основания полагать, что оба кабинета сумеют договориться.

Отпуск секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Пекине Гирсу от 16 марта 1901 г. № 114[1]).

Если, как свидетельствуют полученные сведения, запуганные угрозами Японии китайцы не решаются подписать предложенное им отдельное соглашение по манчжурским делам, то России нечего сожалеть об этом. Предполагавшееся соглашение должно было служить началом осуществления заявленного императорским правительством намерения постепенно отозвать русские войска из Манчжурии.

Для соответствующих распоряжений военного характера необходимо было к известному времени разрешить в утвердительном или отрицательном смысле вопрос: возможно ли обусловить путем взаимного соглашения эвакуацию Манчжурии?

Образ действия Китая и некоторых из держав создал серьезные препятствия в деле осуществления выраженного Россией намерения, и это обстоятельство отныне развязывает ей руки. Императорское правительство оставляет за собой в манчжурском вопросе полную свободу

[1]) На отпуске пометы: «На подлинной собственною е. и. в. рукой написано: «Отлично».—«Царское Село, 16 марта 1901 г.»

действий, так как само собой разумеется, что о безусловном возвращении Китаю этой области не может быть и речи, пока в империи не восстановится вполне нормальный порядок и не утвердится достаточно сильное центральное правительство, способное обеспечить Россию от повторения беспорядков, подобных тем, которые нарушили спокойствие на ее окраинах и приостановили правильное сооружение Восточно-Китайской железной дороги.

Все изложенное сообщается для вашего сведения и руководства.

Письмо посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 23 марта 1901 г.

Со времени последних моих донесений, т. е. за истекшие 10 дней, агитация, вызванная здесь известием о проекте отдельного соглашения между нами и Китаем по манчжурскому вопросу, значительно усилилась. В ней теперь принимают участие не только многочисленные мелкие газеты, имеющие специальностью возбуждение шовинистского духа, но и важнейшие органы печати, не исключая тех, которые находятся в официозных отношениях к правительству, а также многие из выдающихся государственных людей Японии, вроде бывшего первого министра и вождя прогрессистской партии, графа Окума, высказавшегося на-днях публично в самом воинственном тоне. Смысл всех этих статей и речей — один и тот же: «Шесть лет тому назад Япония, по совету России, Франции и Германии, должна была очистить Ляодунский полуостров вследствие того, что, по мнению этих держав, утверждение ее в этой части Китая угрожало миру и спокойствию на Дальнем Востоке; ныне Россия не только завладела вышесказанным пунктом, но, под видом дружественного соглашения с Китаем, стремится утвердить свое политическое и военное могущество на всем пространстве Манчжурии. Это не только нарушает права и интересы Японии в этой китайской провинции, но также угрожает независимости Кореи, представляющей для Японии первостепенную важность. Япония должна напрягать все свои силы, чтобы помешать этому и с этою целью решиться взяться за оружие даже без посторонней помощи и поддержки».

Вследствие телеграммы вашего сиятельства от 12 марта, разрешавшей мне дать японскому правительству вполне успокоительные заверения и разъяснить ему, что проектированное соглашение имеет исключительно в виду определение условий, при коих может быть осуществлено объявленное нами намерение возвратить Китаю Манчжурию, я не преминул вызвать г. Като на серьезный разговор и еще раз, самым ясным образом, изложить ему взгляд императорского правительства на манчжурский вопрос. Из разговора этого я впервые узнал о сообщении, только что перед этим сделанном в Петербурге японским посланником, и об ответе вашего сиятельства, сообщенном сюда г. Чинда в двух версиях, из которых вторая, по его уверению, была вами лично проверена и исправлена. Предупредив меня, что сказанный ответ подлежал еще со стороны японского правительства внимательному обсуждению и что слова его не имели характера официальных заявлений, г. Като весьма подробно и с мало привычною ему откровенностью высказал мне свой взгляд на настоящее дело. «Я не отрицаю, сказал он, что объяснения, данные графом Ламздорфом нашему посланнику, имеют вполне дружественный характер, но, с формальной стороны, на японское прави-

тельство произвел крайне тягостное впечатление факт, что ваш министр иностранных дел начал с того, что отказался принять сообщение Японии по вопросу о проекте русско-китайского соглашения. Что касается сущности дела, то заверения России, что в соглашении этом не окажется ничего противного правам и интересам других держав, не согласуется с тем, что японскому правительству известно о вышесказанном проекте, и, притом, известно не из газет, а непосредственно от китайского правительства, обратившегося к Японии с просьбою о поддержке против настояний России. Я могу указать на такие статьи предложенной конвенции, которые прямо нарушают как права, принадлежащие Японии, в силу трактатов, на всем протяжении Китайской империи, так и верховные права Китая в Манчжурии. Вследствие вышесказанного японское правительство не может отказаться от взгляда, выраженного им в последнем своем сообщении, и предоставляет себе высказать впоследствии свое суждение о полученном им от России ответе».

Как я имел честь телеграфировать, здешняя печать тотчас же была поставлена в известность о предпринятом Японией в Петербурге дипломатическом шаге и о его результате, и все газеты, не исключая официозных, поспешили высказать, что японское правительство не может удовольствоваться полученным им ответом и должно обратиться к России с новым и более решительным требованием, которое, по их убеждению, будет поддержано единодушною готовностью всей японской нации на самые крайние меры и жертвы. Это послужило мне поводом ко второму разговору с г. Като, который, как вашему сиятельству известно из моей телеграммы от сегодняшнего числа, подтвердил мне еще раз, что японское правительство, к сожалению, не может согласиться со взглядом, высказанным вами в ответ на сообщение японского посланника, но, вместе с тем, сказал мне, что здесь еще не принято никакого решения относительно дальнейших дипломатических действий, которые будут зависеть от развития настоящего вопроса. Вслед за сим г. Като известил меня, что японскому посланнику в Петербурге поручено высказаться в том же смысле.

Во все время объяснений со мною г. Като соблюдал весьма решительный, но в то же время достаточно спокойный и дружественный тон: общественное мнение видит однако в нем одного из главных представителей воинственной партии, и местные газеты приписывают ему различные резкие заявления и угрозы по адресу России. Как бы то ни было, несомненно, что г. Като всецело принадлежит к группе молодых и честолюбивых министров, которые все более и более захватывают руководительство делами, тогда как более спокойный и благоразумный маркиз Ито постепенно отходит на задний план. Самым опасным и горячим членом кабинета является однако морской министр, вице-адмирал Ямамото, который всегда отличался антирусским направлением и два года тому назад, во время известных инцидентов в Корее, вызвал сильную тревогу своими самовольными распоряжениями. Соответственно этому и все морское ведомство настроено особенно воинственным образом.

Из моих телеграмм вашему сиятельству уже известно, что ведомство это, несмотря на имеющийся уже налицо громадный запас угля (110 тысяч тонн английского и свыше 200 тысяч тонн японского), делает еще спешные закупки и что на-днях оно приобрело в Сингапуре 5 000 тонн кардифа.

Хотя, затем, по наблюдениям нашего морского агента, в этой области не делается, покуда, никаких экстренных приготовлений, необходимо иметь в виду, что недавно построенный японский флот весьма мало нуждается в подобных приготовлениях, находится почти в полной боевой готовности и распределен уже в наиболее близких к возможному театру военных действий юго-западных портах. С ожидаемым вскоре прибытием предпоследнего из заказанных в Англии броненосцев программа морских вооружений Японии может считаться почти законченною, и нет сомнения, что именно сознание в полной готовности и превосходном состоянии материальной части внушает личному составу японского флота указанный выше воинственный дух.

Военное ведомство, по убеждению нашего военного агента, выказывает, напротив того, гораздо более спокойное и благоразумное настроение; это относится, в особенности, к главному штабу, который вследствие этого ежедневно подвергается нападкам со стороны шовинистской печати, обвиняющей его в бездействии и страхе перед Россией. До сих пор это ведомство не принимает никаких чрезвычайных мер, и возникшие, было, слухи, будто решено увеличить численность войск в Китае, ускорить на один месяц посылку батальона в Корею на смену тамошних гарнизонов и командировать туда же несколько офицеров генерального штаба и т. д.— были тотчас же опровергнуты. Благоразумие главного штаба объясняется, конечно, пониманием всей опасности столкновения с Россией. Сухопутные вооружения далеко еще не приведены до той же степени готовности, как морские, и при нормальном напряжении для их завершения потребуется еще около года. Кроме того недавние совместные действия в Китае внушили японским военачальникам не только глубокое уважение к боевым качествам русской армии, но даже и некоторые к ней симпатии. Все это вместе взятое заметно отражается на настроении таких ответственных лиц, как начальника главного штаба маршала Ояма и помощника его генерала Тераучи, посетившего театр военных действий в Китае и имевшего личные сношения с вице-адмиралом Алексеевым.

Наконец, к категории благоразумно настроенных лиц можно причислить и японских маршалов, составляющих так называемый «генсуйфу», т. е. верховный военный совет [1]), а именно принца Комацу, маршала Ямагата и адмиралов Сайго и Ито: все эти лица принадлежат к так называемым «старшим» государственным деятелям, участвовавшим в создании современного государственного строя Японии и опасающихся поставить на карту будущность этого дела. Все члены верховного совета собраны в настоящее время в Токио и часто собираются под личным председательством императора для обсуждения политического и военного положения. Последнее их заседание, в котором участвовал по особому приглашению министр иностранных дел, имело, по слухам, особенно важное значение, но о принятых в этом заседании решениях до сих пор ничего неизвестно.

Серьезным препятствием вступлению Японии на воинственный путь следует, без сомнения, признать ее финансовое и экономическое

---

[1]) Верховный военный совет — совещательный орган при японском императоре— состоял в 1901 г. из председателя маршала Ямагата и членов: принца Комацу, адмиралов Сайго и Ито. Последний в то же время был и начальником морского генерального штаба.

положение: в этом, повидимому, отдает себе вполне ясный отчет глава кабинета, маркиз Ито, который высказал на-днях в публичном собрании, что финансы и вообще все государственное и народное хозяйство страны находятся в еще худшем состоянии, нежели он ожидал, принимая власть. По его словам, правительству необходимо реализировать в текущем году заем в 60 000 000 иен, но этому препятствует крайне неблагоприятное настроение как внутреннего, так и заграничного денежного рынка. При таких условиях маркиз Ито предвидит даже неизбежность приостановки некоторых из правительственных мероприятий, вытекающих из так называемого post bellum programme. На эти авторитетные заявления сторонники решительной политики отвечают, что, если дело дойдет до столкновения с Россией, весь японский народ, как один человек, будет готов пожертвовать всем своим достоянием. Кроме того подразумевается, что Япония может получить существенную финансовую помощь от Англии, которая, как известно, уже предлагала японскому правительству, при начале настоящего кризиса на Дальнем Востоке, ссудить его средствами для ведения военных операций в Китае, и, вероятно, еще охотнее окажет ему денежную поддержку для борьбы с Россией.

Вследствие порчи кабеля здесь за последние дни нет никаких достоверных известий из Пекина, и японское правительство ничего не знает об окончательной судьбе русско-китайского соглашения. Нет сомнения, что японскому посланнику в Пекине предписано продолжать самое энергическое давление на китайских уполномоченных с целью помешать ратификации этого акта. Настоящие события, как я уже имел честь высказывать, подают повод Японии демонстративно выступать в роли друга и защитника Китая, которому будто бы угрожают замыслы России на Манчжурию; при этом японское правительство не ограничивается воздействием на китайский двор и официальных китайских уполномоченных в Пекине, но поддерживает постоянные и оживленные сношения с южными вице-королями, побуждая их также высказываться против заключения отдельного соглашения с Россией. Газеты отмечают также различные проявления китайского патриотизма и уверяют, будто японское правительство ежедневно получает из различных частей Китая адресы и телеграммы с протестами против сказанного соглашения и просьбами о японской помощи.

Иностранные представители в Токио весьма внимательно следят за проявляющимся здесь волнением, и почти все сходятся со мною в оценке его значения и размеров. Французский поверенный в делах г. Дюбайль всеми силами старается быть мне полезным и делится со мною всеми получаемыми им сведениями и указаниями, но он имеет еще очень мало связей в здешних правительственных и политических кругах, и в этом отношении я могу лишь сожалеть об отъезде опытного и отлично осведомленного г. Армана. Германский поверенный в делах граф Ведель держится по отношению ко мне и к русским интересам вполне корректно и дружественно, но имеет мало веса и значения. Что касается до переведенного сюда из Пекина английского посланника сэра Клода Мак-Дональда, то я, конечно, не могу ручаться за истинный характер его деятельности, но, на словах и в разговорах со мною, он строго осуждает здешнюю агитацию и уверяет, что он настойчиво советует японскому правительству не отступать от благоразумного образа действий.

Извольский.

Секретное письмо министра иностранных дел Ламздорфа военному министру от 21 апреля 1901 г.[1]).

Вследствие письма от 18 апреля № 172, почитаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству нижеследующие соображения:

Не считая себя компетентным высказать заключение о том, в какой степени с чисто военной точки зрения представляется необходимым усиление находящихся в ведении приамурского генерал-губернатора войсковых частей, я не могу не обратить внимания вашего на политическую сторону данного вопроса, имеющую при настоящем общем положении дел на Крайнем Востоке весьма существенную важность.

Мне кажется прежде всего, что удовлетворение ходатайства генерала Гродекова о командировании новых отрядов войск в Манчжурию находилось бы в полном противоречии с неоднократно сделанными от высочайшего имени государя императора заявлениями о намерении России возможно скорее приступить к постепенной эвакуации названной области: таковое обстоятельство не только подорвало бы доверие к императорскому правительству, но и повело бы к самым опасным политическим осложнениям, ибо, несомненно, возбудило бы подозрение в намерении России под тем или иным предлогом окончательно завладеть Манчжурией.

Из предшествующей переписки вашему высокопревосходительству должно быть хорошо известно, с какой тревогой Америка, Англия и особливо Япония относятся к вопросу о дальнейшей судьбе занятой нашими войсками китайской области; вслед за несостоявшимся заключением отдельного по сему предмету соглашения с Китаем императорскому правительству стоило больших усилий успокоить общественное мнение и убедить государственных деятелей иностранных держав в том, что Россия вовсе не намерена отступать от первоначально заявленной политической программы своей и что единственной целью предполагавшегося соглашения, возбудившего повсюду столько шума, было определение условий, при коих начало эвакуации Манчжурии оказалось бы уже ныне осуществимым.

Ввиду столь категорических заявлений императорского правительства едва ли возможно, не рискуя вызвать крайне опасные осложнения, приступить к посылке в Манчжурию новых частей войск, особливо в ту минуту, когда, согласно только что полученным телеграммам из Пекина, и военные власти и иностранные представители держав пришли к заключению о необходимости сокращения союзных сил в Печилийской провинции.

Помимо сего я считаю своим долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства еще на одно важное обстоятельство: по имеющимся из весьма достоверного источника сведениям, население Манчжурии, несомненно, жаждет мира, стремится вернуться к полевым работам; так же миролюбиво настроена и восстановленная китайская администрация, встречающая однако сильные затруднения вследствие постоянных и многочисленных наших экспедиций, преследующих оставшиеся местами отряды китайских войск, которые разбиваются на мелкие шайки и поневоле обращаются в разбойников, вынужденных для пропитания грабить обезоруженное население, не видя перед собой другого исхода, кроме поголовного истребления. Таким образом то положе-

[1]) На документе Николаем Романовым поставлен знак рассмотрения.

ние дел в Манчжурии, на которое указывает генерал Гродеков и которое, по его мнению, вызывает необходимость усиления войск, создается именно продолжающимися военными экспедициями против бродящих по области остатков китайских отрядов.

Разоружение этих отрядов, без напрасного кровопролития, мирным путем, через восстановленных китайских властей, казалось бы, гораздо легче и вернее привело бы к окончательному умиротворению края.

Отпуск секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Токио Извольскому от 1 мая 1901 г. № 170[1]).

Экспедиция ваша от 1 марта получена.

В письме того же числа вы, между прочим, упоминаете о протесте Японии против предполагавшегося заключения отдельного русско-китайского соглашения. Считаю необходимым напомнить вам, что вообще едва ли можно говорить о каком-либо протесте японского правительства в этом деле.

По крайней мере, при первой попытке здешнего посланника Чинды вступить со мной в объяснения по поводу проектированного соглашения, я тотчас же прервал его, заметив, что не допускаю никаких запросов посторонней державы относительно переговоров, которые ведутся между двумя независимыми государствами.

Во второй раз, по просьбе Чинды дать разъяснения касательно появившегося в английских газетах вымышленного текста означенного соглашения, я ответил посланнику, что признаю отныне всякие объяснения по сему делу излишними, ибо, как всем представителям России за границей, так и вам, уже тому несколько дней поручено было заявить подлежащим правительствам, что, не желая причинить затруднение китайскому правительству, Россия отказалась от всяких дальнейших переговоров с Китаем по манчжурским делам[2]).

Отпуск доверительного письма министра иностранных дел управляющему военным министерством от 18 июня 1901 г.[3]).

Вследствие письма вашего превосходительства от 13 июня № 1265/105, при коем препровождена была записка подполковника Агапеева с изложением взглядов д. с. с. Извольского на современное положение дел на Дальнем Востоке, почитаю долгом сообщить нижеследующее.

Не зная, в какой степени точно передает подполковник Агапеев все сказанное ему г. Извольским, полагаю необходимым обратить внимание ваше прежде всего на то обстоятельство, что с политической точки зрения министерство иностранных дел никогда не считало особенно желательным заключение с Китаем отдельного соглашения по манчжурским делам до восстановления в Поднебесной империи нор-

---

[1]) На отпуске пометы: «На подлинной собственною е. и. в. рукой написано: «С[огласен]». — «Царское Село, 1 мая 1901 г.» — «Отправлена 2 мая».

[2]) Отказ от соглашения с Китаем по манчжурским делам и от дальнейших переговоров по этому вопросу был сообщен российским представителям за границей в циркулярном письме от 21 марта 1901 г. и опубликован в «Правительственном вестнике» от 23 марта 1901 г.

[3]) На документе знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым.

мального порядка вещей, при коем только и возможны переговоры с вполне независимым и ответственным правительством; при этом мною неоднократно указываемо было, с одной стороны, на опасность заключения подобного договора, ввиду вероятных протестов со стороны держав, имеющих интересы на Дальнем Востоке; с другой — на маловажность значения письменного документа в глазах китайцев, всегда склонных при удобном случае нарушить принятые на себя обязательства, которые, к тому же, при нынешних обстоятельствах, едва ли были бы подкреплены центральным правительством.

На мой взгляд представлялось несравненно более целесообразным, по окончании смуты, путем сделок с китайскими правительственными лицами и восстановленною центральною властью добиться тех льгот и преимуществ, которые вызывались стратегическими и политико-экономическими нуждами в Манчжурии.

При этом, нам, конечно, пришлось бы основывать все расчеты наши не на чувстве «благодарности» китайцев, чувстве, не играющем никакой роли в международных сношениях, ни тем менее на традиционной двухсотлетней дружбе с Китаем, ссылка на которую порою является лишь удобным дипломатическим аргументом, а исключительно на силе, могуществе России и обаянии ее имени на Востоке.

Между тем военное, как и финансовое ведомства признавали немедленное заключение сепаратного договора с Китаем безусловно необходимым для развития и скрепления ранее состоявшихся временных соглашений наших властей с местными цзяньцзюнями.

Вашему превосходительству хорошо известно, что лишь после продолжительной переписки и неоднократных совещаний генерал-от-инфантерии Куропаткин и статс-секретарь Витте согласились смягчить первоначальные требования, кои они предполагали возможным предъявить Китаю.

Но, как и следовало ожидать, даже и в таком измененном виде проект соглашения по манчжурским делам, уже ставший известным в Токио по сообщению, сделанному китайцами, вызвал сильную агитацию в среде всех заинтересованных держав, особливо же Японии.

При таких условиях самым целесообразным представлялось сохранение настоящего «status quo» и отказ России до поры до времени от всяких дальнейших переговоров об отдельном соглашении с Китаем.

Что японцы усматривают в этом обстоятельстве какой-то успех, по моему, едва ли может иметь значение в наших глазах; в Европе и Америке, наоборот, более дальновидные государственные деятели признают, что Россия отказом от соглашения сделала весьма удачный шаг, развязавший ей руки и сохранивший за нею полную свободу действий.

Как бы то ни было, с политической точки зрения важно было то, что известие об уклонении России от дальнейших переговоров с китайцами по манчжурским делам сразу положило конец крайне натянутому положению, грозившему стать безвыходным, если бы уже по подписании нами проектированного соглашения последовали официальные протесты всех держав и отказ китайского центрального правительства от ратификации оного.

С той поры между императорским и токийским правительствами установились настолько удовлетворительные дипломатические отношения, что за последнее время явилась даже возможность приступить к обмену взглядов по разным политико-экономическим вопросам, касаю-

щимся в одинаковой степени интересов обоих государств. И если бы все дело сводилось исключительно к сфере деятельности вверенного мне ведомства, то я мог бы поручиться за то, что дружественные отношения между Россией и Японией, несмотря на господствующее в среде ее некоторых государственных деятелей воинственное настроение, не подверглись бы никакому нарушению.

Но присутствие наших войск в Манчжурии, многосложные мероприятия, предстоящие военному ведомству по эвакуации этой области, в связи с охраною и укреплением некоторых береговых и пограничных пунктов, а финансовому ведомству по разнообразным вопросам, связанным с постройкою железной дороги, настолько усложняют общее положение вещей, что при малейшем неосторожном действии со стороны наших властей на месте, нередко склонных предъявлять требования «по праву завоевания» и указывать на сделанные в Китае приобретения «штыком» и «кровью», возможно всегда ожидать перехода Японии к активной политике, особливо ввиду того внутреннего состояния названного государства, о котором имеются данные не только из сообщения г. Извольского подполковнику Агапееву, но и на основании донесений военного и морского агентов в Токио.

При таких условиях, если, как следует заключить из представленных вашим превосходительством в письме сведений, военно-морское положение наше на Дальнем Востоке значительно слабее, чем положение Японии, то меры к постепенному и осторожному приведению в боевую готовность войск Приамурского округа, быть может, представляются вполне целесообразными. Но при этом не следует терять из виду, что всякая мера к усилению нашего положения неминуемо побудит японцев либо сделать соответствующие военно-морские распоряжения, либо искать повода к немедленному открытию враждебных действий, дабы застигнуть Россию еще недостаточно подготовленною к борьбе.

В заключение не могу не высказать, что, на мой взгляд, наилучшим выходом из настоящих затруднений была бы возможно скорейшая подготовка к выполнению высочайшей государя императора воли о полной эвакуации Манчжурии. В этом отношении для достоинства России крайне важно, чтобы выступление русских войск из пределов Китая совершилось при первой возможности и единственно по почину императорского правительства, а не под давлением международных осложнений, либо исходящих от заинтересованных держав напоминаний о данных Россией неоднократно торжественных обещаниях.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 17 июля 1901 г.

Мысль о дружественном соглашении с нами в положительном смысле о корейских делах поддерживалась здесь главным образом маркизом Ито. С упадком его влияния, а затем и с удалением его от дел, осуществление этого плана сделалось гораздо затруднительнее. В настоящую минуту, при господствующем здесь настроении и слепом недоверии к нашим намерениям относительно Манчжурии, по моему убеждению, было бы бесполезно поднимать этот вопрос, тем более, что Соне, будучи лишь временным министром иностранных дел, избегает всего, что могло бы связать свободу действий Комуры, который примет от него министерство тотчас по окончании пекинских переговоров. По-

приезде сюда Комуры я постараюсь выяснить, склонен ли он к соглашению с нами о Корее и не премину представить вашему сиятельству подробные соображения об основаниях, на которых возможно было бы заключить подобную сделку.

Извольский.

Секретная телеграмма министра иностранных дел Ламздорфа российским посланникам в Токио и Пекин от 17 июля 1901 г. № 277 [1]).

Ввиду приближающегося окончания переговоров в Пекине наступает минута, когда необходимо тщательно обсудить наиболее целесообразный, отвечающий первостепенным интересам России, способ решения манчжурского вопроса.

Во всех предшествующих официальных сообщениях своих императорское правительство заявляло о намерении своем, тотчас по восстановлении нормального порядка в Китае, вывести войска из Манчжурии, если тому не воспрепятствует образ действий держав и самого Китая.

Эта существенная оговорка, несомненно, оставляет за Россией право сохранить помянутую область, на деле ею завоеванную, в случае если б в ближайшем будущем поведение держав или китайского правительства в чем-либо оказалось противным состоявшемуся общему соглашению по китайским делам, либо нарушило бы прямые интересы наши на Дальнем Востоке.

Как бы то ни было, предварительно принятия окончательного решения по сему вопросу, желательно было бы знать, к каким, по вашему мнению, последствиям на месте могло бы повести официально заявленное Россией намерение присоединить к своим владениям Манчжурскую область?

Секретная телеграмма министра иностранных дел Ламздорфа российским представителям в Токио и Пекин от 19 июля 1901 г. № 280.

Дополнение к моей телеграмме от 17 июля [2]).

Не теряйте из виду, что при нормальном ходе событий императорское правительство отнюдь не имеет в виду отступать от данных обещаний. Запрашиваемые от вас сведения необходимы для руководства на всякий случай.

Секретное письмо министра иностранных дел Ламздорфа министрам военному и финансов от 19 июля 1901 г. №№ 723 и 724 [3]).

Из непосредственных личных переговоров моих с вами, а равно и соображений, высказанных мною на совещании 28 минувшего июня [4]),

---

[1]) На отпуске телеграммы пометы: «На подлинной собственной е. и. в. рукой написано: «С[огласен]». «Петергоф», 18 июля 1901 г. (Телеграммы эти были задержаны и отправлены вместе с дополн. тел. 19 июля 1901 г.)».

[2]) В подлиннике эта фраза на французском языке.

[3]) На отпуске письма помета: «На подлинном собственною е. и. в. рукою написано: «С[огласен]». «Петергоф, 17 июля 1901 г.».

[4]) Совещание 28 июня 1901 г. было созвано для рассмотрения вопроса о китайских железных дорогах в Южной Манчжурии. Совещание постановило возвратить участок дороги Шанхай-Гуань — Син-Мин-Тин его китайским собственникам. При этом

вашему высокопревосходительству известно, в каком положении, на мой взгляд, представляется, с точки зрения политической, вопрос о китайских железных дорогах в Южной Манчжурии.

Занятые в сентябре 1900 года, по встретившимся в то время военным надобностям, дороги эти, находясь на территории Поднебесной империи и составляя собственность китайского правительства, подлежат возвращению Китаю в силу обещаний и официальных заявлений России, неоднократно подтвержденных обнародованными по сему предмету правительственными сообщениями.

На совещании 28 июня начальник главного штаба, обсуждая вопрос в военном отношении, признал также, что предпочтительнее было бы передать Шанхай-Гуань — Инкоускую дорогу прежним владельцам и вывести из ее района русские войска, кои несравненно целесообразнее сосредоточить в других местах Манчжурии или на наших окраинах.

Наконец, ваше высокопревосходительство, по финансовым соображениям, изволили, с своей стороны, присоединиться к заключению о необходимости возвращения дорог в Южной Манчжурии китайскому правительству.

В 5 день сего июля государю императору благоугодно было всемилостивейше утвердить мнение, единогласно высказанное на совещании от имени трех ведомств.

Но, казалось бы, не следует терять из виду, что предстоящее возвращение упомянутых железнодорожных линий их собственникам является первым шагом к выполнению данных императорским правительством обещаний вообще и, стало быть, влечет за собою необходимость окончательного и бесповоротного решения ныне же вопроса о том, желательно ли в государственных интересах России сохранение за нею занятой нашими войсками Манчжурской области в полном ее объеме, либо одной из ее провинций?

Оставлять этот коренной вопрос без надлежащего разрешения, ставить его исключительно в зависимость от дальнейшего хода событий — было бы, по меньшей мере, не осторожным; к тому же всякое колебание в этом отношении не соответствовало бы достоинству России, как великой и могущественной державы.

Нет сомнения в том, что с политической точки зрения присоединение к российским владениям обширной, богатой по своей природе, китайской области могло бы лишь служить к вящему подъему обаяния России среди азиатских народностей; обладание территорией, чрез которую проходит железнодорожная ветвь, долженствующая соединить великий сибирский путь с водами Тихого океана, где ныне имеется уже в наших руках незамерзающий порт, — с одной стороны, значительно облегчило бы самое сооружение строящейся дороги и, с другой, обеспечило бы неукоснительное осуществление исторической задачи России на Крайнем Востоке.

участок возвращался Китаю на следующих условиях: 1) на дороге не должно было быть никаких других войск, кроме китайских, 2) соблюдение всех раньше заключенных договоров об участке, 3) русское правительство должно было получить обязательство, что не будет проводиться ни новых линий, ни веток к данному участку, ни сооружения моста в Инкоу через р. Ляохэ, ни переноса конечного пункта дороги. Кроме того, совещание постановило восстановить русское требование о постройке железной дороги от одного из пунктов Китайской Восточной жел. дороги к Великой китайской стене по направлению на Пекин и потребовать возмещения всех затрат по возведению и эксплоатации возвращаемого участка.

Исходя из этих соображений и будучи поставлен во главе ведомства, призванного пещись о пользе и выгодах России на почве ее международных отношений, я не могу не высказать с принципиальной точки зрения, что сохранение за Россиею в сущности завоеванной ею Манчжурской области представлялось бы, конечно, весьма заманчивым во многих отношениях.

Но, к сожалению, при решении таковой важности вопросов недостаточно руководствоваться соображениями о желательности достижения той или иной задачи, необходимо постоянно и прежде всего иметь в виду, насколько осуществление оной возможно при данных политических обстоятельствах.

Нет сомнения, что с формальной стороны, поскольку вопрос касается взаимных отношений России к другим державам, присоединение к ее владениям Манчжурии представляется возможным, несмотря на заявления, сделанные в обнародованных правительственных сообщениях. В самом деле, во всех официальных документах императорское правительство неоднократно доводило до сведения иностранных государств, что Россия отнюдь не имеет в виду каких-либо территориальных приобретений за счет Китая (что она [1]) не преминет вывести войска свои из пределов соседней империи), но при условии однако, если этому не послужит препятствием образ действий других держав и самого Китая.

На основании последней, весьма существенной оговорки, в самом ближайшем времени не трудно будет отметить как в образе действий держав, так и в поведении Китая достаточно поводов для того, чтобы иметь право отказаться от наших первоначальных намерений и объявить о присоединении какой-либо части китайской территории. Хотя таковое решение, несомненно, произвело бы неблагоприятное впечатление на мировое общественное мнение, которое все же усмотрело бы в оном лишь предлог к неисполнению императорским правительством данных обещаний, тем не менее есть некоторые данные предполагать, что собственно из западных великих держав ни одна не решится вступиться за Китай и что, стало быть, со стороны Европы едва ли последует отпор завоевательным планам России.

Нельзя того же сказать относительно Японии, которая, как известно вашему высокопревосходительству из предшествующих сообщений моих, в высшей степени воинственно настроена против России, с живым интересом следит за каждым ее шагом на Крайнем Востоке и при первой же попытке нашей к нарушению целости китайской территории готова будет вступить в открытую борьбу с Россией с целью добиться для себя соответствующих выгод с оружием в руках, причем токийское правительство, несомненно встретит полное сочувствие, а быть может, и негласную поддержку со стороны некоторых, соперничествующих с Россией на Крайнем Востоке держав.

Из изложенного явствует, что весь рассматриваемый вопрос сводится к тому: может ли Россия при настоящих условиях ее боевых сил без всякого риска принять вызов Японии и представляет ли приобретение Манчжурии столь существенные военные, стратегические и фи-

---

[1]) Пропущено в царском экземпляре и при переписке к подписи. (Примечание в подлиннике).

нансовые выгоды, чтобы ради этого захвата стоило итти навстречу опасным осложнениям?

Наконец, в состоянии ли мы будем немедленно же приступить к военной и административной организации присоединяемой крайне своеобразной по бытовым условиям области, устройству весьма сложных гражданских и судебных учреждений, с отнесением всех необходимых для сего расходов на бюджет русской государственной казны?

В случае утвердительного ответа на поставленные вопросы со стороны единственно компетентных военного и финансового ведомств, на мой взгляд может представиться несвоевременным приступать ныне к возвращению занятых нами железных дорог в Южной Манчжурии, владение которыми, несомненно, будет иметь для нас на первых же порах существенные выгоды.

Наоборот, в случае отрицательного решения намеченных выше вопросов, мы должны были бы одновременно или тотчас вслед за передачею собственникам южно-манчжурских железных дорог приступить по собственному почину к постепенной эвакуации Манчжурии отдельными районами, стягивая поочередно из каждого отдельного округа наши войска в те ближайшие к русской границе местности, где присутствие их в усиленном размере еще вызывается необходимостью, и попутно везде, где окажется возможным, заменять существующее ныне в провинциях Манчжурии военное положение нормальным гражданским порядком при посредстве законных китайских административных властей.

О таковых мероприятиях надлежало бы поставить в известность как китайское правительство, так и все остальные державы путем обнародования особого правительственного сообщения, в котором вслед за указанием на основные положения последовательной и твердой позиции России, в связи с происходящими событиями, заявлено было бы, что, если Китай не выполнит поставленных ему условий по делу о передаче ему железных дорог, либо в образе действий держав и самого Китая последуют какие-либо непредвиденные перемены, то Россия вынуждена будет принять соответствующие ее государственным интересам меры, возложив на иностранные государства ответственность за все могущие произойти от сего последствия.

Сообщая об изложенном, покорнейше прошу ваше высокопревосходительство почтить меня вашим окончательным заключением по предмету настоящего письма.

Секретная телеграмма посланника в Пекине Гирса министру иностранных дел Ламздорфу от 22 июля 1901 г.

Получил вчера телеграмму от 17-го.

Многие в Китае помирились, было, уже с мыслью, что Манчжурия отойдет к России. Оппозиция против нашего соглашения была внушена ему извне как обещанием поддержки против нас, так и угрозой удовлетворить себя в самом Китае. Неудача соглашения вскружила головы южных вице-королей и их партии, сильной ныне при дворе, и с которой Ли-Хун-Чан стал сближаться. Под их влиянием ведется на юге ожесточенная кампания против нас, явно покровительствуемая извне. Вся сила этой вражды к нам в поддержке Японии, а потому последствия нашего заявления о присоединении Манчжурии многим будут зависеть

от силы этой поддержки и подстрекательства. При нынешнем настроении Китай всеми мерами будет стремиться возможно раньше поставить на очередь манчжурский вопрос и привлечь другие державы к его решению. Нельзя допустить этого, так как при поддержке извне Китай может довести свое сопротивление нам до крайности. Ли-Хун-Чан получил уже приказ о начатии переговоров с нами, и, по его словам, двор запрашивает его, не следует ли оповестить все державы о намерении Китая начать переговоры, очевидно, с целью вызвать их вмешательство. Я полагал бы переговоры возможными при быстром их ведении и безусловном принятии февральского проекта [1]). Такой наш ответ Китаю выяснил бы, насколько справедливы слухи о данном будто бы им обещании другим державам открыть для них Манчжурию. При других условиях полагал бы крайне желательным сохранить в Манчжурии нынешнее временное положение, не выводя оттуда войска и не делая заявления о наших намерениях. Считаю необходимым, предварительно вывода войска из Манчжурии, заручиться в официальном акте признанием Китая вполне исключительного нашего положения в Манчжурии и по мере возможности во всей сфере нашего влияния. Иначе уход наш произведет здесь самое неблагоприятное для нас впечатление и пагубно отразится на нашем положении во всей стране и в особенности в намеченной сфере нашего влияния.

Гирс.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 25 июля 1901 г.

Получил телеграммы от 17 и 19 июля.

По моему убеждению, официально заявленное, под каким бы то ни было предлогом, намерение России присоединить к своим владениям Манчжурскую область неминуемо вызовет в Японии сильное движение общественного мнения. Усилившаяся здесь в последнее время воинственная партия потребует, вероятно, прямого разрыва с Россией, и лишь более умеренные элементы удовольствуются активными действиями в Корее. Которое именно из этих двух течений возьмет верх, заранее сказать невозможно, но, во всяком случае, нельзя ожидать, чтобы Япония осталась спокойною зрительницею формального присоединения Манчжурии к России. Если в Манчжурии фактически продлится наша оккупация, не обусловленная никакими формальными актами, скорее можно ожидать, что Япония мало-по-малу примирится с совершившимся фактом, хотя и в этом случае необходимо предвидеть периодические воинственные вспышки и попытки токийского кабинета возбудить про-

[1]) По проекту от 24 февраля 1901 г. царское правительство соглашалось восстановить власть Китая в Манчжурии, сохранив за собой право содержать там свои войска до водворения «спокойствия», уплаты вознаграждения Обществу Китайской Восточной железной дороги за убытки, связанные с боксерским восстанием, причем это вознаграждение могло быть заменено разными льготами Обществу Китайской Восточной железной дороги и выдачей русскому правительству концессии на постройку железной дороги от какого-нибудь пункта Китайской Восточной железной дороги к Великой китайской стене по направлению на Пекин. Проект соглашения ставил в зависимость от согласия царского правительства смену местных манчжурских губернаторов (цзяньцзюней). Китайскому правительству запрещалось давать концессии в пределах Манчжурии иностранным державам или их подданным на постройку железных дорог, разработку рудников и на какие бы то ни было промышленные предприятия.

тив подобной оккупации международный протест. Тотчас по прибытии сюда из Пекина нового министра иностранных дел Комура, которому, вероятно, будет предоставлено вполне самостоятельное заведывание иностранными делами, я постараюсь, как можно подробнее, выяснить его взгляды на манчжурский и корейский вопросы.

Извольский.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 3 сентября 1901 г.

На-днях выезжает отсюда через Америку в Европу маркиз Ито, предполагающий посетить главнейшие европейские столицы, начиная с Парижа, и в декабре или январе быть в С.-Петербурге. Хотя путешествию этому придается вполне частный характер, оно имеет несомненное политическое значение и предпринимается с целью ближайшего ознакомления со взглядами европейских кабинетов. Будучи устранен от дел, маркиз Ито продолжает занимать выдающееся положение среди старших государственных людей, пользующихся личным доверием японского императора, и результат его поездки может существенно повлиять на дальнейший ход внешней политики Японии. Подробности почтой.

Извольский.

Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 28 сентября 1901 г.

Новый министр иностранных дел Комура заявляет об искреннем желании искать сближения с Россией, но в то же время не поддается пока никаким попыткам приступить к обсуждению практического плана соглашения. Он, видимо, весьма озабочен получаемыми из Пекина известиями о возобновлении между нами и Китаем переговоров о Манчжурии, и до окончательного выяснения манчжурского вопроса вряд ли возможно склонить его к какому-либо обмену мыслей о Корее. Здесь, кажется, ничего еще с точностью неизвестно о сущности наших переговоров с Китаем, но, как я осведомлен из верного источника, в японском министерстве иностранных дел убеждены, что китайское правительство ничего окончательно не подпишет, не посоветовавшись с Японией и другими державами.

Извольский.

Депеша посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 6 октября 1901 г. № 35.

М. г. граф Владимир Николаевич.

Телеграммой от 24 (11) сентября я имел честь уведомить ваше сиятельство о назначении японского посланника в Пекине г. Комура министром иностранных дел. Ваше сиятельство изволите вспомнить, что г. Комура был намечен на этот пост еще пять месяцев тому назад, но был оставлен в Пекине для окончания переговоров, которые он вел в последнее время совершенно самостоятельно и почти не спрашивая инструкций из Токио; с другой стороны, министр финансов, г. Соне, временно управлявший министерством иностранных дел, тщательно избегал всякой инициативы во внешних сношениях и ограничивался лишь

исполнением текущих дел. Подобное положение было тем более неудобно, что первый министр генерал Кацура также устранялся от обсуждения вопросов внешней политики. Приезд г. Комура ожидался поэтому дипломатическим корпусом с большим нетерпением; назначение его встречено здесь весьма сочувственно как среди иностранных представителей, так и в местных политических сферах. Новый министр иностранных дел, пробывший около шести месяцев в качестве посланника в Петербурге и оттуда переведенный в Пекин тотчас после освобождения миссий, лично известен вашему сиятельству. Здесь он считается весьма серьезным, спокойным, но в то же время настойчивым и энергическим дипломатом. Как в Корее, где он был преемником виконта Миура, после убийства королевы, и где он подписал с действительным статским советником Вебером известное соглашение 1896 года, так и в Токио, в должности товарища министра иностранных дел, выказал много такта и умеренности и заслужил всеобщее доверие и уважение. Насколько я мог удостовериться, он совершенно свободен от свойственных столь многим японским дипломатам исключительных симпатий к той или другой западно-европейской стране. Из пребывания своего в Петербурге он вынес самые благоприятные впечатления и, по возвращении оттуда, несколько раз откровенно и даже публично высказывал убеждение в желательности и возможности сближения с нами. С другой стороны, в Пекине он выступил главным противником предполагавшегося русско-китайского соглашения о Манчжурии, и вашему сиятельству, конечно, подробно известно из донесений действительного статского советника Гирса об энергическом воздействии его на китайских уполномоченных с целью отклонить их от подписания этого акта. Здесь вообще убеждены, что г. Комура будет предоставлена первым министром значительная свобода действий в сфере внешних сношений и, что, в особенности в китайском и манчжурском вопросах, кабинет будет главным образом руководствоваться его взглядами.

По пути из Китая в Японию г. Комура как уверяют, по собственной инициативе и даже не предупредивши об этом токийское правительство, зашел на предоставленном в его распоряжение японском крейсере в Чемульпо, посетил Сеул и имел аудиенцию у корейского императора. Здешняя печать усматривает в этом указание на то, что новый министр иностранных дел намерен обратить особенное внимание на корейские дела, но о цели и результатах его поездки в Корею до сих пор ничего с достоверностью неизвестно.

Вскоре после обмена первых официальных визитов я имел случай довольно долго и непринужденно беседовать с новым министром иностранных дел. Я воспользовался этим, чтобы постараться вызвать его на откровенный обмен мыслей о наших отношениях к Японии. Я прежде всего вкратце изложил ему все фазисы моих сношений с его предшественниками и не скрыл от него, что, по моему убеждению, г. Като своим предвзятым и систематическим недоверием к нашей политике и резкими своими дипломатическими действиями значительно затруднил благополучное разрешение существующих между Россией и Японией спорных вопросов. «Между тем, — сказал я, — при спокойном и беспристрастном взгляде на то, что происходит ныне на Дальнем Востоке, нельзя не притти к заключению, что цели, преследуемые как русской, так и японской политикой, не только не заключают в себе ничего принципиально противоположного, но, напротив того, легко могли бы быть

приведены в полное согласие. В этом отношении весьма достойно внимания, что во время только что окончившихся пекинских переговоров русский и японский уполномоченные весьма часто, без всякого предварительного уговора и, так сказать, в силу логического течения мысли обоих их кабинетов высказывались в одном и том же смысле; когда же Япония, вследствие общих политических соображений, склонялась на сторону английских воззрений и соображений, каждый раз непосредственно страдали собственные ее интересы. Это доказывает, на сколько ошибочна усвоенная Японией в последнее время политическая система, отождествляющая японские цели и интересы с совершенно чуждыми и даже враждебными ей целями и интересами западно-европейских держав и главным образом Англии. Все эти державы преследуют на Дальнем Востоке чисто колониальную, т. е. эгоистическую политику, которая непременно, рано или поздно, приведет их к столкновению с Японией не только на экономической, но и на политической почве. Россия же, напротив того, имеет в этой части света совершенно домашние интересы и сама является здесь восточной державой; отношения ее к Китаю определяются главным образом географической ее смежностью с этой страной; все это, вместе взятое, налагает на русскую политику строго консервативный характер. Россия и Япония в равной степени заинтересованы в сохранении на Дальнем Востоке спокойствия и равновесия, и если между ними состоится искреннее, основанное на взаимном доверии и общности целей, сближение, это сделает их полными хозяевами положения и установит предел эгоистическому вмешательству чуждых европейских держав. Одним словом, Япония должна смотреть на Россию, как на ближайшую, соседственную державу, с которой тем легче сговориться, что от нее она не может ожидать никакой серьезной экономической конкуренции именно в том громадном районе, южнее Великой китайской стены, который является важнейшим рынком для развивающейся японской промышленности. Но для того, чтобы могло состояться подобное сближение, необходимо предварительно разъяснить некоторые существующие недоразумения и разрешить наиболее обострившиеся в настоящее время между Россией и Японией вопросы. Большинство благоразумных японцев признают, что занятое нами положение в Манчжурии нисколько не затрагивает японских интересов, которые могут лишь выиграть от учреждения в этой провинции прочного порядка и от успешного окончания нашего великого железнодорожного предприятия. Поэтому, казалось бы, что Япония отнюдь не должна препятствовать достижению намеченных нами в Манчжурии целей. Нами уже определенным образом заявлено, что мы не желаем присоединить эту провинцию к нашим владениям, и Японии следовало бы отнестись к этим заявлениям с полным доверием и добровольно признать, что мы имеем право и даже обязанность требовать от Китая обеспечения имеющихся у нас в этой местности громадных интересов и достаточных гарантий против повторения прошлогодних событий. Что касается Кореи, то, как явствует из подписанных уже нами соглашений, мы готовы относиться с полным вниманием к японским экономическим и торговым интересам в этой стране, но японское правительство должно, с своей стороны, понять, что мы не можем безучастно относиться к состоянию маленького соседнего государства и допустить утверждение в нем чужой политической власти. Наилучшим способом разрешения корейского вопроса является поэтому обоюдное признание и гарантирование неза-

висимости Кореи, причем, раз на этой почве между Россией и Японией будет существовать искреннее доверие, уже нетрудно найти средство дополнить и развить, в положительном смысле, уже существующие между ними соглашения и условиться относительно формы, в которой слабому корейскому правительству могла бы быть предложена помощь как с русской, так и с японской стороны».

В подтверждение указаний моих на систематическое и предвзятое недоверие к нам японского правительства, в ущерб собственным его интересам, я привел министру иностранных дел несколько недавних примеров. Так, между прочим, когда три месяца тому назад нами было предложено согласовать обоюдные меры предосторожности против перехода на корейскую территорию появившихся на нижнем течении Ялу шаек хунхузов, токийский кабинет, против мнения собственного своего посланника в Корее, явно выказал свое нежелание действовать заодно с нами.

Г. Комура не только не сделал мне никаких возражений на высказанные мною взгляды, но вполне согласился со мной, что в последнее время японская политика значительно отклонилась от естественного пути единения с Россией, как с державой, наиболее близко заинтересованной в делах Дальнего Востока. Он самым энергическим образом заявил мне, что, с своей стороны, он всеми силами будет искать почвы для подобного единения, которое способно на долгие годы обеспечить мир и спокойствие в этой части света и дать перевес консервативной политике обеих держав. Но, хотя он несколько раз, и весьма убежденным тоном, повторил мне эти заявления, он все время тщательно придерживался общих выражений; когда же я попробовал пойти несколько далее и приступить хотя бы к теоретическому рассмотрению возможного соглашения по корейскому вопросу, я тотчас же натолкнулся на очевидное и непреодолимое нежелание перейти на подобную почву. При этом некоторые сделанные мне министром во время разговора вопросы и замечания ясно указали мне на причины его чрезвычайной сдержанности. Из слов его я мог заключить, что он уже получил из Пекина известие о возобновлении нами, через посредство нашего нового посланника, переговоров о Манчжурии и что известие это опять начинает возбуждать здесь тревогу и опасения. Как я уже имел честь доносить, здесь продолжает господствовать убеждение, что наша политика имеет целью установление в Манчжурии нашего полного и исключительного политического и военного господства, и что Япония должна либо помешать подобному исходу дела, либо обеспечить себе соответственные исключительные выгоды в Корее. Поэтому покуда не будет окончательно выяснено, на каких основаниях мы хотим устроиться в Манчжурии, токийский кабинет, очевидно, не поддастся никаким попыткам вызвать его на обсуждение плана дружественного и основанного на признании обоюдных интересов — соглашения о Корее. До сих пор, насколько я мог удостовериться, здесь известно лишь, что между действительным статским советником Лессаром и Ли-Хун-Чаном начаты переговоры и что мы поставили первым и непременным условием сохранение этих переговоров в абсолютной тайне. Но в то же время я знаю из вполне верного, конфиденциального источника, что в японском министерстве иностранных дел твердо уверены, что китайский двор ни в каком случае не подпишет или, по крайней мере, не ратифицирует никакого окончательного договора с нами о Манчжурии, не посоветовавшись предварительно с

Японией и некоторыми другими державами. Уверенность эту, очевидно, внушил японскому правительству сам г. Комура, на основании своих предыдущих сношений с китайскими уполномоченными, и на этой уверенности, как кажется, построены все ближайшие политические расчеты токийского кабинета.

Впечатление, вынесенное мной из беседы с новым японским министром иностранных дел, я постарался вкратце изложить в телеграмме моей к вашему сиятельству от 11 октября (28 сентября). Сущность этого впечатления сводится к тому, что г. Комура несколько правильнее и спокойнее, чем его предшественник, смотрит на вопрос о русско-японских отношениях и, кажется, вполне искренно желает найти почву для сближения с нами. С другой стороны, он, очевидно, решится сделать какой-либо практический шаг в этом направлении лишь в том случае, если он окончательно убедится, что поставленные нами Китаю условия относительно Манчжурии не нарушают, с японской точки зрения, сделанных нами заявлений и не дают нам опасного для Японии существенного политического перевеса на Дальнем Востоке [1]).

Извольский.

Докладная записка министра иностранных дел Ламздорфа Николаю Романову от 24 октября 1901 г.[2]).

В повергаемом у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества письме г. Делькассе с предупредительной готовностью предлагает свои услуги для объяснений с прибывающим на-днях в Париж бывшим японским первым министром, маркизом Ито, в смысле, благоприятном целям русской политики на Крайнем Востоке.

Дабы дать руководителю внешних сношений Франции материал для означенных объяснений, изготовлена соответствующая записка, которая могла бы быть ему передана через посредство пребывающего здесь французского поверенного в делах.

Проект означенной записки беру смелость представить у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества.

Граф Ламздорф.

С.-Петербург.

24 октября 1901 г.

---

[1]) В проекте соглашения с Китаем относительно Манчжурии от 16 октября 1901 г. царское правительство, под давлением держав, в особенности Англии и Японии, вынуждено было пойти на уступки Китаю по сравнению с требованиями, содержавшимися в проекте соглашения от 24 февраля 1901 г. Сохраняя за собой все привилегии, связанные с договором о Китайской Восточной железной дороге 1896 г., Россия в то же время соглашалась установить определенный срок эвакуации русских войск из Манчжурии. Охрана железной дороги, русских подданных и учреждений в Манчжурии по проекту от 16 октября возлагалась на китайское правительство, в то время как проектом от 24 февраля эту «обязанность» царское правительство брало на себя.

[2]) На записке помета Николая Романова: «Хорошо» и далее рукою Ламздорфа: «Скерневицы, 27 октября 1901 г.».

Отпуск записки министерства иностранных дел для Делькассе [1]).

Русское правительство никогда не переставало чувствовать самое дружеское расположение к Японии: если и возникали некоторые расхождения во взглядах у обоих правительств, то они относились исключительно к вопросу о Корее.

Сеульский меморандум от 14 (2) мая 1896 г. [2]) и протокол, подписанный в Москве (9 июня) 28 мая того же года [3]) уточнили взаимное положение России и Японии относительно некоторых вопросов внутреннего порядка в Корее, которое надлежало разрешить с общего согласия. Последующие затем события сделали однако необходимым изменить эти постановления, и поэтому было заключено соглашение от 13 апреля 1898 г., подписанное в Токио бароном Розеном и бароном Нисси, которое снова и окончательно провозглашало суверенные права и полную независимость Кореи и содержало взаимное обязательство избегать какого-либо непосредственного вмешательства во внутренние дела этого государства. В то же время, принимая во внимание важность японских коммерческих и промышленных предприятий в Корее, Россия обещала не препятствовать их развитию.

Затем между обоими правительствами имели место переговоры относительно взаимного признания нейтралитета Кореи. Они ни к чему не привели, и настоящая позиция токийского кабинета относительно России в вопросе о Корее определяется сообщением японского посольства от 9 января 1901 г., констатирующим, что «протокол 1898 г. сохраняет свою силу и, как кажется, с японской точки зрения, этот протокол, соответствуя требованиям настоящего момента, должен регулировать положение вещей». (Ils n'ont pas abouti, et l'attitude actuelle du Cabinet de Tokio se trouve déterminée vis-à-vis de la Russie dans la question coréenne par la communication de la légation du Japon du 9 janvier 1901 constatant que le protocole de 1898 est en vigueur, et «qu'au point de vue japonais il semble que ce protocole doit régir la matière en répondant aux exigences présentes»).

Императорское правительство ответило, что оно придерживается того же мнения.

---

[1]) Перевод с французского. На документе помета Николая Романова: «С[огласен.]» и далее рукою Ламздорфа: «Скерневицы, 27 октября 1901 г.».

[2]) Сеульский меморандум от 14(2) мая 1896 г. является актом открытого вмешательства России и Японии во внутренние дела Кореи.

В частности российский представитель поддерживал требование японского правительства о содержании в Корее, ввиду чрезвычайных обстоятельств, известного количества японских войск, которые должны быть выведены, как только водворится порядок в стране. Такое же право японское правительство предоставляло России.

[3]) Протокол (9 июня) 28 мая 1896 г. устанавливал фактически финансовый контроль России и Японии над Кореей. Протокол обязывал Россию и Японию оказывать содействие корейскому правительству в случае, если последнее, в связи с проводимыми реформами, было бы поставлено в необходимость заключать иностранные займы. Протокол, кроме того, являлся формой установления контроля над вооруженными силами Кореи; Россия и Япония брали на себя организацию в Корее достаточных вооруженных сил и полиции. Наконец, протокол устанавливал контроль над внутренними сообщениями Кореи, сохраняя за японским правительством право управления находившимися в руках Японии телеграфными линиями и предоставляя России право установить телеграфное сообщение между Сеулом и ее границей. В протоколе было две секретных статьи, предоставлявших обеим сторонам право вводить в Корею равное количество войск в случае «возникновения в ней внутренних или внешних осложнений». При этом между войсками должна была оставаться полоса, свободная от оккупации.

Русское правительство готово приступить к обмену мнений с японским правительством, для того чтобы уточнить или расширить предыдущие соглашения относительно Кореи, с целью гарантировать устойчивость положения на Дальнем Востоке; оно полагает, что его интересы в этом отношении совпадают с интересами других держав. Не имея в виду ни присоединить Корею, ни закрепить в ней за собой исключительное положение, русское правительство, которое признает естественным японскую коммерческую и промышленную экспансию в Корейском государстве, не могло бы допустить, чтобы это последнее стало для Японии стратегическим центром в ущерб русским интересам.

Часть общественного мнения в Японии однако продолжает проповедывать активную политику в Корее, вплоть до занятия этой страны, особенно с тех пор, как возникли ложные слухи о предполагаемом будто бы намерении России присоединить к себе Манчжурию.

Императорское правительство неоднократно заявляло, что оно не намеревалось присоединять Манчжурию и что оно готово произвести эвакуацию своих войск из этой провинции. Но эта эвакуация, понятно, не может состояться без получения серьезных гарантий в том, что волнения, которые заставили Россию прибегнуть к вооруженному вмешательству, более не возобновятся. Положение России в Манчжурии в самом деле носит исключительный характер: оно определяется ее географическим положением, вследствие которого она стала предметом агрессивных действий со стороны разнузданных китайских банд, а также фактом построения великого пути, заканчивающегося в Талиенване (Дальнем), которым будут пользоваться все державы, в особенности же Япония.

Японское правительство не должно поэтому питать опасений ни по поводу гарантий, которых требует Россия для того, чтобы эвакуировать Манчжурию, ни по поводу присутствия русских войск в этой стране до тех пор, пока Китай не даст необходимых гарантий. От этой точки зрения Россия не может отказаться и, заявляя о своей готовности начать переговоры — самые дружественные и искренние — с японским правительством, она может это сделать лишь на базе принципов, которые обусловлены существующими соглашениями.

Секретная телеграмма советника посольства в Париже Нарышкина министру иностранных дел Ламздорфу от (13 ноября) 31 октября 1901 г.

Из продолжительного разговора с маркизом Ито Делькассе вынес о нем благоприятное впечатление. Японский сановник в беседе с министром занялся вопросом о сношениях Японии с Россией, о желательности дружественного между обоими правительствами общения и о делах в Корее, где, по словам Ито, представители России и Японии зачастую действиями своими дают повод к пререканиям с той или другой стороны. Ито присовокупил к этому, насколько отзывчиво и горячо народонаселение Японии, насколько правительству трудно бороться с легко возбуждаемым общественным мнением, насколько правительству легко ладить с парламентом, который он сравнивал с чумой. Делькассе ответил ему, что пререкания между представителями России и Японии в Корее могли бы быть улажены путем объяснений между правительствами для устранения всяких недоразумений и что французское правительство готово было бы оказать содействие обеим сторонам для уста-

новления прочного соглашения и сближения их между собой. Маркиз Ито обошел молчанием о конечной цели своей поездки в Европу, но на замечание Делькассе, что ему хорошо было бы проехать в С.-Петербург для выяснения условий соглашения с Россией, он ответил, что поездка в Россию входит в его программу и что после пребывания в С.-Петербурге он намерен посетить вновь Париж. Маркиз Ито останется тут еще с неделю и после особой аудиенции у президента республики будет приглашен к завтраку. Делькассе очень признателен за переданную Бутирону[1]) записку, которая по телеграфу была сообщена ему вчера после нашей беседы.

Нарышкин.

Докладная записка министра иностранных дел Ламздорфа Николаю Романову от 22 ноября 1901 г.[2]).

Посетивший меня вчера перед отъездом своим из Петербурга маркиз Ито счел долгом своим прежде всего вновь выразить живейшую благодарность по поводу оказанного ему вашим императорским величеством милостивого приема, а также и встреченного им радушия в России.

Хотя на него не было возложено японским правительством никакого политического поручения, тем не менее, вследствие происходивших во время его пребывания здесь бесед и искренне желая закрепления дружественных отношений между Россией и Японией, он нашел возможным совершенно частным образом набросать письменно те условия, которые, по его мнению, могли бы служить основанием для заключения особого между обоими государствами соглашения.

Ознакомившись с переданной им мне и повергаемой у сего на всемилостивейшее вашего императорского величества воззрение запиской, я заметил маркизу Ито, что предлагаемые им условия не представляют, на мой взгляд, канвы соглашения, а лишь перечень весьма широких льгот, которые Япония желает выговорить в свою пользу.

Замечание мое, видимо, смутило маркиза Ито, который очень пространно стал доказывать, насколько в интересах обоих государств желательно было бы успокоить общественное мнение в Японии, которое до той поры, пока между нами не состоится прочного соглашения по корейским делам, будет постоянно находиться в состоянии возбуждения, подозревая Россию в затаенных планах в Корее.

Я не сомневаюсь,— сказал я маркизу,— что проектируемое им соглашение успокоит общественное мнение в Японии, но оно не может не вызвать совершенно обратного действия в России, так как по условиям своим оно равносильно предоставлению, без соответствующего противовеса, Кореи в полное распоряжение Японии и обращает на деле «независимость» ее в пустой звук. На таковую постановку вопроса, ввиду ближайшего соседства России с корейским полуостровом, императорскому правительству весьма трудно согласиться.

Спокойные, но довольно категорические возражения эти и замечание мое, что Россия, в сущности, могла бы довольствоваться и нынеш-

---

[1]) Бутирон — советник французского посольства в Петербурге в 1901 г.

[2]) На записке помета Николая Романова: «С[огласен]. России никак нельзя отказаться от прежнего ее права содержать в Корее столько войск, сколько там находится японских». Далее рукою Ламздорфа: «Гатчина, 22 ноября 1901 г.».

ними соглашениями с Японией по корейским делам, казалось, были для маркиза совершенно неожиданными, и он спросил меня даже, не следует ли ему взять обратно свой проект.

Полагая однако неосторожным совершенно обезнадеживать японского сановника и тем преградить путь к дальнейшему обмену мыслей, я отказался возвратить ему записку, заметив, что она, несомненно, может послужить материалом для составления проекта соглашения, хотя требует предварительно некоторых изменений. При этом я обратил внимание маркиза на то обстоятельство, что первые три поставленные им пункта, возлагающие известного рода взаимные обязательства на Россию и Японию, совершенно уничтожаются четвертым пунктом, по которому одной Японии предоставляются политические, промышленные, коммерческие и даже военные права в Корее. При таких условиях,— спросил я,— возможны ли взаимные гарантии, упоминаемые во второй и третьей статьях проекта?

Тогда маркиз Ито предложил в этих пунктах заменить выражение «взаимные гарантии» словами «Япония обязуется».

Я указал также на то, что всякое соглашение помимо обязательств или уступок предполагает и равные или соответствующие права и преимущества для обеих договаривающихся сторон. Между тем в представленном маркизом проекте всеми преимуществами пользовалась бы исключительно Япония.

Признав справедливость этого замечания, маркиз Ито сказал, что по этому вопросу он ждет сообщения от меня, так как императорское правительство может лучше оформить те требования, которые оно сочло бы достаточной компенсацией за права, приобретаемые Японией в Корее.

На это я напомнил маркизу Ито, что беседа моя с ним имела совершенно частный характер и что я высказывал по поводу представленной им записки исключительно свои личные впечатления. Дабы предъявить какие бы то ни было требования России, я обязан прежде всего донести обо всем вашему императорскому величеству и, испросив всемилостивейших указаний, приступить затем к обмену мыслей с другими заинтересованными ведомствами.

Так как маркиз Ито собирался покинуть Петербург вчера же, 21 ноября, вечером, то он просил меня сообщить ему, по возможности скорее, ответ по поводу его записки через японского посланника в Берлине, где он намерен пробыть некоторое время. Он присовокупил, что, хотя и не занимает в настоящую минуту официального положения в Японии, но находится в переписке с императором и что в Токио с крайним нетерпением ожидают сведений о результате его путешествия. Из Берлина маркиз Ито собирается ехать в Брюссель, а в Париже будет не скоро.

Доводя об изложенном до высочайшего вашего императорского величества сведения, осмеливаюсь полагать, что записка маркиза Ито с некоторыми необходимыми изменениями и дополнениями требований России, действительно могла бы послужить материалом для составления проекта соглашения с Японией.

Представляя у сего проект таковых изменений текста, испрашиваю высочайшего вашего императорского величества повеления сообщить оный на заключение министров финансов, военного и управляющего морским министерством.

С.-Петербург. Граф Ламздорф.
22 ноября 1901 г.

Проект предложений маркиза Ито с замечаниями министра иностранных дел Ламздорфа.

Предложения маркиза Ито [1]).

1. Взаимные гарантии независимости Кореи.

2. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей друг против друга.

3. Взаимное обязательство не прибегать на корейском побережьи к каким-либо военным мероприятиям, кои могли бы подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив.

4. Признание Россией свободы действий Японии в Корее в отношении политическом, промышленном и коммерческом и исключительного права ее помогать Корее советами и содействием при выполнении ею лежащих на всяком благоустроенном правительстве обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстаний и всякого подобного другого беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей.

5. Настоящее соглашение заменит собой все предыдущие.

[1]) Перевод с английского.

Проект графа Ламздорфа [1]).

1. Взаимные гарантии независимости Кореи.

2. Взаимное обязательство (или же Япония обязуется) не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей.

3. Взаимное обязательство (или же Япония обязуется) не прибегать на корейском побережьи к каким-либо военным мероприятиям, кои могли бы подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив.

4. Признание Россией свободы действий Японии в Корее в отношении промышленном и коммерческом, а также преимущественных ее прав, по предварительном соглашении с Россией, приходить одной на помощь Корее советами, стремящимися помочь ей при выполнении ею лежащих на всяком благоустроенном правительстве обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстаний и всякого другого беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей.

5. Япония обязуется в случае, предусмотренном в предыдущем пункте (п. 4), посылать в Корею только строго необходимое количество войск и отозвать таковые тотчас по выполнении ими задачи. При этом обусловлено, что японские войска ни в коем случае не переступят за пределы заранее строго определенной зоны вдоль русской границы.

6. Со своей стороны Япония признает преимущественные права России во всех прилегающих к русской границе областях Китайской империи и обязуется ни в чем не препятствовать свободе действий России в этой области.

7. Настоящее соглашение заменяет собой все предыдущие.

[1]) Перевод с французского.

Проект секретной телеграммы министра иностранных дел Ламздорфа посланнику в Токио Извольскому от 22 ноября 1901 г.[1]).

В откровенной беседе маркиз Ито, указав, что он не имеет никакого официального поручения, обменялся со мной следующими мыслями.

Корея может быть единственным предметом раздора между двумя соседними империями; у японцев сложилось убеждение, что Россия стремится завладеть соседним полуостровом, что́ неминуемо нанесет удар независимости Японии; опасения подобного рода и послужили главной причиной японо-китайской войны; если бы Россия согласилась успокоить в этом отношении Японию, то ничто не будет препятствовать установлению тесной дружбы между соседями; в этом смысле, быть может, могли бы быть изменены существующие соглашения.

На замечание мое о том, что в основу последних именно положен принцип независимости Кореи, и потому опасениям, казалось бы, нет места, тем более, что в последнее время Япония сама отклонила предложение о возможном дополнении соглашений, маркиз ответил, что токийский кабинет относился отрицательно к вопросу, пока длился китайский кризис; ныне же казалось бы возможным условиться о будущем. На сделанное мной затем предложение высказаться о взглядах японского правительства на дело мой собеседник заявил, что, как уже было замечено, для Японии прежде всего нужна независимость Кореи, но последняя слишком слаба, чтобы существовать самостоятельно, и Япония желала бы, условившись предварительно о том с Россией, получить возможность давать советы сеульскому правительству и оказывать ему помощь, устранив таким образом от корейских дел влияние всякой другой державы. При этом, вследствие моей о том просьбы, маркиз разъяснил, что он имеет в виду советы, направленные к поднятию благоустройства страны, а, говоря о помощи, разумеет даже содействие военной силы, в случае беспорядков и столкновений с другими державами.

Я усумнился в возможности сохранить при таких условиях самостоятельность Кореи, вследствие чего маркиз заметил, что, пока Корея может обращаться то к одной, то к другой державе, столкновения по этому поводу между Россией и Японией будут всегда возможны, а между тем именно и желательно устранение их раз навсегда.

Не отвергая значения Кореи для Японии, я указал маркизу Ито на то, что Россия не может вполне отрешиться от своих интересов в сопредельной стране. Ныне она может содержать равное с японцами число войск, между тем Япония желает обеспечить за собой исключительное право вооруженного вмешательства, что изменяет положение и может привести к созданию японцами стратегических позиций, чего Россия допустить не может, не подвергая опасности сообщения Владивостока с южными портами.

На вопрос о том, какие могут быть даны гарантии против подобной случайности, маркиз ответил, что Япония готова дать священное обещание **никогда** не укреплять портов южной Кореи и **никогда** не угрожать означенным сообщениям, но что, ввиду существующего стремления русских моряков овладеть портом в Корее и устроить там

---

[1]) На проекте помета Николая Романова: «С[огласен]» и далее рукою Ламздорфа: «Гатчина, 22 ноября 1901 г.».

военно-морскую базу, необходимо раз навсегда успокоить Японию насчет действительных намерений России; тогда последняя могла бы свободно действовать в Китае, не страшась противодействия соседней империи.

Я должен был заметить маркизу, что Россия не имеет страха ни перед кем и что она желает установления дружественных отношений с Японией для общего умиротворения и пользы обеих империй. Мой собеседник поспешил заметить, что он не так выразился и имел в виду лишь необходимость более прочного соглашения, причем указал на то, что, когда, следуя совету России, Франции и Германии, он, находясь во главе правительства, отказался от добытых Японией после войны с Китаем результатов[1]), такое решение с негодованием было встречено народом, а между тем Россия извлекла пользу из войны, так как при иных условиях Китай никогда бы не согласился на постройку манчжурской железной дороги. Маркиз согласился однако со сделанным мной замечанием о том, что дорога полезна и для Японии, открывая ей обширный рынок, причем выразил надежду, что Россия не откажется предоставить возможные тарифные льготы.

Наконец, на замечание маркиза Ито, что он вел со мной беседу, как частный человек, я ответил тем же, причем, во избежание неточностей и недоразумений вследствие передачи беседы через переводчика, просил его дать мне письменную программу возможных предположений Японии, на что он охотно согласился, указав на необходимость иметь в виду во всем этом деле, что Россия, как и другие великие державы, постоянно расширяет свои владения и могущество, Япония же более распространяться не может.

Сообщая вам об этом для личного сведения, присовокупляю, что о дальнейшем направлении дела вы будете своевременно поставлены в известность.

Докладная записка министра иностранных дел Ламздорфа Николаю Романову от 30 ноября 1901 г.[2]).

С высочайшего вашего императорского величества соизволения я не преминул сообщить как записку, представленную маркизом Ито, так и проект сделанных мной в оной изменений на заключение министров военного, финансов и управляющего морским министерством.

Из повергаемых у сего отзывов генерала-от-инфантерии Куропаткина и статс-секретаря Витте явствует, что военное и финансовое ведомства не встречают в общем препятствий к заключению на изложенных в выработанном проекте условиях соглашения с Японией по корейским делам.

Осмеливаюсь полагать, что предположенное генералом Куропаткиным изменение 2 пункта нельзя признать удачным: в самом деле, по проектированной мной редакции Японии возбраняются всякие стратегические цели на корейской территории; между тем как упоминание только «о военных целях против России» даст возможность япон-

---

[1]) Под давлением России, Германии и Франции японское правительство вынуждено было отказаться от захвата Ляодунского полуострова в результате японо-китайской войны 1894—1895 гг. и даже допустить занятие Ляодуна русскими войсками.

[2]) На записке помета Николая Романова: «Согласен. Лучше послать ваше письмо с нарочным» и далее рукою Ламздорфа: «Гатчина, 30 ноября 1901 г.».

цам строить укрепления в Корее и оправдывать эти действия стратегическими целями против Америки, Англии или Германии.

С другой стороны, казалось бы, нельзя не согласиться с мнением статс-секретаря Витте о желательности изложить проект соглашения с Японией по возможности объективно и с этой точки зрения допустить во втором и третьем пунктах первоначальную редакцию записки маркиза Ито «взаимное обязательство» (mutual guarantee) вместо им самим предложенного изменения — «Япония обязуется».

К сожалению, мной до сего времени не получен отзыв управляющего морским министерством по поводу проектированного с Японией соглашения.

Принимая однако во внимание желательность возможно скорее дать ответ маркизу Ито, по крайней мере, до поездки его в Англию, и что сановник этот уже был извещен мной через здешнего японского представителя о ближайшем отправлении в Берлин выработанного по высочайшему повелению текста соглашения, я не преминул изготовить проект соответствующего письма на имя маркиза Ито с изложением тех оснований, коими руководствовалось императорское правительство при изменении и дополнении предложенных в его записке условий.

Повергая у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества означенный проект письма вместе с предположенным текстом соглашения, приемлю смелость испрашивать высочайшего соизволения на отправление таковых маркизу Ито в Берлин с первым удобным случаем.

Граф Ламздорф.

С.-Петербург.
30 ноября 1901 г.

Копия секретного письма военного министра Куропаткина министру иностранных дел Ламздорфу от 27 ноября 1901 г. № 415.

При нашей решимости очистить Манчжурию от наших войск, полагаю, что Японии будет трудно найти повод для войны с нами, и, главное, таковая война, создавая Японии большие опасности, не принесет особо полезного результата.

Уверен, что, даже удерживая в известной от нас зависимости Северную Манчжурию до границ, указанных мной ранее, мы имеем полное основание надеяться избежать разрыва с Японией.

Поэтому наше новое соглашение с Японией не должно быть куплено слишком дорогой ценой.

Полный отказ от Кореи и уступка ее Японии и составит слишком дорогую цену.

Для меня несомненно, что если японские войска войдут в Корею, то это ускорит разрыв России с Японией. В этих видах надлежит всеми средствами препятствовать расположению японских войск на постоянное квартирование в Корее. В особенности северная половина Кореи должна быть свободна от японских войск.

Второй вопрос — это проливы. Действительно, необходимо, чтобы на южном берегу Кореи не возникло никаких укрепленных пунктов, которые могли бы стеснять движение наших судов между Владивостоком и Порт-Артуром.

Третий вопрос — это необходимость охранять для России свободу действий в Манчжурии. В особенности важно, чтобы именно со стороны Японии последовало признание этой свободы.

В присланном мне тексте соглашения, с теми исправлениями (весьма незначительными), которые я сделал, по всем изложенным выше трем пунктам приняты во внимание наши насущные нужды. Но мне представляется, что уступать далее что-либо совершенно невозможно. Особенно нельзя поступиться шестым пунктом.

Возвращаю при сем проекты соглашений с сделанными мной поправками.

Изменения, предложенные военным министром Куропаткиным, к проекту маркиза Ито.

Текст предложений маркиза Ито.	*Предложенные изменения и дополнения.*
1) Взаимные гарантии независимости Кореи.	1) (Без изменения).
2) Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей друг против друга.	2) Япония обязуется не пользоваться никакой частью корейской территории для военных против России целей.
3) Взаимное обязательство не прибегать на корейском побережьи к каким-либо военным мероприятиям, кои могли бы подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив.	3) Япония обязуется не прибегать на корейском побережьи к каким-либо военным мероприятиям, кои могли бы подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив.
4) Признание Россией свободы действий Японии в Корее в отношениях политическом, промышленном и коммерческом и исключительного права ее помогать Корее советами и содействием при выполнении ею лежащих на всяком благоустроенном правительстве обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстаний и всякого другого беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей.	4) Признание Россией свободы действий Японии в Корее в отношениях промышленном и коммерческом, а также преимущественного права ее, по предварительном соглашении с Россией, помогать Корее советами и содействием при выполнении ею лежащих на всяком благоустроенном правительстве обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстаний и всякого другого беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей.
5) Настоящее соглашение заменит собой все предыдущие.	5) Япония обязуется в случае, предусмотренном в четвертом пункте, посылать в Корею лишь самое ограниченное количество войск и отозвать таковые тотчас по миновании в них надобности. При этом японские войска никоим образом не должны переступать за пределы из-

вестной заранее определенной зоны вдоль русско-корейской границы.

6) Япония признает преимущественные права России во всех прилегающих к русской границе областях Китайской империи и обязуется не препятствовать соответствующей свободе действий ее в означенных областях.

7) Настоящее соглашение заменяет собой все предыдущие.

Проект письма министра иностранных дел Ламздорфа маркизу Ито в Берлин [1]).

Я не преминул довести до сведения моего августейшего государя содержание тех разговоров, которые мы имели с вами во время пребывания вашего высокопревосходительства в Петербурге, и я счел своим долгом также доложить его императорскому величеству те четыре пункта, которые вы наметили в качестве основания для нового соглашения между Россией и Японией. Согласно высочайшему повелению, я затем совещался по этому поводу с подлежащими министрами, и я счастлив, что могу сообщить вам сегодня результат этого обсуждения, который, я надеюсь, облегчит заключение соглашения, которого ваше превосходительство так же, как и я, желаете для блага наших обеих стран.

В проекте, который прилагается к этим строкам, первые три пункта, предложенные вашим высокопревосходительством, остаются без изменения, за исключением слов: «друг против друга» («against each other») в конце 2-го пункта, которые могли бы быть с пользою для дела выброшены. Если бы ваше высокопревосходительство предпочли сократить в начале 2-го и 3-го пункта первоначальную редакцию, т. е. «mutual guarantee» вместо «Япония обязуется», мы не стали бы против этого возражать.

В 4-м пункте желательно было бы вычеркнуть слово «political» перед словами «industrial and commercial aspects», так как это слово может нарушить принцип независимости Кореи, гарантировать которую Россия и Япония взаимно обязались бы. Казалось бы справедливым дополнить этот текст соглашением о том, что прежде, чем воспользоваться своим преимущественным влиянием посредством советов и даже при случае посредством вооруженной интервенции в Корее, Япония будет предварительно договариваться с Россией по этому поводу.

Право военной интервенции в Корее, которое Япония получила бы по предполагаемому договору, должно быть точно определено теми условиями, которые ваше высокопревосходительство сообщили мне на словах, а именно, что количество японских войск, отправляемых в Корею, будет всегда строго соответствовать требованиям положения и что эти войска будут отозваны немедленно по выполнению их задачи. Чтобы избежать в будущем всяких осложнений, следовало бы условиться, что японские отряды не переступят за пределы заранее определенной

[1]) Перевод с французского. На проекте помета Николая Романова: «Одобряю» и далее рукою Ламздорфа: «Гатчина, 30 ноября 1901 г.».

зоны вдоль русской границы. Все эти соображения изложены в пункте 5-м, здесь прилагаемом.

Что касается 6-го пункта, то он является лишь слабым эквивалентом тех широких прав, которые Россия признала бы в Корее за Японией. К тому же он только повторяет принципы, уже признанные в переданной бароном Нисси в 1898 г. барону Розену записке, и предложения, сделанные в Петербурге г. Комура в 1900 г.

Смею надеяться, что ваше высокопревосходительство оцените по достоинству доказательство искреннего доброжелательства, которое русское правительство дает японскому правительству, высказывая готовность вести переговоры на вышеупомянутых основаниях о длительном соглашении, предназначенном устранить всякие поводы для недоразумений между двумя империями и установить прочные отношения искренней дружбы, которые наилучше отвечали бы их совершенно очевидным интересам.

Я буду ожидать ответа вашего высокопревосходительства, для того чтобы дать необходимые инструкции г. Извольскому, который мог бы без промедления приступить в Токио к переговорам на выработанных основаниях.

Докладная записка министру иностранных дел Николаю Романову от 1 декабря 1901 г. [1]).

Во исполнение высочайшего вашего императорского величества повеления, я не премину отправить письмо на имя маркиза Ито с нарочным в Берлин. Но предварительно считаю священным долгом повергнуть у сего на всемилостивейшее благоволение только вчера поздно вечером полученный мною отзыв управляющего морским министерством по вопросу о соглашении с Японией.

Из ближайшего рассмотрения означенного отзыва явствует, что большая часть доводов морского ведомства против проектированного соглашения основана на предположении, что Япония либо не замедлит нарушить состоявшиеся условия, либо постарается широко истолковать их исключительно в свою пользу.

Не говоря о том, что при подобном предвзятом мнении ни одно соглашение с какою бы то ни было державой не представлялось бы возможным, смею думать, что если бы, действительно, Япония возымела мысль нарушить любое из постановленных условий, то за Россиею на основании международных обычаев всегда остается право объявить соглашение не существующим и считать себя впредь совершенно свободною от обязательств по отношению к корейским делам.

Трудно допустить, чтобы токийское правительство, опасающееся затаенных планов со стороны России и добивающееся соглашения с нею, дабы именно в этом отношении успокоить общественное мнение в Японии, решилось бы на такой шаг, который вновь создаст почву для всяких случайностей в Корее. С другой стороны, как бы на первый взгляд ни казались обширными уступки, делаемые Японии в проектированном соглашении, все же следует признать, что оно представляет из себя удобный временный «modus vivendi», нисколько не связывающий свободы действий России в будущем.

---

[1]) На записке помета Николая Романова: «Послать в одобренном мною виде» и далее рукою Ламздорфа: «Гатчина, 1 декабря 1901 г.».

Переходя от этих общих рассуждений к частным соображениям, высказанным морским ведомством по отдельным статьям, нельзя не притти к следующему заключению.

По 1 ст. Взаимная гарантия независимости Кореи, само собою разумеется, предусматривает и защиту этой независимости от покушений всякой другой державы.

По 2 ст. Японии разрешается введение войск в Корею не для военных задач в тесном смысле этого слова, а лишь для водворения спокойствия в случае беспорядков; таковая задача отнюдь не вызывает необходимости укрепления позиций, что составляло бы прямое нарушение второй статьи соглашения. Против соблазна же удержать войска в Корее направлена 5-я статья, требующая отозвания их тотчас по восстановлении порядка в стране.

По 3-й ст. Если Япония, благодаря своему географическому положению и обладая портами на своей территории вблизи Корейского пролива, может во всякий данный момент закрыть таковой для наших судов, то устранение этой опасности только и возможно при посредстве соглашения, требующего от нее гарантий свободы означенного пролива.

По 4-й ст. Раз Япония, по признанию морского ведомства, фактически уже пользуется неоспоримым преобладанием в сферах промышленной и коммерческой, то признание за нею в этом отношении каких-либо преимуществ является чисто фиктивным и, стало быть, на деле не представляет решительно никакой уступки со стороны России.

По 5-й ст. Занятие Англией Египта едва ли в данном случае может служить примером, так как великобританское правительство по отношению к названной турецкой области не было связано никакими соглашениями.

По 6-й ст. С теоретической точки зрения нет сомнения, что наши отношения к Китаю не подлежат «контролю Японии». На деле же всякое действие России, создающее ей преимущественное положение в соседних областях Китая, не может не затрагивать близко интересов всех прочих держав, а по сему неудивительно, что со стороны последних, а особливо же Японии, следует всегда ожидать всяческого противодействия русским задачам в Китае. Убедительным примером этого могут служить усиленные происки Японии в Пекине во время переговоров России по манчжурским делам в феврале с. г.

Что касается, наконец, приобретения Россиею военного порта на Корейском побережье, то, смею думать, что всякая попытка в этом направлении неминуемо повела бы к окончательному разрыву с Японией, предотвратить который представляется безусловно необходимым с точки зрения всех компетентных ведомств, в том числе и морского министерства.

Повергая вышеизложенные соображения на всемилостивейшее благовоззрение, приемлю смелость испрашивать высочайших указаний: благоугодно ли будет вашему императорскому величеству, ввиду того, что заключение управляющего морским министерством совершенно расходится с мнениями, высказанными министрами военным и финансов, повелеть сделать, по сношению с означенными министрами, какие-нибудь дополнения к проектированному соглашению, либо отправить оное в той редакции, которая уже удостоилась всемилостивейшего одобрения.

Ламздорф.

Секретная телеграмма посла в Париже Урусова министру иностранных дел Ламздорфу (8 января 1902 г.) 26 декабря 1901 г.

Маркиз Ито прибыл вчера в Париж из Лондона.

Делькассе уехал 1 января в Ниццу и вернется лишь к открытию палат, 14 января нового стиля. Немедленно по получении вашей телеграммы от 18 декабря я ему сообщил письменно ее содержание. Сегодня я получил ответ. Он уведомляет, что он предложил маркизу Ито выехать к нему навстречу в Марсель, 12 января, в день, когда Ито приедет. Делькассе не преминет сообразоваться в разговоре с ним с сообщенными ему сведениями о переговорах вашего сиятельства с последним. В тот же день Ито садится на пароход, отходящий в Японию. Судя по добытым мной в финансовом мире сведениям, заключение Японией займа представило бы большие затруднения во Франции, и единственный банк в Париже, который был бы в состоянии провести это дело, есть Ротшильд. Здесь существует убеждение, что дело японского займа может быть устроено в Лондоне, где, по уверению, между прочим, Генри Жермена, находятся громадные свободные капиталы, которые тем охотнее будут привлечены к этой операции, что в ней усмотрят выгодное для англичан политическое значение.

Урусов.

(*Продолжение следует.*)

Дневник Бориса Никольского.

(*1905—1907*).

В черной сотне Борис Никольский был человеком не первого десятка. Карьера не удалась ему и здесь, как не удавалась и на всех других поприщах, на которых он искал успеха, славы и денег. Он был профессором, — но студенты бойкотировали его лекции и его самого, над ним смеялись и за глаза и в глаза как над человеком, в науке случайным. Он толкался в адвокатуру, но его не приняли в сословие присяжных поверенных—какие-то темные пятна были на его прошлом, и профессор гражданского и римского права таскался по судам в качестве частного поверенного и присяжного стряпчего. Наконец, он из всех сил пробивался в высшие круги бюрократии, старался протиснуться ко двору, мечтал о министерском портфеле, о власти,—а остался на ролях частного советчика, составителя «проэктов» и секретаря более удачливых карьеристов.

Вокруг имени Бориса Никольского часто поднимался шум. Он был скандалистом по натуре, по темпераменту, — такие люди нужны были черной сотне, и его пускали вперед, когда надо было облить грязью какого-нибудь известного прогрессивного деятеля, когда надо было противопоставить языкастым кадетским адвокатам черносотенца, умеющего говорить с апломбом и с развязным видом учености. Но и из шума этого в конечном счете ничего не выходило для Бориса Никольского. Его забивали более яркие Пуришкевич и Марков второй.

Борис Никольский, таким образом, не принадлежит к числу влиятельных в свое время, «делавших политику» черносотенцев. Когда в борьбе за власть, за влияние при дворе черная сотня раскололась на два главных лагеря — на «Союз русского народа», во главе с Дубровиным, и на «Союз Михаила архангела», во главе с Пуришкевичем, Борис Никольский избрал дубровинский лагерь. Погромщики получили своего «профессора», но относились они к Борису Никольскому с пренебрежением. И в последние годы царствования Романовых, когда вокруг Николая Романова и его жены собралась густая толпа проходимцев всякого рода, Борис Никольский не мог и здесь пробиться в первые ряды.

Причина этой неудачи, повидимому, лежала в том, что Борис Никольский сочетал в себе черты Чичикова и Хлестакова. Он был плутоват, пустоват и склонен к хвастливой лжи. Его не раз уличали в клевете. Даже «Новое время» относилось брезгливо к этому специалисту по скандалам. А между тем он был не лишен дарования, писал стихи, обладал бойким газетным слогом, а по «эрудиции» своей мог почитаться светилом науки среди погромщиков «Русского знамени». И все же другие шли в гору, хватали не только ордена, но и жирные куши, наживались на патриотизме, были близки к царскому двору,—а у Бориса Никольского срывались все его хитро задуманные предприятия.

Он имел основания считать себя обойденным. В дневнике он не скрывал чувства глубокой обиды и озлобленности. Не замечая своих собственных недостатков,

он очень старательно отыскивал недостатки в своих соперниках, в своих сообщниках и ненадежных покровителях. Убежденный монархист, он относился сначала к Николаю Романову, как к священной особе. Он ожидал особых милостей от царя, и, когда его речи, доклады, статьи обратили на себя внимание в придворных кругах, он сразу возмечтал о головокружительной карьере, о влиянии непосредственно на царя, о власти, о министерском портфеле и, конечно, о деньгах. Жадность к деньгам, к наживе была его неотъемлемой чертой, как и вообще основной чертой всей черносотенной братии.

Однако придворная камарилья и высшая бюрократия зорко следили за всяким новым претендентом на власть. Борису Никольскому не удалось подойти ближе к Царскому селу. Его приняли там, снисходительно выслушали красноречивые излияния о вечности и святости самодержавия, а затем отбросили в сторону, как прочитанную бумажку, не представляющую интереса. Царизм переживал тогда тоску по «сильном человеке», страх перед революцией неотступно преследовал и царя и бюрократию, но Борис Никольский ни с какой стороны не похож был на «сильного человека». Он ожидал хотя бы благодарности, не последовало и ее.

И в интимном своем дневнике Борис Никольский, как дикарь, сечет идола, которому вчера мазал салом губы. В раздражении он рисует довольно точными и меткими чертами Николая Романова и его окружение. Монархист не скрывает от себя, что монархия это пустое место в России, что на троне сидит ничтожный человек, окруженный столь же ничтожными интриганами. Борис Никольский поверяет своему дневнику мысль о террористическом устранении Николая Романова, о дворцовом перевороте. Это не мешает ему продолжать свою черносотенную деятельность и принимать после 1905 г. участие в террористических замыслах «Союза русского народа».

Дневник Бориса Никольского дает яркую картину правящей верхушки в 1905 г., накануне революции. Царизм метался, предчувствуя свою гибель. Гнилая и беспринципная бюрократия заботилась больше о своей голове, чем о голове царя. Самый выдающийся деятель бюрократии, граф Витте, склонялся к уступкам, видя, что только на этом пути можно спасти монархию. Царизм искал социальной опоры в мещанстве — среди лавочников, мелкого чиновничества, среди темной, отсталой массы приказчиков и мастеровых, среди деревенского кулачья. Интересны последние страницы публикуемого отрывка из дневника Бориса Никольского, — в Петербурге появляются «хоругвеносцы», московские охотнорядцы, в роли спасителей самодержавия. Борис Никольский ликует вместе с другими, такими же, как он: вот он, «народ»! Он расписывает восторженно предводителя погромной банды «купца» Полторацкого, как нового Минина. Но чуть ли не на другой день выясняется, что «спасители», представляющие «народность», это в значительной мере московские жулики, а их вождь—сыщик, и что все это полицейская комедия.

Борис Никольский все это видит, даже негодует в своем дневнике, но это нисколько не мешает ему впоследствии вместе с делегацией от московских погромщиков и жуликов заверять в Ливадии Николая Романова в пламенности, чистоте и искренности монархических чувств. Чичиков черной сотни пытался еще раз обратить на себя внимание и пробраться в первые ряды монархистов, поближе к власти и к деньгам. Но, повидимому, Хлестаков снова прорвался в неудачливом карьеристе, и он снова был затерт.

Дневник Бориса Никольского в публикуемых отрывках не открывает ничего нового, но он дает колоритную картину быта, нравов черносотенной среды. Советский читатель прочтет не без интереса страницу из далеко ушедшего прошлого. Но есть и злободневность в этой странице. Фашизм в лицах и в приемах повторяет некоторые зады царизма. В иных шумливых деятелях современной фашистской

Германии советский читатель встречает давно сданных у нас в архив Борисов Никольских, Дубровиных, Пуришкевичей. Тот же стиль государственной политики, те же мысли и те же моральные черты. В Германии Геббельса карьера Бориса Никольского сложилась бы, возможно, более счастливо. Он мог бы дорваться и до власти, и до славы, и — главное — до денег.

Д. Заславский.

Дневник Б. В. Никольского, из которого печатаются ниже извлечения за 1905 и 1907 годы, сохранился неполностью: в распоряжении редакции имеются записи лишь за 1896—1916 годы. Как указано в одной из ранних записей сохранившейся части дневника, Никольский начал вести его еще в юности, но позже уничтожил все написанное; вел ли он дневник после 1916 г. и, если вел, то где находятся его последние записи, редакции неизвестно. Необходимо отметить, что дневник велся Никольским не каждодневно; более или менее регулярные записи нередко прерываются длительными промежутками (например, с 2 апреля 1908 г. до 29 июня 1912 г.), но это — дневник, а не мемуары. Только публикуемая здесь запись за 1907 г. носит характер воспоминаний.

Дневник велся Никольским на отдельных листах линованной писчей бумаги крупного формата; записи сделаны четким почерком, почти без помарок и зачеркиваний, из чего правдоподобно заключить, что мы имеем дело с перебеленными записями, которые автор хотел оставить «для потомства», «для истории». Объем дневника достигает примерно двадцати печатных листов. Воспроизведение его полностью, а не в извлечениях, не представляется редакции целесообразным, так как он заполнен записями мелко личного свойства, подробностями семейного быта, мало интересными суждениями о служебных делах, гонорарах и т. п.

Приводим краткие биографические данные о Борисе Никольском. Он родился 3 октября 1870 г. Отец его был профессором словесности в привилегированном учебном заведении эпохи царизма — Александровском лицее и Петербургской духовной академии, а также инспектором аристократического Училища правоведения. Дед автора дневника был священником, так что Никольский, в сущности, был «выскочкой» в рядах дворянского сословия, принадлежностью к которому он так гордился (ср. его рассуждения в дневнике о «сословности», как средстве борьбы с революцией). В бытность отца инспектором Училища правоведения Никольский поступил в это училище, но, не окончив его, перешел на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1893 г. В 1893—1896 годах он служил в министерстве внутр. дел, одновременно сотрудничая в реакционном «Новом времени» и готовясь к профессуре. В 1899 г. он был утвержден приват-доцентом Петербургского университета и начал читать на юридическом факультете курс римского права; читал он также лекции в Училище правоведения, Военно-юридической академии и др.; в 1912—1917 гг. состоял и. д. орд. профессора в Юрьевском университете; читал публичные лекции, сотрудничал в реакционной прессе (кроме публицистических статей, он писал стихи — в 1900 г. издал «Сборник стихотворений», в 1903 г. вышел под его редакцией «Литературно-художественный сборник стихотворений студентов Петерб. университета с иллюстрациями студентов Академии художеств»; см. воспоминания его товарища по Училищу правоведения А. В. Самойловича «Пушкинист Б. В. Никольский» в сб. «Парфенон», вып. I, стр. 40—60. СПБ, 1922).

Выдвинулся Никольский на арену общественной деятельности в эпоху революции 1905 года, главным образом, своим участием в одной из первых черносотенных организаций — «Русском собрании», где он играл роль одного из виднейших лидеров, а также публичными лекциями и записками в защиту незыблемости самодержавия, распространявшимися им в верхах бюрократического мира и доходившими до царя. Играл он также большую роль в Союзе русского народа. Однако ни крупный ораторский талант Никольского, ни престиж его в черносотенных кругах как «ученого монархиста» не помогли ему подняться так высоко по иерархической лестнице, как он мечтает на первых страницах публикуемой здесь части его дневника. Очевидно, те хлестаковско-чичиковские черты личности Никольского, которые отмечает выше в своем предисловии Д. О. Заславский, так били в нос всякому, кто имел с ним дело, что даже в далеко морально не брезгливой среде контрреволюции он недолго удержался на лидерских постах. В период победившей реакции и вплоть до революции 1917 года Никольский уже не играл сколько-нибудь значительной политической роли. В 1919 г. он был расстрелян по приговору ВЧК.

Текст публикуемой части дневника Бор. Никольского подготовлен к печати А. А. Шиловым. Примечания составлены им совместно с В. К. Лукомским. Именной указатель к дневнику составлен В. К. Лукомским.

1905 год.

27 февраля. Воскресенье.— Какая бездна событий и как страшно много перемен! Точно годы прошли за полгода, как я не вписывал сюда ничего. События позвали — и я выдвинулся. Теперь я — сила; я влиятельный человек; я знаком с министрами, с членами Государственного совета, с архиереями и митрополитами, с предводителями и губернаторами, придворными и знатью; ко мне ездят депутации условливаться о способе действий; меня знакомят с министрами, чтобы повлиять на них; царь указывает на меня Глазову, требуя, чтобы мне было оказано перед всеми видное отличие; царю передают мои письма [1]), ему докладывают о моих докладах, и все это со мною, приват-доцентом, частным поверенным и присяжным стряпчим, не знающим, чем заплатить за квартиру! Хорошо это или худо? Не знаю, но знаю, что это должно было рано или поздно наступить. Мне придется играть ту роль, которой я ожидал, но которой я не хотел, ибо знал, что только горькие события выдвинут меня. Горькие события настали, я впереди, вперед! Абамелек и Семенов решили проводить меня в министры; сегодня был обед с этою целью: у Абамелеков обедали Булыгины, Семенов и я. Булыгин был приготовлен ко встрече и разговору со мною. Не знаю, понравился ли ему я; мне он лично понравился: спокойный, веселый, сытый, прочный человек, но не министр внутренних дел в России сейчас. Его энергия — энергия прочной и благодушной посредственности. Не это нужно. Он сам тверд, но заставить других — слишком для того хитер. Он способен увлекаться и поддерживать, но не увлекать и вдохновлять. Бороться он может лишь обороняясь и уходя, измором, а истреблять противника — не его дело.

Днем я долго сидел у Антония. Много разговоров. Вот мой почитатель! Хотя, впрочем, теперь у меня их довольно. Антоний, Абамелек, Семенов, Павлов, Гринмут, Штюрмер, Юзефович, Кривский — это все не считая «Русского собрания». Да, еще — Толь, Куракин, Богданович. Вот посмотрим, чем кончится мой доклад у Муяки. Мне приятно, что будет Саблер. Нет, господа, надо действовать напролом!

За обедом Булыгин с любовью вспоминал моего отца, которого ученик по Правоведению; был очень рад узнать, что и я был правоведом. Смешно рассказывал, как перехитрил армянскую депутацию. «Сочувствуете ли вы армянам?» — спрашивает его кто-то из депутации. — «Помилуйте, господа, как же не сочувствовать, когда я сам женат на армянке». Те уходят очарованные, но дома соображают, что ведь он им ничего не обещал. Мило.

Я ему указывал, как обезвредить рескрипт 18 февраля. При Государственном совете созывают ad hoc выборных согласно новому учреждению Государственного совета по образцу чухонских депутатов. Не понимает. Самое печальное: как повернуть, когда большинство дворянств и замств приветствуют обещания указа 12 декабря? [2]) — А с каких пор самодержавному царю указ большинство? И если в угоду большинству созывать представителей, то не бессмыслица ли совещательный голос, несовместимый с большинством? Не смешно ли? — Чувствует, что я прав, но стоит на своем. Вообще, это министр ненадолго. Он пошел провизорно, а не совсем. Тогда чорт с ним! Нет, нет, я необходим, и без меня ничего не выйдет.

28 февраля. Понедельник.— Все еще нет полного спокойствия насчет Востока. Ужасное время! Просто дышать нечем. Стараешься не думать, забыть, но первая же минута раздумья нагоняет этот кошмар. Газеты ждешь, точно денег в срок. Сегодня понедельник. Сначала Пуришкевич. Привез нелепую политическую сцену в стихах: мечтает прочесть ее по ролям в «Собрании». Чорт с ним, я обещал читать консерватора Кайсарова.— Разговор о «Собрании». Голицын — не худой человек, но пассивный, инертный, трус, выжидает, ибо не знает, чего царь хочет, а тот сам не знает. Остаемся еще мы с ним. Бородкин — чудный человек, и основателен, но не деятель для «Собрания», и притом узкий специалист. Мордвинов — ничто. Золотарев тоже. Лыщинский, Литвинов — статисты. Энгельгардт — «полезность», но при его самомнении, тщеславии, обидчивости и книжности он негоден для активной роли. Наконец, Волконский и Афанасий,— не знаешь, кто хуже. Словом, Голицын, Пуришкевич и Никольский. За истекший год «Собрание» вынес на своих плечах один я.— Я все это слушал, немного спорил (во избежание сплетен), но, в сущности, много тут горькой истины. «Собрание» было живо Величкою; теперь живет мной. Уйди я — не знаю, что выйдет из «Собрания». А ведь какие возможности ему открываются!

По словам Пуришкевича, вчера или в субботу приехал Грингмут. Богданович мной очарован и ждет меня в любой день.— Когда Пуришкевич уходил — репортер из «Листка»[3]) от Скроботова: в «Руси» преподлая заметка по делу Левина—Троянского. Повидимому, это не интрига, а просто наглое репортерство. Из «Листка» приехали интервьюировать. Я прочел заметку и сказал, что все в ней ложь (так оно и есть). Видно, что писана по слухам и сплетням; все переврано. Сдается, что Троянский не при чем.— После всех Юзефович. С Кутузовым и Юсуповым-Сумароковым-Эльстон затевают купить «День» и перевести в Петербург. Кутузов собирается меня звать, чтоб обсудить это дело. Юзефович (свинья: украл лучшие мысли моего доклада в четверг студенческому кружку при «Русском собрании») написал статью по случаю забастовок против Витте. У него письмо от Гессе: тот пишет, что царь высказал сожаление, отчего Юзефович не пишет в распространенных органах,— напр., «Новом времени». Юзефович справедливо убежден, что Суворин его статей не примет, но я вызвался оказать ему содействие: предложим статью Суворину, а дублет Юзефович пошлет в Царское; я письмом сообщу Юзефовичу, как и почему Суворин отказал; мое письмо тоже пойдет в Царское. Так Юзефович под предлогом непринятой статьи пошлет царю новую инмозу по адресу общего врага[4]).

Вчера я днем, до обеда, забросил карточку Кашменскому и был у Муяки. Она просит у нее в четверг на 2-ой неделе повторить мой доклад о самодержавии. Извольте. Будут Саблер, Антоний Волынский, Кирилл Гдовский, Гейдены, Губчиц, Стеткевичи и проч. Были званы и обещали, но, по словам Антония, наверное не будут — Антоний митрополит и Нольде (Комитет министров). Любопытно, что у Муяки был завтрак. Были два Антония, Саблер, Нольде. Нольде юлил и вертелся у Антония митрополита, уговаривая присоединиться к большинству по вопросу о распечатании Рогожского кладбища[5]). Большинство 18 против 8. Антоний очень мягко отказался и, наконец, сослался на Саблера и уехал от Муяки. Тогда Нольде атакует Саблера, прося сделать удовольствие Сергею Юльевичу. Хоть у них и большинство, но крайне прискорбно видеть

в меньшинстве митрополита и Саблера. Но и Саблер пребыл тверд.— Я это за обедом рассказал Булыгину. Он был очень заинтересован, но прибавил, что он в большинстве: он не понимает, зачем было запечатывать? Другого повода, кроме высочайшего повеления, не было. Я отвечаю: «Допустимте даже, что это так; ведь вопрос теперь не в том, почему запечатывали Рогожское кладбище, а в том, распечатывать ли его? И если в пользу распечатания еще меньше доводов, чем в пользу запечатания, то мне непонятно ни большинство, ни его принадлежность к большинству».— «Веротерпимость».— «Почему веротерпимость требует нетерпимости к православию, мне неясно; по моему, она не исключает терпимости к православию».

Обдумав сегодня вчерашние разговоры с Булыгиным, я начинаю думать, что хитрый чорт плутовал; моя мысль обезвредить рескрипт 18 февраля ему понравилась, и я держу пари, что он ее подхватит. Дело вот в чем. Когда я высказал свой проект, то Булыгин слушал страшно внимательно и блестя глазами; потом вдруг говорит: «А почему же вы думаете, что будет иначе сделано?» — Я не мог ему сказать: «Потому что у вас пороху не хватит», и ответил: «Потому, что все другого ждут, и ваши запросы генерал-губернаторам и губернаторам укрепляют эти ожидания». Ему было страшно неприятно, что об этих его запросах уж известно, но вместе с тем моя осведомленность очень понравилась. Тогда, впрочем, он стал спорить и доказывать, что ни в каком случае не сделают так, как я предполагаю. Теперь я вижу, что тут явное противоречие. Может быть, он спорил, чтоб укрепиться в аргументах моей мысли? Но спорил очень уверенно и даже чуть-чуть досадливо. Хитер, шельма, — вот что главное.

Семенов, по его уходе, был в умилении от разговора и отчасти от себя самого; Абамелек не совсем был доволен результатами; я был очень недоволен Булыгиным. Впрочем, Абамелек и Семенов остались убеждены, что разговор должен был повлиять на Булыгина и многое в нем заронить.

Абамелек рассказывает, что Ермолов на ужине у Яворской пил за конституцию. Il a pris du champagne pour la constitution. Peut-être était ce pour la constitution de madame Яворская. Qui sait, s'il n'a pas touché juste. Обе эти остроты очень понравились, особенно дамам, хотя во мне мелькнула, было, мысль, не слишком ли это вольно; впрочем, смех меня разом успокоил. Булыгин со своей стороны говорил, что к нему взывает Клейнмихельша: «Ах, Александр Григорьевич, сколько времени мы с вами не видались!» — «Извините, графиня, я сегодня имею удовольствие видеть вас впервые в жизни».— «Что вы говорите, помилуйте! Сколько вечеров мы с вами провели у Марьи Васильевны Дурново!» — «Прошу извинения, графиня, но я никогда не бывал у Марьи Васильевны Дурново и даже знаком с нею не был».— Осеклась.— Впрочем предложила на свои деньги сформировать войско для охраны своих имений. Булыгин отозвался, что с этою мыслью целесообразней отнестись к военному министру.

3 марта. Четверг. 1-го числа взял деньги и был у Голицына. Он советовался со мною, как защищать 140-ю статью устава цензурного вечером на заседании [6]). Долго разговаривали и так как я раньше на эту тему думал, то снабдил его разными аргументами до восторга. И если бы не глупость Кутузова и Цертелева и отсутствие Юзефовича, сторонники 140-й статьи оказались бы в большинстве. Но два титулованных олуха

испортили все дело. Во всяком случае, тот раз, когда Голицын зарядился моими аргументами, они чуть не оказались большинством.

Затем я пошел к Голицыну посоветоваться насчет моей докладной записки об отказе от награды [7]). Не застал. Дома у меня Юзефович: привез статью против Витте для передачи Суворину и помещения в «Новом времени» по желанию царя, согласно с письмом Путятина. Кстати, списываю это письмо: «Глубокоуважаемый Борис Михайлович! К сожалению, вчера вечером мне не удалось сообщить вам выраженное мне для передачи вам желание в ы с ш е г о н а ч а л ь с т в а увидеть ваши статьи в «Новом времени». Сказано это было так: «Мне очень нравятся статьи БМЮ. Так у него все ясно и понятно и так правдиво и дельно. Отчего он не пишет в т а к и х газетах, которые все читают? Например, в «Новом времени»?» Я объяснил почему. На это последовало повторение: «Попросите его п и с а т ь в «Новом времени», чтобы разъяснить публике многие непонятные для нее вещи по вопросам народного в о с п и т а н и я и образования,— это так теперь необходимо!» Вот, батюшка, вам новая задача! Извольте теперь оправдывать возлагаемые на вас надежды. Крепко вас обнимаю. Ваш М. Путятин. Когда соберетесь в Царское, зайдите к нам».

Вот по этому письму мы с Юзефовичем и столковались: он пошлет дублет статьи царю, а я свезу статью Суворину и предложу, а что старый плут скажет, напишу Юзефовичу...

Вечером: Петров филолог, от Пуришкевича, Павлов, Поляков, ненадолго Акимов, Орбели, Рубен и Лев, Кондратьев, Хрусталев, Евреинов [8]). Вяло. Все удручены или огорчены политикою внешней и внутренней. Все спрашивают о левинском деле по поводу заметок в «Руси» и «Новостях». Да, еще был Гапанович. Вечером, до студентов, я снова был у Голицына и снова не видал, — он спал. Свою записку читал Юзефовичу, — он кое-что посоветовал изменить.

Сегодня утром вновь у Голицына и прочел записку. Он тоже кое-что посоветовал. Вернулся домой, исправил и от себя, переписал и повез к Глазову. Там в приемной долго разговаривал с П. Н. Семеновым, тоже бывшим у Глазова. Скучный он и придурковатый, хотя хороший и крепкий человек. Вредит ему, что он хвастоват и как-то заунывно самодоволен. В деталях привирает, но очень невинно.

Наконец (последним — я уступил очередь Семенову) был принят. Изложил дело. Ответ был тот, что Глазов меня вполне понимает, глубоко мне сочувствует, сам то же думал. Ему государь указал на меня и Вязигина и выразил непременное желание нас вознаградить. Потому воля государя хоть как-нибудь должна быть исполнена. Если я не хочу награды, государь может меня принять, сделать мне какой-нибудь подарок, — словом, что-нибудь. Нельзя же отвергать желание государя быть милостивым в отношении к верному и деятельному подданному (все это смысл, а не слова Глазова: слова очень глупые).

Я ответил, что всякая милость государя мне драгоценна, но это не должна быть внешняя награда, ибо я не могу допустить, чтобы милостивая воля государя обращалась во вред его же, государя, интересам, поскольку этим интересам служит моя деятельность. Я просил доложить государю мою записку целиком; Глазов не обещал, но сказал, что в выдержках и по существу доложит непременно, а, может быть, и всю. Во время разговора я очень резко и прямо сказал, что и я сам, да и все понимают, что я иду ко все более широкому влиянию; что я сам

себя считаю к нему призванным и что события должны меня вполне обнаружить; что и теперь со мною беседуют министры, советуются члены Государственного совета, что до самого царя доходят мои мнения (кстати: Семенов сообщил, что меня в городе считают автором манифеста 18 февраля и что эти толки весьма характерны. Я посмеялся и сказал, что мне очень лестно казаться таким влиятельным, но для моего авторского самолюбия — жестокий удар. Считаться автором безграмотного, вялого и пустого манифеста, как хотите, печально для ученого поэта!).

Все это Глазову показалось весьма интересным. Покончив с вопросом о награде — да нет, надо сказать, на чем покончили. Он и сам не знал, какую для меня придумать награду, и для того и спросил мой формуляр, чтобы справиться, обдумать и, пригласив меня через недельку-другую, поговорить со мною. Но я предупредил его намерения. Царь не любит проволочек, и потому он, Глазов, откладывать не будет и все-таки меня через недельку-другую пригласит сообщить результаты. Самое лучшее, если государь меня примет и сам со мною познакомится.

Ну, так покончив с этим, он спросил меня, что теперь делать с университетом. Я сказал, что поделать весною ничего нельзя, полугодие потеряно, но что надо готовиться к осени. Не столь опасны студенты, сколько подлецы и мерзавцы профессора. Но и эта шайка была бы ничто, если бы за нею не стоял ее главный режиссер — Сергей Юльевич.

Глазов на все это так и расцвел. Ругательски ругал и профессоров и Витте. «Вы не можете себе представить, как он нам мешает!» — «Так зачем же вы позволяете?» — «Так ведь большинство!» — «А вы будьте в разногласии». — «Государь не велит: государь велит действовать по соглашению». — «Нельзя действовать по соглашению с изменниками». — «Нельзя, но государь велит». — «Значит, надо сказать, что государь велит невозможное; надо выйти в отставку; надо помнить, что долг верноподданного требует не повиноваться велениям, вредным для повелевающего монарха». — «Это легче сказать, чем сделать». — «Не нахожу. Но даже и в этом случае: тем более надо не только сказать, но и сделать. И притом большинство не у Витте. Вы, Булыгин, Трепов, Манухин, ибо Витте проводил Нольде и, значит, не может быть за Манухина; Сахаров, Авелан, Александр Михайлович, Икскуль, Коковцов, который трусит, но ненавидит Витте»... — «Ах, какой трус!» — «Да, сволочь несомненная, но ненавидит, поверьте, и покажите ему только большинство, — сами увидите! Саблер с вами. Кто же против? Ермолов, Фредерикс, Воронцов — да Воронцов теперь весь вышел. Сольский как?» — «Сольский виляет и всего более старается угодить царю и попасть ему в тон. Это человек без всяких убеждений, совершенно ненадежный». — «Словом, большинство только на вашей нерешительности».

Затем рассказал о завтраке у Муяки. Рассказал со слов Булыгина об «отставке» Витте: получив три щелчка (1) рескрипт 18-го на имя Булыгина, а не Витте, и в измененной редакции, 2) выговор всем министрам, 3) Сольский — вице-председателем Совета министров), Витте у себя вечером, при гостях (несколько человек), говорит, что подает в отставку; вызывает в телефон секретаря, в телефон ему диктует

отставку, велит себе прочесть, исправляет редакцию, приказывает переписать и прислать себе сейчас же. Но, пока гости сидели, еще не принесли.

Глазов был страшно доволен всеми этими сведениями. По поводу беспорядков я вкратце Глазову сообщил мой план, который у Семенова излагал Штюрмеру, Столыпакову, Любимову, Павлову, Пальчикову, Чертелеву Петру и еще кому-то. Да, ведь вы там не были, так что не знаете (вы — читатель сих строк). Мое рассуждение в двух словах. От одних теорий общественного недовольства не бывает и быть не может. Если есть недовольство, значит, есть реальные политические причины. Успокоить недовольство можно только уяснив причины и их устранив. Реальные причины троякй: сословные, национальные (исповедные), экономические. Отсюда уже ясно, что не в школе корень беспорядков, а в семье. Недовольство не из школы выносится, а в школу приносится; если же выносится из школы, то только при подготовленной дома почве. Каковы же у нас причины? Не сословные: 1) сословий в феодальном смысле слова у нас нет вовсе с 1861 года; 2) сословия в смысле организованных классов у нас почти вовсе и з н и ч т о ж и л и с ь: дом сына дочери вдовы купеческого брата Антипова... Если сын этого домовладельца кончит университет, кто он будет? «Интеллигент». 3) Сословные заведения чужды беспорядкам и, чем сословнее, тем для беспорядков недоступнее; чем экономически слабее сословие, тем слабее порядок: Пажеский корпус, Лицей, Правоведение, коммерческие школы и училища, семинарий и академии. Не национальные ли причины? До известной степени — да, но лишь до известной степени. Находить причины в инородцах — смешно. Неужели русские так глупы, что даже беспорядков сами придумать не могут? Инородцы не полноправны, ergo недовольны, что вполне естественно, ergo дают очень легко хороший процент беспокойных элементов; но ни таланты, ни исполнители, ни руководители, — к чему обольщаться? — не инородцы. Национальный характер беспорядки приобрели только в Привислянском крае: да, вот там национальная подкладка, но что тут общего с нашим расстройством школы? Итак, остается одно: экономические причины. К чему же мы пришли? Общественное недовольство, слагаясь на экономической почве («интеллигенция» — полуголодный, полуневежественный пролетариат), поступает в школу из семьи. Найдена причина, — найдено лечение: заинтересуйте семью экономически в сохранении школьного порядка. Как? За всякий беспорядок исключать, принимая немедленно по взносе залога, отбираемого в пользу библиотек, лабораторий, пособий и т. д. Те, кому нечего терять, самые опасные, окажутся вне школы; семья будет заинтересована в порядке самым чувствительным для себя образом.

Вот, совсем вкратце, мои мысли. Глазов слушал очень чутко и хоть и не соглашался, но и не спорил. Предлагал место юрисконсульта 6 000 р. плюс наградные. Я ломался, говоря, что меньше 9 000 ж а л о в а н ь я — не могу. Об этом еще можно будет поговорить: если 6 000 плюс 2 000 профессуры и 1 000 наградных, членом Совета или Ученого комитета, то можно. Доброе начало, как известно, половина дела. Но Глазов предлагал очень осторожно, а я отказывался очень решительно, говоря, что мне при адвокатуре на 6 000 итти невозможно. Глазов не ожидал, повидимому, что я откажусь. Было и еще что-то, да всего не вспомнишь, а сейчас и не запишешь: пора спать.

5 марта. Суббота. — Вчера и сегодня неудачные дни. Вчера я назначил быть у Манухина по моему прошению против совета присяжных. Скотина Туткевич повторил, что приемы попрежнему по пятницам 2—3. Я вчера в министерство, — увы, Манухин принимает по четвергам 2—3. Отсрочка на неделю. Досада! Вечером с женою, по обещанию, был у Пуришкевичей. Там Ососов, Доливо-Добровольский и какой-то препротивный морячок-кадет или мичман. Там разговоры пустые и мало интересные. Там же прочел и интервью Булыгина и приказ о смещении Куропаткина [9]). Жаль его, дурака. Не знаю, был ли кто ему так верен, как я. Да мне и теперь как-то жаль поверить, чтоб он был виноват. Если же виноват, то примите в соображение, что он сделал и выдержал раньше! Если его силы надорвались, то не будьте неблагодарны. Интервью Булыгина вполне согласно с тем, что он говорил у Абамелека.

Утром заезжал Юзефович, приславший письмо с просьбою задержать его статью. По счастью, вышло так, что я не успел ее сдать. Юзефович рассказал инцидент в их комиссии. Кутузов на последнем заседании молчал, как убитый, и заговорил только под самый конец, после всех. А ведь мы знаем, как вял Кутузов даже в разговоре, а уж говорит он — упаси боже: длинно, бледно и нудно! Тогда Кобеко со смешком и с наглостью, свойственной этому хаму, прерывает его: «Что это, вы, граф, кажется, обструкциею занялись?» Тот оборвался, помолчал. «Я, — говорит, — весь вечер ни одного слова не сказал; я заговорил только теперь, и после сказанного председателем мне остается только удалиться». Встает и выходит. Ни один из этих скотов его не поддержал и не вышел с ним вместе. Но все-таки возник скандал, споры; защитники Кобеки говорят, что Кутузов не имел оснований оскорбляться, что это была «шутка». Но его и [?] поддержали. Юзефович правильно говорит (но едва ли он это сумел сказать в комиссии), что, если бы такое нахальство не было «шуткою», так надо бы не уйти было, но дать по морде. Справедливо.

Сегодня завтракал у Богдановича. Получил выговор, что не сразу явился на зов. Там был почтовый генерал Севастьянов. Было весьма бледно. Севастьянов своими словами передавал статью Скальковского. Интересно рассказывал только я, но интересно для них, а не для себя. Завтрак того не стоил, но я говорил с расчетом. — Пуришкевич подтвердил, что в городе мне приписывают манифест 18 февраля. Я хотел пощупать Богдановича и говорю: сначала-де вам этот манифест приписывали, потом Мещерскому, потом Победоносцеву, потом Антонию, Саблеру, наконец, автора нашли — это я. Последнее слово науки. Я всем отвечаю, что давно бы пора догадаться... Посмеялись, но затем Богданович сделал вид, что он — автор. Его знакомые тоже делают этот вид. По слащавой безграмотности манифеста — это возможно, и все-таки я не верю. Впрочем, кому же интересно знать автора? Ужасно то, что произошло, а не автор.

Мукденская неудача все еще не выяснилась, но спешная сдача Телина глубоко прискорбна, в особенности при изобилии запасов. Несчастный Линевич, каково-то ему с таким наследством! Ходили слухи, что после новой мобилизации еще 400 000 главнокомандующим будет Гродеков, а начальником его штаба Сухомлинов, но назначение Линевича вносит поправку.

18 марта. Пятница. — Опять много пропустил. За это время

умер старик Саломон, и мы его похоронили. Познакомился у М. И. с Николаем Зиновьевым, который мне понравился, как неглупый, учтивый человек, но не понравился, как человек без убеждений. А еще подхватил с восторгом мой отзыв о Крыжановском, что тот un homme plutôt de talents, que de conventions. В четверг был у Манухина и принят весьма несочувственно. С тех пор меня газеты травят. Хочу привлечь «Русь» за клевету.

В четверг доклад у Муяки. Антоний Волынский, Кирилл Гдовский, Никифоров, Казаков, Деларов Павел, Жедринский, Величко, разные дамы, разный сброд. Очень странное общество. Докладом были довольны. Был Скворцов. Довольны были чрезвычайно, в особенности епископы и их духовенство. В пятницу подал всеподданнейшее прошение Будбергу. Вечером в «Собрании» доклад Цертелева «Русский народ у А. Толстого». И доклад плох и чтение невыносимое. Чтобы спасти вечер, я во время перерыва сбегал домой, захватил стихотворения Цертелева и заявил, что хочу возражать. Мне дали слово, и я прочел коротенький доклад о стихотворениях Цертелева. Все было спасено.

Вечером был у Пуришкевичей. Там Ососовы, юнкер Смирнов, Булацели оба. Очень скучно. Голова болела сверхестественно. Утром хоронили, как говорю, Саломона. В воскресенье был у Саломонов, М. И. поздравил с рожденьем, у Боровитинова — по делу Левина (он согласился быть третейским судьею, так что Мейендорфа тревожить не нужно). Обедал у Нидермиллерши. У ней обычная компания: Пассеки, Ветвеницкие, Макшеевы, Остен-Сакен, еще несколько супругов, Беляев, мой Нидермиллер, который сильно мне надоел за обедом по поводу Мещерского и Стаховича. В понедельник у меня Боровитинов, с которым разговор по душе о моем всеподданнейшем прошении, непринятии меня в присяжные поверенные и проч. Потом Муяки со своими восторгами. Вечером Волконский, опять лезущий за докладом. Но я отказался. Во вторник утром память отца. Евгения, Мила, мы с женой — и только. Вечером у Харламовых. Катя Кох, т. е. Е. И. Мессарош, две девицы Янсовы с мамашей, Виппер, Шеин, Писарев. Разговоры все о политике. В среду завтракал у Богдановича. Граф Кутайсов (генерал-губернатор), Бельгард (бывший полтавский губернатор) и какая-то молоденькая Марья Александровна.

Кутайсов начал с крайне пренебрежительного тона (не подал руки), тем паче, что я к завтраку опоздал, а кончил тем, что жал мне руку, чуть не целовал, изъявлял всевозможные комплименты и т. д. Сволочь он, но пускай и он моей славе служит!

Вечером у нас Хрусталев, Поляков, Эрфурт, Бреверн, Кондратьев, Гапанович, Янковский — до 3 часов сидели Эрфурты и Кондратьев. В четверг завтракал с Зуевым у М. И.

Вечером был зван к графу А. П. Игнатьеву. Был принят удивительно учтиво, ласково, просто и мило. Они замечательно симпатичные хозяева. Был Звегинцев и Скворцов и все «дети» — гусар, правовед и девочка. Говорили о высшей политике, и мне кажется, что мое влияние не потерпело ущерба. Сужу по тому, как разговоры становились все интересней и прямей и как со мной прощались. Хотя странно, что, условясь о докладе, хозяева не звали бывать вообще у них. Говорили о народном просвещении и Глазове, говорили о проекте, внесенном в Государственный совет, о Булыгине и Витте, о моем проекте обезвре-

жения рескрипта 18 февраля. Последнее чрезвычайно понравилось и заинтересовало.

Затем я говорил о сословности и также увлек. Вообще, я понемногу вижу, что на революцию должен быть один ответ у правительства и народов: сословность. Это во мне зреет все ясней и яснее. Православие, самодержавие, народность и сословность. Это четыре устоя. Пока нет сословности, будут революции. Только сословностью можно бороться с революцией, ибо только сословностью можно заинтересовать само население в борьбе с революциею. Эта мысль во мне давно бродила, но бесформенно и смутно, доходя до отрицания сословности; но теперь, знакомясь ближе с действительностью, переживая великие события, поневоле я все более проясняю свои мысли, возвожу их к высшим обобщениям. У Бисмарка с Герлахом в переписке есть место, где они соглашаются, что до конца XVIII века содержанием всемирной политики было христианство, а с конца XVIII века — революция. Я не могу с этим примириться, но для Европы это глубоко верно. С XVIII века правительства заняли пассивное положение, стали дисконтерами, биржевиками политических моментов; активно только революционное движение. Но оно и слепо, ибо куда и к чему идет революция — неизвестно. Революция есть ослабление дисциплины как таковой в народах и государствах. Но ослабление дисциплины не может итти снизу: оно идет только сверху. Почему? Ослабела идея наверху — ослабела вера — ослабела власть — вспыхнул мятеж. Пока правительство остается христианским, у революции нет шансов. Вот почему революция сильна только против слабого в христианском отношении правительства. И вот почему революция в существе безнадежна: она идет против правительств; правительства сильны христианством: идя против правительства, революция должна итти против христианства; итти против христианства нельзя, не идя против христианской морали; идя против христианской морали, т. е. любви и всепрощения, революция идет против человека, человечества и человечности. Потому революция безнадежна. Но силы диавола велики. Против них однако камень веры, на нем церковь, и «врата адовы не одолеют ю». Вопрос только в том, должно ли христианство, будучи солнцем мировой политики, быть ее рычагом? Я считаю, что христианство может оказываться центральной идеей политики, но, как идея не от мира сего, не должно быть в таковые избираемо. Крест не знамя, что вовсе не исключает креста на каждом знамени.

21 марта. Понедельник. — Сегодня только Кониха днем, так что я накроил «смеси»...[10]). 18-го было заседание желающих возобновить занятия студентов. Боровитинов затянул до 3 часов ночи. Там я пользуюсь особенною любовью. Нехватает этой группе фанатика. Дали бы нам двух-трех отчаянных фанатиков — чудно бы наши дела пошли.

В субботу у Боровитинова по делу Левина. Выработал третейскую запись, письмо судей к свидетелям, письмо судей к супер-арбитру. — Да: в пятницу днем ко мне приехал Путятин. Во-первых, оказывается, что он царю дал прочесть мое письмо о Витте и услыхал резолюцию, что это «искренно и горячо написано». Не скажу, чтобы резолюция много говорила. Главное в моем письме — и совершенно объективное — слог, сила и яркость изложения. Об этом ни слова. Значит, не чувствуется. — Ну, затем, разные разговоры о Булыгинской комиссии[11])

и, наконец, прямой вопрос: правда ли, что я от участия в ней отказался? Я был поражен. Никогда не отказывался, никогда не думал отказываться, и никто меня в нее не звал. Но я тоже спросил, откуда у него такие слухи? Ну, как бы вы думали, откуда? От царя, а у царя — от Булыгина! Это гадко. Царь сказал: «Отказ Никольского лишний раз показывает, какой это искренний и честный человек, но мне очень жаль, что он отказался». Меня это возмутило. Впрочем, Путятин поправился и сказал, что, может быть, Булыгин не прямо сказал, что я отказался, но, во всяком случае, смысл его слов царю был таков, что я так решительно говорил против рескрипта, что он и подступиться ко мне счел невозможным, что, словом, я прямо показал невозможность для меня участвовать в этом деле. Мы думали, отчего эта интрига. Не напугал ли я Булыгина? Может быть. Но, не исключая этой возможности, решили, что скорей Булыгина напугали другие, т. е., как я думаю, Абамелек, который, может быть, слишком неосторожно меня Булыгину подсовывал, и тот, при его хитрости, почуял, что ему хотят провести человека. Во всяком случае, видно, что Путятин против Булыгина и что Булыгин едва ли не сломит себе шею со своей комиссией.

Путятин звал к себе в субботу обедать. И вот, после Боровитинова, побывав у Оболенских (Раусман, Биркина, Неплюева, Сологубиха), я к нему поехал. Его жена — очень милая женщина и славные ребята сыновья. Мы пообедали, побывали вместе у всенощной в придворной церкви и пробеседовали весь вечер. Я высказал мой проект. Путятин меня всячески убеждал изложить его на бумаге и через него передать царю. Я сегодня весь этот проект в виде конспекта набросал на бумаге. Надо будет выполнить конспект, переписать и послать. Трудно было бы мое положение в комиссии наперекор Булыгину, но ничего не поделаете. Ссориться с ним я не желаю, тем более, что все-таки он лучше других; но его образ действий в отношении ко мне перед царем — большое свинство. Путятин читал мне свой проект — бледно и темно. Но его состав комиссии намечен не худо. Д. Хомяков, Ананий Струков, два Самариных, А. М. Золотарев, Н. М. Павлов, я — еще пять человек, сейчас не помню. Всего двенадцать.

Путятин же подтвердил мне, что я вскоре свижусь с царем, и сказал, что это по поводу того, что Глазов был у царя в ту субботу и говорил обо мне. Он же сообщил, что гр. А. П. Игнатьеву обер-прокурором не бывать, что будет или Ширинский или Саблер, который со времени болезни Победоносцева очень отличился, так что обидеть его было бы вопиющею несправедливостью. Но зато вместо Булыгина шансы Игнатьева серьезны. Зато о Шереметеве, как об обер-прокуроре, не может быть и речи, хоть он и не отказался бы, пожалуй. Правительственное сообщение о Булыгинской комиссии чрезвычайно всех раздражило, и врагов и друзей. Видно, что человек виляет, теряется и трусит. Т. е. это было ясно и прежде, но теперь ясно в особенности.

В воскресенье был Голицын. Он мне сообщил все, что я знал, кроме д в у х подробностей: 1) что Глазову царь велел меня письменно благодарить за мою деятельность, очень сочувственно приняв и вполне поняв мой отказ от награды. Выходит, что царь вовсе не выразил желания меня видеть. Но со слов Путятина выходит, что царь меня вскоре увидит, да и Глазов ничего мне не пишет вот уже 8 дней: для высочайшей воли срок очень большой. 2) Глазов понял мой отказ от юрисконсульства бесповоротным. Я Голицыну объяснил, что принял бы с удо-

вольствием, но только при 9 тысячах в год жалованья, т. е. не считая наградных. Голицын, пожалуй, пригодится, ибо ему было бы весьма желательно видеть меня у них в министерстве. — В «Собрании» неладно. Голицын хорош только при деятельном совете. А без Велички там омертвение. Волконский лбом лезет на общее собрание. Ну, и провалится. Очень жаль, что так. Один Пуришкевич, да и тот плох. После Голицына де-Векки. Предлагает уступить мне редакторство «Судебной газеты», чтобы ее купил Суворин. При 600-то подписчиках! Пропадает человек, но помочь мудрено. — Юзефович, которого я видел накануне у Путятина, обедавший в Царском у Гессе с Рачковским. От него узнал о поимке шайки 12 анархистов[12]). Молодчина Рачковский! Он же удостоверил мне, что вдовствующая императрица отнюдь не за Витте, а скорее против, чем за него. За то Гессе, не доверяя Витте, все-таки за него, как единственного пригодного человека. Все то же: консервативный метод лечения гнилого зуба, пока тот не воспалит всю надкостницу. Особенно за Витте жена Гессе, которая на него сильно влияет.

26 марта. Суббота. — Во вторник вечером читал доклад у Игнатьева. Было человек 60 народу: Звегинцевы, Араповы, Шамшин, Глазов, Платонов, Галкин-Врасской, князь Друцкой, дядя Желобовский, еще много важных генералов и много дам. Был Калачич с Натальей. Удивило меня их присутствие. Оказалось, что Калачич в делопроизводстве у Игнатьева. Перед докладом Глазов отвел меня в сторону и передал, что царю доложил мою записку, но в извлечении; дать ее сполна, по его мнению, было нельзя — «места неудобные». Царь вполне согласился и велел только ему передать мне его царскую благодарность письмом. Глазову писать смерть не хотелось, но я сказал, что был бы глубоко рад получить письмо. Затем он остался на весь доклад и, повидимому, был чрезвычайно доволен. Довольны были, повидимому, очень, хотя, конечно, были и менее довольные. Говорил я очень смело, напрямик, называя Витте и Ермолова по именам. Эти сильные места вызывали «браво» и аплодисменты. В публике было несколько правоведов, один лицеист, несколько барышень. Мне чрезвычайно понравилась подробность аристократически-патриархального свойства: в боковой комнате была собрана прислуга, слушавшая с напряженным вниманием. Словом, доклад очень удался. — Затем, не помню сейчас, в какой день, кажется, в четверг, будем считать, что в четверг, — но об этом после... В остальное время писал записку о выборных, писал наспех, еле поспевая думать и совершенно безобразным слогом, но слог обрабатывать некогда, — написать бы, что думаю. — В среду были Поляков, Гапанович, кн. Андронников, Эрфурт, Кондратьев, Янковский, днем был и обедал Орбели. Едет переводчиком на ревизию с Кузьминским. Молодец! Смело и молодо. Я любуюсь его решимостью. Вечером не остался. Да, еще были Королев и Ермолов. В четверг я послал нотариальный запрос А. А. Суворину для начатия с ним дела о клевете. Был в суде. Вечером вот явился штабс-капитан 2-й артиллерийской бригады Басков звать читать им о самодержавии. Прислал его Антоний.

27 марта. Воскресенье. — Я согласился и для чтения наметили 29-е (теперь на нем остановились окончательно). Затем в разговоре с Басковым мы вздумали отправиться к Антонию. Пошли. Там епископ Сергий, единоверческий священник отец Семен и несколько духовных студентов. Засиделись почти до 2 часов ночи, при-

чем Антоний, видимо, угощал многою своих гостей. Но сначала говорили втроем, с Антонием и Басковым. Конечно, о патриаршестве[13]). Антоний — за. Своевременно ли теперь, когда Россия переживает столь тягостный кризис? — «Церковь Христова не может в канонических и догматических вопросах подчиняться потребностям светской власти». — «Однако до сих пор подчинялась!» — «Двести лет церковь была в плену, в угнетении». — «Церковно ли мстить?» — «Никто о мести не думает: мы первые рады послужить царю и отечеству». — «Но не миром внутренним». — «Божье важнее. Мы по нескольким канонам нескольких соборов обязаны не менее двух раз в году иметь поместные соборы; мы должны иметь патриарха. Светская власть нам двести лет мешала исполнить наш епископский, христианский, канонический долг; светская власть отказывается нам долее мешать, она заявляет, что мы можем его исполнить; как же мы будем отказываться?» — «Но если двести лет вы могли нести это стеснение и ждать, то неужели не можете подождать еще двух лет? Какой пример дадите вы всем русским людям!» — «Собор и не соберется раньше двух-трех лет, а епископский собор, избрание патриарха, — это только укрепит государство; и для христианского долга, для соблюдения канонов мы, власть духовная, инициаторами несоблюдения не можем явиться ни на мгновение». — Должен сознаться, что я был убежден и обезоружен. Остается надеяться, что истинные епископы восторжествуют над подлою закваской Антония митрополита. — Теперь я убежден, что все это было в понедельник, а не в четверг, ибо в четверг был канун благовещения.

В среду зато я завтракал у Богдановича. Были: полковник Поливанов, рассказывавший о финляндских делах, новый французский морской атташе Бенуа de quelque chose, что-то вроде Benoit D'Accent Circonflexe, и некий Сомов. Поливанов передавал со слов Бородкина безобразное совещание Коковцова, Сахарова, мерзавца Оболенского, Эрштрема, Бородкина и еще, кажется, кого-то. Один Бородкин — человек. Оболенский говорит в пользу петиции о пересмотре воинской повинности. Коковцов говорит, что с ним согласен и ручается за большинство в Комитете или Совете министров. Бородкин негодуя указывает на то, что петиция писана дерзко в отношении государя. Коковцов обрывает его тем, что кто же ныне не дерзко пишет государю? Чем же финляндцы хуже других? Сахаров копает пальцем в углу рта и говорит, что, мол, конечно, если большинство за и никто не возражает, то и он спорить не станет. — Это совещание министров! Чудное время, чудные дни!

В пятницу жена не завтракала с детьми дома и сплавила меня к Богдановичу же. Были Севастьяниха, Сабанин, Шумахер и какой-то хороший генерал из Ревеля, ругающий Куропаткина. Там чудовищная, но неоспоримая новость: Куропаткин по телеграфу просил за ним сохранить при командовании 1-й армией содержание главнокомандующего! Как больно вырывать человека из сердца, уважения или сочувствия и доверия!

Разговоры в среду и пятницу о шайке анархистов. Леонтьева в свойстве с Треповыми, знакома с семьею, почти накануне ареста с семьею Треповых была в театре в одной ложе. Готовые бомбы хранила у себя под кроватью у своего отца. Отец — камергер, иркутский вице-губернатор. Я в среду говорю студентам: «Ну, не дурачье ли вы?

Какую невесту упустили!» Говорят, прехорошенькая, 21 год, лозаннская студентка.

Днем все писал свою записку, которую кончил в субботу днем. Вечером махнул в «Русское собрание». Волконский бормотал что-то бессмысленное; впрочем, я не слушал. Потом ушел к Голицыну, где ужинал с Якимовичем. Голицын говорил о сегодняшнем собрании и своей речи при открытии (недурная речь) оного, а также и обо мне. Сначала приврал и хвастнул: постарался дать мне понять, что убеждал в четверг Глазова устроить мне свидание с государем. А Глазов-то мне еще во вторник говорил у Игнатьева, что непременно хочет меня государю представить, хоть на несколько минут. Я сказал, что был бы очень рад, лишь бы это не было официальным представлением, публикуемым в газетах. Потом я мельком рассказал Голицыну этот разговор. Он, бедный, так и осекся. Говорил я ему, что очень бы хорошо было получить 9 000 на юрисконсульстве. Голицын (это было вначале) делал вид, что очень сочувствует и будет содействовать, но, сконфузясь на представлении царю, сильно сел. Впрочем, он сам все хлопочет о прибавке ему жалованья, так ему очень выгодно всякое повышение моих доходов, если я пойду на службу. Еще Голицын говорил, что Глазов в восторге от моего доклада и что у него — неясно осталось, у Глазова или Голицына — мелькает мысль, не устроить ли этого доклада в царском присутствии. Теперь я думаю, что эта мысль мелькала только у Голицына. — Ну, в субботу дело плохо. Утром приехал Левин. Я думал получу деньги, — нет, тянет подлец. А у меня денег 1 рубль 23 коп., у жены 40 коп., занять негде и нечего. Поехала жена, заложила брошку. Сплавив Левина, заплатил проценты в ссудовую кассу по отцовской шубе (мать подарила мне свою квитанцию: все-таки за 35 руб. ссуды я получу прекрасную вещь), для чего съездил на Петербургскую и затем, дописав свою записку, в Царское к Путятину. У него был его дядюшка, богатый московский генерал Иванов-Луцевин с дочерью, миленькой стройной барышней с черными усиками. Дядюшку этого я совсем приворожил. Он меня упорно звал к себе, когда я буду в Москве.

Ну, пообедали с разговорами, сплавили дядюшку, и я прочел Путятину. Он говорит, что записка именно есть идеал того, о чем он думал. Он же сообщил мне, причем выяснилась отчасти и его роль, о моем предстоящем знакомстве с царем. Глазов туг на подъем; Путятин же находил во всех отношениях полезным царя со мною познакомить, но сделать это помимо Глазова, вероятно, находил неудобным. А тут Глазов сам раскачался: приехал, по словам Путятина, в диком восторге от моего доклада и в субботу повезет меня к царю. По мнению Путятина, я буду принят с полчаса. Конечно, если меньше, то не стоит и знакомиться. Я смотрю на это свидание как на дело великой важности.

События меня привели к царю. Я был ненужен в легкое время; тяжелое время разом меня двинуло вперед. Все, кто меня двигает, явились сами за мною: Путятин, Абамелек, Семенов, Павлов, Игнатьев, Глазов — ни у кого нет ни малейших интересов меня двигать, кроме чисто принципиальных. Они видят, что я тверд, силен и смел, и прямо уступают мне месте впереди. Скоро сановники начнут уже примазываться ко мне. Булыгин много раз пожалеет о своей ошибке. Но я не против него, и если он раскается, то мы будем солидарны. Ибо он мне нравится; он умен, хитер, спокоен, и он — консерватор, хотя несамо-

стоятелен. Какой бы он был прекрасный товарищ министра, если бы меня сделали министром и его дали мне в товарищи!

Путятин мечтал, чтобы моя записка была доставлена царю до субботы, чтоб он мог ее прочесть до свидания со мною; но это, к несчастью, невозможно: записка сдана мною в переписку Гапановичу, переписана будет во вторник к 5 час. дня, послана Путятину и возвращена не ранее среды, сдана Гапановичу в четверг и в пятницу к 5-ти только поспеет. Конечно, может быть, и обернемся, но будет ли в пятницу вечером царь настолько свободен, чтобы прочесть эту большую записку? Вообще, я вижу, что Путятин не менее меня возлагает надежд на мою встречу с царем.

Мне пришло в голову предложить Глазову такую комбинацию: юрисконсульт — 6 000 рублей и исполняющий должность ординарного профессора по гражданскому праву — 3 000 рублей. Совместительство по закону; а тут еще наградные и гонорар. При них я согласен даже на экстраординарного профессора, т. е. на 2 000 руб. Если 8 000 жалованья и хоть 2 000 наградных, да столько же гонорару, то я лучшего и не желаю. Мне это сегодня надумалось.

На сегодня я условился в пятницу с Папковым (в «Русском собрании») завтракать у Богдановича и поехал; но Папков надул. Поливанов опять был (вместо Папкова приехал). Еще были Скрыдлов, какой-то милый бывший лицеист с седою бородою, Шлиппе (губернатор) и Севастьянов. За завтраком интересный и горячий спор со Скрыдловым из-за Витте. Он его вздумал защищать, но был разбит без остатку. Шлиппе любопытно молчал. Севастьянов и сам Богданович горячо меня поддержали. Затем я, к сожалению, не мог остаться и уехал на общее собрание. Не стоило ездить: скучища смертная и совершенно безобидный ход событий. Волконский прошел 109 голосами из 148. Председателем, вопреки моему совету, выбрали Павлова: он был так плох, что хуже нельзя. Ясно, что его первый дебют — его последний дебют. Не умеет ни говорить, ни председательствовать; говорил хуже Цертелева. — Да, возвратясь домой из Царского, нашел дома вызов от Глазова к нему завтра между 5 и 6 час. дня. Это, значит, насчет поездки в субботу.

3 апреля. Воскресенье. — Сперва вчерашнее свидание. Глазов назначил быть у него к половине 10-го. Я приехал около четверти десятого и потому ждал, покамест он разбирал очередные бумаги. Поехали. В одном поезде с нами ехали Сахаров, граф Гендриков и Кутузов. Гендриков сел к нам в купе и много со мною разговаривал. Глазов передал, что я произвел на того самое симпатичное впечатление. Потом явился Кутузов, долго со мною беседовавший при Гендрикове, а после при Глазове. Звал к себе, хочет посоветоваться касательно своей новой повести, — пробует писать прозою. С Сахаровым я не познакомился, да на поезде и не видался.

В Царском — в Большой дворец, где Глазов начал перечитывать бумаги для доклада, и мы пили кофе. Я смотрел весьма веселые картины. Удивляюсь тем, кто такие картины держит, хотя бы Тицианом писанные. Я не стыдлив и не лицемер, но мне дико подумать, чтоб у меня в доме висел саженный холст, где Зевс-Туман прощупывает разнежившуюся голую Ио и т. п. В публичном доме — отчего же, но в семейном доме, тем более во дворце, — не мой нрав.

Потом, когда Глазов повторил урок, мы долго и много с ним разговаривали обо всем на свете. Без четверти двенадцать поехали в Але-

ксандрийский дворец. Там в приемной были Фредерикс, Бенкендорф, дежурный флигель-адъютант Руднев, и с нами пришел Путятин. Сахаров засиделся дольше обыкновенного. Глазов предупредил меня, что я буду принят вместе с ним, до его доклада. Вышел Сахаров, вошел Глазов; через несколько секунд он отворяет дверь, зовет меня. Я вошел. Царь был в кителе, безо всяких орденов, и, когда я входя закрывал за собою две тяжелые двери, он, встав из-за стола и разминаясь и нагибаясь, подошел к окну, а затем повернулся мне навстречу. Я низко поклонился; царь сделал шага два или три ко мне и на представление Глазова пожал мне руку. Надо заметить, что в приемной, когда Глазов меня представил Фредериксу, тот спросил, по какому случаю я представляюсь. Глазов ответил, что как член «Русского собрания» и автор нескольких докладов, о которых государю известно.

Итак царь выслушал представление, чуть-чуть улыбаясь. Нервность его ужасна. Он, при всем самообладании и привычке, не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста. Когда его лицо не движется, то оно имеет вид насильственно, напряженно улыбающийся. Веки все время едва уловимо вздрагивают. Глаза, напротив, робкие, кроткие, добрые и жалкие. Когда говорит, то выбирает расплывчатые, неточные слова и с большим трудом, нервно запинаясь, как-то выжимая из себя слова всем корпусом, головой, плечами, руками, даже переступая. Вообще из нас трех не волновался только я, немного смущался и беспокоился Глазов, но больше всех нервничал, стеснялся и жался царь. Его фигура, лицо и многое в нем понятно при мысленном сопоставлении монументальной громады Александра III с зыбкой и легкою фигуркою вдовствующей императрицы. Портреты совершенно не дают о нем представления, так как, при огромном даже сходстве, портретам трудно передать нервную жизнь лица. В этом слабом, неуверенном, шатком человеке точно хрупкий организм матери едва-едва вмещает, того и гляди — уронит или расплещет, тяжелый, крупный организм отца. Точно какая-то непосильная ноша легла на хилого работника, и он неуверенно, шатко, тревожно ее несет. Царь точно старается собраться в одно целое, точно судорожно держится, чтобы не рассыпаться на слишком для него тяжелые черты лица, части тела. В нем все время светится Александр III, но не может воплотиться. Дух, которому нехватило крови, чтобы вполне ожить. Впрочем, постепенно его нервность успокаивалась, и под конец он слушал и просто и внимательно. Сколько времени я пробыл у него, не знаю; мне казалось, что минут 10; но, судя по тому, как я много успел сказать, пожалуй, и больше. Я спросил Глазова, не слишком ли много я говорил; он сказал, что именно столько, сколько следует; если бы больше, было бы и много, но я именно остановился на нужной точке.

Первые слова царя были: «Очень рад с вами познакомиться. Благодарю вас за вашу деятельность; мне стало известно, что вы читаете разные лекции, где говорится о самодержавии, объясняете его исторически, из нашей истории». При моем плохом запоминании слов я не ручаюсь, что воспроизвожу то, как царь выражался; но отлично помню смысл, т. е. что именно он говорил. Притом, конечно, резюмирую, а не воспроизвожу. Мое дело здесь только ничего не прибавить, воспроизвесть то, что сохранила память.

«Позвольте, ваше величество, внести необходимую поправку в то, как вам было доложено содержание моих чтений. Совершенно верно, что

я стоял на исторической точке зрения и обнажал исторические корни самодержавия, но смысл моих докладов был вовсе не в исторической точке зрения. Моею целью было идейно разъяснить внутренний смысл самодержавия, его необходимость, а вовсе не его неизбежность. Мало ли что сложилось исторически, — не всему, исторически сложившемуся, следовало бы оставаться. Но самодержавие — дело другое. Не быть ему нельзя. Я всегда готов повторить слова Леонтьева: на что нам Россия не православная и не самодержавная! Быть или не быть России, быть или не быть самодержавию — одно и то же. Я указывал, что самодержавие до такой степени является сущностью нашего строя, нашей жизни, что не только мы, но даже иностранцы иначе и не могут себе вообразить Россию, как самодержавной. А их свидетельствам в этом отношении нельзя не верить, как бы ни был глуп и невежественен тот или другой иностранец: они имеют перед нами преимущество, хоть и не имеют счастья быть русскими, — это преимущество общего взгляда на нашу жизнь. Я так и сравнивал моим слушателям: вы все видите, как я говорю, но не видите, как вы все слушаете; я вижу, как вы все слушаете, но не вижу, как я говорю; но общего представления у нас нет; а вот вообразите, что кто-нибудь с улицы в окошко сюда заглянул, он увидел бы то, чего никто из нас не может увидать, хотя бы был простым хулиганом, ничего не могущим понять в происходящем на докладе: он получил бы le coup d'oeil général, всю картину; он наше собрание увидел бы не изнутри, а извне, и это дало бы ему в награду за то, что он не в нашем обществе, то, до чего страшно трудно воображением дойти каждому из нас». — «Это очень хорошо и верно». — «Так вот, иностранцы, как никто из нас, указывают на стихийную связь самодержавия и России. Так, Норман во вступлении к «All the Russias», так особенно Green в описании войны 1877 года. Вы, ваше величество, может быть, изволите знать эту книгу?» — «Нет, не знаю». — «Грин — военный атташе Соединенных Штатов при нашей армии во время Балканской кампании. Тогда был полковником, теперь, кажется, генералом, после того, как кого-то резал на Филиппинских островах, — уж не помню, испанцев или туземцев, помню только, что кого-то там резал»... — «О, да, они это чисто сделали». — «Очень чисто, дай, господи, и нам теперь хоть бы вполовину так чисто (усмешка, очень добродушная; оборот моей мысли был совершенною неожиданностью и позабавил)... Так вот этот столь мало сентиментальный Грин описывает панихиду под Плевной и, изобразив, как император Александр II, преклонив колена и опустясь головою на рукоять сабли, окруженный целой дивизией солдат, также коленопреклоненных, держащих одною рукою ружья, другою крестящихся, пред лицом своих наследственных врагов в религии и политике, сбежавшихся толпами на дальних батареях поглазеть на удивительное зрелище, молился за павших товарищей, подпевая хору: «Со святыми упокой», а далекие залпы пушек отбивали им такт, — так вот, описав эту strangely impressive scene *), Грин прибавляет: «The Russians have no fewer daily sins to answer for than other people, but the feeling which binds the lower classe to their Tsar is one of purely religions enthusiasm and veneration which finds no counter part elsewhere in these latter days»**). Американцу, стало быть, думается, что нигде

*) «Удивительно трогательную сцену».

**) См. сноску на стр. 74.

в мире нет ничего подобного нашему монархическому чувству и особенно в простонародьи. Да так оно и есть. Вот приезжаешь к вашему величеству. Кто первый у входа? Часовой. Входишь в прихожую—часовые. Входишь в приемную—часовые. Кто они? Да простые мужики, взятые от сохи. А они вам вернейшая охрана. И они, простые мужики, они здесь, у царя во дворце—вполне дома. Они отлично знают все, что им делать, и как и когда. А вот наш брат «интеллигент»—ведь, увы, ваше величество, ведь и я имею несчастье принадлежать к этому незавидному сословию»...

Государь и Глазов опять от души рассмеялись.

«Да, несимпатичное слово. Никогда не пишу его без кавычек, только тем, как дворянин, и утешаюсь. Так вот, наш брат, интеллигент, он здесь чужой, он не находит себе места. Точно в церкви: что может быть глупей и беспомощнее положения «интеллигента», попавшего в церковь? Чем великолепней и богаче храм, тем более там чувствует себя народ д о м а, у с е б я; какая-нибудь убогая бабушка в великолепном соборе так же дома, так же хорошо знает, что и как и когда ей делать, как часовой у вашей двери. А «интеллигент»? Стесняется, старается быть развязным, оглядывается исподтишка, перекрестится, так некстати; священник возгласит «мир всем», а он крестится; начнут читать апостол, он увидит, что «батюшка сел», заключит, что прочие, значит, стоят из неинтеллигентного усердия, и тоже присядет отдохнуть; войдет в церковь, оглядывается: «Где здесь говеют?»

Снова добродушный смех, улыбка и киванье головою во все время этой тирады, как на метко замеченные знакомые мелочи.

«Вот отчего «интеллигенции» и чужда идея самодержавия, столь народная и столь непонятная иностранцам. Да им этого и не понять. Обыкновенно сопоставляют самодержавие с абсолютизмом. Да, да: у м н ы е люди сопоставляют его с просвещенным абсолютизмом, даже говорят — у нас ведь есть такие у м н ы е люди — говорят о п р о с в е щ е н н о м самодержавии»...

Опять смех, на этот раз немного хитрый, ч р е з в ы ч а й н о довольный и с оттенком — с одной стороны: так, так его, подлеца! а с другой: ага, не утерпел, вон в кого метишь! Государь смеясь обернулся на Глазова, но тот или не знал этой фразы Витте или не вник, куда я мечу, так что сделал понимающую улыбку только из почтительности...

«Говорят о просвещенном самодержавии, точно есть какое-то непросвещенное самодержавие, точно все наше просвещение не самодержавною властью насаждено и вырощено, часто вопреки «интеллигенции». Но и, кроме того, сопоставление совершенно невозможно: что общего между западным абсолютизмом, выросшим на почве феодально-сословной, и нашим самодержавием, порожденным высшим напряжением национального демократического и религиозного духа? Взять Людовика Святого и св. Александра Невского. Кто такой Людовик Святой? Феодал, добрый, честный, справедливый, доступный феодал, набожный крестоносец. А Александр? Конечно, он победитель при Неве, но он же и выборный всей земли русской; он у хана спасение вечное отложил, идолам и хану поклонился, только бы народ свой спасти от ужасов

**) «У русских не меньше, чем у других народов повседневных грехов, за которые они должны отвечать, но чувство, связывающее низшие классы с царем, основано на чисто религиозном энтузиазме и благоговении и нигде не находит себе подобного в последнее время».

нового нашествия! В полном смысле слова душу свою положил за други своя. Он был первою жертвою за свой народ, его первым представителем и поборником. И вот этот взгляд на царя, как на выборного всей земли русской, и дает самодержавию высшее идейное содержание».— «Как же, ведь и наш дом был выбран народом!» — «А, нет, ваше величество, это совсем не то. Быть монархом par la volonté du peuple совсем не то, что быть самодержавным монархом. Вас никто не выбирал, но в идеальном смысле вашего значения вы все-таки выборный всей земли русской. Вы — первая жертва за Россию. Вы — первый представитель за свой народ. Этим-то и объясняется особенное отношение к вам народа. Вы — монарх, вы — воплощение всего нашего отечества, а в то же время, хотя бы для вашего любого часового, вы только раб божий Николай, как он, часовой, раб божий Антип, Сидор, Кондратий»... — «Совершенно верно. Как это глубоко и верно!» — «Не выбирал он вас, а вы для него все-таки выборный всей земли русской»...

Вот, приблизительно, главное, что я сказал. Но это еще далеко не все. Я помню несколько отрывочных эпизодов, только не могу найти их места в общем ходе разговора. Не помню также, на чем я остановился, но когда остановился и замолчал, то государь опять улыбнулся, отпустил меня, два раза крепко пожал руку. и сказал: «Благодарю. Благодарю. Продолжайте».

За завтраком Глазов передал мне, что впечатление осталось самое прекрасное. Царь сказал: «Какой умный, даровитый, образованный, красноречивый, а главное — убежденный молодой человек!» Глазов прибавил от себя несколько теплых слов (которых мне не передал), а царь опять сказал: «Да, конечно, но все-таки главное—убежденность. Это так редко встречаешь и потому это всего дороже».

Так, из эпизодов, которых место плохо помню, один был вначале разговора. Говоря о цели и смысле своего доклада, я сказал, что потому и считаю нужным разъяснять истинный смысл самодержавия, что теперь против него воздвигнут гнусный поход, в котором каждый мечтает что-нибудь урвать у самодержавия, по примеру тех, кто наверху занимается расхищением самодержавия. Это тоже вызвало сочувственное киванье и какое-то незначительное слово согласия и одобрения.— Помню, что еще что-то было, но запишу после, когда вспомню все.

По выходе от царя Фредерикс меня проинтервьюировал. Я говорил много, но постарался совершенно не дать понятия о разговоре. Когда я высказался о самодержавии очень резко и прямо, вдруг меня Фредерикс спрашивает: «Так вы как же, считаете, что выборные возможны при самодержавии или невозможны?» — «Как вам ответить!.. Я считаю, что если самодержавный монарх что-либо повелел, то его воля должна быть исполнена. Самодержавие согласуемо с какими угодно реформами, не только либеральными, но прямо радикальными. Согласуемо оно, стало быть, и с выборным началом, ибо собрание выборных, по воле самодержавного государя созванное, самодержавию не противоречит, если у царя находятся честные исполнители его воли. Но, конечно, если я стану рассуждать не как верноподданный самодержавного государя, а как ученый, по своей специальности, как историк права, то должен засвидетельствовать, что привлечение выборных к участию в управлении или законодательстве всегда являлось зародышем ограничения власти монаршей, зерном представительства и прямого народовластия. Повторится ли то же у нас? Неизбежным я этого не считаю. Быть может,

как преходящая попытка, оно будет даже благотворным для России, т. е. для самодержавия. Мы прививаем оспу: опухоль, лихорадка, но пройдет недолгий период, зарубцуется язва, и организм надолго иммунизован. Только белый рубчик в воспоминание. Может быть, и у нас найдутся искусные и честные люди, которые сумеют так осуществить царскую волю, что привлечение выборных иммунизирует Россию и от народного представительства и от народовластия». — После приема я приехал обратно в Большой дворец, где мы позавтракали втроем с Путятиным и Глазовым. Я рассказал содержание разговора. По всему видно, что представление вышло весьма удачно. Путятин, видимо, был чрезвычайно доволен.

Теперь вкратце свои события. В понедельник был у Глазова, где обо всем условились. Обедали у нас Кондратьев и мать; Цертелев надул. После обеда был Боровитинов, но рано ушел. Днем была Павлиха. Во вторник днем был у Платонова, с которым советовался по делу Верцелиуса и говорил о деле Левина и Троянского. Он отказался быть судьею. Жаль. Впрочем, я, может быть, уговорю его (хочу быть во вторник). — Потом у Муяки. У нее Сербулаева, Стремоухова, графиня Гейден, Турбина, Мурин, незнакомый мне старец, Аболь-Гассан (персидский секретарь). Довольно вяло, но ничего. Аболь-Гассан спросил меня, не я ли читал у Игнатьева во вторник и, узнав, что я, выразил крайнее сожаление, что не мог меня послушать. Очень, мол, много говорят. Вечером читал во 2-й артиллерийской бригаде. Слушали хорошо, были довольны. В среду были Янковский, Кандауров, Гапанович, но вначале Путятин, привезший мою записку с исправлениями. Кое-что объективно верно, кое-что неверно, а кое-что я смягчил потому, что относится к изложению, а не к мыслям. На этих же днях был Хрунов, по делу о Платуновском наследстве. Хорошо бы заручиться! — В четверг все с запискою возился и отнес таки ее для переписки Гапановичу. Вечером у Муяки. Антоний, Дмитрий Гурийский, 2 Губчиц, Сербулаева, Стремоухова, Бертенсониха, 2 Головиных, Майборода, Гейдены супруги, Мурин, мы с женой, какая-то еще дама или девица; вечер продолжительный. Мы с женою декламировали, Майборода пел. Я прочел Антонию письмо Полякова; привел его в восторг. Условились, что я познакомлю их, — приведу Полякова в субботу. От Муяки многие с нами хотят познакомиться: Гейдены назвались, Головина была, Бертенсониха хочет быть. Последних мне не очень хочется, но чорт их дери. Это знакомство жены. В пятницу был у Боровитинова по левинскому делу и с ним говорил о многом. Был в бане. Был у М. И. Д., с ангелом поздравил. Там много народу, но больше сволочь. Со Стюрлершею сцепился не на живот, а на смерть. Глупо было, но так как она сказала, что в университетах взятки берут, то меня взорвало. Я ответил, что про университеты можно говорить что угодно, но сказать, что в университетах взятки берут, никто ей не мог, кроме лжеца. Все дамы мне очень сочувствовали. Но было глупо. Меня взорвал подлый ругательный о России тон. Ненавижу. Вечером у Бобрищевой-Пушкиной. Антоний читал о благости божьей и вечных мучениях. Как всегда, умно и интересно. Там старая стерва Достоевская, Колбе, Бертенсониха, Муяка, Головина, даже Майборода, Мурин, мать, Гейденша и еще много. Но у Пушкиной даже от Антония спать хочется. В субботу была поездка в Царское и вечер у Антония. Ненадолго был Саблер по делу, а затем Лебедев (цензор), Знаменский А. Н., священник какой-то, товарищ Антония, и не-

сколько студентов, в их числе Алексей Ухтомский. Я рассказывал мою поездку. — О том, что было сегодня, запишу завтра.

5 апреля. Вторник.— Еще вспоминаю, но смутно, один эпизод из разговора с царем. Кажется, это все вместе с «расхищением самодержавия» составило один эпизод, но, повторяю, помню, его смутно, так что слова царя не могу воспроизвести точно. Смысл их был, во всяком случае, тот, что те, кто оспаривает самодержавие, в сущности, только сами тянутся за властью. Я подхватил и говорю, что под предлогом «бюрократии» они просто стараются подчинить себе правительство, сами хотят заслонить царя от народа и, главное, народ от царя, протянуть зыбкую, но непроницаемую кавалерийскую завесу между ними в парламентской болтовне.

Когда возвращался в субботу из Царского, от меня выходил генерал Ивашенцев, благодаривший за доклад у них в бригаде. Я его повернул и вкратце рассказал о своей поездке, но говорили и о другом.

В воскресенье не застал Зиновьеву и Брусилова, а потом Юзефовича; застал и был принят у Игнатьевой и Нидермиллерши. У Игнатьевой была какая-то баронесса или графиня Крузенштерн или что-то вроде, но скоро ушла, а когда приехали Сергей Филиппов и генерал Козен, то я ушел. Но просидел с полчаса. Говорили, конечно, о моем посещении. Впечатление на графиню самое благоприятное. Так как А. П. все мечтает быть обер-прокурором, то у них ликуют по случаю провала тройственного союза Витте—Саблера—Антония [14]) и говорят, что эта нелепая затея тем драгоценна, что бесповоротно раскрыла царю глаза на Саблера и Антония.

Касательно Антония я не спорил, но касательно Саблера удостоверил, что дело не совсем так, а кстати сообщил и то, что Ширинский гораздо более опасный (не этими, конечно, словами) соперник, чем Саблер. Это им было новостью, т. е. ей, но это все равно. Она сказала, что несомненно государь меня страшно стеснялся и робел, что он нестерпимо застенчив и теряется при каждом новом человеке, но что уже по второму разу гораздо спокойней. Она же сообщила мне, что Юзефович говорил обо мне царю. Должно быть, это что-нибудь совсем недавнее, так как от Юзефовича я не слыхал, чтоб он царю на этих днях представлялся. Еще графиня говорила, что царя должен был особенно стеснять мой фрак и мое ученое звание. Она даже прибавила вскользь, что если я это стеснение рассеял, то это важный показатель и большое завоевание (смысл; слова у нее были, конечно, другие). Очень благодарила за мой доклад: видимо, я действительно всем сильно угодил и наделал шуму в верхах.

Ну, у Нидермиллерши какой-то громадный волосатый черный господин и пустые разговоры; ничего интересного. — Утром в воскресенье был у меня Боровитинов по делу Левина, но больше всего, конечно, чтобы проинтервьюировать о субботе. Ему я, конечно, как и всем, рассказывал только кусочки, а не все. Вчера днем сначала Муяки, — в четверг зовет вечером слушать Дмитрия об их бакинских и прочих событиях. Сидела долго. При ней пришла к жене Савичиха. При Савичихе внезапно Грингмут. Ему я был очень рад. Поговорить было много о чем. Известие о моей поездке в Царское — потрясающее впечатление. Ему, по особому доверию, прочел мой дневник, с пропуском только некоторых ремарок. Грингмут так и просиял. «Всею душою радуюсь за вас, но еще более рад за царя. Это свидание — огромный успех вообще для рус-

ского дела. Все, что вы говорили, превосходно и интересно. И еще надо заметить, что, как ни хорошо все, что вы говорили, еще лучше то, чего вы не сказали». — «То-есть?»—«То-есть, вы его не учили, не давали никаких советов, не объявляли, что намерены «говорить всю правду» и т. д. Этим его одолевают, мучают. Все хотят «говорить всю правду» и непременно всех ругают. Вы никого не ругали. И когда царь видит, что его хотят учить, им руководить и т. д., то у него это так наболело, что он мгновенно прячется в себя и начинает думать: «Опять учитель! Опять советчик! Опять считает меня совершенным дураком!»—и нервная потребность отшихнуть непрошенного наставника, про себя утешаться тем, что он, в сущности, бесконечно лучше осведомлен обо всем, о чем ему говорят. Вы же говорили ему несомненно много нового, говорили смело, прямо, умно, интересно и не возбудили ни на минуту его недоверчивости. И это для вас огромный успех, а значит успех для дела».

Еще говорил о резолюции царя о необходимости строгих мер против революционного движения. Резолюция положена на журнале Комитета министров по поводу предложения Булыгина (поддержанного Коковцовым!?.) о разъяснении указа 18 февраля. Очень приятно.— Затем длинный разговор о тоне «Московских ведомостей» по поводу собора. Я передал мою беседу с Антонием. Грингмут горячо спорил, но, в сущности, понял, что слишком расходился и что надо немножко попридержать свои звоны малиновые. Я сказал ему, что Антоний будет вечером; он тоже обещал быть. Еще я читал ему письмо Полякова, приведшее его в восторг.—Читал ему отрывки моей записки о рескрипте.—Читал характеристику Ивановского (на редкость удалась: независимо от Ивановского она хороша литературно). Читал мое письмо Путятину о Витте. Тут Грингмут все время даже глаза закрывал и брови подымал от восторга и умиления. — При его уезде (он обедал у Муретихи) приехала Гейденша. Вечером были Антоний, Грингмут и Харламов. Последний так и скис при интересных гостях. Уходя, благодарил «за один из интереснейших вечеров в своей жизни». Вечер, точно, был интересен. Я прочел всю мою записку (Антоний не мог ее дослушать — слишком поздно приехал). Впечатление весьма большое. Грингмут несколько огорчил меня, указав, что моя мысль по существу не нова: оказывается, нечто в этом роде проектировал и Бисмарк, но, конечно, более робко и лишь в виде намека. Pereant, qui ante nos nostra dixerunt! *) Но, в общем, слушали, как роман. Стихи, удачные доклады не так слушали у меня, как вчера мою записку. Да и слушатели то были исключительные. Уехали поздно, — кажется, в 2 часа. Сегодня надо быть у Платонова по делам Верцелиуса и Левина, да смерть не хочется. Но надо ехать.

9 апреля. Суббота. — Во вторник был у Платонова, где получил удовлетворительные результаты по делу Верцелиуса и полный отказ по делу Левина — Троянского. Вечером пошел на собрание русских студентов, где протомился безвыходною скукою. В среду был на исторической выставке портретов, но при неудачном освещении; впечатления настоящего нет еще: слишком огромна выставка. На ней надо не менее пяти раз побывать. Я успел осмотреть залы Петра, Павла, Елизаветы и Анны. Вечером были Гапанович, Янковский, Кондратьев, Богословский, Орбели; кажется, был еще кто-то. — В четверг праздновали

*) «Пусть погибнут те, кто раньше нас наше сказал».

рождение Романа. Вечером были у Муяки, где преосвященный Дмитрий (Абашидзе) рассказывал о своем изгнании из Поти. Ничего особенно интересного. Слишком все это лично, поверхностно и узко. Он видит только врагов и интриги, не раскрывая их подкладки. Там были отец Семен, супруги Губчиц, супруги Головины, супруги Чайковские, супруги Долинские, Майборода с дочерью, графиня Гейден. Катя и я читали стихи, Майборода пел. В пятницу я был в Съезде по делам и позавтракал у Богдановича. Были Скрыдлов, Севастьянов, Бельгард, Чабовские мать и дочь, Лодыженские супруги (могилевский вице-губернатор), а после завтрака Jaconnet с дочерью. Со Скрыдловым и Бельгардом спор по поводу желания пажей потребовать от Кузьмина-Караваева не носить пажеского знака. Я — за пажей, эти — против. Но со Скрыдловым-то можно столковаться, а вот с дураком Бельгардом хоть плюнь. Богданович уверял меня, будто на докладе в «Русском собрании» готовится что-то чрезвычайное: будут-де сановники, будет какая-то неимоверная резолюция, председательствовать будет сам Голицын и т. д. Я видел ясно, что вздор, но все-таки пошел. Конечно, никого и ничего. Ни Голицына, ни даже Волконского. Дурак Булацель читал доклад Бородкина со скучнейшей отсебятиной. Народу к 9 часам едва собралось человек 70. К концу вечера было около 100. Доклад интересный, но и только. Для меня ничего нового. Председателем был Пуришкевич. Много новых членов — Харламов, Чачков, Юревич, Майков, Саблин, еще другие. Богданович меня в пятницу направил к некой Бузни по большому процессу. Поеду, хотя не очень-то мне верится. Надо брать, что можно. С деньгами мне совсем капут. Ниоткуда ничего. Хоть помирай! Господи, да будет ли конец этой каторге? — Состав Горемыкинской комиссии хорош по принципу: хорош ли по действительности — увидим [15]). Зиновей Петрович, отец-адмирал, выручай отечество!

15 апреля. Пятница. 9-го, не помню, что было. 10-го и 11-го изготовлял смесь. 11-го у нас никого не было. 12-го метался: по делу Левина у Боровитинова, посетил Верцелиуса в его заточении (смирился уже, а я его доканал и, кажется вразумил; во всяком случае, сильно тронул). Глупый мальчишка, но хороший и добрый. Авось ему нынешняя история пойдет в пользу. От него к Бузни. С этой взятки гладки. Но совет дал и еще дам. У ней барышня, — больше претензий, чем прав на претензии, по крайней мере, для тех, кому ее богатство не нужно, и женатых. Дело их нелепо поведено, но может быть оборочено весьма выгодно. — В среду с Вавой и женою на портретной выставке. Осмотрели XVII век и Петра почти до конца. — В четверг был опять у Верцелиуса. Но, кроме того, в четверг меня допрашивали на левинском суде. Мое показание, как я полагаю, доканало Троянского. Но подлый жид Левин, как кажется, намерен увильнуть от уплаты денег. Ну, это мы посмотрим! Я думаю, он просто тянет, а не увиливает. Я ему послал сегодня очень серьезное письмо. — Да, во вторник или в понедельник, а может быть и в среду, у меня был некий Лонг, корреспондент «Review of Reviews» и «New-York Journal». Получил из Америки телеграмму, что де приват-доцент Никольский был принят государем, который с ним советовался по политическим вопросам: интервьюируйте его немедленно. Я отперся, хотя было трудно это обставить дипломатически, но воспользовался случаем, чтобы высказать американцу свои взгляды и некоторые мысли моего доклада. (Кстати: я Гринмуту читал мое письмо Путятину о Витте — он мысли этого письма вот уже в трех статьях развивает;

даже цитату повторил, но переврал: у меня из Ламартина: «C'est lui, c'est toujours lui!», а он свое сочинил: «Toujours lui, lui toujours (?)»! Главным образом подхватил он то, что для Витте нужен мир постыдный, ибо мир победный ему крышка). Не знаю, сумеет ли сей Лонг воспользоваться, но доволен он был. Говорили мы с ним по-русски и по-английски, причем я говорил по-английски (sic!), а он по-русски: ибо я не понимал его английской речи, а он плохо понимал мою русскую. Хорошо. Итак, в левинском деле все налажено, и я надеюсь, что каналье Троянскому не сдобровать. Мое вчерашнее показание, несомненно, для него явилось жесточайшим ударом. Да и Эристов корчился при моих ледяных и учтиво ядовитых фразах. Я подчеркнул все, что нужно. — Умер и похоронен Кривский. Вот казался-то долговечен, а разом кончился! Я не поспел на похороны и жалею: было много знакомых членов Государственного совета и между ними—Булыгин. Очень жаль, что не поспел. Генерал-губернатором московским назначен Козлов. Вероятно, тут Булыгин содействовал. Булыгин сам безличен и обходителен и таких же и проводит.

Сколько эгоизма и опасности в этом политическом благообразии! — Сознаться ли вам по секрету? Я думаю, что царя органически нельзя вразумить. Он хуже чем бездарен! Он, — прости меня, боже, — полное ничтожество! Если так, то нескоро искупится его царствование. О, господи, неужели мы заслужили, чтобы наша верность была так безнадежна? Знаете ли вы, что я порою начинаю понимать Витте, — не в его заигрываниях, а в его предательстве. — Я мало верю в близкое будущее. Одного покушения теперь мало, чтоб очистить воздух. Нужно что-нибудь сербское [16]). Конечно, мне первому погибать. Но мне жизни не жаль — мне России жаль.

26 апреля. Вторник. — Невозможно все записывать. Внесу хоть что-нибудь. Левина дело решено, хотя не совсем в его пользу. — Вчера был премилый вечер. У нас собрались Муретиха с сыном и дочерью, Головины, М. И. Д. с Матильдою, Харламовы, старик Верховский, адмирал Гильтебрандт, Эрфурт. — В четверг у Гейденов обед с митрополитом, Кириллом Гдовским, Антонием Волынским, Дмитрием Потийским. Будет Муяки, брат Гейденши и ее мать, мы с женой и еще кто-то. Едва ли интересны мирские гости, но митрополит меня давно интересует. В пятницу был литературный вечер в «Русском собрании». Выручали мы с женою. Сперва прочли «За кем» Пуришкевича по ролям, — из рук вон плохо читали; только я и вывез, да Харламов прочел недурно. Затем Голицын прочел свое стихотворение—ответ на «За кем». Затем Пуришкевич свой ответ на этот ответ. Затем Катя — попури из монологов из «Сна Услады» и «Кащея». После перерыва Пуришкевич — свое стихотворение, я — первую речь Цицерона против Катилины, называя его Сергием, — произвело фурор, ибо било не в бровь, а прямо в глаз, и Волконский — из летописных фельетонов о современных событиях. Вот, кажется, все главное. Еще важнее, конечно, что левинское дело кончилось, и я с него получил деньги. Без этого я погибал. Да и теперь, если не получу какого-нибудь аванса, не знаю, что делать. Господи, когда этому конец? Ужасно. Вечная лихорадка, вечный недохват, и ни отдыха, ни сроку.

О моей записке из Царского ни гу-гу. Да все равно! Мне дело ясно. Несчастный вырождающийся царь, с его ничтожным, мелким и жалким характером, совершенно глупый и безвольный, не ведая, что

творит, губит Россию. Не будь я монархистом — о, господи! Но отчаяться в человеке для меня не значит отчаяться в принципе. Я понял давно, что играть роли в это царствование мне не придется; я думал, что события меня выдвинут; но вот и события, — увы, все то же. Пора крест на все поставить. Блаженны почившие.

5 мая. Четверг. — Мне хочется кое-что записать. Завтра рожденье государя. Володя намерен отпраздновать это событие. На завтра назначил торжественную процессию. Сегодня была репетиция. Несколько часов мастерил хоругвь и украшения вроде балдахина к царскому портрету. Наконец усадил Анну, Романа, няньку с ее девочкой, сам стал на большой ящик и произнес пламенную политическую речь. «Завтра, мол, рождение государя, и мы будем праздновать этот день. Прежде мы не праздновали, а нынче непременно надо праздновать. Теперь война, и много злых людей, которые царя не хотят совсем, никого не слушаются, устраивают беспорядки. Но мы не изменники, и если эти злые люди не хотят, то мы царя хотим, и все-таки все вместе будем за царя и отпразднуем его рождение. Ура! Ну, хлопайте же!». Бурные аплодисменты. Я тоже пришел, поаплодировал. Потом приходит — я читаю: «Прости, милый папа, но, если можно, приди посмотреть». Пришел я. На пустом ящике два национальных флага, украшенный портрет государя, хоругвь и с двух сторон с подушками в руках Анна и Оля (нянькина дочь). У Анны на подушке книга, у Оли — лодочка. Сзади портрета Роман и няня. Володька дирижирует, втроем поют «Боже, царя храни» и потом всеобщее ура. Книга изображает биографию Петра Великого, а лодочка — дедушку русского флота. Уморительный мальчик. Дай ему, господи, не игру играть, а дело делать! Уж если я недостоин отстоять родину и обречен видеть одно горе и неудачи, пусть хоть они увидят лучшие дни. А такая страсть организовывать, изобретать, устраивать, как у него, редко у детей бывает. Притом терпение, настойчивость, прилежание прямо неимоверные.

Теперь о себе. Когда я в первый раз был вечером у Игнатьева, он дал мне прочесть проект Икскуля новых статей основных законов во исполнение п. 1 указа 12 декабря. Я жестоко раскритиковал первую статью, указав, что проект безграмотен, ибо составитель понятия не имеет о существе аутентического толкования закона. Игнатьев со свойственной ему быстротой схватил сущность дела. Но когда я ему произнес «аутентическое толкование», то в его глазах засветился испуг, да и Звегинцев как-то огорченно двинул усами и мотнул головой. «Конечно,— говорю я,— по словам Горбунова, вы за это ответите,— за это, за слово за ваше за нехорошее, — но что же делать: научный термин». Посмеялись старцы, что, конечно, за такое слово действительно можно ответить, но Игнатьев мою критику усвоил. Я ему на полях набросал ряд мыслей и замечаний. Тем дело и кончилось. Третьего дня получаю от него на прочтение проект журнала, — что же вижу? Все, что я Игнатьеву растолковал, все это по существу в журнале изображено. Ясно, что мой графчик говорил с огромным успехом, раскатал проект Икскуля начисто, — словом, явился львом или, по крайней мере, бегемотом заседания. Вот и моя копеечка не щербата! Всего забавнее было то, что слова «аутентическое толкование» повторяются несколько раз и, действительно, из страха ответить за такое слово, снабжены местами жирными скобками.

Воодушевясь этим успехом, я улучил несколько минут времени,

изучил журнал и его так раскатал, что, можно сказать, камня на камне не оставил. Поехал вчера утром к Игнатьеву и все ему объяснил (удивительно способный человек: мгновенно схватывает самые отвлеченные и трудные вещи). Воодушевился мой сановник до чрезвычайности. Это говорит очень серьезно. Этот журнал мало опротестовать: надо потребовать нового пересмотра дела. Словом, усмотрел возможность так отличиться перед Государственным советом, что любо-дорого. Я невольно почувствовал, что за его генеральскою спиною не хуже орудую, чем И. А. Хлестаков: Государственный совет-то как прижал! — Вот я и на государственные дела влияю, да еще по каким огромным вопросам... А нищ, несчастен и не знаю, чем буду за квартиру платить. Я не честолюбив, и совсем мне не лестно, что я лучше понимаю многое, чем это сонмище выживших из ума идиотов; пусть граф Алексей Павлович, даровитый, умный и живой человек, набравшись от меня ума, приносит пользу отечеству, удивляя своею тонкостью все департаменты Государственного совета, но — господи! Хоть бы год, хоть бы полгода прожить не в лихорадке, без мучительного страха за завтрашний день!

Золотарев предложил мне читать государственное и полицейское право на его статистических курсах[17]). Шесть часов в неделю, 1 200 р. в год. Я согласился. Прочесть эти курсы не трудно, а 1 200 р. на улице не подымешь, да и мне полезно пройти основательно два таких необходимых предмета, подумать над ними хорошенько. В среду мы с ним окончательно условились. Кружками я руководить уже не буду в новом году, а прочие лекции все сохраню. Это мне освободит немного вечера для репетиций на статистических курсах. — Во вторник я завтракал у Богдановича — Штюрмер, Арсеньев, М. Н. Кайгородов с женою, Плаксин, Дрю с женою, Маркова, Шауфусиха, еще кто-то.— Вечером было «Содружество»[18]) — последнее собрание, очень симпатичное. Председательствовал я и очень удачно говорил, сильно расшевелил мальчиков. Старших членов не было, а попы раньше ушли, до конца со мною только генерал Демьянов оставался. Словом, все благоприятствовало.— Днем был на суде по делу Зингер. Отложено на 14 июня. — Ну, словом, не стоит записывать,— всевозможные пустяки.

8 мая. Воскресенье. — В пятницу завтракал у Богдановича, где разные сплетни. Народу мало: Чабовский, Кутепов, потом Моллериус, еще кто-то. Вечером в «Русском собрании» — Энгельгардт: тоска смертная. Впрочем под конец человек 100 народу. Вчера писал письма; вечером был у Антония на всенощной и на дому. У него Лахостский с христианами[19]) — Верховский, Аникиев, Несмелов, Надеждин; брат Антония, дюжина или десяток духовных студентов, какой-то иеромонах. Подробно прослушали об инциденте с приставом на пастырском собрании. Антоний читал всеподданнейший адрес синода (им писан) и доклад, не доложенный по начальству. Я молчал, удрученный всем этим. По моему, Трепов сделал опасную и обидную ошибку, разогнав попов; Гринмут сделал не меньшую, напав на Антония митрополита. Две громадных ошибки. С духовенством следовало быть осторожнее. Чума политического беспокойства захватила и его; надо уладить, не раздражая, не отталкивая и не оскорбляя. Загадка для меня наш митрополит. Не могу я разобрать, глуп ли он политически и сам не ведает, что творит, — прихвостень ли он торжествующего хама, по злому умыслу? Горькое время, когда чистые сердцем и духом служат грязным вожделениям охваченного смутою Вавилона. Смешение языков в России. Надо завоевывать

наши границы изнутри. Громадность задач становится неимоверною, ибо завоевание внутри границ бесконечно усложняется трудностями внешней политики.

19 мая. Четверг.— В какое ужасное время мы живем! Чудовищные события в Тихом океане превосходят все вероятия. Что дальше будет, жутко и подумать. Когда я во вторник у Богдановича узнал истинное положение дел, еще до теперешних подробностей, то я сказал: конец России самодержавной и, в лучшем случае, конец династии. На чудо рассчитывать нечего. Победа на суше едва ли что может изменить, ибо просто опрокинуть японцев мало, их надо истребить, а для этого у нас нет нужного перевеса, нет даже простого равенства сил, наличных сил, не говоря о расстояниях, обстановке и пр. И всего ужаснее ждать объяснений, как могли суда Небогатова сдаться в плен. Я высказал догадку, что тут измена и что взбунтовавшаяся команда попросту связала офицеров.

Когда я сказал, что — конец династии, меня спросили, что же делать. Я сказал: переменить династию. Но, конечно, если бы я верил в чудеса и в возможность вразумить глупого, бездарного, невежественного и жалкого человека, то я предложил бы пожертвовать одним-двумя членами династии, чтобы спасти ее целость и наше отечество. Повесить, например, Алексея и Владимира Александровичей, Ламздорфа и Витте, запретить по закону великим князьям когда бы то ни было занимать ответственные посты, расстричь Антония, разогнать всю эту шайку и пламенным манифестом воззвать к народу, заключив мир до боя на сухом пути. Тогда еще все могло бы быть спасено. Но это значит: распорядись, чтобы сейчас стала зима. Замени человека другим человеком. Вот это я приблизительно сказал.

Богданович мне потом говорит: «Напишите это царю». — Я говорю: «Бесполезно. Я не бог, чтобы из бабы делать мужчину, из Николая — Петра». Тогда старый плут говорит: «Ну, напишите это от моего имени,— я пошлю». Я повторяю: «Это бесполезно». — «Все равно: ведь вы как адвокат, берете дело, составляете бумагу, хотя не верите в успех? Составьте мне — я вам заплачу, как адвокату». Я рассмеялся невольно.— «Ну, что ж хорошо, я вам напишу». Старый подлец думал, что я с него чорт знает, что спрошу. Я говорю: «Мне денег не надо». — «Нет, это невозможно». — «Ну, хорошо, заплатите мне, как за выход, — 100 рублей». — «Нет, это мало: хотите 200?». — «Все равно, давайте двести».

Вчера написал и вечером с ним окончательно переработал редакцию. По его желанию, намечены трое: Алексей Александрович, Витте и Антоний. Не думаю, чтоб это было хорошо, ибо я писал без всякой надежды на вразумление. Династия — вот единственная жертва. Но где взять новую? Ведь придворный переворот безнадежен, ибо при нем — долой закон о престолонаследии, а тогда полная смута. Словом, конец, конец! Чудес не бывает. Конец той России, которой я служил, которую любил, в которую верил. Конец не навсегда, но мне уже не видать ее возрождения: надолго ночь. Агония может еще продлиться, но что пользы? Еще если бы можно было надеяться на его самоубийство, — это было бы все-таки шансом. Но где ему!.. До чего мы дожили! Что мы детям оставляем! Бог все видит и знает. Я могу спокойно сказать лишь одно: за меня моим детям стыдиться не приходится. Я побежден, ибо побеждено то дело, которому я служил, но я не изменник и не предатель. Я сам погибну, если придется, но проституцией убеждений не могу зани-

маться. Я даже надежды не теряю, но иначе бы нельзя было и жить. А пока мне настало время уйти в частную жизнь. На конституцию я не согласен, а без конституции выхода нет. Как пойдут события — кто может это знать? Но пойдут они по-новому. — Что же далее? Торжество католичества, в котором объединится мир христианской культуры против желтого мира? После Калки выросло самодержавие; после Цусимского боя вырастет ли единое стадо и единый пастырь? Но Христос обещал полное крушение, да претерпевый до конца един спасется. Значит — верь и не надейся? Верую, господи, помози моему неверию.

16 июня. Четверг. — После мытарства целого месяца сегодня впервые отдыхаю. За это время столько событий, что и не вспомнишь. В конце концов, мне начинает серьезно казаться, что внутреннюю политику с января по сие время в значительной степени ведут Трепов, Путятин, Богданович и я. Судьба меня ввела в царство политических интриг. Я теперь знаю столько подводных скал, о которых и не подозревают сановники, что любо дорого. Я все-таки думаю... *).

1907 год.

3 июля. Вторник. — Я вздумал записать кое-что и выбрал для начала предмет, который никому, кроме меня полностью неизвестен, а между тем имеет большую историческую важность. Я расскажу, как начался Союз русского народа.

Дело было в октябре 1905 года. Приехав завтракать к Богдановичу, с которым я тогда еще не был особенно близок, я встретил у него в числе других гостей несколько москвичей в русском платье — хоругвеносцев, как мне объяснили хозяева. О хоругвеносцах[20]) я тогда почти ничего не слыхал и не представлял себе ничего политического в их организации. Их главой мне показался Стволов, — бойкий, ловкий, говорун, несколько театральный, но способный, оратор и по всем признакам большой плут. Кроме Стволова помню Минаева, Анофреева, Александрова, — еще нескольких. Оказалось, хоругвеносцы приехали депутацией к государю от стотысячной московской добровольной охраны, привезли прелестную икону работы Гурьянова в удивительно изящном окладе и адрес в ларце с десятками тысяч подписей. За иконой и адресом кто-то из них ездил на дом и вскоре, до завтрака, привез и то и другое. И адрес, и ларец, и икона мне чрезвычайно понравились, а хоругвеносцы заинтересовали. Еще более заинтересовала их добровольная охрана. Ничего тогда еще не зная в деле организаций, плохо различая, что правда, что ложь, я верил всему, ибо все мне было ново, все было необычайно, как детям, впервые слушающим сказку.

Хоругвеносцы врали, репетируя то, что должны были повторять везде. Рассказывали, как их много, как они сильны, как благодаря им все хорошо и крепко в Москве, как им прискорбна идущая из Петербурга смута и как они хотят ободрить царя, внушить ему твердость среди окружающей его крамолы. Для меня эти речи, московские мещанские ухватки рассказчиков, несомненно русский характер их приемов, единомыслие с нашими взглядами целой могучей народной организации, ее таинственность и бесшумность, — легко сказать: сорганизовать 100 000 человек, да так, что о них никто и не говорит и не слышит! —

*) В подлиннике фраза не дописана.

все это производило чарующее впечатление. Но самое главное для меня была их простонародность. В Петербурге я знал «своих». Это был сплошь интеллигентный круг, это были люди образованные, нередко глубоко просвещенные, убежденные, но бездейственные, не организаторы, даже не руководители, а больше наблюдатели, ищущие чего-то крупного, массового, к чему бы можно было примкнуть, но дрожжами быть неспособные. Для этого круга я сам был дрожжами и чувствовал, до какой степени в Петербурге только мной и сильна эта закваска. Спрос на меня был громадный, и мое влияние только начиналось. Но я все время не чувствовал под собою живой простонародной почвы. Что она есть, я в том не сомневался, но где она — не знал; соприкосновения не было. И вдруг — живое соприкосновение. Понятно, что я верил, как мальчишка. А хоругвеносцы, разом смекнув и то, что я — человек нужный, и то, чем мне всего более угодить, начали хвастать, ругать Петербург, рассказывать небылицы в лицах о Москве.

Увлекло все это меня и заинтересовало до крайности. Я был в тот же день у Игнатьева и рассказал ему о своем знакомстве. Игнатьеву страшно захотелось посмотреть и ларец, и адрес, и образ, и людей. А сами хоругвеносцы у Богдановича напросились быть у меня до обеда в тот же день со своим, как они выражались, «главным»—Полторацким, И точно, ко мне прискакали Стволов, Минаев, Полторацкий, помнится, только трое. Я передал им желание графа их видеть в тот же вечер, — они назавтра ехали к царю, — а кроме того, повел длинный разговор. Говорил Стволов, отчасти Минаев; Полторацкий молчал, как немой, только смотрел на меня своими умными, красивыми глазами гипнотизера, изредка опуская их или переглядываясь со своими. Те смотрели на него во все решительные минуты беседы, как бы следя за впечатлением или спрашивая указаний. Но и помимо этих переглядываний было ясно, что он их руководитель, а может быть и глава. Говорили мы долго. Я воодушевился, говорил горячо, долго, довел их всех до слез, и думаю, что слезы были не притворные.

Затем Стволов и Минаев ушли, а Полторацкий, хоть и заговоривший под конец, но все же очень бесцветно, остался. И вот он своим тихим голосом, тише чем вполголоса, со своею красивой и тихой улыбкою, со своими гипнотизирующими глазами, с удивительным даром заговорщичьего слова, начал говорить о добровольной охране, о необходимости учредить ее в Петербурге, а затем и в других городах, о необходимости всю Россию охватить сетью таких же союзов и о том, что все зависит от того, кто станет во главе этого дела. Он говорил, что народ тверд, что бы ни говорили, что весь простой народ с нами заодно, но что интеллигентных независимых сил нехватает. Вся задача, по его словам, найти круг энергичных и твердых интеллигентных людей, которые создали бы тайный союз, стали во главе дела и повели народ за собою. Революционеры так и делают, но народу они чужие. Развратить народ они могут, но вести за собой — никогда. Наконец, он умолял меня стать в Петербурге во главе этого дела и объединить тех, кто сможет быть полезным. Москву, де, он берет на себя.

Я был в полном смысле очарован его речами. Столько было тут верного, сильного и умного, что слабое, странное и несколько неясное для меня тонуло в хорошем без остатка. Мне и в голову не пришло спросить его, кто он сам, чем занимается и т. д. Доверие хоругвеносцев казалось мне достаточным, так как я тогда понятия не имел, что такое

хоругвеносцы на самом деле и как изумительно умеют они совмещать благочестие, набожность, делишки, благотворительность, попойки, патриотизм, митрополита и сыскное отделение, великого князя и мелкое ростовщичество, страх перед градоначальником — тогда еще обер-полицмейстером — и смелость перед царем и министрами. Теперь эта порода людей мне хорошо известна, но она уж отживает, сыграв свою роль, и получает новый характер в недрах Союза русского народа. Прежде они шли в церковные старосты и этим немного подкрепляли свои кассы, жертвуя притом, иногда не меньше, чем наворовали, только без той наживы и процентов, которые получили. Теперь они стали паразитами Союза, пропитав его насквозь денежною нечистоплотностью. Союз завшивел с самого начала и нелегко будет очистить его от этой пакости. Прав был Полторацкий, что всего важнее с самого начала стать во главе Союза чистым людям.

Но возвратимся к Полторацкому. Я восхитился им насквозь. Вот, думалось мне, самородок! Вот он, московский мещанин, скромный титан, вот та почва, на которой мы стоим, живем и строим! Даже ненавистные мне приемы заговорщика, манера говорить обиняками и недомолвками, страсть к загадочности, таинственности, клятвам и клятвенным союзам, рекламно-террористический слог, зловеще недосказанное хвастовство,— все, что мне так отвратительно было со дней студенчества в радикально-революционных кружках, что в моих глазах свидетельствовало о неделовом характере предприятия, о затеях в темную, без всякого плана и положительного расчета в основании, — все это мне казалось извинительным, невольными слабостями, приемами, бессознательно усвоенными от неприятеля. Словом, я был начисто обморочен и, так сказать, давал под векселя без справки о кредитоспособности. Однако положительно не понравилась мне та быстрота, с которой он в меня уверовал, и на манер Наполеона, желавшего делить вселенную с Александром, предлагал мне всю Россию, на себя оставляя только Москву... «Ему обещает полмира, а Францию только себе». Не понравился и тот клятвенный тайный союз, который он мне с ним предлагал. Все это я отклонил, объявив, что к роли руководителя не гожусь, что простонародья не знаю, говорить с ним не умею, что для этого нужны другие люди, а не я, и проч. Все это ему, видимо, понравилось, и он стал мне говорить, что у него есть уже кружки, — среди извозчиков на Калашниковской, на каком-то заводе на Выборгской и т. д., — но тут я уже сразу понял, что он все врет. Однако несомненный природный ум, талант гипнотизера, своеобразный, простонародный дар слова, блестящие способности агитатора, все это мне показалось слишком ценным, чтоб оставлять его без испытания. Я спросил его о деньгах; оказывается, деньги только будут, но зато дадут разом и сами собой. Однако у добровольной охраны, оказалось, нет ни гроша. Я спросил его о связях, о знакомствах — никого ни в какой среде, по крайней мере, такого, кого бы он мне мог назвать. Знает Трепова да был у Богдановича. Однако и это мне показалось объяснимым: он, де, должен быть в тени, должен быть известен только своим.

В результате я подумал: а пусть-ка попробует в Петербурге: может что-нибудь и выйдет у него. Еще весной, или даже осенью, был у меня несколько раз Майков с проектом каких-то бессмысленных народных дружин, безо всякой организации, но с уставом. Знал я, что все упование Майкова возложено на рыбника Баранова, мясника Андреева и

купца Аборина. Подумал я о Пурышеве. Вспомнил, наконец, синодального миссионера Арсения, дикого, даже выпивающего человека, но фанатика, сильно действующего на простой народ.

Направил я Полторацкого к Пурышеву, Баранову, Майкову и поручил разыскать миссионера иеромонаха Арсения. Со своей стороны обещал взять его в кружок русских студентов и в «Русское собрание». Собрание даст помещение, кружок даст сотрудников. У Полторацкого даже глаза загорелись: купцы, монах, студенты, — да это все! И точно, я убедился сразу, что человек он деловой. Был он у Пурышева, но успеха не имел. Не понравились друг другу. Зато от Баранова был в восторге. Майкова видел и сразу верно оценил: золотой, мол, человек, но ни к какому делу не годен. От Голицына залу получил, но тот пригласил в совет всех хоругвеносцев. Но самое главное — сыскал Арсения, который оказался уже целым архимандритом и со всею своею обителью вступил в союз с Полторацким. Этот успех решил все дело. Арсений немедленно явился в Петербург, повидался со своими друзьями и знакомыми и собрал первое зерно Союза. Полторацкий процвел. Что касается Голицына, то Полторацкий сразу верно оценил его, признав трусом и петербургским чиновником, которому, кроме своей карьеры, на все в мире наплевать. Однако на Голицына я повлиял, и помещение было предоставлено. И вот собрались в «Русском собрании» Полторацкий, Баранов со своими молодцами, Арсений со своими знакомыми, Майков с товарищами и все желающие из собрания. Собралось довольно много, был подъем духа. Полторацкий прошел, как в чаду, счастливый и гордый. Вы, мол, мне дали все: Майкова, Баранова, Арсения, помещение, теперь дайте студентов.

В четверг, помнится, повел я Полторацкого в кружок. Познакомил его, сам держался в стороне. Были там Пурышев, покойный Пахомов, Колесов, еще кто-то из купечества. Предоставили Полторацкому слово. Говорил он недурно о народной добровольной охране, одушевлял студентов очень горячо и привлекал их к пропаганде, но приемы его были слишком грубы для молодежи. Однако многие записались в его союз.

Вот тут-то и произошел эпизод, раскрывший мне глаза. Во время перерыва подходит ко мне Пахомов, — хохочет: «Ну, батюшка, поздравляю вас, нарвались!» — «Что такое?» — «Да ведь это сыщик, ваш Полторацкий!» — «Что за чепуха!» — «Помилуйте, сам сказал». — «Кому? Как?» — «Да вот Александру Васильевичу». Иду к Колесову. Сидят с Пурышевым и хохочут. Оказывается, что им, купцам, особенно Колесову, Полторацкий сразу показался подозрителен. Не свой, не купец. И вот Колесов скромнехонько к нему подсел, обещал содействовать пропаганде в купечестве, а потом и спрашивает: «А вы сами чем торгуете?» — «А я, — говорит, — ничем не торгую». — «А служите; что же, у большой фирмы какой-нибудь? Или приказчиком?» — «Нет, — говорит, — не приказчиком». — «Так конторщиком?». — «Нет, я на государственной службе». — «А где же именно?» — «Да в канцелярии генерал-губернатора».

Все стало ясно. Этот Полторацкий был просто сыщиком московской генерал-губернаторской канцелярии, обморочившим и меня и нескольких других людей, в частности опытного губернатора — И. Н. Соколовского. Ловок замечательно, московскую мелкую купеческую ухватку усвоил удивительно, способностей огромных, — ну, и смел. После оказалось, что он — отъявленный жулик и весьма на руку нечист по де-

нежной части. Проворовался по службе и был выгнан. А раньше подбил студента Лихача на растрату пожертвованных денег, Лихач застрелился, а Полторацкий только пострадал по службе.

Однако возвращаюсь к Союзу. Создание Полторацкого и Арсения было своевременно. Состоялось два или три собрания. Примыкало простонародье, рабочие, приказчики, извозчики, банщики. Скоро стало тесно в «Русском собрании». Послали телеграмму государю, где говорили о 1 500 собравшихся (было не более 350). Все отбросы «Русского собрания» ринулись в этот Союз. Тут оказался и некий доктор Дубровин — противное, грубое животное, на которого никто не обращал внимания. В Союзе он оказался единственным зажиточным интеллигентом. Помешанный на желании играть роль, он заискивал у всех, старался изо всех сил и был выбран председателем. Общий тон хвастливости, лжи, чего-то нравственно-ненадежного сразу оттолкнул от этой шайки все, что было почище умственно и нравственно. Но я все время говорил, что, раз мы сами не в состоянии собирать серую публику, то не должны другим мешать, а даже содействовать. Правда, гнусное животное Дубровина туда пускать не следовало; надо было с самого начала стать во главе дела. Но я думаю, что тогда Союз и не сделал бы своего дела. Историю в перчатках не делают. Дубровин, конечно, гнусный паразит, ничего никогда не делавший и ничего не умеющий сделать, но он зато никому не мешал. Союз рос до сих пор, как лавина; ему и нужны были Дубровины. Теперь чувствуется, что Дубровин уже ненужен. Мне кажется, что назревает время нам становиться во главе дела. Нужен дух инициативы. Прогулки со знаменами недостаточны. Нужна политическая деятельность. Конечно, не дураку Пуришкевичу ее вести, а и он в своем роде был полезен.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Едва ли письма Бориса Никольского были адресованы самому Николаю II; скорее это письма, обращенные к кн. М. С. Путятину, который показывал их царю.

2) 12 декабря 1904 г., под влиянием развивавшегося революционного движения, был издан указ Сенату «о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Указ этот, предоставлявший земским и городским учреждениям «возможно широкое участие в заведывании различными сторонами местного благоустройства» и «необходимую, в законных пределах, самостоятельность», обещал в «ближайшем будущем» «ряд крупных внутренних преобразований». См. «Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г.». СПБ, 1905 г.

3) Речь идет о бульварной газете «Петербургский листок», издававшейся в Петербурге под редакцией (с 1884 г.) Н. А. Скроботова.

4) Под «общим врагом» В. Никольский подразумевает С. Ю. Витте, который в черносотенных кругах считался либералом.

5) Алтари в часовнях на Рогожском кладбище в Москве были запечатаны по приказанию Александра II еще в 1856 г. в виде «предосторожности против раскола и его тайных лжесвященников заграничного постановления, с дозволением однако раскольникам посещать часовни и молиться про себя». Неоднократные ходатайства старообрядцев о распечатании оставлялись без удовлетворения. Одним из актов «либерального» порядка в период деятельности Святополк-Мирского было издание указа 12 декабря 1904 г. На основании этого указа Комитет министров отменил постановление 1856 г. См. «Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г.» СПБ, 1905, стр. 214—219.

6) Здесь, как и ниже, в записи 5 марта, имеется в виду «Особое совещание», образованное под председательством Д. Ф. Кобеко для составления нового устава о печати. Заседания этого Совещания продолжались с 10 февраля по 18 декабря 1905 г. В состав Совещания входили как представители правительства, так и деятели печати (большей частью правые, но с примесью умереннейших из буржуазных либералов —

А. Ф. Кони, Д. И. Пихно, К. К. Арсеньев, А. А. Голенищев-Кутузов, В. П. Мещерский, А. С. Суворин, В. К. Случевский, М. М. Стасюлевич, Э. Л. Радлов и др.). После первого заседания, по желанию Николая II, в состав Совещания был включен и монархист-черносотенец Б. М. Юзефович. См. «Протоколы высоч. учрежденного особого совещания для составления нового устава о печати под председательством д. т. сов. Кобеко», СПБ, 1913.

7) В записи от 27 февраля Б. Никольский упоминал о том, что Николай II потребовал от Глазова, чтобы ему «было оказано перед всеми видное отличие». Речь шла, повидимому, об обычной служебной награде — пожаловании ордена или производстве в следующий чин. И то и другое не могло удовлетворить широких аппетитов Никольского, имевшего малый чин колл. асессора и не имевшего вовсе ордена. Ввиду этого Б. Никольский предпочел «благородно» «отказаться от награды», о чем и писал свою докладную записку.

8) Перечисленные лица — студенты или бывшие студенты Петербургского университета, слушавшие лекции Б. Никольского или входившие в «Кружок русских студентов» при «Русском собрании», руководимый им, или, наконец, связанные с ним литературными интересами и собиравшиеся у него в приемные дни на дому. Б. Никольский, издавший в 1900 г. свой «Сборник стихотворений», в 1903 г. выпустил под своею редакцией «Литературно-художественный сборник стихотворений студентов Петербургского университета с иллюстрациями студентов Академии художеств». В сборник этот вошли стихотворения 34-х молодых поэтов; из перечисленных лиц в сборнике участвовали А. А. Кондратьев и В. Л. Поляков. В этом же сборнике появились впервые в печати три стихотворения молодого А. А. Блока, тогда еще студента, познакомившегося в 1902 г. с Б. Никольским.

9) 3 марта 1905 г. А. Н. Куропаткин был смещен с должности главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, и назначен командующим 1-й Манчжурской армией.

10) Никольский был женат на Ек. Серг. Шубинской, дочери С. Н. Шубинского, редактора «Исторического вестника». Для каждой книжки этого журнала он составлял из газет заметки для отделов «Смесь»: отчеты о деятельности ученых обществ, архивных комиссий, археологических съездов, об университетских диспутах, некрологи ученых, писателей и художников и т. п.

11) Под «Булыгинской комиссией» подразумевается Совещание, образованное согласно рескрипта 18 февраля 1905 г. для выработки проекта о законосовещательной думе. Выработанный Булыгинской комиссией законопроект рассматривался под председательством Николая II в так называемых Петергофских совещаниях, происходивших 19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 г. См. «Петергофские совещания о проекте Государственной думы». Пет., 1917.

12) «Шайкою 12 анархистов» Никольский называет отряд «боевой организации» партии с.-р., действовавший под руководством М. Швейцера (погиб при взрыве в гостинице «Бристоль» 26 февраля 1904 г.) и организовавший покушения на вел. кн. Владимира Александровича, министра юстиции Муравьева и петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова. Об одном из членов этого отряда — Т. А. Леонтьевой — Никольский говорит ниже.

13) Вопросы о «соборном начале» и о патриаршестве были в 1905 г. вопросами, разделившими православное духовенство на два лагеря. Во главе первого, сгруппировавшего так называемые «прогрессивные» церковные элементы, стоял Антоний, митрополит петербургский. Это течение, объединившее преимущественно белое духовенство, стремилось к освобождению церкви от слишком бдительного контроля светской власти в лице обер-прокуратуры синода. Выход из создавшегося положения эта партия видела в своеобразной церковной конституции — в воскрешении «соборного начала», в созыве поместного собора не только из епископов, но и из среднего духовенства и мирян. Другое течение, опиравшееся преимущественно на монашество, возглавлялось крупным черносотенцем Антонием, епископом волынским. Это крайне реакционное течение также стремилось к освобождению церкви от государственной опеки, но под лозунгом усиления власти епископата и восстановления патриаршества с его идеей примата власти «духовной» над светской.

14) Речь идет о совместных действиях Витте и митр. Антония (к ним Никольский присоединял — неизвестно, на каких основаниях — и Саблера) по вопросу о предстоявших церковных преобразованиях. В феврале 1905 г. в Особое совещание по церковным вопросам были внесены записка Витте «О современном положении православной церкви» и митр. Антония «Вопрос о желательности преобразования в постановке у нас православной церкви». В обеих записках, направленных против Победоносцева, проводилась идея о необходимости ослабления правительственного контроля над церковью и о введении в церковное управление принципа «соборного начала».

Благодаря стараниям Победоносцева в марте 1905 г. вопрос о церковных преобразованиях был изъят из Особого совещания под председательством Витте и передан на рассмотрение синода, т. е. самого Победоносцева.

15) Под «Горемыкинской комиссией» подразумевается Особое совещание по вопросам о мерах к укреплению крестьянского землевладения, образованное в начале апреля 1905 г. под председательством И. Л. Горемыкина. Оно было образовано взамен упраздненного 30 марта 1905 г. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, возглавлявшегося Витте и существовавшего с 11 января 1902 г.

16) Под «чем-нибудь сербским» Никольский подразумевает заговор офицеров белградского гарнизона в 1903 г. против сербского короля Александра I (Обреновича) и его жены королевы Драги, убитых заговорщиками 29 мая 1903 г.

17) Статистические курсы м-ва внутр. дел, имевшие целью подготовку работников по административной статистике в учреждениях м-ва внутр. дел; руководил ими директор Центрального статистического ком-та ген.-м. Ал. Мих. Золотарев.

18) «Христианское содружество» учащейся молодежи — клерикально-черносотенная организация, состоявшая в Петербурге при Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви.

19) «Христиане» — члены указанного выше «Христианского содружества», в котором свящ. Лахостский играл руководящую роль.

20) Общество хоругвеносцев — одна из ранних московских черносотенно-клерикальных организаций; открытие его состоялось 30 января 1905 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абамелек-Лазарев, Семен Семенович (1857—1916), князь, шталмейстер, ярый монархист, крупный землевладелец и горнозаводчик, располагавший многомиллионным состоянием, как лично, так и по жене — Марии Павловне, урожденной Демидовой (Сан-Донато).

Авелан, Федор Карлович (1839—1916), ген.-адъют. вице-адмирал, управляющий морским министерством и член Госуд. совета.

Александр Михайлович, вел. князь (1866—1933), состоял членом Госуд. совета.

Андреев, Василий Андреевич, крупный петербургский мясоторговец, владелец лавки на Сенном рынке.

Аничков, Павел Петрович, студент Петербургского ун-та, впоследствии преподаватель женского Педагогич. ин-та и Константиновской гимназии в Петербурге.

Антоний (Александр Васильевич Вадковский) (1846—1912), митрополит петербургский и ладожский, духовный писатель и проповедник. Считался представителем «прогрессивного» течения в духовенстве.

Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) (р. 1863), архиепископ волынский, духовный писатель и проповедник, крайне правый церковный и политический деятель. В 1906 г. был избран от черного духовенства в члены Госуд. совета; в янв. 1907 г. звание это сложил с себя. После Октябрьской революции в эмиграции. См. его переписку с Б. В. Никольским, напечатанную в журнале «Былое» кн. XXI (1923), стр. 156—171.

Агаповы, Иван Андреевич (р. 1845), ген.-майор, член совета мин-ра земледелия и госуд. имуществ и жена его Александра Петровна, урожд. Ланская.

Арсений (ум. 1914 г.), настоятель Воскресенского монастыря в Новгородской губ., один из организаторов Союза русского народа.

«Афанасий» — см. Васильев, Афан. Вас.

Баранов, Иван Иванович, крупный купец, петербургский рыбопромышленник, один из основателей Союза русского народа.

Басков, Илья Владимирович, штабс-капитан 2-ой артилл. бригады.

Бельгард, Александр Карлович (1854—1916), камергер, бывший полтавский губернатор.

Бенкендорф, Павел Константинович (1853—1921), граф, ген.-адъют., гофмаршал.

Бенуа (Benoît) — Никольский ошибочно приводит эту фамилию; в это время французским морским атташе был лейтенант de Belloy de St.-Liénard.

Бертенсон, Ольга Аполлоновна (урожд. Скальковская), жена лейб-медика Льва Бернардовича Бертенсона.

Бобрищева-Пушкина, Елизавета Рейнгартовна, жена прис. повер. Ал-дра Владим. Бобрищева-Пушкина.

Богданович, Евгений Васильевич (1829—1914), ген. от-инфантерии, член совета мин-ра внутр. дел. Староста Исаакиевского собора в Петербурге и издатель по-

пулярных брошюр и листовок крайне правого и клерикального направления. Пользовался до самой смерти услугами Б. Никольского, состоявшего при нем в качестве личного секретаря и составителя верноподданнических «патриотических писем к царю». Был женат на Александре Викторовне Бутовской, оставившей дневник, изданный в 1924 г. под заглавием: «Три самодержца», вскрывающий многие закулисные стороны жизни придворной и чиновной аристократии последних трех царствований.

Боровитинов, Михаил Михайлович (р. 1874), приват-доцент Петербургского университета, чиновник особых поручений при мин-ре юстиции.

Бородкин, Михаил Михайлович (р. 1852), ген.-майор, состоявший в распоряжении военного мин-ра для особых поручений, член совета «Русского собрания»; с 1909 г. помощник начальника главного военно-судн. управления и главного воен. прокурора; с 1911 г.— начальник Военно-юридической академии; с 1916 г.— член Госуд. совета. Писал статьи по финляндскому вопросу крайне шовинистского направления.

Будберг, Александр Андреевич (р. 1854), граф, статс-секретарь, шталмейстер, член Госуд. совета, главноуправляющий канцелярией е. и. в. по принятию прошений.

Булацель, Павел Федорович (1867—1919), прис. поверенный, один из основателей Союза русского народа, член его совета, постоянно выступавший в судах защитником погромщиков.

Булыгин, Александр Григорьевич (1851—1919), крупный помещик Рязанской и Саратовской губ.; московский губернатор с 1893 г., а с 1902 г. помощник московского генерал-губернатора в. кн. Сергея Александровича, которым и был выдвинут в министры внутр. дел (с 20 янв. 1905 г.). Согласно рескрипту на его имя от 18 февраля 1905 г. было образовано совещание, в результате работ которого последовал манифест 6 августа 1905 г. о законосовещательной, так наз. «Булыгинской думе». 22 октября 1905 г. Булыгин был уволен от должности мин-ра с оставлением членом Госуд. совета.

«Вава» — брат Б. Никольского.

Васильев, Афанасий Васильевич (1851—1933), служил в Госуд. контроле, где с 1904 г. был назначен членом совета, руководитель повременного издания «Благовест» — славянофильского направления; с 1905 г. состоял председателем основанного им общества «Соборная Россия», где он призывал к созданию «соборного строя земли русской и свободного на ней труда».

Векки, Фердинанд Викентьевич, инженер, архитектор, редактор (с 1886 г.) «Судебной газеты», издававшейся в Петербурге с 1882 г.

Величко, Василий Львович (1860—1903), писатель, поэт. С 1901 г. деятельный член «Русского собрания» и редактор «Русского вестника», где помещал ежемесячные политические обозрения, проникнутые духом крайнего национализма и нетерпимости к «инородцам».

Верховской, Владимир Михайлович (р. 1835), инженер путей сообщения, член совета мин-ва путей сообщения по железнодорожным делам.

Верховской, Павел Владимирович, сын предыдущего (р. 1879), студент Петерб. университета, впоследствии приват-доцент того же ун-та и профессор Юрьевского университета.

Ветвеницкие, Константин Иванович, протоиерей церкви главного управления уделов, тов. председателя Об-ва распространения религиозно-нравственного просвещения в духе правосл. церкви, и его брат—Петр Иванович — инспектор классов в Александровском институте и преподаватель в женских учебных заведениях.

Виппер, Оскар Юрьевич (1870—1920). С 1903 по 1908 г.— тов. прокурора Петербургского окружного суда; в 1912 г. командирован был в Киев обвинителем по делу Бейлиса.

Волконский, Михаил Николаевич (р. 1860), князь, член «Русского собрания», писатель, сотрудник «Нового времени», «Русского знамени» и черносотенных сатирических журналов.

Володя — сын Б. Никольского.

Воронцов-Дашков, Илларион Иванович (1837—1916), граф, ген.-адъют., с 1881 г. по 1897 г.— министр имп. двора и уделов, член Госуд. совета; с 1905 г.— наместник на Кавказе.

Вязигин, Андрей Сергеевич (1867—1919), писатель и политический деятель крайне правого направления, и. д. экстраорд. профессора Харьковского ун-та по кафедре всеобщей истории; председатель харьковского отдела «Русского собрания», член Госуд. думы III созыва и председатель думской фракции правых.

Галкин-Врасской, Михаил Николаевич (1834—1916), статс-секретарь, член Госуд. совета.

Гаранович, Софроний Бонифатиевич, журналист Госуд. канцелярии, делопроизводитель Юридическ. об-ва при Петербургском ун-те.

Гейден, Николай Федорович (р. 1866), граф, ген.-майор для особых поручений при военном мин-ре, член совета и казначей «Русского собрания».

Гендриков, Василий Александрович (1857—1912), граф, обер-церемониймейстер, состоявший при имп. Александре Федоровне.

Гессе, Петр Павлович (1846—1905), ген.-адъют., дворцовый комендант.

Гильтебрант, Яков Аполлонович, вице-адмирал, начальник Главного гидрографического управления.

Глазов, Владимир Гаврилович (1848—1916), ген.-лейт., член «Русского собрания»; 10 апреля 1904 г. был назначен министром нар. просв. 17 октября 1905 г. уволен с назначением помощником командующего войсками Московского военного округа. Обстоятельства, сопровождавшие его назначение министром нар. просв., рассказаны им самим в «Дневнике», опубликованном в журнале «Дела и дни», кн. I, СПБ, 1920, стр. 209—215.

Голенищев-Кутузов, Арсений Аркадьевич (1848—1913), граф, гофмейстер, заведывающий канцелярией и секретарь имп. Марии Федоровны; монархист, поэт, был избран в 1900 г. в почетные Академики наук по разряду изящной словесности.

Голицын, Дмитрий Петрович (р. 1860), князь, с 1903 г.— член совета мин-ра нар. просв., в 1906 г. — тов. главноуправляющего, а затем главноуправляющий главной канцелярией е. и. в. по учрежд. имп. Марии и член Госуд. совета; председатель совета «Русского собрания» со времени его образования; романист (псевдоним «Муравлин»).

Горбунов, Иван Федорович (1831—1895), артист, известный рассказчик сцен из народного быта, беллетрист.

Грингмут, Владимир Андреевич (1851—1907), редактор «Московских ведомостей» (с 1897 г. до смерти). Видный представитель крайней монархической и клерикальной реакции. В 1905 г.— один из главных организаторов черной сотни.

Гродеков, Николай Иванович (1843—1915), ген.-от-инфантерии; с 1902 г. постоянный член Совета госуд. обороны; в 1906 г. назначен был командующим войсками на Дальнем Востоке вместо ген. Линевича.

Губчиц, Григорий Иванович, отставн. ген.-лейтенант.

Деларов, Павел Викторович (см. 1913), член совета мин-ра путей сообщения, крупный коллекционер картин, занимавшийся их перепродажею.

Дмитрий, (Давид Абашидзе) (р. 1867), с ноября 1903 г. епископ гурийско-мингрельский; впоследствии епископ таврический.

Доливо-Добровольский, Николай Александрович, чиновник собств. е. и. в. канцелярии по учрежд. имп. Марии.

Достоевская, Анна Григорьевна (1846—1918) (урожд. Сниткина), вдова Фед. Мих. Достоевского.

Друцкой, Сергей Александрович (р. 1869), князь, полковник, экстраорд. профессор Военно-юридической академии.

Дубровин, Александр Иванович (1875—1922), врач, один из основателей Союза русского народа, редактор газеты «Русское знамя», крупнейший черносотенец.

Дурново, Мария Васильевна (урожд. княжна Кочубей) (1848—1896), жена Петра Павловича Дурново, ген.-адъют. и впоследствии члена Госуд. совета.

Ермолов, Алексей Сергеевич (1846—1917), министр земледелия и госуд. имуществ (1893—1905), писатель по сельскохозяйственным вопросам; принадлежал к так наз. «либеральной бюрократии».

Жаконе (Jaconnet), Луи, петербургский корреспондент французских газет.

Жедринский, Александр Александрович (1861—1918), вице-директор II деп-та м-ва юстиции, позднее управляющий сенатской типографией и сенатор.

Желобовский, Александр Алексеевич, протопресвитер военного и морского ведомства; видный деятель церковной бюрократии.

Звегинцев, Николай Иванович (1878), поручик л.-гв. гусарского полка.

«Зиновий Петрович» — см. Рожественский, З. П.

Зиновьев, Николай Александрович (1840—1917), с 1904 г. член Госуд. совета, до того тов. мин-ра внутр. дел.

Золотарев, Аким Михайлович (1853—1912), ген.-лейт., член «Русского собрания», директор Центр. статистического комитета м-ва внутр. дел.

Иванов-Луцевич, Николай Федорович (р. 1839), ген.-лейт., сост. при командующем войсками Московского воен. округа, позднее почетный опекун.

Ивашинцов, Сергей Васильевич, ген.-майор, командир л.-гв. 2-й артиллерийской бригады.

Игнатьев, Алексей Павлович (1842—1906), граф, ген.-адъют., член Госуд. совета; 18 мая 1905 г. назначен был председателем Особого совещания для пересмотра исключительных законоположений об охране государственного порядка и по вопросам

веротерпимости и в том же году членом других совещаний, связанных с рескриптом 18 февраля. Один из крупнейших представителей крайней дворянско-бюрократической реакции. В 1906 г. убит соц.-рев. Ильинским в г. Твери во время губ. земск. собрания.

Икскуль, фон-Гильдебрант, Юлий Александрович (р. 1852), барон, статс-секретарь; с 1904 г. госуд. секретарь.

Кайгородовы, Михаил Никифорович, ген.-майор, нюландский губернатор и жена его Александра Ивановна.

Кирилл (Константин Смирнов) (р. 1863), епископ гдовский.

Клейнмихель, Мария Эдуардовна (рожд. графиня Келлер) (р. 1846, ум. в эмиграции), графиня собирала у себя великосветское общество, преимущественно иностранных дипломатов. В эмиграции выпустила свои воспоминания «Из потонувшего мира», переизданные ГИЗ'ом.

Кобеко, Дмитрий Фомич (1837—1918), член Госуд. совета, директор Публичной библиотеки. При его участии, после манифеста 17 октября, изданы были 24 ноября 1905 г. «Временные правила о печати».

Козен, Александр Федорович, ген.-от-инфантерии, почетный опекун ведомства учрежд. имп. Марии.

Козлов, Александр Александрович (1837—1906), ген.-адъют., бывш. московск. обер-полицеймейстер; с 15 апр. 1905 г.—московск. ген.-губернатор.

Коковцов, Владимир Николаевич, с февраля 1904 г. по 20 октября 1905 г. министр финансов, затем член Госуд. совета; с 1906 г. по 1914 г. вновь министр финансов; с 1911 г. председатель совета министров.

Колесов, Александр Васильевич, доверенный торгового дома «Братья Балакины».

Кондратьев, Александр Алексеевич, мало известный поэт, беллетрист, после революции в эмиграции.

Кривский, Павел Александрович (1836—1905), саратовский губ., предводитель дворянства, член Госуд. совета.

Крузенштерн, Антонина Феликсовна (урожденная Жуковская), баронесса, вдова камер-юнкера А. А. Крузенштерна.

Крыжановский, Сергей Ефимович (р. 1861), помощн. начальника главн. управления по делам местного хозяйства; в 1906 г.— товарищ мин-ра внутр. дел; в 1911—госуд. секретарь и в 1917 г.—член Госуд. совета. В молодости отличался «либеральными» взглядами и в 1888 г. был приговорен в админ. порядке к двухнедельному тюремному заключению по делу В. В. Водовозова.

Кузминский, Александр Михайлович (1843—1917), с окт. 1900 г. сенатор уголовн. кассац. деп-та Сената. В 1905 г. производил ревизии Баку и Бакинской губ. и Одесского градоначальства.

Кузьмин-Караваев, Владимир Дмитриевич (р. 1859), ген.-майор, профессор Военно-юридической академии; в 1905 г. вышел в отставку со званием заслуж. орд. профессора; в 1906 г. один из основателей партии демократических реформ; член Госуд. думы I и II созывов; с 1908 г. приват-доцент Петербургского университета и с 1909 г. присяжн. поверенный; выступал в качестве защитника по многим политическим процессам.

Куракин, Анатолий Александрович (р. 1845), князь, шталмейстер, почетный опекун, позднее член Госуд. совета.

Кутайсов, Павел Ипполитович (1839—1911), граф, иркутский ген.-губернатор, член Госуд. совета.

Кутепов, Николай Иванович, ген.-майор, завед. хозяйством имп. охоты.

Лахостский, Павел Николаевич, священник, законоучитель 7-ой гимназии в Петербурге.

Леонтьев, Константин Николаевич (1831—1891), публицист и идеолог крайне консервативного направления.

Леонтьева, Татьяна Александровна, дочь А-дра Ник. Леонтьева, который в 1905 г. был якутским вице-губернатором (не «камергер»). Участница «боевой организации» партии с.-р'ов; входила в отряд, организовавший в начале 1905 г. покушение на петербургского ген.-губ-ра Д. Ф. Трепова (Швейцер, Моисеенко, Дулебов, Ивановская-Волошенко и др.). Арестована в Петербурге 16 марта 1905 г. Дело о ней, ввиду признания ее душевно-больной, в окт. 1905 г. было прекращено. Позднее, уехав за границу и вступив в группу максималистов, убила в Швейцарии француза Мюллера, приняв его за бывш. м-ра внутр. дел Дурново.

Линевич, Николай Петрович (1837—1908), ген.-адъют., ген.-от-инфантерии, командовавший 1-ой Манчжурской армией; после Мукденского поражения 3 марта

1905 г. назначен был на место Куропаткина главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии.

Литвинов, Яков Яковлевич (р. 1852), управляющий земским отделом мин-ва внутр. дел, член «Русского собрания»; позднее сенатор.

Лихач, Евгений Александрович, студент историко-филологического фак-та Петербургского ун-та, сотрудник «Русского биографического словаря». Застрелился в 1906 г.

Лодыженские, Александр Александрович (р. 1854), бывш. рязанский вице-губернатор (1905 г.) и затем вологодский губернатор (1906 г.); позднее почетный опекун, член Госуд. думы III и IV созывов (октябрист); жена его Александра Федоровна, урожд. Павлова.

Лыщинский, Владимир Анзельмович (р. 1861), камергер и помощник статс-секретаря Госуд. совета в 1905 г.; член «Русского собрания»; с 1907 г. гофмейстер и статс-секретарь Госуд. совета.

Любимов, Дмитрий Николаевич (р. 1864), камергер, правитель канцелярии мин-ра внутр. дел; затем тов. главноуправляющего канцелярией по принятию прошений, помощн. варшавского ген.-губернатора.

Майборода, Владимир Яковлевич (р. 1854), известный артист русской оперы.

Майков, Аполлон Аполлонович (р. 1866), художник, сын известного поэта, один из основателей и член главного совета Союза русского народа, организатор черносотенной боевой дружины.

Макаров, Александр Александрович (1857—1919), выдвинут Столыпиным; с 18 мая 1906 г. по 1 янв. 1909 г. тов. мин-ра внутр. дел, заведующий д-том полиции; с 1 янв. 1909 г.—госуд. секретарь, позднее министр внутр. дел (1911—1912), член Госуд. совета (с 1912) и министр юстиции (1916).

Макшеевы, Федор Андреевич (р. 1855), ген.-от-инфантерии, и его жена Эмма Карловна, урожд. Буркевич.

Манухин, Сергей Сергеевич (1856—1921), министр юстиции и член Госуд. совета, примыкавший к партии центра; в 1912 г. производил расследование о расстреле рабочих на Ленских приисках.

Мейендорф, Александр Феликсович (р. 1868), барон, приват-доцент Петербургского ун-та; впоследствии член и тов. председателя Госуд. думы III созыва (октябрист); близкий товарищ Б. Никольского.

Мещерский, Владимир Петрович (1838—1914), князь, с 1872 г. редактор-издатель реакционного журнала «Гражданин». Был очень близок к Александру III и первое время к Николаю II.

Мордвинов, Николай Львович (1860—1907), с 1902 г. по 1907 г. директор канцелярии мин-ра внутр. дел по дворянским делам; тов. председателя совета «Русского собрания».

Мурин, Андрей Григорьевич, кандидат богословия, причисленный к канцелярии синода.

Муякки, Екатерина Федоровна (урожд. Трушинская) (ум. 9 июня 1906 г.), вдова полковника, крупная домовладелица; собирала у себя общество высшего духовенства и клерикально настроенной бюрократии и интеллигенции.

Нидермиллер, Екатерина Карловна (рожд. Буркевич), жена ген.-от-инфантерии Н. Е. Нидермиллера.

Никольский, Владимир Васильевич (1836—1883), сын священника, отец Б. В. Никольского. Окончил Петербургскую духовную академию; был профессором русской словесности в Александровском лицее и Петербургской духовной академии.

Нольде, Эммануил Юльевич (1858—1909), барон, статс-секретарь, управляющий делами Комитета министров, впоследствии член Госуд. совета.

Оболенский, Алексей Дмитриевич (1855—1933), князь, шталмейстер, тов. министра финансов; в апреле 1905 г. член Госуд. совета; в октябре 1905 г.—обер-прокурор синода.

Орбели, Рубен Абгарович (р. 1880), причисленный к мин-ву юстиции и откомандированный в канцелярию гражданского кассационн. деп-та Сената; позднее обер-секретарь того же деп-та.

Орбели, Левон (Лев) Абгарович (р. 1882), студент Военно-медиц. академии, впоследствии известный физиолог.

Ососов, Андрей Васильевич, чиновник Главного управления торгового мореплавания и портов.

Павлов, Николай Александрович, дворянин и крупный землевладелец Саратовской губ., женат вторым браком на Елене Павловне Демидовой (Сан-Донато), по первому мужу граф. Шуваловой, родной сестре кн. Марии Павл. Абамелек-Лазаревой.

Видный деятель «Совета объединенного дворянства» и политических кружков крайне правого направления; публицист и сотрудник «Моск. ведомостей» и «Гражданина», подписывавший свои статьи: «Дворянин Павлов».

Пальчиков, Семен Николаевич, чиновник особых поручений при главноуправляющем землеустройством и земледелием.

Папков, Александр Александрович, тавастгусский губернатор, сотрудник реакционного «Нового времени», писавший главным образом по финляндскому вопросу; тов. председателя Исаакиевского православного братства.

Пассеки, Алексей Помпеевич, доктор медицины, и его сестры Александра и Екатерина Помпеевны.

Платонов, Флорентий Николаевич, ген.-лейт., начальник Военно-юридической академии, затем сенатор.

Победоносцев, Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор синода в 1880—1905 г., статс-секретарь и член Госуд. совета; был очень близок к Александру III и Николаю II.

Поливанов, Митрофан Андреевич, инженер-полковник, архитектор придворно-конюшенной части м-ва двора и член совещательного комитета по строительной части кабинета е. в., член «Русского собрания».

Полторацкий, один из основателей Союза русского народа; служил в канцелярии московского ген.-губернатора; сыщик.

Поляков, В. Л. (1882—1906), поэт, автор «Стихотворений» (СПБ., 1910). О нем см. статью А. А. Блока «Противоречия» в газ. «Речь», 1910, № 31 от 1 февр.

Пуришкевич, Владимир Митрофанович (1870—1920), внук протоиерея и члена Кишиневской духовной консистории, бессарабский крупный помещик. По окончании истор.-филолог. фак-та Новороссийского ун-та служил в м-ве внутр. дел: в хозяйственном деп-те и в главном управлении по делам печати; в 1904—1906 гг. чиновником особых поручений при м-ре внутр. дел. Член совета «Русского собрания», один из основателей и тов. председателя Союза русского народа. В 1906 г. вследствие разногласий с председателем Союза Дубровиным вышел из Союза и основал монархическую организацию «Палату Михаила Архангела». Член II, III и IV созывов Госуд. думы. В 1916 г. принял участие в организации убийства Гр. Распутина. После Окт. революции умер в эмиграции.

Пурышев, Аркадий Константинович, купец, владелец конторы строительных материалов, член Общества для содействия русской промышленности.

Путятин, Михаил Сергеевич (р. 1861), князь, штаб-офицер для поручений при управлении гофмаршальской части мин-ва имп. двора; с 1911 г. начальник Царскосельского дворцового управления.

Рачковский, Петр Иванович (1853—1911), руководитель политического розыска, заведывавший заграничной агентурой департамента полиции с 1885 г. по 1902 г., когда, за сообщение отрицательных сведений о Филиппе, пользовавшемся большим расположением у Николая II и Александры Федоровны и вследствие отрицательного отношения к нему нового мин-ра внутр. дел Плеве, вынужден был выйти в отставку. До 1905 г. не у дел; в бытность тов. мин-ра внутр. дел Д. Ф. Трепова был привлечен к заведыванию всею политическою частью деп-та полиции. В 1906 г., с назначением Столыпина, вновь вышел в отставку.

Рожественский, Зиновий Петрович (1848—1909), ген.-адъют., вице-адмирал, начальник эскадры, погибшей при Цусиме.

Руднев, Всеволод Федорович, флигель-адъютант, капитан I ранга.

Сабанеев, Владимир Васильевич, старший чиновник при мин-ве иностранных дел, директор-распорядитель Госуд. телеграфн. агентства.

Саблер, Владимир Карлович (1845—1929), сенатор и тов. обер-прокурора синода (1892—1905), затем член Госуд. совета и обер-прокурор синода (1911—1915). В 1915 г. переменил «с высоч. соизволения» свою фамилию на вторую фамилию своей жены Заблоцкой-Десятовской. О Саблере и его приемах управления синодом см. в опубликованном в «Красном архиве» (т. XXXIX—XL) дневнике А. Н. Львова «Князья церкви», где он выведен под фамилией «Притычкина».

Саломон, Александр Петрович (1855—1908), шталмейстер, директор Александровского лицея, затем член Госуд. совета.

Саломон, Евгения Владимировна, сестра Б. Никольского и жена А. П. Саломона.

Саломон, Петр Иванович (1819—1905), член Госуд. совета, сенатор; отец А. П. Саломона.

Самарины, сыновья славянофила Дм. Ф. Самарина — Александр Дмитриевич, московский предводитель дворянства, и Федор Дмитриевич, крупный землевладелец, впоследствии член Госуд. совета (группа правых).

Сахаров, Виктор Викторович (1848—1905), ген.-адъют., военный министр и член Госуд. совета; убит 22 ноября 1905 г. в Саратове, куда был послан для борьбы с аграрным движением.

Севастьяновы, Михаил Петрович, начальник Главного управления почт и телеграфов, с 1913 г. сенатор, и жена его Варвара Васильевна, урожд. Керзелли.

Семен, единоверческий священник — см. С. И. Шлеев.

Семенов, Петр Николаевич (1858—1912), камергер, член совета министра нар. просв., позднее гофмейстер и сенатор д-та герольдии.

Сербулова (не Сербулаева), Евгения Александровна, жена действ. ст. сов. Григ. Ив. Сербулова.

Сергей Юльевич — гр. С. Ю. Витте.

Сергий (Иоанн Страгородский), (р. 1867), с 1901 г. — епископ ямбургский, с 1903 г. — первый викарий Петербур. епархии; с 1905 г. — архиепископ финляндский.

Сидамон-Эристов, Георгий Дмитриевич, князь, присяжный поверенный, защитник во многих политических процессах 1900-х гг.; после революции в эмиграции.

Скальковский, Константин Аполлонович (1843—1906), горный инженер по образованию и б. директор горного департамента (1891—1896), сотрудник реакционной газеты «Новое время».

Скворцов, Василий Михайлович, чиновник особых поручений при обер-прокуроре синода, издатель журналов «Миссионерское обозрение», «Голос истины» и черносотенной газеты «Колокол».

Скрыдов, Николай Илларионович, вице-адм., член Адмиралтейств. совета.

Соколовский, Иван Николаевич, ген.-лейт., астраханский губернатор и наказный атаман Астраханского казачьего войска с 1906 г.; бывш. уфимский губернатор (1903—1905).

Сольский, Дмитрий Мартынович (1833—1910), граф, статс-секретарь, член Госуд. совета.

Стахович, Михаил Александрович (р. 1861), камергер, орловский губ. предводитель дворянства; с 1909 г. член Госуд. совета; при Временном правительстве посол в Мадриде; умер в эмиграции.

Стеткевичи, Александр Степанович, отст. ген.-майор, и жена его Александра Васильевна.

Столыпаков, Алексей Николаевич, член совета мин-ра путей сообщения.

Стремоухова, Екатерина Николаевна, жена А. М. Стремоухова, нач-ка Главного тюремного управления.

Струков, Ананий Петрович, сост. при мин-ре внутр. дел, впоследствии член Госуд. совета.

Стюрлер, Анна Владимировна (урожд. Вестман), вдова ген.-адъют. А. Н. фон-Стюрлера.

Суворин, Алексей Алексеевич, старший сын известного издателя реакционной газеты «Новое время» А. С. Суворина. Отколовшись от предприятия отца, основал собственную газету «Русь», издававшуюся в Петербурге с 1902 г. После революции в эмиграции.

Сухомлинов, Владимир Александрович (1848—1926), ген.-адъют., ген.-от-кавалерии, член Госуд. совета; с 1909 г. по 1915 г. военный министр, от этой должности был уволен с преданием суду по обвинению в государственной измене. В 1905—1909 гг. командовал войсками Киевского военного округа.

Толь, Сергей Александрович (р. 1848), граф, член Госуд. совета, до того петербургский губернатор.

Трепов, Дмитрий Федорович (1855—1906), ген.-майор; до 1905 г. — московский обер-полицеймейстер; в январе 1905 г. был назначен петербургским ген-губернатором и в мае т. г. — тов. м-ра внутр. дел, заведующим полицией. Уволен 26 октября 1905 г. с назначением дворцовым комендантом.

Трепов, Федор Федорович, ген.-лейт., сенатор и член Госуд. совета, впоследствии ген.-адъют., киевский, волынский и подольский ген.-губернатор.

Турбина, Анна Николаевна, учительница начального городского училища.

Туткевич, Дмитрий Васильевич, член Киевской судебной палаты.

Ухтомский, Алексей Алексеевич, князь, студент Петербургской дух. академии, впоследствии кандидат богословия и приват-доцент Петербургского ун-та.

Филиппов, Сергей Тертиевич (р. 1871), сын госуд. контролера Тертия Ив. Филиппова, камер-юнкер.

Фредерикс, барон, с 1913 г. граф, Владимир Борисович (1838 — ум. после революции), ген.-адъют.; с 1897 по 1917 г. министр имп. двора и уделов, член Госуд. совета.

Харламов, Николай Петрович, служил по судебному ведомству, затем чиновником особых поручений при мин-ре внутр. дел, исп. об. вице-директора деп-та полиции (1908—1910), позднее директор деп-та духовн. дел иностр. исповед. (1916).

Хомяков, Дмитрий Алексеевич, председатель Славянского общества, сын известного славянофила А. С. Хомякова, брат Н. А. Хомякова, председателя III Госуд. думы.

Цертелев, Дмитрий Николаевич, князь, публицист правого направления, переводчик «Фауста» Гете, редактор «Русского вестника» и «Русского обозрения».

Цертелев, Петр Николаевич, князь, помещик Полтавской губ., служил в мин-ве внутр. дел.

Чабовские, Анна Александровна, жена тов. председателя Петербургского окружного суда Влад. Павл. Чабовского, и их дочь Надежда Владимировна.

Шамшин, Григорий Иванович, сенатор высш. дисципл. присутствия Сената; менее вероятно — Иван Иванович (1837—1911), также сенатор и член Госуд. совета.

Шеин, Василий Павлович, преподаватель гражданского права в Училище правоведения, делопроизводитель Госуд. канцелярии, позднее начальник законодательного отдела канцелярии Госуд. думы и член думы IV созыва (националист).

Шереметев, Сергей Дмитриевич (1844—1919), граф, член Госуд. совета, крупнейший землевладелец, председатель Археографической комиссии Общ-ва любителей древней письменности и др.

Ширинский-Шихматов, Алексей Александрович (р. 1862), князь, сенатор; с 1905 г. тов. обер-прокурора синода и обер-прокурор с 26 апреля по 9 июля 1906 г., член Госуд. совета (правой группы с ярко выраженным национальным и клерикальным уклоном). В эмиграции.

Шлеев, Семен Иванович, священник единоверческой церкви Николая чудотворца в Петербурге.

Шлиппе, Владимир Карлович, тульский губернатор.

Штюрмер, Борис Владимирович (1848—1918), член Госуд. совета. Выдвинулся в роли председателя Тверской губ. земской управы по назначению от правительства (1892), затем новгородский (1894) и ярославский (1896) губернатор; с 1904 г. член Госуд. совета (примыкал к правому крылу). Позднее в 1916 г. председатель Совета министров, управлявший одновременно: сначала м-вом внутренних дел (май—июнь), а затем м-вом иностранных дел (июль—октябрь).

Юзефович, Борис Михайлович, с 1891 г. — киевский отдельный цензор по иностр. цензуре; в августе 1895 г. причислен к м-ву внутр. дел. Сотрудник черносотен. газеты «Киевлянин»; организатор и председатель Киевской русской монархической партии.

Юсупов-Сумароков-Эльстон, Феликс Феликсович, князь, командир Кавалергардского полка, внук внебрачного сына в. кн. Михаила Павловича от венгерской граф. Форгач, рожд. граф. Андраши, получившего фамилию Эльстон и присоединившего к ней титул и фамилию графа С. П. Сумарокова, после брака на его дочери; сын их Феликс Феликсович, женившийся на последней представительнице князей Юсуповых, княжне Зинаиде Николаевне, получил разрешение именоваться князем Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстон. Один из самых богатых вельмож царской России, имевший годового дохода около 1½ млн. рублей. В 1915 г., будучи главноначальствующим Москвы, явился организатором известного «немецкого погрома». Сын его Феликс Феликсович (р. 1887) женат на дочери в. кн. Александра Михайловича — Ирине Александровне, участник убийства Распутина.

Яворская, Лидия Борисовна (урожд. Гюббенет) (1872—1920), во втором браке за кн. Влад. Влад. Барятинским, известная драматическая актриса в Петербурге.

Энгельгард, Николай Александрович, писатель и журналист, постоянный сотрудник «Нового времени». Принимал ближайшее участие в деятельности «Русского собрания».

Эристов — Сидамон-Эристов, Г. Д.

Эрштрем, Эдуард Андреевич, тов. м-ра статс-секретаря вел. княжества Финляндского.

Некоторые даты жизни и деятельности Я. М. Свердлова.

По документам Архива революции за 1885—1915 гг.

Исполнилось пятнадцать лет со дня смерти Якова Михайловича Свердлова, одного из крупнейших строителей большевистской партии в годы подполья, ближайшего соратника Ленина и Сталина в период Октябрьской революции, нашего незабвенного боевого товарища, которому — по словам Ленина — «довелось в ходе нашей революции, в ее победах, выразить полнее и цельнее, чем кому то ни было другому, самые главные и самые существенные черты пролетарской революции».

Умер Свердлов молодым, ему было всего 34 года. Но он рано вошел в революционное движение и успел пройти длинный и весьма суровый путь пролетарского революционера. Сжато, но чрезвычайно ярко очерчен этот путь Лениным в речи, посвященной памяти Свердлова:

«Если мы бросим взгляд на жизненный путь этого вождя пролетарской революции, то увидим сразу, что его замечательный организаторский талант выработался в ходе долгой борьбы, что этот вождь пролетарской революции каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал сам, пережив и испытавши различные эпохи в наиболее тяжелых условиях деятельности революционера. В первый период своей деятельности, еще совсем юношей, он, едва проникнувшись политическим сознанием, сразу и целиком отдался революции. В эту эпоху, в самом начале XX века, перед нами был тов. Свердлов, как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера, — человека, целиком порвавшего с семьей, со всеми удобствами и привычками старого буржуазного общества, человека, который целиком и беззаветно отдался революции и в долгие годы, даже десятилетия, переходя из тюрьмы в ссылку и из ссылки в тюрьму, выковавшего в себе те свойства, которые закаляли революционеров на долгие и долгие годы...

Через нелегальные кружки, через революционную подпольную работу, через нелегальную партию, которую никто не воплощал и не выражал так цельно, как Я. М. Свердлов, — только через эту практическую школу, только таким путем мог он притти к посту первого человека в первой социалистической советской республике, к посту первого из организаторов широких пролетарских масс». (Сочинения, т. XXIV, стр. 80 и 81).

Нужно ли доказывать, что биография такого выдающегося представителя большевистской старой гвардии, каким был Свердлов, может и должна иметь громадное политически-воспитательное значение для работников младших поколений?

Больше того, по такой биографии Свердлова, которая давала бы конкретное и по возможности полное описание его жизни и деятельности на различных этапах революционной борьбы, многому могли бы научиться и работники наших братских компартий за границей, проходящие ныне суровую школу подпольной деятельности в условиях фашистского режима. А между тем у нас до сих пор нет сколько-нибудь удовлетворительного жизнеописания Якова Михайловича. Пятнадцатая годовщина его смерти снова напоминает его соратникам старым большевикам и историкам нашей партии об этой важной невыполненной задаче.

Здесь мы даем лишь перечень документов, хранящихся в Архиве революции и относящихся к подпольному периоду работы Свердлова (1885—1915). Не подлежит сомнению, что в результате дальнейшей разработки наших архивов, особенно местных, этот перечень может быть значительно дополнен документами, содержащими ценный биографический материал. Еще более богатый материал, относящийся к последним годам жизни Свердлова (1917—1919), содержат документы Архива Октябрьской революции и Архива Красной армии, а также архивы истпартов. Все эти материалы ждут-не дождутся своей обработки.

Приводимый краткий перечень ярко отмечает ряд важнейших вех на жизненном пути Свердлова. Разумеется, царские жандармы, следившие за ним по пятам с его ранней молодости, знали далеко не все о его разносторонней деятельности, а все, что ими записано, требует основательной проверки и критического изучения. Но уже один этот голый и неполный перечень является весьма наглядной иллюстрацией к словам Ленина, в которых Я. М. Свердлов охарактеризован как «наиболее отчеканенный тип профессионального революционера».

Славный путь прошел Яков Михайлович Свердлов. Этот путь, равно как и жизненный путь других виднейших строителей нашей партии, нуждается в подробном изучении и возможно всестороннем освещении.

Я. Б.

1885 г.

Май. Нижний-Новгород. Я. М. Свердлов родился в Нижнем-Новгороде.
(Копия метрического свидетельства и протокол показаний Я. М. от 18 февраля 1913 г.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, лл. 79, 68.)

1895 г.

Август. Поступление в Нижегородскую гимназию.

(Там же).

1900 г.

Выход из 5 класса гимназии по собственному желанию.

(Там же).

1901 г.

Начало декабря. (3—5). Арест на два дня за участие в демонстрации при проводах А. М. Горького 7 ноября 1901 г.
(Письмо по адресу Жебровской в Москву от 7 декабря 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 9, ч. 2, лит. Б, л. 1.)

1902 г.

22 апреля. Участие в демонстративных похоронах студента Б. И. Рюрикова[1]).
(Донесение нижегородского губернатора в департамент полиции, от 29 апреля 1902 г., № 1001.— ДП, III, 1902 г., д. № 2873, л. 3.)

[1]) Б. И. Рюриков, студент Казанского университета, арестован был за участие в с.-д. демонстрации в Казани в феврале 1901 г. и после семимесячного заключения

Я. М. Свердлов.
(Рос. цирк. деп. пол. от 18/II 1913 г. № 87013/236).

5 мая. Арест на 14 дней за участие в демонстрации на похоронах Б. И. Рюрикова. (Донесение нижегородского губернатора в департамент полиции, от 7 мая 1902 г., № 1068.— Там же, л. 10.)

13 ноября. Участие в демонстративных проводах арестованных и приговоренных в ссылку по делу о майской демонстрации 1902 г. в Сормове и в Нижнем-Новгороде. (Донесение Нижегородского розыскного отделения в департамент полиции, от 15 ноября 1902 г., № 68.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 9, ч. 2. лит. Б, л. 34.)

1903 г.

— Я. М.— активный член Нижегородской социал-демократической организации, пропагандист, «близко стоит к рабочим кружкам».

5 января. Участие на собрании в квартире Н. Кислова[1]) по вопросу о помощи высланным участникам первомайской демонстрации.
(Донесение Нижегородского розыскного отделения в департамент полиции, от 18 февраля 1903 г., № 204.— ДП, о. о., 1893 г., д. № 5, ч 4, лит. Б, л. 68—90.)

Январь (2-я половина). Распространение нелегальной литературы среди учащихся речного училища.
(Там же.)

30 января. Участие на собрании в квартире Сысиной по вопросу о перепечатке с.-д. изданий других комитетов.
(Там же.)

7—8 февраля. Участие на собрании у С. Г. Сомова по вопросу об организации кружка среди семинаристов.
(Там же.)

14 апреля. Арест; при обыске взяты листовки Нижегородского комитета РСДРП; помещен в 1-й корпус Нижегородской тюрьмы.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 19 февраля 1903 г., № 1403.— ДП, VII, 1903 г., д. № 811, л. 4.)

11 августа. Освобождение из-под ареста и подчинение особому надзору полиции в Нижнем-Новгороде.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 14 августа 1903 г., № 3233.— ДП, VII, 1903 г., д. № 811, ч. 5, л. 3.)

18 сентября. Арест в связи с привлечением к делу об убийстве провокатора Пятницкого.

жил под гласным надзором полиции в Нижнем-Новгороде; 16 февраля 1902 г. совсем больным был снова арестован на 2 недели. (ДП, Летучий листок № 40 Нижегородской с.-д. организации с призывом к демонстрации. Инв. № 22130).

[1]) Анна Кислова была арестована как участница первомайской демонстрации в Нижнем-Новгороде в 1902 г.

(Донесение Нижегородского охранного отделения в департамент полиции, от 22 сентября 1903 г., № 976. — ДП, о. о., 1903 г., д. № 1451, л. 6.)

20 сентября. Обвинение в принадлежности к с.-д. организации с предложением выслать под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на 3 года.
(Заключение прокурора Московской судебной палаты по делу арестованных 14 апреля 1903 г., от 20 сентября 1903 г.— МЮ, вр. канц., 1903 г., д. № 16613, л. 24.)

12 ноября. Предложение министра юстиции подчинить Я. М. Свердлова гласному надзору полиции на 2 года в месте жительства родителей.
(Заключение министра юстиции в министерство внутренних дел по тому же делу, от 12 ноября 1903 г., № 7144. — Там же, л. 10.)

24 ноября. Участие в демонстративных похоронах А. В. Яровицкого, быв. студента Московского университета, состоявшего под надзором полиции в Нижнем-Новгороде.
(Донесение Нижегородского охранного отделения в департамент полиции, со списком участвовавших в демонстрации, от 27 ноября 1903 г., № 1158.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 9, ч. 2, лит. Б, л. 55.)

7 декабря. Участие на демонстративных похоронах А. В. Панова, состоявшего под надзором полиции в Нижнем-Новгороде.
(Донесение нижегородского губернатора в департамент полиции, от 10 декабря 1903 г., № 5251. — ДП, о. о., 1901 г., д. № 882, л. 22.)

1904 г.

11 февраля. «Высочайшее повеление» о подчинении гласному надзору полиции в месте жительства отца, сроком на 2 года.
(ДП, III, 1904 г., д. № 2764, л. 3.)

26 февраля. Обыск в связи с массовыми обысками и арестами представителей революционных организаций в Нижнем-Новгороде.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 28 февраля 1904 г., № 855.— ДП, VII, 1904 г., д. № 699, л. 19.)

10 марта. Объявление «высочайшего повеления» о подчинении гласному надзору полиции в месте жительства отца, сроком на 2 года.
(Личная расписка на отношении департамента полиции, от 18 февраля 1904 г., № 2744. — ДП, III, 1904 г., № 2764, л. 3.)

4 мая. Письмо к С. П. Мирончичевой в Москву о майских днях в Сормове.
(ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 22, л. 164.)

11 августа. Освобождение от гласного надзора полиции на основании манифеста от 11 августа 1904 г.
(Справка департамента полиции. — ДП, III, 1904 г., д. № 2764, л. 7.)

Ноябрь. Выезд из Нижнего-Новгорода.
(ДП, о., 1905 г., д. № 1276, л. 5.).

Ноябрь. Посещение Москвы и Ярославля.
(Из письма Я. М. по адресу N в Фридберг (Гессен), Вахерштрассе, 13.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 1276, л. 4.) [1]).

Ноябрь—декабрь. Кострома. Работа в Костроме по поручению Северного комитета РСДРП.
(Там же.)

1905 г.

15 февраля. Казань. Выезд из Костромы в Казань.
(Донесение Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 18 февраля 1905 г., № 464.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 1276, л. 9.)

18 февраля. Нижний-Новгород. Возвращение в Нижний-Новгород.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 21 февраля 1905 г., № 248. — Там же, л. 7.)

21 марта. Ярославль. Участие в демонстрации во время похорон застрелившегося гимназиста Панова в Ярославле.
(Донесение Ярославского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 23 марта 1905 г., № 58. — ДП, о. о., 1905 г., № 3, ч. 122, л. 21.)

3 апреля. Нижний-Новгород. Участие в демонстративных похоронах застрелившегося Н. И. Девяткова, состоявшего под надзором полиции в Нижнем-Новгороде.
(Протокол помощника нижегородского полицмейстера, от 3 апреля 1905 г.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 1261, л. 5.)

---

[1]) Опубликовано в «Красной летописи» 1925 г., № 1(12).

22 апреля. Ярославль. Участие в подготовке первомайской демонстрации в Ярославле.
(Донесение Ярославского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 22 апреля 1905 г., № 1618.— ДП, о. о., 1905 г., № 5, ч. 21 лит. А, 25 мая. Нижний-Новгород. Выезд в Москву.
(Донесение Нижегородского охранного отделения в департамент полиции, от 27 мая 1905 г., № 703.—ДП, о. о., 1898 г., д. № 80, лит. Ю, л. 38.)

17 июня. Выступление в собрании приказчиков в помещении Всесословного клуба в Нижнем-Новгороде с призывом добиваться удовлетворения требований «силой и оружием».
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 22 июня 1905 г., № 2712.— ДП, VII, 1905 г., № 3367, л 2.)

9 июля. Участие в демонстрации в Нижнем-Новгороде.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 15/VII 1905 г., № 94. — См. сборник «Материалы к ист. рев. движ.», т. II, Н.-Новг., 1922 г., стр. 55.)

17—18 июля. Пермь. Посещение Перми.
(Донесение Нижегородского охранного отделения в департамент полиции, от 5 ноября 1905 г., № 1674.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 13, лит. А, лл. 17—18 и д. № 1276, л. 14.)

Август — сентябрь. Казань. О деятельности Я. М. Свердлова в Казанской соц.-дем. организации: проведении им в августе забастовки столяров, участии в большевистской прессе — нелегальном органе Казанского к-та «Рабочий» и т. д. см. статью Лившица в журнале «Пролетарская революция» 1923 г., № 2(14), стр. 216.

Сентябрь. Нижний-Новгород. Привлечен к дознанию при Нижегородском губернском жандармском управлении по делу ареста подпольной типографии 8 сентября 1905 г. и по делу арестованных 12 августа членов «Крестьянской группы», но не был розыскан.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в Московское охранное отделение, от 20 сентября 1905 г., № 1400.—Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 2.)

Октябрь—декабрь. Екатеринбург. Революционная работа в Екатеринбурге.
(Донесение Пермского охранного отделения в департамент полиции, от 27 марта 1907 г., № 505.— ДП, о. о., 1907 г., д. № 9, ч. 42, л. 63.)

8 ноября. Письмо к Е. Ф. Шмидт об отношении к Государственной думе и тактике большевиков.
(ДП, о. о., 1905 г., д. № 2246, л. 115.)

1906 г.

Январь. Пермь. Приезд в Пермь и работа по организации Пермского комитета после арестов 11 января 1906 г., постановка военной типографии и военной техники и присоединение к комитету Боевой организации.
(Донесение Пермского охранного отделения в департамент полиции, от 27 марта 1907 г., № 505. — ДП, о. о., 1907 г., д. № 9, ч. 42, лл. 63—70.)

10 июня. Арест на улице с паспортом Л. С. Герца после разгрома Боевой организации и ареста типографии.
(Донесение Пермского губернского жандармского управления в Петербургское губернское жандармское управление, от 22 декабря 1910 г., № 6409.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 78 и ДП, о. о., 1907 г., д. № 9, ч. 42, л. 63.)

1907 г.

22 и 23 сентября. Осуждение на 2 года крепости по приговору Казанской судебной палаты.
(Сообщение прокурора Казанской судебной палаты в министерство юстиции, от 30 января 1907 г., № 14.— ДП, V, 1908 г., д. № 454, лл. 2—3 и ДП, V, 1910 г., д. № 96, ч. 1, прил., л. 171.) [1]).

1908 г.

Заключение в крепости.

---

[1]) Копия обвинит. акта по этому делу опубликована в сборнике Пермского окристпарта. «Борьба за власть», т. II, ч. I, изд. 1924 г., стр. 157—175.

1909 г.

23 сентября. Окончание заключения в крепости.

Ноябрь. Москва. Приезд в Москву.
(Протокол показаний С. М. Свердловой, от 26 января 1910 г. — ДП, V, 1910 г., д. № 96, ч. I, прил., л. 118.)

Декабрь. Я. М. Свердлов производит ревизию Московского окружного комитета большевиков как представитель ЦК.
(Из письма секретаря Московского окружного комитета в ЦК, от 19 декабря 1909 г. — ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 34, прод., л. 256.)

13 декабря. Арест на собрании Исполнительной комиссии Московского комитета большевиков под фамилией И. И. Смирнова.
(Справка Московского охранного отделения.—Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 5.)

13 декабря. Обыск на квартире И. И. Смирнова (Я. М. Свердлова).
(Протокол обыска — Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 10.)

22 декабря. Допрос в Московском губернском жандармском управлении.
(Протокол допроса. — Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 20.)

1910 г.

13 января. Отказ от показаний на допросе в Московском губернском жандармском управлении.
(Протокол допроса.— ДП, V, 1910 г., д. № 96, ч. I, прил., л. 92.)

4 февраля. Прошение в Московское губернское жандармское управление о замене высылки выездом за границу.
(Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 23.)

11 марта. Постановление министерства внутренних дел о высылке в Нарымский край на 3 года, с 11 марта, под гласный надзор полиции за принадлежность к Московской организации большевиков.
(Отношение Московского охранного отделения в Московское губернское жандармское управление, от 23 декабря 1910 г., № 260876. — Моск. губ. жанд. управл., 1910 г., д. № 13, т. 3, л. 922.)

11 марта. Прошение московскому градоначальнику из тюрьмы об увеличении времени прогулки на 30 минут для всех заключенных.
(Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 27.)

17 марта. Медицинский осмотр врачом Арбатской части.
(Акт осмотра. — ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 8.)

17 марта. Прошение в департамент полиции о замене высылки в Сибирь выездом за границу.
(ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 7.)

31 марта. Высылка из Москвы по этапу в Томскую губернию вместе с сопроцессниками (Голощекин и др.).
(Отношение Московского губернского тюремного инспектора в Московское охранное отделение, от 3 мая 1910 г., № 12523.—Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 874, л. 31.)

27 июля. Нарымский край. Побег из места ссылки (Кетской волости, Томской губернии.) Рапорт томского уездного исправника томскому губернатору, от 6 ноября 1900 г., № 1892.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 16.)

Сентябрь. Петербург. Приезд в Петербург и работа по поручению ЦК партии по восстановлению партийной организации и постановке большевистской легальной печати.
(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, от 14 ноября 1910 г., № 15942.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 190.)

9 ноября. Выступление на заседании социал-демократического общества «Источник света и знания», в присутствии 100 человек, с речью о необходимости забастовки в день обсуждения Государственной думой вносимого с.-д. фракцией законопроекта об отмене смертной казни.
(Доклад Петербургского охранного отделения товарищу мин. внутр. дел, 10 ноября 1910 г., № 15706.— ДП, IV, 1910 г., д. № 338, ч. I., л. 170.)

10 ноября. Я. М. Свердлов пишет листовку, изданную Выборгским районом, в связи со смертью Толстого за подписью «Группа социал-демократов».
(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, от 29 ноября 1910 г., № 16828, с копией указанной листовки. — ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, лл. 198—201.)

Ноябрь. Письмо в Заграничный центр большевиков по поводу предполагавшейся к изданию в Петербурге большевистской легальной газеты. (ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, ч. 57, лит. А, л. 226) [1].

14 ноября. Арест Я. М. Свердлова в Петербурге, как агента ЦК большевиков.
(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, от 14 ноября 1910 г., № 15942. — ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 190. [2]).

1911 г.

14 апреля. Постановление Петербургского губернского совещания о прекращении дознания о Я. М. Свердлове «за недостаточностью улик».
(Донесение Петербургского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 20 апреля 1911 г., № 6595. — ДП, VII, 1910 г., д. № 2753, л. 19.)

30 апреля. Постановление Особого совещания о высылке Я. М. Свердлова в Нарымский край на 4 года.
(Доклад департамента полиции Особому совещанию, от 30 апреля 1911 г.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 34.)

18 июня. Нарымский край. Попытка бежать и арест на пароходе.
(Рапорт томского уездного исправника томскому губернатору, от 21 июня 1911 г.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 39.)

3 июля. Перевод в с. Максимоярское (отдаленная местность края) под надзором 2 приставов.
(Рапорт томского уездного исправника томскому губернатору, от 17 июля 1911 г., № 1392. — Там же, л. 42.)

1912 г.

29 мая. Арест в связи с первомайской демонстрацией политических ссыльных в Нарыме (18 апреля) как члена Объединенного бюро политических ссыльных.
(Агентурная сводка Томского губернского жандармского управления, от 14 июля 1912 г., № 2076. — ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 81, лит. Б, л. 55.)

31 мая. Обыск в квартире Я. М. Свердлова в селе Колпашевском Нарымского края.
(Донесение Томского губернского жандармского управления в Московское охранное отделение, от 7 июня 1912 г., № 1658.—Моск. охр. отз., 1912 г., д. № 20, л. 302.)

Осень. Попытка Я. М. Свердлова восстановить Колпашевскую организацию политических ссыльных.
(Донесение Томского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 27 марта 1913 г., № 966.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 57.)

Начало сентября. Побег из Нарыма.
(Донесение Томского губернского жандармского управления в департамент полиции, от 22 сентября 1912 г., № 2946.— ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 82, лит. Б, л. 42.)

12 сентября. Арест и перевод в с. Парабель Нарымского края.
(ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 57.)

7 декабря. Побег из с. Парабель.
(Розыскная ведомость томского губернатора на Свердлова в департамент полиции № 254. — ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 46 и ДП, VII, 1913 г., д. № 297, л. 5.)

Декабрь. Кооптация в Русское бюро ЦК. (Доклад директора деп. пол. министру внутр. дел от 2 марта 1913 г.— ДП, о. о., 1913 г., д. № 307, лл. 381—387.)

1913 г.

22 января. Петербург. Избрание в редакцию «Правды» на собрании членов ЦК у Г. И. Петровского.
(Отношение департамента полиции в Петербургское охранное отделение, от 6 февраля 1913 г., № 94532. — ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 57, л. 41.)

23 января. Участие в собрании членов Русского бюро ЦК по вопросу о постановке типографии и сформировании Областных бюро на Урале и в Харькове и командировка на Урал для этой цели вместе с И. В. Сталиным и Г. И. Петровским.
(Там же.)

10 февраля. Арест на квартире Г. И. Петровского в Петербурге и заключение в Петербургскую одиночную тюрьму.
(Доклад департамента полиции министру внутренних дел, от 2 марта 1903 г.— ДП, о. о., 1913 г., д. № 307, л. 381.)

---

[1]) Опубликовано в «Красной летописи» 1925 г., № 1(12), стр. 179.
[2]) Опубликовано в «Красной летописи» 1925 г., № 1(12), стр. 178.

18 февраля. Отказ от показаний на допросе в Петербургском губернском жандармском управлении.
(Протокол допроса. — ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 68.)

4 апреля. Постановление Особого совещания о высылке Я. М. Свердлова на 5 лет в Туруханский край.
(Доклад департамента полиции Особому совещанию, от 4 апреля 1913 г.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 89.)

30 апреля. Перевод в пересыльную тюрьму.
(Донесение начальника Петербургской тюрьмы в Петербургское охранное отделение, от 30 апреля 1913 г. (ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 110.)

6 мая. Высылка по этапу в Туруханский край.
(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, от 15 мая 1913 г., № 10952.— Там же, л. 108).

23 июня. Туруханский край. Приезд на станок Селивановский Туруханского края, назначенный для отбывания ссылки.
(Донесение енисейского губернатора в департамент полиции, от 26 июня 1913 г., № 3592.— ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 121-а.)

3 сентября. Письмо к В. С. Мицкевичу по поводу издания адресатом сборника о жизни политкаторжан с припиской к Г. И. Петровскому об оказании содействия Мицкевичу.
(ДП, о. о., 1913 г., д. № 20, ч. 25, лит. Б, л. 12.)

1914 г.

9 февраля. Письмо к С. М. Свердловой с сообщением о переводе, вместе с И. В. Сталиным, на крайний север (с. Курейка).
(ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 25, лит. Б, л. 27 [1]).

Апрель. Решение ЦК устроить побег Я. М. Свердлова для участия его в подготовке партийного съезда.
(Донесение Московского охранного отделения, от 27 апреля 1914 г., № 291815.— ДП, о. о., 1914 г., д. № 307, прил. 1, лл. 296—302.)

1915 г.

27 февраля. Письмо к С. М. Авербах с выражением удовлетворения переменой в отношении к войне в широких кругах населения.
(ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 25, лит. Б, л. 79 [2]).

20 марта. Письмо к Л. Н. Дилевской по поводу судебного процесса думской с.-д. фракции большевиков и с отзывом о журнале «Восточное обозрение» [3]) в Иркутске.
(Там же, л. 91.)

---

[1]) Опубликовано в «Красной летописи» 1925 г., № 1(12), стр. 181.

[2]) Опубликовано в «Красной летописи» 1924 г., № 1(10), стр. 179.

[3]) Я. М. Свердлов ошибочно называет журнал «Восточным обозрением» — журнал назывался «Сибирским обозрением», № 1 которого вышел в январе 1915 г., в Иркутске — см. «Красный архив» 1922 г., № 2, стр. 212.

Обзор архивных материалов по истории фабрики «Красный Перекоп».

(1722 — 1929)

Постановлением ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. перед историческим фронтом была поставлена задача составления «Истории заводов». В архивах СССР хранится огромное количество важнейших документов по истории промышленности и истории отдельных предприятий царской России и СССР. Весь этот документальный материал должен быть учтен, изучен и использован бригадами заводских предприятий, историками и литераторами, включившимися в работу по «Истории заводов». На архивных органах СССР лежит исключительно ответственная задача — в кратчайший срок предоставить все эти материалы в распоряжение исследователей.

Одной из разновидностей работы архивных органов (в первую очередь — центральных государственных архивохранилищ в Москве и Ленинграде), направленной к ознакомлению составителей истории тех или иных определенных предприятий с документами, имеющими отношение к истории этих предприятий, является составление тематических обзоров архивных материалов по истории этих предприятий. За время с середины 1932 г. по начало 1934 г. центральными архивами было составлено и передано главному секретариату «Истории заводов» более 80 таких обзоров (свыше 50 печатных листов).

В этих обзорах даны основные сведения о наличии документов, освещающих те или другие стороны деятельности описываемых предприятий. В настоящем томе «Красного архива» мы печатаем обзор, относящийся к истории фабрики «Красный Перекоп».

Фабрика «Красный Перекоп» (бывш. Большая Ярославская мануфактура) — одна из старейших фабрик XVIII века. Основание ее относится к 1722 году. В настоящее время это крупнейшее текстильное предприятие Ивановской промышленной области. «Красный Перекоп» включен в число предприятий, история которых должна быть написана в первую очередь. В связи с этим Центральным архивным управлением СССР произведено тематическое описание архивных документов, имеющих отношение к этой фабрике. Описаны документы важнейших фондов центральных архивохранилищ Москвы и Ленинграда. Сведения о материалах, имеющихся в Ярославле, как в архиве самой фабрики, так и в архивах местных правительственных учреждений, в публикуемый ниже обзор не включены. Основная масса документов приходится на XVIII век, вторую половину XIX века и начало XX века. Значительное количество описанных документов относится к пооктябрьскому периоду, главным образом по фонду ЦК профсоюзов текстильщиков.

Документы XVIII века, как это видно из обзора, дают довольно обширный материал о возникновении Ярославской мануфактуры, взаимоотношениях перво-

начальных владельцев фабрики с правительственными учреждениями и, в особенности, о комплектовании рабочих на это предприятие и положении их. Имеются документы о техническом оборудовании и финансовом положении фабрики. Много документов зарегистрировано о рабочем движении на Ярославской мануфактуре начиная с 80-х годов и кончая январем 1917 г. Документы 1918 года освещают историю национализации фабрики, ее состояние и количество рабочих в этот момент. Материалы 1918—1927 гг. отражают состояние фабрики в условиях гражданской войны, восстановительный и реконструктивный периоды. Наибольшее количество документов относится к работе профсоюзных организаций на этой фабрике за этот период времени.

I.

XVIII век

1. «1722. 06. 18». Иностранцу Ивану Тамесу и «ярославцу гостиной сотни» Ивану Затрапезному предоставлен в Ярославле пустой деревянный двор, на котором они, пользуясь трудом «шведских арестантов», изготовляли широкие полотна. (Из прошений и заявлений владельцев фабрики и ведомостей о состоянии мануфактур и фабрик.)

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 12/916, л. л. 182—193.
» ф. Сената, кн. 5/909, л. л. 206—218.
» Портфели Миллера, д. № 385, л. 37.
» Гос. арх. XIX, д. № 379, л. л. 14—15, 68—69).

2. «1725. 06. 01». Раздел Ярославской мануфактуры между директором Тамесом и компаньоном Затрапезным (копия контракта о разделе и сведения о разделе из отдельных документов).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 7—9.
» ф. Сената, кн. 12/916, л. л. 186—193.
» Гос. арх. XIX, д. № 379, л. л. 14—15, 68—69).

3. «1727». Передача Затрапезному казенных коломанковой и полотняной фабрики и масляной мельницы в Петербурге с рабочими и инструментами (прошение Затрапезного и из экстракта Сената со справками).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 55/737, л. л. 206—212.
» ф. Сената, кн. 5/909, л. л. 206—218).

4. «1731. 09. 07». Указ Максиму Затрапезному с детьми о содержании ими полотняной и других мануфактур.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/934, л. л. 4—7.
» ф. Сената, кн. 12/916, л. л. 186—193).

5. «1732». Жалоба И. Затрапезного на подполковника Караулова, препятствующего ему в срок представить в Кригс-комиссариат палатки и рабочие кафтаны.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 13/917, л. л. 60—66).

6. «1735». Нарушение фабрикантом Свешниковым контракта, заключенного в 1735 году, по которому Затрапезный вступил в управление полотняной фабрикой Свешникова в Москве и значительно ее улучшил.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 61/1138, л. 406).

7. «1736». Прошение И. Затрапезного с братьями с перечислением их заслуг на пользу государства и с просьбой упомянуть их фамилию в готовящемся указе.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 232—233).

8. «1738». Пожалование И. Затрапезного званием директора его фабрики в чине коллежского ассесора (дело о пожаловании и определении Сената).
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 22/927, л. л. 39—107.
» ф. Сената, кн. 235/2116, л. 41).

9. «1740». Производство И. Затрапезного в чин коллежского советника (дело и определение Сената о пожаловании).
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 28/932, л. л. 74—145.
» ф. Сената, кн. 256/2137, л. л. 128—164).

10. «1752». Переход Ярославской мануфактуры после И. М. Затрапезного в управление майору А. П. Лакостову ввиду несовершеннолетия А. И. Затрапезного; прошение последнего о передаче ему этого предприятия, как законному наследнику И. М. Затрапезного (дело).
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 218/2701, л. л. 493—503).

11. «1762». Производство А. И. Затрапезного в статские советники (дело).
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 898/3381, л. л. 854—861).

12. «1764». Прошение Земских, племянника и племянницы Затрапезного о выделении им их части из Ярославской мануфактуры.
(ГАФКЭ, Гос. арх. XIX, д. № 377. л. л. 50—64).

13. «1764. 12. 20». Продажа мануфактуры А. И. Затрапезным Савве Яковлеву за 600 000 рублей—рапорт Мануфактур-коллегии Сенату. Новому владельцу вменено в обязанность вложить в дело до 300 000 рублей.
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 41/3612, л. 231).

14. «1773». Упоминание о принадлежности Ярославской мануфактуры в 1773 году коллежскому ассесору Савве Яковлеву.
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 500/4071, л. л. 94—95).

15. «1727». Ведомость о состоянии фабрик с указанием количества мастеровых людей на полотняной мануфактуре Тамеса и Затрапезного в Ярославле.
(ГАФКЭ, Гос. арх. XIX, д. № 379, л. л. 68—69).

16. «1729». Возвращение М. Затрапезному бежавших с его мануфактуры и принятых Адмиралтейств-коллегией и Военной коллегией «художников»-ткачей (дело о возвращении Затрапезному бежавших с его мануфактуры ткачей; в этом деле сведения:
а) о передаче в 1727 году Петербургской казенной полотняной и коломянковой фабрики со всеми мастерами и учениками М. Затрапезному, который перевез мастеров в Ярославль;
б) о бегстве в 1728 году нескольких ткачей обратно в Петербург, где они были приняты Военной коллегией и Адмиралтейств-коллегией, затребовавшей оставшихся в Ярославле ткачей;
в) просьба М. Затрапезного в Сенат о возвращении ему бежавших ткачей, и запрещение Адмиралтейств-коллегии требовать от него оставшихся в Ярославле ткачей, без которых мануфактуру придется остановить;
г) определение Сената от 1729. 10. 15 о возвращении М. Затрапезному бежавших ткачей и запрещении требовать от него оставшихся).
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 55/737, л. л. 206—212.
» ф. Сената, кн. 114/1995, л. л. 45—46).

17. «1731. 11.23». Прошение Максима Затрапезного от 23 ноября 1731 года об оставлении при мануфактуре мастеровыми помещичьих крестьян с обязательством уплаты за них по окончании учения оброка помещикам и об отдаче на Ярославскую мануфактуру «мотающихся нищих и приписных, которых велено указом в Сибирь посылать».
(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 5/909, л. л. 206—218).

18. «1731—1736». Перепись людей на фабриках и мануфактурах по прошению фабрикантов.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 1—281, 438—446).

19. «1732. 10». Возбуждение рядом фабрикантов (в том числе и Затрапезным) вопроса о закреплении за фабрикантами имеющихся на их мануфактурах «художников и работных людей», происходящих из помещичьих людей и других сословий.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 24—29).

20. «1732. 11. 10». Определение Сената о производстве на фабриках, по прошению фабрикантов, переписи мастеровых людей, учеников, работников обоего пола и их детей.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 49—54).

21. «1732». Перечень рабочих Ярославской мануфактуры И. Затрапезного с распределением их по социальным группам (дворцовые, помещичьи, синодальные, заводские и т. д.).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 68—72).

22. «1733. 06. 10». Просьба Затрапезного исключить из списков бежавших и умерших рабочих, а взамен их включить вновь принятых (приложены именной список бежавших и умерших и книга записи вновь принятых рабочих с женами и детьми; в книге указаны происхождение, возраст, семейный состав, предшествующая работа мастеров и членов их семьи и специальность).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 79—96).

23. «1733. 06». Закрепление за фабрикантами «художников» обоего пола и их детей, попавших в перепись 1732 года, и определение порядка перехода на фабричную работу лиц, принадлежащих к разным общественным группам.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 97—99).

24. «1733. 06. 26». Правила вознаграждения фабрикантами помещиков за крестьян, закрепленных за фабриками в качестве рабочих (копия определения Сената).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 97—99).

25. «1733». Подлинные «допросные речи» мастеровых и работных людей Ярославской полотняной мануфактуры Затрапезных.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 1/1503).

26. «1734». Просьба фабрикантов (И. Затрапезного и содержателей Большой суконной мануфактуры П. Щеголина и С. Болотина) урегулировать вопрос о приеме на фабрики помещичьих крестьян, посадских людей и т. п.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 100—101).

27. «1734—1735». Списки вновь купленных и принятых с обязательствами «шатающихся и разных чинов людей», с указанием возраста, членов семьи, звания.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 178—185).

28. «1735». Просьбы фабрикантов (в том числе И. Затрапезного) относительно порядка приема работных людей на фабрики, запрещения полиции незаконно наряжать рабочих в разные службы и освободить фабрикантов от ответственности за поведение рабочих, живущих самостоятельно.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. 186).

29. «1735». Положение о фабричных мастерах, подмастерьях, учениках и работных людях — определение Сената от 21 декабря 1735 года, изданное по прошению содержателя Ярославской полотняной мануфактуры Ивана Затрапезного и др. полотняных фабрикантов.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 206/2087, л. л. 159—162).

30. «1736.03.15». Перепись учеников и работников обоего пола на мануфактурах и фабриках Затрапезных и посылка в Коммерц-коллегию ведомостей о

тех учениках и работниках, которые приняты на мануфактуру после переписей 1732—1735 гг. (определение Сената о производстве переписи).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 209/2090, л. 105).

31. «1742.11.03». Удержание А. И. Затрапезным заработных денег у ткачей Ярославской мануфактуры (протокол Сената):

а) жалоба выборных ткачей Ярославской мануфактуры на А. И. Затрапезного, управителя фабрики М. Балашова и мастера Колесова о недодаче удержанных отцом Затрапезного у рабочих денег;

б) просьба ткачей передать дело из Коммерц-коллегии в Сенат, так как Коммерц-коллегия ведет дело в пользу Балашова и Колесова;

в) просьба Затрапезного не верить жалобам его беглых рабочих;

г) передача дела в Мануфактур-коллегию.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 328/2209, л. л. 83—84).

32. «1744». Уплата Затрапезным денег за крепостных крестьян, работающих на его мануфактурах — дело об уплате денег. (Указом 1736 года было предписано обученных мастерству оставить при фабриках и исключить из подушного оклада, чернорабочих отпустить на прежние жилища, а за дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских и помещичьих крестьян заплатить владельцам деньги. Затрапезный должен был внести за них 5 380 р. 33 к.).

(ГАФКЭ, ф. Сената, д. 36/940, л. л. 291—306).

33. «1745». Взыскание с содержателей Ярославской мануфактуры Ивана и Дмитрия Затрапезных денег за мастеровых людей, происходящих из крестьян,— доношение из Ярославской провинциальной канцелярии в Сенат (в приложенной ведомости перечислены мастеровые люди, за которых взяты деньги — 20 р. за мужчину, 5 р. за женщину и указаны их специальность, возраст, название места происхождения и семейный состав).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 37/941, л. л. 458—485).

34. «1747». Взыскание с Затрапезного 7 424 р. за пришлых и беглых мастеровых людей на его мануфактуре со сведениями об их числе и распределением их по социальным группам для определения, за кого должно быть уплочено (рапорт Ярославской провинциальной канцелярии).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 43/947, л. л. 11—13).

35. «[После 1771 г.]». Сведения о числе работных людей, приписных и купленных у кол. асс. Яковлева в Ярославле и в Москве (общее число).

(ГАФКЭ, Портфели Миллера, д. № 385, л. л. 8—37).

36. «1726». Прошение И. Затрапезного о выдаче ему образцового скатертного стана с набором.

(ГАФКЭ, Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 77, л. 1297).

37. «1726». Прошение И. Затрапезного о приеме у него на денежные дворы в передел серебра и о даче ему взаймы денег на 5 лет без процентов.

(ГАФКЭ, Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 84, л. л 404—407).

38. «1726.03.22». Разрешение Максиму Затрапезному с детьми покупать для фабрики различные материалы и сделанное продавать беспошлинно втечение 5 лет.

(ГАФКЭ, Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 80, л. 255).

39. «1727». Ведомости о состоянии лентовой фабрики и полотняной мануфактуры Ивана Тамеса и Ивана Затрапезного в Ярославле с указанием количества станков, размера и стоимости продукции, денежной помощи от казны и количества земли.

(ГАФКЭ, Гос. арх. XIX, д. № 379, л. л. 14—15, 68—69).

40. «1729». Остановка мануфактуры, залежи товаров на фабрике и прекращение экспорта вследствие боязни приказчиков Затрапезного ездить в Петер-

бург после случая взятия их хозяина во время пребывания в Петербурге под стражу (из дела по доношению И. Затрапезного о возвращении ему бежавших ткачей).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 55/737, л. л. 207—208).

41. «1731». Изыскание средств для содержания мануфактуры путем передела на монеты серебра, закупки в Сибири ревеня для перепродажи за границу и уплаты казенного долга в 5 000 рублей бумагой с фабрики (дело по прошению И. Затрапезного 1731 года о разрешении произвести указанные операции). Отказ Затрапезному в разрешении отдать в передел серебро и купить ревень и разрешение уплатить долг бумагой с его фабрики (протокол Сената от 7 февраля 1732 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 12/916, л. л. 182—197; кн. 154/2035, л. л. 31—32).

42. «1731. 09.03». Освобождение Затрапезного от платежа пошлин на 5 лет (указ из Камер-коллегии; имеется копия).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 14/918, л. л. 934—935).

43. «1720—1730 гг.». Вывоз за границу изделий Ярославской мануфактуры — «разных полотен, скатертей и салфеток высокой работы» (упоминание о вывозе за границу в прошении Максима Затрапезного от 23 ноября 1731 года — см. п.п. 3 и 17 наст. обзора).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 5/909, л. л. 206—218).

44. «1734». Выдача Затрапезному ссуды (20 000 р.) на содержание мануфактуры с уплатой долга бумагой с его фабрики по 4 000 руб. в год.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 14/918, л. л. 857—929; кн. 100/2071, л. л. 184—185).

45. «1734». Доношение Затрапезного в Сенат от 1734 года с приложением образцов бумаги немецкой и с его фабрики.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 14/918, л. л. 858—903).

46. «1734. 08. 8—14». Освобождение Затрапезного от платежа внутренних пошлин еще на 5 лет и отвод ему монастырской земли (копия указа Сенату от 8 августа 1734 года и протокола Сената от 14 августа 1734 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 14/918, л. 930).

47. «1735». Сводка ведомостей о полотняных и парусинных фабриках в России за 1732—1755 гг. с указанием количества станков на мануфактуре Затрапезного в 1735 году.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 61/1138, л. 407).

48. «1735. 10. 28». Прием от Затрапезного ежегодно писчей бумаги на 4 000 рублей и уплата ему за принятую от него бумагу сверх того денег на содержание фабрики (определение Сената).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 204/2085, л. 267).

49. «1736». Освобождение Затрапезных от платежа пошлин на 5 лет (определение Сената 15 марта 1736 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 14/918, л. л. 930—942.
» ф. Сената, кн. 209/2090, л. 104).

50. «1736». Количество и стоимость продукции Ярославской мануфактуры — церковных наметов, барабанных наметов, шляпных пирамид, ревендуковых палаток и шерстяных чулок; сведения о качестве различных сортов льна и выделываемых из этого льна тканей (из письма М. М. Затрапезного).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 61/1138, л. 405).

51. «1736». Выдача Затрапезному выписанной им из Амстердама крепкой водки для крашения тканей в алый цвет и разрешение фабрикантам выписывать крепкую водку из-за границы или покупать в аптеке, с условием употреблять ее

исключительно для технических целей (дело о выдаче Затрапезному крепкой водки, копия доношения Медицинской канцелярии в Кабинет по тому же вопросу и определение Сената от 9 июля 1736 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 20/924, л. л. 575—583.
» ф. Сената, кн. 213/2094, л. л. 96—98).

52. «1736—1737». Сдача подряда на солдатские палатки фабрикантам Овощникову и Затрапезному.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 61/1138, л. л. 400—412).

53. «1738». Сложение с Затрапезных недоимки в 499 р. 69 к. за отданные им с Петербургской полотняной коломянковой мануфактуры и бумажной мельницы инструменты.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 4/908, л. л. 490—491).

54. «1738.05.05». Прием с заводов Затрапезного бумаги в возмещение казенного долга и продление срока платежей еще на 6 лет (определение Сената).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 235/2116, л. 41).

55. «1744». Уплата Затрапезным 5 880 р. 33 к. за крепостных крестьян, работающих на его мануфактурах.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 36/940, л. л. 291—306).

56. «1745». Взыскание с содержателей Ярославской мануфактуры Ивана и Дмитрия Затрапезных денег за мастеровых людей, происходящих из крестьян (доношение из Ярославской провинциальной канцелярии в Сенат от 1745 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 37/941, л. л. 458—485).

57. «1746». Освобождение Д. М. Затрапезного на 10 лет от платежа пошлин, с условием завести до 30 станков для тканья тонкого полотна и ввести в купленных им деревнях самопрядочное мастерство (копия указа 1746 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 44/548, л. л. 290—299).

58. «1747». Взыскание с Затрапезного 7 424 р. за пришлых и беглых людей на его мануфактурах (рапорт Ярославской провинциальной канцелярии от 1747 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 43/947, л. л. 11—13).

59. «1747—1748». Просьба об освобождении от платежа пошлин на 10 лет майора Н. А. Лакостова, управляющего Ярославской суконной мануфактурой за несовершеннолетием его шурина А. И. Затрапезного.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 44/948, л. л. 272—344).

60. «1748». Оштрафование членов Мануфактур-коллегии за незаконное освобождение Д. М. Затрапезного от платежа пошлин (копия определения Сената); к делу приложена ведомость таможенных пошлин, сложенных с фабрикантов (в том числе и с Затрапезного) с 1 января 1735 года по 1 октября 1747 года).

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 44/948, л. л. 302—305, 317—324).

61. «1753». Ведомость о фабрикантах, освобожденных от платежа внутренних пошлин. Даются сведения о времени освобождения от платежа пошлин Максима Затрапезного с детьми, с подсчетом, сколько следовало взять в 1735—1742 гг.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 42/946, л. 1401).

62. «После 1771 г.» Сведения о количестве станков на Ярославской мануфактуре (ведомость Мануфактур-коллегии).

(ГАФКЭ, Портфели Миллера, д. № 385, л. 37).

63. «1773». Ведомость с указанием видов выделываемого полотна, количества станков, количества и стоимости продукции и размера проданного и оставшегося товара на Ярославской мануфактуре в 1773 г.

(ГАФКЭ, ф. Сената, кн. 500/4071, л. л. 66, 94—95).

II.

Вторая полозина XIX и начало XX века.

64. «1887. 12. 18». Устав торгово-промышленного товарищества Ярославской большой мануфактуры, утвержденный 18 декабря 1887 года.
(ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95).

65. «1883. 10. 25—27». Забастовка 700 рабочих ткачей, вызванная придирками к рабочим и штрафами за плохую выработку:
а) снятие ткачами с работы второй смены рабочих;
б) вызов на фабрику двух рот пехотного полка;
в) арест рабочих-инициаторов забастовки;
г) окончание забастовки.
(АР и ВП, ф. Д. П. Ш, 1883 г., д. № 185, ч. 15).

66. «1890». Продолжительность рабочего дня на фабрике Ярославской большой мануфактуры для мужчин, женщин и детей.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 115).

67. «1895. 04». Снижение расценок на Ярославской мануфактуре, вызвавшее волнения среди рабочих и забастовку (донесения фабричных инспекторов, докладные записки о причинах стачки, протоколы общего собрания владельцев, доклад директора правления общему собранию пайщиков).
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. №№ 20, 21.
АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 184).

68. «1895». Выдача рабочим Ярославской мануфактуры, не пользующимся бесплатным помещением, квартирных денег в размере 1 р. 50 к. мужчинам, 1 р.— женщинам и 75 к.— подросткам.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. № 19, л. 42).

69. «1895». Табели задельной платы рабочих Ярославской мануфактуры.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. № 20).

70. «1895». Взаимоотношения фабричной инспекции с администрацией и рабочими.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. № 19, л. л. 17—18).

71. «1896.04». Число рабочих на Ярославской мануфактуре в апреле 1896 года.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. № 19, л. 28).

72. «1896. 04». Количество котлов на Ярославской мануфактуре в апреле 1896 г.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. № 19, л. 28).

73. «1890.08». Забастовка рабочих Ярославской большой мануфактуры 2 августа 1890 года:
а) требование рабочих об удалении помощника директора;
б) разгром рабочими продовольственного фабричного магазина;
в) избиение полиции;
г) сформирование унтер-офицером дружины из рабочих, живших в казармах при фабрике для противодействия бастовавшим;
д) вызов на фабрику батальона пехоты и роты местного резервного батальона;
е) арест 23 рабочих;
ж) окончание забастовки;
з) сведения о судебном разбирательстве дела.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, 1890 г., д. № 115).

74. «1895.04». Забастовка рабочих прядильщиков 26 апреля 1895 года в связи с понижением расценки на пряжу:

а) недовольство рабочих директором фабрики Щаповым;
б) вызов на фабрику трех рот пехоты;
в) снятие забастовавшими с работы небастовавших рабочих;
г) требование рабочих об освобождении арестованных товарищей;
д) объявление администрации фабрики о расчете 28 апреля бастовавших рабочих;
е) расстрел рабочих солдатами;
ж) забастовка рабочих всех отделений фабрики;
з) расчет рабочих 3 и 4 мая и прием вновь на работу.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 184.
(ГАФКЭ, ф. Фабр. инсп., д. №№ 20 и 21).

75. «1900». Революционная агитация и пропаганда и распространение нелегальной литературы среди рабочих Мануфактуры.
(АР и ВП, ф. Д. П. Щ, 1901 г., д. № 1, ч. 41, л. А).

76. «1901». Организация на Мануфактуре кружка рабочих, ведущего революционную пропаганду.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 279).

77. «1902.01.20». Разбрасывание членами кружка рабочих во дворе Мануфактуры воззваний и арест 13 рабочих.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 279.
ф. Д. П. VI, 1902 г., д. № 17, ч. I).

78. «1903». Привлечение к дознанию Потехина С. Л. за принадлежность к двум нелегальным кружкам рабочих Мануфактуры.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 280).

79. «1905». Сходки социал-демократического кружка рабочих, на которых произносились революционные речи и распространялась нелегальная литература.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 435).

80. «1905.10». Сведения о требовании ярославским губернатором от командования Московского военного округа присылки в г. Ярославль казаков для борьбы с революционным движением.
(ВИА, ф. Шт. МВО, 1905 г., в. 125, д. 7).

81. «1905.11». Митинги рабочих Мануфактуры в ноябре 1905 года (рабочие были привлечены к дознанию Ярославским ГЖУ 6 января 1906 г.).
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 496).

82. Сведения о захвате Ярославской мануфактуры рабочими 2 декабря 1905 г., деятельности боевой дружины и борьбе правительства с восстанием.
(ВИА, ф. Шт. МВО, 1905 г., в. 124, д. I, т. II; в. 125, д. 7 и
ф. Гл. шт., 2 отд., 3 ст., 1905 г., д. 15, ч. 15-б).

83. «1905.12.08». Демонстративное шествие рабочих ст. «Ярославль» и Ярославской большой мануфактуры к городской тюрьме с целью освобождения арестованных рабочих ст. «Ярославль».
(АР и ВП, ф. Д. П. О. О., 1905 г., д. № 1350, ч. 28).

84. «1905.12.12». Демонстрация рабочих Мануфактуры и студентов лицея и снятие ими с работы служащих правительственных учреждений; перестрелка боевой дружины рабочих с казаками.
(АР и ВП, ф. Д. П. О. О., 1905 г., д. № 1350, ч. 28).

85. «1905». Привлечение к дознанию Ярославским ГЖУ рабочих Мануфактуры по делу о боевой дружине рабочих Мануфактуры.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 495).

86. «1907». Агентурные сведения о предполагаемом прекращении работ рабочими Мануфактуры в день открытия Государственной думы и о молебне, на котором ораторы должны были произнести речь о требованиях рабочих.

Демонстрация рабочей молодежи Мануфактуры (20 февраля); демонстрация была рассеяна нарядом полиции.

(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 676).

87. «1907». Сильное движение среди рабочих Мануфактуры за экономическую стачку; вызов на фабрику полиции и казаков («Биржевые ведомости» от 6 июля 1907 года).

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1907 г., д. № 90, ч. 2).

88. «1908. 10. 13». Привлечение в порядке положения о государственной охране Ярославским ГЖУ рабочего Мануфактуры за принадлежность к РСДРП и агитацию среди рабочих.

(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 1415).

89. «1908». Правила внутреннего распорядка на фабрике, штрафы и порядок расходования штрафного капитала (журналы Ярославского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия и доклады фабричных инспекторов).

(ЛОЦИА, 1 Экон. отд., ф. мин. торг. и пром., Главн. по фабр. и горнозаводским д. прис., 1 стол, 1908 г., № 43/42).

90. «1910. 05. 01». Разбрасывание воззваний РСДРП во дворе Мануфактуры.

(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 882).

91. «1910». Сведения Ярославского охранного отделения о рабочих Мануфактуры — членах РСДРП.

(АР и ВП, ф. Яросл. охр. отд., 1910 г., д. № 58).

92. «1910». Обыск у рабочих Мануфактуры, известных охранному отделению пропагандистской деятельностью и распространением нелегальной литературы (обыск произведен в предупреждение майских выступлений).

(АР и ВП, ф. Д. П. О. О., 1910 г., д. № 113).

93. «1911». Правила внутреннего распорядка на фабрике, штрафы и порядок расходования штрафного капитала — журналы Ярославского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия и доклады фабричных инспекторов.

(ЛОЦИА, 1 Экон. отд., ф. мин. торг. и пром., Главн. по фабр. и горнозавод. д. прис., 1911 г., д. № 3).

94. «1913. 03. 04». Недовольство рабочих в связи с уменьшением на Мануфактуре количества рабочих дней в неделю.

(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 1015.

» ф. Д. П. IV, 1913 г., д. № 90, ч. 7.

» ф. Д. П., IV, 1913 г., д. № 90, ч. 2).

95. «1914. 01». Введение в действие закона 23 июня 1912 года о страховании рабочих и тайные совещания и летучки рабочих Мануфактуры в связи с этим.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1914 г., д. № 108, ч. 90).

96. «1913». Число прядильных веретен и количество выработанной пряжи за 1913 год.

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 13, в. 455, д. № 227).

97. «1913». Отчет правления Мануфактуры за 1913 год. (ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95).

98. «1911.02.19» и 1911.12.09». Вывешивание на крыше зданий Мануфактуры красных флагов с революционными надписями.

(АР и ВП, ф. Яросл ГЖУ, д. № 930 и ф. Д. П. IV, 1911 г., д. № 90, ч. 7).

99. «1912. 03. 13». Ликвидация Ярославским ГЖУ организации РСДРП на Мануфактуре.

(АР и ВП, ф. Яросл. охр. отд., 1912 г., д. № 21).

100. «1912». Агентурные сведения о предполагаемом собрании рабочих Мануфактуры за Волгой в память Ленских событий.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 954).
101. «1912. 05». Наблюдение охранного отделения за посещением рабочих Мануфактуры бастующими рабочими табачной фабрики Вахромеева.
(АР и ВП, ф. Яросл. охр. отд., 1912 г., д. № 29).
102. «1912. 05. 23—24». Агитация прядильщиков за забастовку сочувствия рабочим Романовской и Норской мануфактур.
(АР и ВП, ф. Яросл. охр. отд., 1912 г., д. № 29).
103. «1912. 06». Агитация за забастовку среди рабочих Мануфактуры и предъявление рабочими к администрации ряда требований.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, д. № 954).
104. «1912. 06». Забастовка работниц ватерщиц «старой» и «новой» фабрик Ярославской большой мануфактуры 12—20 июня 1912 года:
а) предъявление администрации ватерщицами «новой» фабрики требований об увеличении расценок (5—11 июня);
б) забастовка 800 работниц ватерного отделения «новой» фабрики (12 июня);
в) забастовка 50 работниц крутильных ватеров «новой» фабрики (13 июня);
г) забастовка работниц прядильных ватеров, катушечниц и сновальщиц «старой» фабрики (14—18 июня);
д) остановка всего предприятия из-за недостатка материала, вследствие забастовки ватерщиц (15 июня);
е) закрытие «новой» фабрики с 18 по 26 июня и выдача расчета рабочим (20 и 21 июня).
(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1912 г., д. № 90, ч. 2.
» ф. Яросл. ГЖУ, д. № 954).
105. «1913». Недовольство рабочих распоряжением правления товарищества Мануфактуры об уменьшении с 4 марта количества рабочих дней в неделю ввиду застоя в текстильной промышленности.
(АР и ВП, ф. Яросл. ГЖУ, № 1015.
» ф. Д. П. IV, 1913 г., д. № 90, ч. 7).
» ф. Д. П. IV, 1913 г., д. № 90, ч. 2).
106. «1913». Предъявление рабочими Мануфактуры требования о прибавке по 10 копеек в день на каждый рабочий номер (требование отклонено).
(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1909 г., д. № 108, ч. 90).
107. «1913». Коллективное требование рабочих ткачей «новой» и «старой» фабрик Мануфактуры об устройстве лекций для ознакомления их с уставом о новом страховании рабочих.
(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1913 г., д. № 90, ч. 2).
108. «1914. 01». Летучки и тайные совещания рабочих Мануфактуры в январе 1914 года в связи с введением в действие закона 23 июня 1912 года о страховании рабочих.
(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1914 г., д. № 108, ч. 90).
109. «1914». Список членов правления товарищества Ярославской большой мануфактуры.
(ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95).
110. «1916». Взаимоотношения рабочих с администрацией.
(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1916 г., д. 90, ч. 2).
111. «1914—1915». Отчеты правления товарищества за 1914 и 1915 гг.
(ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95).
112. «1914—1916». Список пайщиков товарищества с указанием количества паев за 1914, 1915 и 1916 гг

(ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95).

113. «1914—1916». Список военных заказов и перечисление предметов, изготовляемых на нужды войны.

(ЦАОР, ф. мин. торг. и пром., оп. 9, д. 95. ВИА, ф. Гл. воен.-техн. упр., оп. 20, в. 24, д. № 20).

114. «1915». Волнения среди рабочих Мануфактуры в связи со слухами о замене части постоянных рабочих военно-пленными.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1915 г., д. № 108, ч. 90).

115. «1915. 12. 09». Забастовка 300 рабочих прядильного отделения с предъявлением требования об удалении мастера за грубое обращение с рабочими (требование удовлетворено).

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1915 г., д. № 108, ч. 90).

116. «1916. 06. 04». Предъявление требования 10-ю рабочими об увеличении заработной платы.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1915 г. д. № 108, ч. 90).

117. «1916. 07—08». Предъявление требований рабочими льнопрядильного отделения об увеличении расценок и забастовка отделения (8—10 августа) ввиду неудовлетворения требований.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1916 г., д. № 108, ч. 90).

118. «1916. 09. 16». Забастовка 700 рабочих мюльнопрядильного отделения с предъявлением требования об освобождении арестованных руководителей забастовки льнопрядильщиков.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1916 г., д. № 108, ч. 90).

119. «1917. 01». Предъявление 60-ю рабочими первой смены «старой» фабрики требований о прибавке 20 коп. на каждый рабочий номер, о лучшем обслуживании рабочих фабричным магазином и приеме на работу рабочего Н. Л. Абрамова, отбывавшего заключение в тюрьме за забастовку:

а) присоединение рабочих второй смены к требованиям рабочих первой смены (3 января 1917 года);

б) объявление администрации фабрики от 14 января 1917 года об увеличении зарплаты на каждый рабочий номер;

в) предъявление рабочими требования о прибавке 30 коп. на каждый рабочий номер;

г) объявление администрации фабрики от 23 января 1917 года об увеличении зарплаты рабочих с 1 февраля еще на 10 коп., кроме указанных в объявлении от 14 января.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1917 г., д. № 90, ч. 2).

120. «1916». Бытовые условия рабочих фабрики Ярославской большой мануфактуры.

(АР и ВП, ф. Д. П. IV, 1916 г., д. № 90, ч. 2).

III.

Послеоктябрьский период.

121. «1918. 11. 05». Национализация Большой Ярославской мануфактуры и передача ее в ведение «Центротекстиля» (выписка из протокола заседания президиума Высшего совета народного хозяйства от 5 ноября 1918 года и докладная записка по вопросу о национализации предприятия).

(ЦАОР, ф. Президиум ВСНХ, оп. 1, вяз. 9, д. № 146.

» ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 1, д. № 24, л. 64).

122. «1918». Количество рабочих Мануфактуры (из таблицы заводов по обработке волокнистых веществ).

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 1, д. № 12.

» ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. 191).

123. «1919». Анкета с статистическими сведениями о состоянии рабочей силы на фабрике.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текстильщиков, д. № 345/а).

124. «1919». Ликвидация трений между фабкомом и членами правления (протокол общего собрания фабкома и правления Ярославской мануфактуры).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., вяз. 5, д. № 303).

125. «1920». Статистические сведения о количестве рабочих и служащих предприятия и о движении рабочей силы за 1920 год.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 314.

ЦАОР, ф. НКТруд, оп. 02, вяз. 264, д. № 63, л. л. 3—4).

126. «1918». Капитал, оборудование, месячная производительность, годовая выработка, стоимость имущества, потребность топлива, фабричные расходы и т. п. по мануфактуре к моменту национализации (таблицы заводов по обработке волокнистых веществ и докладная записка о национализации фабрик).

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 1, д. № 24, л. 64).

» ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 1, д. № 12.

» ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. № 191).

127. «1918». Опись земель, принадлежащих товариществу фабрики Большой Ярославской мануфактуры.

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. № 191).

128. «1918. 08. 01». Опись строений и товаров Мануфактуры на 1 августа 1918 года.

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. № 191).

129. «1918». Счет покупателей Большой Ярославской мануфактуры от 23 августа 1918 года.

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. № 191).

130. «1918. 10. 15». Добавочные предприятия Большой Ярославской мануфактуры, находящиеся в Средней Азии и в Новгородской губернии, письмо в Московский областной совнархоз от 15 октября 1918 года со сведениями о добавочных предприятиях.

(ЦАОР, ф. Моск. обл. совнархоза, вяз. 13, д. № 191).

131. «1919». Анкета с статистическими сведениями о состоянии производства.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 345/а).

132. «1919». Участие рабочих фабрики в работах по восстановлению разрушенного мятежом города Ярославля (протокол общего собрания рабочих фабрики с обсуждением вопроса об участии рабочих в восстановительных работах).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 77).

133. «1919. 08. 29». Забастовка рабочих фабрики и дознание следственной комиссии по поводу забастовки (доклад инструктора орготдела союза текстильщиков о забастовке и протокол дознания следственной комиссии).

К материалам следственной комиссии приложен опрос ряда рабочих-участников забастовки, указывающий на влияние, которое имели в то время контрреволюционные элементы на отсталые группы рабочих фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 481 и 1018).

134. «1920». Доклад о годовщине 9 января 1905 года и о «неделе фронта» на общем собрании рабочих и служащих фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 62, № 3681).

135. «1920». План проведения дня воспоминаний о расстреле рабочих Ярославской мануфактуры в 1895 году.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 41).

136. «1920». Отчет о деятельности отделов фабкома: отдела труда, организационного, культурно-просветительного, жилищного и медицинского.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 159).

137. «1920». Организация чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемией сыпного тифа на фабрике (протоколы фабкома об организации комиссии).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 111).

138. «1920». Проводка электрического освещения в рабочие жилые корпуса (протокол с постановлением о проводке).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 005/109а).

139. «1920». Закрытие фабричного лабаза и организация с 1 января 1920 года потребительских обществ.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., арх. № 82—111, дело № 109а).

140. «1922». Статистические сведения о рабочей силе на фабрике за 1922 год.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 030).

141. «1923». Цифровые сведения о количестве рабочих на фабрике с 1 ноября 1923 года.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 021).

142. «1923». Рабочая сила на фабрике (сведения для подкомиссии Центрального производственного управления ВСНХ по пересмотру трестов).

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 13, вяз. 455, д. № 227).

143. «1924. 04. 01». Сводка о числе рабочих и членов союза по 1 апреля 1924 года.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 021).

144. «1924». Статистические таблицы по учету зарплаты.

(ЦА проф., Ц.К. текст., д. № 033).

145. «1924». Протокол общего собрания рабочих с обсуждением прогулов и опозданий на заводе (приложена статистическая сводка прогулов за 1920—1924 гг.).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 005).

146. «1925.11.01». Сведения на 1 ноября 1925 года о количестве рабочих фабрики в возрасте от 50 лет и старше.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 130).

147. «1925». Проект по распределению нивеллированного фонда (по зарплате).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 222).

148. «1925». Статистические таблицы по учету несчастных случаев, имевших место на производстве.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 037).

149. «1925». Статистические сведения об уплотнении рабочего дня в связи с переходом на трехстанную работу.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 3-а и 314).

150. «1925». Таблица процентного соотношения разного рода прогулов к общему количеству рабочих фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 022).

151. «1925». Организация труда, нормирование труда, система оплаты, специализация труда, условия труда, женский труд, санитарно-технические ус-

ловия труда, прогулы (доклад отдела труда НКРКИ по обследованию фабрики «Красный Перекоп» и материалы к докладу).

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 5, д. №№ 16, 17, 18, 19)

152. «1925». Сведения о молодежи от 14 до 23-х лет по фабрике и о рабочих по специальности с указанием среднего заработка.

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 5, д. № 19).

153. «1925». Статистические сведения по учету труда и зарплаты.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 3-а, 29).

154. «1927». Карточки выборочного обследования фабрики со сведениями о количестве рабочих часов, зарплате и т. д.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 031).

155. «1927». Статистическая таблица прогулов по ряду цехов

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 028).

156. «1927». Статистическая сводка по учету зарплаты.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 033).

157. «1922». Число прядильных веретен и количество выработанной пряжи (сравнительные данные за 1913 и 1922 гг., сведения для подкомиссии Центрального производственного управления ВСНХ по пересмотру трестов в 1923 году).

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 13, вяз. 455, д. № 227).

158. «1923». Таблицы норм уроков выработки на тюльпных машинах.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 224).

159. «1923». Расход топлива и сырья по фабрике (сведения для подкомиссии Центрального производственного управления ВСНХ по пересмотру трестов в 1923 году).

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 13, вяз. 455, д. № 227).

160. «1923». Сообщение директора фабрики в отдел труда ЦК текстильщиков о договорах на закупленный хлопок.

(ЦА проф., ф. ЦК. текст, д. № 305).

161. «1924». Цифровые данные о производстве фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 314).

162. «1925». Статистические сведения о переходе на трехстанную работу.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 3-а и 314).

163. «1925». Сравнительная отчетная калькуляция продукции фабрики в процентах.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 313).

164. «1925». Организация и производственная политика фабрики, исчисление капитала и прибыли; структура треста, амортизация и восстановление основного капитала; баланс производительности отдельных машин и станков, производительность труда; влияние общественной жизни на производительность труда, РКК (доклад отдела труда ЦКРКИ по обследованию фабрики «Красный Перекоп» и материалы к докладу).

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 5, д. №№ 16, 17, 18, 19).

165. «1926». Заключение ревиз. комиссии ВСНХ по балансу Ярославского хлопчатобумажного треста с данными по фабрике «Красный Перекоп».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 310).

166. «1926». Данные об общем состоянии производства фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 13).

167. «1926». Статистические сведения о проценте переработки по фабрике «Красный Перекоп».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 033).

168. «1926». Анкета по выявлению результатов работ на двух и четырех станках за квартал 1926 года.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 033).
169. «1923». Ведомость конфликтов, разбиравшихся в РКК.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 038).
170. «1924». Сводка карточек фабзавкома.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. 023).
171. «1924». Статистические таблицы по учету колдоговоров.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 032).
172. «1925». Работа по сбору членских взносов (докладная записка по обследованию работы фабзавкома о проведении сбора членских взносов по марочной системе и протокол общего собрания профсборщиков о ходе профсбора среди членов союза).
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 141 и 130).
173. «1925». Протокол общего собрания членов кассы взаимопомощи при фабзавкоме.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 17).
174. «1925». Акт ревизионной комиссии от ВЦСПС по обследованию работы фабзавкома.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 133).
175. «1925». Отчеты и протоколы по работе РКК.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 230 и 230/038).
176. «1925». Статистические материалы по учету колдоговоров и тарифных соглашений.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 032 и 033).
177. «1926». Акт обследования работы ФЗК уполномоченным Яросл. губернского отдела союза текстильщиков и статистическая сводка о численности членов союза.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 130).
178. «1926». Протоколы заседаний фабричной РКК, акты обследования работы РКК и отдела охраны труда и разъяснения тарифно-экономического отдела Ц. К. по работе конфликтной комиссии.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 046).
179. «1926». Дополнение к колдоговору правления губ. отдела союза текстильщиков с заводоуправлением.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., вяз. 5, д. № 200).
180. «1926». Разъяснение зав. тарифно-эконом. отделом и члена президиума Ц. К. Яросл. губ. отдела союза текстильщиков о сверхурочных работах на фабрике.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 033).
181. «1927». Письмо орготдела Ц. К. о нецелесообразности организации цехбюро в дворовом отделе.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 110).
182. «1927». Колдоговор между Ярославским губотделом и Ярославским хлопчатобумажным трестом по фабрике «Красный Перекоп».
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 210).
183. «1927». Протоколы заседания РКК по вопросам утверждения расценок и сверхурочных работ.
(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 230).
184. «1925». Карточки обследования профтехкурсов на фабрике (с указанием даты их основания — 1922 год); процент брони обучаемых в ФЗУ и процент бригадно-индивидуального ученичества на фабрике.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 026/454).

185. «1926». Статистические сведения на 1 ноября о профтехкурсах на «Красном Перекопе».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 025).

186. «1926». Сведения по индивидуальному и бригадному ученичеству на 1 октября и информация Ярославского губ. отдела в Ц. К. союза по работе общеобразовательных курсов на «Красном Перекопе».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 443).

187. «1926—1927». Статистические сведения о школах ФЗУ на фабрике в 1926—1927 гг.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 454).

188. «1924». Протокол общего собрания рабочих в присутствии наркомфина т. Сокольникова с перечнем вопросов, заданных рабочими т. Сокольникову после его доклада о международном положении.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 005).

189. «1925». Работа среди женщин работниц фабрики с указанием на увеличение количества цехделегаток.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 160).

190. «1926». Отчет и статистические сведения о проведении Международного дня работниц.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 160).

191. «1927». Информационная сводка о проведении празднования Международного женского дня.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 160).

192. «1925». Культработа среди женщин.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 160).

193. «1925». Работа фабричного клуба и красного уголка — описание работы клуба, присланное правлением клуба в Ц. К. (по докладной записке о постройке рабочего клуба); карточки статистического обследования красного уголка и материалы культкома о клубной работе.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., № 420).

194. «1925». Отчет о культурной работе, проделанной фабкомом в летний период.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 400).

195. «1925». Акт ревизионной комиссии от ВЦСПС с перечислением видов культработы и указанием сумм, затраченных на кино, газеты, музыкальные и драматические кружки и пр.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 133).

196. «1926». Протокол широкого культсовещания Яросл. губ. отдела союза с данными о культурной работе на фабрике «Красный Перекоп».

(ЦА, проф., ф. Ц. К. текст., д. № 400).

197. «1926». Отчет фабкома о летней культработе.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 411).

198. «1926». План работы по физкультуре на «Красном Перекопе».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 426).

199. «1927». Акт обследования культработы фабкома и отчет культкомиссии Ф. З. К. за период с 2 апреля 1927 года по 1 января 1928 года.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 420).

200. «1925» План работы юридической консультации при фабрике.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 256).

201. «1925». Акт отдела охраны труда по поводу работы амбулатории и сведения фабричной больницы о движении больных.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 242).

202. «1925». Заключение ревизионной комиссии ВЦСПС о порядке использования жилплощади рабочими и служащими фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 316).

203. «1925». «Улучшение бытовых условий рабочих фабрики «Красный Перекоп»—баня, прачечная, кооператив, столовая, ясли, детский очаг и т. п.»—доклад по обследованию фабрики «Красный Перекоп» и материалы к докладу.

(ЦАОР, ф. НКРКИ, оп. 5, д. № 16, 17, 18, 19).

204. «1926» Фонд улучшения быта рабочих («ФУБР») (таблица расходов по содержанию квартир рабочих и служащих фабрики, выписка из протокола заседания Ярославского губернского отдела союза по вопросу снесения за счет «ФУБР» убытка от снабжения молоком рабочих и перерасхода на больницы, ясли и диспансер, общие данные по движению ФУБР'а с момента его возникновения).

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. №№ 251/313, 255, 26/52).

205. «1926». Санаторная помощь рабочим — выделение 4 000 рублей из фонда улучшения быта для организации санатория для рабочих подростков.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 344).

206. «1926». Отчет о деятельности яслей.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 344).

207. «1926». Протокол совещания тарифно-экономического отдела Ярославского губ. союза о кредитовании рабочих с указанием разделения процента кредитования между центральным рабочим кооперативом и правлением фабрики.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 332/046).

208. «1926». Сведения о наводнении 28/IV—5/V, во время которого был затоплен ряд жилых помещений, занимаемых рабочими.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 530).

209. «1927». Письмо Ярославского губ. отдела Ц. К. о процентных отчислениях со счета прибылей треста в фонд улучшения быта рабочих для жилкооператива «Красный Текстильщик».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 255).

210. «1928» Информационный доклад о переходе фабрики на трехсменную работу.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 141).

211. «1929». Остановка работ на фабрике «Красный Перекоп» из-за несвоевременного выполнения Сормовским заводом заказа на запасные части.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 314).

212. «1929». Прорыв в снабжении хлопком, результатом чего явилось сокращение числа рабочих.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. 55/314).

213. «1928». Заседание рабочей конференции с отчетом Ц. К. союза текстильщиков; выборы на 8 съезд профсоюзов.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст, д. № 400).

214. «1928». Информационные сводки о перевыборах фабкомов.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 111).

215. «1928». Проведение дня 8 марта.

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 160).

216. «1929». Отчет в Ц. К. союза о состоянии культпросветработы на фабрике «Красный Перекоп».

(ЦА проф., ф. Ц. К. текст., д. № 400).

Из записной книжки архивиста.

Николай Романов об англо-бурской войне.

Из публикуемого интимного письма последнего Романова к сестре его Ксении Александровне [1]) мы узнаем, что в 1899 г. он одно время серьезно обдумывал вопрос о войне с Англией. Случай представлялся для этого удобный: Англия была втянута в войну с бурами.

Помешала неподготовленность царской армии к «серьезным действиям». При отсутствии прямой железнодорожной связи с Туркестаном Николай Романов не решался двинуть войска к английской границе. Он должен был отложить осуществление «излюбленной мечты» своей,— но только отложить.

Вражда к Англии лежала в основе внешней политики царизма в течение всей второй половины XIX века и в начале XX. Сложились в этом отношении прочные традиции, которые Николай Романов унаследовал от своего отца и деда. Основания у этой наследственной вражды были по-своему очень солидные. Английский капитализм был главным соперником русского царизма в Азии. Все попытки царских правительств осуществить «историческую миссию» Романовых и пробиться к южному выходу в океан разбивались о сопротивление Англии, стоящей зорко на страже своих захватов в Азии. Англия стояла на пути царизма в Константинополь. Англия мешала движению на Балканы. Англия не давала возможности превратить Персию в персидское генерал-губернаторство с русскими исправниками и урядниками. Захватывая средне-азиатские ханства, царская Россия с тревогой смотрела на английские штыки. Покуда Англия по-хозяйски распоряжалась в Афганистане, царизм не чувствовал себя полным хозяином награбленной добычи.

Витте говорит в своих «Воспоминаниях» о ненависти Николая к англичанам: «...Его величество относился к англичанам весьма недружелюбно: так, мне неоднократно приходилось слышать выражения, при которых между жидами и англичанами и англичанами и жидами не делалось никакой разницы» [1]). Дальше этого в ненависти некуда было итти!

Английская буржуазия платила царизму относительно той же монетой, и выражалось это между прочим в том, что английская полиция не выполняла пожеланий русской охранки с такой готовностью, с какой, например, служила ей французская республиканская полиция. Это был дополнительный и весьма существенный источник раздражения последних Романовых против английского правительства.

Конечно, обе стороны свои истинные чувства скрывали и официально обменивались, как полагается, дипломатическими любезностями. Незадолго до публикуемого здесь письма, в котором Николай Романов мечтает о внезапном нападении на тыл Англии, он делал дружеский визит английскому королю. Интереснее другое обстоятельство, придающее этому старому письму характер некоторой злободневности и даже актуальности.

Письмо написано 21 октября 1899 г. А всего за два слишком месяца до этого закончилась в Гааге так называемая «мирная конференция», созванная по инициативе Николая Романова. Капиталистическая печать всего мира еще не отшумела по поводу этой конференции, и хотя все газеты относились скептически к ее возможностям и результатам, но море слащавых слов было излито о миролюбии русского царя, причем особенно старалась, конечно, русская печать (не только реакционная, но и либеральная) и французская всех направлений. О Николае писали тогда снисходительно, как о наивном идеалисте на троне. Считали, что это благородный с его стороны жест,

---

[1]) Особый отдел Центр. историч. архива.

[1]) Витте, Воспоминания, т. II, стр. 406.

свидетельствующий, во всяком случае, о добрых и мирных намерениях.

В ноте, которая в 1898 г. была разослана от имени русского царя всем иностранным державам, сделан был призыв «положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства для предотвращения угрожающих всему миру несчастий». Это был тот же язык, которым говорят и теперь все империалистические правительства в Женеве. Николай Романов в своем «пацифизме» не уступал самым слащавым нынешним дипломатам. Он 35 лет назад предлагал ограничить вооружения и заменить вооруженные столкновения третейским разбирательством в Гааге.

Мы знаем теперь мотивы этого «миролюбия». Царское правительство предлагало на время прекратить вооружения, потому что само оно в это время занималось деятельным перевооружением своей армии и хотело выиграть время для того, чтобы подтянуть к современному уровню военной техники сильно отставшую артиллерию. А теперь из интимного письма царя к сестре мы узнаем, что в то самое время, как официально Николай Романов на виду у всего мира предавался сентиментальным мечтам о всеобщем мире и об ограничении вооружений, в действительности он тешил себя «излюбленными мечтами» о нападении на Англию и прикидывал все для этого возможности.

Капиталистический мир не изменился за эти 35 лет,— пожалуй, только еще больше усовершенствовал искусство дипломатического лицемерия. Мы и теперь слышим речи о всеобщем мире, об ограничении вооружений, и одна конференция по разоружению расходится только для того, чтобы уступить место новой, для повторения тех же речей. Империалистические правительства соперничают между собой в пацифистской болтливости. О своих подлинных «излюбленных мечтах» они говорят только в таких интимных документах, которые станут достоянием широких кругов трудящихся лишь после того, как и архивы капиталистических правительств станут по примеру царских архивов достоянием рабочего класса.

З.

Jagdschloss Wolfsgarten. Post Egelsbach.

21 октября 1899 г.

Дорогая моя Ксения,

От души благодарю тебя за твое длинное и занимательное письмо, которое меня очень обрадовало. Из последних твоих телеграмм я с удовольствием узнал, что у вас погода снова теплая. Досадно жить на юге, когда погода дурная, как у вас было до сих пор. В этом отношении нам особенно повезло тут в этом году. Я никогда не думал, чтобы в конце октября здесь в средней Германии можно было играть в lawn tennis и каждый день пить чай на воздухе; сегодня, например, в тени было 16°— благодать господня! Вот настоящий о т д ы х для меня, с пребыванием в лесу и с полнейшей свободой действий! И Аликс [1]) и я мы наслаждаемся тут во-всю с нашими детками. От здешней спокойной жизни боли у нее совсем прошли, слава богу! Лишь бы они не возобновились опять зимою от стояний при разных случаях и приемах!

Как и ты и Сандро [2]), я всецело поглощен войною Англии с Трансваалем; я ежедневно перечитываю все подробности в английских газетах от первой до последней строки и затем делюсь с другими за столом своими впечатлениями. Я рад, что Аликс во всем думает, как мы; разумеется, она в ужасе от потерь англичан офицерами, но что ж делать — у них в их войнах всегда так бывало!

Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, полученного уже вчера, о том, что во время вылазки генерала White целых два английских батальона и горная батарея взяты бурами в плен!

Вот что называется влопались и полезли в воду, не зная броду! Этим способом буры сразу уменьшили гарнизон Ледисмита в 10 тысяч человек на одну пятую, забрав около 2 000 в плен.

Недаром старик Крюгер [3]), кажется, в своем ультиматуме к Англии,— сказал, что, прежде чем погибнет Трансвааль, буры удивят весь мир своею удалью и стойкостью. Его слова положительно уже начинают сказываться. Я уверен, что мы еще не то увидим, даже после высадки всех английских войск. А если поднимется восстание остальных буров, живущих в английских южно-африканских колониях? Что тогда будут делать англичане со своими 50 тысячами; этого количества будет далеко недостаточно, война может затянуться, а откуда Англия возьмет свои подкрепления — не из Индии же?

Ты знаешь, милая моя, что я не горд, но мне п р и я т н о с о з н а н и е, что т о л ь к о в м о и х р у к а х находится средство вконец изменить ход войны в Африке. Средство это очень простое —

---

[1]) Александра Федоровна, жена Николая Романова.

[2]) Александр Михайлович, вел. кн., муж Ксении Александровны, сестры Николая Романова.

[3]) Крюгер (1825—1904), президент Южно-Африканской республики (Трансвааля).

отдать приказ по телеграфу всем туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там в наиболее уязвимом для нее месте.

Но время для этого еще не приспело; мы недостаточно готовы к серьезным действиям, главным образом потому, что Туркестан не соединен пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией.

Однако я и увлекся, но ты поймешь, что при случае невольно иногда самые излюбленные мечты вырываются наружу, и невозможно удержаться, чтобы не поделиться ими.

Даже тут в мирном Дармштадте большое возбуждение, как и везде, против Англии, и самое горячее участие принимается в судьбе африканских голландцев!

Когда это письмо дойдет до тебя, мы уже будем в Скерневицах. По пути придется остановиться почти на целый день в Потсдаме, где я намерен всячески натравливать императора [1]) на англичан, напоминая ему о его известной телеграмме Крюгеру!

На-днях мы были в Бадене, старики — великий герцог и великая герцогиня — приняли нас самым радушным образом. Сегодня они приехали сюда отдать визит вместе с дядей Мишей [1]) и Charles Alexandre [2]).

Так приятно, что наша церковь в Дармштадте готова, мы пользуемся каждым праздником, чтобы ездить к службе. Янышев [3]) живет здесь с диаконом и семью большими певчими; службы в этом составе так напоминают ливадскую церковь.

Недавно мы были в Rumpenheim'e; я был рад увидеть старый дом, о котором столько приходилось слышать. Fischy и Mossy [4]) живут там.

Теперь мне, право, следует кончить.

Прощай, моя дорогая Ксения. Крепко обнимаю тебя, Сандро и милых деток, четвертого будущего также!

Когда вы думаете быть в Питере?

Христос с тобой!

Сердечно тебя любящий

старый Ники.

К БИОГРАФИИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

(1901—1902 гг.).

Публикуемые ниже архивные материалы, хотя и не прибавляют ничего нового ни к характеристике Л. Н. Толстого, ни к характеристике русского самодержавия, все же представляют определенный интерес, поскольку дают некоторые новые факты, касающиеся отношений царского правительства к яснополянскому мудрецу.

Несмотря на резкие и страстные нападки Л. Н. Толстого на самодержавно-бюрократический строй, — несмотря на то, что он, как еретик, был отлучен от православной церкви и предан анафеме, церберы у трона, в жандармских мундирах и церковных ризах, не осмеливались довести своего замысла, своей расправы до конца. Их злобе и ненависти не было пределов, но в своей трусости они не решались ни сгноить великого писателя в тюрьме, ни замучить его где-нибудь за полярным кругом в Сибири, ни выслать за границу, так велик был его моральный авторитет внутри страны и во всем мире.

Но зато царские министры и жандармы с неослабным и злобным вниманием следили за жизнью Толстого, за каждым его шагом, опасаясь, как бы влияние писателя не вызвало каких-либо волнений внутри страны, тем более, что Толстой умел держаться в известных пределах независимо и порою возвышал свой негодующий голос.

В начале лета 1901 г. Толстой стал прихварывать. Чтобы поддержать свои силы, он уехал в Крым, но и здесь, несмотря на солнечную, теплую осень, здоровье его то улучшалось, то ухудшалось, причиняя большое беспокойство властям. Царские холопы Толстого боялись живого, не менее боялись и мертвого. Боялись, как бы в глазах широких масс писатель не вырос в мученика и страдальца, умершего с проклятием царской и духовной власти. Они принимали меры к тому, чтобы представить писателя умершим с покаянием, примиренного с государством и церковью. Они старались не только осквернить великое имя, но и поддержать при этом свой авторитет.

И вот, когда пошли слухи об опасном состоянии здоровья Льва Николаевича, о его приближающейся смерти, поднялась невообразимая суматоха, которая нача-

[1]) Т. е. Вильгельма II, имп. германского.

[1]) Михаил Николаевич, вел. князь.

[2]) Charles Alexandre — Карл-Александр-Август, вел. герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский.

[3]) Янышев И. Л., протопресвитер придворных соборов, духовник царской семьи.

[4]) Повид., принц Гессенский Фридрих-Карл и его жена Маргарита-Беатриса-Феодора, урожд. принцесса Прусская.

лась с пресловутого князя Святополк-Мирского, тогда товарища министра внутренних дел, самого министра вн. дел Сипягина и захватила губернаторов, полицеймейстеров, исправников, приставов, простошников, синод и попов, а также инженеров службы железнодорожного движения. Начались полицейские и железнодорожные приготовления к смерти Толстого. Посыпались шифрованные телеграммы, рапорты, донесения, распоряжения, в которых предусматривались все детали перевозки врага после его смерти,— вплоть до того, как приготовить траурный вагон, как сократить стоянки на крупных станциях, чтобы избежать манифестаций, соответствующие распоряжения даны были цензуре и т. д.

Полицейское «дело», содержащее документы об этой административной суматохе, началось 6 июля 1901 г., а кончилось 25 июня 1902 г. Состоит оно из 40 листов и помечено: «Совершенно секретно».

Лев Николаевич однако поправился и через Севастополь вернулся в Ясную Поляну. Намерения властей потерпели крах.

Публикуемые документы хранятся в Центрархиве Крымской АССР; они подготовлены к печати М. П. Михайловым.

Валерьян Полянский.

---

1. Шифр. телеграмма тов. министра вн. дел кн. Святополк-Мирского, таврическому губернатору от 6 июля 1901 г.[1]).

В случае кончины находящегося в крайне болезненном состоянии писателя графа Льва Толстого могут возникнуть ходатайства о чествовании его памяти и устройстве посему разных собраний и вечеров. Необходимо отнестись к разрешению таковых крайне осмотрительно: давать разрешения лишь известным, благонадежным лицам; следить за неуклонным выполнением программ в пределах разрешенного и не допускать никаких демонстративных речей, действий и манифестаций.

За министра товарищ министра
Князь Святополк-Мирский.

2. Секретный циркуляр таврического губернатора всем начальникам полиции Таврической губернии от 7 июля 1901 г.

За министра внутренних дел, товарищ министра кн. Святополк-Мирский сообщил мне, что в случае кончины находящегося в крайне болезненном состоянии писателя графа Льва Толстого могут возникнуть ходатайства о чествовании его памяти или об устройстве по этому поводу различных собраний. В подобных случаях необходимо отнестись к разрешениям крайне осмотрительно: давать таковые разрешения лишь известным, благонадежным лицам; следить за неуклонным выполнением программ в пределах разрешенного и не допускать никаких демонстративных речей, действий и манифестаций.

Губернатор шталмейстер двора его величества Лазарев.
Управляющий канцелярией Терлецкий.

3. Телеграмма харьковского губернатора таврическому губернатору от 17 ноября 1901 г.

Благоволите телеграфировать, правда ли, что умер граф Лев Толстой. Здесь ходит слух; опасность демонстрации.

Губернатор Тобизен.

4. Служебная записка таврического губернатора 18 ноября 1901 г.

Зашифруйте, пожалуйста, телеграмму ялтинскому исправнику следующего содержания.

«Случае ухудшения здоровья или смерти графа Льва Толстого немедленно телеграфируйте. Сообщите телеграммой, как его здоровье теперь.

Лазарев».

18. XI. 1901.

5. Телеграмма ялтинского исправника таврическому губернатору от 18 ноября 1901 г.

Немного хворает. Опасности нет.

Исправник Греков.

6. Телеграмма и. д. ялтинского исправника таврическому губернатору от 12 декабря 1901 г.

Девятого декабря граф Толстой прибыл в Ялту на дачу Иловайского к дочери княгине Оболенской. Заболел, лежит в постели.

За исправника Фрейганг.

7. Шифр. телеграмма таврического губернатора товарищу министра внутренних дел князю Святополк-Мирскому от 13 декабря 1901 г.

Граф Лев Толстой переехал из Гаспры в Ялту к своей дочери княгине Оболенской, заболел, лежит в постели.

Губернатор Лазарев.

---

[1]) См. док. № 10.

8. Телеграмма ялтинского исправника таврическому губернатору от 28 января 1902 г.

Граф Толстой опасно болен.

Исправник Греков.

9. Телеграмма директора департамента полиции и. д. таврического губернатора от 29 января 1902 г.

В случае кончины графа Льва Толстого и возбуждения просьбы о перевозке тела, разрешение может быть дано только на перевозку в Ясную Поляну. Сообщая о сем по приказанию министра, прошу, в случае выдачи разрешения, немедленно уведомить меня по телеграфу также о дне выезда, для необходимых распоряжений.

Директор Зволянский.

10. Телеграмма министра внутренних дел таврическому губернатору от 30 января 1902 г.

Ввиду распоряжения святейшего синода в случае кончины графа Льва Толстого не служить по нем панихид, прошу распоряжения, чтобы в местных изданиях не разрешалось печатание каких-либо объявлений о панихидах, а равно принять меры к устранению всяких демонстративных требований о службе панихид. Подтверждаю также указания, сообщенные телеграммой товарища министра 4 июля [1]).

Министр внутренних дел
Сипягин.

11. Предписание таврического губернатора ялтинскому исправнику от 30 января 1902 г., № 508. [2]).

Совершенно секретно.

Г. министр внутренних дел телеграммой сообщает, что в случае кончины графа Л. Толстого, ввиду распоряжения святейшего синода, не должно быть допускаемо служений по нем панихид. Поэтому не должно быть также допускаемо печатания в местных органах печати объявлений о производстве панихид, о чем мною вместе с сим делается распоряжение по цензуре. Вместе с тем должны быть приняты энергичные меры к устранению всяких демонстративных требований о службе панихид, а равно должен быть в точности исполнен циркуляр мой от 7 июля 1901 г., № 4306. Кроме того предлагаю вам, в случае разрешения перевоза тела графа Льва Толстого в Ясную Поляну, немедленно телеграфировать мне о дне вывоза тела и пути, которым таковое будет направлено.

12. Предписание и. д. таврического губернатора цензору от 30 января 1902 г., № 507. [1]).

Совершенно секретно.

Циркулярно.

Предлагаю вам в случае кончины графа Льва Толстого, ввиду распоряжения святейшего синода, не допускать в цензируемой вами газете печатания каких-либо объявлений о панихидах по нем.

Временно управляющий губернией
вице-губернатор [подпись].

13. Телеграмма министра внутренних дел таврическому губернатору от 30 января 1902 г.

В случае кончины графа Льва Толстого, не препятствуя помещению в изданиях некрологов, обзоров литературной деятельности, при соблюдении объективности и осторожности, предлагаю не допускать сведений и рассуждений, имеющих отношение к постановлению синода.

Министр внутренних дел Сипягин.

14. Циркуляр и. д. таврического губернатора цензорам от 31 января 1902 г., № 520.

Совершенно секретно.

В случае кончины графа Льва Толстого предлагаю вам, не препятствуя помещению в цензируемой вами газете некрологов и обзоров литературной деятельности этого писателя, при соблюдении объективности и осторожности, ни под каким видом не допускать печатания сведений и рассуждений, имеющих отношение к постановлению святейшего синода.

Временно управляющий губернией
вице-губернатор [подпись].
Управляющий канцелярией
Терлецкий.

15. Телеграмма севастопольского градоначальника таврическому губернатору от 3 февраля 1902 г.

Граф Толстой обратился ко мне за получением заграничных паспортов себе, Сухотину и Щуровскому. По телеграфу донеся министру внутренних дел об этом, я вместе с сим телеграммой предложил графу обратиться к вам по месту жительства.

Градоначальник контр-адмирал
Феодосьев.

---

[1]) Так в подлиннике. См. док. № 1.

[2]) Воспроизводится с отпуска.

---

[1]) Воспроизводится с отпуска.

16. Телеграмма севастопольского градоначальника таврическому губернатору от 3 февраля 1902 г.

В дополнение к телеграмме от 3 сего февраля сообщаю, что директор департамента полиции телеграммой уведомил меня о неимении препятствий к выдаче заграничных паспортов в случае надобности графу Толстому и лицам сопровождающим.

Градоначальник контр-адмирал Феодосьев.

17. Телеграмма таврического губернатора ялтинскому исправнику от 6 февраля 1902 г.

Севастопольский градоначальник телеграфирует, что директор департамента полиции уведомил о неимении препятствий к выдаче заграничных паспортов графу Толстому, лицам сопровождающим. Сообщите по принадлежности.

18. Телеграмма директора департамента полиции таврическому губернатору от 8 февраля 1902 г.

На случай кончины графа Толстого и ходатайства о перевозке тела, не откажите сообразовать ваши распоряжения с указаниями, которые управляющий дороги получил от министерства путей сообщений относительно поезда, с которым может быть отправлено тело.

Директор Зволянский.

19. Отношение таврического губернатора на имя начальника Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги от 9 февраля 1902 г., № 667. [1]).

Совершенно секретно.

Директор департамента полиции просит меня, на случай кончины находящегося ныне в Кореизе, Таврической губернии, графа Льва Толстого и перевозки его тела, согласовать мои распоряжения с указаниями, которые вы имеете получить от министерства путей сообщений относительно поезда, в коем может быть отправлено тело.

Ввиду этого имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить мне о тех указаниях, которые вы получите по этому поводу, а также не откажите сделать распоряжение, чтобы местные железнодорожные агенты уведомили меня и симферопольского полицеймейстера о времени и № поезда, с которым будет отправлено тело, причем желательно, чтобы поезд с телом не имел значительных остановок в более населенных пунктах.

20. Отношение начальника Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги на имя таврического губернатора от 12 февраля 1902 г., № 2.

Совершенно секретно.

Вследствие отношения от 9 февраля, за № 667, имею честь препроводить вашему превосходительству:

1. Копию секретной депеши, полученной мною от управления железных дорог.

2. Копию предписания, за № 22 от 10 февраля, посланного начальнику I отделения службы движения г. Махову, живущему в Севастополе.

К сему считаю долгом присовокупить, что, если бы ваше превосходительство сочли почему-либо нужным изменить распоряжение мое относительно способа уведомления вашего превосходительства о времени проследования тела, то благоволите от себя дать соответствующие указания начальнику отделения г. Махову, и таковые будут им исполнены в точности, о чем ему вместе с сим сделано распоряжение.

За начальника дороги
инженер Кузьменко.
Начальник службы движения
инженер [подпись].

21. Копия секретной телеграммы управления железных дорог на имя начальника Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги, № 233.

Ввиду вероятной вскоре кончины в Крыму писателя графа Толстого последует необходимость перевозки его тела до ст. Ясенки. Предлагается озаботиться приготовлением траурного вагона, вагона для семейства. В случае обращения семейства графа с требованием на перевозку предложите два маршрута: по первому оба вагона последуют от Севастополя до Ясенок почтовым поездом; при этом для сокращения стоянки в Харькове, по соглашению с министром внутренних дел, предлагается почтовый поезд привести в Харьков с опозданием до сорока минут, для сокращения стоянки до 15 минут, и отправить из Харькова своевременно, невзирая на задержку почты. По второму маршруту вагон с телом отправляется из Севастополя скорым до Синельникова, где прицепляется к воинскому № 24 до Белгорода, откуда прицепляется к почтовому, с которым от Севастополя следует вагон семейства графа. Стоянка поезда № 24 в Харькове путем опоздания прибы-

[1]) Воспроизводится с отпуска.

тия сокращается до 20 минут. Об избранном маршруте телеграфируйте управлению железных дорог и губернаторам таврическому и харьковскому.

С подлинным верно. Начальник службы движения инженер [подпись].

22. Копия предписания начальника движения Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги начальнику I отделения от 10 февраля 1902 г., № 22.

Совершенно секретно.

Весьма вероятно, что вскоре может последовать в Крыму кончина писателя графа Л. Н. Толстого и потребуется перевозка его тела от Севастополя до ст. Ясенки Московско-Курской железной дороги.

Ввиду этого прошу вас принять к непременному исполнению следующее:

1. Для перевозки тела графа должен быть предоставлен траурный вагон, для чего следует взять багажный вагон и обить его внутри траурной материей (черным коленкором с белыми отводами), вагон должен быть в полном порядке и чистоте и иметь вполне приличный и соответствующий обстоятельствам вид. Приспособление вагона должно быть сделано согласно вышеизложенному начальником депо Севастополь, для чего вы дадите прочесть настоящий пункт этого распоряжения, о чем ему будет сообщено депешей начальником службы тяги.

2. Для проезда семьи графа должен быть предоставлен особый вагон соответствующего билетам класса.

23. Отношение таврического губернатора на имя начальника I отделения службы движения Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги (в Севастополе) от 27 февраля 1902 г., № 910 [1]).

Совершенно секретно.

В случае невозможности почему-либо исполнить данное вам начальником дороги предписание за № 22, имею честь покорнейше просить вас, м. г., вместо присылки ко мне нарочного с докладом о проходе известного вам поезда, уведомить меня телеграммой следующего содержания: «Срочная посылка высылается... числа».

24. Донесение начальника I отделения службы движения таврическому губернатору от 22 июня 1902 г., № 1202 [2]).

Имею честь почтительнейше доложить вашему превосходительству, что граф Лев Толстой выезжает из Севастополя 24 сего июня с курьерским поездом № 2.

Начальник I отделения службы движения Махов.

25. Телеграмма и. д. ялтинского исправника таврическому губернатору от 25 июня 1902 г.

Граф Толстой [выехал] сегодня пароходом в Севастополь.

За исправника Фрейганг.

26. Рапорт и. д. ялтинского исправника таврическому губернатору от 25 июня 1902 г., № 4277 [3]).

Имею честь донести вашему превосходительству, что сего числа из имения графини Паниной выехал граф Лев Толстой в свое имение Ясную Поляну Тульской губернии.

Фрейганг.

Из резолюций Николая Романова.

Если бы собрать все резолюции Николая Романова, положенные им на докладах за двадцать три года его царствования, картина получилась бы весьма любопытная. Она явилась бы, с одной стороны, ярким подтверждением интеллектуального ничтожества последнего русского царя, с другой стороны, опровержением мнения тех, кто видел в Николае лишь тупую, безвольную пешку. Резолюции бывшего царя указывают, что это был человек весьма твердых и определенных убеждений. Правда, эти убеждения в сфере, например, многих вопросов внутренней политики не шли дальше знаменитой формулы: «Тащить и не пущать». Этой формуле неизменно следовал венценосный Мымрецов и в своей политике по отношению к средней и высшей школе.

В 1901 г., после убийства Боголепова, министром народного просвещения был назначен ген. П. С. Ванновский. В рескрипте на его имя Николай возлагал на нового министра проведение начал «сердечного попечения в школе». Однако эта «диктатура сердца» в области народ-

---

[1]) Воспроизводится с отпуска.

[2]) На подлиннике помета: «Сделано лично распоряжение. 25/VI».

[3]) На подлиннике помета: «К сведению».

ного образования жестоко обманула тех, кто ей поверил.

Печатаемые ниже документы с резолюциями Николая еще раз говорят о том, что инициатива самой реакционной политики по отношению к школе исходила от самого царя. Его жестокая, последовательная реакционность подчас смущала даже такого, весьма далекого от «бессмысленных мечтаний» человека, каким был Ванновский.

Документы эти хранятся в архиве гр. И. И. Толстого [1]), находящемся в Рукописном отделении государственной публичной библиотеки в Ленинграде.

Один из них, это — «всеподданнейшая» записка министра народного просвещения П. С. Ванновского:

«Не соизволите ли ваше императорское величество высочайше мне повелеть пригласить к себе министров, в ведении коих имеются высшие учебные заведения, для совещания по поводу увеличения числа учебных заведений, в которых вследствие беспорядков приостановлены учебные занятия, и о мерах противодействия беспорядкам.

Генерал-адъютант Ванновский.
11 февраля 1902 г.».

На записке Николай положил следующую резолюцию:

«Согласен. Настаиваю самым энергичным образом, чтобы меры были приняты крутые, действительные и безусловно однообразные» [2].

В бумагах И. И. Толстого к этой записке приложен листок, написанный почерком неизвестного лица и являющийся комментарием к упоминаемым событиям.

Текст его таков:

«В начале 1902 г. волнения в высших учебных заведениях достигли крайних пределов: всюду практиковалась химическая обструкция, профессоров стаскивали с кафедры, умеренных студентов избивали. Министр народного просвещения генерал Ванновский применял уже местами чрезвычайные репрессивные меры: исключались целые курсы без определения степени виновности отдельных лиц. Но движение продолжало расти: оно распространилось на заведения различных ведомств. Тогда П. С. Ванновский испросил полномочий образовать под своим председательством совещание соответственных министров. Последовавшая резолюция смутила его однако: государь, с одной стороны, соглашался предоставить совещанию инициативу выработки мер борьбы с беспорядками, с другой же, не дожидаясь доклада совещания, повелевал ему применить меры крутые, действительные и однообразные. Между тем совещание могло быть того мнения, что именно крутые меры оказались недействительными и что однообразие нежелательно при наличии особых местных и других условий. Ванновский не решился даже передать текст резолюции в департамент».

Второй документ — телеграмма и. о. директора Верхнеудинского реального училища Николаю Романову.

Телеграмма послана 12 февраля 1906 г. В этот день в Верхнеудинске публично казнили пять человек осужденных «временным военным судом» ген. Ренненкампфа.

В эти же дни был арестован инспектор народных училищ Верхнеудинского уезда И. К. Окунцов, обвинявшийся в пропаганде среди учителей и в организации «Союза учителей с преступной программой» [1]).

На основании приводимой ниже телеграммы можно судить о том, что и среди педагогов Верхнеудинска были произведены аресты.

Телеграмма и. о. директора реального училища Николаю и резолюция последнего на ней — документ, ярко отражающий ужас тех дней, когда царизм, получивший у революции на одиннадцать лет отсрочку, спешил залить кровью костер революции.

Вот текст этой телеграммы:

«Подана в Верхнеудинске 1906 г. 5 ч. 40 м. по пп.

Получена в Царском Селе 1906 г. 8 ч. 6 м. по пп.

Его величеству государю императору.

Воспитанники реального и других училищ взволнованы, что в первый день суда генерала Ренненкампфа объявлен смертный приговор нескольким лицам, виновным лишь в стремлении осуществить манифест 17 октября. При общей панике и аресте нескольких педагогов правильный ход занятий в училищах невозможен. Именем детей прошу почтительно ваше величество о смягчении участи осужденных и всех остальных, имеющих явиться на суд. Смею думать, что ваше величество снимете с души детей страшный призрак смерти, избавите их от страха вашим именем и именем по-

[1]) Гр. И. И. Толстой — вице-президент Академии художеств, министр народного просвещения в 1905—1906 гг., впоследствии петербургский городской голова.

[2]) Набранное разрядкой, подчеркнуто в подлиннике.

[1]) «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.». Госуд. соц.-эк. изд., 1932, стр. 288. Окунцов был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой.

сланного вами судьи и воскресите в сердцах их любовь к ближнему и веру в правду и добро. Педагогический совет училища просит, дабы не нарушать занятий, на поруки всех взятых педагогов города, ручаясь, что они не уклонятся от суда.

И. о. директора реального училища Устрецкий».

На этой телеграмме Николай положил резолюцию: «Всяк сверчок знай свой шесток».

Г. Никольская.

К истории борьбы самодержавия с революционным движением в армии в 80-х гг. XIX в.

Проникновение в войска революционной пропаганды и все учащавшиеся случаи «нарушения чинопочитания» уже в 60-х и 70-х годах, особенно же после введения нового устава о воинской повинности (в 1874 г.), постепенно расшатывали палочную «воинскую дисциплину» в царской армии. Правительство, разумеется, не могло не видеть, какая опасность грозит самодержавному режиму со стороны тех самых вооруженных сил, на которые оно опиралось в своей борьбе с «внутренними врагами». Уже в 1862 г., в связи с известным делом Арнольдта, Сливицкого, Ростковского, Щура и др.[1]) правительство наметило ряд мероприятий по борьбе с проникновением в войска революционной пропаганды. В разосланном тогда секретном циркуляре предписывалось «очистить» армию от всех «неблагонадежных» в политическом отношении «офицеров, юнкеров и вольноопределяющихся».

В 1879 г. в заседании «соединенных департаментов законов гражданских и духовных дел» Госуд. совета при обсуждении закона «об усилении ответственности» за революционную пропаганду в армии министр юстиции гр. К. И. Пален между прочим заявил: «Призванное к охране политической независимости государства и его внутренней безопасности и составляя вооруженную часть населения империи, войско имеет в своем распоряжении могущественную материальную силу. Это обстоятельство, а равно и прямая зависимость высших государственных интересов от сохранения военных начал строгой дисциплины, безусловного подчинения власти и уважения к существующему порядку, делает, разумеется, необходимым ограждение войск от всех видов такого влияния, которое может поселять в нем мысли или устремления, направленные к колебанию и ниспровержению государственного строя»[2]). Через четыре года при обсуждении в совещании министров (10 июня 1883 г.) вопроса о призыве в войска студентов, уволенных за участие в беспорядках, правительство констатировало, что «весьма прискорбные факты показывают, что и солдатская среда может быть доступна революционной пропаганде. Дополнять ее лицами в всяком случае весьма сомнительной благонадежности значило бы прямо действовать в интересах революционной пропаганды»[1]).

В 1884 г. была образована под председательством великого князя Николая Николаевича (старшего) «Особая комиссия для обсуждения, какие должно принимать меры с целью воспрепятствовать распространению в войсках пропаганды революционной партии». Основные положения, выработанные комиссией, нашли отражение в публикуемом ниже секретном письме военного министра П. С. Ванновского начальнику Главного военно-судного управления кн. А. К. Имеретинскому.

Самый состав комиссии (четыре великих князя, военный и морской министры, три генерал-адъютанта) показывает то значение, которое придавали уже тогда военные власти этому вопросу. Комиссия предложила ряд мероприятий, которые должны были охранять армию от проникновения в ее ряды вредных идей.

Улучшение материального положения офицеров, по мнению комиссии, должно было способствовать «развитию в чинах армии и флота любви к среде и возвышению довольствия своим положением». Обязательная организация офицерских собраний во всех войсковых частях и увеличение на эти цели «денежного из казны отпуска» даст, по мнению комиссии, возможность «постоянного за образом мыслей и нравственностью офицеров надзора как со стороны начальников, так и товарищей». Словом, путем подкупа правительство стремилось приобрести «благонадежность» офицерства.

---

1) См. ст. А. А. Шилова в сб. «Музей революции», 1923 г., ч. I. стр. 38—43.

2) Архив Госуд. совета, департамент законов, д. № 61 за 1879 г.

1) А. Георгиевский. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПБ. 1890 г., стр. 130.

Комиссия предложила также ходатайствовать о составлении в военном министерстве и обязательном введении каталога для полковых библиотек с тем, чтобы затем «не включенные в них или не рекомендованные циркулярами Главного штаба сочинения, журналы и газеты к выписке в войска были уже запрещены».

Все внимание военного министерства в этот период было сосредоточено на кадровом офицерстве, при посредстве которого власти рассчитывали держать в полном своем подчинении армейскую массу.

Но уже в конце XIX в. и особенно в начале 900-х гг. внимание приказов и циркуляров военного министерства, командующих округами, командиров армейских корпусов и начальников дивизий [illegible]точивается на солдатской массе.

Вся истор[illegible] русской революции показала, что царскому правительству действительно удалось обеспечить себе надежную опору в офицерском составе армии, между тем как солдатская масса быстро революционизировалась. Подводя итоги революции 1905 года, Ленин писал: «Офицеры, за небольшим исключением, были тогда настроены или буржуазно-либерально, реформистски, или же прямо контрреволюционно. Рабочие и крестьяне в военной форме были душой восстания; движение стало народным»[1]). То же самое проявилось и в революции 1917 года, но уже в несравненно более широких размерах.

В деле революционно-социалистического воспитания армейской массы сыграла исключительную роль партия большевиков, которая широко развернула работу в армии еще накануне первой революции и не оставляла ее в течение всех последующих лет, вовлекая в создаваемые ею военные организации все новые и новые кадры армейской массы. Последняя и явилась верным союзником пролетариата в борьбе за свержение царизма, за уничтожение капиталистического строя и установление диктатуры пролетариата.

Письмо военного министра П. С. Ванновского начальнику Главного военно-судного управления А. К. Имеретинскому 22 мая 1884 года[2]).

Весьма секретно.

Милостивый государь
князь Александр Константинович!

Расследование политических преступлений за последнее время обнаружило, что начиная с 1880—1881 г. усилия революционеров главным образом обратились на распространение противоправительственной пропаганды среди армии и в особенности среди офицерского ее состава.

Государь император не может допускать и мысли, что верная, непоколебимо преданная престолу и отечеству армия могла бы быть, какими бы то ни было усилиями, совращена с пути долга. Тем прискорбнее видеть однако, что легкомыслие, бесхарактерность и соединенное с ним забвение присяги вовлекли уже некоторое число офицеров армии в прикосновенность с революционной пропагандой, а слабость внутреннего надзора в некоторых отдельных,— к счастию, немногих,— частях допустила проявление преступной деятельности даже в форме образования офицерских противоправительственных кружков.

Армия должна быть безусловно ограждена от подобных явлений.

Если нарушение верноподданнического долга вообще преступно, то тем преступнее оно для офицеров, клятвенно обязывающихся верно и нелицемерно служить его величеству и охранять до последней капли крови все права императорского самодержавия. Справедливость требует, чтобы подобное нарушение долга и присяги военными чинами подлежало сугубой каре.

В этих видах, с высочайшего соизволения, приступлено к пересмотру военно-уголовных законов, дабы внести в оные соответственные наказания за нарушение присяги при совершении военнослужащими государственных преступлений. Для утверждения же самой присяги и более сознательного отношения к ней лиц, облекаемых офицерским званием, устанавливается, чтоб вновь производимые офицеры (независимо от присяги, приносимой ими при поступлении на службу вольноопределяющимися и юнкерами, в юношеском еще возрасте) приводились к присяге в своих войсковых частях при знамени, в присутствии начальника части, со всею тою обстановкою, какая принята ныне для нижних чинов. Пользуясь торжественностью сего акта, начальники частей должны выяснить молодым офицерам, насколько даваемое ими обещание связывает не только их службу, но и все их действия с честью и достоинством части и устанавливает неразрывную для всех носящих ее мундир ответственность их перед престолом.

Начальники частей тем строже и заботливее должны относиться к выполнению этой обязанности, что ответственность за направление подчиненных им офицеров неизбежно и прежде всего должна падать на них же — начальников.

[1]) Ленин. Сочинения, т. XII, стр. 334, т. XIX, стр. 351.

[2]) ЛОЦИА. Архив Главного военно-судного управления, 1884 г., д. № 21, лл. 29—30.

По самому духу военной организации начальник части есть прямой ответчик за своих подчиненных и не только в отношении служебной их исполнительности, но и соблюдения ими всецело верноподданнического долга. Впредь эта ответственность неминуемо будет постигать тех, кто слабостью внутреннего надзора допустит развитие в своей части пагубной пропаганды.

Путь для пресечения зла вполне в руках начальников и достаточно обеспечивается существующими законоположениями. Начальникам предоставлено непосредственное влияние на производство как унтер-офицеров, так и офицеров, а следовательно, и на весь офицерский состав части. Без удостоверения начальства никто не может быть повышен в чине; этим средством всегда можно освободить часть от неблагонадежных элементов. В случае же надобности следует прямо применять циркуляр 1862 года (секретно сообщенный главным начальникам войск), коим предписывалось «очистить войска от всех офицеров, юнкеров и вольноопределяющихся, обнаруживающих нравственную испорченность и имеющих вредное влияние на товарищей и подчиненных, предлагая таковым вовсе оставить службу, а не переводить их из одной части в другую; о тех же из них, кои могут быть вредны и вне службы, сообщить конфиденциально военному министру для принятия мер к установлению за ними полицейского надзора».

Тем же циркуляром указывалось: молодых, легкомысленных офицеров, склонных к посторонним внушениям, предохранять от вредного товарищества, сближая их более со старшими, надежными офицерами и имея их под ближайшим наблюдением начальников. Всех вообще офицеров, юнкеров и вольноопределяющихся, занимая службою, не оставлять в праздности, отвлекать их от сообщества с вредными слоями городского населения, особенно же там, где есть студенты, куда сосланы на житье политические преступники или люди, уже признанные неблагонадежными, а также от польских и других агитаторов; поддерживая во всей силе воинскую дисциплину, строго требовать от всех чинов как точного исполнения установленных правил службы и обязанностей каждого, так и внешнего чинопочитания и приличия, отнюдь не допуская того ложного начала, которое появилось в понятиях молодежи, будто вне строя могут быть забываемы все отношения подчиненности и старшинства; соблюдая предписанный уставами строгий порядок внутренней службы и порядок в казармах или местах расположения войск, не допускать посторонних людей в казармы и наблюдать, чтобы нижних чинов не завлекали в какие-либо сборища; строго следить за библиотеками как офицерскими, так и солдатскими, и преследовать хранение книг или рукописей недозволенных и вредных.

При неопустительном выполнении этих указаний большинство и не замеченных прискорбных случаев было бы, по всей вероятности, устранено, особенно, если начальственные лица поставили себе в обязанность относиться к делу не формальной лишь стороны, а и с полным душевным участием, которого оно заслуживает.

Нельзя не иметь в виду, что наших офицеров за последние [illegible] заметно изменился. Лиц из [illegible]аточного или потомственного дворянства убавилось; в армию стали приходить элементы из среднего и низших классов, менее развитые, менее устойчивые в своих взглядах, менее воспитанные. Необходимо всеми мерами поднимать этот состав, заботясь не только о служебной подготовленности офицеров, но и о нравственном, военно-общественном их воспитании, о развитии в них сознания воинской чести.

Правительство, насколько возможно, стремится улучшить материальную обстановку офицеров: в 1881 году последовала прибавка им столовых и порционов; с прошлого года значительно расширен даровой прием детей офицеров в военно-учебные заведения; ныне разрабатываются правила, которые облегчат офицерам переезды по железным дорогам и доступы в театры; при первой возможности имеется в виду улучшить еще более положение ротных и эскадронных командиров; но и улучшить[1]) ряд подобных материальных мер, сколько бы они ни были существенны, не принесет надлежащих плодов нравственному возвышению офицеров, если войсковые начальники останутся к нему безучастливы.

Кажется, что кроме личного примера начальников лучшим путем для нравственного влияния на общество офицеров могли бы служить офицерские собрания. Военное министерство вошло уже с ходатайством об обеспечении всем войсковым частям даровых помещений для собраний и увеличении их средств, но извлечь из них всю пользу, ввести в них занятия, развлечения и обычаи, благотворно действующие на нравственное возвышение офицеров, это выходит уже из области предписаний и может быть достигнуто лишь умелою и душевною за-

[1]) Так в подлиннике.

ботливостью ближайших начальников. Позволяю себе питать твердую уверенность, что они не откажутся от этой заботливости и, насколько сами проникнуты высокими чувствами долга и чести, настолько же поспешатся вкоренять и развивать их во всех своих подчиненных, чтоб и самые обычаи наших офицерских обществ вполне отвечали достоинству славной армии его величества.

В заключение не могу не остановиться и на следующем общем выводе.

Социально-революционная пропаганда с каждым годом делает все новые успехи, усиливаясь поколебать все государственные основы. С Запада зараза проникает и к нам, но здесь она встречает непреодолимый отпор в присущих русскому народу вере в бога и сердечной, безграничной преданности самодержавному царю. Еще превыше всех должна стоять в сих верованиях и чувствах наша армия, глубоко и убежденно сознавая, что только в них зиждятся несокрушимая сила одоления всякого врага, спасение России от всяких бед и возвеличение могущества и благоденствия нашего дорогого отечества.

Примите уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Петр Ванновский.

Сообщили *М. Ахун* и *Д. Зиневич.*

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ ЖУРНАЛА «КРАСНЫЙ АРХИВ»

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения.— Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. — Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым. — К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Воспоминания о «еврейской независимой рабочей партии». — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта. — Некрасов и цензура.— Из неизданной переписки Н. А. Некрасова.— Достоевский о Пушкинских торжествах.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова.—Цензура и Л. Толстой.— Александр III о Л. Толстом.— К биографии В. Г. Короленко.— Цензорский отзыв о рассказах В. Г. Короленко.— Библиография.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.— Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — М. Е. Салтыков-Щедрин и цензура. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Неизданные письма И. А. Гончарова. — Письма И. А. Гончарова к П. А. Вяземскому. — А. Мицкевич.— Из записной книжки архивиста: «Обуздание революционной деятельности столичной и провинциальной периодической печати 1906 г.» — С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.— Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.— Подкуп китайских сановников Ли Хун-чжана и Чжан Ин-хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову в 1910—1912 гг. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцова. — Бакунин перед австрийским судом. — М. А. Бакунин по отчетам III отделения. — К биографии Н. П. Огарева. — Из материалов о П. А. Лаврове. — А. И. Герцен и цензура в 1890 гг.— Прокламация Н. В. Шелгунова.— «Причина пожаров».— Письма С. Л. Перовской.— Воспоминания А. Г. Достоевской. — Из записной книжки архивиста: Завещание Николая I. — III отделение и Крымская война. — К биографии крестьянина П. А. Мартьянова.— К биографии Н. Г. и О. С. Чернышевских.— К каракозовскому процессу. — Судьба одной пародии Достоевского. — Бальзак в России. — Письма В. Гете. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Зарубежное издание писем быв. имп. Александры Федоровны.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.— Дневник А. А. Половцова.— Переписка В. Н. Коковцова с Нецлиным. — Семейная переписка Романовых. — Нечаев в Алексеевском равелине.—

Отзвуки польского восстания 1863 г.— Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике.— Письма К. П. Победоносцева к Александру III.— Из материалов о Л. Н. Толстом.— Два письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову.— Два письма А. И. Гончарова к К. Н. и Р. И. Посьет.— Из материалов о Ф. И. Тютчеве.— Из записной книжки архивиста: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда».— Достоевский в Твери.— Забастовка крепостных суконщиков.— В 50-х годах.— Речь А. П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам.— Письмо Я. В. Стефановича к В. К. Плеве.— К истории манифеста 17 октября.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.— К истории убийства Гр. Распутина.— Материалы по истории живописи в России.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.— Русско-германский договор 1905 г.— Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.)— Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.).— Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина.— Письма участников процесса 193-х.— Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.— С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции.— Из переписки Николая I в декабре 1825 г.— Письма Д. И. Писарева из крепости.— Два письма П. Ф. Якубовича.— Из записной книжки архивиста: Г. В. Плеханов и «шпионские забавы».— Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.— В. Чернов в июльские дни.— Распутин в освещении охранки.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут.— Константинополь и проливы.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Из архива Л. Тихомирова.— Временное правительство после Октября.— Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г.— Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.— Л. Толстой и помощь голодающим.— Из записной книжки архивиста: Два письма Карла Маркса.— Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.— К иконографии декабристов.— Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание).—Константинополь и проливы (окончание).— Из дневника А. Н. Куропаткина.— Автобиографическая записка и письма С. Ширяева.— М. Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson».— Достоевский. «Преступление и наказание». (Материалы к роману.)— Омские события при Колчаке.— Из записной книжки архивиста: Неизданный манифест Исполнительного Комитета «Народной Воли».— Неизданные письма Л. Толстого Ислави́ным и др.— Крепостной конституционалист в 1837 г.— Стихотворение Я. П. Полонского «Простая быль».

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.— Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.— Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г.— март 1906 г.).— Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 гг.).— Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича).— Октябрьский переворот в ставке.— Омские события при Колчаке

(окончание).— Указы Пугачева и его коллегии.— Литература 60-х годов по отчетам III отделения. — Ф. М. Решетников и «Северная Пчела». — Неизданная сказка А. П. Чехова. — Из записной книжки архивиста: Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве. — В годы реакции. — Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову. — Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г. — Пенсионная практика Временного правительства. — Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание). — Отражение событий 1905 г. за границей. — Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. — Крестьянское движение 1905 г. — Волнения во флоте в 1905 г. — Из дневника ген. В. И. Селивачева. — Показания А. Д. Протопопова. — Октябрьский переворот и ставка (окончание).— Вокруг Гатчины.— Записка А. К. Бошняка.— Марксистская периодическая печать 1896—1906 гг. — Из записной книжки архивиста: «План убийства» Вильгельма II. — Письмо Балашова к Столыпину. — Письмо Гапона.— Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г.— Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцова о займе 1905—1906 гг. — С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы.— Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. — Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. — Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко, 2) записка В. Степанова. — Протоколы заседаний ЦИК СР и СД I созыва после Октября. — Из дневника ген. В. И. Селивачева.— Из дневника А. Д. Протопопова. — Буташевич-Петрашевский в Сибири. — Из дневника в. кн. Константина Николаевича.— 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде. — Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге. — Из записной книжки архивиста: Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. думы. — К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен. — М. Корф в полемике с Герценом. — Стихотворение декабриста. — Песня декабриста. — Инструкции по Алексеевскому равелину. — Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости. — Рептильный фонд 1914—1916 гг. — Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ — ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского. — 9 января 1905 г.— Проект манифеста о событиях 9 января.— Манифест 17 октября.— Из архива С. Ю. Витте. — Доклады С. Ю. Витте Николаю II. — Хроника вооруженной борьбы в 1905 г. — Аграрное движение 1905 г. по отчетам Дубасова и Пантелеева. — Флот в 1905 г.: а) Восстание броненосца «Потемкин Таврический», б) «Георгий Победоносец». — Прибалтийский край в 1905 г. — Движение в войсках на Дальнем Востоке. — Штурм Пресни. — Карательная экспедиция Римана. — Заем 1906 г. в донесениях русского посла.— Из записной книжки архивиста: Николай II в 1905 г. — Письма Николая II к Дубасову. — К убийству Н. Э. Баумана. — Подвиги барона Меллера-Закомельского. — К истории 9 января 1905 г. — Из бумаг Д. Ф. Трепова. — Самоубийство Н. П. Шмидта.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМ.

М. Н. Покровский.— Статья.— Восстание Черниговского полка.— Записка Н. И. Тургенева. — М. Ф. Орлов и 14 декабря. — «Практич. начала полит. экономии» Па-

стеля. — К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным. — Заговор в Зерентуйском руднике. — Из записной книжки архивиста: П. И. Пестель. — «Конституция Госуд. завет». — Рассказ И. Я. Телешова о 14 дек. 1825 г. — Солдаты Московского полка о 14 дек. 1825 г. — Казнь моряков-декабристов. — Из писем и записок В. Ф. Раевского. — О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов. — Месяцеслов на 1827 г. — Завещание П. И. Пестеля.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Боксерское восстание. — Бакунин в 40-е годы. — Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отд. — Запрещенная цензурой статья Н. В. Шелгунова. — Новое о Нечаеве. — Автобиограф. заявление А. А. Квятковского. — Письмо Баранникова. — Аграрное движение в 1917 г. — К истории последних дней царского режима. — Из записной книжки архивиста: Письмо Эртеля об убийстве Сидорацкого. — Москва в марте 1881 г. — Отклики моск. промышленников на антиеврейские беспорядки в 1881 г. — Письмо ген. Буланже Александру III. — К истории манифеста 6 авг. 1905 г. — Хиромант Перен и русский министр.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Первая Балканская война. — Март — май 1917 г. — Февральская революция и европейские социалисты. — Гирш Лешкерт и его покушение. — Из архива Щегловитова. — К истории «хождения в народ». — Новое о Нечаеве. — Имущественное положение декабристов. — Из записной книжки архивиста: Из правительственных настроений в эпоху I Госуд. думы. — К истории аграрных мероприятий 1906 г. — Из писем ген. Левашова Куропаткину. — К истории покушения А. Ульянова и др. — Вокруг поездки Вивиани и Альбера Тома. — Неосуществившееся издание сочинений Л. Толстого под цензурой Николая II. — Неопубликованные статьи Добролюбова.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Ф. Э. Дзержинский по архивным материалам. — Первая Балканская война (окончание). — Февральская революция и европейские социалисты (окончание). — Романовы и союзники в первые дни революции. — К истории восстания киргизов в 1916 г. — К истории ареста и суда над с.-д. фракцией II Госуд. думы. — Записки современника о 1861 г. — П. И. Пестель по письмам к нему родителей. — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — Из записной книжки архивиста: О локализации празднования 1 мая на фабриках и заводах. — Экономические перспективы франко-русского союза после мировой войны. — Письмо ген. Стесселя ген. Глазову. — Революция 1905—1906 гг. в донесениях иностранных дипломатов. — Один из замыслов Ф. М. Достоевского. — Казни на Лисьем Носу в годы реакции.

СЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении. — Революционная пропаганда в армии в в 1916—1917 гг. — Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. — Всеобразовский кружок летом 1904 г. — К истории аграрной реформы Столыпина. — Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. — Бакунин (новые материалы). — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — Из записной книжки архивиста: Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. — К истории демонстрации-панихиды по убитым в с. Бездне в 1861 г. — Письмо Ф. Яцевича. — Донесение С. С. Татищева В. К. Плеве

в 1904 г. — Письма Медникова Спиридовичу. — Из переписки Николая Романова с В. А. Романовым. — «Расстреливать или вешать». — Экспедиция ген. Иванова на Петроград.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. — Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину. — Китайская революция 1911 г. — К истории Яоского совещания. — Продуголь. — Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. — Марксистская периодическая печать (окончание). — Из записной книжки архивиста: А. И. Желябов в Александровске. — Первый транспорт литературы группы «Освобождение труда». — Письмо В. К. Плеве к А. А. Кирееву. — Из черновых бумаг К. П. Победоносцева. — «Записка, достойная внимания». — ВЦИК в июльские дни 1917 г. — Учет департаментом полиции опыта 1905 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

К истории французской интервенции на юге России. — Англичане на Севере. — Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897—1905 гг. — Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904—1905 гг. — Дневник ген. Г. О. Рауха. — Записки Ф. А. Головина. — Письмо А. П. Щапова Александру II в 1861 г. — К истории «Земли и воли» 70-х гг. — Из показаний Н. И. Рысакова. — Из записной книжки архивиста: Из переписки С. М. Кравчинского. — Извещение о разгроме типографии в Саперном переулке. — Первомайские речи в Одессе в 1895 г. — Ответ «Рабочей газеты» (1898 г.) Г. В. Плеханову. — Два документа из истории зубатовщины. — 20 лет назад. — П. А. Столыпин и смертная казнь в 1908 г.

ДВАДЦАТЫЙ ТОМ.

Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией. — Конференция союзников в Петрограде в 1917 г. — Из дневника А. Н. Куропаткина. — Бухара в 1917 г. — Дневник Николая Романова. — «Работа» эсеров в 1918 г. — Записка Ф. Ф. Мартенса «Европа и Китай». — Письма Г. Ф. Здановича. — Из народовольческих автобиографических документов. — Из записной книжки архивиста: Французский агент о русском правительстве в 1802—1803 гг. — Петиция литераторов Николаю II в 1895 г. — Треповский проект речи Николая II к рабочим после 9 января 1905 г. — Программа союза русского народа перед Февральской революцией.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Февральская революция 1917 г. — Дневник Николая Романова (продолжение). — Союз земельных собственников в 1917 г. — «Демократическое» правительство Грузии и английское домандование. — Начало врангелевщины. — Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания. — Общество «Священной дружины». — Из записной книжки архивиста: Как буржуазия готовилась к Октябрю. — Письмо генерала Д. Г. Щербачева ген. А. И. Деникину. — Подкуп «Нового времени» царским правительством. — «Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 г. — Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. — Ф. М. Достоевский — «член тайного общества».

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ТОМ.

Февральская революция 1917 г. (окончание). — Дневник Николая Романова. — Крымское краевое правительство в 1918—1919 гг. — Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 гг.). — Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского

Из записной книжки архивиста: Побег Ярослава Домбровского. — К истории «нечаевщины». — Л. Н. Толстой в Моск. архиве мин. юстиции. — Последние Романовы о «либерализме» и конституционном строе.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ТОМ.

М. Н. Покровский. Предисловие. — Июльские дни в Петрограде. — Московский военно-революционный комитет. — Октябрь на фронте. — Накануне перемирия. — Из дневника ген. В. Г. Болдырева.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Июльские дни в Петрограде (окончание). — Октябрь на фронте (окончание). — Иностранные дипломаты о революции 1917 г. — Запрещенный рассказ В. Короленко. — Из записной книжки архивиста: Подготовка к наступлению на Петроград. — Романовы в первые дни революции.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ТОМ.

Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. — Октябрьская революция в Балтийском флоте (из дневника И. И. Ренгартена). — «Демократическое» правительство Грузии и английское командование. — Англо-русское соглашение о разделе Китая (1889 г.). — Решенный вопрос (экспертиза по делу Н. Г. Чернышевского). — Из записной книжки архивиста: Иностранная цензура о «Коммунисте» в 1916 г. — Эпизод из истории Балканской войны. — Солдатское письмо о «9 января». — Из истории иностранного капитала в России. — Синод в борьбе с революцией. — Перлюстрация писем в России в начале XIX в.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ТОМ.

Ставка в министерство иностранных дел. — Аграрная политика Врангеля. — Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову. — Дневник А. А. Бобринского. — Вокруг смерти Н. Г. Чернышевского. — Из записной книжки архивиста: Заговор монархической организации В. М. Пуришкевича. — Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг. — Диспозиция «Комитета народного спасения». — Спиридович и его «История революционного движения в России».

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ТОМ.

Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Московская городская дума после Октября. — Дневник Николая Романова (окончание). — Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. — Бакунин и Дрезденское восстание. — Письма Ф. М. Достоевского. — Из записной книжки архивиста: Речь ген. Скобелева в Париже в 1882 г. — Николай Романов и Финляндия. — Неизвестный отклик на процесс 193-х.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ТОМ. 1926 №1

Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Московская городская дума после Октября (окончание). — Временное правительство и Учредительное собрание. — Крым в 1918—1919 гг. — Конец русско-японской войны. — Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. — Из записной книжки архивиста: Из истории колчаковщины. — Стихотворение Д. И. Писарева на открытие памятника Николаю I. — Новое о Пушкине.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Автографы Н. Г. Чернышевского. — Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Крым в 1918—1919 гг. (окончание). — Временное правительство Автономной Сибири. — Неизданные записи Л. Тихомирова. — Н. Г. Чернышевский и III отделение. — Юлиан Мархлевский. — Из записной книжки архивиста: Французская военная миссия и карательные отряды особого назначения. — К характеристике Якова Стефановича. — К биографии Д. И. Писарева. — Новые материалы о Пушкине.

ТРИДЦАТЫЙ ТОМ.

60-летие М. Н. Покровского. — Ставка и министерство иностранных дел (окончание). — Из истории национальной политики Временного правительства. — Из переписки П. А. Столыпина с Николаем Романовым. — Переписка С. Ю. Витте с К. П. Победоносцевым. — «Исповедь» Гритория Гольденберга. — Финал процесса 193-х. — Из записной книжки архивиста: Письмо Дмитрия Романова к отцу. — Разгром «Южно-русского рабочего союза». — Два письма С. И. Муравьева-Апостола.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. — Развал колчаковщины (из дневника В. Н. Пепеляева). — Борьба С. Ю. Витте с аграрной революцией. — П. Л. Антонов в Петропавловской крепости. — Конституционные проекты 80-х гг. XIX в. — Московский адрес Александру II в 1870 г. — Новые пушкинские рукописи и материалы. — Поэма А. С. Пушкина «Монах». — Факсимиле первой песни поэмы А. С. Пушкина «Монах». — «Монах». Песня первая. — Из записной книжки архивиста: Автографы членов Уфимского совещания. — В церковных кругах перед революцией. — К истории освобождения Н. Г. Чернышевского. — Побег Сергея Дегаева. — Из истории борьбы с социалистическим движением в царской России. — Неопубликованное письмо А. И. Герцена.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. (окончание). — Февральская революция в Балтийском флоте. (Из дневника И. И. Ренгартена). — Из истории внешней политики правительства Врангеля. (Экономические отношения с Францией). — Мобилизация реакции в 1906 г. — «Монах». Поэма А. С. Пушкина. Песнь вторая и третья. — Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. — Из записной книжки архивиста: П. А. Столыпин и французская пресса в 1911 г. — Русская металлопромышленность и международные тресты. — Из истории борьбы с революцией в 1905 г. — Пародии на царские манифесты 1856 и 1857 гг.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ТОМ.

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. — Апрельские дни 1917 г. в Петрограде. — Колчак и Финляндия. — Совещание губернаторов в 1916 г. — Из дневника А. А. Половцова (1877—1878 гг.). — Из записной книжки архивиста: «Социалист», орган юго-западной группы партии «Народной воли». — Прокламация С. Г. Нечаева к студентам. — Ишутинцы в тюрьме и ссылке. — Новые материалы о дуэли и смерти А. С. Пушкина.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. (окончание). — Восстание 1916 г. в Средней Азии. — Борьба со стачечным движением накануне ми-

ровой войны. — К истории интервенции в Сибири. — К истории возникновения мировой войны. — Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины. — Из записной книжки архивиста: Александр III о «социалистической заразе». — В тылу «Вооруженных сил Юга России». — Стихотворная пародия на обвинительную речь Желиховского по делу 193-х. — Кн. П. В. Долгоруков и М. К. Элпидин. — Покушение Каракозова

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ТОМ.

В. М. Фриче. — Балтийский флот накануне Октября. — Временное правительство Автономной Сибири (окончание). — Из истории национальной политики царизма. — Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины (окончание). — «Союз 17 октября» в 1906 г. — Восстание в Бездне. — Из записной книжки архивиста: Николай Романов об убийстве П. А. Столыпина. — Тактика высшего командования в Февральскую революцию. — Л. Н. Толстой под ударами цензуры.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ТОМ.

Из переписки В. А. Маклакова с Национальным Центром. — Временное правительство Автономной Сибири. — Из истории национальной политики царизма (окончание). — «Союз 17 октября» в 1906 г. (окончание). — К истории процесса 21. — Бездонинское восстание 1861 г. — Из записной книжки архивиста: Петербургское духовенство и 9 января. — Новые материалы о Л. Н. Толстом. — Из истории крестьянских восстаний против «воли» 1861 г. — Из отголосков восстания декабристов.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ТОМ.

Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг. — Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. — К истории процесса 21 (продолжение). — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. — Из архива А. П. Чехова. — Из записной книжки архивиста: Приказ № 2. — № 2 рабочего листка «Зерно». — К биографии А. А. Красовского. — А. С. Пушкин под надзором полиции.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ТОМ.

«9 января» в Петербурге. — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова.) — К истории процесса 21. — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. (окончание). — Соединенные штаты в эпоху гражданской войны и Россия. — Из записной книжки архивиста: Морские карательные батальоны в Прибалтийском крае. — Неопубликованное письмо Н. П. Огарева. — А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов. — Новый рассказ о казни декабристов.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Врангелевщина. — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) (продолжение). — Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. — «Князья церкви». (Из дневника А. Н. Львова.) — К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др. — Из записной книжки архивиста: «Кровавое воскресенье» в Петербурге. — Из истории «мирного проникновения» европейцев в Абиссинию.

СОРОКОВОЙ ТОМ.

Врангелевщина. — Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. (окончание). — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова.) — «Князья церкви». (Из дневника

А. Н. Литова) (окончание). — Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II. — Из записной книжки архивиста: Вокруг 1 марта 1881 г. — С. Г. Нечаев и тульские оружейники. — К истории побега Ярослава Домбровского.

СОРОК ПЕРВЫЙ — СОРОК ВТОРОЙ ТОМ.

Россия и Алжезирасская конференция. — Февральская революция в Петрограде. (28 февраля — 1 марта 1917 г.) — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова.) — В штабе ад. Е. И. Алексеева. (Из дневников Е. А. Плансона.) — Из записной книжки архивиста: Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г. — «Красная гвардия» в Риге в 1906 г. — Николай Романов о революционном движении в армии в 1905—1906 гг.

СОРОК ТРЕТИЙ ТОМ.

Турецкая революция 1908—1909 гг. — Разгон II Государственной думы. — Из дневника Константина Романова. — К истории нечаевского процесса. (Донесения и письма. Н. Д. Горемыкина.) — Из записной книжки архивиста: Казнь участников кронштадтского восстания 1906 г. — Из истории революционного движения в армии накануне 1905 г. — Н. Н. Романов и американская концессия на железную дорогу Сибирь — Аляска в 1905 г.

СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Турецкая революция 1908—1909 гг. — Керченские каменоломни в 1919 г. — Процесс Бейлиса в оценке департамента полиции. — Из дневника Константина Романова (продолжение). — Из записной книжки архивиста: Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну. — Новые документы об Алжезирасской конференции и займе 1906 г. — Из истории «идеологической» борьбы самодержавия с революционным движением в армии. — Письма рабочего П. А. Алексеева.

СОРОК ПЯТЫЙ ТОМ.

Парижская коммуна 1871 г. — Турецкая революция 1908—1909 гг. (окончание). — Из истории французской интервенции в Одессе. — Запрещенная цензурой статья М. Горького. — Записки А. Ф. Редигера о 1905 г. — Из дневника Константина Романова (окончание). — Показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев. — Из записной книжки архивиста: После первого марта 1881 г. — К истории суда над лейт. П. П. Шмидтом. — Письма В. В. Верещагина Николаю Романову в 1904 г. — Из истории либеральной общественности шестидесятых годов.

СОРОК ШЕСТОЙ ТОМ.

Дневник В. Н. Ламздорфа. — Кадеты в 1905—1906 гг. — Балтфлот в июльские дни 1917 г. — Из дневника А. А. Половцова. — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1831 — 1832 гг. — Показания Ф. М. Достоевского (окончание). — Из записной книжки архивиста: Записка И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов. — Неизвестный сатирик 60-х годов.

СОРОК СЕДЬМОЙ — СОРОК ВОСЬМОЙ ТОМ.

Николай I и европейская реакция 1848—1849 гг. — Проект захвата Босфора в 1896 г. — Заграничное путешествие М. Н. Муравьева. — Польша и южно-русская контрреволюция. — Кадеты в 1905—1906 гг. (окончание). — Записки Н. М. Романова. —

Из записной книжки архивиста: Самодержавие и Ватикан накануне империалистической войны.

СОРОК ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Испанская революция 1873—1874 гг. — К истории разгрома вооруженных сил Колчака. — Записки Н. М. Романова. — Доклады ген.-лейт. Селиверстова и ген.-ад. Дрентельна Александру II. — Из записной книжки архивиста: П. А. Столыпин и Свеаборгское восстание. — К истории эмиграции 1860-х годов.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ — ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Из эпохи японо-китайской войны 1894—1895 гг. — К истории первой Гаагской конференции 1899 г.—Интервенция и северная контрреволюция.— Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. — Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 гг. — Из записной книжки архивиста: Из офицерских писем с фронта в 1917 г.— Чистка комсостава царской армии в 1906 г.

ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ТОМ.

Несколько документов из царских архивов о М. Н. Покровском.— Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке.— Северо-Американские Соединенные штаты и царская Россия в 90 гг. XIX в. — Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. (продолжение).— Из записной книжки архивиста: Письмо А. П. Моренгейма о французской политике на Ближнем Востоке. — Из истории интеллигенции 60-х годов.

ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ ТОМ.

Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны.— К истории Октябрьских дней в Петрограде. (Из материалов Петроградского военно-революционного комитета.) — Флот после Октябрьской победы. — Церковь и руссификация бурятомонгол при царизме.— Адриан Михайлов и гр. М. Т. Лорис-Меликов.— Из записной книжки архивиста: Из переписки О. М. и Н. М. Романовых в 1917 г.— Иностранная дипломатия о революции 1905 г.— Из истории рабочего движения в Караганде.— Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30—50 гг. XIX в.

ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ—ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ ТОМ.

Дневник П. Н. Милюкова.— Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г.— К истории Московского военно-революционного комитета.— Царское правительство и процесс Бейлиса.

ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ ТОМ.

Карл Маркс и царская цензура.— Англо-русское соперничество в Персии в 1890—1906 гг.— Англо-германское сближение в 1898 г.— Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. (продолжение).— Из записной книжки архивиста: Последние часы Временного правительства в 1917 г. — Забастовка на заводе Бромлей в 1903 г. — Романовы и железнодорожные концессии в 70-х годах XIX в.

ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ ТОМ.

Первомайские марки латышских большевиков в 1914 г.— Румынская Сигуранца. — К истории «Рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комите-

ie. — Первая Государственная дума в Выборге. — К истории июльского восстания 1863 г. — Из записной книжки архивиста: Июльские дни 1917 г. — Подложный манифест 1861 г.

ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ ТОМ.

Русская «парламентская» делегация за границей в 1916 г. — Записка ген. А. М. Зайончковского о Добруджанской операции 1916 г. — К истории Потсдамского соглашения 1911 г. — М. Н. Катков и Александр III в 1886—1897 гг. — Большевизация фронта в предиюльские дни 1917 г. — Московское студенчество и профессура накануне Февральской революции. — Из записной книжки архивиста: Печать в дни керенщины. — Рабочее движение на фабрике Кенига в 1917 г. — Из записок Ф. А. Головина. — Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура.

ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

К истории созыва II съезда РСДРП. — Несколько документов о М. С. Ольминском из жандармских архивов. — П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. — Кадеты в дни Галицийского разгрома. 1915 г. — Из записной книжки архивиста: Письма П. Б. Струве С. Д. Сазонову в 1915 г.

ШЕСТИДЕСЯТЫЙ ТОМ.

Испано-британский конфликт 1898—1899 гг. — Джизакское восстание 1916 г. — Из записок А. Ф. Редигера. — Царская цензура и жандармы о Кларе Цеткин. — Из записной книжки архивиста: Записки А. И. Козьмина (1917 г.). — Крестьяне о Брестском мире в 1918 г.

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову. — Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. — Уфимское совещание и Временное сибирское правительство. — Из дневника Л. Тихомирова. — Из записной книжки архивиста: Из переписки царских сановников накануне войны и революции. — Царское правительство о проблеме проливов в 1898—1911 гг.

ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ТОМ.

По ленинскому пути. — Десять лет назад (архивные документы к биографии В. И. Ленина). Казань и Самара. — Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». — Ссылка. — Период «Искры». — Второй съезд и раскол партии. — Революция 1905 г. — Эпоха реакции. — Начало подъема рабочего движения.

ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ ТОМ.

Накануне русско-японской войны. — Дневник Б. Никольского. — Некоторые даты жизни и деятельности Я. М. Свердлова. — Обзор архивных материалов по истории фабрики «Красный Перекоп» (1722—1929 гг.). — Из записной книжки архивиста: Николай Романов об англо-бурской войне. — К биографии Л. Н. Толстого (1901—1902 гг.). — Из резолюций Николая Романова. — К истории борьбы самодержавия с революционным движением в армии в 80-х гг. XIX в.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Накануне русско-японской войны. С предисловием *И. Ерухимовича* 3

Дневник Бориса Никольского (1905—1907 г.г.) С предисловием *Д. Заславского* 55

Некоторые даты жизни и деятельности Я. М. Свердлова по документам Архива революции за 1885—1915 г.г. С предисловием *Я. Б.* 98

Обзор архивных материалов по истории фабрики „Красный Перекоп" (1722—1929 г.г.) 106

Из записной книжки архивиста

Николай Романов об англо-бурской войне. С предисловием *З.* 124

К биографии Л. Н. Толстого (1901—1902 г.г.). С предисловием *Валериана Полянского* 126

Из резолюций Николая Романова. Сообщила *Г. Никольская* 130

Из истории борьбы самодержавия с революционным движением в армии в 80-х г.г. XIX в. Сообщили *М. Ахун* и *Д. Зиневич* 132

Ответственный редактор **Я. Берзин.**

Редакционная коллегия: **В. Максаков** (зам. отв. редактора), **В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. Ротштейн.**

ПОДПИСЧИКИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ!

ВКЛЮЧАЙТЕСЬ В БОРЬБУ ЗА аккуратную доставку подписчикам печати!

ПОМОГАЙТЕ ПОЧТЕ НАЛАДИТЬ РАБОТУ ЕЕ АППАРАТА!

Если вам не доставляются или плохо доставляются газеты и журналы, требуйте от обслуживающего вас почтового учреждения аккуратной и своевременной доставки вам выписанных изданий.

ЗНАЙТЕ,

что по договору между издательствами и Народным комиссариатом связи все без исключения ПРЕДПРИЯТИЯ СВЯЗИ ОБЯЗАНЫ:

1. Расследовать и удовлетворять жалобы подписчиков на плохую доставку печати в 2-дневный срок.
2. Иметь и предъявлять по первому требованию подписчиков книгу жалоб на плохую доставку печати.
3. Вывесить на видном месте объявление о сроках доставки печати.
4. Полностью возвращать подписчикам подписные суммы за непринятую к выполнению подписку.

Примечание. По подписке, сданной аппарату КОГИЗа и непринятой к исполнению, подписные суммы возвращает КОГИЗ.

СОЦЭКГИЗ

Центральное общеиздательское бюро контроля за экспедированием и доставкой периодической печати.
(Ц. Б. К.)

ОГИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. Серия III 1914—1917 гг. М.—Л. Соцэкгиз.

Т. 1. 14 янв. — 13 марта 1914 г. 1931 г. стр. XLIII + 614. Ц. 7 р. 50 к., в пер. 8 р. 50 к

Т. 2. 14 марта — 13 мая 1914 г. 1933 г. стр. XX + 560. Ц. 8 р., в пер. 9 р.

Т. 3. 14 мая — 27 июня 1914 г. 1933 г. стр. XVII + 468. Ц. 8 р., в пер. 9 р.

Т. 4. 28 июня — 22 июля 1914 г. 1931 г. стр. XVI + 423 Ц. 10 р.

Т. 5. 23 июля — 4 августа 1914 г. 1934 г. стр. XXX + 497.

ЦЕНТРАРХИВ

КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В СИБИРИ В 1905—1906 гг. Документы и материалы. Подготовил к печати В. Максаков. М.—Л. Соцэкгиз. 1932. Стр. 463 + 1 карта. Ц. 4 р. 50 к.

Содержание. Канун 1906 г. в Сибири. Организация карательных экспедиций в Сибирь. Действия карательного отряда генерала Меллер-Закомельского на Самаро-златоустовской, Сибирской и Забайкальской железных дорогах. Действия карательного отряда ген. Ренненкампфа. в Забайкалье. Военно-полевой суд при отряде ген. Ренненкампфа. Окончание карательной экспедиции ген. Ренненкампфа и ее итоги.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ во все магазины, киоски и отделения Когиза.

ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ без задатка: Москва, Могиз, „Книга—почтой"

СКЛАД ИЗДАНИЙ: сектор партийной и комсомольской литературы—Москва, ул. Блюхера, № 8.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1934 год

на журнал

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Год издания 13-й

6 книг в год

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции и гражданской войны, истории фабрик и заводов

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—15 руб., на 6 мес.—7 р. 50 к.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями, магазинами и киосками Когиз'а, в главной конторе подписных и периодических изданий Когиз'а, Москва, Маросейка, 7 и повсюду на почте Когиз'а

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Международное финансовое положение царской России во время мировой войны. — Арест думской „пятерки“ в 1914 г. — Из истории рабочего движения накануне мировой войны. — Солдатские настроения накануне мировой войны. — К вопросу о подготовке мировой войны. Николай Романов в первые дни мировой войны. — Борьба за рабочую печать накануне мировой войны. — Неизданное письмо В. М. Гаршина.

ЦЕНТРАРХИВ
ОГИЗ ■ СОЦЭКГИЗ ■ МОСКВА
1934

ОГИЗ * СОЦЭКГИЗ * КОГИЗ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ
следующие книги:

ПОКРОВСКИЙ М. Н.
Историческая наука и борьба классов.

(Историографические очерки, критические статьи и заметки). Сборник подготовлен к печати Институтом истории Комакадемии. Соцэкгиз. 1933. (Коммунистическая академия). Выпуск I. Стр. 327, вкл. портрет. Ц. 4 р., в пер. 5 р. Выпуск II. Стр. 450. Ц. 4 р., в пер. 5 р.

ПОКРОВСКИЙ М. Н.
Русская история с древнейших времен.

В четырех томах. Соцэкгиз. 1933 г. (Институт истории Коммунистической академии).

Том I.

Стр. 272. 3 карты. 1 портрет. Ц. 2 р. 75 к. в пер. 4 р.

Том II.

Стр. 327. 10 карт. Ц. 3 р. 95 к., в пер. 4 р. 50 к.

Том III.

Стр. 276. 10 карт. Ц. 3 р. 50 к., в пер. 4 р. 75 к.

Том IV.

Объем 28 л. Ц. 4 р. (печ.)

Продажа во всех магазинах, отделениях и киосках Когиза

Почтовые заказы направлять „Книга почтой" во все областные (краевые) отделения Когиза.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ)

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

ОГЛАВЛЕНИЕ

Международное финансовое положение царской России во время мировой войны. С предисловием **Н. Ванага** 3

Арест думской „пятерки" в 1914 г. С предисловием **А. Бадаева** . . 31

Из истории рабочего движения накануне мировой войны. С предисловием **А. Спировой** 52

Солдатские настроения накануне мировой войны. С предисловием **Ф. Нотовича** 73

К вопросу о подготовке мировой войны. С предисловием **Е. Адамова** . 85

Из записной книжки архивиста

Николай Романов в первые дни мировой войны. С предисловием **Д. Заславского** 130

Борьба за рабочую печать накануне мировой войны. С предисловием **В. Далаго** 139

Неизданное письмо В. М. Гаршина. Сообщил **Г. Ф. Лаппо** 143

Сдано в произв. 16/V — 19/VII 1934 г. Подписано в печать 7/VIII 1934 г.
Статфор. $Б_5$ 176 × 250 9 п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п) № 21. Зак. 407
Уполн. Главлита Б—39141 Тираж 2850

Интернациональная (39-я) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3.

Международное финансовое положение царской России во время мировой войны

(*Доклад А. И. Шингарева в Военно-морской комиссии Госуд. думы 20 июня 1916 г.*).

Публикуемые ниже речь Шингарева и прения в заседании Военно-морской комиссии Государственной думы 20 июня 1916 г. представляют собой непосредственное продолжение публикации «Красного архива», в которой был дан доклад Милюкова, сделанный им в заседании той же комиссии 19 июня 1916 г. [1]).

Не внося ничего принципиально нового в освещение политического содержания поездки «парламентской» делегации за границу летом 1916 г., настоящая публикация тем не менее представляет значительный самостоятельный интерес. Она ярко отражает первые практические шаги сговорившихся англо-французских и русских империалистов в деле совместного продолжения империалистической бойни в интересах грабежа и разгрома намечавшегося революционного выхода из войны.

Затронутый в заседании 19 июня Милюковым вопрос о необходимости «сохранить духовное единство наше с нашими союзниками, сохранить мобилизацию общего народного настроения» [2]) стал, в связи с сообщением Шингарева о перспективах заключения займа в странах союзников, центральным вопросом заседания 20 июня 1916 г.

Излагая содержание бесед «парламентской» делегации с английским и французским министрами финансов, с лордом и с бароном Ротшильдами, речь Шингарева дает яркое представление о том, что первоначальная тактика сговаривавшихся англо-французских империалистов и представителей русского «парламента» против царизма, серьезно ориентировавшегося в результате поражений и роста революционного движения на заключение грабительского мира с Германией, не выходила из рамок финансового давления. Эта тактика нашла свое выражение в настойчивых требованиях Мак Кенна (английский министр финансов) о дальнейшей высылке русского золота, в своеобразном ослаблении памяти у французского министра финансов Рибо, будто бы «забывшего» о соглашении на получение Россией по 300 млн. франков ежегодно на строительство стратегических железных дорог в течение 5 лет, и, наконец, в прямых упреках лорда и барона Ротшильдов в том, что «наш общий кредит подрывается в Америке вами». О силе финансового давления свидетельствует тщетность всех попыток добиться к лету 1916 г. каких бы то ни было официальных кредитов у союзников, аргументировавших отказ тем, что «мы издержали огромную сумму денег, вычерпали все, что есть». Были использованы все возможности, обращались даже к Италии, Норвегии, Швеции, а в перспективе оказались лишь обещания директора Кредито-итальяно «устроить заем в размере 100 млн. лир».

---

[1]) См. „Красный архив“ том LVIII, стр. 3—23.
[2]) Там же, стр. 13.

В то время как официальное кредитование было фактически прекращено, «все последнее время,— по словам докладчика,— шли частые займы: каждый день, сегодня на медикаменты — 100 тыс. фунтов, завтра — 60 тыс. фунтов, послезавтра ходят, например, несчастные фигуры батюшек и просят воск купить. Через день еще идут люди, которые говорят, что нам надо стали инструментальной, через день с обувью вопрос. Каждый день происходят бесконечные просьбы отдельных ведомств, частных лиц и учреждений. Дают им понемножку, дают им, по сколько можно».

Даже синод, не в пример царскому министерству финансов, удостоился кредита в 60 тыс. фунтов. Правда, «святые отцы» не удовлетворились 600 тыс. рублей. «Двое батюшек из синода» приходили во время пребывания делегации за границей к Милюкову и Гурко с просьбой помочь им в получении более солидного кредита. Это обращение батюшек к Милюкову — мелкий, но яркий штрих в докладе Шингарева, характеризующий возросшую политическую силу Милюковых со времени их принципиального сговора с англо-французскими империалистами.

Путем финансового давления англо-французские империалисты при помощи Милюковых и Шингаревых добивались той политической цели, которая впоследствии толкала русскую буржуазию к непосредственному захвату власти.

Заполнивший почти все заседание комиссии 20 июня еврейский вопрос с этой точки зрения имел лишь служебное, подчиненное основному вопросу, значение.

В основе складывавшегося летом 1916 г. заговора лежал вопрос, по которому Шингареву в его беседах за границей «приходилось испытывать чувство величайшего смущения и стыда». Что таким вопросом было бессилие царизма до конца бороться за «разрешение и нашего национального вопроса и национальных вопросов союзников», не приходится долго доказывать. Это подчеркивается неоднократными ссылками Шингарева на «собственное внутреннее управление», ссылкой Милюкова на авторитетное заявление французского профессора Баша о том, «что в России имеются значительные общественные силы, представленные либеральным блоком Государственной думы» и готовые на ряд либеральных реформ. Наконец, оно подтверждается рассуждениями Родичева «о нравственном авторитете», которым должна пользоваться государственная власть, и разглагольствованиями «социалистического Иванушки» — Керенского, заявившего, что «современное государственное положение страны требует, чтобы в России создалась новая власть, чтобы в России ушли с министерских мест сторонники Маркова 2-го».

С наибольшей отчетливостью политическая сторона финансового давления сговаривавшейся англо-французской и русской империалистической буржуазии, а также смысл «прений» по еврейскому вопросу нашли свое выражение в «споре» между Милюковым и Марковым 2-м. Отвечая на реплику Маркова о том, что «еврейские банкиры с помощью либералов хотят уничтожить Россию как самостоятельное государство», Милюков в нескольких словах вскрыл истинное содержание перебранки между «милыми дружками» в заседании комиссии по отчетным докладам делегации.

«Если Америка скандализована,— говорил Милюков,— если наши союзники стыдятся и конфузятся, то... это вызвано тем, что среди культурно-цивилизованных народов находится товарищ, который ведет себя немножко не в рамках условных приличий. Происходит нечто объективно неприличное... ведут себя неприлично специфические элементы, и против них должен быть обращен упрек, и их надо устранить с нашей дороги, если вы хотите итти дальше».

Комментируя далее слова о неприличном поведении «специфических элементов», Милюков вплотную подходит и к сути вопроса, прикрытого словами о еврейском равноправии.

«Кому полезно, что в России существует такое отношение к евреям? — вопрошает кадетский лидер. — Очевидно, германцам... Да, это есть сознательная или бессознательная работа на германцев... Да, господа, поскольку эта работа делается, мы

имеем дело с большой национальной опасностью. Никогда она так ярко не предстояла перед нами, как теперь она обнаружилась и, препарированная, показана всем нам в свете исключительных обстоятельств... Теперь, когда урок предстал в такой яркости, такой объективности, не отворачивайтесь, поймите его смысл хорошенько и запомните, где находится национальная опасность».

В словах, разъясняющих, «где находится национальная опасность», произнесенных в заседании думской комиссии, продемонстрирована сущность спора двух контрреволюционных империалистических лагерей, из которых один пытается решить империалистические цели войны путем дальнейшего сохранения верности в данной войне финансовой фирме «Англия и Франция», а другой, с нарастанием революционных событий, все более и более ориентируется на немедленное заключение грабительского мира с Германией и на поворот от борьбы против Германии к борьбе против Англии.

«Спор» между дружками так и не был решен. Удар, нанесенный пролетариатом и под его руководством многомиллионным крестьянством по царизму, разрушил планы империалистов как из лагеря Пуришкевичей и Марковых, так и из лагеря кадетско-октябристской буржуазии.

Н. Ванаг.

Печатаемая ниже стенограмма доклада А. И. Шингарева 20 июня 1916 г. в Военно-морской комиссии Государственной думы и прений по докладу непосредственно примыкает к опубликованным в LIV—LV и LVIII томах «Красного архива» «Дневнику П. Н. Милюкова» и докладу Милюкова в Военно-морской комиссии 19 июня 1916 г. о поездке русской «парламентской» делегации (в составе 6 членов Госуд. совета и 10 членов Госуд. думы) за границу в апреле—июне 1916 г. По возвращении домой участники этой поездки, организованной представителями российского октябристско-кадетского капитала в целях сговора с англо-французскими империалистами об основах дальнейшего продолжения мировой бойни, выступили с отчетными докладами. Доклады делегатов-думцев состоялись в специально назначенных заседаниях Военно-морской комиссии Госуд. думы 19 и 20 июня, накануне закрытия сессии Думы. 19 июня выступили: А. И. Шингарев с общим докладом о военно-технической работе Антанты, посещении депутатами Западного фронта, об истощении Германии и т. д., В. Я. Демченко — с докладом о мобилизации союзниками промышленности на нужды войны и авиации, П. Н. Милюков — с политическим докладом (см. LVIII т. «Красного архива»), Б. А. Энгельгардт — с докладом, главным образом, о военных организациях союзников. Прения по докладам, начавшиеся 19 июня, были перенесены в утреннее заседание комиссии 20 числа. Это заседание началось ответами Шингарева на вопросы о состоянии итальянского и французского флотов, о взаимоотношениях рабочих с предпринимателями в Англии, о возможности заключения займа в союзных странах, валютном вопросе и вывозе русского золота за границу. Ниже печатается речь Шингарева, посвященная вопросу о золоте, а также стенограмма прений, последовавших за его сообщением. Конец стенограммы о поручении Шингареву сделать в пленарном заседании Госуд. думы резюме сообщений членов делегации в Военно-морской комиссии здесь не воспроизводится.

Стенограмма печатается по подлиннику, хранящемуся в фонде Госуд. думы, отдел законодат., 1916 г., арх. № 4357, «Наряд журналам Комиссии по военным и морским делам», ч. II, лл. 350—394 (ЛОЦИА). — Текст подготовил к печати А. А. Сергеев.

Заседание Военно-морской комиссии Госуд. думы 20 июня 1916 г.

Шингарев. — Есть ли надежда на заключение займа в союзных странах? В каком положении находится валютный вопрос и настаивают ли за границей на высылке золота? Этот вопрос предложен отцом Трегу-

бовым. Может быть, вам угодно дополнить его или угодно раньше выслушать ответ? Я несколько затрудняюсь в Военно-морской комиссии давать разъяснения по чисто финансовым и экономическим вопросам. Вы припомните, что в качестве председателя Комиссии по военным и морским делам я имел честь попасть в состав нашей делегации, и в своем сообщении вам вчера я ни одним звуком не обмолвился о финансово-экономических вопросах. Я надеялся, что удастся добиться возможности хотя бы на несколько дней отсрочить конец сессии Государственной думы с тем, чтобы собрать Финансово-экономическую комиссию и сделать в ней соответствующий доклад. Но если угодно комиссии выслушать и этот ответ, я к услугам членов комиссии... (*Голоса:* «Просим»).

Мне пришлось заниматься, господа, этими вопросами и пришлось, насколько только я мог в качестве члена делегации, не имея никаких официальных полномочий от нашего правительства, выяснить для себя и для гг. членов финансовой и бюджетной комиссии, которые оказали мне честь, выбрав меня докладчиком по эмиссионному праву, выяснить те вопросы, которые нас тревожат и беспокоят. Должен я сказать, — я очень прошу разрешения потом в стенограмме целый ряд моих сообщений исключить, потому что они не предназначены для широкого распространения, — я должен сказать: насколько мои взгляды в области вопросов военных и технических оптимистичны, насколько я глубоко убежден в грядущей победе союзников и нас над общим врагом, настолько в области финансово-экономических вопросов за границей мне пришлось встретиться с целым рядом тяжелых осложнений, причина которых лежит, к сожалению, в нас самих, во внутреннем нашем положении.

В Англии я отправился прежде всего к министру финансов, Мак Кенна, просил его разрешения принять меня. Не считая возможным беседовать с ним по вопросам, которые будут затронуты наедине, я просил представителя нашей кредитной канцелярии фон-Заммена быть вместе со мной. Я считал, что наш официальный представитель должен знать, о чем я буду беседовать с министром финансов.

Эти разговоры начались таким образом: я спросил[1]) Мак Кенна, что меня интересуют два основных вопроса в нашем финансовом положении, которые я прошу его разрешения ему задать. Мак Кенна сказал: «Пожалуйста, я к вашим услугам». Прежде всего я его спросил: «Разрешите мне мой недоуменный вопрос, почему вы так настойчиво и так упорно и в соглашениях и дальше просите высылки нашего золота. Чем это вызывается? Почему вы требуете, чтобы мы высылали золото? Я должен не скрыть от вас, что это вызывает большое недовольство в России среди общественных кругов, широких кругов, а также среди членов законодательных учреждений, которые неоднократно в финансовой комиссии подчеркивали невозможность такой отправки золота и опасность для нас такой отправки. Я должен вам сказать, что дальнейшая отправка золота может подорвать единственный серьезный источник наших средств, внутреннюю эмиссию государственного банка и тем самым вызвать осложнения внутри, так как у нас дороговизна растет отчасти уже на этой почве. Как ни мало я лично придаю значение этому последнему фактору, но дело в том, что психологическое настроение

[1]) Так в подлиннике.

среди публики и некоторых наших финансовых кругов склоняется к этому мнению, и поэтому я лично просил бы мне разъяснить, почему вы так настойчиво требуете высылки золота».

Он на это мне сказал следующее: «Я не понимаю, прежде всего, позвольте мне разъяснить ваше внутреннее финансовое положение. Вы жалуетесь на то, что у вас нет средств. Но разве вы сделали все, чтобы их получить? Скажите, пожалуйста, какое у вас прямое обложение, как вы облагаете ваши доходы?» Я ему сказал, что теперь проведен подоходный налог, что у нас есть промысловый налог, подомовый, обложение земельное.— «А как облагает ваш подоходный налог ваши доходы?» Я ему сказал: «От 0,6 до 12% максимум». — «Но вы приняли его только теперь, и вступит он у вас в действие через 2½ года после начала войны, и вы облагаетесь максимум в 12%, а мы с начала войны, с первого дня, удвоили наше обложение доходов, и они у нас обложены 25%, а если вы прибавите обложение военной прибыли и всех тех излишков, которые теперь получаются некоторыми, то наше обложение доходит до 48%. Мы берем в пользу государства почти половину доходов, и когда вы дойдете до такого обложения, тогда вы можете говорить, что средства у вас исчерпаны, а пока вы облагаете себя несравненно легче и надеетесь на нашу помощь». Я ему сказал, что наша точка зрения с этой не расходится, но что это дело нашего финансового управления представлять соответствующие проекты, что дело здесь несколько замедлено, но те проекты, которые финансовое управление нам представило, получают одобрение законодательных учреждений, и в самих законодательных учреждениях раздаются голоса о дальнейшем обложении военной прибыли, и в самых законодательных учреждениях есть внесенные проекты об этом обложении, так что это дело времени. Затем я ему сказал, что разве можно считать обложение российское соответствующим обложению английскому. «Вы знаете наши народные доходы; вы знаете, что вы по нашим народным доходам берете не больше 10% всего народного дохода, у нас же существует огромное косвенное обложение, и мы берем до 20% всего дохода». И поэтому рассчеты его неправильны; мы должны считать, что тяжесть русского обложения значительнее, чем тяжесть обложения английского по отношению к широким массам населения. Что касается обложения состоятельных наших классов, то оно, конечно, ниже, чем в Англии, но их у нас вообще не так много, и даже если бы мы довели обложение до английского размера, мы получили бы одну двадцатую того, что нам нужно втечение года.

Конечно, эти мои возражения его не убедили, и тогда он сказал: «А золото мы требуем потому, что от нас его требуют. Каждую неделю я должен вывозить от 2—3 миллионов фунтов золота в Оттаву в канадский банк для рассчетов с Северо-Американскими Штатами. Вы знаете, 20—30 [1]) миллионов золота каждую неделю, как мы ни богаты, но тем не менее это продолжается второй год, и вы сами понимаете, что наши рессурсы весьма ограничены. Если мы не будем получать поддержки с вашей стороны, со стороны Франции и Италии, то что же получится? В настоящее время все союзные державы имеют нашу помощь. Франция у нас берет деньги, вы берете у нас деньги. Италия берет деньги, Бельгия и Сербия берут деньги. В конце концов, мы ведь одни, что

[1]) Так в подлиннике.

же вы хотите, чтобы мы прекратили платежи золотом в Америке? Ведь тогда не только мы, но и все вы начнете страдать. Получится общее финансовое расстройство, и ответственности за это я брать на себя не могу».

Тогда я говорю: «Г. министр, я не понимаю, почему от вас Америка требует золото. Это для меня совершенно непонятно. Если бы в первые месяцы Америка требовала золотом, это — естественно: неизвестность дальнейших действий, неналаженные расчеты, необходимость, быть может, пополнить собственный золотой запас, но в конце второго года, когда платежи достигли нескольких миллиардов рублей, золото для Америки совершенно не нужно. Это уже не золото, это балласт, это камни, которые лежат в банках, требуют охраны и дорогого транспорта и не приносят никаких процентов. Несравненно выгоднее для Америки было бы получать уплату процентными бумагами, потому что за все продолжительное время войны они получили бы 5—6% и больше. Что касается золота, то, в конце концов, Америка начнет страдать от него, как это было уже в ее финансовой истории несколько лет тому назад». Он говорит: «Да, вы совершенно правы, я также им все время говорю и я также не понимаю, почему они от меня требуют золота». То, что непонятно было ему, и то, что не хотел он мне сказать, в дальнейшем вскрылось во Франции, в моих беседах. Я ему тогда сказал, что «может быть, вы все-таки не будете очень настаивать на том, чтобы высылка золота у нас продолжалась, вы же имеете огромный приток золота по всем вашим платежам». Он говорит: «Разве вы не знаете, что я сделал все в этом направлении, я скупил все бумаги американские, какие есть в Америке. Я плачу постоянно этими бумагами. Если бы я не платил этими бумагами, мы бы давно все наше золото отдали, но я все время покупаю процентные бумаги американские железнодорожные, промышленных предприятий, банков, которые обращаются в Англии, и этими бумагами оплачиваю наши долги в Америке. Но их становится на рынке все меньше и меньше. Как ни богаты мы этими бумагами, но за два года войны мы значительную часть вычерпали. Наконец, мы обложили специально американские бумаги, с тем, чтобы их было выгоднее нам отдавать. Мы покупаем их по высокой цене, но бывает время, когда я не могу купить на рынке бумаг: их нет, тогда нужно везти золото, и так как приток золота в данный момент очень слаб, так как все страны, которые нам его платят, до известной степени задерживают или не присылают его вовсе, тогда наступает острая необходимость оплаты золотом. На этот случай я держу обязательство ваше, французское, итальянское, чтоб иметь это золото для расплаты». «Но вы,— сказал он,— еще не заплатили и половины, мы не получили по соглашению с вами и половины того, что вы обязаны дать». Так что оказалось, что наш министр финансов еще не совсем исполнил свои обязательства.

Затем второй вопрос, который я ему предложил, заключался в следующем. Я сказал, что существует большое недовольство тем соглашением, которое было заключено,— я не позволю себе его критиковать, но должен передать мнение и настроение законодательных учреждений, моих товарищей, что это соглашение наложило на нас довольно тяжелые обязательства, — и спросил, насколько он мог бы мне ответить, что в будущих переговорах о новом соглашении эти пункты будут изменены или отменены, и в каком виде он представляет себе наше новое соглашение. На этот второй вопрос он ответил так: «Вопрос о новом со-

глашении поручен британским правительством лорду Китченеру, который приедет специально к вам в Россию и все условия о новом соглашении ему известны». Иначе говоря, он мне сказал, что «я давать вам объяснения не уполномочен, да и вы не уполномочены вести переговоры». Мне оставалось только встать и раскланяться.

Что касается дальнейшего, то вопрос о выяснении положения нашего дела таков[1]), хотя в Англии в этом смысле больше говорить было не с кем.— Ллойд Джордж занят другими вопросами, финансов теперь не касается, и только в области крупных банков необходимо было спросить лорда Ротшильда, у которого мы были — был Протопопов, я, был Милюков. Лорд Ротшильд ответил очень просто: «Вы стесняете наш кредит в Америке. В Америке мы страшно стеснены». Я забыл сказать, гг., что Мак Кенна на мой вопрос: «Отчего же, раз у вас нехватает бумаг, и вы не желаете вывозить золото, вы не заключаете в Америке займы, которые Америке выгоднее, чем простое золото?» сказал: «Скажите, пожалуйста, что же, вы думаете, я этого не понимаю, что же, я этого не делал? Разве вы не знаете, что наш антло-французский заем в Америке был неудачен и нам этот заем не удалось покрыть?» Лорд же Ротшильд сказал: «Вы мешаете нашему кредиту в Америке». Больше я не мог ничего от него добиться: вероятно, не хотелось ему говорить мне неприятных вещей, и он ограничился этим.

Во Франции я отправился к министру финансов Рибо и имел с ним разговор довольно продолжительный. Первый визит не удался: меня задержали в сенате, а он приглашал меня в министерство. На другой день, когда я выяснил по телефону, что был задержан в сенате с делегацией, он был очень любезен и пригласил меня завтракать к себе, так что я пробыл у него часов около двух и во время завтрака вел с ним беседу по поводу финансового положения. Начал я беседу о положении бумажного обращения и спросил, каково его мнение о дальнейшем выпуске бумажных денег и как он намерен их потом ликвидировать. Он сказал: «Да, у нас выпуска почти столько же, сколько у вас. У нас выпущено почти 15½ миллиардов, у вас около 16 миллиардов франков бумажек». Я сказал: «Да, но Франция значительно меньше. В России на голову населения, на площадь приходится неизмеримо меньше, чем у вас. У нас 16 миллиардов франков на 170 миллионов населения, а у вас на 35 миллионов, затем пространство Франции ничтожно по сравнению с пространством России, и наше бумажное денежное обращение требует несомненно больше бумажек, ибо и медленность его больше». «Да, верно,— сказал Рибо,— но это нас не тревожит, потому что население прячет как и всякие деньги, на всякий случай: оно привыкло сберегать, часть несет в сберегательные кассы, в банки, а часть прячет. Мы знаем, что огромная масса бумажек спрятана, ибо циркуляция немногим превышает то, что было до войны».

Он спросил далее мое мнение, насколько у нас тяжело отражается обращение бумажек, и я ответил то, что говорил в докладе Думе, что масса бумажных денег задерживается кредитными учреждениями, сберегательными кассами, мелкими крестьянскими кредитными товариществами, коммерческими банками, что все это значительно парализует вред от бумажек, что выпуск внутренних займов, который дошел до 5 миллиардов, поглощает бумажки, и что эта циркуляция в известной сте-

[1]) Так в подлиннике.

пени у нас налажена, но тем не менее уже начинает чувствоваться давление бумажек на внутренние цены, начинает появляться нежелание населения отчуждать свои главные продукты, в особенности сельскохозяйственные, отчего начинают страдать города, ибо они должны оплачивать дорогие продукты. Тем не менее лично я думаю, что этот процесс только начинается, что мы не зашли далеко вперед, но требуется огромная осторожность, а главное, требуется ваша помощь, чтобы наше золото не уплывало за границу. Он говорит: «Какая моя помощь, причем моя помощь?» Я сказал: «Видите, Мак Кенна говорил, что Италия и вы даете легко ваше золото, ставит вас в пример и не понимает, почему мы упираемся. Но ведь для вас это просто, а у нас тяжело, у нас хотя серьезного финансового значения золото, быть может, и не имеет, но психологическое значение больше; если население узнает, что золото уходит, а бумажки растут, это опасно, и если вам важно настроение единое, цельное настроение империи, конечно, необходимо, чтобы и вы помогли нам в том смысле, чтобы не давать Англии большого количества золота». Я ему повторил то, что мне сказал Мак Кенна, и прибавил: «Раз он ссылается на вас, помогайте нам не давать, и вы не давайте так легко вашего золота. Конечно, вам легче это сделать, так как у вас 2 миллиарда имеется в обращении, а у нас золота в обращении почти нет, может быть, всего 100 миллионов рублей — не больше. То, что вы делаете охотно, дает право Англии требовать от нас выпуска золота».

Рибо рассмеялся и говорит: «Может быть, Англия хитрит, ссылаясь на Америку, но их положение трудное; действительно, как ни богаты мы и они, но и Англия и мы в достаточной мере задолжали Америке, а Америка не желает считаться с нашими желаниями. Что касается того, что ваш выпуск бумажек начинает удорожать продукты и что у вас он шел не совсем так, это, конечно, верно, и это я все говорил г. Барку» [1]).

Затем я ему сказал: «Мне хотелось бы, г. министр, предложить вам еще один вопрос: до войны у нас было соглашение с Францией о получении по 300 миллионов франков ежегодно на стратегические железные дороги втечение 5 лет. Текст этого соглашения есть у меня, и в бюджетной комиссии им очень заинтересовались, а потому я хотел бы просить вас дать мне ответ, считаете ли вы, что это соглашение действует и теперь». Он улыбнулся и говорит: «Я, признаться, совершенно о нем забыл, и вы ставите меня в слишком тяжелое положение. Конечно, мы от нашего соглашения не отказываемся, но оно имеет совершенно другую цель — стратегические железные дороги. Ведь теперь все изменилось». А я ему ответил: «Как! А постройку 2 тысяч верст на нашем фронте вы не считаете стратегическими дорогами? Вы думаете, что они строились без денег? Мы платим и за рельсы, и за паровозы, и за американские вагоны. Разве Франции не помощь, что мы строим стратегические дороги на нашем фронте?» Он тогда говорит: «Да, конечно, вы очень ловко ставите вопрос, но, признаться, я совсем об этом соглашении забыл». Ну, после некоторых разговоров он, тем не менее, сказал, что переговоры об этом возможны, что он подумает, что он должен принять во внимание необходимость учесть и эту нашу нужду и что, во всяком случае, при новых разговорах он не отказывается от того, чтобы обсудить и этот вопрос. «Это,— говорит,— поставит меня в необходимость

[1]) Барк, П. Л., министр финансов с 30 января 1914 г. до Февр. революции.

в мои рассчеты вставить новый фактор. Вы застали меня врасплох, я ничего не могу сказать вам сразу». Тут он обратился к своему помощнику: «Как вы думаете?» Тот засмеялся, пожал плечами и ничего мне не ответил. Тем не менее, когда я уходил от него и сказал, что этот вопрос для нас очень серьезен, он сказал: «Вы знаете, как для Франции серьезен вопрос о людях. Вы знаете, что Франция всегда вам поможет теми средствами, которые у нее есть; если у нас есть эти деньги, мы вам дадим, но скажите вашим товарищам, что Франция страшно нуждается в людях, и что самое главное для нас — помогите вы нам, чем вы богаты, помогите вы нам людьми». На этом мы с ним и расстались.

Затем в разговорах с бароном Ротшильдом французским тот же вопрос стал в другую плоскость. Как вы знаете, Ротшильд французский занимает официальное положение, он директор Французского банка, и он сказал то, что не договорил Мак Кенна и чего не хотел, вероятно, сказать лорд Ротшильд в Англии. Барон Ротшильд сказал мне следующее: «Вы знаете, что как ни богата Франция, как ни богата Англия, тем не менее за время войны наши средства почти истощены, нам приходится кредитоваться в Америке и мы, — говорит, — всячески искали и для себя и для вас денег, но наш кредит в Америке подрываете вы: г. Барк нам обещал здесь все возможное, чтобы смягчить положение еврейского вопроса — в Америке огромная масса еврейских деятелей, они имеют большое влияние в Америке, и там настроение создалось враждебное для вас. Мы всячески пытались это изменить, потому что это и наши французские интересы, и нам нужны деньги; мы посылали туда депутата парламента Баша, посылали туда отдельных делегатов уяснить положение и нам прямо сказали, если в России будет какое-нибудь изменение в области еврейского вопроса, мы вам обеспечиваем успех займа, иначе мы с вами не разговариваем. Таким образом, не только ваше положение, — говорит, — там плохо, но и наше чрезвычайно плохо, ибо за 2 года мы издержали огромную сумму денег, вычерпали все, что есть, и наш общий кредит подрывается в Америке вами. А Барк говорил... (Я прошу это не записывать в стенограмму). Он сказал, что это изменение будет сделано — и ничего не сделал. Вот, — говорит, — как же нам теперь с ним разговаривать? Мы заявили, что это будет сделано, и мы теперь сами поставлены в положение тех людей, которым не верят. В Америке,— об этом упомянул Павел Николаевич в своем докладе, — живет банкир Яков Шифф[1]), который сказал, когда посылали туда депутата французского парламента Баша, сказал Башу: «Да, мы дадим Англии и Франции кредит, если мы будем знать, что Россия что-нибудь сделает по еврейскому вопросу, а то вы занимаете деньги для России, а мы России давать не желаем». Так что, говорит, положение нас самих чрезвычайно тяжелое. Мы обладали огромными средствами, но вы знаете, какая это война, вы знаете, что до 100 миллионов франков в день расхода, что мы все теперь покупаем. Наши промышленные департаменты заняты германцами, угольные копи, сталелитейные заводы, у нас нет ни сахару, ни угля, ни стали, мы все должны покупать, и как ни богата Франция, но мы стали в такое положение, что даже мы зависим от американского рынка».

---

[1]) См. доклад П. Н. Милюкова в Военно-морской комиссии 19 июня 1916 г., напеч. в LVIII т. «Красного архива», стр. 14.

Когда я сказал Ротшильду, что «я не думаю, чтобы Барк говорил неправду, потому, что Барк был ведь у вас, когда был в августе месяце 1914 г.; внутренняя политика зависит не от одного Барка, — тогда был министр внутренних дел Щербатов, был льготный циркуляр об евреях,— вероятно, они и дальше намеревались вести отмену еврейских ограничений, но Барк возвратился в Россию, когда Щербатова уже не было, Дума была распущена и когда был новый министр Хвостов, когда политика изменилась, и, вероятно, Барк не думал уклониться от своих слов, — вероятно, он сам был поставлен в такое положение. Тогда Ротшильд сказал еще более резко... (прошу не записывать этого)... которые он дал. Словом сказать, господа, в области финансового вопроса положение наше не из важных, и те попытки мои всячески этот вопрос уяснить и помочь финансовому ведомству, я должен сказать, стоили мне больших усилий, и не раз мне приходилось испытывать чувство величайшего смущения и стыда за собственное внутреннее управление. Там этот вопрос стоит чрезвычайно тяжело. Нет слов для того, чтобы оправдать то, что делается здесь, ибо они говорят, что не только мы себе мешаем, но и им мешаем.

Затем, я пытался в Италии поднять вопрос о возможности расширения русского кредита. Посланник познакомил меня с представителем крупнейшего банка «Кредито-итальяно», одним из немногих банков, не находящихся под германским влиянием. Наши заказы в Италии, как вы знаете, могут дойти до 300 000 000 лир. В настоящее время они превышают 100 000 000 лир. Мне хотелось попытаться хотя бы выяснить вопрос: можно ли оплатить наши заказы в Италии, не прибегая к английскому кредиту? Вот это отношение русского правительства к Америке, этот факт, что Барк так долго не ехал и остались неурегулированными некоторые вопросы, остались некоторые недомолвки и недоумения по отношению его поведения, это настроение в Париже создало такое впечатление, что трудно будет нашему министру финансов получить по этому вопросу благоприятное отношение. Мне хотелось в Италии попытаться говорить о том, нет ли возможности там что-нибудь сделать. Я должен сказать, что один из наших французских агентов — Рафалович [1]) — был по этому поводу в Италии, беседовал с представителями банков. Директор банка «Кредито-итальяно» мне сказал: «Я готов устроить здесь с синдикатами банков заем для вас в размере 100 000 000 лир. Об условиях этого займа мы можем поговорить».

Таким образом, в Италии есть надежда оплатить часть наших кредитов, которые мы там должны за наши заказы. Надежда эта, по-моему, очень серьезная. По мнению посла, этот представитель банка человек очень солидный. Тогда я спросил: «Не можете ли вы значительно увеличить эту цифру, так как нужно оплатить наши заказы в большей сумме?» Он мне сказал: «Италия бедна, и 100 000 000 лир для нее крупная сумма. Но я подумаю, поговорю с другими моими коллегами по банку, может быть, на 50 000 000 лир мы можем увеличить». Я это все передал послу и все передал Н. Н. Покровскому [2]), которого я видел в Париже и который, вероятно, будет помогать нашему министру финансов в его финансовых делах, передал это во Франции и всячески просил

---

[1]) Рафалович, А. Г., с 1889 г. агент министерства финансов в Париже.

[2]) Покровский, Н. Н., министр иностр. дел с 30 ноября 1916 г. до Февр. революции.

их использовать этот случай возможности занять в Италии довольно крупную сумму денег для платежей по нашим заказам. Повидимому, есть такая возможность и в Норвегии, а может быть, и в Швеции.

К сожалению, в Норвегии мне не пришлось видеться с некоторыми представителями, с которыми посол хотел меня познакомить. Я видел только одного представителя банка, который, к сожалению, начал те же самые разговоры. «Мы кредитуемся тоже в Америке, ибо мы зависим от них во многих рассчетах, и тут мы чувствуем некоторое стеснение опять-таки для кредита вам, а мы сами не очень богаты, но, во всяком случае, несколько десятков миллионов крон, может быть, можно у нас найти». Я думаю, что и этот случай нам следует использовать.

Что касается Швеции, то Швеция упорно отказывает в кредите Германии и не желает учитывать ее обязательств. Поэтому шведские банки и стесняются учитывать обязательства нам, не желая нарушать своих отношений к Германии. Но я узнал, что Швеция и Дания заключили какие-то сделки с Францией и что Франция учитывает свои обязательства в шведских банках. Если только возможно будет, на эту комбинацию также следует обратить внимание. По этому поводу мне пришлось высказать [1]), иметь несколько бесед с нашим представителем там. Если возможно будет, то, быть может, Франция разрешит нам продолжение этого учета под наши обязательства, если это окажется возможным.

Вот, господа, в общих чертах, в области финансовых вопросов то, что мне приходилось слышать, то, что мне пришлось там говорить. Конечно, во всех этих разговорах, во всех этих встречах я самым определенным образом всегда заявлял, что таково мое личное мнение, что на это я никем не уполномочен, но что я передаю настроение моих товарищей по отношению к вывозу золота, что наши [1]) неоднократно и определенно по поводу тех соглашений, которые были заключены нами, высказывали, но что я, с своей стороны, должен буду сообщить здесь своим товарищам об этих вопросах.

Кроме официальных представителей мне пришлось беседовать во Франции с целым рядом экономистов, которых я могу назвать: Леруа-Болье, Ива Гюйо, председателя бюджетной комиссии, бывшего министра финансов Клотца, которые интересовались нашими вопросами. Я должен сказать, что эти разговоры, главным образом, были чисто теоретические, экономические; мы касались бумажно-денежного обращения. Я с радостью должен отметить, что мои взгляды, высказанные в Государственной думе ранее, находят там полное сочувствие и подтверждение в области бумажно-денежного обращения. И мы, по крайней мере, в тех размерах, в которых это идет теперь, еще не вышли из пределов осторожности, по их мнению. И таким образом в этом смысле там я встречал везде определенное отношение к нашим делам, которое меня до известной степени успокаивало. Но я думаю, продолжаю думать, что мое впечатление сводится к тому, что наше финансовое и экономическое положение в связи к нашей внутренней политике [2]) остаются чрезвычайно тревожными, и, как сравится министр финансов, я не знаю. Я знаю, что мы уже много должны по нашим заказам. Как покроет государство эти

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Тоже.

суммы заказов, каковы будут новые условия соглашения, не наложит ли Англия на нас новые тяжелые обязательства, этого я не знаю, — этот вопрос о новом соглашении, его детали и подробности мне неизвестны. Знаю только, что наш товарищ председателя Думы был оставлен в Лондоне по просьбе министра финансов; знаю, что Н. Н. Покровский дожидается приезда Барка и, в свою очередь, имеет во Франции целый ряд финансовых поручений в области валютного вопроса, но и только. Самые же подробности техники, условий, сумм, размеров, — все это я не знаю, это оставалось мне неизвестным. Я не знаю, ответил ли я достаточно полно, но, повидимому, я сказал вам все то, что я знаю. Может быть, гг. членам комиссии угодно будет задавать в дальнейшем вопросы, которых я не коснулся. Если вопросов нет больше, тогда позвольте считать, что эта область нами исчерпана. Я повторяю, что я рассказывал по просьбе гг. членов комиссии, считая, что это следовало бы сделать более подробно в Финансово-бюджетной комиссии. К сожалению, у нас нет времени для этого; занятия Государственной думы не могут, к несчастью, продолжаться, ибо сегодня официально состоится роспуск вне нашего желания. Я думаю, что эти вопросы должны быть подробно освещены в соответствующих органах, но члены комиссии заявили желание выслушать их вкратце здесь.

Львов 1-й.— Андрей Иванович, вам известно отношение Англии к специальному займу министерства торговли и на специальный предмет — на станки?

Председатель. — Нет, мне неизвестно.

Львов. — Заем такой сделан.

Председатель. — Это, вероятно, заем для частных лиц.

Львов. — Нет; часть для частных, а часть для казенных.

Председатель.— Там все последнее время шли частные займы: каждый день, сегодня на медикаменты — 100 000 фунтов, завтра — 60 000 фунтов, послезавтра ходят, например, несчастные фигуры наших двух батюшек, посланных от синода, и просят воск купить. Через день еще идут люди, которые говорят, что нам надо стали инструментальной, через день с обувью вопрос. Каждый день происходят бесконечные просьбы отдельных ведомств, частных лиц и учреждений. Дают им понемножку, дают им поскольку можно. Например, представителям синода оказали кредит в 60 тысяч фунтов, т. е. 600 тысяч рублей, и больше не давали. Они приходили к нам, к Милюкову, к Гурко с просьбой помочь им. Мы помочь им, конечно, не могли, потому что это — дело соглашения официальных лиц, а не нас, представителей парламента, приехавших туда с другой определенной целью и не имеющих никаких официальных полномочий. Так что займы идут каждый день, но они совершенно бесформенного характера.

Львов 1-й.—Скажите, пожалуйста,—заем, который сделали Англия и Франция в Америке при посредстве Моргана, ведь он упал в цене? И вот это условие, оно, кажется, является самым главным тормазом для заключения этих новых займов в Америке?

Председатель. — Морган относится очень хорошо к державам Согласия, он пытался всячески этот заем осуществить. Это заем в 1 миллиард долларов, около 3 миллиардов рублей по теперешнему курсу. Он прошел с большими затруднениями. Целому ряду банкирских домов, которые его реализовали, был объявлен крупнейшими фирмами бойкот, потому что это отчасти идет и на нужды России.

Марков 2-й. — Вам приходилось, Андрей Иванович [1]), указывать всем тем «милостивым государям», которые ссылались на необходимость вмешательства в русские внутренние дела, указывать на то, что это все вздор, что в Америке денег нет для предложения, что Англия и Франция могли только очень немного получить, а внутреннее положение Англии и Франции, конечно, не беспокоит американских евреев, ибо они имеют все, что желают ввести в России, и тем не менее ни Англия, ни Франция не могли получить больших количеств золота, ибо такового в Америке нет, потому что вообще это шантаж американских евреев? Вы этого не указывали?

Председатель. — Я таких соображений и не мог указывать, ибо они очень далеки от того, что я считаю правильным. В Америке имеется в настоящее время, судя по рассчетному балансу, несколько миллиардов долларов, эти миллиарды могли пойти для европейского кредита. Франция, Англия, Италия, Россия и отчасти Германия заплатили во время войны Америке колоссальные суммы. Французские экономисты имеют точный подсчет. Говорить о том, что американские евреи шантажируют их, я считаю невозможным, потому, что этот вопрос нам задавали и просили выяснить не только «милостивые государи», о которых говорит Николай Евгениевич, но, между прочим, и президент французской республики, которого мы, к сожалению, считать «милостивым государем» никак не могли.

Марков 2-й.— В словах «милостивый государь» я не вижу ничего оскорбительного, я просто не знаю этих людей, но что касается Пуанкаре, то прежде, до президентства, он был на службе у Ротшильда, так что он близок к еврейству. Но дело не в этом. Дело в том: чем объясняется, что Англия, Франция не могли получить сколько-нибудь солидного количества золота, хотя и добивались, из Америки, если там эти миллиарды есть? *(Голоса:* «Вы опоздали, — об этом говорили»).

Председатель.—Я подробно рассказывал, начиная с разговора Мак Кенна. Это объясняется нежеланием Америки оказывать кредит России. Вы знаете, что русско-американский договор расторгнут президентом еще задолго до войны, по еврейскому вопросу. Вы знаете, что там настроение в этом смысле очень определенное. К сожалению, это настроение не рассеивается ни нашими словами, ни нашим настроением. Так что здесь мы были бессильны, мы должны были слушать то, что нам говорится, тем более, что мое личное внутреннее убеждение, которое было высказано здесь, когда ни о какой поездке не было слышно, когда Барк поехал туда в прошлом году, оно было такое же: я указывал Барку — вы едете за границу, вы встретитесь с этим настроением.

Марков 2-й. — Я спрашиваю не о русском займе, а об английском.

Председатель.— Они все отвечали одно: этот заем даст средства России. Они отвечали — и Пуанкаре, и Рибо, и Мак Кенна, и Ротшильд они то же самое говорили: вы не только себе, но и нам этим мешаете.

Марков 2-й.— Значит, весь свет ответственнен за русскую внутреннюю политику?

Председатель.— Не весь свет, а союзники. В Америке 20 миллионов германцев, как говорят.

Милюков (с места). — 12 миллионов.

---

[1]) В подлиннике: «Андреевич».

Председатель. — 12 миллионов. Конечно, они используют слабость России во-всю, в этом отношении американское общественное мнение, В руках их пресса, банки. Также волнуют [1]) — и еврейское мнение очень сильно в Америке, и понятно, что мы с этим встречались везде. Павел Николаевич, вы желаете сделать заявление?

Милюков. — В ответ на вопрос, поставленный Н. Е. Марковым 2-м, я хотел бы огласить часть одного интересного документа. Документ этот может быть использован в разных смыслах, но людям, беспристрастно относящимся к делу, я думаю, будет понятно его значение. Андрей Иванович упомянул профессора Баша, который был послан французским правительством, ввиду тревожных слухов о настроении Америки, ввиду сопротивления займам вследствие настроения американских еврейских кругов, специально в Америку для изучения этого вопроса. Виктор Баш исполнил свое поручение, вернулся во Францию и сделал доклад французскому правительству о результатах своего посещения Америки. Я позволю себе огласить заключительную часть доклада Баша, представленного французскому правительству и, очевидно, не считавшегося с мнением некоторых наших партий. «Наконец,— говорит Баш,— преследования русских евреев имеют глубокое влияние на финансовое положение союзников в Соединенных Штатах. Известно, каково значение еврейских банков в Нью-Йорке. Со времени заключения англо-французского займа те из еврейских банкиров, которые участвовали в нем, поставили условием своего участия, чтобы Россия не фигурировала в числе стран, которые воспользуются займом. А руководитель самого влиятельного банкирского дома в Нью-Йорке, соперничающего с домом Моргана, Яков Шифф заявил публично, что если дом Куна, Леба и К° отказал в своем согласии на заем, то это было следствием преследования евреев в России. До тех пор, пока русский еврей не получит прав гражданина, он, Яков Шифф, не будет помогать союзникам. Все эти трудности, на которые наталкивается русское правительство при получении американских денег, прежде всего вытекают из положения русского правительства, занятого по отношению к русским евреям». Дальше Баш заявляет, что он старался противодействовать этому настроению и приводил разные доводы. Вот как он об этом говорит: «Пропаганда, которую я делал, как видно из прилагаемого документа, заключалась в том, что я, с одной стороны, доказывал, что антисемитизм — германского происхождения, что торжество германцев было бы торжеством всех доктрин реакции и, следовательно, торжеством антисемитизма. С другой стороны, что в России имеются значительные общественные силы, представленные либеральным блоком Государственной Думы, которые решили потребовать после войны целый ряд либеральных реформ, из которых первой будет дарование евреям прав граждан. Эти аргументы, без сомнения, произвели некоторое впечатление на наиболее просвещенных из моих собеседников. Но глубокие массы, группирующиеся в могучую федерацию еврейских синдикалистов...[2]) и американизированные евреи, представленные...[3]), с которыми я мог войти в сношение, одни на больших митингах, другие в собраниях, в которых участвовали самые выдающиеся евреи Америки, не скрыли от меня, что американские евреи для того, чтобы прекрати-

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Пропуск в подлиннике.
[3]) Тоже.

лась их оппозиция России, не могут удовлетвориться ни философскими аргументами, ни даже обещаниями, исходящими из союзных правительств с дальними и проблематичными сроками, но что им нужны действия. Я добавлю конфиденциально, что дом Кун, Леб и К° объявляет себя готовым принять на себя инициативу русского займа и примет в этом займе участие в значительной сумме, если серьезные реформы будут осуществлены в пользу евреев. Я не имею надобности говорить о том впечатлении, которое произвело бы в нью-йоркском банковском мире известие, что Яков Шифф, самый могущественный банкир Соединенных Штатов, человек германского происхождения, известный своими германскими симпатиями, выпустил бы русский займ. Серьезные реформы в пользу русских евреев не только открыли бы союзникам кассы всех еврейских банков, но они были бы приняты с громадным чувством облегчения всеми друзьями союзников, ибо они отняли бы у прогерманцев самый обычный их аргумент, и Россия этим оказала бы делу союзников неоценимые услуги». Господа, как я вам сказал, это цитата из официального донесения человека, посланного французским правительством в Америку для осведомления о действительном положении дела. Конечно, автор не предполагал, что часть этого документа будет опубликована в закрытом заседании одной из комиссий русской Думы, не для этого предназначался данный документ. Но ввиду громадного интереса той цитаты, которую я имел честь привести, я позволил себе совершить эту нескромность, познакомив вас с чрезвычайно важным материалом, который, по-моему, делает излишними все соображения, которые мы только что слышали и которые мы, к сожалению, всегда слышим от представителей некоторой части Государственной думы, не находящей себе аналогии ни в одном из европейских парламентов.

Марков 2-й. — Я могу приводить свои соображения или только задавать вопросы?

Председатель. — Нет, пожалуйста, у нас идет обсуждение, идут прения, для этого назначено специальное заседание.

Марков 2-й. — Я вполне согласен с достопочтенным Павлом Николаевичем, что мои соображения, пожалуй, излишни. Вопрос ясен. Его величество еврейское, его величество Яков Шифф приказывает всем союзникам заставить Россию внутри своего государства провести желательные его величеству реформы. Часть Государственной думы считает это настолько неопровержимым фактом, что обратное соображение уже излишне. Нам приказывают. Хорошо, если эти реформы вам нравятся, но они ведь могут приказать и в дальнейшем провести реформы, которые вам не нравятся. Аргументировать так, как вы, господа, аргументируете,— тогда вы должны исполнять всякий приказ Якова Шиффа, какового бы содержания он ни был. Вы ведь не говорите, что он прав, а вы говорите, что иначе вам не дадут денег. Значит, вам приказывают, иначе вас заставят. Вот ваша аргументация, аргументация реального соотношения сил. Это тот старый принцип, который 10 лет тому назад выдвигался: не потому делаем, что это правильно, законно, хорошо или нравственно, а потому, что сила требует. И вот, господа, все то, о чем мы говорим, все то, что указывали, вы сами блестящим образом подтверждаете. Создалось международное еврейское правительство, которое приказывает России, Англии и Франции поступать так, как желает это международное, сильнейшее еврейское правительство; я вас поздравляю с тем, что вы здесь радуетесь, целый сектор хихикал радостно: на-

конец-то разбили Маркова 2-го. Не Маркова 2-го разбиваете, а хотят уничтожить Россию как самостоятельное государство, и вы не смейтесь.

Председатель. — Я просил бы в прениях касаться того вопроса, который нас интересует. Меня просили выяснить наше финансовое международное положение. Я его подробно рассказал. Конечно, не еврейское какое-то правительство затеяло эту войну и нас в нее втянуло, и не для еврейского правительства нужны те деньги, которые мы требуем; для этого выступают жизненные интересы России, и мы говорим о том, как их разрешить.

Родичев. — Я буду очень краток и отвечу на предыдущее заявление. Обстоятельства и условия займа не в нашей власти; они стихийны, эти условия, количество денег на рынке и место, в котором можно занимать. Я это три дня тому назад говорил здесь. В нашей власти только одна функция—это нравственный кредит России. Вопрос о достоинстве русской государственной власти, вопрос об уважении к праву, господствующему в России, насколько в глазах цивилизованного человечества русская власть может пользоваться нравственным авторитетом, вот что изменить мы можем и, следовательно, должны. При создавшемся положении для русского правительства есть только один выход, с соблюдением его достоинства, этот выход с соблюдением русского достоинства — он дан нами. Дан нами, которые заявляют о необходимости прав гражданина для еврея ради соблюдения справедливости, ради достоинства, ради национального достоинства России, ради уважения к правде и справедливости, ради сохранения того чувства, которое составляет нашу главную силу в войне. Мы боремся за правду и справедливость, и ослабить это сознание значит уничтожить залог нашего успеха. Эту точку зрения мы давно проповедуем, и русская власть, вступив на путь признания прав за евреями, вступит на тот путь, на который мы давно зовем и звали не ради денег, а ради правды, и вступить на путь правды и справедливости всегда для власти только достойно. Господа, по отношению к Польше десятки лет у нас господствовало то же чувство ненависти,— те же обвинения, которые теперь раздаются по адресу евреев, раздавались тогда по адресу поляков, и, когда это чувство исчезло, до какой степени вам всем стало легче! Когда вы отмените еврейское бесправие, вам сделается много легче. Это единственный способ вытравить из своего сердца недостойную ненависть, потому что нет ненависти хуже, чем та, которую чувствует обидчик к обиженному, и нет любви больше, как к тому, кому оказали правду и помощь. Нас судьба приводит к тому; тут нет ничего недостойного — уступить требованиям справедливости. Шаг этот сделался необходимым шагом. Что же нам упираться, что же нам говорить: пусть остается Россия без денег, пусть остается Россия без того нравственного авторитета, который необходим для нее, лишь бы только нам не быть справедливыми по отношению к евреям!

Шульгин.—Я должен сказать, что то ,что сказал Николай Евгениевич, может относиться именно только к нему и к тем взглядам, которые он исповедует. Действительно, Николай Евгениевич, если вы когда-нибудь придете к необходимости сделать уступку по еврейскому вопросу, то вы сделаете это из-за денег, вы поклонитесь евреям из-за денег. Вы скажете: да, я даю, потому что мне нужны ваши деньги, и вы будете совершенно правы. Вот потому-то те люди, которые это предвидели, которые были несколько дальновиднее, чем вы, они предпочли сказать

следующее: мы делаем известные уступки потому, что считаем их необходимыми. И вот теперь вы можете судить о выгодах нашего положения по сравнению с вашим положением. Теперь, если нам говорят: давайте, иначе не получите денег, мы можем сказать: мы пошли на то, чтобы дать вам без всякой зависимости от того, дадут деньги или нет. И, действительно, это было так, и это очень просто объясняется. Вы помните японскую войну—во время японской войны еврейство выступило определенно в революционной плоскости, во время войны, и мы говорили: прочь руки, вы заплатите за это страшно, какими вы поведете себя во время войны, как поймет вас русское общество [1]). Они нам не поверили. Совершенно другое дело теперь. Руководящее еврейство в самом начале этой войны,—это совершенно верно, этого отрицать нельзя,—стало всеми силами работать в пользу войны, именно руководящее еврейство, то, которое вело еврейскую войну. Если теперь не удалось это провести, [то] потому, что они натолкнулись на косность своих масс, на такую же, на какую мы натолкнулись до известной степени. Мы кричим: все для победы, а тем не менее от наших взяточников, казнокрадов и всяких негодяев, которые в нашей среде, отвязаться не могли. Среди евреев этого элемента отрицательного, именно в отношении всяких темных поползновений на экономической почве, гораздо больше, и они не сумели с ним справиться — руководящее еврейство, оно может сколько угодно твердить свою мысль, а темные гешефтмахеры эту мысль компрометируют, и вы этим пользуетесь, когда вы говорите о шпионах и т. д. Может быть, вы и правы, что они есть, но вы ведь берете подонки еврейства, на них оперируете, точно так же с их гешефтмахерством и т. п., что они проделывают, то это неправильно, это несправедливо, потому что еврейская мысль, руководящая, работает в другом направлении. Когда мы это увидели, а мы это видим по печати, не вы ли говорили сколько раз с этой кафедры, что три четверти печати в еврейских руках — это правда, а какой она держит тон? Несомненно, бодрящий: война, война! Кто это делает? Эти самые еврейчики, о которых так часто приходилось говорить здесь. Вот, следовательно, доказательство налицо. Если вы хотите, так мы платим им, и когда мы говорим, что мы идем на известные уступки, которые мы совместно обсудили и приняли, они остались, как были, так и есть, вне зависимости от денежных вопросов. Мы расплачиваемся, мы говорим, что мы хотим сделать что-нибудь по отношению к евреям, потому что они изменили свою точку зрения, и это мы делаем вне зависимости от всякого золота. Предупреждаю вас, если вы теперь, Николай Евгениевич, станете на нашу точку зрения, теперь есть еще время, а потом это будет уже позорное положение, в которое вы сами себя ставите.

Аджемов. — Дело в том, что в истории был один случай, когда Ротшильд одолжил Герцену несколько сот тысяч франков, имея в виду его имение в России. Между тем, так как он был эмигрант, то Николай Павлович предполагал конфисковать его имущество, но в этом споре, ввиду пользы России, он отказался от этой конфискации. Таким образом, в этом споре историческом мы имеем такой пример, который вас смущает, а Николай Павлович был адептом самодержавия и всех принципов, которые вы исповедуете, в большей степени даже, чем вы. Это прежде всего. Затем вопрос в следующем: вы говорите, что вы не верите, вы уже вступили на этот путь, что надо дать, потому, что вы сказали, что аме-

[1]) Так в подлиннике.

риканский еврей шантажирует; когда кто-нибудь говорит «американский еврей шантажирует» — это значит, он думает: «Я дам, а он мне не даст». Значит, вы вступили на путь, что необходимо дать. *(Голос слева:* «Остроумно»). Весь вопрос в том, что можно дать и не получить, когда можно говорить о форме займа, может быть, депозитно надо внести для вас этот заем, но я вижу проблески сознания и в ваших мыслях, и я очень рад этому. *(Смех, голос слева:* «Напрасно».)

Демченко. — Во время нашего посещения Англии, Франции и Италии, действительно, отдельные парламентские деятели и отдельные деятели финансового мира указывали нам на ненормальное, по их мнению, положение всего еврейского вопроса в том виде, как он существует у нас, указывали, что в то время, как у нас нет никаких прав, а притеснения и т. п., у союзников евреи пользуются всеми правами. Мне кажется, нельзя ставить вопрос относительно того, дать права или не дать, так—что нужно дать потому, что нам не дают денег. В таком виде ставить вопрос недостойно Государственной думы и России. Вопрос о расширении прав евреев нужно ставить с более практической точки зрения, с точки развития промышленности и с точки зрения известной помощи значительной части разорившегося населения, как русского, так и еврейского. Вопрос об уничтожении черты оседлости, вопрос о предоставлении евреям самостоятельных учебных заведений с правами, мне кажется, не мог бы вызывать особых возражений, и в то же время он мог бы удовлетворить и лиц, заинтересованных в том, давать или не давать деньги, но, конечно, не в таком виде, что мы дадим деньги, когда вы дадите права, а иначе мы не дадим. Я считаю, что в таком остром виде вопрос сейчас ставить нельзя, но что-нибудь дать можно, пойти на известные уступки. Мы сами видели отчаянное положение промышленности и знаем, что в этом отношении евреи в смысле развития промышленности более настойчивы и энергичны. По поводу вчерашнего замечания относительно впечатления моего о деятельности наших банков за границей П. Н. Крупенский привел данные, как будто бы опровергающие сообщение, которое я сделал относительно деятельности отделения Русского для внешней торговли банка в Генуе[1]). Это впечатление было получено не только мною, но и моими товарищами, но лично я более подробно ознакомился с этим вопросом. П. Н. Крупенский указал, что подробное расследование, которое было там сделано, указало, что деятельность банка была вполне хорошая, и даже французское правительство одобрило ее и благодарило директора генуэзского банка, что министр иностранных дел также присоединяется к тому, что все в порядке и обстоит благополучно; я вам процитирую некоторые пункты письма французского генерального консула в Генуе. Все эти разоблачения, все дело было поднято не английским посланником и консулом, как говорил

[1]) В своем докладе Демченко сообщал о спекулятивной деятельности отделения Русского для внешней торговли банка в Генуе, продавшего в Германию в октябре 1914 г. пароход с пшеницей из Таганрога, спекулировавшего русской валютой и т. д. Ревизовавший банк председатель правления Давыдов признал деятельность его правильной, но директор Генуэзского отделения Веккерлей (по словам Демченко) «швейцарский немец, безусловный германофил был как бы устранен и уехал в Париж... но и по настоящее время командует этим отделением в Генуе!» В прениях член комиссии П. Н. Крупенский выступил с протестом против сообщения Демченко, заявив, что обвинения Веккерлея в злоупотреблениях идут из английского источника, но что и французское правительство и российское министерство финансов, произведшие расследование, и Сазонов считают Веккерлея «абсолютно ни в чем невинным».

Крупенский, а главным образом французским генеральным консулом. В письме, которое он послал в Париж в ноябре 1914 года, он подробно описывает всю спекуляцию по продаже хлеба, пришедшего из России, из Таганрога, упоминает, на каком это было пароходе, и даже в этом письме председателю комиссии указывается лицо, которое приехало для его приемки. В этом письме указывается, что продажа и русского хлеба, и другого шла через русский банк в Германию, шла она, конечно, не из-за прекрасных глаз, а шла за довольно хорошие комиссионные проценты. Так что здесь, конечно, и банк наживал хорошие деньги, и здесь это, в письме генерального консула, все описано. Вся история была в прошлом году, в 1915 году; наконец, теперь опять, в июне текущего года, французский генеральный консул в Генуе пишет своему министру иностранных дел в Париж, опять о ненормальном положении деятельности русского банка и указывает... [1]). Этот самый Веккерлей, как я вам говорил и как подтвердит Крупенский, должен был покинуть Италию, и поселиться во Франции, где и руководил деятельностью этого отделения. И вот, на основании всех сведений, которые имелись у союзных консулов, французский консул пишет своему министру, что он считает, что пребывание этого самого Веккерлея во Франции он находит безусловно вредным и нежелательным.

Это, как видите, совершенно расходится с теми сведениями, которые приводил Крупенский, что французское правительство преклоняется перед этим самым Веккерлеем, считает весьма деятельным, полезным и т. д. Я этот факт огласил потому что, когда мы были в Генуе, то консулы, и наш русский консул, и французский, и английский, и бельгийский, единогласно указали, что деятельность банка невозможная, и мне прямо было неловко: как же, отделение русского банка, а все консула союзников протестуют и говорят, что он занимается спекуляцией, перепродажей, — все время, пока Италия не объявила войну, занимался перепродажею и русского и иного, пришедшего в Геную хлеба. Я уже указывал, что из 35 человек служащих — 33 швейцарских немца, которые говорят только на немецком языке; и вот здесь консул пишет, что между собою они всегда говорят по-немецки, бранят все итальянское и только, если кто-нибудь придет, стараются говорить по-итальянски или по-французски. Вот видите, какое положение. Я считаю, что здесь должна быть ревизия, но не ревизия такая, так сказать, домашняя, какая была в прошлом году. В прошлом году на ревизию поехал председатель правления Давыдов, бывший директор кредитной канцелярии, и с ним чиновник той же канцелярии. Приехал чиновник этот, — как пишет мне в письме русский консул, — подробно осмотрел все эти книги, но разве в книгах будет записано, что этот хлеб продан немцам! Там в книгах записано, — вот у меня есть перечисление фирм, которые брали, — тут записано, что продали такой-то фирме, и даже указывается, что эта фирма заведомо австро-германская; фирма говорит, что этот хлеб поехал в Швейцарию — нужно не в книгах проверить, а нужно более детально, и раз навсегда искоренить такое безобразие.

Я еще должен сказать несколько слов о деятельности другого нашего банка, досье о котором было передано помощнику военного агента во Франции, это о деятельности Международного банка. Отделение его есть в Париже и в Брюсселе. Как видно из этого досье, которое было по-

[1]) Пропуск в подлиннике.

слано 19 февраля—3 марта 1916 года в отделение генерал-квартирмейстерской части, о чем я вчера беседовал с товарищем министра финансов — он тоже ничего не знает; вероятно, и министр иностранных дел ничего не знает, где все эти сведения. Но из этого досье мы видим, что штат служащих этого Международного банка в значительной степени состоял из германских офицеров, которые за несколько дней до войны все удалились восвояси, и дальше наблюдается следующая картина: часть из них устроила свои квартиры в Женеве и на имя подставных лиц ведет переписку и получает телеграммы; другая часть находится в Голландии и то же самое делает. Ведь, господа, при таких условиях мне кажется, что престиж наш и доброе имя безусловно будут страдать, поэтому я это оглашаю, я это передам и для того, чтобы действительно никто из иностранных послов, из иностранцев не послал нам упрека, что наши банки не на высоте. Это должно быть расследовано широко, всесторонне, гласно, а не так келейно, как это было сделано. *(Голос:* «Председатель этого банка?»). Я не знаю.

Председатель. — Слово принадлежит Н. Е. Маркову.

Марков 2-й. — Господа, когда я слушал Ф. И. Родичева, — нашего политического противника, вероятно, до конца наших дней, — то мне было жалко: ведь, вот, человек — либерал, человек убежденный, человек всегда говорил по еврейскому вопросу одно и то же; в его искренности невозможно сомневаться, что он сторонник еврейского равноправия, но все, что он говорил, — повторял свои постоянные мысли, всегдашние, что значит, когда вы знаете, что в Америке сидит Яков Шифф, который говорит: я на ваше обещание плюю, а вы мне давайте реальный факт, иначе не даю вам денег. В каком положении вот эти искренние сторонники еврейского равноправия? Вы говорите с нравственности, о справедливости, о праве, а Яков Шифф, — ведь вы знаете, все американские миллиардеры, почти все — с уголовным прошлым, это общее правило, только небольшой процент из них не имел этого прошлого. Это люди, которые о праве и справедливости менее всего интересуются [1]), это люди исключительно реального, материального образа мышления и чувств, — он чувствует свою силу, — с моей точки зрения, эта сила фиктивная, но он считает, что он в силе и нагло говорит: ни Италии, ни Франции, ни Англии, где всякие равноправия имеются, не дадим денег, пока вы свою союзницу Россию не заставите сделать то, что я хочу, Яков Шифф. Ведь вот постановка вопроса. Андрей Иванович и Павел Николаевич ведь они, собственно, привезли нам эту постановку вопроса. Никто не проводит доказательств, что несправедливо или нарушает мораль, этого они не говорят, они говорят: мы знать этого не хотим, что вы, господа либералы, утверждаете или обещаете, а мы вам приказываем: или не получите ни одного доллара или давайте то, что нам угодно. Ведь вот постановка, которая должна показаться мало приемлемой, не только, господа, нам, сторонникам самодержавия, — не в самодержавии здесь дело, самодержавие — это внутреннее дело России, — но даже и сторонникам идеи конституционного монархизма и даже республиканцу. Это все-таки люди, которые признают русское государство, господство русского народа у себя дома. Ведь вы все признаете это, кроме, может быть, ничтожного количества людей, о которых я не буду распространяться. Так тут идет покушение не на самодержавие русское, тут речь

[1]) Так в подлиннике.

идет о господстве русского народа у себя дома, а господствовать кто хочет? Яков Шифф. Яков Шифф лезет в самодержцы. Вы тут самодержавие хотите уничтожить, а из Америки идет самодержец, самодержец, о котором вы и понятия не имели до сих пор. Вот я обращаю ваше внимание, ведь вы в рабство идете, если только станете на эту покатую плоскость. Вот Василий Витальевич [1]) говорит: вы чувствуете, что Яков Шифф забежит, а вы сами заблаговременно забегите вперед и вильните хвостиком и дайте. Господа, Яков Шифф все равно забежит вперед, он прав будет, когда скажет: я приказал России ввести равноправие, и она ввела равноправие, это так и будет. Хотя есть люди, правда, хитроумные люди, которые предвидели все это вперед и раскланялись, а люди упорные, бестолковые, вроде Маркова 2-го, говорят: не давай. Но все равно, по приказу дали. Но, господа, на это не становитесь, никто не может становиться, кто стоит на точке зрения, что русский народ должен быть у себя хозяином. Вот почему меня взволновало, что Андрей Иванович и Павел Николаевич так это аргументировали. Итак, все время говорят нам, что денег не дадут. Без денег войны нельзя кончить победоносно, значит надо исполнить приказ. Ведь это было совершенно ясно в речах вчерашней и сегодняшней Шингарева и Милюкова. И вот, господа, почему нельзя. Прав Демченко, когда говорил, что нельзя так ставить вопрос именно потому, что Яков Шифф так поставил. Даже убежденные сторонники еврейского равноправия теперь не могут о нем говорить, пока Яков Шифф не успокоится. Нельзя давать, господа, теперь вам равноправия; еще, может быть, два дня тому назад это было можно, теперь нельзя, ибо теперь вам Яков Шифф приказал, господа, исполнить то, что ему угодно. Это невозможная точка зрения. Невозможно на этой позиции стоять, если вы хотите стоять с русским народом. Вот почему я думаю, вовсе не говоря о шантаже американских евреев, я вовсе не разумел, что надо уступить, как это очень остроумно объяснил М. С. Аджемов. Я считаю, что никоим образом нельзя уступить, тем более, что мы противники, мы не потому говорим: не давайте прав, что не хотим давать права, а потому, что мы понимаем, что, давая права новым элементам, вы отнимаете права у старых элементов. То, что вы называете новыми правами евреев, — это есть отнятие известных прав у русских вообще и не-евреев. Я просил бы не вдаваться в область принципиальных споров. Я понимаю, что я вас убедить не могу и не стараюсь убедить, и вы меня не убеждайте,— к чему эти убеждения? Ведь Яков Шифф убеждать не желает, он вам кулак показал, кулак, закованный в золотую перчатку; он вас не убеждает, он приказывает, и приказывает всему свету, даже тем, которые в отдаленном союзе. В каком мы союзе с Англией? В соглашении исключительно военном, а никакого союза нет, но так как мы вместе, то Шифф и Англии не дает. Притом он врет, он дает деньги, миллиардные заказы сделаны. Все это вздор, господа, все это не так. В действительности, без всяких миллиардов, воображаемых, Якова Шиффа, Россия отлично обойдется с помощью Англии и Франции, которые у нее золота не требуют и которые дадут все-таки то, что нужно России. Исход есть: кончим войну, господа, тогда будем опять спорить, принципиально вопрос поставим и разрешим. И вот, если большинство выскажется за равноправие, значит, тогда и быть равноправию. Но сейчас, господа, это делать, — во-

[1]) Шульгин.

ля ваша, от Российской империи, от Российского государства, даже думая, что это будущая республика, — останется мокрое место.

Керенский.— Господа, я вообще с чувством очень тяжелым слушал доклады вчерашнего и сегодняшнего дня. Перед вами одна за другой проходили колоссальные проблемы, поставленные на разрешение Европы: и национальные вопросы, и вопросы финансовые, и вопросы международные. Во вчерашнем докладе Павла Николаевича это был, так сказать, уголок Европы, европейских точек зрения, разговоры европейских людей между собою, и, конечно, Павел Николаевич, когда он был в Европе, забыл, что он из России, он почувствовал себя в Европе и говорил, как европеец, а вот, когда мы слышали его доклад, — пережив только что этот месяц сессии 4-й Государственной думы при прогрессивном блоке, вот мы себя европейцами не чувствовали, а чувствовали себя азиатами, и вот сейчас возник еврейский вопрос, и депутат Марков, ведь он в значительной степени может теперь говорить то, что он говорил, потому что, господа, ведь время уже пропущено. Когда началась война в 1914 г. 19 июля, меня спросил М. В. Родзянко, перед своей поездкой к государю: «Как, по вашему мнению, нужно сказать?» Я ему ответил: «Скажите, Михаил Владимирович, что такую войну мы без освобождения общественных сил для организации обороны, без автономии Польши, без восстановления конституции Финляндии, без равноправия вести победно не можем». И тогда казалось это просто бредом доктринера. Теперь, слава богу, к этому пришло большинство Государственной думы, а Павел Николаевич Милюков, как представитель прогрессивного блока, даже утверждал, что эта опора либерализма в России сумеет создать эту новую Россию. Он не был во время этой сессии. Но теперь, когда нам говорят—не давайте еврейского равноправия потому, что теперь требует от нас,— как он сказал,— бронированный золотом кулак, я должен вам сказать, что скоро такое же положение будет и по польскому вопросу. Скоро возникнет такое же положение о равноправии и свободе культурного самоопределения национальностей. Ведь Федор Измайлович Родичев, все остальные, господа, вы все время говорите с трибуны, что вы ведете войну за право и справедливость, за право малых народностей, за равноправие. Но Европа привыкла не к словам, а к делам. Если вы хотите вести войну за свободу малых народностей, как во время самой войны [1]), эти малые народности должны почувствовать себя действительными гражданами страны. Нам говорят, — и вчера это говорил Павел Николаевич Милюков, что начинается новое настроение среди польского общества [2]). Я вам должен сказать, господа, и это я недавно говорил, не выслушав доклада наших европейских людей, говорил в сеньорен-конвенте перед открытием Думы: господа, ведь это обращение меньшинств народностей к Вильсону это не есть доказательство изменения политических позиций этих народностей, но это есть симптом, это есть угрожающий русской государственности симптом, и мы с ним должны считаться. Как же мы считались за это время? Теперь, когда в 2 часа дня нам объявят о разъезде на каникулы, вот эти европейские речи, они к чему? Когда то самое большинство, которое в Европе уже теперь выставляется за оппозицию, не могло даже этого сделать, не

[1]) Так в подлиннике.

[2]) См. LVIII т. «Красного архива», стр. 10—13 и т. LIV—LV («Дневник П. Н. Милюкова»), стр. 18—20.

могло исполнить элементарную нашу просьбу или требование, которые мы предъявляли в сеньорен-конвенте перед открытием Думы, — добиться возможности работать в продолжение всего лета над неотложными вопросами русской государственности и спасения государства (*Шингарев:* «Надо было поменьше говорить, может быть, добились бы»...)... поменьше говорить нужно было бы... *Шингарев:* «А то целый месяц болтали»)... Вы знаете, почему болтали и кто устроил роспуск Думы? Мы потом об этом поговорим. В отношении того, что говорилось по еврейскому вопросу, я тоже согласен, что для меня и для Павла Николаевича эта аргументировка в том, что не дают денег еврейские банки, она для нас никакого значения не имеет. Ведь мы, господа, стояли за еврейское равноправие, за полную свободу, за свободу самоопределения всех народностей не потому, что мы фантазеры, а потому, что мы знаем, на чем основывается государство в XX веке, потому что мы понимаем, что в XX веке не может быть сильного государства, построенного на принципе Московского или, предположим, средневекового немецкого или французского. В XX веке государство это есть организм, это есть механизм, требующий при известных условиях известного совершенствования организации. Как трезвые политики, как люди реальной жизни, мы говорим: ваш аппарат управления, ваш государственный организм настолько не соответствует элементам жизни XX века, что вы погибнете вместе с этим государством. И когда мы требовали этого равноправия, то мы можем так сказать: вот вы дождались, дождались того, что ваше невежество, ваше непонимание основ государственной жизни, а иногда и злостное нежелание его знать, довело Российское государство до величайшего унижения, до величайшего позора, что вся Европа говорит, что война, которую вы начали во имя свободы и права, может не дойти до конца из-за того, что ваш государственный организм построен не на современных началах. И вывод простой: те, кто говорят, что теперь неудобно и недостойно давать равноправие и свободу, это равноправие и свободу должны дать люди, те люди, которые боролись за них свободно и по своему убеждению, а не будут давать из-под палки, т. е., другими словами, современное государственное положение страны требует, чтобы в России создалась новая власть, чтобы в России ушли с министерских мест сторонники Маркова 2-го, которым, действительно, самолюбие и достоинство не могут позволить дать под ударами кулака то, что они не давали по свободному убеждению. Но, в России, слава богу, есть много людей и политических деятелей, которые этого никогда и не думали и свободно и, подняв голову, могут сказать, что, наконец, они достигли того, что старые пережитки убраны с дороги развития России. Да разве вообще международного внешнего давления на внутреннюю жизнь государств не бывает? А вспомним 1906 год, ведь нам был дан заем в Англии [1]) только потому, что нам была дана конституция Витте с бюджетными правами Государственной думы, и это открыто говорилось и тогдашним министром-президентом английским и министром финансов. А, господа, противоположная сторона, сторона реакционная, разве она от международного давления уклоняется? Разве нам неизвестно, что в то время, когда либеральные и левые партии имели симпатии в Англии и Франции,

[1]) 5-% росс. госуд. заем 1906 г., который имел в виду Керенский, был заключен на сумму 843 750 000 р. и размещен, главным образом, среди ф р а ц у з с к и х банков, при участии также банков английских, русских, австрийских и голландских.

в это время, все это мы знаем, при известных условиях была возможность введения немецких войск в Польшу. Ведь это тоже международное давление, но только давление, идущее из кругов, враждебных русской государственности. А разве мы не знаем, что Нессельроде, министр иностранных дел при Николае I, он даже в официальных письмах писал, что внешняя политика России страдает в известной степени потому, что мы по династическим и фамильным связям слишком прислушиваемся к берлинскому двору. От международных влияний, от давления внешних сил на внутреннюю политику ни одно государство не может освободиться и никогда не было свободно во всю мировую историю, и, если мы вспомним историю, — я не буду уклоняться, так как думаю, что вы все это знаете...

Председатель. — Да у нас очень мало времени.

Керенский. — Я хочу сказать, что вы не должны слушать тех аргументов, которыми вас хотят напугать правые, но я присоединяюсь к мнению, которое высказал Ф. И. Родичев, что те, кто боролись за равноправие в стране по свободной воле, по собственному убеждению, те сейчас могут сказать только одно: вы довели Россию до этого унижения, и вы обязаны теперь сделать это, потому что иначе все последствия, которые грозят нам при теперешнем положении вещей, они не только на еврейском вопросе, но и на всех вопросах, связанных с этой войной, и на судьбе нашего государства[1]).

Председатель. — Тут еще записано 5 ораторов, разрешите прекратить запись; время ограничено, я буду просить гг. членов комиссии высказаться покороче, иначе мы не кончим: в 2 часа общее собрание.

Милюков. — Я и вчера и сегодня, собственно, излагал объективные факты. Можно против них сколько угодно спорить, но факты налицо, и я никак не думал, что мои сообщения явятся источником таких страстных прений. Я не предвидел, что мои цитаты будут использованы так скоро и так решительно. Однако же, раз это уже сделано, мне все-таки приходится сказать несколько слов по существу, а не в пределах информации. Я должен напомнить прежде всего, что еще вчера, излагая свою информацию, я употребил следующие выражения: «Я очень сожалею, что мне приходится рассказывать это. Выходит так, будто я прибегаю к такому аргументу: чтобы получить деньги, надо дать известные права евреям. Но, господа, вы сами себя до этого довели, довели до того, что наступает момент, когда идейными соображениями мы оперировать не можем, и приходится прибегнуть к простому, примитивному, зоологическому аргументу»[2]). Сегодня я только прибавлю, что не все мы в этом виноваты. Виноваты лишь те, которые являются сторонниками этого аргумента и которые никаким другим аргументам не уступают. Я должен сказать, что совершенно прав был депутат Шульгин, когда говорил, что эта аргументация — «взять за горло» — специально обращена именно к Н. Е. Маркову 2-му, потому что мы все остальные в этой аргументации не нуждаемся. Мы оперировали давно идейными соображениями в пользу тех перемен в положении евреев, о которых я говорил. Я должен сказать, что это была бы карикатура, очень неискусная, неумелая изображать, что Яков Шифф в Нью-Йорке командует всем миром. Мы знаем эту карикатуру давно и знаем цели, с которыми она размалевана. Но, господа,

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) См. LVIII т. «Красного архива», стр. 14.

если мы на самих себя смотрим так невысоко, что считаем, что нами можно командовать, то ведь дело идет тут о Франции, Англии и др. Выходит, что Яков Шифф командует не нами только, а всем миром. Доведенная до таких крайностей, до абсурда, карикатура, очевидно, теряет то политическое значение, на которое она рассчитана. Очевидно, на Англию, на Францию, на Америку действуют не эти аргументы, не «хватание за горло» Якова Шиффа, а очевидно, что-нибудь другое. Очевидно, если Америка скандализована, если наши союзники стыдятся и конфузятся, то ведь это вызвано не аргументами Якова Шиффа. Это вызвано тем, что в среде культурно-цивилизованных народов находится товарищ, который ведет себя немножко не в рамках условных приличий. Происходит нечто объективно неприличное. И вот нам говорят: господа, прекратите это безобразие и неприличие. Но кто же виноват в этом? Ведь те, кто ведет себя неприлично. Я оскорбил бы громадное большинство Думы, если бы отнес этот упрек ко всем нам. Нет, очевидно, ведут себя неприлично специфические элементы, и против них должен быть обращен упрек, и их надо устранить с вашей дороги, если вы хотите итти дальше. Потому что иначе, действительно, получится такое положение, что мы, вся Россия, получаем оскорбление за то, что в нашей среде сидят неприличные люди, которые не умеют...

Председатель. — Простите, Павел Николаевич, в среде Государственной думы и комиссии неприличных людей не имеется.

Милюков. — Я говорю в отвлеченном смысле, и ни к кому из членов комиссии лично я не отношу этих выражений. Я даю известную общую характеристику, отвлеченную. И если я употребил образное выражение, то я не имел в виду никого лично...

Председатель. — Да, пожалуйста, мы так и поняли.

Милюков. — Я только обращусь к аргументам Баша из того документа, который я привез. Аргументы эти характерны. Человек хочет убедить свободное американское мнение и к каким же аргументам он обращается? Он говорит: господа, это только германофилы могут быть антисемитами: очевидно, это полезно германцам. В самом деле, кому полезно, что в России существует такое отношение к евреям? Очевидно, германцам. И Баш тоже лично ни к кому не обращался. Он не знает отдельных депутатов русской Думы и их мнений, он говорит в общей схеме: антисемитизм есть дело реакции, и реакция есть специально германофильская вещь. Господа, ведь это как два куска разорванной бумаги подходит к тем аргументам, которые мы неоднократно здесь приводим. Да, это есть сознательная или бессознательная работа на германцев, и мы должны признать совершенно определенно и сознательно. Да, господа, поскольку эта работа делается, мы имеем дело с большой национальной опасностью. Никогда она так ярко не предстояла перед нами, как теперь она обнаружилась и, препарированная, показана всем нам в свете исключительных обстоятельств. Пройдет время, все это затушуется, и мы опять будем не все сознавать вредное национальное действие известных аргументов. Но, господа, по крайней мере, теперь, когда урок предстал в такой яркости, такой объективности, не отворачивайтесь, поймите его смысл хорошенько и запомните, где находится национальная опасность. Вот те соображения, которые могут быть единственными соображениями по адресу члена Государственной думы Маркова 2-го и тех рассуждений, которые он высказал. Я вполне присоединяюсь к мнениям члена Государственной думы Шульгина и Демченко, что точка зрения наша при решении еврейского

вопроса, конечно, должна быть не эта, а та, которая всегда была, т. е. точка зрения, не связанная с угрозами Якова Шиффа, которые нужны только для сторонников Николая Евгениевича Маркова, потому что другие аргументы, кроме этого argumentum baculinum [1]), им недоступны.

Бомаш. — Теперь не время вступать в спор о еврейском равноправии, но я хочу сказать, что мне не улыбается еврейское равноправие, нарисованное правыми, если бы мы его получили таким путем, как правые говорят. Мне улыбается еврейское равноправие, полученное по убеждению и справедливости, как левые говорят. Во-вторых, я хотел бы обратить внимание, господа: до войны вы удовлетворяли справедливые требования поляков? А во время войны вы удовлетворяли? А сейчас вы хотите делать уступки полякам из чувства справедливости? Нет, из чувства необходимости. Далее, относительно Америки. В Америке, мы должны знать, нет ни одного американца, у которого не было бы родственников в России: наоборот, в России нет ни одного еврея, у которого бы не было родственника в Америке. В массе местечек в Сувалкской и Ковенской губерниях живут только на те средства, которые присылаются американскими родственниками, и вам казалось, что если Барк поедет в Америку к Шиффу и скажет: г. Шифф, мы только что выгнали евреев из Ковенской, Сувалкской и Курляндской губерний в 24 часа — стариков, старух, детей, отцы и сыновья которых убиты на фронте, в защиту вас же от врагов, и вы за этот подвиг дайте нам денег, — Шифф должен расшаркаться: пожалуйста, берите сколько угодно денег? Но я не для этого выступил теперь, господа, я хотел бы ответить члену Государственной думы Шульгину. Мне казалось, что он сказал так: «Во-первых, в японскую кампанию мне говорили: евреи, не принимайте участия в освободительной борьбе, вам плохо будет, и им было плохо». А я говорю ему: «Мы не раскаиваемся, что евреи участвовали в освободительной борьбе... *(Рукоплескания слева)*, они боролись за вашу свободу. И мы в этом не раскаиваемся. Этим вы нас не запугаете. Далее, член Думы Шульгин сказал, что, как вспыхнула война, то только верхи евреев, руководящие, встали на защиту своей родины. Они только были лойяльны. Это неправда: все еврейство сверху донизу до сих пор держится этих воззрений и до сих пор ратует за защиту своей родины. Они борются за вашу свободу, они своею кровью и телом защищают вас от врага — немца. А, кажется, будто, он сказал, что кроме верхов евреев все прочие евреи какие-то подонки, предатели, гешефтмахеры, я бы против этого протестовал.

Председатель. — Этих выражений Шульгин не употреблял.

Бомаш. — О еврейском предательстве говорил тут с трибуны член Думы Марков и удивлялся, как это транспортируется антисемитизм из армии сюда и отсюда в армию. Он и лидеры правых отлично знают, откуда это берется: они и правительство занимались этим 10 лет и удивляются, откуда идет антисемитизм в армию и затем из армии переходит сюда. Я протестую против обвинения евреев в предательстве: никто не в праве кого-либо обвинять в таком преступлении, об этом и вы не вправе здесь говорить. Вы могли иметь право произнести такое слово, что евреи предатели, если бы вы образовали думскую комиссию, которая туда бы на фронт поехала, исследовала, вернулась и сказала бы правду, тогда и я этой правде поверю.

---

[1]) Аргумент кулака.

Родичев. — Втечение 10 лет мы требуем прав и справедливости в отношении евреев, но в России мы наталкиваемся на слабое развитие, с точки зрения справедливости. На-днях один из членов Думы, сидящий направо, говорил: политика это — одно дело, а требование совести — другое. Втечение долгого времени мы обращались к русскому правительству с указаниями на требование совести и получали аргументы с точки зрения пользы, но теперь мы уперлись в то положение, которое мы давно предсказывали. Господа, вы делаете страну некредитоспособной, ибо она таким образом удерживается на той примитивной ступени, на которой невозможно правовое и экономическое развитие. Теперь мы получили аргументы, поистине доказывающие справедливость того, что я говорю, и вы прибегаете к раздражению национального самолюбия. Если бы нас не было, если бы во всей России раздавался тот голос, что политика и совесть ничего общего не имеют, вы были бы правы, но наш голос не умолкал ни разу. Мы на эту точку зрения не вставали, мы предвидели, что такой путь ведет Россию к гибели. Мы давно предсказывали все, что происходит. Мы втечение 10 лет вам указывали на необходимость другой политики по отношению к Польше; вы это поняли слишком поздно, тогда, когда обстоятельства вас ударили, а не воззвание к совести. Теперь вы упираетесь в эту стену и в еврейском вопросе. Ведь, гг., освобождение крестьян совершилось потому, что Россия была некредитоспособна до тех пор, пока не освободили крестьян. И в то время в полемике употребляли этот аргумент — национальное самолюбие, которое требует сохранения основных начал русской жизни. Господа, ведь мы не первые, которые подходили к еврейской эмансипации этим путем, я вас утешу, 50 лет тому назад эмансипация евреев провозглашена в Швейцарии вследствие требования американцев. Швейцарское правительство поступило мудро: оно уступило и заключило с американцами торговый договор, но предварительно устроив у себя равноправие евреев. Мы ожидали, что это совершится другим путем, по нашей инициативе. Теперь власти приходится согласиться с нами. Что лучше: упорствовать в нарушении еврейских прав и ставить своего министра в такое положение, в котором находится в настоящее время Барк? Что лучше: упорствовать и губить русский кредит? Что лучше: сдаться на требования справедливости или остаться верными возбуждению ложного самолюбия? Потому что уступить справедливости только почетно, и я всетаки надеюсь, что русское правительство не сочтет для себя унизительным совершить поступок не только выгодный, но и справедливый.

Председатель. — Господа. Я прошу вашего разрешения сделать личное мое заявление, потому что Николай Евгениевич сказал, будто бы я и Павел Николаевич — относилось это и ко мне — прибегали к таким аргументам. Я прошу вас считать то, что я рассказал, изложением того, что было слышано и видено мною за границей; только то, что было, и ни одного слова своего аргумента к этому я не добавлял. Я все это рассказал по просьбе членов комиссии; вчера я ни одного слова об этом не сказал, ибо здесь Военно-морская комиссия. Я считал неизбежным сделать такой доклад Финансово-бюджетной комиссии, но по просьбе членов комиссии я все это рассказал. Это есть изложение фактов, бывших за границей, а не мои аргументы. Поэтому такую поправку я считаю себя обязанным сделать. Но, в частности, относительно Николая Евгениевича, который мне послал такой тяжелый упрек, я такого аргумента не могу вынести, что под давлением требований каких-нибудь Россия должна уступать. Я

возвратил бы ему этот упрек, я бы напомнил ему то время, когда он боялся отчуждения помещичьих земель для крестьян и говорил: «Вам в России этого не даст сделать германский бронированный кулак, ибо явится германский полицейский и вас заставит подчиниться его решению». Вот, Николай Евгениевич, когда вы сами могли такие аргументы присылать, память мне не изменяет, может быть, это неточное выражение ваше, но мысль эта была высказана. Эта мысль не только вами лично разделялась, а очень широким кругом русского политического мнения. Смею вас заверить, что мы никогда к таким аргументам не прибегали и считали бы унизительным для России, если бы ей диктовали волю какие-нибудь иностранные державы. В данный момент стоят на очереди жизненные интересы России, победоносное окончание войны, с которым связан и европейский мир, и наше собственное благополучие, и мы считаем, что к этому моменту мы вас призывали готовиться 10 лет подряд. Я помню партийную программу нашей партии, изданную в 1906 году: там поставлены польская автономия и еврейское равноправие. Сколько упреков, сколько нападков, сколько вымыслов претерпели мы за это дело, но мы тогда говорили: этого требует величие и достоинство отечества, России. Я припомню вам мои бюджетные речи, я их кончал всегда тем, что, пока инородцы бесправны в России, нельзя не ждать пожара на окраинах, нельзя ждать указаний из-за границы. Я каждый год говорил это, и едва ли справедливо, что я прибегаю к аргументу силы какого-то Якова Шиффа. Я рассказал то, с чем встретился наш министр финансов за границей и с чем встретился лично я в моих личных частных попытках помочь русскому государству улучшить свое положение в кредите. Следовательно, я прошу вас ни в коем случае моего изложения заграничных бесед не считать моими аргументами. Это та горькая действительность, перед которой мне лично приходилось испытывать горькие и тяжелые чувства за свою родину, за наше управление.

Арест думской „пятерки“ в 1914 г.

В ноябре 1914 г. в Петрограде собралась нелегальная конференция РСДРП большевиков для обсуждения знаменитых тезисов тов. Ленина и манифеста ЦК партии о войне и для выработки конкретной программы действий. К этому времени уже окончательно выкристаллизировалось принципиальное и тактическое отношение большевиков к империалистической войне. Необходимо было наполнить критическим содержанием лозунги ЦК партии и наметить мероприятия к восстановлению разгромленных в период войны партийных организаций и укреплению партийной работы.

Конференция начала работать 2 ноября. До разгрома ее, 4 ноября был уже решен ряд вопросов и между ними был утвержден текст студенческой листовки о войне, который приводится ниже.

Из этой листовки видно, как после листовок, в которых выбрасывались лишь отдельные короткие лозунги против войны, большевики перешли уже к сравнительно обстоятельному анализу империалистического характера войны и к определенным выводам из этого анализа.

Раскрытые теперь архивы департамента полиции и военного ведомства показывают, как готовилась к нашей конференции охранка. Царское правительство давно уже искало какого-нибудь повода для того, чтобы ликвидировать большевистскую фракцию Государственной думы, которая являлась в то время, если можно так выразиться, легальным центром нелегальной работы большевистской партии, и решило воспользоваться конференцией и захватить нас «на месте преступления».

Приводимые ниже архивные документы показывают, что арест нашей фракции отнюдь не носил характера случайного провала, что было возможно при развитой системе сыска и шпионства; вопрос о ликвидации большевистской фракции был окончательно решен, правительство только поджидало благоприятного для этого момента. Оставалось как можно лучше разработать стратегический план нападения. Этот план был разработан и выполнен при помощи провокаторов, против которых не помогла и та тщательная, испытанная конспирация, с которой собиралась конференция.

Обнаруженные теперь архивные документы показывают, что, несмотря на твердо принятое правительством решение о ликвидации большевистской фракции, вокруг намеченного ареста думских депутатов-большевиков, а затем по поводу порядка следствия и самого судебного процесса развернулась целая дискуссия между различными группами царских министров и разными черносотенными течениями. Происходила настоящая борьба между этими группами и течениями.

Начавшее подыматься рабочее движение, провалы на фронте уже заставили руководителей царской России со страхом заглядывать в будущее. Вот чем объясняется боязнь части царских клевретов направить дело арестованных депутатов-большевиков по линии военного суда.

Большевистская фракция Государственной думы была рупором революционного движения и организующим центром рабочих масс. Депутаты-большевики, избранные

от рабочих, несмотря на все заграждения избирательного закона и все полицейские противодействия, были известны, близки и популярны в рабочей массе.

Со времени войны власть в стране в основном сосредоточилась в руках военщины, во главе которой стоял верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Вот почему на решение вопроса о направлении процесса арестованных депутатов-большевиков повлияло мнение об опасности раздражать настроение рабочих масс передачей дела в военный суд и, следовательно, смертной казнью депутатов. Втечение всей этой дискуссии жизнь арестованных депутатов висела на волоске.

Узнав об аресте фракции большевиков Государственной думы, Владимир Ильич писал: «Ужасная вещь... Правительство решило, повидимому, мстить РСДРП фракции и не остановится ни перед чем. Надо ожидать самого худшего: фальсификации документов, подлогов, подбрасывания «улик», лжесвидетельства, суда за закрытыми дверями и т. д. и т. д.».

Насколько царское правительство придавало большое значение делу думской фракции, показывает то, что о ходе его все время докладывалось царю. Вот что писал министр внутренних дел Маклаков об аресте ноябрьской конференции царю:

«Существующая в империи Российская социал-демократическая рабочая партия, стремящаяся к ниспровержению государственного строя и замене такового республиканским образом правления, с открытием военных действий занялась пропагандой идей о необходимости скорейшего окончания войны, выставляя побудительным для того мотивом опасность укрепления в случае победы самодержавного строя и отдаления осуществления преследуемых ею задач.

Непосредственное серьезное участие в пропаганде этих идей принимают члены Государственной думы четвертого созыва социал-демократической фракции, от коей исходят все директивы и руководство преступной деятельностью партии.

Свою тлетворную деятельность, проявившуюся ярко в создании минувшим летом чрезмерного забастовочного движения рабочих и учинении ими уличных беспорядков, члены социал-демократической фракции ведут настолько скрытно, что привлечение их к ответственности в судебном порядке не представлялось возможным за отсутствием достаточных улик.

Несмотря на это розыскные органы империи, неослабно наблюдая за деятельностью революционных групп партии, в последнее время получили сведения о том, что члены социал-демократической фракции предполагают созвать конференцию с участием выдающихся социал-демократов для выработки тактических приемов пропаганды идей о скорейшем прекращении войны для ниспровержения затем монархического образа правления в России.

4-го сего ноября, в 12 верстах от столицы, в Петроградском уезде, в частной квартире розыскные чины застигли заседание упомянутой конференции, в которой участвовали члены Государственной думы четвертого созыва социал-демократической фракции — Петровский, Бадаев, Муранов, Шагов и Самойлов, а также шесть представителей партии, прибывших из разных мест империи. При опросе чинами полиции о цели собрания участники такового объяснили празднованием восьмилетней годовщины супружества хозяйки квартиры. Это объяснение было всецело опровергнуто явившимся через некоторое время мужем хозяйки квартиры.

Произведенным у собравшихся обыском найдены: отдельные номера заграничной революционной газеты «Социал-демократ», перечень подлежащих обсуждению собрания вопросов по поводу войны, 32 брошюры революционного и тенденциозного содержания, партийные заметки и переписка; кроме того у члена Государственной думы Бадаева — рукопись преступного воззвания к студентам с призывом к участию в революционном движении и паспорт на чужое имя.

Все акты расследования переданы судебной власти, которой возбуждено предва-

рительное следствие с привлечением к ответственности всех участников преступного собрания, в том числе и членов Государственной думы.

Об изложенном всеподданнейшим долгом поставлю себе доложить вашему императорскому величеству.

Министр внутренних дел Маклаков».

Окончательное решение вопроса о направлении процесса также дошло до самого царя, который присоединился к мнению верховного главнокомандующего — об опасности для правительства направления дела через военный суд. Таким образом, процесс был направлен по гражданской инстанции.

Суд начался 10 февраля 1915 г. Обвиняемые депутаты постарались использовать суд, как трибуну для пропаганды идей рабочей революции, для разъяснения трудящимся массам точки зрения большевиков на империалистическую войну, что вызывало яростную ненависть со стороны агентов правительства.

Прокурор начал свою речь с похвал вождям западно-европейских социалистических партий, сначала войны изменивших делу Интернационала и превратившихся в патриотических защитников своего отечества. «Только русская социал-демократия,— сказал прокурор, — не пошла на призыв здравого голоса жизни. Думская социал-демократическая фракция, отказавшаяся от голосования военных кредитов, объявила открытый разрыв с правительством в тот момент, когда оно больше всего нуждалось в единстве всех элементов населения». «Настоящее дело чрезвычайно важно,—сказал в заключение прокурор,—и по личностям и по затронутым вопросам».

«Мы имеем дело со сплоченным сообществом — российской социал-демократической фракцией... В тот момент, когда государство напрягает все силы на борьбу с нашими врагами, когда на границах государства неудержимым потоком льется кровь сынов отечества, подсудимые не захотели отказаться от параграфов своей программы и через голову тех, кто своей кровью защищает пределы отечества, протягивают свои руки к врагам родины. Эти люди хотели нанести нашей доблестной армии удар в спину, внести в ее ряды разрушение и дезорганизацию, но они очутились на скамье подсудимых, и, когда вернутся с полей сражений наши герои, мы сможет дать им ответ, что мы сделали с теми людьми, которые в их отсутствие хотели нанести им удар в спину».

Суд приговорил депутатов-большевиков к лишению всех прав состояния и вечной ссылке на поселение. Осужденные были этапным порядком сосланы в самый суровый и жестокий по климату и условиям Сибири — Туруханский край. Для ссыльных Туруханский край был ловушкой, тупиком, откуда не было никакого выхода. Там в это время уже отбывали ссылку тт. Сталин, Свердлов и некоторые другие работники нашей партии. Здесь очутился почти полный кворум русского бюро нашего большевистского ЦК.

Освободила ссыльных только Февральская революция.

А. Бадаев.

Текст публикуемых документов подготовлен к печати бригадой сотрудников Центр. военно-исторического архива и Архива революции в составе тт. И. Гейцмана, И. Дистлер, А. Свидерского и А. Спировой.

Телеграмма директора департамента полиции начальнику Московского охранного отделения от 20 октября 1914 г. № 1389[1]).

В ближайшем времени в Финляндии состоится съезд социал-демократов с участием членов Думы социал-демократической фракции и представителей имперских организаций. Примите безотлагательно ме-

[1]) Архив революции, фонд деп. полиции (ДП), о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф, л. 2. Аналогичные телеграммы были посланы в тот же день всем начальникам губернских жандармских управлений.

ры к выяснению делегатов, сопровождайте неотступным наблюдением, телеграфируя о выезде в Гельсингфорс полковнику Еремину, также департаменту.

Директор Брюн де Сент Ипполит.

Телеграмма начальника Харьковского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 30 октября 1914 г. № 168301 [1]).

Член Государственной думы Муранов, большевик, делегат от Харькова на конференцию, выехал двадцать девятого под наблюдением филеров в Петроград, откуда поедет в Финляндию. На места телеграфировано.

Генерал-майор Рыковский.

Телеграмма Бакинского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 30 октября 1914 г. № 8411 [2]).

По полученным мною агентурным сведениям, между первым и пятым ноября в Петрограде или Финляндии предположена конференция русских социал-демократов, преимущественно большевиков. От Тифлиса и Баку может быть делегирован проживающий в Тифлисе Алексей Джапаридзе. Кроме того, пятнадцатого ноября подготовляется в Дании международный социалистический конгресс. В Тифлис и начальнику Петроградского охранного отделения телеграфировал. Подробно донесением.

Телеграмма Владимирского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 31 октября 1914 г. № 2411 [3]).

1389 и 1402. Сегодня из Иваново-Вознесенска поездом четыре в направления Ярославль выехал делегат социал-домократов крестьянин Костромской губернии, Нерехтского уезда, деревни Шарапово, Иван Алексеев Воронин, кличка наблюдения «Павлин», в сопровождении филеров; в пути ожидается член думы Самойлов. Полковникам Еремину, Пети [4]) сообщено.

Телеграмма директора департамента полиции в канцелярию по гражданскому управлению при штабе верховного главнокомандующего от 5 ноября 1914 г. [5]).

Вчера по Выборгскому шоссе близ Петрограда захвачена конференция социал-демократов — пять членов думы: Петровский, Бадаев, Шагов, Муранов, Самойлов, шесть посторонних. Все обысканы. У членов Думы найдены документы, уличающие в пропаганде бунта. Начато судебное дело, все арестуются следователем.

Директор Брюн.

---

[1]) Там же, л. 17.
[2]) Там же, л. 24.
[3]) Там же, л. 28.
[4]) Т. е. на пограничные пункты — Гельсингфорс и Выборг.
[5]) Центр. военно-истор. архив (ЦВИА), дело № 220—870, л. 2.

Записка начальника Петроградского охранного отделения министру внутренних дел от 4 ноября 1914 г. № 25281 [1]).

При возникновении настоящей войны известный социал-демократ, представитель Международного социалистического бюро, ныне министр в Бельгии, Эмиль Вандервельде прислал на имя социал-демократических депутатов Государственной думы при сем в копии препровождаемую телеграмму [2]), в которой он призывал российский революционный пролетариат встать на одну точку зрения с французскими и бельгийскими демократами и социалистами и принять вместе с русским правительством участие в борьбе против прусского юнкерства за политическую свободу в Европе.

Несмотря на то, что в России громадное большинство рабочих и учащейся молодежи в высших учебных заведениях с объявлением войны проявило патриотические чувства как спокойным исполнением работ на фабриках и заводах, так и посильными пожертвованиями в пользу раненых, больных воинов и для обеспечения семей запасных, представители думской социал-демократической фракции, в особенности в лице депутатов Петровского, Бадаева, Муранова, Самойлова и Шагова, продолжали вести агитацию против войны и против оказания русскому правительству какого-либо содействия в его борьбе с Германией и Австрией.

Главным образом под влиянием и руководством этих депутатов в Петрограде со времени объявления войны было выпущено несколько революционных прокламаций против войны с призывом рабочих к восстанию против русского правительства [3]).

Лица, занимавшиеся изготовлением и распространением этих воззваний, постепенно ликвидировались; частью дела их закончились административным порядком, а частью, по отношению арестованных с поличным, дела переданы судебной власти.

Распространяемые воззвания в большинстве рабочих города Петрограда не встречали сочувствия, и некоторые рабочие даже выражались, что распространителей подобных воззваний в такое тяжелое для России время следовало бы вешать.

Такое отношение к агитации массы рабочих не удовлетворяло вышеназванных депутатов Государственной думы, и они, жалуясь на то, что все рабочие газеты и профессиональные общества закрыты и рабочие не имеют ныне возможности познакомиться с истинным положением дела, решили издавать свой подпольный орган, проводя в нем свои идеи и подготавливая постепенно рабочих и солдат к мятежу для изменения существующего в России государственного строя.

Для объединения вышеизложенной преступной деятельности партийных работников повсеместно в России названные депутаты 30 сентября — 1 октября сего года устроили в Финляндии совещание членов социал-демократической фракции Государственной думы с некоторыми

---

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф, л. 74. Записка частично опубликована в журнале «Красная летопись» 1924 г. № 1 (10), стр. 96.

[2]) Опубликована в «Памятниках агитационной литературы», т. VI, вып. I, стр. 90.

[3]) Речь идет о прокламациях Петроградского комитета РСДРП против войны, выпущенных за это время и начинающихся словами: «Товарищи! Кровавый призрак веет над Европой», «Товарищи рабочие! Совершилось! На границах трех великих держав уже грохочут пушки» и др. См. «Памятники агитационной литературы», т. VI, вып. II, стр. 80—89.

партийными работниками, на котором вполне определенно выразили свои взгляды на войну в препровождаемом при сем в копии ответе на телеграмму Вандервельде [1]) и по поводу сбора пожертвований в связи с настоящей войной [2]). Бывшим на совещании 30 сентября—1 октября лицам было поручено взгляды и решения, вынесенные на совещании, проводить в жизнь и распространять среди партийных кругов. В г. Петрограде немедленно после этого совещания была выпущена при сем в подлиннике представляемая прокламация против войны [3]).

Несмотря на все эти меры революционной среды, ослабляемой частичными ликвидациями, настроение рабочих в г. Петрограде продолжало оставаться спокойным.

Вследствие этого вышеназванные депутаты Государственной думы решили собрать партийный социал-демократический съезд в более широком составе, на котором выработать тактику и приемы борьбы, соответствующие настоящему моменту, для чего вызывали на съезд представителей от разных местностей России, но встретили сравнительно слабый отклик на свой призыв.

Такое позорное поведение вышеназванных депутатов Государственной думы, прикрывающихся мантией депутатской неприкосновенности и всеми силами стремящихся поднять беспорядок в империи, долее не могло быть терпимо, и я решил их ликвидировать во время заседания намеченного ими партийного съезда.

Было установлено, что упомянутые депутаты Государственной думы собрались в д. № 28 по Выборгскому шоссе, в районе 2 стана Петроградского уезда, туда же направились на заседание съезда и представители партийных организаций.

4 сего ноября, в 5 часов дня, в означенный дом был направлен полицейский наряд для производства обыска на основании 23 ст. военного положения, с офицером отделения ротмистром Попель, заведующим наблюдением губернским секретарем Мышкиным и надлежащим числом околоточных надзирателей и филеров.

Обыском в квартире крестьянки Псковской губернии и уезда, Сидоровской волости, деревни Большая Раменья, Ульяны Георгиевой Гавриловой, состоящей из 3-х комнат и кухни, были застигнуты:

А) Члены Государственной думы: 1) крестьянин Харьковской губернии, Волчанского уезда, Печенегской волости, местечка Слободы, Григорий Иванов Петровский, 2) крестьянин Орловской губ., Карачевского уезда, Хотимской волости, дер. Юрьевой, Алексей Егоров Бадаев, 3) мещанин с. Основы, Харьковского уезда, Матвей Константинов Муранов, 4) крестьянин Владимирской губернии, Ковровского уезда, Лесковской волости, Федор Никитин Самойлов, 5) крестьянин Костромской губернии, Нерехтского уезда, Острецовской волости, Николай Романов Шагов.

---

[1]) «Памятники агитационной литературы», т. VI, вып. I, стр. 91.

[2]) «Резолюции, вынесенные на совещании 30 сентября—1 октября 1914 г. членов социал-демократической рабочей фракции Госуд. думы с некоторыми партийными работниками по вопросу об отношении к сборам и материальной поддержке в связи с настоящей войной», опубликованы там же, стр. 99.

[3]) Прокламация Петроградского комитета РСДРП, начинающаяся словами: «Товарищи! Снова вас оторвали от ваших семей, дали в руки ружье, одели в серую шинель, послали защищать престол и отечество от врагов», — опубликована там же, стр. 96.

Б) Представители организаций с мест: 6) потомственный почетный гражданин Лев Борисович Розенфельд (партийная кличка «Каменев»), член литературной комиссии при Центральном комитете Российской социал-демократической рабочей партии, не пожелавший указать, где он проживает, 7) крестьянин Лифляндской губернии, Рижского уезда, Магнусгофской волости, Карл-Иоганнов-Янов Печак [1]), заявивший, что сегодня прибыл из г. Риги, 8) крестьянин Костромской губернии, Нерехтского уезда, Сороковской волости, дер. Шаронова, Александр Сергеев Волков [2]), заявивший, что приехал сегодня из г. Иваново-Вознесенска, 9) сын дворника Валентин Николаев Яковлев, заявивший, что сегодня приехал из г. Харькова, 10) крестьянин Ярославской губернии, Любимского уезда, Еськинской волости, деревни Кузовлева, Иван Яковлев Козлов, рабочий Путиловского завода, и 11) крестьянин Новгородской губернии, Старорусского уезда, Нивской волости, деревни Лисичкина, Николай Корнилов Антипов, заявивший, что сегодня прибыл со станции Лигово.

Все собравшиеся лица заявили, что прибыли на квартиру Гавриловой по случаю ее 8-летнего свадебного юбилея, а явившийся во время обыска муж Гавриловой — Александр Егоров Гаврилов заявил, что он ничего не знает по поводу юбилея, а также о причине собрания неизвестных ему лиц.

Все названные члены Государственной думы при приходе наряда полиции держали себя крайне вызывающе, заявляя, что они не позволят себя обыскивать, в особенности Петровский и Муранов. В помощь ротмистру Попель был командирован помощник мой подполковник Волков. После обыска лиц, не принадлежащих к составу Государственной думы, были подвергнуты обыску депутаты Самойлов, Бадаев и Шагов, не проявившие особого протеста против обыска. Депутатам же Петровскому и Муранову было заявлено, — и записано это в протокол, — что, принимая во внимание преступность собрания и возможность сокрытия ими предметов, имеющих существенное значение для всех застигнутых лиц, они не могут быть отпущены необысканными и, если не пожелают добровольно подчиниться требованию, то будут подвергнуты обыску силой, после чего они городовыми были выведены в смежную комнату, успокоились и были обысканы без применения какой-либо силы.

Несмотря на то, что в квартиру полиция не была разом впущена и пришлось сорвать с крючка дверь, все же личные обыски каждого из застигнутых на собрании лиц дали следующие результаты:

а) У Бадаева: 1) печатный экземпляр газеты «Социал-демократ» за № 33 от 1 ноября с. г. женевского издания с злободневными статьями по настоящему моменту [3]); 2) отпечатанная на пишущей машине известная телеграмма Вандервельде и ответ на эту телеграмму за подписью «Бюро Центрального комитета РСДРП»; 3) семь параграфов резолюции по поводу войны, отпечатанной на пишущей машине — копия которой прилагается [4]), видимо, служившей темой обсуждения на съезде; 4) на-

---

[1]) Товарищ Линде при аресте и на предварительном следствии назвался Печаком. См. обвинительный акт по делу депутатов социал-демократической фракции IV Госуд. думы, опубликованный в журнале «Право» 1915 г. №№ 8—11.

[2]) А. И. Воронин. См. обвинительный акт там же.

[3]) «Война и российская социал-демократия», «Против течения» и др.

[4]) Тезисы В. И. Ленина о войне, пересланные из-за границы с Ф. Н. Самойловым, опубликованы в Ленинском сборнике, т. XIV, стр. 10.

писанная от руки прокламация к студенчеству возмутительного содержания с явным призывом к новой российской революции (подпись «Студенческая группа РСДРП» — зачеркнута)[1]; 5) клочок бумаги с записью схемы для напечатания журнала и адресом; 6) брошюра со сборником программ и резолюций РСДРП и 7) паспорт на имя крестьянина Александра Павлова Кочкина.

б) У Петровского: 1) известная телеграмма Вандервельде, отпечатанная на пишущей машине, 2) семь параграфов вышеназванной резолюции против войны, 3) 1 экземпляр газеты № 33 «Социал-демократ», часть ответа на письмо Вандервельде, отпечатанная на пишущей машине, 5) заметки карандашом, заключающие в себе дополнение и исправления к вышеназванной резолюции из 7 пунктов против войны, 6) список фабрик и заводов, отпечатанный на пишущей машине, 7) 3 преступные брошюры «Программа и устав РСДРП», «Всероссийская конференция РСДРП» и «Манифест Коммунистической партии».

в) У Муранова: 1) 1 экземпляр газеты № 33 «Социал-демократ», 2) телеграммы из Москвы на имя Макеевой следующего содержания — «Сегодня выехать нельзя, могу быть вторник или среду, не поздно ли, телеграфируй»[2]), внизу приписано от руки: «Оставайтесь дома»[3]).

г) У Самойлова: 1) 1 экз. газеты № 33 «Социал-демократ», 2) листок с записью карандашом под заглавием «Поправки к докладу», 3) преступная брошюра «Извещение и резолюции летнего 1913 г. совещания Центрального комитета РСДРП с партийными работниками».

д) У Шагова — небольшая переписка и блокнот с записями, явно относящимися к совещанию.

е) У Гавриловой — 27 брошюр тенденциозного содержания. У остальных застигнутых на собрании лиц обнаружены адреса, заметки и блокноты, не имеющие явного отношения к собранию.

После обыска все депутаты Государственной думы, как хорошо известные наблюдению, были отпущены по квартирам, а застигнутые на совещании Розенфельд, Антипов, Козлов, Печак, Волков, Яковлев и квартирохозяева супруги Гавриловы подвергнуты задержанию.

В ночь на сегодня же сделаны распоряжения о производстве обысков по квартирам Макеевой, Козлова и Антипова в Петрограде и посланы требования об обыске квартир Розенфельда — в Финляндии, Печака — в Риге, Волкова — в Иваново-Вознесенске и Яковлева — в Харькове.

Принимая во внимание, что в вышеизложенных данных имеются несомненно признаки преступления, предусмотренного 102 ст. угол. улож., всю переписку по означенному делу имею честь препроводить на распоряжение вашего высокородия.

Вместе с тем арестованные: Розенфельд, Антипов, Козлов, Печак, Волков, Яковлев и супруги Гавриловы перечисляются содержанием под стражей за вами.

По получении протоколов обысков по отдельным требованиям таковые со всеми приложениями будут препровождаемы вам дополнительно.

---

[1]) См. ниже. Опубл. в журн. «Красная летопись» 1924 г., № 1 (10), стр. 104.

[2]) Телеграмма провокатора Романова, посланная им. Муранову перед открытием совещания с целью замести следы своей провокаторской деятельности. См. статью Юр. Новина «Красная летопись» 1924 г., № 1 (10), стр. 94.

[3]) Ответ тов. Муранова.

Вышеупомянутые арестованные содержатся: Розенфельд, Антипов, Яковлев — в Петроградском доме предварительного заключения, Козлов — в полицейском доме Коломенской части, Печак — в полицейском доме Александро-невской части и Волков — в полицейском доме Спасской части.

Супруги Гавриловы, ввиду отсутствия свободных отдельных камер в местах заключения, временно содержатся в камерах при охранном отделении.

При заключении настоящей передаточной записки арестованный Волков заявил на допросе, что в действительности он — крестьянин Костромской губернии, Нерехтского уезда, Сороховской волости, дер. Шарапова, Иван Алексеев Воронин, 28 лет, и воспользовался чужим паспортом, экстренно выехав в Петроград из г. Иваново-Вознесенска.

Приложения: один протокол обыска, 8 протоколов допроса, 8 постановлений об аресте, 1 протокол осмотра и 4 тючка с предметами, взятыми по обыскам.

Полковник Попов.

Листовка к студентам, утвержденная ноябрьской конференцией РСДРП(б).

Товарищи!

Наконец-то исполнилась давно лелеянная мечта капиталистов и правительств всех стран, а в особенности Англии, Австрии, Германии и России. Наконец-то настала та война, о которой они мечтали и к которой готовились десятки лет.

Вот уже три месяца, как льется потоками кровь наших братьев и товарищей в борьбе за противные нам интересы капитала. Нас не обманут псевдопатриоты и воющие им в унисон «либеральные» писаки — они хотят заговорить нам зубы.

Напрасно! Мы знаем, что давным давно уже капиталисты Англии и Германии точат зубы друг на друга, мы знаем, что еще во время балканской войны 1912 г. были моменты, когда наружу должна была всплыть хищническая политика всех правительств.

Разошлись тучи: грозы не было, но мы знали, что не сегодня-завтра она должна вспыхнуть.

Еще в то время, товарищи, конгрессы социалистов всех стран — в Штуттарте, Копенгагене, а в особенности в Базеле — постановили бороться с войной до последних сил, в случае же, если загорится война, использовать ее в своих интересах, чтобы она была последней войной, последней вспышкой насилий капитала над трудящимися массами.

Кто смеет и кто станет отрицать, что вся тяжесть войны ложится на трудящийся класс? Сотни тысяч и миллионы наемных рабов капитала и задавленных крепостниками крестьян идут на бойню ради династических интересов нескольких коронованных разбойников, ради прибылей буржуазии, стремящейся к грабежу чужих земель. Мы должны проливать свою кровь в выгодах наших эксплоататоров и «господ»; мы должны итти на позиции в окопы, сознавая, что каждая пролитая капля нашей крови кует все больше и больше цепи для нас же самих, так как нам приходится сражаться с нашими товарищами «вражеской» армии за интересы истинных наших врагов. Кровью своей и телами своими давя немцев, почему-то объявленных нашими врагами, мы удобряем

тем самым ту почву, на которой пышным цветком благодаря нашим трудам расцветает русский царизм, русский произвол и русский милитаризм.

Товарищи! Нас заставляют сражаться с той Германией, которая в 1905 г. выставила свои войска на границе России для защиты русского царизма; нас заставляют сражаться с Австрией, ради которой Россия задавила восстание Кошута в Венгрии. Разве не говорит нам эта «милая» дружественность отношений между собой России, Австрии и Германии, кто наши враги и с кем мы должны бороться?

Наши враги — правительства этих стран. Зачем же нам кричать о всей Германии, всей Австрии? Когда одному разбойничьему царизму угрожает опасность от порабощенных, он зовет на помощь правительства других стран.

Товарищи! Мы должны бороться со всеми правительствами—борьба и есть наша борьба с милитаризмом, с узаконенным грабежом и разбоем. Уничтожение существующих разбойничьих династий Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов есть уничтожение милитаризма. Ура-патриоты говорят нам об уничтожении германского юнкерства — только, но они умалчивают о русской военщине, так как наверное знают, что, уничтожив германское юнкерство, русский штык достигнет своего апогея, а вместе с ним и русский царизм и русский гнет.

Товарищи! Великие идеи панславизма и освобождения народов из-под власти Германии и Австрии и покорения их под власть русской нагайки явно мерзостны и гнусны. Сравните положение населения русской Польши с положением германской Польши, положение русской Украины с австрийской Галицией.

Международная политика русского царизма — одна сплошная цепь самых неслыханных преступлений, самых грязных и подлых интриг против свободы народов, против демократии, против рабочего класса.

Русское правительство в лице своих прежних выразителей — Плеве, Треповых, Думбадзе, теперь Коковцовых, Кассо — правительство, поработившее Финляндию и Польшу, во главе со своим царем преследующее и открывающее гонение и погромы на «инородцев», евреев и т. п., растреливающее беззащитных граждан, — это правительство вдруг объявляет себя другом славян и кричит нам хором под царским управлением: «Бей немцев!»

Нет, русский народ, а в особенности мы, студенты, научились коечему с 1905 г.; нас не обманешь сладкими напевами о реформах под аккомпанимент мягкотелых либеральных писак из газет, ходящих на задних лапках. Когда мы верили басням, мы получили 17 октября, эту лицемерную конституцию, этот царский манифест — «мертвым свобода, живых под арест». Да, у нас была когда-то автономия университета, а теперь что?

Товарищи! Свободная школа может быть только в свободной стране, в стране, где не царит произвол, где нет вероломных и гнусных лжецов во главе правления.

Товарищи! Опираясь на установившееся лицемерное поведение правительств, видя и указывая вам лишний раз, что и теперь даже правительство наше попрежнему верно себе в своих гонениях на рабочих в Саратове, Харькове, Ростове-на-Дону и т. д. и т. д., мы протестуем против слов, призывающих к вере в правительство; протестуем против резолюций, в которых говорится об обращении к правительству с просьбой амнистии всем политическим заключенным.

Товарищи! Эта резолюция есть не что иное, как иудины сребреники; мы продаем за них наших товарищей, которые боролись с правительством, и знаем ему цену. На их знамени было написано: «Долой русский царизм, да здравствует демократическая республика!» Какой ценой вы хотите купить им свободу? Вы хотите продать их идеалы, вы идете в ряды «христолюбивого воинства».

Верьте, товарищи, освобожденные из тюрем уйдут обратно в тюрьмы; они не захотят продать своих богов, свои идеалы, свои верования, за которые боролись и страдали; они не требуют царской милости.

Теперь, когда нас берут в солдаты, мы не просим амнистии для наших заключенных братьев, мы освободим их сами, и мы не зовем никого в виде расплаты за их освобождение в ряды солдат.

Товарищи! Мы призываем вас не в ряды войска, чтобы итти «за веру, царя и отечество» против наших германских товарищей. Не туда зовем мы вас.

Вспомните, товарищи, как в прежние годы мы обещали «итти в ряды страждущих братьев», итти «к голодному люду». Мы теперь зовем вас в эти ряды; мы зовем на работу, на работу за заветы нашего былого революционного студенчества.

Те товарищи, которые остаются здесь, которых царский кулак не тянет на позиции в окопы, вы идите «к страждущим братьям», организуйтесь и организовывайте массы и подготовляйте их к революции. Время не терпит. Близок день. Вспомните, что было после русско-японской войны.

И в то время, как вы будете здесь работать, товарищи, ушедшие на позиции, то же будут готовиться к борьбе с истинными врагами.

Товарищи! Мы повторяем, что идем сражаться, идем в солдаты только потому, что против нас идет сила штыков, и мы объявляем царям и их правительствам, что берем оружие против своей воли. Пусть же знают они, что мы его употребим и против них.

Товарищи, не возвращайте оружия — храните его.

А вы, уходящие на позиции, ждите, когда мы дадим вам знать, и помните, что ваше место не против нас, а с нами.

Прочь веру в царские реформы! Мы сами создаем свои реформы. Долой войну! Да здравствует социализм! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует международная революционная социал-демократия! Да здравствует РСДРП! Да здравствует новая российская революция!

Телеграмма директора департамента полиции харьковскому губернатору от 11 ноября 1914 г. № 1453 [1]).

Ввиду возможности выступлений со стороны рабочих в связи с привлечением и арестом членов Думы [2]) Самойлова, Шагова, Петровского, Муранова, благоволите принять надлежащие меры к недопущению беспорядков. № 1453.

Директор Брюн де Сент Ипполит.

---

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф., лит. 217. Аналогичные телеграммы были посланы в г. г. Владимир, Кострому, Екатеринослав.

[2]) В телеграмме пропущена фамилия т. Бадаева.

Из доклада начальника Петроградского охранного отделения в департамент полиции от 12 ноября 1914 г. № 25776 [1]).

На некоторых заводах г. Петрограда, в том числе на заводе «Новый Лесснер» и «Русского общества для изготовления снарядов», утром 12 сего ноября были распространены гектографированные прокламации от имени Петроградского комитета Российской социал-демократической рабочей партии (копия этой прокламации при сем представляется) [2]).

На заводе «Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов» (бывший «Парвиайнен»), расположенном на Чугунной улице, в д. № 2, 12 сего ноября утром явилась на работы дневная смена, в числе 1 300 человек, из коих приступили к работам лишь 250 человек, исключительно оставленные на заводе запасные, а остальные 1 050 человек разошлись по домам в знак протеста по поводу ареста вышеназванных 5 депутатов, но без выражения какой-либо по сему поводу резолюции.

На чугунно-литейном и котельном заводе «Новый Лесснер», находящемся на Выборгской набережной, в д. № 23, мастеровые с утра спокойно приступили к работам, но, с целью учинения забастовки, несколько служащих на этом заводе подростков стали бегать по мастерским и тушить электрические лампочки, почему на завод было введено несколько городовых, которые задержали 2 подростков — крестьянина Московской губернии Григория Иванова Кудрявцева и крестьянина Казанской губернии Ивана Васильева Уланова, после чего нормальный порядок работ был восстановлен. Задержанные содержатся при управлении 2-го участка Выборгской части.

Ввиду имеющихся агентурных сведений, что главнейшими агитаторами за проведение забастовки-протеста на заводе «Русского общества» являются крестьяне — Егор Степанов Филиппов и Федор Кузнецов, сегодня мною сделано распоряжение об их обыске и безусловном аресте. Списки 1 050 рабочих означенного завода, прекративших занятия в знак протеста, составляются и будут высланы мне приставом для проверки по делам отделения и принятия против них надлежащих мер [3]).

С утра 12 сего ноября в некоторых высших учебных заведениях, в особенности в Петроградском университете и Политехническом институте, разбрасывались гектографированные прокламации от имени «Объединенного комитета Росс. с.-д. фракции высших учебных заведений Петрограда» — в двух редакциях [4]) и от имени «Университетской группы с.-р.» (копии этих прокламаций при сем представляются).

---

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф., л. 241. Печатается с сокращениями.

[2]) Эта прокламация начинается словами: «Товарищи! В ночь на 6 ноября подлое царское правительство... бросило в темный, сырой каземат депутатов р. с.-д. рабочей фракции». Опубликована в воспоминаниях Бадаева «Большевики в Государственной думе», стр. 352.

[3]) Петроградский градоначальник в своем докладе начальнику Петроградского военного округа от 21 ноября 1914 г., за № 26309, о результатах проверки списка участников забастовки предложил военнообязанных рабочих, в числе 23 человек, призвать в войска и отправить на передовые позиции, а 10 человек выслать из пределов Петрограда (ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф., л. 260).

[4]) Прокламация Объединенного комитета Росс. с.-д. фракции высших учебных заведений Петрограда по своему содержанию аналогична прокламации Петроградского комитета РСДРП, начинающейся словами: «Товарищи! В ночь на 6 ноября подлое царское правительство...». Опубликована в сокращенном виде в «Памятниках агитационной литературы», т. VI, вып. I, стр. 110.

Несмотря на это беспорядки произошли только в Петроградском университете и выразились в следующем.

В 12½ часов дня в главном коридоре университета близ IX аудитории состоялась летучая сходка, по окончании которой толпа студентов прошла по всему коридору с пением революционных песен, после чего часть студентов пыталась сорвать лекции профессора Грибовского, Волков заявил на допросе, что в действительности он — крестьянин Кодемистов, лекции эти были прочитаны до конца, причем названные профессора доканчивали свои лекции при страшном шуме и криках студентов, в двух же аудиториях были разбиты стекла в оконных рамах, выходящих в коридор. После перерыва в 1 час 30 минут дня в IX аудиторию, где читал лекцию профессор Мигулин, ворвалась толпа студентов и потребовала прекращения чтения лекции, причем в окне аудитории было разбито несколько стекол; бывшие в аудитории академисты бросились к входным дверям и начали теснить демонстрантов. После этого ректор университета распорядился ввести в здание наряд полиции для прекращения беспорядков. При входе полиции большинство демонстрантов разбежалось, и была застигнута в IX аудитории, окружена нарядом полиции и переписана группа студентов, по полученным негласным сведениям, не имеющая непосредственного отношения к беспорядкам, за исключением единичных лиц. Зачинщики беспорядков успели скрыться, бросив на пол приготовленный для демонстрации красный флаг.

В Психо-неврологическом институте с утра лекции шли нормально, но затем в коридоре собралась толпа студентов, к которой обратился с речью студент Берка Нохимов Гутерман, призывая товарищей объявить однодневную забастовку в знак протеста по поводу ареста 5 членов Государственной думы, при этом указывал, что не следует бояться выступлений, так как правительство, учитывая момент, не пойдет на репрессивные меры из боязни возникновения крупных беспорядков. После этого кто-то из студентов заявил, что позвонили в полицию, и все разошлись. Некоторые профессора пробовали продолжать чтение лекций, но к 2 часам дня большинство студентов уже разошлось по домам.

Распоряжение об аресте агитатора Гутермана сегодня сделано.

Попытка устроить сходку была и в Политехническом институте, но выступивший оратор был сбит благонамеренными студентами, сходка продолжалась не более 4—5 минут, и затем все студенты разошлись по аудиториям на занятия.

В Высших женских курсах, около 4-х часов дня, в актовом зале собралось около 200 слушательниц для обсуждения вопроса об аресте 5 депутатов Государственной думы, но, ошиканные своими подругами, разошлись по аудиториям...

Полковник Попов.

Телеграмма директора департамента полиции начальнику Московского охранного отделения от 13 ноября 1914 г. № 1464 [1]).

По частным сведениям, в Москве готовится выступление рабочих в связи с арестом членов Думы; будто бы для агитации выехало из Петрограда несколько человек. Проверьте, донесите.

За директора Васильев.

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф., л. 224.

Телеграмма начальника Московского охранного отделения директору департамента полиции от 15 ноября 1914 г. № 132130 [1].)

На № 1464. В связи с арестом депутатов в Москве среди некоторой части рабочих эс-деков настроение приподнятое, и совершенно отрицать возможность каких-либо выступлений нельзя, однако ожидать таковых в ближайшие дни трудно. Ведется осведомленное наблюдение для предотвращения выступлений, если таковые были бы решены.

Подполковник Мартынов.

Отношение заведующего особым отделом управления дворцового коменданта Ратко начальнику Петроградского охранного отделения от 17 ноября 1914 г. № 330 [2]).

По поручению дворцового коменданта, имею честь просить ваше высокоблагородие не отказать сообщить, по получении сего, ваши соображения по вопросу о желательности передачи дела об арестованных пяти депутатах социал-демократической фракции Государственной думы на рассмотрение военного суда для суждения по законам военного времени.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности.

Всегда готовый к услугам Вас. Ратко.

Отношение начальника Петроградского охранного отделения на имя заведующего особым отделом управления дворцового коменданта от 17 ноября 1914 г. № 293 [3]).

Вследствие запроса от 17 сего ноября, за № 330, имею честь уведомить ваше высокоблагородие, для доклада г. дворцовому коменданту, что производимое следствие по делу конференции Российской социал-демократической рабочей партии фракции большевиков, к каковому делу привлечены в качестве обвиняемых 5 членов Государственной думы, в целях детального производства следствия и спокойного отношения к этому делу населения, нежелательно передавать для дальнейшего производства военному следователю и судить виновных по законам военного времени по следующим соображениям.

Главнейшей задачей правительства являлось пресечение преступной революционной работы 5 членов Государственной думы фракции большевиков и арестованных вместе с ними лиц. Эта задача выполнена вполне успешно, депутаты арестованы с поличным, следствие стоит прочно, и я имею основание полагать, что далее при нормальном ведении следствия улики будут только крепнуть, и оправдательного вердикта суда быть не может.

Для правительства не имеет существенного значения, к какому наказанию виновные будут приговорены, так как, во всяком случае, они будут исключены из членов Думы, осуждены и таким образом лишены возможности далее вести свою революционную работу, и главным образом их преступная деятельность будет обнажена судом перед лицом всего населения.

---

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. 5, лит. Ф., л. 248.
[2]) Там же, л. 267.
[3]) Там же, л. 268.

Замечено, что при первом известии об обыске этих депутатов в охранном порядке рабочие и думские круги гораздо более волновались, чем при получении сведений об их аресте по постановлению судебной власти. Когда узнали последнее, во всех благонамеренных кругах разом наступило успокоение и пропал острый интерес к этому делу, несомненно, от сознания, что все сделано по закону, депутаты действительно виновны и изобличены.

Вследствие этого рабочие и студенчество, несмотря на призыв революционной среды протестовать против ареста членов Думы, реагировали на этот призыв 12 сего ноября крайне слабо. Это отношение общества к процессу депутатов всеми мерами желательно сохранить и далее.

В революционных изданиях, выпущенных за последнее время по поводу ареста 5 членов Думы, красной нитью проводилась мысль, что правительство спешит воспользоваться военным положением и посчитаться с неугодными ему членами Думы.

Несомненно, передача дела депутатов военному следователю даст основание революционной среде утверждать, что улик недостаточно, обычный порядок следствия грозит провалом и правительство спешит передать дело военным властям.

К сожалению, в громадном большинстве даже благонамеренного населения твердо гнездится убеждение, что военный суд—правда, скорый, но далеко нельзя его назвать справедливым. Население думает, что в военном суде не очень много разбираются со степенью улик против обвиняемых, а более руководствуются своим внутренним военным убеждением.

Наказание виновных по приговору военного суда, а тем более, по законам военного времени, несомненно, вселит в население совершенно неправильное убеждение, что правительство воспользовалось военным положением и расправилось с ненавистными ему депутатами, как ему захотелось. Революционная среда приплетет сюда чувство мести и проч. и создаст благоприятную обстановку для агитации. Чем более будет уклонений от нормального порядка при следствии и суде над депутатами, чем строже будет наложенное на них наказание, тем более вероятности ожидать каких-либо выступлений и связанного с ними нарушения настоящего спокойного течения дел.

В виду сего и памятуя, что главнейшей целью настоящего момента является сохранение внутреннего спокойствия в стране, мне представляется целесообразным стать в этом деле на ту точку зрения, которой правительство в настоящий момент действительно придерживается — оно забыло все внутренние распри и только в силу крайней необходимости, для пресечения столь вредной для войны агитации, принуждено было принять законные меры против арестованных депутатов; правительство отнюдь не желает пользоваться при суде над ними исключительными положениями и во избежание всяких кривотолков дает делу спокойный, обыденный ход. Эта мысль должна быть по возможности опубликована или распространена в прессе.

Таково мое мнение по данному делу, и я считаю своим долгом изложить его в полной откровенности. Я отлично знаю все то зло, которое сделано арестованными депутатами за время их революционной работы в Петрограде, они заслужили тяжкой кары, но момент и существующая обстановка требуют иной меры.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Полковник Попов.

Телеграмма начальника штаба верх. главнокомандующего Янушкевича тов. министра внутр. дел Джунковскому от 20 ноября 1914 г.[1]).

Верховный главнокомандующий приказал сообщить свое повеление генералу Фан-дер-Флиту[2]) не предавать военному суду участников мелких забастовок и членов Думы с их сообщниками без особого каждый раз его повеления. Сообщаю для сведения, что будут предаваться гражданскому.

Янушкевич.

Телеграмма московского градоначальника директору департамента полиции от 28 ноября 1914 г. № 778464[3]).

Среди местной левой интеллигенции и части рабочих эс-деков, вызывая нервное настроение, распространяются слухи о применении к арестованным рабочим депутатам сто восьмой статьи уголовного уложения[4]) и будто бы уже приведенного в исполнение приговора. Для соображений прошу срочно поставить меня в известность о положении дела.

Адрианов.

Копия письма председателя Госуд. думы Родзянко председателю Совета министров Горемыкину[5]) от 30 ноября (12 декабря)[6]) 1914 г. № 3133[7]).

Прилагая при сем копию заявления пяти членов Государственной думы[8]), считаю необходимым обратить внимание вашего высокопревосходительства на совершенную незаконность указанного в заявлении отношения к членам Государственной думы, как нарушающего их права, ясно и точно определенные ст. 15 учреждения Госуд. думы. Я полагаю, что такое действие администрации не может быть терпимо и потому, что, нарушая закон и обнаруживая безнаказанность недопустимого произ-

[1]) ЦВИА, д. № 220—870, С, л. 26.

[2]) Помощник главнокомандующего войсками Петроградского военного округа.

[3]) ДП, о. о., 1914 г., д. 5, лит. Ф, л. 297.

[4]) 108 статья царского уголовного уложения говорила о государственной измене.

[5]) Горемыкин передал это письмо министру внутренних дел Маклакову, который положил следующую резолюцию на письме Родзянко: «Не могу назвать «произволом» действия полиции, которые установили, что 5 членов Государственной думы — преступники. Председателю Думы это может быть неприятно, но это так. Не такие «действия» не могут быть терпимы, а нетерпимо, что общегосударственные тяжкие преступления совершались безнаказанно под флагом «депутатской» неприкосновенности. Неприкосновенность государственного строя в России важнее всяких депутатских привилегий. Нарушая закон, члены Думы неизменно всегда и всюду встретятся с полицейской преградой. Смуту в умах сеют не административные власти, борющиеся с революционным течением, а такие люди, которые даже по поводу таких возмутительных действий не находят ничего умнее, как кричать о произволе администрации. Пора бросить эту повадку. Фальшь негодования здесь уже слишком цинична и неуместна. Чинов полиции, обнаруживших и задержавших членов Думы, благодарил и благодарю». Резолюция опубликована в воспоминаниях Бадаева «Большевики в Государственной думе», стр. 350.

[6]) Против нового стиля на письме Родзянко помета Маклакова: «Совсем как за границей».

[7]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, лит. Ф, л. 360.

[8]) Заявление «Пятерки» председателю Госуд. думы Родзянко с требованием принять меры против нарушения депутатской неприкосновенности, поданное вскоре после ареста депутатов. См. воспоминания Бадаева, стр. 344.

вола административной власти, оно в переживаемое трудное время сеет смуту в умах мирного населения и волнует его, без того уже взволнованного тяжелыми условиями всеобщей войны. Позволяю себе надеяться, что ваше высокопревосходительство соблаговолите принять соответствующие меры к ограждению впредь членов Государственной думы от незаконных действий чинов полиции.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном моем к вам уважении и глубокой преданности.

Родзянко.

Телеграмма министра юстиции Щегловитова на имя начальника штаба верховного главнокомандующего Янушкевича от 2 декабря 1914 г.[1]).

В производстве одного из петроградских следователей имеется недавно возникшее дело о пяти членах Думы, обвиняемых с другими лицами в принадлежности к революционному сообществу, предусмотренному сто второй статьей уголовного уложения о бунте против верховной власти. Дела же о бунте по военному положению автоматически подчинены военному суду, не требуя особого распоряжения военной власти. Между тем министр внутренних дел уведомил меня о последовавшем повелении верховного главнокомандующего генералу Фан-дер-Флиту не предавать военному суду членов Думы с их сообщниками без особого каждый раз повеления его императорского высочества. Ввиду изложенного обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой разъяснить мне встречаемое прокуратурой затруднение о направлении упомянутого выше дела о членах Думы, подлежащего в силу закона военному суду при действии военного положения, почему и предвидится непринятие дела к своему рассмотрению гражданским судом, если бы оно было ему предложено, как по закону подсудное военному суду. Пререкание же между гражданским судом и военным ведомством замедлит рассмотрение дела и в конце концов приведет признание его подсудным военному суду.

Министр юстиции Щегловитов.

Телеграмма товарища министра внутренних дел Джунковского начальнику штаба верховного главнокомандующего Янушкевичу от 6 декабря 1914 г. № 820[2]).

По делу депутатов у меня совершенно определенное мнение, что, по государственным соображениям, передавать дело военному суду нежелательно. Депутаты арестованы с поличным, следствие стоит прочно, и при нормальном ведении следствия улики будут только крепнуть, и оправдания быть не может. Наказание по приговору суда, а тем более по законам военного времени, может вселить в население [убеждение], что правительство воспользовалось военным положением и расправилось с ненавистными ему депутатами, революционная среда приплетет чувство мести и создаст благоприятную обстановку для агитации. Чем больше будет уклонений от нормального порядка при следствии и суде над депутатами, тем больше вероятности ожидать каких-либо высту-

[1]) ЦВИА, д. № 220—870, С, л. 29.
[2]) ЦВИА, д. № 220—870, С, лл. 32—33.

плений и нарушения настоящего спокойного течения дела. Ввиду сего мне кажется наиболее целесообразным и достойным для правительства именно показать, что оно не желает пользоваться при суде над депутатами исключительными положениями и даст делу обыденный ход во избежание всяких кривотолков, тем более, что наказание как по военному, так и по гражданскому суду одно и то же. Разница только в том, что военный суд, конечно, применит высшую меру, гражданский же может применить низшую. Но это для правительства, по моему мнению, не будет иметь существенного значения, так как в обоих случаях депутаты будут исключены из членов Думы, осуждены, лишены возможности далее вести революционную работу, и преступная деятельность их будет обнажена судом пред лицом населения.

Переходя затем к сообщению министра юстиции, что депутаты, в силу закона, как обвиняемые по 102 статье в подготовке к бунту против верховной власти, подлежат при военном положении преданию военному суду без особого распоряжения, то мне, как не юристу, трудно оспаривать, но по логике мне это кажется невероятным, тем более, что этот аргумент министр юстиции не подкрепляет никакой статьей закона.

Статс-секретарь Щегловитов заранее предвидит непринятие этого дела гражданским судом, но полагаю, что принятие или непринятие зависит исключительно от тех указаний, какие он даст суду, так как министр юстиции не из тех людей, кои стесняются в таких делах. Но даже, если бы случилось то, что предвидит министр юстиции, то я полагаю, что все же будет лучше, если дело поступит на военный суд вследствие пререкания, а не будет передано военному суду непосредственно. Почвы для агитации все же будет меньше.

Джунковский.

Отношение начальника штаба верховного главнокомандующего Янушкевича на имя председателя Совета министров Горемыкина от 7 декабря 1914 г.[1]).

В связи с произведенными в Петрограде 4 минувшего ноября обысками и последующим арестом социал-демократической конференции и в том числе пяти членов Государственной думы верховным главнокомандующим было повелено главнокомандующему VI армией не предавать военному суду участников мелких забастовок и членов Думы без особого каждый раз повеления его императорского высочества. Вслед засим генерал-от-артиллерии Фан-дер-Флит вошел с особым докладом, в коем испрашивал указаний, подлежит ли преданию военному суду состав упомянутой конференции, привлекаемый к обвинению по признакам преступления, предусматриваемого статьею 102, ч. I уголовного уложения.

Рассмотрев те краткие сведения, которые по сему поводу получены были из департамента полиции, и приложенные к ним копии обнаруженных при обыске: ответа на обращение Вандервельде, рукописного воззвания к студенчеству, обращения к «товарищам» и проекта резолюции конференции, великий князь Николай Николаевич изволил признать, что как ни возмутительны, сами по себе, намерения арестован-

[1]) ЦВИА, д. № 220—870, лл. 36—37. Отношение отправлено не было и сохранилось в деле как проект.

ной социал-демократической конференции, однако ознакомление с перечисленными документами указывает на такую оторванность этой организации от народа и беспочвенность ее стремлений, что усматривать в ней серьезную угрозу для государственного порядка, требующую неотложного принятия решительных мер борьбы, в переживаемое ныне время едва ли правильно. Предание указанных лиц военному суду повело бы к истолкованию такого решения, как доказательства значительности противоправительственного движения и невозможности справиться с ним в порядке общего, а не исключительного закона. В то же время оно содействовало бы распространению различных нежелательных толков и неминуемо вызвало бы сочувствие к арестованным со стороны рабочих масс и известной части интеллигенции. Между тем, не говоря уже о неуместности каких-либо в этом направлении теперь выступлений, нельзя забывать, что, не представляя в политическом отношении никакой опасности, осложнения в рабочей среде, обычно сопровождающиеся нарушением правильного течения фабрично-заводской деятельности, в военных интересах могут причинить весьма существенный вред. Исходя из приведенных соображений, верховный главнокомандующий признал соответственным повелеть генералу Фан-дер-Флиту, дабы предварительное следствие по делу о социал-демократической конференции производилось обычным, а не спешным порядком и, по заключении его, обвиняемые были бы преданы гражданскому суду.

Ныне, между тем, мною получена от министра юстиции телеграмма, в которой статс-секретарь Щегловитов указывает, что привлеченные к следствию члены Думы и другие лица обвиняются в принадлежности к революционному сообществу, предусмотренному статьей 102 уголовного уложения о бунте против верховной власти. Дела же о бунте при военном положении подведомственны по закону военному суду, и для этого не требуется особого распоряжения со стороны военной власти. Поэтому можно предвидеть, что гражданский суд не примет настоящего дела к своему рассмотрению и между ним и военным ведомством возникнет пререкание, которое замедлит ход дела, но в окончательном результате все же приведет к признанию дела подсудным военному суду. Вследствие этого статс-секретарь Щегловитов возбуждает вопрос об указании мер к устранению возникшего таким образом затруднения.

По докладе об этом верховному главнокомандующему, его императорское высочество повелел мне все изложенное сообщить вашему высокопревосходительству, полагая, что было бы полезно, ввиду несомненно важного значения предпринимаемого решения, подвергнуть его всестороннему обсуждению в Совете министров. При этом великому князю Николаю Николаевичу угодно было указать, что, оставаясь по существу при выраженных его высочеством в письме главнокомандующему VI армией соображениях, он, в случае окончательного установления виновности арестованных лиц в бунте против верховной власти, а не в преступных деяниях, например, предусматриваемых главой пятой уголовного уложения, не встретит препятствий к преданию их, в соответствии с требованием пункта I ст. 17 правил о местностях, состоящих на военном положении, военному суду.

К изложенному долгом считаю присовокупить, что министр юстиции, одновременно с сим, уведомлен мною о сообщении соображений

верховного главнокомандующего по обсуждаемому вопросу вашему высокопревосходительству.

В ожидании последующего отзыва, прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном уважении и истинной преданности.

Письмо верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича председателю Совета министров Горемыкину от 8 декабря 1914 г. № 880 [1]).

Иван Логгинович.

Когда возник вопрос о предании суду арестованных в Петрограде вместе с другими социалистами пяти членов Государственной думы, то, по первому же впечатлению, мне совершенно очевидно представилась необходимость избрать такой способ предания суду, который устранял бы возникновение толков об использовании правительством военного положения, как предлога от них отделаться. По глубокому моему убеждению, передача дела на рассмотрение военного суда неминуемо должна была получить именно такое объяснение и вызвать брожение среди фабричных и иных оппозиционных элементов. Между тем спокойствие в рабочей среде, обслуживающей разнообразные нужды армии, в заботах о последней представляется и представлялось мне весьма важным.

Как это ни странно может вам показаться, но в мирное время я безусловно предал бы всех арестованных по настоящему делу военному суду, а теперь, в военное — особенно при настоящих условиях — считаю такую меру несоответственной.

Допускаю, что часть общественного мнения может счесть приведенные суждения за проявление слабости. Но до сих пор меня в этом никто не упрекал, и этим следовало воспользоваться для того, чтобы принять такое именно решение, которое требуют обстоятельства. Я беседовал по обсуждаемому вопросу с несколькими осведомленными лицами, и притом различного положения, и все они были одного со мною мнения. Это окончательно утвердило меня в принятом мною решении, которое выразилось в повелении моем генералу Фан-дер-Флиту об изъятии этого дела из подсудности военному суду и предании виновных суду гражданскому.

Указанное направление дела встречает, повидимому, возражения, как вы убедитесь из прилагаемой копии телеграммы министра юстиции. Сообщаю также, только для вашего ознакомления, доверительно ответ на мой запрос генерала Джунковского.

Я моего решения не изменяю и надеюсь, что, ознакомившись и вникнув в основание и дух моих доводов, вы меня поддержите и укажете министру юстиции, как ему надлежит поступить.

Николай.

---

[1]) ЦВИА, д. № 220—870, л. 39.

Письмо министра юстиции Щегловитова начальнику штаба верховного главнокомандующего Янушкевичу от 30 декабря 1914 г. № 10587 [1]).

Николай Николаевич.

Государь император, по всеподданнейшему докладу, в 28 день декабря 1914 г. всемилостивейше повелеть соизволил: дело о членах Государственной думы Петровском, Бадаеве, Муранове, Самойлове и Шагове и других лицах, обвиняемых вместе с ними в преступном деянии, предусмотренном ч. I ст. 102 угол. улож., изъять из-под действия военного положения, с обращением его в подлежащий суд гражданского ведомства, указанный в уставе уголовного судопроизводства.

О таковом высочайшем повелении, вместе с сим предложенном Петроградской судебной палате к исполнению, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство.

Ив. Щегловитов.

Письмо председателя Совета министров Горемыкина верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу от 15 января 1915 г. № 24 [2]).

Ваше императорское высочество.

Рескриптом от 8 декабря 1914 г. вашему высочеству благоугодно было указать мне на желательность изъятия из подсудности военному суду дела о пяти членах Государственной думы, обвиняемых, вместе с другими лицами, в принадлежности к революционному сообществу, и предания виновных суду гражданскому, в каковом смысле и последовало уже повеление вашего высочества главнокомандующему VI армией, к осуществлению коего со стороны министра юстиции встречены были затруднения, объясненные им в телеграмме на имя генерала-от-инфантерии Янушкевича от 2 декабря того же года.

Во исполнение сего я входил в сношение со статс-секретарем Щегловитовым, который ныне меня уведомил, что государь император 28 декабря 1914 года высочайше повелеть соизволил: дело о членах Государственной думы: Петровском, Бадаеве, Муранове, Самойлове и Шагове и других лицах, обвиняемых вместе с ними в преступном деянии, предусмотренном ч. I ст. 102 уголовного уложения, изъять из-под действия военного положения, с обращением его в подлежащий суд гражданского ведомства, указанный в уставе уголовного судопроизводства.

Об изложенном долгом поставлю всеподданнейше доложить вашему императорскому высочеству.

С чувством глубочайшего высокопочитания имею честь быть вашего императорского высочества преданный слуга

И. Горемыкин.

---

[1]) ЦВИА, д. № 220—870, л. 41.
[2]) Там же, л. 62.

Из истории рабочего движения накануне мировой войны

Рабочее движение в России со времени ленского расстрела с каждым годом растет, крепнет и накануне империалистической войны достигает огромного подъема. С ростом забастовочного движения на экономической почве увеличивается число стачек политического характера. Впереди идет пролетариат Петербурга и Риги, поддерживаемый рабочими Москвы, текстильного района Центр. России, героическим бакинским пролетариатом, рабочими Сормова, Брянска, Урала, Польши и др.

По истории рабочего движения предвоенной эпохи имеется довольно обширная литература. Помимо исследовательских работ напечатано значительное количество архивных документов о стачечном движении в Петербурге и Москве, а также о бакинской всеобщей забастовке 1914 г. Но весьма недостаточно использованы в печати документы о движении текстильных рабочих Промышленного района.

Настоящая публикация и имеет в виду пополнить этот пробел.

Печатаемые ниже документы, извлеченные из фонда департамента полиции, во-первых, дают общую хронику рабочего движения в целом по всей России, с цифровыми данными, начиная с января 1914 г. до начала войны; во-вторых, вскрывают ряд моментов борьбы текстильщиков Костромской губернии за улучшение своего экономического положения в период май—июль 1914 г.

Движение текстильщиков в 1914 г., начавшись с середины мая в Костромской губернии, быстро перебросилось на соседние губернии, охватив весь Московский промышленный район. Текстильщики, преследуя экономические цели — повышение заработной платы, чрезвычайно низкой при общем росте дороговизны, — организованно и упорно добивались удовлетворения своих требований. В борьбу включилась вся масса рабочих — до 50 тысяч человек по одной лишь Костромской губернии. Если принять во внимание низкий уровень развития рабочих текстильщиков, среди которых было большинство женщин, а также разбросанность фабрик и разобщенность рабочих, то нельзя не признать крупного размаха, который имело это движение. Стачку начали рабочие Большой Кинешемской мануфактуры, «на Томне», к которым присоединились рабочие фабрик Г. Разоренова, И. Кокорева и др.

Рабочие предъявили в общей сложности около 400 требований. Эти требования не ограничивались одним лишь повышением расценок, но затрагивали вопросы общего повышения материального и культурного уровня жизни рабочих, улучшения квартирных условий, расширения медицинской помощи, вежливого обращения и т. д.

Начальник Костромского губернского жандармского управления так характеризовал требования рабочих: «По словам хозяев фабрики Кокорева, если выполнить все 150 пунктов требований, предъявленных забастовщиками, то нужно установить на фабрике 6-часовой рабочий день, увеличить заработок рабочих на 30% и произвести построек для рабочих на 1½ миллиона рублей».

На степень организованности движения текстильных рабочих большое влияние оказала большевистская фракция Государственной думы в лице т. Шагова, который в это время был вызван рабочими на место забастовки. Он разъезжал по рабочим районам, агитировал за доведение борьбы до полного удовлетворения всех требований, поддерживал боевой дух и стойкость среди рабочих.

Местные социал-демократические организации существовали почти во всех рабочих районах, но были ослаблены массовыми арестами. Этим объясняется отсутствие прокламаций местных социал-демократических организаций по поводу забастовки текстильщиков.

Масса, вступив в борьбу с капиталом в условиях общего революционного подъема в стране, быстро революционизировалась, и стойкости ее не могли сломить репрессивные меры ни полиции, ни предпринимателей.

В разгар забастовки костромской губернатор писал министру внутренних дел: «Я полагаю, что начавшееся во вверенной мне Костромской губернии забастовочное движение, — повторяю, несомненно политического происхождения, — легко передастся и в соседние фабричные губернии Ярославскую и Владимирскую, и поэтому движение должно быть задушено в самом его зародыше всей полнотой власти».

В район забастовки были стянуты значительные военные силы. При разгоне рабочих собраний полиция пускала в ход нагайки. Предприниматели грозили объявлением локаута, выселением из рабочих казарм и другими экономическими карами.

Текстильщики все же добились частичного удовлетворения своих требований и только после этого встали на работу, однако с тем, чтобы вскоре возобновить борьбу.

Вновь борьба возобновилась уже в условиях войны. Кровью вписаны в историю освободительного движения пролетариата дни расстрела безоружных текстилей-рабочих в Костроме 5 июня и в Иваново-Вознесенске 10 августа 1915 г. Этот момент будет освещен нами в одной из дальнейших публикаций.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве революции в Москве. Текст их подготовила к печати Е. Горелкина.

А. Спирова.

Записка департамента полиции от 17 июня 1914 г.[1]).

В текущем 1914 году начало политических забастовок было положено, по примеру прошлых лет, 9 января. В этот день демонстративное прекращение работ было в г. С.-Петербурге во многих предприятиях, с общим числом рабочих в 110 тысяч человек, в Москве бастовало свыше 7 000 человек, в Риге около 36 тысяч, в Варшаве свыше 4 тысяч, в Твери около 3 000. Во время уличных беспорядков в С.-Петербурге задержано 132 человека, наиболее активных участников таковых. Всего забастовочным движением в январе было охвачено до 380 промышленных предприятий, с общим количеством участников до 183 000 человек. Наибольшее число забастовок экономического характера возникло на почве недовольства рабочих размерами заработной платы, причем забастовки эти наблюдались преимущественно в С.-Петербургской, Московской, Костромской, Лифляндской, Варшавской, Калишской и Петроковской губерниях.

В феврале месяце забастовочное движение несколько сократилось, хотя и на сей раз движением этим было охвачено до 128 предприятий, с общим числом бастовавших до 45 000 человек.

Забастовки политического характера происходили в С.-Петербурге, Москве, Ревеле, Харькове и Киеве. Мотивом таких забастовок в г. С.-Пе-

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 145, л. 14.

тербурге главным образом выставлялось желание рабочих отпраздновать 19 февраля, годовщину освобождения крестьян от крепостной зависимости, причем по этому поводу в столице бастовало свыше 15 тысяч рабочих, в том числе 13 тысяч на Путиловском заводе, а в Москве участвовали в такой же забастовке три промышленных предприятия. Там же на одном из заводов была устроена 21 февраля забастовка в виде протеста по поводу слухов об обысках у некоторых членов Государственной думы.

В Ревеле на 9 фабриках и заводах были остановлены работы с целью выражения протеста по поводу принятия административных мер против некоторых рабочих, оказавшихся вредными для общественного порядка. В Киеве и Харькове в некоторых предприятиях были устроены забастовки по поводу запрещения празднования юбилея писателя Шевченко.

Происходившие в феврале экономические забастовки преимущественно были направлены к повышению заработной платы и состоялись главным образом в С.-Петербургской, Лифляндской, Варшавской, Петроковской, Калишской, Гродненской и Полтавской губерниях. Кроме того, в Тульской губернии на одной из фабрик произошла забастовка с целью понудить предпринимателей к сокращению рабочего дня, а в некоторых местностях были устроены забастовки по случаю недовольства рабочих фабричною администрациею.

В марте забастовочное движение усилилось, коснувшись 356 предприятий, с общим количеством бастовавших до 23 000. Наибольшее количество забастовок было экономического характера, и происходили они преимущественно в С.-Петербурге, Москве, Риге, Вильне, Киеве и Ростове-на-Дону. Главнейшим поводом к этим забастовкам было недовольство рабочих размером заработной платы. В том же месяце в г. С.-Петербурге произошел ряд однодневных забастовок в виде протеста против преследования рабочей печати и закрытия одного из профессиональных союзов [1]), а также по поводу неудовлетворительного, по мнению рабочих, ответа правительства в Государственной думе на запросы о Ленских событиях и заболеваниях на резиновых и табачных фабриках [2]). В этих демонстративных забастовках участвовало от 53 до 73 тысяч человек. Ввиду нарушения рабочими порядка на фабриках и заводах некоторые из этих предприятий в г. С.-Петербурге были закрыты с 20 по 26 марта. Наряду с сим с.-петербургские забастовки вызвали ряд забастовок сочувствия и в других городах. В Москве из солидарности с петербургскими рабочими бастовали мастеровые 24 предприятий, в Риге — 55 предприятий, в Киеве — 4 предприятий и в Ростове-на-Дону — 9 предприятий.

В апреле месяце забастовочное движение проявилось в 506 промышленных предприятиях, с общим числом участников забастовок до 155

---

[1]) В марте 1914 г., по постановлению городского особого присутствия по делам об обществах и союзах, был закрыт Петербургский союз металлистов.

[2]) Речь идет о массовом отравлении работниц галошных мастерских «Треугольника», табачных фабрик Богданова, Лаферм, Шапошникова и других. Отравление произошло вследствие испарения неочищенного бензина, который входил в состав новой галошной мази, применявшейся администрацией фабрики. Предложение большевистской фракции Госуд. думы о создании специальной комиссии для расследования причин отравления работниц было Думой отвергнуто и направлено в общую комиссию по запросам.

тысяч. Забастовки экономического характера происходили в С.-Петербурге, Москве, Риге, Варшаве, Одессе, Баку, Астрахани и Оренбурге, причем наибольшее число этих забастовок возникало в связи с требованиями о повышении заработной платы.

Политические забастовки в апреле происходили по разным поводам. Так, в С.-Петербурге втечение 6 дней на многих фабриках и заводах были прерваны работы в виде протеста против исключения в Государственной думе на 15 заседаний депутатов левых фракций. По тем же мотивам в Москве бастовали рабочие 64 предприятий. Наряду с сим в некоторых фабричных районах были устроены демонстративные забастовки по случаю дня 1 мая по новому стилю. Главное место в этих последних забастовках по числу бастовавших занимает г. Рита, где 17 апреля рабочими были сделаны попытки устройства уличных беспорядков, и на следующий день забастовало около 45 тысяч человек. Кроме того, в том же апреле отмечены случаи забастовок на почве недовольства рабочих продолжительностью рабочего дня. Такие забастовки имели, между прочим, место в С.-Петербурге, Риге и Киеве, а также в Люблинской и Орловской губерниях.

В мае месяце забастовочное движение началось празднованием 1 мая. В этот день в С.-Петербурге прекратили работу около 100 000 человек, причем в разных местах столицы были проявлены попытки к устройству уличных демонстраций, а в двух случаях со стороны демонстрантов было оказано сопротивление полиции. В Москве не производились работы в 157 предприятиях с 32 000 рабочих. Последние также пытались произвести демонстрацию, но таковая немедленно была прекращена мерами полиции. Почти то же самое наблюдалось в г. Ревеле, где бастовали в этот день рабочие 17 предприятий. Забастовки по указанному случаю наблюдались еще и во многих других районах, но были менее значительны по сравнению с вышеуказанными.

Из прочих забастовок последнего времени наиболее обращают на себя внимание забастовки, возникшие на Уральских горных заводах в Пермской губернии, где местные власти ходатайствовали об оставлении в г. Перми и Екатеринбурге необходимых для обеспечения порядка войсковых частей, предназначавшихся к выводу в лагерный сбор. Между прочим для прекращения происшедших в Нязепетровском заводе рабочих беспорядков, возникших первоначально из-за учреждения больничных касс, потребовалось командирование туда роты солдат и вызов из соседних уездов полицейской стражи [1]). К числу заводов, в коих нормальный порядок был нарушен, принадлежали, кроме упомянутого Нязепетровского, также Лысвенские, Чусовские, Каслинский, Верх-Исетский, Добрянский, Ревдинский, Нижне-Уфалейский и другие, а также казенные Пермские пушечные заводы в Мотовилихе. На некоторых из них, в целях достижения уступок экономического характера, забастовки длились довольно значительное время. Хотя ныне и начинают уже поступать из Пермской губернии более или менее успокоительные известия, но общее положение на заводах еще нельзя признать вполне нормальным.

[1]) В феврале 1914 г. рабочие Нязепетровского завода бастовали, протестуя против ареста семи уполномоченных, выбранных в больничную кассу; когда на завод явился полицейский пристав, чтобы увести арестованных, рабочие арестовали старшину и земского начальника. На завод было прислано пять рот солдат, прибыл губернатор. Последовали массовые аресты рабочих, руководителей забастовки.

Неспокойным настроение рабочих признается и в г. Николаеве, на судостроительных заводах, вследствие чего, по ходатайству местного градоначальника и просьбе морского министра, сделано сношение с командующим войсками Одесского округа об оставлении там на время лагерного сбора батальона пехоты и казачьей сотни.

В Кинешемском фабричном районе Костромской губернии также неспокойно; происходит длительная экономическая забастовка [1]).

В г. Баку в конце мая возникла и разрослась до больших размеров забастовка на нефтяных промыслах. Число бастующих достигло 30 000 человек, причем забастовка эта крайне встревожила поволжские биржевые комитеты, опасающиеся прекращения притока нефтяного отопления для волжского судоходства. По последним сведениям, забастовка идет уже на убыль, хотя насильственные действия забастовщиков против небастующих продолжаются, вызывая полицейские репрессии [2]).

В вышеописанном забастовочном движении, помимо причин экономических, а равно тех или иных политических событий, немаловажную роль играет, с одной стороны, так называемая рабочая пресса, а с другой, принадлежащие к социал-демократической фракции члены Государственной думы, которые стараются использовать всякий случай, чтобы повысить революционное настроение рабочих. В этом отношении наибольшим авторитетом среди рабочих и наиболее частыми выступлениями отличаются Бадаев (в С.-Петербурге), Петровский (в Екатеринославской губ.), Скобелев (в г. Баку) и Чхенкели (на Чиатурских промыслах в Кутаисской губ. [3]).

Что касается мер, принимаемых властями в целях предупреждения и прекращения забастовок, то в предприятиях, имеющих государственное или общественное значение, виновные привлекаются к судебной ответственности по ст. 1359 и др. улож. о наказ. Затем против выясняемых агентурой политических агитаторов принимаются обычные в порядке положения об охране меры обыска и ареста, с привлечением виновных к жандармским дознаниям или перепискам в порядке положения о государственной охране. Кроме того, нарушители обязательных постановлений губернаторов подвергаются аресту.

Директор Брюнде Сент Ипполит.

Из доклада начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 5 февраля 1914 г.[4]).

Российская социал-демократическая рабочая партия. Эта партия имеет в губернии довольно значительное число своих последователей в среде фабричных рабочих. Наблюдались социал-демократические группы в г. Костроме, в с. Родниках, в с. Середе, в с. Вичуге, в г. Кинешме и в с. Яковлевском. Наибольшей «сознатель-

---

[1]) См. ниже, стр. 58—61.

[2]) Всеобщая забастовка бакинских нефтепромысловых рабочих началась 27 мая 1914 г. и закончилась 21 января 1915 г., охватив около пятидесяти тысяч рабочих. Забастовка подготовлялась втечение нескольких месяцев, были организованы рабочие комиссии, заранее выработаны требования рабочих крупных фирм. Руководил забастовкой стачечный комитет, тесно связанный с бакинской большевистской организацией.

[3]) А. Е. Бадаев и Г. И. Петровский — члены большевистской фракции IV Государственной думы, Чхенкели и Скобелев — меньшевики.

[4]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5. ч. 35, л. 3.

ностью» [1]) отличается Родниковская группа рабочих, благодаря тому, что здесь, в с. Родниках, фабрикой Красильщикова созданы технические и вечерние курсы специально для рабочих. При выборах от рабочих губернии представителей в Государственную думу до сего времени выбирались от этой группы — Калинин, Сурков и Шагов. Последний в IV Государственной думе состоит членом социал-демократической фракции, в составе «шестерки»—большевиков. Главнейшее влияние «центра» партии на рабочие организации губернии в настоящее время ведется через посредство члена Государственной думы Шагова. Летними каникулами 1913 года он объезжал организации губернии, знакомил их с жизнью партии и с деятельностью фракции Думы, призывал к расширению и углублению работы на местах и подготовлял областную конференцию представителей групп в губернии с целью выработать на ней организацию взаимной связи групп. В борьбе с деятельностью Шагова жандармское управление пока стремилось не допустить организации взаимной связи. В этих целях 19 сентября была произведена ликвидация в г. Костроме, благодаря которой была сорвана назначенная на 21 сентября конференция. Собравшиеся на ней решили ввиду неполного состава считать собрание не конференцией, а съездом [!], который не может вынести решений, а только пожелания. В числе пожеланий были — необходимость прислать в губернию специалиста-пропагандиста, что возлагалось на социал-демократическую фракцию Государственной думы, и чтобы в ближайшем будущем все-таки была собрана конференция, что возлагалось на Родниковскую группу. Для предотвращения последней 7 ноября была произведена ликвидация в с. Родниках и арестовано 4 человека. Эта ликвидация произвела такое впечатление, что, когда Шагов приехал в декабре на рождественские каникулы, то заявил спрашивавшим его из других мест губернии, что конференцию надо отложить до лета, что присылка пропагандиста является невозможной, и сам отказался от объезда организаций. При отдельных встречах со своими единомышленниками Шагов, видимо, старался только вызвать и поддержать их симпатии к «шестерке» в ее фракционной борьбе с «семеркой», передал для сведения, что заграничная конференция решила подготовлять всеобщую забастовку в России, и заявил, что по его мнению провинция еще не готова к ней и партии только пока нужно озаботиться о восстановлении и создании организации...

Начальник Костромского губернского жандармского управления
полковник Семигановский.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 7 апреля 1914 г. № 245 [2]).

На пасхальные каникулы член Государственной думы Николай Романов Шагов прибыл из г. Петербурга в село Родники 30 марта сего года... Шагов сейчас же по приезде в с. Родники постарался объехать некоторые фабричные районы Костромской губернии и успел побывать в селе Тезине (Вичугский район), в г. Кинешме, и, по поручению социал-демократической фракции Государственной думы, в Иваново-

[1]) Кавычки подлинника.
[2]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 307, л. 2.

Вознесенске, Владимирской губернии. Кроме того, виделся с представителями социал-демократических групп с. Середы и с. Родников, но сам в с. Середу не ездил. Имел намерение приехать и в г. Кострому, но, не получив соответствующих адресов, в этот город приехать не успел. Приезд в г. Кинешму не дал никакого результата, так как Шагов был еще на вокзале встречен жандармским унтер-офицером, следовавшим за ним неотступно, и потому он, прибыв в г. Кинешму утром, в тот же день вечером выехал обратно, не видавшись ни с кем. Так же неудачна была его поездка в г. Иваново-Вознесенск, так как письмо, предупреждавшее о его приезде туда, было там получено после его приезда.

В этот свой приезд Шагов, сообщая о положении дел в социал-демократической партии и о работе социал-демократической фракции Государственной думы, говорил, между прочим, о том, что социал-демократическая партия решила вызвать предстоящим летом всеобщую забастовку, если не политическую, то экономическую, и для подготовки масс к этой забастовке обращает особое внимание на текстильных рабочих, которые, в общем и в частности, и в Костромской губернии гораздо инертнее других. Для поднятия настроения среди текстильщиков предполагается в газете «Путь правды» [1]) давать наибольшее число корреспонденций от этих рабочих, и поэтому предлагал писать возможно чаще и больше. Также указал, что предполагается в августе месяце созвать в Вене съезд представителей социал-демократической организации, но с подготовкой для выбора делегатов от Костромской губернии советовал подождать до лета. На заявление некоторых из местных социал-демократов о необходимости устройства связи между местными социал-демократическими группами также советовал отложить это до лета... О своем пребывании в Костромской губернии на пасхальных каникулах Шагов дал прилагаемый при сем отчет в № 66 газеты «Путь правды» [2])...

Об изложенном докладываю департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 16 мая 1914 г. № 273 [3]).

10-го сего мая, в 11 часов утра, во время происходившей смены, мастеровые и рабочие механического отделения при фабрике Большой Кинешемской мануфактуры на «Томне» в количестве около ста человек подошли к конторе фабрики и просили, чтобы к ним вышел механик, инженер Николай Иванович Овчинников. Последний отсутствовал, и тогда рабочие просили о выходе его помощника Исакова, которому рабочий Михаил Иванов Волков подал написанное от руки и никем не подписанное «требование» рабочих, в копии при сем представляемое.

Ввиду отсутствия механика и директора фабрики, бывшего в это время в г. Москве, ответа рабочим дано не было, и они пока держатся спокойно и работ не прекращали.

---

[1]) Одно из названий «Правды», легальной большевистской газеты, издававшейся в Петербурге с 22 апреля 1912 г. по 8 июля 1914 г.; под названием «Путь правды» вышло 92 номера (с 4 февраля по 3 июня 1914 г.).

[2]) См. «Впечатления депутата Шагова» в газете «Путь правды» № 66 от 20 апреля 1914 г.

[3]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 9.

По слухам, в случае отказа фабричной администрации в исполнении этих требований, механическое отделение объявит забастовку, причем к ним присоединятся и рабочие аппретурного отделения.

Об изложенном докладываю департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Требование механического отделения мастеровых и рабочих при фабрике Большой Кинешемской мануфактуры на Томне [1]).

1) Прибавить заработной платы от 10 до 15 коп. в день.

2) Вежливое обращение как со стороны механика, [так и] помощников, техников и табельщиков.

3) За опоздание 10—15 минут на работу 2 раза в неделю не делать вычетов и не писать штрафов.

4) Пополнить все штаты, не заставлять работать одного за двоих.

5) Сделать полный доступ к г. механику для личных объяснений во всякое время.

6) За сверхурочную работу не зачислять рабочий день, а платить особую плату.

7) Не воспрещать пить чай во время работы как сменным, так и денным.

8) Для кочегаров, паровщиков и смазчиков поставить столы и скамьи и при исправной работе пить чай свободно.

9) Не вводить в обязанность мыть полы паровщикам и смазчикам в паровых машинах и дизеле и не посылать в праздничные дни на разные работы.

10) За все поданные нами требования никого не увольнять и не делать никаких репрессий.

Предъявляем требование 10 мая 1914 года. Просим вас ответить на это требование обязательно 13 мая, т. е. во вторник.

Объявление администрации фабрики Большой Кинешемской мануфактуры [2]).

На требование рабочих механического отделения:

п. 1) Прибавка жалованья огульно произведена быть не может, но таковая будет сделана постепенно, как и обыкновенно, смотря по способностям и стараниям каждого.

п. 2) Это само собой разумеется и всегда обязательно для обеих сторон; факты невежливого обращения должны быть доводимы до механика, который и разбирает дело.

п. 3) Вводить в систему нельзя, но в каждом отдельном случае это разбирается и сейчас, будет и в будущем разбираться.

п. 4) Штаты устанавливаются в зависимости от дела по усмотрению механика.

п. 5) Для этого назначено приемное время; при иных условиях механик не сможет заниматься делом; в экстренных случаях механик принимает всегда.

п. 6) Будет поступлено по закону, согласно правил внутреннего распорядка.

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 10. Заголовок подлинника.

[2]) Там же, л. 13.

п. 7) Денные имеют право пить чай согласно правил внутреннего распорядка, а сменные принимают пищу во время работы.

п. 8) Денным, как указано в п. 7, а сменные кочегары принимают пищу и чай сидя.

п. 9) Содержание в чистоте машинного зала лежит на обязанности паровщиков, но мытье полов может быть поручено другим лицам.

п. 10) За подачу требований никто уволен не будет.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 17 мая 1914 г. № 279 [1]).

В дополнение к представлению моему от 16 сего мая за № 273 [2]) докладываю департаменту полиции, что, после объявления администрацией фабрики на требование рабочих механического отделения, в 11 часов утра 14 сего мая были поданы новые требования от ткачей и подмастерьев, на это администрацией было вывешено новое объявление, после чего 150 человек механического отделения, 500 аппретурного и 2 000 человек ткачей работы прекратили [3]).

Ввиду прекращения работ администрацией было вывешено новое объявление об остановке фабрики на неопределенное время и что расчет рабочих будет производиться с 16 сего мая.

Копии требований рабочих и объявлений фабричной администрации при сем представляю.

Настроение рабочих спокойное, и пока никаких осложнений не предвидится. По заявлению администрации, уступок никаких сделано не будет, хотя бы фабрика из-за этого не работала и очень большой срок.

Полковник Семигановский.

Объявление администрации фабрики Большой Кинешемской мануфактуры 14 мая 1914 г.[4]).

Вследствие самовольного оставления работ рабочими механической, ткацкой и аппретурно-отделочной фабрики все отделы фабрики останавливаются на неопределенное время; рабочие приглашаются получить расчет, начиная с 12 часов дня 16 сего месяца по мере подсчета книжек и сдачи сдельной выработки.

За все время остановки работ на фабриках платы произведено не будет.

Мая 14 дня 1914 года.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 31 мая 1914 г. № 301 [5]).

Полная забастовка на фабрике «Томна» продолжается до сих пор, причем администрация фабрики объявила расчет всем рабочим, но ра-

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 11.

[2]) См. стр. 58.

[3]) Ткачи и подмастерья предъявили администрации требования из 31 пункта, из них основные — повышение зарплаты, улучшение санитарной и медицинской части в фабричных корпусах, вежливое обращение с рабочими, увольнение помощника Новожилова и т. д. Администрация отказалась удовлетворить требования.

[4]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 13.

[5]) Там же, л. 22.

бочие отказываются получать его, ввиду чего все заработанные деньги и паспорта их администрация фабрики отослала по соответствующим волостным правлениям и исправнику в г. Кинешме для раздачи по принадлежности.

Ввиду изложенного, а также ввиду того, что вопрос о ликвидации этой забастовки осложняется тем, что около 1 000 человек рабочих живут в фабричном доме и может явиться необходимость выселить их оттуда, чего до сих пор избегают, я, согласно желания г. костромского губернатора, выехал 29 мая сего года в г. Кинешму для выяснения на месте возможных способов к прекращению этой забастовки, а 30 мая в Кинешму прибыл и сам г. губернатор. После переговоров с рабочими и администрацией г. губернатор решил пока ограничиться соответствующими разъяснениями и предложением рабочим начать работы, на что определенного ответа они 30 мая не дали.

О последующем донесу дополнительно.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 15 июня 1914 г. № 362 [1]).

Бастующие рабочие фабрики «Томна», близ г. Кинешмы, отправили 9 июня на имя члена Государственной думы Шагова следующую телеграмму:

«Просим содействия мирно бастующим. Ставят всевозможные препятствия, требуют письменные заявления, выбора председателя, запрещены сборы между собой на нужды, администрация и инспекция на переговоры не идут, моются [2]) под открытым небом, объявлено десятого освободить казармы, рассчета не брали; прядильщиков словесно пригласили работать, девятого были свистки, прядильщиков приневоливали дать другие работы, отказались, администрация угрожает рассчетом; приказали приказчикам ставить на работу родственников, принимают все способы сорвать забастовку; просим ответить, законно ли».

10 июня теми же рабочими Шагову была послана еще следующая телеграмма:

«Ввиду затянувшейся, обостряющейся забастовки просим немедленного выезда. Рабочие из Томны».

На это 12 июня на имя рабочих фабрики «Томна» Шагов прислал следующую телеграмму:

«Шлю привет всем рабочим и желаю успеха в начатой борьбе. По поводу действий полиции был у директора полиции, довел до сведения министра Тимашева о всех незакономерных [действиях]. Приеду числа 15-го или 16-го, ранее нельзя.

Шлю привет. Шагов».

Об изложенном докладываю департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30. ч. 2, т. I, л. 87.
[2]) Так в подлиннике.

Донесение костромского губернатора в департамент полиции от 14 июня 1914 г. № 237 [1]).

10 сего июня в с. Тезине, Кинешемского уезда, на фабрике товарищества мануфактур Герасима Разоренова и Ивана Кокорева и Н. Г. Разоренова и в с. Старой Вичуге на фабрике бр. Разореновых рабочие этих фабрик в с. Тезине, в количестве 6 000 человек, и в с. Старой Вичуге, в количестве 3 500 человек, прекратили работу, предъявив к администрации фабрик, изложенные в прилагаемых при сем копиях, экономические требования [2]).

Настроение рабочих повышенное.

Об изложенном имею честь сообщить департаменту полиции.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 15 июня 1914 г. № 363 [3]).

По общему подсчету, в настоящее время в Кинешемском, Юрьевецком и Нерехтском уездах Костромской губернии бастует 14 фабрик с общим количеством рабочих в 30 000 человек.

Об изложенном докладываю департаменту полиции в дополнение донесений моих по этому вопросу.

Полковник Семигановский.

Донесение костромского губернатора министру внутренних дел от 14 июня 1914 г. № 244 [4]).

Мною сообщено в департамент полиции о целом ряде забастовок на фабриках Кинешемского и отчасти Юрьевецкого уездов, а также и о случаях предъявления рабочими некоторых фабрик тех или иных требований без объявления пока забастовки. После специальной поездки в г. Кинешму, а затем и проездом по пути на церковные торжества в г. Варнавин и обратно, я окончательно убедился, что настоящая забастовка, охватившая 12 фабрик с 19 000 рабочих, является чрезвычайно серьезной не только по своим размерам, но и по существу действующих факторов: будучи по внешности экономическим, движение это, в действительности, по мнению моему, вполне революционного свойства.

В данном случае весьма характерным представляется район развития забастовочного движения: забастовка охватила фабрики в сфере влияния фабриканта члена Государственной думы Коновалова, о предполагаемой революционной деятельности которого предупреждал меня

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 63.

[2]) Рабочие фабрик братьев Разореновых, помимо общих требований, характерных для всех бастующих текстилей Костромской губернии: повышение заработной платы, улучшение санитарно-гигиенических условий, увольнение нежелательной администрации, вежливое обращение с рабочими, — предъявили требование о введении десятичасового рабочего дня.

[3]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 87-б.

[4]) Там же, л. 108.

департамент полиции циркуляром от 13 мая сего года за № 171495 [1]) и члена Государственной думы от рабочих Шагова, принадлежащего к революционной «шестерке» большевиков.

Доколе забастовка протекала в мирной обстановке, я не предпринимал репрессивных мер, но в настоящее время уже обозначились столь угрожающие симптомы, что я вынужден был распорядиться о сосредоточении в районе забастовки значительной части стражи губернии. Меры этой однако далеко недостаточно, так как фабрики отстоят друг от друга на расстоянии 5—25 верст и населены от 2 до 8 тысяч рабочих. При этих условиях разбитые на мелкие отряды стражники легко могут быть смяты рабочими или принуждены прибегнуть к огнестрельному оружию. Поэтому для поддержания порядка я вызвал из лагеря 4 роты пехоты, в надежде, что появление войска приведет рабочих к благоразумию.

Помимо одной этой материальной силы, считаю крайне нужным просить ваше высокопревосходительство об исходатайствовании высочайшего указа об объявлении усиленной охраны в четырех уездах: Кинешемском, Юрьевецком, Нерехтском и Костромском, с городом Костромой, так как забастовочная волна, несомненно, докатится и до двух последних уездов.

Я полагаю, что начавшееся во вверенной мне губернии забастовочное движение, повторяю, несомненно политического происхождения, легко передастся и в соседние фабричные губернии — Ярославскую и Владимирскую, и поэтому движение должно быть задушено в самом его зародыше, всею полнотою власти.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности вашего высокопревосходительства покорнейшего слуги

П. Стремоухов.

Донесение костромского губернатора в департамент полиции от 17 июня 1914 г. № 252 [2]).

13 сего июня в с. Родниках, Юрьевецкого уезда, на фабрике товарищества мануфактур А. Красильщиковой с с-ми рабочие этой фабрики в количестве 9 000 человек прекратили работы, предъявив к администрации фабрики экономические требования.

В Родниковский фабричный район прибыл член Государственной думы от рабочих Шагов.

Об изложенном имею честь сообщить департаменту полиции.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 17 июня 1914 г. № 368 [3]).

В с. Вичугу 14 сего июня прибыла рота и остановилась на фабрике И. А. Кокорева. Пользуясь явившимся подкреплением, 14 же июня ис-

[1]) «Революционная» деятельность фабриканта Коновалова, о которой департамент полиции предупреждал костромского губернатора циркуляром от 13 мая 1914 г., шла не дальше мелких частичных уступок рабочим своей фабрики.

[2]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2. т. I, л. 87.

[3]) Там же, л. 96.

правником был арестован руководивший толпой при насильственном входе 12 июня на фабрику известный департаменту полиции из доклада моего от 11 февраля 1914 года за № 119 [1]) Иван Иванов Орлов и в сопровождении стражников и полицейского пристава был отправлен на лошадях в г. Кинешму. Когда рабочие узнали об аресте Орлова, то заволновались и, собравшись толпой тысяч около трех, двинулись к квартире пристава для освобождения арестованного. Дойдя до квартиры, рабочие ворвались через окна и двери в квартиру и обыскали ее, а также и камеры для арестованных. На место скопища прибыл с полуротой солдат исправник, который и по дороге и на месте убеждал толпу разойтись, но безуспешно. К этому времени, проводив арестованного Орлова верст за шесть от с. Тезина, вернулся пристав со стражниками и начал разгонять толпу нагайками. В атаку ходили четыре раза, после чего толпа была разогнана. О происшедшем составлен протокол, который и направляется судебному следователю для производства следствия. Орлова доставили в Кинешму в три часа ночи, и он находится в Кинешемской тюрьме.

К сему присовокупляю, что г. губернатором возбуждено перед г. министром внутренних дел ходатайство об объявлении в фабричных уездах губернии — Костромском, Юрьевецком, Кинешемском и Нерехтском — усиленной охраны и вызваны войска в количестве 4-х рот и 1-го эскадрона, которые в настоящее время и прибывают на указанные места в этих уездах.

Предполагаемые аресты — в порядке положения о государственной охране — одиннадцать человек и в административном порядке — тринадцать человек — будут произведены в зависимости от движения этапного тюремного вагона, в который и предполагается посадить на ст. Вичуга всех арестованных.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 15 июня 1914 г. № 290 [2]).

12 июня, около 4 часов дня, я был вызван к управляющему Костромской губернией, который предъявил мне нижеследующую телеграмму, присланную на его имя владельцами бумаготкацкой фабрики Кокоревых в с. Тезине, Кинешемского уезда: «Сегодня толпа забастовавших 9 июня в количестве шести тысяч рабочих в селе Тезине ворвалась, несмотря на запрещение полиции, в фабричный двор и фабричные корпуса и снимала служащих и оставшихся на работе одиночных рабочих и сторожей. Покорнейше просим ваше превосходительство о защите военной силой имущества и принятии мер к охране безопасности жителей. Товарищество Разоренова и Кокорева». Предложив телеграммой помощнику моему в г. Кинешме прибыть в с. Тезино, я сам, с первым отходящим поездом, отправился в это село, вместе с составом своих унтер-офицеров, с целью произвести аресты известных мне вожаков рабочих на фабриках Вичугского района, в который входит и село Тезино. По прибытии 13 июня на место, из переговоров с исправником, местным приставом и хозяевами фабрики Кокорева выяснилось,

[1]) Доклад начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции за № 119 в архиве не найден.

[2]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 81.

что рабочие этой фабрики, в количестве 6 000 человек, забастовавшие 9 июня, предъявили около 150 пунктов своих требований и, не выждав ответа администрации фабрики, 12 июня явились толпой к запертым воротам фабрики, силой вошли на фабрику и силой же сняли не только некоторых из рабочих в машинном и других отделениях фабрики, но и совершенно частных, не фабричных, рабочих, работавших по окраске дома, причем имели намерение прекратить доступ на фабрику и в дом фабрикантов воды и электричества и снять всю их домашнюю прислугу. Из слов местного пристава выяснилось, что бывшие в его распоряжении на фабрике 15 человек конных полицейских стражников не могли оказать толпе сопротивления, во-первых, вследствие полной неожиданности такого выступления рабочих, а во-вторых, и потому, что на самой фабрике живет постоянно в казармах около 1 500 человек. Затем мне было сообщено, что на собраниях, которые рабочие имели с 9 июня и на которых всегда присутствовал кто-либо из чинов полиции, вожаки, между прочим, спрашивали толпу, как они поступят, если кого-нибудь из вожаков арестуют, причем свои вопросы так формулировали, что толпа отвечала, что не даст задержать, а если возьмут ночью, то пойдет к приставу и заставит его сказать, где арестованные, и затем освободит их.

На мое заявление о необходимости арестования намеченных лиц со стороны полиции были представлены доводы, что, хотя арестовать и можно будет, но затем, ввиду незначительности полицейских сил на месте, которое учитывалось забастовавшими, нельзя рассчитывать, что не произойдет новой вспышки масс, на которую трудно будет ответить, а хозяева фабрики просили, ввиду таких заявлений полиции, не ставить их производством арестов в еще более опасное положение. Принимая во внимание изложенное, я аресты упомянутых лиц отложил до сосредоточения в Вичугском районе соответствующих сил, о чем сделано сношение г. губернатором.

По словам хозяев фабрики Кокорева, если выполнить все 150 пунктов требований, предъявленных забастовщиками, то нужно установить на фабрике 6-часовой рабочий день, увеличить заработок рабочих на 30 проц. и произвести построек для рабочих на 1½ миллиона рублей.

Об изложенном докладываю департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 25 июня 1914 г. № 391 [1]).

Имелись сведения, что среди рабочих фабрик Вичугского района — фабрики Кокорева и Разоренова в с.с. Вичуге и Тезине, Морокина в с. Новой Гольчихе и Коновалова — в с. Бонячках — имеются группы организованных рабочих социал-демократов, причем для объединения этих групп, была выбрана центральная группа, в которую входили по два представителя от каждой группы. Центральная группа должна была собираться еженедельно для обсуждения текущих дел — улучшение устройства организации, заведение связей с другими районами, денежные сборы, приобретение литературы и т. д. Кроме собраний центральной группы, должны были собираться и отдельные группы для

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 35, л. 8.

приведения в исполнение постановлений центральной, для вербовки новых членов, распределения литературы, получаемой из центральной группы и т. д.

Ввиду того, что самые группы были незначительны, деятельность их и центральной группы очень вялая, ограничивавшаяся почти только выпиской, распределением и чтением рабочих газет, я ограничивался только наблюдением за этими группами. Когда в конце апреля в с. Тезино прибыли высланные из Петербурга Алексеенкова и Степанова и с их присутствием состоялось в ночь с 1 на 2 мая собрание, устроенное Осьмининым, на котором приехавшие сделали доклады о положении рабочего дела в Петербурге, и когда затем были получены сведения, что Алексеенкова и Степанова прибыли в с. Тезино по указанию Шагова, решили заняться исключительно пропагандой среди рабочих и являются умелыми агитаторами, я для пресечения их деятельности арестовал их и Осьминина, причем отобранный у них по обыскам материал дал возможность начать о них формальное, в порядке 1035 ст. уст. угол. суд., дознание (донесение мое от 26 мая сего года № 290).

9 июня фабрика Вичугского района забастовала, и 12 июня толпа рабочих произвела насильственные действия на фабрике Кокорева (донесения мои от 15 и 17 июня сего года за №№ 360 и 368). Желая парализовать возможное вредное влияние на забастовавших рабочих со стороны известных их вожаков, я решил произвести аресты лиц, входивших в состав вышеупомянутой «центральной группы» и других, причем намечены были к задержанию следующие 8 человек:

1) Скапидаров, Николай Иванов, крестьянин д. Букова, Золотиловской волости, Нерехтского уезда.

2) Белов, Михаил Дмитриев, крестьянин Юрьевецкого уезда, Филисовской волости, деревни Пастухи.

3) Чернышев, Петр Иванов, крестьянин Нерехтского уезда, Острецовской волости, деревни Матвеевки.

4) Смирнов, Михаил Иванов, крестьянин Нерехтского уезда, Золотиловской волости, деревни Самарино-Починка.

5) Мастаков, Александр Афанасьев, крестьянин Нерехтского уезда, Золотиловской волости, деревни Василькова.

6) Кудряшов, Константин, крестьянин Нерехтского уезда, Острецовской волости, деревни Афанасьева.

7) Клюшкин, Иван Васильев, крестьянин Кинешемского уезда, Тезинской волости, деревни Санникова и

8) Шаров, Иван Григорьев, крестьянин Нерехтского уезда, Острецовской волости, деревни Быкова.

Для производства обысков и арестов я лично выехал в с. Тезино и вызвал туда же помощника моего ротмистра Рыбальченко, причем ликвидация была произведена в ночь с 19-е июня, но не дала положительных результатов, так как в эту же ночь, совершенно неожиданно, явился в этот район Шагов и тайно устроил в лесу, близ Новой Гольчихи, собрание, на котором в числе других были, повидимому, и намеченные к задержанию, так как никого из них дома не оказалось, за исключением Клюшкина и Белова, которые были арестованы.

По рассмотрении всего, что было отобрано по обыскам у всех вышеуказанных лиц, оказалось, что ничего явно преступного ни у кого не было взято, а были отобраны только рабочие газеты в единичных экземплярах.

Ввиду таких результатов, задержанные Клюшкин и Белов были освобождены, и переписки, в порядке положения о государственной охране, по этой ликвидации не было начато.

Об изложенном доношу департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 21 июня 1914 г. № 378 [1]).

16 сего июня с 12 часов дня рабочие фабрики А. Красильщиковой стали собираться на собрание около с. Родников за озером без разрешения полиции; к рабочим подошел приехавший в этот день член Государственной думы Шагов, и тогда их собралось тысяч до восьми. Ввиду отсутствия разрешения на устройство собрания, полицейский надзиратель заявил рабочим, что собрания допустить не может и просил разойтись. После этого Шагов сейчас же отправился в Родники на почту и по телефону просил разрешения собрания у губернатора, который и разрешил таковое на 17-е число, но при условии присутствия на собрании не более 200 человек и устройства его в закрытом помещении, а надзирателю приказал собраний под открытым небом не допускать. Вернувшись к рабочим, Шагов предложил им выбрать уполномоченных от каждого цеха, и рабочие хотели произвести выборы здесь же, но полицейский надзиратель этого не разрешил и предложил разойтись. Рабочие не слушались, и тогда Шагов стал также уговаривать их подчиниться требованиям полиции и не осложнять дела, но рабочие не послушались и его, и тогда надзиратель приказал стражникам просить рабочих разойтись. Стражники, в количестве 16 человек, подъезжали шагом к рабочим и просили их расходиться, но толпа почти не обращала на них никакого внимания и расходилась очень медленно, почему полицейский надзиратель обратился за содействием к ротному командиру, и рота раз пять, развернутым фронтом, с винтовками «на руку», ходила по направлению к отдельным группам рабочих, которые переходили на другое место.

Часам к трем рабочие разошлись. Шагов тоже подходил к группам рабочих и просил разойтись, говоря: «Если нам подставили уже штыки, то мы с этим бороться бессильны».

Настроение рабочих повышенное и к полиции настроены враждебно, говоря, что им полиция не дает даже собраться для обсуждения своих нужд.

17-го числа, согласно разрешения г. губернатора, в народном доме, в присутствии юрьевецкого исправника, было устроено собрание рабочих, на которое явился и Шагов и сказал рабочим: «Просьбу вашу я исполнил и заручился разрешением, а поэтому вы можете свободно обсудить свои нужды по экономическим вопросам, только вам надо выбрать председателя собрания». Председателем единогласно был избран Шагов, который и объявил собрание открытым. После этого он сказал, что «он был в главной квартире и говорил о повышении расценки, но правление на уступки не идет и высказало, что забастовку устроила какая-то кучка людей, но я, товарищи, вижу, что это неправда. Предо мной сейчас находится 200 уполномоченных от всех цехов,

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 29.

и видно, что тут дело не кучки, как выражается правление, а всех рабочих, что показывает нам, что стачечное движение охватило многие районы — бастуют в Баку на Кавказе, в Кинешме, в Вичуге и Иваново-Вознесенске, и все борются за свое материальное положение, но борьба становится затруднительной, — что нам видно было 16-го числа, в каком мы находились положении — нам не только не разрешили собрания, но полицейский надзиратель даже не позволил разбиться по цехам и выбрать уполномоченных на разрешенное собрание. Так вот, товарищи, вам теперь предстоит обсудить вопрос: становиться на работу на старых условиях или нет и продолжать борьбу с капиталом; это зависит от вас. Каждый из вас имеет право работать или нет, а я являюсь посредником, и моя обязанность [следить] за действиями полиции, фабричной инспекции и администрации фабрики, и о всем этом я должен дать отчет Государственной думе, а теперь предлагаю приступить к обсуждению вопросов».

Ораторами на собрании выступали: 1) Александр Коморин, 2) Николай Золин, 3) Сизов, 4) Краснов, 5) Гусев, 6) Касаткин, 7) Лебедев, 8) Евдокия Сорокина, 9) Удалов, 10) Варвара Смирнова, 11) Васильчиков, 12) Шашков, 13) Ежов, 14) Рябиков, 15) Журавлев, 16) Пителин и 17) Гулятин. Почти все ораторы говорили, чтобы объединиться как можно сильнее и продолжать борьбу с капиталом до удовлетворения всех требований. На собрании было постановлено до удовлетворения требований на работу не становиться.

17-го сего июня с ночным поездом Шагов приехал в город Кинешму и пешком прошел в Козловку близ «Томны» к своему зятю Александру Пухову.

18-го числа, около 12 часов дня, рабочие фабрики «Томна» в количестве около 500 человек собрались в ожидании Шагова, и последний пришел, но, ввиду неимения разрешения на собрание, помощником исправника допущен не был. Шагов тогда решил просить губернатора по телефону и вместе с помощником исправника поехал в Кинешму, но разрешения не получил. Около 2½ часов дня Шагов снова явился на фабрику «Томна», но вновь был остановлен помощником исправника, после чего ушел с фабрики и в 7 часов вечера выехал из Кинешмы поездом в Вичугу.

В Вичуге в этот день было разрешено собрание забастовавшим рабочим, на котором присутствовал и местный пристав. На это собрание, продолжавшееся до 11 часов ночи, Шагов не явился, но затем состоялось собрание в лесу, от 1 часу ночи, уже без присутствия полиции, на котором он был. Здесь Шагов, между прочим, говорил, что забастовку нужно продолжать и держаться всем твердо; если же фабриканты согласятся уступить по каким-нибудь отдельным требованиям, эти уступки принять, стать на работу, но затем через несколько дней снова забастовать и так делать, пока не будут выполнены все требования.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 25 июня 1914 г. № 392 [1]).

В дополнение к донесению моему от 21 июня сего года, за № 378, доношу, что на фабрике Красильщиковых в селе Родниках рабочие

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 148.

предъявили требования по разным отделам фабрики в количестве «395» пунктов, в большинстве сходных с требованиями забастовавших рабочих других фабрик.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 24 июня 1914 г. № 388 [1]).

Около 11 часов утра 21 июня сего года член Государственной думы Николай Шагов из села Родников выбыл в деревню Юдинку, Горкинской волости, Нерехтского уезда, близ фабрики Орлова, с целью устроить собрание рабочих упомянутой фабрики. Там его уже поджидали несколько человек, а когда он приехал в деревню, то его окружила толпа около 120 человек. Не успел он с ними заговорить, как явился местный исправник с нарядом полиции и предложил сейчас же всем разойтись. Толпа разошлась, и Шагов пошел в деревню Подсосенье в 1/2 вер. от Юдинки. С ним пошли человек 50 рабочих, стражники же поехали за ними вслед. Шагов, видя это, из деревни Подсосенье вернулся обратно, и с ним пошла Александра Федорова Хохлова, с которой он дошел до деревни Старое Горкино, где зашел в чайную. Напившись чаю, Шагов пошел в этой же деревне к Хохловой, просидел у нее около 2 часов и отправился на ст. Горкино, где также был наряд полицейской стражи. Придя пешком на станцию, он заявил станционному жандармскому унтер-офицеру, что его почти весь день преследуют конные урядники и стражники, и пригласил унтер-офицера на подъезд станции, где в его присутствии обратился к находившимся тут двум урядникам и двум стражникам: «Господа, не преследуйте меня, оставьте в покое, я в вас теперь не нуждаюсь, вы и так меня сопровождаете все время по пятам, от деревни до деревни и, наконец, на станцию железной дороги; здесь меня лично знает господин жандармский унтер-офицер, и вы мне более не нужны, а потому еще раз прошу оставить меня в покое и удалиться, иначе я буду себя считать арестованным. Вы не забывайте, что я член Государственной думы и лицо неприкосновенное. Вы нарушаете основные законы и правила, и я покажу вам, как их нужно выполнять, — я не таков, чтобы нарушать законы, как вы их нарушаете. Довольно того, что по требованию фабриканта Орлова вы пороли нагайками беззащитных рабочих, загоняя их на фабрику работать, у меня есть на это доказательства, и я постараюсь это разобрать. Достаточно того, что за мной следят агенты тайной полиции, а вас прошу еще раз оставить меня. Я защищаю интересы моих избирателей и буду защищать их до тех пор, пока не отберут от меня вот эту карточку» (показал из книжки карточку).

После этого Шагов пошел в телеграф и подал две телеграммы следующего содержания:

1) «Редакция «Правды». Петербург, Ивановская, 11. Вновь начались стачки, фабрика Скорынина—Орлова, 2 000 рабочих. Приехал к рабочим деревни [2]). За мной деревня от деревни ездят конные. Послал жалобу министру. Шагов».

2) «Петербург. Министру г. Маклакову. Ваше превосходительство, имею честь просить вас снять охрану. У нас в Костромской губернии

[1]) ДП, о. о., 1914 г., № 307, продолжение 2, л. 296.

[2]) Так в подлиннике.

экономические стачки, рабочие просят принять посредничество, но к рабочим не допускают; кроме этого, за мной ездит 4 конных урядника. Я просил губернатора, но он мер никаких не принял. Имею честь просить вас снять охрану и оградить меня на законном основании, на основании 14 статьи основных законов. Прошу ответ телеграфом. Примите уверение, член Государственной думы Шагов».

Выйдя с телеграфа, Шагов заявил, что будет сидеть на станции до тех пор, пока не удалятся урядники и стражники и не получит распоряжения от министра Маклакова.

Стражники оставили станцию в 8 часов 15 минут вечера, после чего Шагов просил жандармского унтер-офицера быть свидетелем и записать, сколько времени он был под охраной на станции, а сам на парном извозчике отправился в село Родники к себе на квартиру.

Об изложенном докладываю департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Телеграмма начальника Костромского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 23 июня 1914 г. № 2872 [1]).

Сегодня вернулся из объезда с губернатором забастовочного района. Забастовка фабрик Кинешемского, Юрьевецкого, Нерехтского уездов принимает затяжной характер вследствие удобного рабочего летнего времени и деятельности Шагова, трудно пресекаемой несмотря на все принимаемые меры. Большинство требований рабочих неисполнимо. Шагов советует продолжать забастовку, а если удовлетворят часть требований, то стать на работу, потом опять забастовать, пока не удовлетворят все. Настроение тревожное.

Полковник Семигановский.

Донесение костромского губернатора министру внутренних дел от 25 июня 1914 г. № 289 [2]).

Имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что вызванные мною для содействия гражданским властям в фабричные районы, охваченные забастовкой, воинские части задерживаются ввиду непрекращающейся забастовки и возможных эксцессов со стороны бастующих рабочих против личности и имущества фабрикантов. При этом докладываю, что при личном свидании вр. и. д. начальника дивизии и начальник района генерал-майор Парский сообщил мне, что со стороны военного начальства не встречается препятствий к задержке воинских частей в помянутых районах.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. I, л. 137.
[2]) Там же, л. 168.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 7 июля 1914 г. № 434 [1]).

В дополнение донесений моих от 31 мая сего года за № 302, и 5 июня, за № 321 [2]), докладываю департаменту полиции, что рабочие фабрик: Морокина и Тихомирова, Петра Петровича Морокина и Александра Федоровича Морокина в селе Новой Гольчихе, по получении обещания прибавки квартирного рубля и 5% на каждый заработанный рубль, с 4 сего июля приступили к работам.

Полковник Семигановский.

Донесение костромского губернатора в департамент полиции от 9 июля 1914 г. № 318 [3]).

Имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что из вызванных мною для содействия гражданским властям в фабричные, охваченные забастовкой, районы воинских частей одна, по миновании надобности, уже возвращена. Остальные три роты еще необходимы ввиду непрекращающейся забастовки и возможных эксцессов со стороны бастующих рабочих против личности и имущества фабрикантов.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

Донесение костромского губернатора в департамент полиции от 9 июля 1914 г. № 322 [4]).

В дополнение к отношению от 20 минувшего июня, за № 265 [5]), имею честь уведомить департамент полиции, что рабочие фабрики Скорынина в с. Горки-Павловы, Нерехтского уезда, 5 сего июля вступили на работы ввиду сделанных владельцем фабрики следующих прибавок к заработной плате: а) ткачам прибавлено 5%, причем сорта по расценке будут уравнены; б) сновальщикам прибавлено ¼ коп. на пуд, и всем без исключения рабочим будут уплачиваться квартирные деньги в размере одного рубля в месяц.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 10 июля 1914 г. № 442 [6]).

В дополнение донесения моего от 30 июня сего года № 411 [7]) докладываю департаменту полиции, что на фабрике Павлова после прибав-

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 10.

[2]) Начальник Костромского губернского жандармского управления в донесениях от 31 мая и 5 июня, за № 302 и 321, сообщал департаменту полиции о забастовке рабочих фабрик Морокина, предъявивших ряд экономических требований.

[3]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 11.

[4]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 12.

[5]) Донесение о забастовке рабочих фабрики Скорынина.

[6]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 17.

[7]) Донесение о забастовке рабочих фабрики Павлова.

ки хозяином 5½% на заработанный рубль, 50 коп. квартирных и двух рублей наградных на пасху рабочие с 3 сего июля приступили к работе.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 31 июля 1914 г. [1]).

В дополнение к донесениям моим от 16, 17 и 31 мая сего года, за №№ 273, 279 и 301 [2]), докладываю департаменту полиции, что рабочие фабрики Большой Кинешемской мануфактуры на «Томне» после прибавки хозяином 50 коп. квартирных к получаемому рублю с 28 сего июля, в час дня, приступили к работе.

Полковник Семигановский.

Донесение костромского губернатора в департамент полиции от 1 августа 1914 г. № 404 [3]).

В дополнение к отношению от 31 минувшего июля, за № 380 [4]), имею честь уведомить департамент полиции, что рабочие фабрики бр. Додоновых в дер. Олюкове, Нерехтского уезда, возобновили работы 3 сего августа, удовлетворившись прибавкою 5% расценки на кусок миткаля и полотна.

Губернатор, двора его императорского величества в должности егермейстера

Стремоухов.

---

[1]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 45.
[2]) См. стр. 58 и 60.
[3]) ДП, IV, 1914 г., д. № 30, ч. 2, т. II, л. 51.
[4]) Донесение о забастовке рабочих фабрики братьев Додоновых.

Солдатские настроения накануне мировой войны

«Миновали безвозвратно те времена, — писал В. И. Ленин в 1905 году, — когда русская армия — как это было в 1849 году — шла усмирять революцию за пределами России. Теперь армия бесповоротно отпала от самодержавия. Она еще не вся стала революционной. Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось свое движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду. Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательства над человеком. И эта казарма становится очагом революции» [1]).

Публикуемые ниже солдатские письма редактору черносотенного «Русского чтения» ген. Дубенскому чрезвычайно ярко подтверждают правильность гениального прогноза Ленина, его характеристики царской казармы как «очага революции».

Поводом к «переписке» солдат с ген. Дубенским, с одной стороны, и генералом Дубенским с помощником начальника генерального штаба и редактором «Русского инвалида» ген. Беляевым и военным министром ген. Сухомлиновым, с другой, послужила официальная заметка, напечатанная в № 268 «Русского инвалида» от 15 декабря 1913 г. под заголовком «О приостановлении увольнения в запас нижних чинов старших сроков службы». В этой заметке указывалось на то, что практиковавшийся раньше порядок увольнения в запас нижних чинов 1 ноября ослабляет боевую мощь армии на одну треть до окончания срока обучения новобранцев в апреле месяце.

Чтобы не ослаблять обороноспособности страны, царь утвердил 4 декабря 1913 г. предложение военного министра о задержании окончивших срок службы солдат в казармах до 1 апреля 1914 г. В заметке говорилось, кроме того, что это решение возникло «в связи с весьма напряженным ростом численности армий западно-европейских государств, проявленным именно в этом году».

«Русское чтение» ген. Дубенского довело «монаршую милость» до казармы, перепечатав полностью заметку из «Русского инвалида» и снабдив его своими комментариями. Подделываясь под «дух» солдата и читая в сердцах его «верноподданнические чувства», газета дала следующее «солдатское» толкование милости «возлюбленного монарха»:

«Это очень важное и очень своевременное распоряжение военного министра, опубликованное в «Русском инвалиде», несомненно, будет оценено всеми в России: как обществом, простым народом, так и армией, которая сама по опыту знает, что мера эта является неизбежной для нашей боеспособности. Всякий солдат, уходя в запас из роты, эскадрона и батареи в ноябре, отлично понимал, что эта часть, где он служил, остается до 1 апреля, т. е. до того дня, когда новобранцы будут поставлены в строй, в очень

[1]) Ленин, Соч., изд. 2-е, т. VIII, стр. 395.

слабом состоянии. И, не дай господь, что случится, армии труднее будет привести себя в полную боевую готовность.

Да и сами солдаты поголовно говорят: «Если будет мобилизация, то лучше итти на войну со своей частью, нежели попадать в какую-либо другую команду». Это соображение совершенно верно, и, хотя теперь нет решительно никаких оснований, что будут какие-либо осложнения у нас с другими государствами, но все же лучше всегда быть готовыми отстоять свою родную землю.

Что касается интересов самих запасных, то, конечно, вернуться на 4 месяца раньше домой — приятно, но ведь всякий знает, что зима для множества рабочих людей — время тихое, и особого ущерба материальным интересам запасных и их семьям не будет. Иное дело весна, когда каждый час дорог земледельцу, а большинство наших солдат — земледельцы, когда работы в поле и дома не ждут. В это то время и вернутся запасные к себе.

Мы совершенно уверены, что огромное большинство наших русских солдат, безгранично верных своему царю, своей родине, поймут необходимость не увольнять запасных до весны. Распоряжение это настоятельное, неотложно необходимое и давно ожидаемое».

Солдаты гарнизонов в разных концах России немедленно откликнулись на статью «Русского чтения» и дали к ней свои комментарии. Группа солдат петербургского гарнизона прислала 21 декабря 1913 г. в редакцию «Русского чтения» вырезку с указанной статьей, на которой печатными буквами была дана исчерпывающая оценка правительственного мероприятия и деятельности редакции газеты, которую мы приводим полностью, с соблюдением орфографии подлинника:

«Смерть за неувольнение запаса во время!

Мы вашими газетами ж... подтираем.

Мы, нижние чины, прочитав эту идиотскую идею, проклятую правительственную затею, возмущены до мозга костей, предпочитаем лучше умереть с оружием в руках, чем служить до апреля. Это вы слышите от действительных сынов отечества. Да, мы все земледельцы, только не имеем земли. За эту статью желаем редактору «Русского чтения» и сотруднику 1 апреля вытянуться на столе, а редакции сгореть до тла.

Нижние чины».

Публикуемые ниже анонимные солдатские письма тому же адресату, написанные по тому же поводу, свидетельствуют о том, что петербургская гвардия думала так же, как финляндские стрелки, рижская пехота и расположенные в Польше полки. Солдатский мундир и казарменная муштра не выбили из солдата сознания его человеческих прав. Письма показывают, что престиж самодержавия развеян был в солдатской массе безвозвратно.

Общая черта, объединяющая публикуемые здесь солдатские письма,—это глубокое сознание, что царская власть, «беззаконная Россия» должна погибнуть и — погибнуть от революции. Две силы должны свалить царизм: война и революция. Такова солдатская психология накануне войны. Письма отвечают на вопрос, что будет делать солдатская масса, как только война возникнет: учинит расправу над офицерами и окажет помощь революционерам. Из публикуемых писем видно, насколько глубоко память о 1905 годе сидела в душе солдатской массы.

Если «тогда, в 1905—1906 гг., пылала Россия, теперь совсем сгорит»,—пишет солдат из Свеаборга. В солдатском мозгу находит место и такая мысль: а что, если царизм из страха перед революцией не рискнет «суваться» в военную авантюру, как это было во время балканской войны? Что тогда? И на это письмо дает ответ: «Положим, и война не нужна. Образуми, боже, революционеров! Тогда мы всыпим всем кровопийцам!».

Глубокая симпатия к революционерам сквозит в каждой строчке этих писем.

Корреспонденты Дубенского пишут, что политика царя и помещиков «ведет за собой 1905 год, который всетаки рано или поздно придет обратно, и тогда русский мужик сметет, как пыль, всю сволочь, которая живет его потом и кровью и надругается над ним», а «русский нижний чин покажет, что и он имеет человеческие права и чувства». Письма проникнуты ненавистью к казарме, превращавшей жизнь солдата в каторгу. Они также вскрывают ненависть солдатской массы к попам и к религии.

Ген. Дубенский из патриотических побуждений во много раз преуменьшил количество тех, выразителями чьих мыслей и чувств явились авторы анонимных писем, когда он писал Сухомлинову, что «при малой грамотности нашей армии, если один солдат смог написать письмо, то десять так думают, да не умеют высказать». Сказать, что так думала, за малыми исключениями, вся крестьянская масса в солдатских мундирах, значило сказать ужасающую правду о том, что у царизма нет больше опоры. Солдатские письма с чрезвычайной яркостью показывают, насколько революция 1905 года основательно подточила главную материальную опору царизма. Выдающаяся роль царской армии в революции 1917 года подтвердила это целиком и полностью.

Печатаемые письма имеют, бесспорно, крупную ценность для изучения настроений и чаяний миллионных народных масс в эпоху быстрого подъема революционного движения в царской России. С этой точки зрения и следует их рассматривать и оценивать.

«Солдаты, — писал Владимир Ильич, — лучше господ просвещенных буржуа выражают действительно народные, разделяемые громадным большинством народа, требования. Характер и основные свойства движения в войсках выражают вернее, чем тактика кадетов, сущность главных и основных при данных условиях форм освободительной борьбы. Движение рабочее и крестьянское подтверждает это с еще большей силой» [1]).

Откликаясь на определенный вопрос, на первый взгляд касающийся лично их самих, малограмотные солдаты выразили общие требования целого класса. В этом ценность писем. Они являются показателем того, насколько эти требования назрели и овладели миллионами. «Попробуйте посмотреть на солдат, — учил Владимир Ильич, — как на живых людей с самостоятельными интересами, как на часть народа, как на выразителей назревших нужд известных классов нашего общества. Вы увидите, что солдаты, которые всего ближе к наименее развитому политически крестьянству, которые подвергаются сплошному забиванию, отупению, муштровке со стороны начальства, что солдаты, эта «святая скотинка», идут неизмеримо дальше кадетских программ в своих требованиях» [2]).

Публикуемые здесь письма генерала Дубенского представляют крупный интерес со многих точек зрения. Они свидетельствуют о том беспокойстве, которое испытывала царско-помещичья шайка оттого, что прошли те времена, когда царствовала «там, в глубине России,—святая тишина» и «что в армии, в солдатской среде, не все благополучно». Они показывают лицо и положение той печати, которая за миллионные субсидии и царские милости «говорила солдату и крестьянину о святости долга перед царем, родиной и православной верой». Они являются свидетельством того, что несмотря на жирные подачки и принудительную подписку «вести правую газету становилось все труднее и труднее». А солдатские письма являются популярным пояснением к утверждениям Дубенского. При таком отношении читательской массы к правой печати, чему являются доказательством письма солдат, весьма веско звучит признание Дубенского, что «революционное настроение не уменьшается, недовольство... растет».

Письма Дубенского, наконец, показывают, как присосавшийся к народному телу паразитический класс умел использовать нароставшее революционное движение в соб-

[1]) Ленин, Соч., изд. 2-е, т. IX, стр. 396.
[2]) Там же, стр. 396.

ственных шкурных интересах. Солдатские настроения использовываются для запугивания начальства и исторжения новых благ и субсидий для печати, которую, по образному солдатскому выражению, не читают, а... Генерал Дубенский старается убедить военные верхи в том, что «войска ныне требуют настойчивой проповеди, самого яркого убеждения, что счастье России не в призрачных идеалах социализма и иных левых учений, а в незыблемости монархического строя». Убедить Сухомлиновых и Беляевых не стоило труда, так как революционное движение одинаково угрожало уничтожить и редакторов патриотических газет и их высоких покровителей. Гораздо труднее было убедить солдатскую массу в том, что она нуждается в духовном руководстве со стороны пастырей в стиле Дубенского [1]) и что нельзя «оставлять современного солдата без надежного ежедневного общедоступного органа». Письма Дубенского отражают тот звериный страх перед армией и за армию, о котором Ленин писал в мае 1910 г., что царская шайка продолжает не только бояться, продолжает прямо трепетать за армию» [2]).

Ф. Нотович.

Письмо ген. Дубенского помощнику начальника ген. штаба ген. Беляеву от 29 декабря 1913 г.

Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич.

С разрешения вашего превосходительства я препровождаю при сем копию письма моего военному министру о положении не только моей газеты, но и вообще правой печати. Я согласен с вами, что вряд ли будет реальный результат моего доклада его высокопревосходительству, но все же надо обратить внимание высших чинов на то, что в армии, в солдатской среде, не все благополучно. После отправления моего письма генерал-адъютанту Сухомлинову я получил еще одно очень скверное анонимное письмо — и на этот раз, кажется, от отца солдата.

Не надо закрывать глаза и думать, что «там, в глубине России,— святая тишина». Надо самым настойчивым образом, планомерно работать, дабы убедить народ, а с ним и солдата, что счастье России не в новом социальном строе.

Вы лично давно в этом убеждены, но как грустно, что такие люди не все могут сделать! Я глубоко уверен, что все возможное для развития дела солдатско-народной газеты ваше превосходительство сделаете, и за это я искренно и сердечно вас благодарю.

Глубоко вас уважающий и искренно преданный вам

Дм. Дубенский.

29 декабря 1913 г.

P. S. Новое анонимное письмо прилагаю [3]).

Д. Д.

---

[1]) Исследователь найдет очень много интересного и политически ценного, если он даст себе труд изучить соответствующие дела отдела по устройству и службе войск бывш. главного управления генерального штаба, хранящихся в Центральном военно-историческом архиве СССР. Печатаемая ниже переписка взята из хранящегося в этом архиве дела № 185-092.

[2]) Ленин, Соч., изд. 2-е, т. XIV, стр. 279.

[3]) Письмо в деле не обнаружено.

Письмо ген. Дубенского военному министру Сухомлинову от 29 декабря 1913 г.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Владимир Александрович.

Ваше высокопревосходительство с давних пор с глубоким вниманием и интересом относитесь к печатному военному слову. Это обстоятельство дает мне смелость доложить те условия, в которых последнее время находится созданная и редактируемая мной военно-народная газета «Русское чтение».

Этот простой, искренно патриотический, народно-солдатский орган издается уже с 1901 года непрерывно.

Тринадцать лет, для настоящего тревожного времени, большой период деятельности для ежедневной газеты. Огромный труд, огромные материальные средства потрачены мной на создание газеты для нижних чинов и народа.

Смею думать, что работа моя не пропала даром, и в наше смутное революционное время честная газета «Русское чтение» честно говорила солдату и крестьянину о святости долга перед царем, родиной и православной верой и, несомненно, вносит успокоение в народную среду. Я глубоко утешен тем, что не только все ведомства и министерства одобряют мою деятельность, но даже и его величество государь император благосклонно отнесся к «Русскому чтению», повелев еще в 1901 году выписывать газету на счет сумм министерства императорского двора для всех рот, эскадронов и батарей тех частей войск, в коих изволит состоять шефом его императорское величество. Но все же вести правую газету становится все труднее и труднее. Засилие левых органов создает моду на чтение не только противоправительственных газет и журналов. Правая печать затирается всюду, имеет очень малое распространение. Правую газету не продают газетчики; обширная сеть еврейских органов распространения печати не берет враждебных им газет.

Объявления, которые дают средства для издания газет, в правых органах ничтожны, так как вся клиентура рекламы находится в еврейских руках. Особенно в настоящее время этот вопрос стоит очень грозно для нас, правых издателей. С началом дела Бейлиса все еврейские фирмы почти прекратили сдачу объявлений в правую прессу и этим бойкотом наносят нам огромный материальный ущерб. Одно «Русское чтение» за время с октября по декабрь текущего года не добрало объявлений на сумму свыше 5 000 рублей.

При таких условиях повременной печати, повторяю, вести дело правой, а особенно дешевой народной газеты является почти немыслимым.

Между тем едва ли когда-либо было время, когда стали столь необходимы спокойные газеты. Революционное настроение не уменьшается, недовольство, распространяемое левой прессой, растет. Всякое лучшее распоряжение правительства критикуется. Народ и солдаты имеют возможность всюду получать «Копейку», «Биржевку» и прочие еврейские газеты. Я, как редактор военно-народной газеты, с глубоким огорчением считаю необходимым доложить вашему высокопревосходительству, что за последнее время появилось недовольство и в армии. Ко мне начали поступать письма дурного настроения, особенно после задержа-

ния запасных. Я передаю эти письма в генеральный штаб. Это несомненное указание, что недовольство есть, ибо, при малой грамотности нашей армии, если один солдат смог написать письмо, то десять так думают, да не умеют высказать.

В 1906 году Комитет по образованию войск, озабочиваясь борьбой с революционной пропагандой в войсках, признал, что, кроме воспитательной деятельности офицера, значительное содействие в этом направлении могла бы оказать газета, правдивым образом освещающая нижним чинам относящиеся до них распоряжения военного министерства, а также и текущие события государственной жизни. При этом Комитет указал, что из имевшихся в то время периодических изданий этому требованию наиболее удовлетворяла издаваемая мной газета «Русское чтение». Поэтому Комитет признал весьма полезным возможно широкое распространение газеты «Русское чтение» в армии и высказался за установление обязательной подписки на нее в количестве т р е х экземпляров на роту, эскадрон, батарею, сотню и команду.

Бывший в то время военный министр генерал Редигер признал постановление Комитета по образованию войск вполне отвечающим требованиям времени, причем, со своей стороны, испросил 15 июля 1906 г. высочайшее соизволение его величества на выписку газеты «Русское чтение» на счет сумм военного министерства, по расчёту двух экземпляров на роту, эскадрон, батарею и команду, с тем, что третий экземпляр войсковые части могут выписывать на свои средства. Копия с высочайшего доклада по сему вопросу при сем прилагается [1]).

Приведенное высочайшее соизволение было осуществлено однако только на время второго полугодия 1906 года, и с 1907 года выписки газеты «Русское чтение» на средства военного министерства не производилось. Я не решаюсь указывать, почему последовало такое распоряжение, так как в высочайшем докладе, мне переданном для сведения, не было указано, что мера эта временного характера.

Считаю однако необходимым доложить вашему высокопревосходительству, что если в 1906 году борьба с революционной пропагандой в войсках признавалась необходимой, то она н е м е н е е необходима и ныне. Я буду глубоко огорчен, если ваше высокопревосходительство, зная меня с ранних лет моей службы, подумаете, что только материальные интересы меня побудили беспокоить вас настоящим письмом. Я совершенно убежден, что войска ныне требуют настойчивой проповеди, самого яркого убеждения, что счастье России — не в призрачных идеалах социализма и иных левых учений, а в незыблемости монархического строя, который дает русскому народу и лучшие реформы и более прочное счастье.

Каждая ячейка войсковой части — рота, эскадрон, батарея — должна быть возможно шире обеспечена хорошими газетами и журналами.

Если газета «Русское чтение» будет признана и ныне подходящим органом, то пусть она обслуживает солдатскую среду, но если почему-либо она будет признана неподходящей для сего, то следует создать другую газету, но только не оставлять современного солдата без надежного ежедневного общедоступного органа.

Буду очень счастлив, если вашему высокопревосходительству угодно будет выслушать мой доклад по сему предмету лично.

---

[1]) Доклад этот здесь нами опускается.

При сем прилагаю анонимные письма, присланные от нижних чинов за последние дни в редакцию с выражением их недовольства службой.

Прошу принять уверение в глубочайшем уважении и искренней и сердечной преданности

покорный слуга Дм. Дубенский.

29 декабря 1913 г.

Анонимные письма, полученные в редакции «Русского чтения» от нижних чинов за 24—26 декабря 1913 г.[1]).

1[2]).

М. г. редактор, в ноябре месяце у вас в газети, не помню, в каком номере, была напечатана статья по поводу задержания нижних чинов, подлежащих увольнению в текущем году в запас армии... Вы там пишите, что не один нижний чин армии не обижается на то, что прослужит несколько месяцев лишняго, потому что это для доблести русской армии — и для голода русского мужика (простите, что я пишу не грамотно). Кто писал эту статью, был совершенно незнаком с взглядами нижнего чина, а поэтому я как нижний чин действительной службы выскажу свой взгляд[3]).

Прежде всего я скажу, что я проклинаю тот день, в который родился, изо дня в день, как попал на военную службу. Придя на военную службу, я встретил везде подлость, воровство, несправедливость. Прежде всего, как я прибыл в часть, из меня старались выбить все человеческие чувства, каждый начальник ругает, наказывает, не разбираясь с тем, правя или виноват, а только потому, что имеет право. И еще вижу, что я на себе испытал еще не все, что испытали мои товарищи. И вот вы теперь посудите, что можно ожидать от такого солдата, который привык ненавидеть каждого начальника, как злейшего своего врага, которому он воздаст сторицею при первом удобном случае. Вы пишите, что прибавка службы увеличит армию и придаст ей силу и мощь. Я говорю, что это ведет за собой 1905 год, который все-таки рано или поздно придет обратно, и тогда русский мужик сметет, как пыль, всю сволочь, которая живет его потом и кровью, надругается над ним, щитая его своим рабом, которого сотворил бог для их потребностей. При первой войне, при первом возмущении внутри государства русский нижний чин докажет, что и он имеет человеческие права и чувства, и тогда горе всей сволочи, обирающей и терзающей русского мужика. Я знаю, что вы думаете, что настолько глуп русский мужик, что никогда этого не сделает под страхом адских наказаний, которыми стращает поп. Но это напрасно. В настоящее время всякий мужик смотрит на попа, как на фарисея, а на тех мучеников, которые боролись за его свободу, как на последователей Христа,

[1]) Заголовок на обложке, в которой хранятся письма.

[2]) На конверте, в котором находилось это письмо, почтовый штемпель: «Новый двор Варш. 22 декабря 1913 г.».

[3]) Набранное здесь и ниже разрядкой подчеркнуто в подлиннике Дубенским.

положившего свою жизнь за правду, а у попавших в солдаты, даже у самых верующих в религию, через год ничего не останется от этой веры: ее выживет религиозное притеснение начальства, гонение в церковь и тому подобные выходки начальства. Нужно заметить, что нижние чины, прослужившие год, не один добровольно не пойдет в церковь, потому что он на каждом шагу встретит толчки, пинки и даже аресты за то, что стоял не по правилам строевого устава или вышел из церкви по какой-нибудь надобности. Это открывает нижнему чину глаза на окружающую жизнь, — ведь мужик то, хотя и сер, но ум то у его не чорт съел, немного понимает он, видит, что и поп по той дудке пляшет, на которой играет начальство.

Напрасно вы думаете, что мужика можно силой заставить повиноваться тем законам, которые придумывает кучка живущих чужим трудом. Сила только может заставить свои мысли затаить в глубине души и дожидать, когда можно будет осуществить их на деле. Но и сила из чего же состоит? Эта сила, которая держит мужика в лапах, да она состоит из того же мужика, который тоже теперь хорошо это видит, и только нужно небольшой ветерок, чтобы всколыхнуть этот океан, и он смоет всю грязь, накопившуюся веками, и тогда, как в Париже в Варфоломеевскую ночь не стало гугенотов, так и у нас не будет на святой Руси сволочи, которая живет потом и кровью русского мужика, которой отцы, деды и прадеды жили потом и кровью русского мужика.

Я пишу это только затем, чтобы открыть вам глаза, чтобы видеть русского мужика в настоящем виде и не писать, что русский всякий солдат охотно отдаст свою жизнь за обирающую его сволочь. Он не только не сделает этого, но с удовольствием вонзит свой штык не только тому, кто прибавляет ему службы, но и тому, кто пишет, что он на это не обижается.

Простите, что я пишу совсем безграмотно, но все-таки, наверное, вы прочитаете, а если нет, то вы — безграмотней любого мужика, хотя и щитаите себя грамотными! И еще вам напомню, что мужик теперь понимает, что́ ложь, что́ правда, и ваша газета только и имеет распространение в войсках, где в силу необходимости должны читать и такую дрянь. Еще раз вам говорю, что если бы попался солдатам в руки тот, кто прибавил службы, то они сделали бы с ним то же, что сделали древляне с Игорем.

Русский нижний чин.

2 [1]).

Господину редактору «Русскова чтения».

Я хочу вам сощит нащет вашей газеты — как сощщала ваша газета, что сроком службы 1911 г. должны отслужить до 1 января 1914 года. Пришол 1 январь, а нас ещо все не распускают, да и, как видится, не опустят. А как писала ваша газета, на таких-то льготах и так-то и что получилось из етова? Конечно, нужно сказать по совести и написать по дружески, что ваша газета ничего не знала, а плела чепуху. Неужели вашой газете не совестно теперь со стороны читателей? Я бы

[1]) На конверте, в котором находилось это письмо, почтовый штемпель: «Рига. 20/XII 1913 г.».

вам посоветовал сначала узнать правду, а потом печатать такие подобные статьи. Я, конечно, критиковать не могу, потому, что малограмотной, читать, когда читаю, немного понимаю.

Вы только тогда заронили искру у кажнова солдата на серце, а сичас получилось в итогах не то, что вы писали, не справедлива ваша газета. Нам не нужно неправду. Прочь неправда! Нам нужна правда. Вот, господин редактор, я не советую печатать неправду. Наверно, вы ненисшова образования, какой-нибудь генерал, вы должны печатать всегда правду и давать отчеты верные, тогда будут верить и вам, а теперь вам не то что верить, срам взять вашу газету в руки. Мы теперь знаем, что ваша газета врет. И наверно и будет врать. Как научится человек врать, у него уже нетерпится — что нибуть надо соврать. Заканчиваю эти слова, начинаю говорить другие.

И верно, что захотели нас задержать какия то генералы и задержали. Ето разве нас не генералы держат? Какую пользу мы принесем? Одним словом, никакой пользы ни будет от нас, только будут нарот мучит да мильены отцов с матерям плакать. Ето не понимают наши правители нас, бедняков, и не хотят понять, что если каснется какая нибуть война и мы были бы роспущены, куда мы денемся? Одним словом, могли бы вернуться опять в свои части. Теперь каждой солдат думает не так. Он думает свою [1]) и свой план: ну пускай держат, придет время, отомщу, возму свое. И вы не думайте, что мои слова будут [не] правелны. Никак, ваши закулисы мы хорошо знаем и все видим.

3.

Бобруйск. 20/XII 13 г.

Милостивый государь,
г-н редактор!

«Куда конь с копытом, туда и рак с клешней», — говорит наша русская пословица. Так, г-н редактор, и с вашей газетой «Русское чтение». Конечно, между нами говоря, это не «Русское чтение», а «узкое чтение» — и как раз постолько, посколько необходимо поддержать нашего солдата в темноте и невежестве. Вот появляется в свет № 268 газеты «Русского чтения» со статьею «Давно ожидаемое». «О приостановлении увольнения в запас нижних чинов старших сроков службы».

Вот именно я и хочу поговорить об этом «настоятельном — неотложном — необходимом» распоряжении. Я, может быть, и не в состоянии разбирать вашу статью, но вынужден сказать, что́ чувствует солдат при чтении этой статьи. Поверьте, г-н редактор, что вы настолько расстраиваете раны солдата, настолько терзаете его душу, что от боли мы должны кричать: какое право имеете вы, г-н редактор, чтоб дубиной толкать в наши измученные тела и кровянить нашу простую солдатскую душу? Неужели вы, как человек современный, цивилизованный, никогда не задавались вопросом: неужели солдат не сознает своего положения? Я полагаю, г-н редактор, когда вы писали эту статью и сообщили нам об «настоятельном и неотложно-необходимом» распоряжении, вы сидели себе в кабинете в тепле да в холе, сыт, рад, довольный своим положением, но ничуть не задумываясь, сколь-

[1]) Одно слово неразборчиво.

ко боли я причиню этим нашему солдату, сколько слез прольет солдат про своего отца, матерь, жену и детей. Разве можете и иметь (хотя вы и начальник) понятие о настоящем состоянии казарменной жизни: густота, плотность (спят по 2 человека на койке), нечистота, духота, в комнате 39 к. с. воздуха помещается 32—33 человека, грязь, вонь — вот чем полны в настоящее время наши казармы.

Придите-ка вы, г-н редактор, если сомневаетесь в искренности моих слов, ночью в казарму, посмотрите, наслаждайтесь нашей казарменной атмосферой, поспите с нами, покушайте 4 года нашу пищу, наши сухари с червями, тогда, надеюсь, что и в вас пробудится сознание своего положения. Нет, г-н редактор, тогда вы не писали бы, что это «распоряжение» будет оценено армией. Действительно, оно может быть оценено 2000-ной частью армии, именующей себя «начальством», но не человеком-солдатом. Нет, г. редактор, если вы так быстро и легко меняете свой взгляд на положение вещей в угоду «кого-то» и «чего-то» и пренебрегая даже интересами красы нашей славной русской армии — русским солдатом, то вы для нас не что иное, как иуда-предатель.

Но довольно, поговорим дальше. Вы пишите: «Признают, что задержка увольнения в запас нижних чинов действительной службы старших сроков службы в прошлом году дала благоприятный опыт по подготовке нашей армии в зимние месяцы». Так-то так, но зачем же держат по 7 сверхсрочных в роте, чем же они не «опытные» нижние чины, чем же они не руководители новобранцев, чем же они не подготовленные к воспитанию новобранца и созиданию солдата? Ведь у них еще больше практики, нежели у действительно служащих. Поставьте в каждом взводе над молодыми сверхсрочного и дайте ему солдата с образованием учебной команды—вот вы также получите «благоприятный опыт по подготовке нашей армии». А что же делают младшие офицеры в роте? Неужели они получают жалованье с тем, чтобы флиртовать и разгуливая наслаждаться прелестями жизни современной и легкомысленной? Дальше, в занятиях со старослужащими «создается неблагоприятное положение». Мы отлично знали, какие могут быть занятия в зимние месяца — за всю зиму 2—3 занятия в поле, стрельба для нижних чинов старших сроков службы не особенно интересна (так как лагерный сбор не предстоит), а словесность и гимнастика целых 4 года зудят и повторяют одно и то же. Значит, «означенные соображения в связи с весьма напряженным ростом численности армий важнейших западно-европейских государств, проявленным именно в настоящем году, позволяют незамедлительно без особых сразу денежных затрат значительно улучшить боевую подготовку нашей армии» и «вероятно современно будет перейти к 4—5-летнему сроку военной службы». Эх, г-н редактор, очень печально уж то, что наше высшее начальство стало так бояться немецкого ножа! Да и шутка ли сказать: 4 года что в клетке, без общения с внешним миром, а если угодно провиниться, добавят еще 2—3 года. Там где-то далеко, далеко от меня как поживают отец мой, мать, жена, дети, все ли у них хватает, не терпят ли холод и голод? Ведь, поймите, что и солдат—человек, значит, у него есть желания, чувства, мысли, переживания. Ну да, начальство жалеет нас тем, что, при беспорядочной [?] службе если ты хорошенький, послушный солдатик, вот тебя и пустят на 20—30 дней в течение 4 лет. Но ведь это же насмешка одного человека над человеком. Признаться,

в том-то и суть, что начальство не признает солдата человеком, а пьяницей и канальей.

И, в конце концов, г. редактор, вы, дающий нам нечто вроде духовной пищи, смеете еще уверять, что это «важное» распоряжение военного министра «несомненно» будет оценено всеми, как обществом, так и армией. Откуда же г. редактор взял такую уверенность и «несомненность»? Почему? Потому что министр признает необходимым. Отношение общества к этому распоряжению — не знаю, но отношение армии мне, может быть, и известно. Вы как редактор спросите любого солдата старших сроков службы о его мнении на «это распоряжение», и вы получите ответ настоящий, и действительное мнение армии об этом «важном» распоряжении вам станет известным и ясным. И как же так эффектно приходите вы навстречу интересам солдата, что лучше увольняться весной, а не зимой, тем более, что «большинство наших солдат— земледельцы». Откуда же такая истина, г. редактор? Это солдат приходит на службу, записывается земледельцем, т. е. он по призванию хлебопашец, а в действительности у него земли и нет. В пример привожу вам команду из 130 человек — из них имеющие собственную землю присужденную [?] — человек 15—10, не больше. А другие, имеющие по 5—6 десятин, так у него дома есть еще родители, братья, сестры, а ему надо кинуться в заработки. А 3—4 месяца много чего значут. Солдат за это время заработает на одежду, на жизнь, и на лето придет, может быть, и в действительности в деревню на помощь родителям. Да, так вот какие греховные дела совершаются сейчас у нас. А почему? Потому, что власть сильного. Нет, это не по-христиански,—так рассуждает наш солдат, простой души солдат.

Подписывать сие писание не буду, по причинам, известным вам. Но мое звание — Солдат.

Но все же поздравляю вас с наступающим праздником. Надеюсь, что, если вы встретите в вышеизложенном писании что-либо непонятное, вы меня простите, ибо условия жизни не дают возможности выложить все то, что лежит на душе и что копошится в солдатском мозгу. Но прошу вас, г. редактор, запомнить, что солдат тоже человек и понимает и сознает свое положение, а потому хитростью и ложью вы много вредите армии. Забить голову солдатскую пустяками вы уже не сможете, ибо жизнь в казарме становится невыносимой.

Надеюсь, что вы поймете нас, но если мы заблуждены, то постарайтесь скорее вернуть нас на путь истины и правды, но не хитростью и ложью, а правильным толкованием вещей.

4 [1]).

М. г., г. редактор!

Весьма печально читать в газетах вести, что 1911 год задержат до апреля. Еще с издевательством пишут, что солдаты сами сознают, что при увольнении в ноябре России грозит опасность в случае войны. Раньше увольняли, и чорт России не трогал.

Одно скажу по этому поводу, старую песню, была русско-японская война несчастная, а если теперь будет, то еще несчастнее—там было

[1]) На конверте, в котором находилось это письмо, почтовый штемпель: «Свеаборг. 10 января 1914 г. (29 декабря 1913 г.)».

100—1 000 и теперь таких 1 000 000... Да как не быть, других увольняли в ноябре, никто не тронул России, а теперь нельзя. В мирное время я не вижу никакого снисхождения, а в военное время защищай отечество. Дай мне теперь хоть немного снисхождения, тогда я буду стараться на войне.

Уж генералам-кровопийцам достанется на войне! Их прежде убивать будем, чем противника! Не удивительно, что солдаты жизнь кончают самоубийством, человек служит, служит, и конца не видно! Лучше смерть, чем угнетение. Войны нет,—хотя бы война, убил бы кровопийца, а там и сам. Революции тоже. Еще не осмеливаются революционеры, полагают, что солдаты в них стрелять будут,—тут наоборот, еще бы стали солдаты помогать революционерам! Как не помогать? Беззаконная Россия! Сына на службе держат без надобности, а с отца грабят на сына!

Это закон и правда, а ты молчи!

Неправда! Настанет время возмездия!

Не пройдет без войны! Положим, и война не нужна. Образуми, боже, революционеров! Мы тогда всыпим всем кровопийцам!

Мало еще до апреля, еще хочет установить на 4 года службу. Из-за чего была неудача на русско-японской войне? Тогда в 1905—06 гг. пылала Россия, а теперь и совсем сгорит!

Почему не сувалась во время балканской войны Россия?! Знала, что гибель будет! Прежде всего с человеком нужно обращаться, как с человеком, а не как с скотиной!

К вопросу о подготовке мировой войны

(Из документов русской военно-политической разведки 1913—1914 гг.)

Печатаемые ниже документы русской военно-политической разведки 1913—1914 гг. распадаются на две группы: одну группу составляют рапорты начальника штаба Киевского военного округа начальнику ген. штаба, другую — рапорты военных агентов генерал-квартирмейстеру ген. штаба. Первые основаны на «анонимно»-шпионских донесениях, на безответственных источниках информации, за содержание вторых ручается своей подписью столь ответственное лицо, как официальный военный агент.

Как исторический источник документы первой группы представляют собой специфический материал. Очень многое в них бросается в глаза несообразностью, напоминая те «политические тайны», которые перед войной 1914 г. покупались буквально на улицах некоторых столиц по самой сходной цене неопытными журналистами, а иногда и перекупщиками-спекулянтами.

Первый же из публикуемых рапортов этого рода (начальника штаба Киевского военного округа от 12 августа 1913 г.) представляет типичный пример информации такого рода: «двойственность германской политики в турецком вопросе», «существующие непрерывные [!] конфиденциальные дипломатические [!] сношения между германским и турецким правительствами», «вполне установленный факт помощи германского правительства турецкому, находящемуся в критическом финансовом положении», — все эти благоглупости, казалось бы, не стоили не только денег, потраченных на изобретение их, но и бумаги, на которой они писались! Германское правительство смотрело еще со времен Бисмарка на Турцию, как на «эвентуального» союзника против России, и со времен чрезвычайной турецкой миссии в Берлин в 1879 году «непрерывные конфиденциальные» сношения между Берлином и Константинополем не составляли ни для кого тайны.

Вторая часть этого рапорта, касающаяся дела полковника Редля, особенно обращает на себя внимание. Из нее мы узнаем, что начальник австро-венгерского ген. штаба Конрад получил от начальника германского ген. штаба (Мольтке) письмо, написанное в «ироническом» тоне и содержащее «подробную оценку действий полковника Редля, связанных с поручением австрийского ген. штаба вести разведывательную работу в Германии, что вызвало продажу полковником Редлем многих полученных в Германии военных секретов». Совещанию «высших представителей военного ведомства» (?) не понравился тон ответного письма начальника ген. штаба, что обидело последнего, и т. д.

Об этом деле известно кое-что из двух других источников, не требующих характеристики.

В XXV томе германских дипломатических документов («Die Grosse Politik der Europ. Kabinette») под № 13 369 напечатано письмо германского посла в Вене фон Чиршки от 5 июня 1913 г., в котором содержатся следующие строки:

«История гомосексуального полковника, который, в качестве начальника штаба пражского армейского корпуса, занимался шпионажем для России в течение ряда лет, здесь произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Хотя ген. Конрад и уверял меня, что газетные сообщения преувеличены и, во всяком случае, никакие сведения о диспозиции войск не перехвачены, но я нашел его в глубоко подавленном настроении». (Дальше говорится о том, что было бы ошибкой по этому казусу судить об общем состоянии австро-венгерской армии.)

Конрад рассказывает об этом деле («Aus meiner Dienstzeit», III, 329) следующее:

«25 мая, вечером, я получил потрясающее сообщение. Осведомительная часть контрразведки уже давно напала на след шпиона, указывавший на выдачу секретных военных распоряжений иностранной державе. В результате слежки предателем оказался полковник Редль, тогда начальник штаба 8 корпуса в Праге. Редль был арестован в Вене и подвергся исчерпывающему допросу. Затем ему была дана возможность покончить с собой. Начальник контрразведки поспешил в Прагу, произвел тщательный обыск в квартире Редля и забрал все компрометирующие материалы. Оказалось, что Редль имел гомосексуальные сношения и простер свое предательство до снятия фотографических копий с печатаемых служебных приказов. Я стоял за то, чтобы ничего не скрывать и все дело предать гласности, что и было сделано несмотря на многочисленные нападки, последовавшие вслед за этим. На интерпелляцию по этому поводу в парламенте отвечал министр госуд. обороны».

В письме Мольтке к Конраду (там же, стр. 424—426) 29 июня 1913 г. имеется небольшая часть, посвященная делу Редля, но все это письмо написано, конечно, не в «ироническом» тоне, а в тоне самой задушевной «братской» дружбы. «Страдания вашего сердца, исполненного идеального энтузиазма», «боязнь коснуться такой глубокой и болезненной раны», «благодарность за сообщение и сочувствие» — в таком тоне написана эта часть письма, заканчивающаяся уверенностью, что тайна соглашений между обоими ген. штабами не пострадала, бодрым призывом к «вере в будущее» и т. д.

Заключительная часть «рапорта» на уровне предшествующей информации; она дает характеристику австрийской армии в стиле русских газетных писаний того времени.

Вопрос, затрагиваемый рапортом от 5 сентября 1913 г., имеет очень частный характер: речь идет об оценке деятельности австро-венгерского посла в Петербурге графа Турна канцелярией Франца-Фердинанда, по должности — инспектора вооруженных сил. Сомнительно, чтобы деятельность послов обсуждалась такими инстанциями, какая здесь указана. Во время войны гр. Турн был назначен представителем австро-венгерского министерства иностранных дел при главном австрийском командовании, и Конрад дружелюбно отзывается о его деятельности в этой должности. Между тем «недостаточное знакомство» этого дипломата с вопросами военно-политического характера должно было бы прежде всего помешать этому его назначению.

Странен «выработанный германским большим ген. штабом план будущих действий восстановленной турецкой армии против государств бывшей балканской коалиции», в то время, как германская дипломатия в действительности стремилась создать новую «балканскую коалицию», и турецкая армия восстанавливалась для действий не против балканских стран, а против России.

Рапорт от 8 февраля 1914 г. явно основан на домыслах, внушенных миссией Лимана фон-Сандерса и «шумом», вызванным ею: «стремление германского правительства решить в свою пользу вопрос о проливах», приурочение европейской войны ко «времени неизбежного крушения турецкого государственного организма» и т. п.

Рапорт 4 марта 1914 г. ставит на голову (так же, как «Любекское бюро» — австро-румынскую проблему) вопрос о взаимоотношениях Австрии, Германии и Рос-

сии, говоря о том, что Австрия опасалась будто бы втягивания ее Германией в войну с Россией из-за «настойчивого проведения германским правительством намеченной им политической программы».

Иное дело именные рапорты военных агентов, которыми довольно широко пользуется Комиссия, издающая сборники «Международные отношения в эпоху империализма».

Печатаемые здесь рапорты Базарова, военного агента в Берлине, Артамонова (Сербия) и Леонтьева (Турция), хорошо знакомых читателям III серии названного издания, представляют вполне солидные, лишенные всякой фантастики, источники информации. Здесь публикуются, в частности, те донесения Базарова, которые дают характеристику настроений и тенденций германской прессы. Они интересны и как сводки германской прессы 1914 г. и как документы, отражающие угол зрения, под которым воспринимались высказывания прессы военно-политическим осведомителем. Все эти высказывания сохранили свой интерес и для наших дней, а некоторые из них (как знаменитая статья-корреспонденция «Kölnische Zeitung») заняли в истории войны весьма заметное и прочное положение. То, что «Berliner Tageblatt» обозначается полковником русского ген. штаба как газета «еврейско-социал-демократическая» — характерно для русского генштабиста, в представлениях которого граница между германской социал-демократией и заграничным буржуазным либерализмом стиралась, когда дело шло об отношении той и другого к «русскому соседу».

Обширный обзор германской печати, составленный Базаровым, — весьма ценное добавление к уже опубликованным русским дипломатическим документам за 1914 год. Интерпретации и объяснения позиции германской прессы, даваемые в заключение Базаровым, осторожны, достаточно обоснованы фактическими данными и для историка, как и для всякого изучающего предвоенную эпоху, представляют крупный интерес.

Некоторые соображения и отмечаемые в них попутно обстоятельства способствуют заострению внимания и пытливости исследователя и читателя. Пример: берлинские слухи то о лондонском (рапорт от 28/II 1914 г.), то о парижском происхождении нападок германской прессы на Россию (рапорт от 10/III 1914 г.).

То, что Базаров пишет, напр., по поводу растущей популярности идеи превентивной войны в Германии и «в особенности в Австрии», свидетельствует о довольно высокой степени осведомленности и наблюдательности русского военного агента в Берлине. Германское правительство, стараясь от него избавиться весной 1914 г., видимо, признавало за ним эти качества. Базаровские донесения ставили вопросы, имевшие такую же важность для «читателей» его рапортов, какую они имеют для историка: определение степени готовности Германии к войне; финансовые условия данного момента для увеличения вооружений; политические условия распределения кредитов между морскими и сухопутными вооружениями; интерпретация общественного мнения и высказываний прессы, с точки зрения закулисных инспирирующих факторов и реального политического значения этих выступлений, и т. д.

Внимательный читатель извлечет из публикуемых документов этого рода не меньше исторических данных, чем из наиболее полноценных документальных источников истории международной политики. Укажем в подтверждение этого еще на рапорт Артамонова о греко-сербских сношениях в связи с греко-турецким конфликтом, угрожавшим развязать войну до сараевского выстрела. В другом плане интересно и жандармское донесение (сведения плоцкого жандармского управления), касающееся настроения населения пограничных областей.

Планомерное изучение военно-политической информации предвоенного периода столь же необходимо, как и изучение дипломатических архивов. Объект этого изучения мы демонстрируем перед читателями «Красного архива». Со всеми его специфи-

ческими — отрицательными и положительными — особенностями, он отражает тот факт, что германо-австрийский блок в 1913—1914 гг., со своей стороны, не только готовился к войне, но и готовил войну. В этом смысле донесения берлинского военного агента служат необходимым дополнением к информации, получавшейся русским министерством ин. дел от своих посольств в Берлине и в Вене. Сравнение первых со второй весьма не лестно для царских дипломатов, — не только для бесцветного Свербеева, но и для венского Шебеко, которого высокие специалисты лондонского «форейн-офиса» характеризовали, как «shrewd man» — проницательного человека. Напрасно было бы искать среди их характеристик германской и австрийской политики чего-либо равного по серьезности и углубленности скромным «рапортам» военного агента. Достаточно напомнить, что Шебеко, в конце концов, дал себя убаюкать «венскими напевами» даже в тот момент, когда все было «решено и подписано» между Веной и Берлином. Берлинское посольство пребывало в состоянии летней сиесты, пока не было пробуждено к жизни — выражаясь фигурально — лязгом германского оружия. Несомненно, Базаров в это время был бы—с точки зрения германского ген. штаба — совершенно лишним наблюдателем подготовительной военной работы.

Е. Адамов.

I

Копия секретного рапорта начальника штаба Киевского военного округа от 12 августа 1913 г. за № 1016 [1]).

Начальнику генерального штаба.

Доношу, что на совещании высших представителей военного ведомства в Вене 21 июля сего года, под председательством начальника генерального штаба генерала Конрада фон Хетцендорфа, разбирались следующие вопросы.

Оглашенные представителем департамента внешних сношений:

I. Переданный германским правительством официальный меморандум дипломатического совещания 29 июля в Берлине, содержащий принятые германским кабинетом руководящие основания в турецком вопросе вообще и в вопросе об Адрианополе в частности, из которого видно, что позиция, занятая германским правительством в этих вопросах, пассивна, нося характер умеренных пожеланий; при этом министерство иностранных дел по указанию его величества пришло к заключению:

1) Высказать солидарность с основаниями официального меморандума.

2) Не возбуждать перед германским министерством иностранных дел относящихся к содержанию меморандума вопросов, могущих указать на вызываемые его содержанием сомнения.

Начальник генерального штаба отметил, что в его распоряжении имеются обоснованные данные, указывающие:

1) На двойственность германской политики в турецком вопросе.

2) На существующие непрерывные конфиденциальные дипломатические сношения между германским и турецким правительствами и

[1]) Центр. военно-исторический архив (ЦВИА), д. № 442—592, л.л. 1—2.—Заголовок подлинника.

3) На вполне установленный факт помощи германского правительства турецкому, находящемуся в критическом финансовом положении.

II. Протест итальянского министерства иностранных дел, содержащий порицание самостоятельной агитационной политики австрийского генерального штаба в Албании, противоречащей основаниям австро-итальянского соглашения по албанскому вопросу, что вызвало среди некоторых племен Мелеции волнения, направленные в невыгодную для итальянского правительства сторону.

Начальник генерального штаба заявил, что со стороны генерального штаба не было сделано самостоятельных шагов для агитации в Албании, раздача же и продажа оружия некоторой части населения произведены с ведома как итальянского правительства, так и министерства иностранных дел.

Оглашенные начальником генерального штаба:

I. Содержание письма, полученного им от начальника германского генерального штаба и содержащего подробную оценку действий полковника Редля, связанных с поручением австрийского генерального штаба вести разведывательную работу в Германии, что вызвало продажу полковником Редлем многих полученных в Германии военных секретов.

Начальник генерального штаба огласил текст составленного им ответного письма начальнику германского генерального штаба.

Совещание отметило, что, хотя содержание составленного начальником генерального штаба ответного письма и отвечает ироническому тону письма начальника германского генерального штаба, все же редакция его должна быть изменена, чтобы не итти вразрез с общим стремлением к утверждению прежних отношений с союзной Германией.

Начальник генерального штаба заявил, что он считает редакцию своего письма окончательной и единственно отвечающей достоинству занимаемого им положения, и просил составление ответного письма в другой редакции возложить на кого-нибудь другого.

Совещание пришло к окончательному выводу о необходимости разрешения вопроса путем доклада его величеству.

II. Записку, содержащую краткую оценку современного сравнительного военного могущества России и Австрии, из которой видно:

1) Что военное могущество России втечение последних лет настойчивой правильной работой возросло вдвое.

2) Что успехи русской армии в значительной степени ослабляются настойчивым стремлением к внешности, неодинаковым для различных родов войск, что создает в армии вредную для дела рознь.

3) Что военному могуществу Австрии на фронтах русском, итальянском и даже румынском рядом государственных измен, закончившихся разоблачениями Редля, нанесен тяжелый удар, уничтоживший настойчивую созидательную работу многих лет, и

4) Что племенная и партийная рознь, сильно развившаяся в армии во время последней мобилизации, в связи с отмеченным уже рядом государственных измен, делают австрийскую армию непригодной на более или менее продолжительное время для успешного выступления против России.

С подлинным верно. Генерального штаба
полковник Самойло.

Копия секретного рапорта начальника штаба Киевского военного округа от 5 сентября 1913 г. за № 1092 [1]).

Начальнику генерального штаба.

Доношу, что на совещании высших представителей военного ведомства, имевшем место в Вене 16 августа сего года, под председательством начальника генерального штаба генрала Конрада фон Хетцендорфа разбирались следующие вопросы.

Оглашенные начальником генерального штаба:

1) Текст записки канцелярии наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, инспектора государственных вооруженных сил, содержащей оценку служебной деятельности посла при с.-петербургском дворе графа Дуглас-де-Турн-Вальсассина, из которой видно:

А) что, по мнению наследника престола, дипломатическая деятельность графа Турн-Вальсассина в период последних австро-русских осложнений исходила из не отвечающих государственному достоинству миролюбивых и оптимистических оснований.

Б) Что ряд действий графа Турн-Вальсассина указывает на пассивное отношение его к весьма важному делу — организации получения секретных данных в С.-Петербурге и

В) Что из содержания некоторых, сделанных графом Турн-Вальсассина, конфиденциальных донесений можно заключить о недостаточном знакомстве его с вопросами военно-политического характера.

2) Проект восстановления при помощи германского правительства на европейском театре разбитых сил турецкой армии, содержащий:

А) Основания, допускающие заключение турецким правительством срочного займа на военные нужды.

Б) Списки, заключающие подробные рассчеты расходов, вызываемых соображениями для восстановления турецкой армии и вопросом правильного содержания ее в составе 180 000 человек в продолжение трех месяцев.

В) Списки, заключающие подробные рассчеты предметов снабжения турецкой полевой артиллерии материальной частью и других родов войск — предметами вооружения, снаряжения и технического снабжения.

Г) Списки, заключающие цифровые предположения для назначения из германской армии инструкторского состава в турецкие войска по следующему рассчету: на каждый полк низама и редифа по 2 офицера, на каждый полк кавалерии и гамидие по 1 офицеру, на каждый батальон полевой артиллерии по 1 офицеру, на полевые технические войска всего 10 офицеров и по одному офицеру каждого рода войск для исполнения инспекторских обязанностей.

Д) Предположения, заключающие порядок перевозки пополнений из Малой Азии.

Е) Предположения, заключающие порядок передачи турецкому правительству и приемки последним от германского военного министерства предметов вооружения и технического снабжения войск и

Ж) Выработанный германским большим генеральным штабом план

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л. 3.— Заголовок подлинника.

будущих действий восстановленной турецкой армии против государств бывшей балканской коалиции.

Начальник генерального штаба указал, что копия оглашенного проекта получена Бельгийским агентурным бюро из германских источников, почему факт получения этих сведений при обстоятельствах настоящего времени имеет исключительно секретный характер.

С подлинным верно. Генерального штаба
полковник Самойло.

Выдержка из секретного рапорта штаба Киевского военного округа от 8 февраля 1914 г. за № 128 [1]).

По полученным агентурным сведениям, на совещании высших представителей военного ведомства в Вене 24 января сего года, под председательством военного министра генерал-фельдцейхмейстера Кробатина, были доложены следующие вопросы.

I. Председателем совещания:

Текст переданного генеральному штабу меморандума германской военной канцелярии, из которого видно:

1) Что стремление германского правительства в расширению [?] в свою пользу вопроса о проливах должно неизбежно сопровождаться, вследствие общеизвестных политических причин, одновременными столкновениями на восточной и западной границах государства.

2) Что значение для Германии вопроса о проливах привело правительство к убеждению, что в числе средств достижения намеченного результата не исключается и вероятность столкновения на обоих фронтах.

3) Что германским правительством, ввиду изложенных соображений, предположена с началом 1914 года систематическая поверка подготовки и дополнение находящихся при войсках учреждений военного времени.

4) Что ввиду тех же соображений намечен ряд мер по скорейшему усилению авиационных частей германской армии.

5) Что теми же соображениями вызывается необходимость широкой заблаговременной подготовки общественного мнения в Германии к вопросу о неизбежности вооруженного столкновения при разрешении вопроса об обладании проливами.

6) Что хотя время вероятного будущего столкновения с Россией и Францией и не может быть с точностью определено, однако же возможность в этом случае неожиданности вытекает из требования от Австрии, в силу ее союзных обязательств, заблаговременной поверки всей военной готовности государства.

7) Что время вероятного вооруженного столкновения держав Тройственого союза с Россией и Францией соответствует приблизительно времени близкого неизбежного крушения турецкого государственного организма.

8) Что медленность австрийского правительства в исполнении принятого уже решения об усилении флота может привести, в связи с ускоренной программой судостроения в России и Франции, к невыпол-

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л.л. 4—5.— Заголовок подлинника.

нению австрийским флотом задачи, возложенной на него планом союзной войны.

Совещание отметило:

1) Необходимость безотлагательного доклада императору краткого содержания оглашенного меморандума.

2) Невозможность для австрийского правительства однородного с германским взгляда на вопрос о неизбежности участия в союзной войне против России без предварительного получения строго определенных данных о размерах компенсации.

3) Необходимость перехода к скорейшей систематической поверке военной готовности австрийской армии и связанной с ней дополнительной организационной деятельностью.

4) Необходимость скорейшего принятия мер, однородных с германскими, для подготовки общественного мнения по вопросу о вероятности участия Австрии в союзной войне против России; совещание полагает, что выполнение этой задачи в Австрии должно сопровождаться затруднениями вследствие племенной и религиозной розни состава населения государства.

5) Проблематичность по многим соображениям надежд германского правительства на участие Италии в союзной войне в составе Тройственного союза.

6) Осведомленность германского правительства о причинах промедления в исполнении намеченной программы усиления австрийского флота.

II. Заместителем начальника генерального штаба:

Записка с изложением данных о получении итальянским военным министерством копий совершенно секретных документов со сведениями о военных предположениях Австрии на случай столкновения с Италией, из которой видно:

1) Что эта продажа, совершенная кем-либо из состава австрийских военных канцелярий, совершенно секретных документов государственной важности является несомненной, так как находит подтверждение в переданном генеральным штабом из Италии содержании проданных документов.

2) Что борьба с государственной изменой, развивающейся в Австрии в последние годы, является тем более затруднительной, что злоупотребления совершаются не низшим персоналом канцелярий, а лицами, которым принадлежит руководящая роль в делах охранения государственных тайн.

3) Что назначение за выдачу государственных секретов хотя бы и квалифицированных наказаний не исключает возможности соблазна увеличивающимся в последнее время числом особенно заманчивых предложений.

4) Что одной из наиболее действительных мер борьбы следует признать установление взаимной поруки и ответственности среди лиц служебного состава канцелярий, ведающего секретными документами.

5) Что введение общей ответственности всего состава служащих за пропажу из данной канцелярии документов повлечет за собой более осторожное пользование секретными документами и вызовет взаимное интенсивное наблюдение среди служащих.

Совещание высказалось за принятие исключительных мер для ограждения государственных тайн, полагая, что определение характера мер борьбы должно быть предоставлено комиссии в составе высших представителей государства.

Генерал-майор Ломновский.
Старший адъютант генерального штаба полковник Духонин.

Выдержка из секретного рапорта начальника штаба Киевского военного округа от 10 февраля 1914 г. за № 133 [1]).

Начальнику генерального штаба.

В Германии в настоящее время исподволь начинают подготовлять войска и население к мысли о неизбежности столкновения с Россией.

Среди намеченных мер обращает на себя внимание популяризация этой мысли в ряде чтений на соответствующие темы в войсках и общественных аудиториях.

Верно. Генерального штаба полковник Самойло.

Секретный рапорт начальника штаба Киевского военного округа начальнику генерального штаба от 21 февраля 1914 г. № 185 [2]).

Доношу, что, по полученным во вверенном мне штабе агентурным сведениям, на совещании высших представителей военного ведомства в Вене 4 февраля сего года, под председательством начальника генерального штаба генерала Конрада фон Хетцендорфа, были доложены следующие вопросы.

Начальником генерального штаба:

I. Записка, переданная германской военной канцелярией и заключающая предложение императора Вильгельма о желательности совместной с Австрией поверочной мобилизации крупных войсковых масс, как меры ответной на повторенное русским правительством задержание русских резервистов, подлежавших увольнению в 1913 году, из которой видно:

1) Что увеличение состава германских и австрийских войск до норм военного времени, как мера ответная на вторичное задержание русским правительством запасных нижних чинов, требуя больших материальных затрат, не отвечает австро-германским интересам ввиду возможной потребности в ближайшем будущем исключительного напряжения материальных сил государств.

2) Что быстрая поверочная мобилизация крупных войсковых масс, при условии непродолжительного пребывания всех призванных под знаменами, может иметь не меньшее демонстративное значение, чем принятое русским правительством продолжительное задержание запасных.

3) Что демонстративное впечатление ответной мобилизации может быть усилено:

а) одновременным производством ее в Австрии и Германии;

---

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л. 10. — Заголовок подлинника.
[2]) ЦВИА, д. № 442—592, л.л. 6—8.

б) заключительным выполнением крупного учебного военного предположения;

в) сохранением в строжайшем секрете значения выполняемых мобилизационных мер.

4) Что в основу учебного военного предположения должны быть положены соображения, связанные с вероятной политической обстановкой при разрешении германским правительством вопроса о проливах.

5) Что одновременно с демонстративным назначением поверочной мобилизации германским военным министерством предположена строгая поверка действительной военной готовности мобилизуемых войск.

6) Что для учета в России впечатления, произведенного поверочной мобилизацией в Австрии и Германии, и возможных ответных мер должно быть подготовлено интенсивное наблюдение.

7) Что императором Вильгельмом будут сделаны окончательные распоряжения о подготовке соответствующих соображений для производства в Германии поверочной мобилизации по получении от австрийского правительства ответных соображений.

Начальник генерального штаба при этом отмечает, что инспектором государственных вооруженных сил эрцгерцогом Францем-Фердинандом высказано по изложенному вопросу мнение, солидарное с германской точкой зрения, вследствие чего им уже почти закончена подготовка соответствующих руководящих соображений.

Представитель департамента внешних сношений докладывает:

1) Что по получении 30 января от генерального штаба копии записки с предложениями германского императора министерством иностранных дел было составлено экстренное дипломатическое совещание, которое пришло к заключению:

а) что исполнение в настоящий политический момент поверочной мобилизации крупных войсковых масс с демонстративной в отношении России целью является, во всяком случае, небезопасным для сохранения в Европе общего политического равновесия;

б) что осуществление этой меры может окончательно утвердить у русского правительства уверенность в действительных намерениях германского правительства при разрешении вопроса о проливах;

в) что одновременное выполнение поверочной мобилизации Германией и Австрией может вызвать действительную мобилизацию в России, причем императором Францем-Иосифом при рассмотрении выписки из журнала экстренного дипломатического совещания 30 января было высказано солидарное мнение;

г) что, по указанию императора, содержание мнения экстренного дипломатического совещания передано германскому министерству иностранных дел и императорской военной канцелярии.

Совещание отметило:

1) Что выполнение поверочной мобилизации в Галиции, хотя бы с краткосрочным задержанием резервистов под знаменами, по общеизвестным политическим соображениям внутреннего характера, представляется совершенно невозможным.

2) Что, принимая во внимание тяжелое материальное положение большей части населения Галиции, сопряженные с производством по-

верочной мобилизации значительные расходы могут вызвать серьезные внутренние осложнения.

3) Что производство поверочной мобилизации в Галиции представляется также опасным и с точки зрения санитарной ввиду развивающейся во многих пунктах Галиции эпидемии тифа.

4) Что невозможность производства поверочной мобилизации в Галиции исключает вероятность создать исходное положение для операций, указанных германской императорской военной канцелярией.

5) Что практическое значение поверочной мобилизации при настоящей обстановке выразится исключительно во внезапном характере производства ее, а также поверкой действительной военной готовности мобилизуемых войск.

6) Что представление германскому императору высказанных совещанием соображений является, во всяком случае, необходимым.

II. Меморандум, переданный германской императорской военной канцелярией, по вопросу о замене командного состава береговых босфорских батарей германскими офицерами, из которого видно:

1) Что предположение германского правительства о замене на батареях проливов командного состава германскими офицерами, одновременно с перевооружением батарей пушками новейших типов, встретило в официальных турецких кругах настойчивые возражения несмотря на исключительно инструкторское значение предложенной турецкому военному министерству меры.

2) Что до настоящего времени турецким военным министерством дано согласие на назначение на каждое из 9-ти перевооружаемых укреплений по 1 офицеру младшего ранга и по два унтер-офицера, на срок не свыше 4-х месяцев.

3) Что ближайшей причиной несогласия на предложенную меру турецкие правящие круги выставляют опасение возможности серьезных осложнений с заинтересованными державами противоположного лагеря.

4) Что германский император, сопоставляя необходимость усиления обороноспособности босфорских укреплений с некоторыми политическими соображениями, выражает надежду, что вопрос о замене командного состава на береговых батареях проливов германскими офицерами тактичными, последовательными приемами главы военной миссии в Турции будет в непродолжительном времени приведен к благоприятному окончанию.

5) Что одновременное демонстративное выполнение Австрией и Германией поверочной мобилизации крупных войсковых масс может, несомненно, отвлечь внимание держав при выполнении Германией намеченной замены командного состава на береговых батареях германскими офицерами.

Начальник генерального штаба обращает внимание совещания, что «некоторые политические соображения императора германского», так же как и «исключительно инструкторское значение» предполагаемой замены командного состава на береговых батареях, не требуют пояснений.

Генерал-лейтенант [подпись].

Окружный генерал-квартирмейстер генерал-майор

Ломновский.

Старший адъютант ген. штаба полковник Духонин.

Копия секретного рапорта начальника штаба Киевского военного округа от 4 марта 1914 г. за № 234 [1]).

Начальнику генерального штаба.

Доношу, что, по полученным во вверенном мне штабе агентурным сведениям, на совещании высших представителей военного ведомства в Вене 15 февраля сего года, под председательством начальника генерального штаба генерала Конрада фон Хетцендорфа, были доложены следующие вопросы.

I. Военным министром:

Изменения в плане нового снабжения в армии на галицийском театре, связанные с вызванными стихийными бедствиями 1913 года общим экономическим и продовольственным кризисами в Галиции, из которых видно:

1) Что недородом поражен в Галиции главным образом обширный район бассейна реки Сана, служивший источником снабжения продовольствием армии в период ее мобилизации и стратегического развертывания.

2) Что главными источниками снабжения войск продовольственными припасами в случае открытия военных действий на восточном фронте до осени 1914 года следует считать для войск, сосредоточиваемых в северной и центральной частях передового театра, гарантированные германским военным министерством комиссионные предложения германских военных поставщиков; в южной же его части — приобретение на комиссионных началах необходимых запасов в пределах Румынии.

3) Что выдача продовольственных субсидий наиболее пострадавшей части галицийского населения из постоянных военных запасов прекращена, вследствие:

а) неопределенного политического положения, поддерживаемого общим направлением германской политики;

б) возможности закупки припасов в размере не более 25% общей потребности.

4) Что, хотя польскими собственниками в Галиции и поддерживаются принятые на себя продовольственные обязательства, выполнение их в полном размере, по собранным негласным сведениям, все же является сомнительным.

5) Что временный переход к другим источникам продовольственного снабжения армии создает необходимость:

а) оборудования дополнительных временных пунктов для централизации доставляемых запасов;

б) изменения направлений и увеличения размеров продовольственных баз для армий;

в) выработки новых временных перевозочных соображений;

г) включения временных изменений в предположения для мобилизации как полевых, так и постоянных продовольственных учреждений.

6) Что давление германского военного министерства на австрийское правительство в сторону скорейшего разрешения вопроса об изменении плана полевого снабжения австрийской армии на галицийском

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л.л. 17—18.

театре, подкрепленное предложением гарантировать часть продовольственного обеспечения австрийской армии поставкой необходимых запасов германскими военными поставщиками, указывает на ближайшие агрессивные намерения германского правительства в отношении России.

Начальник генерального штаба отмечает при этом, что принятие гарантированного предложения германского военного министерства об обеспечении в случае открытия военных действий поставки большей части продовольственных запасов для австрийских армий германскими военными поставщиками является безусловно рискованным, лишая, с одной стороны, австрийские войска самостоятельности, с другой же, ставя конечные результаты кампании в исключительную зависимость от эгоистичных политических стремлений германского правительства.

Совещание отметило:

1) Что настойчивость, принятая германским правительством в проведении намеченной им политической программы, дает основание предполагать возможность неожиданного ближайшего вооруженного столкновения с Россией, что, в свою очередь, выдвигает разрешение вопроса о полевом снабжении армии на степень неотложности.

2) Что предложение германского военного министерства должно быть использовано безотлагательно для пополнения значительного количества недостающих в настоящее время военных запасов; что касается военного времени, то должны быть безотлагательно подготовлены источники снабжения австрийских армий, не ставящие их в исключительную зависимость от политических желаний германского императора.

3) Что является исключительно желательным согласование германским императором направления внешней государственной политики с временем общего разрешения в Галиции экономического и продовольственного кризисов, на что теперь же должно быть обращено внимание германской императорской военной канцелярии.

II. Представителем департамента внешних сношений:

Меморандум германской императорской военной канцелярии по вопросу об оказании германским правительством поддержки вновь избранному представителю династии автономного княжества албанского, из которого видно, что германским императором предположено:

1) Составление, впредь до наступления во вновь образованном княжестве полного внутреннего политического успокоения, княжеского военного экскорта из представителей германской армии.

2) Назначение в Албанию для образования и подготовки регулярной армии германского инструкторского состава на основаниях, одинаковых с принятыми для австрийских и итальянских инструкторов.

3) Предоставление начальнику германского инструкторского состава в Албании полномочий, однородных с предоставленными представителю германской военной миссии в Турции.

4) Назначение незначительного артиллерийского технического состава для формируемых при албанской армии складов оружия, военных запасов и подвижной оружейной мастерской.

Представитель департамента внешних сношений добавляет при этом, что итальянским правительством сделано настойчивое представление германскому министерству иностранных дел, содержащее на-

стойчивый протест против мер, предположенных германским императором и направленных к германизации Албании.

Начальник генерального штаба отмечает:

1) Необходимость настойчивой поддержки австрийским правительством итальянского протеста.

2) Подтверждающую[ся] достоверность имеющейся в распоряжении разведывательного бюро генерального штаба намеченной германским императором программы германизации балканских держав.

Совещание отметило:

1) Желательность подробного ознакомления с содержанием находящейся в распоряжении разведывательного бюро генерального штаба программы германизации балканских держав.

2) Полную невозможность, по понятным причинам, поддержки протеста, заявленного итальянским правительством.

3) Неожиданный, в высшей степени рассчитанный шаг германского правительства, направленный к обеспечению политического влияния в Албании, указывающий на выдающиеся дипломатические способности центра, руководящего внешней политикой Германии.

С подлинным верно. Генерального штаба полковник Самойло.

Секретный рапорт начальника штаба Киевского военного округа начальнику генерального штаба от 2 июня 1914 г. № 566 [1]).

Доношу, что по агентурным сведениям, полученным во вверенном мне штабе из достаточно верных источников, на совещании высших представителей военного ведомства, имевшем место в Вене 5 сего мая под председательством начальника генерального штаба генерала Конрада фон Хетцендорфа, были доложены следующие вопросы.

I. Представленные Бельгийским агентурным бюро:

1) Секретные соображения общей железнодорожной комиссии высшего румынского военного совета, касающиеся способов усиления провозоспособности приграничных румынских железных дорог.

2) Некоторые соображения, составляющие извлечения из предположения о военных путях войск III румынского корпуса, по данным отдела перевозки войск главного румынского генерального штаба.

3) Копия полученного германским посольством в Константинополе меморандума императорской германской военной канцелярии, содержащего мотивированное мнение императора Вильгельма о задачах Турции, сводящееся к направлению всей внешней политики Турции в сторону миролюбия.

4) Выдержки из протокола высшего государственного совещания в Берлине по албанскому вопросу, из которых видно, что совещанием принята санкционированная императором Вильгельмом точка зрения:

а) о безусловной необходимости проявления правителем Албании твердости и настойчивости в вопросе о сохранении престола за династией;

б) о возможности оказания при общей благоприятной политической обстановке помощи правителю Албании в этом вопросе.

Начальник генерального штаба указывает при этом представителю

[1]) ЦВИА, д. № 180—940, л.л. 13—14.

Бельгийского агентурного бюро на неотложность освещения вопросов:

1) О характере действительных политических отношений между Румынией и Сербией.

2) О характере и задачах происходившей в городе Киеве последней военной игры, хотя бы в отвлеченных указаниях, если не представляется возможности получить более подробные данные.

3) О вероятности задержания в русских войсках под знаменами по примеру предыдущих лет нижних чинов, подлежащих увольнению в запас в 1914 году.

Представитель Бельгийского агентурного бюро докладывает:

а) что работа в центральных румынских учреждениях не встречает затруднений вследствие неразборчивого назначения лиц, ведающих секретными документами и возможности их подкупа, а также ввиду отсутствия привычки к осторожности у служебного состава учреждений;

б) что работа облегчается также возможностью перлюстрации секретных документов во время пересылки их по почте;

в) что деятельность болгарской разведывательной агентуры в Румынии имеет некоторое развитие;

г) что успешность разведки в Румынии зависит исключительно от размеров денежных ассигнований.

II. Начальником генерального штаба:

1) Соображения, вызвавшие передачу Бельгийскому агентурному бюро новых задач по разведке, из которых видно:

а) что исполнение задачи по определению действительных политических отношений между Румынией и Сербией признано им срочным, вследствие указания министерства иностранных дел;

б) что необходимость получения хотя бы отвлеченных данных о характере и значении происходившей в Киеве военной игры вызывается предположением о внезапной организации, в виде ответной демонстрации, маневров непосредственно у русской границы; самое же производство таковых признается маловероятным ввиду нового миролюбивого направления германской политики;

в) что заблаговременное получение сведений о задержании под знаменами запасных в России срока службы 1914 года вызывается предположением выработать и принять в этом году ответные демонстративные меры.

2) Содержание работы офицера генерального штаба, командированного для разведки в Румынию. При этом начальник генерального штаба отмечает:

а) отличный общий характер работы и особенно выделяющуюся рекогносцировку группы укрепления у Фокшан;

б) желательность награждения императором офицера, представившего эту работу.

Совещание отметило:

а) отвлеченность данных о способах усиления провозоспособности приграничных румынских железных дорог;

б) важное значение данных о военных путях III румынского корпуса;

в) несомненность стремления германского правительства усыпить резким поворотом направления внешней турецкой политики политическое внимание держав Тройственного согласия;

г) несомненную эгоистичную скрытность, проявляемую в последнее время в отношении Австрии германскими политическими кругами, что находит безусловное подтверждение в несообщении австрийскому правительству точек зрения, принятых высшим государственным совещанием в Берлине по албанскому вопросу;

д) принципиальную возможность усиления денежных ассигнований на разведывательную работу в Румынии при условии успешности последней;

е) обоснованность доложенных начальником генерального штаба соображений в отношении освещения путем разведки переданных Бельгийскому агентурному бюро вопросов, а также о желательности награждения офицера, производившего разведку в Румынии.

Генерал-лейтенант [подпись].

Старший адъютант генерального штаба полковник Духонин.

Секретный рапорт начальника штаба Киевского военного округа начальнику генерального штаба от 2 июня 1914 г. № 567 [1]).

Доношу, что во вверенном мне штабе из достоверных источников получены следующие агентурные сведения.

А. По данным венского агента:

1) Мнение австрийского совещания высших представителей военного ведомства 30 апреля о непоследовательности албанского правительства и двойственности агитационной политики держав в Албании, как о причинах, мешающих истинной оценке положения в Албании, справедливо лишь отчасти.

Главную путаницу в дело освещения современного состояния албанского вопроса вносит австрийская, итальянская и отчасти германская печать, освещающая факты каждая с точки зрения правительственных групп, выразительницей мнений которых она является. Можно с определенностью однако сказать, что действия Австрии и Италии в отношении небольшого албанского государства, где правовая государственная жизнь едва начала зажигаться, порождают среди населения смуту и неизбежные с нею кровопролития.

В отношении участия Германии в создании настоящего политического кризиса в Албании сказать что-либо трудно, так как германское правительство или держится выжидательной политики или же действует с присущей ему крайней осторожностью, выдвигая для активной политики Австрию или Турцию.

Во всяком случае, в ближайшем будущем назревает разрешение вопросов:

а) о сохранении албанской династией своего положения;

б) об австро-итальянских осложнениях, связанных с разрешением албанского вопроса;

в) о конечных домогательствах Австрии и Италии в албанском вопросе.

2) В настоящее время все важнейшие разведывательные организации, не исключая даже Бельгийского агентурного бюро, по поручению обслуживаемых ими правительств, прилагают все усилия для получения текста последнего австро-болгарского соглашения, но усилия их пока остаются безрезультатными.

[1]) ЦВИА, д. № 180—940, л.л. 15—17.

Б. По итальянским данным:

Из полученных агентурным путем от австрийского генерального штаба выдержек из переданной последнему германской императорской военной канцелярией копии политической записки по албанскому вопросу видно, что заинтересованная часть германских официальных кругов старается представить австрийскому правительству точку зрения держав Тройственного согласия на албанский вопрос в форме вдохновляемых Россией, но скрытых до более или менее выгодной политической обстановки агрессивных намерений.

Между тем, по имеющимся сведениям, настойчивость германского правительства, направленная к занятию, не стесняясь никакими средствами, руководящего положения в албанском вопросе, вытекает из следующих документально подтверждающихся стремлений:

а) к достижению наибольшего числа положений, связывающих австрийские интересы с германскими, что, при разнородности взглядов австрийских правящих кругов единственно обеспечивает, по мнению германского правительства, вероятность активной поддержки Германии со стороны Австрии при разрешении настойчиво подготовляемого вопроса о проливах;

б) к поддержанию широких надежд турецкого правительства на осуществление предположений его в отношении магометанского населения Албании, что, по мнению германской дипломатии, явится одним из облегчающих средств при достижении успеха в вопросе о проливах.

Занятая германским правительством официально выжидательная позиция в албанском вопросе является несомненным следствием невыясненного до сих пор действительного отношения государств Тройственного согласия к создавшемуся положению в Албании.

Попытки германских и австрийских разведывательных органов получить в России данные о действительной точке зрения русского правительства на создавшееся в Албании положение и на предполагаемые державами Тройственного согласия способы его разрешения потерпели неудачу, что заставило германское правительство попытаться выяснить этот вопрос путем разведки в Англии и Франции, полагая, что точка зрения правительства английского и в особенности французского в этом отношении несомненно явится отражением взгляда русских политических кругов.

В то же время противоположность во многих случаях интересов Италии и Австрии в Албании, при наличности поддерживающего австрийские интересы вмешательства Германии, а также Турции, вдохновляемой широкими агрессивными надеждами, создает в составе держав Тройственного союза раскол в вопросе об отношении к создавшемуся в Албании положению: с одной стороны, остается обособленной Италия; противоположную ей группировку составляют Австрия и Германия со втянутой последней Турцией.

Не подлежит сомнению, что последствием стремления держав к упрочению в Албании начал, обеспечивающих противоположные политические интересы, является настоящее критическое положение в этой стране династии и всего мирного населения. Подтверждением этому служат следующие агентурные данные:

а) с полной достоверностью установлено, что переданные турецким правительством в половине апреля настоящего года Эссад-паше для

вооружения своих приверженцев 6 000 ружей с значительным запасом патронов к ним были германского происхождения в укупорке, запломбированной германским арсеналом;

б) с той же достоверностью устанавливаются периодические сношения Эссад-паши с руководящими представителями турецкого правительства через еженедельно посещавших Албанию доверенных лиц;

в) неоднократная передача австрийским и германским правительствами денежных субсидий представителям власти в Албании с требованием поддержки интересов этих держав в ущерб интересам Италии, что однако не приводилось в исполнение, так как суммы, предназначавшиеся для целей агитационных, обычно расхищались представителями албанского правительства, не доходя по назначению.

Не лишено интереса следующее мнение императора Вильгельма о личности принца Вида: «Для правителя Албании, государства, одновременно руководимого несколькими державами, нередко преследующими диаметрально противоположные интересы, излишек умственных дарований, порождающих стремление к самостоятельности, является опасным, причем положение принца Вида должно быть признано в этом смысле вне всякой опасности, так как, по отсутствию качеств, определяющих присутствие разума у человека, новый правитель Албании превзошел самые смелые ожидания».

В. По сведениям Любекского агентурного бюро:

Австрийская дипломатия, а вслед за ней и руководящие венские военные круги в значительной степени встревожены развивающимся дружеским отношением между Россией и Румынией.

Осложнения с Италией, близкое к разрыву охлаждение с Румынией создают в настоящее время лихорадочную работу австрийского генерального штаба.

План кампании Р, предусматривающий сосредоточение австрийских войск к румынской границе и последующие затем операции австрийских сил, не пользовался до последнего времени особенным вниманием. В настоящее время он деятельно пересматривается, дополняется и отчасти изменяется в некоторых менее существенных частях: основные положения этого плана остаются однако прежние, то-есть: сильное наблюдение с пассивной обороной со стороны румынской границы, противоположной русско-румынской границе, и интенсивное наступление по операционным направлениям, ведущим к столице Румынии, особенно энергичное и сильное на флангах.

В настоящее время в плане Р вносятся предположения:

а) об активном выступлении против Австрии одновременно с Румынией России;

б) о развитии военных действий против Румынии в союзе с Болгарией.

Этому последнему предположению, по словам хорошо осведомленных лиц, австрийским генеральным штабом придается особое значение, так как одним из важнейших пунктов последнего австро-болгарского соглашения является обязательство со стороны Австрии принять активное участие в случае необходимости в военных действиях Болгарии против Румынии.

В Болгарии мысль о реванше должна быть популярна, и несомненно, что австрийцы сумеют использовать эти чувства.

Генерал-лейтенант [подпись].

Секретный рапорт генерал-квартирмейстера Киевского военного округа начальнику генерального штаба от 16 июня 1914 г. № 623 [1]).

Доношу, что вверенным мне штабом из достаточно верных источников получены следующие агентурные сведения.

Об Австро-Венгрии.

А. По данным венского агента:

I. В политических кругах Вены и Берлина вызывает оживленные толки последнее письмо императора Франца-Иосифа к императору Вильгельму, в котором автор откровенно заявляет, что охлаждение австро-румынских отношений является для него столько же неожиданным, сколько и непонятным, причем все попытки найти какое-нибудь объяснение этому охлаждению в австрийском дипломатическом ведомстве не выходят пока из пределов одних предположений, что и побудило императора Франца-Иосифа обратиться за разъяснениями к испытанному политическому опыту своего союзника.

Обращение императора за разъяснениями в Берлин оценивается австрийскими дипломатическими кругами, как обидное для дипломатии недоверие и как непоследовательность, ибо в разрешении вопросов внешней политики императором Францем-Иосифом поддерживалась последнее время точка зрения, слагавшаяся из мнений:

а) о недопустимости децентрализации дипломатической работы;

б) о необходимости облеченного широкими полномочиями объединяющего авторитета для успешного разрешения вопросов внешней политики;

в) о недопустимости участия в направлении австрийской дипломатической работы иностранных, хотя бы даже союзных влияний, а также влияний учреждений, составляющих непосредственные органы верховной власти, и отдельных лиц других ведомств;

г) о необходимости устранения от участия в дипломатической работе в особенности военной канцелярии наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и отдельных лиц руководящего состава австрийского военного министерства и германской императорской военной канцелярии, ибо самостоятельные выступления их в разрешении вопросов государственной политики до настоящего времени неизменно сопровождались осложнениями.

II. По последним агентурным данным, основной причиной охлаждения политических отношений Австрии и Румынии является заключение, вопреки данного австрийским правительством румынскому обещания, политического соглашения между Австрией и Болгарией, в значительной степени затрагивающего интересы Румынии. В то же время глава австрийского дипломатического ведомства граф Берхтольд считает, что одной из веских причин, вызвавших новый курс в румынской внешней политике, являются самостоятельные, конспиративные выступления эрцгерцога Франца-Фердинанда и генерала Конрада

[1]) ЦВИА, д. № 180—940, л.л. 18—21.

фон Хетцендорфа в пользу Болгарии за период последних болгаро-румынских осложнений.

III. В австрийских официальных кругах циркулирует слух, что русское правительство будто бы взяло на себя обязательство по финансированию крупного румынского займа на военные нужды.

Несомненно, что напряженное внимание австрийских и германских политических кругов доведено в настоящий момент неожиданным русофильским направлением румынской политики до высшей степени, причем интерес дипломатических кабинетов этих держав к судьбе Албании, в ожидании вероятной новой группировки держав на европейском театре, в значительной степени понизился.

IV. По составленному австро-венгерским генеральным штабом проекту организации совместной с Болгарией разведывательной работы в Румынии:

1) Для ознакомления с характером и способами наблюдательной работы в Румынии, выработанными разведывательным бюро австро-венгерского генерального штаба, болгарским военным министерством командируются к 15 июня нового стиля 6 офицеров: 2 в разведывательное бюро генерального штаба и по 2 в штабы VII и XII армейских корпусов; командировка эта имеет характер неофициальный, и офицеры во время пребывания в Австрии обязаны быть в партикулярном платье.

2) Болгарским офицерам выдается ежемесячно австрийским генеральным штабом особое денежное пособие из сумм на непредвиденные расходы: командированным в разведывательное бюро генерального штаба по 250 крон и в штабы VII и XII корпусов по 180 крон, независимо от денежных отпусков болгарского военного министерства.

3) Срок командировки—четырехмесячный; втечение этого времени офицерам, командированным в разведывательное бюро генерального штаба, разрешается знакомиться и делать заметки и выписки из секретного материала, относящегося к России и могущего представлять интерес для болгарского правительства.

4) В случае успешности опыта совместной с Болгарией наблюдательной работы в Румынии предположено организовать на тех же основаниях работу в Сербии, причем в этом случае для практической подготовки в разведывательное бюро австрийского генерального штаба будет командировано 3 болгарских офицера.

5) Командированные в Австрию болгарские офицеры подробно ознакамливаются с находящимися в распоряжении австрийского генерального штаба секретными данными, относящимися к военно-статистическому и военно-географическому описаниям, устройству и мобилизации вооруженных сил и системе военно-инженерных фортификационных сооружений Румынии, при этом офицерам будут указаны по всем перечисленным отделам все пробелы работ, а также данные, требующие дополнительной разработки.

6) Находящийся до настоящего времени на румынской территории состав болгарской наблюдательной агентуры неудовлетворителен. Исключение составляет лицо, наблюдающее за районом Черноводских укреплений и зарегистрированное в австрийском генеральном штабе под литерой С. Это — бывший офицер румынской службы пионерных войск, исключенный из армии за ряд сомнительных поступков. Рабо-

та его об укреплениях, переданная в австрийский генеральный штаб, получила однако неодобрительную оценку.

Б. По данным итальянской разведывательной организации:

С значительными затруднениями и крупными затратами получена копия следующей конспективной собственноручной заметки императора Вильгельма, переданной германской императорской военной канцелярии в виде руководящего основания для составления ответного письма императору Францу-Иосифу:

«Несомненность сближения Румынии с руководящим центром славянской политики еще раз настойчиво подчеркивает необходимость удержания Италии в составе Тройственного союза. Для Австрии и Германии, составляющих основание Тройственного союза, сближение это выдвигает необходимость принятия ряда следующих мер:

1) Немедленного увеличения в Австрии состава вооруженных сил по намеченной уже в 1913 году программе.

2) Немедленного перехода к скорейшему выполнению Австрией намеченной в 1913 году программы усиления состава военного флота.

3) Необходимость безотлагательной подготовки австрийским генеральным штабом соображений, обеспечивающих быстрое и правильное сосредоточение австрийских войск к румынскому театру, принимая до известной степени в рассчет некоторые принятые на себя болгарским правительством обязательства в силу последнего австро-болгарского соглашения.

4) Немедленной организации постоянного интенсивного агентурного наблюдения за политической и военной жизнью Румынии на началах совместной работы австрийского и германского генеральных штабов.

5) Необходимость общего увеличения армий держав Тройственного союза до степени равновесия, в предположении участия Румынии в противоположной группировке держав.

6) Желательность общего увеличения морских вооруженных сил держав Тройственного союза до степени равновесия в предположении участия Румынии в противоположной группировке держав.

7) Желательность направления дипломатической работы в сторону достижения неизменного нейтралитета Румынии во всех случаях политических осложнений на европейском театре.

Привлечение меня моим маститым могущественным союзником к оценке значения русско-румынского сближения, являясь для меня, с одной стороны, подтверждением союзного доверия, с другой, ставит меня в условия, однородные с австрийской дипломатией, требуя личного участия в разрешении этого вопроса».

О Румынии.

I. О постановке резведывательной работы в румынском главном генеральном штабе агентом доставлены следующие данные:

1. Относящиеся до разведки вопросы находятся в ведении иностранного отдела главного генерального штаба, причем до последнего времени работе этой не придавалось особенного значения; состав заграничной агентуры был недостаточен по количеству и неудовлетворителен по качеству; денежные отпуски были ограничены до минимума.

В общем результат разведывательной работы Румынии — малоценный. Исключение составляют лишь несколько отдельных работ, выполненных офицерами румынской армии на болгарской территории в период сосредоточения румынских войск к болгарскому театру.

2) Втечение последних трех лет румынская агентура с незначительными изменениями в численном ее составе распределялась так: в районе VII и XII австрийских корпусов — 6 агентов; в России на всю пограничную с Румынией территорию 12—15 агентов и, сверх того, по два агента в Одессе и Кишеневе; в Болгарии 6—8 агентов, в период же болгаро-румынских осложнений 1913 года число это увеличивалось до 40 человек; в Турции и Сербии работа сводилась лишь к периодическому выполнению отдельных заданий.

3) Румынские агенты, за малым исключением, не имели необходимой подготовки и смотрели на разведку, как на случайный заработок; по своему происхождению большая часть — евреи.

В положительную сторону выделялись лишь работы двух болгарских офицеров в период болгаро-румынских осложнений и проданные румынскому генеральному штабу турецкими офицерами некоторые материалы турецкого военного министерства.

4) По демобилизации отношение румынского генерального штаба к ...[1]) разведки резко изменилось, и сама работа расширилась. В последнее время иностранным отделом генерального штаба приняты следующие меры:

а) увеличено вдвое ежегодное ассигнование на разведку;

б) делаются попытки к заключению постоянных связей и приобретению деятельных агентов в Вене;

в) приобретены постоянные связи в болгарском и турецком военных министерствах;

г) начата постепенная замена агентов, находящихся на австрийской и русской территориях, лицами, получившими соответствующую подготовку;

д) предполагается организация в ближайшем будущем при иностранном отделе генерального штаба курсов для лиц, предполагающих посвятить себя разведывательной работе.

II. Все части ясского гарнизона находятся в городе и, ввиду ежедневных проливных дождей, в лагерь еще не выступили.

В составе войсковых частей имеются запасные, отбывающие учебный сбор.

Офицеры последнего выпуска из частей ясского гарнизона командированы в стрелковую школу Шипотэ.

Окружный генерал-квартирмейстер генерал-майор

[подпись].

Старший адъютант генерального штаба полковник Духонин.

Секретный рапорт генерал-квартирмейстера Киевского военного округа начальнику генерального штаба от 23 июня 1914 г. № 639[2]).

Доношу, что в штабе округа получены из разных источников следующие агентурные сведения.

---

[1]) В подлиннике неразборчиво.

[2]) ЦВИА, д. № 180—940, л.л. 22—24.

А. По данным итальянской разведывательной организации:

1) Результатом обмена мнений между австрийским и германским генеральными штабами по вопросу об оказании помощи принцу Виду было безусловное отклонение отправления в Албанию десанта вследствие несомненного энергичного протеста других держав и принятие следующих предположений:

а) допустить сформирование на австрийской территории для оказания помощи принцу Виду отряда волонтеров;

б) включить в состав отряда волонтеров преимущественно офицеров и нижних чинов егерской и горной пехоты и горной артеллерии; остальных нижних чинов допустить исключительно из числа резервистов тех же родов оружия;

в) численность отряда волонтеров определить в 5 000 человек, отряду придать 12 горных орудий и 8 пулеметов;

г) во избежание протеста контролирующих держав, волонтеры снабжаются партикулярной одеждой защитного цвета; оружием и боевыми припасами они снабжаются попечением австрийского правительства одновременно с отправлением их к месту назначения;

д) перевозка отряда к месту назначения производится за счет австрийского правительства на частновладельческих кораблях.

Б. По данным Любекского агентурного бюро:

Император Вильгельм, получив окончательные сведения о состоявшемся политическом сближении между Россией и Румынией, с нескрываемым негодованием высказал, что «новое направление румынской политики тем более невыгодно для держав Тройственного союза, что в нем отсутствует определенность; многолетняя уверенность в абсолютном нейтралитете Румынии при различных политических группировках создала привычку игнорировать Румынию, как государство, обладающее вооруженной силой, при различных военных соображениях. Продумывая программу германской политики на Босфоре, я менее всего ожидал, что благодаря неосторожности австрийских политических выскочек мне придется считаться с новой противодействующей силой в лице достаточно сильной румынской армии. В настоящее время главнейшей задачей австрийской и германской дипломатии должно быть стремление к восстановлению с Румынией прежних отношений, обеспечивающих ее нейтралитет. Я склонен отчасти предполагать, что переход Румынии от политической инертности к настоящей жизненности может быть вызван указанием заинтересованных держав на мои предположения в отношении проливов. Во всяком случае, до выяснения характера окончательно занятой Румынией политической позиции, возможное в случае греко-турецкого столкновения прекращение жизненности турецкого государственного организма следует считать преждевременным».

Слова эти взяты из дневника официальной жизни императора Вильгельма, который ведется германской императорской военной канцелярией.

В. По данным венского агента:

I. Разведывательным бюро австрийского генерального штаба получены следующие агентурные сведения о свидании государя императора с румынским королем в Констанце:

1) Настроение среди населения следует считать искусственно подогретым румынскими властями в сторону руссофильства.

2) К числу наиболее действительных мер, предпринятых с целью привлечения общества и населения к участию в торжествах в Констанце, принадлежат, между прочим:

а) широкое и заблаговременное извещение населения о предстоящих торжествах;

б) желание, высказанное королем представителям высшего румынского общества, о необходимости участия румынской аристократии в торжествах;

в) льготы и удобства по проезду в Констанцу на торжества;

г) популярные чтения, организованные в войсках, о значении для Румынии сближения с Россией.

3) Главная масса торгового и промышленного населения Бухареста и других крупных центров Румынии, не будучи захвачена искусственной волной руссофильского течения, осталась индифферентной к событию.

4) В официальных кругах Румынии настойчиво говорят, что искреннее неподдельное удовольствие по поводу сближения с Россией заметно, главным образом, у короля и его приближенных. В день свидания королем было сказано окружающим: «Следующим после сегодняшнего счастливым днем для Констанцы будет закладка береговых батарей, носящих имя нашего могущественного гостя».

II. В австрийском генеральном штабе держится упорное мнение, что ближайшей причиной сближения между Россией и Румынией является удобно выбранный русской дипломатией момент для предложения реализовать заем на военные нужды.

Румыния, стремясь к участию в европейской политике наравне с другими первоклассными державами, находит, между прочим, неотложным принятие следующих мер:

а) увеличение военно-морских сил;

б) создание в Констанце укрепленного военного порта;

в) замену временных укреплений у Черноводы долговременными с новейшими типами артиллерийского вооружения.

III. Разведывательным бюро австрийского генерального штаба составляется доклад на основании агентурных данных, полученных от Бельгийского агентурного бюро и германского генерального штаба, о предположенной реорганизации русской артиллерии:

1) Осуществление реорганизации предположено начать с ноября.

2) Главным основанием реорганизации принято открытое сформирование отдельных артиллерийских единиц из скрытых в настоящее время в составе бригад кадров.

3) Вследствие увеличения состава артиллерийской бригады принята система децентрализации хозяйственного управления путем передачи исполнительного хозяйственного делопроизводства в артиллерийские дивизионы.

4) Состав артиллерийской бригады принят равным 6 дивизионам, из коих 3 полевых пушечных, 1 гаубичный, 1 резервный и 1 парковый, что, в общем, повышает численный состав офицеров и чиновников бригады до 127 человек.

5) Состав резервного артиллерийского дивизиона принят 3-батарейный, причем 2 батареи находятся в запряжке и 1 запасная батарея

без запряжки; с объявлением мобилизации резервный дивизион развертывается во второочередную полевую бригаду.

6) Парковый артиллерийский дивизион с объявлением мобилизации развертывается в парковую артиллерийскую бригаду.

Г. По данным галицийских агентов:

1) Эмиграция среди лиц призывного возраста в Галиции в сем году наблюдается в весьма слабой степени по сравнению с предыдущими годами, что объясняется отчасти крайне осторожной выдачей заграничных документов австрийскими властями, а также установкой штрафа с имущества, оставшегося после эмигранта, и с его родственников. Войтам и жандармским чинам, в районах коих не было эмигрантов из числа призывных, выдаются особые денежные премии.

2) Из пехотных полков XI корпуса командировано по 2 нижних чина из числа пионеров в Вайтцен на формирование 2-го железнодорожного полка.

Генерал-майор [подпись].

Старший адъютант генерального штаба полковник Духонин.

II

Секретный рапорт военного агента в Германии полк. Базарова генерал-квартирмейстеру генерального штаба от 16 января 1914 г. № 34 [1]).

Из вполне достоверного источника мною получены следующие сведения.

Германский кронпринц занимается в настоящее время в 3-м отделении большого генерального штаба. Он будет последовательно знакомиться с работою в различных отделениях генерального штаба. В каждом из них он будет изучать характер деятельности и материалы втечение от двух до четырех недель под непосредственным руководством соответствующего обер-квартирмейстера и под общим наблюдением начальника генерального штаба. Последний лично посвящает кронпринца в более серьезные вопросы военно-политического характера и государственной обороны. Кроме того нескольким офицерам генерального штаба поручено ознакомить кронпринца с новейшими кампаниями.

Генерального штаба полковник Базаров.

Секретный рапорт военного агента в Германии полк. Базарова генерал-квартирмейстеру генерального штаба от 28 февраля 1914 г. № 136 [2]).

Немецкая пресса, как известно, отличается, если не враждебностью, то, во всяком случае, сдержанностью по отношению к России. Если можно насчитать немало органов, помимо даже ультра-радикальной и чисто еврейской прессы, всегда с радостью готовых использовать всякий удобный случай, чтобы подчеркнуть отсталость России и ее «echt russisch Zustände», то, наоборот, едва ли удастся найти хотя бы один печатный орган, который по отношению к России шел бы дальше снисходительного доброжелательства.

В частности, за прошлый 1913 год тон немецкой печати отнюдь нельзя было назвать враждебным России, несмотря на балканские события, на происходившее усиление армии, вызванное увеличением

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л. 9.
[2]) ЦВИА, д. № 442—592, л.л. 19—30.

опасности с востока, и на тяжесть увеличивавшихся вследствие этого налогов.

Приезд государя императора в Берлин, юбилейные торжества столетия освобождения Германии при помощи главным образом русских штыков,— все это налагало на немецкую прессу некоторую нравственную обязанность быть особенно осторожной и по возможности корректной по отношению к России.

Но уже в конце прошлого и начале настоящего года можно было подметить некоторый поворот в немецкой прессе в сторону большей недоброжелательности по отношению к России, не переходившей однако границ, несколько меньшей сдержанности в нападках на нашу несговорчивость по некоторым вопросам внешней политики. Поэтому помещенная в «Kölnische Zeitung» от 2 марта (нов. ст.) статья под заглавием «Russland und Deutschland» и раздавшиеся вслед за ней по всему фронту немецкой прессы ожесточенные нападки по адресу России явились до некоторой степени неожиданностью и, во всяком случае, поразили резкостью своего тона.

Представляя при сем как вышеупомянутую статью кельнской газеты, так и более характерные статьи, появившиеся в других органах печати, считаю долгом дать сперва хотя бы краткие извлечения из них и остановиться затем на тех мотивах, которые, по различным данным и предположениям, могли вызвать столь воинственный выпад немецкой прессы против России.

Статья кельнской газеты появилась под видом корреспонденции из Петербурга, помеченной 24 февраля.

Не подписавший свою корреспонденцию автор указывает вначале на то, что «Россия, повидимому, настолько окрепла после унизительных поражений, постигших ее 10 лет тому назад, что уже рассчитывает на возможность в недалеком будущем снова заговорить прежним веским тоном среди остальных европейских держав. В данное однако время Россия еще не в состоянии подкрепить политические угрозы военной мощью. Вооружения России еще не закончены. Поэтому со стороны России пока не угрожает непосредственная опасность войны.

Совершенно иной представляется однако обстановка через 3—4 года, а именно к осени 1917 года.

К этому времени Россия будет располагать двумя эскадрами в Балтийском море (приводится состав их) и будет закончена подготовка морской базы от прусской до шведской границы. Кроме того Россия предприняла ряд шагов с целью вовлечь Швецию в сферу своего политического влияния, что должно было еще больше усилить положение ее в Балтийском море. Но Швеция поняла угрожавшую ей опасность, заключающуюся, главным образом, в стремлении России к незамерзающему порту на севере, и ответила усилением своей сухопутной границы.

Та же работа замечается в армии; через три года рассчитывают создать 5 новых корпусов со всеми резервными формированиями. Уже заготовляются в небывалом размере и не ожидая окончания постройки заводов внутри страны всякого рода боевые и другие припасы, и поспешно формируется тяжелая и осадная артиллерия. Только благодаря отсутствию последней, а не из человеколюбия, Россия не вступила весной 1913 года в пределы Австрии и Германии, где восточно-прусские форты-заставы представляют неодолимую, при отсутствии

тяжелой артиллерии, преграду для дальнейшего наступления русских армий. Отсутствие этой артиллерии и необходимых путей сообщений в тылу было особенно болезненно отмечено союзниками России, и поэтому они всеми силами настаивают на скорейшем заполнении этих крупных пробелов в подготовке своего союзника. Параллельно с этим в России принимаются меры к омоложению командного состава армии.

Если Пруссия оправилась через 6 лет после Иены, то нет ничего невозможного в том, что России удастся это сделать через 12 лет после постигшего ее погрома. Русская армия работала усердно, чтобы устранить обнаружившиеся в 1904 году недостатки.

Не следует также придавать преувеличенного значения всегда угрожающей России внутренней опасности. Только военные неудачи в непопулярной войне могут обратить эту опасность в действительно серьезную угрозу. Но русская пресса достаточно заботится о том, чтобы сделать войну против никогда не пользовавшихся в России любовью немцев возможно популярной.

Революция 1905 года могла рассчитывать на успех благодаря тому, что образованные классы симпатизировали ей больше, чем правительству. Эта, по русскому выражению, «интеллигенция» видит в Германии оплот реакции и поэтому ненавистнейшего своего врага. С другой стороны, образованные классы скомпрометировали себя своим поведением во время русско-японской войны, и правительственные круги относятся к ним подозрительно; поэтому, ведя пропаганду в пользу войны, они стараются себя реабилитировать, а толкая на войну с строго монархическим государством, рассчитывают одним ударом достигнуть двух целей. Кроме того, принимая во внимание, что многие из представителей этой интеллигенции — искренние националисты, отнюдь нельзя рассчитывать на то, что в случае войны с Германией они будут способствовать возникновению внутренних беспорядков.

Против кого же будет обращено спешно выковываемое оружие? Достаточно рассмотреть делаемые подготовления с географической точки зрения, чтобы убедиться, что они направлены против Германии. Впрочем теперь уже открыто осмеливаются говорить об этом даже в русской военной прессе. Невольно хочется указать на беспримерную неблагодарность, при сравнении благожелательного нейтралитета Германии 10 лет тому назад с несомненностью того факта, что даже уже теперь Россия заставила бы Германию, по меньшей мере, оставить сильную армию на своей восточной границе, если бы Германии пришлось вступить в вооруженную борьбу со своим западным соседом.

Весьма возможно, что через 3 года, когда настанет время заключать новый торговый договор, Россия станет делать нам затруднения международного характера.

Германия не сумела использовать своего положения непосредственно после японской войны, а между тем одним из главных аргументов для натравливания общественного мнения против Германии служит в России следующий: Германия, уверенная в наших неудачах, втянула нас в войну с Японией, а затем экономически унизила нас торговым договором 1904 года. Националистическая пресса, с «Новым временем» во главе, утверждает, что Германия преследует политику оттеснения России всюду, где бы политика последней ни носила сколько-нибудь экспансивный характер».

Далее в статье говорится о столыпинской аграрной политике, причем констатируется факт, что «образование класса крестьян-собственников идет довольно медленно и что поэтому еще далеко нельзя сказать, что требования и пожелания крестьянского сословия в настоящее время удовлетворены. Между тем скупленная Крестьянским банком земля почти полностью израсходована, и в скором времени вновь возникнет вопрос об отчуждении земель из состава громадных частных имений. Таким образом, кажущееся на первый взгляд парадоксом утверждение, что в России ощущается недостаток в крестьянской земле, оказывается в действительности верным. Этим-то и объясняется экспансивная политика России, поддерживаемая крупными землевладельцами, стремящимися отдалить время постановки неминуемого вопроса об ограничении размера частного землевладения. Это экстенсивное расходование земли еще втечение долгого времени будет влиять на внешнюю политику России и заставит ее расширять свои пределы прежде всего на Ближнем востоке, а именно до той преграды, которая в Персии и Турции поставлена ей Англией. В этих странах, как в фокусе, сходятся в настоящее время лучи русской внешней политики.

Для большинства русских со времени Берлинского конгресса не подлежит сомнению, что из-за, якобы, скрещивающихся в Константинополе русско-немецких интересов война между двумя этими государствами неизбежна. Сознание того, что ключ к Черному морю находится в чужих руках, вызывает в России тем более болезненное чувство, чем более развивается культура на южных ее окраинах и увеличивается вывоз к портам Черного моря. Поэтому не представляет особого труда сеять ненависть к тому, кто является, якобы, наиболее серьезным покровителем Турции.

Заинтересована ли однако Германия настолько в закрытии Дарданелл, чтобы платить за это возможностью сделать в России войну против Германии популярной? Не думаем. Во всяком случае, заинтересована менее, чем Англия, которая поставляет Турции военные суда и личный состав, что дает последней возможность с полной уверенностью на успех бороться с устарелым русским Черноморским флотом и во всякое время надежно запереть ему выход через Дарданеллы.

Препятствием для установления хороших отношений между Германией и Россией служит зависимость последней от Франции. Это снова доказал вопрос о назначении в Турцию генерала Сандерса. Не подлежит однако сомнению, что по крайней мере официальные сношения наши с Россией приобрели бы совершенно иную окраску, если бы русские господа знали, что отныне они не могут рассчитывать на постоянную предупредительность с немецкой стороны, а должны считаться с твердой волей довести до конца раз начатое дело, не обращая внимания на русскую нервозность и обидчивость. Последние впрочем в значительной степени не что иное как блэф... Так же как 10 лет тому назад блэфировали против Японии и затем вдруг, но слишком поздно, испугались, так это в настоящее время практикуется при всяком удобном случае по отношению к Германии. Но мы поняли, в чем дело. Сейчас нас стараются просто ослеплять, чтобы выгадать время для окончания вооружений. Подобного рода поведение русской дипломатии должно бы, наконец, разрушить легенду об исторической русско-немецкой дружбе. Помимо того, что подобные сентиментальные

изречения являются бессмыслицей в области политики, не следует упускать из виду, что обстоятельства совершенно изменились. Существовали когда-то хорошие русско-прусские отношения, но при совершенно иных условиях; к тому же в те времена русский монарх один имел решающий голос. Приурочивать эти отношения к современным условиям — нет никакого основания».

Статья кельнской газеты послужила сигналом для всей немецкой прессы, которая с редким единодушием подхватила затронутую тему, причем не нашлось ни одного голоса, который бы попытался серьезно оспаривать заявления кельнского органа. Заслуживает особого внимания, что даже такая большая и сравнительно независимая газета, как еврейско-социал-демократический «Berliner Tageblatt», всегда энергично восстающий против разрешения политических, экономических и других вопросов международного характера путем вооруженного столкновения, на этот раз отнюдь не безусловно отрицательно отнеслась к мысли о возможности предупредительной войны.

Ввиду представляемого статьей «Berliner Tageblatt's» интереса, позволю себе вкратце передать руководящие ее идеи.

Под заглавием статьи «Der russische Nachbar» редакция газеты делает заметку, что статья эта получена ею из «особого источника», и высказывает затем личное свое мнение, что благодаря изменчивости международных отношений вместо предупредительной войны, казавшейся иногда единственным разумным выходом из создавшейся обстановки, впоследствии находилось другое решение.

Автор самой статьи указывает в начале на то, что «после создания Германской империи Россия проявила намерение применять по отношению к Германии покровительственно-руководительный тон, характеризовавший до этого отношения ее к Пруссии. Однако Бисмарк несмотря на дружественные его отношения к России счел необходимым дать необходимый отпор русским притязаниям. Создание Тройственного союза преследовало однако исключительно мирные цели.

Австрия также старалась не нарушать корректной по отношению к России политики и доказала это тем, что во время Крымской кампании не ввела в пределы России сосредоточенной в Галиции армии, что имело бы последствием крушение русской империи.

Мирная, исполненная дружественных намерений, политика обоих центральных монархий отвечает настроению их народов. Утверждать, что в Берлине имеется стремящаяся к войне военная партия, значит заведомо искажать истину. Немецкий генеральный штаб ясно сознает все трудности войны против России, император до мозга костей миролюбив, народ желает лишь приобретать и пользоваться благами достигнутой культуры. То же следует сказать и об Австрии, которая должна считаться с тем, что при всякой войне в рядах ее будет немало одноплеменников и единомышленников внешнего ее врага.

Какова же политика России по отношению к дружественно расположенным к ней соседям? Со времени оказанной Александром II в 1870 году Вильгельму I услуги Россия не пошевельнула пальцем в пользу Германии, а тем более Австрии. Наоборот, как Берлин, так и Вена шаг за шагом уступали притязаниям России. Эта политика привела к самым плачевным результатам на Балканском полуострове, где место Турции заняли жизнеспособные молодые государства, в

большинстве враждебные Австро-Германии. Даже на Турцию и на Румынию нельзя больше рассчитывать с тою уверенностью, как раньше».

Далее автор статьи старается доказать двуличность России по отношению к Германии и Австрии и противопоставляет официальные корректные отношения неофициальным, враждебным, якобы, действиям и приемам некоторых заграничных русских дипломатов, консулов и военных агентов. «В особенности по отношению к Австрии Россия приняла такой образ действий, который с трудом может быть переносим этим государством, если оно не желает считать себя вассалом своего северного соседа. Но и Германии следует отдать себе ясный отчет в том, что отныне необходимо сказать: до этого предела и не дальше! Мы можем надеяться, что и у англичан спадет, наконец, завеса с глаз и что они сумеют правильно оценить миролюбие Германии и экспансивные стремления России. Петр и Екатерина двинули миролюбивый по природе русский народ на путь завоеваний; интересы высших слоев и сохранения самодержавия еще долго не дадут России возможности сойти с этого пути. Берлин и Вена должны поэтому быть готовыми ко всяким случайностям.

Бисмарк сказал, что предупредительная война похожа на самоубийство из боязни смерти. Однако можно себе представить случаи, когда государство, загнанное в тупик, сочтет долгом своего самосохранения не предоставлять противнику еще и выбор времени для нанесения последнего удара.

Для кого же выигрыш времени является более выгодным? В России — неимоверно быстро растущее народонаселение, на Западе же — уменьшение рождаемости; Россия экономически крепнет, строит железные дороги, крепости, в нее вливается почти неиссякаемый поток французских денег; с другой же стороны, разложение габсбургской монархии, отрицать которое не представляется более возможным.

Правительства Центральной Европы должны бы поэтому притти к сознанию, что мера возможных уступок переполнена. Каждому дальнейшему посягательству России должно быть противопоставлено абсолютное veto с твердым намерением, в крайнем случае, защитить свои права мечом. Такая политика может быть единственным залогом мира.

Какой бы смысл имели иначе наши вооружения? Кроме того, для Австрии содержание армии в 600 000 человек является почти невыносимым бременем. Все дорожает, население эмигрирует, в стране общее недовольство, растет общая задолженность. Неудивительно поэтому, что в Вене и Будапеште приходят к убеждению, что лучше конец со всеми его ужасами, чем бесконечный ужас. Новое беспокойство вселяют там слухи о предполагающейся в России пробной мобилизации, в связи с которой ожидают нового давления со стороны России. Поэтому в Австрии все больше останавливаются на мысли покончить с невыносимым положением путем войны.

Конечно, Россия не смела бы так бряцать оружием, если бы она не была совершенно уверена во французской помощи. Французская пресса неустанно заботится о том, чтобы гроза разразилась одновременно как на берегах Рейна, так и на берегах Вислы. Здесь тяжесть главного удара обрушится, конечно, на австрийскую армию. Относительно последней известно, что она хороша, вполне подготовлена и снабжена

всем необходимым лучше чем когда-либо. Но как в Австрии, так и в Германии следует еще обратить большое внимание на внутреннюю подготовку и спайку, с тем, чтобы и народные массы были подготовлены к войне масс.

Многие утверждают, что Россия непобедима и ссылаются при этом на пример Наполеона. Однако, не говоря уже об ошибках, сделанных этим великим полководцем в области подготовки кампании против России, не следует упускать из виду, что современное военное искусство располагает другими средствами для преодоления времени и пространства.

Неправильно также утверждение, что победа над Россией не может принести плодов. Народонаселение России далеко не однородно, а отдельные народности лишь поневоле признают себя русскими подданными. Да и в самой Великоруссии накопилось немало недовольства, легко могущего превратить поражение на поле битвы в общую катастрофу. Изречение о колоссе на глиняных ногах и сейчас еще вполне применимо к России. Поэтому нам не следует долее позволять себя блэфировать, и впредь мы не должны больше отступать перед русскими притязаниями, руководствуясь стремлением сохранить мир с Россией во что бы то ни стало».

В тот же день в вечернем номере этой же газеты появилась статья более спокойного характера. В ней отдается полная справедливость автору появившейся утром статьи, как в высшей степени опытному политику, только что вернувшемуся из Австрии. Однако на этот раз газета подчеркивает, что она категорически и при каких бы то ни было обстоятельствах отвергает самую идею предупредительной войны. Далее автор этой второй статьи признает русские вооружения вполне естественным последствием предпринимаемых в этой области другими государствами шагов. «После того как Россия оттянула часть своих сил с западной границы вглубь страны, чем естественно замедлила сосредоточение своей армии, Франция не упускала случая указывать своему союзнику на возникшую вследствие этого опасность и не остановилась теперь перед снабжением России 2½ миллиардами для спешного проведения мер к увеличению боевой ее готовности. Полученные Россией в феврале настоящего года первые 665 миллионов породили ту усиленную деятельность, которая вызвала, главным образом, в Австрии вполне понятную тревогу. Последняя проявилась однако лишь по получении сведений о предстоящей в России общей пробной мобилизации. Правда, русское правительство опровергло слухи об общей мобилизации, но этим самым оно удостоверило, что пробная мобилизация, хотя и в меньших размерах, ожидается в ближайшем будущем. При этом не следует забывать, что под прикрытием пробных мобилизаций 1912 и 1913 годов развилась тайно подготовленная в Петербурге балканская война и что эти мобилизации носили явный характер давления на западных соседей».

Далее автор статьи утверждает, что, казалось бы, нет оснований сомневаться в том, что «предстоящая мобилизация преследует лишь учебные цели, так как в данное время все более или менее острые вопросы на Ближнем востоке получили в достаточной мере удовлетворительное решение; с другой стороны, неизбежная на Балканах война едва ли вспыхнет ранее 2—3 лет. За последнее время возник однако один вопрос, вызвавший крайнее раздражение среди панславистов,—

посылка немецкой военной миссии в Константинополь. Не подлежит сомнению, что при этом были сделаны ошибки, а именно посылка миссии сопровождалась слишком большим шумом, ей было придано преувеличенное значение и т. п. Да и вообще не следует Германии слишком интимно связывать свою судьбу с Турцией. Однако начавшиеся в России чрезвычайно ожесточенные нападки по адресу Германии имели бы основание только в том случае, если бы в России когда-нибудь имелось твердое намерение при первом удобном случае захватить Константинополь. Если такое желание в настоящее время действительно существует, то можно истолковать русскую мобилизацию в том смысле, что Россия считается с возможностью близкого переворота в Турции и желает использовать это событие.

Одно остается несомненным, а именно, что славянский колосс приобрел поступательное движение и всюду наступает, а также, что, в связи с французским шовинизмом и деньгами, он становится серьезной опасностью для соседей. С другой стороны, однако ясно, что заинтересованное в стольких странах света государство, как Россия, и притом проявляющее всюду столь активную деятельность, может легко быть выброшено из взятого им курса и, увидя себя лицом к лицу с новым врагом, может быть принуждено искать и новых друзей. Германия должна лишь ясно отдавать себе отчет в том, чего она может и чего не может желать в своих отношениях к России. Она не может допустить дальнейшего ослабления Австрии, так как это принудило бы Германию к новому усилению своих собственных вооруженных сил; не может допустить посягательства России на независимость скандинавских государств; не может примириться и с тем, чтобы Россия делала дальнейшие препятствия к использованию германским народом плодородных земель Малой Азии. В этом отношении в Германии господствует редкое единство взглядов. Но в то же время все немцы сходятся в желании поддерживать и в будущем мирные отношения с Россией при условии, что она не посягнет на вышеприведенные жизненные интересы Германии».

В тот же день в газете «Berliner Lokal-Anzeiger» была помещена статья, в которой русские вооружения и другие принимаемые в России мероприятия военного характера признавались отнюдь не неожиданными и русская программа работ в этой области — хорошо известной в германских руководящих сферах. Но вместе с тем указывалось, что систематическая травля Германии со стороны русской прессы не может не переполнить чашу терпения немцев, и поэтому требование более определенного и твердого образа действий по отношению к России является вполне понятным и может только устранить опасность более крупного разрыва.

Появившиеся в других органах немецкой прессы аналогичные по духу статьи вызвали прежде всего довольно ощутительную панику на бирже. Неожиданность же этих выпадов серьезно встревожила общественное мнение, тем более, что видимых поводов к принятию прессой столь вызывающего по отношению к России тона не находилось.

Поэтому уже 10 марта во многих газетах появились краткие статьи успокоительного характера, комментарии же иностранной, в особенности французской и английской, прессы встретили в германской прессе энергичные возражения.

Характерной в этом отношении может быть названа заметка, помещенная в «Berliner Lokal-Anzeiger». В ней говорится, что ком-

петентное лицо обратило внимание газеты на два факта: полную гармонию в совместных работах России и Германии в армянском вопросе и неизменную решимость императора в назначенный день (т. е. 22 марта) отправиться на о. Корфу, что указывает на отсутствие даже самого незначительного облака на политическом горизонте.

«Следует еще и еще раз повторить,— говорит газета,— что дело идет лишь о споре между прессой обеих стран, к которому совершенно непричастны оба правительства. Самым обидным в этом споре является то обстоятельство, что он вызывает нескрываемое удовлетворение во французской прессе. Не подлежит сомнению, что в Париже постараются подлить масла в огонь. Это может повести к новому спору, а именно с французской прессой, и тогда не предвидится конца взаимным обвинениям. Поэтому немецкой прессе отнюдь не следует принимать участия в игре в мячики, которая может теперь начаться между русской и французской прессами,— это значило бы доставить им только удовольствие».

Избранное газетою или указанное ей средство, а именно обратить внимание на то, что тот или иной образ действий желателен Франции, до сих пор почти всегда достигал своей цели. Так случилось и на этот раз. Нападки германской прессы на Россию так же быстро и почти внезапно прекратились, как они возникли.

Невольно напрашивается вопрос, чем был вызван этот ожесточенный, но краткий по времени поход немецкой прессы против России, носивший характер вылазки для рекогносцировки сил и намерений противника.

Дать определенный и вполне достоверный ответ пока очень трудно.

Приведу ниже ряд объяснений, собранных мною из различных источников и отчасти приведенных уже в органах иностранной прессы.

1) Желание подготовить общественное мнение к предполагаемому внесению нового военного законопроекта, имеющего целью дальнейшее усиление германской армии или требующего крупных расходов на перевооружение.

Такого рода предположение основано на следующих соображениях. В настоящее время уже почти не подлежит сомнению, что денежные поступления по единовременному налогу на имущества (Wehrbeitrag), установленному для покрытия расходов, вызываемых последним увеличением германской армии, в значительной степени превысят ожидавшиеся на основании сделанных подсчетов доходы казны. Размер ожидаемого излишка пока определить нельзя; называют цифры от 300 до 700 миллионов марок. Как известно, единовременный налог этот должен поступить в три срока: первая треть — втечение апреля месяца настоящего года, вторая—к 15 февраля 1915 года и последняя треть — к 15 февраля 1916 года. Поэтому только в мае месяце сего года можно будет с достаточной степенью точности определить ожидаемый излишек. Естественно возникает вопрос: во-первых, будет ли налог взиматься в полном объеме даже в том случае, если после поступления первой трети выяснится наличность значительного излишка? Правда, в речи своей, сказанной в рейхстаге 25 июня 1913 г. (заседание № 169) статс-секретарь Кюн заявил, что он приветствует постановление бюджетной комиссии и вполне к нему присоединяется— не взимать с населения более, чем требуется на проведение в жизнь

законопроекта об усилении армии, и не увеличивать размера налога, если бы поступления по нему оказались ниже ожидаемых. Однако прежде всего заявление это было встречено рейхстагом смехом, т. е. явным недоверием; кроме того определенного постановления в этом смысле сделано не было. Поэтому можно с уверенностью сказать, что ожидаемый излишек не будет возвращен или прощен населению и что правительство примет все меры к тому, чтобы лишние сотни миллионов пошли на усиление сухопутных или морских вооруженных сил империи. При этом я считал бы долгом теперь же указать на то обстоятельство, что, насколько Англии выгодно, чтобы миллионы эти пошли не на усиление германского флота, а на сухопутные мероприятия, и что вследствие этого нам теперь же следует иметь в виду, что со стороны Англии могут быть приняты все зависящие от нее меры к тому, чтобы заставить Германию употребить излишек денежных поступлений на сухопутные вооружения,— настолько наши и французские интересы требуют как раз обратного.

На высказанное выше предположение о причине, заставившей германскую прессу в связи с этими соображениями выдвинуть непосредственно угрожающую опасность столкновения с Россией, можно однако возразить, что начатая кампания является в данном случае несколько преждевременной.

Что же касается объекта нового законопроекта, то, помимо неумолкающих требований Wehrverein's и его органов о формировании еще одного или двух корпусов за счет остающихся еще лишних пятых бригад, о сформировании отдельных кавалерийских дивизий, об усилении технических и обозных войск, следует отметить раздающиеся в немецкой прессе все громче голоса о неизбежности принятия в недалеком будущем автоматического ружья, переход к которому будто бы ожидается со дня на день во Франции.

2) Произвести давление на Австрию с целью заставить ее поспешить с проведением мероприятий по развитию ее вооруженных сил и увеличить размер этих мероприятий. Лучшим средством для этого признается выставление славянской и, в частности, русской опасности в связи с указанием на слабые стороны двуединой монархии. Такая тактика должна, кроме того, облегчить императору предстоящие при поездке его на Корфу переговоры по этому вопросу с стоящими во главе австрийского правительства лицами и самим императором Францем-Иосифом.

3) Произвести соответствующее впечатление на некоторые государства Балканского полуострова, в частности, на Румынию и Грецию, чтобы привести их к тому убеждению, что чрезмерно сильная Россия может вполне подчинить их своему влиянию и что поэтому желание сохранить полную независимость должно связать их политические интересы с таковыми Тройственного союза.

4) Наиболее правдоподобным является однако предположение, что внезапно выдвинутая немецкой прессой русская опасность преследовала цель оказать давление на Англию. Прежде всего, насколько известно, в англо-германских переговорах, как будто бы обещавших Германии достижение очень важных для нее результатов, за последнее время произошла некоторая заминка вследствие того, что англичане почувствовали некоторый страх перед возможностью зайти слишком далеко по тому пути соглашений с Германией, на который они всту-

лили. Поэтому оказалось необходимым произвести резкий толчек, чтобы сдвинуть колесо с мертвой точки. Кроме того, следует иметь в виду, что медленная, но систематическая работа немецкой дипломатии над ослаблением спаек Тройственного соглашения подсказывала целесообразность прибегнуть к неоднократно испытанному в истории приему, а именно указать Англии на угрожающую ее азиатским владениям опасность в случае, если России удастся совершенно оправиться от поражений, нанесенных ей в 1904 году и надолго ее ослабивших. В этом отношении особенно характерны соображения кельнской газеты. Подтверждением этого предположения может, между прочим, служить тот факт, что в кулуарах рейхстага держался слух, будто бы начатая германской прессой кампания инспирирована германским посольством в Лондоне.

5) Наконец, следует упомянуть о более прямых поводах к нападкам немецкой прессы на Россию. Таковыми, по мнению многих, является желание повлиять на заключение нового торгового договора нашего с Германией; возражением и в данном случае служило мнение, что открытая столь неожиданно и в столь резкой форме кампания является, во всяком случае, несколько преждевременной.

6) Не менее близким к истине следует признать объяснение, что нападки известной части русской прессы по адресу Германии, действительно, вызвали в последней или в известных слоях немецкого общества крайнее неудовольствие, тем более, что тон русской печати нередко чувствительно отражался на бирже. Поэтому явилась потребность найти средство, чтобы, рискуя даже опасностью произвести кратковременное, но сильное сотрясение, постараться изменить тон русской прессы, выставить опасность такого рода ее действий по отношению к Германии.

Несомненно, во всяком случае, одно, что происходящая в русской армии работа серьезно беспокоит не только Австрию, но и Германию и что путем угрозы предупредительной войной они надеются ослабить энергию этой работы, затянуть ее насколько возможно и поставить ей палки в колеса, хотя бы тем, что заставят нас прежде всего отказаться от производства пробной мобилизации в широких размерах.

Поэтому на самоуверенное заявление немецкой прессы, что русская печать, по меньшей мере, преждевременно взяла вызывающий по отношению к Германии тон и что Россия блэфирует, казалось бы, следует ответить спокойным и твердым «не запугаете». Вместе с тем, принимая во внимание, что, по словам даже немецкой прессы, выгадывание времени полезно именно нам, и отдавая себе ясный отчет в том, что Германия в настоящем году заканчивает, а на 75% фактически уже закончила, усиление своих вооруженных сил по законопроектам 1912 и 1913 годов, нам следует с полной поспешностью и энергией проводить в жизнь намеченные в отношении подготовки и усиления нашей армии и обороны страны мероприятия.

Работа эта должна однако производиться в полной тиши, чтобы напрасно не увеличивать тревоги наших соседей, имея в виду, что излишне повышенный тон нашей печати может только повредить делу, не говоря даже об опасности предупредительной войны, которая, повидимому, приобретает все больше сторонников, в особенности в Австрии.

Наконец, нельзя не считаться уже теперь с возможностью поступления в германскую казну значительных денежных превышений по единовременному военному налогу, а также и с тем обстоятельством, что всякий ненужный или преждевременный вызов по адресу Германии со стороны нашей прессы или внешней политики заставит Германию употребить эти сотни миллионов на усиление своей сухопутной обороны, тогда как нам следует принять все меры к тому, чтобы деньги эти были поглощены германским флотом.

В заключение приведу еще слова фельдмаршала фон-дер-Гольца, сказанные им по поводу возникшей в немецкой прессе против России кампании: «Все это клонится к новому свиданию нашего императора с русским царем».

Приложение: Вырезки из газет.

Генерального штаба полковник Базаров.

Секретный рапорт военного агента в Германии полк. Базарова генерал-квартирмейстеру генерального штаба от 10 марта 1914 г. № 155 [1]).

В дополнение к рапорту моему от 28 февраля с. г. № 136 представляю еще нижеследующие сведения относительно возникшей в немецкой прессе против России и развития ее вооруженных сил кампании.

Привожу выдержки из более интересных статей, на основании которых можно сделать некоторые существенного характера выводы.

Газета «Kreuz-Zeitung» 12 марта с. г. более подробно, чем другие газеты, останавливается на впечатлении, произведенном во Франции вспыхнувшей между немецкой и русской прессами кампанией. Она констатирует факт, что во Франции не скрывают своего полного удовольствия по этому поводу. Причина этой радости будто бы вечный страх перед сильной Германией и плохо скрываемая неуверенность в собственных силах; кроме того беспокойство за прочность Тройственного соглашения, в особенности с тех пор, как началось явное заигрывание между Германией и Англией. Газета замечает, что на голос французской печати можно бы не обращать внимания, но затеянная французской национальной прессой игра слишком опасна.

Я счел необходимым остановиться на этой статье «Kreuz-Zeitung» ввиду того, что в Берлине одно время держались слухи, будто скрытые пружины внезапных нападок немецкой прессы на Россию находятся в Париже, где в настоящее время неустанно работают над вопросом об ускорении вооружений России.

В дальнейшем, т. е. начиная с 13 марта по новому стилю, руководящие органы немецкой прессы поместили краткие комментарии к появившимся, с одной стороны, в «Биржевых ведомостях» и в «России» и, с другой стороны, в официозной «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» статьям. Основной идеей этих комментарий было стремление высказать, с одной стороны, полное одобрение успокоительным заявлениям «России» и немецкого официозного органа, с другой же стороны, смягчить, насколько возможно, энергичный тон статьи, помещенной в «Биржевых ведомостях» и напечатанной, по общему мнению немецкой прессы, с ведома или даже по указаниям русского военного министра. При этом немецкие газеты утверждали, что статья «Бирже-

[1]) ЦВИА, д. № 442—552, л.л. 38—45.

вых ведомостей» явилась полной неожиданностью для русского министерства иностранных дел, тем более, что до известной степени она будто бы находится в противоречии с официозным заявлением «России».

С тою же целью успокоить общественное мнение был использован помещенный в будапештской газете «Az-Est» разговор ее корреспондента с русским министром иностранных дел.

«Kölnische Zeitung», выступившая в авангарде произведенной против России вылазки, не упустила однако случая воспользоваться статьею «Биржевых ведомостей» как доказательством того, что приведенные ею сведения о враждебных Германии вооружениях России теперь вполне открыто подтверждаются самой русской прессой, а также, что дружественные отношения подчеркиваются только в официальных сношениях и официозных сообщениях.

Высказанная кельнской газетой мысль нашла себе сторонников и в некоторых других органах немецкой печати.

В связи с этим военные сотрудники многих газет поставили себе задачу разъяснить читателям сущность вооружений России.

Так, газета «Deutsche Tageszeitung» указывает на перемещение центра тяжести экспансивных стремлений русской политики после неудач на Дальнем Востоке в сторону Малой Азии и Балканского полуострова. Это вынудило Россию проявить усиленную деятельность в области подготовки возможного столкновения с двумя западными империями. С этим совпало возникновение марокканского вопроса, причем Германия упустила удобный случай раз навсегда покончить с своим западным врагом. С этого момента Франция и Россия спешат с боевой подготовкой своих вооруженных сил. Россия формирует 4 новых корпуса, из коих один на Кавказе; усиливает численность своей кавалерии и артиллерии; улучшает офицерский состав; реорганизует службу офицеров генерального штаба; вновь формируемые части располагаются первоначально на западной границе, но затем, в видах ускорения и обеспечения правильности мобилизации, часть их переводится внутрь империи; совершенствуется инженерная подготовка западной границы. Однако все эти меры далеко не удовлетворяют французов, и возникший по этому поводу между французским и русским генеральными штабами обмен мнений приводит, наконец, к тем необычайным мерам, которые решено провести в кратчайший срок при помощи французского капитала. Последнее вызвало в Германии ту тревогу, которая нашла отзвук в последних выступлениях немецкой печати.

Более тревожного характера сведения дает своим читателям газета «Germania». Она утверждает, что несмотря на все старания успокоить общественное мнение относительно характера и цели русских вооружений даже самым убежденным оптимистам не удается отрицать тех фактов, на которые указывали кельнская и другие газеты. Газета считает возможным сообщить еще новые несомненные данные. «На румынской границе также происходит сосредоточение русских войск. На прошлой неделе доставка частных грузов, а отчасти и пассажирское движение, были временами совершенно прекращены, так как железные дороги были заняты перевозкой войск и войсковых грузов. Подобные явления замечались вначале балканской войны и объ-

яснялись русским правительством производством пробной мобилизации. Только благодаря бдительности австрийского генерального штаба и верности Германии план России — раздавить Австрию — не удался. Теперь в России ожидается новая пробная мобилизация. Цель ее может заключаться только в подготовке наступательной войны против Австрии».

Та же газета в статье от 17 марта нового стиля обращает внимание на те цели, которые, якобы, будет преследовать нарождающийся русский флот как в Черном, так и в особенности и в Балтийском море, причем приводит выдержки из журнала «Армия и флот».

Наряду с подобного рода тревожными статьями, встречающимися преимущественно в органах шовинистской прессы, в большей части немецкой печати появился, как мною сказано было выше, ряд статей успокоительного характера. К таковым следует отнести статью газеты «Germanische Tageblatt» от 14 марта, в которой прежде всего опровергаются сведения о панике, вызванной будто бы в Восточной Пруссии внезапным появлением известных статей кельнской и других газет. Автор указывает на отсутствие какого бы то ни было повода к тревоге. «В настоящее время русские могут иметь враждебные намерения только против Турции; в нас они видят своих врагов, поскольку мы стоим им поперек дороги в этом вопросе. Но вопрос этот не настолько острый, чтобы опасаться непосредственных осложнений. Несколько лет тому назад война с Англией также признавалась неизбежной, а теперь на Немецком море господствует штиль».

Социал-демократический «Berliner Tageblatt», опасающийся, повидимому, как бы правительство не воспользовалось в своих целях столь раздуваемой газетами угрозой со стороны России, поместил 20 марта нового стиля статью, в которой старается уменьшить значение русских вооружений и поселить недоверие к принимаемым в России мерам по усилению армии и обороне страны.

«Надо строго различать, — говорит газета, — между обширными проектами на бумаге и тем, что приведено или приводится в исполнение. Работы по воссозданию русской армии после разгрома, постигшего ее в Азии, двигаются крайне медленно. Россия вооружается наравне с другими государствами, и несмотря на тайну, в которую до известной степени облекаются эти вооружения, для Берлина и Вены они, несомненно, не составляют секрета. Срок службы в армии, действительно, увеличен, но было бы ошибкою последовать этому примеру и Германии, как этого требуют некоторые. Следует также отметить предполагаемую «более основательную» подготовку почти необучаемых в России ландверистов. В этом отношении мы имеем большое преимущество перед Россией, и в каждый данный момент мы можем еще приступить к подготовке наших эрзатрезервистов. Русская армия насчитывает сейчас 37 корпусов, но корпуса эти распределены по обширной территории этого государства, и на западной своей границе она никогда не будет иметь возможности сосредоточить более 27 корпусов и казачьих частей с Дона. Сосредоточение это потребует многих недель. Резервные дивизии России — числом около 30 — состоят только из пехоты и кавалерии. Они останутся внутри империи, так как на них будут возложены полицейские обязанности. В приграничных округах имеется всего лишь 16 корпусов, из коих на немецкой границе может быть сосредоточено не более 9 корпусов.

С этими данными не следует смешивать всего того, что находится только в проекте. О новых корпусах пока только говорят, а о том, что таких корпусов будет 5, известно только из алармистских статей некоторых немецких газет, так же как и о том, что уже приступлено к формированию 19 новых кавалерийских полков.

Когда говорят о вступлении русской армии в пределы приграничных немецких провинций и в Галицию, упускают из виду, что некоторые войсковые части по политическим соображениям не могут быть принимаемы во внимание. Ведь еще недавно польские полки и большое количество офицеров были переведены вглубь страны и в Сибирь, так как их считали ненадежными. При всем этом не следует забывать, что сейчас мы заканчиваем оборудование наших крепостей на восточном фронте за счет отпущенных на это 210 миллионов. Со времени манчжурского поражения вооружение русской армии улучшено. Однако в 15,2 сант. гаубицах пришлось разочароваться. Трехлинейная русская винтовка уступает немецкому ружью. Ополчение вооружено еще берданкой. Переход к автоматическому ружью потребует в России значительно большего времени, чем в Германии. Организация железнодорожных войск не соответствует потребностям перевозок по сосредоточению армии. Обозные войска по малочисленности своей далеко не могут обеспечить потребностей военного времени. Относительно интендантской части можно почерпнуть интересные данные из недавних процессов: гнилые сапоги, перегнутые подковы, дырявые патронные сумки и т. д.

Район сосредоточения несколько более обеспечен усовершенствованием крепостей, но не следует забывать, что в этой области многое было гнило. Железнодорожная сеть развивается, но существующие линии не дают еще права рассчитывать на возможность ведения быстрой наступательной войны. Финансовая подготовка к войне может считаться обеспеченной лишь до тех пор, пока Франция будет согласна и в состоянии снабжать свою союзницу деньгами. Моральные качества русской армии в достаточной степени ярко обрисованы таким тонким знатоком ее, как барон Теттау. — В общем русская опасность может стать серьезной угрозой, но только в весьма отдаленном будущем».

Газета «Berliner Börsen-Courier» делает даже нападки на свое правительство за то, что оно не сумело или не сочло нужным своевременно принять меры к прекращению разыгравшейся в прессе кампании и к успокоению общественного мнения. «Правительству кампания эта, повидимому, была до известной степени на руку: оно как бы хотело удостовериться в том, может ли оно рассчитывать на народ в случае возникновения действительной опасности. Может быть, также ему было приятно, что этим вспахивается земля для семян новых вооружений, которые через несколько лет пожелают возложить на плечи долготерпеливого народа. Во всяком случае, следует отметить, что столь безучастное отношение правительства к вызывающему крайнюю тревогу спору представляется нам весьма опасной игрой с огнем. Мы требуем, чтобы в будущем правительство наше не созерцало бездеятельно такие вспышки, а тушило бы огонь, пока пламя общественного возбуждения не выбросило наружу».

Если в предыдущей газете уже прозвучала беспокойная нотка опасения того, что германское правительство преднамеренно не бросилось сразу же тушить разгоравшийся в прессе огонь, рассчитывая извлечь из него некоторые для себя выгоды, то в целом ряде других органов

ясно высказываются и самые причины, по которым возникшая в прессе кампания могла оказаться выгодною германскому правительству. Газеты эти довольно открыто говорят, что одною из главных причин нападок на Россию было желание подготовить почву для нового законопроекта об усилении германской армии. Статьи этого характера заслуживают особого внимания.

«Не подлежит более сомнению,—говорит «Frankfurter Zeitung»,—что известная всем агитация в пользу отпуска новых кредитов на вооружения начала новую кампанию. «Wehrverein» и его сотрудники выставляют отсталость Германии в области государственной обороны страны. Требования их настолько несоразмерны, а тон настолько вызывающ, что они могут сделаться источником опасности для мира. Как и всегда, начинают с перечисления важных пробелов в организации наших вооруженных сил. В дальнейшем они указывают на настоятельную необходимость перевооружения артиллерии и усиления кавалерии. Стоимость всех этих безусловно, якобы, необходимых мер исчисляется уже в полмиллиарда марок. При этом совершенно открыто говорится о преимуществах наступательной войны и тех выгодах, которые представляют неожиданность и возможность предупредить противника. Задача эта возлагается на немецкую дипломатию, которая должна суметь своевременно довести дело до вооруженного конфликта. Генерал Бернгарди утверждает, что с 1915 года Германия должна будет считаться с вероятностью нападения со стороны Франции и что поэтому немецкой дипломатии предстоит задача подготовить наиболее выгодную для этой войны обстановку, которая, кроме того, дала бы возможность Германии вести наступательную войну при наиболее выгодных политических условиях. Вместе с тем принимаются все меры к тому, чтобы заставить замолчать тех, которые осмеливаются возвысить свой голос против войны и стремятся к мирному разрешению спорных вопросов. Шовинисты более чем когда-либо чувствуют твердую почву под ногами».

«Германский народ снова встревожен слухами о новом военном законопроекте,—говорит «Hamburger Echo» в статье от 15 марта нового стиля.—Правда, официозная «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» поспешила опровергнуть этот слух. Но прием этот слишком хорошо всем знаком. Многие в Германии глубоко убеждены в том, что новое усиление нашей армии грозит нам в самом недалеком будущем именно потому, что официозная газета это опровергает, и мы вполне разделяем это мнение. Следует теперь же считаться с тем, что уже в ближайшую сессию рейхстага будет внесен новый обширный законопроект об усилении армии. Существует многочисленная военная литература, которая усиленно старается подготовить почву для этого; весь сложный аппарат ее уже в полном ходу. В наше время следует быть готовым ко всяким неожиданностям. Война 1870 года была такою же неожиданностью. Объявление этой войны Наполеоном, вынужденным к нападению дипломатическим искусством Бисмарка, было похоже на удар молнии из голубого неба».

«Очень приятная перспектива», — заканчивает автор свою статью.

«Neue Badische Zeitung» старается еще успокоить своих читателей, утверждая, что слухи о новом военном законопроекте не заслуживают будто бы доверия. «Вооружения России за последнее время отнюдь не перешли границ того, что ожидалось и уже было известно,

поэтому возникшее в Германии беспокойство является совершенно непонятным. Вооружения России, за последнее время нисколько не скрываемые, наводят, впрочем, на мысль, что Россия намеревается оказать некоторое давление на Германию при заключении нового торгового договора и, может быть, кроме того, желает облегчить своей союзнице достижение каких-либо особых целей. Единомышленники «Wehrverein'a» однако не дремлют и уже стараются использовать медленно и вполне естественно развивающиеся вооружения России для своих целей. Во всяком случае, если бы в ближайшем будущем военным ведомством и были предъявлены новые требования на дальнейшее развитие нашей государственной обороны, то размер этих требований будет, вероятно, незначителен. Повидимому, ограничатся проведением некоторых мер по реорганизации нашей полевой артиллерии и по заполнению известных пробелов в развитии наших вооруженных сил на море. Во всяком случае, размер этих требований будет зависеть от результатов денежных поступлений по чрезвычайному военному налогу».

Более определенно высказывается в этом отношении газета « Hamburger Nachrichten».

«Появившиеся в некоторой части нашей прессы вполне определенные слухи о предстоящем внесении правительством нового законопроекта, имеющего предметом дальнейшее развитие наших вооруженных сил, были официально опровергнуты. Однако слухи не прекращаются, тем более, что подобного рода опровержениям никто больше не верит. В данном случае заявление официозной газеты заслуживает однако некоторого доверия по следующим соображениям. Заканчиваемое сейчас необычайное усиление нашей армии и инженерной обороны восточной нашей границы потребует еще некоторого времени, чтобы вполне окрепнуть; втечение нескольких лет у нас будет замечаться еще недостаток в офицерах и унтер-офицерах. Поэтому несмотря на настойчивые требования едва ли следует ожидать в ближайшем будущем формирования новых войсковых частей на восточной нашей границе, тем более, что осуществление подобных мероприятий встретило бы серьезные затруднения и с финансовой стороны ввиду только что произведенного страною необычайного денежного напряжения.

Вопрос приобретает однако совершенно иную окраску, если денежные поступления по единовременному денежному налогу значительно превысят ожидавшуюся первоначально сумму. Превышение это исчисляется не менее как в полмиллиарда марок. Между тем нет никаких определенных постановлений рейхстага, каким образом должен быть использован этот излишек. Во всяком случае, нельзя быть в претензии на правительство, если излишек этот будет употреблен, главным образом, на военные нужды, так как весь налог взимается для военных целей. Нельзя также отрицать того, что в области артиллерии нам остается сделать еще довольно много. Введение унитарного снаряда является лишь вопросом времени. Столь же необходимым представляется увеличение числа орудий для перекидной стрельбы. Ввиду многочисленности русской кавалерии нельзя будет также отказаться от усиления нашей кавалерии на восточной границе и от дальнейшего развития воздухоплавательных частей.

Тем не менее до выяснения результатов сбора военного налога нельзя думать о внесении нового военного законопроекта, который

должен находиться в строгой зависимости от размера излишка денежных поступлений по этому налогу. При соблюдении этого условия, с национальной точки зрения не может быть сделано возражений против дальнейшего усиления обороны нашей страны. Если бы при этих условиях рейхстаг отказал в требованиях военного ведомства, то не следовало бы останавливаться даже перед крайним средством, а именно перед роспуском его».

Приведенные мною выдержки из немецких газет показывают, что:

1) Неожиданно появившиеся в немецкой прессе ожесточенные нападки на Россию и на происходящее усиление ее военной мощи вызвали в Германии сильную тревогу, основанную на опасении перед возможностью искусственного создания правительствами Германии и Австрии такой политической обстановки, которая дала бы им возможность прибегнуть теперь же к предупредительной войне в целях не дать России времени, необходимого ей для выполнения обширного плана развития ее вооруженных сил при помощи французского капитала.

2) Вследствие возникшей без видимых причин в немецкой прессе кампании против России с явным преувеличением грозящей будто бы непосредственно со стороны России опасности, в широких кругах немецкого общества возникло вполне понятное опасение, что германское правительство преследует цель подготовить общественное мнение к предъявлению новых требований на развитие вооруженных сил государства.

3) Брошенный немецкой прессой по адресу России вызов и разгоревшаяся затем в прессе кампания, несомненно, послужили на пользу германскому правительству, так как значительная часть общества и прессы не только уже считаются с возможностью внесения правительством в ближайшем будущем нового военного законопроекта, но признают возможным и даже необходимым осуществить это мероприятие при условии, что потребные на осуществление его суммы не превзойдут размера того излишка, который получится от денежных поступлений по единовременному военному налогу.

Таким образом, нам следует считаться с тем почти уже несомненным фактом, что, как только определится хотя бы приблизительно размер излишка денежных поступлений по единовременному военному налогу, германские военное и морское ведомства приступят к спешной разработке новых законопроектов по усилению сухопутных и морских вооруженных сил государства. Ввиду же того, что о размерах этого излишка можно будет судить уже после поступления первой трети военного налога, — следовательно, в конце весны настоящего года,— есть полное основание предполагать, что новые законопроекты будут внесены уже в ближайшую сессию рейхстага, т. е. осенью 1914 года, с тем,чтобы проведение их в жизнь могло начаться уже в 1915 году.

Приложения: 33 вырезки из газет, мартовский номер журнала «Der Greif» и Frobenius, «Des Deutschen Reiches Schicksalsstunde».

Генерального штаба полковник Базаров.

Секретное отношение директора департамента полиции Брюн де Сент Ипполита на имя начальника генерального штаба ген. Янушкевича от 26 мая 1914 г. [1])

Милостивый государь,
Николай Николаевич.

По сведениям, полученным Плоцким губернским жандармским управлением, в настоящее время в Германии, как вообще, так и в особенности в приграничных с Россией местностях, господствует среди населения убеждение, что германское правительство, опасаясь быстро возрастающего военного могущества Российской империи, намерено в ближайшем будущем воспользоваться каким-либо незначительным предлогом для объявления России войны, так как в этом конфликте достижим успех Германии лишь в настоящее время, впоследствии же таковой станет уже, по мнению германских общественных кругов, невозможным.

По тем же сведениям, вопрос этот совершенно изъят из обсуждения германской прессы.

Сообщая об изложенном вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Брюн де Сент Ипполит.

Рапорт военного агента в Сербии полк. Артамонова в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба от 3 июня 1914 г. № 97. [2])

Как известно, на-днях греческое правительство предъявило турецкому правительству нечто вроде ультиматума, без определения однако срока, по истечении коего греки считали бы себя вынужденными начать военные действия.

Предъявив туркам ультиматум, греческое правительство через сербского посланника в Афинах сообщило сербскому правительству о своих действиях, предписав одновременно греческому посланнику в Белграде немедленно повидать председателя совета министров Н. Пашича и осведомиться о взглядах сербского правительства.

Н. Пашич, предварительно переговоривший с нашим посланником, сообщил греческому представителю следующее:

1) Греческое правительство, к сожалению, не сочло нужным предварительно предъявления ультиматума осведомиться о взглядах своих бывших союзников и заручиться их поддержкою.

2) После 3-х кампаний Сербия утомлена, истощена материально и в финансовом отношении, поэтому всякого рода осложнения, а тем более военные действия для нее крайне нежелательны, а в данном случае тем более, что вопрос о преследовании турками греков в Малой Азии является чисто греческим вопросом, не имеющим для союзных балканских государств важности; вопрос этот не находится в связи с постановлениями Бухарестского договора, сохранение коих в силе составляет прямой интерес Сербии и Румынии.

---

[1]) ЦВИА, д. № 442—592, л. 58.

[2]) ЦВИА, д. № 180—940, л.л. 7—8. Рапорт опубликован в III т. «Международные отношения в эпоху империализма», стр. 335.

3) Наконец, ставя ультиматум, Греция далеко не исчерпала всех средств воздействия на Турцию; например, не обратилась к посредничеству великих сил, которые могли бы оказать известное давление на Турцию и воспрепятствовать дальнейшему преследованию греков.

Столь же неблагоприятно отнесся к греческому выступлению престолонаследник Александр. Неудовольствие его проявилось в колкой фразе, сказанной им представлявшемуся ему впервые по прибытии греческому военному агенту полковнику Влахопуло: «Ну, на этот раз вам придется драться серьезно»...

В военном министерстве мне сказали, что каких-либо мер в связи с греко-турецким конфликтом здесь не принимали; лишь генеральному штабу еще ранее указано иметь в виду возможность столкновения и разработать соответствующие мероприятия.

Как мне сообщил начальник общего военного отделения министерства полковник К. Смилянич, военная конвенция с Грецией налагает на договаривающиеся стороны обязанность принять участие в войне, если союзник будет атакован силами более чем одного государства. Таким образом, единоборство Турции с Грецией не вызывает вмешательства Сербии. Разумеется, часть сил в этом случае была бы мобилизована и расположена на юго-восточной границе в качестве обсервационного корпуса, в предупреждение всяких случайностей.

Но если бы одновременно с Турцией мобилизовала бы свои силы и Болгария, то Сербия, конечно, была бы вынуждена также произвести полную мобилизацию.

Генерального штаба полковник Артамонов.

Рапорт военного агента в Турции ген.-майора Леонтьева генерал-квартирмейстеру генерального штаба от 14 июня 1914 г. № 196 [1]).

Как отдельными лицами, так и в печати неоднократно высказывалось мнение, что младотурецкий комитет принимает участие в албанской смуте.

События последнего времени подтверждают это предположение. Планомерное и настойчивое развитие действий инсургентов, и все с той же идейной целью — установить в Албании чисто мусульманский государственный режим, — могло иметь место только при поддержке извне.

Становится очень вероятным, что эта поддержка могла исходить прежде всего из Турции, где младотурецкий комитет поставил себе главной и ближайшей задачей подъем мусульманского самосознания и мусульманской солидарности как внутри страны, так и за ее пределами. Если работа в этом направлении идет в Индии, в Египте, а судя по некоторым данным и у нас в России, то трудно допустить, чтобы оставлена была вовсе без внимания только что отторгнутая от империи и на две трети мусульманская Албания.

Отдельный факт захвата турецкого офицера, пытавшегося поднять восстание в Албании, наделавший столько шума в свое время, может быть, не мог еще служить окончательным показателем действительного участия турецких правительственных кругов, но с тех пор

[1]) ЦВИА, д. № 180—940, л. л. 11—12.

факты умножились, и турецкий флаг сделался символом всего албанского движения.

В соответствии с успехом восстания изменился и тон турецкой прессы, и прежняя наружная незаинтересованность в отношении к албанским делам сменилась яркими проявлениями симпатии и сочувствия.

Если обратный захват Адрианополя сыграл в прошлом году громадную роль в мусульманском мире в смысле подъема религиозно-национальной гордости, в значительной степени изгладив из народного представления только что пережитые поражения, то как же должны будут отразиться на сознании мусульманских масс как в Турции, так и вне ее громкий и скандальный провал христианского государя, ставленника Европы, и замена его мусульманским князем или даже турецким принцем, посаженным на албанский престол волею мусульманского народа перед лицом международной эскадры, представительницы христианской Европы?

Не будет ли понят этот факт как неоспоримое и блистательное торжество мусульманства над зарвавшимися гяурами, посягнувшими на мусульманское достояние?

Кажется мне, что при таких условиях вопрос о том, удержится ли принц Вид у власти или нет, уже перестает быть вопросом только местным албанским и, как принято думать, затрагивающим более всего австро-итальянские интересы.

В более широкой постановке этот вопрос может получить громадное принципиальное значение и обратиться своим острием против всех тех государств, чьи интересы так или иначе сталкиваются с мусульманством, и прежде всего — России, как непосредственно граничащей с рядом мусульманских владений и насчитывающей в своих собственных пределах многие миллионы далеко еще не определившихся подданных мусульман.

Генерал-майор Леонтьев.

Из записной книжки архивиста

Николай Романов в первые дни мировой войны

Дипломатическая переписка, предшествовавшая объявлению войны и началу военных действий в 1914 г., заканчивается, как известно, личными телеграммами двух монархов: германского — Вильгельма II и русского — Николая II. В сущности эти телеграммы уже выходили за пределы дипломатических сношений. Они как бы и свидетельствовали о том, что обычные дипломатические средства исчерпаны и все зависит теперь только от самодержавной воли двух, наиболее могущественных, монархов Европы.

Смысл и характер дипломатической переписки, предшествовавшей военным действиям, в достаточной мере разоблачен. Каждая из воюющих сторон старалась переложить ответственность за войну на своего противника. Там, где требовалось участие в боевых действиях миллионных масс народа, в особенности в странах, где социал-демократические оппортунистические партии требовали от правительств непременного декорума для оправдания своей измены Интернационалу, — вопрос о том, кто виновен в войне, кто является «нападающей стороной», представлял огромную важность. Дипломатия каждой страны и создавала у себя такую внешнюю обстановку, при которой можно было бы внушить массам населения, не искушенным во внешней политике, что именно данная страна подверглась нападению и вынуждена обороняться против «коварного врага». Выступление монархов было завершительным средством такой маскировки.

Германский и русский монархи играли ту же игру, что и их министры. Лихорадочный обмен телеграммами, происходивший между Берлином и Царским Селом как раз в те дни, когда войска обеих сторон уже стягивались к границам, преследовал все ту же цель — обмана трудящихся масс, и еще, пожалуй, цель дополнительную и уже прямо военную: Николай стремился выиграть несколько дней для развертывания мобилизации русской армии, Вильгельм стремился эту мобилизацию затормозить.

Дневник Николая Романова за июль 1914 г. разоблачает лишний раз игру царского правительства перед войной. Царские министры и генералы, конечно, хорошо знали, что война предрешена. Все же генерал Янушкевич опасался, как бы в последний момент Николай Романов не струсил и не поколебался под нажимом Вильгельма и английского правительства и не согласился задержать мобилизацию. Известно, что были приняты меры для того, чтобы этого не последовало. Но такой опасности, как мы видим теперь из дневника, и не было. Николай Романов готовил войну с такой же решимостью, с такой же спокойной уверенностью, как и генералы Сухомлинов и Янушкевич. Он нисколько не колебался. Телеграфная переписка с Вильгельмом была необходимой ложью.

Эта переписка с внешней стороны проникнута величайшей тревогой. Николай Романов апеллирует к дружеским чувствам Вильгельма, просит его взять на себя посредничество для предотвращения величайшего «бедствия». Вильгельм соглашается взять на себя роль посредника между Россией и Австро-Венгрией, но требует, чтобы Николай приостановил мобилизацию. «По техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления», — отвечает Николай, но «пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Я торжественно даю тебе в этом мое слово» [1]).

Николай Романов так же превосходно знал, что мобилизация означает начало войны, как Вильгельм знал, что всякая задержка мобилизации этой армии усиливает возможность сосредоточения глав-

---

[1]) «Международные отношения в эпоху империализма», т. V, стр. 289.

ных сил германской армии на французской границе. Мобилизация армий и была началом военных действий.

Вильгельм отвечал 30 (17) июля на телеграмму русского царя: «...Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять предупредительные меры защиты. В моих усилиях сохранить всеобщий мир я дошел до крайних пределов. Ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня. В настоящий момент все еще в твоей власти предотвратить его..., если Россия согласится приостановить военные мероприятия, угрожающие Германии и Австро-Венгрии» [1]).

На эту телеграмму Николай Романов ответил не сразу в тот же день, а выждав несколько. В два часа 1 августа (19 июля) он телеграфировал: «Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе, т. е. что эти мероприятия не означают войны, и что мы будем продолжать переговоры на благо наших государств и всеобщего мира, дорогого для всех нас». И далее Николай Романов выражает надежду, что «наша долгая испытанная дружба сумеет, с божьей помощью, предотвратить кровопролитие» [2]).

Вильгельм отвечал: «Немедленный, утвердительный ясный и недвусмысленный ответ твоего правительства — единственный путь, которым можно избегнуть неисчислимых бедствий. Пока я не получу этого ответа, я, увы, не могу обсуждать твоей телеграммы по существу. Во всяком случае я должен просить тебя немедленно отдать приказ твоим войскам безусловно воздерживаться от малейшего нарушения наших границ» [3]).

Ответа на эту телеграмму не последовало. В тот же день Германия объявила войну России.

Читателю этой телеграфной переписки может показаться, что оба актера в исторической сцене последних предвоенных дней переживали величайшее волнение, жили в непрерывной тревоге, терзались мыслью об «ужасном бедствии», о «пролитии крови», что они только о том и думали, как бы предотвратить войну и сохранить мир. Переписка шла в величайшей спешке, телеграммы посылались и ночью. Корреспонденты старались напустить возможно больше пафоса в своих сочинениях. Действительно, телеграммы Вильгельма облегчили германской социал-демократии ее предательскую задачу. Выходило, что вся ответственность за войну падает на Николая Романова, а Вильгельм до последней минуты старался отвратить «ужасное бедствие». С другой стороны, телеграммы Николая Романова немедленно использовал Милюков, чтобы показать русской буржуазии, что единственный виновник войны это Вильгельм, а русский царь до последней минуты тщетно боролся с воинственными замыслами Германии.

Дневник Николая Романова теперь очень хорошо и выразительно дополняет картину телеграфной переписки описанием быта и нравов Царского Села в исторические дни. Дневник показывает нам, чем жил и чем на самом деле «волновался» Николай Романов в те самые дни, когда за его подписью посылались в Берлин телеграммы, проникнутые величайшей тревогой и патетическим стремлением к миру.

С внешней стороны записи в июле 1914 г. ничем не отличаются от обычных записей в другие месяцы и годы. Может показаться, что это дневник идиота — человека, ограниченность которого имеет патологические размеры. По стилю своему это скорее всего неофициальный гоффурьерский журнал, аккуратная запись того, как проводил день русский царь, кого принимал — без малейшей попытки дать представление об умственной деятельности, о настроениях.

И все же не это умственное убожество является наиболее примечательной чертой записи за июльские дни 1914 года. Нельзя сказать, что Николай Романов не понимал того, что происходит, что он был просто механическим орудием в руках более умных и более искусных поджигателей мировой войны. Если бы Николай Романов был просто идиотом, то полные тревоги телеграммы, которые он подписывал, все же нашли бы отражение в его настроениях, в его дневнике.

Дневник, напротив, поражает своим спокойствием, своей выдержкой. Он находится в прямой противоположности с официальными заявлениями русского царя в эти дни. Николай Романов превосходно понимал, что делает. Он уверенно и хладнокровно играл свою роль коронованного провокатора. Он немногословен в своем дневнике не потому, что не мог бы по убожеству своему написать что-либо путное в эти дни. Скрытность вообще была основной чертой натуры Николая Романова, — ее отмечают все писавшие о нем, знавшие его близко люди. Он был, конечно, ничтожеством, — не большим однако, чем другие вершители судеб царской России. В дневнике своем он разговаривал не больше, чем на прие-

[1]) «Международные отношения в эпоху империализма», т. V, стр. 300—301.
[2]) Там же, стр. 319.
[3]) Там же, стр. 340.

мах со своими министрами. У него однако было свое мнение по важнейшим вопросам внешней политики. Войну он готовил сознательно, в полной уверенности, что война нужна не только для царской России, но и ему лично—в интересах борьбы с революцией.

Вплоть до 25 (12) июля в дневнике совсем нет записей, говорящих о близости войны и ее подготовке. Николай Романов развлекается плаванием в шхерах, купаньем и игрой в теннис. Все это аккуратно отмечено в дневнике. Жизнь идет спокойно и размеренно, никаких тревог и отступлений от принятого придворного ритуала. А в это время после убийства в Сараеве весь мир уже был охвачен величайшей тревогой. О неизбежной войне кричат все газеты,—в том числе и русские буржуазные, — значит ли это, что Николай Романов действительно в эти дни беспечен, не замечает туч на горизонте? Нет, как раз в эти дни бывший царь читает массу бумаг, принимает президента французской республики,— того самого, которого история отметила кличкой «Пуанкаре-война». Теперь известно, о чем шли беседы во время визита главы французского правительства. Вопрос о войне был решен — уточнялись детали. К войне уверенно шли державы Тройственного союза—Австро-Венгрия и Германия; так же уверенно к ней шли Россия и Франция. Неясно еще было, когда и в какой форме выступит Англия. В дневнике обо всем этом нет ничего. Дело шло в налаженном порядке. Русский царь мог спокойно отдаваться игре в теннис.

Только с 25 (12) июля меняется несколько характер дневника. Начинают попадаться очень краткие политические сведения. Играл ли в этот день Николай Романов в теннис? Неизвестно. Зато известно, что у него «от 11 до 2 часов было совещание с 6 министрами по тому же вопросу о мерах предосторожности, которые нам следует принять». Это значит, что в ответ на сообщение об австрийской мобилизации было принято решение о мобилизации русских войск на австрийской границе. Это был исторический и в подлинном смысле слова роковой шаг, и он был предпринят Николаем Романовым в полной уверенности, в совершенном спокойствии. Ничто ни в этот день, ни в последующие не нарушило обычного хода жизни в Царском Селе. Николай Романов сделал решительный шаг к мировой войне точно так же, как если бы принимал шар партнера в теннисе.

В понедельник 27 (14) июля Николай Романов записал: «Интересных известий было мало, но из доклада письменного Сазонова [видно, что] австрийцы, повидимому, озадачены слухом о наших приготовлениях и начинают говорить». Это значит — брошенный мяч принят. Игра начата. Все идет, как было предусмотрено.

Следующий день во всем мире — это день исторической тревоги. Дипломаты еще не сказали своего последнего слова. Идет бешеная пляска нот, беготня послов во всех странах. Накапливаются материалы для будущих «белых», «оранжевых», «красных» книг, в которых дипломатия всех стран в ближайшее время будет оправдывать себя и взваливать всю вину на противника. Николай Романов, один из главнейших виновников мировой тревоги, в этот день как ни в чем не бывало... «поиграл в теннис». Он знал цену дипломатической возне. В этот день у него были генералы Сухомлинов и Янушкевич, которые об одном могли доложить с полной уверенностью: подготовительные военные меры уже предприняты и проходят успешно. Военную игру сорвать не удастся.

Тревога во всем мире принимает на следующий день 29 (16) июля характер паники. Так называемое «общественное мнение» отражает волну беспокойства, негодования широчайших масс, захваченных врасплох чудовищным заговором. Делаются последние отчаянные попытки сохранить мир. Со своей стороны, правительства усиливают обработку масс шовинистической ложью. Пытаясь показаться в роли миротворца, Вильгельм втягивает в эту игру и Николая Романова, у которого нет, впрочем, ни особой нужды, ни особой охоты заниматься комедиями мира перед холопствующей русской буржуазией. Он вынужден посылать телеграммы Вильгельму и отвечать на телеграммы. Это нарушает обычный порядок жизни, и Николай Романов отмечает с неудовольствием: «...День был необычайно беспокойный. Меня беспрерывно вызывали к телефону то Сазонов, или Сухомлинов, или Янушкевич. Кроме того находился в срочной телеграфной переписке с Вильгельмом».

Много тревожились в эти дни Сазонов, Сухомлинов и Янушкевич. Они потом рассказывали, что помимо всего прочего их беспокоило и то, как бы Николай Романов не принял за чистую монету телеграмм Вильгельма: Янушкевич в последний момент снял у себя трубку с телефонного аппарата для того, чтобы не последовал вдруг приказ отменить мобилизацию.

Царю только то и было неприятно, что вызывали его к телефону, — он не любил говорить по телефону. А тревоги он никакой не испытывал. «Днем поиграл в теннис», — не забыл он отметить. Игра продолжалась, и все слова о «пролитии

крови» в телеграммах Вильгельму были чистейшим лицемерием. Монархи перебрасывались своими телеграммами, как игроки теннисными мячами. Война развертывалась последовательно и неукоснительно по заранее продуманным мобилизационным планам.

Следующие дни были спокойнее. А 31 (18) июля Николай Романов отмечает: «День простоял серый, такое же было и внутреннее настроение». Откуда была такая серость? В этот день Николай Романов давал Вильгельму «честное слово», что русские войска «не предпримут никаких вызывающих действий». Уже не по этой ли причине Николай Романов находился в этаком, совершенно для него необычном, элегическом настроении? Не показалось ли ему, что игра может быть сорвана? При всей уверенности русских генералов в том, что мобилизация означает непременно и войну, нельзя было исключать с абсолютной убежденностью и возможность приостановки военных действий. К тому же, все еще топталось на одном месте английское правительство, которому приходилось разыгрывать—в силу целого ряда причин — наиболее тонкую дипломатическую игру.

Серое настроение рассеялось в следующий день (1 авг.— 19 июля). Игры в теннис, повидимому, не было,— упомянуть о таких важных событиях Николай Романов не забывал. Но было другое важное событие. «После завтрака вызвал Николашу и объявил ему о его назначении верховным главнокомандующим впредь до моего приезда в армию». А уж после этого узнал о том, что «Германия объявила нам войну». Казалось бы, после известного нам обмена горячими «миролюбивыми» телеграммами это должно вызвать крайнее огорчение, боль, тревогу,— ведь уж никак нельзя было избежать «пролития крови». Но именно этот день прошел замечательно безмятежно. Объявление войны Германией было принято Николаем, как мяч, брошенный противником по всем правилам игры. Русский царь волновался не больше, чем на теннисной площадке. Монархи швырялись жизнью миллионов, не испытывая от этого никакого волнения.

Впрочем, на другой день Николай Романов испытал некоторое волнение. В этот день он подписал манифест о войне с Германией. «Хороший день, в особенности в смысле подъема духа!». Игру в теннис пришлось, правда, отложить. Но несравненно занятнее была другая игра в этот день в Петербурге. Во дворце знатные дамы целовали руку Николаю Романову. Он выходил на балкон Зимнего дворца — впервые после 9 января 1905 г. Он видел перед собой на площади громадную толпу без панического страха перед ней. Это была толпа уличного сброда с Невского проспекта, толпа ошалевших от «патриотического» хмеля лавочников, чиновников, дворников и черносотенной студенческой молодежи. Для царя, который с 1905 г. сидел взаперти в своем царскосельском или петергофском дворце и панически боялся всякого «скопления», такой прием на площади был триумфом игрока.

В этот момент Николаю Романову казалось, вероятно, что он уже выиграл свою партию. Прежнее спокойствие водворяется в дневнике. Он не отмечает уже своих настроений. Они неизменно тверды и благодушны. На полях Бельгии, Австрии, Франции уже бушует война, уже льется кровь, одураченные массы уже бросились друг на друга... Николай Романов записывает в своем дневнике: «Погуляли вместе и нашли много грибов».

Война больше не мешает теннису.

Д. Заславский.

[1914 год][1]).

1 июля. Вторник.

Встали рано. Пришлось читать и писать до самого отъезда. В 10 часов пошли в Кронштадт. Погода была душная и дождливая. Съехали в гавань и присутствовали на освящении нового огромного дока имени Алексея[2]). Когда была налущена вода, в док вошел крейсер «Рюрик». В час с ¼ прибыли на «Штандарт». После завтрака ушли в море. Погода поправилась. В 8¼ вечера стали на бочку на «рейде Штандарт». С нами пришли: «Полярная звезда» и пять миноносцев — «Войсковой», «Доброволец», «Москвитянин», «Эмир Бухарский» и «Финн». Воздух сделался чудесный, и запах гари пропал. Вечером играл в кости.

2 июля. Среда.

Спал отлично и проснулся с таким радостным чувством быть на яхте в этом хорошем месте.

Около 10 часов поехал в байдарке с Граббе[3]) и Кирой Нарышкиным[4]) вокруг

---

[1]) Особый отдел Центр. истор. архива.— Текст дневника подготовил к печати А. А. Сергеев.

[2]) Алексей Николаевич (1904—1918), вел. кн., наследник, сын Николая Романова.

[3]) Граббе А. Н., ген.-майор свиты е. в., командир собств. е. в. конвоя.

[4]) Нарышкин Кирилл Ан. (1868—1924), ген.-майор свиты е. в., пом. начальника военно-походной канцелярии е. в.

Тухольма. Читал. Завтракали ген. Самсонов[1]) и все командиры судов. В 2 часа Фредерикс[2]) на миноносце «Финн» ушел в Петергоф. Съехал с детьми на берег и проиграл в теннис. Потом выкупался с офицерами на старом месте. Вечером поиграл в домино.

3 июля. Четверг.

Чудный, не особенно жаркий день с S бризом. Утром покатался с Ольгой[3]) и Татьяной[4]) в двойке. К завтракам начался обычный наряд шести офицеров от плавающих с нами судов.

Ночью прибыл на яхту на миноносце «Финн» художник Ткаченко[5]). В 2½ ч. съехал с другими на Падио и сделал хорошую прогулку. Затем переехал к месту Алексея и выкупался отлично.

После чая читал и подписывал присланные ночью бумаги. Вечером—кости, Зеленецкий[6]), Злебов[7]) и Неверовский[8]).

4 июля. Пятница.

Ночью дуло и утром перепадал дождь. До завтрака сидел на яхте.

В 12 часов принял генерал-губернатора Зейна[9]). Съехал в 2½ ч. с гуляющими у телеграфной станции и пошел по дороге к деревне и затем назад к месту Алексея. Отлично купались. После чая с разных сторон пошли грозы, продолжавшиеся до полночи с перерывами. Молнии были замечательные. Поиграл в домино.

5 июля. Суббота.

Простоял отличный день. Сделал большую прогулку втроем в байдарках. После завтрака простились с Бутаковым, который переведен старшим офицером на «Царевну». Съехали и гуляли на Тухольме. Купался. В 6 ч. 45 м. на юте была всенощная. Приехал фельдъегерь и привез массу бумаг.

После обеда читал и затем не выдержал и поиграл в домино.

6 июля. Воскресение.

Погода с утра стала ясная и прохладнее последних дней. В 10 часов снялись с бочки и пошли в Кронштадт.

В пути была отслужена обедница. После завтрака дочитывал вчерашние бумаги. На Большом рейде прошли вдоль бригады крейсеров, здоровался с командами. В 3½ часа съехали со «Штандарта» на «Александрию» и пошли в Петергоф. Во время чая видели яхту, идущую в Петербург. Читал, гулял и купался в море. Обедали: тетя Ольга[1]) и Татьяна Константиновна[2]). Потом приехали Ольга[3]) и Петя[4]).

7 июля. Понедельник.

Утром без конца принимал. После доклада Григоровича[5]) поехал в 12 часов на пристань и осмотрел новую радиотелеграфную станцию. Пошел на «Александрии» в Кронштадт и завтракал в пути. Перед уходом был ливень с грозой; затем погода поправилась. Ровно в два часа на Малый рейд вошла французская эскадра в составе броненосца «France», «Jean Bart» и двух миноносцев.

Григорович привез президента Пуанкере на яхту; после взаимного представления свит пошли в Петергоф. Салюты не прекращались. На пристани все великие князья, свита и дивный почетный караул от Гвардейского экипажа. С конвоем привез его во дворец, где стоял отличный почетный караул от Енисейского полка. Через ¼ часа приехала Аликс[6]) с Ольгой и Татьяной. Она приняла Пуанкаре и затем вернулись вместе домой в 4 часа. Потулял с Татьяной; посетили Дмит-

---

[1]) Вероятно, Самсонов, А. В. (1859 — 1914), ген.-от-кав., туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа, войсковой наказный атаман Семиреченского казачьего войска; в начале мировой войны командовал 1 армией и погиб при разгроме ее под Сольдау.

[2]) Фредерикс, В. Б., граф (1838—1919), министр имп. двора и уделов.

[3]) Ольга Николаевна (1895—1918), вел. княжна, дочь Николая Романова.

[4]) Татьяна Николаевна (1897—1918), вел. княжна, дочь Николая Романова.

[5]) Ткаченко, М. С., художник-маринист.

[6]) Зеленецкий, Р. Д., кап. 1 р., командир имп. яхты «Штандарт».

[7]) Злебов, С. В., кап. 1 р., инженер-механик имп. яхты «Штандарт».

[8]) Вероятно, офицер имп. яхты «Штандарт».

[9]) Зейн, Ф. А. (1862—1918), ген.-лейт. финляндский генерал-губернатор.

---

[1]) Ольга Константиновна (1851—1926), вдова греческого короля Георга I.

[2]) Татьяна Константиновна, дочь вел. кн. Константина Константиновича, жена кн. К. А. Багратион-Мухранского.

[3]) Ольга Александровна, сестра Николая Романова, жена принца Петра Ал. Ольденбургского; в 1916 г. развелась с ним и вышла замуж за его адъютанта Н. А. Куликовского.

[4]) Петр Александрович, принц Ольденбургский, ген.-майор свиты е. в.

[5]) Григорович, Н. К., ген.-адм., морской министр.

[6]) Александра Федоровна (1872—1918), имп., жена Николая Романова.

рия[1]). Пили чай с Н. П. Саблиным[2]) (деж.). Читал. В 7½ ч. состоялся парадный обед с речами. После разговоров простились с добрым президентом и приехали к себе к 10 часам.

8 июля. Вторник.

Утром занимался до 10¼ ч. и поехал во дворец к Пуанкаре. Побеседовал до 11¼ ч.; он отправился на целый день в Петербург, а я к Английскому дворцу. Перед ним на лужайке были выстроены: рота и офицеры постоянного и переменного состава Стрелковой школы. 1 июля они праздновали 50-летие со времени командования аннапа[3]) стрелковою ротою Учебного пехотного баталиона. Принял парад и офицеров, снялся группою на лестнице и затем осмотрел во дворце модель памятника аннапа, сделанную Каноника. Вернулся домой в 12 ч. 45 м. с Дмитрием (деж.). Принял на ¼ часа Сухомлинова[4]). После завтрака поиграли в теннис. Читал. В 7½ ч. выкупался с Дмитрием. Он и Ольга обедали. Покатались в моторе. День простоял чудный. Только в 12½ ночи бедный Пуанкаре вернулся из города.

9 июля. Среда.

В 11 часов принял депутацию от моего румынского 5 Рошиорского полка. Она привезла всю форму полка и несколько альбомов от короля. В 11½ ч. Пуанкаре привез сам подарки для Аликс и детей. Поехал с ним во дворец; завтракали французские офицеры и румыны.

В 3 часа отправились поездом в Красное село. На станции почетный караул от Уланского ее величества и у дворца на шоссе от 12 гренадерского Астраханского полков. В 4 часа начался объезд лагеря при чудной погоде. Аликс ехала с Пуанкаре, Мари[5]) и Анастасией[6]). Войска выглядели замечательно бодрыми. После зори вернулся с президентом. В 7¼ ч. был большой обед у Николаши[1]), и Станы[2]) в шатре. В 9½ ч. поехал с Пуанкаре, Ольгой и Татьяной в театр. Был хороший, не длинный спектакль. Закусывал с Аликс и дочерьми — в халатах.

10 июля. Четверг.

Поехал с Пуанкаре на смотр войскам, который начался с объезда в 10 часов. Он ехал с Аликс и Мари и Анастасией. Прохождение кончилось в 12¼ ч. Остался очень доволен. Завтрак был в Красносельской палатке. Днем сделалось очень жарко. Вернулись по железной дороге в 3 часа. Погулял, сильно потел и выкупался с наслаждением. С запада полезла большая туча; прошла гроза с ливнем как раз перед нашим уходом с Пуанкаре в Кронштадт.

В 7½ ч. переехали на новый броненосец «France», на юте которого был обед на 104 человека. Все прошло очень хорошо, и в 10 часов мы простились с президентом и пошли в Петергоф, куда прибыли в 11 часов штилем и с темнотою. Читал.

11 июля. Пятница.

Жара дошла до 24° в тени. Утром был занят до часа. Завтракал Багратион[2]) (дежурный). Погулял до 3¼ ч.; затем поехал с Ольгой и Татьяной в Красное. Принял кавалерийскую и воздухоплавательную офицерские школы перед большой столовой. Опоздал на скачки на полчаса. Обедал у кавалергардов и был в театре.

12 июля. Суббота.

В четверг вечером Австрия предъявила Сербии ультиматум с требованиями, из которых 8 неприемлемы для независимого государства. Срок его истек сегодня в 6 часов дня. Очевидно, разговоры у нас везде только об этом. Утром поехал в Красное Село, и в 10 часов состоялся отличный смотр Астраханскому полку. От 11 часов до 12 часов у меня было совещание с 6 министрами по тому же вопросу и о мерах предосторожности, которые нам следует принять. Завтракал с офицерами Астраханского гренадерского полка. В 2½ поехал в лазарет тети Ми-

---

[1]) Дмитрий Павлович, вел. кн. штабс-ротмистр, флигель-адъютант; двоюродный брат Николая Романова; участник убийства Григ. Распутина 17 (30) декабря 1916 г.

[2]) Саблин, Н. П., кап. 1 р., флигель-адъютант, принадлежал к интимному кругу семьи Николая Романова.

[3]) Александр II (1818—1881), имп., дед Николая Романова.

[4]) Сухомлинов, В. А. (1848 — 1926), военный министр.

[5]) Мария Николаевна (1899—1918), вел. княжна, дочь Николая Романова.

[6]) Анастасия Николаевна (1901—1918), вел. княжна, дочь Николая Романова.

[1]) Николай Николаевич, вел. кн., ген.-ад., главнокомандующий войсками гвардии и Петерб. военного округа; с начала мировой войны до августа 1915 г. верховный главнокомандующий.

[2]) Анастасия Николаевна, жена вел. кн. Николая Николаевича, урожд. княжна Черногорская.

[3]) Багратион-Мухранский, К. А., кн., флигель-адъютант; зять вел. кн. Константина Константиновича.

хен [1]). Оттуда в военный госпиталь. Передал приз за лучшую стрельбу в кавалерии лейб-гвардии Гусарскому полку. Произвел смотр 9-му драгунскому и 12-му гусарскому Ахтырскому полкам. Все шефы присутствовали. В 6 час. было производство юнкеров перед столовой палаткой.

В 7 час. был обед офицерам обоих полков. После разговоров поехал с тремя старшими дочерьми в театр. Был длинный юбилейный спектакль по случаю его 50-летия. Вернулся в Петергоф в час с четвертью, а лег после 3-х час. из-за массы бумаг.

13 июля. Воскресенье.

Встал в 9 часов с проливным дождем. После обедни принял на ферме шталмейстера Мекленбург-Стрелицкого двора, приехавшего с извещением о кончине великого герцога. Он завтракал. Около 2 часов дождь окончился, и к вечеру погода прояснилась. Погулял с детьми и покатался в байдарке. Читал. Купался в море. Ольга Александровна обедала. Вечером сидели вместе.

14 июля. Понедельник.

Чудная погода продолжается. Утром погулял полчаса; затем принял Гриторовича и в 12 час. Танеева [2]).

Завтракали одни. От 3 час. поиграли в теннис. В 6 час. принял Маклакова [3]). Интересных известий было мало, но из доклада письменного Сазонова [4]) [видно, что] австрийцы, повидимому, озадачены слухом о наших приготовлениях и начинают говорить. Весь вечер читал.

15 июля. Вторник.

Принял доклад Сухомлинова и Янушкевича [5]). Завтракали: Елена [6]) и Вера Черногорская [7]). В 2½ ч. принял в Большом дворце представителей съезда военного морского духовенства с отцом Шавельским [1]) во главе. Поиграл в теннис. В 5 час. поехали с дочерьми в Стрельну к тете Ольге и пили чай с ней и Митей [2]). В 8½ ч. принял Сазонова, который сообщил, что сегодня в полдень Австрия объявила войну Сербии. Обедали: Ольга и Арсеньев [3]) (дежурный). Читал и писал весь вечер.

16 июля. Среда.

Утром принял Горемыкина [4]). В 12¼ ч. произвел во дворце около ста корабельных гардемарин в мичманы. Днем поиграл в теннис; погода была чудная.

Но день был необычайно беспокойный. Меня беспрестанно вызывали к телефону то Сазонов, или Сухомлинов, или Янушкевич. Кроме того, находился в срочной телеграфной переписке с Вильгельмом.

Вечером читал и еще принял Татищева [5]), которого посылаю завтра в Берлин.

17 июля. Четверг.

Утром было поспокойнее в смысле занятий; принял Мамонтова [6]), Боткина [7]) из Лиссабона и командира Каспийского полка Искрицкого. После завтрака у меня были Сазонов и Татищев. Погулял один. Погода была теплая. В 6 час. принял гр. Фредерикса с Воейковым [8]), затем Нилова [9]). Выкупался с наслаждением в море. Обедала Ольга и с нею провели вечер.

18 июля. Пятница.

День простоял серый, такое же было и внутреннее настроение. В 11 час. на ферме состоялось заседание Совета министров. Вернулся домой к часу. После

---

[1]) Мария Павловна (старшая) (1854—1923), вдова вел. кн. Владимира Александровича, президент Академии художеств.

[2]) Танеев, А. С., главноуправляющий собств. е. и. в. канцелярией; отец А. А. Вырубовой, поклонницы Григ. Распутина.

[3]) Маклаков, Н. А. (1871—1918), министр внутренних дел.

[4]) Сазонов, С. Д., министр иностранных дел.

[5]) Янушкевич, Н. Н. (1868—1918), ген.-от-инф., начальник генер. штаба, с 20 июля 1914 г. до 25 августа 1915 г. начальник штаба верх. главнокомандующего.

[6]) Елена Петровна, урожд. принцесса сербская, жена кн. Иоанна Константиновича.

[7]) Вера, королевна черногорская.

[1]) Шавельский, Г. И., протопресвитер военного и морского духовенства.

[2]) Дмитрий Константинович (1860—1918), вел. князь, ген.-адъютант.

[3]) Арсеньев, Е. К., ком. кирасирского имп. Марии Федоровны полка, флигель-адъютант.

[4]) Горемыкин, И. Л. (1839 — 1917), председатель Совета министров.

[5]) Татищев, И. Л., гр., ген.-ад., в чине генерал-майора и звании свиты е. в. состоял при имп. Вильгельме II (1905 — 1914).

[6]) Мамонтов, В. И., главноуправляющий канцелярией е. и. в. по принятию прошений.

[7]) Боткин, П. С., посланник в Лиссабоне.

[8]) Воейков, В. Н., ген.-майор свиты е. в., дворцовый комендант.

[9]) Нилов, К. Д., ген.-ад., адмирал, флаг-капитан е. в.

завтрака принял германского посла[1]). Погулял с дочерьми. До обеда и вечером занимался.

19 июля. Суббота.

Утром были обычные доклады.

После завтрака вызвал Николашу и объявил ему о его назначении верховным главнокомандующим впредь до моего приезда в армию. Поехал с Аликс в Дивеевскую обитель.

Погулял с детьми. В 6½ ч. поехали ко всенощной. По возвращении оттуда узнали, что Германия нам объявила войну. Обедали: Ольга Александровна, Дмитрий и Иоанн[2]) (дежурный) Вечером приехал английский посол Buchanan с телеграммой от Georgie[3]).

Долго составлял с ним вместе ответ. Потом видел еще Николашу и Фредерикса. Пил чай в 12¼ ч.

20 июля. Воскресенье.

Хороший день, в особенности в смысле подъема духа. В 11 ч. поехал с Мари и Анастасией к обедне. Завтракали одни. В 2¼ ч. отправились на «Александрии» в Петербург и на катере прямо в Зимний дворец. Подписал манифест об объявлении войны. Из Малахитовой прошли выходом в Николаевскую залу, посреди которой был прочитан манифест и затем отслужен молебен. Вся зала пела «Спаси, господи» и «Многая лета».

Сказал несколько слов. При возвращении дамы бросились целовать руки и немного потрепали Аликс и меня. Затем мы вышли на балкон на Александровскую площадь и кланялись огромной массе народа. Около 6 час. вышли на набережную и прошли к катеру чрез большую толпу и офицеров и публики. Вернулись в Петергоф в 7¼ ч. Вечер провели спокойно.

21 июля. Понедельник.

В 10 час. поехали вчетвером с Ольгой и Татьяной в Уланский полк. У собора был отслужен молебен. Офицеры и уланы прикладывались ко кресту и штандарту и затем целовали руку Аликс.

Пропустив полк, напутствовал его несколькими словами. Вернулись к себе в 11½ час. Принял Григоровича и Фредерикса. Завтракал и обедал Саблин (дежурный). Погулял с детьми. Погода стояла серая и ветренная. После чая принял Тимашева[1]) и затем занимался. Вечер был свободный.

22 июля. Вторник.

Вчера мама[2]) приехала в Копенгаген из Англии через Берлин. С 9½ до часа непрерывно принимал. Первым приехал Алек[3]), который с большими затруднениями возвратился из Гамбурга и едва доехал до границы.— Германия объявила войну Франции и направляет главный натиск на нее.

У меня были доклады: Горемыкина, Сухомлинова и Сазонова. Кирилл[4]) был дежурным.

23 июля. Среда.

Утром узнал добрую весть: Англия объявила войну Германии за то, что последняя напала на Францию и самым бесцеремонным образом нарушила нейтралитет Люксембурга и Бельгии.

Лучшим образом с внешней стороны для нас кампания не могла начаться. Принимал все утро и после завтрака до 4 час. Последним у меня был французский посол Палеолог, приехавший официально объявить о разрыве между Францией и Германией. Погулял с детьми. Мордвинов[5]) (дежурный) завтракал и обедал. Вечер был свободный.

24 июля. Четверг.

Сегодня Австрия, наконец, объявила нам войну. Теперь положение совершенно определилось. С 11½ ч. на ферме у меня происходило заседание Совета министров. Аликс утром ходила в город и вернулась с Викторией[6]) и Эллой[7]). Кроме них завтракали: Костя[8]) и Мавра[9]), только что вернув-

---

[1]) Пурталес, фон, Фридрих, граф, германский посол в России в 1907—1914 гг.

[2]) Иоанн Константинович, кн., сын вел. кн. Константина Константиновича, флигель-адъютант.

[3]) Георг V, английский король.

[1]) Тимашев, С. И. (1858—1920), министр торговли и промышленности.

[2]) Мария Федоровна, вдова им. Александра III.

[3]) Александр Петрович, принц Ольденбургский, ген.-ад., во время мировой войны верховный начальник санитарной и эвакуационной части.

[4]) Кирилл Владимирович, контр- адмирал свиты е. в.; нынешний бутафорский «император всероссийский» в эмиграции.

[5]) Мордвинов, А. А., полк., флигель-адъютант.

[6]) Виктория Федоровна, жена вел. кн. Кирилла Владимировича.

[7]) Елизавета Федоровна (1864—1918), вдова вел. кн. Сергея Александровича, убитого в 1905 т. в Москве с.-р. Иваном Каляевым.

[8]) Константин Константинович (1858—1915), вел. кн., ген.-ад., президент Академии наук, ген.-инспектор военно-учебных заведений.

[9]) Елизавета Маврикиевна, жена вел. кн. Константина Константиновича.

шиеся из Германии и тоже, как Алек, с трудом проехавшие через границу. Целый день шел теплый дождь. Погулял. Виктория и Элла обедали и затем уехали в город.

25 июля. Пятница.

Утром Аликс отправилась в город. День стоял чудный. Ольга Александровна завтракала со мною и младшими детьми. Погуляли вместе и нашли много грибов. Покатался до чая в Гатчине. Читал. Аликс вернулась в 7½ ч. У Аликс болела голова.

26 июля. Суббота.

В 9½ ч. пошел на «Дозорном» в город. Поехал в Зимний с Николашей. Принял членов Государственного совета и Думы. Затем у себя — Ильина[1]) по «Красному кресту» и Сухомлинова. Около 12 час. ушел с Эллой в Петергоф. Дул порядочный SW, но было тепло. Завтракал дома. Принял кн. Щербатова[2]). Погулял с детьми. После чая Элла простилась и уехала в Москву. Читал. Обедала Ольга. Все офицеры яхты провели у нас вечер.

27 июля. Воскресенье.

В 10½ ч. была обедня вследствие приезда дорогой мамы в 12 ч. 36 м. сюда в Петергоф. Встречало все семейство, министры и свита. Был выставлен дивный почетный караул от Гвардейского экипажа. Мама приехала с Ксенией[3]), совершив 9-дневное путешествие из Англии на Берлин, откуда ее не пропустили к нашей границе, затем Копенгаген, чрез всю Швецию на Торнео и на С.-Петербург. Она совсем не устала и в таком же приподнятом настроении, как мы все. Завтракали и обедали в котэдже. Погулял с дочерьми. В 6 час. принял Николашу. Погода была отличная.

28 июля. Понедельник.

Посидел полчаса утром с мама. Принял: Григоровича и Кривошеина[4]). Завтракал Мордвинов (дежурный). Гулял с детьми и искал грибы.

Погода была очень теплая.

Мария Павловна[1]) пила у нас чай. Как всегда, Николаша был в 6 час. с кратким ежедневным докладом. Приехал Сандро[2]) из Крыма. Читал. Обедал и провел вечер с мама.

29 июля. Вторник.

27 июля наши 10-я и 11-я кавалерийские дивизии, перейдя границу, имели удачные дела с австрийскими войсками. Утром принял ген. Радко Дмитриева, покинувшего болгарскую службу и только что назначенного командиром 8-го армейского корпуса. Затем были Алек и Сухомлинов. Последним принял Сазонова. Завтракал Андрей[3]) (дежурный). Погулял с Татьяной и Анастасией. Было очень жарко. В 6 час. принял Николашу и после — Фредерикса. Читал. Обедал у мама; Аликс осталась дома из-за головной боли. Ночью прошла гроза.

30 июля. Среда.

Сегодня дорогому Алексею минуло десять лет. Утром принял Янушкевича и простился с ним. Опоздал к обедне с Аликс. Мама завтракала у нас. Долго гулял с детьми. Погода была отличная с свежим SW. После чая Николаша привез пулемет, взятый у немцев на границе у Эйдкунена. В 6 час. принял Щегловитова[4]). Обедал с мама, со всеми и Дмитрием Шереметевым[5]) (деж.). Читал и отвечал на телеграммы.

31 июля. Четверг.

Утром простился с Николашей, Петюшей[6]) и Кириллом, уезжающими ночью в армию. Съездил до 11 ч. к мама и затем принял Маклакова и Мамонтова. После завтрака — Горемыкина. Продолжал дуть SW, налетали шквалы с дождем. Погулял с детьми. Занимался спокойно до обеда. Вечер провел дома.

Два дня тому назад 7-я кавалерийская дивизия имела удачное дело за австрийской границей.

---

1) Ильин, А. А., председатель главного управления росс. отделения Красного креста.

2) Щербатов, Н. Б., главноуправляющий госуд. коннозаводством.

3) Ксения Александровна, сестра Николая Романова, жена вел. кн. Александра Михайловича.

4) Кривошеин, А. В. 1858—1923), главноуправляющий землеустройством и земледелием.

1) Мария Павловна (младшая), дочь вел. кн. Павла Александровича, была в замужестве за герцогом Зюдерманландским, с которым разошлась в марте 1914 г.

2) Александр Михайлович (1866—1933), вел кн., ген.-ад., адмирал, во время войны заведывал авиац. частью в действ. армии.

3) Андрей Владимирович, вел. кн., ген.-майор свиты е. в.

4) Щегловитов, И. Г. (1881—1918), министр юстиции.

5) Шереметев, Д. С., полк. Кавалергардского полка, флигель-адъютант.

6) Петр Николаевич, вел. кн., ген.-адъютант.

Борьба за рабочую печать накануне мировой войны

С напряженным вниманием царская жандармерия и охранка следили за быстро возраставшей, вопреки всем преградам, мощью пролетарской печати в годы подъема революционного движения, накануне империалистической войны. Это отношение жандармов к рабочей печати ярко иллюстрируется печатаемой ниже запиской петербургского охранного отделения в департамент полиции от 22 апреля 1914 г. в связи с двухлетним юбилеем первой рабочей большевистской газеты в Петербурге «Правды». Документ содержит описание ряда беспощадных репрессивных мер, предпринятых в этот момент жандармерией и охранкой, чтобы подавить и заглушить все более крепнувший голос пролетарской трибуны. Известно, как неотступно и напряженно изо дня в день за всеми переживаниями «Правды», «Пролетарской правды» и «Пути правды» следил вождь пролетариата Ленин, непосредственно руководивший их работой. Здесь публикуется выдержка из письма к В. И. Ленину (В. Ульянову) из Петербурга, сообщающая о росте пролетарской печати в цифрах ежедневного тиража газеты за период январь—февраль 1914 г. несмотря на затруднения, вызывавшиеся непрерывными штрафами и конфискациями газеты.

Рабочие массы центров и самых отдаленных углов царской России всеми доступными им средствами отстаивали свою пролетарскую печать и любимую свою газету «Правда». Эту готовность оказать всемерную поддержку в трудной борьбе с самодержавием выражают многочисленные письма рабочих ко дню юбилея «Правды». Несколько этих писем из числа перлюстрированных департаментом полиции и помещаются здесь.

Публикуемые перлюстрации хранятся в Архиве революции в Москве, в фонде департамента полиции за 1914 г., под №№ 492*, 106*, 294*, 301,* 63, 706*, 711*, 96, 460, 122 и 991*. Большая часть печатаемых здесь писем была написана в целях конспирации химическим составом.

В. Далаго.

Записка Петербургского охранного отделения на имя директора департамента полиции от 22 апреля 1914 г. № 8877 [1]).

22 сего апреля, в день 2-летнего юбилея со времени выхода в свет в Петербурге первой рабочей газеты «Правда», большевистского направления с.-д. партии, по директивам обоих партийных центров — большевиков и меньшевиков, должен был состояться «День рабочей печати», посвященный разъяснению рабочим значения этой печати и устройству среди рабочих денежных сборов в фонд обеспечения ныне существующих рабочих газет — большевистского направления «Путь правды» и меньшевистского направления — «Северная рабочая газета».

По этому поводу обе названные газеты вышли сегодня в увеличенном формате и с помещением портретов социалистических деятелей Маркса и Энгельса, а в «Северной рабочей газете» — Адлера, Геда, Каутского, Плеханова, Аксельрода и Чернышевского. Содержание газет посвящено развитию рабочего движения и истории рабочих газет.

В газете «Путь правды» помещены многочисленные приветствия с юбилейным днем рабочей печати, присланные от рабочих организаций из провинции и из-за границы, а также помещен длинный перечень мелких пожертвований, поступивших уже в контору газеты на образование означенного фонда от отдельных групп рабочих почти исключительно столичных фабрично-заводских и иных предприятий. Таких пожертвований 19 апреля поступило на 1059 руб., а за 20 апреля — 203 руб.

Призыв к рабочим о производстве пожертвований на рабочую печать был помещен в названной газете в течение ряда последних дней, и ныне, за производство сбора пожертвований на цели, противные государственному порядку и общественному спокойствию путем объявленного в газете «Путь правды» воззвания, редактор названной газеты крест. Константин Николаев Морозов приказом с.-петербургского градоначальника от сего 22 апреля, на основании обязательного постановления, подвергнут штрафу в размере 300 рублей с заменою арестом на 2 месяца. В сегодняшнем юбилейном № 67 той же газеты снова помещено воззвание следующего содержания: «Товарищи, сегодня, в день рабочей печати, отчисляйте свой однодневный заработок в «железный фонд» газеты «Путь правды».

Что же касается вышедшего сего числа № 60 «Северной рабочей газеты», то за его преступное содержание, постановлением С.-Петербургского комитета по делам печати, на этот номер наложен арест.

В целях пропаганды идеи пожертвований на поддержку рабочей печати на фабриках и заводах распространялись юбилейные №№ названных газет, открыт-

[1]) Архив революции, фонд деп. полиции, 4 дел., 1914 г., дело № 61, ч. 8.

ки с фотографическим снимком первой страницы «Путь правды» № 61, брошюра Максима Горького «Вездесущее».

Из числа лиц, занимавшихся доставкою означенных произведений рабочей печати на заводы и продажею их там рабочим, задержаны трое при нижеследующих обстоятельствах.

Крест. Костромской губ., Галичского уезда, Пречистенской вол., Иван Федоров Захаров, 25 лет, работающий в пушечной мастерской Путиловского завода, задержан в 7½ часов утра одним из сторожей во дворе около названной мастерской за то, что нес в мастерскую пачку газет и журналов, в которой оказалось: 68 экз. газеты «Путь правды» № 67, 50 экз. журнала «Металлист» № 6 от сего числа и 30 открытых писем с изображениями разных иностранных социалистических деятелей.

Мещанин гор. Кронштадта Михаил Михайлов Алексеев и крест. С.-Петербургской губ., Ямбургского уезда, Ястробинской волости, Федор Николаев Ефимов, 18 лет, задержаны в 12 час. дня постовым городовым I уч. Выборгской части Барминым, знак № 1960, на углу Симбирской и Тихвинской улиц за то, что несли предназначенные на разные заводы шесть пачек, в которых оказались: 314 экз. газеты «Путь правды» № 67, 166 экз. рассказа Максима Горького «Вездесущее», 104 экз. брошюры «К истории рабочей печати» и 267 открыток с фотографическим снимком первой страницы «Путь правды» № 61.

Михаил Алексеев и Иван Захаров оказались известными уже по делам отделения. Из них Алексеев был арестован 3 декабря 1905 года на собрании 1-го съезда [1]) рабочих депутатов, причем при задержании отказался себя назвать; возбужденное о нем при губернском жандармском управлении дознание было прекращено. Захарову за вредное в политическом отношении направление в 1912 году было воспрещено пребывание в С.-Петербурге, на основании п. 4, ст. 16 положения о мерах государственной охраны; ограничение это в 1913 году было отменено. Что же касается Федора Ефимова, то о нем ранее сего неблагоприятных сведений не поступало, и, по его показанию, он был нанят Алексеевым за 20 коп. для переноса означенных пачек в места по указанию Алексеева.

Ныне о названных трех лицах при отделении возбуждено расследование.

По поводу того же юбилейного дня рабочей печати сего числа в 10 небольших фабрично-заводских предприятиях в Нарвском и Выборгском районах с утра прекратили работы около 1800 чел. Сведения о каких-либо митингах и рабочих выступлениях на заводах сего числа не поступали, но на одном из заводов был найден экземпляр печатной прокламации от имени Петербургского комитета партии социалистов-революционеров с призывом ознаменовать день 1-го мая забастовками и выступлениями.

Того же числа апреля день рабочей печати в высших учебных заведениях был ознаменован сборами денег на рабочие газеты всех направлений: «Путь правды», «Северную рабочую газету» и «Мысль труда».

Полковник Попов.

Из перлюстрированных писем о распространении „Правды“:

С. Петербург. 10 марта 1914 г. В Краков, улица Любомирского, 51, В. Ульянову [1]).

[Тираж газеты «Путь правды» за январь—февраль 1914 г.].

Январь	22-го		№ 1 — 21 000
„	23-го	Конфискован.	№ 2 — 22 000
„	24-го		№ 3 — 22 400
„	25-го		№ 4 — 24 300
„	26-го		№ 5 — 24 700
„	28-го	Конфискован.	№ 6 — 20 009
„	29-го		№ 7 — 23 200
„	30-го	Конфискован.	№ 8 — 24 200
„	31-го		№ 9 — 22 600
Февраль	1-го	Конфискован.	№ 10 — 20 000
„	2-го		№ 11 — 26 000
„	4-го		№ 12 — 24 700
„	5-го		№ 13 — 24 800
„	6-го		№ 14 — 25 400
„	18-го		№ 15 — 24 700
„	19-го		№ 16 — 24 650
„	20-го		№ 17 — 25 600
„	21-го		№ 18 — 27 500
„	22-го		№ 19 — 26 700
„	23-го		№ 20 — 29 000
„	25-го		№ 21 — 26 500
„	26-го		№ 22 — 26 700
„	27-го		№ 23 — 26 250
„	28-го		№ 24 — 25 400
Март	1-го		№ 25 — 27 200
„	2-го		№ 26 — 29 700
„	4-го		№ 27 — 27 700
„	5-го		№ 28 — 26 900
„	6-го		№ 29 — 28 000
„	7-го	Конфискован.	№ 30 — 27 300
„	8 го		№ 31 — 26 500
			Всего 781 600

[1]) Так в подлиннике.

[1]) Заголовки перлюстраций здесь и далее воспроизводятся по подлиннику.

Песочная. Брянск, 21 января 1914 г. В С.-Петербург, в редакцию газеты «Пролетарская правда».

Мы, группа рабочих-марксистов Людиновского завода, горячо приветствуем нашу славную и дорогую защитницу газету «Пролетарская правда». Мы желаем ей быть маяком, освещающим и облегчающим наш тернистый путь к лучшему будущему. Мы видим, что путь ее есть путь наш. Мы видим, что наша рабочая газета может существовать только при поддержке самих же рабочих. И вот мы, собравшись в числе 11 человек, решили ежемесячно поддерживать материально нашу защитницу «Пролетарскую правду». Шлем в ее фонд 1 р. 43 к. Просим товарищей следовать нашему примеру.

Болград, Бессарабской губ., 12 февраля 1914 г., Николай Степанов Буланов (он же Баянов). В С.-Петербург, в контору газеты «Путь правды».

Приветствие газете «Путь правды» от группы рабочих г. Болграда Измаильского уезда.

И до нашего глухого городка, находящегося на окраине России, доходит слово русского сознательного рабочего, доходит рабочая газета, руководительница всех рабочих России. И нас, едва лишь теперь просыпающихся от долгой спячки, учит она, кто наш враг и кто друг, учит мужеству и стойкости, которой так много проявил русский рабочий. Большое спасибо за то посылаем нашей газете и желаем ей и впредь так же мужественно и стойко учить и руководить рабочим классом России. Посылаем в фонд газеты «Путь правды» шесть рублей 60 коп.

Оренбург. 15 февраля 1914 г. В С.-Петербург, в контору газеты «Путь правды».

Оренбург, железнодорожные мастерские.

В трудной повседневной борьбе горячо приветствуем родную нашу газету «Путь правды». Шлем в фонд ее от никелировщиков (3 чел.)—1 р. 19 к., слесарей вагонно-колесного цеха (10 чел.) — 1 р. 07 к., токарного цеха (15 чел.)—3 р. 24 к., кузнечного (3 чел.) — 2 р. 50 к. Итого — 8 руб.

Товарищи, у нас хотят отнять нашу газету, наше кровное детище. Одной ногой уже наступили на горло и душат. Неужели, мы товарищи, позволим погибнуть ей? Где тогда мы услышим могучее смелое пролетарское слово? Где будем набираться бодрости и энергии? Кто укажет нам правильный путь борьбы? Кто во-время разоблачит и предостережет нас от скрытых и явных врагов?... Кто отточенным словом заклеймит предательство «друзей» пролетариата? Это сделает только рабочая, строго выдержанная марксистская газета «Путь правды». Ни одно пролетарское требование она не растеряла, не урезала и не разбавила водой. Под старым боевым знаменем она ведет настоящие батальоны сознательных пролетариев по пути к победе. Тяжелыми трудами и жертвами создали мы нашу жемчужину-газету. Поддерживать ее сборами, коллективной подпиской — наша прямая обязанность. «Освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих». Крепко запомните это, товарищи. Иного выхода нам нет. Только при этом условии бешеные атаки реакции будут бессильными задушить пролетарскую газету.

Архангельск. 30 марта 1914 г., П. В. Сергеев и А. С. Григорьев. В С.-Петербург, к члену Госуд. думы Чхеидзе.

В Архангельском уезде, где расположены лесопильные заводы числом 26 с рабочими населениями до 20 000 рабочих, исправником объявлено, чтобы ни один газетчик не появлялся с газетами, журналами, книгами, исключая буржуазной «Северное утро» и черносотенных изданий.

С действиями исправника солидарны губернские власти. Но рабочим нужны «Северная рабочая газета», «Путь правды» и другие с.-д. издания. Покупать же буржуйные и черносотенные издания не может быть и речи (среди 20 000 рабочих не продать и 10 экз.).

Газетчики, появившиеся с рабочими изданиями, рискуют быть формально арестованными. Были случаи.

Нашею конторой, единственным газетным предприятием в городе, имеющей собственную артель газетчиков, получено до 20 000 писем с заводов посылать им газетчиков.

Были случаи, что рабочих, читающих «Северную рабочую газету», «Путь правды», арестовывали.

Среди рабочих — волнения. На заводах — усиленная полиция. Ожидаются крупные столкновения.

Товарищи, встает север.

Но защищайте рабочую прессу, этот могучий рычаг просвещения. Немедленно нужно потребовать от правительства ответа на незаконное притеснение печати.

Киев. 19 апреля 1914 г. В С.-Петербург, в редакцию журнала «Металлист».

Мы, группа рабочих по обработке металла г. Киева, выслушав доклад нашего

товарища о рабочей печати и терниях, лежащих на пути нашей печати, вынесли следующую резолюцию.

Резолюция:

«Мы, группа организованных рабочих по обработке металла, протестуем против гонений на рабочую печать и приветствуем ее, а также всех товарищей тружеников в созидании и распространении нашей печати, бывших и теперешних, а тем, кто пострадал за нее, мы шлем свое горячее спасибо и говорим, что никогда, до тех пор пока тлится огонь в нашей груди, мы не забудем их. Рабочей же печати в день юбилея рабочей газеты «Правда» мы шлем горячий привет, со своей стороны будем всячески поддерживать нашу печать на ее тернистом пути и ко дню ее юбилея решили отчислить свой дневной заработок в пользу всей рабочей печати, а также произвести повсеместные сборы в «железный фонд» ее.

Обращаемся ко всем товарищам пролетариям. Призываем вас, товарищи, поддерживать рабочую печать морально и материально, ибо мы должны помнить, что только выдержанная марксистская печать может нам помочь и осветить все наше бедственное положение на нашем тернистом пути вперед. А вы то, металлисты, не должны забывать, что у нас есть свой профессиональный орган «Металлист», который освещает все живое наших товарищей рабочих по металлу, читайте же его и распространяйте и поддерживайте наш журнал».

Резолюция принята тремя группами. Копии общие посланы в «Путь правды», «Северную рабочую газету» и в «Цайт».

Николаев, Херсонской губ., 20 апреля 1914 г. В С.-Петербург, в редакцию газеты «Путь правды».

Мы, группа сознательных рабочих Русского судостроительного общества в Николаеве, горячо приветствуем с днем юбилея нашу дорогую просветительную газету «Путь правды». От всей души желаем ей дальнейшего и счастливого процветания на ее трудном и тернистом пути. Ввиду тернистого ее пути и частых различных репрессий, которые градом сыпятся на наш дорогой «Светоч» — Маяк»[1]). Видя все это, мы не можем остаться равнодушными, а вполне присоединяемся к товарищам прочих городов и шлем свою посильную лепту в фонд дорогой «Путь правды» — 2 р. 85 к. В сборе участвовало 5 товарищей: Добрый, Бывалый, Сергей, Полевой и Цветочников.

[1]) Так в подлиннике перлюстрации.

Рига, 22 апреля 1914 г., «Группа из 22 человек». В редакцию газеты «Путь правды».

Мы, группа административно осужденных и заключенных тов. работниц г. Риги, шлем горячий привет своей любимой газете и выразительнице наших идей «Пути правды» в день ее юбилея. И к нам, вырванным из ваших рядов, проникает живое слово и связывает нас тысячами нитей с той жизнью, которой живет весь наш пролетарский класс, и вселяет в нас в минуты душевного упадка новые силы и веру в победу наших идей.

Прилагаем при сем продовольственные деньги для «железного фонда»—3 рубля.

Москва, 24 апреля 1914 г., мастеровые Казенного № 1 винного склада. В С.-Петербург, в Российскую соц.-дем. рабочую фракцию [Госуд. думы].

Мы, сознательные мастеровые, шлем горячее приветствие вашей многоуважаемой газете «Путь правды». Желаем больше выносливости от произвола и конфискации и дальнейшего существования в пользу угнетенного рабочего люда.

Позвольте принести вам нашу маленькую лепту в размере 4 рублей. В сборе участвовало 33 человека.

Пенза, 20 апреля 1914 г. В С.-Петербург, в редакцию «Путь правды».

Мы, группа рабочих г. Пензы, шлем привет выразительнице рабочих нужд всего пролетариата. Тесным кружком должны сплотиться мы для общей пользы. Шлем свою посильную лепту и посылаем в «железный фонд» 44 р. 65 к.

От дерево-обделочников	— 12 р. 25 к.
Слесарей З. и К.	— 11 р. 84 к.
Кровельщиков	— 3 р. 30 к.
Кузнецов	— 3 р. 5 к.
Токарей через Л.	— 4 р. 70 к.
От Фомина	— 8 р. 20 к.
Расход В. В.	— 1 р. 60 к.

Пенза, мастера С. В. и В. Ф.

Архангельск, 18 мая 1914 г. «П. Сергеев». В Петербург, Таврический дворец, члену Государственной думы Петровскому, с.-д., для Российской социал-демократической рабочей фракции.

(На письме имеется штемпель «Редактор газеты «Северное эхо»).

Уважаемые товарищи.

Ваше письмо мы получили. Как радостно было получить привет из сердца партии!

Товарищи, это подняло наши чуть было не упавшие силы.

Вы, вероятно, знаете, что было перед первым мая в Архангельске.

Да, все, все обрушилось на нас.

Как мы уже вам писали, газету предположено было выпустить 18—20 апреля; как вдруг в ночь с 18 на 19-е апреля в редакцию—фараоны, но мы господ ожидали,— само собой, приготовились (прежде чем посетить нас, редакцию, был произведен обыск у одного товарища).

Искали, искали и, конечно, остались с носом. Но неизвестно почему все помещение редакции запечатали.

Три раза еще посетили помещение конторы (оставшееся свободным).

Перед первым мая были произведены обыски у товарищей: Тужикова, Починкова, Будакова, Комарова и меня, Сергеева, при чем нас последних троих при первых обысках арестовали и продержали по 2 недели в тюрьме; за недостатком улик 5 мая освободили.

Искали, как полагаем, листочков «Первое мая».

Наконец, 11 мая, помещение редакции распечатали.

Собравшись, принялись снова за дело.

Что же, первый удар укрепил силы!

Вперед!..

23 мая выходит первый номер газеты.

Вам ведь известно, как жмут провинциальную печать.

Но что бы то ни было — вперед!..

Редакция наша ежедневно получает десятки писем с заводов — описать страдания, защитить.

Товарищи! С выходом газеты каждый номер будем посылать по 2 экз., а пока остаемся с товарищеским приветом.

Буда Кошелевская, Могилевской губ., 10 июня 1914 г. «Николай» в Калиш, к Е. Шаухету, для З. М. М—ской[1]).

Температура настроений поднимается чуть ли не с каждым днем и скоро дойдет до максимума, и тогда должно произойти разряжение. Показателем приподнятого настроения может служить то сочувствие, которое выражают рабочие и крестьяне своим газетам. Так, по поводу двухгодичного существования своих газет, «Путь правды» собрал тысяч 25, «Рабочая газета» — тысяч 10 и «Смелая мысль» тоже тысяч 10. Надо не забывать, что эти тысячи собирались с самой бедноты, которая не могла давать рублями, — значит, в сборе приняли участие сотни тысяч народа. И когда начались репрессии против социалистической печати, десятки тысяч рабочих и почти все высшие учебные заведения Петербурга заявили свой протест, объявив однодневную забастовку.

1 мая редакции газет, названных выше, были уверены в конфискации первомайских номеров; рабочие ночью явились в редакции, где печатаются эти газеты, и вынесли несколько десятков тысяч экземпляров, которые потом и разошлись по всей России. Вообще, как видишь, настроение растет и не только в городах, а даже здесь у нас в деревнях. Незаметно, без шуму, развивается наша, действительно, необъятная Русь.

Неизданное письмо В. М. Гаршина

Публикуемое ниже письмо В. М. Гаршина к гр. М. Т. Лорис-Меликову от 25 февраля 1880 г. непосредственно примыкает к напечатанному Ю. Г. Оксманом в третьем томе «Полного собрания сочинений В. М. Гаршина» (М. 1934, изд. «Academia», т. III, стр. 207) письму к Лорис-Меликову же от 21 февраля 1880 г., написанному в связи с покушением на него И. Млодецкого и предстоящей казнью последнего. В своей статье «Всев. Гаршин в дни «диктатуры сердца» («Кат. и Сс.» 1925, II (15), стр. 126—135), Ю. Г. Оксман, пользуясь воспоминаниями близких Гаршину лиц, впервые восстановил ту обстановку, при которой происходило написание письма от 1 февраля, но, не имея точных документальных данных, оставил открытым вопрос о том — действительно ли Гаршин лично виделся с Лорис-Меликовым, желая убедить его не подвергать смертной казни И. Млодецкого. Публикуемое письмо Гаршина от 25 февраля, устанавливая факты посещения Лорис-Меликова и «буйства», устроенного Гаршиным в его доме, является как бы ответом на вопросы, которые предложил или мог предложить ему Лорис-Меликов при свидании. Заступничество за Млодецкого и туманная фраза письма от 21 февраля о том, что «быть может, в недалеком будущем она («идея», «пролившая столько крови и слез виновных и невиновных»), прольет их еще больше» (Гаршин подразумевает террористическую работу народовольцев), естественно могли вызвать у Лорис-Меликова вопрос о принадлежности самого Гаршина к «социально-революционной партии».

[1]) ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 57, л. Б.

С другой стороны, фразы того же письма от 21 февраля об «убийцах и взрывателях невинной молодежи», о «растерзанных трупах» солдат Финляндского полка, погибших 5 февраля 1880 г. при взрыве Зимнего дворца Халтуриным, а также о том, что, против Млодецкого, Лорис-Меликов «убьет нравственную силу людей, вложивших в его руку револьвер», может быть, даже понятые своеобразно Лорис-Меликовым, естественно могли дать ему повод высказать Гаршину подозрение в измене той же «социально-революционной партии». Помета **«sic»**, сделанная самим Гаршиным при названии «соц.-рев. партия», показывает желание Гаршина подчеркнуть, что и названия-то партии он не знал и узнал его лишь от самого Лорис-Меликова. Публикуемое письмо не только не противоречит содержанию письма от 21 февраля, но еще более подчеркивает жалкую позицию не приставшей ни к правому, ни к левому берегу либеральной буржуазии, представителем которой является в данный момент Гаршин. Обращает на себя внимание и последний абзац письма: «В минуту, когда я кончаю это письмо, приходит городовой с повесткой из III отделения». Это совпадение вызова в III отделение и написания письма едва ли может быть случайным. Невольно является мысль о том, что письмо от 25 февраля было начато не до прихода городового с повесткой, а после получения таковой. В своем письме Гаршин как бы заранее, сам дает ответы на те вопросы, которые, по его предположению, могли бы ему предложить в III отделении, т. е. прежде всего вопрос о принадлежности к народовольческой партии. О визите своем в III отделение Гаршин не упоминает в своих письмах; ни слова не говорит об этом факте в своих воспоминаниях жена Гаршина — Надежда Михайловна Золотилова, бывшая тогда его невестою (Сочинения, т. III, стр. 526). Что произошло с Гаршиным в III отделении, неизвестно. Можно только сделать предположение о связи этого невольного визита с быстрым отъездом Гаршина из Петербурга (1 марта он был уже в Москве), после чего с ним случился сильнейший нервный припадок, доведший его почти до сумасшествия.

Публикуемое письмо Гаршина обнаружено при разборе россыпи фонда бывш. министерства внутр. дел, среди которой оказались некоторые бумаги Лорис-Меликова, относящиеся в большинстве своем к службе его на Кавказе. Написано оно на обыкновенной почтовой бумаге малого формата, на трех страницах, крупным размашистым почерком. При подготовке письма к печати пунктуация исправлена; слова, написанные сокращенно, дописаны. Письмо подготовлено к печати под редакцией А. А. Шилова научным сотрудником ЛОЦИА Г. Ф. Лаппо.

Ваше сиятельство!

Я искренно благодарен вам за заботы обо мне, но, во избежание чересчур больших хлопот, считаю необходимым уведомить вас:

1) О том, что я никогда [1]) к «социально-революционной партии» (sic) [2]) не принадлежал.

2) Что, следовательно, я не являюсь изменником ни перед кем, даже перед этой «партиею».

3) Что о моем пребывании в вашем доме в ночь на 22 число знают, кроме меня, только четверо из них ближайших друзей, в том числе моя невеста [3]). За их молчание я ручаюсь собою и прошу только вас принять меры, чтобы слух о моем буйстве в вашем доме не вышел из него, если моя просьба не опоздала уже.

В минуту, когда я кончаю это письмо, приходит городовой с повесткой из III отделения собственной его императорского величества канцелярии. Письмо вам я все-таки считаю долгом послать, не зная, буду ли иметь случай видеть ваше сиятельство. Вы имеете способность привлекать сердца, и на этот раз привлекли и бедное, больное сердце

Вашего слуги
Вс. Гаршина.

СПБ
$18\frac{25}{II}80$

[1]) Подчеркнуто в подлиннике В. М. Гаршиным.

[2]) Помета самого В. М. Гаршина.

[3]) Из приводимых Ю. Г. Оксманом в примечаниях (т. III, стр. 475) воспоминаний Н. С. Русанова видно, что этими четырьмя ближайшими друзьями были — Над. Мих. Золотилова, сам Н. С. Русанов и художник Мих. Ег. Малышев — сожители Гаршина по квартире — и публицист-народоволец С. Н. Кривенко, которому Гаршин рассказывал о своем визите к Лорис-Меликову 21 февраля.

Ответственный редактор **Я. Берзин.**
Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. отв. редактора), В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. Ротштейн.

396156

ОГИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. Серия III 1914—1917 гг. М.—Л. Соцэкгиз.

Т. 1. 14 янв. — 13 марта 1914 г. 1931 г. стр. XLIII + 614.
Ц. 7 р. 50 к., в пер. 8 р. 50 к.

Т. 2. 14 марта — 13 мая 1914 г. 1933 г. стр. XX + 560.
Ц. 8 р., в пер. 9 р.

Т. 3. 14 мая — 27 июня 1914 г. 1933 г. стр. XVII + 468.
Ц. 8 р., в пер. 9 р.

Т. 4. 28 июня — 22 июля 1914 г. 1931 г. стр. XVI + 423 Ц. 10 р.

Т. 5. 23 июля — 4 августа 1914 г 1934 г. стр. XXX + 497.

ЦЕНТРАРХИВ

КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В СИБИРИ В 1905 — 1906 гг. Документы и материалы. Подготовил к печати В. Максаков. М.—Л. Соцэкгиз. 1932. Стр. 463 + 1 карта. Ц. 4 р. 50 к.

Содержание. Канун 1906 г. в Сибири. Организация карательных экспедиций в Сибирь. Действия карательного отряда генерала Меллер-Закомельского на Самаро-златоустовской, Сибирской и Забайкальской железных дорогах. Действия карательного отряда ген. Ренненкампфа. в Забайкалье. Военно-полевой суд при отряде ген. Ренненкампфа. Окончание карательной экспедиции ген. Ренненкампфа и ее итоги.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ во все магазины, киоски и отделения Когиза.

ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ без задатка: Москва, Могиз, „Книга—почтой"

СКЛАД ИЗДАНИЙ: сектор партийной и комсомольской литературы—Москва, ул. Блюхера, № 8.

Цена 2 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1934 год
И ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1935 год

на журнал

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Год издания 13-й
6 книг в год

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции и гражданской войны, истории фабрик и заводов

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на год—15 руб., на 6 мес.—7 р. 50 к.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями, магазинами и киосками Когиза, в главной конторе подписных и периодических изданий Когиза, Москва, Маросейка, 7 и повсюду на почте.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ—
ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

XX 144/79

СОДЕРЖАНИЕ

Первые дни мировой войны. — Разгром Сербии в 1915 г. и „помощь“ союзников.—Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны.— Солдатские письма в годы мировой войны. — Московский Военно-революционный комитет. — К истории революции 1905 г. на заводе „Сормово“. — После Цусимы.

ЦЕНТРАРХИВ
ОГИЗ ■ СОЦЭКГИЗ ■ МОСКВА
1934

117/26

ОГИЗ * СОЦЭКГИЗ * КОГИЗ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ
следующие книги:

ПОКРОВСКИЙ М. Н.

Историческая наука и борьба классов.

(Историографические очерки, критические статьи и заметки). Сборник подготовлен к печати Институтом истории Комакадемии. Соцэкгиз. 1933. (Коммунистическая академия). Выпуск I. Стр. 327, вкл. портрет. Ц. 4 р., в пер. 5 р. Выпуск II. Стр. 450. Ц. 4 р., в пер. 5 р.

ПОКРОВСКИЙ М. Н.

Русская история с древнейших времен.

В четырех томах. Соцэкгиз. 1933 г. (Институт истории Коммунистической академии).

Том I.

Стр. 272. 3 карты. 1 портрет. Ц. 2 р. 75 к. в пер. 4 р.

Том II.

Стр. 372. 10 карт. Ц. 3 р. 95 к., в пер. 4 р. 50 к.

Том III.

Стр. 276. 10 карт. Ц. 3 р. 50 к., в пер. 4 р. 75 к.

Том IV.

Об'ем 28 л. Ц. 4 р. (печ.)

Продажа во всех магазинах, отделениях и киосках Когиза

Почтовые заказы направлять „Книга почтой" во все областные (краевые) отделения Когиза.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ—ПЯТЫЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ—ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ)

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

Первые дни мировой войны

Публикуемые ниже документы, относящиеся к первым дням мировой империалистической войны, извлечены из той коллекции дипломатической переписки, которая составляет содержание подготовленного к печати VI тома III серии публикации «Международные отношения в эпоху империализма» [1]).

Еще не закончена процедура всех дипломатических формальностей, связанных с объявлением войны. Еще не вручены паспорта австрийскому послу в Лондоне и французскому в Вене. Еще царская армия не успела перейти германской границы. Но дипломатия вступивших в вооруженный конфликт коалиций уже ведет ожесточенную борьбу за вовлечение в войну стран, оставшихся нейтральными.

Вопрос о борьбе за нейтральные, а прежде всего балканские страны является главной, стержневой темой всей дипломатической переписки в эти дни.

Для царской России вопрос этот приобретал особенно острое значение, потому что от его разрешения зависело, как определится расстановка сил на не сформировавшемся еще балканском театре, географически ближайшем к проливам.

Отсюда — та энергия, страстность, даже нервность, с какою царская дипломатия начинает вести переговоры с балканскими нейтральными странами. В условиях напряженной военной конъюнктуры предстояло разрешить все те противоречия, которые во время балканских войн вскрылись со всей остротой и которые этими войнами остались неразрешенными. Сербо-болгарские противоречия в Македонии, греко-болгарские во Фракии и южной Македонии, болгаро-румынские в Добрудже, итало-сербские и итало-греческие в Албании — весь этот туго завязанный узел противоречий предстояло распутать, а для того требовалось погасить взаимную вражду между этими странами, примирить непримиримых антагонистов, удовлетворить каждого из них подходящими территориальными «компенсациями».

Тот запасный фонд, из которого дипломатия Антанты могла черпать эти будущие территориальные «компенсации», могли составить, с одной стороны, земли Австро-Венгерской монархии, с другой — территориальное наследство Турецкой империи, еще не определившей своей позиции в войне, но в предшествующие годы достаточно сильно втянувшейся в орбиту политики австро-германской коалиции. Этим дело, конечно, не могло ограничиться, и на очередь ставились также вопросы о необходимых взаимных «уступках» и «жертвах» одних нейтральных в пользу других, о многообразных разграничительных комбинациях между ними.

Неожиданно выдвинутое турецкою дипломатиею предложение русско-турецкого военного союза, объективно отражавшее те внутренние противоречия, которые намечались в пределах австро-германской коалиции, несомненно, осложнило и без того сложную организационную работу дипломатии Антанты: в это самое время начались переговоры с Болгарией, и последней приходилось обещать компенсации не только

---

[1]) Документы VI тома «Международных отношений» охватывают период с 5 августа 1914 г. по 13 января 1915 г. Том подготовлен к печати А. Л. Поповым при участии Б. Я. Галиной.

за счет сербских, но и за счет турецких земель. Если русский посол в Константинополе М. Н. Гирс верил в возможность русско-турецкого соглашения, то Сазонов относился к нему с большим скептицизмом. Позиция Сазонова в этом вопросе должна была определиться не только соображениями о тактическом, маневренном характере турецкого дипломатического выступления. Грей не переставал поучать Сазонова об обязанности России как члена Антанты думать прежде всего о нанесении поражения Германии и при всяком удобном случае подчеркивал второстепенное, локальное значение турецкой проблемы и отсутствие какой-либо опасности для России с турецкой стороны. Более откровенные из французских политиков высказывали предельно ясную мысль о том, что «было бы выгоднее втянуть Турцию в число наших противников, дабы таким образом покончить с ней» [1]).

Во всяком случае, послу в Константинополе Сазонов давал директиву: переговоры с Энвером продолжать, имея в виду необходимость «выигрыша времени». Появлением в турецких водах «Гебена» и «Бреслау» под командой германских офицеров замаячивший на короткое время призрак русско-турецкого соглашения был снят с очереди. Вопрос о том, какую позицию займет в войне Турция, был теперь предрешен: через три месяца (29 октября) она открыто выступила на стороне Тройственного союза.

Чрезвычайные трудности представляло разрешение задачи воздействия на Болгарию. Ненадежность объявленного Болгарией нейтралитета подтверждалась всей предшествовавшей историей сербо-болгарских, греко-болгарских и болгаро-румынских отношений. Срастание интересов Болгарии с интересами австро-германской коалиции было для всех очевидным фактом. Но на Болгарию нельзя было махнуть рукой: она как плацдарм перед проливами представляла собой для царской дипломатии фактор первостепенной политической и стратегической важности. Когда-то, в 1912—1913 годах, Болгария являлась одним из основных звеньев антитурецкого «Балканского союза», который она потом взорвала своим выступлением против Сербии. Теперь царские дипломаты стали мечтать о восстановлении прежнего балканского блока, о привлечении Болгарии на свою сторону. Отсюда понятна та щедрость, какую Сазонов готов в отношении ее проявить и за счет Сербии, и за счет Греции, и за счет Румынии: он требует дальновидности от Пашича, уступчивости от Венизелоса, сговорчивости от Братиану. Но здесь-то и вырастали перед царской дипломатией непреодолимые препятствия: ненасытные аппетиты болгарских политиков, поощряемых Германией и Австро-Венгрией, великосербские настроения правящих кругов Сербии, пан-эллинские тенденции в политике Греции, поощряемой и защищаемой англичанами, уклончивая и скользкая позиция румын, поддерживаемых Францией.

Вопрос о вступлении в войну Болгарии неразрывно связывался и с вопросом о позиции Греции и с вопросом о позиции Румынии. С первых же дней войны царское правительство повело дипломатическое наступление по всему фронту нейтральных балканских стран. Объявление нейтралитета Румынией, которая была формально связана с австро-германской коалицией, само по себе было уже фактом, который дипломатия Антанты могла вписать себе в актив. К тому же проект русско-румынского военного соглашения, пусть вежливо Румынией отклоненного, фигурировал и всерьез обсуждался в самые первые дни военной поры.

Еще больше надежд возлагалось дипломатией Антанты на Италию, которая, подобно Румынии, входила до войны в австро-германскую коалицию и подобно ей теперь осталась в нейтралитете. Исторических предпосылок для откола от Тройственного союза Италии было еще больше, потому так убедительно звучал проект англо-франко-русско-итальянского военного соглашения, набросанный в первые же дни войны частью рукою бар. Шиллинга, частью рукою итальянского посла в Петер-

[1]) См. ниже № 65, прим.

бурге Карлотти. На Италию в эти дни Сазонов повел столь энергичную лобовую дипломатическую атаку, что был остановлен напоминанием союзников о необходимости соблюдать большую осторожность. Грей часто повторял, что позиция нейтральных определится не размером обещаемых им компенсаций, а положением на театре военных действий, решительным военным успехом на фронте.

В дальнейшем, поскольку военные действия приняли затяжной характер и начатая с расчетом на эффективность стремительных молниеносных операций война превращалась в позиционную, окопную войну, затягивалось и разрешение вопроса о вовлечении нейтральных стран в войну. Но и независимо от того, относящаяся к первым дням войны дипломатическая переписка сама по себе показывает, что борьба на этом дипломатическом фронте должна была принять затяжной характер, характер упорного торга с переторжками. В разгар первой большой империалистической схватки за передел мира нейтральные страны ловили момент, чтобы извлечь максимальные выгоды для себя при дележе добычи, а между тем в первые дни войны еще и не видно было, на какой стороне будет победа...

Как известно, из всех этих стран Италия первая покинула свою позицию нейтралитета: 20 апреля 1915 г. она подписала секретный договор со странами Антанты и в конце мая начала войну против Австро-Венгрии. Борьба за Болгарию продолжалась более года и закончилась в пользу австро-германской коалиции: 5 октября 1915 г. Болгария начала военные действия против Сербии. На торги с Румынией потребовалось целых два года, и только в конце августа 1916 г. она окончательно решилась связать свою судьбу с Антантой. Что касается Греции, то, прежде чем она примкнула к союзникам, последние после целого ряда насильственных актов по отношению к ней, в конце концов, должны были совершить в Афинах государственный переворот (в июне 1917 г.).

Из других проблем, нашедших свое отражение в дипломатической переписке царского правительства за данный период, на первый план выдвигается проблема англо-русских противоречий в Персии (см. №№ 40, 73). Проблема эта была далеко не новой, она уже имела крупный исторический стаж. Теперь, в условиях военного времени, требовавшего от каждой из борющихся коалиций максимальной консолидации ее рядов, она осложнялась продолжаемой царизмом агрессией в Персии, с одной стороны, и с другой — повышенными страхами англичан перед мусульманской опасностью в соседней Индии. Англо-русские противоречия в Средней Азии получили, как известно, в дальнейшем свое «разрешение» в плане передела турецкого наследства, в плане разрешения важнейшей для царизма проблемы о Константинополе и проливах. Публикуемые документы первых дней империалистической войны застают эту нарастающую на среднеазиатском фронте внутреннюю борьбу в пределах одной из империалистических коалиций лишь в эмбриональном состоянии.

На Дальнем Востоке Япония, под флагом вступления в войну и под прикрытием разговоров об «углублении дружественных связей» с царской Россией, выдвигала проблему своей безраздельной гегемонии на Дальнем Востоке (см. №№ 10, 11, 85). Смысл японского выступления стал ясным, разумеется, только в свете последующих фактов: в начале 1915 г. японский империализм выступил с развернутой программой захвата Китая — программой, которую во время мировой войны удалось осуществить лишь в сравнительно небольших размерах и которая полностью осуществляется японской военщиной теперь, через 20 лет... Для того времени это была только музыка будущего, которая в первые дни великой тревоги явственно еще слышна не была. Балканские мотивы по преимуществу, торг за вовлечение нейтральных в войну, вопросы согласования военных действий союзников довлели в те дни над всей работой дипломатических канцелярий.

А вне стен дипломатических кабинетов слышался рев разъяренной черносотен-

но-патриотической толпы, в шовинистическом угаре громившей здания посольств враждебных государств (см. № 1).

И в те же дни — как повествуют публикуемые документы (см. № 67) — председатель Международного социалистического бюро в своем телеграфном воззвании к с.-д. депутатам Государственной думы, царской полицией переданном беспрепятственно по назначению, подписывал свое отречение от учения революционного марксизма: еще до того, как на главных фронтах войны открылся смертоносный ружейный и орудийный огонь, запылало и рухнуло здание II Интернационала, подожженное изменническою рукою его вождей, вступавших в содружество с поджигателями мировой империалистической бойни.

А. Попов.

№ 1. Докладная записка министра иностранных дел Николаю Романову.

5 августа (23 июля) 1914 г.

В трудные минуты, переживаемые нами теперь, весьма важно для нас обеспечить себе содействие иностранных государств, а одним из средств к этому является стяжание себе сочувствия их общественного мнения.

Вашему императорскому величеству благоугодно было лично отметить, что Россия встретила ниспосланное ей испытание «со спокойствием и достоинством». Именно такое отношение сильно содействовало заметному до сих пор повсюду сочувственному нам настроению.

С тем большим прискорбием приходится говорить об ужасающем и позорном событии, происшедшем прошлою ночью. Под предлогом патриотических манифестаций толпа, в которую вошли подонки столичного общества, совершенно разгромила здание германского посольства и даже убила одного из служащих посольства, а власть, на обязанности которой лежало предупредить или пресечь подобные недопустимые в цивилизованной стране неистовства, не оказалась на высоте требования.

Ночью многие аккредитованные при высочайшем дворе дипломатические представители, из которых некоторые оказались очевидцами этой дикой картины, обращались с тревогой в министерство иностранных дел, заявляя о намерении своем выехать из Петербурга, а некоторые — даже о желании вытребовать свои военные суда для ограждения личной и имущественной безопасности своих подданных, ввиду того, что императорское правительство, по их мнению, видимо, не может достаточно ее обеспечить, ибо раз, несмотря на установленное здесь военное положение, события, подобные вчерашнему, возможны, есть основание опасаться развития новых беспорядков.

Сегодня известие о происшедшем несомненно облетит весь мир, производя всюду крайне невыгодное для нас впечатление, которое нам приходится учитывать с точки зрения нынешнего международного положения.

Вследствие сего приемлю в верноподданнический долг мой доложить вашему императорскому величеству, что для смягчения такого впечатления было бы необходимо, чтобы возможно скорее было вынесено строгое осуждение попустительству и бездействию власти, проявленным теми, на чьей ответственности порядок и безопасность в столице.

Сазонов.

№ 2. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 1684. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Срочная.

Сообщается в Софию исключительно для личного сведения.

Ваша телеграмма № 289 [1]) получена.

Прошу расшифровать лично. Доверительно. Прошу вас сообщить Пашичу следующее.

Мы полагаем, что в настоящую минуту надо, откинув мелочные расчеты, действовать решительно и быстро. С этой точки зрения мы полагаем, что содействие Болгарии, независимо от исхода войны, может быть обеспечено только отдачей ей теперь же Иштиба и Кочан с территорией до Вардара. В случае же победоносной войны Болгария получит так называвшуюся [2]) спорную территорию, предусматривавшуюся второй статьей тайного приложения сербо-болгарского договора 13 марта (29 февраля) 1912 года, от вершины Голема, севернее Кривой Паланки, до Охридского озера со включением Струги.

Если бы Болгария затруднилась выступить с военными силами, то за добросовестное соблюдение нейтралитета она могла бы быть вознаграждена Кочанами и Иштибом с территорией до Вардара лишь после победоносной войны, в чем Сербия теперь же даст обязательство России, которая сообщит таковое Болгарии.

Делая настоящее сообщение, выскажите Пашичу следующую нашу общую точку зрения: начиная войну, требующую напряжения всех своих сил, войну, вызванную защитою Сербии и которая с божьей помощью приведет к исполнению ее народных идеалов, Россия не сомневается, что сербское правительство без колебания пойдет навстречу ее заветному желанию восстановить братство всех славянских народов и прежде всего Сербии и Болгарии. Жертвы, которые придется для этого понести Сербии, несоизмеримы с тем, что она может получить. Они несоизмеримы также с теми жертвами, которые несет Россия. Само собою разумеется, условия, сообщаемые ныне Пашичу, не должны быть нами сразу сообщены болгарам. Для нас необходимо лишь быстрое и категорическое согласие сербского правительства предоставить России полномочие начать переговоры в указанных выше пределах. Какие-либо колебания в настоящий момент мы считали бы прямо пагубными.

Сазонов.

№ 3. Посол в Лондоне министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 255. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Асквит огласил вчера в парламенте ультиматум, посланный Германии. Мне говорят, что никто не запомнит подобного взрыва энтузиазма. Радикальная оппозиция раздавлена. Если исключить «Manchester Guardian», то же наблюдается в прессе. Выход «Darkest Russia» прекращен, так как время нападок на Россию прошло. Растет глав-

[1]) См. «Международные отношения в эпоху империализма», т. V, № 505.
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Перевод с французского.

ным образом антигерманское настроение. Обнародование прекрасного ответа императора королю[1]) произвело большое впечатление. Я вижу во всем этом оправдание точки зрения Грея, неоднократно повторявшего мне, что без общественного мнения он ничего не может сделать, что сербское дело оставило общество совершенно равнодушным, что он не может обещать больше того, что может сдержать, но что общественное настроение может измениться втечении 12 часов. Сделать это взял на себя германский император. Результат был вполне достигнут. Позиция Грея, когда я говорил ему о высокой политике, объясняется тем же. Он уклонился от разговора по существу, и его советы сводились к реплике: «Вы склоняете на путь истины обращенного». Не имея возможности писать, считаю своею обязанностью констатировать приведенное выше.

Бенкендорф.

№ 4. Посол в Лондоне министру иностранных дел[2]).

Телеграмма № 267. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Копия в Париж.

Получил № 1667[3]). Никольсон ознакомился с его содержанием с большим удовлетворением. Тем не менее он настаивает на том, что нам необходимо дать шведскому правительству несколько более положительные и определенные заверения и гарантии добрососедских отношений на будущее время. По мнению Никольсона, если Швеция выступит против России, то Норвегия присоединится к Швеции. Он заметил, что Швеция и Норвегия занимают по отношению к нам то же положение, что Бельгия и Голландия по отношению к Англии.

Бенкендорф.

№ 5. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 239. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Копия в Лондон.

Получил №№ 1668 и 1670[4]).

Английское правительство сделало здесь те же шаги относительно Бельгии, Голландии и Норвегии. До того оно предложило здесь заявить Швеции, что от нее ожидается сохранение нейтралитета и что при этом условии Россия, Англия и Франция гарантируют ей теперь и на будущее время ее нейтралитет, в противном же случае три державы не принимают относительно ее никаких обязательств. Думерг сказал мне, что французское правительство вполне согласно с вышесказанными предложениями. Что касается Румынии, то Вивиани сказал мне что он принимает ваше предложение[5]), но что, по его мнению, следовало бы несколько смягчить последнюю фразу о том, что выступление против России будет рассматриваться как действие, враждеб-

[1]) См. «Международные отношения», т. V, 6 451.
[2]) Перевод с французского.
[3]) См. «Международные отношения», т. V, № 525.
[4]) См. там же, №№ 526 и 528.
[5]) См. там же, № 528.

ное против всех трех держав. Он предлагает заменить ее редакцией, предложенной Англией по отношению к Швеции, а именно, что в случае выступления Румынии против России три державы не принимают на себя относительно ее никаких обязательств. Эта поправка внушается ему соображениями о необходимости избежать всего, что может быть истолковано как угроза по адресу Румынии.

Извольский.

№ 6. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 241. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Копия в Лондон.

Австрийское посольство все еще находится в Париже, и граф Сечен не обнаруживает никакого намерения испросить свои паспорта. Думерг видит в этом уловку, чтобы вызвать первый шаг к разрыву со стороны Франции и указать на него Италии как на «casus foederis». Поэтому здесь думают, что как Франция, так и Россия должны поступать с Австрией особенно осторожно и не подавать ей повода обвинить их в нападении. Дабы однако австрийское посольство не могло злоупотребить в пользу Германии своим пребыванием в Париже, здесь только что воспрещены шифрованные телеграммы всем посольствам, кроме русского и английского, и миссиям, кроме бельгийской.

Извольский.

№ 7. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 242. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Шебеко телеграфирует за № 145:

Прошу доложить министру: Берхтольд заявил мне сегодня, что союз, связывающий Австро-Венгрию с Германией, обязывает ее в настоящую минуту к разрыву отношений с нами. Она намеревается поэтому отозвать Сапари [1]). В ответ на это я попросил министра иностранных дел дать мне возможность со всем составом посольства вернуться в Россию единственным оставшимся путем — через Румынию.

Извольский.

№ 8. Посол в Константинополе министру иностранных дел [2]).

Телеграмма № 628. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Срочно.

Прошу срочных указаний.

По моему поручению генерал Леонтьев посетил сегодня Энверпашу, который заявил ему, что мобилизация отнюдь не направлена против России, что, если это будет отвечать интересам России и может успокоить ее со стороны кавказской границы, то она [3]) согласна взять

[1]) В тел. от 6 августа (24 июля) за № 249 Извольский отмечал, что, по сведениям французского посла в Вене, Берхтольд заявил Шебеко, что Австро-Венгрия считает себя в состоянии войны с Россией. Австро-венгерский посол, по сообщению Извольского, заявил Думергу, что он не получил из Вены никаких указаний об отъезде.

[2]) На подлиннике помета Николая Романова: «Любопытно», и далее рукой Сазонова: «Петергоф, 25 июля 1914 г.».

[3]) Так в подлиннике.

оттуда часть войск из 9-го и 11-го корпусов. Далее он заявил, что Турция сейчас ни с кем не связана и будет действовать сообразно с своими интересами. Если бы Россия пожелала обратить внимание на турецкую армию и использовать ее для своих целей, то он и такую комбинацию не считает невозможной. Эта армия могла бы быть использована Россией как для нейтрализации армии того или иного балканского государства, которое намеревалось бы выступить против России, так и для содействия армиям балканских государств против Австрии, если бы России удалось примирить балканские государства между собой и с Турцией на условиях взаимных уступок. На вопрос генерала Леонтьева, какие именно могли бы быть эти уступки, Энвер ответил, что они могли бы выразиться для Турции в Эгейских островах и в области Западной Фракии, причем Греция могла бы получить компенсацию в Эпире, Болгария — в Македонии, Сербия — в Боснии и Герцеговине. На ряд сомнений, выраженных генералом Леонтьевым, Энвер ответил утверждением, что он убежден в возможности такой комбинации с турецкой стороны. К ней с радостью примкнут и правительство и турецкий народ, раз только будут знать, что она может принести реальные результаты[1]). Леонтьев просит передать копию этой телеграммы в военное министерство.

Гирс.

№ 9. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 631. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Срочная.

Прошу срочных указаний. Ссылаюсь на №№ 628[2]), 629[3]), 630[4]). Сегодня же посетил меня болгарский посланник и, оговорив, что он высказывает лишь личное свое мнение, настойчиво доказывал мне,

---

[1]) В тел. Гирса от 5 августа (23 июля) за № 629, передававшей содержание разговора Леонтьева с Энвером по вопросу о германских офицерах в турецкой армии, между прочим значится: «Энвер ответил, что он не удерживал немцев, но не имел прямых оснований просить их об отъезде, пока политическое положение не выяснилось... Он лично не сомневается, что, оставляя их в Турции, германское правительство преследовало свои цели, именно в смысле вовлечения Турции в свою орбиту, но что эти цели не будут достигнуты, так как Турция будет преследовать только свои собственные интересы. Если только состоится комбинация, о которой говорится в телеграмме № 628, то он в тот же день скажет немцам: «Теперь вы наши враги, и я прошу вас удалиться».

В своей тел. Гирсу от 6 августа (24 июля) за № 1705 Сазонов признавал желательным, чтобы ген. Леонтьев продолжал объяснения с Энвер-беем в благожелательном смысле, хотя бы для известного выигрыша времени, избегая каких-либо связывающих заявлений.

В тел. от 8 августа (26 июля) за № 637 Гирс сообщал о своем разговоре с вел. визирем по поводу сделанных Энвером заявлений о мобилизации турецкой армии, причем вел. визирь выразил сочувствие «всему, что могло бы дать нам удовлетворение на этом пути». Гирс отметил при этом, что Энвер «является в совете министров самым убежденным сторонником активного выступления Турции» и что, повидимому, он не сообщал вел. визирю своего разговора с Леонтьевым.

В тел. от 9 августа (27 июля) за № 651 Гирс сообщал, что вел. визирь «теперь вполне в курсе объяснений Энвера с генералом Леонтьевым и, повидимому, сочувствует им, хотя официально стоит на почве сохранения полного нейтралитета Турцией, не соглашаясь, что присутствие германских офицеров нарушает этот нейтралитет».

[2]) См. № 8.

[3]) См. прим. 1.

[4]) См. стр. 17, прим. 5.

что наступил момент возвращения Болгарии в орбиту русского влияния и нравственного единения с балканскими государствами. На мой ответ, что я искренно сочувствовал бы всякому почину Болгарии на этом пути, и что она имеет полную возможность взять его именно в настоящий момент, подав руку...[1]) Сербии, Тошев выразил, что к сожалению, раздражение болгар против сербов еще настолько велико, что он сомневается в возможности немедленного выступления болгарской армии в союзе с сербской. Однако он, будто бы, убежден, что она и не поднимется против Сербии и что Болгария вполне, будто бы, искренно будет придерживаться строжайшего нейтралитета втечении всего нынешнего кризиса. Она хотела бы при этом быть гарантированной от нападения со стороны Турции и видела бы такую гарантию во взаимном обязательстве Греции, Турции, Болгарии и Румынии не принимать участия в настоящей войне. В таком обязательстве он видел бы зачаток балканского блока против Австрии. За сохранение нейтралитета балканские государства получили бы территориальные компенсации. При этом Тошев высказал по их поводу решительно те же предположения, которые в тот же день излагались Энвер-пашой нашему военному агенту[2]). Это последнее обстоятельство несомненно доказывает, что между Турцией и Болгарией велись переговоры касательно общности действий в нынешнем кризисе, опираясь на Австрию и Германию. Болгарии пришлось отказаться от активного выступления под угрозой вмешательства Греции и Румынии. Присоединение же к нам Великобритании в борьбе с Германией несколько отрезвило и Турцию. Полагаю, что опасение немецкой неудачи и страстное желание все же получить какую-либо реальную пользу от нынешней войны и побуждают Турцию, а может быть и Болгарию, заигрывать ныне с нами. Нисколько не доверяя их искренности, я все же полагаю, что нам не следовало бы их отталкивать, так как этим мы бросили бы их в объятия наших противников. Сама же идея образования балканского блока, со включением в него Турции, может быть нам лишь полезной до того времени, пока обстоятельства не позволят нам самим стать твердой ногой на проливах. Поэтому позволяю себе высказать предположение о желательности вовлечь Порту в дальнейшие разговоры с нами на тему возможного между нами соглашения.

Гирс.

№ 10. Посол в Токио министру иностранных дел[3]).

Телеграмма № 112. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Если императорское правительство... на это согласно, проектированное соглашение могло бы быть заключено в следующей редакции:

Вводная часть. Россия и Япония, одушевленные искренним желанием поддерживать постоянный мир на Дальнем Востоке, принимая во внимание солидарность их интересов в этой области, согласились между собой в следующем:

Статья 1. Оба правительства подтверждают договоры, конвенции и соглашения, заключенные между ними и сохраняющие в настоящее время свою силу.

[1]) Здесь и далее многоточие обозначает пропуск в подлиннике.

[2]) См. № 8.

[3]) Перевод с французского. Публикуемый документ, повидимому, является продолжением одной из предыдущих тел. Малевского, которая в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

Статья 2. Если интересы и права, предусмотренные упомянутыми дипломатическими актами... оказались бы под угрозой, оба правительства договариваются между собой о тех мерах, которые необходимо принять для охраны этих интересов и прав.

Статья 3. Если та или другая из высоких договаривающихся сторон подверглась бы на Дальнем Востоке нападению... другая сторона должна оказать ей поддержку или при помощи своих армий или соблюдая самый строгий нейтралитет.

Статья 4. Это соглашение, заключенное на время... вступает в силу с момента его подписания и может быть автоматически возобновлено или... никоим образом не затрагивает положений союзного договора, существующего между Японией и Англией... и пунктов политического соглашения, подписанного в 1907 г. Францией и Японией.

Малевский.

№ 11. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел [1]).

6 августа (24 июля) 1914 г.

Посольство его величества на основании указаний, полученных от сэра Э. Грея, имеет честь уведомить его превосходительство императорского министра иностранных дел, что между правительством его величества и японским правительством состоялось соглашение о том, что в случае нападения на Гонконг или Вей-хай-вей или в случае подобного же конкретного акта нападения японское правительство окажет немедленно поддержку правительству его величества [2]).

В случае возможного захвата английского торгового судна или в случае возможного возникновения вопроса о китайских и русских территориальных водах японское правительство согласно обсудить вопрос и посоветоваться с правительством его величества, прежде чем принять определенные меры [3]).

№ 12. Нота австро-венгерского посла в Петербурге министру иностранных дел [4]).

6 августа (24 июля) 1914 г.

По приказанию своего правительства нижеподписавшийся посол Австро-Венгрии имеет честь довести до сведения его превосходительства г. российского министра иностранных дел нижеследующее:

«Ввиду угрожающего положения, занятого Россией в конфликте между Австро-Венгерской монархией и Сербией, и при наличии того обстоятельства, что вследствие этого конфликта Россия, как это явст-

[1]) Перевод с английского. Содержание публикуемого документа передано Малевскому тел. Сазонова от 8 августа (26 июля) за № 1739.

[2]) В тел. от 7 августа (25 июля) за № 127 Малевский сообщал, что, по мнению англ. посла, «японцы, не ожидая обращения своей союзницы, подготовляют нападение на Киаочжоу, ища лишь благовидного предлога, чтобы напасть на германские владения на Дальнем Востоке».

[3]) В своем ответе на заявление англ. правительства японское правительство изъявило согласие поддержать его. Текст японского ответа передан Малевским в Петербург тел. от 7 августа (25 июля) за № 120.

[4]) Перевод с французского.

вует из сообщения берлинского кабинета, сочла необходимым открыть военные действия против Германии и что последняя таким образом находится в состоянии войны с вышеназванной державой, Австро-Венгрия равным образом считает себя с настоящего момента в состоянии войны с Россией» [1]).

Сапари.

№ 13. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1703. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Срочная.

Сообщается в Константинополь.

Доверительно. Наше морское ведомство считает возможною попытку Австрии при сообщничестве Турции, поведение коей весьма двусмысленно, направить свой флот в Черное море, где он имел бы несомненное преобладание над нашим флотом, усилившись присоединением германских и, быть может, турецких судов.

Таким маневром достигнуты были бы как безопасность австрийского флота, так и вместе с тем возможность нанести нам чувствительный удар.

Вследствие этого представляется крайне желательным возможно скорее выяснить, на какое содействие Франции и Англии мы можем рассчитывать для недопущения австрийского флота к производству указанной операции. К сему следует присовокупить, что наше положение затрудняется еще тем, что какие-либо предупредительные меры, принятые нами в непосредственной близости с Босфором, получили бы враждебный против Турции характер, что крайне желательно избежать, ибо это только побудило бы турок присоединиться к нашим противникам. Успех, который одержала бы Австрия против нас в Черном море, мог бы предопределить в неблагоприятную сторону положение Румынии, не принявшей еще решения.

Кроме того Турция стала бы хозяином на Черном море. Одновременно австрофильское течение в Болгарии могло бы одержать верх. Содействие Франции и Англии в указанном вопросе способствовало бы обеспечению доставки из наших южных портов хлеба в оба эти государства.

Прошу вас срочно сообщить отзыв правительства, при коем вы аккредитованы, на наш запрос [2]).

Сазонов.

---

[1]) Нотой от того же числа Сапари испрашивал у мин. ин. дел свои паспорта. Тел. от того же числа (без номера) Сазонов извещал Шебеко об объявлении Австро-Венгрией войны России и предписывал возвратиться в Петербург, передав защиту русских интересов испанскому послу.

[2]) В тел. от 7 августа (25 июля) за № 1708 Сазонов поручил Извольскому и Бенкендорфу обратить внимание французского и английского правительств на следующее: «Чем скорее нанесен будет удар австрийскому флоту, тем скорее определится отношение Италии и Румынии к войне. Участие этих держав в войне против Австрии даст нам возможность направить значительную часть наших сил против Германии».

В тел. от 7 августа (25 июля) за № 712 Сазонов, сообщая Гирсу о нежелательности «несвоевременными мерами дать основание Турции перейти на сторону наших врагов», указывал на необходимость установления особенного наблюдения за действиями австрийской эскадры. «В случае обнаружения несомненного намерения ее пройти через Дарданеллы,— писал Сазонов,— что, конечно, не будет пред-

№ 14. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1706. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Сообщается в Бухарест.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 239 [1]).

В переговорах с нами о возможных совместных действиях против Австрии ценою Трансильвании румыны настаивают на гарантии их территориальной неприкосновенности, ссылаясь на опасность, угрожающую со стороны Болгарии.

Так как единоличная наша гарантия неудобна для нас, ввиду наших отношений с Болгарией, мы дорожили бы согласием Франции и Англии на коллективную гарантию, если бы наши переговоры приняли благоприятный оборот.

Такая гарантия имела бы вид акта, параллельного нашим общим выступлениям в нейтральных государствах — Бельгии, Голландии, Норвегии [2]).

Сазонов.

№ 15. Посол в Лондоне министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 260. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Копия в Париж.

Турецкий посол явился вчера к Никольсону и дал самые успокоительные заверения насчет намерений Турции. Турция останется нейтральной и примет лишь некоторые меры предосторожности. Я действительно думаю, что турецкий посол использует все свое влияние в Константинополе для того, чтобы настоять на сохранении нейтралитета, но я не знаю, как велико это влияние.

Бенкендорф.

№ 16. Статс-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петербурге Бьюкенену [4]).

Телеграмма № 454. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Я полагаю, что мы должны приложить все усилия к тому, чтобы побудить Турцию предоставить торговым судам свободный проход че-

принято без уговора с турками, необходимо принять все меры быстрого оповещения адмирала Эбергарда».

В связи с этой тел. Сазонов в тел. от того же числа за № 1713 поручал Демидову «войти в доверительное сношение с греческим правительством для содействия возможно быстрому осведомлению о всех движениях австрийской эскадры». Как и в тел. Гирсу, здесь обращалось внимание на важность обеспечения «возможной точности сведений во избежание прискорбных недоразумений».

[1]) См. № 5.

[2]) В тел. от 8 августа (26 июля) за № 277 Бенкендорф передавал ответ Грея на предложение Сазонова. Содержание ответа Грея см. № 37.

[3]) Перевод с французского. В тел. от 7 августа (25 июля) за № 638 Гирс сообщал, что захват англичанами купленных турецким правительством в Англии дредноутов вызвал в Турции «сильное негодование против Англии и, что для некоторого успокоения турок английский поверенный в делах ходатайствует перед своим правительством о выдаче им, сверх стоимости судов, некоторой премии». Гирс отмечал при этом, что Турция, выговорившая себе ранее от завода, сверх стоимости судов, определенную сумму отступного на случай захвата судов Грецией, отказалась теперь от этого требования ввиду заверений английских министров о том, что «английские законы не допускают такого захвата английским правительством».

[4]) Перевод с английского. Тел. расшифрована в росс. министерстве ин. дел.

рез проливы. Это чрезвычайно важно для русского экспорта через порты Черного моря. Надеюсь, что российский посол в Константинополе употребит все возможное влияние для достижения этой цели [1]).

№ 17. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 245. 6 августа (24 июля) 1914 г.

По просьбе сербского посланника, энергически мною поддержанной, французское правительство открыло Сербии кредит на 90 миллионов франков золота и обещало ему полное содействие к получению и доставке военных припасов, заказанных заводу Крезо. Вместе с тем французское правительство просило сербского посланника передать сербскому генеральному штабу совет, как можно скорее перейти к наступлению, ибо здесь известно, что Австрия ослабляет выставленные ею против Сербии силы посылкою частей против России и Франции. Сербский посланник тотчас сообщил об этом своему правительству, а также черногорскому министру иностранных дел.

Извольский.

№ 18. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 303. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Доверительно.

Из Албании получены известия о том, что австрийские агенты стараются двинуть албанцев против Сербии. В том же направлении действует князь Вид, заявивший албанским депутатам-эмигрантам из Новой Сербии, что ныне настала минута подумать о создании Великой Албании. На-днях прибыл в Ниш секретарь Эсад-паши с поручением просить для последнего разрешения сербского правительства на проезд его в Албанию. Пашич ответа еще не дал, хотя и полагал бы возможным впустить Эсада, при условии конечно получения достаточных гарантий в том, что он будет действовать заодно с Сербией. Во втором случае Пашич считает необходимым предварительно выяснить под рукою взгляд на вопрос Италии, против желания которой он считал бы опасным выступать [2]).

Штрандтман.

№ 19. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 311. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Срочная.

Получил № 1684 [3]).

Личная. Доверительно. Ознакомившись с ее содержанием, Пашич сказал, что, к своему глубокому прискорбию, он решительно не может

[1]) Тел. от 7 августа (25 июля) за № 1714 Сазонов предписывал Гирсу присоединиться к англ. и франц. послам, если они будут уполномочены сделать Порте представление «о необходимости сохранить свободу плавания через проливы».

[2]) Тел. от 4(17) августа за № 388 Штрандтман сообщал, что в связи с подготовкой албанскими вождями движения против Сербии Пашич считает желательным выработать определенный план «относительно Албании» и что, по мнению Пашича, «сербам совместно с французским флотом, и при благоприятном отношении Италии, заинтересованной в этом деле, можно было бы без особых трудностей покончить с албанским вопросом».

[3]) См. № 2.

делать себе ни малейших иллюзий относительно мнения своих товарищей по кабинету о предлагаемом плане действий. В указанном виде они его не примут, в этом он убежден, ибо, затронув с ближайшими из своих друзей, на которых он рассчитывает, вопрос о привлечении Болгарии на свою сторону путем предоставления ей территориальных компенсаций, ему пришлось столкнуться с самым решительным отпором, основанием коему служат следующие соображения: положение Болгарии таково, что она не может выступить против России, не рискуя своим существованием. Греция и Румыния гарантировали Сербии безопасность в тылу от Болгарии, и последняя об этом поставлена в известность. Хотя между Турцией и Болгарией за последнее время значительно улучшились отношения, тем не менее существует неизгладимое недоверие. Теперешнее болгарское правительство сознает ошибки прошлого, но винит в них не столько сербов, сколько Гешова и Данева. По зрелом обсуждении питаемых двумя славянскими соседями взаимных чувств следует опасаться совместных действий двух армий, еще год тому назад с ожесточением дравшихся друг против друга, и, наконец, впечатление, которое произведет на сербские войска известие об уступке территории взамен активной помощи Болгарии, которой они не просят, не поддается учету и может быть гибельным для нравственных сил армии. Пашич полагает, что сближение между Сербией и Болгарией неминуемо будет достигнуто в ближайшем времени. Он считал бы при вышеуказанных условиях необходимым заручиться «благожелательным» нейтралитетом Болгарии [1]), причем, если ваше превосходительство признаете возможным, Россия могла бы заявить ей, что в случае честного соблюдения такового и победоносного исхода войны для Сербии она—Болгария—получит территориальное вознаграждение, точные размеры коего однако теперь лучше не определять. Исключительно для осведомления вашего высокопревосходительства: Пашич доверительно сообщил мне следующую проектированную им в общих чертах новую границу с Болгарией: по Брегальнице с отдачей Иштиба и Радовитше болгарам и затем южнее от впадения речки Лакавицы в Брегальницу по ближайшему к Вардару с восточной стороны водоразделу. Кроме того Пашич знает, что румынское правительство с беспокойством следит за сербо-болгарскими отношениями и предпочло бы, если бы к тому представилась необходимость, внести в Бухарестский договор соответствующие изменения сообща со всеми подписавшими его государствами, не исключая возможности, дабы окончательно успокоить Болгарию, добиться для нее уступок не только со стороны сербского правительства. Для последнего это обстоятельство имело бы громадное значение, облегчив значительно его ответственность перед общественным мнением. К сказанному должен добавить вынесенное мною из последних разговоров с Пашичем впечатление, что в случае получения Сербией Боснии и выхода к Адриатике она в своих

[1]) В тел. от 6 августа (24 июля) за № 312 Штрандтман сообщал: «Благожелательный» нейтралитет Болгарии Пашич понимает в том смысле, что она будет пропускать все необходимые Сербии военные материалы, держать сообщения Сербии с Россией открытыми, не посылать банд в Македонию, уважать сербскую границу и, в случае надобности, выступить активно против Турции». В тел. от 7 августа (25 июля) за № 169 Савинский, соглашаясь «с глубокой основательностью соображений Пашича», отмечал, что «единственно целесообразным было бы потребовать ныне же от Болгарии открытого объявления «благожелательного нейтралитета», специфицированного в № 312 из Ниша».

уступках пойдет дальше, но теперь об этом решительно не может делать какие бы то ни было заявления [1]).

Штрандтман.

№ 20. Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 270. 6 августа (24 июля) 1914 г.

В среду послом отправлена телеграмма [2]), копию которой он просит передать огенквар [3]). В ней изложены сделанные мне заявления Энвера по поводу возможности присоединения Турции к России для нейтрализации враждебных России балканских государств или же для совместного с ними действия против Австрии. Полагаю, что заявление Энвера заслуживает внимания, ибо согласованное с другими балканскими государствами выступление Турции против Австрии могло бы значительно ускорить ход войны и в то же время послужило бы к разрешению всего балканского вопроса на общую пользу заинтересованных сторон и согласно нашим желаниям. Конечно, соответствующие шаги только тогда приведут к желательным результатам, если будут сделаны немедленно, ибо немцы и австрийцы настойчиво работают, чтобы спутать все карты и, сблизив Болгарию с Турцией, бросить их потом на своих врагов [4]).

Леонтьев.

№ 21. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1711. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Весьма доверительно.

Сообщается в Лондон.

Не найдет ли французский министр ин. дел возможным в силу более тесных отношений Франции и Англии побудить последнюю при-

[1]) В тел. от 7 августа (25 июля) за № 320 Штрандтман сообщал, что Пашич «ради выигрыша времени», не дожидаясь ответа Сазонова, заручился согласием сербского правительства на предоставление России права начать в Софии переговоры.

[2]) Повидимому, имеется в виду тел. Гирса от 5 августа (23 июля) за № 628 (см. № 8).

[3]) Отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

[4]) В тел. от 5 августа (23 июля) за № 630 Гирс на основании полученных ген. Леонтьевым сведений сообщал, что «Турция зондировала почву для военного соглашения с Болгарией, причем, якобы, по мысли немцев, турецкая мобилизация должна устрашить Болгарию и побудить ее к военному единению с Австрией».

В тел. от того же числа за № 632 Гирс со слов Тошева сообщал, что «между Турцией и Германией состоялось, будто бы, уже соглашение об общности действий против нас, но Турция сохранила, будто бы, за собой право выступить, когда обстоятельства ей позволят». Не отрицая возможности такого соглашения, Гирс отмечал при этом, что «оно не может быть применимо так скоро, ввиду неготовности турецкой армии», но что «оно приняло бы более опасное значение, если бы Болгария присоединилась к нему».

В тел. от 7 августа (25 июля) за № 167 Савинский, основываясь на сообщении итальянского посла в Берлине, передавал, что «вчера должен был выехать из Берлина в Константинополь специальный курьер с текстом турецко-германского соглашения, в силу которого Турция обязуется предпринять против нас на кавказской границе военные действия».

В тел. от 8 августа (26 июля) за № 649 Гирс на основании итальянского источника сообщал, что «турецко-германское соглашение может быть подписано еще сегодня».

соединиться к Франции и России, чтобы, как это предвидится нашим союзным договором с Францией, когда наступит время заключения мира, переговоры касательно такового велись не иначе как совместно и по взаимному соглашению между Россией, Францией и Англией?

Сазонов.

№ 22. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1718. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Сообщается в Бухарест. *Срочно. Лично.*

Прошу расшифровать лично. В переговорах с румынским посланником мною предложен текст следующего соглашения, о котором последний уведомил свое правительство [1]):

«Королевское румынское правительство и императорское российское правительство, сознавая заинтересованность обеих стран в поддержании равновесия на Балканах и считая, что нападение Австро-Венгрии на Сербию имеет целью поколебать это равновесие, согласились между собою о нижеследующем:

1. Румыния обязуется оказать всеми своими военными силами содействие операциям России против Австро-Венгрии, с момента подписания настоящего соглашения.

Русскому и румынскому главным штабам будет немедленно поручено договориться между собою о формах этого сотрудничества.

2. Россия обязуется не прекращать войны против Австро-Венгрии, прежде чем области Австро-Венгерской монархии с румынским населением не будут присоединены к Румынии. Размеры предусматриваемых этой статьей областей обозначены на прилагаемой к сему карте.

3. Румыния обязуется не заключать мира с Австро-Венгрией иначе как по соглашению с Россией и одновременно с ней.

Настоящее соглашение останется в силе впредь до заключения мира между Россией и Австро-Венгрией» [2]).

Помимо того необходимо, чтобы одновременно с подписанием нашей конвенции представители трех держав в Бухаресте были уполномочены в письменной форме сделать тождественное заявление по вопросу территориальной неприкосновенности Румынии в смысле моей телеграммы за № 1706 [3]).

Необходимо также, чтобы вместе с тем представители Франции и Англии заявили румынскому правительству, что им известен объем территориальных уступок, обещанных нами Румынии, и что они против них не возражают [4]).

Сазонов.

---

[1]) Нижеследующие 6 абзацев представляют перевод с французского.

[2]) Тел. от 9 августа (27 июля) за № 1753 Сазонов уполномочивал Поклевского подписать соглашение.

[3]) См. № 14.

[4]) В ответной тел. от 8 августа (26 июля) за № 252 Извольский сообщал, что французское правительство согласно с условиями предложенного Сазоновым русско-румынского соглашения и что франц. посланник в Бухаресте получит соответствующие указания.

№ 23. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу [1]).

Телеграмма № 1722. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Из моих разговоров с английским послом мне удалось, я полагаю, установить, что затруднения, которые мы встречали со стороны Англии в Персии, вызваны исконным страхом англичан за безопасность их владений в Индии.

Это привело меня к мысли предложить послу заключить англо-русское соглашение, взаимно гарантирующее неприкосновенность наших азиатских владений. Осведомленный послом об этом предложении, сэр Э. Грей отнесся к нему сочувственно. Настоящие события навели меня на мысль о тройственном соглашении между Россией, Англией и Японией с вышеуказанной целью — взаимно гарантировать их владения в Азии.

Мне представился случай намекнуть об этом английскому послу, причем я не встретил возражений с его стороны.

Благоволите конфиденциально переговорить с сэром Э. Греем, чтобы выяснить его точку зрения на проект такого рода конвенции.

По-моему, конвенция должна была бы иметь целью: 1) укрепление и сохранение мира в Азии и 2) обеспечение территориальных прав и особых интересов договаривающихся сторон в этой части мира. Пункты конвенции включали бы обязательство договаривающихся сторон: 1) в случае если эти права и интересы окажутся под угрозой, сговариваться о мерах, необходимых для их защиты, и 2) не заключать с другими державами никакого соглашения касательно вопросов, предусмотренных конвенцией, не сговорившись предварительно с другими договаривающимися сторонами.

При нынешних политических обстоятельствах заключение конвенции мне представляется неотложным. Бьюкенен разделяет мое мнение.

Сазонов.

№ 24. Министр иностранных дел послу в Риме Крупенскому.

Телеграмма № 1731. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Сообщается послам в Париже и Лондоне.

Лично. За последние дни между итальянским послом и мною происходили весьма доверительные переговоры о возможности общности действий Италии с державами Тройственного согласия против Австрии. При этом путем сношений с Парижем и Лондоном выяснилось, что Россия, Франция и Англия склонны предоставить Италии приобретение Трентино, Триеста и Валоны с преобладающим положением в Адриатическом море, где были бы допущены также приращения по берегу в пользу Сербии и Греции, под условием, чтобы Италия, в свою очередь, немедленно под любым предлогом объявила войну Австрии и, выставив свой флот для преграждения выхода австрийскому флоту из Адриатики, заняла бы своими войсками Трентино. Нами было указано, что время не терпит и что Италия должна решиться скорее, так как иначе ее помощь может стать для нас менее ценною, и она упустит случай получить от трех держав согласие на столь крупные приобретения.

[1]) Перевод с французского.

Благоволите, сговорившись с вашими французским и английским сотоварищами, переговорить в изложенном смысле с министром иностранных дел и убедить его в необходимости быть решительным в подобную историческую минуту. В случае сочувственного отношения к вышесказанному переговоры о подробностях соглашения могли бы быть поручены представителям четырех держав согласно желанию Англии в С.-Петербурге, не останавливая выполнения вышеуказанных главных условий [1]).

Сазонов.

№ 25. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1732. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1731 [2]).

Благоволите попросить правительство, при коем вы аккредитованы, поручить своему представителю в Риме высказаться перед итальянским министром иностранных дел в том же смысле. Мне кажется необходимым притти, как можно скорее, к соглашению и убедить Италию, что она не может рассчитывать получить крупные приращения без соответственного действительного участия ее в военных действиях. Более точное определение ожидаемой от Италии помощи должно составить предмет переговоров, которые могли бы вестись в ближайшие дни в С.-Петербурге, согласно желанию Англии (телеграмма Извольского № 250) [3]). Ждем срочного ответа с подробным указанием желательных условий соглашения [4]).

Просьба подтвердить получение.

Сазонов.

№ 26. Военный агент в Бельгии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 206. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Правительство официально объявило о своем согласии на проход английских войск через Бельгию. Голландская армия, повидимому, будет бездействовать. Имею сведения о сильных трениях, существую-

[1]) В ответной тел. от 9 августа (27 июля) за № 75 Крупенский сообщал, что англ. посол еще не получал инструкций. В тел. от 10 августа (28 июля) за № 76 Крупенский сообщал, что согласно полученной англ. послом тел. Грей считает «столь определенное выступление здесь преждевременным, пока не получится верных указаний, что Италия готова примкнуть к нам». По словам Крупенского, того же мнения придерживается Баррер.

[2]) См. № 24.

[3]) В тел. от 7 августа (25 июля) за № 250 Извольский сообщал, что английское и французское правительства согласны на ведение переговоров с Италией на указанных Сазоновым основаниях и что, по мнению Грея, переговоры с Италией должны вестись через посредство России.

[4]) В ответной тел. от 8 августа (26 июля) за № 251 Извольский сообщал, что французское правительство согласно на предложение Сазонова. В тел. от того же числа за № 276 Бенкендорф сообщал о согласии Грея на предлагаемое Сазоновым расширение итальянской территории. В тел. от 10 августа (28 июля) за № 287 Бенкендорф сообщал, что Грей запросил мнения англ. посла в Риме относительно заявления итальянскому правительству; Бенкендорф высказывал предположение, что Грей не решится на подобное выступление в настоящий момент.

щих между бельгийским и французским штабом, особенно в вопросах командного характера. Затруднение чинит Бельгия [1]).

С появлением английских войск можно ожидать еще больших трений между союзниками.

Майер.

№ 27. Посланник в Гааге министру иностранных дел.

Телеграмма № 72. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Вернувшись сегодня при первой предоставленной мне французским правительством возможности выезда через Бельгию, виделся сейчас с министром иностранных дел, который подтвердил мне решимость твердо охранять нейтралитет Голландии [2]).

Свечин.

№ 28. Посланник в Копенгагене министру иностранных дел.

Телеграмма [3]). 7 августа (25 июля) 1914 г.

Английский посланник сообщает, что датское правительство предупредило его о намерении Дании самим минировать Бельты и Зунд во избежание того, чтобы это было сделано Германией. По сведениям из секретного источника, германский посланник уведомил датское правительство о том, что мины будут положены Германией, если Дания этого не сделает.

Буксгевден.

№ 29. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 171. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Срочная.
Строго доверительно.

Копии в Бухарест, Софию, Ниш.

Посетивший меня сегодня, тотчас по возвращении моем в Афины, Венизелос поведал мне, что он считает момент наступившим и более

---

[1]) Тел. от 6 августа (24 июля) за № 189 Майер доносил, что по имеющимся у него сведениям, «после взятия Льежа бельгийцы намерены оставаться пассивными», отказываясь «атаковать немецкие войска, прикрывающие фланговый марш немцев через Бельгию».

[2]) В тел. от 5 августа (23 июля) (без номера) Бенкендорф передал тел. Ону за № 70, в которой сообщалось о получении голландским правительством от Германии заверения «в ее намерении не нарушать нейтралитета Голландии».

В тел. от 10 августа (28 июля) за № 39 И. Кудашев сообщал, что в бельгийском штабе подозревают существование «молчаливого согласия между Германией и Голландией».

В тел. от того же числа за № 42 И. Кудашев сообщал, что, ввиду получения бельгийским правительством категорических заверений о намерении Голландии сохранить нейтралитет, подозрения относительно ее соглашения с Германией, к тому же ничем не подтвердившиеся, рассеялись.

Тел. от 12 августа (30 июля) за № 81 (переданной через Бенкендорфа) Свечин в ответ на запрос Сазонова (от 11 августа/29 июля за № 1806) доносил, что голландское правительство издало декларацию о нейтралитете Голландии в русско-германской войне.

В тел. Извольского от 13 августа (31 июля) за № 274 сообщалось о сделанном Франции голландским правительством заявлении, что в случае нарушения нейтралитета Голландии, последняя «поступит так же, как Бельгия».

[3]) Номер отсутствует.

чем благоприятным для восстановления России балканского блока против Австрии. На его взгляд, императорское правительство могло бы безотлагательно предложить всем участникам соответственные компенсации, а именно: Румынии — Трансильванию, Сербии — Боснию и Герцеговину и Северную Албанию, Болгарии — Македонию вплоть до Монастыря включительно, против чего греческое правительство ныне возражать не будет. Греция же претендует лишь на Южную Албанию до линии, установленной своим секретным соглашением с Сербией, то есть южнее Шкумби, причем побережье с Валоной могло бы перейти к Италии. Такая комбинация должна, по мнению министра, всех удовлетворить и тут же сплотить против общего врага. Он просит, чтобы при предложении этом, требующем быстроты действия и исходящем от нас, мы его не называли, ибо ему неизвестно, как отнесется к нему Сербия. Венизелос абсолютно убежден в правоте нашего дела и не сомневается в торжестве оружия Тройственного согласия. Он прибавил, что король неуклонно отвечает на повторные обращения императора германского как телеграммами, так и собственноручным письмом, третьего дня переданным через германского посланника, что Греция твердо решила остаться верной союзу с Сербией[1]). Надеюсь повидать короля завтра.

Демидов.

№ 30. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 199. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Срочно. Доверительно.

Копии в Константинополь, Софию, Ниш, Афины.

Здешние политические круги крайне озабочены будущим поведением Болгарии и Турции и распускаемыми тут враждебною нам дипломатией слухами о заключении этими двумя государствами соглашения с Германией и Австрией. Братиану и Порумбару осторожно, но вполне ясно высказались за желательность обеспечения нейтралитета Болгарии путем соответственных уступок со стороны Греции и Сербии. Оба министра при этом совершенно определенно дали мне понять, что в настоящее время главнейшею заботою румынского правительства является обеспечение Румынии от опасностей, какими ей угрожает общеевропейская война, а потому она не может теперь же твердо охранять основы Бухарестского трактата, которые все равно будут изменены в конце войны, какая бы воюющая сторона ни вышла из нее победительницей. В Румынии общественное мнение начинает также очень сочувственно относиться к идее балканского блока. Со своей стороны, полагаю, что обеспечение нейтралитета Болгарии крайне важно и с точки зрения наших интересов, ибо она может побудить румынское правительство к занятию желательного для нас положения. В заключение позволю себе просить о сообщении мне копий

[1]) В тел. от 6(19) августа за № 187 Демидов излагал имевшую место 5(18) августа беседу свою с греческим королем, которого он «нашел прекрасно к нам расположенным, хотя он и не может отделаться от германского военного гипноза». «Король, — по словам Демидова, — не без горечи отозвался о кайзере, угрожающие призывы коего к союзу с Германией на него не могут повлиять».

главнейших телеграмм наших представителей на Балканах, что является крайне необходимым для своевременного обмена сведениями и взглядами со здешним правительством.

Поклевский.

№ 31. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 316. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Осведомившись от военного агента о выраженном нашим главным штабом желании, чтобы сербская армия теперь же перешла в наступление, и имея данные полагать, что Пашич в этом отношении сдерживающим образом влияет на верховную команду, я считал долгом переговорить с ним об этом и отметить, что, по моему мнению, для Сербии было бы выгоднее быстро занять своими войсками возможно большую часть австрийской территории. В случае немедленных решительных успехов оружия Тройственного согласия война может быть столь кратковременной, что Сербия из [-за] лишней потери времени не успеет закончить своей задачи. Конечно,— добавил я,— готовность вашей армии имеет решающее значение. Пашич ответил, что и он так думает и, выезжая завтра к верховной команде, намерен там говорить в изложенном смысле.

Штрандтман.

№ 32. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Граве.

Телеграмма № 1738. 8 августа (26 июля) 1914 г.

№ 407 получен[1]).

Не видим необходимости ни затягивать решение баргинского и алтайского вопросов, ни спешить с их ликвидацией. Одобряем ваше предложение вести с китайским правительством переговоры по всем очередным вопросам вне связи с событиями войны.

Сазонов.

---

[1]) В тел. от 5 августа (23 июля) за № 407 Граве сообщал, что китайский министр иностранных дел «выразил намерение содействовать достижению компромисса» в баргинском и алтайском вопросах. Граве выразил согласие передать российскому правительству новые китайские пожелания. «Прошу указаний вашего высокопревосходительства,— писал Граве,— следует ли мне затягивать переговоры по этим вопросам ввиду войны на Западе или же разрешение таковых для нас теперь желательно». Как передавал Граве, у него сложилось впечатление, что китайское правительство заинтересовано в скорейшей ликвидации этих вопросов и что «фактически от результата переговоров зависит разрешение в ту или другую сторону вопроса о железных дорогах в Северной Манчжурии». Граве сообщал также, что «китайцы сильно обеспокоены войной в Европе и боятся, что военные действия разыграются также на Дальнем Востоке». «Они опасаются агрессивных замыслов японцев, — продолжал Граве, — и министр иностранных дел неоднократно спрашивал меня, в чем состоят те уверения, которые Япония дала нам в связи с войной и о которых сообщили сюда агенты Рейтера». Граве высказывал мнение о том, что «следует использовать это беспокойство китайцев и продолжать переговоры с ними по всем вопросам на очереди, подчеркивая, что события на Западе не отражаются на нашей политике на Дальнем Востоке».

№ 33. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 1746. 8 августа (26 июля) 1914 г.

Срочно.

Сообщается в Париж и Лондон и адмиралу Эбергарду.

Ссылаюсь на телеграмму № 1733[1]).

Если «Гебен» и «Бреслау» придут к Дарданеллам, вам надлежит совместно с французским и английским послами настаивать на оставлении ими проливов или в крайнем случае на их разоружении. Поднятие ими турецкого флага и вступление в состав турецкой эскадры сделает положение серьезным, ибо наша Черноморская эскадра, по словам морского ведомства, хотя и будет поставлена в более трудное положение, однако может принять бой с турецким флотом, хотя бы и усиленным обоими названными судами, если бы у турок явилось подобное искушение. Поэтому, стараясь добиться удаления или разоружения этих судов, не доводите дела до разрыва. Если же «Гебен» и «Бреслау» останутся под германским флагом, мы будем вынуждены принять меры, о коих можете сказать туркам, что они диктуются необходимой предосторожностью.

Для М. Н. Гирса:

Телеграмма эта сообщается Эбергарду.

[Сазонов.]

№ 34. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1747. 8 августа (26 июля) 1914 г.

Сообщается в Константинополь. *Срочно.*

Ссылаюсь на телеграмму № 1746[2]).

Усиленные военные приготовления Турции под руководством германской миссии оставляют мало сомнений в желании Турции под воздействием Германии воспользоваться обстоятельствами.

Полагая необходимым установить солидарность интересов и действий трех держав на всех театрах войны, предлагаем поручить нашим представителям в Константинополе заявить Порте, что всякое действие турок, направленное против одной из трех держав, будет рассматриваться как акт, враждебный каждой из них[3]). [Сазонов.]

---

[1]) В тел. Гирсу от 8 августа (26 июля) за № 1733 Сазонов, сообщая о движении «Гебена» в направлении к Дарданеллам, предлагал «совместно с английским и французским послами сделать представление Порте об ответственности, которую она примет в случае пропуска «Гебена» через Дарданеллы».

В тел. от 7 августа (25 июля) за № 7035 Эбергард сообщал, что в случае пропуска неприятеля через проливы «выход из Босфора будет заминирован как неприятельский военный порт».

В тел. на имя начальника морских сил в Черном море от 8 августа (26 июля) за № 689 Гирс, передавая «категорическое» заявление вел. визиря о том, что «Гебен» и «Бреслау» он через Дарданеллы никоим образом не пропустит» и что «он будет продолжать строго придерживаться нейтралитета», отмечал, что положение следует считать «очень серьезным ввиду крайней впечатлительности турок, сильного влияния военной партии, возбуждаемой немцами, и недостаточной авторитетности великого визиря».

[2]) См. № 33.

[3]) В тел. от 9 августа (27 июля) за № 254 Извольский передавал со слов Маржери, что «французскому послу в Константинополе предписано сговориться со своими

№ 35. Посол в Лондоне министру иностранных дел [1]).

Телеграмма № 275. 8 августа (26 июля) 1914 г.

Получил №. 1703 [2]).

Имел по поводу этой телеграммы подробный разговор с Греем, который понял всю важность вопроса. Он сказал, что в действительности дело идет об объявлении возможно скорее войны Австрии, что он ожидает лишь объявления войны Францией. Франция,— сказал он,— еще этого не сделала, так как ее флот занят охраной весьма значительных транспортов войск, отправляемых из Алжира во Францию. До тех пор пока нельзя располагать французским флотом, английская эскадра, занятая преследованием крупных германских крейсеров, оказывается слишком слабой, чтобы вступить в бой с австрийским флотом. Между прочим, это является причиной, почему Грей готов широко итти навстречу пожеланиям Италии, в случае если ее удастся склонить к союзу. Я привлек все внимание Грея на серьезные последствия, которые могло бы иметь для войны против Германии появление австрийской эскадры в Черном море не только для нашего флота, но и ввиду того, что нам пришлось бы вести новую войну против Турции, а в этом случае и против Румынии при помощи войск, предназначенных против Германии, что заняло бы весьма многочисленные армии. Грей мне ответил, что он прекрасно отдает себе отчет в серьезности вопроса, но что объявление войны Австрии зависит в настоящее время от Франции, так как Англия не может объявить ее ранее Франции, ввиду недостаточности английского флота в Средиземном море.

Бенкендорф.

№ 36. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 321. 8 августа (26 июля) 1914 г.

Весьма доверительно.

Копия в Цетинье.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 257 [3]).

Черногорское правительство, давшее в свое время согласие на подчинение своих военных операций общему с сербами генеральному штабу, ныне, пользуясь широкой материальною помощью Сербии, не считает нужным действовать сообразно уговору. Оно на запросы отвечает уклончиво и, по имеющимся здесь сведениям, вместо того, чтобы двинуться из Плевлье внушительными силами в Боснию, собирается

русским и английским товарищами, дабы самым серьезным образом предостеречь Турцию против каких бы то ни было совместных действий с германскими и австрийскими военными судами».

В тел. от 10 августа (28 июля) за № 1776 на имя Извольского и Бенкендорфа Сазонов, передавая сообщение французского посла о том, что в связи с окончанием перевозки алжирского корпуса французская и английская эскадры могут освободиться для действия против австро-германских судов, указывал на необходимость «принятия всех мер обеспечения против возможного прохода австро-германских судов в проливы».

[1]) Перевод с французского.

[2]) См. № 13.

[3]) См. «Международные отношения», т. V, № 264.

вести самостоятельную кампанию в сторону Скутари и Каттаро [1]). Сербское правительство весьма озабочено этими известиями, считая подобный образ действий Черногории опасным с военной точки зрения для сербской армии, имеющей левый фланг недостаточно обеспеченным и, кроме того, весьма неосторожным по отношению к Италии. Поэтому Пашич надеется, что ваше высокопревосходительство не откажете преподать в Цетинье настоятельный совет, в видах общей пользы дела, не уклоняться от выполнения главной задачи обоих королевств, т. е. нанесения чувствительного удара Австро-Венгрии по направлению ее главных сил [2]).

Штрандтман.

№ 37. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел [3]).

9 августа (27 июля) 1914 г.

Посол его британского величества, согласно инструкциям сэра Э. Грея, имеет честь сообщить его превосходительству, что правительство его величества не может дать гарантий применения им в будущем военной силы для защиты одного из балканских государств против нападения на него другого балканского государства. Если бы однако императорское правительство полагало необходимым, в условиях настоящего кризиса, дать Румынии подобную гарантию, правительство его величества могло бы обещать свою дипломатическую поддержку после окончания войны.

Правительство его величества, конечно, готово в течении войны применить имеющиеся в его распоряжении меры принуждения против любой страны, активно выступившей против Франции или России.

№ 38. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 1748. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Ссылаясь на телеграмму № 1746 [4]).

На случай, если «Гебен» пройдет под германским флагом через Дарданеллы, адмиралу Эбергарду предоставляется принять все зависящие от него меры для преграждения ему выхода в Черное море и для уничтожения «Гебена», хотя бы для этого пришлось действовать

---

[1]) В тел. от 6 августа (24 июля) за № 84 Обнорский сообщал, что черногорский король в беседе с англ. посланником указал на возможность занятия черногорцами Скутари; итальянский посланник в разговоре с Обнорским «тоже как бы мимоходом указал, что в связи с дальнейшими событиями, быть может, сам собой разрешится и весь албанский вопрос, причем Скутари может достаться Черногории».

[2]) В тел. от 9 августа (27 июля) за № 1749 Сазонов просил Обнорского передать черногорскому правительству «наше настоятельное безусловно сообразовать все свои действия с Сербией». В ответной тел. (переданной в министерство тел. Штрандтмана от 11 августа/29 июля — без номера) Обнорский передал «категорическое обещание» черногорского правительства «со строгой точностью следовать указаниям России и безусловно сообразовать свои военные операции с распоряжениями сербского генерального штаба». Черногорцы просили вместе с тем «о скорейшей присылке сюда из Сербии нового стратегического плана» и об ускорении приезда ген. Янковича, «который должен стать во главе штаба черногорской армии».

[3]) Перевод с английского.

[4]) См. № 33.

в территориальных турецких водах. При этом однако адмиралу поручается по возможности избегать, за исключением крайней необходимости, мероприятий, направленных непосредственно против Турции, так как войну с последней я считал бы в настоящую минуту несвоевременной.

Сазонов.

№ 39. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1750. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Сообщается в Бухарест.

По соглашению с французским и английским послами я предлагаю их правительствам, не теряя времени, поручить своим представителям в Бухаресте сделать румынскому правительству следующее заявление: [1])

«1) Получив сообщение об условиях, предложенных Россией за активную кооперацию Румынии против Австро-Венгрии [2]), Франция (Англия) присоединяется к этому предложению, и 2) поскольку Румыния будет сражаться совместно с Россией против Австро-Венгрии, Франция (Англия) будет считать себя в войне со всякой державой, которая в это время напала бы на Румынию».

Заявление это, по нашему мнению, должно быть сделано письменно, чтобы точнее установить тождественность выступления обеих держав.

№ 40. Советник III политического отдела посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1757. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Копии в Тавриз, Хой, Соуджбулаг, Урмию и Ардебиль.

В письме военному министру [3]) мы решительно высказались против вывода наших войск из Персии. Что касается вооружения сирийцев и курдов, равно как и отправления на турецкую границу шейха Барзана и Абдур-Резака, то, считая принципиальное их содействие в случае осложнений полезным, признаем пока преждевременным вызывать с их стороны какие-либо действия. Поэтому мы просили воен-

---

[1]) Следующий абзац представляет перевод с французского.

[2]) В ответной телеграмме Бенкендорфа от 10 августа (28 июля) за № 286 сообщалось, что Грей согласен сделать в Бухаресте предлагаемое Сазоновым заявление с заменой в п. 1 слова «присоединяется» словами: «не имеет возражений против». В пам. записке от 11 августа (29 июля) Бьюкенен, уведомляя о вышеуказанной поправке Грея, сообщал, что англ. правительство не возражает против предоставления Румынии предложенных ей Россией территорий, но не может взять на себя обязательство участвовать в присоединении этих территорий. В тел. Извольского от 10 августа (28 июля) за № 257 сообщалось, что французскому посланнику в Бухаресте поручено сделать совместно с английским посланником предлагаемое Сазоновым заявление.

[3]) В делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

ного министра лишь подготовить все необходимое для их вооружения на случай враждебных нам выступлений турок.

Клемм.

№ 41. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 1768. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Срочно.

Сообщается в Ниш и Бухарест.

Получил ваш № 174 [1]).

Вызвав болгарского посланника, я сказал ему, что письменный ответ, полученный нами на запрос Болгарии о ее намерениях, я не могу признать искренним.

Переложение ответственности за возможное восстание в сербских областях неспособно ввести нас в заблуждение.

В настоящую минуту всякая двусмысленность крайне опасна. Поэтому я прошу серьезно предостеречь его правительство от тех последствий, которые Болгария навлекла бы на себя какими бы то ни было выступлениями против Сербии, с которой мы состоим в союзных отношениях.

Последствия эти были бы пагубны для Болгарии.

Наоборот, если Болгария сохранит благожелательный нейтралитет, обязывающий ее противиться наступательным движениям Турции, мы можем обеспечить ей территориальные приращения с Иштибом и Радовиште.

В случае победоносной войны, которая может сулить Сербии значительные приращения, мы, конечно, приняли бы во внимание возможность и более широкого удовлетворения Болгарии.

Объяснитесь в том же смысле с болгарским правительством [2]).

[Сазонов.]

---

[1]) В тел. от 8 августа (26 июля) за № 174 Савинский сообщал ответ болгарского правительства на заявление, сделанное им на основании тел. Сазонова от 3 августа (21 июля) за № 1655. В своем ответе болгарское правительство обещало, соблюдая нейтралитет, не вызывать смут в Македонии и препятствовать образованию вооруженных банд и переходу их на сербскую территорию; вместе с тем оно снимало с себя ответственность за беспорядки, могущие возникнуть в Македонии по вине сербских подданных.

[2]) В тел. от 19 августа (28 июля) за № 1771 Сазонов предлагал Савинскому заявить болгарскому правительству, что, в случае неполучения «совершенно точного и незамедлительного ответа» на свое предложение, «Россия оставляет за собой полную свободу действий, вытекающую из ее союзных отношений с Сербией». Утвердительный же ответ, по мнению Сазонова, даст Болгарии возможность рассчитывать на содействие Черноморского флота. В тел. от того же числа за № 1774 Сазонов предлагал Демидову и Штрандтману сообщить греческому и сербскому правительствам «сущность нашего шага в Софии, не упоминая однако о возможном содействии нашего Черноморского флота». Он поручал им вместе с тем заявить, что «наша готовность воздействовать на Болгарию будет соразмеряться» с готовностью балканских государств «принести жертвы общему делу». В тел. от того же числа за № 1780 Сазонов поручал Поклевскому сообщить Братиану о русском заявлении в Софии и высказать уверенность, что Румыния поддержит в Афинах «наш совет» и в случае необходимости предпримет в Константинополе согласованные с Россией выступления.

№ 42. Посол в Лондоне министру иностранных дел [1]).

Телеграмма № 280. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Телеграммы №№ 1731 [2]) и 1732 [3]) получены.

Копия в Париж.

Просьба срочно выслать инструкции.

Лично. Камбон получил такие же инструкции. Он их еще не применил. Я думаю так же, как и он, что вмешательство трех послов в Риме заключает в себе неудобство весьма серьезного характера. Это означает поставить короля и Сан-Джулиано в чрезвычайно затруднительное положение. Чтобы достигнуть цели, мне кажется, необходимо считаться с весьма щепетильным характером того и другого. В день объявления войны они порвали со своими союзниками и объявили нейтралитет. Они решатся перейти в наступление против своих вчерашних союзников, лишь увлекаемые сильной волной общественного мнения Италии, стимулируемого военными успехами держав Согласия, и не ранее, как заручившись секретным образом целым рядом обещаний. Вмешательство послов получит огласку и, принимая характер давления, боюсь, повредит нам и ослабит намечающиеся тенденции. Мне кажется,— и Камбон всецело разделяет мое мнение,— что было бы несравненно лучше вам самому переговорить с итальянским послом, в особенности, если вы сможете сказать ему, что выступаете от имени других двух держав. Это легко достижимо. Таким образом цель будет достигнута без шума, Италия получит иллюзию самостоятельного решения без всякого давления с нашей стороны, согласно своим желаниям и интересам. Мне представляется невозможным, чтобы король или Сан-Джулиано приняли решение в близком будущем. Пока же неопределенность занимаемой ими позиции нейтрализует часть морских и сухопутных сил Австрии.

Прошу срочного ответа.

Бенкендорф.

№ 43. Посол в Лондоне министру иностранных дел [4]).

Телеграмма № 281. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Получил № 1732 [5]).

Я сделал вторую попытку добиться от Никольсона получения для Румынии постоянной гарантии Англии. Он мне ответил, что телеграмма Бьюкенену точно воспроизводит мысль Грея. Англия одобряет территориальные приобретения, но обязуется после войны оказать лишь дипломатическую поддержку в деле защиты неприкосновенности Румынии. Тот же ответ был дан французскому правительству, несмотря на твердую поддержку, оказанную мне Камбоном. В действительности мне кажется, что присоединение Англии с оговоркой, которую она делает, может удовлетворить Румынию, так как гарантии Франции и в особенности России одни имеют практическое значение,

[1]) Перевод с французского.
[2]) См. № 24.
[3]) См. № 25.
[4]) Перевод с французского.
[5]) См. № 25.

в то же время признание Англией ее завоеваний для нее [Румынии] обеспечено. Эта точка зрения Грея, я думаю, главным образом основана на новом значении, которое имеет в Англии вопрос о территориальной гарантии со времени настоящей войны. Какова бы ни была подоплека дела, он [Грей] воспользовался грубым нарушением нейтралитета Бельгии, чтобы заставить Англию решиться на войну. Уважение к договорам, охраняющим суверенность малых стран, было тем лозунгом, который поднял страну и был принят широкими массами населения. Я пользуюсь этим, чтобы установить связь между русской политикой на Востоке Европы и английской политикой на Западе. Но из этого также вытекает, что Грей должен скупиться на предоставление гарантий в будущем. Равным образом именно известие о бельгийских успехах окончательно наэлектризовало Англию, которая изо дня в день становится более решительной в деле ведения войны на любом ее театре.

Бенкендорф.

№ 44. Военный агент в Бельгии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 250. 9 августа (27 июля) 1914 г.

При современном стратегическом положении активность Голландии поставила бы в чрезвычайно трудное положение немцев, которые, судя по целому ряду данных, оказывают Голландии все знаки внимания. Голландия до нового нарушения своего нейтралитета бездействует и даже не собирается занять угрожающего для германской армии стратегического положения.

Майер.

№ 45. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 178. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Народное собрание вотировало третьего дня прекращение процесса бывших министров-стамбуловистов. Если в связи с этим и уходом Радко Димитриева болгарское правительство поставило бы кандидатуру Геннадиева на петербургский посланнический пост, было бы весьма мудро ее принять. Болгария избавилась бы от самого неспокойного нам здесь человека, а в Петербурге он был бы не только обезврежен, но при его беспринципности вы могли бы его с легкостью приручить. Есть указания, что такое предположение существует.

Савинский.

№ 46. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 180. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Копии в Ниш, Афины и Бухарест.
Ссылаюсь на телеграмму Поклевского № 199[1]).
Прошу срочных указаний.

Получив подтверждение об усиленной работе здешней австрийской дипломатии, вчера имел длинный и энергичный разговор с Ра-

[1]) См. № 30.

дославовым, в котором доказал ему всю невыгодность для Болгарии следовать вероломным и эгоистическим советам Австрии и указал, наоборот, что если к моменту окончания войны Болгария не нарушит по собственному почину дружественного России нейтралитета и Россия не будет в состоянии ее ни в чем упрекнуть, то она может ожидать самых щедрых вознаграждений. Этот разговор произвел впечатление на Радославова, который спросил, может ли он передать его совету министров. В самое последнее время появились указания, что работа австро-германской дипломатии потерпела некоторый урон: от нападения на Румынию, с целью заставить ее вернуться в лоно Австрии, Болгария, повидимому, отказалась к большому негодованию Вены, направившей тогда свои усилия совместно с Германией на Турцию в надежде таким образом заставить Болгарию под страхом турецкого нападения выступить против Сербии. Из вчерашних слов Радославова было ясно, что болгарское правительство ждет с вашей стороны более определенных обещаний. Это подтвердилось в полной мере сегодняшним разговором с военным министром. Последний под большим секретом сообщил, что у Болгарии имеются письменные обещания Австрии и Германии, что, в случае успешного для них исхода войны, Болгария получит нынешнюю сербскую территорию с Пиротом и Нишем, Македонию с Вардаром и Салониками. Как ни несбыточны эти обещания, однако болгары ими дорожат, и мне кажется, что для того, чтобы привлечь Болгарию на нашу сторону, нам непременно нужно, не теряя ни минуты, сделать им также письменные предложения, не входя, конечно, в детали, а определив в общих чертах будущие территориальные приращения Болгарии. Теперь, когда начинает появляться надежда действительно удержать Болгарию от австрийского соблазна и когда не только Греция и Сербия, но и Румыния убедились в невозможности сохранения неприкосновенности Бухарестского договора, мысль о возобновлении балканского блока становится вновь осуществимой. Конечно, пока следовало бы тщательно избегать всяких частностей. Мой румынский коллега во вчерашнем разговоре пошел дальше, чем Братиану в беседе с Поклевским, и дал понять, что за Трансильванию Румыния охотно отказалась бы от болгарской Добруджи. Мне кажется, это было бы только справедливо, ибо нет причины обеспечивать желательный Румынии нейтралитет Болгарии лишь греческими и сербскими уступками, как о том высказался Братиану и Порумбару. Но с другой стороны, немыслимо допустить, чтобы Сербия, из-за которой мы объявили войну и которую ожидают богатейшие приращения, ставила теперь какие-то условия вроде тех, которые изложены в телеграмме Штрандтмана № 311[1]), или высказывались мысли, заключающиеся в его № 331[2]). Казалось бы, Сербия должна совершенно довериться нам. Если ваше высокопревосходительство найдете целесообразным сделать Болгарии вышеупомянутые обещания, необходимо не терять ни минуты, так как враждебная нам дипломатия должна не сегодня-завтра произвести на болгарское правительство последний сильнейший натиск[3]).

Савинский.

---

[1]) См. № 19.

[2]) См. № 47.

[3]) В тел. от 11 августа (29 июля) за № 1827 Сазонов, ссылаясь на настоящую тел. Савинского, указывал Штрандтману, что он совершенно устраняет возмож-

№ 47. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 331. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Срочная.

Ссылаюсь на телеграмму из Афин № 171 [1]) и из Бухареста № 199 [2]).

Из них можно заключить, что Румыния и Греция готовы покинуть почву Бухарестского договора, и ради обеспечения... Болгарии желали бы теперь же побудить Сербию согласиться на территориальные уступки в Македонии. Тем самым однако они лишили бы сербское правительство той поддержки, основываясь на которой, оно могло до сих пор, несмотря на козни софийского кабинета, направить все свои силы против Австро-Венгрии, чувствуя свой тыл достаточно обеспеченным. Не говоря о той громадной важности, которую это обстоятельство имеет с нашей стратегической точки зрения, преждевременное ослабление гарантии постановлений Бухарестского договора со стороны Румынии и Греции может, если станет известным, только поощрить мстительные наклонности короля Фердинанда и затруднить наши задачи в Болгарии. Сербское правительство по причинам, изложенным в телеграмме № 311 [3]), не может теперь итти на определенные территориальные уступки, оно не может рисковать, имея перед собою тяжелую кампанию, равновесием нравственного состояния армии, которая неминуемо в случае уступок потеряла бы доверие к руководящему ее действиями правительству, и последнему пришлось бы тогда сложить власть. Совершенно иначе дело будет обстоять по окончании войны. Справедливые ныне доводы сербского правительства этим потеряют свою силу, а учитываемое им громадное приращение территории даст ему возможность, несмотря на последние свои заявления, пойти навстречу нашим требованиям об уступках болгарам, которые в то время тем легче будет сделать, что, повидимому, Греция не отклоняется нести некоторые жертвы в Македонии за соответствующее вознаграждение в ином месте. Принимая во внимание вышеизложенное, позволяю себе высказать предположение о крайней необходимости для Греции и Румынии в настоящую важную минуту твердо стоять на почве Бухарестского договора, поставив возможные в будущем компенсации Болгарии за честное соблюдение нейтралитета в зависимость от степени ее благожелательного отношения к Сербии и от успехов сербского оружия [4]).

Штрандтман.

ность для Сербии «торговаться с нами за счет определенных уступок Болгарии теперь же и более широких обещаний, если того потребуют обстоятельства». Отмечая необходимость «дать болгарам» в случае их желания «пойти нам навстречу» «удовлетворение в разумных пределах обещаний, связанных с победоносной войной» (см. № 2), Сазонов высказывал сомнение в возможности уступок со стороны Румынии, «крайне ревниво» относящейся «к обеспечению за собой недавних приобретений». В тел. от того же числа за № 1828 Сазонов просил Демидова «воздействовать на Венизелоса, дабы побудить и Грецию к необходимости уступок».

[1]) См. № 29.

[2]) См. № 30.

[3]) См. № 19.

[4]) Ответной тел. от 11 августа (28 июля) за № 1804 Сазонов поручал Штрандтману передать Пашичу, что территориальные уступки, предлагаемые им Болгарии за благожелательный нейтралитет последней, «являются, на наш взгляд, минимальной ценой» и неизбежны при всяком исходе войны.

№ 48. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 650. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Прошу срочных распоряжений.

Согласно данному поручению телеграммой № 1705 [1]) генерал Леонтьев сегодня снова посетил Энвера. Военный министр заявил, что он стоит на прежней точке зрения, т. е. за союз с Россией. Он не скрыл, что может встретить сильную оппозицию в правящих кругах, но надеется ее побороть, тем более, что армия в его руках. Вопреки существующему мнению, Турция еще не связана с Тройственным союзом, он знает, что на правительство оказывается сильнейшее давление со стороны немецкого и австрийского послов. Последние дни начали формулировать свои предложения и болгары, но он убежден, что при конкретной постановке вопроса восторжествуют национальные оттоманские интересы. Военный министр ставит вопрос ясно и коротко: турки убирают с кавказской границы все, что у них есть, с целью дать русским полную гарантию своих добрых намерений и возвратить с Кавказа большую часть войск на западную границу. Вместе с тем они собирают в ближайший срок сильную армию во Фракии и ставят ее в наше распоряжение, с готовностью двинуть ее против любого из балканских государств, в том числе против Болгарии, или совместно с ними против Австрии. В день, когда будет установлено соглашение, он обязуется удалить с турецкой службы всех немецких офицеров. В заключение Энвер-паша ставит условие: возвращение Турции Западной Фракии и Эгейских островов и заключение с Россией оборонительного союза на срок от 5 до 10 лет, дабы Турция могла быть обеспечена от мести своих соседей на Балканском полуострове. Энвер-паша все время говорил в спокойном и доброжелательном тоне и с большой искренностью, совершенно правильно нарисовав генералу Леонтьеву картину общего политического положения с точки зрения турецких интересов. Вызванный Леонтьевым, он ответил, что он отлично понимает, что Турции и Болгарии придется считаться с ненавистью немцев, но, как он выразился, это обстоятельство не испугает, ибо даже в случае победы немцев им трудно будет причинить ей серьезный вред, так как у них нет общих границ, и он по примеру войны в Ливии знает, какое противодействие может быть организовано против морской экспедиции. Генерал Леонтьев вынес убеждение, что дело может быть сделано, если только решение будет принято немедленно. Вся сила теперь в руках Энвера, тем более, что он только что назначен главнокомандующим. Генерал Леонтьев, не имея времени шифровать, просит копию этой телеграммы передать в военное министерство.

Гирс.

№ 49. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 652. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Срочная.

Прошу срочных указаний.

Ссылаюсь на телеграмму 650 [2]).

Почитаю долгом высказать, что нам надлежит немедленно принять предложение Энвера, не входя ни с кем в какие-либо предварител-

[1]) См. стр. 10, прим. 1.
[2]) См. № 48.

ные объяснения, так как время не терпит. Если победа останется за нами, мы всегда сумеем вознаградить и Болгарию и Грецию. Между тем наш отказ несомненно и бесповоротно бросит Турцию в объятия наших врагов. Если даже Энвер не вполне искренен, наше согласие выяснит положение, которое в настоящем обостренном фазисе не может не привести к кризису и разрыву.

Гирс.

№ 50. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 1779. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Пока не получим ответа из Софии, имейте в виду необходимость в переговорах с Энвером выигрыша времени. Имейте в виду, что действия Турции непосредственно против нас мы не опасаемся.

Вместе с тем, сохраняя вполне дружественный характер объяснений с турками, постарайтесь им внушить, что в случае действий, не получивших нашей санкции, они рискуют всей Малой Азией, ибо нам они не в состоянии вредить, а в союзе с Францией и Англией мы можем подвергнуть риску все ее существование.

Сазонов.

№ 51. Министр иностранных дел посланникам в Афинах и Бухаресте и поверенному в делах в Сербии — Демидову, Поклевскому и Штрандтману.

Телеграмма № 1781. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Сообщается в Константинополь, Париж, Лондон и Софию.

Ссылаюсь на телеграмму Штрандтмана № 315 [1]).

Вполне разделяем мнение Пашича. Полагаем крайне желательным, чтобы Сербия и Румыния вместе с нами повлияли на греческое правительство, дабы получить от него обещание, в случае присоединения к Греции Эпира, соответствующей компенсации Болгарии. Это отвечало бы мысли Венизелоса о восстановлении балканского блока, который должен быть необходимым последствием нынешней войны.

Уступки со стороны Греции тем более естественны, что сербское правительство, со своей стороны, дало нам возможность обещать болгарам за доброжелательный их нейтралитет присоединение Иштиба и Радовиште, кроме того, мы указали болгарам на возможность и других приобретений в связи с результатами войны.

Сазонов.

№ 52. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1787. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Копия в Тегеран.

При настоящих условиях какие-либо беспорядки в Персии были бы крайне несвоевременны. Нашей миссии и консульствам даны уже

[1]) В тел. Штрандтмана от 7 августа (25 июля) за № 315 сообщалось, что, по мнению Пашича, в случае согласия Болгарии выступить против Турции Греция получила бы гарантию «от возможных агрессивных намерений» последней, что могло бы ее побудить в будущем «за соответствующую компенсацию, быть может, в Южной Албании, уступить Болгарии Кавалу».

указания соблюдать должную осторожность и действовать в полном согласии с их британскими коллегами. Желательно, чтобы последние получили такие же инструкции.

Особенно заботит нас положение дел в Исфагани, где местный губернатор проявляет открытую враждебность нам, отказываясь выполнять законные требования нашего консульства. На этой почве легко могут произойти крупные осложнения, так как русско-подданные могут оказаться вынужденными прибегнуть к самозащите.

Поэтому Коростовцу поручено потребовать отозвания из Исфагани Самсам-эс-Солтане с возложением на шахское правительство ответственности за убытки, могущие быть причиненными русско-подданным действиями этого губернатора [1]). Весьма желательно, чтобы в этом оказана была поддержка великобританской миссией.

Коростовцу предложено обсудить с Тоунлеем положение дел в Исфагани и подыскать компромисс для устранения жалоб британской миссии на ущерб, причиняемый, будто бы, действиями нашего консульства британским интересам в означенной провинции [2]).

Благоволите спешно переговорить с Греем и о последующем телеграфировать [3]).

Сазонов.

№ 53. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1801. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 281 [4]).

Повидимому, произошло недоразумение. Мы никогда не просили Англию гарантировать неприкосновенность Румынии на вечные вре-

---

[1]) Тел. Нератова Коростовцу от 3 августа (21 июля) за № 1648 (см. т. V, № 483). В ответной тел. от 11 августа (29 июля) Коростовец сообщал, что на сделанные им соответствующие представления шахскому правительству «последнее ответило, что Самсам-эс-Солтане отданы строгие приказания, но что все недоразумения, будто бы, происходят от вмешательства нашего консула во внутренние дела управления».

Указывая далее на продолжающиеся безрезультатные жалобы Преображенского на деятельность Самсам-эс-Солтане, Коростовец писал: «Если мы не поддержим Преображенского, который не сходит с законной почвы, мы, несомненно, подорвем положение консульства и усилим наглость Самсам-эс-Солтане. Опасаюсь однако настаивать на отставке последнего, не имея уверенности, что это не будет истолковано как шаг против англичан. Объяснение с Тоунлеем считаю бесцельным, ввиду предвзятости его отношения к нашим действиям в Исфагани».

[2]) Тел. от 10 августа (28 июля) за № 1792 на имя Коростовца Сазонов высказал пожелание, «чтобы Тоунлей конкретно указал, в чем заключается ущерб, наносимый, якобы, нашим консульством в Исфагани английским интересам и торговле, после чего можно будет подыскать компромисс». В ответной тел. от 12 августа (30 июля) за № 378 Коростовец сообщал, что он «переговорил с Тоунлеем, который выразил готовность пойти навстречу нашим пожеланиям, в смысле замены Самсам-эс-Солтане другим лицом», и что некоторую задержку может вызвать вопрос о нахождении «необходимого заместителя».

[3]) В тел. от 9 августа (27 июля) за № 476 (расшифрованной в российском м-ве ин. дел) Грей передавал Бьюкенену со слов Бенкендорфа о полученных последним инструкциях требовать удаления Самсам-эс-Солтане ввиду проявленной им враждебности к русским интересам. Как явствует из той же тел., Грей заявил Бенкендорфу, что «русское правительство свободно в выборе любых мер в русской зоне», но что, по его мнению, «вина Самсама только в том, что он защищал интересы Персии». Между прочим, Грей передавал, что Бенкендорф сказал ему, что «он лично не отвечает за политику, которая ведется в Центральной Персии из Петербурга».

[4]) См. № 43.

мена, а только на время нынешней войны. Надеюсь, что моя телеграмма № 1750 [1]) достаточно разъяснила это и что теперь Англия не затруднится дать Румынии просимую гарантию в предложенной нами означенной телеграммой форме.

Сазонов.

№ 54. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Крупенскому.

Телеграмма № 1803. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Французский и английский послы телеграфируют сегодня своим правительствам, предлагая им сделать через своих представителей в Риме следующее заявление: [2])

«Французское (английское) правительство согласно на нижеприводимые, формулированные г. Сазоновым предложения:

1. Итальянские армия и флот немедленно выступят против армии и флота Австро-Венгрии.

2. После войны Триент, порты Триест и Валона будут присоединены к Италии.

Французское (английское) правительство надеется, что королевское правительство согласится на эти предложения.

Ввиду этого, а также ввиду спешности дела, французское (английское) правительство было бы весьма признательно королевскому правительству, если бы оно препроводило маркизу Карлотти необходимые полномочия для выработки совместно с г. Сазоновым условий соглашения, которое должно быть заключено между Италией и правительствами Тройственного согласия».

Прибавка для Рима: Благоволите переговорить в этом смысле с министром иностранных дел и побудить его дать испрашиваемые указания Карлотти.

Сазонов.

№ 55. Посол в Лондоне министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 283. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Получил № 1746 [4]).

Как вы знаете от Бьюкенена, британскому поверенному в делах поручено настаивать в Константинополе на изгнании или немедлен-

---

[1]) См. № 39.

[2]) Заявление в подлиннике—на французском языке.—В Арх. Вн. Пол., в деле С. А. 645, имеется черновой набросок французского текста, сделанный рукою Палеолога (карандашом), под заголовком (рукою Шиллинга): «Набросок, сделанный (10 августа) 28 июля 1914 г. французским послом во время совещания с английским послом у министра иностранных дел». Под тем же заголовком он сохранился и в подлинной записи м-ва ин. дел.

[3]) Перевод с французского.

[4]) См. № 33.

ном разоружении военных судов воюющих стран, которые могли бы войти в проливы, и возобновить настойчивые требования сохранить нейтралитет. Грей считает преждевременным доходить сейчас до угрозы. Он полагает, что это могло бы оказаться неосторожным и могло бы ускорить турецко-германское выступление [1]).

Бенкендорф.

№ 56. Посол в Лондоне министру иностранных дел [2]).

Телеграмма № 285 10 августа (28 июля) 1914 г.

По французским сведениям и по мнению Никольсона, если Турция решится на выступление, последнее будет направлено против Греции и, быть может, против Сербии. В этот момент в Константинополе будет господствовать страх перед Россией. Поэтому нападение на Кавказ является маловероятным [3]).

Бенкендорф.

---

[1]) В тел. от 11 августа (29 июля) за № 1809 на имя Извольского и Бенкендорфа Сазонов передавал радиограмму Тухолки, сообщавшего, что «Гебен» и «Бреслау» вошли в Дарданеллы и что турецкое правительство заявляет, что оно их купило. Сазонов настаивал при этом на необходимости, «если не поздно, силой воспрепятствовать их проходу через Дарданеллы, безразлично под каким флагом».

Тел. от того же числа за № 288 Бенкендорф передавал сообщение адмиралтейства о том, что «Гебен» и «Бреслау» вошли в Дарданеллы «вчера в 6½ часов».

В тел. от того же числа за № 289 Бенкендорф передавал предположения Камбона о том, что на прибывших в Дарданеллы судах после их разоружения будет поднят турецкий флаг и что свой образ действий турки будут оправдывать ссылкой на секвестр двух турецких судов в Англии.

В тел. от 11 августа (29 июля) за № 661 Гирс сообщал о заявленном им. вел. визирю протесте против пропуска судов через Дарданеллы. «Великий визирь мне ответил, что эти суда куплены Турцией, и вся немецкая команда, как офицеры, так и матросы, будут удалены... Турция, выразив некоторое время тому назад согласие на их покупку, не думала, будто бы, что последняя действительно состоится, не предполагая, что судам удастся дойти до Дарданелл»... «Хотя, — замечал Гирс, — мы имели бы право настаивать на обезоружении судов и задержании команды, полагаю, что с практической точки зрения лучше допустить отправление ее в Германию, иначе во всякое время она могла бы вновь оказаться на судах в турецких мундирах»... По сообщению Гирса, после него с аналогичными представлениями выступили франц. посол и англ. поверенный в делах.

В тел. от того же числа за № 662 Гирс сообщал, что вел. визирь вновь подтвердил ему, что «он искренно надеется притти к соглашению с нами».

В тел. от 12 августа (30 июля) за № 1846 Сазонов уведомлял Гирса о своем согласии с его мнением относительно предпочтительности высылки германской команды ее задержанию, предлагая ему указать турецкому правительству, что «внезапное приобретение «Гебена» и «Бреслау» в то время, когда они начали переговоры с нами, едва ли облегчит задачу нашего сближения. Если турки не вышлют немедленно германскую команду и офицеров на родину, нам едва ли удобно будет продолжать с ними начатый обмен мнений».

[2]) Перевод с французского.

[3]) В тел. от 13 августа (31 июля) за № 517 (расшифрованной в росс. мин. ин. дел) Грей сообщил Бьюкенену, что, по имеющимся у него сведениям, российское правительство «придерживает» («are holding back») часть войск на случай войны с Турцией, и поручил ему указать российскому правительству на то, что главная цель союзников заключается в поражении Германии, чего необходимо достигнуть возможно скорее, так как «в противном случае Франция и Англия окажутся в критическом положении».

№ 57. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 256. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 255 [1]).

Австрийское правительство ответило через французского посла в Вене, что по франко-германской границе не имеется австрийских войск. Здесь австрийский посол ответил в несколько иной форме, а именно, что австрийские войска не участвуют в военных действиях Германии против Франции. Думерг вызвал сегодня утром графа Сечена и, указав на разницу этих ответов, заявил, что ввиду достоверности имеющихся здесь сведений о движении австрийских войск против Франции он считает дальнейшее пребывание французского посла в Вене невозможным. Граф Сечен ответил на это просьбой о снабжении его и посольства паспортами. При этом слово «война» не было произнесено ни с той, ни с другой стороны. Отъезд Сечена состоится, вероятно, сегодня вечером с оказанием ему полнейших удобств и внимания. Думерг сказал мне, что главной причиной, побудившей его ускорить дипломатический разрыв с Австрией, является наше указание на необходимость оказать противодействие возможному движению австрийского флота [2]). Впрочем, по имеющимся здесь сведениям, флот этот укрывается в Поле и не обнаруживает намерения выйти в Адриатическое море [3]).

Извольский.

№ 58. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 41. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Вчера французский посланник, сговорившись со мной и английским посланником, доверительно запросил министра иностранных дел, каков будет его ответ на наши тождественные декларации [4]. Министр иностранных дел ответил французскому посланнику, что, ободренное нашей декларацией, шведское правительство заключило с норвежским правительством опубликованное вчера соглашение о нейтралитете [5]). Соглашение с Норвегией подтверждает публично и наперекор стремлениям шведской аристократии твердое желание королевского правительства не присоединяться ни к одной из воюющих сторон. Министр иностранных дел подтвердил настоятельную просьбу свою, чтобы наши декларации не были опубликованы; он просил далее позволения не

---

[1]) В тел. от 9 августа (27 июля) за № 255 Извольский сообщал, что Думерг заявил Сечену, все еще не испросившему своих паспортов, что французское правительство, «осведомившись... о посылке австрийских военных частей против Франции, желало бы узнать о намерениях Австрии». Подобный же запрос, по сообщению Извольского, был сделан через французского посла в Вене.

[2]) См. № 13.

[3]) Так в подлиннике. В царск. экз.: «из Адриатического моря».

[4]) Имеется в виду заявление англ. посланника от 4 августа (22 июля) о сохранении неприкосновенности Швеции в случае соблюдения ею нейтралитета и тождественные заявления росс. и франц. посланников от 6 августа (24 июля) (тел. Неклюдова от 6 августа/24 июля).

[5]) Тел. от 9 августа (27 июля) Неклюдов доносил об опубликовании официального сообщения, в котором шведское и норвежское правительства заявляли о своем намерении соблюдать строгий нейтралитет и обязывались не нападать друг на друга.

уведомлять нас о принятии нашей декларации к официальному сведению, ибо подобный письменный ответ мог бы быть истолкован в советах у короля как доказательство приближения кабинета к Англии, к Франции и России. Сегодня министр иностранных дел повторил мне эти доводы, добавив, что он всетаки уведомит каждого из нас о получении декларации [1]). На мой вопрос, был ли сообщен текст нашей декларации норвежскому правительству, министр иностранных дел ответил, что он устно заявил ему об уверенности шведского правительства, что Швеции не угрожает никакой опасности со стороны России, Англии и Франции. Министр иностранных дел закончил самыми определенными и даже горячими заверениями в искреннем желании шведского правительства не примыкать ко врагам нашим. Мы все трое вполне доверяем прямодушию министра иностранных дел и благоразумию короля и потому не настаиваем на опубликовании нашей декларации, что действительно могло бы вызвать здесь внутренний кризис и борьбу между кабинетом и аристократической партией. Политика министра иностранных дел сводится к следующему: есть все основания опасаться, что войско не пойдет, если бы пришлось защищать нейтралитет Швеции против германского насилия; следовательно, нужно всячески избегать поводов к подобному насилию, а тем временем обстоятельства войны выяснят дальнейшие решения Швеции. Во всяком случае падение нынешнего кабинета будет предшествовать всякому воинственному повороту; король же весьма дорожит теперешним кабинетом и боится быть вовлеченным в войну, понимая огромную ответственность свою. Вчера Стааф опубликовал открытое письмо министру-президенту, заявляя, что он и его партия искренно присоединяются к кабинету в его стараниях сохранить нейтралитет и достоинство Швеции. Стааф не поступил бы так, если бы не был убежден в искренности министра-президента и министра иностранных дел.

Неклюдов.

№ 59. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 205. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Копии в Константинополь, Софию, Ниш и Афины.

Согласно объяснениям министра иностранных дел, немного более недели тому назад греческое правительство предложило Румынии и Турции объявить как бы совместный нейтралитет во время нынешнего кризиса с тем, чтобы заставить Болгарию занять такое же положение. Турция отнеслась, будто бы, сочувственно к этому предложению, а Румыния высказалась за необходимость предварительного улажения турецко-греческих недоразумений. Однако все усилия Румынии в этом направлении не дали никаких результатов, и великий визирь уклонился даже от свидания с Венизелосом. Болгарское правительство продолжает давать здесь самые дружественные заверения и предложения даже союза, стараясь при этом обеспечить себе свободу действий при нынешних обстоятельствах. Румынское правительство отвечает уклончиво, указывая, что оно готово лишь заключать оборонительные соглашения, основанные на доказанности общих интересов. Вообще же

[1]) В тел. от 14(1) августа за № 43 Неклюдов сообщал, что Валленберг уведомил трех посланников о получении и принятии к сведению их деклараций.

здесь продолжают считать поведение Болгарии подозрительным и находят, что обеспечить ее нейтралитет можно только путем самых дружеских с нею переговоров и ценою значительных и необходимых территориальных уступок со стороны Сербии. Здесь также предполагают, что в случае нейтралитета Болгарии Турция останется спокойной. Румынское правительство прилагает все дипломатические усилия, дабы предотвратить вооруженный конфликт на Балканах. Однако Братиану заявил мне вполне определенно, что все внимание румынского правительства устремлено теперь к тому, чтобы Румыния не пострадала в результате войны между великими державами, а потому она не примет никакого участия в войне, которая может вспыхнуть, тем более, что она не в силах отстаивать при нынешних условиях неприкосновенность Бухарестского трактата.

Поклевский.

№ 60. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 658. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Срочная.

Прошу срочных распоряжений. Ссылаюсь на № 1769 [1]).

Чтобы не вышло недоразумения и чтобы из-за него не было задержки в заключении соглашения, столь важного в политическом отношении в смысле приобретения, может быть, исключительного влияния на Балканском полуострове, почитаю долгом высказать, что вопрос об отводе 9-го и 11-го корпусов выставлен самим Энвером в виде гарантии искренности Турции и сам по себе является побочным. Смею думать, что он мог бы быть решен, как впрочем и все остальные вопросы, касающиеся организации и действий турецкой армии, в полном соответствии с указаниями августейшего верховного главнокомандующего. Цель, к которой нам необходимо стремиться, заключается в совершенном устранении всегда враждебного нам господства Германии в Турции. К достижению этой цели представляется теперь крайне благоприятный случай. Если мы его выпустим, то бесповоротно бросим Турцию в объятия Германии, которая, даже ослабленная и побежденная, будет все же весьма враждебна нам на Ближнем Востоке. На сегодняшнем дипломатическом приеме великий визирь доверительно высказал мне, что он сочувствует стремлению Энвера сблизиться с нами и готов оказать свое полное содействие быстрому заключению соглашения. Я заметил ему, что лично вполне сочувствую соглашению России с Турцией, но что оценка способа для условий его достижения зависит исключительно от императорского правительства. Я глубоко убежден, что настал исторический момент, когда мы имеем возможность окончательно подчинить себе Турцию и через нее парализовать готовящиеся выступить против нас враждебные нам силы на Балканском полуострове.

Гирс.

---

[1]) В тел. от 9 августа (27 июля) за № 1769 Сазонов указывал на нежелательность обращения к турецкому правительству с просьбой об отводе войск от русской границы, так как с «военной точки зрения Турция не составляет в настоящее время особой угрозы нашей кавказской границе, оттяжка от которой их сил создала бы, напротив, большую сосредоточенность оных». С другой стороны, просьба эта, по мнению Сазонова, «могла бы быть истолкована как признак нашей слабости».

№ 61. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 1822. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Сообщается в Константинополь и Софию.

Прибывший в Петербург племянник Киамиль-паши Джемаль-бей, вступив в негласные отношения с некоторыми нашими общественными деятелями, обрисовывает политическое положение в Константинополе так: половина младотурецкого комитета и кабинета, будто бы, с Энвером во главе, крайне воинственна и стремится к соглашению с Румынией и Болгарией для совместных действий против России и ее союзников. Турция, будто, выговаривает себе, между прочим, присоединение Батумской области.

В том же направлении предположены на сегодня и завтра совещания в Бухаресте.

Другая часть младотурок, с Талаатом и Джавидом во главе, более склонна к соглашению с Россией, в надежде получить обеспечение обладания островами, в особенности Хиоса и Митилен.

Не имея возможности проверить надежность сведений и побуждений Джемаля, мы сочли нужным через тех же лиц, к коим он обратился, посоветовать его партии, ищущей сближения с Россией, завязать параллельные разговоры и в Бухаресте и в Софии, чтобы создать течение, благоприятное общему соглашению с нами и сохранению Турцией нейтралитета.

[Сазонов.]

№ 62. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 1825. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Менделеева [1]).

Можете весьма осторожно довести до сведения короля путем, который сочтете наиболее удобным, что в случае захвата его капиталов Германией из-за выступления Румынии против Австрии, мы готовы обязаться полностью вознаградить его за подобную утрату [2]).

Сазонов.

№ 63. Посол в Лондоне министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 296. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Получил №№ 1775 [4]) и 1803 [5]). Копия в Париж.

Сообщил содержание их Никольсону, который мне сказал, что Грей боится отрицательных последствий этого шага и не может на

[1]) В тел. от 10 августа (28 июля) консул в Яссах Менделеев сообщил, что, по слухам, «король боится выступления с Россией, ибо его капиталы может конфисковать Германия, куда они вложены».

[2]) В тел. от 22 августа (9 сентября) за № 211 Шишкевич, сообщая о военных приготовлениях Румынии, отмечал, что, по сведениям румынской печати, король изъял из германских банков большую часть своих вкладов.

[3]) Перевод с французского.

[4]) В тел. от 10 августа (28 июля) за № 1775 Сазонов указывал, что, «ввиду проявляемой Италией нерешительности», необходимо, чтобы английское и французское правительства заявили итальянскому правительству, что они «придают особенное значение скорому решению вопроса» о выступлении Италии.

[5]) См. № 54.

него решиться. Я указал Никольсону, что необходимо однако, чтобы итальянское правительство было поставлено в известность о том, что британское правительство не встретит возражений против возможного приобретения Италией Триеста и Валоны, кроме Трентино, что речь идет о двух морских портах и что присоединение Англии к этой точке зрения имеет особенную ценность. Никольсон ответил мне, что во время их последней беседы [1]) на эту тему Грей предлагал Империали продолжать эти переговоры, если итальянское правительство его на это уполномочит. Никольсон думает, что это несомненно так и будет, если Италия выкажет себя хоть сколько-нибудь расположенной заключить союз с Тройственным согласием. У Сан-Джулиано, по мнению Никольсона, не может возникнуть ни малейшего сомнения в том, что Англия, которая в этом непосредственно заинтересована, крайне дорожит выступлением Италии.

Бенкендорф.

№ 64. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 262. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Продолжение моей телеграммы № 261 [2]).

Думерг подтвердил мне, что вследствие последовавшего разрыва между Францией и Австрией и положения, занятого французским флотом, австрийская эскадра, по его убеждению, не может рискнуть выйти из Адриатического моря. Французское правительство вполне отдает себе отчет в необходимости как можно скорее нанести удар австрийскому флоту, так как это, между прочим, может оказать влияние на решения Италии. Думерг присовокупил, что он уже предпринял шаги в Лондоне, дабы скомбинировать решительные действия французских и английских сил против австрийского флота [3]).

Извольский.

---

[1]) В тел. от 11 августа (29 июля) за № 290 Бенкендорф сообщал, что Грей в разговоре с Империали указывал ему на все преимущества, которые получит Италия, выступив на стороне Тройственного согласия. Грей, по словам Бенкендорфа, против официального выступления трех послов в Риме.

[2]) В тел. от 11 августа (29 июля) за № 261 Извольский сообщал о том, что «базой французского флота будет отныне Мальта, дабы быть близко к выходу из Адриатического моря». По словам Извольского за германскими крейсерами организована английскими крейсерами погоня.

[3]) В тел. от 13 августа (31 июля) за № 276 Извольский передавал о соединении в Средиземном море французского и английского флотов, которым отдано приказание атаковать австрийцев. О последнем обстоятельстве сообщалось также в тел. Извольского от того же числа за № 278.

Тел. от 14(1) августа за № 696 Гирс сообщил об упорно держащемся слухе относительно возможности прихода двух австрийских судов, находящихся в Эгейском море. Гирс сообщил об этом французскому и английскому послам ввиду необходимости принять меры для предупреждения прохода судов через проливы, так как «их появление окончательно вскружит голову туркам».

Ссылаясь на эту тел. Гирса, Бенкендорф в тел. от 18(5) августа за № 333 извещал о том, что Грей, по обсуждении вопроса совместно с Черчиллем, сказал ему, что «английское правительство не видит никакой опасности в этом», так как французские силы охраняют вход в Адриатическое море и английская эскадра наблюдает за входом в Дарданеллы.

№ 65. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 265. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Ссылаюсь на № 259 [1]).

В разговоре со мной Думерг подтвердил соображения, высказанные Понсо советнику посольства, а именно, что Турция опасается, что мы воспользуемся обстоятельствами и возможною победою над Австриею и Германией, чтобы захватить Константинополь и проливы, и, что было бы весьма желательно, чтобы мы успокоили ее на этот счет, например, предложивши ей гарантировать целость ее владений. По мнению Думерга, это не помешало бы нам при ликвидации войны разрешить согласно нашим видам вопрос о проливах.

Извольский.

№ 66. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 265. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Думерг подтвердил мне, что французскому посланнику в Бухаресте поручено сделать румынскому правительству сообщение в указанном вами смысле [2]), но присовокупил, что было бы опасно производить слишком сильное давление на Румынию или брюскировать ее, ибо там борятся два различные течения [3]). Я знаю, что французский посланник в Бухаресте высказывает мысль, что нейтралитет Румынии может быть выгоднее ее участия в войне против Австрии, ибо он даст ей возможность наблюдать за Турцией и Болгарией, а выступление этих держав неминуемо вовлечет и Румынию в совместные с нами действия.

Извольский.

№ 67. Посланник в Брюсселе министру иностранных дел.

Телеграмма № 45. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Сейчас видел лидера социалистов Вандервельде, который завтра пошлет по телеграфу воззвание к русским социалистам, прося их не противодействовать российскому правительству в борьбе с Германией. Воззвание написано хотя в социалистическом, но умеренном тоне и

---

[1]) В тел. от 10 августа (28 июля) за № 259 Извольский передавал высказанные помощником Маржери Понсо в частном разговоре с Севастопуло соображения, в основном изложенные в публикуемом документе. По мнению Понсо, турки «не ищут авантюр и не стремятся к торжеству Германии»; с другой стороны, по его мнению, «может быть, нам было бы выгоднее втянуть Турцию в число наших противников, дабы таким образом покончить с ней».

[2]) См. № 39.

[3]) В тел. ген.-квартирмейстера штаба Одесского округа Шишкевича от 6 августа (24 июля) за № 188 сообщалось, что в заседании коронного совета 3 августа (21 июля) большинство принадлежало к сторонникам совместных действий с Россией, «чего не учел король», который, «настаивая, угрожал отречением». В результате, по сообщению Шишкевича, было решено придерживаться вооруженного нейтралитета. В тел. от 9 августа (27 июля) за № 200 Поклевский сообщал, что Братиану «не скрыл» от него, что «принимаемые румынским правительством военные меры сводятся к полной, но пока еще тайной мобилизации», но отказался «более подробно объяснить... значение принятого на большом совете решения». В тел. от 22(9) августа за № 34 Шишкевич сообщал, что в заседании коронного совета король заявлял о необходимости немедленного присоединения к Австрии, предполагающей оккупировать юг России, и угрожал отречением, когда большинство совета и все министры, кроме Маргиломана, настаивали на сохранении нейтралитета.

подчеркивает, что социалисты наиболее демократических стран принимают сейчас участие в борьбе с германским милитаризмом в защиту своего отечества [1]). Военный министр просит меня предупредить вас об этом, добавив, что придает шагу Вандервельде большое значение [2]).

Кудашев.

№ 68. Посланник в Афинах министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 179. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Срочно.

Копии в Ниш, Софию, Бухарест и Константинополь.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 161 [4]).

Доверительно. Венизелос, продолжая настаивать на том, чтобы не быть названным, снова возвращается к преимуществам немедленной

[1]) В делах б. м-ва внутр. дел имеется следующий текст тел. Вандервельде: «Социал-демократическим депутатам Думы.

Дорогие товарищи. Я пишу вам не в качестве представителя Международного социалистического бюро, но от своего личного имени и, смею так сказать, от имени всех бельгийских социалистов. Современное состояние Европы делает крайне затруднительным правильные сношения между различными секциями Интернационала. Мы не знаем, что делают наши товарищи в Германии, и огромные армии, как стены, стоят между социалистами России и социалистами Бельгии, Франции или Англии.

Мне кажется полезным при таких условиях ознакомить вас с нашими взглядами на существующее положение. Для социалистов Западной Европы поражение — я не говорю: Германии, которую мы любим и перед которой мы преклоняемся, — но прусского юнкерства есть вопрос жизни или смерти. Если бы судьба решила, чтобы наша маленькая Бельгия была уничтожена, чтобы Франция или Англия были побеждены, чтобы германский империализм восторжествовал, нормальное развитие социализма в наших странах на долгие годы было бы подорвано. Чтобы избежать подобной катастрофы, мы решились, и уже события показали, что демократы республиканцы и социалисты Бельгии и Франции решились использовать во всей полноте свое право на законную оборону. Но в этой ужасной войне, разразившейся над Европой вследствие противоречий буржуазного общества, свободные нации принуждены рассчитывать на военную поддержку русского правительства. В значительной степени от российского революционного пролетариата будет зависеть, чтобы эта поддержка была более или менее решительной. Я, разумеется, не имею возможности указывать вам, что вам делать и чего требуют от вас ваши собственные интересы. Вы сами прежде всего должны решить, что вам делать.

Но я вас прошу, и наш бедный Жорес, если бы он еще жил, конечно, также просил бы вас вместе со мной стать на общую точку зрения положения социалистической демократии в Европе. Мы ведем войну за независимость, мы сознаем, что боремся за демократию и за политическую свободу в Европе; мы считаем, что, по крайней мере, для наших стран торжество германского милитаризма было бы ужасной катастрофой. Мы считаем, что против подобной опасности настоятельно необходима коалиция всех живых сил Европы, и мы были бы счастливы знать в этом отношении ваше мнение и еще более счастливы узнать, что оно сходится с нашим. Примите, дорогие друзья, уверение в моих братских чувствах.

Эмиль Вандервельде, делегат бельгийской рабочей партии в Международном социалистическом бюро и, со дня объявления войны, министр.

Я уполномочиваю вас поступить с этой телеграммой согласно вашему усмотрению».

[2]) В делах б. м-ва ин. дел имеется адресованное Сазонову отношение м-ва внутр. дел от 14(1) августа за № 29381 следующего содержания:

«Министр внутренних дел, свидетельствуя совершенное почтение его высокопревосходительству Сергею Дмитриевичу, имеет честь возвратить при сем подлинную телеграмму г. Вандервельде из Брюсселя, присовокупляя, что к передаче ее по назначению препятствий не встречается».

[3]) Перевод с французского.

[4]) Повидимому, ошибка: тел. Урусова от 30(17) июля за № 161, см. т. V, № 315. Вероятно, имеется в виду тел. Демидова от 7 августа (25 июля) за № 171 (см. № 29).

реорганизации балканского блока под нашим руководством. Его точка зрения, если судить по телеграмме Поклевского[1]), значительно приближается к румынской. Отныне очевидно, что Бухарестский договор не может быть сохранен, и всего целесообразнее теперь же приступить к выработке системы равновесия, удовлетворяющей все заинтересованные страны, приглашая их объединиться в общих целях территориальных приобретений, на которые до сих пор нельзя было надеяться. В случае успеха Согласия Сербии, чрезмерно расширенной за счет Австрии и Албании, пришлось бы прежде всего компенсировать Болгарию за ее нейтралитет; в случае,— что маловероятно,— поражения, эти же самые провинции были бы для нее [Сербии] безвозвратно потеряны. Сербия может поэтому лишь извлечь для себя выгоду из такой жертвы, как предложение немедленного возвращения Кочана и Иштиба. Это вызвало бы, вероятно, в Болгарии такую перемену в общественном мнении, которой правительство Радославова не было бы, быть может, вовсе в силах противостоять. Если непредусмотрительность Турции и австро-германские настояния в Константинополе привели бы Оттоманскую империю к участию в конфликте, было бы, помимо того, по мнению Венизелоса, необходимо предложить Болгарии значительные приращения в Восточной Фракии. Эти доводы, по моему мнению, основательные, могли бы быть лишь подкреплены победой нашего оружия. В Греции общественное мнение почти единогласно на нашей стороне.

Демидов.

№ 69. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 660. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Срочная.

Прошу срочных указаний.

Великий визирь подтвердил сегодня послу заявление Энвера, что сразу ставит вопрос на реальную почву и дает возможность рассчитывать, что висящее в воздухе военное соглашение с Германией еще не подписано[2]), вопреки общему здесь убеждению. Не подлежит однако сомнению, что это может случиться с минуты на минуту, ибо Энвер и все правительство находятся под постоянным давлением со стороны немцев, не останавливающихся ни перед какими обещаниями и способами воздействия, чтобы достигнуть цели. По моему глубокому убеждению, только наше немедленное решение может спасти положение и нанести Германии на Балканах непоправимый удар, и притом в самом чувствительном для нее месте, ибо даже одно изгнание немецких офицеров из турецкой армии совершенно разрушит ее престиж и вырвет навсегда яму между Турцией и Германией. Наряду с этим моральным эффектом надо учитывать и реальные и военные выгоды, связанные с получением в свои руки 200-тысячной армии, собранной в тылу наших возможных противников. Но много вероятий, что под влиянием именно этой армии и нравственного удара, нанесенного германскому престижу, эти возможные противники переменят фронт и повернут в нашу сторону, что сразу поставит наших врагов и, в част-

[1]) См. № 30.

[2]) Текст германо-турецкого соглашения см. «Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch», Berlin, 1921, III, S. 183—184, № 733.

ности Австрию, в крайне невыгодное стратегическое положение и позволит нам нанести ей сокрушительный удар. Посол просит добавить, что он полностью разделяет все положения, доложенные в настоящей телеграмме. Ввиду отказа телеграфа принимать от военных агентов срочные телеграммы, настоящая телеграмма передается срочно через министерство иностранных дел. № 296. Леонтьев.

Гирс.

№ 70. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 1847. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Лично.

Прошу расшифровать лично.

Поведение Сербии за последние дни вызывает в нас некоторое недоумение.

Ежедневно к нам поступают всевозможные просьбы, которые мы стараемся посильно удовлетворять. Между тем со стороны Сербии мы не видим той же готовности удовлетворить разумные наши просьбы. Мечтая о Великой Сербии, Пашич выказывает очень мало желания итти на необходимые и умеренные жертвы, дабы заручиться благожелательным нейтралитетом Болгарии. Наше военное ведомство удивляется медленности сербов, все еще не переходящих в серьезное наступление.

Если у сербов существует мысль, что, полагаясь на напряжение наших сил, они могут без особого труда рассчитывать на приобретение новых территорий, то эту опасную иллюзию следовало бы разрушить. Нельзя не отдавать себе отчета в том, что у Италии может тоже возникнуть искушение воспользоваться обстоятельствами. Если Сербия не начнет теперь же силою завоевывать себе известные права, то потом обстоятельства могут сложиться для нее менее благоприятно, тем более, что если бы Италия склонилась на сторону Тройственного согласия, то она, конечно, выставила бы условия, многие из коих могут оказаться в противоречии с сербскими интересами.

Можете в осторожной и дружеской форме пользоваться этими аргументами в беседах с Пашичем[1]).

[Сазонов.]

№ 71. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

Телеграмма № 1849. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Весьма доверительно.

Сообщается в Ниш, Софию, Париж, Лондон и Константинополь.

В доверительном обмене мнений с греческим посланником мы высказали ему следующие соображения.

[1]) В ответной тел. от 13 августа (31 июля) за № 366 Штрандтман сообщал, что Пашич объясняет медлительность сербской армии недостатком технических материалов, необходимых для действий, связанных с переходом через реки, и что, по его словам, «только фактическая невозможность двинуться вперед, а отнюдь не расчет на успех русских войск, лишала до сих пор сербов возможности осуществить заветное желание каждого из них — помочь России против общего врага»; вместе с тем Пашич надеется, что в связи с закончившейся концентрацией сербских войск последним удастся «решительным ударом перебросить неприятеля и на его плечах перейти Саву».

Приобретение Турциею «Гебена» и «Бреслау» может оказать самое серьезное влияние на участь островов. Это обстоятельство явится новым аргументом в пользу турко-болгаро-румынского союза.

Одним из средств помешать такой комбинации является соглашение Сербии и Греции с Болгарией. Недостаточно угрожать последней, ибо этой угрозы она может не испугаться. Нужно обещать и реальные выгоды. Сербия уже вступила на путь обсуждения возможных компенсаций. Очередь за Грецией, тем более, что в случае победоносной войны она может рассчитывать на Эпир.

Если же греческое правительство понадеется на возможность приобретений без жертв, то пусть не забывает, что предметы ее вожделений могут также явиться объектом Италии и что, кто не окажет никакой пользы и не согласится ни на какие жертвы, едва ли что-либо получит. Помимо сего, турко-болгаро-румынский союз может нанести непоправимый вред непосредственным интересам Греции.

Все изложенное склоняет к мысли о том, что Греции, не теряя времени, следует определить, что она может обещать Болгарии взамен ее благожелательного нейтралитета.

Можете в том же смысле объясниться с Венизелосом.

Сазонов.

№ 72. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 1855. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Доверительно.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1822 [1]).

Вызвав к себе в посольство частное лицо, с которым вступил в общение Джемаль-бей, турецкий поверенный в делах доверительно поведал ему следующее:

Интересы Турции толкают ее не только на сближение, но на союз с Россией. Этот союз, по мнению Фахреддина, должен покоиться на следующих основаниях.

Турция не домогается никаких территориальных приращений, но желает обеспечения своей территориальной неприкосновенности. Она предоставляет свою армию в распоряжение России, если в этом встретится надобность в этой войне.

Вознаграждение, которого желает Турция, состояло бы в присвоении всех концессий, железнодорожных и прочих, Германии в Малой Азии.

Кроме того, Порте было бы дано обещание, что Россия обязуется не поддерживать националистических армянских течений, ибо Турция опасается вожделений России на армянские области.

Не имея возможности проверить степень серьезности предложений Фахреддина и насколько они имеют личный характер, сообщаю их вам как материал для бесед с турками. Если бы они могли рассчитывать на сочувствие в Константинополе, то, с своей стороны, считали бы приемлемыми все пункты, кроме отказа от армянских реформ, причем однако гарантия территориальной неприкосновенности могла бы служить достаточным обеспечением туркам.

Сазонов.

[1]) См. № 61

№ 73. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 604. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Секретно.
Спешное.

М. г. Петр Львович.

Персидское правительство, крайне нуждаясь в средствах, возбудило ходатайство о выдаче ему нового аванса русским и великобританским правительствами. Английский банк, идя навстречу этому положению, уже изъявил готовность выдать персам аванс в 50 000 ф. ст., обставив эту помощь, как явствует из полученных нами сведений, условием дарования шахским правительством известной английской компании Гринвея крупной рудной концессии, обнимающей свыше трети нейтральной зоны. Есть полное основание опасаться, что доведенное до крайности персидское правительство будет вынуждено согласиться на это условие, от которого оно до сего времени упорно отказывалось, имея в виду необходимость сохранить известной ширины полосу для Трансперсидской железной дороги.

Такой оборот дела был бы для нас, конечно, весьма невыгоден, и я считал бы поэтому крайне желательным, путем оказания безотлагательной помощи шахской казне, дать тегеранскому кабинету возможность отстаивать свой прежний взгляд на концессию.

Речь идет, как известно, о выдаче нами персам аванса всего в 300 000 томанов, каковую выдачу и надлежало бы произвести, не обставляя ее какими-либо тягостными для шахского правительства условиями. Я считал бы наиболее целесообразным предоставить нашему посланнику в Тегеране определить, сообразно с обстоятельствами, максимальные требования, которые могли бы быть нами предъявлены персам за оказываемую им помощь.

Передавая об изложенном и в надежде, что ваше превосходительство не откажете пойти навстречу высказанным пожеланиям, вызываемым вескими политическими и экономическими соображениями, имею честь покорнейше просить уведомить меня, не признаете ли вы возможным снабдить Учетно-Ссудный банк Персии соответствующими указаниями [1]).

Примите и пр. Сазонов.

№ 74. Итальянский посол в Петербурге итальянскому министру иностранных дел Сан-Джулиано [2]).

Телеграмма. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Весьма срочно.

Кабинет министра № 55.

Секретно. Лично для министра.

Г. Сазонов мне сказал, что он уполномочил г. Крупенского запросить ваше превосходительство о русско-англо-французском предложе-

[1]) В ответном письме от 13 (26) августа за № 411 Барк писал, что «при нынешнем состоянии кассовых средств» Учетно-Ссудного банка и «общем положении денежного рынка в Персии выдача персидскому правительству аванса в 300 000 томанов представляется для банка весьма затруднительной». Поэтому, по мнению Барка, было бы «предпочтительным в настоящий момент отклонить ходатайство персидского правительства».

[2]) Телеграмма расшифрована и переведена с итальянского в российском мин-ве ин. дел.

нии [1]) и что ему известно, что г. Баррер и сэр И. Реннель Родд равным образом уполномочены начать разговор с вашим превосходительством в случае, если ваше превосходительство были бы расположены вступить в переговоры по этому предмету. Сэр Э. Грей, согласно телеграмме графа Бенкендорфа [2]), не хочет рисковать получить отказ со стороны вашего превосходительства, ни давать повод к подозрению, что Тройственное согласие намерено произвести давление на Италию в вопросе, который должен быть решен ею свободно и независимо. Г. Сазонов ответил сэру Э. Грею, что он знает из первых рук, что разговор с вашим превосходительством на известной базе возможен.

Я ограничился тем, что указал г. Сазонову, что я не знаю взглядов вашего превосходительства, что нам предстоит преодолеть много трудностей в связи с этим предложением еще до того, как вы будете иметь возможность рассмотреть его и высказаться о нем.

Г. Сазонов, допуская это, все же повторил, что он, со своей стороны, не может согласиться на продолжительное обсуждение предложения и встречных предложений на базе, предложенной им, тем более, что через несколько дней, может быть, у Тройственного согласия не будет больше оснований поддерживать свое предложение, и он намекнул на возможность столкновения между англо-французскими и австрийскими силами.

№ 75. Посол в Лондоне министру иностранных зел [3]).

Телеграмма № 301. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Грей сказал мне, что он всячески приветствует и поощряет проект Венизелоса о реорганизации балканского блока со включением в него Греции, Сербии, Болгарии, Черногории и Румынии [4]). Он сказал, что в этом случае трансильванский вопрос должен остаться разрешенным в пользу Румынии на тех же условиях, как и до сих пор. Что же касается вопроса об обмене территорий с целью компенсировать эти державы, то она могла бы разрешить его согласно советов, которые вы формулировали [5]).Я его спросил, не находит ли он, что план Венизелоса очень трудно выполнить. Грей ответил, что он верит в рассудительность и деловитость Венизелоса. Грей телеграфирует в Афины, дабы поддержать проект самым решительным образом.

Бенкендорф.

№ 76. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 303 [6]). 12 августа (30 июля) 1914 г.

Грей сказал мне, что получил из Константинополя известия, что турецкое правительство покупает «Гебен» и «Бреслау» и что германский капитан, офицеры и экипаж немедленно будут удалены. Грей мне сказал, что, если бы это последнее решение было действительно выполнено, он предпочел бы видеть эти два судна в руках турок, нежели в германских руках в Средиземном море. В руках турок они представили бы мало реальной опасности, потому что были бы за-

[1]) См. № 54.
[2]) См. № 77.
[3]) Перевод с французского.
[4]) См. №№ 29 и 68.
[5]) См. № 51.
[6]) Перевод с французского.

труднения с турецким экипажем и офицерами. Грей сказал мне, что если германский экипаж не будет удален, то сейчас же будет отозвана английская миссия. Грей прибавил, что он получил от турецкого правительства самые положительные и самые категорические уверения в его решении сохранить нейтралитет и что никакого общего с Болгарией выступления не имеется в виду. Грей сказал мне, что он с своей стороны не верит во враждебные намерения Турции по отношению к России, где ей нечего взять. Он полагает, что, если представится случай, Турция скорее станет действовать в сторону Салоник в надежде сохранить то, что она сможет отвоевать. По его мнению, диверсией более вероятной, хотя столь же отдаленной, как диверсия в сторону Кавказа, было бы создание затруднений в Египте, где «Гебен» под германским флагом мог бы играть активную роль; Грей находит, что в настоящее время положение в Константинополе лучше прежнего. Я развил Грею мнение, изложенное в вашем № 1810 [1]). Он повторил мне, что в данный момент он не верит в опасность с турецкой стороны и полагает, что лучше держаться того, что он мне только что сказал.

Бенкендорф.

№ 77. Посол в Лондоне министру иностранных дел [2]).

Телеграмма № 306. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 1803 [3]).

Грей сказал мне, что он отправил английскому послу в Риме телеграмму, в которой ему поручается объясниться доверительно с Сан-

---

[1]) В тел. от 11 августа (29 июля) за № 1810 Сазонов предлагал Гирсу в случае если Порта заявит, что суда куплены ею, протестовать совместно с французским и английским послами против этого акта как нарушающего нейтралитет Турции. Сазонов указывал, что покупка Турцией германского военного судна, «находящегося в несомненной опасности в бассейне Средиземного моря, преследует явную помощь Германии» и является нарушением «56-й статьи Лондонской морской декларации 1909 года, хотя не ратификованной..., но приобревшей характер обычного международного морского права».

В тел. на имя Бенкендорфа от 12 августа (30 июля) за № 1834 Сазонов передавал английскому правительству просьбу, чтобы адмирал Лимпус приложил все усилия к разоружению германских судов и следил, чтобы на них не осталось германской команды.

В тел. от того же числа за № 298 Бенкендорф сообщал, что отправленная Греем в Константинополь тел. относительно разоружения судов запоздала и что «положение с точки зрения международного права осложняется энергичными протестами со стороны Турции против захвата в Лондоне, в совершенно мирной обстановке, двух турецких дредноутов».

В тел. от 12 августа (30 июля) за № 304 Бенкендорф указывал, что Никольсон, так же как и Грей, считает, что Англии, секвестровавшей турецкие суда, трудно протестовать «с точки зрения международного права», что «положение на море» он считает более благоприятным, чем ранее, что «отзыв английской морской миссии поведет к ослаблению значения турецкого флота». Вместе с тем, по сообщению Бенкендорфа, Никольсон получил от Тевфик-паши заверения в том, что Турция не нарушит нейтралитета и что «германские суда послужат лишь для более успешных переговоров с Грецией».

В тел. от 13 августа (31 июля) за № 1873 на имя Бенкендорфа Сазонов выражал свое несогласие с мыслью о том, что «морское положение улучшилось»: «наоборот, усиление турецкого флота «Гебеном», калибру коего не отвечает ни одно из судов нашего Черноморского флота, ставит последний в весьма затруднительное положение, что тем более прискорбно, что англичане имели возможность не допустить его в Дарданеллы».

[2]) Перевод с французского.

[3]) См. № 54.

Джулиано и премьер-министром и сказать им, что если английское правительство воздержалось от официальных шагов касательно позиции Италии, то это потому, что оно было убеждено, что итальянское правительство сумеет само найти путь, который укажут ему обстоятельства и его интересы, но что, если бы Италия решила присоединиться к Тройственному согласию, Англия, само собой разумеется, отнеслась бы к этому с живейшим удовлетворением и что, кроме того, будучи в курсе переговоров, которые велись в Петербурге, он всецело соглашается на предоставление Италии преимуществ, обещанных ей втечение этих переговоров[1]). Грей сказал мне, что он сегодня же вернется к конфиденциальному, но столь же детальному обсуждению этого вопроса с Империали. Грей настаивал на своем мнении, что официальные шаги не имели бы другого результата, кроме того, что сделали бы более трудной для Италии полную эволюцию. Он формулировал свою мысль приблизительно, как Думерг, по телеграмме Извольского № 263[2]), но с еще большей настойчивостью[3]).

№ 78. Посол в Лондоне министру иностранных дел[4]).

Телеграмма № 307. 12 августа (30 июля) 1914 г.

В связи с переговорами касательно Румынии Камбон весьма доверительно обратил мое внимание на то, что положение румынского короля также весьма затруднительно. Согласно сведениям, которые Камбон... [считает] неоспоримыми, срок договора между Румынией и Австрией истекает лишь в 1916 г. По этому договору Румыния должна при всех обстоятельствах приступить к мобилизации, как только это сделает Австрия. Вследствие этого румынское правительство, заявив о своем нейтралитете, уже нарушило условия этого договора, что является значительной услугой, если даже нельзя будет добиться, чтобы она этим не ограничилась.

Бенкендорф.

№ 79. Французский министр иностранных дел Думерг французскому послу в Петербурге Палеологу[5]).

Телеграмма № 592. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Французское правительство вполне готово действовать в Риме и Бухаресте с целью заставить Италию и Румынию выступить против

---

[1]) См. №№ 24 и 54. В тел. от 14(1) августа за № 317 Бенкендорф передавал Сазонову содержание ответа Саландры Родду. Саландра заявил, что, не предрешая вопроса о позиции Италии в дальнейшем, он считает, что объявленный Италией нейтралитет вполне согласуется с ее союзными обязательствами, но что нельзя требовать от нее, чтобы после объявления нейтралитета она объявила войну.

[2]) В тел. от 11 августа (29 июля) за № 263 Извольский сообщал, что Думерг согласен с необходимостью «побудить Италию примкнуть к Тройственному согласию», но «считает опасным предпринимать в Риме слишком резкие шаги, могущие произвести обратное действие»; по мнению Думерга, нейтралитет Италии «является большим успехом».

[3]) Изложенная в публикуемом документе точка зрения английского правительства была сообщена российскому м-ву ин. дел нам. запиской английского пос-ва от 13 августа (31 июля).

[4]) Перевод с французского.

[5]) Перевод с французского. Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

Австрии. Оно дало заверение в этом российскому правительству, и я ему это заверение подтверждаю. Мы также вполне согласны дать Италии и Румынии в случае военной помощи с их стороны все желаемые заверения по вопросу о территориальных преимуществах, которые будут им предоставлены после удачного исхода военных операций, при условии, что эти преимущества будут предоставлены без ущерба для наших собственных национальных интересов. Итак, остается только сговориться о том, каким способом привлечь обе эти страны к военному выступлению на нашей стороне. При большой щепетильности Италии и Румынии и при живости их национального характера приходится бояться, что всякое требование Тройственного согласия, которое будет похоже на принуждение, даст результат абсолютно противоположный тому, какого мы хотим достигнуть. Я думаю поэтому, что надо действовать с ними очень осторожно и не задевать их. Две недели тому назад у нас были все основания бояться, что в случае конфликта Румыния и Италия будут на стороне Тройственного союза. Мы считали счастливейшим событием их нейтралитет. Надо поблагодарить их и заявить им, что мы им очень признательны за занятое ими положение, которое мы не ожидали со стороны наций, являвшихся и являющихся мишенью для... и приемов Австрии и Германии. Надо им сказать, что мы не хотим оказывать на них давление для того, чтобы они сделали решительный шаг и выступили на нашей стороне, но что мы расположены были бы, если бы они этот шаг пожелали сделать, предоставить им серьезные преимущества при окончательной развязке. Не выступив с нами, они пропустили бы единственный случай получить эти преимущества, а мы гарантируем им эти преимущества, насчет которых мы пришли к полному соглашению. Такой способ выражения не оскорбил бы их и достаточно пощадил бы их самолюбие, так что мы могли бы надеяться легче довести их до выступления на нашей стороне.

Я прошу вас рекомендовать этот метод г. Сазонову, который мне известен, как человек тонкого и государственного ума, и я надеюсь, что вы вдохновитесь этим методом. В настоящий момент становится необходимым не спешить с инициативой и держаться благоразумного пути, которого мы держались до сего дня и который в общем может дать хорошие результаты.

Телеграфируя нашему послу в Лондон для того, чтобы мы могли дать тождественный ответ российскому правительству, я рекомендую ему тот же прием.

Наш посол в Риме и наш посланник в Бухаресте могли бы оба говорить этим языком.

№ 80. Посол в Риме министру иностранных дел [1]).

Телеграмма № 79. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Срочная.

Получил телеграмму № 1803 [2]).

Сообщил французскому и английскому послам ее содержание. Ввиду несогласия моей инструкции с их инструкциями считаю долгом

[1]) Перевод с французского.
[2]) См. № 54.

сообщить вам следующие замечания, составленные совместно с ними:

«Инструкции, полученные вчера французским послом относительно методов действия, не так ясны, как мои. Ему не предписывают сделать министру иностранных дел такие же прямые предложения из опасения, что ввиду итальянской щепетильности они окажут действие, противоположное тому, какое было бы желательно, но предписывают осторожно указать пока только намерения трех держав. Баррер думает, что вы, должно быть, с тех пор ознакомились через Палеолога с этой точкой зрения [1]). Английский посол также уполномочен лишь повторить Сан-Джулиано то, что было сказано Империали [2]), т. е. указать ему, что «Великобритания, конечно, была бы счастлива, если бы Италия присоединилась к Тройственному согласию, но что это ее дело, и дело Англии предлагать ей это». При таких обстоятельствах я буду ждать ваших дальнейших распоряжений, прежде чем самостоятельно привести в исполнение ваши инструкции.

Крупенский.

№ 81. Посланник в Софии министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 187. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Копии в Париж, Лондон, Ниш, Бухарест, Афины, Константинополь.

Вот текст ответа, написанного болгарским правительством, который я только что получил: «Королевский министр иностранных дел имеет честь довести до сведения Российской императорской миссии, что совет министров рассматривал сегодня сообщение, которое его превосходительство г. Савинский соблаговолил сделать вчера, 29 июля старого стиля [4]). Приняв во внимание, что не произошло ничего, что могло бы изменить его прежние решения, и вполне сознавая ответственность, падающую на него перед лицом нации, совет министров решил сообщить императорской миссии, что Болгария будет продолжать соблюдать строжайший нейтралитет и стоять на страже защиты своей территории» [5]).

Савинский.

---

[1]) См. № 79.

[2]) См. № 77.

[3]) Перевод с французского.

[4]) Имеется в виду заявление, сделанное Савинским болгарскому правительству на основании тел. Сазонова за №№ 1768 и 1771 (см. № 41 и прим.).

[5]) В тел. от того же числа за № 188 Савинский сообщал, что в другой ноте, переданной ему болгарским правительством накануне, к обязательству сохранять строжайший нейтралитет прибавлено: «во время и до конца кризиса, через который ныне проходит Европа». Отмечая «некоторую сдержанность ответа», объясняющуюся «задетым самолюбием короля», Савинский указывал на желательность личного телеграфного обращения Николая II к Фердинанду, причем это обращение должно было бы «стать известным народу».

«Имея веские основания не доверять королю Фердинанду», Сазонов в тел. от 14(1) августа за № 1877 указывал, что «следует совершенно исключить» личное обращение к нему Николая II.

В тел. от 14(1) августа за № 368 Штрандтман сообщал, что Пашич нашел ответ болгарского правительства удовлетворительным, однако «продолжает относиться к Болгарии с очень большим недоверием».

№ 82. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 204. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Личная.

Весьма доверительно.

Братиану сказал, что он не может подписать предложенную вашим высокопревосходительством конвенцию [1]), так как это было бы вразрез с принятым на недавнем совете решением. Он видит в нашем предложении доказательство дружеского к Румынии расположения и готов «принять к сведению наше предложение», если мы не будем требовать немедленного ответа и оставим вопрос открытым. Если же нам нужен немедленный ответ, то таковой может быть теперь лишь отрицательным. Братиану добавил, что все вышеизложенное является пока выражением его личного мнения и что он даст официальный ответ по приезде Диаманди и по ознакомлении с личными объяснениями, которые последний имел с вашим высокопревосходительством. Он постарается тогда тоже выяснить некоторые дополнительные вопросы. Так как при этом он особенно подчеркивал, что сохраняемый Румынией нейтралитет имеет, ввиду старинных ее отношений к Тройственному союзу, особенно дружественный для России характер, то я недалек от мысли, что румынское правительство постарается получить от нас за сохранение нейтралитета какие-нибудь особенные гарантии или даже выгоды. Министр иностранных дел также объяснил мне, что румынское правительство не может теперь подписать конвенции, но что предложения наши столь заманчивы, что оно не желало бы совершенно от них отказаться, причем какой-нибудь инцидент или взаимное обострение отношений Румынии с Австрией, может быть, и позволит здешнему правительству совершенно изменить занятое им положение. С своей стороны, должен заметить, что всем известные чувства короля и существование союзного договора с Австрией исключают, по моему мнению, возможность каких бы то ни было враждебных выступлений Румынии против Австрии в настоящую минуту. Решение совета явилось именно компромиссом между только что указанными двумя факторами и здешним общественным мнением, враждебным Австрии. Если занятое Румынией выжидательное положение и не исключает вполне возможности активного против нас выступления,—с другой стороны, требование наше немедленно высказаться за или против нас и неудовлетворение наше нейтралитетом Румынии могло бы побудить короля и правительство принять неблагоприятное для нас решение. Поклевский.

№ 83. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 356. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Копии в Софию, Бухарест и Афины.

Получил ваши №№ 1768 [2]), 1771 [3]), 1774 [3]), 1781 [4]), 1804 [5]). Ссылаюсь на телеграмму из Афин № 179 [6]) и Бухареста № 205 [7]).

[1]) См. № 22.
[2]) См. № 41.
[3]) См. стр. 28, прим. 2.
[4]) См. № 51.
[5]) См. стр. 32, прим 4.
[6]) См. № 68.
[7]) См. № 59.

Сегодня повидал вернувшегося из Крагуеваца Пашича и сообщил ему содержание телеграмм № 1768 и № 1771 без упоминания о возможном содействии Черноморского флота. Вместе с тем я указал ему и на то, что делаемые Сербией уступки являются минимальными и что готовность наша воздействовать на болгар будет соразмеряться с готовностью сербского правительства принести жертвы общему делу. Пашич был видимо доволен всем им услышанным и будет ждать результатов нашего шага в Софии. По этому поводу он сказал мне, что болгарский посланник сегодня пожелал его видеть, чтобы заявить о твердо принятом болгарским правительством решении «честно» соблюдать нейтралитет. Пашич в ответ припомнил Чапрашикову сделанный им (1 августа) 19 июля намек о том, что за искренний нейтралитет Болгария получит в будущем большую выгоду[1]). Эти свои слова он считает нужным ныне ему снова подтвердить, добавив, что действительно честный нейтралитет сулит Болгарии еще большие выгоды. В заключение я спросил Пашича его мнение о восстановлении теперь же балканского блока, никого не называя. На это он возразил мне, что глубоко сочувствует означенному намерению и считал бы целесообразным, не откладывая, выяснить в принципе те компенсации, которые Греция, а быть может и Румыния тоже готовы были бы предоставить для удовлетворения Болгарии. В этом смысле он не преминет всемерно содействовать начинаниям России, которые облегчат его собственную задачу примирить общественное мнение Сербии с мыслью о необходимости уступок в Македонии. Он продолжает упорно держаться того мнения, что уступок в настоящую минуту сербское правительство сделать не может; что его, как он выразился, свалят и что сербская армия, не в пример греческой, а тем более румынской, проливавшая кровь в балканскую войну, это не допустит. Каждый раз, когда я возбуждаю вопрос о немедленных территориальных уступках, Пашича охватывает тревога. Сербия — единственная из крупных балканских государств, стоящая лицом к лицу с сильнейшим противником, от исхода борьбы с которым зависит ее судьба. Всякое ослабление в тылу может роковым образом отразиться на ходе военных действий, и тем не менее Румыния и Греция ныне указывают на связанную Сербию, благодаря которой они присоединили в свое время обширные области, как на единственную помеху для получения новых выгод, не считаясь с ее безвыходным положением.

Штрандтман.

№ 84. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 674. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Срочная.

Прошу срочных указаний. Ссылаюсь на ваш № 1779[2]).

Покупка «Гебена» и «Бреслау» изменяет положение здесь не в нашу пользу. С военной точки зрения, думаю, что она все же усиливает значительно боевую готовность Турции[3]). С политической — она не-

[1]) См. «Международные отношения», т. V, № 471.

[2]) См. № 50.

[3]) В тел. от 13 августа (31 июля) за № 300 Леонтьев отмечал, что «поведение «Гебена» и «Бреслау» в Дарданеллах явно указывает на намерение немцев создать

сомненно имеет самые серьезные последствия, так как она сильно подняла дух турок и может придать им смелость прибегнуть к самым решительным выступлениям. Следуя вашим указаниям, буду стараться выиграть время [1]), но должен высказать, что необходимо немедленно принять решение, если с нашей стороны допускается возможность общности действий с Турцией, так как завтра будет уже, может быть, поздно. Я убежден, что соглашение с Турцией лишь облегчит нам возможность сговориться с Болгарией, тогда как, ожидая ответа болгар, в искренности коего мы все же должны сомневаться, мы рискуем выпустить и Турцию и Болгарию и иметь их обеих против нас [2]).

Гирс.

№ 85. Докладная записка министра иностранных дел Николаю Романову [3]).

13 августа (31 июля) 1914 г.

Посетивший меня сегодня японский посол сообщил мне от имени своего правительства, что Япония намерена в ближайшем времени объявить войну Германии и что ему поручено предупредить японского представителя в Берлине, чтобы он готовился к отъезду [4]).

О вышеизложенном приемлю в долг доложить вашему императорскому величеству.

Сазонов.

№ 86. Министр иностранных дел послу в Риме Крупенскому.

Телеграмма № 1872. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Ваша телеграмма № 79 [5]) получена.

Сообщается в Париж и Лондон.

Можете по примеру английского и французского послов пока ограничиться выражением министру иностранных дел удовольствия по

непоправимые недоразумения и втянуть Турцию в войну». Поддерживая точку зрения Гирса, Леонтьев настаивал на том, что «только немедленное решение может спасти положение и парализовать немецкие усилия».

В тел. от того же числа за № 192 Савинский сообщал добытые им секретным путем сведения о том, что итальянский посол в Константинополе телеграфировал своему правительству о неизбежности объявления войны Турцией России.

[1]) В тел. от 13 августа (31 июля) за № 692 Гирс доносил, что, следуя полученным инструкциям «тянуть переговоры с великим визирем», он заявил последнему, что «появление «Гебена» и «Бреслау» произведет некоторую задержку» в получении указаний из Петербурга.

[2]) В тел. от 14(1) августа за № 1876 Сазонов сообщал Гирсу о продолжаемых им переговорах с Фахреддином, которому им, между прочим, было заявлено, что «если Турция искренно желает соглашения с нами, мы готовы пойти к ней навстречу», но что «раньше, чем говорить о территориальных приобретениях, разумнее поставить вопрос о реальном обеспечении территориальной неприкосновенности Турции», компенсации же «можно найти, не ища территориальных приращений».

[3]) На записке помета Николая Романова: «Хорошо», и далее рукой Сазонова: «Петергоф, 31 июля 1914 г.».

[4]) В тел. от 12 августа (30 июля) за № 305 Бенкендорф передавал сделанное ему Греем сообщение, что Япония готова объявить войну Германии и что английское военное командование получило распоряжение согласовать свои действия с японским командованием.

[5]) См. № 80.

поводу решения Италии сохранить нейтралитет. К этому вы могли бы прибавить, что если бы Италия захотела пойти дальше по пути согласования своей политики с видами держав Тройственного согласия, то она нашла бы благодарную почву и готовность широко удовлетворить ее национальные вожделения. Если Сан-Джулиано обнаружит желание войти в обсуждение этого предмета, вы уполномочены доверительно сообщить ему сущность наших предложений.

Сазонов.

№ 87. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 271. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Копии в Лондон, Рим и Бухарест.

Г. Маржери сказал мне, что, после того как Франция и Англия признали себя в состоянии войны с Австрией, они чувствуют себя свободнее по отношению к Италии и что как французский, так и английский посол в Риме получили разрешение сделать там предложенные вами шаги[1]), по возможности лишь смягчив их форму. Такое же разрешение дано французскому и английскому посланникам в Бухаресте.

Извольский.

№ 88. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 272. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Копия в Лондон.

Вчера вечером французское правительство заявило через посредство сэра Э. Грея австро-венгерскому послу в Лондоне, что вследствие объявления войны России, посылки австрийских войск против Франции Австрия поставила себя в положение войны по отношению к Франции, и французское правительство принуждено принять все меры, чтобы ответить на эти действия и угрозы. Передавая заявление графу Менсдорфу, Грей сказал ему, что он присоединяется к оному и что между Англией и Австрией также существует положение войны[2]).

Извольский.

№ 89. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 277. 13 августа (31 июля) 1914 г.

В разговоре начальник морского генерального штаба сообщил нашему морскому агенту, что он считал, что только мы имеем основание

[1]) См. № 54.

[2]) В тел. от 7 августа (25 июля) за № 268 Бенкендорф отмечал, что объявление войны Австро-Венгрии задерживается из соображений, связанных с стратегическим положением в Средиземном море.

В тел. Бенкендорфа от 13 августа (31 июля) за № 312 сообщалось, что объявление войны Австро-Венгрии запоздало на двадцать четыре часа, так как французское правительство находило первоначально достаточным разрыв дипломатических отношений, Грей же настоял на объявлении войны.

протестовать против продажи двух германских крейсеров Турции, так как никто не может воспретить воюющей стороне добровольно себя ослаблять. Необходимо потому настоять, чтобы продажа была действительной, то есть, чтобы весь немецкий экипаж был снят с этих кораблей и, хотя бы даже противно международному праву, был бы водворен обратно в Германию. Оставшись в турецких руках, эти корабли будут совершенно безопасны [1]). Прошу сообщить начальнику морского генерального штаба.

Извольский.

№ 90. Посол в Париже министру иностранных дел [2]).

Телеграмма № 279. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Телеграфирую в Афины.

Греческий посланник, не имеющий возможности сноситься шифром, просит передать его правительству через ваше посредство следующую телеграмму: «Фиктивная покупка судов, понадобившаяся Турции, доказывает, повидимому, существование соглашения, направленного не только против России, но также и против Греции. Посетив г. Извольского, я узнал о телеграмме г. Сазонова, в которой сообщается его разговор с нашим посланником [3]). В этом разговоре г. Сазонов предлагает королевскому правительству помешать соглашению между Болгарией и Турцией, сделав уступки Болгарии и вознаградив себя за это в районе Эпира. Я сказал г. Извольскому, что королевское правительство могло бы обсудить совместно с Сербией уступки некоторых внутренних округов Македонии, но что уступка береговой территории, а именно Кавалы, мне представляется невозможной. Компенсации в Эпире были бы недостаточны, так как Греция, хотя и заботится о судьбе населения Северного Эпира, однако не имеет жизненных интересов в бассейне Адриатики, в то время как территории... Кавала и острова обеспечат его экономическое будущее. Соглашение с Болгарией на приемлемом основании, при предположении, что мы можем гарантировать себя от их недобросовестности, спасло бы нас от нападения Турции. Коалиция Греции, Болгарии, Румынии и Сербии, направленная против Турции под руководством России, Англии и Франции, могла бы окончательно разрешить вопрос о Европейской Турции, при соблюдении прав балканских стран и интересов Тройственного согласия. В неофициальном разговоре г. Мессими обратил мое внимание на то, что Греция весьма заинтересована перестроить балканский союз. Военный министр полагает, что при соглашении с Болгарией и Сербией мы могли бы, сохраняя нейтралитет, обеспечить себе территориальные приобретения в Эпире». Конец телеграммы.

Извольский.

---

[1]) В тел. от 13 августа (31 июля) за № 684 Гирс сообщал о полученных им от вел. визиря заверениях, что «теперь же происходит удаление всей германской команды и замена ее турецкой». Английский поверенный в делах, по словам Гирса, «поручает адмиралу Лимпусу удостовериться в действительности замены». «Лимпус настаивает, чтобы ни один немец не оставался на судах».

[2]) Перевод с французского.

[3]) См. № 71.

№ 91. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 81. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Срочная.
Лично.

Английский посол был сегодня у председателя совета министров и спросил его, известно ли ему содержание бесед вашего высокопревосходительства с Карлотти[1]) и Грея с Империали[2]). Председатель совета министров ответил утвердительно. Посол спросил тогда его дружеского совета, следует ли поднять этот вопрос здесь в более определенной форме. Председатель совета министров ответил, что Италия в затруднительном положении и что следует избегать всего, что могло бы быть названо разбойничьим нападением на Австрию. «Я думаю поэтому,— заметил почти дословно председатель совета министров,— что лучше в настоящий момент воздержаться от какого-либо выступления, которое могло бы заставить Италию отказать Тройственному согласию в своем содействии и помешать, может быть, успешности дальнейших переговоров». Председатель совета министров просил посла осведомить Сан-Джулиано, который будет завтра здесь, о содержании этой беседы. В дальнейшем разговоре председатель совета министров, совершенно впрочем частным образом, заверил посла, что присоединение Италии к Австрии немыслимо, но что возможность присоединения Италии к нам не исключена в будущем. Сговорившись с французским и английским послами, я намерен сказать завтра Сан-Джулиано в самой доверительной и осторожной форме, что, будучи осведомлен о ваших и Грея беседах с итальянскими послами, я очень желал бы знать, какое они произвели на него впечатление. Крупенский.

№ 92. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 181. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Копии в Ниш, Софию, Бухарест и Константинополь.

Венизелос обращается к России, Англии и Франции с ходатайством, чтобы[3]), если (бы) Греция оказалась на основании своего соглашения с Сербией вовлеченной в войну вследствие нападения Болгарии или Турции, дабы[3]) державы считали бы ее на равных правах с Сербией в качестве союзницы, оказывая ей помощь и поддержку[4]). Венизелос желал бы получить от держав Тройственного согласия соответственное предложение, но, не будучи уполномочен на этот шаг королем и действуя без его ведома, быть может, и вопреки скрытым его симпатиям, он просит нашего почина ввиду предоставления ему лишнего сильного довода перед королем в пользу его упорных начинаний. Добившись не без труда от короля сохранения греческого нейтралитета, при союзных обязательствах к Сербии, Венизелос желал бы далее добиться и того, чтобы в случае поворота Болгарии на нашу сторону Греция равным образом примкнула к блоку для совместных действий против... Венизелос доверительно сообщил, что германский

[1]) См. №№ 24 и 74.
[2]) См. №№ 63 и 77.
[3]) Так в подлиннике.
[4]) Обращение Венизелоса к российскому правительству передавалось Демидовым в тел. от 12 августа (30 июля) за № 180.

посланник, пригрозив вчера Стрейту выездом из Греции, если правительство не останется безусловно нейтральным, получил категорический отказ. Считаю крайне желательным пойти навстречу просьбе Венизелоса. В заключение полагал бы опасным пока затрагивать щекотливую тему о конкретных греческих уступках [1]) до решительного и открытого выступления Греции на стороне Тройственного согласия и то не иначе... как... с Англией и Францией.

Демидов.

№ 93. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 690. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Копия в Бухарест. *Срочно.*

Прошу срочных указаний. Получив № 1855 [2]).

Мнение Фахреддина соответствовало настроению Порты до войны, теперь же оно уже отстало, и он, видимо, не в курсе дела. Великому визирю и Энверу нужно именно территориальное приобретение, чтобы поднять дух армии и народа, и сознание, что Турция что-то такое приобрела. Полагаю, что главным образом необходимо приобретение островов, из-за стремления к которым вопрос о флоте стал крайне популярным среди мусульман. Приобретение Западной Фракии является больше стратегическим пожеланием Энвера и военных,— полагаю приблизительно по водоразделу на линии меридиана Гюмюльджины. Полагаю, что Болгария примирилась бы с этой уступкой, тем более, что эта местность населена более мусульманами. Подозревают, что соглашение турецко-болгарское, которое, если и не заключено еще, то очень близко к заключению, отдает Гюмюльджину туркам. С потерею островов Греция должна будет помириться, если не теперь, то в ближайшем будущем. Оговариваюсь, что я вполне сознаю необходимость привлечь вновь Болгарию в балканский блок, и нахожу, что Греция и, в особенности, Сербия должны всеми мерами содействовать этому. Соглашение с Турцией никоим образом не пойдет вразрез нашему попечению о Болгарии, ибо ее интересы не пострадают от уступки указанного клочка территории. Здесь все упорнее утверждается мнение, что турецко-германское соглашение уже состоялось. Посылка войск в Анатолию как бы подтверждает это мнение. Тем не менее я убежден, что нам до того важно вырвать Турцию из рук Германии, что необходимо добиваться этого, пока есть малейшая надежда на успех [3]).

Гирс.

№ 94. Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 313. [13 августа (31 июля) 1914 г.)] [4]).

Предложения Энвер-паши заключить военное соглашение с Россией.

Содержание моих разговоров с Энвер-пашой, веденных по поручению нашего посла, а затем и по указанию министра иностранных дел,

---

[1]) См. №№ 51 и 71.

[2]) См. № 72.

[3]) В тел. от 14(1) августа за № 1894 Сазонов сообщал Гирсу о показанной ему Фахреддином тел. оттоманского м-ра ин. дел, где подтверждалось намерение Турции продолжать соблюдение «строжайшего нейтралитета».

[4]) Дата проставлена редакцией предположительно.

было с возможной подробностью изложено в телеграммах нашего посла [1]) и моих от 24 и 28 сего июля за №№ 270 [2]), 271 [3]) и 289 [4]).

Тем не менее полагаю себя обязанным изложить еще раз эти разговоры письменно в более подробном и обстоятельном виде.

Так как оба разговора велись на одну тему и Энвер-паша в них себе противоречил, то полагаю возможным соединить их в одно резюме.

Хотя наши свидания и происходили по инициативе с русской стороны, но все конкретные предложения сделаны были самим Энвером.

В этом отношении не могу не вспомнить и прежних моих с ним разговоров, в которых он касался тех же вопросов в духе доброжелательства к России, видимо сознавая необходимость притти к прочному с ней соглашению.

Заявления Энвера сводятся к следующим положениям:

1. Турция не имеет никаких агрессивных намерений по отношению к России. Она граничит с ней на громадном протяжении и естественно заинтересована в поддержании добрососедских отношений. Если бы Россия вышла из настоящей войны ослабленной и даже побежденной, то все же она останется более сильной, чем Турция, и всегда сможет ей навредить.

2. Турция может беспокоить Россию на кавказской границе. Чтобы дать реальные доказательства своего миролюбия, Турция готова, если бы Россия этого пожелала, убрать с границы все свои войска, и именно части 9-го и 11-го корпусов, оставив на месте только минимум войск, необходимых для поддержания внутреннего порядка в стране.

3. Турецкая мобилизация продиктована тревогой за судьбу Турции. Недавние события показали, к чему ведет неготовность.

Балканские государства еще не успокоились и в каждую данную минуту могут воспользоваться трудным положением, переживаемым турецкой армией, и пожелать покончить со своим соседом, и это тем более, что турецкая мобилизация и сосредоточение требуют месяцев, тогда как болгарская и греческая армия могут быть готовы в несколько дней.

Будучи вооружена, Турция может оставаться спокойной зрительницей событий, и, конечно, с тем, чтобы в нужный момент сказать и свое решительное слово.

Не подлежит сомнению, что путем политических и военных усилий все государства, до самых маленьких включительно, постараются извлечь пользу из настоящего конфликта, и было бы странно, если бы Турция одна отказалась от этой возможности, тем более, что вопрос может итти только об ее же прежних владениях.

«Если бы правительство упустило это сделать, то навсегда потеряло бы свой престиж в глазах народа, который после стольких несчастий нуждается в подъеме духа. Вопрос не в том, чтобы отобрать именно то или другое,— народ не будет входит в рассуждения: отчего вы не взяли еще и это.

«Народу важно почувствовать, что сила и энергия государства не умерла, что оно способно жить и итти вперед.

---

[1]) См. №№ 8 и 48.
[2]) См. № 20.
[3]) В делах б. м-ва ин. дел не обнаружены.

«С этой точки зрения мы можем ограничиться очень малым, лишь бы оно было нам заранее обеспечено».

4. Вопреки существующему мнению, Турция не связана еще никаким соглашением с Тройственным союзом и, в частности, с Германией. А посему, если бы Россия пожелала обратить внимание на Турцию, то соглашение с ней не представляется возможным. Лишь бы только русская дипломатия пожелала стать на реальную почву и принять во внимание турецкие интересы и пожелания.

Эти пожелания невольно сведутся прежде всего к территориальным приобретениям. В этом отношении Турция могла бы удовлетвориться сравнительно немногим: Эгейскими островами и присоединением территории с запада в пределах Болгарской Фракии.

Согласиться на эти приобретения для России тем легче, что она всегда может вознаградить Болгарию в области Македонии и Грецию в Эпире, тогда как Сербия получит Боснию и Герцеговину.

Затем Турция пожелала бы только одного — заключения с Россией оборонительного союза или соглашения на срок от 5 до 10 лет, которое обеспечило бы Турции возможность мирного развития, вне постоянной опасности и тревоги со стороны ее беспокойных балканских соседей. Это соглашение, конечно, могло бы быть возобновляемо, если бы это отвечало обоюдным интересам.

Взамен Турция могла бы прежде всего оказать военное содействие России в текущей войне. Правда, турецкая армия сейчас невелика и еще не закончила своей реорганизации и технически недостаточно оборудована, но все же она представляет собою силу в 150—200 тысяч штыков, которая будет иметь свой вес на чаше весов в предстоящих событиях.

Куда направить эту армию,— это дело России. Положение на Балканах еще далеко не определилось. Румыния и Греция колеблются, и только одна Болгария, повидимому, присоединилась к Тройственному союзу. Турецкая армия может явиться при таких условиях регулятором положения в духе русских интересов.

Много вероятий, что присоединение Турции к России заставит решиться на присоединение и Румынию и Грецию, а кто знает, может быть, и Болгарию, так как для последней станет ясно, что в противном случае ее дело проиграно. Тогда турецкая армия составит как бы общий резерв при наступлении балканских государств на Австрию, которое неминуемо окончится разгромом последней.

Если же какое-либо из балканских государств выскажется против России, то Турция выступит против него и оружием помешает повредить русским интересам. Вероятнее всего, что это будет Болгария, которая пожелает выступить против Сербии. Это тем более вероятно, что несколько дней тому назад она обратилась с различными предложениями по адресу Турции.

«Наконец, может быть и такой случай, что все балканские государства пожелают сохранить нейтралитет, и это будет в интересах России. Тем лучше, тогда и мы останемся спокойны».

5. Соглашение с Россией дает спокойствие обеим странам, так как при нем немыслимы волнения мусульман на Кавказе и армян в Армении, а это позволит обеим сторонам ограничиться для охраны порядка в указанных районах самым небольшим количеством войск, собрав все, что можно, в более важные и угрожаемые пункты.

6. Остается вопрос о проливах; он мог получить остроту только при враждебных и вообще невыясненных отношениях. «Само собою разумеется, что этот вопрос отпадет сам собой, раз мы будем друзьями».

7. Не подлежит сомнению, что соглашение с Россией встретит серьезную оппозицию как в народе, так и среди самого правительства, но это уже дело самого Энвера и его единомышленников настоять на своем, и надо надеяться, что добиться этого будет не слишком трудно, раз дело будет поставлено на правильную почву. Только бы все поняли, что соглашение с Россией сулит Турции разные выгоды, и тогда все с радостью станут на ее сторону.

Нужно еще иметь в виду и немецкое влияние. На все правительство и на самого Энвера сейчас производится самое энергичное давление со стороны германского и австрийского послов, чинов германской миссии и вообще немецких кругов, но это не так страшно, так как очевидно, что перетянуть Турцию на свою сторону — в немецких интересах, но они не совпадают с оттоманскими.

8. «Русское правительство отнеслось крайне неблагожелательно к приглашению нами германской инструкторской миссии, а теперь вас беспокоит, что она осталась у нас и после объявления войны России.

Недоумение России и ее союзников вполне понятно. Первый долг немецких офицеров был отбыть на родину, и если бы они заявляли на то свое желание, я бы их ни на минуту не задержал.

Французы захотели уехать, и я их отпускаю. Но немцы такого желания не заявили, и у меня нет никаких оснований их гнать со службы, а особенно в период мобилизации, когда их содействие нашей армии особенно ценно.

Да и по контракту я на это не имел бы права.

Почему они остаются, что ими руководит — не все ли мне равно, лишь бы они приносили пользу моей армии.

Я нисколько не сомневаюсь, что, оставаясь на нашей службе, они хотят тем самым принести прежде всего пользу своей армии, другими словами, они будут стараться втянуть нас в войну с вами.

Но это не так легко, и я не поддамся их уговорам, так как имею перед собою только одни оттоманские интересы.

Во всяком случае их пребывание временное, и если только наше соглашение состоится, то я ни минуты не задержусь, чтобы сказать им: «теперь вы — наши враги, и я прошу вас удалиться».

Привожу здесь, как и в некоторых других местах настоящего изложения, подлинные слова Энвера.

«Если я так говорю, то потому, что знаю, что со мной будут все благомыслящие турки, и, наконец, я могу опереться на армию, судьбу которой его величеству султану угодно было вручить в мои руки».

9. По поводу возможных результатов войны и как они могут отразиться в судьбе Турции, Энвер заявил, что злобы Германии, если бы она осталась победительницей, он не боится, так как не видит возможности для нее принести ощутительный вред Турции. Он лично знает по примеру Ливии, как трудно сражаться в стране, с которой нет сухопутной границы. Если в Ливии удалось организовать серьезное сопротивление итальянскому экспедиционному корпусу, то насколько же сильнее будет сопротивление турецких войск и турецкого народа

в Анатолии, если бы германцы вздумали наказывать Турцию за ее, якобы, измену немецким интересам.

Все изложенное здесь высказано было Энвером с полным спокойствием и с подкупающей искренностью. Провожая меня после второго моего посещения на лестницу, он, повидимому, был растроган и, поднимая руку кверху, сказал: «Дай бог, чтобы наши усилия увенчались успехом!»

Так как на другой же день великий визирь подтвердил нашему послу все заявления Энвера и видимо был бесконечно рад оказавшейся вдруг возможности заключить соглашение с Россией, то не может ли это служить лучшим показателем, что вершителем судеб в Турции в данный момент является не кто иной, как Энвер-паша, и что его единоличного желания достаточно, чтобы повернуть Турцию в ту или другую сторону.

В данном случае это был бы решительный поворот в нашу сторону, и притом в такую минуту, когда решается роковой вопрос о том или ином исходе общеевропейской войны.

Может быть, я ошибался, но мне после разговора с Энвером показалось, что мы получаем новый и серьезный шанс к одолению врага, и притом оттуда, откуда менее всего можно было его ожидать: со стороны всегда нам враждебной, онемеченной Турции.

Как бы ни была слаба и неорганизована сейчас армия, но все же это армия в 150—200—250 тысяч человек, и иметь ее за или против нас не могло бы быть для нас безразлично.

Но здесь пришлось бы учитывать не одни только материальные результаты. Переход Турции на нашу сторону произвел бы и громадный моральный эффект и больнее всего ударил бы в сердце Германии. И кто знает, не явился ли бы он действительно сигналом к общему подъему и других государств против Германии и ее зловредного союзника.

Конечно, в таком вопросе, как военное соглашение с Турцией, мало одного согласия и решения, — нужно, чтобы было и соответствующее исполнение, но это уже должно составить новую заботу, новую задачу, соответствующее разрешение которой потребует новых усилий от наших представителей. От их умения и искусства будет зависеть заставить турок исполнить все свои обязательства и дать необходимый отпор интригам и козням наших врагов.

Гарантией же, что это действительно исполнимо, может служить самый смысл рассуждений Энвера, основанных на простой и ясной логике.

Генерал-майор [Леонтьев.]

14 (1) августа 1914 г.

За несколько дней, прошедших с моего последнего свидания с Энвером, общее положение в Турции несколько изменилось, и не в нашу пользу, чему в значительной степени способствовал приход «Гебена» и «Бреслау» в связи с постоянным и согласованным давлением немцев и австрийцев.

Держатся упорные слухи, что германо-турецкое, а вместе с тем и болгаро-турецкое соглашения уже подписаны. Хочется думать, что эти слухи недостаточно обоснованы, так как если бы они оправдались, то это могло бы повести как раз к обратным результатам, т. е. к образова-

нию враждебной нам силы,—нам и нашей союзнице Сербии,—на кавказской границе и на Балканах, при условии крайне сомнительного нейтралитета Румынии.

Тем более кажется желательным и необходимо возможно скорее перевести разговоры с турками, как этого и хотел Энвер, на реальную почву, дабы или спасти положение, если еще не поздно, или же принять с места предохранительные меры, пока наши возможные противники и, в частности, Турция не успели изготовиться и закончить свою мобилизацию и сосредоточение, совершаемое ныне не только по суше, но и морским путем.

Все дополнительные соображения и посильные доводы по поводу соглашения с Турцией нашли место в соответствующих телеграммах моих и прежде всего нашего посла[1]), с которым я все это время находился и нахожусь в полном единомыслии и единении.

Генерал-майор Леонтьев.

№ 95. Проект соглашения с Италией.

[14 (1) августа 1914 г.][2]).

Проект соглашения, набросанный мною во время разговора с итальянским послом у меня[3]).

Правительства Великобритании, Франции, Италии и России, желая как можно скорее покончить с бедствиями войны и решив найти исход, который отвечал бы национальным вожделениям народов, согласились о нижеследующем:

1) Италия обязуется немедленно присоединиться на суше и на море к совместным действиям Англии, Франции и России против Австро-Венгрии. Генеральным штабам соответствующих армий и флотов будет поручено немедленно установить способы кооперации итальянских вооруженных сил с вооруженными силами Англии, Франции и России.

2) Англия, Франция и Россия обязуются признать за Италией обладание Валоной, Триестом и всею территорией Трентино, которая будет занята итальянскими войсками к моменту заключения мира, равно как и преобладающее положение (Италии) в Адриатическом море, при условии предоставления Сербии свободного доступа к этому морю в пределах, которые должны быть установлены.

Это соглашение входит в силу немедленно после его подписания.

Англия, Франция и Россия обязуются признать за Италией обладание всей территорией итальянского Тироля, которая будет занята итальянскими войсками, равно как и право на преобладающее положение в Адриатике, обеспеченное обладанием Т(риестом) и В(алоной).

---

[1]) См. №№ 9, 20, 49, 60, 69, 84, 93.

[2]) Дата проставлена редакцией предположительно на основании поденной записи м-ва ин. дел, в которой под 14(1) августа значится: «Проект соглашения, набросанный бароном Шиллингом во время разговора с итальянским послом у него». Текст проекта в поденной записи не приводится.

[3]) Заголовок подлинника, написанного на французском языке.

№ 96. Посол в Лондоне министру иностранных дел [1]).

Телеграмма № 318. 14 (1) августа 1914 г. 10 ч. веч.

Ссылаюсь на мой № 301 [2]).

Никольсон мне сообщил, что болгарский посланник посетил Грея, чтобы спросить у него совета касательно нейтралитета Болгарии. Грей ему сказал, что, раз болгарское правительство обращается к нему за советом, то его ответ будет вполне откровенен и ясен. Он думает, что весьма важно, чтобы Болгария соблюдала строгий нейтралитет, и что в случае необходимости он дал бы такой же совет Греции. Ведь весьма вероятно, что если Болгария совершит неосторожность, став на сторону Турции, Греция сделает противное [3]), и мы окажемся свидетелями новой распри между балканскими державами вроде той, которая была для них столь роковой в прошлом году. Однако возможна другая комбинация, именно возобновление соглашения всех балканских стран, включая Румынию. Грей посоветовал Болгарии подумать об этом, принимая в расчет все преимущества, которые эта комбинация могла бы предоставить Болгарии [4]).

№ 97. Посол в Лондоне министру иностранных дел [5]).

Телеграмма № 318 bis. 14 (1) августа 1914 г.

Получена телеграмма № 1873 [6]). Копия в Париж.

Сообщил содержание Никольсону и просил его определить точно положение дел. Он ответил мне, что Англия прежде всего потребовала разоружения германских судов и увольнения экипажа. Великий визирь ответил, что суда были куплены в Германии, что им дали новые, турецкие названия, и обещал, что германский экипаж будет уволен и заменен турецким. Турецкое правительство заявляет о сохранении нейтралитета и совершенно отвергает агрессивные намерения против России. После такого ответа английский поверенный в делах получил инструкцию комментировать законность продажи и настаивать на полной смене экипажа—не только офицеров и матросов, но и механиков до последнего человека. Английскому послу—и я имею основание думать—английскому адмиралу поручено наблюдать за тем, что будет происходить, и давать об этом отчет. Никольсон мне сказал, что английское правительство отказывается от отозвания английской миссии по мотивам, аналогичным мотивам русского адмиралтейства. Затем он повторил мне точку зрения, являющуюся главной точкой зрения, которой руково-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) См. № 75.

[3]) Тел. от 14 (1) августа за № 126 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей передавал Бьюкенену свою тел. в Афины, в которой, отмечая желательность восстановления балканского блока, высказывал мнение, что в противном случае и при соблюдении Болгарией и Румынией нейтралитета, выступление Греции было бы нежелательно, так как повлекло бы за собой выступление Турции и Болгарии и неблагоприятно отразилось бы на позиции Румынии.

[4]) Тел. от 15 (2) августа за № 327 Бенкендорф сообщал, что Грей подтвердил ему свой разговор с болгарским посланником, указав, что, «разумеется, Греция и Сербия должны будут кое-что уступить Болгарии», причем Греция получит компенсации в Эпире, а Сербия — в Боснии и Албании.

[5]) Перевод с французского.

[6]) См. стр. 50, прим. 1.

дится в настоящее время Англия,—что теперь все зависит от результатов борьбы, начатой Германией на восточной границе, а в особенности в данный момент в Бельгии, что настоятельно необходимо сосредоточить максимум усилий в этих пунктах, а также настоятельно необходимо избегать всякого осложнения в другом месте, почему английское правительство и хочет прежде всего избежать конфликта с Турцией в связи с двумя судами, прекрасно отдавая себе отчет в допущенном нарушении международного права.—Грей в высшей степени определенен в этом вопросе. Он сказал мне, что, по его мнению, в данный момент этот вопрос должен трактоваться исключительно с этой точки зрения, так как поражения или победы над германским оружием являются единственной вещью, которая действительно имеет значение и решит все прочее. Признаюсь, что касается меня, не говоря уже о специальной заинтересованности Англии и Франции в исчезновении судов из Средиземного моря, общий интерес и, в частности, интерес России заставляет меня вполне склониться к мнению Грея. Если бы в данный момент значительная часть нашей армии могла быть занята против Турции, в момент, когда основательно завязана борьба с Австрией, в особенности с Германией, это представлялось бы мне несчастьем, последствия которого могут быть неисчислимы [1]).

Бенкендорф.

№ 98. Посол в Лондоне министру иностранных дел [2]).

Телеграмма № 321. 14 (1) августа 1914 г.

Лично.

Камбон прочитал мне французское официальное сообщение, в котором говорится, будто бы вы имеете намерение в целях обеспечения нейтралитета Турции предложить ей известные территориальные преимущества во Фракии, взамен чего балканские государства были бы вознаграждены за счет Австрии. Я вполне согласен с Камбоном, что подобный проект не только показался бы здесь странным, как мало соответствующий широким линиям нашей политики... [3]) до сих пор, но мне кажется в высшей степени сомнительным, чтобы Грей к нему присоединился. Подобный проект был бы здесь в высшей степени непопулярным и принес бы нашему делу непосредственный ощутительный вред при урегулировании счетов во время заключения мира. Я не думаю, чтобы Грей согласился участвовать в обещании Турции вновь уступить ей христианские провинции, хотя бы для того, чтобы добиться ее нейтралитета, который даже в этом случае был бы в

[1]) Тел. от 15(2) августа за № 1912 на имя Извольского и Бенкендорфа Сазонов сообщал о выраженной ему английским и французским послами «надежде, что... мы не отвлечем войск от кавказской границы». «Я ответил, что, сознавая необходимость сосредоточения удара против главного противника, мы уже направили на запад часть кавказских войск, которых мы теперь не намерены вернуть. Мы не можем однако остаться равнодушными к военным приготовлениям Турции. Поэтому желательно воздействие Англии и Франции на Турцию для обеспечения нас от случайностей на Кавказе и на Черном море».

Тел. от 14(1) августа за № 1890 на имя тех же послов Сазонов указывал на основательность предположений о том, что «турки имеют в виду вступить в Египет в случае неудачного для Англии хода войны».

[2]) Перевод с французского.

[3]) Слово неясно.

высшей степени сомнительным, если бы Германии суждено было одержать военные успехи либо в Бельгии, либо против нас. Извините за поспешность, с какой я вас предупреждаю. Камбон ничего не сказал об этом проекте Грею [1]).

Бенкендорф.

№ 99. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 695. 14 (1) августа 1914 г.

Срочная.

Получил № 1855 [2]). Копия в Бухарест.

В сегодняшнем совершенно доверительном разговоре с великим визирем он коснулся вопроса о нашем соглашении. Я повторил, что, по личному мнению, вопрос этот несколько скомпрометирован появлением германских судов и что я усиленно советую немедленно выслать команду и морских офицеров в Германию. Великий визирь ответил, что он обдумает способ их высылки — сухим ли путем, или на нейтральном судне. Затем я высказал ему, что не уполномочен еще официально входить с ним в объяснения, но что имею сведения, что мы были бы готовы принять основанием соглашения гарантирование нами территориальной неприкосновенности Турции. На его вопрос, каким образом возможно было бы оформить эту гарантию, я заметил, что следует обсудить эту форму во время переговоров, но что, конечно, многое зависит от той пользы, которую готова принести нам Турция. Он спросил, какие предъявим мы требования к ней и к ее армии. Я ответил, что при развитии переговоров это будет выяснено, но что, несомненно, мы потребуем прежде всего удаления германской военной миссии. О территориальных приобретениях не было и речи, так как весь разговор носил характер совершенно личного и доверительного зондирования. Я однако не сомневаюсь, что вопрос об островах обязательно всплывет, остальные территориальные пожелания будут в зависимости от требований, кои мы предъявим. Полагаю однако, что некоторой приманкой может действительно быть присвоение Турцией всех германских концессий [в] Малой Азии. Такое присвоение не нарушило бы наших экономических интересов. Наш личный разговор великий визирь, несомненно, передаст кабинету, и лишь тогда возможно будет судить о произведенном им впечатлении.

Гирс.

---

[1]) В ответной тел. Бенкендорфу от 15(2) августа за № 1914 Сазонов выражал недоумение по поводу приписанного Камбоном российскому правительству проекта территориальных компенсаций Турции. Сазонов указывал на то, что на соответствующие турецкие запросы «мы уклонялись от ответа», заявляя, что «раньше, чем говорить о приобретениях, Турции важнее заручиться обеспечением территориальной неприкосновенности, причем Турция могла бы получить серьезные экономические выгоды».

[2]) См. № 72.

Разгром Сербии в 1915 г. и „помощь“ союзников

К осени 1915 года военное положение сложилось определенным образом в пользу Германии и ее союзников. После прорыва русского фронта в Карпатах в конце апреля началось отступление русских из Галиции и Буковины. В течение лета австро-германские войска заняли всю Польшу, Волынь, Полесье, Литву и далеко отбросили русские армии на восток. Западный фронт в это время находился в застывшем положении: ни французы с англичанами, ни немцы не могли прорвать укрепленных позиций противника. Здесь маневренная война давно кончилась и началась упорная окопная война на истощение. Англо-французская дарданелльская экспедиция потерпела полную неудачу. Итальянские попытки наступления были также приостановлены. Центральные державы не могли ожидать ни с какой стороны серьезного наступления противника.

Австро-германское командование в конце лета решило использовать эту благоприятную обстановку и освободившиеся войска использовать на другом фронте. Было решено начать наступление против Сербии.

Подготовляя кампанию против Сербии, Германия поставила себе три цели: 1) уничтожить Сербию, 2) отрезать Россию от ее союзников и лишить ее возможности кратчайшим путем получать военное снаряжение и техническую помощь и 3) установить прямую связь с Турцией, получив в свои руки железнодорожную линию Белград — София — Константинополь. Все поставленные цели были достигнуты. В результате Германия получила возможность использовать все людские, продовольственные и иные ресурсы Болгарии и Турции в борьбе с Антантой. В частности, турецкая армия, слабая перед войной в техническом отношении, получила военное снаряжение и командный состав из Германии и еще в течение трех лет дралась за интересы германского империализма.

Дипломатическая подготовка наступления на Сербию началась еще в мае 1915 г. Весьма важную роль в военных событиях на Балканах должна была играть Болгария, поэтому обе воюющие коалиции стремились перетянуть ее на свою сторону. Требования, выставленные Болгарией, были огромны: она стремилась, по крайней мере, получить обратно все, что она потеряла в 1913 г. по Бухарестскому миру, которым закончилась вторая балканская война. Она претендовала на Добруджу, оставшуюся в руках Румынии, на области Сереса и Кавалы, отошедшие к Греции, на ряд областей во Фракии, захваченных Турцией, и — главное — на ту часть Македонии, которая в 1913 г. досталась Сербии. Удовлетворить полностью все территориальные притязания Болгарии не могла ни та, ни другая коалиция великих держав. Антанта не могла решиться оказать слишком сильное давление на свою «союзницу» Сербию, чтобы та поделилась с Болгарией ее македонскими областями, и, боясь оттолкнуть во враждебный лагерь Румынию и Грецию, она не могла предложить Болгарии ничего существенного за счет этих стран. Положение герман-

ской коалиции было выгоднее: если она тоже не могла обижать ни Грецию, ни Румынию, ей удалось убедить Турцию пойти на некоторые уступки по отношению к Болгарии, а главное — она могла обещать последней всю сербскую Македонию, как только она будет завоевана.

4 сентября был подписан договор с Болгарией, превративший германскую коалицию в четверной союз. По особой секретной конвенции, заключенной в тот же день, Болгария должна была получить за ее благожелательный нейтралитет с самого начала войны часть турецкой территории на р. Марице, правый берег сербской Моравы, сербскую Македонию и т. д. В случае, если бы Румыния и Греция выступили на стороне Антанты, Болгария должна была получить также часть Добруджи и греческой Македонии. 6 сентября была подписана в германской главной квартире военная конвенция, в которой Австрия, Германия и Болгария обязались выставить определенное количество дивизий против Сербии.

К концу сентября на сербской границе на Дунае и в Боснии было сосредоточено 350 тысяч австрийских и германских войск, прекрасно вооруженных и снабженных тяжелыми дальнобойными орудиями и горной артиллерией. В это же время болгары сосредоточили около 300 000 своих войск на сербско-болгарской границе. Сербия могла противопоставить всем своим противникам только 230—250 тысяч слабо вооруженных и плохо снабженных солдат [1]).

5 октября австро-германские войска начали наступление с севера под общим командованием маршала Макензена, оттесняя сербские армии на юг вдоль железнодорожной линии Белград—Ниш—Салоники. Одновременно другая австрийская армия наступала из Боснии, оттесняя сербскую армию на восток. 12 октября начали наступление болгары по направлению Неготин—Ниш—Пирот—Вранья и Велес. После наступления Болгарии положение сербов резко ухудшилось, так как Болгария с первых дней своего наступления поставила себе целью отрезать отступающей сербской армии путь на Салоники, где уже начали высаживаться эвакуированные с Галлипольского полуострова французские и английские войска. После кровавых боев и упорного сопротивления сербы под давлением превосходящих сил и тяжелой артиллерии противника всюду должны были отступить. 16 октября болгары заняли Вранью и перерезали сербам путь отступления на Салоники, захватив также единственный сербский арсенал Крагуевац. 5 ноября болгары заняли Ниш, где была организована торжественная встреча болгарского короля Фердинанда с кайзером Вильгельмом II. 19 ноября австро-германские армии заняли гор. Кральево, расположенный на слиянии рек Моравы и Ибара, и все, что могло отступить из Северной Сербии, направилось по узкой долине Ибара, ища спасения в горах.

Вот как описывает это отступление французский историк балканской войны капитан Дейга: «Армия и толпа смешались, беспорядок возрастает, толчея увеличивается, а бежать все-таки надо. Болгары и австрийцы преследуют с ожесточением свою несчастную жертву. Бегство, бегство неописуемое, где на одном и том же пути сталкиваются несчастный народ, дипломаты, министры, солдаты, король Петр и 30 000 австрийских пленных, которых сербы уводят с собой, несмотря ни на что» [2]).

Сербские армии сделали еще последнюю попытку проложить себе дорогу на юг через Ускюб и Монастырь к Салоникам на соединение с французской армией. В шестидневной отчаянной битве севернее Ускюба у Кочанника крайне утомленная сербская армия была разбита и принуждена отступать по непроходимым тропам Албании и Черногории к Адриатическому морю. Большая часть сербской армии направилась на Призрен. Однако 25 ноября австро-германские армии заняли Призрен, а болгар-

[1]) M. Larcher, La Grande guerre dans les Balkans, Paris 1929, стр. 62—69.
[2]) F. Deygas, L'armée d'Orient dans la guerre mondiale, 1932, стр. 54.

ские армии — Филиппяны, и сербы оказались окруженными и отрезанными от Салоник и Адриатики. После этого сербская армия, уничтожив все запасы амуниции, артиллерию, техническое оборудование, направилась налегке в Албанию, где уже свирепствовала зима. Больше 100 000 погибло в пути от истощения и голода. Через непроходимые горы пробирались: армия, гражданское население, пленные, скот и все, что могло двигаться самостоятельно. Для характеристики этого мучительного и трагического пути достаточно будет указать на следующий факт: отступая сербы собрали 30 000 молодежи, будущих солдат. Эта молодежь, направляясь к Адриатическому морю, питалась корой деревьев. Каждый день падали сотни юношей мертвыми от холода, голода и усталости. К морю прибыло только 15 000. Но и здесь мучения не кончились, так как нечего было есть. Когда через несколько месяцев началась эвакуация на остров Корфу, их осталось всего 10 000.

В начале декабря со всех троп Албании начали спускаться к Адриатическому морю наиболее сильные и выносливые. Около 40 000 пробилось через Черногорию в Скутари. Другая колонна в 60 000 человек пробралась через Эльбасан и Тирану к Дураццо. Мелкие колонны бродили в лесах. Вот как тот же историк описывает состояние спасшихся сербов, оказавшихся на берегу Адриатики:

«Сербский народ прибыл на берега Адриатики в состоянии неописуемых страданий. Скутари и весь албанский берег представляют не что иное, как обширный госпиталь под открытым небом, где продолжают умирать те, которых истощило отступление. Улицы Скутари завалены трупами. Неприятельские аэропланы бросают бомбы на несчастных, у которых нет сил для того, чтобы поднять винтовку.

Сербы надеялись, что их страдания кончатся, когда они прибудут на берега Адриатики: там их встретят союзники, там они найдут съестные припасы, одежду, обувь, медикаменты, госпиталя, оружие; там под защитой колоссального союзного флота они сумеют реорганизоваться. Ничего этого они там не достали.

Никто их не ожидал, когда они начали в первые дни декабря спускаться с албанских троп; море было свободно от союзных судов, никакой помощи не было послано» [1]).

Что представляла собой та самая сербская армия, которая год тому назад одержала большую победу над австрийцами и с таким упорством еще месяц тому назад защищалась против в три раза ее превосходивших австро-германских и болгарских армий, об этом дает представление одно место из телеграммы русского военного агента, неотлучно находившегося при сербской армии во время отступления, генерала Артамонова от 21 (8) декабря 1915 г. за № 740:

«Армию гонит голод, со стороны же противника преследование ведется восставшими албанцами, подкрепленными отдельными ротами австрийцев. При отступлении сербские солдаты за хлеб отдавали одежду, оружие и боевые припасы албанцам, начавшим позднее избиение тыловых частей. Еще в Новой Сербии дезертирство приняло массовые размеры, ввиду распространения в армии слуха, что пленные сербы отпускаются австрийцами по домам. Теперь армия дезорганизована до крайности, некоторые дивизии насчитывают от одной до двух тысяч человек, и трудно сказать, до какой цифры армия будет сведена настоящими условиями, отсутствием подвоза провианта и наличия звонкой монеты для покупки у населения.

На 26(13) декабря к албанскому побережью добралось около 100 000 измученных, голодных и больных сербов нижних чинов и 38 000 офицеров, военных чиновников и прочих чинов. При них находилось 57 000 ружей, 170 пулеметов, 81 орудие, 67 000 лошадей и 7 000 волов. Число людей постепенно увеличивалось за счет затерявшихся в горах одиночек, а лошади и скот уменьшились в числе вви-

[1]) Там же, стр. 58.

ду употребления волов в пищу и падежа лошадей от недостатка корма и истощения» [1]).

В начале января 1916 г. австрийцы вторглись в Черногорию, заняли Негуш и (8 января) господствующую над всем побережьем гору Ловчен. Положение сербов стало безвыходным. Они ждали преследования австрийской армии с севера, болгарской—с востока. Для отступления на юг в Дураццо не было ни пригодных дорог, ни съестных припасов. Им предстояло на выбор или следовать голодными вдоль моря или быть сброшенными врагом со скал в море. Преследуемые противником, сербы опять начали движение на юг, где они надеялись найти хлеб и защиту союзников.

Весь 50-километровый путь от Скутари до Сен-Жан де Медуя и дальше до Дураццо был усеян трупами людей и животных, падавших от изнеможения и от огня с морских судов и аэропланов.

Публикуемые ниже донесения русского военно-морского агента в Италии капитана Беренса относятся к этому трагическому финалу сербского отступления. Они наглядно показывают, как параллельно с втягиванием Румынии и Греции в войну союзники, в сущности, ничего не делали для спасения гибнувших от голода, болезней и преследования неприятеля сербов. Особенно ярко эти донесения вскрывают неприкрытый эгоизм итальянского империализма. Эти потенциальные противоречия, в сущности, парализовали и то малое, что остальные союзники намеревались предпринять для спасения от голода хотя бы части сербской армии и беженцев. Эти рапорты вскрывают также эгоизм «владычицы морей» Великобритании, не желавшей подвергать опасности свои военные суда, без конвоя которых немыслима была доставка продовольствия для сербов в Албанию [2]).

Эпизод со «спасением» Сербии ярко изобличает сущность империалистических союзов. Капиталистические противоречия не прекращаются и не могут быть затушеваны даже на время общей борьбы с врагом.

Ф. Нотович.

Рапорт военно-морского агента в Италии Беренса начальнику морского генерального штаба адм. Русину от 10 (23) декабря 1915 г. № 1399 [3]).

Доношу вашему превосходительству о ходе дела по снабжению Сербии через Адриатическое море, с начала его возникновения и по настоящий момент, — конечно, поскольку оно мне было здесь известно и в той мере, в какой мне пришлось в нем участвовать.

Впервые о необходимости организовать доставку необходимого сербам я слышал от своего здешнего французского коллеги, который жаловался на итальянское морское министерство, не желающее оказывать активного содействия и ссылающееся на недостаток сил и средств. Это было 20 октября. Тогда уже французы вели с итальянцами переговоры по этому поводу и никак не могли добиться от Италии определенного ответа. Италия находила, что посылка транспорта через Адриатическое море в Медую или Дураццо слишком опасна и что для конвоирования

---

[1]) Архив внешней политики, П. А., № 4034, телегр. Трубецкого за № 1116 от 29(16) декабря 1915 г.

[2]) Весь этот период борьбы за Балканы полно освещается в находящихся в печати VI—X томах большой советской публикации архивных документов «Международные отношения в эпоху империализма».

[3]) Архив внешней политики.

их у нее нехватит миноносцев. В то же время уже были признаки желания Италии итти в Албанию, хотя ничего реального еще не было. Очевидно, на этот случай итальянскому флоту надо было быть готовым конвоировать и охранять перевозку своих войск, а потому ему мало улыбалась мысль рисковать судами для конвоирования транспортов со снабжением для Сербии. Французы волновались и горячились, доказывая, что надо и можно организовать такую доставку и с имеемыми у итальянцев силами, но истинная причина была та, что французы были у Италии в долгу, так как перед высадкой в Салоники отобрали у Италии те 12 эскадренных миноносцев, которые по конвенции должны были находиться в составе итальянского флота.

Надо сказать, что французы имели в таких доставках уже порядочный опыт, когда доставляли припасы и оружие Черногории. Это было в тот период войны, когда в Адриатике господствовал французский флот и когда Италия еще не выступала; организация та, после нескольких неудачных попыток со стороны французов, наладилась и перевезла в Черногорию порядочное количество, как я здесь слышал от черногорцев, около 10 000 тонн. Однако она стоила французам порядочно денег, так как, конечно, пароходы, буксиры, баржи и т. п., что приходилось покупать, обходились очень дорого. Немало затруднений было и с командами, которым приходилось платить большое жалованье, страховать и т. д. Тем не менее и результаты были удовлетворительные.

Теперь, когда надо было помогать сербам, обстоятельства оказались не те: во-первых, Италия была в числе воюющих, и, как мне говорил мой французский коллега, без ее согласия и приглашения ни один военный флот не мог появиться в Адриатике; во-вторых, Франция, познавшая на опыте трудности и дороговизну таких организаций, видимо не очень хотела брать на себя инициативу с перспективой иметь неизбежные трения с Италией на почве старинного соревнования в Средиземном море.

Организацию на этот раз взяла на себя Англия, с тем, что она будет закупать и доставлять все необходимое в один из итальянских портов (Бриндизи, Галлиполи и Таранто). Грузы туда должны были итти отчасти по железной дороге из Франции, отчасти на пароходах. Некоторое количество Франция обещалась доставить на своих пароходах в эти же порты, с тем чтобы уже оттуда, под охраной итальянских судов, они были отправлены в Албанию. Роль Италии в этом деле сводилась к тому, чтобы найти и предоставить в распоряжение отправителей грузов подходящие для плавания в Адриатике и разгрузки в албанских портах пароходы, а также охранять как переход через Адриатику, так и разгрузку в Албании.

Указаний на то, что как Франция, так и Англия сейчас признали Италию госпожей Адриатического моря, имеется много; кроме того это же положение содержится и в морской конвенции, заключенной между этими государствами, на которую Италия всегда может сослаться, если бы были сделаны попытки действовать в Адриатике помимо ее или без ее согласия и ведома.

Благодаря такому положению сразу все дело снабжения Сербии приняло явный характер вопроса о достаточности желания и средств обеспечить морскую перевозку в Албанию. Недостатка в грузах для перевозки ни разу не ощущалось, бывший же в первое время недостаток

перевозочных средств был сравнительно скоро устранен подыскашием подходящих судов. Оставался главный вопрос, от которого зависела возможность осуществления правильного снабжения—разгрузка и охрана как ее, так и перевозки.

Приблизительно в таком положении и было дело, когда было решено организовать при итальянском морском министерстве комиссию по снабжению сербов, в составе представителей итальянских военного и морского министерств, морских агентов Англии, Франции, России и военного агента Сербии. Председателем этой комиссии был назначен помощник начальника итальянского морского генерального штаба контр-адмирал Пино-Пини. Целью комиссии было установить в общих чертах, сколько и куда надлежит направлять припасов для отступающей в Албанию сербской армии. Решения ее, конечно, имели исключительно совещательный характер, ибо время и способ выполнения зависели от итальянского адмирала, командующего частью морских сил, расположенной в Бриндизи.

Ввиду того, что закупку и доставку провианта взяла на себя, как было сказано выше, Англия, доставлять же его через Адриатику и охранять должна была Италия, роль членов комиссии от других государств (Франции, России и Сербии) была исключительно теоретическая — осведомительная и совещательная.

Заведывать организацией доставки с английской стороны был назначен английский морской агент в Риме капитан 2-го ранга Ларкинг, лишь несколько недель назад прибывший на этот пост из Лондона, где он служил в адмиралтействе. Он привез с собой одного резервного капитана 2-го ранга и ревизора, которых тотчас поселил в Бриндизи ведать прибывающими туда грузами и их дальнейшей отправкой.

Местные органы с итальянской стороны были назначены: командир порта Бриндизи вице-адмирал Финци—ведать хранением прибывающих туда грузов, нахождением для них подходящих перевозочных средств и погрузкой, и начальник морских сил, расположенных в Бриндизи, вице-адмирал Кутинелли—ведать отправкой грузов и их конвоированием.

Итальянское министерство иностранных дел хотело, чтобы наша комиссия собиралась на месте в Бриндизи, но предложение это, кажется, не встретило сочувствия ни у морского министерства, боявшегося, что такая комиссия на месте ограничит исполнительную власть местных органов, ни у моего французского коллеги по той причине, что он как раз в это время был без помощника и затруднялся выезжать из Рима, где ежедневно получал по 5—6 телеграмм своего министерства.

В таком положении было дело перед первым заседанием комиссии, которое состоялось в Риме в морском генеральном штабе 12 (25) ноября. На этом заседании итальянские представители сразу начали уговаривать комиссию, что снабжение в другие албанские порты кроме Валоны является ненадежным и опасным. На замечание остальных членов, что посылать в Валону сейчас бесцельно, так как грузы дальше сухим путем перевезти нельзя за отсутствием дорог, итальянские представители возражали общими местами, говоря, что дороги можно исправить и что это единственный практический путь, ибо ни Медуа, ни Дураццо не подходят как порты для разгрузки большого количества припасов за полным отсутствием портовых сооружений и оборудованности вообще и слишком близкого расположения к Катарро. В конце концов обе сто-

роны друг друга не убедили, но все же комиссия постановила, что нужно посылать в Медую, конечно, организовав охрану на переходе и на месте разгрузки. Итальянцы жаловались, что у них нехватит для охраны судов, и намекали на необходимость присылки Францией и Англией эскадренных миноносцев в помощь морским силам Бриндизи. Представители этих стран и я пытались намекнуть, что имеемых у итальянцев там 12-ти эскадренных миноносцев достаточно для конвоирования нескольких транспортов, но, видимо, наш взгляд совершенно не разделялся нашими итальянскими коллегами.

После этого первого заседания, увидев, что оно ни к чему, в сущности, кроме пожелания не привело, я сговорился с английским коллегой поехать в Бриндизи, чтобы лично осмотреть положение дела на месте и собрать материал для следующего заседания комиссии.

Поехали мы туда 15 (28) ноября вечером и были на месте на следующий день утром. Из разговоров с местными английскими офицерами (помощниками морского агента по организации) выяснилось следующее: в Бриндизи уже находится около 3 000 тонн всяких припасов, как-то: муки, галет, нефти и т. д., кроме того там около 10 дней ждут отправки в Албанию многочисленные английские сухопутные офицеры всех специальностей, преимущественно технических. Несколько отелей этого небольшого городка были совершенно заполнены ими, и в городе они попадались на каждом шагу. Затруднения в отправке происходили по двум причинам: не было достаточных и подходящих перевозочных средств и, кроме того, итальянский адмирал все время находил невозможным дать конвой, отчасти за неимением свободных судов, отчасти же из-за плохого состояния погоды. В заключение и место отправки не было окончательно решено: англичане настаивали на Медуе, итальянцы же выставляли Валону и, в крайности, Дураццо. Так как перевозочные средства должны были доставить итальянцы, то английский агент обратился к адмиралу с просьбой указать ему на те суда, на которые он мог бы начать грузить припасы. Командир порта указал ему на два небольших пароходика, могущих взять по 500—700 тонн груза, и сказал, что других у него нет. Пока англичанин ходил сам по порту в поисках за другими подходящими пароходами, я отправился являться итальянским адмиралам.

Придя на флагманский крейсер «Призани» к командующему морскими силами в Бриндизи вице-адмиралу Кутинелли, я застал у него и командира порта вице-армирала Финци. Последний сказал мне, что он не знает уже, куда класть и где хранить прибывающие для Сербии грузы. Первый же (Кутинелли) в разговоре сказал следующее:

«Вы все (т. е. французы, англичане и русские) думаете, что, прислав в Бриндизи муку и прочее, сделали этим половину дела, но это совершенно неправильно. Ваша роль очень легка и состоит в закупке и безопасной доставке в Бриндизи. Дальше вы говорите нам — теперь доставляйте в Медую. Должен вам заметить, что однако я до сих пор ни разу не слышал ни одного практически осуществимого проекта, как это сделать. Вполне понимая, что помочь сербам надо, и желая всеми силами это исполнить, я практически наталкиваюсь на массу затруднений. Как вам известно, Медуя совершенно не защищена ни от погод, ни от возможных атак неприятеля. Ее маленькая естественная гавань может вместить всего один-два маленьких парохода водоизмещением не более 1 000 тонн. Зимние погоды в Адриатике заставляют с осторож-

ностью выбирать время для перехода и для разгрузки при таких условиях. Так как при таких условиях посылать больших пароходов нельзя и нельзя также посылать зараз мало-мальски значительного числа малых, придется посылать эти малые, с количеством груза около 600 тонн. Однако несмотря на такое ничтожное количество этот груз придется конвоировать значительными силами, я лично считаю не менее 1 легкого крейсера и 6 эскадренных миноносцев, ибо австрийские суда этих же типов выходят из Катарро, и запереть их там мы не в состоянии. Принимая во внимание полное отсутствие разгрузочных средств в Медуе, надо считать, что разгрузка каких-нибудь 600 тонн потребует нескольких дней, и во все это время нашему конвою придется держаться в море перед этим портом, рискуя потерять суда от атак австрийских подводных лодок. Согласитесь сами, что рисковать раздругой нашими крейсерами и миноносцами мы еще сможем, если это крайне необходимо, но требовать от нас, чтобы мы при таких условиях обеспечили правильное снабжение — невозможно. Мы прекрасно знаем, что ежедневно австрийские лодки выходят на позиции, знаем число их и довольно точно места их стоянки. Одна, например, всегда стоит в 15 м. на ССВ от Бриндизи, другая постоянно дежурит близ берега между Медуя и Дураццо, третья — недалеко от устья р. Бояны. Однако самое большое препятствие для практического осуществления доставки на Медую заключается в том, что у нас или, вернее, у меня в Бриндизи нет достаточного числа легких крейсеров и эскадренных миноносцев. У меня под командованием всего 12 этих последних, причем многие требуют ремонта и сильно изодраны еще от предыдущей нашей войны. Чтобы держать в море постоянный конвой из 6 миноносцев, мне надо было бы иметь в моем распоряжении, по крайней мере, вдвое больше того, что я в действительности имею. Я вам прямо говорю, что без присылки сюда французских или английских миноносцев дело с конвоем не наладится, и я его давать не смогу...»

Я пытался в осторожной форме заметить адмиралу, что борьба с подводными лодками уже несколько разработана всеми флотами, что Медую можно было бы сделать менее доступной неприятелю постановкой мин, сетей и держанием там на позиции хотя бы двух итальянских лодок, — наконец, что и австрийцев в Катарро можно было бы беспокоить теми же средствами и ослабить у них охоту часто появляться у берегов Албании. На это мне адмирал ответил, что он не может рисковать судами для охраны нескольких сот тонн груза и что все эти меры требуют средств, которых у него нет. В заключение опять повторил, что без содействия союзных эскадренных миноносцев ничего сделать не сможет.

При этом разговоре присутствовал, как я уже упоминал, и командир порта, который вполне поддерживал адмирала Кутинелли.

Вернувшись к своему английскому коллеге, я ему передал результат свидания с итальянскими адмиралами и пытался всячески его убедить в необходимости присылки сколько можно английских миноносцев, если только мы хотим, чтобы помощь сербам была не только на словах, но и на деле. Насколько я мог заметить, он вполне со мной соглашался, что итальянцы без союзной помощи ничего не сделают, ибо очевидно, что в Адриатике можно плавать, когда там ни мин, ни подводных лодок нет, т. е., иными словами, в мирное время. Кроме того они настолько боятся потерять суда в деле, не прямо их

касающемся, что тут никакими словесными резонами их не убедишь. Однако, соглашаясь со всем этим, мой английский коллега сказал, что не думает, чтобы адмиралтейство согласилось прислать в Адриатику эскадренные миноносцы, так как Англия теперь сама страдает недостаткам в них, ибо много выбыло из строя в тяжелой службе в Северном море. На мои убеждения, что, быть может, все-таки адмиралтейство найдет возможным прислать хотя бы 4 миноносца, так как тут важна не только материальная их помощь, но и моральное воздействие со стороны английского их начальника на итальянского адмирала, мой коллега обещал телеграфировать в Лондон, хотя так и повторил, что на успешный исход его просьбы у него надежд мало. Затем он сказал мне, что должен ехать в Неаполь осмотреть пароходы, буксиры и баржи, которые ему предлагают купить. Он хотел было сам переправиться в Медую, чтобы осмотреть положение на месте, но, увидя, что нет надежды даже получить одиночный миноносец, который мог бы его перевезти в одну ночь на тот берег, отказался от своего намерения.

Я лично, видя, что в Бриндизи ничего сделать не могу, выехал ночью обратно в Рим, чтобы доложить виденное и слышанное послу и чтобы не пропустить второго заседания комиссии. Действительно, в день моего возвращения это заседание состоялось, причем английского агента заменил какой-то прикомандированный к английскому посольству господин, давно живущий в Италии и говорящий свободно по-итальянски, но, как оказалось, плохо защищавший наши интересы и легко поддающийся влиянию громких фраз, говоривших-ся в комиссии ее председателем контр-адмиралом Пино-Пини.

На втором заседании комиссии 17(30) ноября сербский военный агент сделал следующее заявление: «В настоящий момент надлежит посылать припасы в Медую и в Дураццо, а также послать в первый 25 и во второй 15 грузовых автомобилей с достаточным запасом бензина. Первый транспорт надо было бы послать поскорее в Дураццо».

И. д. английского морского агента прочел следующую телеграмму т. Ламб, начальника английской миссии в Скутари: «В ближайшее время ожидается отступление на Скутари 50 000 сербов. Есть надежда, что это войско сможет еще оказать некоторое сопротивление на линии Ипек—Прилеп. Очень необходима немедленная посылка припасов. До тех пор, пока не будет улучшена дорога Медуя—Скутари, провозная ее способность не более 40 тонн в сутки, а потому надо было бы везти провиант также по р. Бояне при посредстве буксиров и барж с осадкой не более 6 футов. Для всего этого необходимо срочно обеспечить выгрузку в Медуе и берег между ним и устьем р. Бояны цепью миноносцев и тральщиков, а также установить батареи против неприятельских миноносцев и аэропланов в Медуе».

Председатель комиссии сделал следующее заявление:

«1) Не следует посылать в Бриндизи дальнейших грузов, пока этот порт не будет несколько разгружен отправкой в Албанию уже лежащих в нем грузов; 2) надо построить в Медуе и Дураццо хотя бы самые легкие склады (крытые) для хранения выгруженного провианта; 3) необходимо, чтобы все дело снабжения сербов шло через морской генеральный штаб, который уже будет сообразоваться с решениями, принятыми комиссией, и сообщать их местным властям в Бриндизи для исполнения; 4) так как грузы все время прибывают из

разных мест, желательно, чтобы английские и французские пароходы, доставляющие их в Бриндизи, направлялись бы в албанские порты уже оттуда по указаниям и под конвоем сил морского начальства этого порта; 5) к защите пунктов выгрузки можно будет приступить, лишь когда будет точно установлено количество грузов, долженствующее быть доставленным в тот или иной порт. Невозможно держать миноносцы перед Дураццо, как об этом говорилось, ибо они были бы подвержены атакам подводных лодок».

Представитель военного министерства заявил, что у них сейчас нет свободного количества галет и фуража для посылки сербам, но что, как только они будут, будут тотчас отправлены в Бриндизи.

Сербский военный агент просил прислать только овес, ибо сено можно найти на месте в Албании.

Член от итальянского морского министерства заявил, что посланные французами пароходы — «Палатино» с 1 800 мешками муки и «Галлинара» с 680 мешками — были потоплены неприятелем, лишь пароходу «Инициатива» удалось выгрузить 97 мешков в Дураццо. В Бриндизи готов к выходу пароход «Эпиро» с 3 000 мешков муки и другими материалами. Выход его обусловлен хорошей погодой и, вероятно, состоится не сегодня-завтра.

Председатель сообщил, что только что получено сведение от морских властей в Бриндизи, что английское правительство, сообща с сербским, ведет переговоры с одним итальянским пароходным обществом о зафрахтовании нескольких пароходов для доставки провизии из Бриндизи в Албанию. Председатель находит, что так как перевозочные средства взялась доставить Италия, то, в случае их нехватки, англичане и сербы должны обращаться к итальянским морским властям, которые им нужные суда реквизируют, а не действовать самим непосредственно, что вносит лишь путаницу и не совсем корректно.

На это я заметил, что, только что вернувшись из Бриндизи, могу засвидетельствовать, что перевозочных сердств недостаточно и что местные морские власти заявили, что больше у них в распоряжении нет. Мое заявление было принято к сведению, и председатель сказал, что расследует дело, и если перевозочных средств нехватает, то тотчас будут реквизированы. Я сказал, что тогда надо об этом тотчас дать знать в Бриндизи, чтобы там без задержки предоставили англичанам пароходы для погрузки.

И председатель и член от итальянского морского министерства заявили, что Италия просила у Франции вернуть ей 12 эскадренных миноносцев и у Англии 6 таковых же, но что до сих пор ответа не имеется. Миноносцы эти совершенно необходимы для обеспечения конвоирования транспортов и чтобы не повторялись случаи потопления транспортов или в море или при разгрузке. Италия со своей стороны сделала все возможное, переведя из Венеции в Бриндизи 4 лучших и новейших эскадренных миноносца, ослабив этим свои силы в Верхней Адриатике, несмотря на то, что эта последняя—самый главный ее театр войны. Не следует забывать, что Италия не может очень ослаблять этот театр, где он соприкасается с сухопутным и где ослабление может привести к нежелательным последствиям и в Нижней Адриатике. В Венеции теперь остался минимум сил, необходимых для операций на главном театре. Таким образом действенность снабжеения сербов будет зависеть главным образом от присылки

Францией и Англией 12—20 эскадренных миноносцев, по возможности в самый кратчайший срок.

Французский агент заявил, что он сообщал уже в Париж о желательности вернуть Италии взятые у нее для Салоникской операции 12 французских эскадренных миноносцев, но что он боится, что французскому флоту не справиться с массой возложенных на него в Средиземном море задач. Было бы весьма желательно, чтобы Англия тоже прислала несколько миноносцев в Бриндизи, тогда и Франция, вероятно, пришлет.

Мною было сказано, что английский агент в Бриндизи обещал мне телеграфировать в адмиралтейство о присылке миноносцев, и тогда француз обрадовавшись сказал, что будет немедленно просить свое министерство о возвращении в Бриндизи 12 французских.

На этом закончилось второе заседание комиссии, подтвердившее впечатление, вынесенное мною из поездки в Бриндизи, а именно: будут союзные миноносцы — будет снабжение, не будут — и снабжения не будет.

Не берусь утверждать, что итальянцы совершенно неправы, ссылаясь на издерганность и расшатанность своих миноносцев, но, с другой стороны, приблизительно в таком же виде миноносцы и союзников. Главные причины нежелания рисковать своими судами, по-моему, следующие: 1) боязнь общественного мнения, в особенности царящая в центральных учреждениях, где больше думают о прессе и парламенте, чем о неприятеле; 2) нерешительность (проистекающая из первой причины), которой характеризуются все итальянские действия на море, в особенности после потери «Гарибальди» и «Амальфи», о которых в публике продолжают ходить самые странные слухи, и 3) эгоистичный взгляд на положение сербов, при котором считается, что раз сербская армия перестала существовать как целое и могущее оттягивать на себя австрийцев, то ей помогать нужно, лишь чтобы не подвергнуться упрекам в эгоистичности, но не в такой мере, чтобы рисковать собственными судами.

Глубоко убедившись, что без содействия союзных миноносцев никакого снабжения не будет, я доложил об этом послу и старался действовать в этом смысле на своих соответствующих коллег, что было не особенно легко, так как отношения между французами и англичанами здесь оставляют желать много лучшего. Главным образом кипятятся, конечно, французы, обвиняя англичан в неумении и нежелании понять обстановку и в стремлении действовать так, как будто они одни только и знают, что надо делать. Много подлила масла в огонь поездка Китченера в Грецию и бывшее у англичан желание прекратить Салоникскую экспедицию. Доходило до того, что французский и английский морские агенты (и, кажется, не одни они) друг с другом не виделись и не разговаривали.

Как бы то ни было, я говорил о необходимости прислать миноносцы и тому и другому, а также при случае английскому послу, причем вынес впечатление, что Англия ничего не даст, что же касается французов, то они, как связанные конвенцией и, быть может, несколько более искренние в желании помочь, вернут свои миноносцы.

Перед третьим заседанием комиссии я хотел объединить союзных агентов, чтобы сговориться заранее между собой и иметь больше веса против итальянских голосов, но, несмотря на свое обещание

притти ко мне в тот день, когда у меня должен был быть английский коллега, француз оказался больным и не пришел.

Между вторым и третьим заседанием, состоявшимся 27 ноября (10 декабря), почти ничего для фактического снабжения сербов сделано не было. Французские миноносцы приходили понемногу, небольшими партиями, в Бриндизи, итальянцы же отговаривались скверной погодой и неподходящими условиями (т. е. присутствием австрийских лодок). Лишь один транспорт с 300 тонн груза пришел в Медую. Подробности положения дела в этот момент доложены мною при рапорте от 25 ноября (8 декабря) № 1367.

На третьем заседании председатель сделал следующее заявление: «Наш морской агент в Черногории вчера телеграфировал из Медуи следующее. Из 20 небольших шлюпок, имеемых для разгрузки пароходов, 11 еще не разгружены. Разгрузка с них производится при помощи импровизированной одной пристани, на которую солдаты выносят по одному мешку. На берегу лежит много мешков с мукой, галеты, боченки бензина и нефти и пр., все это под открытым небом и подвержено как воздушным, так и морским атакам. Если бы в эту массу австрияки бросили хотя бы одну бомбу или снаряд, получился бы хороший костер. Из Медуи грузы отправляются на повозках, запряженных волами, в Скутари. Современное состояние дорог таково, что повозки эти употребляют три дня, чтобы дойти до Скутари, и берут не более 3-х квинталов каждая. Еще хуже пойдет, когда начнутся дожди. При таких условиях и при полном отсутствии какой бы то ни было организации и руководства при разгрузке грузы, прибывающие в Медую, могут там лежать по нескольку недель. Вследствие этого бесполезно пока посылать в Медую дальнейшие грузы, пока не организована разгрузка и не приняты меры к дальнейшей их отправке внутрь страны». В другой телеграмме то же лицо сообщает: «Вход в Медую возможен лишь одному пароходу небольших размеров в хорошую погоду и при опытном маневрировании, так как вход в бухту и сама она стеснены затопленными там австрийцами 23 ноября (5 декабря) судами».

Принимая во внимание эти известия, председатель находит невозможным, по крайней мере в настоящее время, поддерживать с Медуей интенсивное сообщение. Что касается р. Бояны, то, по полученным известиям, в ней при зимних погодах образуется песчаный барьер, препятствующий входу в нее. В зависимости от ветров, такое состояние продолжается иногда по нескольку дней подряд, что не позволяет рассчитывать на правильное снабжение этим путем.

Французский агент сообщил следующую телеграмму, полученную им от его министра: «Разделяю мнение итальянского морского министерства, что австрийские пленные, находящиеся у сербов, должны быть направлены на Валону для посадки их там на пароходы. Нахожу также, что снабжение в масштабе, необходимом для нужд сербской армии, может совершаться только через Валону. Поэтому сербам предложено соответствующим образом вести отступление. Чтобы позволить сербам выполнить этот маневр, необходимо однако послать несколько транспортов в Медую и Дураццо. Изложите итальянскому морскому министерству эту точку зрения, которая является мнением французского правительства, разделяемую сербским посланником в Париже и английским адмиралтейством».

Представитель военного министерства сделал следующее заявление, предупредив, что оно конфиденциально: «По достоверным известиям, король Петр находится в Тиране вместе со штабом армии. Часть этой последней, сохранившая еще организацию и воинский вид, в размере около 30 000, находится между Тираной и Цетинье. Эта часть Албании одна из наиболее плодородных; кроме того Тирана соединена с Дураццо дорогой, по некотором исправлении которой по ней смогут ходить грузовые автомобили. Итальянские военные власти в Албании (Валона) предупреждены о том, что сербы будут довольствоваться из Валоны. Для улучшения дорог в эту последнюю посылаются из Италии еще саперы. Если сербская армия отойдет на юг, то затруднений с ее продовольствием не будет, а также можно будет перевезти из Валоны в Италию австрийских пленных, идущих с сербами. Для более успешного выполнения снабжения через Валону от этой последней будут проложены к Дураццо и другие места дековильки».

Английские представители заявили, что и по их сведениям лучше, конечно, было бы организовать снабжение через Валону, но тем не менее надо послать провиант и той многочисленной части сербской армии, которая находится в Северной Албании, по крайней мере, чтобы дать ей возможность отойти также на юг. По полученным сведениям, сербы берут в свои руки разгрузку в Медуе и доставку оттуда в Скутари, для чего в ближайшие дни будет собрано около 700 повозок, способных перевезти примерно 500 тонн в неделю. Английскому агенту в Медуе будет тотчас телеграфировано, чтобы принял все меры для очищения пристани и отправки лежащих на берегу грузов. 4 буксира и 8 барж, купленных английскими представителями в Неаполе, собираются послать в Бриндизи в помощь организации.

Председатель заявляет, что он уже предвидел необходимость послать некоторое количество провианта на север Албании, чтобы дать возможность отступающим туда сербам перейти на юг, а потому предлагает послать его в Медую, когда она будет очищена от предыдущего груза, а также в Антивари, где условия разгрузки лучше и оттуда лучше переправлять грузы внутрь страны. Однако надо раз навсегда заметить что это снабжение будет исключительно временным, ибо оно ненадежно, опасно, требует значительного конвоя и подвергает этот последний риску. Другая часть в количестве, строго необходимом для надобностей сербов, будет направлена в Дураццо для продовольствия той части сербской армии, которая уже отошла туда, и для той, которая отойдет туда же с севера.

Комиссия ввиду заявления французского агента, сопровождавшегося мнением председателя комиссии, приняла и постановила, чтобы в Медую и Дураццо, а если возможно и в Антивари, было доставлено некоторое количество продовольствия, необходимое, чтобы дать возможность сербам отойти в район Дураццо — Валона, главное же продовольствие направлять на Валону и далее сухим путем при содействии высаженной там итальянской армии. Для этого необходимо уведомить сербов, что они должны не теряя времени и всеми силами стараться сосредоточиться в южной части Албании, где они смогут найти все необходимое, на снабжение же через Медую, Антивари и Дураццо — не рассчитывать. Постановлено также просить итальянские военные власти озаботиться устройством в Валоне

складов для временного хранения выгруженного продовольствия и озаботиться о дальнейшей доставке продовольствия в район Тираны.

Протокол этого заседания был утвержден итальянским морским министром (он же начальник морского генерального штаба) с следующей оговоркой: «Исключаю доставку через Антивари, как слишком близкую к Катарро. Можно попытаться доставить небольшое количество в Медую».

Характерно, что министр и его помощник не сговорились заранее, и этот последний, без всякого понуждения с какой бы то ни было стороны, предложил доставку через Антивари, тотчас же отмененную его начальником.

После этого третьего заседания как раз прибыли в Бриндизи все 12 французских эскадренных миноносцев, и на следующий день по их приходе было доставлено в Медую 500 тонн провианта. Через несколько дней следующий транспорт благополучно пришел и разгрузился в Дураццо.

Всего в Медую хотят послать 1 500 тонн.

В настоящий момент дело опять как будто замялось. Итальянцы жалуются на скверные погоды, но, видимо, они рассчитывают, что первая нужда уже удовлетворена. Нам, т. е. союзным агентам, приходится каждый день ходить в морской генеральный штаб спрашивать, имеют ли там известия о выходе транспортов из Бриндизи, чтобы побудить не совсем забросить это дело.

От нашего военного инженера Попова, заведывавшего в Сербии радиотелеграфом, который прибыл третьего дня в Рим из Скутари с обратным рейсом транспорта, делавшего последний рейс в Медую, я узнал следующие подробности.

В Медуе пароход подходил очень близко к берегу, места там еще для одного или двух таких же. Разгрузка производилась местными шлюпками, причем весь груз (500 тонн) был выгружен с 10 час. утра до 12 час. ночи. Разгружали пленные австрийцы, болгары и сербские солдаты, причем никакого руководства и организации на месте не было заметно. Дорога из Скутари до Медуи в общем хорошая, и если ее немного исправить и починить, то смело могут ходить автомобили. Пока что по ней (расстояние около 40 км.) возят на волах, что берет около 30 часов времени. Дорогу никто не чинит и о ней не заботятся. Сербские части, отступившие на Скутари в Медую, имеют совершенно дезорганизованный вид и двигаются без всякого указания и руководства. Попадается много групп солдат разных частей и без офицеров. На вопрос, куда и зачем они идут, отвечают, что идут к морю в расчете получить пропитание и на перевозку через море.

Таково действительное положение вещей с продовольствием сербов через Адриатику на Албанию в настоящее время. Как видно, оно обстоит очень неблагополучно, и резюмировать причины этого можно следующим образом.

1. У дела слишком много хозяев и интересующихся им. Как будто оно поручено Италии и Англии, но, с другой стороны, и нам и Франции приходится вмешиваться, ибо в результатах его мы так же сильно заинтересованы и не особенно доверяем способности как итальянцев, так и англичан справиться с ним удовлетворительно. Англичане, ведающие закупкой и доставкой грузов в Италию, уже не полные хозяева, раз дело касается перевозки в Албанию. Италия же

действует вяло и нерешительно и упрекает Францию и в особенности Англию в нежелании помочь военными судами для охраны.

2. Нет никакого руководства в Албании. Не знаю, что делают многочисленные английские сухопутные офицеры в Италии, которые должны были быть в Албании для организации путей сообщения и разгрузки, но, как видно из показаний приехавших оттуда наших, в Албании (т. е. на северной ее части) царит полная анархия и не организованы даже насущнейшие вещи, как, например, порты выгрузки и самые важные дороги.

3. В дело вмешиваются все правительства из своих центров, когда, казалось бы, надо было его сосредоточить в одном месте, в Риме или другом.

4. Сербам при их отступлении, насколько мне известно, не было указано, что необходимо итти на юг Албании, тогда как для нас, находящихся в Италии, вперед было видно и известно, что рассчитывать на базирование на Северную Албанию через Адриатику нельзя, раз последняя исключительно в сфере влияния итальянского флота. Я говорю это не из желания упрекнуть Италию в явном нежелании помочь сербам, а зная их способ ведения морской войны, взгляды на нее и боязнь всякой ответственности, в особенности в потере судов.

5. Нежелание или невозможность Англии прислать миноносцы, траллы, сети и пр., необходимые для организации действительной защиты транспортов.

Если резюмировать еще короче, то можно сказать, что главнейшими причинами неудовлетворительности дела были: несосредоточение его в одних руках.

Заканчивая настоящий рапорт, в котором мне хотелось показать, какие трудности встретило снабжение Сербии через Албанию, считаю долгом заметить, что, решив послать провиант и вообще грузы в Валону, может быть и удастся снабдить отступающую сербскую армию, но зато скоро выступит на сцену снабжение Черногории, которую придется снабжать уже или непосредственно через Антивари или же через Медую, и тогда опять все затруднения возымеют полную силу.

Лично полагаю, что если Черногорию не решено будет предоставить собственной участи, то дело не обойдется без более обширной помощи со стороны, в особенности Англии, судами и прочими средствами морской войны. Это видно из прилагаемой при сем докладной записки, поданной мною по этому поводу послу. Если опять начнут уговаривать Италию сделать усилия для таких доставок, то это ни к чему, кроме потери времени, не приведет. На словах будут тянуть, а дело не будет сделано. Мне казалось бы, что надо его сделать средствами остальных союзников, а затем уже, когда время будет более подходящее, сводить счета с Италией.

Капитан 2-го ранга Беренс.

Копия приложения за № 1391 от 5(18) декабря 1915 г. к рапорту военно-морского агента в Италии Беренса от 10(23) декабря 1915 года за № 1399.

Начальнику морского генерального штаба.

В бытность мою вчера в морском генеральном штабе я имел следующий разговор с служащим в нем капитаном 1-го ранга Секки от

итальянского морского министерства. Разговор с этого снабжения перешел на Черногорию, причем я сказал моему собеседнику, что при теперешнем положении вещей в Адриатическом море Черногорию для нас, союзников, надо считать потерянной, так как признано невозможным послать что-либо морем в Антивари, и ручаться за такие посылки можно лишь в Дураццо и к югу от него.

На это мне моим собеседником было отвечено, что действительно, при настоящем наличии итальянских морских сил в Адриатике, нельзя рассчитывать на какое-либо реальное сообщение с противоположным берегом, но что при других условиях и если признавать Черногорию важным фактором в общесоюзном деле, можно было бы смело организовать правильное ее снабжение и доставку ей всего необходимого.

На мой вопрос, какие условия он считал бы для этого необходимыми, он ответил следующее: для ведения такой операции имеемых сейчас у итальянцев морских сил и, в особенности, миноносцев — недостаточно. Итальянские эскадренные миноносцы держатся преимущественно в Венеции, в готовности против главных сил австрийского флота, находящегося в Поле. Взять их оттуда, пока неприятельский флот цел и находится вблизи, невозможно. Для обеспечения морских перевозок в Албанию, Бриндизи и Таранто отдан уже возможный максимум миноносцев. Надо, кроме того, иметь в виду, что итальянские миноносцы уже сильно расшатаны долгой службой еще в Триполитанской войне, после которой многие не имели хорошего ремонта. Из 15 итальянских миноносцев, находящихся в Бриндизи для охраны сообщений с Албанией, один погиб в Валоне, два столкнулись друг с другом, один поврежден столкновением со своей же подводной лодкой и два находятся в ремонте. Все они будут готовы не ранее 2—3 месяцев. Таким образом, когда понадобилось срочно снабжать Сербию через Албанию, итальянский флот фактически не мог справиться еще с этой задачей, требовавшей опять-таки тяжелой службы от тех же миноносцев. Снабжение Сербии начало налаживаться только с прибытием в Бриндизи французских миноносцев, которых здешнее морское министерство просило с самого начала вопроса о снабжении сербов.

Однако снабжение это, даже с имеемыми теперь силами, возможно с уверенностью на успех лишь в Дураццо и к югу от него, севернее опасность от австрийцев слишком велика и условия разгрузки в таких портах, как Медуя, слишком неудовлетворительны. Неприспособленность этих портов и полное отсутствие их защиты делают выгрузку и стоянку в них судов очень трудной: приходится держать во все время выгрузки отряды судов. Если бы эти порты были хоть немного защищены как против погоды, так и против внезапных нападений слабых сил неприятеля, дело снабжения значительно упростилось бы.

По отношению к возможности снабжения Черногории через Антивари вопрос обстоит так: порт имеет защиту от погоды и кое-какие портовые сооружения как для выгрузки, так и для первоначального хранения грузов, что, конечно, значительно упрощает дело. Трудность заключается в его близости к Катарро и, следовательно, большой легкости для неприятеля внезапно появиться перед ним. Чтобы обеспечить выгрузку в Антивари, следовало бы раньше всего установить в

нем батареи как против легких крейсеров и миноносцев, так и против аэропланов. Пушки для таких батарей найдутся в Италии, которая могла бы их послать. Затем надо установить сети против подводных лодок. По имеемым в морском генеральном штабе сведениям, на Мальте у англичан таких сетей много, и они держатся ими про запас. Если таким образом удалось бы получить сети от Англии, то и этот вопрос был бы решен. Самым трудным и необходимым однако является вопрос об охране Антивари в тот промежуток времени, пока производились бы все эти работы (постройка батарей, постановка сетей, мин, заграждения и т. п.). Эти работы заняли бы, вероятно, недели две-три, и на это время надо держать перед Антивари сравнительно сильный отряд, чтобы не дать возможности австрийцам из Катарро уничтожить суда и производящиеся работы. По подсчетам итальянского морского генерального штаба, чтобы образовать такой отряд и иметь суда в резерве для смены, надо было бы к теперешнему составу итальянского флота (считая и те французские миноносцы и подводные лодки, которые в нем имеются) на это время, т. е. на три недели, придать еще около 10 эскадренных миноносцев и 4—5 легких крейсеров. Суда эти, по окончании оборудования Антивари, как разгрузочного порта, были бы возвращены обратно, так как далее придется только охранять транспорты на переходе через море, но не придется уже охранять разгрузку. Эта последняя будет производиться под защитой средств порта и нескольких подводных лодок, расположенных на позиции перед ним.

Зная, с какими трудностями было сопряжено дело получения Италией французских миноносцев и отказ Англии дать хотя бы 6 своих для охраны перевозок припасов сербам, можно себе представить, что новая просьба итальянцев дать хотя бы на короткое время еще 10 миноносцев и 5 крейсеров, вероятно, приведет к отказу. Однако с таким отказом связан вопрос об участии черногорской армии на нашей стороне и еще более важный вопрос о крушении всей нашей и без того пошатнувшейся балканской политики. Кроме того возможность снабжения Черногории значительно упростила бы и снабжение Сербии через нее и Северную Албанию.

Опыт показал, что достаточно было притти в Бриндизи 12 французским миноносцам, которых Италия просила с самого начала, чтобы сейчас же начались доставки провианта в Медую и Дураццо. Из этого можно заключить, что и снабжение Черногории могло бы состояться, если только найти (временно) указанные выше силы. Хотя капитан Секки высказал и личный взгляд, все же я полагаю, что в том виде, в котором он был высказан, он, вероятно, окажется приемлемым и для морского министерства.

Капитан 2-го ранга Беренс.

Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны

Записка бывшего царского посланника в Тегеране И. Я. Коростовца о способах урегулирования англо-русских противоречий в Персии, достигших наибольшей остроты накануне империалистической войны, является ценным историко-политическим документом.

Записка в своей «исторической» части дает краткую, но довольно красочную картину совместного англо-русского угнетения Персии после 1907 г. и излагает основные причины быстро нараставших противоречий между двумя хищниками на почве персидских дел. Эта часть записки «бытописует» в эпических тонах империалистическую практику «либеральной» Англии и черносотенной России по «поддержанию» персидской независимости, которую обе страны обязались сами соблюдать и охранять от всяких покушений с чьей бы то ни было стороны. Практика обеих стран, как показывает Коростовец, опираясь на официальные документы, по существу ничем не отличалась друг от друга. Россия бесконтрольно хозяйничала в Северной Персии, стараясь расширить свою власть и на нейтральную зону. Англия также бесконтрольно хозяйничала в Южной Персии, захватывая, в свою очередь, экономически нейтральную зону. Разнились только методы, которыми пользовались агенты обеих стран в Персии. Жертвой этих методов пал сам автор записки, и это наложило известную печать и на ее содержание. Коростовец был в марте 1915 г. отозван по требованию Англии из Персии и в момент составления записки был не у дел. Ему пришлось покинуть совершенно дипломатическую службу. Таким образом записка является попыткой оправдания его собственной политики в Персии. Если Коростовец, по понятным причинам, все зло видит в кознях английской дипломатии в Персии, то в изложении фактической части он не грешит против действительности, и в этом ценность документа. Затронутые вскользь в «исторической» части записки вопросы с исчерпывающей полнотой освещены на протяжении всех 6 вышедших томов «Международных отношений в эпоху империализма».

Ценность записки однако не в этом, хотя и в этой части читатель найдет много интересного. Таковым, напр., является откровенное раскрытие г. Коростовцом причин отстранения в марте 1914 г. персидских властей от взимания поземельного налога с русскоподданных и «протеже» и передачи этих функций царским консулам и мотивов принятия богатых персов под русское покровительство. Коростовец также приоткрывает завесу над авантюрой Шоджи осенью 1914 г., повлекшей за собой вступление турецких войск в Азербайджан. Чтобы заставить персидское правительство беспрекословно санкционировать и оформить все многочисленные захваты в Северной Персии и захват нейтральной зоны (под видом концессии на орошение и соединение рек Карун и Зейендеруд), царизм прибег к целому ряду своеобразных военно-феодальных методов, соединенных с чисто империалистическими методами. В

персидские провинции был направлен поток русских переселенцев, искавших утоления земельного голода. Прибыв в плодородные края, они уже большей частью заставали земли захваченными как «бесхозяйственные» разными генералами и полковниками в отставке, консулами и пограничными комиссарами. Все эти земли немедленно изымались из управления персидской администрации. Царизм охотно принимал под свое «покровительство» персидских феодалов, уклонявшихся от уплаты податей. Третьим видом уклонения персидских феодалов от подчинения своему правительству являлась передача их поместий в управление русскоподданным и ссуды Учетно-ссудного банка под земельное имущество заведомо несостоятельных плательщиков. В том и в другом случае персидская администрация устранялась от управления теми округами, в которых были расположены имения персидских феодалов, заложенные или же управляемые русскими подданными. Все это делалось вопреки 5-й статье Туркманчайского договора, которая запрещала русским приобретать земли в Персии.

Русское землевладение в Персии, устранение русскими консулами от взимания налогов персидской администрации и Трансперсидская дорога были центральными пунктами англо-русских противоречий по персидским делам.

Английское правительство, как показывает записка Коростовца, всячески противодействовало полному поглощению Россией Северной Персии и нейтральной зоны, что грозило взорвать англо-русское соглашение 1907 г. Но как раз в 1914 г. оба правительства, ввиду усиливавшихся англо-германских и русско-германских противоречий, были больше чем когда бы то ни было заинтересованы в англо-русской «дружбе». В указанную эпоху Персия не являлась самоцелью английской и русской политики, а тем средством, которое позволяло обоим хищникам координировать свою общую внешнюю политику. Этого Коростовец не понял и должен был пасть жертвой «высокой политики».

Будучи предназначена для министерства иностранных дел и для самооправдания, записка Коростовца только намечает и перечисляет все основные англо-русские трения, не расшифровывая их существа. Несколько фактов из истории русских захватов персидских земель помогут нам понять то значение, которое имели русское землевладение в Персии и взимание налогов русскими консулами для развития англо-русских взаимоотношений и нарастания противоречий.

«Необъяснимыми путями в народную массу проникла молва о богатых свободных землях в Северной Персии, и печать уже отметила ту неудержимую волну переселения, какая хлынула в Астрабадскую провинцию»,—писало «Новое время» 13 февраля 1914 г.—Молокане с Кавказа, немецкие колонисты из Самары и Туркестана, малоземельные крестьяне из Оренбурга и далекой Малороссии, неудовлетворенные переселенцы Сибири и Туркестана двинулись теперь туда. По глазомерному подсчету, русских переселенцев в Астрабадской провинции тысяч двадцать».

Очутившись в поисках свободной земли в Персии, безземельные русские крестьяне и там столкнулись лицом к лицу с помещиками и капиталистами, от которых они бежали из России. «Первым поселенцам нетрудно было найти свободную землю»,—пишет далее тот же корреспондент.—«В аренду на 99 лет можно было получить десятину за 3 р. 35 к.». Положение резко изменилось с появлением русских капиталистов. Действуя рука об руку с царскими консулами, они захватили в свои руки пустующие земли, и переселенцы обязаны были обращаться к их услугам, тем более, что и царские консулы ставили всякие формальные препятствия при заключении договоров с туземцами. «Отдельные малосостоятельные переселенцы не в силах пройти все трудности заключения договора. Если им не удалось поселиться на свободной земле, они в большинстве случаев селятся на землях, заарендованных русскими капиталистами, платя этим арендаторам половину урожая. В последнее

время эта форма заселения стала преобладающей: капиталист арендует землю и заселяет ее переселенцами-издольщиками» [1]).

Насаждение русских феодально-крепостнических порядков в Персии проводилось планомерно и в централизованном порядке из Петербурга. В январе 1914 г. состоялось специальное междуведомственное совещание в Петербурге, которое признало, что «захват больших земельных участков (до 15 000 десятин) лицами, не обладающими, повидимому, достаточными данными для осуществления крупных предприятий, представляется явлением безусловно нежелательным», так как, по мнению этого совещания, захваченная ими земля может легко ускользнуть из их рук в... руки иностранцев. Чтобы предотвратить такой нежелательный исход, было признано, как писал 14(1) февраля 1914 г. в инструктивном письме министр иностранных дел Сазонов тому же Коростовцу, что «наиболее желательным выходом из положения была бы скупка всех еще имеющихся в астрабадо-гюргенском районе свободных земель русской казной, а в случае невозможности этого нашим Учетно-ссудным банком Персии, с тем, чтобы заселение означенных земель могло быть произведено затем на рациональных началах, при содействии опытных чиновников Переселенческого управления, а необходимые оросительные работы — под наблюдением соответствующих органов Главного управления землеустройства и земледелия» [2]). Подчеркивая важное значение для русских экономических интересов «захвата», как выражается сам Сазонов, Астрабадской провинции, он говорит, что «в политическом отношении проникновение именно в этот район русского элемента может иметь для нас большое значение». О темпах и масштабах захватов русскими капиталистами земель в других провинциях Северной Персии дает представление телеграмма русского вице-консула в Урмии от 22(9) июля 1914 г. «Компания чисто русских людей приобретает 3 округа — Тергевер, Мергевер и Дешт — свыше 100 000 десятин от наследников Икбал-уль-Молька. Переговоры закончены на 147 000 томанов» [3]). Эта сделка округлила русские владения и отдала важный Урмийский район в руки России. Однако наиболее неприятным для английских империалистов было такое же безудержное и быстрое продвижение России по пути захвата Исфагани, лежавшей на границе нейтральной зоны, и насаждение русского земледелия в самой нейтральной зоне. В донесении первого секретаря миссии в Тегеране фон-Баха Коростовцу от 23(10) июля 1914 г. о результатах посещения Исфагани между прочим сказано: «До 1911 года политическое и экономическое влияние России в Исфагани было ничтожно». Положение круто изменилось после приезда в том же году в Исфагань фон-Кавера в качестве управляющего отделением Учетно-ссудного банка. Дело началось с того, что фон-Кавер сделался управляющим всех дел и обширных поместий в Исфаганском округе принца Зилль-эс-Солтане. «Для сельского населения, — эпически рассказывает фон-Бах, — тем самым возникли новые условия жизни... и много десятков тысяч сельчан находит под русским покровительством защиту от произвола бахтиар», т. е. племени, главари которого издавна находились в тесных отношениях с англичанами и являлись опорой их владычества в Персии. О размерах русского земельного управления в Исфагани Бах сообщает следующее: «Под управлением фон-Кавера находится более 80 больших деревень и более 120 000 душ населения, а под управлением русско-подданного Карабекова, арендатора имений принцессы Бану-Осма, — 12 деревень с 20 000 душ жителей, что в общем составляет около 150 000 душ» [4]). И это только в одном округе.

---

[1]) «Новое время», 13 февраля 1914 г., № 13623.

[2]) «Международные отношения в эпоху империализма», серия 3 я, т. I, № 255. В дальнейшем обозначаем «М. О.».

[3]) Там же, т. IV, № 340.

[4]) Там же, т. V, № 12.

Однако не это и не произвол русских властей вызывали недовольство и противодействие Англии. Англия не менее прочно внедрялась в Южную Персию и в нейтральную зону. И английские консулы, по признанию соперника Коростовца, самого английского посланника в Тегеране Тоунлея, «фактически управляют округами, порученными их наблюдению. Ни губернатор, ни представители казначейства, ни жандармы не могут ступить шага без одобрения наших консулов или предварительно не посоветовавшись с ними». Вопрос заключался в методах, применявшихся обоими империалистическими соперниками. Англичане не столько оспаривали произвол царских чиновников, сколько методы русского хозяйничанья, прекрасно понимая, что «методы» — являются неотъемлемой и основной частью всякой политики. Захватив разными путями громадные земельные богатства в свои руки, царское правительство сделалось фактическим хозяином Северной Персии и ее правительства, вечно нуждавшегося в деньгах, так как помимо таможенных доходов, которые уже находились в руках царизма, он наложил руку и на земельные доходы. Этим царизм поставил в полную зависимость от себя персидское правительство. Как это выглядело на практике, показывает один из многих красноречивых фактов. 28 июня 1914 г. Коростовец распорядился задержать 2 545 206 кранов таможенных поступлений персидской казны и распределил их по своему произволу: на содержание казачьей бригады, являвшейся орудием борьбы против Персии и ее правительства, — 1 922 694 крана, а остальную сумму на удовлетворение сомнительных претензий русских подданных к персидской казне [1]).

Система русского землевладения и институт «протеже» являлись настолько действительным средством поглощения Россией Персии, что это заставило английское правительство заявить официальный протест. В памятной записке от 19(6) июля 1914 г. говорится: «Система, в силу которой русские арендуют в нейтральной зоне небольшие части селений и вслед затем требуют, чтобы представители генерал-губернатора не входили в эти селения, потому что с ними связаны русские интересы, приняла широкие размеры и доводит фактически русское влияние до самой границы провинции Фарсистана» [2]). На простом человеческом языке это означало: ценность англо-русского соглашения 1907 г. теряет всякое для Англии значение, если Россия вопреки ему еще ближе придвигается к Индии, чем она находилась до 1907 г. Англо-русская проблема вновь вставала накануне войны во весь рост и требовала радикального разрешения, так как царская политика в Персии подтачивала те основы, на которых было построено англо-русское соглашение. Разрешение англо-русских противоречий в Персии в интересах русского империализма и за счет английского империализма предлагает незадачливый Коростовец во второй части своей записки. Однако раньше чем перейти к оценке этой части записки, важно проследить развитие англо-русских отношений в целом накануне войны. Только это нам поможет уяснить много вскользь затронутых в печатаемом документе важных вопросов.

Обострение англо-германских противоречий в начале нынешнего столетия, несчастный исход для царизма русско-японской войны и революция в России 1905 г., нашедшая глубокий отклик на Востоке, произвели важные изменения в мировой политике, что выразилось в англо-русском сближении. Не только Россия сделалась сговорчивее: обе державы сделались нужными друг другу в Европе и Азии для 1) сдерживания натиска Германии и Японии и 2) для подавления разбуженного русской революцией демократического движения в Азии. Эта властная необходимость расчистила дорогу для англо-русского сближения.

---

[1]) «М. О.», т. IV, №№ 182, 289, 291 и 303.
[2]) Там же. № 280.

Англо-русское сближение с момента его зарождения рассматривалось царизмом и Англией как орудие борьбы против Германии за раздел мира, а для царизма в первую очередь оно означало орудие борьбы за Константинополь. Интересен в этом отношении разговор Гартвига с английским послом Гардингом в Петербурге 25 сентября 1905 г. Указав на то, что у обоих правительств нет причин для конфликтов на Ближнем Востоке, Гартвиг выразил надежду, что «в грозящей на берегах Босфора схватке с Германией Росссии будет предоставлена полная свобода действий»[1]).

Потеряв надежду получить незамерзающий порт на Дальнем Востоке, царизм устремил свои вожделения на Константинополь и на Персидский залив. В процессе переговоров о русско-английском соглашении царский посол в Лондоне граф Бенкендорф заявил 26 января 1906 г. Спринг-Райсу, что в России были бы популярны соглашения с Англией о Дарданеллах и Босфоре и «о предоставлении России лелеемого ею коммерческого выхода в Персидский залив». Вопрос о проведении Трансперсидской дороги, который занимает центральное место в печатаемом документе, был поставлен уже в начале 1906 г. Это означало полный поворот в русской политике в Персии. Как известно, Россия тремя последовательными договорами с шахским правительством добилась фактического запрета постройки железных дорог в Персии и получила, как выражается один официальный документ, «монополию на бездорожье в Персии». Семь месяцев спустя после упомянутого разговора Эдуард Грей писал Никольсону, что он ничего не будет иметь против того, чтобы допустить русских к Персидскому заливу... «но устье залива оставить в наших руках» [2]). Достаточно посмотреть на географическую карту, чтобы убедиться в том, что такой «выход» России был не нужен; она добивалась порта в незамерзающем море, но вовсе не хотела оказаться в английской мышеловке. Зародыш русско-английских противоречий в Персии, достигших своего полного развития в 1914 г. и так красочно описанных Коростовцом, как видно из сопоставления стремлений России и Англии, уже пробивался наружу во время переговоров о сближении.

Таковы были исключающие друг друга основные принципы русского и великобританского империализмов; петербургское и лондонское правительства остались им верны вплоть до 1914 г.

Но если в данном вопросе были и остались неустранимые противоречия, то по другому кардинальнейшему вопросу оба партнера были полны единодушия. «Конкуренция капиталистических держав, желающих «урвать кус» и расширить свои владения и свои колонии, затем боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или «опекаемых» Европой народов, — вот два двигателя всей европейской политики»,—писал В. И. Ленин в октябре 1908 г. [3]). На этой-то основе и договорились Англия и Россия в 1907 г. Жертвами оказались в первую очередь Персия, Афганистан и Тибет. Все острие англо-русского соглашения было направлено, как указывал Ленин, «п р о т и в растущего демократизма в Азии». И действительно, еще до формального заключения англо-русского соглашения оба правительства работали рука об руку в подавлении персидской революции [4]). Это в полной мере подтверждает печатаемый документ.

Необходимость англо-русского соглашения вытекала также из уже заявленных притязаний Германии на учреждение «Восточного банка» в Персии. Германские притязания сделались тем более угрожающими, что, по утверждению царского министра финансов Коковцова, «Багдадская железная дорога несомненно поднимет цло-

---

[1]) British Documents on the Origins of the War 1898—1914, v. IV. The Anglo-Russian Rapprochement 1903–1907, No 192.
[2]) Там же, № 227.
[3]) Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XII, стр. 358.
[4]) British Documents, IV, No 256.

дородие прорезываемых ею областей Малой Азии и Месопотамии и этим путем создаст новую конкуренцию для русского хлебного экспорта»[1]).

Политический смысл англо-русского соглашения состоял: 1) в прекращении соперничества обеих держав в Азии и в объединении всех сил против Германии, 2) в подавлении революционного движения в Азии — и кроме того специально для Англии, 3) в обеспечении безопасности Индии и 4) в сохранении экономического и политического status quo в Персии.

Как показывает записка Коростовца, последние пункты давали больше всего поводов для недоразумений между Россией и Англией, которые концентрировались в Трансперсидской железной дороге.

Настойчивость царизма в вопросе о проведении Трансперсидской железной дороги имела за собой далеко идущие империалистические притязания, бывшие едва ли по плечу русскому империализму. Дорога должна была: 1) связать русскую железнодорожную сеть с Индией и дать более короткое, чем Багдадская магистраль, направление европейскому транзиту в Азию, все выгоды которого тогда достались бы русскому капитализму, и 2) дать России выход в Индийский океан. Но как раз в этих двух пунктах интересы России сталкивались с интересами английского империализма.

Трансперсидская дорога с выходом в Чахбар, как этого добивался царизм, опрокидывала сразу краеугольные принципы английского империализма, легшие в основу англо-русского соглашения. Она должна была нарушить равновесие сил, сделать уязвимой Индию со стороны России, дав последней выход в Индийский океан. Неудивительно, что выдвинутая Англией трасса Трансперсидской дороги с конечным пунктом в Бендер-Аббасе сделала для России все предприятие бесцельным: 1) путь удлинялся на много сот километров, становясь почти параллельным с Багдадской дорогой, и вдобавок проходил через пустынные незаселенные местности; 2) конечный пункт отдалялся от Индии на 600 с лишним километров и 3) будущий русский порт в Персидском заливе отрезался английским флотом от Индийского океана и попадал под полный контроль его пушек.

Не лучше обстояло и с «сохранением экономического и политического status quo» в Персии. Англичане равнодушно наблюдали все бесчинства русской военщины, консулов, казачьей бригады, оккупационных войск и пограничных комиссаров до тех пор, пока они не затрагивали экономических и торговых интересов английского империализма. Но когда интересы последнего были жестоко нарушены, то оказались налицо новые трения. В самом деле, в 1901—1902 гг. на долю России приходилось 38%, на долю Англии —41,7% всего персидского импорта. К 1906—1907 гг. — году заключения англо-русского соглашения — доля России поднялась до 51,3%, а доля Англии пала до 30,7%. Наконец, в 1912—1913 гг. на Россию приходится уже 55%, на Англию—всего 27% персидского импорта. Так же обстояло дело и с экспортом: на долю России падало 66,2%, а на долю Англии—всего 12,5%[2]). Status quo в Персии с 1907 г. был явно нарушен в пользу русского империализма. Развитие персидской торговли показывает, что речь шла не о шуточных делах. Персидский импорт в 1902—1903 гг. составлял 273 млн., а в 1913—1914 гг.—647 млн. кран. Соответствующий экспорт —189 и 456 млн. кран.

Расширение русской торговли в Персии за счет Англии происходило не только путем экономического соревнования. Оно находилось в полной связи с теми «методами» военно-феодального проникновения, какими пользовался царизм в Персии.

Дезорганизуя всю государственную, экономическую и общественную жизнь в Персии, поощряя разбойничьи шайки и разрушая финансы страны, царские агенты,

[1]) Заявление Коковцева на заседании Совета министров 1 февраля 1907 г.

[2]) Н. Н. Бобынин, Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. Тифлис 1923, стр. 234—237.

под предлогом «борьбы» с ними, препятствовали английской торговле, где только могли. Как констатирует английская памятная записка от 14(1) июля 1914 г., «10 000 тюков товара задержано на границе, каковая задержка в торговле способна вызвать банкротство купцов, ведущих торговлю с Манчестером» [1]). На просьбу о помощи русский консул в Кермашахе Долгополов дал замечательный ответ. Задержка товаров, доносит он Сазонову, произошла в интересах «защиты английской торговли, опасаясь ухудшить дело конкурирующих с нами манчестерцев. Жалобы их бессмысленны, ибо товар задержан в их же интересах, дабы не подвергнуться ограблению» [2]).

Упадок английской торговли при постоянном увеличении русской торговли в Персии обострял уже и так обостренные англо-русские отношения на почве персидских дел.

Вот в чем состояли главные причины англо-русских противоречий, а не в злой воле английских агентов, как это старается доказать в своей записке Коростовец. Интересно отметить, что и англичане подчас склонны были видеть в русских консулах злых гениев, портивших добрые отношения между обоими правительствами. И безусловно прав был Сазонов, когда писал 24(11) июня 1914 г. Бенкендорфу: «Если бы дело шло только о пресечении излишнего усердия некоторых наших консулов, то это было бы не очень трудно, но, к несчастью, имеется нечто большее, и этим большим, беспокоящим меня, является мое убеждение, сложившееся уже с некоторого времени, что англо-русское соперничество в Персии возобновляется» [3]).

Было бы однако ошибочным в результате изучения всех многообразных фактов англо-русских противоречий в Персии делать какие-либо заключения, как это пытались делать некоторые историки, не учитывая всего международного положения. Основными империалистическими противоречиями были и оставались в 1914 г. англо-германские. За ними следовали франко-германские и русско-германские противоречия. Англо-русские противоречия, несмотря на их остроту, оставались противоречиями между «друзьями», смягчение которых пока было возможно. Вовсе не случайно, что как раз в период персидских недоразумений между морскими штабами обеих стран были начаты переговоры о заключении военно-морской конвенции против Германии. Этого нельзя упускать из виду, в противном случае легко можно притти к неправильному выводу, что в 1914 г. англо-русские противоречия господствовали над всеми прочими, и оказаться перед неразрешимой задачей: почему не между Россией и Англией, а между Россией и Германией вспыхнула война, сделавшаяся сигналом к мировой войне?

Особый интерес представляет вторая часть записки, намечающая «основы будущей политики нашей в Персии», так как эти «основы» царское правительство сделало базой при последующих переговорах с Англией об изменении англо-русского соглашения.

Записка довольно пространно излагает эти «основы», и они не нуждаются в особых комментариях.

Центральное место плана урегулирования персидского вопроса, по Коростовцу, сводилось к следующему: «Сократив поводы к бесполезным трениям с персидским правительством в Тегеране и к вредному соперничеству с Великобританией, мы с большей легкостью могли бы сосредоточить наше внимание на естественных и более доступных центрах влияния в городах Азербайджана, Гиляна и Астрабадской провинции. С этой целью следовало бы усилить связь между этими областями и Россией, в частности с Тифлисом и Ташкентом, и установить непосредственную зависи-

[1]) «М. О.», т. IV, № 206.
[2]) Там же, № 292.
[3]) Там же, т. III, № 343.

мость северных провинций Персии от кавказского наместника и туркестанского генерал-губернатора».

Исключением Тегерана из русской сферы влияния царизм хотел сократить поводы для столкновений с персидским и английским правительством, но в виде компенсации за эту «уступку» намеревался потребовать согласия Англии на полную «бухаризацию» Северной Персии, т. е. низведения ее до уровня Бухары, с подчинением чиновникам кавказского наместника и туркестанского генерал-губернатора.

Вел. князь Николай Николаевич уже в 1915 г. добивался реализации плана Коростовца, требуя передачи ему как наместнику Кавказа ведения всех дел с персидским правительством и подчинения ему русского посланника в Тегеране, чему воспротивился Сазонов из боязни, что это обострит англо-русские отношения в разгар войны.

Записка оказала влияние на судьбу ее автора. Хотя его дипломатическая карьера была окончена, но его заслуги колонизатора были оценены. Он вскоре был назначен председателем правления Учетно-ссудного банка, на каковом посту ему предоставлялось еще более широкое поле деятельности по подготовке почвы для реализации «основ будущей политики нашей в Персии».

Только Октябрьская революция избавила Персию от неминуемо ждавшей ее печальной участи.

Ф. Н.

Петроград. 15 (28) мая 1915 г.

Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам[1]).

Предпринятая Россией совместно с Францией и Великобританией война требует полной солидарности и согласованности действий союзников. Всякое разногласие может пагубно отразиться на достижении преследуемой цели, а посему политика наша, естественно, направлена к устранению поводов к недоразумениям, где бы таковые ни возникли. Особенно важным представляется избежать разногласий по персидским делам, притом не только за период войны, но и на будущее время, когда будущая международная конъюнктура потребует, быть может, установления особенно близких искренних отношений между Россией и Великобританией. Ввиду сего персидским делам и изысканию способа к устранению недоразумений между нами и англичанами надлежит посвятить серьезное внимание.

Англо-русское соглашение 18(31) августа 1907 года, на котором зиждутся наши отношения с Англией по персидским делам, дало в области мировой политики блестящие результаты и превысило возлагавшиеся на него надежды. С общеполитической точки зрения, оно устранило традиционное между обеими сторонами недоверие и превратило прежнее соперничество в столь близкое взаимодействие, что Великобритания с самого начала войны стала в ряды наших союзников, чем с самого начала великой борьбы оказала на ход последней неоценимое для нас влияние.

К сожалению, англо-русское соглашение в области персидских дел не только не дало ожидаемых результатов, но, как мы увидим ниже, вызывает необходимость пересмотра. Задача последнего—устранить обнаружившиеся пробелы и упрочить англо-русские отношения в связи с соблюдением русских интересов в Северной Персии.

---

[1]) Архив внешней политики.

Соглашение 1907 года было для России, конечно, серьезным приобретением. Мы только что вышли ослабленными из японской войны и переживали еще последствия революционного движения; рука помощи, протянутая нам в это трудное время Великобританией, была для нас спасительной, и прекращение былого соревнования оказалось как нельзя более кстати.

Отдавая дань соглашению 1907 года с точки зрения нашего тогдашнего затруднительного положения, справедливость требует взглянуть правде в глаза и признать, что Англия недаром протянула нам руку. Соглашение это гарантировало Англию от активной политики с нашей стороны относительно областей, сопредельных с ее индийскими владениями, и рассеяло страх перед возможностью русского наступления на Индию путем постепенного поглощения промежуточных стран. Вместе с тем оно явилось важным фактором создания благоприятного отношения к Великобритании ее мусульманских подданных, увидевших в этом акте заступничество англичан за целость государств, коим якобы угрожала Россия.

Недоверие англичан к России в Персии и влияние индийского правительства.

Несмотря на многочисленные доказательства миролюбия России и отсутствие у нее агрессивных замыслов, английское общественное мнение до последнего времени не могло освободиться от призрака нашего нашествия на Индию и продолжало проявлять прежнее традиционное недоверие к нашей политике в Персии. Когда года четыре тому назад был поднят вопрос о Трансперсидской железной дороге, то опасения за Индию довольно ясно проглядывали при происходивших по этому поводу переговорах, а в палате общин проект этот, как известно, встретил сильный отпор всех авторитетов по Индии и отрицательное отношение со стороны английского общественного мнения. Сэр В. Тоунлей [1]) в разговоре со мной высказывался за возможность постройки в Персии лишь меридиальных железных дорог, для русских интересов безусловно вредных, а к вопросу о Трансперсидской железной дороге отнесся с нескрываемой иронией. Таким образом вопрос об Индии продолжал омрачать наши отношения с Великобританией в Персии. Англичанам приходилось внимательно прислушиваться к голосу индийского правительства и мусульманского населения Индии, а у себя дома к голосу комитета по персидским делам. Последний влиял на печать, на общественное мнение и на парламент. Поэтому, естественным образом, с ним считался и лондонский кабинет. Отношение же к нам комитета по персидским делам хорошо известно.

Стремление Англии к господству на Юге Персии, прикрываемое заботой о поддержании ее независимости.

Внимание, уделяемое в Англии и Индии персидским делам, заставило великобританское правительство заботиться о поддержании Персии как независимого государства, коему якобы угрожает Россия. Следует однако заметить, что независимость Персии поддерживалась ан-

1) Великобританский посланник в Тегеране.

гличанами лишь внешним образом, в действительности же они вели политику, направленную к подчинению этой страны. Весьма характерным в этом отношении является признание, сделанное сэром В. Тоунлеем нашему поверенному в делах колл. сов. Саблину, приведенное последним в депеше от 30 сентября 1913 года за № 57. По мнению английского посланника, наиболее благоприятным для Англии исходом было бы положение, при котором каждому «каджару»[1]) можно было бы придать по Коксу. Саблин поясняет, что Кокс — английский резидент в Персидском заливе, весьма энергичный и самостоятельный агент. Имя его сделалось нарицательным, и за последнее время в английских дипломатических сферах, причастных к персидским делам, «коксами» называют агентов правительства Индии, занимающих места великобританских консулов на Юге Персии и в Хоросане, обыкновенно весьма агрессивных в своей политике и не всегда сообразующихся с указаниями лондонского кабинета.

Действительно, между взглядами Лондона и Бомбея и теперь не всегда наблюдается согласованность. Насколько я мог заметить, индийское правительство стремится сделаться хозяином на Юге Персии и предоставить России свободу действий на Севере, мало считаясь с мнением Тегерана. Это стремление находит противовес в Лондоне, где отстаивают принципы англо-русского соглашения, наблюдая лишь за тем, чтобы русское влияние не получало особенного преобладания. Хотя английскому представителю в Персии приходится сообразовываться с обоими течениями, но перевес получают обыкновенно директивы, даваемые Лондоном. Неудивительно, что при таких условиях английская политика в Персии подвергалась колебаниям, в зависимости от преобладания тех или иных взглядов, и что колебания эти отражались на англо-русской гармонии, которая зачастую была лишь кажущейся. Гармония эта нарушалась также благодаря разнице между пониманием соглашения в Лондоне и применением его английской миссией и второстепенными агентами в Персии, которые под видом мнимого равноправия и согласованности действий проводили свои, английские, интересы в ущерб нашим. Если же, несмотря на такое подчинение англичанам, у нас все же возникали с ними недоразумения на почве персидских дел, то таковые до последнего времени не только не находили себе категорического выражения, но подчас и замалчивались.

Нужно также иметь в виду, что антирусская тактика английских представителей в Тегеране находила поддержку в предубеждении персов против России. Последнее основывается на инстинктивном опасении перед завоевательными замыслами России. Персы почти все считают, что им от Англии, в сущности, ничто не угрожает кроме экономического влияния на Юге, которое зато окупается ее противодействием замыслам России. Главным недругом являемся мы, по мнению персов, по крайней мере так называемых демократов,— приходится лишь сожалеть, что Англия поставлена в необходимость дружить с Россией, противником самостоятельности Персии. Это ставит англичан в привилегированное положение, облегчает их роль менторов и руководителей Персии, но неизбежно отражается на искренности взаимодействия с нами. И действительно, искреннего взаимодействия, несмотря на соглашение 1907 года, не установилось. Беглый обзор происшедших с того

[1]) Каджар—представитель династии Каджаров, правившей в Персии с 1794 по 1925 г.

времени событий показывает, насколько нам пришлось итти наперекор своим взглядам, а подчас и интересам, ради соблюдения взаимодействия по персидским делам.

Революция в Персии и неприязнь Англии к Мохаммед-Али шаху.

Подписание англо-русского соглашения произошло в разгар персидской революции, и первым испытанием этого соглашения явилось установление совместных с Англией руководящих принципов по отношению к персидской неурядице. Безразлично отнестись к смуте было невозможно, ввиду того, что от нее страдали многочисленные интересы России и Великобритании, но в то время как интересы эти для отдаленной Англии и даже Индии представлялись незначительными, нам, ввиду нашего непосредственного соседства и гораздо более крупных интересов, следовало бы осмотрительнее отнестись к персидской анархии. Д. т. с. Зиновьев говорит по этому поводу на странице 51 своей книги [1]): «Что же касается восстановления порядка в Персии, то простейший и даже единственный благонадежный путь к достижению этой цели заключался в поддержании авторитета шаха и в предоставлении ему средств».

Конечно, лишь будущее Персии даст правильную оценку взглядам Мохаммед-Али шаха, который считал, что Персия погибнет, если под видом конституционного режима дать волю ее анархическим задаткам. Будущее покажет, правильно ли мнение д. т. с. Зиновьева, высказанное им по поводу политики Англии, которой последовали и мы ради поддержания солидарности.

«Возникшая в Персии революция показалась английскому правительству удобным моментом для осуществления его политической программы. Не считая возможным примириться с руссофильскими убеждениями Мохаммед-Али шаха, оно поставило своей задачей дать событиям неблагоприятный для него оборот и в этих видах предложило России воздержаться от вмешательства во внутренние дела Персии, каковое обстоятельство должно было послужить поощрением революционному движению».

Здесь не место припоминать отдельные фазисы персидской смуты. Известно, что мы усвоили себе английскую программу невмешательства в происходившую втечении последующих годов внутреннюю борьбу, причем наш нейтралитет получил в глазах революционеров значение попустительства во вред шаху, которого мы, действительно, предоставили собственной участи. Следует однако заметить, что в памятной записке, переданной 3 января 1909 года великобританскому послу А. П. Извольским, последним высказывалось мнение, что «если желательно добиться умиротворения Персии и установления в этой стране прочного порядка, необходимо не только введение разумной формы представительного правления, но одновременно и помощь шахскому правительству в проведении насущно нужных реформ», с каковой целью А. П. Извольским предлагалось предоставить шаху аванс при условии принятия им англо-русской программы (Оранжевая книга,

[1]) «Россия, Англия и Персия». (Примечание в подлиннике.)

выпуск 2, стр. 54—59.—Синяя книга по персидским делам, № 2, стр. 36—41 и 43—44).

В ответной памятной записке кабинета от 21 января 1909 г. английское правительство ответило отказом, говоря, что оно «склонно думать, что для Великобритании и России было бы лучше всего оставаться совершенно в стороне от внутренних дел Персии и предоставить существующему хаосу продолжаться, пока наиболее сильный элемент в стране не возьмет верх. Тем временем британское правительство готово подвергнуться опасности, которая могла бы при этом угрожать британским коммерческим интересам». В результате был выработан совместный образ действий в соответствии с английскими взглядами (Памятная записка А. П. Извольского от 26 марта 1909 года. Ор. кн. 2, стр. 72—75, 115—117).

Невмешательство Англии в персидские дела могло подчас превращаться в энергичные меры, как только затрагивались непосредственно английские интересы. Всем памятны тавризские события 1911—1912 гг., когда пришлось послать в Тавриз наш отряд, на что так сильно реагировали не только английское общественное мнение и парламент, но и лондонский кабинет. Любопытно поэтому отметить, что, когда в апреле 1909 года принц Эйн-эд-Доуле осаждал Саттар-хана в Тавризе и английским интересам могла угрожать опасность, великобританский представитель в Тегеране настаивал перед нашим поверенным в делах на немедленном вызове русских войск из Тифлиса (Ор. кн. 2, стр. 173—174).

Последующая политика лондонского кабинета показывает, что им мало принимались в расчет наши интересы, вследствие чего нам в большинстве случаев приходилось на них не настаивать. В виде примера можно упомянуть о настояниях Англии в 1909 году по поводу уменьшения нашего казвинского отряда (Ор. кн. 3, стр. 182—192), о том, что в вопросе о создании в Персии военной силы для поддержания порядка Англия высказывалась за привлечение иностранных инструкторов, в то время как А. П. Извольский в телеграмме на имя д. с. с. Поклевского-Козелл от 31 декабря 1909 года выражает мнение, что «лучшим выходом было бы немедленное усиление единственной правильно организованной воинской части в Персии, а именно шахской казачьей бригады» (Ор. кн. 3, стр. 315—316). Далее, в 1910 году, по вопросу об авансе персидскому правительству, А. П. Извольский желал в наших интересах связать выдачу такового с крупным займом, в то время предполагавшимся; лондонский же кабинет настоял на выдаче одного лишь аванса, чем лишил нас возможности добиться от персов компенсаций за заем (Ор. кн. 4, стр. 6, 10, 30, 50, 94, 134). Затем, в том же году, когда персидское правительство сделало распоряжение о беспошлинном ввозе серебра, поставляемого английским банком, распоряжение это было опротестовано д. с. с. Поклевским-Козелл, так как беспошлинный пропуск серебра уменьшал доход северных таможен на весьма крупную сумму (Ор. кн. 4, стр. 202—209). Когда в июле 1910 года на южных дорогах Персии возникли беспорядки и англичане решили прибегнуть к сформированию особой военной силы в Бушире, Бендер-Аббасе, Кермане и Исфагани, нашему правительству пришлось напомнить лондонскому кабинету, что Исфагань находится в нашей сфере (Ор. кн. 5, стр. 42, 47 и послед.). При возникновении вопроса о займе персидского правительства либо у англо-персидской

нефтяной компании, либо у Зелигмана[1]), при непосредственном участии в этой сделке английского правительства, лондонскому кабинету с трудом удалось дать нам возможность предварительно добиться от Персии унификации наших долгов (Ор. кн. 5, стр. 62, 63, 80, 99, 118, 124, 168, 174, 177, 185). Возобновление в 1911 г. персидским правительством контракта о поставке серебра английским банком явилось новым подтверждением неприязненного отношения последнего.

Случаи поддержки Англией нашей политики.

Наряду с фактами, указывающими на разномыслие между нами и англичанами по персидским делам, можно отметить вопросы, по которым Англия сочла уместным согласовать свои действия с нашими взглядами. В этом отношении заслуживает внимания инцидент великобританского военного агента майора Стокса. Последний был приглашен в 1911 г. главным казначеем американцем Морганом-Шустером в качестве руководителя жандармерии, которую Шустер намеревался создать для содействия казначейству. Поступление Стокса на службу персидского правительства должно было распространить его деятельность на нашу сферу влияния, что противоречило соглашению 1907 года. Поэтому наше правительство воспротивилось означенному предположению и выразило надежду, что лондонский кабинет со своей стороны окажет давление на Стокса в смысле непринятия им предложения Шустера.

Лондонский кабинет пытался отговариваться тем, что Стокс, подавший в отставку, свободен заключить любой контракт. Временно управляющий министерством иностранных дел д. с. с. Нератов в телеграмме на имя нашего посла в Лондоне от 20 августа 1911 года высказался в том смысле, что «допущение Стокса поколебало бы веру в незыблемость англо-русского соглашения не только в России и Персии, но и во всем мире, и это могло бы иметь весьма нежелательные последствия». Д. с. с. Нератов прибавлял, что «если бы тем не менее поступление Стокса состоялось, то я, ввиду серьезности вопроса, должен был бы, предварительно какого-либо решения, представить дело на рассмотрение Совета министров». Как известно, лондонский кабинет принял во внимание наше настояние, и шахскому правительству было предложено заменить Стокса офицером второстепенной державы (Ор. кн. 7, стр, 4, 23, 25, 40, 75, 87, 96—100 и след.).

Реальную поддержку лондонский кабинет оказал нам в вопросе об увольнении Моргана-Шустера, когда, по поводу инцидента с имениями принца Шоа-ус-Салтане, подтвердилось мнение о нем, высказанное д. с. с. Нератовым в телеграмме на имя д. с. с. Поклевского от 31 августа 1911 года, что «Шустер, очевидно, намерен сосредоточить в своих руках финансы, наиболее крупную, организованную на военный лад силу и, следовательно, решающий перевес во всех внутренних делах. В сущности, это — диктатура, и санкционировать это положение мы никогда не согласимся». Поддержка Англии и в этом вопросе не явилась без настояний с нашей стороны. Как следует из телеграммы д. с. с. Нератова на имя нашего посла в Лондоне от 5 ноября того же года, сэр Э. Грей поручил сэру Д. Бьюкенену «сказать председателю Совета министров, что он чрезвычайно дорожит сохранением наших

1) Английский банкирский дом братьев Зелигман (в Лондоне).

добрых отношений и что за все время трений на почве персидских дел он напрягал все усилия, чтобы поддерживать нашу точку зрения не только в Персии, но и у себя дома». Отметив, что нет ни одного мирового вопроса, в котором Россия и Англия не шли бы рука об руку, г. Грей сказал, что «ему было бы особенно обидно, если бы из-за персидского вопроса между обеими державами возникли недоразумения. Чуткость английского общественного мнения к этому последнему вопросу чрезвычайно велика, и английское правительство не может не считаться с этим». Д. с. с. Нератов в своем ответе «счел долгом отметить в самых дружественных выражениях, что мы продолжаем особенно ценить наши отношения с Англией, что подтвердил и председатель Совета министров. Вопрос о возможных мерах к получению удовлетворения подвергался с нашей стороны тщательному обсуждению, после чего войскам отдано было приказание двинуться на Казвин. Мы сожалеем, что наше решение может встретить несочувствие в английском общественном мнении, но думаем, что при подобных же обстоятельствах последнее не осудило бы свое правительство за аналогичные меры. Наше же общественное мнение уже давно высказывает удивление долготерпению русского правительства и требует от нас энергичных действий». В результате, как отмечалось, английское правительство в вопросе об удалении Шустера сочло предпочтительным оказать нам свою неоценимую поддержку (Ор. кн. 7, стр. 203, 208, 240, 270 и след.).

Не останавливаясь на других несогласиях, обозначавшихся между нами и англичанами, можно отметить противодействие, оказанное нам весной и летом 1913 года великобританской миссией, не желавшей, чтобы мы при помощи казачьей бригады взяли в свои руки захват принца Салар-эд-Доуле. Английской миссии хотелось, чтобы решающую роль сыграло независимо от нас персидское правительство с помощью жандармерии, руководимой шведскими офицерами, дабы участь мятежного принца решилась при непосредственном воздействии англичан (депеша поверенного в делах колл. сов. Саблина от 7 ноября 1913 г. № 64). По этому поводу наглядно обрисовалось мало дружественное отношение сэра В. Тоунлея к казачьей бригаде, коей он постоянно пытался противопоставить жандармерию, руководимую шведскими инструкторами. На образование последней нам пришлось согласиться еще в 1911 году в связи с инцидентом Стокса, так как мы считали приглашение инструкторов второстепенной державы наименее невыгодным для нас выходом из затруднения.

Деятельность англичан на Юге и их отрицательное отношение к нашим действиям на Севере.

В донесениях колл. сов. Саблина за 1913 год дана характеристика взглядов сэра В. Тоунлея на положение и затронуты те причины, кои привели в истекшем году к разногласиям между двумя миссиями. Весьма характерным является разговор нашего поверенного в делах с великобританским посланником, упомянутый в депеше от 30 сентября 1913 года, за № 57. Говоря об английских резидентах в Ширазе и Бушире, Тоунлей между прочим заметил, что они «фактически управляют округами, порученными их наблюдению. Ни губернатор, ни представители казначейства, ни жандармы не могут ступить шага без одобрения наших консулов или предварительно не посоветовавшись с

ними». Когда вслед за сим Тоунлей указал Саблину на вмешательство русских консулов на Севере, наш поверенный в делах заметил, что «наши консулы, если им и приходится иногда в интересах столь же самой Персии, сколь и своего отечества, вмешиваться во внутренние дела провинций, порученных их наблюдению, то это их вмешательство происходит в отмежеванной нам соглашением 1907 года сфере влияния, тогда как Шираз и Бушир лежат в так называемой нейтральной зоне». Далее, Тоунлей по вопросу о нашей политике в Азербайджане высказал Саблину следующее: «Азербайджан чрезвычайно руссифицируется, в то время как добрая половина его территории переходит, в виде ли собственности или долгосрочной аренды, в русские руки, поэтому остается лишь послать чиновника кавказского наместничества, и дело сделано». На замечание нашего поверенного в делах, что, насколько ему известно, это не входит в планы русского правительства, Тоунлей ответил, что «бывают случаи, когда действительность опережает самые лучшие намерения».

В своих донесениях колл. сов. Саблин отметил недружелюбие английской миссии и в делах финансовых, имеющих чрезвычайно важное значение в Персии ввиду хронического безденежья шахской казны и зависимости ее от двух банков. Здесь заслуживает внимания вопрос о предоставлении нашему банку наравне с Шахиншахским права на поставку серебра. Монополизировав это право без каких-либо законных оснований, Шахиншахский банк уклонялся от всяких попыток компромисса, опираясь на негласную поддержку английской миссии, действовавшей солидарно с персами. Наше финансовое ведомство в переговорах, возникших по сему поводу, настаивало на участии в деле, выражая надежду, что великобританское правительство отступит от занятой позиции. Все эти попытки однако не привели ни к чему. Для выяснения дальнейшей нашей программы по финансовым вопросам было собрано под председательством графа Коковцова междуведомственное совещание, которое на заседании 2 декабря 1913 года приняло «к сведению заявление министра иностранных дел, что устранение встреченных банком затруднений будет рекомендовано особливому вниманию и неустанным заботам вновь назначенного в Персию посланника, для которого это дело и явится первой задачей предстоящей его деятельности».

К вопросу о положении нашего банка в связи с общими соображениями о персидских финансах я вернусь несколько ниже.

Отсутствие равноправия.

Таково было отношение к русским начинаниям со стороны английской миссии к концу пребывания в Тегеране колл. сов. Саблина. Приведенные примеры, начиная с подписания соглашения 1907 года, подтверждают высказанное мнение о фиктивности англо-русского равноправия. Беглый обзор наших взаимных отношений за истекший год послужит наглядным показателем, до какой степени взаимодействие, на которое мы имели бы право рассчитывать, вылилось со стороны английской миссии в противодействие, не прекратившееся даже после возникновения войны, невзирая на общность наших интересов по таким, например, вопросам, как оборона Азербайджана против турок и сформирование дружественного нам кабинета.

Исфаган.

Несмотря на то, что Исфаган входит в нашу сферу, англичане не могут помириться с этим фактом и всячески стараются препятствовать утверждению там нашего влияния. Английское противодействие особенно усилилось после заключения нашим банком с семьей Зилли-Солтане сделки о передаче управления его имениями русско-подданному фон-Каверу. Тоунлей не мог простить нам этой сделки, считая ее почему-то враждебным и вероломным актом. В беседах со мной он неоднократно говорил, что хотя Исфаган входит в нашу сферу, но английские интересы там столь значительны, что соперничество и соревнование с Россией неизбежны, и что в предупреждение недоразумений необходимо выработать какой-нибудь приемлемый для обеих сторон modus vivendi. Поэтому, когда после минувшего года мной сделана была, в весьма впрочем осторожной форме, попытка касательно получения концессии на устройство оросительной системы в исфаганском округе посредством соединения вод Каруна и Зейендеруда, эти переговоры встретили противодействие английской миссии (депеши от 1 мая и 10 июня 1914 г. №№ 28 и 43). Несмотря на обещание держать себя нейтрально, Тоунлей, насколько мне известно, стал убеждать персов не входить с нами в соглашение, предупреждая, что таковое будет сочтено недружелюбным по отношению к Англии актом. В частной беседе он дал мне понять, что наше выступление будет истолковано в Лондоне стремлением еще более усилить русское влияние в ущерб английскому. Вопрос этот так и остался неразрешенным, несмотря на наше согласие привлечь к участию в предприятии английских капиталистов и инженеров, лишь бы избежать по этому поводу недоразумений.

Взимание малиата[1]).

Самое резкое противодействие нашим мероприятиям в Северной Персии мы встретили со стороны английской миссии в вопросе о малиате, на котором я остановлюсь несколько подробнее. Вышеупомянутое междуведомственное совещание, как известно, признало необходимым урегулировать наши финансовые отношения с Персией, в частности по залоговым обязательствам персов к нашему банку, по вопросу о поставке серебра и о согласии главного казначейства на внесение в учреждения нашего банка малиата и других сборов Северной Персии. К сожалению, попытки войти в соглашение с главным казначейством для урегулирования этих вопросов не дали положительных результатов. Связанный материальными интересами с Шахиншахским банком, г. Морнар[2]) отвечал уклончиво на все мои предложения, ссылаясь на отсутствие полномочий и несочувствие персидского правительства. Дабы побудить главного казначея к большей сговорчивости, миссия в марте 1914 года предложила нашим консулам в русской сфере приступить самим к взиманию малиата с русско-подданных и протеже и вносить его в отделения нашего банка для перевода в Тегеран и передачи персидскому казначейству. Эта мера была, впрочем, принята на основании просьбы самого Морнара об изыскании способа привлечения к платежу малиата русских подданных и главным образом протеже, то

1) Малиат — сельско-хозяйственный налог.
2) Морнар (бельгиец) — главный казначей Персии.

есть наиболее состоятельных персов, искавших русского покровительства часто ради уклонения от уплаты налогов. Исполнением его просьбы, но в таком виде, который дал бы ему почувствовать неудобство занятой им враждебной нам позиции, имелось в виду побудить его пойти с нами на компромисс.

Эта побудительная мера вызвала письменный протест персидского правительства, истолковавшего поручение, данное консулам, как акт политического характера, наносящий удар деятельности казначейства и нарушающий суверенные права Персии, а потому и соглашение 1907 года. Вопрос этот в крайне тенденциозном и неблагоприятном нам освещении тегеранского корреспондента газеты «Таймс» г. Келшеля (племянник английской посланницы, получавший свои указания непосредственно от нее) проник в английскую печать и послужил даже предметом запроса в палате общин. В Тегеране сбор налогов на Севере дал повод к довольно сильной агитации враждебных нам персидских элементов, в коей приняли деятельное участие кроме главного казначея и бельгийского посланника, естественно стремившихся отстоять права бельгийской финансовой администрации, также наши политические противники, среди коих оказалась и великобританская миссия (депеши от 28 мая, 5 июня, 12 июня и 2 сентября 1914 года №№ 33, 37, 39, 58).

Наши пререкания с персами и английской миссией из-за Шоджа-эд-Доуле.

Наряду с вопросом о малиате втечении нескольких месяцев обсуждался вопрос о тавризском генерал-губернаторе Шоджа-эд-Доуле, вызвавший резкие пререкания с персами и щекотливые объяснения с английским посланником. Здесь не место говорить о заслугах названного персидского администратора и причинах, побуждавших нас, главным образом кавказские власти, удерживать его в Тавризе. Замечу лишь, что отстаивание Шоджи перед шахским правительством представлялось задачей нелегкой ввиду сильной оппозиции против него персов, точку зрения коих поддерживал сэр В. Тоунлей. Шоджа обвинялся не столько в противодействии конституционному режиму и центральному правительству, сколько в тесных сношениях с нашим генеральным консульством и в потворстве русским. Деятельность Шоджи, не всегда тактичная и осторожная, ставилась в связь со сменой некоторых провинциальных администраторов, якобы неугодных России, в присылке в Тавриз русских почтовых чиновников, в организации городского самоуправления и полиции под нашим руководством и в других нарушениях верховных прав Персии. При этом великобританская миссия не только ничего не делала в смысле более правильного освещения фактов, но, как мне передавали, старалась обострить положение, рисуя нашу деятельность, как мирный захват Азербайджана и руссификацию этой провинции.

Русское землевладение и отношение к вопросу великобританской миссии.

По вопросу о русском землевладении в Персии великобританский посланник постоянно упрекал нас за произвольное толкование статьи 5-й Туркманчайского договора в смысле права русско-подданных вла-

деть и арендовать земли и недвижимости в Персии, а также за предупреждение шахского правительства, что мы считаем все такие земли находящимися в законном владении русско-подданных. По мнению представителей Великобритании, такое толкование договора незаконно, ибо, прежде всего, противоречит общепринятому и нами же признанному смыслу этого акта. В доказательство того, что мы сами до последнего времени не признавали за русскими права земельной собственности в Персии, Тоунлей сослался на моего предместника д. с. с. Поклевского-Козелл, заявлявшего, что наше правительство намерено поднять вопрос об изменении Туркманчайского договора и признании за нами этого права в связи с выдачей Персии денежного аванса. Наконец, наше толкование договора, по мнению Тоунлея, грозит экономическим поглощением Россией многих земель на Севере и может дать ей господствующее положение в этой части Персии, нарушая таким образом англо-русское равновесие и ставя русских в привилегированное положение сравнительно с англичанами, так как последние земельной собственности в Персии не приобретают. Англичане, действительно, не считали нужным, по чисто практическим соображениям, обзаводиться в Персии частной земельной собственностью. Однако, как дальше будет указано, подобная политика нисколько не являлась следствием уважения договоров или заботливости о взглядах персов, ибо в июне 1914 года великобританское правительство, приобрев концессию Дарси, сделалось полным распорядителем южной и отчасти нейтральной частей Персии (депеши от 5 и 19 июня 1914 года, №№ 37 и 40).

Персидский меморандум (июнь 1914 года).

Таким образом великобританская миссия почти всегда шла нам наперекор в наших делах и, становясь на персидскую точку зрения, оказывала нежелательное влияние на шахское правительство, и без того несговорчивое. Поэтому нам пришлось снова считаться с неудовольствием англичан, когда персидское правительство надоумилось, якобы ввиду приближения коронации молодого шаха, выступить с обличительным представлением в виде памятной записки, переданной мне в июне месяце и мотивированной желанием устранить к началу царствования шаха существующие между нами и персами затруднения. В записке этой перечислялись главные пункты, по которым, как сказано выше, персидское правительство нашло поддержку в лице английского представителя, а именно: взимание малиата, якобы внесшее расстройство в финансы страны, русское землевладение, являющееся незаконным и потому подлежащее отмене, смещение Шоджа-эд-Доуле и посылка в Тавриз велиагда, эвакуация русскими войсками Северной Персии, прекращение с нашей стороны противодействия повсеместному введению жандармерии. Копия записки была представлена английскому посланнику с просьбой оказать содействие к побуждению России принять персидские дезидерата.

Еще за несколько дней до вручения этой записки Тоунлей говорил, что лондонский кабинет присоединяется к протестам персов, и, в свою очередь, выступил с самостоятельным представлением против нашей деятельности в Азербайджане. В подтверждение своих слов Тоунлей доверительно сообщил мне содержание разговора, происходившего в начале июня между начальником средневосточного отдела великобри-

танского министерства иностранных дел г. Кроу и нашим поверенным в делах в Лондоне г. фон-Эттером. Г. Кроу, между прочим, указывал, что «Азербайджан является ныне русской провинцией, управляемой русскими властями, и генерал-губернатор, отказывающийся признать авторитет персидского правительства по каким-либо делам, поступает таким образом с полного одобрения русских властей». Далее г. Кроу утверждал, что налоги взимаются русскими консулами и вносятся в наш банк, причем нами никогда не представляется никакого отчета. (Это утверждение было ложное: налоги, действительно, нами взимались, но не со всех персов, а лишь с русско-подданных, и не удерживались нами, а передавались персидскому правительству.) Далее г. Кроу указывал, что разными приемами целые селения переходят в руки русских переселенцев, что казачья бригада является русской силой, так как она признает лишь свое подчинение русскому военному ведомству, наш же банк своей деятельностью стремится «подкупить тех, которые еще остались верными своему правительству». Г. Кроу привлек внимание нашего поверенного в делах на то, что политика России клонится к упразднению суверенитета Персии, каковой гарантирован Англией. Поэтому положение дел в Персии представляется весьма серьезным и должно рассматриваться с точки зрения англо-русских отношений вообще, к поддержанию коих стремится лондонский кабинет.

Тоунлей сообщил мне также текст доверительного письма сэра Э. Грея к сэру Д. Бьюкенену от 10 июля, с приложенным к нему меморандумом, переданным нашему послу в Лондоне. Эти документы детально анализировали нашу политику в Персии и повторяли в общем доводы, высказанные г. Кроу в доказательство нарушения нами суверенных прав Персии и англо-русского соглашения и оттеняли желательность, чтобы политика России в Персии считалась прежде всего с общими англо-русскими отношениями и с положением в Европе.

Когда был получен ответ императорского правительства на персидскую записку, Тоунлей хотя и согласился с основательностью некоторых наших возражений, но повторил, что обязан в силу полученных инструкций предостеречь нас против действий, идущих вразрез с соглашением и нарушающих персидский суверенитет. Выражая надежду, что нам удастся договориться с персидским правительством на приемлемых для обеих сторон основаниях, он предложил свое содействие к изысканию компромисса (донесения за №№ 40 и 41).

По странному совпадению, как раз в то время, когда англичане в лице миссии осуждали нас за нашу политику в русской сфере, сами они сочли своевременным нарушить персидский суверенитет довольно серьезным образом. Великобританское правительство взяло в свои руки концессию англо-персидской нефтяной компании, полученную в 1901 году английским предпринимателем Дарси, и с этой целью в июне 1914 года внесло в палату общин предложение, вотированное последней, о приобретении за 20 000 000 рублей акций этой компании, дабы сделаться распорядителем всего дела в интересах британского адмиралтейства. Концессия Дарси хотя была до тех пор использована на юге и на западе Персии, однако распространялась и на нейтральную зону и отчасти на нашу сферу. Изыскания велись на всей площади концессии, и месторождения нефти были открыты главным образом

в нейтральной зоне у Шираза, Ахваза, Мохаммеры, Шустера, а также у Касри-Ширина и у Керманшаха. Хотя концессия Дарси была заключена до англо-русского соглашения, по коему все концессии сохраняют свою силу, но все же поглощение ее великобританским правительством нельзя признать действием безразличным, что, впрочем, было отмечено русским общественным мнением и печатью. Тоунлей, при всем желании умалить значение этой сделки, выразил некоторое смущение, главным образом по поводу дружного выступления нашей печати, сознавшись, что столь энергичная критика английской политики с нашей стороны является для него совершенной неожиданностью. (депеша от 21 июля, № 41).

Первый кабинет Мустоуфи-уль-Мемалика.

Вслед за коронованием шаха, в июле 1914 года, произошла смена кабинета при сравнительном безучастии с нашей стороны, так как кабинет этот был рекомендован шаху регентом Наср-уль-Мульком перед отъездом его из Персии. Проводя кандидатуру Мустоуфи-уль-Мемалика и его сотрудников, хорошо известных по своим демократическим и антирусским тенденциям, Наср-уль-Мульк, повидимому, мало сообразовался со взглядами императорского правительства, а, может быть, даже хотел создать нам затруднения. Впрочем, возможно, что главной заботой бывшего регента было недопущение к власти своего давнего врага и политического соперника Саад-эд-Доуле. Насколько мне известно, английская миссия содействовала выбору этого кабинета, хотя я счел долгом предупредить сэра В. Тоунлея, что намеченные лица не пользуются нашим доверием и что это исключает мысль о нормальных сношениях и производительной работе. Я даже предложил моему коллеге прямо обратиться к шаху и, объяснив положение дел, представить совместный проект реформ и посоветовать призвать к власти людей более деловых и пользующихся доверием обеих миссий. Тоунлей отнесся к моему предложению несочувственно, объявив, что наше выступление будет иметь демонстративный характер и произведет неблагоприятное впечатление, ибо будет истолковано как желание вмешаться во внутренние дела и навязать нашу опеку. По поводу нашего отрицательного отношения к Мустоуфи-уль-Мемалику Тоунлей заметил, что в Персии все министры одинаково руководствуются корыстными побуждениями и личными расчетами. Лица, против коих мы восстаем, Мустоуфи-уль-Мемалик и Ала-ус-Солтане,—единственные сановники, пользующиеся незапятнанной репутацией, и он, Тоунлей, не понимает, почему мы против них. Из дальнейшего выяснилось отрицательное отношение английского посланника ко всем нашим кандидатам — Саад-эд-Доуле, Сепехдару и Восуг-эд-Доуле, совершенно якобы неподходящим, ввиду их руссофильства и непопулярности. Не могу при этом не вспомнить сделанного мне английским товарищем признания по поводу моего сетования об отсутствии дружественной поддержки со стороны английской миссии. Тоунлей сознался, что после передачи управления землями Зилли-Солтане фон-Каверу, вызвавшей раздражение в Лондоне, им получено было предписание действовать более решительно в Исфагани и в нейтральной зоне.

Образ действия великобританской миссии после начала войны.

Когда началась европейская война, казалось, что союзнические действия с англичанами должны были отразиться и на отношении великобританской миссии к вопросам, связанным с общей политикой держав, в данном случае к вопросу о нейтралитете Персии. Сначала Тоунлей проявлял как будто бы склонность действовать солидарно с нами и отказаться от прежней системы возбуждения персов, однако это взаимодействие продолжалось недолго. В сентябре месяце персидское правительство обратилось в нашу миссию с нотой, в коей говорилось, что Персия желает избежать пагубных последствий причастия к мировой войне путем объявления своего нейтралитета, а потому оно просит Россию отозвать свои войска из Персии, при каковом условии, в случае возникновения войны между Россией и Турцией, последняя гарантирует соблюдение персидского нейтралитета. Было ясно, что увод наших войск нисколько не обеспечит Персию от непрошенных гостей—турок, которые, конечно, воспользовались бы нашим уходом, чтобы занять Азербайджан. Из полученных английским посланником телеграмм сэра Э. Грея он мог убедиться, что в Лондоне не сочувствуют уводу русских войск и вообще не доверяют обещаниям Порты в этом вопросе (депеши от 25 сентября и 9 октября за №№ 61 и 63).

Точка зрения Тоунлея на вопрос о нашей эвакуации заключалась в необходимости заручиться благожелательностью шахского правительства, дабы помешать ему перейти на сторону турок, что могло отразиться на лойяльности мусульман Индии и Афганистана, среди коих начиналась агитация в пользу священной войны. Я допускаю, что подобные опасения тогда имелись, но думаю, что, добиваясь соглашения с Персией, он имел в виду не столько предупредить мусульманское движение, сколько связать нашу свободу действий и лишить нас права на предъявление впоследствии Персии серьезных требований. Ссылаясь на указанные соображения, Тоунлей советовал мне уступить также в вопросе взимания малиата и в делах банка. Я заметил ему, что поддержка его действует на персов возбуждающим образом, вызывая их несговорчивость. Впрочем, как я докладывал, Тоунлей в данном случае выражал свое сочувствие персидским пожеланиям открыто, поддерживая свою точку зрения в моем присутствии и порицая наше отношение к этим вопросам. Антирусская политика Тоунлея обратила на себя внимание даже французского посланника, назвавшего в разговоре со мной его образ действий вредным и непатриотичным с точки зрения общих интересов союзников в Персии. Впоследствии г. Леконт неоднократно возвращался к этому вопросу, указывая на необходимость что-либо предпринять, дабы парализовать деятельность английского посланника, который по его определению вернул англо-русские отношения к положению, существовавшему до 1907 года.

Персидский нейтралитет во время войны с Турцией.

Вскоре после начала войны с Турцией персидское правительство возобновило свою просьбу о выводе наших войск из Азербайджана, якобы под давлением турецкого посла, требовавшего соблюдения Персией нейтралитета как условия уважения его Турцией.

Английский посланник скорее склонялся в пользу удовлетворения персидского требования, особенно по отношению к Хоросану, что будто бы должно было произвести весьма благоприятное впечатление на общественное мнение (депеша от 31 ноября за № 71). Немного позднее, когда у нас принято было решение арестовать германского, австрийского и турецкого агентов в Азербайджане, Тоунлей осуждал эту меру и, я уверен, влиял в этом смысле на персов. Уместно будет также отметить, кто, когда в связи с принятыми с нашей стороны мерами самообороны на персидском фронте нами выражалось пожелание пресечь вредную деятельность в Исфагани агитатора Пюжена, объявившего себя германским и турецким консулом, Тоунлей энергично восставал против этого под предлогом нарушения персидского нейтралитета и опасения мусульманского движения. Я несколько раз возвращался к вопросу о пресечении агитации Пюжена и необходимости его либо обезвредить, либо предостеречь персов против дальнейшей пропаганды. Тоунлей каждый раз однако уклонялся от совместных действий и убеждал не принимать решительных мер. Невольно является мысль, что терпимость английского представителя относительно Пюжена объясняется тем, что агитация этого германского агента направлена была в то время главным образом против русских интересов наших протеже и русских подданных арендаторов имений Зилли-Солтане. Сын последнего Акбер-Мирза прямо говорил, что англичане поощряют Пюжена, чтобы чрез него подорвать русское влияние в Исфагани. Я не могу сделать подобного утверждения, не имея для сего бесспорных доказательств, но, сопоставляя факты, должен признать, что тактика моего английского товарища казалась мне довольно странной. Преступное попустительство Тоунлея, в связи с безнаказанностью германских агитаторов, несомненно, способствовало усилению антирусского движения, приведшего к недавнему печальному событию— убийству одного из энергичных наших деятелей в Персии, фон-Кавера.

Отношение английской миссии к событиям в Азербайджане.

Когда в ноябре прошлого года началось общее наступление турок на Кавказ и нам предстояло с ничтожными силами задержать их движение через Азербайджан, наше кавказское начальство прибегло к содействию Шоджа-эд-Доуле, который стремился, к тому же, защищать свои поместья от курдов. На миссию в Тегеране была возложена задача истолковать персидским министрам неуместность противодействия Шоджа-эд-Доуле, задача коего заключалась в создании оплота против турецкого нашествия и на Тавриз. При этом, само собой разумеется, о наших видах был поставлен в известность великобританский посланник, которому было указано на действительный мотив обращения к содействию Шоджа-эд-Доуле. Тоунлей высказался однако в том смысле, что никогда не разделял нашего взгляда на Шоджа-эд-Доуле и что ему трудно выступить на защиту лица, деятельность коего подрывает авторитет центрального правительства и возбуждает против себя общественное мнение (депеши от 11 и 18 декабря 1914 г. №№ 76 и 80).

В дальнейшем, после неудачи, постигшей отряд Шоджа-эд-Доуле под Миандуабом и после движения турок на Тавриз, персидское пра-

вительство продолжало свои настояния на выводе наших войск из Азербайджана и других мест Северной Персии, предъявив ноту в этом смысле. Что касается эвакуированного нами Тавриза, то персы, в видах обеспечения порядка и дабы подчеркнуть в глазах воюющих неразрывную связь Азербайджана с Тегераном, решили снарядить туда велиагда, так как турки выражали готовность отозвать свои войска после водворения там персидского наследника. На такой постановке вопроса настаивал и великобританский посланник, утверждавший, что, рекомендуя эту меру, действует в общих интересах. Думается однако, что он не прочь был использовать данную конъюнктуру для удаления нас из Северной Персии и при этом выступить еще раз защитником ее от русского правительства. Во всяком случае наше быстрое возвращение в Тавриз и очищение его от общего врага было встречено английской миссией довольно холодно (депеши от 24 декабря 1914 г. № 81 и от 1 января 1915 г. № 1).

Шахское правительство хорошо знало, какого мнения мы всегда придерживались относительно посылки велиагда в Тавриз. На эту командировку персами возлагались большие надежды в уверенности, что обаяние имени брата шаха произведет сильное впечатление и будет способствовать сохранению верности населением Азербайджана. В Тегеране открыто говорили, что велиагду или, вернее, сопровождавшим его чиновникам, поручено вести энергичную борьбу с русскими в Азербайджане. И действительно, с самого дня приезда велиагда в Тавриз в начале марта начались недоразумения и пререкания между его чиновниками и нашими властями. В числе войск, посланных с велиагдом, оказалось, между прочим, 200 жандармов. Персы, повидимому, рассчитывали таким путем провести жандармерию на Север и обойти поставленное нами условие о недопущении этой воинской части в нашу сферу. Мера эта принята была не без ведома английского посланника, всегда отрицательно относившегося к нашим требованиям о недопущении жандармерии на Север (депеша от 2 января 1915 г. № 2).

Второй кабинет Мустоуфи-уль-Мемалика.

Симпатии великобританского посланника к руководителю кабинета Мустоуфи-уль-Мемалику охладели в октябре минувшего года вследствие нежелания последнего пойти навстречу предложению Тоунлея об уступке Англии за известное денежное вознаграждение островов Персидского залива, необходимых ей для стратегических целей. Тем не менее, за отсутствием других кандидатов, Тоунлей не переставал поддерживать Мустоуфи-уль-Мемалика, считая важным не раздражать общественное мнение подчеркиванием нашего влияния на внутренние дела страны и указывая на мусульманскую опасность в Индии и в Афганистане, которая в руках англичан служила с самого начала войны главным аргументом в пользу политики невмешательства со стороны России в персидские дела, даже когда никакой серьезной мусульманской опасности не существовало (депеши от 23 октября 1914 г. №№ 65 и 66). В дальнейшем, и по мере развития событий, английский посланник стал проявлять больше солидарности и готовности действовать совместно, причем отрицал приписываемое ему уклонение от сотрудничества. Впрочем, не находя в действиях кабинета

ничего враждебного и обвиняя его лишь в бездарности и слабости, он предлагал такие частичные перемены в составе кабинета, которые не обещали более желательного для нас настроения. Можно было бы опасаться, что сохранение во главе кабинета, хотя бы реформированного, Мустоуфи-уль-Мемалика вовлечет шахское правительство в турецко-германскую орбиту. С другой стороны, более активное выступление против кабинета вызвало бы неудовольствие или даже противодействие великобританской миссии, находившей, что нам следует избегать трений с персами, дабы предупредить их переход на сторону турок и возможное увлечение мусульманской идеей (депеши от 18 декабря 1914 г. и 8 января 1915 г. за №№ 80 и 2).

Таким образом кабинет в результате хотя и подвергся частичному обновлению, но в полном противоречии с нашими взглядами и вопреки выраженному нами неодобрению предполагавшейся комбинации. Во главе остался Мустоуфи-уль-Мемалик, остались также Ала-ус-Салтане и в качестве директора канцелярии министерства иностранных дел его сын Муин-уль-Везере, наш непримиримый противник. В числе других министров, вошедших в кабинет, также не оказалось русских сторонников, что сейчас же отразилось на мероприятиях, направленных против нас, вроде требования об уводе наших войск, возвращения к вопросу о русском землевладении, требования о прекращении взимания малиата нашими консульствами и т. п.

Зная, что обновление кабинета на неприемлемых для нас условиях не встретит одобрения императорского правительства, Мустоуфи-уль-Мемалик предпочел действовать через великобританскую миссию, которая согласилась на включение в число министров принца Эйн-эд-Доуле как лица, якобы способного обеспечить спокойствие и удержать страну от присоединения к туркам. Как известно, наше предложение заявить шахскому правительству протест против намечавшегося состава кабинета не было принято в Лондоне, и Тоунлею поручено было ограничиться заявлением, чтобы персы не рассчитывали на реальную поддержку Англии в виде финансовой помощи, пока не дадут доказательств своего доброжелательства (депеша от 5 февраля 1915 г. за № 10).

Второй кабинет Мустоуфи-уль-Мемалика продержался несколько дней. По своему составу он был непрочен и не пользовался ничьей поддержкой, если не считать великобританской миссии. Но последняя уже не могла оказать ему помощи, ибо сама утратила значительную долю своего влияния. Убедившись в этом, Тоунлей перестал интересоваться событиями, и выбор нового кабинета Мушир-эд-Доуле произошел уже без его участия. К тому же обстоятельства начинали показывать, к каким неблагоприятным последствиям для самих англичан может привести систематическое возбуждение персов против России. Противодействие Тоунлея нашей политике в Персии должно было, по его мнению, оказаться тормозом лишь для нас, русских. Однако расчеты эти не оправдались, и руссофобство Тоунлея и потворство его персидским притязаниям стали отражаться и на английских интересах, подрывая его собственный престиж и возбуждая несговорчивость персов. Как бы то ни было, опасное движение, вызванное европейской войной и германо-турецкой пропагандой, получило серьезный характер, в значительной степени благодаря поддержанию великобри-

танской миссией персидского шовинизма, поощрению жандармерии, дружбе с демократами меджлиса, попустительству антирусской агитации, а главное благодаря подрыву нашего авторитета в глазах шахского правительства.

Времена меняются. Когда в минувшем марте Мушир-эд-Доуле протестовал против ареста англичанами германского консула в Бушире, а также против других действий англичан на Юге и просил об отозвании английских войск из Южной Персии, а русских из Казвина, Решта и Ардебиля, Тоунлей не только воспротивился уводу русских войск, но стал доказывать необходимость увеличения наших отрядов и даже посылки их в Тегеран (депеши от 12 и 19 марта с. г. №№ 20, 22).

Ненормальность настоящего положения и необходимость ныне же наметить основы будущей политики нашей в Персии.

Резюмируя сказанное, следует признать нынешнее наше положение в Персии безусловно ненормальным. Русские интересы в Персии слишком глубоко нарушены, чтобы можно было рассчитывать на восстановление нашего положения от успешного исхода войны. Победа России, конечно, отрезвит персов и заставит их перейти на нашу сторону, но этого недостаточно. Пока условия, приводящие к постепенному подтачиванию нашего влияния, не изменятся, русское дело будет подвергаться серьезной опасности, а кроме того и главным образом будут портиться наши отношения с Англией. Коль скоро современные условия доказали свою несостоятельность, представляется неотложным приступить к выработке иных основ для будущего времени. Основы эти должны удовлетворять тем требованиям и надеждам, которые мы в праве иметь относительно нашей дальнейшей политики в Персии, а именно упрочение англо-русских отношений путем устранения поводов к недоразумениям и сохранения наших интересов в Северной Персии. Ради устранения на будущее время нынешней малоустойчивой политики в Тегеране, компрометирующей нас как в глазах персов, так и англичан, следовало бы заменить нынешнее мнимое равноправие России и Англии новым положением, конкретизирующим наше положение в русской сфере влияния. Для этого задачей ближайшего будущего должно быть развитие и дополнение соглашения 1907 года, но не за счет нейтральной зоны, т. е. не в смысле ее упразднения, так как индийское правительство не хочет установления англо-русской границы, а в смысле более точного формулирования прав обеих держав. При этом необходимо выяснить как права России и Англии в нейтральной зоне, так в особенности наши собственные права в нашей сфере, дабы устранить обвинения во вмешательстве во внутренние дела Персии. Нейтральная зона как буфер между Россией и Англией была бы сохранена, а вместе с тем наша работа была бы поставлена на более практическую почву.

Включение Тегерана в нейтральную зону как крайняя уступка Англии взамен предоставления нам свободы действий на Севере.

Включение Тегерана с округом в нейтральную зону и выделение его из нашей сферы успокоило бы персидских националистов, индий-

ское правительство и английских либералов и явилось бы доказательством отсутствия у нас замыслов против независимости Персии. Этой мерой мы подтвердили бы в глазах Англии и самой Персии наличность у нас стремления поддержать самостоятельное существование персидского государства. Само собой разумеется, согласие на такое существенное изменение сфер влияния должно бы было считаться с нашей стороны весьма крупной уступкой взамен предоставления нам полной свободы действия на Севере. Во всяком случае, от успокоения умов в этом отношении нами могла бы быть извлечена значительная польза как в Персии, так и вне ее.

Ввиду ненормального состояния Персии говорить о полном невмешательстве во внутренние дела, как предлагал Тоунлей, не приходится. Однако вмешательству этому можно бы было придать с нашей стороны менее демонстративный характер, особенно когда дело касается вопросов центрального управления, например, участия в образовании кабинетов, борьбы с меджлисом, вербования сторонников для России, давления на партии и тому подобное. Правда, Тоунлей всегда отрицал вмешательство свое в дела центрального правительства, то есть, воздействие на выбор министров, созыв меджлиса, назначение провинциальных чиновников и прочее. Однако факты опровергают это утверждение, и у нас немало данных, доказывающих, что ни одно сколько-нибудь значительное событие или решение шахского правительства не происходило без участия, прямого или косвенного, английской миссии. Во всяком случае, последняя не стесняется оказывать давление на персидское правительство, хотя и осуждает этот способ, когда дело касается нашей сферы. Например, известно, что бахтиарские ханы систематически навязывались английской миссией в качестве губернаторов не только в английской, но и в нашей сфере, невзирая на несочувствие к ним правительства и общественного мнения. Ныне бахтиарские губернаторы имеются в Кермане, Иезде, Керманшахе и до последнего времени были в Исфагани.

Наше вмешательство в дела центрального управления, как оно практикуется ныне, редко достигает цели, что, между прочим, подтверждается в деле выбора персидских кабинетов. Все кабинеты, после подписания соглашения 1907 года, были англофильские или становились таковыми, а отдельные наши сторонники также скоро убеждались, что реальную поддержку они могут получить лишь при условии покровительства великобританской миссии. Перечень этих кабинетов наглядно указывает, что среди руководителей их не было ни одного лица, коему мы обязаны сколько-нибудь существенным благожелательством к нашим интересам: Наср-уль-Мульк — октябрь 1907 г., Низам-ус-Солтане — декабрь 1907 г., Сани-эд-Доуле — май 1908 г., Мушир-ус-Солтане — июнь 1908 г., Сепехдар — сентябрь 1909 г., Мустоуфи-уль-Мемалик — июль 1910 г., Сепехдар — февраль 1911 г., Самсам-ус-Солтане — декабрь 1912 г., Мустоуфи-уль-Мемалик — август 1914 г., Мушир-эд-Доуле — март 1915 г. Попытка провести в премьеры Саад-эд-Доуле, как известно, не удалась вследствие оппозиции меджлиса, и новый кабинет сформирован был принцем Эйн-эд-Доуле, который также считается сторонником англичан.

Необходимость упорядочения нашего покровительства персидским подданным.

В силу исторических и политических причин Россия приняла под свое покровительство довольно значительное число персидских подданных. Увеличивая наше влияние и престиж в стране, покровительствуемые нами персы служат однако причиной слабости, ибо связывают подчас нашу свободу действий, а главное дают повод к пререканиям с шахским правительством и способствуют поддержанию взаимного раздражения. Особенно бесполезны некоторые знатные протеже, принадлежащие к старому режиму и тяготеющие к нам лишь ради защиты, которую мы можем им оказать против их же правительства или же в деле отстаивания личных, не всегда законных выгод и притязаний. Англичане недовольны существованием русских протеже вообще и даже формулировали это неудовольствие в упомянутой выше памятной записке, представленной лондонским кабинетом в минувшем году.

Тоунлей при всяком удобном случае указывал на вред, причиняемый русским покровительством, которое якобы расшатывает авторитет шахского правительства, нарушает его суверенные права и вносит дезорганизацию в дела управления. Мне думается, что институт покровительства, как оно практикуется ныне, требует упорядочения в смысле большего разбора в выборе протеже и точного определения предоставляемых им прав, но я не вижу оснований отказываться от столь серьезного орудия политического воздействия в угоду англичанам, которые сами широко пользуются этой особенностью персидского государственного строя. В этом отношении мы могли бы взять с них пример, так как они освободились от бесполезных протеже и оказывают покровительство влиятельным и деятельным элементам, а также вождям кочевых племен вроде бахтиар или сенджаби, ханы которых находятся в постоянных сношениях с английской миссией. Преподанная в свое время императорской миссией инструкция постепенно сокращать число покровительствуемых лиц не достигает цели, ибо покровительство часто дается помимо миссии, например, генеральным консульством в Тегеране, агентом министерства торговли и другими нашими официальными и полуофициальными лицами.

Компромисс о казачьей бригаде в связи с вопросом о жандармерии.

В числе условий, при которых наше положение в Персии упростится, весьма важен вопрос о казачьей бригаде. До сих пор мы противопоставляли ее жандармерии и тем, без всякой для себя выгоды, раздражали персов и вызывали недоверие англичан. Бригаде следует предоставить и впредь традиционную роль шахского конвоя, к каковой деятельности она по своей организации более приспособлена, нежели к несению обязанностей охраны порядка на дорогах или же взыскания налогов и податей для казначейства, подобно жандармерии. Такова была бы ее роль в столице. Что касается непосредственной сферы нашего влияния, то в ней, как будет пояснено ниже, развитие бригады может получить для нас существенное значение. При этих условиях мы могли бы согласиться на дальнейшее существование созданной нами, хотя и во вред русским интересам, жандармерии, исключив ее из нашей сферы. Отъезд большинства шведских офицеров об-

легчил дело реорганизации этой части на более космополитических началах, с привлечением, наряду с отдельными шведскими инструкторами, офицеров других национальностей. Весьма подходящим в таком случае элементом могли бы быть славяне, например, сербы и черногорцы, обладающие высокими боевыми качествами, менее требовательные и тяготеющие к России.

Изменение политики Учетно-ссудного банка Персии.

Говоря о нашем банке, необходимо отметить, что политика потворства персидским притязаниям и аппетитам, практиковавшаяся последние десятилетия, и система подачек и авансов, применявшаяся как нашим, так и английским банком, совершенно развратили персов, которые не желают и не могут примириться с наступившей реакцией и необходимостью более деловых отношений. Неудивительно, что наши настояния на своевременном внесении срочных платежей, например, на содержание казачьей бригады, или на уплате долгов крупных должников вызывают со стороны персов негодование и жалобы. Особенно сильный протест вызвал арест нашим банком летом минувшего года довольно значительной суммы для удовлетворения недоимки бригады. Персы, по обыкновению, прибегли к заступничеству Тоунлея, который обратил мое внимание на нелегальность такой меры, предоставив корреспонденту «Таймса» в Тегеране дать ей более резкую оценку. Между тем не так давно тот же Тоунлей просил меня наложить запрещение на платежи, производимые через наш банк арендатором Астара-Ардебильской дороги персидскому правительству, в обеспечение долга последнего какому-то английскому обществу. Я исполнил просьбу Тоунлея, не входя в рассмотрение правильности и легальности его претензий. Что касается отношений между нашим и Шахиншахским банком, то приходится сожалеть об отсутствии со стороны последнего взаимодействия. Мне думается однако, что в видах установления в будущем большей согласованности при оказании финансовой помощи Персии англичане могли бы поступиться хотя частью своих монопольных прав в пользу нашего банка, который во избежание конкуренции перенес бы центр своей деятельности в Тавриз. Впрочем этого вопроса я еще коснусь ниже.

Невмешательство английских агентов в политику в нашей сфере и отграничение последней.

Ввиду вышесказанного представляется желательным при пересмотре англо-русского соглашения точно определить границы сферы, в которой англичане согласились бы не вмешиваться в наши дела. При определении границы нашей сферы мы, конечно, могли бы принять в расчет пожелания англичан касательно нейтральной зоны, лишь бы быть хозяевами у себя. Нам нет надобности в вопросах о консульских представителях Великобритании в нашей сфере проявлять ту ревнивую исключительность, какую показали англичане относительно Афганистана. Исходя из принципа действительного равноправия по персидским делам, было бы достаточно при пересмотре соглашения 1907 года, чтобы Англия предоставила нам свободу действий на Севере и чтобы представители ее получили предписание не чинить препятствий нашим начинаниям. Сэр В. Тоунлей не отрицал, что нет соответствия между

деятельностью англичан на Севере и полным невмешательством нашим на Юге. Он объяснил это географическими и историческими причинами и налагаемым на Англию соглашением 1907 года обязательством охранять независимость и целость Персии на всем ее пространстве. Север ближе к столице, и посему всем легче видеть, что там происходит. Север, кроме того, представляет больше значения и интереса, и в нем сосредоточены главные источники дохода. Юг же далек, отрезан пустынями, населен полунезависимыми кочевниками, беднее и вообще меньше интересует центральное правительство, которое плохо осведомлено о том, что там происходит. Как известно, в Южной Персии имеется не только сеть английских официальных представителей в виде консулов, банковских и телеграфных чиновников, но и негласных агентов, состоящих при некоторых ханах. Все эти лица ведут деятельную политику и уже, конечно, менее всего стесняются с персидским суверенитетом. Сведения о важнейших событиях в английской сфере доходят до нас лишь в общих чертах и, конечно, в английском освещении. Случилось это как-то само собой, по мере укоренения мнения, что наши интересы — на Севере и что потому роль наших агентов на Юге, каковых, впрочем, почти нет, должна ограничиваться наблюдением. Нужно ли говорить, что англичане столь же хорошо осведомлены и о происходящем на Севере, где их агенты не ограничиваются ролью наблюдателей.

Согласие англичан воздерживаться от вмешательства в наши дела на Севере было бы с их стороны равнозначущим лишению нас так называемой английской поддержки в Тегеране. Однако не надо упускать из виду, что, устранив главные поводы к нынешним трениям с персами, мы будем гораздо меньше нуждаться в такой, к тому же часто мнимой, поддержке. Выше было уже сказано, что английская миссия, иногда делая совместные представления с нами, часто давала чувствовать, что действует так по необходимости, ради политики, на самом же деле стоит на их стороне. Продолжение подобной совместной деятельности едва ли желательно, ибо, не принося нам пользы, увеличивает лишь за наш счет английский престиж в глазах персов.

Сократив поводы к бесполезным трениям с персидским правительством в Тегеране и к вредному соперничеству с Великобританией, мы с тем большей легкостью могли бы сосредоточить наше внимание на естественных и более доступных центрах влияния—в городах Азербайджана, Гиляна и Астрабадской провинции. С этой целью следовало бы усилить связь между этими областями и Россией, в частности с Тифлисом и Ташкентом, и установить непосредственную зависимость северных провинций Персии от кавказского наместничества и туркестанского генерал-губернаторства.

Самым действительным средством приблизить к нам северные провинции Персии и обособить их от влияния Тегерана было бы проведение в главнейшие центры железных дорог, которым следовало бы придать характер линий проникновения. Впрочем вопрос этот ввиду его общегосударственного и международного значения требует специальной разработки.

К сосредоточению нашей деятельности и влияния в Тавризе должна быть приноровлена реорганизация казачьей бригады. Как уже отмечалось, в самом Тегеране казачья бригада могла бы быть сохранена приблизительно в нынешнем ее виде, с теми поправками, ко

наличии которых эта воинская часть перестала бы подвергаться обвинениям в недостаточной связи с шахским правительством. В самом деле, при обсуждении вопроса о реорганизации бригады, когда я доказывал, что она имеет такое же, если не большее, право на поддержку, как и жандармерия, персидские министры всегда возражали, что бригада не имеет в прошлом никаких заслуг, хотя стоила персидской казне довольно дорого. В последнее же время бригада, по их словам, скомпрометировала себя тем, что выступила активным образом против нового режима и меджлиса, а затем не сумела поддержать бывшего шаха и его сторонников. Таким образом персидское правительство при всем желании не может относиться с доверием к лойялизму и преданности бригады в настоящем ее виде и будет считать ее чуждым паразитом, могущим лишь угрожать персидской независимости.

Эффективное применение реорганизованной бригады или, вернее, провинциальных ее отделов надлежало бы сообразовать с нашими естественными задачами в русской сфере влияния, т. е. поддержанием порядка в Северной Персии взамен наших отрядов, которые могли бы быть отозваны ради морального впечатления этой меры. Центром таких провинциальных отделов бригады были бы опять-таки Тавриз, Решт и Астрабад, тем более, что подобный отдел в Тавризе уже существует с 1913 года. Как известно, наши пререкания с тегеранским правительством по поводу реорганизации бригады и недопущения жандармов на Север почти всегда ставились в связь с нахождением в Персии русских войск. На неоднократные домогательства персов отозвать наши отряды мы отвечали принципиальным согласием и даже начали в минувшем году постепенную эвакуацию, которая однако была прервана вспыхнувшей войной. Не подлежит сомнению, что персы при первом удобном случае вернутся к этому вопросу, и нам придется принять какое-нибудь решение в зависимости от того, как сложатся обстоятельства после войны. Если бы у нас было признано целесообразным, по соображениям стратегическим или ради взаимодействия с Англией, удовлетворить желание персов, то следовало бы, по крайней мере, оформить наше согласие на эвакуацию каким-нибудь письменным актом или соглашением, гарантирующим наше будущее положение в Азербайджане и других пунктах против выступлений враждебных элементов, служащим некоторым предостережением, а в случае нарушения дающим нам законный повод к вмешательству.

Приспособление нашего банка к новым условиям англо-русского взаимодействия и финансового контроля.

В случае перенесения главной деятельности нашего банка в Тавриз следовало бы выговорить в его пользу право выпуска банкнот для северных провинций, каковое право пока находится в монопольном пользовании английского банка. Конечно, необходимо было бы до этого постепенно ликвидировать нынешние запутанные дела банка в Тегеране и добиться погашения долговых к нему обязательств. Сделанные в этом отношении императорской миссией, на основании решений междуведомственного совещания 2 декабря 1913 года, попытки к упорядочению русско-персидских финансовых отношений не дали пока желательных результатов. Постепенное погашение частных дол-

говых обязательств нашему банку путем перевода таковых на персидскую казну приговорило бы миссию к долголетней роли как бы судебного пристава, причем постоянные воздействия на отдельных персов лишь тормозили бы нормальные переговоры по текущим делам. Поэтому, признавая вредным нынешний способ ликвидации, можно бы было последовать по данному вопросу примеру Англии, предлагающей Персии погасить большую часть англо-индийских займов путем уступки островов в Персидском заливе.

Можно действительно предвидеть, что заключение мира с Турцией повлечет за собой, независимо от вопроса о Царьграде и о проливах, исправление русско-турецкой границы и, быть может, присоединение Баязидского и Ванского вилайетов, каковое могло бы дать нам возможность возбудить вопрос об исправлении нашей границы с Персией путем уступки нам или аренды Макинского ханства и Мугани, причем с этим актом могла бы быть связана операция сложения частных долгов персидских подданных к нашему банку. Такая мера могла бы быть мотивирована, вдобавок, необходимостью обеспечить эти долги. Время ликвидации войны явилось бы лучшим моментом для осуществления этого предположения (депеша от 28 января 1915 года за № 7).

Если бы такая политическая комбинация была признана почему-либо неуместной, то следовало бы, во всяком случае, предпринять преобразование Учетного банка на более деловых коммерческих началах, например, путем слияния его с солидным частным банком. Для компенсирования невыгодных финансовых последствий такого преобразования пришлось бы добиться расширения нынешних концессионных прав нашего банка.

В связи с установлением более тесной зависимости от России северных персидских провинций и с обережением их от дальнейшего вмешательства иностранцев вообще необходимо будет внести некоторые поправки в положение бельгийской таможенной и финансовой администрации. Когда в начале прошлого года был поднят вопрос о желательности допущения на некоторые вакансии, наряду с бельгийцами, и русских служащих, например в Решт и в Энзели, великобританский посланник обещал переговорить по этому поводу с Морнаром. Результатом этих переговоров явилось систематическое противодействие со стороны персов нашему предположению. В будущем представлялось бы необходимым добиться согласия главного казначейства или, если компетенция последнего будет умалена, к чему, повидимому, стремится персидское правительство, то непосредственного его согласия на назначение к финансовым администраторам в нашей сфере русских помощников.

Вместе с тем англо-русское взаимодействие должно будет проявиться в Персии по вопросу о финансовом вспомоществовании персидскому правительству. Полное безденежье, в котором завязли персы и которое скоро нельзя будет прикрывать выражением «затяжного финансового кризиса», в непродолжительном будущем должно привести к необходимости серьезно заняться персидскими финансами. Контроль России и Англии над персидскими финансами нелегко провести при наличии меджлиса, члены коего увидят в этом покушение на самостоятельность Персии и который пытается в настоящее время вообще отстранить иностранцев от участия в делах управления. Так, меджлисом был отменен закон 1911 года о полномочиях главного казначея, и

в будущем возможно удаление всей бельгийской администрации. Так как ни один кабинет не решится итти наперекор воле меджлиса. по вопросу об иностранном контроле, то предварительно возбуждения этого вопроса придется изыскать способ парализовать противодействие меджлиса. Впрочем должен заметить, что меджлис в настоящем своем виде будет неизменным препятствием на пути разрешения не только наших дел, но вообще проведения каких бы то ни было прогрессивных реформ при участии русских и, может быть, англичан. Возможно, вместе с тем, что финансовая неурядица, развиваясь, дойдет до того, что принятие спешных мер станет неотложным и что миссиям придется взять в свои руки контроль над персидскими финансами, не считаясь ни с меджлисом, ни с правительством, или же провести такой кабинет, который решится возбудить вопрос о пересмотре выборного закона и придании меджлису совещательного характера.

При разработке вопросов о форме финансового контроля можно будет воспользоваться опытом греческой финансовой комиссии или, ради недопущения к участию незаинтересованных прямо французов, действовать применительно ко взглядам, высказанным в свое время А. П. Извольским в памятной записке на имя великобританского посла от 3 января 1909 года и в телеграмме его на имя д. с. с. Поклевского-Козелл от 3 января 1910 года (Ор. кн. 2, стр. 59; Ор. кн. 4, стр. 6), а также и соображений колл. сов. Саблина в телеграмме его от 16 апреля 1913 года за № 181.

Контрольная финансовая комиссия, согласно указанным предположениям, была бы организована при участии двух представителей персидского финансового ведомства или главного казначейства — одного европейца (бельгийца или француза) и одного перса, двух членов русской миссии и двух великобританской. Преимущества такого состава комиссии заключались бы в ее несложности, естественности, знакомстве ее членов с местными условиями и авторитете благодаря наличности представителей персидского правительства и связи с обеими миссиями. В качестве делегатов миссии могли бы, по их обоюдному желанию, состоять директора нашего и Шахиншахского банков. Финансовая комиссия контролировала бы расходование государственных средств и наблюдала бы за тем, чтобы эти средства расходовались на нужды страны; комиссия следила бы за порядком составления ежегодных смет по всем отраслям администрации, равно как за осуществлением этих смет в соответствии с бюджетом, который составлялся бы персидским финансовым ведомством с помощью контрольной комиссии; заведывала бы взносом платежей и процентов по заключенным Персией займам, наконец, помогала бы шахскому министерству финансов в урегулировании законов о малиате.

Таковы, в общих чертах, возможные основы будущего англо-русского кондоминимума в Персии. Основы эти, и особенно детали их, могут, конечно, быть изменены в зависимости от обстоятельств развития дальнейших событий.

Коростовец.

Солдатские письма в годы мировой войны

(1915 — 1917 гг.)

Солдатские письма являются ценнейшим историческим источником. Они самым наглядным образом иллюстрируют практическое осуществление на фронте большевистского лозунга о превращении войны империалистической в гражданскую.

По солдатским письмам можно не только восстановить картину положения и быта солдата царской армии, но и проследить процесс нарастания революционного недовольства среди многомиллионной массы фронта.

В первый период после мобилизации вооруженные массы рабочих и крестьян двинулись на фронт, находясь под влиянием шовинистической агитации и тяжелого армейского режима. Все расчеты строились на том, что противник будет сломлен быстро и что война кончится через три-четыре месяца. Но уже первые бои показали, что сломить противника нелегко и что царская армия обречена на тяжелые поражения и неудачи. Царская армия отставала от армии противника во всем, начиная от использования достижений науки и техники и кончая системой обучения и боевой подготовки каждого солдата. Солдаты уже в 1914 и 1915 годах были обречены на голодание, терпели нужду в самой необходимой одежде и обуви, а самое главное — на фронте ощущался острый недостаток снарядов и вооружения.

Против прекрасно подготовленного и вооруженного врага приходилось сражаться чуть ли не голыми руками. В период активных боевых действий фронт испытывал самый острый недостаток винтовок, патронов и снарядов. К августу 1915 г. на фронте было до 30% безоружных. На артиллерийскую канонаду противника русская артиллерия или вовсе не отвечала или отвечала редкими выстрелами. Утрата огромной территории, потери людьми и сложившееся на основе тяжелого опыта убеждение в превосходстве и преимуществах противника значительно надломили дух царской армии. К этому присоединялось еще недовольство армейским режимом, основанным на полном пренебрежении к личности солдата, низводившим его до положения одушевленного автомата.

Ненависть к командному составу — прямому и непосредственному олицетворению власти деспотического самодержавия — особенно яркое явление в царской армии периода мировой войны. Но самое существенное в смысле дальнейшего нарастания недовольства в царской армии состояло в том, что фронт имел за своей спиной бурлящий и неспокойный тыл. Рост дороговизны, усиленная эксплоатация, каторжный режим на предприятиях, уничтожение рабочих организаций и жесточайшие преследования за малейшее проявление недовольства — все это вызвало мощный отпор со стороны пролетариата. Ответом рабочего класса на усиление гнета и эксплоатации явились многочисленные стачки, объединившие тысячи пролетариев в солидарной борьбе против самодержавия и капиталистов. Активная антивоенная работа партии, проводившаяся под лозунгом превращения войны империалистической в гражданскую, и революционная борьба пролетариата против усиления гнета и эксплоатации оказали

огромное влияние на солдат фронта. Наряду с громкими сетованиями по поводу совершенно неудовлетворительного снабжения фронта винтовками, снарядами, питанием и одеждой и упадком настроения в связи с поражениями, самое характерное явление для фронта 1915 г. — это обостренное внимание к событиям в тылу и нащупывание первых форм борьбы против затянувшейся войны. Солдаты с исключительным интересом прислушиваются к тому, что происходит в тылу и прежде всего в Петрограде и Москве. Недовольство затянувшейся войной находит практический выход во все более растущем числе случаев сдачи в плен и в дезертирстве. Цензор Московского военного округа в своем обзоре от 12/IX 1915 г. писал: «Встречаются довольно часто указания на добровольную сдачу в плен большими партиями». «При мне в нашем полку более уже как 1 000 сдалось»... «У нас из одного полка ушло в плен 1 500 человек без боя; ушло и их начальство». О добровольной сдаче в плен говорит в своем дневнике и ген. Куропаткин. Но в 1915 г. выявилась еще одна новая форма подрыва войны — это братание с противником. Братание, или — по официальной терминологии — «сношения с противником», было зарегистрировано уже в октябре 1915 г. Более наглядно тяга к братанию выявилась в декабре того же года. Так, напр., 31 октября 1915 г. командование одной из армий юго-западного фронта сообщало начальству о том, что командиру VIII корпуса приказано принять строжайшие меры к прекращению сношений наших войск с противником. Это распоряжение было дано в ответ на сообщение о сношениях наших войск с австрийскими в районе Дубно [1]).

На рождество попытка братания была предпринята со стороны солдат 35 пех. Брянского полка. Можно смело сказать, что она не была единственной. Эти первые случаи братания были проявлением верного классового инстинкта, но им нехватало еще сознательности и политической оформленности, и они не были еще массовым явлением. 1916 год, к середине которого Ленин относил начало перелома в мировой войне, внес новые черты в настроение и поведение солдат русской армии.

Два явления наиболее характерны для 1916 года на фронте: массовые отказы от выполнения приказов о наступлении и массовое братание солдат с противником. Братание наиболее яркую вспышку дает в первой половине, отказы от наступления — более частое явление во второй половине 1916 г.

В июне 1916 г. на юго-западном фронте снова было предпринято наступление, которое вскоре было поддержано северным и западным фронтами. Это наступление привело к новым потерям и к новым поражениям. Только 35 дней победоносных боев Брусилова привели к потере убитыми, ранеными и попавшими в плен до полумиллиона человек; на западном фронте за 7 дней июля в районе севернее Барановичей потери составили 80 тысяч, на Северном фронте в боях под Ригой 3—9 июля было потеряно 15 тысяч. Массовость потерь, упорство и стойкость противника и развал в тылу окончательно подорвали веру солдат в скорое завершение войны посредством победы.

Предпринимавшиеся вплоть до октября попытки продолжать наступление ни к чему не привели. Понесший огромные потери и получивший пополнения за счет малообученных солдат фронт выдохся окончательно и в дальнейшем не был уже пригоден для быстрого развития наступательных действий. Поражениями 1916 г. фронту был нанесен последний и сокрушительный удар. Настроение солдат падает окончательно.

Цензоры в октябре 1916 г. заявляли, что по сравнению с предыдущим периодом настроение в армии значительно понизилось, что почти 50% писем проникнуто тяжелым, угнетенным настроением. Когда заходила речь о причинах такого

[1]) Центр. военно-исторический архив (ЦВИА), д. № 25—899, л. 139.

настроения цензоры заявляли, что главной из них является продолжительность войны (65% писем угнетенного характера).

В центре внимания солдата теперь исключительно события в тылу и новая тактика борьбы против войны. Очень красочно солдаты говорят о том, что от разговоров в Госуд. думе толку мало, зато в письмах усиленно интересуются, верны ли слухи о забастовках рабочих и «бабьих бунтах» (продовольственных беспорядках) и т. д. Цензоры сообщали в это время, что изменилась рубрика писем с «недозволенными сообщениями». Если раньше в эту рубрику попадали письма с сообщениями мест стоянок, сведений о передвижениях частей, потерь на фронте, то к ним прибавились теперь письма, содержание которых носило политическую окраску. Вот, примерно, как писали солдаты: «Мы уже третий год боремся — за что? За свободу, и она должна быть, а никак не крепостничество...» [1]).

То там, то тут мы встречаем заявления солдат о том, что война должна быть окончена, что после войны неизбежны смуты у нас и в других странах, что правительству не сдобровать, что враг не впереди, а за спиной, что пора беднякам порвать цепи, сковывающие их, что надвигаются великие события и т. д.

Конечно, политическим содержанием были насыщены письма не всей массы солдат. В политически насыщенных письмах звучал голос авангарда — прежде всего пролетарской и бедняцко-крестьянской прослойки солдатской массы. Но значительно поднялась активность и широкой вооруженной рабоче-крестьянской массы на фронте.

В письмах к родным солдаты-крестьяне писали: «Чинша не платите», «податей и сборов не платите». Официальная переписка того времени свидетельствует, что отказы от платежей были в деревне настолько частым явлением, что военный министр 25/V 1916 г. требовал от ставки, чтобы офицеры особо старательно разъясняли солдатам недопустимость таких советов родным.

Но, как мы сказали выше, самыми значительными и знаменательными для 1916 и 1917 гг., вплоть до Февральской революции, явлениями были братание и отказы солдат от выполнения приказов о наступлении. «У нас новости такие: солдаты не хотят итти наступать, потому что его нельзя никакими силами взять» [2]),—пишет один солдат в октябре 1916 г. Действительно, официальные данные подтверждают сообщения солдат об отказах от наступления и о выступлениях их с требованием окончить войну и улучшить их общее положение. Открытые выступления и отказы итти в бой на почве недостатка продовольствия и недовольства затянувшейся войной имели место и на северном, и на западном, и на румынском, и на южном фронтах.

В окопах находили «самодельные» листовки и плакаты против наступления, отдельные роты и батальоны организованно стали отказываться даже от выхода на позиции.

В частности, последний случай имел место в декабре 1916 г. в 17 Сибирском стрелковом полку 5 стрелковой дивизии и в Одоевском полку 56 дивизии 34 корпуса.

В тылу солдаты все чаще и чаще подчеркивают свою солидарность с революционными рабочими в тех случаях, когда правительство требовало от них только безоговорочного «исполнения долга» — разгона и разгрома стачечников и демонстрантов. В частности, в Москве такой факт был отмечен уже в сентябре 1915 г. В Петрограде же имел место другой, не менее показательный, случай: при столкновении стачечников, выступивших с протестом против войны и другими политическими требованиями, с полицией часть солдат 181 запасного полка (в том числе и учебная команда) открыто присоединилась к рабочим. Эти первые солдатские выступления

[1]) ЦВИА, д. № 222—554, л. 10.
[2]) Там же, д. № 25—925, л. 122.

рабочих и солдат находили, понятно, самый сочувственный отклик на фронте, революционизировали всех солдат.

Новая и притом более массовая попытка братания имела место на австрийском и германском фронтах на пасху в апреле 1916 г. Солдаты противных лагерей втечении 2—3 дней не вели перестрелки, мирно сходились друг с другом, угощали друг друга съестными припасами и папиросами. Начальство угрожало братавшимся военно-полевым судом, разгоняло братавшихся, а затем приказало начать перестрелку. Николай II приказал разъяснить, что взысканий не будет только потому, что это случилось на пасху, но что впредь виновные в братании будут привлекаться к судебной ответственности [1]). Несмотря на это разъяснение, солдаты, в частности солдаты северного фронта (XII армии), поплатились за братание. На них были наложены строгие взыскания.

Наступательные действия, предпринятые в мае — июне 1916 г., сорвали развитие братания. Но отдельные попытки братания тотчас же возобновились, как только прекратилось наступление. Непосредственные сношения с противником в переписке солдат были отмечены в последнем квартале 1916 г. и в первые два месяца 1917 г. Фронт нетерпеливо ждал конца войны и стремился использовать все методы и формы, чтобы сделать ее невозможной. Следуя в своей практике за пролетарской формой борьбы — забастовкой, фронт наряду с ней применил еще свою специфическую форму борьбы — братание, поддержанное и пропагандируемое большевистской партией. Этим самым фронт становился на путь самой активной борьбы за претворение в жизнь ленинского лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Февральская революция явилась общим мощным штурмом самодержавия со стороны пролетариата и шедших за ним масс крестьянства (в том числе вооруженных рабочих и крестьян). Огромная заслуга нашей партии заключается в том, что она не только дала общие лозунги борьбы, но и определила ее конкретное содержание. Революционные действия пролетариата в тылу стали конкретным образцом тактики для солдата. И если даже широкая солдатская масса не всегда отдавала себе отчет в том, что она идет по пути осуществления большевистских лозунгов, то конкретные ее шаги полностью отвечали этим лозунгам. В этом заключается мудрость и мощь нашей партии, которая отстаивала именно ту программу действий, которая полностью отвечала основной принципиальной линии самой партии и служила поднятию масс на более высокую ступень организованности и сознательности. Фронт вступил в Февральскую революцию, имея уже за собой значительный опыт революционной борьбы по превращению империалистической войны в гражданскую.

Опыт революционной борьбы солдат и их положение с большой наглядностью отражены в письмах с фронта, часть которых мы публикуем ниже.

Само царское правительство позаботилось о том, чтобы до нас дошел этот исключительно убедительный по своей массовости и исключительно яркий по своей непосредственности и наглядности источник. Подавляя в корне малейшие проявления недовольства и совершенно не допуская опубликования каких бы ни было сообщений о них в печати, правительство пошло по пути самого тщательного просмотра корреспонденции между фронтом и тылом. Письма с фронта в тыл и из тыла на фронт внимательно изучались, и на основании их делались специальные обзоры о настроении солдат, подкреплявшиеся извлечениями и выборками из самих писем.

Нами тщательно обследованы обзоры и выдержки военных цензоров по юго-западному фронту, по Московскому и Одесскому военным округам и, наконец, материал (частичный) по северному и западному фронтам. Наиболее интересными и содержательными были обзоры по Московскому и Одесскому военным округам и об-

[1]) ЦВИА, д. № 94—056, л. 332.

зоры отдельных цензоров юго-западного фронта. По юго-западному фронту обзоры составлялись по особому плану, и выборки тщательно систематизировались, причем подбор последних не носил одностороннего характера. В остальных случаях мы чаще всего встречаемся с крайне официозно звучащими обзорами и односторонне подобранными выдержками. Это и понятно. Получив возможность посредством перлюстрации узнать подлинные помыслы солдат, правительство как бы убоялось того, что открылось перед ним, и предприняло соответствующие меры для своего успокоения. Высшее начальство нетерпимо относилось к обзорам и к подбору выдержек в тех случаях, когда приводились многие строки, рисующие далеко не «ура-патриотическое» настроение солдат. Начальство находило, что местные цензоры излишне сгущают краски и односторонне освещают настроение «серых героев». Понятно, цензоры старались во-всю. Прежде всего они подбирали наиболее выигрышные с официальной точки зрения письма и потом уже давали выдержки, рисующие проявления недовольства солдатской массы. В некоторых случаях это делалось крайне неуклюже и топорно. Несмотря на то, что содержание выдержек и отдельные замечания самих цензоров говорили об усталости от войны, о недовольстве начальством, о желании мира и т. п., цензорские отчеты механически повторяли: «Воля масс к победе остается непреклонной и неизменной».

Понятно, тем ценнее для нас те строки обзоров, а в особенности писем солдат, которые самым непосредственным образом вскрывают нарастание недовольства в солдатской массе. Мы постарались отобрать из выборок из солдатских писем наиболее яркие и содержательные. Выборки систематизированы по следующей схеме:

1. Довольствие фронта (пища, одежда, обувь).
2. Вооружение фронта; снаряды.
3. Армейский режим и взаимоотношения солдат и офицеров.
4. Болезни, содержание солдат в лазаретах.
5. Неудачи на фронте и влияние поражений на настроение солдат.
6. Недовольство войной и ожидание мира.
7. Сдача в плен, дезертирство.
8. Отказы от наступления и «забастовки» солдат.
9. Братание с противником.
10. Интерес к внутренним событиям и нарастание революционного недовольства на фронте.
11. Солдаты-крестьяне и вопрос о земле.

Нами взяты лишь те письма офицеров и медицинского персонала, которые наиболее ярко рисуют положение и быт солдат фронта (всего 4—5 писем).

Основная масса приводимого нами материала падает на 1916 год. Для полного отражения положения и настроения солдат на фронте мы даем материал в хронологическом порядке.

Публикуемые здесь материалы представляют собой извлечения из следующих дел Центрального военно-исторического архива:

I. Фонд штаба главнокомандующего армиями юго-западного фронта (отделение военно-цензурное).

1. Дело № 25—899, письма №№ 1—45, 47, 48, 49, 50, 51.
2. Дело № 25—921, письма №№ 46, 52, 53-а, 72, 73, 74, 78, 88, 91, 91-а, 91-б, 92, 140, 141.
3. Дело № 25—906, письма №№ 53, 54, 55, 56, 57, 75, 96, 98, 142, 143.
4. Дело № 25—907, письма №№ 58, 70, 93, 94, 113, 114, 114-а, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121.
5. Дело № 25—910, письма №№ 60, 68, 69, 82, 151.
6. Дело № 25—922, письма №№ 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 71, 76, 77,

79, 80, 89, 90, 95, 97, 112, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 144, 145, 156.

7. Дело № 25—925, письма №№ 81, 83, 99, 102, 103, 104, 136, 137, 138, 139, 148, 149, 150.

8. Дело № 25—945, письма №№ 84, 85, 86, 87, 100, 101, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 152, 153, 154, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 172.

9. Дело № 25—923, письма №№ 131, 146, 147.

10. Дело № 25—908, письмо № 155.

II. Фонд штаба главнокомандующего армиями северного фронта (военно-цензурное отделение).

1. Дело № 94—056, письма №№ 132, 133, 135, 157.

2. Дело № 222—554, письма №№ 168, 169, 170, 171.

О. Чаадаева.

1915 год.

I. ДОВОЛЬСТВИЕ ФРОНТА (ПИЩА, ОДЕЖДА, ОБУВЬ).

№ 1.

1 взвод 14 р. 15 Кавк. стрелк. № 1 полк, от Гавриила Ефим. Андреева. Ст. Переездная, Любим. пост, в Боровскую в Ив. Троф. Лысенко [1]).

28 июля 1915 г. Харчи очень плохие, почти голодные, дают нам на 8 человек один хлеб, то нехватает и пообедать, а ужин без хлеба, варят почти самую воду, только что соленая, и мы стоим здесь, как зайцы, почти и спим не раздеваясь, потому что ожидаем день ото дня — скоро идем в бой.

№ 2.

Часть войска неизвестна. Печати нет. От Николая Емельяновича Клюева А. И. Булкиной, Москва, 1-я Мещанская, Грохольский пер., № 38.

А казенного белья теперь не дают. Очень теперь стало плохо, все солдаты ходят почти что босиком и без белья; так трудно, что не знаю, как это кончится. На деньги купить негде, а если и есть, то очень все дорого, и деньги есть лишь у немногих. Теперь очень плохо, хлеба мы не получали две недели, а дают все лишь одни сухари; вот как хочешь, так и воюй. Сухарей тоже мало, табаку совсем нет.

№ 3.

210 пех. Бронницкий полк.
Д. С. Григонис, Москва, Пречистенка, д. Шервинского.

Неладно становится теперь солдату, во всем трудно; что следует по положению, не дают — ни хлеба, ни сахару и т. д. Все это связано с алчностью начальников на деньги, которые они получают из интендантства за наше насущное недополучение хлеба и пр. Срам, от солдатской экономии за год войны в полку набралось более 160 000 р. экон. сумм, от солдатской «роскоши» — хлеба и сахара.

---

[1]) Черным шрифтом здесь и далее набраны имеющиеся на перлюстрациях заголовки писем, оставляемые нами без изменения.

№ 4.

26 пех. Могилевской полк.
В. П. Варгиной, Москва, Ваганьковское кладбище.

Живем только на чаю, кормят нас очень плохо, хотя начальством и приказано увеличить порции мяса и давать солдатам масла или сала; порции сначала увеличили, а потом опять дают маленькие, что малому только ребенку хватит, а масла дали только один раз, только перед приездом в наш полк генерала, командира нашей армии, а потом больше его и не видали. В России думают, да и газеты пишут, что у нас всего довольно, что солдаты одеты и сыты хорошо, а на самом деле солдаты хотя и одеты, но голодны, как волк зимой, а по расписанию каждому солдату полагается мяса, крупы, сала, масла на 60 коп. в сутки, а отпускается на деле на двугривенный, да и того не набирается. Что же смотрят, ведь это же все видно! Нам и без того приходится переживать массу невзгод, да еще вот прибавка, ведь один ужас. Да на погоде теперь очень много больных.

№ 5.

266 пех. зап. бат. Клушино.
Е. З. Подпориной, Москва, Б. Якиманка, дом Купеческого о-ва.

Шинели еще не выдают, бегаем в тоненьком пальтишке. Сильный кашель. Кормят голодно и скверно. Скорее бы к смерти!

№ 6.

25 мортирный дивизион. 1-я бат.
И. В. Антонову, Москва, Хамовники, 2-й конный запас, 3 рота.

Обувь у всех худая, видны пальцы, починки не жди. Шинели тоже худые и не починяют.

№ 7.

1-й Саперный бат. 1-го кабельн. отд.
А. А. Кузнецову, Москва, Чугунный мост, Лаковый завод.

Вот когда бы нужны были подарки — теплые вещи: наступила зима, холодно, дрожим, а теплых вещей не дают. Прошлый год Москва и Петроград нас наградили — завалили подарками, а нынче совсем забыли о нас,— разве мы виноваты во всем?

№ 8.

Гор. Можайск, Моск. г., Варшавск. крепостн. артил. 17 рота, С. С. Бубличенко.
А. С. Наливайковой, гор. Ауэлетта, Карабалтынской вол. и села.

Еще уведомляю, милая сестрица, что служба моя, слава богу, сижу в избе босой, без сапог, не дают, пища же — едим один хлеб, но такой, как дома свиней кормили, а денег, говорят, отпускают много,— вот какова служба, расскажи всем.

№ 9.

Печать неясна.

Д. С. Пантюшину, Москва, Фуркасовский пер., Страховой союз.

К смотру государя приготовили одну роту, собрав для нее все более лучшее обмундирование со всех полков, оставив всех плохо обмундированных солдат в окопах: мало, а где и совсем нет сапог, ранцев, патронташей, брюк, мундиров, шапок и башлыков, да, собственно говоря, недостаток во всем и всюду. Благо, немец не наступает, а сгони они нас с места, так все и померзнем; очень мало перевозочных материалов, а кое-что доставляется очень медленно и в крайне малом, недостаточном количестве.

II. ВООРУЖЕНИЕ И СНАРЯДЫ.

№ 10.

Управление 1-го дивизиона тяжелого мортирного полка. В. Кор...[?]
От 24 июля.
Харьков, Газовая, 4, П. К. Тимченко.

В особенности большой недостаток снарядов для полевой легкой артиллерии. Ружей и патронов тоже не особенно густо. Маршевые роты являются на позицию без оружия и получают его только после убитых или раненых. Очень много солдат, в особенности в тылу, вооруженных старыми винтовками, а также австрийскими,— благо, их взяли не одну тысячу. Вообще победа зависит от вас, приготовляющих снаряды.

№ 11.

Без воин. печ., п. п. к-ра № 123, от 14 июля 1915 г.
Харьков, Максимилиановская, Ч. К. Бобловской.

Настроение у всех подавленное — главное: отсутствие оружия. Вот у нас четвертый день сидит 1 000 человек, ждут у моря погоды.

№ 12.

305 транспорт, 61 обозный бат.
К. М. Виноградовой, Москва, Немецкая ул., № 5.

Дела наши стали хороши. Наша артиллерия везет орудия на позиции, одно орудие по 30-ти лошадей, а полем кладут рельсы. Солдаты, увидя большие орудия, от радости целуют их.

№ 13.

209 пех. Богородского полка, 24. VIII.
Ф. П. Климову, Москва, Сухарева пл., магазин.

Теперь у нас стало веселее, потому что стало гораздо больше снарядов, батареи стреляют, уже не жалея снарядов, а то, когда были под Кальварией, по нас сыпят, а мы молчим.

№ 14.

726 воен. транспорт, 160 обозн. бат. 28. VIII.
М. И. Кузнецовой, Москва, Тверская, Богосл. пер., 8.

Есть надежда, что далеко не отступим, подвозят снаряды, а это самое главное и всех радует.

№ 15.

488 пеш. Московская дружина. 25. VIII. Т. Д. Макукит.
Н. Л. Биатову, Москва, Замоскворецкий парк гор. ж. д.

Грустное впечатление производят запасные батальоны,— за неимением ружей занимаются с палками, одеты кто в чем попало, и это в 12 верстах от неприятельских позиций!

№ 16.

В. К. Королькову, Москва, Бахметьевская, № 10.

Слава богу, вот теперь врага поколотим как следует, теперь снарядов возят очень много, беспрерывно, парки, транспорты и автомобили, возят как раз мимо нас и день и ночь.

III. АРМЕЙСКИЙ РЕЖИМ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ.

№ 17.

Смоленск. пех. зап. батал. 29. VII.
В. П. Парфенову, Москва, Петроградское шоссе, 18.

Порядки у нас в батальоне невыносимые, за каждый пустяк наказывают. Уже один наш взводный самовольно уехал на позицию. Особенно нехорош помощник начальника команды — это прямо злой человек, больной, раздражительный, только и знает, что на 2 часа под ружье. Его тут никто не любит. Сам же начальник — душа человек, все-то он тебе расскажет, за любым советом приходи к нему во всякое время, он, родной отец, любит всех, как своих детей.

№ 18.

60 п. Замостинский полк, 8 р., А. Новиков.
А. И. Ивановой, Москва, Таганка, Б. Алексеевская, 4. Лазарет.

Того подъема, который был в войсках раньше, в войсках нет...
На глазах 28 тысяч солдат во Львове пороли 5 человек за то, что вышли без спроса со двора купить белого хлеба.

№ 19.

Смоленск, 66 пех. зап. бат., 8 р., 1-й взвод.
М. Г. Овчинниковой, Москва, Симонова слобода, д. Овчинникова.

Что за занятие у нас! Стараются сразу убить у всех дух, запугать, сделать из нас не живых людей, а каких-то манекенов. Как

зачесались у меня руки, когда на моих глазах ефрейторишка ударил моего товарища студента Шенева, но ничего не сделаешь, терпи казак — атаманом будешь.

IV. БОЛЕЗНИ И СОДЕРЖАНИЕ В ЛАЗАРЕТАХ.

№ 20.

216 п.-т. отд.
Харьков, А. П. Нечаевой, Сумская, 20. — Письмо от 15. VII. 1915 г.

Холера гуляет во-всю, каждый день по сто человек привозят заболевших с позиции, болеют окружающие жители, процент смертности огромный.

...Я тебе опишу, в каком виде лежат и лечатся больные: все лежат на соломе, без матрацев и подушек, дезинфекции никакой, хоронят умерших сейчас же за халупами галичан. На 500 душ больных два врача и 4 фельдшера. Медицинский персонал с ног валится. Некоторые санитары от переутомления свалились с ног, заболели и умерли.

Больные не изолированы, зараза распространяется, нет посуды для отправки больных в глубь страны, нет извести и нет дезинфекции.

№ 21.

Пол. п. к-ра № 13.
В. И. Карпову. Москва, Таганка, д. Ташкапаль.

У нас в войсках появилась холера, брюшной тиф и кровавый понос, в нашем полку очень много умерло солдат.

V. НЕУДАЧИ НА ФРОНТЕ И ВЛИЯНИЕ ПОРАЖЕНИЙ НА НАСТРОЕНИЕ СОЛДАТ.

№ 22.

Пол. к-ра № 126, 26. VI. 1915 г.

У нас на фронте дела незавидны, мы находимся в 30 верстах от Холма, чуть не каждый день отступаем, при отступлении много потерь и урона.

№ 23.

Телегр. рота Гренадерского саперного бат., 2-е кабельное отделение. 20. VIII.
И. В. Сухачеву, Москва, Б. Татарская, Завод Доброва-Набгольц.

Дела наши неважные, все время отступаем, снарядов нет, но надеемся, что скоро приготовят. Наш корпус весь растрепали, и войска падают духом.

№ 24.

Печать неясна.
И. Е. Борисову, Москва, Тверская, 16.

Дела наши неважные, мы все отступаем, а главное, потому, что нет снарядов,— вот до чего довоевали, а все сделали военные мини-

стры, а теперь вместо снарядов приходится отдуваться людьми, нужно бы поддержаться, а у нас ничего нет, вот что наделали!

№ 25.

26 пеш. артил. бригада.
А. М. Веверт, Москва, Серпуховка, 2-й Павловский пер., 6.

Говорят, немцы заняли ж.-д. линию Варшавской дороги, причем некоторые части нашего корпуса отступили не совсем хорошо. Все из-за патронов. С... с... этого Сухомлинова давно надо четвертовать в Москве на Лобном месте. Пожалуй, действительно скоро очутимся недалеко от вас.

№ 26.

Печати нет.
М. А. Дееву, Москва, ст. Мытищи, Военный завод.

...Но, дорогой кум, быть может, мы немца и победим, но и от нас останется одна копия, а сама Россия не воскреснет 100 лет, а если не будет у нас снарядов, то прямо сдавайся.

№ 27.

Никольский пех. полк, 19 августа.
М. И. Грачевой, Москва, Ащеулов пер., № 12/2.

Наверное всетаки скоро придется сознаться, что дело войны наше проиграно, а главное, продано кругом.

№ 28.

Лазарет 123 пех. п. 14. VIII.
Е. С. Шевцовой, Москва, М. Спасская [1]).

Как надоела эта цыганская жизнь, вечные походы, вечная грязь существования, постоянная усталость от нравственных переживаний вследствие душу раздирающих картин отчаяния населения и наших новых, но вечно старых неудач! Брест оставлен не только как крепость, но и как укрепленная позиция. Творится что-то непонятное. Новогеоргиевск и Ковно послужили только славе германцев. Отходим на восток все дальше, но зацепиться не за что. Снарядов попрежнему нет, а дух нижних чинов и психика гг. офицеров пали ниже нуля. У меня лично начинает падать надежда и на Государственную думу. Что-то будет? И мир желать нельзя, и воевать таким образом даже немыслимо. Будущее было в тумане, теперь же превратилось в темную, ненастную ночь, про которую нельзя даже сказать: «Чем ночь темней, тем звезды ярче», ибо и звезды закрыты черными тучами, и ветра почти нет. Не будет ли бури? И хочется, и страшно. Твой К. (Письмо представлено в комиссию 27 августа).

[1]) Повидимому, письмо врача. — *О. Ч.*

№ 29.

10-го пех. дивиз. перевязочн. отряд. Белосток, Ефим Диомидов Чернышев.

Ст. Дружковка, завод Торецкого о-ва, Александру Антонов. Беликову. 3/VIII. 1915 г.

У нас сейчас кипит работа день и ночь, идет так, что некогда и в гору глянуть, но мы понемногу отступаем. От Ломжи до Белостока отошли. Дорогой братец, если бы вы посмотрели, что тут делается! Протяжением более на сто верст едут обозы военные, а большей частью вольные покидают свои родные жилища и идут на произвол судьбы, куда — и сами не знают. Жаль смотреть на эту картину, гонят за собой коров, свиней, что только возможно, забирают, а остальное остается и переходит в чужие руки. Посмотришь, дети плачут,— бывают такие случаи — родные теряют своих детей, и только и слышно плач и рыдание несчастных поляков, потому что их выселяют, а хлеб и хаты жгут, чтобы не досталось немцам в руки ничего.

№ 30.

Печати нет. 4/VIII.

К. В. Николаеву, Москва, Юрьевская ул., Лефортово, д. Демина, кв. 4.

В связи с нашими неудачами в армии носятся слухи и толки один чудовищнее другого. Передавать их не буду, ибо им не верю, но их невероятно [много]. Страшно хочется дожить до конца, чтобы узнать всю закулисную сторону этой кампании. Хотелось бы написать много, много, но руки связаны военной цензурой. Приходится писать урывками, недомолвками, намеками, словом, сдерживаться.

№ 31.

Печать неясная. 6/VIII.

Я. Ф. Калиниченкову. Беловодское почт. отд. Семиреченской области.

Бьемся здорово. Гремит все так, что земля дрожит, но конца не видно. Люблин отдали, но надолго ли, не знаю. Дела наши плохи, потому что столбы гнилые...

№ 32.

87 пех. Нейшлотский п. От 27/VIII.

Святые горы, д. Пришиб, Тимофею Шевченко.

...Да и не победить нам немцев с нашими порядками. Начальство нас называет трусами и изменниками, а само при первом бое удирает в тыл... А в Думе речи только красивые говорить умеют, а работать будет Ванюха да Петруха.

№ 33.

От 26/VIII.

Туда же.

Наше начальство нас на каждом шагу ободряет, но все мы не верим ни во что... Тихон Шевченко.

№ 34.

61 пех. Владимирского полка.
А. А. Курыпиной, Москва, Петроградское шоссе, № 30.

Настроение, с наступлением злой осени, также изменяется к худшему. Да и какое же может быть настроение, когда мало того что осень, а вообще все наши дела не веселят!

№ 35.

5 грен. Киевского полка.
П. В. Кочетову, Москва, Брестский вокзал. Вагонный парк.

Уверенности в победе у солдат нет, настроение у всех последнее время стало скверное. Кругом неудачи. Тут еще скверная погода. При наших порядках России совсем не везет.

№ 36.

Без печатей, от 19 августа.
Почт. отд. Змиевского у., Харьк. г., с. Березка, Н. Г. Кореневу.

Дела наши нехорошие, позорные,—каждой ночью тикаем,—сколько отдали губерний, так стыдно писать! Кроме Курляндии, Либавы и т. д. Ну, мы не виноваты, что не вволю снарядов. Солдатики стараются, но дела плохи, страшно разбивает барбос наши войска, забил памороки, а всетаки надеемся все возвратить, только по виду делов война протянется...

№ 37.

Часть войск неизвестна.
И. Л. Дубову, г. Верный.

А дела-то наши паршивые тут, ничего не поделаешь, голыми руками не возьмешь. Всю нашу дивизию разбил герман, половину, конечно, в плен забрал. Досадно всетаки, думаешь: кто же виноват в наших неуспехах, кто сделал тысячи людей несчастными, детей сиротами? Во всяком случае, не сами солдаты виновны во всем этом. Ну, да известно — всегда после драки кулаками махать приходится в матушке России.

Так, значит, киргизы тоже свои права заявляют, ну а следом за ними и сарты, и все остальные, наверно, уж не отстанут. Дело дрянь. Здесь нам трудно, это все ничего, а вот там-то, дома, вот это солдату прямо за сердце щиплет, дескать: за что же там страдают?

№ 38.

51 Сиб. стрелк. п. 16. IX.
Ю. М. Хлоповой, Москва, Зубово, д. Жиро.

Мы сквозь и везде отступаем, пока верх немецкий, хотя, барышня, вы и говорили, что немца надо стереть, но они мало поддаются. Не знаю, исполнятся ли мечты всей России, чтобы разбить Германию, наверное нет — нечем, нет винтовок, нет снарядов, нет сапог, нет шинелей, нет шаровар, нет..., да почти что ничего нет, почти что нет даже тех солдат, которые должны бы разбить Германию—

да хотя бы выгнать из своей земли,— теперь солдаты такие все старики, ратники, с них много не спросишь, да и нечего спрашивать. Где то русское богатство, что говорили: «Россия всем богата»? Немцы берут все артиллерией, а Россия хочет взять кулаками, петушиным боем, а немцы в это не играют. Было время — проворонили.

№ 39.

27-го саперного батальона.
М. И. Стриженовой, Москва, Земляной вал, № 123.

С отсылкой писем у нас теперь целая история, на все письма, адресованные не в войсковые части, требуют приложения гербовой печати, но кто ее даст? Цель этого распоряжения ясна, чтобы солдаты не писали всей правды, что здесь делается. Мера чисто русская, — если бы от народа не скрывали всей правды, то, во всяком случае, не получилось бы такого позора, какого история России не знает. Выгнали нас из Галиции, отняли всю Польшу, разбили все наши крепости и в заключение стремятся прижать к Пинским болотам, и если не успеют предпринять противоядие, то в Пинских болотах погибнет наша армия.

№ 40.

Часть войска неизвестна, Красноперов.
Н. В. Рудаковой, Москва, Б. Никитская, 40.

...Но все еще у нас недостаток снарядов и винтовочных пуль. У всех нас сейчас настроение плохое, очень неприятно, что нас враг гонит назад; тогда было весело и хорошо, когда мы гнали. Мы все сочувствуем, что вы, все гражданское население, стараетесь спасти Россию и облегчить армию, но, увы, начальство у нас действует как раз наоборот.

VI. СДАЧА В ПЛЕН, ДЕЗЕРТИРСТВО И ОТКАЗЫ ОТ НАСТУПЛЕНИЯ.

№ 41.

Полевая пчт. к-ра № 19.
Т. В. Бурхановой, Москва, Собачья пл., № 1/а.

Про настроение солдат писать не стоит, но все-таки напишу. Представится случай, охотно идут в плен, а тем более, что против нас австрийцы, а у них, как нам известно, лучше, чем у немцев.

№ 42.

Действующая армия.
А. П. Серегиной, Москва, Каретно-Садовая, № 8.

Австрийцы очень часто переходят к нам в плен, наши тоже не спят: как только начальство заглядится, и уходят. Но я лучше умру, не сделаю этой гадости, да и к чему, хотя и трудно сидеть в окопах, но много лучше, чем в плену; у нас харчи очень хорошие и всего хватает, и всегда мы сыты, а там и мирные-то жители издыхают от голода.

№ 43.

2 Сиб. стрелк. зап. бат., 11 р., 1 взвод.
А. А. Хрусталевой, Москва, Овчинниковская наб., № 22.

У нас много народа бегут из лагеря, в одном взводе было 65 чел., а осталось только 30, а 35 убежало; в нашем взводе убежало уже 10 человек.

№ 44.

69 марш. зап. бат.
А. А. Жарову, Москва, Каретно-Садовая, № 2.

Когда мы ехали в место стоянки на ст. Уваровка, ратники стали убегать, конвой открыл стрельбу, но на это убегавшие не обращали никакого внимания, соскакивали на ходу и убегали под не смолкавшими выстрелами. Приехавши в Уваровку, оказалось, что из 800 чел. убежало 372 чел. Устроились неуютно, холодно, а главное — голодно, и на свои деньги купить негде и нечего.

№ 45.

Штаб 33 корпуса; канц. инспектора артиллерии.
С. В. Сухареву, Москва, Кремль, Арсенал.

...Есть новенькое — пластунский полк отказался итти в наступление, говорят: «Так что без артиллерии не пойдем»; не знаю, что им будет, хотя я это пишу, но если раскроют, то не дойдет письмо. (Письмо представлено в комиссию 2/XI).

VII. БРАТАНЬЕ.

№ 46.

35 пех. Брянский полк.
Москва, Ильинка, т. д. Петрова-Щеголева. С. Г. Лаврентьеву.

На рождество на позициях происходили некоторые интересные эпизоды. Например, несколько солдат сговорились побрататься на праздниках с немцами. Для этой цели купили два белых хлеба, попросили ротного командира написать по-немецки — поздравить с праздником, положили записку между хлебами и вынесли вперед окопов на глазах у немцев, которым делали знаки, чтобы не стреляли. Те, конечно, видят, что идут солдаты с белыми хлебами... не стали стрелять, смотрят, чем все это кончится. Наши положили хлебы, а сами спустились в окопы, смотрят, что будут делать немцы. Они вылезли, взяли хлебы, поблагодарили, раскланялись с нашими солдатами. Один наш унтер-офицер заиграл на мандолине, немцы поплясали под музыку и взошли в свои окопы. Чтобы отплатить нашим за гостинец, они тоже бросили нам яблоки, папиросы и баклажку вина. Все это происходило на фронте нашего участка.

VIII. ИНТЕРЕС К ВНУТРЕННИМ СОБЫТИЯМ И НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО НЕДОВОЛЬСТВА НА ФРОНТЕ.

№ 47.

Действующая армия. 20. VIII.
Д. Семину, Москва, Эльдорадов. тупик, д. Шаврина.

Мы узнали про министра военного, что сволочи сделали, всю Россию продали; у нас то же самое; если бы в России начальники были все русские, давно бы врага разбили, и было бы спокойно, но теперь, как видится, затянется все надолго. Если господь поможет нашим союзникам взять Дарданеллы, да взялась за дело Государственная дума, то, может, все кончится скоро. Сейчас, дорогой друг, все знаем, но ничего не сделаем, потому что мы рассеяны, но, если дождемся мира, будем живы, тогда не оставим ни одного немца, будь хотя и русский подданный,— они только для этого и перешли в подданство.

№ 48.

887 транспорт, 78 обозн. бат. 2. VIII.
Н. Н. Аверьеву, Москва, Варварка, торг. дом Попова.

Здесь всех теперь интересует не театр войны, а Петроград. Судьба войны решается там, т. е. будет успех наш или нет.

№ 49.

189 пех. Измаильского полка.
А. Н. Соломиной, Москва, Лубянский пр., № 21.

Здесь есть слух, что распустили Государственную думу, но подтверждения еще не имеем — будет плохо. Приезжие из глубины России сюда на позиции говорят, что настроение народа подавленное, но с роспуском Думы положение будет еще хуже. Напиши подробно, как отзывается народная масса на войну и особенно к Государственной думе. Думается, что и народ не доверяет правительству, и как реагирует на роспуск Думы. В особенности Москва — здесь сильнее, чем где-либо, сказывается настроение всего народа.

№ 50.

23 ополченская легкая батарея. 22/IX.
М. Х. Мухиной, Москва, Грузины, Георгиевская пл., д. Гульшина.

Оказывается, 14-го в Москве были беспорядки, но в газетах про них написано очень глухо. Вызывали войска. Вот меня интересует — войска стреляли в народ или нет? Полиция, чорт с ней, а вот войска как? Если знаешь, то напиши. Если войска опять начнут свои усмирения, то это будет очень плохо. Войска с позиций в своих не стали бы стрелять, а ведь в Москве ополченцы, которые на позициях еще не были, и те, конечно, могли. Вообще по всему видно, что у вас настроение очень тяжелое и скверное. Впрочем, это и понятно, в такую тяжелую минуту, когда нужна поддержка общества, когда в тылу нужен мир, полиция вызывает беспорядки. Думу распускают и на-

чинают опять старые приемы — осади, не пущай и т. д. Если будет так и дальше, то дело кончится плохим.

№ 51.

Войсковой печати нет, штемпель конторы неясен.
Е. И. Пудовкиной, Москва, городская управа, водопроводный отдел. Ноябрь 1915 г.

Все, что мы узнали про события последнего времени о России, очень и очень печально и грустно,— повторяется старая история, даже в такое время, как настоящее, когда, казалось бы, должны были бы считаться с желанием народа и не только высказывать [?] разные недовольства сознательной части наших соотечественников, но всеми способами подчеркивать, что большинство этих требований и желаний и своевременны и законны; что народ, который в настоящую войну доказал на деле свою зрелость и сознательность, достоин того, чтобы с его желаниями считались. Но... Россия, правящая Россия, остается прежней, несмотря на все свое банкротство, проявившееся в особенности реально в настоящую войну; достаточно указать хотя на «своевременную» заготовку и доставку снарядов и др. воинских грузов, вызвавших такую массу неудач и жертв. И разве шум, поднявшийся вокруг этого дела, не законен, не своевременен? И разве только один шум уже не принес пользы нашей родине? Грустно все это и обидно, но я уверен, что правда, в конце концов, возьмет верх, и всякий из нас, благополучно дождавшийся хорошего победного конца этой войны, вернется в уже изменившуюся, обновленную Россию, где не будет места недоверию и подозрению в неблагонадежности. Это будет, и в это я верю.

№ 52.

20 пех. Галицкий п.
Киев, Левандовская ул., д. № 23, кв. 4, Малаховой. Ноябрь 1915 г.

Наш тыл нам страшнее всех немецких армий... Если мы [не] будем побеждать, нас победят не армии немцев, а наш тыл... А все-таки хочется верить, что когда-нибудь будет порядок и в нашей великой и обильной земле, тогда нам ничего не страшно.

№ 53.

Подпись неясна.
Юрьев, гл. к-ра В. У. Попова, С. И. Морову.

Что-то ждет Россию?.. Не напрасно, видно, правительство прибавило жалованья полиции. Для чего-то, видно, их берегут и балуют! О, как омерзительны они в своей праздной жизни при общей работе!

1916 год.

I. ДОВОЛЬСТВИЕ ФРОНТА (ПИЩА, ОДЕЖДА, ОБУВЬ).

№ 53а.

488 пех. п.
М. М. Соловьеву, Москва, Виндавский вокзал. Январь 1916 г.

Холодно, головы в летних фуражках, нам не выдали сапог, пальцы торчат... почти треть полка босиком.

№ 54.

Даниил Павлович Бойко, 244 пех. Красноставский п., 11 рота, 3 взвод. Бердичев, Каленику Бурдели, село Чехи.

Я был сильно болен, у нас все солдаты болеют от голода. (Эта выборка вымарана.)

№ 55.

Антон Доманский, 159 Горийский полк, 10 рота, 1 взвод. Бердичев, Материальная ул., 8, Павлу Доманскому.

Кушать не имеем чего, хлеб такой, что об дорогу бей, и не разобьешь, а суп нельзя кушать.

№ 56.

Артем Пазюк, 143 пех. Дорогобужский п., 5 рота, 2 взвод. Дзюнков, Прокофию Пазюку.

Кормят плохо, лишь бы не умер: хлеба 3 фунта на 4 дня, сахару 20 кусков на 10 дней, а чай хочешь пить, нужно пойти в лес, разложить огонь и кипятить воду в котелке, если есть, а если нет, то и пить не будешь. (Означенная выборка вымарана.)

№ 57.

Б. Ковальский, 45 пех. Азовский полк. Житомир, Станиславу Ковальскому. Февраль 1916 г.

Всегда нахожусь на позиции, обмерзлый, обмокший и вдобавок голодный, как собака. Бывают дни, что кроме хлеба ничего не кушаешь. Сколько сил и здоровья пропадает здесь!

№ 58.

Сб. и сорт. пункт при упр. Житом. воин. начальника. М. Вахловка, Киев, село Брицкое, Нест. Ив. Бубело от сына Феодота. Апрель 1916 г.

Пищу дают постную, с гнилой рыбой, и такой скверной, что не только нельзя ее кушать, а даже стоять в той кухне, где варится пища, потому что от гнилой рыбы получается страшная вонь.

№ 59.

209 Богородского п., 12 р., 1 взвод. Письмо в Москву.

Здесь кормят мало, а больше бьют по морде, и порют без пощады и без причины.

№ 60.

Бердичев. Караульной к-ды. В Харьков.

Мясо, рыба вонючие... Заявляли ротному командиру, а он говорит: «Не подохнете, будете живы, а дома что ели?»

№ 61.

От Фад. Михалечко, 17 ж.-д. бат., 2 рота.
С. Москалевка, Кремен. у., Оресту Медвецкому.

Служить стало плохо, потому что уменьшили мяса, крупы, картофеля и хлеба, и хоть дают рубль в месяц, но приходится покупать хлеб и картошку на свои деньги, и все жалованье приходится тратить, еще даже мало.

№ 62.

45 пех. Азовский п.
Одесса, Воронцовская ул., 112, Апокиной.

У нас на позиции снег по самую шею и мороз. В окопах холодно, я отморозил себе пальцы; прямо мучают народ; замерзли уже человек 40 на смерть; одежи теплой не дают, кушать на день раз в сутки, хоть пропадай. (Письмо отправлено командиру части.)

№ 63.

Воинская часть неизвестна.
Одесса, Арнаутская, 43, В. Лучиной.

В окопах и холодно и голодно. Нам привозят суп почти что одна вода, и когда бы хоть было много, а то почти дают по три ложки, и хлеба совсем мало.

№ 64.

Команда отд. саперн. роты.
Одесса, Ольшевский, № 9, В. Дворецкому.

Кушать нечего, наварят каши, то собаки не будут кушать, так что только и живешь на свои копейки.

№ 65.

19 стр. п.
Одесса, I бат. Черном. фл., 2 рота, С. Бойну.

Мало дают хлеба, 10-фунтовую буханку на 10 человек делишь. Если деньги есть, так купишь и съешь сразу, а другой раз нету, и целый день голодаешь.

№ 66.

11 рота, 214 зап. бат., от Мих. Восвизика.
Ст. Каменец, Кузьме Восвизику.

Передайте родным и знакомым, чтобы боялись военной службы, как огня, потому что ни обуви хорошей, ни одежды, ни пищи. Даже мяса не дают, а вместо мяса гнилую рыбу и с червями грибы. Я кое-что собственное покупаю, потому что съехать на казенное, то можно подохнуть скоро.

№ 67.

Прапорщика Чиликина, 3 саперн. бат., 1-я рота.
Письмо адресовано в Москву.

Меняем сапоги, подошвы у которых оказались деревянные, из лубка, снаружи покрыты тонкой кожей. Меняем шинели. Невозможно

описать, до чего оборваны наши солдаты. Шинели дрянные, сукно, как решето, само расползается. Огромные заплаты из палаточной зеленой парусины или из мешков белого цвета, на обшлагах бахрома до вершка длины, подол в лохмотьях, на ногах башмаки, а не сапоги, выше ноги обернуты, чем попало. Форменные оборванцы. Жаль до слез этих боевых солдат! 19 месяцев без отдыха на самых передовых позициях и все время под пулями.

№ 68.

408 пех. Кузнецкого полка.
В Полтаву.

Кормят нас очень плохо, ходим босые или в лаптях; даже нельзя подумать, что солдаты русских войск ходят в лаптях!

№ 69.

287 пех. Пермской ополч. друж., 4-й роты.
Ижевский завод. Октябрь 1916 г.

Жизнь плохая стала, спим в сараях, очень холодно; не работаю, но живу тут же с пленными; пища очень плохая и один раз в сутки [1]).

II. ВООРУЖЕНИЕ И СНАРЯДЫ.

№ 70.

7 бриг.
С. Панов, Кубанск. обл. Апрель 1916 г.

Австриец стреляет по нашей батарее, а наша батарея в него. Австриец один раз выстрелит, а наша батарея сто раз в него стреляет. Теперь у нас снарядов хватает.

№ 71.

Воинская часть неизвестна.
Одесса, Крестьянский позем. банк, С. М. Горбатовой.

Что делается сейчас в окопах, посмотрели бы вы: кругом вода, грязь, неустройство. Блиндажей почти нет. Саперного офицера я полтора года моего пребывания на войне ни разу не встречал. Солдат мучают за работой по рытью блиндажей, и так работа на смарку, и постепенно все это рушится. Взяли недавно в плен австрийцев,— так они в ужас пришли от наших окопов, в которых теперь по колено воды, а мы проводим в них целые недели [2]).

III. АРМЕЙСКИЙ РЕЖИМ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ.

№ 72.

Воинская часть неизвестна.
Упр. хоз. комитета, Мих. Вас. Божко.

Ой, Миша, знал бы ты, что с нашим братом делается, морды бьют, ср... секут по 25 горячих и на смерть убивают...

[1]) На солдата за это письмо было наложено дисциплинарное взыскание: один месяц смешанного ареста. — *О. Ч.*

[2]) Письмо офицера с юго-зап. фронта. — *О. Ч.*

...Зато как только на позицию, так и уйдут все в плен; когда у нас взяли 100 раньше, теперь как был бой, так весь полк ушел в плен.

№ 73.

410 Усманский п.
Киев, Львовская ул., 71, кв. 6, Ал-дру Волошину [1]).

Между мужиком и барином всегда была целая пропасть, но жутко становится, когда слишком реально видишь пропасть между солдатом и офицером. Царствующее убеждение, что солдата может двигать только страх перед начальством, наводит на невеселые мысли. Испытываю ужасное одиночество, а особенно, когда кругом вижу косые взгляды и намеки, что офицер с гуманными взглядами на войне — лишний.

№ 74.

Печать и штамп неясны.
Д. Т. Егорову, Москва, Цветной бульвар, 1-й Знаменский, № 23.

Где это видно, чтобы пороли солдата?.. Не мог утерпеть, чтобы не предать гласности этот позор.

№ 75.

Сергей Петрук, 143 пех. Дорогобужский п., 7 р., 8 взв.
М. Махновка, село Юрьевка, Антипу Тилющуку.

Наш ротный командир очень плохой человек, бьет сильно... (Означенная выборка вымарана.)

№ 76.

VII авиац. дивизион.
Одесса, Софиевская ул., д. № 11, Ольшанецкому, для Сучкова.

У нас теперь строго, уже 8 человек пороли розгами, а сколько по мордам начальник лупит!..

№ 77.

132 бат., ряд. Вишневский.
Харьков, Университетская ул., д. 2, кв. 12, И. В. Вишневской.

В армии и в мирное время до безобразия строгая дисциплина и до ужаса строгие наказания за каждую мелочь, а в военное время за все достается в 50 раз. Военный суд без допроса и без присутствия обвиняемого и без защитников выносит приговор. Каждый несчастный солдат может понести самые ужасные наказания за ничто.

IV. БОЛЕЗНИ И СОДЕРЖАНИЕ СОЛДАТ В ЛАЗАРЕТАХ.

№ 78.

234 пеш. дружина.
Шостка, Аггею Никитичу.

Я получаю письма от товарищей из Гагр, где мне пишут, что ужасно там плохо: утром будят в половине шестого и до 9 часов вечера нельзя не только лечь в кровать, а даже сесть, несмотря ни на какую болезнь; одним словом, истязают больных солдат; многие не переносят и уми-

[1]) Письмо офицера.

рают; кормят совершенно плохо, живот от голода так поднят, что не находишь себе места, а строгости ужасные: старший врач обходится круто и может заехать по физиономии... Все удирают оттуда.

№ 79.

7 эксплоат. батальон,
Киев, Председовинская, 39, П. С. Фалееву. Апрель 1916 г.

Правда тебе сказать, что, кто лежал раз в госпитале передвижном, тот больше не захочет,— там обращаются хуже, чем со скотиной.

№ 80.

Нижний Новгород, 185 зап. б., 1 рота, 2 взвод, от Свистунова.
С. Лепесовка, Ямпольск. вол., Крем. у., Соломии Свистуновой.

Здесь внимания не обращают на человека. Тогда лишь обращают внимание, когда человек упадет с ног, комиссии нет никакой, а если кто запросится в околодок, то доктор за это ставит его на 2 часа под винтовку.

№ 81.

86 зап. полка, от Павла Кравцова.
Иваногород, Ивану Кушкину. Октябрь 1916 г.

Уж, кажется, нет ничего хуже попасть в румынский госпиталь: ни белья, ни бани, харчи плохие, ухода за ранеными никакого. Раненые остаются по нескольку дней без перевязки; никто не хочет лежать в этих лазаретах.

№ 82.

Письмо солдата из 283 полка юго-зап. фр. Сентябрь 1916 г. Зап. госп. В Москву.

Лежать здесь отвратительно, лечение и обращение с больными плохое, грубое, ничему не верят. Внутренние болезни для докторов не существуют, подай им раны, а у кого их нет, так и за больного не считают.

V. НЕУДАЧИ НА ФРОНТЕ И ВЛИЯНИЕ ПОРАЖЕНИЙ НА НАСТРОЕНИЕ СОЛДАТ.

№ 83.

Выписка из обзора цензора по Киевскому военному округу за 20 октября—1 ноября 1916 г.

Несколько раз наступали, но без толку... Порядка никакого нет, и войска все терпели, а теперь не хотят вовсе итти в наступление. Говорят: «Довольно народ губить!»... Командиры почти все из немцев.

У нас солдаты штыки встромили в землю несколько полков, но, наверно, и мы так скоро сделаем.

№ 84.

Воинская часть неизвестна.
Македонскому для Костенко, Кривой рог, Рыбный ряд. 6 декабря.

Бои идут, но только без пользы, немец очень сильный, техника его очень большая, он пускает на нас удушливые газы... У немца есть еще новое изобретение: пускает облако — пламя горючее, что сохрани бог — от этого спасенья нет. Много наших братьев на том свете. (Письмо уничтожено.)

№ 85.

Выписка из письма за 9 декабря. Воинская часть неизвестна.
М. Ф. Мусяку, Одесса, Мельничная ул., 18.

Сейчас у нас наступление идет, и массу народа погубили; как были солдаты чуть только лишние, то всех позабирали, да и сейчас на что уже учебную команду забрали на подкрепление, и сам трясешься, что вот-вот и нас еще пошлют... Дурной народ думает, что после войны будет хорошо. Нет, дорогой, если мы будем все дураками, то хуже будет, чем в крепостное время — это только нас хотят истребить, а остальных взять в свои руки.

№ 86.

4 бат. 61 арт. бригады.
Ф. С. Александровой, село Богородское, Тетюшинского у., Казанской губ.
Выписка из письма за 12 декабря.

Затянулась война, и конца не предвидится. Бои и бои идут каждый день; кровь человеческая льется, но результатов нет.

№ 87.

Воинская часть неизвестна.
В. Е. Гребенитову, Одесса, Черноморская ул., № 13.
Выписка из письма 24 декабря.

Если не удастся вырваться на отдых, можно будет с ума сойти, все опостыло. Бесконечные неудачи наводят на самые грустные размышления... Лучше всего покончить всякие счеты с жизнью. Уже 4 года тяготит это мерзкое ярмо.

VI. НЕДОВОЛЬСТВО ВОЙНОЙ И ОЖИДАНИЕ МИРА.

№ 88.

28 мотоцикл. отд. Москва, Б. Якиманка, д. № 16, А. А. Назаровой.

Вот мы дождемся великого праздника — это окончание войны, этой великой кровавой бойни, уничтожения человечества. Я не называю праздником заключение мира в нашу пользу или нет. Это все равно. Ведь нам, беднякам, опять так же придется своим потом и кровью откармливать до ожирения своих правителей, которые так заботятся о нас. От кого ни послушаешь, все говорят, что жизнь становится труднее и труднее,— нет хлеба, когда его гноят целые миллионы

пудов, и только ради бешеной наживы. Ну, чорт с ними, посмотрим, что будет дальше, соединимся все, чтобы не дать нам погибать...

№ 89.

49 пех. Бр. е. и. в. в. к. Мих. Мих. полка.
Одесса, Балканская ул., д. 105, Пустыльникову.

Это не война, а душегубство, только людей губят.

№ 90.

Лаз. № 1, 15 пех. див.
Одесса, Водопровод, № 6, Е. И. Елисееву.

Вот уже скоро будет два года, как тянется эта проклятая война, которая всех нас лишила свободы и воли и оторвала от своих семейств, друзей и знакомых,— да притом же еще и конца далеко не видно этой войне; до чего надоела эта война, до чего опротивела, что даже свет божий немил стал!

№ 91.

6 пер. отряд Красного креста.
Н. А. Терентьевой, Москва, Преображенская пл., Гучков пер., № 38.

Хотя и ходят слухи о мире, но они ни на чем не основаны. А как бы были рады миру все войска, которые ведут войну! Война надоела решительно всем. Но как теперь заключать мир? И как воевать? Приходится терпеть, ждать. Время решит этот вопрос.

№ 91/а.

26 пех. Могилевский п.
Москва, Ириниская, 36, Хаханину.

Солдаты стали недовольны своим бездельем,—уже скоро, наверное, месяц стоим в резерве, все ждут с нетерпением боев и решить — то или другое, жить или умереть, но страдать довольно. Почти каждый солдат побывал на родине, и каждый узнал, какова жизнь там. Поэтому каждый и решается итти смело в бой и закончить в это лето все, чтобы не страдали мы и те, которые остались дома.

№ 91/б.

233 пех. п.
Москва, Воробьевы горы, А. И. Баташевой, свой дом.

Неужели еще долго придется тянуть эту проклятую войну. Нет, у нас уже стали ходить настойчивые слухи между солдат, что скоро будет мир. Скорее бы, а то страшно надоело.

№ 92.

Воинская часть неизвестна. Мотоцикл. отд. шт. VII армии, подпись неразборчива.
Москва, Кудринская пл., Женский медицинский институт, Е. М. Миловидовой.

На человеческом языке нет слов, которыми можно было бы проклясть виновников настоящей войны.

№ 93.

Этап. п.-т. отд. № 240.
Екатерин. ж. д., ст. Рутченково, Праск. Ив. Дегтяревой.

Что касается доровизны всего необходимого продукта, это везде, наверное, по всей вселенной... Этому виновата война, она все пожирает, и когда этому будет конец, никто не знает... Да, богатым нажива, а бедным разор как физически, так и материально. Кругом, наверное, такое разорение. Ну, что ж, их верх!

№ 94.

Адрес —в Д. А. 1 арт. п., 20 бат. Фед. Редель. Вынуто из почт. ящика на ст. Бердичев.

У нас усиленно говорят о мире; все уверены, что мир будет заключен в это лето, а в крайнем случае осенью — какое это было бы блаженство!

№ 95.

Воинская часть неизвестна. Одесса, слободка Романовка, Сотиневская ул., № 27, П. Базаровой.

Прописал бы свою жизнь, но нельзя, нам этого не позволяют писать, да и нельзя описать, потому что здесь не жизнь, а казнь человеческая.

№ 96.

164 пех. Закатальский полк, 2 рота.
Ст. Митрофановка Ю.-В. ж. д., Худ. Евдокеевка,
Федору Зах. Глушкову. Март 1916 г.

Мира не ждите, не будит, потому что нам государь прислал манихвест и сказал, что не будит мира, до тех пор, пока не выгоним врага из своей земли, то не будит мира.

№ 97.

Воинская часть неизвестна. Одесса, слободка Романовка, Церк. ул., № 14, Новиковой.

Я, слава богу, жив, и черти еще не взяли,— людям есть счастье, побудет дня два на позиции, смотришь, уже и ранили, а здесь, как на зло, и пули не берут. Страшно надоела эта собачья жизнь.

№ 98.

Подпись — Х. Гришин, адрес в письме не указан.
Лугины, с. Бегуны, Агафье Мих. Гришиной.

...Другие считают, что война так же неизбежна, как неизбежна смерть, а я считаю, что это не так, ибо смерть есть естественный конец существа и существ, а война есть искусственное истребление всего вообще, не только людей. Это я пишу тебе, моя дорогая, для того, чтобы ты имела правильное понятие о войне и не считала бы,

что война посылается богом. Война есть дело рук и умов хитрых людей, в руках которых находится власть, и вот они, или не умея ею как следует пользоваться, или через корыстные цели, направляют дело так, что разгорается война. (Письмо представлено в военно-ценз. отд.).

№ 99.

Воинская часть неизвестна.
Петроград, Воздвиженская, 12, кв. 16, Манякиной.

Дорогая Вера, спешу поделиться с тобой пока еще маленькой радостью, но не знаю, обратится ли она в великую радость или нет— покажет будущее. Германия идет навстречу миру и предлагает как можно скорее покончить с этим кровопролитием. Все это написано в телеграмме, обсуждаем между собой, настроение у всех приподнятое, чувствуется какая-то бодрость духа, что вот-вот услышим радостную весть, которую все так ждут, и вот все мы теперь в ожидании, каков последует ответ... Я думаю, что не за горами то время, когда мы услышим давно так чаемое слово «мир».

№ 100.

Часть войск неизвестна.
196 пех. запасный полк, 4 рота, прапорщ. И. Мих. Станкееву.

Вез я с собой из Москвы газеты с известием о предложении наших врагов начать мирные переговоры. Правда, печатное слово об этом явилось новостью. Слух же распространился далеко раньше моего приезда. Взволновал он, конечно, всех, породил в душах страдальцев надежду на облегчение, и теплится еще эта надежда во многих, и теперь многие верят в возможность близкого мира. Более или менее осведомленные не верят. Так или иначе, но вершители судеб России делают, по-моему, ошибку, отказываясь от протянутой руки мира. На что они надеются? Не говорю уже о внутренней «неразберихе», без разбора которой невозможен успех нашего оружия, я беру во внимание только нашего солдата, его дух. Он весь проникнут желанием мира и ни о какой войне не хочет слышать. С таким солдатом можно еще с трудом держаться в хороших окопах, можно вести оборонительную войну. Наступательную же — невозможно. Они не пойдут, они жаждут мира, они не верят в победу, в них нет воинственного духа,— что же их выгонит из окопов подставлять свою грудь под пули? Страх наказания? Едва ли. Опасность от немецких пулеметов не меньше, чем от русской винтовки. Что же другое кроме страха? Нет силы двигающей,— я, по крайней мере, ее не вижу. Были уже случаи в нашей дивизии, есть слухи о них в других местах и фронтах, и несутся они из одного конца армии в другой. Я говорю о случаях отказа частей пехоты итти в наступление — это пока единичные случаи, но о них все знают, их все одобряют, а это залог того, что они участятся и выльются в одну общую форму отказа армии от войны. Если не случится чего-либо важного, что может поднять дух армии, вернуть силу, уверенность в победе и желание ее, то — конец. Кампания уже проиграна. Солдат с такой душой, какую он имеет теперь, не воин. Воевать с ним нельзя.

№ 101.

Часть войск неизвестна.
Киев, Крещатик, № 3, госпиталь 9, Иосифу Кучеренко.

Проклята будь эта война! Через нее терпим все такие великие несчастья, а когда она кончится, проклятая? Конца не видно. Конечно, наше начальство кричит, что будем воевать, пока не победим германца. Им кричать про это легко, но только людям тяжело терпеть такое великое несчастье, которому конца не видно. Терпи, терпи и терпи, но только, где же брать эти силы, чтобы терпеть?.. Стиснешь зубы, плюнешь и хочется кого-то проклинать за то, что так люди страдают.

VII. ОТКАЗЫ ОТ НАСТУПЛЕНИЯ. «ЗАБАСТОВКИ» СОЛДАТ.

№ 102.

Выборка из письма за 28 окт. 406 п. Щигровский полк.
Д. Николаева, г. Кишинев, Скулянская рогатка.

У нас новостей никаких, только мы были в бою 9 суток, побил нас германец хорошо, и мы за 9 дней уложили 1/3 полка, осталось по 30 человек в роте, а теперь опять нам задали выбить германа из окопов, мы согласились, а у нас поконтузило двоих и пошли в околодок, а там поп и полковник взяли их и побили, дали по 25 розог и послали опять на позицию, а мы когда увидели, что эти контуженные пришли назад, так мы забунтовали и начали наши кричать: «Давай полковника, и попа, и врача, и тогда мы пойдем воевать», и подали телеграмму государю, что мы не хотим воевать больше, возьмите и расстреляйте сами нас, а мы больше воевать не хотим, а они говорят, что будут воевать до последнего солдата. (Письмо отправлено команд. 406 п. Щигровского полка.)

№ 103.

Выписка из письма за 4 ноября. Часть войск неизвестна.
Е. Г. Таращенко, Одесса, штаб партии травления мин. заградит. Черн. мор. тральщик. № 253.

На австрийском фронте забастовало 3 корпуса солдат, не захотели наступать; даже были действительно поезда остановлены. Затем в Москве и Петрограде идут страшные бунты. А также я слыхал, что и в Одессе был бунт. Если правильно это, что был в Одессе бунт, так, значит, и в Москве и в Петрограде бунты. (Письмо отправлено по назначению с зачеркнутыми местами.)

№ 104.

Выписка из письма за 15 ноября. Часть войск неизвестна.
К. П. Голубу, Харьков. губ., Старо-Бельского уезда, Ново-Боровской волости, хут. Скарговка.

Наверно, папаша, слышно дома или нет, что бунты почти начинаются. В городе Кременчуге солдаты забунтовали, поразбивали все здания, 60 душ полиции убили и много разных зданий побили. Казаков требовали на усмирение, но казаки ни один и руки не поднял, а

присоединились к ним. В Харькове тоже была большая катастрофа: солдаты разбили тюрьмы, повыпускали всех каторжников, также требовали на усмирение солдат, но они все присоединились к ним. На фронте уже солдаты бунтуют, не хотят итти в наступление. Мне солдат рассказывал, что когда ехали эшелоном сюда под Румынию, то они, говорит, так раза два наши брали Кремль, возьмут в руки и укрепятся, а потом, говорит, скомандуют наступать, только бьют, говорит, людей наших и только; так мы, говорит, два раза взяли, а потом нам скомандовали отступить, то мы тогда отступили, и больше нам не командовали наступать, и больше мы не пошли наступать и так стояли, то они нас заменили и везут сейчас на румынский фронт, то мы, говорят, и там навоюем. И так войска наши почти что начинают бунтовать, так что, пожалуй, к новому году совсем забастуют, и вот на ст. Раздельная тоже 4 эшелона забастовали: побили лавки и станцию за дороговизну,—их начали, было, усмирять, но нельзя было их усмирить, потому что они вооружены, выставили свои пулеметы и винтовки, тоже побили полицию... Солдаты тянут все в один гуж, а один солдат прислал письмо сюда к нам до одного и пишет так с австрийского фронта: слава богу, говорит, мы поладили с австрийцами. Каждый день, говорит, утром и вечером сходимся чай пить, а потом слухи нам пришли, что 12-я дивизия генерала Брусилова забастовала, не хотят итти, так что, наверное, скоро все забастуют. (Письмо отправлено в развед. отд. штаба Одесского военного округа.)

№ 105.

Выписка из письма за 2 декабря. Часть войск неизвестна. Капрогу, Кунеево, х. Саржа.

Вы писали, что зять Степана Григорьевича Галопенко был в отпуску, у нас отпуска нет, я хотел утекать, я здесь в Раздельной, что недалеко — 103 версты домой,— так что скоро будет мир. На австрийском фронте взбунтовались войска, и на германском фронте тоже взбунтовались войска, а теперь перегнали с этого фронта на другой фронт, так что не захотели наступать, а сидели по 3 и по 5 дней голодные. Може, на сей месяц буду дома, потому что войска не хотят воевать. (Письмо передано жандармской власти.)

№ 106.

Выписка из письма за 7 декабря. Часть войск неизвестна. К. С. Гавве, Одесса, Сергеевское артилл. училище, ком. нижн. чинов.

Новости у нас такие: в Кременчуге был сильный бунт, взбунтовалось 15 тысяч солдат пехоты, не хотели итти на позицию. Разбили коменданта всю канцелярию, попалили все списки и бумаги, разбили тюрьму и повыпускали арестантов, побили много магазинов и полицию. Вызвали казаков на усмирение, но казаки пошли и тоже начали бить и грабить. Вызвали много солдат—кавалерии, и началась стрельба еще больше, чем на позиции. Кричат «ура», пулеметы тыркают, а винтовки бухкают. Много солдат побили, друг друга поранили. Отдали генералу Брусилову дело на разбор. Когда он здоровался с нами, то некоторые молчали, а другие кричали «ура». Их всех арестовали, ко-

торые виноваты, и предали суду, а других отправили на позицию. (Письмо отправлено по назначению, недозволенное вычеркнуто.)

№ 107.

Выписка из письма за 10 декабря. Часть войск неизвестна. Я. В. Чернову. Херсонской губ., Тираспольского у., Дубовской вол., того же села.

Напишу вам новости, что, может быть, скоро будет мир, потому что не хотят уже воевать. Наши хотели наступать, и била артиллерия по окопам и разбили чисто окопы, а потом скомандовали пехоте вперед, и никто не хотел выходить из окопов, ни наши, ни враги, и был отпуск, а теперь уж закрылся, потому что в России забастовка есть. Словом, у нас слыхать, что скоро будет мир. (Письмо отправлено по назначению, недозволенное вычеркнуто.)

№ 108.

Выписка из письма за 13 декабря. Часть войск неизвестна. П. Г. Коченко, Бердянск, Гавриловка.

Дорогие родители... стоим в горах на границе Румынии и Австрии... У нас прошел приказ не отсылать наши письма, не отсылать потому, что в России у нас волнение. Написать вам нельзя, потому что письма проверяются офицерами. Посылаю с маркой, один едет в командировку и его повез. Солдаты теперь тоже стали молодцы: приказывают наступать, и не хотят итти, а это очень хорошо, и здесь в армии большое волнение; теперь вам известно, почему нельзя писать так, что по этому настроению солдат должен наверное быть мир, потому что не хотят уже исполнять, что приказывают — выходи вперед, и они себе сидят, еще говорят, и здесь хорошо будет, нам вперед незачем итти. (Письмо передано жандармской власти.)

№ 109.

Выписка из письма за 14 декабря. Часть войск неизвестна. В. И. Шевинко, Тайга, Томской губ., Алексеевская, № 3.

В Гомеле на этапе у коменданта собралось около 5 000 человек, на просьбу отправить их на фронт комендант сказал, что нет поездов. Люди жили все вместе, и вот за какой-то проступок одного казака выпороли, ему закатили 25 горячих, ну солдаты и пошли!.. Кончилось тем, что высланные на усмирение солдаты отказались стрелять. Ну, так и разошлись сами... Ну, пока прощай, следи зорко и ко всему прислушивайся, а мы не дремлем в борьбе с врагом. Будем биться, пока будет окончательно выиграна победа. (Письмо задержано.)

№ 110.

Выписка из письма за 23 декабря. Часть войск неизвестна. К. Ильченко, Кривой рог, Черногорка.

Теперь в окопах не хотят итти в наступление, стоят, никуда, и прямо идут бунты, и бог его знает, что будет дальше,— он соглашается мириться, а наш никак не хочет. (Письмо зачеркнуто.)

№ 111.

306 пех. Белгородский полк.
Вольск, Замятиной.

Мы стоим все время на одном и том же месте, как я вам говорил, в Яблоницах. Это место самое плохое, самое проклятое из всех мест. Как водится, положение наше не из завидных: стало всюду плохо, стали появляться разные нехватки и недостачи, а с этим стало иссякать человеческое терпение и изнашиваться наши железные нервы... Нет уже того, чем каждый твердо дышал и высоко держал голову; все ходят с опущенными головами; все от мала до велика стали сознавать свое бессилие, к которому привели нас те, которые руководят или, вернее, руководили судьбой великой России. Конечно, это великий секрет, но, между прочим, я должен сказать: 15 сего ноября наша дивизия должна делать наступление на одну самую высокую гору. Задача по взятию этой горы была возложена вперед на наш полк. Было все приготовлено... Был открыт артиллерийский огонь — это ночью, а утром перед рассветом полк пошел в наступление. Было пройдено некоторое расстояние... Во время этого наступления все офицеры, за исключением одного, попрятались где-то и в дальнейшую атаку не пошли, а где-то просидели... Солдаты, видя себя без офицеров, заропта́ли и итти в атаку отказались совершенно... Командир полка, стоявший на наблюдательном пункте, ждал атаки, но ее все нет и нет. Тогда он, обеспокоенный, приехал к полку и приказал, чтобы наступать, но солдаты отказались наотрез. Узнав об этой забастовке, начальник дивизии приехал сюда в полк и не застал ни одного офицера на месте, они были все где-то спрятаны. Одного только офицера-подпоручика застал на своем месте, которого заставил командовать полком и приказал сию минуту же итти в атаку, но и здесь все роты отказались итти, крича: «Давай есть, одевай и обувай, а то воевать не будем или все пойдем в плен!» Дело было серьезное и даже критическое, узнай при этом неприятель, он забрал бы всех нас голыми руками. За нашим полком забастовал Царевский полк, а там и другие полки нашей дивизии. Два батальона одного полка нашей дивизии целиком пошли в плен добровольно. А также забастовали на той же почве и другие дивизии... Дело, можно сказать, очень серьезное. Всех офицеров нашего полка отстранили от должностей, даже и командира полка, за исключением одного. Всех солдат хотели расстрелять, хотели, было, отобрать винтовки, бомбы и другое оружие, но солдаты не дали, да и забастовали и другие дивизии, так что некому и расстреливать: все бастуют. Всех офицеров у нас сменили, заменили другими. Да и как не забастовать — ходят чуть ли не босые, голодные и холодные, даже смотреть душа сжимается! С худыми, рваными сапогами или даже без них, в каких-нибудь гамашах, постоянно день и ночь на морозе, под открытым небом, нервы не выносят, смотря на эту только картину. Теперь что будет с нашим полком, а также и с другими, не знаю, но с позиции эти полки все сняли и заменили другими... Эти полки изолируются...

VIII. БРАТАНЬЕ С ПРОТИВНИКОМ.

№ 112.

39 кор. Воинская часть неизвестна.
Петроград, лейб.-гв. Преображ. зап. бат., 2 рота, Панченку. 28 марта 1916 г.

Я вышел и стал возле блиндажа. Австриец один начал петь. А я и говорю дневальному: «Зови его чай пить». Наш начал кричать: «Пане, иди чай пить», а он кричит: «Чай у нас свой есть». А мы кричим: «Ну, иди, хлеба дадим». Австриец говорит: «Хлеба дай» и говорит: «Иди, пане, дадим водки». Потом он кричит: «Слушай, пан, мы заиграем», и стали играть на двух скрипках. Потом мы кричим: «Слушай, пане, теперь мы заиграем», и стали играть на гармонии. Так мы с ними говорили часа два. Потом они что-то заговорили про турка, но нам это непонятно стало.

№ 113.

321 Окский п., Емельян Семенюк.
Д. Дечиль, Ровенского у.

На пасху мы с своим врагом сходились, дружески здоровались с ними и снимались на карточках. У нас нашлось много подлецов, которые, пойдя к немцу, назад не возвратились и остались там в плену.

№ 114.

44 батарея, 26 арт. бригады, Александр Парабалюк.
Житомир, хутор Хинчака.

Немцы от нас находятся на расстоянии 200 шагов. На пасху, когда сестры милосердия выдавали нам подарки, то все войска вышли из окопов, наши и немецкие, начали кланяться друг другу, затем три немца подошли к нашим проволочным заграждениям, один из них перелез их и пробыл у нас долгое время,— наши дали ему подарки и отвели его обратно, после чего к нам приходили еще 4, и они просились, чтобы их забрать.

№ 114/а.

Действ. армия.
Житомир. Апрель 1916 г.

Первый день пасхи бои совсем прекратились, немцы ходили к нам, а мы к ним в гости, нас угощали водкой, а мы хлебом, а на второй день местами началась перестрелка. Как-то чудно было: вмиг стихли раскатные выстрелы орудий и неугомонная трескотня ружей и пулеметов; люди, закаленные враги, повыходили из своих нор, гордо подошли друг к другу и подают братскую руку... Как-то не хочется верить, что они завтра будут искать случая лишить жизни друг друга.

№ 115.

Часть войск неизвестна.
Новоузенский монастырь, Пелагее Миловановой.

На первый день светлого воскресенья сходились много солдат австрийских и наших. Много они давали нам водки или ром, а еще

давали они печенье, а наши бросили хлеба им, так что мы радовались, и они вместе с нами. Прежде мы ходили все скрытно, но на первый день они ходят, и мы тоже. Ваш сын Петр Семенович.

№ 116.

Воинская часть неизвестна.
Минской губ., Лоевской волости, дер. Крупеск, Александре Костюченко.

В первый день получилась интересная картина: на участке нашего Новотроицкого полка и казачьего поприходили неприятельские солдаты в окопы к нашим поздравлять с праздником, принесли нашим солдатам яиц, и наши угостили их,—вот два человека пришли к нам в окопы в плен, но наши их не взяли и отправили, сказали, что у нас сегодня в плен не берут,— вот вышли наши за проволочные заграждения, вот их офицеры пришли с аппаратом и сняли наших солдат и сказали, что принесут завтра карточки.

№ 117.

Пол. почт. контора № 123.
Ст. Казатин, с. Дубовые Махаринцы, Исааку Бандаруку.

Окопы от окопов близко, одни других через бойницы видят, а потому нас сменили, что наши познакомились с австрийцами и одни других возят по реке Стыри лодками и возили водку от них,— вот и сменили их, нас вправо, а их влево.

№ 118.

Пит. т. Р. О. Кр. эт. п.-т. отд. № 230.
Макарьев, Костромской губ., Карцевой, Марии Ивановне.

Первые три дня солдаты наши и австрийские, вопреки приказанию, устроили перемирие, т. е. не выпустили ни одного снаряда, ни одного выстрела, ходили друг к другу в окопы, наши угощали их хлебом, а те наших земляков ромом, дружба была полная: как говорят, ходили и офицеры; даже снимались группами. Не правда ли, чудно?..

№ 119.

Д. а. Финляндский стр. п., 16 рота, Терентий Лагута.
М. Казатин, Нижегор. лаз. № 22, Якову Дунину.

На посту стояла тишина и спокойствие. Австрийцы приходили к нам в окопы днем 40 человек, христосовались, их наши 20 человек пустили обратно, а 20 захватили в плен.

№ 120.

Воинская часть неизвестна.
Ст. Набережное, Ю.-в. ж. д., с. Царево, Марфе Барабанщиковой.

На велик день наши солдаты ходили к австрийцам в окопы христосоваться, и они их не тронули, а напоили чаем и поднесли водки по чарке и говорили по-хорошему: «Когда мир будет?» Наши говорят

им: «Мы будем еще воевать два года, а на своем поставим». Но они говорят: «О нет, пане, мы больше месяца не будем, пусть германец как хочет!»

№ 121.

Андрей Инзук, 41 Селенгинский п., 8 рота.
Казатин, Киев, Каленику Ищуку.

В первый день пасхи, когда мы уже разговелись, отдохнули немного, и у нас все тихо, ни одного выстрела, стали мы из своих окопов махать шапками до своего врага, и он тоже начал махать, и стали звать друг друга к себе в гости, и так, что мы сошлись помаленьку с австрийцами на средину между проволочного заграждения, без никакого оружия, и начали христосоваться, а некоторые австрийцы были православные, то целовались с нами, и некоторые с жалости заплакали и угощали друг друга, вместе плясали, как настоящие товарищи, а потом разошлись, и, должно быть, наша история вписана в газетах.

№ 122.

5 бат., 68 арт. бригада.
Д. В. Коноплеву, Москва, Медвежий пер., 1.

Опишу вам свои впечатления. Я был свидетелем удивительного сближения немцев с русскими. Утром 10 апреля часов в 9 немцы вылезли из своих окопов и стали махать белыми платками в знак дружелюбия и, наконец, перелезли через свои проволочные заграждения и приглашают то же делать и нашим солдатам, которые сперва по одному, а потом и партией человек в 30, пошли навстречу немцам, без оружия те и другие, и вот, когда сошлись человек 70, стали угощать друг друга папиросами, сигарами, меняться деньгами, часами и др. вещами и, хотя друг друга не понимали, но объяснялись мимикой, смеялись, плясали и никаких враждебных наклонностей не проявляли, и через полчаса мирно разошлись каждый на свое место, и такие собрания были всюду и продолжались два дня, но начальство обеих сторон запретило собрания под страхом военного суда.

№ 123.

24 пех. Симбирский п.
А. А. Мансфельд, Москва, Кремль.

На праздник все немцы против наших окопов повылезли из своих окопов, и чем только возможно стараются друг друга угостить. Немцы угощают вином, папиросами, а наши хлебом. Хлеб немцы очень охотно кушают и объясняют, что у них хлеба мало. Разговаривают и объясняются мимикой и гримасами. Немцы очень ободраны, такие голодранцы, что, если бы вы встретили такого типа у Иверской, то, вероятно, подали бы ему пятак. Обуты кто в чем, некоторые в ботинках, другие в сапогах и некоторые в каких-то деревянных туфлях.

№ 124.

7 инженерная раб. дружина.
А. П. Волковой, Москва, Введенский пер., № 19/28.

Боев сейчас нет, сделали замирение, так что враг нас угощает водочкой, но и мы его не забываем, что у нас есть, и мы делимся с ним.

а что у нас есть, я вам не скажу, так что после такого гостеприимства очень скверно будет воевать. У них всюду расставлены белые флаги, говорят, что смерть умерла, и мы ждем мира и большого боя.

№ 125.

24 пех. Симбирский полк.
Л. Ф. Вершинской, Москва, Марьина роща, свой дом.

На первый день пасхи наши и немцы не стреляли, а делали друг другу визиты. Немцы угощали наших вином и сигарами, а наши давали им хлеба. Очень забавно было, как наши Фильки здоровались с немецкими. Те и другие выходят через проволочные заграждения, останавливаются на известном расстоянии, берут под козырек, затем быстро подходят друг к другу и пожимают руки. У одного немца оказался фотографический аппарат, он выстроил наших и немцев в шеренгу и снял. Через два дня фотограф просил притти за снимками, наши, конечно, не пошли, а на второй день началась обычная перестрелка.

№ 126.

Печать «Действ. армия».
И. М. Громову, Москва, Казанский вокзал.

Уведомляю, что мы в первый день пасхи ходили к австрийцам в окопы, здоровались с ними, курили вместе и говорили кое-что по-мирному, одним словом, как товарищи. Я разделил две пачки папирос, а они мне дали две своих, спрашивали у них — нет ли водки, они сказали, что скоро привезут рому, но нам дожидаться не пришлось, а который был у них, они принесли к нашим окопам, от нашей батареи наши окопы верстах в 2½. Нас в батарее пошло 5 человек, кругом ходы сообщения, они нас предостерегали от тех мест, где заложены мины; были у них в окопах, угощались, говорили, а потом их офицер сказал, чтобы мы пошли домой. Ихние солдаты говорили: «Ишь, им жалко что ли, что мы пришли в гости?»

№ 127.

Печать «Действ. армия».
В. Н. Герасимову, Москва, Славянский базар.

На пасху нас поздравляли — дивизионный командир, полковник и батальонный — и дали нам разрешение сходить к австрийцам, так и вышло — на первый день мы ходили и носили им, я понес им 1 ф. ситного, два яйца, а они нам поднесли по сотке водки красной, очень крепкая, а наши солдаты передавали им черный хлеб, за нашу порцию в два с половиной фунта давали по своему рублю, и они говорили, что у них черного хлеба не дают, а белого два фунта в день, а супу дают только 1 раз в день в 11 час. Они... говорили: когда будем наступать, то они на нас не пойдут в атаку, а сдадутся в плен. Когда мы пошли от них, австрийцы 36 нижн. чинов, 2 офицера и 1 батальонный пришли к нам, поздоровались с нашими ротными и просили отослать их в наш штаб, ибо они сдаются в плен, и остались.

№ 128.

81-я арт. бриг.
Е. Х. Котрановой, Москва, Раушская наб., № 169.

Вы, вероятно, читали в журнале о взаимных поздравлениях наших и немцев. Я, со своей стороны, этому никогда не верил, но теперь вот пришлось быть очевидцем, даже сам хотел сходить поздравить, только нельзя было покинуть пост. А ей богу интересно. Сходятся, здороваются друг с другом, угощают, кто чем может, и так далее. В одном даже месте образовался русско-немецкий клуб. В 21 играли, только жаль — офицеры разогнали, а другие даже снимались. Так, по крайней мере, знаю одну группу, с одной стороны — немец, а с другой — румын. Все стоят обнявшись. Не правда ли, очень интересно? Ведь у вас в Москве этого не увидишь.

№ 129.

Печать «Действ. армия».
В. Ф. Талло, Москва, Фурманный пер., 18.

На позиции теперь у нас еще лучше, чем здесь, так как солдаты на пасхе сговорились с австрийскими солдатами не стрелять и все ходят совершенно свободно, но близко друг к другу, понятно, не подходят, потому что запрещено строго настрого разговаривать и приказано брать всех в плен, но зато на далеком расстоянии делай, что хочешь. Долго, конечно, продолжаться это не может, ибо у австрийцев очень часто меняются полки, и их заменяют немцы, и тогда опять пойдет пальба.

№ 130.

Часть неизвестна.
Л. И. Билану, Москва, 3 школа прапорщиков.

С австрийцами заключили 3-дневное перемирие. Многие из офицеров ходили к австрийцам в гости, даже один представитель от учебной команды ходил. Австрийцы к нам приходили, два дня вместе пили и снимались. Наконец, сдружились до того, что австрийцы заранее наших предупреждали, когда будут по нашим окопам открывать огонь по приказанию высшего начальства, чтобы наши прятались. Не знаю, долго ли такое отношение продолжалось, так как австрийские офицеры выражали не раз свое желание до конца войны в таком духе воевать. Но тут случилось недоразумение — на смену нашему полку пришел 5 пограничный полк и подложил нам свинью. Дело в том, что на пасхе наши вместе с австрийцами снимались, но карточки готовы не были для обмена, и этот обмен решено было сделать, когда все будет готово. В назначенный день офицер нашего полка пошел на свидание в заранее условленное место, с разрешения командира 5-го полка, на участке которого дело происходило. Когда же к нашему офицеру подошел австрийский офицер, то по приказанию командира 5-го полка солдаты его окружили и отправили в штаб дивизии. Такой варварский поступок командира 5-го полка нас поразил, тем более, что когда наши ходили к австрийцам в гости, то иногда до того напивались, что не могли дойти до своих окопов, и то австрийцы их не оставляли у себя, а с провожатым отсылали в наши окопы. Это происходило втайне, а теперь все вышло наружу.

№ 131.

Выборка к отчету по Киевскому военному округу за 20/V—1/VI 1916 г. Воинская часть неизвестна.
В штаб V/III армии, 2 зап. пул. р., 3 взвод. Фил. Васил. Савченку.

На первый день мы с австрийцами сходились, за руку здравствовались, и, признаюсь тебе, прелюбезный народ, не верь, что пишут про них наши книжонки.

№ 132.

Выписка из адресованного в Лифляндскую губернию письма рядового 6-го Туккумского батальона.

Вчера был первый день пасхи, я первый раз увидел немца. Дело было так: в нашем взводе есть латыш, который владеет немецким языком, тот начал в субботу вечером говорить с немцами (немецкие окопы находятся в двух-трех стах шагах), пожелали друг другу хороших праздников и обещали погоститься друг у друга и во время праздников не стрелять. Вчера показался из своих окопов близ леса немец, держа в руках белый платок, из наших окопов вышел тот же самый латыш, также держа белый платок. Немец дал так знак рукой, и оба стали приближаться друг к другу. Встретились, поздоровались и пожелали друг другу приятных праздников, потом пошли еще несколько латышей туда, а также пришли немцы, закурили и ложились на лужок. В конце концов собралось их довольно порядочно с обеих сторон, после разговоров разошлись, еще раз пожелав друг другу всего наилучшего.

Немцы передали, что с ними обращаются очень скверно, кушанье плохое, вина не дают, и многие не имеют даже рубашек. Каждый ждет мира, чтобы положить конец этим мучениям.

№ 133.

Выписка из адресованного в Лифляндскую губернию письма нижнего чина 480 пехотного Даниловского полка.

Во время пасхи сражения не было. В первый день пасхи немцы из своих окопов высунули белые флаги, что и мы со своей стороны сделали. Заключили мир на два дня, и потом немцы угостили наших своими сигарами и праздничными выпивками, так что два дня мы немного жили. На третий день пушечные выстрелы и шрапнели напомнили нам, что пора начать работать. Между нашими и немецкими окопами находится один большой погреб с картофелем, туда наши идут за картофелем, но раз случилось, что немецкие и наши солдаты там встретились. Немцы набивали мешки картофелем и, по дружески раскланявшись, ушли своей дорогой, теперь картофель уменьшается, что вызывает ссоры, и некоторые из-за ссоры положили там свою жизнь.

№ 134.

Выписка из адресованного в гор. Гельсингфорс письма нижнего чина 47 Сибирского стрелкового полка Павла Лукерьина.

В 12 часов дня мы увидели германцев, машущих белыми платками. Наши тоже пошли. Встретились на одной речке Миссе. Они начали

плясать под нашу гармонь. Они кидают папиросы, а мы им яйца, они нас очень благодарили за угощенье, — говорят, что надо бросить воевать.

№ 135.

Письмо в Гельсингфорс, транспорт «Рига», Мих. Марк. Светличкину от солдата Вас. Ив. Степанова (воинская часть не указана). 3 Кавказский стрелк. полк. Письмо датировано 10 апреля 1916 г.

На первый день пасхи мы ходили христосоваться с германцем в 11 часов дня, и гуляли мы с ними до вечера; они очень были нам рады и угощали нас ромом, кто напился допьяна, и цыгарками угощали нас, и собиралось нас по сто человек и по двести в кучке. У нас была гармонь, наши играли, а германцы плясали, также и наши, и ходили все по-открытому между наши и ихние, и мы были все очень рады, что нам никому не угрожала смерть. Германцы все ждут мира и просят.

№ 136.

Выписка из письма от 19 ноября. Часть войск неизвестна. А. Н. Сурилову, Одесса, Ст. Дача.

Солдаты теперь сильно рвутся вперед, хотят сильно увидеть Берлин, на-днях у нас 40 человек сами ушли в плен, а что будет дальше, то бог его знает, наверно, скоро совсем бросят воевать. Мы теперь с германцами живем совсем мирно. Частенько с ними вино выпиваем; некоторые бывали в германских окопах, часто беседуем, они говорят: «Рус, довольно уже воевать». Говорят: «Вы больше не наступайте, а то бить вас будем, а мы тоже не будем наступать». Говорят: «Если только не замирите эту зиму, то мы будем иным способом воевать, — если орудиями вам ничего не сделаем, то газами задушим вас». (Письмо отправлено в жандармское управление.)

№ 137.

Выписка из письма за 24 ноября. Часть войск неизвестна. Е. Новачуковой, Одесса, Успенская, 17, кв. 3.

Мы теперь работаем на передней линии, на болоте делаем газ, и очень тяжело нам. Если бы я рассказал, то вы бы не говорили, что так приходится на свете жить. Затем расскажу вам новость — в октябре в нашей местности приходили германцы в наши окопы и говорили, что они не хотят воевать, приносили водку и вино нашим солдатам, а у наших солдат просили хлеба и еще просили наших солдат, чтобы наши тоже не стреляли и не шли в наступление, так наши солдаты не пошли в наступление, — так хотели отнять оружие, но они хотели бунтоваться, а теперь так сидят в окопах и не стреляют, и германцы тоже не стреляют,—так нам хорошо работать, но всетаки опасно, — не все же хорошие, найдется какой плохой. Мы работали в ста шагах от его окопов, и видно, как и они там работают. (Письмо отправлено в штаб Одесского военного округа.)

№ 138.

Часть войск неизвестна.
70 пех. Ряжский полк, пулеметная команда, А. Можаеву.

Сейчас стоим очень тихо, ходим друг к другу в гости, а боев с сентября нет, потому что солдаты не идут в наступление, вот немцы дают нам ром, вино, спирт и коньяк, а мы им хлеба и сахару, а иначе жить нельзя: у них окопы на горе, а наши в болоте, так что поневоле приходится дружиться. (Письмо задержано. Выясняется воинская часть).

№ 139.

Часть войск неизвестна.
237 Грайворонский п., 1 р., Петру Дубцеву.

Солдаты наши ходят к германцам, а они к нам и говорят: «Рус, не стреляй, и мы не будем».

IX. ИНТЕРЕС К ВНУТРЕННИМ СОБЫТИЯМ И НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО НЕДОВОЛЬСТВА.

№ 140.

Воинская часть неизвестна.
Тульской г., Холмуш. почт. отд., с. Астряцово, Михаилу Гавриловичу Овсянникову. Январь 1916 г.

Война скоро должна окончиться, потому что все уже стали выдыхаться. После войны будут большие смуты за границей и у нас.

№ 141.

Воинская часть неизвестна.
Петроград, набережная Черной речки, д. № 47, кв. 41, Мусатову. Январь 1916 г.

Я не могу представить себе той радости, когда узнал, что наши товарищи братья торжественно ознаменовали день 9 января. Я очень доволен, что наши братья не пали духом. В каком положении находится наше государство, общий дух народа, имеется ли связь с армией, что предполагают в дальнейшем действия наших социалистов и вообще пролетариата всех стран? Я думаю, что вы все это знаете и подробно сообщите.

№ 142.

334 пех. Ирбитского п.
з. Меламеду в Бердичев, Русский торг.-пром. банк.

Да, что-то готовится там в тылу... И если правительство во-время не оглянется, несдобровать ему. (Подпись — Людвик.) Представлено начальнику военно-ценз. отд. штаба главнокоманд. армиями юго-зап. фр. при рапорте 8 марта № 15.)

№ 143.

Пол. почт.-тел. контора № 8.
Рязань, 250 зап. б., 2 р., 4 взвод, М. Лещинеру.

Интересует конечно Государственная дума, хотя нам нет чего хорошего ожидать...

№ 144.

Воинская часть неизвестна.
Петроград, просп. Забалк., 126, С. Фролову. Март 1916 г.

Эта война всех нашла, только не находят стражников, а то всех гонят, не разбирают никого, и неизвестно, когда подавится эта война.

№ 145.

Воинская часть неизвестна.
Одесса, Моск. ул., 158, И. Носоцкой. III. 1916 г.

Кормят хоже собак, изнуряют работами хоже каторжников... Не ждать нам свободы от наших правителей, а лишь большого рабства и нищеты в будущем... Куча богачей, утопая в роскоши, жмет наших жен и детей бронированными кулаками толстопузой полиции. Все до нас доходит, и мы прекрасно знаем, что там делают с вами, хотя и стараются между вами и нами пускать облако скрывающего тумана.

№ 146.

Благовещенск, Березники, Евд. Антоненко. 15 марта.

Мы все надеялись на Думу, авось что-либо хорошего сделает для нас, но, видно, надежда-то плохая.

№ 147.

Полк. подвижн. госп.
Москва, Б. Царицынская, 25, А. Н. Крюковой.

В том [1905] году мы сами были дураки, убивали своих ради нынешних врагов.

№ 148.

31 пех. див.
Белгород, Садовая ул., Макагоновой. Октябрь 1916 г.

...Пора настанет для восстания наших братьев, когда не будет слышно грохота пушек.

№ 149.

Воинская часть неизвестна.
В 52 пех. п., ст. унт.-оф., Александру Кудряшову.

...И вот теперь наш корпус заступил 16 сентября, и хотят начальство наступать, но солдаты упираются, не хотят выходить в наступление, потому что ничего не выйдет... Не знаю, что будет, солдаты стали поговаривать о другом.

№ 150.

Воинская часть неизвестна.
Одесса, Раскидайловская ул., 12, А. Н. Коньковой. Октябрь 1916 г.

Слышно, что полки не хотят итти в наступление. В общем, пора кончать братоубийственную войну. Враги за спиной, а не впереди. (Письмо отправлено в жанд. упр. г. Одессы.)

№ 151.

Письмо в «Армейский вестник», анонимное.

Просим напечатать, что все нижние чины требуют, чтобы призваны на позицию были стражники, городовые и жандармы, без которых мы воевать не будем больше, а если не призовут их, то поголовно все пойдем в плен. Кого они оберегают в России? Только бьют наших жен да берут взятки.

№ 152.

Выписка 4 декабря. Воинская часть неизвестна.
Одесса, Раскидайловская, № 26, В. Оровиц.

Всем надоела война... Больше ждать, чем ждали, уже не будем, недовольство растет с каждым днем. Оно переходит в глухое раздражение[1]). Мы стоим на пороге великих событий. Можно многое еще сказать, да нельзя.

№ 153.

Воинская часть неизвестна.
П. Н. Мазенцовой, Бердянск, Гостиная ул.

Здесь в армии большое волнение, надоело уже очень воевать, уже несколько раз приказывают итти в наступление, но солдаты не выходят из окопов и конец, — так что наступление оставляют... У нас слышно, что в России у вас волнение. К нам письма теперь идут очень плохо, — если мы отсылаем, то проверяются офицером, и немного не в порядке—разрывают письмо. (Письмо передано жандармской власти.)

№ 154.

Выписка из письма за 15 декабря. Часть войск неизвестна.
Л. Д. Шерр, Одесса, Елизаветинская, мебл. комн. «Надежда».

Жизнь становится и здесь дороже, а уж там я не говорю, что с каждым днем до ужаса подымаются цены. Боже, до каких размеров дойдет все это и можно ли существовать всем малоимущим, не говоря уже, что всем беднякам грозит смерть!.. Живется хорошо только кучке мародеров. (Письмо отправлено по назначению, недозволенное вычеркнуто.)

X. СОЛДАТЫ И ВОПРОС О ЗЕМЛЕ.

№ 155.

Через вашу редакцию прошу спросить «Киевлянку». Где наша земля? Спросить каждого солдата, этого защитника земли русской, и он вам ответит, что служил до войны у какого-либо помещика и для пропитания своего зарабатывал кусок хлеба, а теперь за их барскую жизнь ставь свою голову под неприятельский меч.

Спросите, и каждый солдат вам ответил бы, как он жил и где находился в мирное время. 10% нашего брата ответят, что имеют 1/4 десятины земли, а остальные все вам скажут, что жили у помещиков, на фабриках, в Америке и прочих местностях, не имея своего постоянного приюта. А что же вы думаете, будет после войны не то же самое, что было и раньше? Служили в подчинении у помещиков, да то же и бу-

[1]) В подлиннике «рассуждение».

дет после войны. Когда началась война, то раньше всего обратились к этим защитникам, — как вы говорите, — которые не имели и не имеют своего приюта, обеспечивающего будущую жизнь. Вы, наверное, знаете, как обеспечены наши семьи, оставившие свои места по случаю занятия их противником. При такой дороговизне разве можно прожить сутки за 20 коп.? Хорошо, кто может заработать себе кусок хлеба, а кто остался с маленькими детьми или старики, какое они испытывают горе, сколько их теперь ушло из-за этого на тот свет.

Посмотрите вы на высших, как мы их называем, помещиков, офицеров и прочих, — да вообще их много есть, которым мы служили раньше и подчиняемся теперь. Они обеспечены, получают хорошее жалованье, семьи обеспечены всем необходимым, хотя они и находятся на позициях, но не там, где мы, а за 4—5 верст, исключительно прапорщики находятся с нами в окопах, которые из таких, как и мы. Почему же им при таких условиях не воевать?

Кто больше страдает в эту пагубную войну, не наш ли брат? Кого больше погибает, не нашего ли брата, страдающего не только в настоящее время, а также в прошедшее? А что вы думаете, что может быть лучше будет нам после войны?

На каждом шагу услышишь от нашего брата слова: «За что нам воевать, у меня ничего нет, за что мне голову класть? Такую жизнь, какую я имел в России в мирное время, я найду везде, и думаю, что в Германии или Австрии будет не хуже жить, чем в России при таких обстоятельствах». Сердце болит и исходит кровью при слышании таких разговоров. Этих слов, конечно, начальство не слышит и слышать никогда не может. От чистого сердца сознаюсь, что почти все солдаты стремятся попасть в плен, особенно в пехоте, и если высшее правительство не улучшит положения бедного крестьянина, который может спасти еще Россию от унижения, то славившаяся дорогая родина останется униженной навсегда. Почему наша Россия осталась в таком плохом положении, а потому, что наше правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову. Давно пора покончить с этим делом. Тогда только русский воин не будет сдаваться в руки противнику, когда его жизнь будет обеспечена.

Если хотите узнать, какое настроение в наших войсках, которые находятся на позициях, то вы переоденьтесь в форму нижнего чина пехотинца и поживите между нами хотя несколько дней, тогда увидите все, чего нам нужно, какое в армии настроение.

Бедный крестьянин.

14/I 1916 г. Действующая армия.

Благоволите об этом довести до сведения высшего командования. Редакция штаба XI армии часто сообщает, что настроение в нашей армии очень хорошее, но она тяжело ошибается в таких известиях. Прошу убедиться в этом деле.

№ 156.

16 рота 497 Белецкого полка, А. Кулеш.
Киев, Левашовская, 22, кв. 3, барону Менгдену фон-Альтенвоге.
Март 1916.

Я уже несколько раз натыкался на такое солдатское мнение, что в России большие господа, лучше сказать, крупные помещики, затеяли

войну, дабы истребить мужиков, чтобы избавиться, так как мужики посягают на помещичью землю, — надо разъяснить.

№ 157.

Прочитай своим солдатам, передай дальше по ротам [1]).

Я, крестьянин, обращаюсь к вам, братья, докуда будем губить себя, т. е. крестьянина, настанет время, надо губить тех зверей, которые губят миллионы людей. За какие-то интересы чужие кладем свои головы. Мы были рабами тех же зверей и останемся тех же зверей работниками. Не все ли равно, быть работниками под властью царя Вильгельма... У нас в России ценят труд обжоры, которые жиреют нашим потом. Помните, братцы, чтобы убить зверя, который миллионы губит людей за свой интерес, надо действовать, пока оружие в руках. Первое: долой царя, убить его, поубивать пузанов, которые сидят в тылу, да в тепле гребут деньги лопатой и губят нас, крестьянина... Долой царя, долой правительство!

1917 год.

I. НЕУДАЧИ НА ФРОНТЕ И ВЛИЯНИЕ ПОРАЖЕНИЙ НА НАСТРОЕНИЕ СОЛДАТ.

№ 158.

Часть войск неизвестна.
Ново-Астрахань, Ефиму Оридочан.

Наши военные дела не весьма важные... Повидимому, так и кончатся на неблагоприятных условиях; это потому, что мы можем только на бумаге расписывать хорошо, а на деле пусть обзывается кто-нибудь другой. Все расписывали, что выступление Румынии нашему противнику собьет спесь, и погибнет [его] армия, а он с перепугу да занял Бухарест, с которым уже надо распрощаться навсегда, так, как и нам с Польшей, а на бумаге мы все забираем и забираем и похвалиться прежде времени умеем. Мы будем похваляться на бумаге и расписывать в газетах, а войска наши будут бить и свою землю отдавать.

№ 159.

Полевая военная хлебопекарня.
Харьков, Медицинский институт, Анне Завьяловой.

Наши чудо-богатыри уронили дух храбрости, а мечту о возврате потерянного, т. е. изгнание неприятеля, оставляют в покое. В настоящее время, кажется, ни один солдат не верит в то, что неприятеля можно разбить в прах. Теперь мысли наших солдат иные. Я от многих слышал разочарование в победе, хотя всем без исключения нежелательно оставаться в таком конфузном положении дел, но нет надежды на лучшее теперь, в ожидании другого (как бы это тяжело ни было) конца.

---

[1]) Письмо было адресовано I роте одного из полков 42 Сибирской стрелковой дивизии 7 стрелкового армейского корпуса, в июне 1916 г. — *О. Ч.*

II. БРАТАНЬЕ.

№ 160 [1]).

210 пех. Бронницкий полк, команда связи.
19 артилл. бригада, 4 батарея, Сенькевичу.

Мы стояли в Берести, то с немцами сходились и вино у них пили... Но не так наш полк, как 209. Тот уже сходится опять, так что и наш скоро поладнают. (Письмо отправлено начальнику 58 пех. дивизии.)

№ 161.

209 пех. Богородский полк, 4 рота.
178 пех. запасный полк, Зюзину.

...Мы ходили к нему в гости, и он к нам, мы ему давали сахару и хлеба, а он нам табаку, вина... (Письмо отправлено начальнику 58 пех. дивизии.)

№ 162.

405 пех. Льговский полк, 3 рота, от Брянова.
237 пех. запасный полк, 12 рота, Фиранову.

У нас наши солдаты сходятся с германцами, наши солдаты дают им хлеба, а они нашим дают вино.

№ 163.

Печать «Действ. армия».
Г. И. Попову, село Ялты, Екатер. губ.

В одно прекрасное время наши герои и немцы сошлись вместе и поздравляли друг друга, подали руки и поцеловались; они нас угощали папиросами и водкой и коньяком, спиртом, а мы им давали нашего хлеба, который нужно было рубить топором, и им хлеб не понравился, и сказали, хотя им и мало дают хлеба, но не такую гадость, — давали им сахар. Германцы чисто одеты и веселый народ. Наши и полевые караулы вместе всю ночь сидят, гуляют, а утром возвращаются пьяные. Да, подружились с немцами.

№ 164.

39 саперный бат.
А. Н. Стрельниковой, Москва, Введенский п., 15.

У немцев теперь рождество, и наши ходят к ним пить чай. Живут, видимо, дружно. Из окопа видно их, они такие старые, угрюмые, хотя каждый день и у них слышна музыка, или граммофон, или еще что нибудь. Я думаю сходить к ним на рождество.

---

[1]) №№ 160, 161 и 162 — выборки из писем за период с 15 декабря 1916 г. по 15 января 1917 г. по Киевскому военному округу. №№ 163 и 164 — выдержки из писем из действующей армии, просмотренных Московской военной цензурой и представленных при обзоре от 16 января 1917 г.

№ 165.

12 гренад. Астраханский полк.

Андреевской, Москва, Каланчевская, № 11. Выдержка из письма из действующей армии. Представлена при обзоре от 13 февраля 1917 г. цензурой при Моск. военном округе.

Стоим на Волыни, и вот наши окопы и немецкие бывают очень близко, и вот такие случаи бывают, что австрийцы переходят к нам каждый день по 5, 10 и целыми ротами, а то был один случай такой,— конечно, на позиции всегда возят обед и ужин вечером темно, для того, чтобы не было обстрелу, и вот наш один солдат набрал каши котелок и заблудился, вместо своих окопов он попал в австрийские; они кашу съели, а его напоили пьяным и послали обратно к нам и сказали: «Рус, не стреляй, и мы не будем стрелять», и просят: «Дайте нам хлеба, сахару, а мы вам вина»,—то наши солдатики наденут буханок хлеба на штык и кидают им в окопы,—и так делают, есть большие воронки близ окопов от вырытых снарядов, то наши кладут туда хлеба, а сами делают засаду на них, и приходят австрийцы, а наши ловят, но они просят: «Рус, отпусти нас, потому что нашим семьям не дадут пайка», но наши тоже пускают их обратно, а то записки кидают в наши окопы и называют свои фамилии, что они сегодня придут в плен. Есть еще и другие случаи, но этого нельзя писать.

№ 166.

2 кавалерийский корпус.

Село Юрино, Нижегородской губ., Павлу Алякринскому. Выборка из писем за период с 15 декабря 1916 г. по 15 января 1917 г. по Киевскому военному округу.

...Больше нас интересует теперь не война, так как она уже надоела, а наша внутренняя жизнь... Теперь только для всех стало ясно, насколько хорошо наше правительство и на что оно способно. Ведь вся наша разруха, дороговизна и разные кризисы только благодаря нашему мудрому правительству, которому и сейчас не хочется оставить свою власть, и оно все еще держится, несмотря на то, что Государственная дума и Государственный совет и даже бывший оплот — дворянская организация — все говорят, что с таким правительством совместная работа невозможна, и потому оно должно уйти, и оно не уходит, хотя и заменяет одного министра другим.

№ 167.

Печати нет.

В. И. Петрову, Москва, Москворецкая ул., маг. Седакова. Январь 1917 г.

Следя по газетам за нашей внутренней жизнью, невольно напрашивается вопрос: да где же и кто опасней из врагов, тот ли, с которым мы боремся здесь в окопах, или же там у вас сидящие на верхах и заправляющие судьбами родины?

№ 168.

Воинская часть неизвестна.

В 172 пех. зап. полк, 12 рота, 2 взвод, Павлу Матв. Горланову. 1 января 1917 г.

Сейчас простоим до 12 января в резерве, а сменились 29 декабря, а потом опять придется заступать в окоп, опять на проклятую сопку придется лезть, которая страшнее даже пули: на нее когда лезешь, то проклинаешь все на свете. Третий год уж как воюют, третий год уж как нас бьют, а враги все торжествуют... Долго ли будет это рабство, долго ли мы будем молчать? Эх, товарищи, пора бы эти цепи разорвать! Товарищи, смелее за спасение жен, детей, грудью встанем на бандитов, Русь избавим от цепей! Павлуша, этот рассказ солдат, наши ребята сочинили. Письма я тебе часто пишу, но не знаю, почему не доходят.

№ 169.

Воинская часть неизвестна.

В действ. армию, в 254 зап. п., 14 р., 3 взвод, Гр. Гр. Ердякову.

Нового ничего нет, а мир — вы спрашиваете про него — тоже скоро не будет, потому что мир у солдат в руках, а их много еще серых,— когда все обумятся, тогда и мир будет... Прибил бы все начальство, не побоялся греха, но солдаты дурака валяют, не могут себя освободить.

№ 170.

78 пехотный запасный полк, Алексей Брандловский.

Пища дрянь... Я с нетерпением ожидаю минуты, когда фронт повернется в обратную сторону лицом и потребует оплаты по счетам. Я стараюсь сделать все возможное в этом направлении, настроение у всех скверное, озлобленное. Говорят, Москва начинает шевелиться, но правильно узнать нельзя. (Письмо препровождено начальнику штаба.)

№ 171.

Из сводки по Петр. военной цензуре с 25/I по 10/II 1917 г.

Не враг-германн нам страшен, его наши бьют, а страшен внутренний враг, которого разбить нелегко.

№ 172.

Отчет о настроении войск Особой армии по письмам за февраль 1917 г. и выдержки к нему.

а) 38 Тобольский пех. полк.

Смотрите, дети, здорово на жизнь и отличайте тех добрых людей, которые народу желают просвещения и одного добра, а также тех, которые Россию довели до полнейшего разложения. А раз вы сведущие люди, то вы хорошо будете понимать, кто с народа пот и кровь пьет и кто народу просвещения и добра желает, тому народу, который в эту тяжелую войну всю тяжесть войны несет на своих плечах и за это по-

лучает ежемесячно от 75 коп. до 9 руб., а там вдали на родине семья его почти с голода в России помирает. Честность и справедливость любите больше всего на свете, хоть бы за правду пришлось от нашей полиции и помереть. За свободу честного, справедливого народа не бойтесь и смерти получить. Будьте же вы по гроб своей жизни честны и справедливы, хотя бы за это от полиции и умереть пришлось! Смерть за правду не бойтесь получить. (Письмо отправлено начальнику штаба.)

б) Часть неизвестна (34 корпус).

Мы кое-что знаем: как часть людей голодает, другая утопает в вихре безумных страстей и увлечений. Ненасытная алчность одних и горе других не может объединить всех в одной общей цели, нельзя мечтать о славе и победе, когда царит такой невообразимый хаос. Мы все видим и знаем, но бог еще терпит...

в) С тыла.

Дорогой мой, идут все время в г. Верном забастовки, бабы начали душить купцов, посадили 50 женщин в тюрьму, ну, и неизвестно, что будет им, и так все время по г. Верному ездят казаки вооруженные и солдаты для усмирения бунтов. (С помарками отправлено по назначению.)

Московский Военно-революционный комитет

Под таким же заглавием в XXIII томе «Красного архива» была опубликована часть хранящихся в Центрархиве секретарских записей Московского Военно-революционного комитета.

Настоящая публикация заключает в себе остальную часть этих секретарских записей, дополненную вновь разысканными документами. Кроме того в нее включены те отчеты о заседаниях Московского Военно-революционного комитета, которые были опубликованы в выходивших в дни октябрьских событий 1917 г. «Известиях Московского Военно-революционного комитета» и «Известиях Московского совета».

Указание секретарей Московского Военно-революционного комитета — тт. С. Б. Бричкиной, А. Ф. Темкиной, Р. Орловой, Е. Ломтатидзе и А. А. Додоновой, приведенное в предисловии к первой публикации, о том, что «среди обсуждения серьезнейшего вопроса неожиданно врывалось новое событие, требовавшее исключительно спешного разрешения, вследствие чего приходилось возвращаться к одному и тому же вопросу по нескольку раз», что сказывалось на самом изложении секретарских записей, нуждается еще в одном дополнении: так как заседания носили затяжной, или, как говорят некоторые воспоминатели, «перманентный» характер, то присутствовавшие на них секретари вели запись поочередно, на каждый на своем листе бумаги. Делалось это, очевидно, с тем, чтобы при оформлении протокола связать отдельные записи на разных листах в единое целое. Но оформленные протоколы в архивных фондах находим главным образом только за последние дни существования Московского Военно-революционного комитета.

На сохранившихся же секретарских записях мы сплошь и рядом не находим указаний ни на время заседания, ни на имена его участников. В этом сказалась как малая опытность работников, так и их усталость: и заседания и записи велись сплошь и рядом не знавшими отдыха в течении ряда суток людьми. Поэтому совершенно ясны причины нечетких формулировок и подчас трудно поддающихся расшифровке записей.

В настоящую публикацию включены следующие вновь публикуемые документы: 20 секретарских записей заседаний и журналов постановлений Московского Военно-революционного комитета, 3 записи, сделанные на его заседаниях одним из представителей районов, 7 отдельных постановлений Московского Военно-революционного комитета, 3 секретарских записи Замоскворецкого районного военно-революционного комитета, 1 постановление партийного боевого центра, 2 протокола собраний представителей районных военно-революционных комитетов и 1 протокол междупартийного совещания 6 ноября. Всего 37 документов.

Неразысканными остались секретарские записи, протоколы и журнальные постановления двух заседаний — в ночь с 25 на 26 и 31 октября.

В XXIII томе «Красного архива» было опубликовано 22 секретарских записи.

В целях систематизации всех этих документов в предлагаемой вниманию читателей публикации два неразысканных и 22 опубликованных в «Красном архиве»

документа включены в общую нумерацию публикуемых документов (без изложения их текста) в хронологическом порядке.

Примечания к данной публикации по их характеру можно разбить на три группы:

1) Примечания к неразысканным секретарским записям (заседания в ночь с 25 на 26 октября и 31 октября) являются попыткой восстановить происходившее на этих заседаниях на основании архивных документов и современных газет.

2) Примечания к публикуемым документам заключают в себе разъяснения, на основании архивных документов, существа данной записи, ссылки на другие архивные документы и публикации, а иногда и тексты разъясняющих документов, а также разъяснения, почему данный документ, если он не датирован, отнесен составителем к тому, а не другому дню.

3) Некоторые примечания к документам, опубликованным в XXIII томе «Красного архива», увязывающие их с вновь публикуемыми документами.

В примечания, как правило, включены и указания на те ошибки, которые были допущены в прежних публикациях и важнейших воспоминаниях.

Так как объем настоящей публикации заставляет редакцию разбить ее на несколько частей ввиду технической невозможности ее опубликования в одном томе, вступительная статья соответствующе разбита на части и относится к тем документам, которые публикуются в каждом данном томе.

***

По получении телефонограммы В. П. Ногина и В. П. Милютина о совершившемся в Петрограде перевороте образованный утром 25 октября партийный боевой центр большевиков еще до избрания московскими советами Военно-революционного комитета приступил к боевой работе. По его распоряжению революционными войсками были заняты почта и центральный телеграф, установлена военная охрана совета и здания Политехнического музея, где происходило вечером 25 октября заседание пленума московских советов; послана была и военная охрана в Государственный банк. Приняты были меры к закрытию буржуазной печати.

Районным комитетам партии было предложено избрать районные боевые центры, организовать свои боевые центры на фабриках и заводах, занять комиссариаты милиции.

Московская партийная организация мобилизовала всех своих агитаторов и организаторов для приведения в боевую готовность рабочих и солдатских масс Москвы.

С образованием Московского Военно-революционного комитета, приступившего к работе после 12 часов ночи на 26 октября, партийный боевой центр продолжал вести работу совместно с большевистской частью Военно-революционного комитета.

В состав Военно-революционного комитета входили, кроме большевиков, меньшевики и объединенцы. В Петрограде Военно-революционный комитет как орган боевого действия сконструировался только из большевиков и левых социалистов-революционеров.

Дезорганизаторские попытки вошедших в состав Военно-революционного комитета меньшевиков не увенчались успехом: большевистское большинство проводило все свои решения, не обращая внимания на их протесты и возражения.

Как видно из публикуемого здесь вновь разысканного журнала заседания Московского Военно-революционного комитета 27 октября, немалое влияние на деятельность его оказывала также правая часть фракции Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, примыкавшая к так называемой «каменевской» ориентации.

По настоянию приехавшего утром 26 октября из Петрограда В. П. Ногина, при поддержке этой группы, были начаты переговоры с командующим Московским военным округом полковником Рябцевым.

Неуверенность отдельных товарищей в том, какую позицию в дни восстания займет московский гарнизон, поскольку президиум Совета солдатских депутатов находился в руках эсеров и меньшевиков, несмотря на то, что при выборах в районные думы в сентябре московский гарнизон отдал 90% своих голосов за списки большевиков, и слабая вооруженность московских рабочих и солдат,— вот те мотивы, которыми В. П. Ногин и другие обосновывали необходимость вступления в переговоры с командующим войсками Московского военного округа полковником Рябцевым.

Партийный боевой центр и Военно-революционный комитет на совместном заседании большинством 9 голосов против 5 решили переговоры с Рябцевым вести.

В принятии этого решения немалую роль сыграла та информация, которую 26 октября привез из Петрограда В. П. Ногин. В своем сообщении исполнительным комитетам московских советов В. П. Ногин сказал, будто бы взявший власть в свои руки Петроградский Военно-революционный комитет составлен из представителей всех фракций совета, подчеркивая при этом бескровный характер совершившегося переворота.

Рябцев, заявлявший, что он подчинится воле демократии, т. е. органу власти, составленному из представителей всех социалистических партий, переговоры вел до момента получения им сообщения из ставки об отправке с фронта подкреплений Московскому комитету общественной безопасности.

Развернувшаяся в районах по указаниям партийного боевого центра и Военно-революционного комитета работа по организации советской власти в районах и мобилизации масс не прекращалась ни на минуту, несмотря на происходящие переговоры. Сам факт переговоров был встречен протестами рабочих и солдат.

В ночь на 27 октября Московский комитет партии вынес постановление о прекращении переговоров с Рябцевым.

Переговоры имели своей задачей получение согласия Рябцева как командующего войсками округа на выдачу оружия для Красной гвардии. Рябцев от прямого ответа по этому вопросу увиливал. Условием ведения переговоров об оружии он поставил отмену Военно-революционным комитетом отданных им частям московского гарнизона распоряжений и замену охранявших Кремль революционных частей юнкерами. На это Военно-революционный комитет не пошел, и 27 октября переговоры закончились предъявлением Рябцевым ультиматума о роспуске и аресте Военно-революционного комитета.

Нападение юнкеров на отряд «двинцев», вызванный Военно-революционным комитетом в Совет, во время его следования по Красной площади было началом открытия боевых действий.

Юнкера повели наступление на Совет, охватив его тесным кольцом.

В 6 часов утра 28 октября партийный боевой центр, для того чтобы обеспечить руководство восстанием в случае, если Военно-революционный комитет будет отрезан от районов, перешел в один из районов, оставив в Военно-революционном комитете для связи и руководства двух своих членов (И. Н. Стукова и В. И. Соловьева).

Военно-революционный комитет перешел в решительное наступление, встретив дружную поддержку рабочих и солдатских масс Москвы.

В следующем томе «Красного архива» будут опубликованы документы Московского Военно-революционного комитета, освещающие дальнейшие этапы героической борьбы московских рабочих и солдат.

Э. Рожен.

№ 1. Заседание Московского Военно-революционного комитета в ночь с 25 на 26 октября 1917 г.

(Протокольные записи не разысканы) [1]).

№ 2. Постановление Замоскворецкого районного военно-революционного комитета [26 октября 1917 г.] [1]).

Во 2-м Пятницком комиссариате смещены и арестованы комиссар и его помощники. Арестованы и доставлены в районный Замоскворецкий революционный военный комитет, который постановил освободить их, с устранением от должности. Временно, по соглашению с районными управами, посты замещены.

В 1-м Пятницком комиссариате смещены и арестованы старший помощник комиссара и два помощника комиссара, которые отказались подчиниться Замоскворецкому революционному военному комитету и по постановлению Замоскворецкого революционного военного комитета освобождены.

Также смещены не повиновавшиеся комиссары в 1-м и 2-м Серпуховском комиссариате. Комиссариаты функционируют нормально. 1-й и 2-й Якиманский работают в полном контакте с Замоскворецким революционным комитетом *).

Учреждена охрана из Красной гвардии на электрической станции «Общества 1886 года» силами рабочих [2]). Постановлено назначить комиссара для контроля **).

(Подлинная запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. 1, л. 509.)

№ 3. Заседание Замоскворецкого военно-революционного комитета [26 октября] 4 часа дня.

В ответ на телефонограмму из центра о выступлении послан т. Фельдман для выяснения [1]).

Во 2-м Пятницком комиссариате освобожденные комиссар и помощники вернулись в комиссариат и начали вести агитацию за Временное правительство; на их сторону стали милиционеры.

Постановлено:

Во 2-м Серпуховском комиссариате помощник комиссара не подчиняется Замоскворецкому революционному военному комитету и не дает сведений.

Постановлено: [2])

(Подлинная запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. 1, л. 509.)

№ 4. Постановления Замоскворецкого военно-революционного комитета 26 октября 1917 г.

1. Заслушав телефонограмму из центра, постановили занять строго выжидательную позицию [1]).

---

*) Далее зачеркнуто: «Постановлено на просьбу вернуть реквизированный автомобиль из командного комитета штаба инспектора инженерной части требовать от штаба представить удостоверение от [зачеркнуто: Центрального комитета] Солдатского комитета».

**) Далее зачеркнуто: «Постановлено выработать инструкцию Арматурному».

II. Поручить районным управам озаботиться приглашением комиссаров в те участки, где комиссары сняты или сложили свои полномочия [2]). Для выяснения положения дел в комиссариатах командировать в объезд стрелков и Арутюнянца. 9 часов *).

III. Поручить т. Крукле [?] реквизировать второй автомобиль на фабрике Брокар [3]).

IV. Назначить т. Ротшильда помощником начальника районной Красной гвардии [4]).

V. Утверждается Красный крест, организованный Союзом молодежи, и поручается ему все организовать, обещая поддержку и средства [5]).

VI... **).

(Подлинник карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 507.)

№ 5. [Запись представителя одного из райбнов, присутствовавшего на заседании Московского Военно-революционного комитета]. 27 октября 1917 г. [1]).

При каждой воинской части — представитель.

Информация.

Связь с советами.

О продовольствии.

В контакте с районными думами, советам назначить продовольственных комиссаров.

Реквизиция пищевых продуктов — через центр.

[Районные] комиссары создают себе помощников, которых присылают в центр для доклада в комиссию по организации районов Военно-революционного комитета [2]).

В распоряжении [районных комиссаров находятся: 1)] милиция [и 2)] Красная гвардия.

О военной силе обращаться в центр, [по телефону совета] 64—20, доб. 20 и 25.

Электрическое освещение. Стратегические цели. О военных операциях [3]).

Связь с Кремлем [4]).

Связь с полковыми комитетами. Попечитель части [5]).

Контроль и в свои руки милицию, почту и телеграф.

Инструкция [6]).

Весь район в боевом порядке.

Союз милиционеров — все чины находятся в полном подчинении военно-революционным комитетам. Союз дает советам телефон [7]).

Занимать комиссариаты милиции или ставить к ним контролеров ***). При назначении считаться с пожеланием милиционеров.

(Подл. запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 588 и оборот.)

№ 6. Продолжение.

50 городов присоединилось (в том числе Киев, Харьков). Черноморский флот — наш. Балтийский флот — наш. Северный фронт — наш. Центрофлот колеблется. Железнодорожники колеблются [1]).

---

*) Слова: «9 часов» написаны в строку и отчеркнуты.

**) На этом текст обрывается.

***) Далее зачеркнуто: «Они, по возможности, выбираются милиционерами».

Конфисковать запасы спирта. Обход ночных чайных. Закрытие кофеен. За торговлю спиртом арестовывается владелец и ставится свой приказчик.

Военно-революционный комитет организовал автомобильный отдел, телефоны 3—17—08 [и] 64—20, доб. 19. Заведует М. И. Рогов. С союзом шоферов — трения [2]).

На телеграфе [поставить] цензоров [3]).

При комиссаре создать из милиции парламент [4]).

Телефон 64—20, доб. 3, — адъютант штаба Перлин [5]).

Сейчас из Кремля вывезти оружие трудно. Нет надежд на оружие сейчас [6]).

Караулами ведает подпоручик Ершов (64—20, доб. 3) [7]).

Комиссия по снабжению населения тканями. Ею выставляются агенты торговой инспекции. Их наметить в районах. Будет телефонограмма [8]).

Вчера Николаевский [железнодорожный] телеграф [в Петрограде] не передает большевистских депеш ни в Питер, ни из Питера. Викжель (большевики) предложил заменить солдатами. Пошли занимать. Но Викжель занял двусмысленную позицию, телеграфисты заявили, что испортят телеграф в случае занятия его войсками [9]).

Заявление Перлина: ночью предполагается окружить Кремль [10]).

Получено сообщение, что Викжель образовал пятерку. Затем пятерка вышла, остался Рязанов. Несогласные переезжают в Москву [11]).

О прод[овольствовании] 55 запасного пехотного полка.

О медикаментах.

О собрании студентов [12]).

(Подл. запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 587 и оборот.)

№ 7. Продолжение.

Автомобильное сообщение с центром.

Создается штат инструкторов, которые будут ездить в слабые районы. Решено предложить Военно-революционному комитету допустить туда с правом совещательного голоса нашего представителя [1]). Устроить заседание с членом Военно-революционного комитета 29 октября в 11 ч. утра. Ежедневно собираться в 3 часа вечера.

Обращение к рабочим не собираться на улицах, а к остальному населению приказ. Об уличных собраниях: [не допускать их] по ночам; [о] погромных собраниях: а погромные разгонять и днем.

Пустить патрули по улицам на усмотрение каждого комиссара.

Рябцев поставил ультиматум о роспуске центра,—если не исполнят, будут открыты действия [2]).

(Запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 586.)

№ 8. Журнал заседания Московского Военно-революционного комитета 27 октября утром [1]).

Об охране Кремля и арсенала [2]).

Поручается тт. Ногину, Емельнову*) и Смирнову урегулировать вопрос об отозвании из Кремля [роты] 193 [запасного пехотного] полка

*) Так в подлиннике вместо: «Емельяну Ярославскому».

и [пяти рот] 56 [запасного пехотного] полка путем переговоров с этими полками и Рябцевым [3]).

О телефонограмме президиума Совета солдатских депутатов [4]).

По поводу рассылки президиумом Совета солдатских депутатов по полковым и ротным комитетам телефонограммы с приказом, чтобы они не присылали своих делегатов на сегодняшнее заседание Совета солдатских депутатов, постановлено поручить тт. Муралову и Смидовичу выяснить, действительно ли президиум Совета солдатских депутатов рассылает такие телефонограммы; если да, то предложить их не рассылать. В случае же отказа—разослать телефонограмму от Военно-революционного комитета с указанием, что телефонограмма Совета солдатских депутатов недействительна, так как идет вразрез с постановлением Военно-революционного комитета. Полкам и ротам предложить обязательно прислать своих представителей [5]).

О сокрытии начальниками железных дорог продовольственных грузов и вывозе их Земским союзом.

О сокрытии администрацией железных дорог продовольственных грузов довести до сведения т. Шефлера. Поручить группе товарищей, совместно с представителями продовольственного комитета [и] железнодорожного союза произвести ревизию всех товарных станций московского железнодорожного узла и пристаней, с тем, чтобы все грузы, предназначенные фронту, были немедленно туда отправлены, и реквизировать все подозрительные грузы в смысле спекуляции для передачи в продовольственный комитет московскому населению. Предписать всем чинам милиции и воинским частям оказывать этому всемерное содействие.

Об отобрании и уничтожении населением «Труда» на улицах.

Выпустить воззвание с указанием, что все газеты, допущенные Военно-революционным комитетом к выпуску, помимо распоряжения Военно-революционного комитета конфискованы никем быть не могут [6]).

Заявление Шубникова [7]).

На заявление т. Шубникова об ультиматуме Рябцева разгрузить грузовики с винтовками, под угрозой оставления за собой свободы действий [8]), дан ответ, что этот вопрос урегулируют Ногин и Смирнов, уехавшие к Рябцеву [9]).

О положении рабочих конфискованных типографий [10]).

Довести до сведения профессиональной группы («девятки»), что Военно-революционный комитет обсудит вопрос о сокращении времени невыхода газет.

Предложить центральному бюро профессиональных союзов обсудить вопрос о положении в смысле оплаты печатников закрытых типографий и о принятом решении довести до сведения Военно-революционного комитета.

Вопрос о допустимости стачек.

Вопрос о допустимости в настоящий момент стачек, начатых еще до переворота, поручено обсудить профессиональной группе («девятке») [11]) и довести до сведения Военно-революционного комитета.

Об охране комиссариатов.

Ввиду ухода комиссаров и всей службы из некоторых комиссариатов решено обеспечить охрану их. Поручается комиссару милиции т. Пупко [12]) снестись по этому поводу с Вознесенским [13]), а также районными думами и районными советами. Смещение комиссаров и замена их другими в тех случаях, когда это явится необходимым, по всем комиссариатам допускается только по соглашению с районными советами и районными думами.

О делегации на заседание Совета солдатских депутатов.

Делегируются на собрание Совета солдатских депутатов сегодня в 3 часа дня тт. Усиевич и Мостовенко, где им поручается внести вопрос о переизбрании Совета солдатских депутатов [14]).

Заявление меньшевиков о выходе из Военно-революционного комитета.

Ультиматум тт. меньшевиков [15]) и заявление о выходе из Военно-революционного комитета [16]) смотри в конце [журнала].

Заявление о выходе принимается к сведению.

О кооптации [представителя] от союза городских служащих [и рабочих].

От центрального союза городских служащих [и рабочих] постановлено кооптировать в Военно-революционный комитет одно лицо с правом решающего голоса [17]).

О прокламациях, враждебных Военно-революционному комитету, и аресте некоторых лиц.

Печатание и разбрасывание прокламаций, враждебных Военно-революционному комитету, предложить революционному штабу прекратить без применения для этого вооруженной силы. Происходящие при этом аресты лиц, разбрасывающих прокламации, поручается ликвидировать штабу по своему усмотрению [18]).

Поручение Смидовичу.

На основании заявления т. Смидовича ему поручается войти в переговоры с товарищами меньшевиками по поводу их ультиматума Военно-революционному комитету [19]).

О занятии Латышской партией помещения и типографии.

Вопрос о реквизиции Латышской объединенной секцией РСДРП помещения на Покровке, 41, для своих организаций передать на заключение районного совета рабочих депутатов. Латышскую черносотенную газету «Дзименес Адбалс» закрыть, передав ее типографию Исполнительному комитету Московской латышской объединенной организации [20]).

О связи с железнодорожниками и почтово-телеграфными служащими.

В целях установления тесной связи с железнодорожниками и почтово-телеграфными служащими ввести представителей этих центральных союзов в Военно-революционный комитет, поручив переговоры по этому поводу вести т. Смидовичу [21]).

Заявление т. Смидовича и кооптация его в Военно-революционный комитет.

Тов. Смидович заявляет, что он, не будучи членом Военно-революционного комитета, будет исполнять поручения комитета, но счита-

ет своей обязанностью заявить, что до получения директив из Петрограда вся линия поведения с переходом к наступлению, принятая Военно-революционным комитетом, считается им ошибочной [22]).

Постановлено: кооптировать т. Смидовича в состав Военно-революционного комитета с правом решающего голоса [23]).

Запрещение митингов на Скобелевской площади.

Запретить митинги на Скобелевской площади, поручив проведение этого постановления т. Аросеву [24]).

Заявление Пятницкого о Викжеле.

Поручить т. Пятницкому представить кандидата для делегации в Викжель от Военно-революционного комитета. Наметить также кандидата для делегации в Петроград с целью урегулирования наших сношений с Петроградом. Кандидатов представить на утверждение Военно-революционного комитета [25]).

Арест охраны Военно-революционного комитета в «Московском листке» [26]).

Поручить т. Муралову снестись с военным штабом *), предложив ему освободить нашу охрану, арестованную юнкерами в помещении «Московского листка», и вывести оттуда юнкеров. Тов. Аросеву поручается приготовить части для охраны типографии [27]).

Переговоры с президиумом Совета солдатских депутатов.

Ввиду заявления т. Смидовича, что в переговорах с отдельными членами президиума Совета солдатских депутатов, в частности с Урновым, замечается желание сговориться с Военно-революционным комитетом и не противодействовать ему, поручается т. Смидовичу вести и дальше переговоры со всем президиумом [28]).

Запрос Минского совета рабочих депутатов.

Снестись с Петроградом для получения директив для действий Минского совета рабочих и солдатских депутатов. С своей же стороны предложить Минскому совету рабочих и солдатских депутатов установить контроль над военным штабом, подчинив его себе, а если есть возможность, организовать свой собственный штаб [29]).

Арест Сухова и трех двинцев, реквизиция Советом солдатских депутатов автомобилей и выпуск им враждебных прокламаций.

Сообщения об аресте Сухова и трех двинцев юнкерами в Экономическом обществе офицеров [30]), о самостоятельной реквизиции Советом солдатских депутатов автомобилей и о выпуске враждебных прокламаций [31]) принимаются к сведению.

В связи с этим и другими полученными сведениями решено обсудить вопрос о новой наступательной линии Военно-революционного комитета, для чего созвать полное собрание комитета [32]).

Продвижение трех эшелонов казаков в Москву.

Сведения о продвижении через Раменское в Москву трех эшелонов казаков сообщить Викжелю и районному железнодорожному совету рабочих депутатов [33]).

О распоряжении штаба об автомобилях.

---

*) Так в подлиннике. Надо: «со штабом военного округа».

Признать, что все автомобили и мотоциклетки находятся в распоряжении Военно-революционного комитета и могут предоставляться в пользование отдельным лицам или организациям по соглашению с нашим автомобильным отделом. На этих основаниях будут предоставляться автомобили и военному штабу [34]).

Заявление социалистов-революционеров.

Заявление социалистов-революционеров (левых и центра) об их желании войти в Военно-революционный комитет, при условии реорганизации комитета на следующих основаниях:

7 членов от Советов рабочих и солдатских депутатов, выбранных на основе пропорционального представительства.

1 член от Совета крестьянских депутатов.

1—от городской думы, 1 — от земства, 1 — от Викжеля, 1 — от союза почтово-телеграфных служащих, 1— от Центрального бюро профессиональных союзов, 1 — от Красной гвардии,— все с правом решающего голоса, и 1—от военного штаба *) с правом совещательного голоса.

В основу работы кладутся следующие принципы: вооружение рабочих. Комитет является полновластным органом впредь до создания центральной власти. Создание в центре однородной социалистической власти [35]).

Постановлено: принять в принципе создание такого органа, пополнив его состав одним представителем от Совета районных дум и одним — от Губернского совета рабочих депутатов. Признать основным принципом совместной работы поддержку Петроградского совета рабочих депутатов, если же социалисты-революционеры будут настаивать на отсутствии этого указания, то, при их признании этого принципа на словах, не упоминать об этом, в то же время исключив и простое указание на создание однородной социалистической власти [36]).

Ультиматум социал-демократов меньшевиков.

Условием совместной работы в Военно-революционном комитете меньшевики ставят:

1) Подпись всех семи членов Военно-революционного комитета на исходящих от комитета бумагах, а при подписи двух-трех лиц они [меньшевики] оставляют за собой право апеллировать к населению при помощи газет и отдельных листков;

2) делегирование от Совета рабочих депутатов представителя в Комитет спасения при городской думе;

3) выполнение всех соглашений, достигнутых в переговорах со штабом округа.

Мотивированное заявление меньшевиков при выходе из Военно-революционного комитета.

При уходе из Военно-революционного комитета товарищи меньшевики мотивировали это тем, что их не допустили на собрание Совета солдатских депутатов с полковыми и ротными комитетами сегодня в качестве делегации от Военно-революционного комитета; отказались от рассмотрения их ультиматума; подтверждая, что действия большин-

*) Слово «военного» вписано карандашом над строкою. Следовало бы вместо «Военного штаба» — «штаба военного округа».

ства Военно-революционного комитета авантюристичны, они не берут на себя ответственности за действия комитета.

(Подлинник на пишущей машинке, Музей революции СССР, ф. МВРК, п. 1б ЕА.)

№ 9. Заседание Московского Военно-революционного комитета 28 октября 1917 г.[1])

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 68—71.)

(Продолжение следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ

К № 1.

Московский Военно-революционный комитет был избран пленумом Московских советов рабочих и солдатских депутатов вечером 25 октября 1917 г. в следующем составе: члены комитета от большевиков — Н. И. Муралов (солдат 2-й запасной автомобильной роты), А. Ломов (Г. И. Оппоков), В. М. Смирнов (поручик артиллерии), Г. А. Усиевич; кандидатами: А. Я. Аросев (прапорщик пехоты), П. Н. Мостовенко (солдат 5-й мастерской 2-й запасной автомобильной роты), А. И. Рыков (зам. председателя Совета рабочих депутатов), С. Я. Будзынский (солдат 55 запасного пехотного полка); от меньшевиков членами комитета — М. И. Тейтельбаум и Николаев; от объединенцев — членом комитета Константинов и кандидатами — Л. Е. Гальперин (Коняга) и Ясенев.

Из этого состава Московского Военно-революционного комитета А. И. Рыков, выехавший в Петроград на 2-й Съезд советов и назначенный последним народным комиссаром внутренних дел, в октябрьские дни в Москву не возвращался и информировал Московский Военно-революционный комитет о происходящем в Петрограде. А. Ломов (Г. И. Оппоков) участвовал во 2-м Съезде советов и приехал в Москву только 27 октября утром. Таким образом в первом заседании комитета не принимали участия ни А. Ломов (Г. И. Оппоков), ни А. И. Рыков. Кроме того на этом заседании не присутствовал и С. Я. Будзынский, ведший организационную работу в 55 запасном пехотном полку в Замоскворецком районе.

По отношению первоначального состава Московского Военно-революционного комитета в московских газетах того времени была допущена опечатка, которая впоследствии — до настоящего момента — повторялась во всех появившихся публикациях: вместо: «П. Н. Мостовенко» в газетах была напечатана фамилия: «Москалев».

А. Я. Аросев пишет, что в первом же заседании Московского Военно-революционного комитета в его состав был кооптирован А. П. Розенгольц. Впоследствии был кооптирован еще ряд товарищей (см. док. № 8 и примеч. 11 и 12). Членом Московского Военно-революционного комитета был, так сказать, по должности и начальник московской Красной гвардии А. С. Ведерников.

Так как протокол первого заседания Московского Военно-революционного комитета не разыскан (в ночь на 28 октября 1917 г. протоколы были сожжены), мы ниже восстанавливаем происходившее на этом заседании на основании документов, опубликованных в «Известиях Московского совета» и «Социал-демократе» 26 октября, на основании отчета представителей меньшевиков в Московском Военно-революционном комитете, опубликованного в газете «Вперед» от 27 октября, и на основании других архивных документов.

I. На основании отчета представителей меньшевиков в Московском Военно-революционном комитете происходившее на первом заседании в ночь с 25 на 26 октября восстанавливается в следующем виде:

1. Предложение меньшевиков о пополнении состава Военно-революционного комитета представителями других демократических организаций отвергнуто, и Военно-революционный комитет приступил к обсуждению и разрешению текущих вопросов.

2. Предложение меньшевиков сделать попытку мирного соглашения со штабом Московского военного округа отвергнуто.

3. О подчинении гарнизона издан следующий приказ, опубликованный 26 и 27 октября в «Известиях Московского совета» и «Социал-демократе»:

«От Военно-революционного комитета Московского совета рабочих и солдатских депутатов.

Революционные рабочие и солдаты г. Петербурга, во главе с Петербургским советом рабочих и солдатских депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции Временным правительством. Долг московских солдат и рабочих поддер-

жать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский совет рабочих и солдатских депутатов выбрал Военно-революционный комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей.

Военно-революционный комитет объявляет:

1) Весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-революционного комитета.

2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-революционного комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат.

Военно-революционный комитет Московских советов рабочих и солдатских депутатов».

(«Известия Моск. совета р. д.» №№ 197 и 198, от 26 и 27 октября 1917 г.).

Проф. В. Оторожев неправильно относит этот документ к 27 октября («Октябрьское восстание в Москве», стр. 182—183).

4. О вооружении рабочих и солдат.

Для обеспечения вооружения рабочей Красной гвардии и солдат гарнизона, поскольку расквартированные в Москве запасные пехотные полки были вооружены только на 20 и меньше процентов, Московский Военно-революционный комитет решил в первую очередь закрепиться в Кремле, где были расквартированы пять рот солдат революционно настроенного 56 запасного пехотного полка, и его арсенале, где находилось оружие.

Для этого Военно-революционный комитет назначил комиссаром Кремля Емельяна Ярославского, который, по собственной инициативе, вместе с О. М. Берзиным решил усилить гарнизон Кремля преданной советам частью (в ту же ночь Ем. Ярославский привел к совету, а затем в Кремль одну роту 193 запасного пехотного полка, который отказался 25 октября выполнить приказ штаба военного округа об отправке на фронт). (См. сборник «Москва в октябре 1917 г.», стр. 49—50). Комиссаром по выдаче оружия из кремлевского арсенала Военно-революционный комитет на этом же заседании назначил прапорщика расквартированной в Кремле 8-й роты 56 запасного пехотного полка О. М. Берзина. Последний находился на телеграфе и почтамте в качестве начальника и комиссара двух рот (11-й и 13-й) 56 запасного пехотного полка, занявших эти учреждения по постановлению партийного боевого центра большевиков в 1 час. 30 мин. дня 25 октября; исполнителями этого постановления были начальник московской Красной гвардии А. С. Ведерников и А. Я. Аросев (см. воспоминания О. Берзина, «Пролет. револ.», 1927 г., № 12). Фактическим руководителем занятия почтамта, центрального телеграфа и междугородной телефонной станции был солдат 56 запасного пехотного полка Сергей Шорычев.

5. О закрытии буржуазных газет «Русское слово», «Русские ведомости», «Утро России» и «Раннее утро».

Это постановление Московского Военно-революционного комитета явилось лишь оформлением состоявшегося около полудня 25 октября постановления партийного боевого центра большевиков, формулированного в следующем документе:

«Товарищу В. И. Соловьеву.

Московский комитет, Областной комитет, Окружный комитет и Военная организация при МК РСДРП уполномачивают т. В. И. Соловьева принять меры к недопущению выпуска буржуазной прессы и занятию типографий буржуазной прессы.

25 октября 1917 года. За секретаря Военного центра А. Розенгольц».

(Подлинник, бланк и печать МК РСДРП, Музей революции СССР, 7913 л.).

По поводу подписи А. П. Розенгольца на этом документе необходимо сказать следующее: А. П. Розенгольц в состав партийного центра не входил; секретарем же его был В. И. Соловьев. А. П. Розенгольц подписал данный документ, так как 2 ноября все члены партийного центра разошлись по районам, а В. И. Соловьев не мог подписать себе документа сам.

Исполнителем этого постановления был Г. К. Голенко. В. И. Соловьев в своих воспоминаниях ошибочно пишет: «Утром вышли только «Известия» и «Правда».— Утром 26 октября вышли не только «Известия» и «Социал-демократ», но и эсеровский «Труд» и меньшевистский «Вперед» (см. В. Соловьев, «В Совете и районах». сб. «Москва в Октябре 1917 г.», М. 1919, стр. 62).

6. Сообщение о том, что юнкера, занявшие манеж и здание городской думы, где заседал образованный постановлением городской думы 25 октября вечером эсеровско-меньшевистский Комитет общественной безопасности, после ввода в Кремль Ем. Ярославским и О. М. Берзиным роты 193 запасного пехотного полка, оценили Кремль.

Военно-революционный комитет решил двинуть воинские части к Кремлю, чтобы окружить его и вооруженной силой захватить Кремль, арсенал и т. д. Для этого были посланы товарищи в районы и в 251 и 192 запасные пехотные полки. В жизнь проведено не было (см. следующий пункт).

7. Заявление меньшевиков по поводу воззвания, распространявшегося 26 октября в районах от имени партии большевиков с призывом к рабочим и солдатам перейти в активное наступление против открывшего военные действия штаба Московского военного округа с полковником Рябцевым во главе, о котором упоминается в этом же отчете представителей меньшевиков в Военно-революционном комитете, относится уже к утру 26 октября и в ночном заседании, конечно, не разбиралось.

Приводим текст этого воззвания, которое многими из публиковавших свои воспоминания относится к самым разнообразным датам:

«Штаб, во главе с Рябцевым, переходит в наступление. Задерживаются наши автомобили, есть попытки задержать Военно-революционный комитет. На митингах по фабрикам и заводам надо выяснять это положение, и массы должны немедленно призываться к тому, чтобы показать штабу действительную силу. Для этого массы должны перейти к самочинному выступлению под руководством районных центров по пути осуществления фактической власти советов районов. Занимать комиссариаты».

(Подлинник чернилами, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 530.)

(См. примечание 1 к № 3).

М. Ф. Владимирский неправильно относит этот документ к вечеру 27 октября (сб. «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве», стр. 279).

Меньшевистский документ, в котором изложение содержания этой телефонограммы совпадает с приведенным текстом, дает возможность установить точно дату этой телефонограммы: утро 26 октября.

Заявление меньшевиков заключает в себе требования немедленной приостановки движения воинских частей к Кремлю и выдачи оружия из арсенала, посылки делегации к Рябцеву «для того, чтобы столковаться с ним о мерах, могущих предотвратить кровопролитие» (см. «Вперед» № 193 от 27 октября 1917 г.).

II. На основании документов ,опубликованных в «Известиях Московского совета» и «Социал-демократе» от 26 октября, перечень вопросов, рассматривавшихся на первом заседании Московского Военно-революционного комитета, дополняется следующими пунктами:

1. Об издании воззваний: 1) «К товарищам солдатам», 2) «К товарищам крестьянам», 3) «К товарищам железнодорожникам» и 4) «К почтово-телеграфным служащим».

2. О борьбе с пьянством и погромами — издано воззвание.

3. Утверждена «Инструкция районным комиссарам Военно-революционного комитета».

4. Постановлено опубликовать утвержденный Московским советом 24 октября «Устав Красной гвардии». Все перечисленные документы опубликованы полностью в указанных газетах 26 октября.

III. На основании других документов, разысканных в архивных фондах, устанавливается, что на этом же заседании Военно-революционного комитета был принят ряд организационных мероприятий, из которых важнейшие:

1. Организация отдела по организации районов.

2. Разработка директив этому отделу, сущность которых ясна из следующего документа, переданного во все районы гор. Москвы:

«Телефонограмма.

Комиссия по организации районов Военно-революционного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов предлагает [такому-то] районному совету наметить лиц, могущих быть представителями [Московского] Военно-революционного комитета в [таком-то] районе и сообщить немедленно их имена для утверждения Военно-революционным комитетом по телефону 64—20, доб. 23.

Комиссару предлагается немедленно по утверждении его комитетом и не ожидая детальной инструкции приступить к исполнению обязанностей и в частности: а) назначить именем районного комиссара Военно-революционного комитета отдельных комиссаров в имеющиеся в районе войсковые части для представительства и взаимной информации; б) назначить особого комиссара по милиции; в) особого комиссара почт и телеграфа; г) организовать при помощи Красной гвардии и милиционеров охрану района и прочее. О всех возникающих новых вопросах предлагается обращаться в комиссию по организации районов Военно-революционного комитета. [телефон] 64—20, доп. 20.

Уполномоченный комитета, член Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов Борзов».

(Подлинник карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 577).

3. Утверждение инструкции комиссарам отдельных учреждений и предприятий (текст инструкции — ЦАОР. ф. МВРК, п. V, л. 139).

4. Назначение комиссаром милиции гор. Москвы С. Л. Пупко (см. публикуемый в тексте документ № 8 и примеч. 12).

К № 2.

1) Все три публикуемые документа (№№ 2, 3 и 4) являются секретарскими записями заседаний Замоскворецкого районного военно-революционного комитета за 26 число. Это единственные разысканные в архивных фондах протокольные записи, освещающие работу районных военно-революционных комитетов. Очевидно, в районах протоколы местных военно-революционных комитетов не велись: постановление претворялось тотчас же в жизнь, и только в некоторых случаях, когда это вызывалось необходимостью, излагалось в приказе, распоряжении, мандате и т. п. Член военно-революционного комитета Сокольнического района Ф. Д. Медведь мне лично сообщил, что никаких протоколов и записей в этом районе не велось.

Районные военно-революционные комитеты организовывались в районах согласно распоряжению партийного боевого центра большевиков, разосланного в районы после 12 часов дня 25 октября.

В архивных фондах разыскана только одна секретарская запись — именно, о создании Замоскворецкого районного военно-революционного комитета, которую приводим:

«[Заседание] Исп[олнительного] ком[итета]25 октября 1917 года.

Создание центра из пяти человек. Предлагают: 3 большевиков — Шиллерт, Витковский, Коссиор; 1 меньшевик — Еремин; 1 (левый) социалист-революционер — Судаков.

Пятерка будет вполне самостоятельна и в полном контакте с Центральным советом и Красной гвардией *).

В пятерку включают т. Файдыша как начальника Красной гвардии **).

(Подлинник карандашом, архив МК ВКП(б), ф. Замоскв. р. к-та, папка «Материал за 1917 год»).

Из этого документа явствует, что Исполнительный комитет Замоскворецкого районного совета обсуждал вопрос о составе районного военно-революционного комитета 25 октября. По всей вероятности, это происходило после окончания заседания пленума московских советов, т. е. уже к утру 26 октября. Протокол заседания Замоскворецкого районного совета, избравшего военно-революционный комитет, не разыскан. На полях указаны изменения в составе Замоскворецкого рев. комитета, происшедшие впоследствии (введение П. К. Штернберга и Б. Волина; И. Цивцивадзе вошел как представитель партийной организации).

В других районах организация военно-революционных комитетов происходила позже: 26 октября, 27 октября и даже 28 октября (Петровский военно-революционный комитет был организован только после собрания районных дум 27 октября).

Публикуемый документ (№ 2) дает картину той работы, которая была выполнена в Замоскворецком районе утром 26 октября во исполнение телефонограммы отдела Московского Военно-революционного комитета по организации районов (см. примечание к док. № 1, II, 2).

Еще до этого заседания состоялось назначение районного комиссара Замоскворецкого района, о чем свидетельствует:

«Телефонограмма № 716 [Московскому Военно-революционному комитету].

26 октября 1917 года. Замоскворецкий районный совет рабочих депутатов назначает комиссаром по Замоскворечью т. Фельдмана, Сергея Дмитриевича, и просит Военно-революционный комитет немедленно утвердить его.

Председатель И. Коссиор»

(Подлинник чернилами, с подлинной подписью, архив МК ВКП(б), ф. Замоскв. р. к-та, папка «Материал за 1917 год»).

2) Занятие электрической станции «Общества 1886 года», с одной стороны, обеспечило охрану Замоскворечья со стороны Каменного моста, с другой — дало

*) На полях справа другим почерком карандашом написано: «Ротшильд, Илья Цивцивадзе, Штенберг, Б. Волин».

**) На полях справа другим почерком написано: «Шиллерт, Витковский, Коссиор, Ротшильд, Илья Цивцивадзе, Штернберг, Б. Волин».

возможность освещать районы, занятые красными, и выключать электрическое освещение в районах, занятых белыми. Так, например, в дни боев без электрического освещения были оставлены все важнейшие, занятые белыми, здания: городская дума, штаб округа и др. Охрана электрической станции из рабочих красногвардейцев 31 октября или 1 ноября, по распоряжению Н. К. Штернберга, была усилена 50 солдатами 55 запасного пехотного полка под командой прапорщика Я. А. Грицмана.

К № 3.

1) «Телефонограмма из центра о выступлении» — очевидно, документ, который процитирован нами в примечании к док. № 1. Публикуемый документ позволяет точнее установить время издания этой телефонограммы Московским Военно-революционным комитетом, а также причины, побудившие к переходу к активным действиям.

По распоряжению Военно-революционного комитета, утром 26 октября в Кремль из Моск. совета и районов были направлены грузовики за оружием. Первые три грузовика прошли в Кремль, были там нагружены оружием, но выйти оттуда не могли, так как Кремль был оцеплен юнкерами (см. рапорт генерала Кайгородова от 8 ноября 1917 г.—«Борьба классов», 1930 г., №№ 6—7). Другие же грузовики, прибывавшие из районов, задерживались юнкерами.

Попытка задержать членов Военно-революционного комитета была произведена юнкерами, когда в Кремль приехали для переговоров с Рябцевым В. П. Ногин, И. Н. Стуков и солдат от 56 полка (предположительно Данилин) в сопровождении посредников в переговорах — членов президиума Московского совета солдатских депутатов эсера Урнова и меньшевика Маневича. И. Н. Стуков рассказывает, как эту делегацию от Никольских ворот отвели в манеж, где членов Военно-революционного комитета подвергали разным оскорблениям и угрозам и только после этого пропустили обратно к Никольским воротам и в Кремль к Рябцеву (Ин. Стуков, «Областное бюро и Военно-революционный комитет», сб. «Октябрьское восстание в Москве», М. 1922, стр. 42).

По воспоминаниям Ем. Ярославского, это посещение Рябцева в Кремле В. П. Ногиным и др. произошло в послеобеденное время, т. е. после 12 часов дня. (Ем. Ярославский, «Как пролилась кровь», сб. «Москва в Октябрьские дни», стр. 51).

Таким образом телефонограмма о выступлении была передана районам не раньше полудня 26 октября, очевидно, еще до возвращения В. П. Ногина и др. из Кремля в Моск. совет (см. док. № 4, примеч. 1).

2) Постановления не разысканы. Возможно, что содержание их совпадает с содержанием постановления II док. № 4.

К № 4.

1) Ем. Ярославский в своих воспоминаниях сообщает, что сам он не присутствовал при переговорах В. П. Ногина, Н. И. Муралова и др. с Рябцевым, но узнал, что 56 полк останется на местах и охрана Кремля будет поручена какой-нибудь другой части (намечались роты 192 полка). Рябцев же настаивал на том, чтобы охрана Кремля и арсенала была поручена юнкерам (Ем. Ярославский, «Как пролилась кровь», сб. «Москва в Октябре 1917 г.», М. 1919, стр. 51).

В. П. Ногин на заседании Исполнительного комитета Московского совета 26 октября сообщил о ходе переговоров с Рябцевым, что «стороны пришли к выводу, что все действия, которые были произведены обеими сторонами, должны быть ликвидированы. Юнкера будут уведены, а Военно-революционный комитет отведет свои части... По вопросу о вооружении рабочих Рябцев просил прислать представителя Военно-революционного комитета, чтобы совместно выработать норму вооружения».

В связи с переговорами «было созвано совместное заседание партийного центра и большевистской части Военно-революционного комитета. Обнаружились две точки зрения. Первая: раз гражданскую войну мы начали, — поздно итти назад. Да, собственно, хода назад и нет. Если не итти вперед, пойдут вперед противники. При данных условиях передышка в гражданской войне несет передышку не нам, а нашим противникам, которые во время ее стягивают и организуют свои силы; нас же передышка только дезорганизует, так как массы организуются в действии, а не во время переговоров в четырех стенах. Кроме того, пойти назад — значит оставить без поддержки Петроград. Следует порвать переговоры с Рябцевым и начать решительное наступление на думу.

Вторая точка зрения: у нас мало сил, мы не знаем, на кого опереться, нам нужна передышка для организации сил. Необходимо вести переговоры с Рябцевым.

Несмотря на решительные возражения представителей Областного бюро [партии], большинством 9 против 5 решено было вступить в переговоры с Рябце-

вым» (Доклад В. Н. Яковлевой на пленуме Областного бюро РСДРП(б) 9—10 ноября 1917 г.).

Результатом этого постановления, очевидно, и явилась «телефонограмма из центра», отменяющая прежнее распоряжение о выступлении (см. док. № 3) и предлагающая занять строго выжидательную позицию.

Вечером в Кремль прибыли Н. И. Муралов и А. Я. Аросев и после нового разговора с Рябцевым предложили вывести роту 193 полка из Кремля. Рота стала готовиться к выходу (но выведена была только утром 27 октября, когда юнкера сняли на время оцепление). Ем. Ярославский вместе с А. Я. Аросевым уехали вечером 26 октября из Кремля (Ем. Ярославский, «Как пролилась кровь», сб. «Москва в Октябре 1917 г.», М. 1919 г., стр. 51—53).

Когда 26 октября вечером на собрании в Замоскворецком районном комитете РСДРП(б) И. Цивцивадзе сделал собравшимся информационный доклад о решении держаться выжидательной политики, рабочие резко критиковали это решение. Собрание постановило послать в центр тт. Пана и Сычева, чтобы настаивать на более решительных действиях (И. Цивцивадзе, «Замоскворецкий район», сб. «Год борьбы 1917», М.—Л., 1927, стр. 99—100).

2) См. док. № 3 и примеч. 2.

3) Реквизиция автомобилей, принадлежавших фабрикам и заводам, производилась рабочими повсеместно. В Замоскворечьи были реквизированы автомобили и на электрической станции Общества 1886 года. Одновременно реквизировались и автомобили частного пользования.

4) О Ротшильде см. примечание 1 к № 2.

5) Красный крест одновременно был организован и при Московском Военно-революционном комитете. Первым его организатором был М. И. Рогов (см. ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 511).

К № 5.

1) По свидетельству А. Я. Аросева («Московский совет в 1917 г.», М., 1927, стр. 27), второе заседание Московского Военно-революционного комитета, притом очень многолюдное, состоялось 27 октября. В промежуток между первым и вторым заседаниями работу вели дежурные члены Военно-революционного комитета, что создавало впечатление «непрерывного заседания Военно-революционного комитета», на что находим ряд указаний в опубликованных воспоминаниях участников Октябрьской революции в Москве. Точно так же проходила работа Военно-революционного комитета и в последующие дни.

Остальные члены Военно-революционного комитета 26 октября вели организационную работу в районах, на гарнизонном собрании, некоторые принимали участие в переговорах с Рябцевым. В 7 часов вечера 26 октября в отделе по организации районов происходило собрание избранных в районах районных комиссаров Военно-революционного комитета. Очевидно, его постановления обсуждались на заседании Военно-революционного комитета 27 октября.

Публикуемые три документа (№№ 5, 6 и 7) представляют собою неоформленные беглые записи, без указания имен участников заседания. Из отдельных формулировок видно, что делались они одним из районных работников.

Документ № 7 по своему содержанию должен бы быть помещен, как более поздний, после публикуемого журнала заседания 27 октября (док. № 8). Однако, поскольку все три документа (№№ 5, 6 и 7) написаны одним почерком, мы их поместили подряд.

2) См. примечание 1, III к № 1.

3) В данных записях, очевидно, отражено обсуждение общего плана революционной армии, сводящегося к следующему:

«1) Все военные действия направляются к одному центру.

2) Роль районов заключается в планомерном стягивании к центру своих военных сил. Сепаратные операции предусматриваются, поскольку они не нарушают общего плана.

3) Не упускать из виду, что тыл для районов не безопасен и что может явиться возможность операций революционной армии вне Москвы.

4) Действовать решительно и энергично.

5) Наивозможно меньшее пролитие крови.

6) Охрана безопасности населения».

(ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 600).

Первые четыре пункта этого плана были разработаны штабом Московского Военно-революционного комитета, два последних — добавлены при утверждении этого плана Военно-революционным комитетом. Эти два пункта (5 и 6) приписаны карандашом к тексту первых четырех пунктов, написанных чернилами. Весь текст написан

рукою работавшего в штабе левого эсера подпоручика А. Владимирского. Очевидно, этот план был принят в первоначальной его редакции (без двух последних пунктов) состоявшимся в 7 час. вечера 26 октября собранием представителей районов, созванным Московским Военно-революционным комитетом.

4) 26 октября в 3 часа утра юнкера, вооруженные пулеметами, заняли городскую думу, где заседал Комитет общественной безопасности, и манеж. После ввода в Кремль приведенной Ем. Ярославским и О. М. Берзиным роты 193 запасного пехотного полка, юнкера оценили Кремль, выставив посты у всех входов. Центральная телефонная станция была занята юнкерами. Разговоры Военно-революционного комитета подслушивались. Вопрос о связи с Кремлем стоял чрезвычайно остро. О. М. Берзин в своих воспоминаниях пишет, что с 27 октября телефонная связь с Кремлем была прервана юнкерами («Пролет. рёвол.», 1927, № 12). Замоскворецкий район установил наблюдение за происходящим внутри Кремля из электрической станции.

5) Под «попечителем» следует понимать политического организатора, прикрепленного к данной войсковой части, к данному полковому комитету. Так, в 55 запасном пехотном полку таким «попечителем» был рабочий завода Михельсона Н. Стрелков. Ем. Ярославский был таким организатором в 193 запасном пехотном полку, в Хамовниках (Ем. Ярославский, «Воспоминания о Хамовниках», сб. «Октябрь в Хамовниках», М. 1927, стр. 149—151).

6) Речь, очевидно, идет об инструкции комиссарам отдельных учреждений и предприятий (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 139), а также об инструкции районным комиссарам Московского Военно-революционного комитета (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 581).

7) Профессиональный союз милиционеров, входивший в центральный союз городских служащих и рабочих, принял сторону Военно-революционного комитета и выполнял его распоряжения. Участковые комитеты милиционеров сместили своих комиссаров и выбрали новых. Смещенные комиссары прибыли с докладом к комиссару градоначальства А. А. Вознесенскому, который предложил им сохранять свои посты и вернуться к исполнению своих обязанностей, «уступая при необходимости только насилию» («Вперед» № 195, от 29 октября).

28 октября тот же Вознесенский в приказе всем участковым комиссарам милиции за № 1088/3, в связи с объявлением Рябцевым Москвы на военном положении, угрожал арестом, увольнением со службы и преданием суду всех лиц командного состава и милиционеров, не подчиняющихся власти Временного правительства и не исполняющих его приказаний. Одновременно Вознесенский объявил распоряжения Военно-революционного комитета и всяких других организаций незаконными и не подлежащими исполнению (МОАУ, ф. Моск. градоначальства, 1917 г.).

До 28 октября телефон союза милиционеров, помещавшегося в доме градоначальства, выходившем в Гнездниковский пер., обслуживал нужды Военно-революционного комитета. 28 октября представители союза были Вознесенским арестованы, а телефон использован для перехватывания предназначавшейся для Военно-революционного комитета информации. Об этом Вознесенский сам рассказывает в своей книге «Москва в 1917 году».

К № 6.

1) Эта информация была доложена Военно-революционному комитету в заседании 27 октября, поскольку помнит автор примечаний, Г. А. Усиевичем.

2) Вечером 27 октября состоялось экстренное заседание делегатов союза шоферов вместе с представителями гарнизонных комитетов для обсуждения распоряжения командующего войсками Московского военного округа полковника Рябцева о непредоставлении автомобилей Военно-революционному комитету. По призыву центрального бюро профессиональных союзов собрание, после краткого обмена мнений, единогласно решило подчиняться только приказаниям Военно-революционного комитета («Социал-демократ», № 195, от 29 октября 1917 г.).

3) Установление цензуры на телеграфе (точнее: не цензуры, а контроля за содержанием отправляемых и поступающих телеграмм) было поручено В. Н. Подбельскому. До 1 ноября это дело организовано не было. Однако и Центральный и районные военно-революционные комитеты получали от преданных делу революции работников телеграфа информацию обо всех важнейших телеграммах. Так, например, было задержано отправкой несколько провокационных телеграмм социал-соглашательского Московского областного бюро советов (Мобюс).

4) Речь, конечно, идет об организации выборного комитета (совета) при каждом участке (комиссариате) милиции.

5) Вл. Перлин — юнкер Александровского военного училища, большевик, явившийся в распоряжение Московского Военно-революционного комитета, был назна-

чен адъютантом штаба, причем на него было возложено установление связи по линии разведки.

6) Вывоз оружия из Кремля делало невозможным оцепление Кремля юнкерами (см. примечание 1 к № 3).

7) Подпоручик Ершов — левый социалист-революционер, первоначально ведал караулами в Моск. совете. Затем его сменил большевик-прапорщик 85 запасного пехотного полка О. Ананьин. С установлением власти советов Ершов был назначен комиссаром управления московского воинского начальника. Впоследствии оказался авантюристом.

8) Такой телефонограммы не разыскано, да и вряд ли она была дана, так как с началом боевых действий вопросы об организации распределения тканей, торговой инспекции и т. п. отошли на задний план.

9) Комитет Николаевской железной дороги в Петрограде 26 октября взял в свои руки управление дорогой и рекомендовал Московскому комитету этой дороги взять в свои руки железные дороги (см. ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 423).

10) Сообщение, сделанное Вл. Перлиным, основано на следующих донесениях, поступивших в стол разведки Военно-революционного комитета:

I. «Дежурный член Кулешев из союза булочников сделал нам заявление: на состоявшемся собрании юнкеров в Александровском военном училище постановлено сегодня ночью занять Кремль и арестовать Революционный комитет. Действия начать немедленно».

(ЦАОР, ф. МВРК, п. II, лл. 460 и 371).

II. «Городской район получил сведения о том, что юнкерам дан приказ брать Кремль».

(ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 174).

11) 26 октября Викжель, в связи с арестом Временного правительства, взял на себя управление министерством путей сообщения, для чего выделил бюро («пятерку») в составе: Крушинского (левый эсер), Вомпе (с.-д. межрайонец), Гара (эсер-центровик), Стаммо (левый эсер) и Дементьева (меньшевик-оборонец). Часть этой «пятерки», в лице Гара, должна была иметь своим местопребыванием г. Москву.

Назначенный Советом народных комиссаров комиссаром путей сообщения Д. Б. Рязанов фактически в управление министерством не вступал, а лишь участвовал в переговорах о конструкции власти, организованных Викжелем.

12) О собрании студентов в Военно-революционный комитет поступило следующее сообщение:

«Студенты Московского университета, заслушав доклады Лазаревского и Коммерческого института, а также предложение Московского [военного] округа явиться немедленно в Александровское военное училище всем записавшимся в студенческие боевые дружины за дальнейшими инструкциями, или же (предоставляется на усмотрение каждого записавшегося) предоставить себя в распоряжение городской думы, приняли на сходке всех факультетов 27 октября в богословской аудитории подавляющим большинством (приняли резолюцию, даже не голосуя) — о вооруженной поддержке штаба, думы и Временного правительства. Запись в дружинники производится со вчерашнего дня [26 октября] в здании университета по инициативе партии народной свободы (кадетов).

Бельведерский — Кантор».

(ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 33).

К № 7.

1) Этот пункт может служить доказательством, что запись велась представителем одного из районов, присутствовавшим на заседании.

2) Наличие пункта об ультиматуме Рябцева разрешает вопрос о том, к какому числу должна быть отнесена публикуемая запись.

Ультиматум Рябцева был передан В. П. Ногиным Н. И. Муралову по телефону, находившемуся в комнате заседаний, во время заседания Военно-революционного комитета. Это было в 6—7 часов вечера. В. Н. Яковлева в своем докладе пленуму Областного бюро РСДРП(б) говорила, что ультиматум был предъявлен в 11 час. вечера. Одновременно Рябцев отдал приказ об объявлении Москвы на военном положении.

Содержание ультиматума: 1) немедленная ликвидация всех действий Военно-революционного комитета и упразднение его; 2) немедленный вывод из Кремля 56 запасного пехотного полка (у Игнатова: «85 полка» — ошибочно); 3) немедленный возврат вывезенного из арсенала оружия. Срок ответа на ультиматум — 15 минут. В случае неполучения ответа к этому сроку будет открыта артиллерийская стрельба. (М. Владимирский, «Перед боем», сб. «Очерки по истории Октябрьской револю-

ции в Москве», стр. 279; Игнатов, «Моск. совет раб. деп. в 1917 г.», стр. 368). В своем докладе пленуму Московского областного бюро партии большевиков 9—10 ноября 1917 г. В. Н. Яковлева заявила, что В. П. Ногин скрыл от Военно-революционного комитета пункт ультиматума о предании его членов суду.

После получения ультиматума Рябцева Военно-революционный комитет принял ряд важнейших решений, которые отражения в разысканных протокольных записях не нашли.

Восстанавливаем важнейшие решения по газетам и архивным документам.

1. Всем воинским частям разослана телефонограмма:

«Все воинские силы должны подчиняться распоряжениям только Военно-революционного комитета, избранного Московскими советами рабочих и солдатских депутатов. Ни одно распоряжение без утверждения Военно-революционного комитета не должно приводиться в исполнение.

Военно-революционный комитет».

2. Выпущено воззвание «К рабочим» с призывом к всеобщей забастовке за подписями Военно-революционного комитета, Центрального совета профессиональных союзов Москвы, Московского комитета РСДРП(б) и Московской организации социал-демократии Польши и Литвы.

3. Выпущено воззвание «К солдатам» с изложением хода событий и призывом к оружию.

4. Выпущено воззвание к солдатам о подготовке к выборам в Учредительное собрание, назначенным на 12, 13 и 14 ноября.

(Все четыре документа — см. «Известия Моск. совета р. д.» № 199, от 28 октября 1917 г.).

5. Проведено общее собрание районных дум, постановившее организовать Совет районных дум; образованному исполнительному революционно-хозяйственному бюро Совета районных дум поручено срочно разработать проекты мероприятий по вопросам продовольственного снабжения и распределения городских финансов и охраны революционного порядка.

(«Известия Моск. В.-Р. к-та» № 2, от 4 ноября 1917 г.).

6. Издан «Приказ районным комиссарам гор. Москвы».

«По приказанию Военно-революционного комитета все вооруженные красногвардейцы должны быть в полной боевой готовности. Невооруженные должны немедленно следовать к совету в распоряжение Военно-революционного комитета.

Член Военно-революционного комитета А. Ведерников.

За секретаря П. Кушнер».

Октября 27 дня 1917 г.

№ 271/в.

(Подлинник на пиш. маш., бланк и печать В.-Р. к-та, ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 508).

К № 8.

1) Журнал заседания Московского Военно-революционного комитета 27 октября утром публикуется впервые. Этот документ выясняет ряд вопросов, которые до сих пор оставались темными и спорными.

Может возникнуть вопрос, каким образом этот документ уцелел, если в ночь на 28 октября все протоколы Военно-революционного комитета были сожжены. Поскольку помнит составитель примечаний, этот журнал был отпечатан секретариатом Военно-революционного комитета тотчас же после заседания по требованию Ем. Ярославского, который тут же и получил один оттиск этого документа на руки.

2) В течение всей империалистической войны охрану Кремля, его сокровищниц и арсенала несли части 56 запасного пехотного батальона, впоследствии переформированного в полк. В октябре на охране Кремля стояли пять рот (1-й батальон и 8-я рота 2-го батальона) этого полка. 56 запасный пехотный полк был одним из наиболее большевистски настроенных полков Московского гарнизона. На совещании представителей районов и воинских частей 23 октября его представители заявили, что полк выйдет на борьбу с оружием в руках по первому призыву Московского комитета и Военного бюро большевиков (О. Варенцова, «Военное бюро при МК РСДРП(б)», сб. «От Февраля к Октябрю», 1923, стр. 79).

Особое значение Кремля для восставших рабочих и солдат заключалось в том, что его арсенал являлся единственным в Москве складом винтовок и пулеметов, в которых так нуждалось руководство восстанием для вооружения рабочих и слабо вооруженных солдат московского гарнизона. Назначение Военно-революционным комитетом в его первом заседании в ночь с 25 на 26 октября специального комиссара Кремля (Ем. Ярославского) и комиссара по выдаче оружия из кремлев-

ского арсенала (О. М. Берзина) имело своей целью обеспечить вооружение восставших. Тогда же в Кремль были направлены грузовики за оружием и рота 193 запасного пехотного полка (см. № 1, примечание, ч. I, п. 4).

Этот план был разрушен юнкерами, оценившими Кремль утром 26 октября (см. примеч. 1 к № 3).

26 октября начатые В. П. Ногиным, только что приехавшим из Петербурга, переговоры с Рябцевым закончились решением вывести роту 193 запасного пехотного полка из Кремля и уходом из Кремля его комиссара Ем. Ярославского (см. примеч. 1 к № 4).

3) Формулировка этого постановления полностью подтверждает изложенное в воспоминаниях Ем. Ярославского «Как пролилась кровь» (сб. «Москва в Октябре 1917 года», М. 1919), первоначально опубликованных в ноябре 1917 г. в «Социал-демократе». Единственная поправка, в которой нуждаются эти воспоминания,— это исправление дат. Постановление не дает никаких директив о пределах возможных уступок Рябцеву.

По свидетельству О. М. Берзина, 27 октября в Кремль никто больше из Моск. совета не приезжал («Пролет револ.», 1927, № 12). Следовательно, переговоры с Рябцевым 27 октября велись или в другом месте, или же по телефону.

Рота 193 запасного пехотного полка была выведена из Кремля утром 27 октября.

4) Представление о характере рассылавшихся эсеровско-меньшевистским президиумом Совета солдатских депутатов телефонограмм может дать следующий документ, в котором момент политический тесно связан с моментом прямого подлога:

«Телефонограмма № 9819.

Октября 25 1917 года. От Совета рабочих и солдатских депутатов. Полковому комитету 193 пехотного запасного полка.

Передал Мамаев. Принял Мазуров.

По всем частям города Москвы. Московский совет рабочих и солдатских депутатов предлагает всем товарищам воздержаться от всяких выступлений без призыва Совета солдатских депутатов.

Председатель Шубников.
Секретарь Мамаев».

(Подл. ВИА, д. № 447—309, л. 174).

В последующие дни президиумом Совета солдатских депутатов рассылались телефонограммы и листовки с воззванием Центрального исполнительного комитета 1-го созыва, объявляющим 2-й Съезд советов не состоявшимся (ВИА, д. № 447—309, л. 178), с воззванием Совета крестьянских депутатов, большинства Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов, Комитета советской фракции эсеров и военной организации эсеров, призывающим не исполнять приказов Военно-революционного комитета и не выступать с оружием без приказа Советов солдатских и крестьянских депутатов и провозглашающим Комитет общественной безопасности «всенародным органом», которому «принадлежит вся власть в Москве» (ВИА, д. № 447—309, лл. 180—181).

5) Телефонограмма президиума Совета солдатских депутатов, отменяющая назначенное на 27 октября заседание Совета солдатских депутатов, не разыскана. Эсеры и меньшевики из Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов, очевидно, не хотели допустить этого собрания из опасения, чтобы на нем не повторилось того, что было на гарнизонном собрании ротных комитетов 26 октября, большинством 212 голосов против 1, при 23 воздержавшихся, принявшем следующую резолюцию:

«Ротные комитеты признают единственной властью Советы рабочих и солдатских депутатов. Ротные комитеты будут подчиняться только распоряжениям Военно-революционного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и требуют слияния обоих советов и перевыборов в кратчайший срок Совета рабочих и солдатских депутатов». Посланная этим собранием к Рябцеву делегация требовала увода из-под Кремля юнкеров и освобождения осаждаемых солдат 56 запасного пехотного полка. В случае отказа со стороны Рябцева собрание требовало от Военно-революционного комитета «самых решительных мер для освобождения арсенала и 56 полка. Рабочие и солдаты должны быть немедленно вооружены» («Социал-демократ», 1917 г., № 194).

В результате принятых Военно-революционным комитетом мер собрание Совета солдатских депутатов состоялось (см. примечания 28 и 35).

6) Уничтожалась населением не только газета «Труд», но и газета «Вперед». Газета «Труд», орган московской организации партии эсеров, в дни Октября была

официальным органом Комитета общественной безопасности и публиковала все его воззвания, распоряжения и информацию. От нее не отставала и меньшевистская газета «Вперед».

Рабочие и солдаты Москвы отбирали у продавцов номера «социалистических» газет и тут же уничтожали их.

7) Шубников — правый социалист-революционер, солдат, интеллигент, товарищ председателя Совета солдатских депутатов, принимавший активнейшее участие в Комитете общественной безопасности как представитель Совета солдатских депутатов. Теперь — член ВКП(б).

Возможно, что Шубников лично делал свое заявление в заседании Военно-революционного комитета, так как президиум Совета солдатских депутатов до момента предъявления ультиматума Рябцевым в 7 часов вечера 27 октября оставался в здании Моск. совета и, по свидетельству А. Я. Аросева, «заседал на третьем этаже и стряпал прокламацию к Московскому гарнизону, в которой уговаривал солдат никуда не выходить, большевиков не слушать и поддерживать Керенского» (А. Аросев, «Как было», сб. «Москва в Октябре 1917 г., М. 1919, стр. 73). После предъявления ультиматума Рябцевым А. Я. Аросев, подпоручик Ершов (см. примеч. 7 к № 6) и прапорщик В. П. Янушевский побежали срезать телефоны в здании совета. «Тут подбежал Шубников,— рассказывает А. Я. Аросев,— и спрашивает, куда мы идем. «Мы телефоны срезаем, идите по добру по здорову» (Сб. «Октябрьские дни в Москве и районах», М. 1922, стр. 32).

В документах Комитета общественной безопасности находим указание, что вместе с эсером Шубниковым из здания совета был удален и другой член Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов меньшевик Мазур.

8) 26 октября утром за оружием в Кремль были отправлены грузовики как штабом Военно-революционного комитета, так и районами. В Кремль их прошло только три. Остальные были задержаны оцепившими к тому времени Кремль юнкерами. В тот же день по требованию О. М. Берзина из кремлевского арсенала было выдано 1 700 винтовок, часть которых пошла на вооружение роты 193 запасного полка, а остальные были погружены на грузовики (рапорт генерала Кайгородова от 8 ноября, «Борьба классов», 1930 г., № 6—7). Разгрузки этих грузовиков и возвращения этих винтовок в арсенал требовал Шубников от имени Рябцева.

9) Включенный в делегацию по переговорам с Рябцевым Ем. Ярославский (см. первое постановление публикуемого журнала) в переговорах с Рябцевым 27 октября не участвовал. После сделанного Ем. Ярославским 26 октября категорического заявления Рябцеву от имени Военно-революционного комитета, что Кремль будет охранять 56 полк, что этот полк добровольно не уступит своих постов юнкерам, что, как только юнкера войдут в Кремль, кровопролитие неизбежно (Е. Ярославский, «Как пролилась кровь», сб. «Москва в Октябре 1917 г.», М. 1919, стр. 52), — выполнение поручения «урегулировать вопрос о б о т о з в а н и и... 56 полка» из Кремля путем переговоров с тем же Рябцевым для Ем. Ярославского стало невозможным.

Переговоры В. П. Ногина и В. М. Смирнова с Рябцевым происходили не в Кремле, так как, по свидетельству О. М. Берзина, 27 октября из совета никто в Кремль не приезжал, а Рябцев, уехавший из Кремля вечером 26 октября, туда не возвращался.

Вероятно, В. П. Ногин вел эти переговоры с Рябцевым единолично по телефону. Закончились они предъявлением ультиматума о сдаче Военно-революционного комитета (см. примеч. 2 к № 7).

10) Запись неточная: ни одна из типографий «конфискована» не была. Вопрос о реквизиции типографий разрешился уже после Октябрьской победы, если не считать единичного случая с типографией латышской газеты «Дзименес Адбалс» (см. примеч. 20).

11) Профессиональная группа («девятка») была избрана 26 октября на созванном М. В. Рыкуновым, по поручению Московского Военно-революционного комитета, заседании правлений московских профессиональных союзов, в следующем составе: Козловский (Козелев?), Г. Н. Мельничанский, Шалаев, П. И. Кушнер, М. В. Рыкунов, Андреев, Шуленков, Кошутин и Мышкис. На избранную комиссию возлагалась координация действий профессиональных союзов в области экономической с Военно-революционным комитетом и помощь последнему в деле организации экономической жизни.

По предложению Военно-революционного комитета профессиональные союзы должны были выделить двух представителей в состав Военно-революционного комитета. На данном заседании решено было выделить в Военно-революционный комитет трех товарищей, что было поручено сделать избранной «девятке» совместно с центральным бюро профессиональных союзов и его секретариатом (Профархив, ф. № 408, д. № 1, лл. 121—130).

Избранными в Военно-революционный комитет оказались П. И. Кушнер, М. В. Рыкунов и Г. Н. Мельничанский.

12) Других указаний на то, что С. Л. Пупко был назначен комиссаром милиции гор. Москвы, в архивных фондах не разыскано. 1 ноября, после взятия центральной телефонной станции, С. Л. Пупко получил назначение комиссаром телефонной сети.

13) А. А. Вознесенский — комиссар Московского градоначальства, назначенный Временным правительством, с момента начала боевых операций руководил обороной занятого белогвардейцами здания градоначальства; после взятия градоначальства ему удалось скрыться

В своей книге «Москва в 1917 году» А. А. Вознесенский подробно освещает все перипетии борьбы, в которой он участвовал, как сторонник Временного правительства. Данное комиссару милиции С. Л. Пупко поручение «снестись с Вознесенским» по вопросу об обеспечении охраны оставленных комиссарами комиссариатов свидетельствует о наличии каких-то иллюзий относительно возможности совместной работы с этим в то время определенным белогвардейцем (см. примеч. 7 к № 5).

14) См. в этом же журнале пункты «о телефонограмме Совета солдатских депутатов» и примечание 4, «переговоры с президиумом Совета солдатских депутатов» и примечание 28, «заявление социалистов-революционеров» и примечание 35.

Никаких документальных указаний на то, что на заседании Совета солдатских депутатов 27 октября обсуждался вопрос о его перевыборах, не разыскано.

15) В воззвании меньшевиков: «Ко всем рабочим, солдатам и ко всему населению г. Москвы», опубликованном в газете «Вперед», этот «ультиматум» меньшевиков изложен в следующей формулировке:

«1. Все решения Военно-революционного комитета принимаются только на его заседаниях после совместного обсуждения.

2. Официальными решениями комитета считаются только те, которые приняты единогласно и под которыми имеются подписи и меньшевиков.

3. Немедленно должны быть прекращены все действия, направленные к захвату Кремля и арсенала.

4. Военно-революционный комитет, с целью восстановления единства революционного фронта, немедленно предлагает Исполнительному комитету Советов рабочих и солдатских депутатов принять меры к организации общедемократического комитета с участием представителей всех революционно-демократических организаций» («Вперед» № 194, от 28 октября 1917 г.).

16) Подлинное заявление меньшевиков об их выходе из Военно-революционного комитета в архивных фондах не разыскано. От Военно-революционного комитета на заседание Совета солдатских депутатов были делегированы Г. А. Усиевич и П. Н. Мостовенко (см. предыдущее постановление), меньшевики же пытались выступать на заседании совета от имени Военно-революционного комитета в явочном порядке, не имея на это мандата.

17) Центральный союз городских служащих и рабочих делегировал на основании этого постановления в состав Московского Военно-революционного комитета члена своего правления, председателя стачечного комитета, максималиста, впоследствии ставшего преданным коммунистом, С. Л. Пупко. С. Л. Пупко, старый политкаторжанин, работал на ответственной работе сначала в ВЧК, а затем до конца своей жизни в НКПС. Умер в 1933 году.

18) Враждебные Военно-революционному комитету прокламации, воззвания, листовки в дни Октября в Москве выпускались главным образом Комитетом общественной безопасности и эсеровско-меньшевистским президиумом Совета солдатских депутатов. Московский комитет меньшевиков в основном публиковал свои воззвания в газете «Вперед». Московский комитет социалистов-революционеров в отношении издания воззваний и листовок отставал главным образом потому, что вся его энергия уходила на работу в Комитете общественной безопасности. Воззвания Комитета общественной безопасности выпускались не только в виде прокламаций и листовок, но и в виде «Бюллетеней», которых было выпущено четыре номера (26, 27, 28 и 31 октября). Оригиналы этих воззваний можно найти в МОАУ, в деле Совета солдатских депутатов за 1917 год, «о захвате власти большевиками». Одну листовку, кроме того, выпустил 26 октября эсеровский Исполнительный комитет Московского совета рабочих депутатов (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 9).

19) Указаний на участие заместителя председателя Московского совета рабочих депутатов П. Г. Смидовича в первом заседании Московского Военно-революционного комитета нигде не находим. На заседании 27 октября он присутствовал как член президиума Московского совета и докладывал: 1) о переговорах с меньшевиками, вышедшими из Военно-революционного комитета (см. выше и примечания

15 и 16); 2) о необходимости ввести в состав Военно-революционного комитета представителей Железнодорожного (Викжеля) и Почтово-телеграфного союзов и 3) о необходимости продолжать переговоры с эсеровско-меньшевистским президиумом Совета солдатских депутатов. Проведение этих переговоров было Военно-революционным комитетом возложено на П. Г. Смидовича. Переговоры с меньшевиками по поводу их ультиматума (примеч. 15) не увенчались успехом, и дело закончилось заявлением меньшевиков об их уходе из состава Военно-революционного комитета (примеч. 16).

20) О реквизиции типографии см. примечание 10.

С эвакуацией в связи с империалистической войной ряда заводов из б. Прибалтийского края руководство Латышской объединенной секции РСДРП (так называемой «Северной группы») переехало в Москву. Латышская объединенная секция РСДРП по основным программным вопросам целиком примыкала к ленинскому течению в партии и вошла в ряды большевиков.

21) П. Г. Смидовичу этим постановлением было поручено вести переговоры с Московским бюро Викжеля и советом союза почтово-телеграфных служащих. Политическая линия этих организаций предопределялась их классовым составом. Всероссийский исполнительный комитет железнодорожных союзов (Викжель) был избран на учредительном железнодорожном съезде в Москве в июле-августе 1917 года в составе 41 человека: 14 эсеров (из них 9 — левых), 6 меньшевиков, 3 большевика, 6 других партий и 12 беспартийных. Кроме того в Викжель входили 6 представителей крупнейших железнодорожных союзов по профессиям: железнодорожных служащих, телеграфистов, мастеровых и рабочих и т. д., продолжавших существовать как самостоятельные организации и после организации Викжеля.

Преобладание в составе Викжеля представителей мелкобуржуазных течений сделало Викжель одним из центров контрреволюционного соглашательства. Занимая формально нейтральную позицию, Викжель в Октябрьские дни настаивал на прекращении гражданской войны и создании однородного социалистического правительства — от большевиков до народных социалистов включительно. По получении первых известий о готовившихся в Петрограде событиях, Викжель в полном составе выехал из Москвы в Петроград, оставив в Москве Бюро Викжеля, в которое входили: социалист-революционер А. А. Гар, народный социалист Эндимионов, беспартийные: Беляков, Добытин, А. А. Платонов (впоследствии член ВКП(б)) и Федотов. В Москве же остался по болезни и член Викжеля большевик Кравец, а также председатель ревизионной комиссии Викжеля П. Стефановский. Вплоть до 1 ноября один из членов Московского Бюро Викжеля присутствовал в Комитете общественных организаций (см. дневник П. Стефановского, опубликованный в сборнике Истпрофтрана № 2, 1923 г.).

Еще более правой организацией был совет союза почтово-телеграфных служащих, возглавлявшийся Войцеховичем.

Московский Военно-революционный комитет был осведомлен о позиции, занятой Викжелем, из следующего документа:

«Телеграмма [Викжеля] 25 октября 1917 г. Всей сети, Центральному исполнительному комитету Советов рабочих и солдатских депутатов и Военно-революционному петроградскому комитету.

23 числа Петроградский совет рабочих и солдатских комитетов образовал Революционный комитет в числе пяти лиц: трех большевиков и двух социалистов-революционеров. Вчера Керенским в предпарламенте было заявлено о решении Временного правительства употребить все силы для подавления готовящегося выступления большевиков и всех, кто будет с ними, и отдано было распоряжение об аресте Революционного комитета, и в связи с этим Временное правительство вызвало отряд юнкеров, так как части петроградского гарнизона солидарны с Петроградским советом. Сего числа, по постановлению Революционного комитета, предпарламент распущен и произведены аресты некоторых членов Временного правительства. Временное правительство передало всю полноту власти генералу Багратуни, Кишкину, Пальчинскому, Рутенбергу.

Революционный комитет объявил Временное правительство низложенным, и в настоящее время фактически власть находится в его руках. Центральный исполнительный комитет [советов] рабочих и солдатских депутатов и социалистические партии, за исключением большевиков, относятся отрицательно к лозунгу «вся власть Советам» и свое отношение к создавшемуся конфликту точно не выявили, но в то же время не могут примириться с властью указанных лиц и, приходя почти что единодушно к выводу о необходимости народного социалистического министерства, считают передачу власти в такой момент цензовым элементам неправильным и недопустимым. Всероссийский съезд советов еще не вынес своего решения. Растет опасность торжества контрреволюции, когда под предлогом подавления большевистского движения

народ и армия могут быть введены в заблуждение, могут быть двинуты войска в Петроград и разгромлены все советские организации. Центральный исполнительный комитет Всероссийского железнодорожного союза в своем заседании 25 числа вынес следующую резолюцию:

«Сознавая свою реальную мощь, как орудие активной борьбы, которая может быть таковым лишь в руках большинства и ни в коем случае не может служить какому то ни было меньшинству или отдельной политической партии, Викжель постановил поддерживать Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов как в настоящем его составе, так и в том, который будет избран Съездом советов. Товарищи! Ваш комитет считает недопустимым террор и насилие какой-либо партии над большинством демократии. В то же время является абсолютно недопустимым упразднение советов под флагом борьбы с так называемым большевизмом. Учитывая все изложенное, находясь в полном единении с большинством социалистических партий, Викжель постановил все передвижения казацких войск на Петроград немедленно приостановить. При передвижении войск и других родов оружия на Петроград их количество, куда, с какой целью и по чьему приказу они направлены немедленно сообщать в главные дорожные комитеты и в Петроград, Викжель, и только в случае получения распоряжения от Викжеля принимать все меры к их задержанию вплоть до разбора путей, угона паровозов и т. п. Стратегическое движение войск ни в коем случае нарушено не должно быть. В сознании всей глубины ответственности товарищи должны руководствоваться во всех сомнительных случаях указаниями Викжеля. Викжелем избрано бюро из 5 лиц в Петрограде для разрешения вопросов, связанных с передвижением войск, и для распоряжения в экстренных случаях и для контакта с Военно-революционным комитетом и Съездом советов рабочих и солдатских депутатов. Члены бюро: Антонович, Стаммо, Грунин, Кондратьев» (Сборник Истпрофтрана, № 2, 1923 г., стр. 59—60).

22) Выступая с своим заявлением об ошибочности наступательной линии Военно-революционного комитета, П. Г. Смидович выражал точку зрения значительной части фракции Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов (Е. Н. Игнатов, К. Г. Максимов, Г. Н. Корзинов, Орехов-Маликов и др.).

23) Кооптация П. Г. Смидовича в состав Московского Военно-революционного комитета, несмотря на его заявление о несогласии с линией последнего, также как и кооптация других членов Военно-революционного комитета, в том числе и члена президиума Совета рабочих депутатов Е. Н. Игнатова, вызвала протест партийного боевого центра большевиков, о чем докладывала В. Н. Яковлева на пленуме Областного бюро РСДРП(б), состоявшемся 9—10 ноября 1917 г. Об этом рассказывает и Е. Н. Игнатов («Моск. совет рабочих депутатов в 1917 г.», М. 1925, стр. 403).

24) Меньшевики и социалисты-революционеры использовывали стечение рабочих и солдатских масс, спешивших к Моск. совету по вызову Военно-революционного комитета, для организации летучих митингов, на которых вели контрреволюционную агитацию против Военно-революционного комитета, распространяя провокационные слухи о продвижении казаков с фронта к Москве и пытаясь всеми средствами дезорганизовать и запугать массы.

25) О. А. Пятницкий отправился первоначально на Николаевский вокзал, где находились и Московское бюро Викжеля и железнодорожный районный совет рабочих депутатов. Вместе с ним туда же поехал и П. Г. Смидович для выполнения поручения Военно-революционного комитета об установлении связи с железнодорожниками и почтово-телеграфными служащими. В опубликованных в октябрьском номере «Вестника путей сообщения» 1918 года воспоминаниях О. А. Пятницкий рассказывает следующее:

«На утреннем заседании Военно-революционного комитета 27 октября... я предложил попытаться снестись с Питером через Викжель... Военно-революционный комитет принял это предложение и делегировал меня и еще одного товарища [П. Г. Смидовича] в Викжель. Принял нас член коллегии пяти, выбранной Викжелем для руководства министерством путей сообщения, гражданин Гар (правый эсер). Он нам заявил, что Викжель постановил объявить себя нейтральным по отношению к воюющим сторонам, а потому не может дать нам возможности самим говорить с Петербургом, но он может вызвать кого-либо из Викжеля и спросить то, что нужно. Мы согласились на это; он позвонил по телефону в Питер, подошел член Викжеля Стаммо (эсер).

На поставленный нами вопрос, что делается в Петербурге и на фронтах, Гар заявил, что нейтралитет Викжеля не допускает такой информации, и в результате всех разговоров с Питером мы узнали только состав Совета народных комиссаров.

Мы предложили Бюро Викжеля... послать своего представителя в Военно-революционный комитет, хотя бы с совещательным голосом, для контакта. Гар ответил: «Нейтралитет Викжеля не дает возможности это сделать», — но это не помешало господину Гару [присутствовать] на заседании Комитета общественной безопасности втечение целых двух дней.

Так как миссия, по поводу которой мы были посланы, не была выполнена, мы направились в военно-революционный комитет железнодорожного района, где нами был поставлен и решен в положительном смысле вопрос о занятии нами комнаты Викжеля, где находится телефон с Петербургом. Мы вызвали из Северной дороги т. Поздеева, которому и решили поручить это выполнить. Ознакомившись с вопросом, он смеясь заявил, что все это совершенно лишнее, ибо прямой провод Викжеля из Петербурга идет через телефонную станцию Северной дороги и что главный петербургский провод находится у них на Северном вокзале. Мы информировали обо всем этом Военно-революционный комитет, и я, совместно с т. Поздеевым, отправились в главный дорожный комитет Северной дороги. В вышеназванном комитете было три активных члена нашей партии: Поздеев, Миронов и Костин, несколько интернационалистов, а остальные — социалисты-революционеры, но чувствовалось, что руководство было как раз у первых.

Мы отправились к аппарату, вызвали члена Викжеля интернационалиста Хрулева (он с Северной дороги), и он информировал нас о положении дел в Петербурге. Первое сведение было не из важных: он сообщил нам, что первый отряд Красной гвардии был разбит у Гатчины Керенским...»

Таким образом была установлена телефонная и телеграфная связь Московского Военно-революционного комитета с Петроградом.

Постановление Военно-революционного комитета в части, касающейся установления представительства Военно-революционного комитета в Бюро Викжеля, выполнено не было и, как видно из воспоминаний О. А. Пятницкого, предусматривало также и введение представителя Викжеля в состав Военно-революционного комитета.

О выполнении второй части постановления — посылка делегатов в Петроград с целью урегулирования сношений Московского Военно-революционного комитета с Петроградом — никаких документальных указаний не находим. По словам М. П. Томского, он присутствовал на заседании партийного боевого центра 28 октября и был последним послан в Петроград для выяснения ряда вопросов в Центральном комитете партии. И. С. Вегер в своих воспоминаниях, опубл. в сб. «15 лет», изд. Обществом политкаторжан, рассказывает, что он был послан в Петроград московской партийной организацией. Его поездка закончилась тем, что он возвратился в Москву 5 ноября в качестве комиссара отряда, посланного Петербургским Военно-революционным комитетом на помощь Москве.

26) 25 октября помещение и типография «Московского листка» в Ваганьковском переулке были заняты отрядом анархистов из группы братьев Гординых. Редактор-издатель эсеровской газеты «Земля и воля» В. Орлов 26 октября подал об этом заявление в Московский совет (ЦАОР, ф. МВРК, п. 1). Указаний на то, что отряд анархистов был сменен отрядом Военно-революционного комитета, нигде не находим. 27 октября «Московский листок» был занят юнкерами, а революционный отряд был ими арестован.

27) Велись ли по этому поводу переговоры со штабом, неизвестно. Но поскольку типография «Московского листка» находилась в районе, занятом юнкерами, можно с уверенностью сказать, что приготовленные А. Я. Аросевым части для ее охраны отправлены туда не были.

28) Переговоры с отдельными членами президиума Совета солдатских депутатов вел не П. Г. Смидович, а Г. А. Усиевич, который об этом докладывал Московскому совету 7 ноября. Переговоры вели с 3 социалистами-революционерами, двое из которых — из Совета солдатских депутатов и один — из Совета рабочих депутатов. Результатом этих переговоров явился проект соглашения, изложенный ниже (см. «Заявление социалистов-революционеров» и примечание 35).

29) В Минске находился штаб западного фронта. Связь фронта с Петроградом была прервана в связи с наступлением войск Керенского—Краснова на Петроград. Ставка делала попытки наладить связь фронта с Петроградом через Москву (см. «Ставка и Московский комитет общественной безопасности», док. №№ 7 и 9 и примечания к ним, «Красный архив», т. LXI). С запросом в Москву, очевидно, обращался Минский Военно-революционный комитет (В. Кнорин, Мясников, Калманович, К. И. Ландер, Фрейман и др.), образовавшийся 26 октября.

Указания на то, что Московский Военно-революционный комитет запрашивал или получал директивы из Петрограда для Минского совета рабочих и солдатских депутатов, в архивных фондах не разысканы.

30) В магазин Экономического общества на Воздвиженке 27 октября штаб Московского Военно-революционного комитета послал за полевыми книжками, применение которых значительно упростило бы делопроизводство штаба. Вероятно, арестованные Сухов и три двинца должны были выполнить это поручение. Арест их произошел, поскольку помнит автор примечаний, в оружейном отделении магазина. Полевые книжки получены штабом так и не были.

31) Автомобили реквизировались Советом солдатских депутатов для развозки по городу воззваний и прокламаций. Об этом свидетельствует запись заседания Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов (без большевиков), происходившего в помещении Губернского совета рабочих депутатов 30 или 31 октября.

32) См. примечание к док. № 9.

33) В архивных фондах никаких документов, указывающих на «продвижение через Раменское в Москву трех эшелонов казаков», не разыскано. Есть только документ, относящийся не раньше, чем к 26 октября (он записан на обороте листовки с радиотелеграммой из Петрограда, выпущенной 26 октября Московским Военно-революционным комитетом), согласно которому, «от станции Кашира на деревню Сосновицы, по уведомлению верного крестьянина по связи, идет эшелон из 200 подвод казачества; уведомили уже об этом Сокольнический район, и примите к сведению сами. Товарищ связи Басманного района Л. Соколов».

34) См. док. № 6 — пункт об образовании автомобильного отдела под руководством М. И. Рогова.

35) Предложенный социалистами-революционерами (левыми) проект реорганизации Военно-революционного комитета явился результатом тех переговоров, которые с ними вел Г. А. Усиевич (см. примечание 28). Этот проект и был доложен Г. А. Усиевичем на состоявшемся 27 октября заседании Совета солдатских депутатов совместно с районными, полковыми и пр. комитетами, в котором участвовало более 2 000 человек (см. доклад Г. А. Усиевича Моск. совету 7 ноября, опубликованный в сборнике «Октябрьское восстание в Москве», М. 1922, стр. 11—12). Доклад этот создал у солдат такое впечатление, будто бы соглашение достигнуто и в новом органе власти большинство обеспечено за большевиками. Никакой резолюции по докладу принято не было. Впоследствии Военно-революционный комитет не считал нужным отказываться от этой формулы организации власти.

27 октября московский городской голова В. В. Руднев (он же и председатель Московского комитета общественной безопасности) прислал в Московский совет рабочих депутатов письмо следующего содержания:

«В связи с производимой партией социал-демократов-большевиков попыткой захвата власти в Петрограде и на местах, по соглашению нижеследующих организаций, в Москве образован Комитет общественной безопасности. Представители организаций: 1) городской думы, 2) уездного земства, 3) президиума Совета солдатских депутатов, 4) Исполнительного комитета крестьянских депутатов, 5) Московского совета Всероссийского почтово-телеграфного союза, 6) Центрального бюро всероссийских железных дорог.

Задачи комитета: 1) Охрана безопасности населения Москвы в период кризиса государственной власти впредь до разрешения его компетентными органами демократии. 2) Комитет принципиально устраняет какую-либо политическую платформу. 3) Организации объединены кроме вышеуказанной текущей задачи только одним гражданским убеждением: не может быть в республике признан законным способ насильственного захвата власти меньшинством против воли большинства, каковым являются действия Военно-революционного комитета.

Комитет общественной безопасности предлагает Совету рабочих депутатов представить своих делегатов из тех, кто стоит на вышеуказанной точке зрения.

Московский городской голова В. Руднев».

(Подлинник на бланке Моск. гор. головы, Музей революции СССР).

Совет рабочих депутатов своего делегата в Комитет общественной безопасности не избирал, но от фракции меньшевиков Совета солдатских депутатов в нем сидел некий Калмыков, который был меньшевиками оттуда отозван после вооруженного нападения юнкеров на отряд «двинцев» вечером 27 октября, так как «партия (меньшевиков) считает недопустимым присутствие ее членов в таких учреждениях, действия которых выражаются в применении вооруженной силы против рабочего класса, хотя бы и заблуждающегося в своем выступлении» (заявление Калмыкова в Комитет общественной безопасности — см. газ. «Вперед» № 194, от 28 октября 1917 г.).

Характерно, что приведенное письмо Руднева было заготовлено еще 25 октября, о чем свидетельствует его дата: первоначальное «25» переделано на «27» почерком Руднева и теми же чернилами, которыми сделана подпись.

Можно предположить, что ответом на письмо Руднева явилось переданное через меньшевика Исува в ночь с 27 на 28 октября письмо за подписью П. Г. Смидовича, в котором предлагалось в Москве организовать «Революционно-демократический комитет, [который] состоит из представителей Совета рабочих и солдатских депутатов в числе семи лиц, пропорционально фракциям, из представителей Совета крестьянских депутатов, городской думы, земского самоуправления, железнодорожного союза, штаба (совещательный голос) и других общественных, профессиональных демократических организаций. По соглашению участников особого совещания, созываемого для создания указанного органа и состоящего из представителей советов (всех трех), городской думы и партии (три фракции РСДРП и с.-р.), первым делом совещания является принятие спешных мер, гарантирующих отсутствие возможности столкновения между отдельными частями. Все решения совещания, принятые единогласно, обязательны для всех организаций, участвующих в совещании. Созданный орган является единственным и высшим органом г. Москвы, распоряжениям которого все учреждения и организации гор. Москвы, как частные, так и общественные и государственные, безусловно подчиняются. Состав учреждаемого органа утверждается пленумом советов. Само собою разумеется, что утверждаться состав может и другими участвующими в совещании организациями». Проф. В. Сторожев (сб. «Октябрьское восстание в Москве», М. 1922, стр. 199—200) и Е. Н. Игнатов («Моск. совет рабочих депутатов в 1917 г.», М. 1925, стр. 371—372) считают, что это согласованное с меньшевиками предложение было послано в ответ на ультиматум Рябцева. См. док. № 7, примеч. 2.

Как видим, в основу этого предложения были положены те же условия организации нового органа власти, о которых докладывал Г. А. Усиевич на гарнизонном собрании 27 октября.

36) Впоследствии эти же условия выдвигались Военно-революционным комитетом и при переговорах с Комитетом общественной безопасности в согласительной комиссии при Викжеле — 30 октября и при переговорах с представителями «нейтрального» блока социалистических партий — 1 ноября, и даже после Октябрьской победы при обсуждении вопроса об организации власти 5 ноября.

Передавший это письмо по назначению меньшевик Исув в 3 часа утра 28 октября возвратился с ответом, что Комитет общественной безопасности в какие бы то ни было дальнейшие переговоры до исполнения ультиматума вступать отказывается.

К № 9.

1) 10 февраля 1926 г. находившимся в то время в Москве участникам Октябрьской революции в Москве, работавшим в Октябрьские дни в Московском Военно-революционном комитете и его штабе, было разослано следующее приглашение:

«Повестка.

Инициативная группа активных участников Октябрьской революции в Москве приглашает вас прибыть 13 февраля с. г. в 8 часов вечера в Белый зал Московского совета на товарищескую встречу для восстановления деталей происходившего в течение революционно-боевой Октябрьской недели в Москве. Товарищей, имеющих на руках материалы, связанные с Октябрьской революцией в Москве, просят принести их с собою.

Муралов. Розенгольц. Рогов. Темкина».

10 февраля 1926 г.

На состоявшемся собрании председательствовал М. И. Рогов. Протокол вела А. Ф. Темкина.

После открытия собрания С. Б. Бричкина огласила сохранившуюся у нее стенограмму заседания Московского Военно-революционного комитета 28 октября 1917 г., в которой подробно были изложены прения по вопросу: уходить ли Военно-революционному комитету из здания советов в один из районов или же оставаться в совете. Подлинная стенограмма этого заседания Военно-революционного комитета была унесена С. Б. Бричкиной домой, когда было решено, чтобы все ненужные для защиты совета товарищи покинули его здание, и была расшифрована впоследствии. Содержание этой стенографической записи не соответствовало изложению протокола заседания Военно-революционного комитета 28 октября, составленного А. А. Додоновой и опубликованного в «Красном архиве» (т. XXIII, стр. 68—71).

А. А. Додонова тут же объяснила, что этот протокол был ею составлен уже после Октябрьской победы по памяти, в связи с тем, что все протоколы Московского Военно-революционного комитета перед уходом работников секретариата из здания совета были сожжены.

Из содержания зачитанной С. Б. Бричкиной стенограммы составитель данной публикации помнит запись о том, что кем-то из присутствовавших на заседании Военно-революционного комитета было предложено опросить всех работников штаба, которые и были вызваны на заседание. Опросом их было установлено, что подавляющее большинство их (а может быть, и все) были против оставления здания совета руководством, причем некоторые из них указывали, что оставление позиции без боя деморализует бойцов, а такой позиции, как здание совета и гостиница «Дрезден» (Московский комитет партии большевиков), которые были центром движения в предбоевой период,— в особенности.

В стенограмме было записано о том, что опрошенные солдаты, находившиеся в большом числе в здании совета, категорически отказались уходить из совета.

— О последнем моменте находим указания также и в воспоминаниях участников. «Наш резерв, расположенный в доме совета, узнав о нашем решении оставить совет, решительно заявил о своем желании лучше умереть здесь — в здании совета, чем малодушно сдать его белогвардейцам» (сб. «Москва в Октябре 1917 г.». М. 1919, стр. 58).

Выступавшие на собрании критиковали линию поведения в Октябрьские дни П. Г. Смидовича, отдавшего секретарям распоряжение об уничтожении протоколов и настаивавшего в заседании Военно-революционного комитета на уходе последнего из здания совета в один из районов. П. Г. Смидович в двухчасовой речи говорил о том, что им руководило, «прежде всего, стремление спасти товарищей от совершенно ненужного риска, тем более, что надежда на то, что при содействии меньшевиков и эсеров можно будет договориться о бескровном переходе власти в руки советов, по его мнению, в тот момент не была потеряна.

С. Б. Бричкина подлинный документ (расшифрованную стенограмму) передала председателю собрания М. И. Рогову, а последний — секретарю собрания А. Ф. Темкиной.

Протокол, составленный А. Ф. Темкиной, не разыскан.

Таким образом, не отрицая фактов, изложенных в протоколе от 28 октября, приходится отнестись к ним с определенной осторожностью, так как при составлении протокола «по памяти» не исключена возможность включения в него моментов, относящихся к другим дням.

Так например, в 1918 г. О. А. Пятницкий писал, что 26 октября «поздно вечером состоялось собрание Московского комитета большевиков, которое высказалось против ведения переговоров с противной стороной и предложило боевым центрам начать решительную борьбу». Поэтому казалось бы, что первый пункт протокола 28 октября, о категорическом отказе от ведения переговоров с Комитетом общественной безопасности под условием роспуска Военно-революционного комитета, должен быть отнесен к 27 октября.

Пункт о задержании офицеров тоже должен быть отнесен к более раннему времени: 27 октября офицеры, появлявшиеся в районе совета, уже задерживались и приводились в Военно-революционный комитет.

Пункт о конституции военного штаба, казалось бы ,тоже должен был бы быть отнесен к 27 октября, когда принимался и план боевых действий (см. док. № 5, примеч. 3).

Пункт об охране телефонной станции или должен быть отнесен к 27 октября или же посылка охраны запоздала, так как 28 октября утром юнкера заняли уже почтамт и центральный телеграф, а, следовательно, и телефонную станцию.

Пункт «о прибытии 192 полка» может быть отнесен и к 27 октября, поскольку в архивных фондах находим следующий документ:

«В Московский Центральный революционный комитет.

Удостоверение.

Революционный комитет 192 пехотного запасного полка сим удостоверяет, что член революционного комитета Огнев Сергей делегирован революционным комитетом 192 пехотного запасного полка в Центральный революционный комитет московского гарнизона с поручением ходатайствовать о предоставлении в распоряжение революционного комитета 192 пехотного запасного полка для нужд связи между теми или иными частями не менее двух автомобилей и для самозащиты не менее пятидесяти револьверов.

Председатель революционного комитета Д. Орлов. 27 октября 1917 года.

Секретарь комитета В. И. Ф...» (№ 744).

(Подлинник чернилами, бланк полкового комитета 192 пех. зап. полка. ЦАОР ф. МВРК, п. I, л. 30.)

Пункт «о продовольствии» отнесен правильно к 28 октября, что подтверждается следующей записью в тетрадке исходящих бумаг штаба Московского Военно-революционного комитета 28 октября:

«№ 6. Приказ комиссару 2-го Тверского комиссариата милиции об отпуске 24 пудов сена для 1-й запасной артиллерийской бригады».

(Подлинник, МОАУ; отдельная тетрадка).

Пункт «о представительстве в Военно-революционном комитете 9 профсоюзов», во-первых, неправильно записан: см. примечание 11 к № 8; во-вторых, в состав Военно-революционного комитета были кооптированы П. И. Кушнер и М. В. Рыкунов — членами (см. «Известия М. В.-Р. К-та № 6) и Г. Н. Мельничанский заместителем (см. «Красный архив», т. LIV—LV, стр. 113, № 706); в-третьих, избрание «девятки» и представителей в Военно-революционный комитет произошло 26 октября, следовательно, вопрос об их включении в состав комитета слушался 27 октября; кроме того им был предоставлен не совещательный, а решающий голос.

Пункты «о перенесении центра борьбы в районы» и «о захвате штаба юнкеров», очевидно, относятся к 28 октября, хотя, с другой стороны, вопрос «о захвате штаба юнкеров» должен бы обсуждаться немедленно после получения ультиматума Рябцева (см. примеч. 2 к № 7).

О переходе партийного центра первоначально в Городской, а затем в Замоскворецкий район, см. доклад В. Н. Яковлевой на пленуме областного бюро РСДРП(б) 9—10 ноября 1917 г.

Пункт «заявление левых социалистов-революционеров», конечно, должен быть отнесен к 27 октября: ведь Комитет общественной безопасности в ночь на 28 октября ответил на письмо П. Г. Смидовича, что до исполнения ультиматума он отказывается вступать в какие бы то ни было переговоры (примеч. 35 к № 8).

Пункт «об уходе т. Ярославского в район» может быть отнесен или к 28 или к 27 октября. Вообще же решение такого вопроса компетенции Военно-революционного комитета не подлежало, поскольку Ем. Ярославский, на основании постановления Московского комитета РСДРП(б) от 25 октября (см. сб. «От Февраля к Октябрю», М. 1923, стр. 278), входил в партийный боевой центр как представитель Военного бюро при Московском комитете. Заявление же об уходе в район т. Ярославским, действительно, было сделано.

Пункт «заявление т. Ногина» относится к заседанию 28 октября. Постановление же о роспуске центра относится к решению вопроса о переходе в районы (см. выше). Это постановление было фактически отвергнуто после обсуждения вопроса, которое изложено было подробно в неразысканном протоколе С. Б. Бричкиной.

Пункт «об охране типографии», очевидно, обсуждался в связи с ультиматумом Рябцева, поэтому, казалось бы, должен быть отнесен к 27 октября.

Пункт «об утверждении т. Саблина членом» вызывает сомнения по следующим соображениям: Г. В. Саблин только что приехал из Петрограда, где был на II Съезде советов. В архивных фондах находим следующий документ:

«Удостоверение.

Военно-революционный комитет удостоверяет, что прапорщику Саблину поручается командование отрядом специального назначения.

Октября 28 дня 1917 года.

Член Военно-революционного комитета Смирнов.

Секретарь... ».

(Подлинный отпуск на пиш. маш., печать М. В.-Р. К-та, МОАУ, ф. МВРК, д. № 1, л. 21).

«Отряд специального назначения» — это отряд, которому было поручено вести борьбу с засевшими в здании градоначальства на Тверском бульваре № 26 юнкерами. 29 октября градоначальство после удачного орудийного выстрела из орудия, стоявшего на Страстной площади, сдалось. Г. В. Саблин повел наступление на Никитские ворота, был ранен и помещен в лазарете Военно-революционного комитета. 2 ноября днем, во время переговоров о капитуляции, принимал участие в заседании Военно-революционного комитета как член штаба, а не комитета.

К истории революции 1905 года на заводе „Сормово“

(Дневник Нижегородского фабричного инспектора за 1905 г.).

Дневник фабричного инспектора Д. Г. Дмитраша, публикуемый ниже, хранится в Историческом архиве Горьковского крайуправления, в фонде «Старшего фабричного инспектора Нижегор. губ.». Официальное название его «путевой журнал»; по существу он является служебным дневником участкового фабричного инспектора. Дневник велся на форменных бланках в $^1/_6$ листа, сброшюрованных по 100 листов; в начале каждой книжки имеются правила ведения дневника.

Большую часть дневника составляют записи по заводу Сормово,— записи, касающиеся других фабрик и заводов участка автора дневника, занимают в нем очень немного места, так что по существу данный дневник целиком почти относится к Сормову.

Материал дневника ценен с фактической стороны как записки очевидца революции на заводе. Однако не нужно забывать, что этот очевидец был представителем самодержавия, к которому рабочие относились отрицательно, и что записи его часто сделаны со слов администрации (мастеров, начальников цехов и директора) завода, а оценка событий весьма субъективна.

Наиболее поучительным в публикуемом дневнике фабричного инспектора в Сормове за 1905 год является изображение нарастания революции, революционной энергии рабочих.

В документах фабричной инспекции исследователи давно уже находили материалы об эксплоатации рабочих. Сравнительно меньше внимания уделялось ими документам фабричной инспекции о стачечном движении: полицейские материалы были среди других официальных документов эпохи царизма подробнее и ярче. Публикуемый дневник заставляет внимательно приглядеться и к соответствующим данным фабричной инспекции.

Дневник не оставляет места сомнениям, что автор его — активный враг рабочих. Если отдельные рабочие еще верят в начале 1905 г. уговорам фабричного инспектора, то в середине года авторитет фабричной инспекции совершенно подорван. И не зря.

Уже 16 февраля в вагонной кузнице фабричному инспектору кричат, что он поддерживает «интересы завода» (капиталистов). 1 мая фабричный инспектор, совместно со старшим фабричным инспектором, лично ободряет «защитников» администрации в их борьбе против рабочих и по существу выполняет шпионскую работу для царских войск.

С каким затаенным торжеством заносит инспектор в свой дневник записи о том, что рабочих удалось отговорить от стачки, согласиться на уступки администрации и т. д. А 2 июня рабочий болтового цеха Баранов говорит на митинге, что «фабрич-

ный инспектор при всем желании прибавить не может, нам надо такого инспектора, который поддерживал бы наши интересы, поэтому, товарищи, плюнем на фабричную инспекцию».

Еще в 1895 г. Ленин писал по поводу правил о штрафах: «Фабриканты и фабричные инспектора — такие близкие друзья-приятели, что верят друг другу на слово. К чему отягощать фабриканта правилами, когда он «уверяет», что не будет нарушать интересов рабочих? Ну, а если бы рабочий попробовал просить у инспектора или министра освободить его от правил, «уверяя», что он не нарушит интересов фабриканта? Такого рабочего сочли бы, вероятно, за сумасшедшего» [1]).

«Друг-приятель фабриканта» — фабричный инспектор рассматривает события как посторонний рабочему движению и враждебный ему наблюдатель. Это особенно ощущается при сопоставлении его дневника с воспоминаниями старых рабочих большевиков. Тем не менее и он чувствует где-то позади рабочих выступлений организующую руку партии. В решительные моменты выступают листовки РСДРП, а по мере нарастания революции ораторы рабочих митингов все определеннее именуются и в дневнике социал-демократами.

Роль партийного авангарда тем более велика, что велика еще и разнородность рабочей массы, находящейся на разных ступенях роста классового сознания. Ленин писал, что в революции 1905 г. пролетариат России политически осознал себя, завершил превращение свое в «класс для себя». Это ленинское указание освещает характерный для 1905 года общий подъем классового сознания, даже у отсталых рабочих. И это — результат работы большевиков.

Хорошо виден рост массы по ее отношению к религии. Так, 1 февраля забастовавшие подручные мостового цеха потребовали, кроме прибавки зарплаты, чтобы была «поставлена икона с киотом в цеху». А 7 июня на собрании церковно-приходского попечительства, где председательствовал священник Орловский, рабочие кричали: «Что за председатель длинноволосый? Долой попа!». 2 июля инспектор заносит в дневник по поводу молебна: «Отношение рабочих к религиозной стороне совершенно отрицательное»...

***

«Прибыл на завод в 10 час. утра; застал дымящееся место пожара: сгорела лесопилка № 1»,— так начинается первая запись инспектора от 4 января 1905 г. «Под 4 января, — продолжает инспектор, — найдено 29 прокламаций в механическом цеху и 5 в судостроительном, под заголовком: «Рабочие всех стран, соединяйтесь! К сормовским рабочим»... Драматический колорит событий, направляющая рука партии чувствуется с первых строк дневника.

В августе 1904 г. на Сормове была уже большая упорная стачка.

11 января 1905 г. рабочие бастуют, получив известия о расстреле 9 января. Нижегородский комитет РСДРП выпустил специальную прокламацию. Вот как описывала январские дни 1905 г. в Сормове корреспонденция в № 10 (февральском) листке Нижегородского комитета РСДРП [2]).

«Когда дошла до нас весть о геройской борьбе петербургских товарищей, о всеобщих стачках во всех крупнейших городах, жажда борьбы загорелась и у нас... 10 января на сходке в 200 чел. ораторы горячо призывали к поддержке петербургских товарищей... Но у нас слишком мало товарищеского единения между рабочими

---

[1]) Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. I, стр. 416.

[2]) См. сб. Илларионова «Материалы по истории революционного движения», Н.-Новгород, 1920, т. I, стр. 43—44.

-разных цехов, все идут врозь, в каждом цехе думают только о своих мелких интересах. На другой день бросили работу только в паровозо-механическом да в паровозной сборке... Стачки только в отдельных цехах начинались, но не могли слиться в одну общую стачку. За это время наша администрация хорошо подготовилась к отпору: собрала из уезда массу полиции, лишние двери в цехах заперты и заколочены. Мещерский (князь, директор) организовал из пожарной дружины и нескольких изменников рабочих целую шайку, которая должна была избивать стачечников... Жертвой этих негодяев сделался т. Мокин... 26 января забастовали подручные котельного цеха. Требовали: 1) прибавки поденного жалованья (вместо 60—70 коп.), 2) распределения расценок пропорционально жалованью... 28-го рабочие механического цеха предъявили заведующему Кабачинскому требование уволить негодяев: Кадетова, Куликова и др., избивших Мокина... 3 февраля забастовали в мостовом и котельном, а к 12 часам дня примкнул и судостроительный. Требования: 1) повышение платы до 80 коп., 2) распределение приработка пропорционально заработной плате. Цеха не работали три дня».

Январь и февраль — это месяцы, когда сормовичи «раскачиваются», что нашло отражение и в дневнике: как бы мелкая зыбь пробегает по заводу — мелкие экономические стачки то в одном, то в другом цеху... Но сравните приведенную выше рабочую корреспонденцию с записями инспектора. Корреспонденция ясно говорит о движущих пружинах рабочего движения, о работе партии. В дневнике инспектора события разрознены. Случай с избиением черносотенцами Мокина инспектор изобразил так, что получилась картина простой драки, где неизвестно, кто виноват.

Экономический характер рабочего движения этих месяцев понятен, между прочим, и потому, что экономическое положение рабочих, особенно малоквалифицированных, малолетних, подручных, было очень тяжелым. Подручные мостового цеха получали 55—60 коп. в день при малом приработке (запись от 1 февраля). 5 февраля, уже после требований рабочих, директор предложил установить плату мальчикам в котельном цеху на клепке от 30 до 45 коп., держальщику 55—60 коп., молотобойцу 65—70 коп., а при таких расценках не удивительно, что клепальщики требовали повышения расценков всем рабочим на 70% (7/II). Экономические требования предъявлялись рабочими разных цехов и в июле и даже еще в ноябре, но завод упорно сопротивлялся требованиям рабочих, вплоть до локаута в июле — августе, изображенного инспектором как простой перерыв в работах и результат упадка производительности труда (записи от 16/VII и др.).

В итоге, насколько можно судить по дневнику инспектора, несмотря на частичное повышение платы отдельным разрядам рабочих в отдельных цехах, уровень зарплаты в Сормове в 1905 г. сколько-нибудь существенно не повысился. Еще в ноябре, напр., молотобойцы (правда, швеллерного, а не котельного цеха) получали 65—70 к., держальщики — 45—50 к.; мальчики — 30—35 к. (запись от 19/XI) [1].

К этому надо прибавить условия труда (12-часовой рабочий день, а потом — 10-часовой; санитарно-гигиенические условия труда). Мы упоминали о стачке в котельном цеху. Вот как описывает, напр., условия труда сормовских котельщиков современный наблюдатель: «При клепке котлов и цистерн рабочему котельщику часто по нескольку часов приходится проводить внутри самого котла или цистерны. Оглушительные звуки ударов молотка во время клепки делают то, что уже к концу первого года слух котельщика значительно понижается». Рабочие цехов переделоч-

---

[1]) В этом смысле положение немногим отличалось даже от положения в самом начале XX века, когда получали (минимум) 55 к. чернорабочие — 40 к., клепальщики — 50 к. (плюс приработок). См. А. Р., «Рабочие сормовских заводов», ст. в журн. «Народное хозяйство», 1902 г., кн. IV, стр. 94.

ного, литейного, кузнечного работали при высокой температуре (до 35°Р), а судостроительного цеха — все время на открытом воздухе, переходя от летней жары к адскому зимнему холоду [1]). Любопытно, что фабричный инспектор не отмечает даже в дневнике этих условий работы: ведь это так «обычно»...

Уже в период разрозненных экономических стачек выступают однако и принципиальные требования. Так, 14 февраля рабочие котельного цеха самовольно уменьшили рабочий день до 9 часов, бросив работу до гудка, а сталелитейный цех потребовал работы в три смены, т. е., по существу, 8-часового рабочего дня!

1 апреля рабочее движение доходит уже до столкновений с полицией. Настроение рабочих уже при этом резко отличается и от стихийного бунтарства, характерного для сормовского «бунта» 1899 г., и от картины, типичной для знаменитой сормовской первомайской демонстрации 1902 г., когда активный авангард был еще невелик. А 1 апреля 1905 г. «толпа человек 1 000 одновременно высыпала из разных цехов как бы по сигналу — дело, видно, было организовано», показал директор Заварицкий. Возможно, цифру в 1 000 человек директор и преувеличил — «у страха глаза велики», но «дело», несомненно, «было организовано»! И если по случаю небольших экономических столкновений стали возможны такие события, как 31 марта, то это значит: «не бунт, а революция» [2]). Записи фабричного инспектора начинают звучать документальной иллюстрацией к положению Ленина о перерастании экономической стачки в политическую и политической — в вооруженное восстание.

И это подтвердили уже первомайские события. В записи от 22 апреля инспектор описал один из красочных эпизодов 1905 года в Сормове: маевку на лодках и ж.-д. насыпи 20 апреля (вместо 17 апреля — 1 мая по новому стилю). О событиях 1 мая и роли в них фабричной инспекции было сказано уже выше. В итоге первомайских событий рабочие добились фактической свободы слова, и это отразилось на напряженности стачечной борьбы мая—июня.

В связи с полугодовщиной 9 января — 9 июля — массовка в лесу, 11 июля — демонстрация сормовичей в Нижнем (не отмеченная фабричным инспектором) и т. д. 16 июля директор завода решил прибегнуть к локауту. 18 июля об этом было вывешено извещение. 1 августа завод стал. Август скудно представлен в инспекторских записях.

Инспектор умалчивает о том, почему вновь началась работа на заводе. Участники же событий указывают, что за время локаута большевистская организация отпечатала две прокламации — о бойкоте Госуд. думы и о мире с Японией с призывом к вооруженному восстанию. После III съезда партии рабочие Сормова стали практически обучаться искусству владеть оружием. Учитывая боевое настроение рабочих, администрация завода должна была начать с ними переговоры об открытии завода: соглашение состоялось в средине августа [3]). 17 августа начались ремонтные работы в цехах.

Период высшего подъема революции 1905 г., перехода от политической всеобщей стачки к вооруженному восстанию (октябрь—декабрь), скупо отражен в «путевом журнале» фабричного инспектора.

Характерна запись от 17 октября: «Ходят слухи о готовящейся забастовке. Вчера из города было приставу сообщение о начале забастовки в 9 часов утра сегод-

---

[1]) А. Р., «Рабочие сормовских заводов», стр. 86—87. Ср. также запись инспектора от 29/III о больнице.

[2]) 1 апреля произошло также столкновение рабочих с полицией в Сормовской народной столовой (см. запись инспектора от 2/IV, а также сб. «1905 г. в Нижегородской губ.», Н.-Новгород, 1911, стр. 88 и сл.). Инспектор описал довольно картинно панику среди полиции после 1/IV в Сормове.

[3]) Сб. «1905 г. в Нижегородской губернии», стр. 110.

ия. От исполняющего должность губернатора получено предложение при подавлении беспорядков патронов не жалеть. Вчера привезли патроны». Знаменитая фраза треповского приказа — «патронов не жалеть» — привела в восторг инспектора.

С 18 по 21 октября в Сормове прошла политическая забастовка. В Нижнем 18 октября состоялся митинг [1]). Рабочие Сормова активно готовились к восстанию (дружины, народная милиция). Ноябрь в Сормове слабо освещен в литературе, и потому записи инспектора здесь дают ценный дополнительный материал. Решительное настроение сормовских рабочих в ноябре сказывается очень резко.

3 ноября рабочие вывезли на тачке заведующего центр. магазином Матвеева. Такие же случаи повторялись и впоследствии. «Среди рабочих митинги происходят беспрестанно по разным вопросам»,— отмечает инспектор. 7 ноября забастовал железнодорожный отдел завода (требования: 8-часовой рабочий день и повышение платы), и директор почти немедленно устроил совещание с выборными от рабочих, превратившееся в митинг, — совершенно новые формы «общения» дирекции с рабочими: раньше того никаких «совещаний» и «митингов» дирекция и полиция не допустили бы. Но времена были другие, и 10 ноября директору Приемскому пришлось даже состязаться в красноречии на митинге с социал-демократическим оратором («Бебелем» — А. Суховым, меньшевиком). Директор уверял рабочих, что «Бебель» «не знает сормовского дела», что «он сам, Приемский, плачет кровавыми слезами» по случаю закрытия завода, и эти слова вызвали законную насмешку рабочих.

Железнодорожная сормовская стачка закончилась 12 ноября. А 19 ноября забастовали подростки пвеллерного цеха, выставив экономические требования. 25 ноября вновь появляется угроза локаута. Буржуазия действует в полном контакте с самодержавием. 29 ноября — небольшая экономическая стачка в железопередельном цеху.

Декабрь — месяц, отмеченный вооруженным восстанием. Обычно описание восстания начинают с митинга 7 декабря. Но что именно стачка переросла в восстание, видно из того, что уже вечером 1 декабря забастовал почти весь Сормовский завод (запись от 2/XII).

Движение в Сормове направлялось общероссийской революционной волной. Лозунги знаменитого «финансового манифеста» Петербургского совета рабочих депутатов нашли отклик и в Сормове. 7 декабря на митинге ораторы требовали уплаты золотом, что, как известно, должно было ухудшить финансовое положение самодержавия. Этот митинг инспектором не отмечен. Вообще «храбрый» инспектор был в Сормове в декабре 2-го, 9-го, а затем уже только 20-го — после подавления восстания — и 30-го.

Ему было чего опасаться. 9 декабря инспектор записал, что рабочие потребовали от дирекции получки золотом и «готовились дать последнюю битву отживающему режиму — бастовать». «Директор сообщил также, что рабочими заготовляется оружие в громадном размере — горны и точила заняты, и забирается много стали самовольно, а также переделываются напильники и проч.).

Рабочие деловито и упорно готовились к вооруженному восстанию, к которому призывали их большевики. Восстание началось 12 декабря (восстание в Москве началось 9 декабря, а 12-го и 13-го восстание шло уже в Сормове, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, во многих пунктах Донбасса, в Харькове и т. д. [2]). Восстание описано в дневнике инспектора в записи от 20 декабря по собранным им сведениям. Несмотря на его краткость, оно представляет насыщенное фактами описание восстания день за днем.

[1]) См. воспоминания т. П. Керженцева в т. I «Материалов», под ред. Илларионова.

[2]) В. Невский, «Советы и вооруженные восстания в 1905 г.», М., 1932 г., стр. 241. См. также работу Е. Ярославского о декабрьском восстании 1905 г. в сб. «1905 г. в очерках».

По сведениям инспектора, рабочие забастовали 12 декабря в 8 часов утра. В 11 часов утра началась перестрелка. Утром 13-го рабочие стали строить баррикады. 14-го утром в рабочих стала стрелять артиллерия. Рабочие ответили из самодельных маленьких двух пушек и одной мортирки. Казаки подожгли народную столовую. 15, 16 и 17 декабря в Сормове неистовствовали казаки: «победители» боялись «побежденных» — казаки, — записал инспектор, — боялись быть взорванными.

Восстание было подавлено: 23 убитых, 51 раненых, 100 арестованных, рассчитаны все рабочие завода...

Восстание было подавлено, но революция жила!

***

Таково основное содержание «путевого журнала» нижегородского фабричного инспектора за 1905 год. Дневник врага рабочих займет свое место в числе источников для истории сормовского пролетариата и революции 1905 года.

Текст дневника подготовил А. В. Чернов.

В. Зельцер.

1905 год

4 января.

Сормовский завод. Прибыл на завод в 10 ч. утра, застал дымящееся место пожара: сгорела лесопилка № 1; пожар начался в 8¼ вечера, и в 11 ч. опасность для соседних зданий миновала. Осталось каменное здание кочегарки с поврежденными котлами и сушилка. Рабочих в лесопилке 323 человека. Предлагается к увольнению до 200 человек рабочих, станочники же будут распределены по другим работам. Будет уволено также 20—22 человека из вагонно-сборочной. Об увольнении будет выставлено объявление после обеда.

Под 4 января найдено 29 прокламаций в механическом цеху и 5 в судостроительном под заголовком: «Рабочие всех стран, соединяйтесь! К сормовским рабочим», с обвинением фабричного инспектора в невнимании к рабочим судостроительного цеха, требовавшим прибавки во время забастовки на 10 коп.

При опросе в судостроительном цеху оказалось, что наряды на руки стали выдавать. Расценки выставлены не везде,— например, в слесарне их нет.

7 января.

Посетил мастерскую Общества «Ока». Найдены нарушения:

1) Заведывающего И. И. Калашникова в мастерской не оказалось, и объявления о его заместителе не было выставлено.

2) В мастерской висят правила внутреннего распорядка, исправленные заведывающим красными чернилами, с оговорками за его подписью.

3) Рабочие подрядчика Зиновьева, занятые клепкою на караване Общества тут же в затоне, на учете при мастерской не значатся, и в отношении их не соблюдаются правила о надзоре и о взаимном отношении с...[1]).

Записано в ревизионную книгу:

1) Выставлять на случай отъезда объявление о заместителе.

---

[1]) Запись в подлиннике не закончена.

2) Предварительно выставлений исправленных правил в мастерской надо представить на утверждение старшего фабричного инспектора.

3) В отношении всех рабочих, занятых производством, исполнять все требования устава о промышленности, касающиеся взаимных отношений фабрикантов и рабочих.

Посещена льнопрядильная фабрика [Молитовская] по жалобе рабочих.

Согласно расценкам ткачам время простоев должно оплачиваться по среднему поденному заработку за последние три дня. Это не всегда исполняется[1]). Так.

а) Ткачу Овчинникову Герасиму не записаны простои за 14, 15, 16 и 29 декабря, которые, несомненно, как выяснилось, имели место.

б) Ткачихе Вахрамеевой Наталье записан простой 8 часов, когда, по ее мнению, она не могла работать, за неимением основы, с 7 часов утра до 9 часов вечера, т. е. 14 часов. Это обстоятельство квалифицировано как невнимательное и неправильное ведение той части расчетной книжки, где записываются заработки.

Предложено выдать новые штучные книжки, а надлежащ...[2]) и вести учет только согласно с действительностью.

11 января.

Посещено Сормово (с 9 ч. утра до 4 ч. веч.).

В 8 ч. утра директор завода Мещерский сообщил по телефону, что в паровозных цехах начинается забастовка. Прибыл на завод в 9 ч. утра. Оказалось следующее.

Паровозо-механический цех.

Помощник мастера Антипин показал: в ¼ 8-го утра трое неизвестных лиц в возрасте 17—22 лет зашли в цех от кочегарки, направились по рельсам цеха с криком «Бросай работу»; эту фразу они произносили часто, почти у каждого станка; из паровозо-механического отделения пошли в паровозо-сборочную, повернув туда у средних ворот. Что было дальше, не знает. Во время выкрикивания мастеровые стояли у своих станков и — кто работал, а кто нет. Волнения крики никакого не произвели, и рабочие не выказали попытки уходить, и поведение их от обычного ничем не отличалось.

Паровозо-сборочный цех.

Помощник мастера Морозов показал: около 7 ч. или в начале 8-го видел издали, что трое лиц вышли из прохода от паровозо-механического цеха, останавливались кое-где у рабочих и что-то говорили и прошли в ворота к поворотному кругу. Старший рабочий Слепнев и Смирнов Иван указали на них ему со словами: «Вот кто подговаривает бросать работу, выгнать бы их нужно». На что он посоветовал не обращать внимания.

Мастер цеха Смирнов показал: при входе в мастерскую, около ¼ или ½ 8-го, некоторые рабочие сказали ему, что мешают работать и некоторые что...[3]) одевались. Он посоветовал не обращать внимания,

[1]) Подчеркнуто автором.
[2]) Неразборчиво.
[3]) Неразборчиво.

но все же партий 5 из 30 были одеты и просили уйти, отзываясь боязнью; приступили к работе, но две партии, человек 50, отпустил. В 9 часов за ними послал, и они стали на работу.

Паровозо-котельный цех.

Около 7½ ч. утра толпа человек 20 ворвалась с палками в цех (дубинками), разбилась на 3 группы и прошла по цеху с криком: «Бросай работу». Мастеровые перестали работать, но каждый стоял на своем месте. Через 20 м. — ½ часа работа пошла полным ходом.

Исправник сообщил, что в паровозо-кузнечном цеху подстрекавшему рабочему отвечали мастеровые: «Убирайся, а то мы вас», причем угрожали...[1])

Паровозо-кузнечный цех, 2¼ часа.

Утром ничего не было заметно в цеху. После обеда, около 2 часов, 7 мальчишек от паровозо-механического цеха вбежали в боковые двери с криком: «Бросай работу», а часть из них свистала. Не успел Мосин выскочить на шум, как мальчишки уже вылетели из цеха, показав ему спины. Один из молотобойцев опознал одного — Федьку, который раньше служил в вагоноклассном цеху и уволен в августе.

По слухам, была вчера сходка с участием 700 рабочих и 25 приезжих из города. Решено забастовать 11 или 12 января, но вести себя спокойно.

По словам Знаковского, в 2 часа дня ходил по паровозо-механическому цеху молодой человек Новиков Александр, № 12285, работает в электрическом цеху с 1900 г., убеждал рабочих бросать работу. Поступил на работу без рекомендаций.

13 января.

Посещено Сормово (с 10 ч. утра до 12 ч. 14 января).

Директор завода сообщил, что он не знает, как быть с губернатором: в 10½ ч. по телефону он запросил директора, отчего не приняты им меры по пойманию тех 11 человек, которые, по донесениям властей, бегали по заводу и требовали прекращения работ 11 января, что это его обязанность, что он отвечает за порядок на заводе. Он пытался объяснить, что в пределах возможного он принял меры к воспрепятствованию проникать посторонним в завод и наблюдении за порядком в цехах, но губернатор грубым тоном прервал, что «вы отвечаете за порядок», положил трубку и не пожелал слушать.

Для наблюдения им, директором, поставлено 60 сторожей у забора, по два сторожа у ворот, 6 патрулей, постоянно обходящих заводский двор, подметальщиков по ночам с 5 до 7½ ч. для наблюдения, когда рабочих нет в заводе; кроме того, отдельные лица еще по цехам; начальникам и мастерам с помощниками велено постоянно быть в цехах и смотреть за порядком. Больше сделать не может, а равно и не может приказать рабочим самим ловить неблагонадежных лиц. Из 11 лиц опознано 7 человек.

В 6¾ ч. Н. Л. Мануйлов по телефону сообщил Заварицкому, что кучка каких-то лиц у Дарьинской проходной кричала после шабаша выходящим рабочим: «Товарищи, неужели мы не забастуем и не под-

[1]) Неразборчиво.

держим наших петербургских товарищей?» В ответ слышались им угрозы, ругательства по матерному и фразы: «Где полиция, забрать бы их». Через 10—15 минут, когда рабочие прошли, все кончилось.

14 января.

Посещена льнопрядильная фабрика по случаю забастовки.

Прибыл в 3½ часа пополудни. Застал на дворе у фабрики кучку человек 200 рабочих, состоявшую из малолетних (около 50), женщин (около 60), из других около 50 — кардовщиц и взрослых рабочих человек 20. В толпе были бастовавшие и не бастовавшие. На вопрос, в чем дело, отвечали одинокие голоса:

1) Раньше было жалованье ватерщикам — мужчинам 60 коп., женщинам 55, теперь 50 и 45. Просят прибавить: «если не прибавят, все бросим работу».

2) Ватерщицы указали: есть сменная работа 9 час. и поденная — 11½ ч., а жалованье, одинаковое, что обидно.

3) Мотальщицы заявили, чтоб не было сверхурочных работ, которые производить заставляют[1]).

4) В казармах не все могут жить, — пусть дают тем, что на частных квартирах, квартирные деньги.

5) Полагается баня, а в бане холодно.

6) У ватеров стоять мокро,— просили сделать скамейки — не делают.

Пообещав разобрать жалобы, насчет прибавки сказал, что это дело уговора с управлением. Они заявили свои желания, управление их знает, завтра желающие выходят на работу, а через две недели, если прибавку не сделают, нежелающие могут бросить работу. Сейчас посоветовал итти домой (в 5½ ч. вечера), а завтра выходить в свою очередь. Толпа сейчас разошлась, а мальчишки прокричали «ура». Возбуждения заметно не было.

15 января.

Посещена Молитовская фабрика.

С утра все рабочие-ватерщики стали на работу, за исключением 9 чел., из которых 4 сменных, — все мужчины.

С обеда не явились...[2])

18 января.

Посещено Сормово с целью ревизии.

21 января.

Посещено Сормово.

1) Не выдаются рабочим, работающим на стороне, расчетные книжки (Прохоров).

2) Некоторым выдаются, но без правил внутреннего распорядка.

25 января.

Посещено Сормово для освидетельствования котла № 363[3]).

---

[1]) Разрядка подлинника.

[2]) В подлиннике запись не закончена.

[3]) Дальше описание освидетельствования парового котла, которое нами опускается.

Вагонная кузница.

Только вечером, около 7 ч., узнал случайно, что подручные собрались утром во время свистка и заявили о прибавке, чтобы было такое распределение, как в паровозной кузнице. Я с 10 часов в заводе, и никто ни слова.

26 января.

В 8 ч. утра директор сообщил по телефону, что в котельном цеху подручные прекратили работу. Прибыл в 10 часов. К этому времени работу возобновили. Узнал:

Механический цех. Около 10 часов утра в цех в ворота что от главной проходной, ворвалась кучка рабочих человек 30 и направилась по средней главной линии с криком: «Бросай работу!» Мастера у главных станков стали группироваться в кучку, видимо, стараясь оттиснуть возбудителей от рабочих; человек 20 повернули назад, а остальные пошли вперед, силою отталкивая работавших от станков. Из них один ударил работавшего слесаря Кадетова по голове чем-то и рассек ему бровь. Тогда рабочие стали их колотить. По словам Любавина, 5 человек были избиты сильно, четверо все же удрали, а один остался на месте окровавленный. Свезли его в больницу. Оказался он рабочим-слесарем болтового цеха Мокиным Василием.

Котельный цех. Временно заведывающий цехом Капелькин сообщил, что еще вчера, во время вечернего шабаша, рабочие подручные собрались к нему, прося увеличить заработок так, как это есть в вагонной кузнице. Он обещал подумать и, что возможно, сделает; ему отвечали, что бывший заведующий обещал не раз, а ничего нет. С этим рабочие разошлись.

Сегодня в 8 ч. утра подручные собрались в кучу, бросив работу; когда он к ним подошел, то они ему сказали то же, что и вчера. Явился директор около 8½ ч.

Директор А. П. Мещерский сообщил: рабочие вели себя смирно, добродушно. Жаловались, что мало зарабатывают, и на одежду нехватает. У говорившего на руках были дорогие перчатки; директор в опровержение малости заработка указал на них. «Три года собирал на них» — отвечал тот. Обещал вопрос рассмотреть; рабочие требовали, чтоб это было сделано к 1 февраля. Отказался наотрез. Обещал втечении февраля и предложил стать на работу — стали в 9½ часов. Во время переговоров подошел один из мастеровых и предложил выбрать из рабочих и из администрации комиссию для рассмотрения сего вопроса. Подручные отвечали: «Их не надо, они все будут гнуть на свою сторону».

Вагонная кузница. Около 9 часов вбежала с криком толпа и стала кричать: «Бросай работу». Рабочие, было, взволновались, но потом сейчас же успокоились и продолжали работу.

Сталелитейный цех. В 12 ч. Васильев сообщил, что у них не было даже ничего слышно.

Штамповальный отдел. Начальник Пропшер сообщил, что, когда раздались крики: «Бросай работу», он побежал в слесарку, там ничего не было. Думает, что возбудители — оттуда. После замешательства все оказались на местах, кроме Мокина.

После обеда. 2 рабочих железо-передельного цеха Голованов, № 2627, и Носов, № 2094, бросились к полускатному цеху, где работали чернорабочие, с криком: «Бросай работу», но тут же были задержаны.

Забастовали в котельном цеху. Из подручных: взрослых 90, подростков 13; из них молотобойцев 57 чел., держальщиков 18, подавальщиков 13, др. подростков 15, всего 103 чел.

27 января.

Посещена льнопрядильная фабрика по жалобе рабочих. Оказалось:

1) Нет объявления о моих приемных днях и часах; одно оказалось в старом корпусе современное, остальные — старые, другие — относящиеся к Дегтяреву.

2) За простои станков проборщикам не платят. Пошло мало пряжи с декабря; в ноябре же — хорошо. По заявлению мастера Лапшина и проборщиков, при 11½ часовой работе можно пробрать 5 000 зубьев. Проборщики считают простоем перерыв между основами более полчаса. Согласились взять за основу выработку за ноябрь и по ней рассчитаться за декабрь и ноябрь.

3) Единогласно проборщики (4) заявили, что мастер Лапшин систематически принуждает работать сверхурочно. За ноябрь оказалось у них 180 часов.

28 января.

Посещено Сормово (с 10 ч. веч. до...[1]).

Директор завода сообщил: около 2 часов дня рабочие механического цеха собрались в количестве около 200 человек и заявили ему, что они не чувствуют себя в безопасности, если среди них будут находиться лица, подобные Кадетову, который изувечил Мокина, что его, Мокина, можно было вывести, выгнать, но не увечить без всякого повода, поэтому они требуют его увольнения. Директор объяснил, что у него есть достоверные сведения, что Кадетов защищался, что его сначала ударил Мокин болтом по голове. Полицией протокол составлен и, если окажется, что Кадетов останется по суду виновным, то будет уволен. Рабочие как бы удовлетворились. Вечером с гудком собрались опять, и с ними беседовал Приемский. Сначала рабочие требовали увольнения участвовавших в драке Сутягина и Куликова, но потом остановились только на Кадетове. С Приемским пришли к решению: опросить всех рабочих по станкам выборными — от завода Кабачинским, от рабочих — Шмельковым.

29 января.

Спрошенный в больнице Мокин показал, что не помнит ничего, но не обвиняет Кадетова.

1 февраля.

Посещено Сормово.

В 2 часа дня сообщено, что в мостовом цеху подручные забастовали. Поспешил туда. Жалоба — малое поденное жалование — 55—60 к.; малая приработка. Молотобойцы желают получать поденно 70 коп., чернорабочие 60. Частные жалобы: 1) иногда наряд дают дол-

[1]) В подлиннике не дописано.

го спустя после начала работы, так что старается рабочий напрасно, ибо впоследствии ставится малая цена; 2) не уплачивают за те дни, поденно, когда нет работы, или мало. Прибыл директор; долго беседовал, что листовое железо плохое, не оправдывает общих расходов. Добавить жалованье не может. В настоящее время взяты резервуары.

Не выдаются расчетные книжки работающим на пароходе работы. В 4 ч. рабочие стали на работу, пожелав, чтобы 1) был поставлен куб с горячей водой и 2) поставлена икона с киотом в цеху. Обещано удовлетворить немедленно.

Записал в книгу:

Не выдаются расчетные книжки работающим на пароходе рабочим от подрядчика Пудова, столярам и плотникам.

2) В мостовом цеху наряды выдаются иногда долго спустя после начала работы.

3 февраля.

(С 8 ч. утра до 7 ч. вечера 5 февраля).

Сормово. В 7½ часов утра по телефону сообщено, что котельный цех забастовал. Оказалось:

Котельный цех. На работу стали во-время; приблизительно в 7 час. или около того тендерные рабочие вбежали в котельный цех и закричали: «Бросай работу»; работа остановилась. Когда Капелькин стал говорить, отвечали, но далеко не единодушно, что желают распределения заработной платы на рубль.

Директор объяснил, что определенных требований не слышал. Приглашал стать на работу тендерщиков, что вопрос о распределении платы разрабатывается, и указал им, что теперь, с уходом Грейнера, будет заведывать котельным делом Русаков, и он введет те же способы распределения платы, как и в паровозо-котельном цеху (на рубль жалования). За работу, было, принялись. Но вбежавшая толпа из судостроительного цеха нарушила порядок, и работы уже не возобновлялись. Часть рабочих ушла, часть отпущена: рабочие ссылались на причину неработы — боязнь насилий — гайками бросают.

Мостовой цех. На работу стали в 6½ часов утра.

Стали забегать из котельного цеха и волновать; бросали работу; после убеждений опять приступали, и так до 3 раз, пока из судостроительной партии, взяв по пути котельный цех, не выперли всех из цеха. Это было около 9½ часов утра; рабочих 240; после обеда 197, утром 201.

Судостроительный цех. Около 8 ч. утра из котельной ворвалась в цех толпа человек 45 с палками, ломами и стала сгонять с работы. Человек 200 выгнала из цеха за ворота, бросая по пути чем-то в окно; в крыльце выбито 3 стекла; часть рабочих разбежалась; на работе осталось 547 человек. После обеда вышли 936 чел.; всего в цеху 1 158 чел.

За 2 часа до вечернего свистка молотобойцы и подручные судостроительного цеха прекратили работы, требуя всем поденным чернорабочим и подручным добавить денное жалование до 70 коп., ибо весь приработок съедают старшие.

Просят поставить куб с горячей водой, чтоб было определенное время для завтрака, а не ругали постоянно за то, что съешь кусочек хлеба. С гудком разошлись. Жаловались на грубое обращение...[1]).

4 февраля.

Мостовой цех. Вышло утром по номерам 223 человека. После обеда вышло столько же. Работали весь день.

Котельный цех. Вышло утром 574 человека, после обеда 446. Ночная смена [?] человек бросила работу и ушла в 8 ч. вечера. Бастовали весь день.

Судостроительный цех. Вышло утром 1 060 человек.

Работа, было, началась, но начали мешать, и работа не производилась весь день.

Вагонная кузница. Утром на работу стала, хотя и была заминка. После обеда к работам совсем не приступала. Вышло 388 ч...[2]) 108, вышло 92 ч.[3]).

5 февраля.

Котельный цех.

Вышло на работу 880 чел. В 8 ч. утра в контору явились 8 депутата и потребовали: 1) прибавить всем подручным 10 коп. к поденному жалованью, 2) приработку делить % поденной плате, 3) чернорабочим добавить 10 коп., 4) заплатить за 1½ дня забастовки. В 10 ч. утра директор предложил депутатам установить на клепке жалованье:

1) На клепке:

а) мальчику 1-му	30—35 к.	
б) » 2-му	40—45 »	
в) держальщику	55—60 »	
г) молотобойцу	65—70 »	
д) поденщикам	55—60 »	и гарантировать приработок по 10 коп. в день.

На сборке: подручным 55—60 к.

2) Из приработка выделять жалованье; остаток делится пропорционально коэффициентам — подручному на жалованье определенное, клепальщику на 1 р. 50 коп. и клепальщику на 1 р. 90 коп.[4]). В 11½ ч. депутаты, переговорив с выборщиками, объявили, что после обеда станут на работу. До обеда не работали, после обеда работали.

Вагонная кузница. Утром не приступала к работе и до обеда не работала. После обеда не приступала к работе; предложено выбрать...[5]).

7 февраля.

В 7½ ч. утра сообщено, что судостроительный цех не работает, требуя тех же уступок, что и котельный цех. Прибыл в 10 часов. Начальник цеха Обухов сообщил, что им рабочим объявлено:

---

[1]) Дальше одно слово не разобрано.

[2]) Дальше не разобрано.

[3]) Приписка карандашом: «½ дня 97 чел.». По всей вероятности, указание на число бастовавших рабочих.

[4]) Так в подлиннике.

[5]) В подлиннике запись не закончена.

1) будет выставлено объявление того же содержания, что и в котельном цеху;

2) будут сделаны такие же прибавки и то же распределение плат, что и в котельном цеху.

При мне вручено 2 экземпляра объявления для развешивания и сказано громко, что слышали и присутствовавшие в конторе рабочие, что будет для них сделано все, что и в котельном цеху. Около 8 часов утра стали на работу. После обеда на работу не вставали и собрались во дворе; на мой вопрос, чего собрались, отвечали, что выбирают депутатов. Часа в 2½ явились депутаты:

1) от клепальщиков 6 человек; потребовали:

а) повышения расценков всем на 70%,

б) дать расценок на заклепку диаметром ⅞″ и 1″,

в) согласны делить заработок пропорционально тому жалованию, которое теперь получают. Было сказано, что вопрос будет рассмотрен втечении февраля, а пока пусть работают, — удалились. В 5 часов часть других клепальщиков заявила о прибавке жалованья, отказано им в этом, также о нежелании пропорц... [1]).

2) От подручных. Потребовали добавки жалованья до 70 к.; отказано; предложено, как в котельном цеху, т. е. установить жалованье по категориям, а именно:

а) мальчику 1-му	30—35	к.
б) » 2-му	40—45	»
в) держальщику	45—50	»
г) подручным	55—60	»
д) молотобойцам	65—70	»

причем низший предел новичкам, а высший — на 2-й год и следующие. Поговорив, явились вновь и требовали на 10 коп., а в 4½ часа только требовали уже прибавку 5 коп.

3) Сборщики просят давать также цены по нарядам, чтоб было 50% приработки к поденному жалованию. Отказано, ибо приработок у них есть. Согласны и далее желали делить заработок пропорционально поденному жалованью. Приработки гарантированной требовали потому, что долго не даются наряды, иногда по три и более месяца, и они, работая интенсивно, часто не вырабатывают поденного жалованья. Заводоуправление отказало, но обещало пересмотреть наряды, чтоб они были мельче. На мое замечание, что, если наряд не подходит, они в праве работать поденно, отвечали, что, если наряды не принимаешь, угрожают расчетом (указали при этом на Волкова).

В 5½ часов рабочие разошлись по домам.

8 февраля.

Утром не приступили к работе: я прибыл в цех около 7 часов утра. Рабочие стояли толпой во дворе. Попросил пригласить депутатов от подручных. Повторили желание всем прибавить 5 коп. Предложено, согласно телеграмме директора из Петербурга, обещать всем подручным гарантированный приработок 10%. Отказались, ибо уже есть человек 70 из 700, именно таскальщиков листов, имеющих гарантированные 10%. Согласны получить гарантированную прибавку, но желают

[1]) Так в подлиннике.

сверх того и 5 коп. В 8½ часов рабочие разошлись. Говорил с толпой часов около 8. Заявили, что, если не прибавят, потребуют расчет. Часов около 8¼ часть рабочих отделилась, направилась к лесопилке № 2, выбила стекла и потребовала остановки работ. Лесопилка стояла ½ часа. Остальная толпа уходя повалила забор у мостового цеха. Около 7½ ч. утра явились сверловщики и требовали прибавки жалованья до 1 рубля и такой расценки, чтоб цена была и от диаметра дыры и толщины листа, а не так, как теперь, только от одного диаметра, когда приходится сверлить дыры до 3 листов, сложенных вместе. В прибавке отказано, а расценку обещано рассмотреть втечении февраля.

Характер забастовки таков, что если бы стали подручные, то старшие рабочие тоже работали бы.

После обеда к работам не приступили. По телеграмме директора удовлетворено требование, что все подручные и чернорабочие получают 60 к. и гарантированную 10% приработку. Рабочие заявили мне, что теперь они довольны и пойдут на работу, но тут же некоторые стали спрашивать, будет ли им засчитан прогул 2½ дня. Пока шли разговоры, причем подручные шли на работу, стали бастовать сборщики, требуя 20% гарантированной приработки, а по истечении наряда — 40%. Сказано им Мацкевичем подождать директора; согласия не последовало. Их около 120 человек. Часа в 3½ стали рабочие расходиться, причем подручные заявили, что их сгоняют с работы сборщики, так что с обеда 8 февраля забастовали и сборщики.

Предложено с утра вывесить объявлений 2: одно ко всем, что если с 9 февраля не приступят к работе старшие на условиях, означенных в книжках, а подручные на принятых 8 февраля условиях, то все будут немедленно рассчитаны; второе — о прибавке до 60 к. и 10% приработки.

Судостроительный цех.

9 февраля утром все стали на работу и таковую продолжали и далее. Были вызваны войска к 12 часам 8-го. Приезжал губернатор с прокурором окружного суда. Губернатор редактировал объявления. Уехал часов около 8½ вечера под 8-е число.

По 8-е число включительно сообщено заводоуправлением о забастовке в судостроительном цеху по моим данным старшему фабричному инспектору от 8/II за №№ 1281 и 1282.

10 февраля.

(С 2½ часов дня до 4 ч. 50 м. 11 февраля).

Сормово. Вызван по телефону в 2½ часа; прибыл в 3¾ часа. Котельный цех не работал с обеда. Явились депутаты 5 человек. Требовали:

1) Всем подручным прибавить по 5 к.

2) Подручных у некоторых сборщиков поднять до положения молотобойцев, т. е. платить поденные 65—70 коп.

3) Делать приработку пропорционально тому поденному жалованью, которое записано в расчетную книжку сейчас.

Директор объявил:

1) В прибавке 5 коп. отказал и будет держаться обещаний, принятых подручными 5 февраля.

2) На второе требование отвечал, что сам это имел в виду, когда говорил с ними 5 февраля.

3) Отказать делить пропорционально жалованью, ныне существующему, ибо заработки подручных сильно повысятся, а старших понизятся.

4) Оставляет в силе распределение, предложенное 5 февраля, с тем, что в выработке норм этого распределения примут участие 5 уполномоченных, о чем и будет выставлено объявление, при условии, впрочем, что работы, остановленные подручными, будут безостановочно продолжаться. В 5½ ч. вечера стали на работу[1]).

11 февраля.

Утром работа производится, после обеда также.

Меднотрубный цех. 10 февраля выставлены новые расценки с небольшим понижением. Рабочие говорили Ухонжину, что теперь не время понижать; если б это было сделано раньше, когда согласились на понижение — месяца два назад, а теперь везде повышают. После обеда 11-го вышли и не приступали к работе. Ухонжин обещал выставить старую, но рабочие дружно, как солдаты, вышли из цеха в 2¼ часа и разошлись по домам. Людей 190, подручных подростков 22.

12 февраля.

Сормово. Прибыл в 8 ч. 40 м. утра.

1) Меднотрубный работает с утра, оставлен расценок старый.

2) Судостроительный работает, выбираются депутаты от групп для ведения переговоров по разным вопросам.

3) Паровозо-механический, паровозо-сборочный, паровозо-котельный и арматурный цеха (2 408 чел.) в 12 ч. дня с гудком не пошабашили, а самовольно стали работать до 2 ч., с тем, чтоб впредь всегда по субботам шабашить в 2 ч. Директор обещал выработать желаемое ими правило к 1 000 паровозу в начале марта, до тех пор работать по-старому. Обещали, разошлись. Котельный цех ушел в 3½ часа вместо 5-ти. Мостовой ушел в 4½ часа вместо 5 часов.

14 февраля.

Сормово. Прибыл в 4½ часа. Судостроительный цех не работает с обеда; во дворе толпа, застал директора беседующим с выборными от сборщиков. Сборщики-депутаты заявили, что не согласны на гарантию 10% приработки. Подручные требовали 70 к. поденно. До 5½ часов на работу не вставали; в 5½ часов стали принципиально. М. Г. Субботин дал сборщикам на чай 25 р. До обеда на работу не становился[2]).

Котельный цех. Ночная смена под 14 февраля бросила работу в 2 ч., уменьшив день до 9 часов.

Вагонно-товарный цех. В 2 часа дня рабочие с верстаков сгоняли с работ; заведывающий уговорил стать на работу. Требовали повышения расценков.

Паровозо-сборочный цех. В 6½ ч. вечера рабочие обратились с просьбой выбрать депутатов; проканителились до 7 ч. и разошлись; результаты неизвестны.

Сталелитейный цех. Рабочие в ¼...[2]) утра обратились с просьбой работать в 3 смены.

[1]) Приписка карандашом: «650 чел. ½ дня».
[2]) Так в подлиннике.

15 февраля.

Судостроительный цех начал работу во-время и проработал до обеда. Явились депутаты. Требовали:

1) Держальщики: всем объявленное поденное жалование 50 коп. с февраля.

2) Сборщики: гарантированную 10% приработку на все выданные наряды до 15 февраля; за январь будет выдана приработка в конце месяца, по остальным по окончании нарядов.

3) Подручным колольщиков 60 к. и гарантия 10% приработки с 1 февраля.

4) Чеканщикам обещано 10% по нарядам, выданным по 15 февраля.

С обеда до 4 часов цех к работе не приступил; подручные требовали поденно 70 коп. Субботин обещал всем 70; после этого часть закричала: «На работу»; остальная масса не шла и слышались голоса: «Давай 75». Выставлено объявление о всех сделанных уступках.

Вагонная кузница.

Весь цех бросил работу в 9 ч. утра. Явилась депутация от кузнецов; требовала: всем поденным 80 к., кузнецам 1 р. 30 к., и до обеда не работали; после обеда в 2½ ч. весь цех ушел.

Котельный цех.

Подручные бросили работу в 8 ч. утра. После обеда выставлено объявление об увольнении; к работе цех не приступил.

Вагонно-товарный цех.

С утра весь день не работал; рабочие требовали: повысить расценки на 50% и поденные на 50%, сменить мастера Балыкина. Отказано; предложено избрать депутатов, и разговор с ними будет вестись при том условии, что остальные будут работать.

Швеллерный цех.

Бросил работу в 8 ч. утра и не работал весь день. Требования те же, что и в вагонно-товарном.

Паровозо-котельный цех.

С разрешения стоял 2 часа после обеда для выбора депутатов.

Лесопилка № 2.

Стояла после обеда 1 час, просили увеличить расценки и поденные на 5 коп. Ответ обещал в четверг. Предположено добавить им за то время, когда вследствие пожара работали в 3 смены вместо 2-х и зараб.... [1]) с 60 до 26%, на день коп. 10—15.

Вагонно-классный цех.

После обеда совсем не работали (слесаря, фонарщики), требовали...[2]).

[1]) Неразборчиво.

[2]) В подлиннике запись не закончена.

Малярный цех.

После обеда не работал, две артели в 137 чел. на классных вагонах требовали увеличить цену с 150 до 230 р.

Мостовой цех.

После обеда не работал, выбирали депутатов (бросили работу через 1 час, т. е. в 2½ часа) и предъявили требование: 1) поденная плата чернорабочим 80 к., мальчикам 50 к. и отряд раскладывать на поденную плату; 2) увеличить поденную плату мастерам на 30%; 3) все расценки увеличить на 50%; 4) проработанные наряды не покрывать; 5) за прогул мастеровых не смещать с работы, на которой он находится; 6) увольнение мастера Гордеева.

1) Относительно поденных плат будет установлен минимум, а через год прибавка по совету с мастеровыми.

2) Наряды не покрывать на разных работах, но на одинаковых будут суммироваться.

3) Будет выставлена расценка на сверловку, колку и др., кроме сборки, где невозможно.

В 5 ч. вечера рабочие пытались остановить работы в котельном цеху, но были встречены угрожающе с молотами, и тут же разошлись по домам.

16 февраля.

Сормово. 8½ ч. утра. Не работали с утра цеха: мостовой — 200 чел., судостроительный — 2 033 чел., швеллерный, вагонно-товарный — 235 чел., вагонно-кузнечный — 356 чел., и малярный — 284 чел.

В 10 ч. мостовой приступил к работе.

В 10 ч. швеллерный, 216 чел., тоже.

В 10 ч. рабочие вагонной кузницы ушли домой.

В 2 часа в механический цех вбежала толпа человек, по рассказам, 100, из вагонной кузницы и остановила работы. После этого цех больше не работал, выбирал депутатов и в 5 часов разошелся.

В 2½ часа рабочие судостроительного цеха стали бить окна — вытеснила их полиция, утром им было выставлено (9 ч.) объявление о расчете.

В 3 часа исправник из вагонной кузницы вытеснил рабочих, которые не расходились после объявленного им утром расчета и бросали кирпичи в окна механического цеха. Остальные упомянутые цеха не работали весь день.

Директор говорил с депутатами.

Мостовым объявлено директором:

1) подручным 1-й год работы по 55 коп., 2-й — 60, а через 3 года 65 к.; 2) обещано расследовать жалобу на мастера Гордеева, который будто бы взял взятку с рабочего Александра Городкова, № 18701; 3) при работе по нарядам не покрывать нарядами прораб. лишь в том случае, если работа не однообразна и не на одинаковых заказах; 4) в марте выставить расценки на все почти работы кроме сборки. В прибавке расценок на 50% отказано.

Вагонно-товарный цех: 1) прибавка жалованья: клепальщикам до 1 р. 10 к., молотобойцам 70 коп., мальчикам 35—45 коп., держальщикам 50 коп.; 2) сборщикам и обшивщикам — первым изме-

нить расценку, где низка, вторым — добавить поденное жалованье до 90 к.

Швеллерный цех. Рабочие отказались называть свои претензии «требованием» и назвали просьбой; обещано говорить завтра. В 8 ч. утра стали на работу.

Малярный цех. Директор признал справедливым требование прибавить цену на окраску вагона почтового, который мастером приравнен к багажному. Предложено представить ему подробную расценку всех операций окраски багажного и почтового вагонов. Не работали целый день.

Я говорил с рабочими вагонной кузницы после обеда; просили прибавить кузнецам расценки. Установить правильную точку зрения на свои обязанности отдельным личностям удается, но из толпы раздаются крики, что поддерживаю интересы завода.

Мостовой цех. Не работал весь день; ушел около 5 час. вечера; пытался нарушить работу в котельном цеху, но был встречен угрожающе с молотами.

17 февраля.

Мостовой цех с утра не приступал, было, к работе, но в 7 ч. стал.

Чугунно-литейный цех.

Обрубщики просят прибавки с 3 до 4 коп. с пуда. Предложено: свыше пуда 3 коп., до пуда 4 коп.

Судостроительный цех.

Закрыт.

Вагонная кузница.

С 9 часов утра идет запись всех уволенных рабочих на поступление на работу на условиях: всем молотобойцам 70 коп. в день, приработок—кузнецу 75%, молотобойцам 25%. Рабочие обещают стать на работу после обеда.

Мостовой цех.

Директором предложено: мальчикам 35—45 к., держальщикам 55—60 к., молотобойцам 65—70 к., подручным 55—65 к., сборщикам минимум 90 к., клепальщикам 80 к., кузнецам, прессовщикам минумум 75 к.; прибавки 2 раза в год — 1 июля и 1 января, по совету с мастерами, но без обязательства ему следовать; в марте будут выставлены расценки.

После обеда вагонная кузница стала работать усердно.

Швеллерный цех требовал:

1) Увольнения пом. начальника цеха Мирошниченко.

2) Вежливое обращение, сокращение рабочего дня и без перерыва работать до 2 ч. в субботу.

3) Куб, 4) отмена штрафов, 5) беспрекословно выдавать увольнительные записки, 6) неприкосновенность депутатов, уплата за забастовку, 7) повышение поденной платы, расценков на 50%.

Вагонно-товарный цех.

1) Повысить поденную плату, 2) платить такую цену, чтоб было 50 р. в месяц, 3) на частную работу давать наряды; прибавка расценков на 25—50%.

18 февраля.

(С 10 ч. утра до 7 ч. вечера).
Льнопрядильная мануфактура.
Директор фабрики Иванов сообщил следующее.

17 февраля утром все рабочие вышли на работу в нормальном количестве. В 9 часов появилась перед фабрикой толпа человек 300 рабочих разных заводов; ворота в фабрику были заперты, и толпа стала перелезать через забор. Скоро весь двор был заполнен. От толпы отделилось человек 10 и заявили директору Иванову, чтоб тот остановил фабрику, иначе они не ручаются за последствия. Фабрика была остановлена. Рабочие вошли в числе 10—15 человек на фабрику и стали выгонять народ. Когда Иванов спросил, чего собственно им надо, отвечали: «Требуем остановки фабрики, чтоб выхлопотать восьмичасовую работу». Женщины-ватерщицы стали, было, бомбардировать выгонялыциков катушками, но были остановлены директором. К 10 часам фабрика опустела. Пришедшая толпа, захватив с собой человек 100 рабочих, пошла на завод Яковлева и другие заводы. Губернатор прислал 80 чел. войска около 12 часов. К 1 часу дня пришло на работу около 200 чел., которые проработали до 6 час., засветло, боясь насилий. В это же время другая часть рабочих, около 500 чел., не вошла в фабрику, а остановилась во дворе, главным образом, ткачей; последние требовали прибавки 10 коп. на кусок, а палатку работать на $^7/_4$ станках поденно по 60 коп. в день. Директор обещал 5 коп. прибавки на все сорта и предложил на этих станках палатку больше не работать (тяжелы), а только эту доработать за цену — поденным 1 р., сменным 1 р. 10 коп. за кусок. Не согласились и разошлись часов в 5 вечера.

Сегодня, 18 февраля, вышло людей на фабрику только на 150 чел. меньше. В 9 час. утра на фабрику явились 2 пьяных ткача и стали выгонять ткачей и других рабочих. Ушло с фабрики ткачей 213, банкаброшниц и ленточниц человек 15, ватерщ. 15 и кордовщиков человек 70. Работало, таким образом, до обеда около 1 200 человек.

После обеда, т. е. к часу, когда должна была заступить 2 смена, и к 1½ час., когда должны были выйти денные после обеда, у фабрики за забором образовалась толпа человек 500, препятствовавшая желающим проходить на фабрику. Когда у ворот стал солдатский караул, толпа перестала препятствовать проходить желающим, и рабочие пошли на работу. Набралось рабочих на фабрике около 800 человек, из коих было около 180 ткачей; не были, главным образом, все чесальщики и кордовщики. Число людей на фабрике:

Ватерное	отд.	629	чел.,		из коих	смен.	160 чел.
Приготовит.	»	625	»		» »	»	500 »
Чесальное	»	134	»	1 684 ч.	» »	»	000 »
Мотальное	»	221	»		» »	»	60 »
Мастерская		75	»		» »	»	000 »
Ткацкое отд.		774	»		» »	»	538 (?) чел.

Указанные 800 чел. проработали до 6 час. и разошлись; толпа у ворот разошлась постепенно к 5 час. Мне претензии заявили только ткачи и чесальщики, требуя прибавки: ткачи по 10 к. на кусок и палатку работать поденно по 60 к., а чесальщики чрез депутатов Кропина Якова, Антипова Александра, Антипова Алексея и Барышева Фе-

дора требовали: при расценке число гребней в счет не принимать; платить: до 40-го гребня включительно 65 коп., 60 и 80—70 к., спуск—вычес 50 к. и очес 12, спуск без вычесу 16 коп. и давать 16 пудов, обдержки 15 к. и давать 20 пудов; кроме того уменьшить день до 10½ ч. Директор предложил ткачам, как и прежде, по 5 к. на кусок и 1 р. для денных и 1 р. 10 к. для сменных за палатку; соглашения не состоялось, и те и другие отказались работать. Ткачей однако несогласных была лишь небольшая часть, ибо из них стали на работу до 200 человек. Чесальщикам предложено: спуск без вычеса 14 к., спуск с вычесом 60 к.; с гребней: 3 × 40—62 к., 3 × 80—68, 2 × 22—46 к., 2 × 26—51 к., 2 × 30—54 к., 2 ×40—57, обдержки 11 к. Кроме того в толпе раздавались требования о выдаче квартирных денег тем, которые живут на частных квартирах, до 2 р. на человека. В этом отказано.

19 февраля директор сообщил, что утром и после обеда работа шла почти нормально, не вышло человек около 300. Пришлось рассчитать человек около 25. В 2 часа дня часть кардовщиков бросилась требовать прекращения работ, но была окружена караулом, тоже часть ткачей и чесальщиков. Все рассчитаны за дурное поведение.

19 февраля.

(С 7½ час. утра до 4½ час. дня).

Сормово. Работа с утра идет своим порядком. Расчет рабочих судостроительного цеха произведен 18-го при полном порядке. При расчете рабочие спрашивали, когда будет запись опять на работу.

Были мною вызваны депутаты мостового цеха.

С утра выставлено объявление по цехам от директора с предложением избирать в каждом цеху депутатов и представить директору желания, общие для завода и цеховые, чтоб со временем можно было их обсудить совместно с депутатами от всего завода. Стали поступать заявления.

Котельный цех проявляет поспешность. Уже сегодня предъявлено требование собрать представителей от всех цехов завтра для обсуждения общих вопросов.

1 марта.

Сормово. Прибыл для освидетельствования котла № 540...[1]).

4 марта.

Сормово. Имел беседу с директором об его условиях с сборщиками, клепальщиками и др. лицами, нанимаемыми в судостроительном цеху. Разъяснено, что условие о плате и выдаче премий за более раннее окончание работы может быть допущено при условии, что задержек в работе со стороны заводоуправления не будет.

Нельзя однако допустить:

1) Обязанности участников групп доносить о необходимости своевременного уведомления ими администрации завода об увольнении излишних подручных.

2) Что в случае забастовки участники артели не получат сдельного заработка, а только поденный, и настоящее условие считается нарушенным.

[1]) Запись по освидетельствованию парового котла опускается.

3) Что в случае, если работы для всей группы не будет хватать—сами участники устанавливают очередь посменной работы; рабочие, нанятые на срок окончания работы, вправе будут потребовать возмещения убытков за простои вследствие нехватки работы в рабочие дни.

5 марта.

(С 5 час. дня до 10 ч. вечера 6 марта).

Сормово. Прибыл на собрание депутатов от рабочих. Явилось 140, не явилось 28. Один из рабочих предложил почтить вставанием память петербургских товарищей — принято.

1) 8-часовой рабочий день. Говорило несколько. Мотивы: досуг для образования, сохранения здоровья и, как следствие, увеличение производительности. Директор возражал, что у 80% рабочих сознания указанных нужд нет; при 8-часовом дне многие предадутся удовольствиям или станут вести жизнь, разрушающую здоровье. За границей 8-часового рабочего дня, установленного законом, нет. Обещал установить с 1 апреля день 10-часовой; пред праздниками кончать в 2 часа дня. Рабочие на непрерывных работах требовали 8-часовой; отказано, но выражено желание потом говорить по этому поводу отдельно по цехам и ввести, где возможно. Обещано обеспечить четырехдневный отдых. Часть рабочих желает праздновать воскресенье, часть — 3 смены.

2) Директор объявил, что желает ввести уплату заработка каждую субботу, а кто не явится в субботу по уважительной причине, в ближайший понедельник, остальным — в день следующей получки. Согласились с удовольствием.

6 марта. 7½ ч. вечера.

Почтена, по предложению рабочих, память петербургских товарищей вставанием. В просьбе допустить корреспондентов «Нижегородского листка» отказано.

1) Прочитано письмо директору от правления общества потребителей отложить введение выдач заработной платы по субботам до 1 июля. Такое же письмо к депутатам. Отложено.

2) Снова поднят вопрос о 3 сменах на непрерывных работах. Отложено, чтоб не выходить из программы.

3) Относительно отпуска на 1 месяц в году, как общей меры, отказано. Выдаются отпуска на 1 день в неделю. На непрерывных и постоянных работах — охотно тому, кто поставит вместо себя заместителя на это время.

4) О сверхурочных работах — просили уничтожения и гарантии добровольности. Обещано сохранить только в случаях крайней необходимости. Никому их не нужно, гонит на них голод; в конторе по найму много кандидатов, можно их принять,— говорили рабочие. Как гарантию, что гнать на сверхурочную работу не будут, платить за нее вдвое. Принуждают работать сверхурочно. Обещано сократить их до минимума.

5) Уничтожение найма на срок определенный. Психологическое объяснение недовольства: как знание смертного часа расстраивает человека, так и знание срока найма действует подобно Дамоклову мечу. Решено на всех постоянных работах нанимать на сроки неопределенные.

6) Уничтожение подрядчиков. Решено брать подрядчиков только для работ не заводских. Требование свое рабочие объясняли сочувствием к рабочим подрядчиков [1]), доли которых присваивает подрядчик.

7) Относительно нормы поденной платы отказано — она определяется рынком. Выяснилось, что за нынешний год плата за 24 дня по 1 р. 41 к. в день. «Отчего плата повысилась?»—спросил Шмельков [2]),— «оттого ли, что стали платить лучше или оттого, что производительность рабочих увеличилась благодаря интенсивности труда и усовершенствования станков?» Возможно, что от этого.

8) Обыски —отменить. Единогласно решено предавать воров суду.

9) Штрафы за прогулы отменить. Рабочие доказывали, что мера бесполезная. Решено, что отмечать в книжке прогулы, с тем, чтоб пользоваться законным правом увольнять за прогул больше 3 и 6 дней, а также и за прогул втечении месяца 3 дней по понедельникам, т. е. после получек. Относительно опоздания директор допустил безнаказанное опоздание до 10 минут. Какие меры принять за опоздание большее? Рабочие предложили писать ¾ дня вместо 1 дня, штраф же — позор. Отложено решение.

8 марта.

Сормово. Предполагавшееся собрание депутатов не состоялось.

10 марта.

(С 5 ч. утра до 4 ч. 50 м. 11 марта).

Сормово. Заседание депутатов. Явилось 131...[3]).

15 марта.

(С 9 ч. утра до 9½ часов вечера).

Сормово.

1) Утром в паровозной кузнице 15 человек чернорабочих потребовали прибавки и не приступали к работе. 8 чел. стало, 7 ушло. После обеда вышли все; прибавки не сделано.

2) В 6½ ч. вечера у Дарьинской проходной при шабаше образовалась толпа тысячи две. Человек 40 образовали тесную группу; между ними один, поднятый, держал речь — настаивать о 8-часовом рабочем дне и других требованиях. Через ¼ часа толпа разошлась.

3) Жалобы: 1) на неправильный учет половинного пособия увечному, 2) неправильное увольнение рабочего немедленно, убившего в драке своего товарища в деревне Дарьине.

18 марта.

Посещена льнопрядильная фабрика по жалобе рабочих. Посещен завод Крюкова и Лапичева по жалобе рабочих.

19 марта.

Посещен завод «Сормово».

1) Базилевский сообщил о возражениях депутатов против удержания копейки в церковно-приходское попечительство.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Шмельков В.—рабочий механического цеха, депутат рабочих завода для обсуждения вопроса о школах в Сормове.

[3]) В подлиннике запись не закончена.

Шмельков сказал:

а) Школа хотя и имеет расширенную программу, но эта программа не исполняется. Недовольство школою — не каприз: были опрошены лучшие ученики школы и кончившие; они прекрасно знают тропари, кондаки, богослужение, как если бы готовились в попы; когда же он спросил их о том, чему сам учился лет 15 тому назад в уездном училище, то оказалось, что они ничего не знают.

б) Школа организована именно так, что светские предметы и должны находиться в пренебрежении: 1) из 57 учителей, окончивших духовную семинарию — 23, епархиальное училище—11; из них 10 преподавателей закона божия; из учительской семинарии только 1 учитель, из гимназии и прогимназии 7 учителей, учительниц; 2 учителя-семинариста — кандидаты в священники, и обучают по необходимости, ввиду мест и приискания невест; школа для них не родное дело. 2) Жалованье 840—420 руб. в год получают священники-законоучителя, светские только по 300 руб.

На бумаге школа хороша, а образования не дает, поэтому и хотят земскую школу и по расширенной программе.

Относительно копейки директор выражал явную неправду, что удержание производится по записям в книги, предъявляемые церковно-приходским попечительством, когда всем известно, что рабочие обязываются уплачивать записью в книги, предъявляемые им при приеме на работу.

22 марта.

Посещено «Сормово» для проверки расценок.

1) Записано в ревизионную книгу об уплате пособия за «больные дни»: сдельный заработок за предыдущий месяц делится на число проведенных на работе дней, частное — действительный заработок рабочего в день; пособие в месяц — половина произведения из этого частного на число рабочих дней в том месяце, когда лечение производится.

2) Малярный цех. Рабочие подростки заявили директору жалобу — Красичков, Лапин, Кокуркин, Китаев, Медведев, Шишарин, Мартынов, Сорокин, Булавин, Солоденков, Надыгин, что в пятницу в получку (18 марта) рабочие-депутаты Сергей Васильев, № 13051, Егор Буйдинов и рабочие Варнавий Бочкарев и Иван Деулин, поддерживаемые всей артелью, требовали с них клепку[1]) за прибавку жалованья им по 5 коп. За отказ Васильев угрожал изгнать из артели и задержал №№ Другие же мальчики, давшие по 1 рублю, ушли беспрепятственно. Десятник, выбранный рабочими во время забастовки, Сергей Мыльников подтвердил, что Васильев требовал назойливо клепку, так что он его сам останавливал. Мальчики: Деулин, Миронов, Квашов, Старцев, Мартынов Степан, Сорокин Константин, Солоденков Василий, Надылин Алексей, Коровин, Кисельников — показали, что никто не требовал клепки, всегда так делается: если получают прибавку взрослые, то и они участвуют в клепке. Дали по 1 р. добровольно, сами участвовали в выпивке и даже подрались.

[1]) Угощение.

29 марта.

Сормово.

Справка о деятельности больницы за 1903—1904 год:

Лежало больных	1 957	чел.
Амбулаторных первичных	43 325	»
» повторных	55 567	»
Всего амбулаторных	98 892	чел.

Был совместно со старшим фабричным инспектором. При чтении совместно отчета за 1903—1904 г. усмотрено, что в нем на стр. 4 под заголовком «По общим расходам завода» значится расход 2 507 р. 50 коп. по статье «Содержание канцелярии фабричного инспектора». Обращено тут же внимание Базилинского на помещение такой гадости, причем старший фабричный инспектор также согласился, что это «неудобно», тем более, что, по объяснению Базилинского, «это расход по канцелярии юридического отдела», что им тут же и было проверено суммированием цифр расходов на содержание писарей и канцелярских принадлежностей.

30 марта.

30 марта утром начальник паровозной кузницы Маслов прибежал в контору и заявил, что не знает, что делать с рабочими: стоят, не работают и требуют введения новых правил внутреннего распорядка немедленно (выставлены 24 марта). Обещано введение правил на собрании депутатов 1 апреля. Рабочие, пристыженные, что не могут подождать 2 дня, стали работать.

31 марта.

В электрическом цеху разорвало спускной кран у парового котла системы Приемского. 3 человека рабочих обварено, двое легко, один же каменщик Коровин Николай Иванович настолько сильные получил ожоги, что умер. Чрез паровой проход в отхожее место из соседнего машинного отделения и мастерской [1]). Окна в паровой двойные, заделаны решетками и сетками. Записал их уничтожить — сетки и решетки.

1 апреля.

Сормово.

Директор сообщил: в 6½ часов вечера вчера 31 марта стала собираться толпа около конторы во дворе: собралось человек около 500. Требовала директора; вышел Заварицкий и сказал, что директор болен. Рабочие спросили, отчего до настоящего времени не назначается собрание членов церковно-приходского попечительства, которое обещано директором в марте. Заварицкий объяснил, что директор болен, выздоровеет — назначит. Толпа стала редеть. Оставалось человек 150. Находившийся в толпе один из городовых дал знак задержать одного постороннего человека, который говорил какую-то речь рабочим. За это городовой получил удар по лицу от одного рабочего. Городовой бросился на обидчика, рабочие стали защищать, и произошла свалка. В несколь-

[1]) Так в подлиннике.

ко минут толпа разбежалась. Все кончилось к 7 часам. Депутат рабочих Олимпиев, монтер, в кочегарке электрического цеха показал по этому поводу, когда я разбирал несчастный случай с обваренными рабочими, что стали мирно расходиться. В это время полиция и черная сотня, частью из рабочих, частью из посторонних лиц, стала хватать говоривших рабочих. Из рабочих никто полицию не бил. Может, после и ударил кого-нибудь во время самозащиты [1]). Когда пристав Гольдгаммер рассказывал Приемскому, что было нападение на городового, сам Приемский сказал, что это неправда, никто из рабочих на полицию не нападал.

Фасонно-сталелитейный цех сегодня с 6½ утра не приступал к работе, ночная смена в 5 часов утра не ушла и соединилась с дневной сменой, ждали, чтоб говорить с директором. В 8½ часов пришел директор. В 9 часов денная смена стала, а ночная ушла.

Аркадий Аркадьевич Васильев сообщил: в субботу на прошлой неделе он совместно с выборными от различных артелей установил поденное жалованье, по общему согласию, такое, одобренное директором:

	Старое жалов.	Новое	Прибавка
1) 115 чел. формовщиков . . .	—	—	40 к.
2) 5 мальчиков	30—50 коп.	35—55 коп.	5 »
3) 23 обрубщиков	60 »	70 »	—
4) 20 шишельников — как формовщикам.			

Всего людей до 300 чел.

Рабочие ночные бросали несколько раз работу с вечера, требуя условленного жалованья, которое должно быть с 1 марта, заявляя, что их обманывают. В книжки не было вписано потому, что было мало времени — условие о платах было только 26 числа. Заварицкий успокоил, что будет вписано. Не работали с 9 ч. до 9½ ч. и потом с 12½ ч. до 1 часу. Утром требовали повышения расценок. Рабочих на смене: взрослых 135, подростков 15, на двух сменах 270 и 30.

Ночью требовали директора для переговоров; когда Заварицкий пришел и указал, что они выбрали странное время для разговора и что директор будет говорить, стали на работу.

По поводу собравшейся толпы Приемский сообщил: разговоров не слышал, видел — толпа стала расходиться, осталось человек 100. Вдруг раздался крик: «Выручай» — он увидел, что два полицейских взяли под-руки одного из рабочих; на них накинулись рабочие для выручки, на подмогу бросились другие полицейские, произошла очень короткая свалка, и затем все разбежались. Одному из рабочих, стоявших в стороне, слегка камнем, или чем-либо другим, ранило лицо. Никто задержан не был. Он слышал от одного из полицейских, что держали рабочего, что был схвачен тот, который его ударил за его попытку обратить внимание товарища на постороннего рабочего.

Заварицкий показал: толпа человек 1 000 одновременно высыпала из разных цехов как бы по сигналу — дело, видно, было организовано. Передние из толпы спрашивали, когда будет наконец собрание членов попечительства, что обещано в марте и не исполняется. Он им объяснил, что будет на-днях, что директор болен. Толпа сзади закричала: «Не хотим копейки». Послышались голоса: «Подождем еще день-два»,

[1]) Так в подлиннике.

и толпа стала редеть. В это время вдруг произошла драка, и почти вмиг все кончилось.

Утром 31 марта в паровозную кузницу забегал какой-то субъект и потребовал депутатов. Когда к нему двое явилось, приказал рабочим быть вечером у конторы. Кто он, депутаты не знают.

2 апреля.

В 10½ часов утра директор сообщил, что вчера, 1 апреля, в 9¼ часов вечера в народной столовой, после лекции врача Карманова о холере, стали говорить речи рабочие против существующего строя, сопровождавшиеся криками: «Долой самодержавие!». При выходе раздались крики: «Бей полицию», а затем и выстрелы со стороны публики, продолжавшиеся и на улице. Всех выстрелов было 8. Один городовой контужен. Этот случай на полицию навел такую панику, что 16 городовых отказались от мест и получили расчет. Один из находившихся в столовой городовых разделся и выпрыгнул со 2 этажа ремесленных классов, а прикомандированные из уезда для усиления штата просятся назад на свои места.

3 апреля.

Собрание прихожан состоялось с 2½ до 4½ часов. Мещерский открыл заседание перед аудиторией в 2 500—3 000 человек чтением отчета за 1903 год. Послышались крики: «Ничего не надо, говорите о копейке». Мещерский предложил высказаться. Депутат паровозо-механического цеха говорил, что копейка наша, значит, и школы наши: земство обещало взять школы, с тем, чтоб было обеспечено только отопление (?). А это расход небольшой, и должен нести его завод. Стоял шум, дело шло беспорядочно. Мещерский предложил, что он предложит подписку по цехам, кто не желает — скажет, и собрание закрывает. Когда после собрания священники запели «Достойно есть», послышался крик: «Не надо пения! Что за пение!» Начался свист, гам, топот. Полиция выжала из церкви публику. По заявлению Базилинского, Мещерский желает сохранить копейку до сентября, ввиду известного обязательства перед учителями, чтоб служили до сентября.

5 апреля.

Посещено Сормово по случаю забастовки.

1. Котельный цех. Подручные с утра волновались и в 7½ ч. окончательно бросили работу. Требовали прибавки, т. е. дать всем высший предел жалования и делить приработок пропорционально поденной плате. В прибавке отказано, кроме молотобойцев, которым всем добавлено до 70 к. В 8 ч. стали на работу и велись переговоры с депутатами. Просьба их платить за инструмент плотникам удовлетворена — в месяц плотнику 30 к. и столяру 50 к. Просили клуб для рабочих — обещано построить здание, если будет он разрешен. Если командируют на работу вне завода, чтоб не увольнять — если командировка кратковременна — да, если продолжительна — завод за собой оставляет право.

Весь день работа продолжалась.

2. Меднотрубный цех в 8 часов утра ушел весь домой. Причина: начальник цеха Тилли объяснил, что вчера вечером рабочий пришел с нарядом и депутатом и объявил ему, что гнуть 8″ трубу за

8 р. дешево, и он не желает. Предложено работать поденно, чтоб установить цену, — отказался. Тогда ему предложено было получить увольнение и принести книжку для записи. Сегодня в 8 ч. утра принес книжку и заявил, что отживать [1]) 2 недели не желает. Предложено уволиться сейчас. Попросил отпуск, вышел из конторы, и чрез минут 6 весь цех остановил работу. На вопрос о причине, отвечали: «Зачем уволили рабочего Андреянова?» Объяснено, но на работу не стали. Начальник цеха пошел доложить директору, а когда возвратился, то цех уже был пустой.

3) Железо-передельный цех. 2-я смена, — когда директор в 3 часа дня обсуждал требования рабочих среднесортного стана, цех вдруг забастовал. На мой вопрос о причине отвечали, что требуют немедленного ответа на требования, заявленные в конце февраля. Другие, что и работали бы, да гайки летят. Заявили, что работать не будут, а завтра явятся все 3 смены и потребуют от директора ответа, а до ответа работать не будут. В 7½ часов вечера ушли домой.

6 апреля.

В железо-передельном цехе вышли все 3 смены. Заведывающий цехом объявил, что директор категорически заявил, что не станет с ними говорить до тех пор, пока не станут на работу. Стали выбирать депутатов для переговоров по специальностям и в 7 часов утра на работу стали. Таким образом не работали:

2 смена с 3 часов дня до 10 часов вечера
3 смена с 10 часов вечера до 6½ часов утра } 5 апреля.
1 смена с 6½ часов утра да 7 часов утра — 6 апреля.

Меднотрубный цех.

Цех вышел в 6½ часов утра, но к работе не приступал, заявил, что желает говорить с директором. В 8 часов утра прибыл директор, и депутаты представили ему письменно требования:

1) Признать право участия выборных в установлении расценок совместно с администрацией.
2) Признать право за мастеровым регулирования жалованья.
3) Заплатить за прогульное время.

Из объяснений выяснилось, что

1) Бросили работу потому, что поведение заведывающего сочли оскорбительным: он вышел к цеху и, когда его спросили: «Зачем увольняете?» отвечал, что его уволит и других 20, а то и всех, кто не будет исполнять законных требований.

2) Что цен зря они не говорят, и потому такая цена и должна быть принята.

3) Андреянову Тилле точно не объяснил, что при поденной плате ему будет положен настоящий процент.

Директор признал: а) что для установления цен они будут приглашаться, б) что согласен оставить Андреянова на работе, если он будет исполнять работу, но за прогул не уплатит. Долго цех волновался и в 10 часов приступил к работе, но кто-то крикнул: «Не сметь работать» — все бросили. Депутаты зашептали: «Один там подлец все мешает». Чрез ½ часа стали на работу, когда из разговоров со мной

[1]) Отработать.

как бы убедились, что требование неосновательно — их не выгоняли, сами ушли.

13 апреля.

Сормово. Совершено 4 засвидетельствования соглашения о вознаграждении за увечье.

22 апреля.

Сормово. Узнал: 20 апреля на железнодорожном мосту чрез речку Ливнуху и около, от вокзала с ½ версты, после обеда, часов в 5—6, собралась толпа человек 2 000—3 000. Катающиеся в лодках у моста из нескольких лодок сошли на насыпь; один из них стал говорить речь. Так как толпа мешала маневрированию поездов, то заведующий железной дорогой просил полицию устранить публику. Явился исправник и 4 конных; публика не расходилась, и речи политического содержания продолжались. Говорят, исправник выстрелил первый, в ответ послышалась стрельба. Подошедшие в подкрепление городовые открыли стрельбу. Было выстрелов 60. В конце концов, была публика от насыпи отогнана, а оратор с единомышленниками ушли в лодке. Чрез час все кончилось. Двое было арестовано, но, по распоряжению начальника охранного отделения, выпущены (узнать фамилии).

Вчера около 1 часу у пристани легкого пароходства каталось много публики. На двух больших лодках публика каталась с красными флагами и песнями. Полиция стояла на берегу. Губернатор прислал баркас ловить демонстрантов. Прислано в село Сормово 15 казаков для порядку.

30 апреля.

Сормово. Дело ограничилось выдачей пособий рабочим и...[1]) прав и обязанностей относительно вознаграждения за увечье[2]) Петра Григорьевича Козулина.

Количество поступлений в штрафной капитал уменьшается до ничтожности:

В марте поступило 143 р.

В апреле » 11 р. 50 к., выдано же пособий в апреле 285 рублей.

Послано 30 апреля 1905 г., за № 4103, директором завода заявление в Нижегородскую сберегательную кассу о выдаче 500 рублей с разменом соответственно количества ренты. Заявление подписано мною за № 181, с приложением казенной печати.

Сообщено, что 28 числа на Дарьинском мосту около 8½ часов вечера образовалась толпа до 2 000—3 000 человек. Говорили речи несколько ораторов. Разъяснялось современное положение, что сделано правительством с Финляндией, Польшей и проч. Приглашались рабочие являться на собрание с оружием. После речей толпа направилась к главной улице с пением марсельезы и еще одной какой-то песни. Конная полиция пыталась остановить толпу, но была встречена залпами из револьверов. Услышав выстрелы, полиция бросилась спасаться и на бегу отстреливалась. Ранено 5 человек, трое тяжело: из раненых двое рабочих завода. К 9½ часам толпа разошлась.

[1]) Одно слово не разобрано.
[2]) Во время работы на заводе.

Вчера, по слухам, тоже была сходка рабочих в конце села, где приглашались рабочие запасаться оружием.

В малярном цеху не выставлены расценки, засвидетельствованные еще... [1]).

Около 6 часов вечера тоже 1 мая [2]) директор завода по телефону сообщил, что исправник Косткин обратился к губернатору с требованием прислать в Сормово войска, так как на улицах Сормова собралась большая толпа рабочих и обывателей.

По мнению директора, требование войска не вызывается необходимостью, так как толпа ведет себя мирно: в настоящее время войска садятся на пароход для отправления в Сормово.

Тотчас сообщено мною о том же старшему фабричному инспектору, и я уехал на пристань. На пристани сошлись со старшим фабричным инспектором и вместе отправились на пароходе финляндского общества в Сормово. Войска на 2-х пароходах в количестве 5-ти рот шли за нами в расстоянии около 3 верст, а затем расстояние было не более 200 саженей. Мы высадились на пристани пароходства, а пароходы с войсками уплыли дальше в затон и высадились у судостроительной верфи. Подойдя к воротам железнодорожного пути, мы застали небольшую толпу пассажиров и гуляющих, которых сторож не пропускал через шлагбаум, запирающий ход на дорогу в Сормово, останавливая ее (толпу) словами, что «там беспорядки». Нам заявил сторож: «Не ходите в завод, там громят». Пройдя железнодорожный путь до поворота к конторе, услыхали шум и крики голосов; минут через пять после этого подошли к главному входу в контору и увидели следующее: пред входом в завод стоит толпа людей человек 30, из которых некоторые с обломками досок в руках и криком, угрозами и потряханием досок препятствуют находящейся за воротами толпе проникнуть в завод. Толпа снаружи кричит и чем-то старается разбить ворота, ведущие в завод. По истечении некоторого времени толпа защитников начала редеть, и уговоры инженера Заварицкого и заведывающего магазином Матвеева перестали оказывать действие. Мы тогда сказали защитникам, что скоро будут войска и им немного только надо постараться не пустить толпу в завод. Поддержка оказала действие, и защитников прибавилось человек до 40. Большие толпы рабочих стояли у цехов и в защите активного участия не принимали. К концу защитники так воодушевились, что пытались отворить ворота и ударить на нападающих, но я отговорил их это делать, чтоб не смешаться с толпой и не попасть невинно под ответственность. Минут чрез 20 после нашего прихода к воротам послышался барабанный бой, и отряд солдат с губернатором впереди прошел через главные ворота наружу завода. Нападение прекратилось, как только был услышан бой барабанов. Полицейских чинов в ограде завода при защитниках не было, за исключением какого-то маленького роста урядника, который старался, но без видимого успеха, воодушевить толпу защитников. Разгром продолжался ½ часа.

Зиновьев (служащий) и др. служащие, бывшие очевидцами, объяснили, что от церкви к заводу шла толпа человек 15 подростков и несколько взрослых и несла на палке красный платок; по другой же

[1]) В подлиннике запись не закончена.
[2]) Начало первомайских записей в дневнике отсутствует.

стороне улицы шла толпа любопытных, в которой были женщины и дети. Нападение на проход в завод было, повидимому, случайно: начали бить окна в конторе и у пристава подростки. Разбитие окон производилось номерными бляхами, которые были взяты из контрольной комнаты у ворот, куда забрались нападавшие, после разбития окна с улицы. В одной комнате конторы разбросала и порвала толпа неважные бумаги. В комнате пристава также порваны некоторые бумаги. По рассказам очевидцев, упомянутая толпа, подойдя к заводским воротам, стояла в нерешительности, как бы не зная, что делать. С пристани в это время несли икону в церковь в сопровождении священника. Когда икона была пронесена, вслед ей некоторые из толпы бросили камни и произносили сквернословия. Тут находившийся десятский, упрекнувший хулителей святыни в кощунстве, был избит.

По рассказу Удовиченко, один из толпы подошел к нему и сначала спросил, законно ли их сборище, и затем попросил папироску. На предложение кого-то бить окна был слышен голос, чтоб этого не делать. Вскоре был услышан звон разбиваемых стекол: человек 8 из толпы откуда-то добыли толстую доску и ею, как тараном, начали разбивать ворота, а также пытались ею, как рычагом, поднять ворота с петель. В толпе слышались слова: «Долой монархию» и «Давайте революцию». О другой толпе, собравшейся на улицах Сормова, достоверного известно мало. Очевидец, инженер Заварицкий, проезжавший по Сормову часов в 7 вечера, говорил, что улицу запрудила толпа рабочих человек 300, любопытных же было две-три тысячи. Проехать ему по этой улице не удалось и, что делалось в толпе, не узнал.

3 мая.

1) Вчера часов около 5 минут 7-го пред конторой собралась толпа человек 250, потребовала директора и заявила, что в настоящее время народная столовая для обедов закрыта, в ней помещены казаки, присланные для их усмирения. Так как столовая выстроена на их деньги, то они требуют из столовой казаков убрать и открыть действия столовой. Директор обещал их желание исполнить.

2) В октябре 29 числа 1904 г. на работе моста чрез Самарку в Самаре подломились мостки, и рабочие в числе 9 человек упали, получив увечья,—Федор Григорьев Секлетеин умер, и др. До настоящего времени о них не присланы заявления о несчастных случаях, даже по форме 1-й.

3) В малярном цеху до настоящего времени не выставлены расценки, засвидетельствованные 2 апреля.

13 мая.

Сормово. Рабочий Николай Жарков жаловался, что Мирошниченко (вагонно-товарный цех) больно лют — объяснений не допускает. Жарков повздорил с товарищем, тот пожаловался, и его рассчитывают. Вся артель находит, что Жарков не виноват, но Мирошниченко неумолим.

Жарков — депутат и его увольняют, товарища же оставляют на работе.

Около 2½ часов дня возле железо-передельного цеха...[1]) Смена человек 250 предъявила требование не рассчитывать 13 человек, ко-

[1]) Одно слово не разобрано.

торым заявлен расчет сегодня: Трусов Иван, Самарин Василий, Глазунов Василий, Ерофеев Петр, Удалов Иван, Трошин Василий, Ковалев Никанор, Соколов Николай, Головкин Александр, Федоров Константин, Евдокимов Иван, Перепелкин Михаил, Иванчиков Михаил. Рабочие рассчитываются, по мнению администрации, за неимением работы, — по мнению рабочих, потому, что они отказались работать сверхурочно в воскресенье 8 апреля, потребовав двойную плату, а когда не дали, ушли. Зам. директора обещал рабочим найти места в других цехах втечении 2 недель, а в это время они будут или работать или ждать дома, если работы не будет.

Рабочие бросились в электрическую станцию и потребовали остановить машины, за исключением одной, чтоб печи не застыли, так что все моторы стали, и почти весь завод стал. Во время переговоров рабочие заявляли, что теперь не те времена, чтоб вышвыривать рабочих по капризу — в других цехах работа есть, и должны переводить на работу в другие цеха за недостатком работы, согласно постановления на общем совещании директора завода с депутатами в марте. После переговоров начальника цеха Н. Ф...[1]) с заместителем директора Заварицким рабочим объявлено, что 4-х человек сейчас переводят на работу в другой цех, остальные втечении 2 недель. Через 20 минут — ½ часа работы везде возобновились.

Всех слесарей 49 и масленщиков 10 человек, из них подростков 20 — они и остановили работу, так что цех не работал вынужденно. Всего бастовало собственно 59 человек, из них подростков человек 30.

16 мая.

Сормово — по случаю забастовки.

1) Мостовой цех прекратил работу в 8 часов утра; требования заявляли: 1) чернорабочие о повышении поденной платы с 55 до 60 коп., 2) разметчики по шаблонам о введении расценки. Отказано и обещано только выполнить прежнее постановление: чернорабочим прибавлять до 60 к. чрез год и тем из них, которые работают в подручных, чрез 6 месяцев. Кроме того, чернорабочим гарантируется по наряду 15% приработка с записью в наряд, каковой работы хватит до октября. Стали на работу в 1½ часа дня. Забастовка продолжалась с 8 до 12 час. дня.

2) В 4 часа забастовал швеллерный цех — клепальщики и их подручные потребовали: 1) выдачи наряда на дополнительную работу на клепку казенных цистерн, где приходится ставить 40 лишних заклепок, а дают цену 3 р. 20 коп., как за обыкновенную цистерну. Цены не знают, хотя работают с апреля и заклепали 5 рам. 2) Тормозная платформа имеет больше заклепок на 32 штуки обыкновенной; просят прибавить цену. 3) Тяжело вытаскивать готовые рамы, прежде складывали тут же, когда работы было мало, теперь стало тесно в сарае, и много теряют времени на уборку их. 4) Тоже приходится таскать тяжелый материал самим. Заведующий: 1) прибавил на цистерну 80 коп., 2) расценку на тормозную раму обещал пересмотреть; 3) и 4) будут тяжелые вещи и рамы выгонять рабочие Мазуринской артели. Рабочие обещали стать на работу в 6½ часов утра 17 мая. В 6 часов разошлись.

[1]) Так в подлиннике.

Число рабочих бастовавших:

Мостовой цех.

Мальчиков 29, обрезчиков 5, слесарей 6, болторез 1, шорник 1, наметчиков 4, чернорабочих 110, подручных 32, строгальщик 1, старших рабочих 2, плотников 7, прессовщиков 9, молотобойцев 35, ...[1]) 4, маляров 5, кузнецов 3, клепальщиков 11, правщиков 3, точильщик планок 1, сверловщиков 18, держальщиков 8, рубщиков 11, сборщиков 20, токарей 2, прочих 2, — всего 330 человек, из коих подростков 29 человек.

Швеллерный цех.

Клепальщиков 29, подручных 29, держальщиков 29, подавальщиков 29, — всего 116 человек, из коих подростков 57 человек.

18 мая.

Болтовый цех.

Прекратили работу в 9 часов утра, в 10 часов стали опять на работу. Требовали введения обещанной увеличенной расценки, выработанной совместно с рабочими в апреле (13 числа). Обещано ввести с 1 июня.

Чернорабочие тоже требовали увеличения поденного жалованья — получают 55—60—65 к., с премией по 4 коп. с пуда в артели со слесарями. Этим отказано.

Вагонная кузница.

Кузнецы прекратили работу в 7½ часов. Требовали увеличения цен вещей, работаемых по нарядам, заявив, что заработали в апреле меньше 2 рублей, а мартом довольны. В 9½ часов ушли из цеха, часть домой, а часть побежала в паровозную кузницу и остановила печи. Через ½ часа, в 10 часов, работа в паровозной кузнице возобновилась.

В вагонной кузнице бастуют исключительно кузнецы, около 100 человек.

После обеда с гудка вышло в вагонную кузницу не больше ⅕ части, все больше молотобойцы и очень мало кузнецов. При попытке со стороны инженера Заварицкого вступить с ними в переговоры, кузнецы сорвались[2]), а остальные, поговорив о разных посторонних вопросах — зачем полиция является, чуть только остановится работа, разошлись к 3 часам дня.

19 мая.

По телефону инженер Заварицкий сообщил, что цех с утра не приступал к работе. Просили прибавки, чтоб заработок был 2 рубля, а хоть все расценки уничтожь. После требований заявили, что посоветуются, и ушли в 8½ часов из цеха. Часть молотобойцев попросилась на другие работы и осталась на работе.

20 мая.

Сормово. В 8 часов утра вагонно-кузнечный цех разошелся, не пожелав выбрать депутатов для переговоров, как было предложено сде-

[1]) Одно слово не разобрано.
[2]) Так в подлиннике.

лать Заварицким. Требовали, главным образом, пересмотреть наряды и прибавить.

После обеда с 5½ часов началась выдача получки. Явилось много пьяных. Во время разговоров с отдельными кучками не удалось выяснить определенных требований. Обещали завтра стать на работу с утра и выбрать депутатов. Слышались жалобы, что мозолит глаза полиция. Работали весь день 207 человек.

21 мая.

С утра не стали на работу, как обещали, и часов в 8 разошлись; оставалось на работе человек 200.

22 мая в воскресенье директор вел переговоры с кузнецами: решено прибавить на вагонные части в расценке от 6 до 10% и представить на засвидетельствование. Что касается вещей, не входящих в расценку, при недовольстве кузнеца ценой, заявлять выборному, который и переговаривается с начальником цеха о цене. На этом покончено, с понедельника станут на работу.

21 мая была попытка вызвать забастовку в других цехах, с каковой целью бегала толпа из цеха в цех, но успеха пока попытка не имела.

23 мая.

Сормово. Директор вел переговоры с кузнецами в воскресенье — решено сдалать некоторые прибавки к расценкам. С утра цех в понедельник стал на работу. В 10 часов утра машинисты на молотах заявили, что они в числе 24 человек не бастовали, и требуют записи 4 дней — среды, четверга, пятницы и субботы. Директор обещал возместить им убытки от простоя так, что за сверхурочную работу будет вписывать дни вдвое на ремонте, например, за 2 ч. — день (чтоб в 4 раза покрыть убыток), но прямо не запишет, — что только этим путем возместит простой, но не иначе. То же заявили чернорабочие штамповального отдела, но выяснить, сами они ушли или их отослали, нельзя: рабочие говорят, что услали, а начальник отдела Проппер, что просил их работать, но они ушли, ссылаясь на то, что боятся работать — летят гайки; часть из них заявила, что гайки не летали, а сами ушли, и просят, нельзя ли записать простой днем. Проппер отказал.

После обеда работа везде идет нормальным порядком.

25 мая.

Сормово — по случаю забастовки.

Вчера после обеда молотобойцы паровозной кузницы потребовали делить заработок пропорционально жалованью. Заведующий обещал переговорить с директором. Доработали до свистка. 2-я смена в 6 часов вечера к работе не приступала и потребовала ответа. В требовании отказано и предложено взять расчет, сами не хотят. Простояв до 7½ часов, разошлись, выгнав рессорщиков и штамповщиков и на буферных стаканах, всего человек 45.

25-го утром сошлись молотобойцы обеих смен, работать не стали. В 7½ часов разошлись. Всех молотобойцев на обеих сменах 100 человек, по 50 на смене; кузнецов 68, всего в цеху 550 человек. Все рабочие, кроме молотобойцев, работают и настроены, видимо, мирно.

После обеда. Вышли обе смены в 2 часа, молотобойцев 100 человек и чернорабочих 25 человек. Молотобойцы требовали распределения жалования на рубль, чтоб повысить свой заработок и понизить заработок кузнецов, которые, по их мнению, слишком много получают. Помощник директора категорически отказал. Чернорабочие требовали или повысить жалованье (получают 60 коп.) или дать премию. Обещано в июне выработать. В 3 часа рабочие разошлись, остались работать только 2-я смена рабочих человека 4.

Ремонтные слесаря железо-передельного цеха стали уходить по праздникам, считая себя необязанными работать по праздникам, вопреки правилам. Состоялось соглашение: работать по праздникам и воскресным дням, с правом на 4 дня свободных; за праздники будет платиться полуторно, за 4 свободных дня тоже, если не будет соглашения на большую плату; работать, как и теперь, с 6½ часов утра до 6 часов вечера с перерывом на 1½ часа на обед.

27 мая.

Молотобойцы с утра стали на работу, ничего не говоря, и продолжают таковую. 26 мая праздновали.

28 мая.

Сормово. Засвидетельствованы соглашения и составлены акты.

В 2 часа дня, во время шабаша, пред конторой собралась толпа человек 300 молодых рабочих. Спрошенные мною рабочие ответили, что хотят потребовать принятия тех рабочих, которые до настоящего времени не приняты после августовской, прошлого года, забастовки. Два рабочих отправились к директору и принесли ответ, что директор не берет рабочих не потому, что считает оставшихся непринятыми человек 20 рабочих, а руководствуется интересами дела. Во всяком случае, чтоб ответить, почему не берет, требует представить список этих лиц. Рабочие, выслушав это заявление и выразив свое неудовольствие несколькими восклицаниями, через ½ часа разошлись.

30 мая.

Сормово — по жалобе рабочих фасонно-сталелитейного цеха на грубое обращение мастера Павла Ивановича Усова и на конторщика Телешева Василия Ивановича на неправильности в записи цен за сдельные работы, с требованием увольнения их из цеха.

31 мая.

Сормово — по случаю забастовки чугунно-литейного и медно-литейного цеха, всего 600 человек.

1) Утром рабочие обратились к начальнику цеха за разрешением собраться на 1½ часа о своих делах. Проговорив до 8 часов, на работу не стали, а мастера, приглашавшего их на работу, прогнали и разошлись; после обеда на работу не явились совсем.

2) После обеда мостовой цех на работу не стал и не заявлял никаких[1]) общих требований. При попытке выяснить причину было высказано недовольство сборщиками (18 человек) на то, что им поставлены в наряд расценки сборки моста, чего раньше не делалось, а также

[1]) В подлиннике «от каких».

сборки при строительных фермах фонаря, который к строительным фермам не относится. В 3 часа рабочие разошлись.

1 июня.

Сормово — по случаю забастовки.

1) Мостовой цех с утра собрался, но к работе не приступал, потребовал директора, который через начальника цеха отказался разговаривать со всеми. Помощник директора Заварицкий им подтвердил, что никаких уступок не будет сделано и, если не станут на работу, цех будет закрыт. В 10 часов мне вручили письменное изложение требований с припиской, что, если не будет сделано прибавки, объявляют забастовку. Я обещал передать директору. В 11 часов разошлись.

2) Чугунно- и медно-литейный цех с утра не работает. Рабочие требуют директора. Заварицкому объяснили, что, раз его, директора, требуют 700 человек, то он обязан явиться; находят объявление о расчете за самовольный уход всех поступком некорректным.

Объявлено, что директор разговаривать не будет. Просидели в цеху до обеда.

После обеда. Был в чугунно-медно-механическом цеху; не работают. Собрались в круг, рабочие объяснили: 1-й оратор — что главное требование вентиляции и сметание пыли со стронил и...[1]) два раза в год и побелка. Директор обещал, но ничего не делает. 2-й оратор — что это второстепенное; главное — прибавка жалования и увеличение расценок. Выработали требование, изложили письменно и ждут для вручения директора. Требуют повышения расценок и поденного жалованья. В 5 часов цех разошелся, не приступив к работе.

Мостовой цех. После обеда на работу не стали. Говорили с директором. В прибавке отказано — повысить всем поденное жалование и расценки.

В 6 часов с гудком цех разошелся, не приступив к работе.

2 июня.

Сормово — по случаю забастовки.

1) После обеда забастовал швеллерный цех 260 человек из-за кольщиков, которые потребовали повышения платы и по их же требованию были немедленно рассчитаны.

2) Цеха чугунно- и медно-литейный и мостовой весь день не работали.

3) В 6 часов собралась толпа человек 1 500 между механическим цехом и чугунно-литейным из рабочих разных цехов.

Я был в толпе и Заварицкий. Один из ораторов — Баранов (болтового цеха) — заявил, что «фабричный инспектор при всем желании прибавить не может, нам надо такого инспектора, который поддерживал бы наши интересы, поэтому, товарищи, плюнем на фабричную инспекцию».

7 июня.

Сормово — по случаю забастовки.

1) Швеллерный цех весь день не работал. До обеда находился в цеху, после обеда совсем не вышел и собрался, по слухам, в лесу.

---

[1]) Одно слово не разобрано.

2) Цеха чугунно-литейный и мостовой рассчитаны.

3) Директор предполагает образовать в чугунно-литейном цеху артель из надежных людей и только по их рекомендации выбирать членов артелей, для чего поручил мастеру Острину пригласить человек 8 для переговоров.

4) Собрание церковно-приходского попечительства... [1]) состоялось в церкви. Председательствовал священник Орловский. Сразу же раздались крики: «Что за председатель длинноволосый! Долой попа! Соберемся на улице для обсуждения своих дел!» Все разошлись, обсуждали свои дела в народной столовой. Решено пригласить из Петербурга членов Педагогического общества для выработки лучшего типа школы. Был возбужден вопрос о праве собственности на здание школы, но как решен — неизвестно. Директор сказал, что будет выставлено с благословения архиерея объявление о прекращении деятельности церковно-приходского попечительства.

8 июня.

Швеллерный цех не работает, утром вышло человек 30, но не работали; после обеда начальник цеха, по распоряжению директора, послал за несколькими рабочими потоворить, которым было объявлено, что некоторым категориям добавляется 15—50% к расценкам. Разошлись в предположении 9 июня стать на работу с утра.

Директор вел переговоры с представителями чугунно-литейного цеха до 8 часов вечера.

9 июня.

Швеллерный цех на работу не вышел. Выставлено объявление об увольнении и расчете в субботу 11 июня.

С чугунно-литейным цехом переговоры окончились неудачей — представители отказались образовать артели и приступить к работе.

10 июня.

Сормово — по жалобе рабочих:

На самовольное изменение условий найма конторою в а) швеллерном цеху: Придесяцов Василий, № 11130, нанят сборщиком; получает 80 к., вместо прибавки надписали на книжке «помощник» и прибавки не сделали; б) Соловьев Яков, № 11007.

22 июня.

Сормово. Работа производится во всех цехах, за исключением мостового и швеллерного.

Директор завода сообщил: нанято в швеллерный цех 19 человек, которые вчера, 21-го, с утра работали до шабаша. При выходе из завода эти рабочие были избиты прежними рабочими швеллерного цеха. Сегодня с утра эти 19 человек отказывались стать на работу из боязни, но были уговорены и стали под охраной полиции (12 человек). Около $7^3/_4$ часа утра к швеллерному цеху стали собираться из разных цехов рабочие; собралось до 300 человек, больше молодежи. Потребовали прекращения работы, что и было исполнено, и 19 человек ушли из завода. Начальник цеха Юшков решил заняться подсчетом мате-

[1]) Пропуск в подлиннике.

риала цеха и стал с магазинерами его перекладывать. Стук и шум при этой работе были, очевидно, приняты за продолжение работ, и формовщики фасонно-сталелитейного цеха, в числе около 70 человек, бросили работу в цеху и отправились помешать работать. Не застав рабочих, разогнали полицию и чрез ½ часа, в 9 часов, стали опять на свою работу.

25 июня.

Сормово. Вчера с обеда забастовали рабочие Мазуринской артели — 150 человек, работающих в лесопилке по выноске стружки, опилок, погрузчиков...[1]) и проч. Потребовали поденное жалованье добавить до 80 к. Отказано. В 4 часа пополудни разошлись. Сегодня утром, собравшись в 6 часов, пытались разогнать тех 150 рабочих Мазуринской артели, которые работают по магазинам и др. цехам. Полиция выгеснила их с судостроительного цеха, куда они направились в 11 часов. Всем объявлен расчет. Взяли расчет 24 человека, остальные не приходят.

Все рабочие забастовавшие не снабжены расчетными книжками и на учете в заводе не значатся.

27 июня.

Сормово.

1) Директор завода заявил, что посылал несколько раз к забастовщикам рабочим швеллерного цеха прислать депутатов для переговоров, но безрезультатно — не идут. Ввиду того, что вследствие помехи, производимой рабочими других цехов, швеллерный цех нельзя пустить в ход, предполагает 30 июня вывесить объявление, что, если швеллерному цеху не будет позволено рабочими других цехов работать, закроет весь завод.

2) В обеденную пору на помощника начальника вагонно-товарного цеха Мирошниченко напали трое рабочих около вокзала в Сормове и сильно избили — один спросил, когда начнется работа в швеллерном цеху, и тем привлек его внимание, а двое поленом и куском доски стали наносить удары до потери сознания. Тут же стоял городовой, но помощи не оказал.

1 июля.

Сормово. Забастовка.

Меднотрубный цех вышел 1 июля на работу во-время, но к работе не приступал, требуя прибавки медникам всем огульно 15 коп. к поденному жалованью каждого (90 человек) и подручным (90 человек), прослужившим 2 года, назначение поденного 80, а меньше 2 лет — 70 коп. (теперь минимум 60 и до 80 к. в зависимости от индивидуальных качеств). С 1 июля обещана прибавка со стороны завода и выполнена ассигнованием определенных сумм по артелям: 1) пароходной на 80 человек 3 р. 10 к., 2) ресиверной 18 человек 70 коп., 3) мелкие трубы 40 человек 1 р. 10 к. в день с тем, чтоб артели сами распределили между собой, кто достоин. 2 группы согласились, а на мелких трубах нет, и эта группа повлияла на остальных. Весь день цех на работу не выходил, уйдя из цеха около 12 часов.

[1]) Одно слово не разобрано.

2 июля.

Сормово — по случаю забастовки.

1) Меднотрубный цех утром вышел частью, получил получку и ушел домой, не работав.

2) Было в здании паровозо-механического цеха торжество по случаю выпуска 1 000-го паровоза. Участвовали цеха: 1) паровозо-механический, 2) паровозо-сборочный, 3) арматурный, 4) паровозо-котельный, 5) паровозо-кузнечный, 6) малярный, 7) полускатный. Отслужена в 12 ч. панихида по Богданове и Фоссе. Затем молебен. При пении «многая лета» раздался голос: «Товарищи, отслужим панихиду по убитым товарищам». Было требование поддержано, и панихида отслужена по «убиенным». Когда последнее слово провозгласил диакон и хор запел «Вечную память», раздался громкий вопрос: «За что убиенным?» Флаг, на котором была надпись «Боже, царя храни», во время торжеств сорван. Отношение рабочих к религиозной стороне совершенно отрицательное. По окончании панихиды рабочие разошлись сначала по цехам, а потом и по домам. Больше оставался паровозо-механический цех, говорились речи. Потом дано Соколовым 20 р. на чай, разошлись. Пред молебном рабочие депутаты просили, чтоб не было полиции, иначе за порядок не ручаются, и никого из полицейских не было.

3) Приходили два депутата от швеллерщиков и просили прибавить плату на вагонные детали, которые работали в механической мастерской, в размере ½ разницы между механическими ценами и платимыми, а именно:

№ детали	ц. механ.	ц. швелл.
89 направление	4 коп.	2 коп.
942 тяга	4 »	2½ »
894 шарнир.	4 »	2½ »
97 подвеска	3 »	3 »
302 скоба	3½ »	2 »
895 тяга 6 дыр	10 »	5 »
301 —	1 »	½ »

Директор обещал прибавить, и рабочие обещали выйти в понедельник.

4-го с утра швеллерный цех возобновил работу.

5 июля.

Сормово — забастовка.

1) Рабочие меднотрубного цеха в понедельник 4 июля вышли утром, но к работе не приступали. Обещано было им добавить 15 р. в день на цех... [1]) соглашению с заводоуправлением, но с тем, чтоб они работали 9 отдельными группами. Рабочие не согласились и в понедельник около 12 ч. ушли.

5 июля совсем не вышли.

2) Сорок человек чернорабочих паровозо-механического цеха с утра забастовали, требуя выдачи от завода рукавиц. Предложено выдавать деньгами в зависимости от паровоза, но не согласились.

---

[1]) Одно слово не разобрано.

3) В вагонной кузнице вчера с утра забастовали мальчики, подручные болтовщиков, требуя отчисления в свою пользу не 22, а 25% сдельного заработка. Сегодня с утра и до обеда не работают, после обеда также. Число их 20 человек.

4) Около 11 часов прекратили работу цеха: 1) паровозо-сборочный, 2) паровозо-механический, 3) полускатный, 4) паровозная кузница, 5) паровозо-котельный цех. Требовали разделить ассигнованные правлением 10 тысяч между паровозными цехами. Котельный кроме того: 1) выдавать голицы, 2) для вытирания станков — вместо тряпки давать пеньку, а для рук — концы, 3) устроить столовую в цеху для принятия пищи, 4) чернорабочим добавить до 80 к., 5) подручным котельщика не менее 1 р., 6) установить прежний комплект масленщиков в смену по 2 человека, 7) мальчикам жалованье не менее 50 коп., 8) чеканщикам с котла 145 р. (вместо 100), 9) повысить цену токарной работы: резка с 50 коп. до 1 р., отрезка с 25 до 50 коп., точка с 40 до 80 коп., сверловка с 65 до 1 р., 10) обрезка дымовых труб с 1 коп. до 1½ коп., 11) все цеха — дать получку 8 вместо 9 июля.

6 июля.

Сормово.

1) С утра забастовала вагонная кузница: требование принять мальчиков-болтовщиков. Директор обещал к 20 июля их дело пересмотреть. После обеда работа продолжалась с гудка.

2) С утра забастовали чернорабочие — 19 человек — меднолитейного цеха: требование — давать по 2½ коп. не с пуда чистого литья, а с завалки. Обещано улучшить их положение и объявить о том 14 июля. После обеда стали на работу с гудка, но в 4 часа ушли из цеха.

3) Забастовали 23 человека чернорабочих паровозо-котельного цеха. Требуют огульно добавить жалованье, чтоб был минимум 65 к. Обещано 60 — не согласились; не работали весь день и не пускали других их заменить.

4) Выставлено объявление в 9 часов утра в меднотрубном цеху об увольнении всех рабочих. Сегодня собрался весь цех и потребовал работать одной артелью, а со всем остальным согласны, т. е. на прибавку 15 р. поденного жалованья на цех, прибавку подручным до 70 и 80 к. и уплату за дни забастовки.

Заявили мне требование переговорить, а если я ничего не сделаю, то вызвать старшего фабричного инспектора. В 2 часа старший фабричный инспектор прибыл и говорил с рабочими. Требования прежние; директор отказал. Рабочие в 3 часа разошлись и стали приносить книжки для расчета. Работа все время не производилась до увольнения.

5) После обеда забастовал швеллерный цех, предъявив требование поставить рабочего обрубщика Пугина старшим. В требовании отказано.

После того стали требовать поставить его на фрезерный станок. Директор отказал и заявил депутатам, что все рабочие швеллерного цеха, если не станут на работу, будут немедленно уволены, как не работавшие до 6 дней, согласно правил внутреннего распорядка. Пугину же, как взволновавшему всех рабочих, предложено оставить завод.

Рабочие стали на работу в 5 часов, а депутаты пришли к директору просить оставить Путина на работе на его месте, и они дают ручательство держать его в должных границах. Пугин оставлен. Он был уволен за 10 дней до забастовки за дерзости и ругательства в отношении мастера. Рабочие предъявляли также требование увеличить поденное жалованье. Сказано работать, а их желания будут рассмотрены начальником цеха Юшковым.

7 июля.

1) Швеллерный цех с утра работает.

2) Чернорабочие паровозо-котельного цеха работают с утра условно до понедельника, когда им обещано дать ответ.

3) Медно-литейный цех рассчитывается.

4) Чернорабочие медно-литейного цеха собрались с утра, но к работе не приступают. Стали на работу в 4 часа дня.

5) С обеда забастовали молотобойцы 100 человек, и чернорабочие 25 человек паровозо-кузнечного цеха, требовали: молотобойцы 10 коп. прибавки, до 80 коп., и чернорабочие 5 к.

6) С утра 5 июля забастовали чернорабочие паровозо-механического и сборочного цехов 40 человек, требуя голицы и минимум 80 коп. жалованья в день. Рабочие сами не работали и не пустили до работы других — хозяйственного цеха. Работа не производилась весь день 5 июля и до 12 часов дня 6 июля.

7) В понедельник 4 июля в 2 часа дня в железо-передельном цеху забастовали 40 человек слесарей и приостановили работу во всем цеху. Требовали принять 11 слесарей, уволенных 13 июня. Обещано поместить шесть 5 июля в железо-передельном цеху, остальных втечении недели. Угрожали вывезти на тачке начальника цеха Гарновского. Во время разговора пролетела гайка. Работа возобновилась только с 6½ часов утра 5 июля.

8) 5 июля явились депутаты к директору от паровозных цехов с требованием послать от их имени телеграмму в правление о раздаче 10 000 рублей поровну между числом лиц, числившихся в цехах во время празднеств. Директор склонен раздать.

Во время моего разговора с депутатами выяснилось, что у них есть намерение часть денег собрать в их капитал, который и сейчас есть для удовлетворения различных целей. Официально кассы нельзя устроить для всех желаемых целей, лучше поэтому выдать по рукам. Когда же настанет время, что можно будет устроить кассу как следует, то для ее устройства у них свои деньги найдутся.

8 июля.

Сормово — забастовка.

1) Молотобойцы паровозной кузницы вышли, но в 8 часов ушли, не приступив к работе, а равно и чернорабочие. Кузнецы взяли отпуск до понедельника.

Остальные цеха работали, кроме меднотрубного и мостового.

2) Рабочим выдана получка сегодня. Многие рабочие, до половины, взяли отпуска, чтоб завтра на работе не быть. После обеда некоторые цеха отпуска брать не пожелали (механический), но сказали,

что не выйдут. Решено гудка не пускать 9 июля, о чем и выставлено объявление по цехам [1]).

11 июля.

Сормово.

9 июля были попытки остановить поезда, но поезда ходили с конвоем.

Рабочие собирались в лесу. Были флаги черные и красные [2]).

12 июля.

Сормово — забастовка.

1) Молотобойцы паровозной кузницы собрались, но к работе не приступали. По их желанию, я прибыл к ним в 11 часов утра. Заявили, что требуют: а) чтоб из приработка молотобойцу отчислялось из 1, 2 и 3 молотобойцев, 30, 40, 50% вместо 25, 30 и 38%, б) чтобы жалованье было 80 коп. вместо 70 коп., в) выдавались бы рукавицы. Если директор так не хочет, то, вместо всех требований, чтобы заработок делился пропорционально поденной плате, как она сейчас есть.

Директор отказал и в 12 часов выставил объявление об увольнении всех молотобойцев.

2) По рассказам, 9 июля с утра были 2 попытки остановить движение поездов группою человек 30. Поезда ходили со стражей.

Вечером в лесу за больницей было собрание рабочих. Войска (130 человек) и 75 казаков находились там же. Когда публика отделилась, то осталось человек 400, которые выбросили флаги черные и красные, пели. Часам к 12 разошлись.

13 июля.

С утра мостовой цех начал работу в полном составе.

16 июля.

Сормово. Директор объявил мне, что вынужден закрыть завод, так как постоянные забастовки и нежелание, например, сталелитейного цеха работать по воскресеньям делают производство убыточным. Так, производительность печей в сутки:

№ 1 и 2 по 550 пуд. плавки, по 3 завалки . . .	5 500 п.
№ 3, 4 по 900 п. по 3 плавки	5 400 »
№ 5 и 6 по 1 000 п. по 3 плавки	6 000 »
	16 900 п.

[1]) 9 июля — полугодовщина 9 января 1905 г.

[2]) К записи приклеена газетная вырезка следующего содержания: «Официальное сообщение. От нижегородского губернатора ген.-лейтенанта П. Ф. Унтербергера редакцией «Нижегородского листка» получено для напечатания следующее: 12 июля в 11 ч. 30 минут ночи в Сормове рядом с зданием, в котором размещена воинская часть, раздался оглушительный взрыв, а вслед затем револьверные и ружейные выстрелы. По обследовании местности нашли разорванный взрывом труп неизвестного человека, как впоследствии оказалось, служащего в сормовской лавке общества потребителей. Стоявший на посту часовой объяснил, что он увидел быстро приближавшихся двух мужчин, которых он в шагах 40—50 остановил окриком, но в это время раздался взрыв, за ним выстрелы из револьверов, на которые он ответил стрельбой. Рядом с трупом лежало два заряженных револьвера».

При выходе 75% это составит 12 000 пудов. Вследствие неработы по воскресеньям в год является недостача до 500 000 пудов стали.

18 июля.

Сормово. С утра выставлено объявление об увольнении рабочих 1 августа. Как объявление принято рабочими, пока неизвестно.

Директор завода объяснил, что сумма неоплаченных заказов достигает до 2 миллионов, и правление категорически потребовало закрытия завода.

19 июля.

1) С утра молотобойцы и кузнецы возобновили работу.

2) Котельный цех самовольно ушел домой в 2 часа дня, простояв в цеху обеденную пору.

Судостроительный и мостовой цеха тоже были обеденную пору частью в цехах, но после обеда работали до 5 часов вечера.

22 июля.

Сормово.

1) Приходили депутаты от рабочих к директору с требованием уплатить им вознаграждение с 1 по 13 августа и — когда будет выдан окончательный расчет. Обещано ускорить дело и выдать 9 августа, о чем будет объявлено в понедельник, в отказе же 1) вознаграждения с 1 по 13 отказал [1]). Я был спрошен, вправе ли они получать вознаграждение, и я объяснил, что вправе.

2) Были депутаты от медников, что станут на работу. Отказано, обещано взять по нескольку человек для окончания некоторых работ до 1 августа, ибо завод будет закрыт.

3) Было собрание рабочих в лесу вчера по поводу действий медно-трубного цеха. Собранием было объявлено депутатам, что, если они будут мешать, то собрание попросит полицию насильников вывести. Сегодня депутаты просились на работу всем цехом.

4) Предположено выдать окончательный расчет 1, 2 и 3 августа, чтоб избежать вопроса о вознаграждении за оттяжку времени.

22 июля.

Лесопильный завод А. П. Сергеева по случаю забастовки. Рабочих в числе:

Рамщиков	2
Пилоправ	1
Станочников	1
Чернорабочих	16
Итого . . .	20 ч.

Забастовали с утра, требуя убавки рабочего дня до 10 часов с $11^1/_2$.

Найдены нарушения:

1) Сверхурочным работам совершенно не ведется учет.

2) За сверхурочные работы 2 июля выдано вознаграждение рабочим, но в расчетные книжки их не вписано.

[1]) Так в подлиннике.

3) Выдаются кредитные записки в лавку Варенкина, а соответствующие суммы вписываются в расчетные книжки в выдачу. Варенкин деньги получает с Сергеева. Составлен протокол.

23 июля.

Рабочим отказано в удовлетворении их ходатайства, и они, проработав до обеда, пожелали получить расчет, что и исполнено тотчас же.

25 июля.

Завод Сергеева по жалобе рабочих Воронцова, Кучерова на неуплату за сверхурочные работы.

Рабочих:

Сменные:

Рама:		Круглая пила днем:	
Рамщик	1—1	Станочник	1
Подрамщиков . . .	2—2	Подавальщик	1
Опилочник	1—1	Сортировщиков . . .	2
Относчиков	3—3	Относчиков	3
Подвозчик	1—1		
	8—8		7

Вспомогательные рабочие:

Пилоточ	1—0	днем
Машинист	1—1	по 12 час.
Масленщик	1—1	по 12 час.
Кочегар	1—1	по 12 час.
Помощники их . .	1—1	по 12 час.

Завод П. М. Мотова (ревизия).
Завод работает в одну смену, перерабатывает черный лес.

Рабочих на 1 июня:

Рамщик . . . 1
Подрамщик . 1 — В прошлом году завод начал работу только в сентябре. Работает больше на одну раму.

Навальщик . 1
Относчик . 4
Подводчик . 1
Опилочник . 1
9 — Если работает пила (обрезка), то рама останавливается — мало пару.

Машинист . 1
Кочегар . . 1
Пилоправ . 1
3 — Вспомогательные:

25 июля.

Сормово.

1) Рабочие меднотрубного цеха записываются на работу (записано 20 человек).

2) Засвидетельствовано соглашение о вознаграждении за увечье с Жадовым.

27 июля.

Меднотрубный цех со вчерашнего дня стал на работу в числе 20, сегодня стало еще человек 30.

16 августа.

Завод Сергеева.

Работу начал 30 числа, простояв с 23 по 29 включительно — 6 дней.

Работа производится в 1 смену. Уведомление о начале работ послано мне не было.

19 августа.

Сормово.

Начиная со среды, 17-го, начались ремонты в цехах.

Сталелитейный цех. В четверг начат разогрев 3 печей, сегодня, 19-го, еще 2 печи. 1-я плавка предполагается 23 августа.

Паровозо-кузнечный цех. С четверга работа гаубиц и артиллерийских снарядов, на что был заготовлен материал.

Судостроительный цех. Канонерки будут работаться.

Железо-передельный цех. Прокатка предполагается в среду, 24-го, для швеллерного цеха.

К 8 сентября предполагается развить завод полностью.

Всего сейчас работает около 1 700 человек с ремонтными рабочими.

22 августа.

Сормово.

Сталелитейный цех и фасонно-сталелитейный цех организованы, и работа началась.

При приеме рабочих в завод от них отбирается подписка, что они поступают с таким-то увечьем и претензий за него к заводу иметь не будут.

Двое рабочих мне заявляли жалобу, что боятся давать подписку, и объяснили требование таковой безнаказанной возможностью их уволить без риска уплатить за увечье.

Двое рабочих мне заявляли жалобу, что боятся давать подписку, с простым констатированием факта увечья, без добавки о неимении претензий, так как такая подписка гарантировала бы завод от предъявления претензий за увечье, полученное вне завода, и не давала бы оснований думать, что завод пользуется случаем ликвидировать несчастные случаи, бывшие в заводе до 1904 года.

В 11 часов дня рабочие сталелитейного цеха чрез депутатов благодарили Приемского за введение 3-й смены, даже в предположении, что будут меньше зарабатывать.

27 августа.

Сормово.

Поступило рабочих около 6 200 человек. На работе — днем 5 000 человек, ночью 1 000. Не работают лишь цеха ковочный и бондарный.

29 августа.

Сормово.

Директор Приемский сообщил, что в фасонно-сталелитейном цеху он выдает расчетные книжки на 1 месяц, мотивируя такую меру неуверенностью, что рабочие будут спокойно работать, чтоб рассчитать, причем думает, что и в этом случае может быть применен порядок предупреждения за две недели, если до срока останется более 2 недель. После моего указания на ошибочность такого расчета и непопулярность найма на срок неопределенный среди рабочих от предполагаемой меры отказался.

Работа производится очень хорошо.

29 августа.

Посещен завод Крюкова и Лапичева по жалобе.

Завод бездействует за неимением работы с 27 августа. В заводе рабочих только кузнецы.

На стороне — 60 чел., в Самаре, на клепке резервуаров Нобеля (7 шт.). Просмотрена книга для записи несчастных случаев. Оказалось несчастные случаи, бывшие с рабочими в Рыбинске, в сей книге не вписаны.

Льнопрядильная фабрика в Молитовке посещена по жалобе рабочих на неправильные увольнения за прогул менее 3 дней.

1 сентября.

Молитовская фабрика.

Около 60 человек ткачей и частью ватерщиков заявили директору ряд пунктов о своих требованиях. Работа не прерывалась, так как в 1 час дня эта смена уже освободилась от работ.

1. Давать по 2 р. квартирных в месяц.
2. 8-часовой рабочий день.
3. Устроить отдельную столовую.
4. Держать в лавке доброкачественные продукты.
5. За прогул не штрафовать.
6. Отменить обыски при выходе.
7. Малолетним работать не более 6 часов.

Обещано дать ответ в понедельник 5 сентября. Работа в пятницу и субботу продолжалась.

2 сентября.

Сормово.

Вчера после обеда 1-я смена ждала, работав, 2-ю смену, чтобы вместе предъявить требования. В 3 часа заявили, что не желают работать на условиях, объявленных объявлением при найме, т. е. не желают иметь вторых подручных рабочих, а только формовщиков; при неудовлетворении требования заявляют, что не будут работать. Не работают с 2-х часов 1-го числа. Число людей: 30 формовщиков, 30 под-

ручных, 60 рабочих, в трех сменах по 40 человек. Выставлено объявление в 4 часа дня 1 сентября о прекращении с ними договора на основании статьи 104 п. 1 и выдаче расчета 3 сентября в субботу в 1½ ч. дня. При моем объяснении с рабочими выяснено, что они не желают иметь в своей среде чернорабочих, которых придется обрабатывать, ибо они ничего не умеют. Согласны работать по старой расценке и без чернорабочих.

Заводоуправление не соглашалось. Заместитель директора Тенчинский признал, что требование рабочих отчасти справедливо:

1) Дать им только в группу по одному чернорабочему и дать по 2 чернорабочих в смену возить тележку в сушку, всего 6 человек.

Мною было предложено стать на работу до понедельника, когда будет директор. Рабочие не согласились и разошлись домой, ночью не работали.

3 сентября в субботу с утра работу возобновили с 6 часов утра и работали все время на условиях, предложенных заводом.

5 сентября.

Льнопрядильная фабрика по случаю забастовки.

12 сентября.

Сормово.

1) Записано в книгу о плате в паровозо-котельном цеху по расценке за паровозные топочные рамы.

2) Записано о взимании гербового сбора, если расписки в получении пособий выдаются на отдельных листах.

3) Предложено поспешить с предоставлением расценков на постоянно изготовляемые предметы...[1]) таковых нет (движение паровозов).

19 сентября.

Сормово.

1) Представлено мне прошение о пособии из штрафного капитала с надписью заводского врача, что больному необходимо ехать для лечения в Казань, на что и испрашивается пособие. Разъяснено, что, раз врач признает необходимым больному ехать в Казань, то поездка и расходы по лечению лежат на обязанности завода.

2) В вагонно-товарном цеху развешены расценки...[2]) рабочие на работу после забастовки, не засвидетельствованные фабричной инспекцией. Записано о необходимости представить их на засвидетельствование.

23 сентября.

Сормово.

Не представлены до настоящего времени расценки по мостовому цеху на засвидетельствование, хотя о представлении таковых 16 числа директор дал письменное обещание старшему фабричному инспектору.

---

[1]) Одно слово не разобрано.
[2]) Неразборчиво.

27 сентября.

Сормово — по случаю забастовки в судостроительном цеху.

Инженер Тенчинский объяснил: в 3 часа 800 человек прекратили работу и жаловались:

а) на переписку без их ведома срока найма до 20 декабря, когда им желательно быть на сроке неопределенном, как везде в заводе;

б) на уплату за многие изделия не по объявленной расценке;

в) на недоступность начальника цеха Васильева;

г) на увольнение некоторых старых рабочих заслуженных и взятие на их место новых.

Прибыл в 6 часов, когда рабочие уже расходились. Заявили жалобу по пунктам «а» и «б». Оставил 4 человека для выяснения дела, остальных просил итти домой. Тотчас разошлись. Объявил рабочим в 6½ часов, что будут наняты на срок неопределенный и уплачено по расценкам. Обещали стать на работу. Тенчинский объяснил, что заказов нет, и к 20 декабря все равно рабочие будут уволены. Рабочие с этим согласились, но чтобы срок был неопределенный.

28 сентября.

С утра к работе не приступали. После согласия на срок неопределенный требовали увеличения расценок. Сначала Тенчинский отказал. Около 12 часов прибыл начальник цеха Васильев, пообещал вместе с рабочими цены пересмотреть и при участии инженера Некрасова. Рабочие разошлись и обещали 29 сентября стать на работу.

Расценки засвидетельствованные сняты со своих мест, платится за колку дыр по 1 р. 40 к., за...[1]) 80 к. с 1 000, а по расценке № 193 полагается 1 р. 45 коп. и 1 р. 50. Выставлены незасвидетельствованные расценки с ценами на эти работы 1 р. 70 коп. и 1 р. 10 к.—полный кавардак. Составлен протокол о невыставлении расценок.

30 сентября.

Льнопрядильная фабрика по жалобе рабочих. Замечено:

1) не висит на фабрике мое объявление о приемных днях, а висит Дегтярева;

2) в чесальной и отделении гекль-машин отсутствие вентиляции — обилие пыли;

3) в книге для записи штрафов не отмечаются точно нарушения рабочих оштрафованных;

4) с 14 августа книга для записи сверхурочных работ не ведется, хотя работы производятся все время.

4 октября.

Сормово — для составления актов и соглашений по несчастным случаям:

1) Акт с И. С. Митрофановым.
2) Соглашение с А. С. Гуляевым.
3) То же с А. И. Гречиным.
4) Акт с Н. В. Букановым.
5) То же с В. И. Здобновым.
6) Соглашение с И. М. Памятновым.

---

[1]) Одно слово не разобрано.

7 октября.

Лесопильный завод А. П. Сергеева по жалобе рабочих на неправильное увольнение.

14 октября.

Сормово.

1) За сентябрь железо-передельный цех сработал 270 тысяч пудов против обыкновенных 200—210 тысяч.

2) Паровозо-механический цех — 25 паровозов, в октябре предполагается 28, против нормы 18.

1) Записано в ревизионную книгу о недостаточном ограждении: а) пил круглых — с боков ничем не ограждены, а сверху накрываются досками, свободно положенными на ряд железных прутьев, которые не всегда кладутся; б) станок № 27 — не ограждены ремни — особенно опасно положение уборщика из станка реек.

2) Представить расценки на изготовление цистерн вагонов по цехам вагонно-товарному, швеллерному, по судостроительному и паровозо-механическому на приготовление частей движения паровозов, которые до настоящего времени не представлены.

3) В заводскую черную книгу, по словам Виноградова, записано человек 50 специально оскорбителей, воров, покушавшихся на жизнь служащих. Относительно политических убеждений никаких препятствий нет, что и было после августовской забастовки в прошлом году уничтожено.

17 октября.

Сормово.

В пятницу 14 октября после свистка в 6 часов собралось у арматурного цеха около 150 рабочих. Был возбужден вопрос о школах и забастовке. Когда речь началась не о школе, то стали рабочие расходиться, и чрез ½ часа все разошлись.

Ходят слухи о готовящейся забастовке. Вчера из города было приставу сообщение о начале забастовки в 9 часов утра сегодня. От исполняющего должность губернатора получено предложение при подавлении беспорядков патронов не жалеть. Вчера привезли патроны. Предложено собраний не допускать. Тенчинский передал, что говорил исправнику — полицию и войск в завод не пускать, если только будут мирные собрания. Ходят слухи о забастовке 20 и 23 октября.

19 октября.

Сормово.

Завод с 11 часов утра 18 октября прекратил работу, и рабочие разошлись. Вечером 18-го состоялся в клубе митинг, на котором решено праздновать 18, 19 и 20 октября, но электрическая станция, сталелитейный и ремонтный цеха — работать.

При посещении упомянутые работы производились. Рабочие толпами на поезде и пароходах в 12 часов отправились в Нижний Новгород, где назначен митинг.

21 октября.

Завод возобновил работу в обычное время.

21 октября.

Льнопрядильная фабрика.

С утра работа началась в обычное время после простоя с 12 час. дня 18 октября до 20 октября включительно.

Пришли посторонние рабочие, оторвали от национального флага красную полосу и удалились.

28 октября.

Сормово.

Разбросаны листки о том, что с 1 сентября рабочих заставляют производить сверхурочные работы. У директора были депутаты для переговоров о сверхурочных работах, но он отказался с ними обсуждать вопрос и предложил произвести выборы от каждой сотни по одному, и с этими депутатами он будет рассуждать.

4 ноября.

Сормово.

3 ноября около 12 часов дня рабочие вывезли на тачке заведующего центральным магазином Матвеева. Директор издал объявление-воззвание, которое, вероятно, послужит к возбуждению среди служащих, так как подозревают подстрекателей со стороны недовольных Матвеевым его подчиненных, заявлявших ранее коллективную жалобу, из коих директор двоих уволил.

Среди рабочих митинги происходят беспрестанно по разным вопросам. Решено потребовать увольнения Знаковского и Маракушина под угрозой вывоза на тачке. Завтра в 2 часа совещание выборных от рабочих по одному с каждой сотни для решения вопроса о 8-часовом рабочем дне и уничтожении сверхурочных работ.

Среди служащих митинги об устройстве союза — их до 1 000 человек. Говорят, рабочим выражено сочувствие ими за вывоз Матвеева.

7 ноября.

Сормово.

1) Забастовал вчера с утра железнодорожный отдел. Требования одежды, 8-часового дня и увеличения жалованья. Прибавка в общем выражается в размере 118 000 рублей в год.

2) Каменщики вывезли на тачке двух подрядчиков, строящих каменные здания цехов.

3) В 4 часа дня началось совещание директора завода с выборными от рабочих по поводу забастовки железнодорожников, которая грозит остановкой всего завода из-за недостатка материала. Совещание окончилось полным отказом со стороны рабочих хотя бы уступить пятачок, причем совещание обратилось в митинг с речами.

9 ноября.

Получена телеграмма правления с отказом. Заведывающие в цехах говорили речи. Большинство рабочих, повидимому, склонялось к уступке. Назначено совещание в 5 часов вечера. Рабочие изъявили желание прекратить забастовку с утра 10-го, с условием получить за забастовочные дни. Директор отказал.

9 ноября.

Завод Животовского посещен по жалобе кочегара Келейникова на неправильное увольнение и неуплату части жалованья.

Льнопрядильная фабрика с целью ревизии. Директор сообщил, что в школе происходят митинги. Был «Бебель»[1]). Говорилось, что штрафным капиталом пользуется фабрика.

Предложено директору каждое 1-е число выставлять отчет по поступлениям и пособиям.

За кардами в первом корпусе очень пыльно. Предложено пока выдать респираторы, а равно и в часальной — до постановки вентиляторов.

10 ноября.

Вечером 9-го приезжие ораторы были против уступок. Рабочие на работу не стали (железнодорожники). В 2 часа директор говорил с толпой тысяч в 6 и просил не верить «Бебелю», что он человек посторонний и не знает сормовского дела, что он сам, Приемский, «плачет кровавыми слезами» по случаю закрытия завода. «Бебель» со смехом указал на эти слезы и спросил: «А сколько, товарищи, он же получает в месяц — хороши слезы!»

11 ноября.

Сормово. Железнодорожная ветка не работает. Около 10 часов стала собираться толпа человек около 3 000 — 4 000. В толпе разметчик паровозо-механического цеха Погодин говорил речь, что Приемский врет, что получена телеграмма правления об отказе в прибавке железнодорожному цеху и закрытии завода, что все это известные штуки его, «прохвоста». Около 11½ часов собрание разошлось.

Речь Приемского рабочим 10 ноября заключалась в возражении «Бебелю», который сваливал все беды на директора за его систему запугивания рабочих и в августе и в октябре (недостаток нефти), а все с целью остановить завод под благовидным предлогом — в августе, чтоб произвести ремонт завода, а в сентябре, чтоб переменить котлы на колосники.

Вечером в 5 часов директор вызвал депутатов и показал телеграмму. Вечером предположен окончательный митинг в столовой.

12 ноября.

Около 12 ч. дня машинисты стали расшуровывать паровозы, ничего не говоря. В 2 часа 40 минут пошел 1-й поезд, и движение восстановилось. Уступок рабочим не сделано.

19 ноября.

Сормово — по случаю забастовки.

1) В швеллерном цеху забастовало 50 подростков-подавальщиков и поддувальщиков с 12 часов дня 17 ноября до 6 часов утра 19-го. Требовали повысить поденное жалованье с 35 до 40—45 коп. Уступок не сделано.

Забастовали вновь с утра во вторник 22 ноября и стали опять на работу 24-го с утра.

[1]) «Бебель» — с.-д. А. Сухов.

Требования (17 ноября):
1) Увеличить плату мальчикам
а) подавальщикам до 45 коп. } теперь 35—40.
б) поддувальщикам до 40 коп. }
2) Пополнить комплект мальчиков.
3) Выдача заводских голиц по одной паре в месяц.
1) Число всех мальчиков 50 человек.
2) Все подавальщики, они же и поддувальщики.
3) Не удовлетворено ничего.
4) Все рабочие подростки бастовали: 17 ноября ½ дня, 18-го — 1 день; 19 работали; 22-го и 23-го по 1 дню, 24-го с утра приступили к работе.

Являются требования и о прибавке жалованья такой:

	Желание:	Теперь:
Клепальщикам	1 р. 16 коп.	1 р. 10 (1 р.)
Молотобойцам	— 75 »	70 (65)
Держальщикам	— 55 »	50 (45)
Мальчикам	— 40 »	35 (30)

25 ноября.

В железо-передельном цеху вследствие уменьшения заказов в декабре и январе работы будет только ¾. Рабочие соглашаются работать 3 недели подряд и 1 неделю отдыхать.

28 ноября.

Льнопрядильная фабрика.

Осмотрено отделение гекль-машин. Два сильных вентилятора прекрасно действуют, и воздух в настоящее время чист.

Просмотрена книга, часть 1-я, для записи несчастных случаев: все совершенные соглашения и акты о несоглашениях в книгу не внесены.

Лесопильный завод Животовского.

Найдены нарушения:

1) не сообщены случаи увечий рабочих: 26 октября с Никитиным и 8 ноября с Ершевым.

2) Книги I и II совсем не ведутся.

3) Выдана рабочему Шабневу книжка старого образца без текста закона 2 июня 1903 г.

Записано в ревиз. книгу — составлен протокол.

Завод Яковлева.

Завод с места снесен и частью возобновлен по соседству. Котлы тоже сняты с места. Работа скоро не возобновится.

Общество «Ока».

Работает около 20 человек. Рабочий день уменьшен до 10 час. и в субботу кончается в 2 часа.

Правила внутреннего распорядка не согласованы с новым распределением времени.

29 ноября.

Сормово — по случаю забастовки.

В ночь с 28 на 29 ноября забастовала в 10 часов вечера 3-я смена в железо-передельном цеху на мелкосортном стане.

Требования: 1) дать приемщика, который был дан на лето; 2) прибавить одного правильщика — это требование рабочих; 3) печные № 3 требовали: увеличить плату с 100 пудов на 18%; 4) выдавать по 1 паре голиц в месяц. Отказано. Работы нет совсем для мелкосортного стана. Целый день работа не производилась всеми тремя сменами.

Рабочие все взрослые, 3 подростков, всех 42 человека. По специальностям в одной смене: сверловщиков 2 (6), вагонщиков 2 (6), мальчиков у печи 1 (3), вальцовщик 3 (9), приемщиков 2 (6), крючечник 1 (3), правильщиков 3 (9).

Рабочие приступили к работе 30 числа в 10 часов вечера.

2 декабря.

Сормово.

1) Вчера в 4 часа забастовал электрический цех и стоял до 6 часов, а с ним и почти все цеха завода. Причина — отказ директора прибавить плату, которую будто бы он обещал увеличить. Прибавить плату окончательно отказано.

2) Вчера рабочие столярного цеха выгнали заведующего цехом Ласберга с приказанием не возвращаться. Директор вывесил объявление о расчете всего цеха через 2 недели.

В том же положении мастера: 1) рессорного цеха Свистунов, 2) котельного Ляпин и 3) фасонно-сталелитейного — Усов.

9 декабря.

Сормово.

1) В железо-передельном цеху выставлено объявление, что с 23 декабря по 10 января цех будет закрыт, и желающие сохранить за собою места приглашаются заявлять о том, а не заявившие будут уволены 23-го. Предполагается уменьшение рабочих в сталелитейном, ковочном и, вероятно, в бандажном цехах.

Сегодня заявили рабочие лесопилки № 1, что согласны работать с 1 января по 2 недели в месяц, понедельно или двухнедельно меняясь. Заводоуправление соглашается на таких условиях их держать, с требованием от них подписки соответствующего содержания.

2) С 1½ до 3 часов дня сегодня пред механической мастерской состоялся митинг, собравший почти всех рабочих завода. Посторонние ораторы говорили, чтоб рабочие требовали получку золотом и готовились дать последнюю битву отживающему режиму — бастовали, как только будет сделано распоряжение. Директор дать золотом получку в субботу (завтра) обещал, за дальнейшее не ручается.

3) Депутатам, явившимся около 3 часов требовать уплату жалованья золотом, директором было поставлено на вид, что рабочие работают вяло (в декабре вместо 19 паровозов будет выпущено 12), когда хотят, уходят с работ, что при таких условиях придется закрыть завод. Депутаты ответили, что с рабочими поделать ничего не могут. Директор сообщил также, что рабочими заготовляется оружие в громадном размере — горна и точила заняты, и забирается много стали самовольно, а также переделываются напильники и проч.

20 декабря.

Сормово.

О сормовских событиях узнал следующее:

12 декабря. Понедельник. Рабочие в полном количестве собрались в 8 часов утра по гудку из электрической станции, которую взяли насилием, так как она была заперта (вышибли окно и после отворили двери), собрались, говорили речи. В 9 часов вышли. На большой дороге встретили толпу конных городовых. Пристав предложил разойтись. Раздалось несколько выстрелов со стороны рабочих и крики: «Долой полицию». Это было около 11 часов. Рабочие заняли столовую, боевая дружина расположилась у входа. Затем рабочие из столовой разошлись. В 12 часов окружившие столовую полиция и казаки стали стрелять; завязалась перестрелка. В 2 часа занявшие столовую рабочие сдались в незначительном числе.

13 декабря. Вторник. С утра постройка баррикад. В 12 часов дня в доме Чугурина убиты бомбой казак и смертельно ранены 2 городовых, в который они проникли с целью заарестовать стрелявших в них из окна и со двора. Весь день перестрелка между отдельными группами из-за домов, укромных мест и проч. Ночью из-за баррикад вылазки и стрельба.

Среда. 14 декабря. В 10 часов установлены пушки и стрельба в школу и баррикады из них; ответ дружины из двух маленьких пушек и 1 мортирки. Убит есаул и ранено 2 казака. После четырех выстрелов дружина оставила школу около 4 часов. В школе убито и ранено 12 человек. В пять часов загорелось здание народной столовой. По слухам, подожгли казаки.

Четверг. 15 декабря. С утра выставлено объявление, чтобы рабочие приносили книжки для подсчета заработка. С 8 часов утра потянулись рабочие. От главной проходной рабочих гнали казаки, били нагайками, спрашивая: «Ты за кого — за царя или нет?» При этом двое или трое рабочих были застрелены.

Пятница. 16 декабря. С утра стали собираться в главную контору служащие. В контору ворвались казаки и толчками, прикладами и угрозами стрелять всех выгнали. Директору дали пинок ногой в живот. Кулаком одному служащему казак разбил лицо, одному нанесена рана в висок. Ввиду тесноты в казарме казаки занимали помещение чертежных в старой конторе. Мацкевич объяснил по этому поводу: было условлено с властями, что рабочие будут входить в главную проходную и уходить в ворота, но власти не сделали распоряжений. Директор уклонился от всякой распорядительности и сдал охрану завода военным властям, что было ошибкой, ибо заводу никто не угрожал. Казаки безобразничали и избивали зря. Так, был убит часовщик заводский в заводе, у которого был найден револьвер.

В субботу 17 декабря убит бывший сормовский рабочий Шимборский, приведенный из своей квартиры на допрос в полицию, в заводский двор, в приемные комнаты. Выйдя из проходной на пустую улицу и поколебавшись некоторое время, пошел по Александро-Невской улице. Стоявшие у входа казаки, отпустив его на некоторое, небольшое, расстояние, послали в спину 2 выстрела и убили на месте.

18 декабря. Воскресенье. По жалобе директора, приезжал губернатор убрать казаков, которые не хотели уходить в свою казарму из старой конторы, боясь там быть взорванными. В понедельник их убрали, и стало спокойнее, и жизнь стала входить в свою колею.

21 и 22 декабря рабочие получили расчет, за исключением человек 500, которые не явились, хотя книжки и принесли или прислали. Производятся усиленные аресты — арестовано до 100 человек.

30 декабря.

По справкам оказалось убитых 23 человека, и лежит раненых в больнице 51 человек. В воскресенье 25 декабря кочегар Широков, отопляющий в подвале контору, в 7 часов вечера убит около церкви, выходя с переулка. Пуля прошла насквозь чрез легкие.

Из записной книжки архивиста

После Цусимы

(Из дневника лейт. А. С. Зарина)

Отряд крейсеров, с которым автор публикуемого ниже дневника лейт. А. С. Зарин возвращался осенью 1905 г. в Россию, находился в составе эскадры Рождественского и 14—15 мая участвовал в Цусимском бою. 15 мая, оторвавшись от главных сил эскадры, отряд крейсеров под командой контр-адмирала Энквиста повернул на юг, вначале на Шанхай, но потом изменил направление на Манилу, куда и прибыл 21 мая с целью произвести ремонт и нагрузиться углем. Однако американские власти заявили, что могут разрешить произвести ремонт лишь при условии разоружения судов до конца войны, на что Энквисту, предварительно снесшемуся с Петербургом, 26 мая пришлось согласиться. Отряд находился на Манилле до октября 1905 г., производя ремонт повреждений, полученных в Цусимском бою. По получении разрешения покинуть Манилу, отряд начал готовиться к походу в составе крейсеров «Аврора», «Олег», броненосца «Цесаревич» (находившегося в Циндао), крейсера «Дианы» и вышедшего из Владивостока крейсера «Алмаз».

15 октября 1905 г. «Аврора» и «Олег» вышли в Сайгон, куда прибыли 20 октября (2 ноября); «Диана» уже находилась в Сайгоне; 1 (14) ноября крейсер «Диана» по приказанию морского министра был отправлен самостоятельно; 6 (19) ноября в Сайгон прибыл броненосец «Цесаревич» и 10 (23) ноября отправлен также отдельно от отряда; 21 ноября (4 декабря) в Сайгон прибыл крейсер «Алмаз»; 26 ноября (9 декабря) «Олег», «Аврора» и «Алмаз» вышли из Сайгона в Коломбо, куда прибыли 4 (17) декабря; 13(26) декабря отряд вышел из Коломбо в Джибути, куда прибыл 21 декабря ст. ст.; 29 декабря ст. ст. «Алмаз» вышел отдельно от отряда и прибыл в Либаву 13(26) февраля 1906 г. «Олег» и «Аврора» вышли в Джибути 30 декабря ст. ст. и прибыли в Порт-Саид 6(19) января 1906 г.; 2 февраля (20 января) крейсера прибыли в Алжир. «Аврора» прибыла в Либаву 19 февраля (4 марта) 1906 г., а «Олег» 4(17) марта 1906 г.

Автор дневника был старшим флагофицером штаба Энквиста, т. е., по существу, правой рукой командующего отрядом. Таким образом, он не случайный наблюдатель, а человек, который по своему служебному положению был в курсе дел эскадры, знал настроения матросов и офицерства. Ценность его дневника составляет то, что он велся в 1905 году и содержит некоторый материал для уяснения вопроса, как революционное движение, охватившее Россию, отражалось на людях, находившихся далеко от родины и получавших лишь отрывочные сведения о происходивших там событиях.

Зарин — убежденный монархист. Революцию он иначе не называет, как «беспорядками»; восстание для него «мятеж», а революционно настроенные матросы — «негодяи, которым противен правильный строй жизни». В политическом отношении он полный невежда. Столкнувшись лицом к лицу с известиями о происходивших в России событиях, с наличием среди команд брожения и недовольства, он растерялся. В его воображении рисуется «легион» (!) политических партий, разобраться в которых «прямо невозможно».

То же неумение разобраться в сложившейся обстановке, ту же растерянность при получении известия о революции и в связи с наличием среди матросской массы брожения и недовольства мы видим и у других офицеров эскадры Энквиста, которые пытаются спасти свое положение списанием запасных в Россию, плаванием судов отдельно друг от друга и другими мероприятиями, направленными к подавле-

нию малейшего проявления недовольства со стороны матросов.

О степени тревожного настроения офицерства эскадры можно судить по следующей записи в историческом журнале штаба эскадры за 8 декабря 1905 г.:

«В командах замечается волнение умов, внутренние беспорядки в России отзываются на людях; случай на броненосце «Цесаревич» тоже способствовал общему брожению; замечается некоторое падение дисциплины и т. д., но все это столь неуловимо и неопределенно, что точно определить, есть ли действительное основание опасаться какой-либо вспышки, почти невозможно. Неудовольствие и нервность в командах доказываются на мелочах: ротные командиры говорят, что при раздаче жалования люди ведут себя иначе, чем делали это раньше, бросают сдачу на стол, вызывающе смотрят и т. д.».

Тяжелый переход 2-й эскадры (в состав которой входил отряд крейсеров) из России на Дальний Восток, изнурительные погрузки угля в открытом море, под палящими лучами солнца, пережитое во время Цусимского разгрома — все это не могло не оставить глубоких следов на матросах. Изнуренными прибыли матросы после Цусимского боя в Маниллу. Не блестяще выглядели они и с внешней стороны. Обмундирование износилось и представляло собою лохмотья. В своем рапорте в Главный морской штаб Энквист писал: «С трудом находили несколько пар для гребцов отправляемых на берег шлюпок, не было ни фуражек, ни сапог».

Для восстановления здоровья матросов, по соглашению с американским адмиралом и с его разрешения, ежедневно с «Авроры» и «Олега» отпускалось для прогулок на берегу 35 человек, а с «Жемчуга» 20 человек. Таким образом, одновременно на берегу было не более 55 человек. Пребывание на берегу давало матросам возможность получать сведения о происходивших в России революционных событиях. И естественно, что эти сведения возбуждали среди матросов толки, поднимали их настроение. Недаром американский адмирал Рейтер 24 июня 1905 г. просил собрать офицеров отряда на «Аврору» и, явившись туда, сообщил: что в городе циркулируют слухи относительно брожения в командах крейсеров. Контр-адмирал Энквист и его офицеры поспешили разуверить Рейтера в невозможности какой-либо опасности со стороны матросов. Американцы оказались настроенными менее оптимистически: «на всякий случай» они в тот же день переставили поближе к отряду монитор «Monadnock».

Вскоре однако офицерам отряда пришлось убедиться в том, что среди команд зреет недовольство, которое может вылиться наружу. Влияние событий, происходивших в России, привело к тому, что становилось «трудновато команду держать в строгом повиновении», как должен был признать Энквист.

Необходимость заставила офицерство обратить внимание на «политработу» среди команды. Первым пробным шагом в этом направлении была лекция лейтенанта Игнатьева 15(28) августа 1905 г. о восстании на «Потемкине». Очевидно, молчать о происходившем было нельзя, так как налицо была опасность, что заговорят сами матросы. Однако до открытых выступлений дело не доходило.

В нашем распоряжении не имеется никаких сведений о существовании среди матросов отряда какой-либо организации и революционной агитации. Вероятнее всего это объясняется довольно «разношерстным» составом команд. Не следует упускать из виду того обстоятельства, что в составе команд находился значительный процент людей, которым сразу же по приходе в Россию предстояло уволиться в запас и которые с нетерпением ждали этого момента.

Большое беспокойство в офицерах вызвала возможность встретиться с владивостокскими крейсерами, возвращавшимися в Россию под командой контр-адмирала Иессена. Дело в том, что крейсера эти вышли из Владивостока в разгар происходившего там восстания и, соприкоснувшись с командами судов отряда Энквиста, могли внести в их недовольство новый элемент своими рассказами о происходивших во Владивостоке событиях.

С матросами, призванными из запаса, которых больше всего боялись Энквист и его офицеры, поступили просто: в Сайгоне их, в количестве 133 человек матросов и 1 кондуктора, списали на пароход «Ливония» и отправили в Россию.

Отметим, что плавание судов отряда отдельно друг от друга не случайно. Дело вовсе не в тех официальных объяснениях, которые даются в рапортах Энквиста. Это система, тактика: разобщить, разъединить организацию, если она имеется, ибо по частям легче справиться.

Дневник лейтенанта Зарина, хранящийся в ЛОЦИА в фонде дневников и воспоминаний о русско-японской войне (ф. № 3465, д. № 183), представляет собой тетрадь с 34 заполненными листами с записями, веденными почти ежедневно с 2 декабря до конца декабря 1905 г., листы 1—12, 23—30—черновики

донесений в главный морской штаб о пребывании в Сайгоне и переходе из Сайгона в Джибути. Остальные листы заняты дневником.

Ф. А. Петров.

1905 год.

4 декабря.— Коломбо. Переход из Сайгона в Коломбо был очень удачный и скорый. Очистка подводной части на «Олеге» вызвала, при 12-узловом ходе, уменьшение числа оборотов на 15 против прежнего. Утром 4 декабря подошли к гавани; на рассвете нам повстречался английский крейсер «Terrible» и перед нами вошел в гавань. Все три крейсера взяли лоцманов и утром до 8 ч. вошли, — англичане прекрасно ставят, уверенно, хорошим ходом. В 8 часов утра отсалютовали нации. В гавани много коммерческих судов, в том числе «Куронія» и три военных англичанина «Renown», «Terrible» и «Sealark» — маленькая шкуна.

Приехал наш здешний вице-консул А. Н. Бурнашев, повидимому, очень бестолковый и невзрачный человек, с таинственным видом прошел к адмиралу и рассказал ему, что на «Цесаревиче», ушедшем отсюда третьего дня [1]), был открыт заговор, и зачинщики были выданы командой судовому начальству.

Когда я ездил на «Цесаревич» в Nia...[2]), с какой уверенностью говорил командир о том, что на его судне нельзя ожидать ничего плохого! Факт очень грустный. Единственное утешение то, что главари были выданы самой командой.

Консул рассказывал, как все произошло на «Цесаревиче», но не совсем ясно. По его рассказу дело было так. В один прекрасный вечер к старшему офицеру пришло несколько человек машинной команды и комендоров и сообщили, что на броненосце не все благополучно и существует заговор, и выдали 28 человек главарей. Судовое начальство поступило так: снеслись с английскими властями и, уговорившись с ними, приготовились к съемке с якоря и в самый последний момент перед уходом стали вызывать по одному выданных главарей и сажать их в частный катер; вещи их тоже положили туда. Как только катер отвалил, броненосец дал ход и ушел в Джибути, куда он должен притти около пятницы 9-го. Поступить так было решено на совете, под председательством генерал-губернатора Цейлона г-на Blake; английские войска были готовы оказать в случае нужды содействие. Англичане боялись, что броненосец в случае мятежа вернется и будет бомбардировать Коломбо [1]),— опасение, мне кажется, довольно неосновательное,— и сюда был вызван из Мадраса броненосец «Renown».

Телеграфное сообщение с Россией не установилось еще, беспорядки продолжаются. Вот новости, которые мы узнали по приходе в Коломбо,— все удручены и подавлены.

В 9½ часов утра приехал с «Renown» коммодор Durwhitt. Адмирал говорил с ним с глазу на глаз; он тоже принимал участие в совете относительно «Цесаревича», но, повидимому, от него узнать не удалось ничего.

На следующий день ездил утром с адмиралом и консулом с официальными визитами к губернатору и генералу, командующему войсками. Губернатор очень мил; нас принимали lady Blake и ее сестра, пожилые, некрасивые женщины, расспрашивали о положении в России; мы, конечно, ничего не могли сообщить нового; по разговору видно, что они считают положение критическим; ужасные испытания для самолюбия.

---

[1]) В своем рапорте в Главный морской штаб Энквист объяснял причину посылки «Цесаревича» из Сайгона 10(23) ноября 1905 г. отдельно от отряда тем, что «считал стоянку весьма нездоровой для команды и стеснительной для порта». В историческом же журнале отряда говорится, что «благодаря трехлетнему старшинству, приобретенному командой «Цесаревича» в Порт-Артуре, она поставлена в совершенно другие условия, чем команды «Авроры» и «Олега», что может отозваться на этих последних». Телеграммой в Главный морской штаб от 4 ноября 1905 г. Энквист с беспокойством сообщал о серьезном настроении «запасных» на «Авроре» и «Олеге».

[2]) Неразборчиво.

[1]) По сообщению Энквиста, на переходе Коломбо—Джибути матросами решено было завладеть броненосцем. Разрешение на списание матросов в Коломбо английские власти,— очевидно, опасавшиеся повторения истории «Потемкина» на Одесском рейде,— дали под условием, что никаких «насильственных мер» в отношении матросов принято не будет. Воспользовавшись пребыванием в Коломбо парохода «Куронія», вице-консул Бурнашев поместил на него списанных на берег 28 матросов и отправил в Россию. Военно-морским судом в России все 28 человек, за отсутствием улик, были освобождены.

6-го день именин государя. В полдень салют; англичане принимали участие; адмирал был нездоров, не присутствовал на завтраке и не говорил ничего команде; на «Олеге» Добротворский [1]) сказал большую речь, объяснял команде, что́ теперь делается в России, разницу между партиями и т. д. Офицеры говорят, что он очень толково говорил и что после этого люди с увлечением кричали «ура». Вечером бал у губернатора; мы отказались от участия, извиняясь тем, что при современном положении вещей на родине не находим возможным присутствовать на балах. Обедал на «Олеге» и выпил лишнее, дурачились и много смеялись. Не знаю,— правы ли офицеры «Олега», возлагая так много надежд на свою команду, но приятно все-таки видеть эту уверенность.

Сегодня, 7-го, с утра неприятности самого нехорошего свойства.

Добротворский прислал офицера просить, чтобы команда «Алмаза» высаживалась на разных пристанях с командой «Олега», так как есть опасение, что может произойти драка: «алмазские» ведут себя вызывающе, семафорят с полубака на «Олег»: «Беглецы, подождите, мы вас вздуем» [2]) и т. д. Последние два дня в команде «Авроры» самые зловещие признаки, к провизии придираются. Готфрид Дорн и М. Шаховской [3]) весь день шпиговали меня, стараясь внушить, что положение весьма натянутое; я и сам это вижу отлично, но, конечно, имею мало случая наблюдать команду. Некий машинист пришел сегодня к Дорну и намеками старался предупредить его об опасности и очень прозрачно говорил, что грозит особенно Эймонту [4]) и И. Это отчасти понятно. И. невозможно нервен, порой доходит до обморока, и ничего не будет удивительного, если не удастся списать его, что история выйдет как раз на этой почве. Надо принимать какие-нибудь меры, несомненно, и это первая и — очень возможно — и нужная: И. списать, а Эймонта перевести на другое судно. Трудно дать себе отчет в реальности опасности, трудно уяснить себе, что́ собственно люди хотят, а главное, невозможно принять прямых мер; все как-то неуловимо, новый фактор; мы — совершенно неподготовленный к этим вещам народ.

9 декабря.— Вчера день прошел мирно, но состояние нервов столь приподнято у всех, что спокойная жизнь прямо немыслима. Особенно расходился Дорн, который многое может испортить. Говорил со Старком [1]), спрашивал его мнение. Он трезво смотрит на вещи; говорит, что, по его мнению, в команде есть настоящее основание быть недовольными пищей, за которой недостаточно присматривают; затем он находит, что гг. офицеры слишком много говорят и слишком мало делают, например, Дорн способен 6—7 часов подряд болтать на эту тему, а жалование раздать во-время свыше его сил, книгу собственных денег вести он тоже не может сам, а дает подсчитывать фельдфебелю.

Во вчерашних вечерних газетах одна телеграмма хуже другой о положении в России; повсеместно бьют евреев, и жестокостям нет пределов; существует легион разнообразных политических партий, но понять, какая чего хочет, прямо невозможно. По всей России поголовные стачки железных дорог, всех фабрик, почты, телеграфов. Чем питается манчжурская армия, неизвестно. Обаяние государя многое сдерживает еще, но и против его особы много уже говорится. Англичане, шведы посылают в Балтийское море военные суда для защиты своих подданных, немцы двинули к границе полки,— трудно разобраться как от... [2].

15 декабря.—Третьего дня вышли из Коломбо. В воскресенье 11-го адмирал говорил с командой, объявил манифест 17 октября и объяснил положение в государстве; я слышал только первую часть его речи, меня отвлек английский офицер, приехавший с письмом от сар. Campbell, который так любезно и задушевно принимал меня накануне и говорил, что англичане, или, вернее, английские моряки, искренно и горячо сочув-

[1]) Добротворский, Леонид Федорович, капитан 1 ранга, командир крейсера «Олег».

[2]) Присоединившийся в Сайгоне к отряду крейсер «Алмаз» до этого находился во Владивостоке и вышел оттуда на соединение с отрядом Энквиста 1 ноября 1905 г., т. е. в момент происходившего там восстания. Очевидно, боязнь того, что команда «Алмаза», успевшая кое-что увидеть в России, может повлиять на команду «Олега» в нежелательном для офицерства направлении, заставила Добротворского просить о высаживании команд на разных пристанях. Название «беглецы» относится к роли крейсеров в Цусимском бою, их уходу на Манилу и разоружению там.

[3]) Лейтенанты крейсера «Аврора»: Дорн, Готфрид Рудольфович и Шаховской, Михаил Владимирович.

[4]) Эймонт, Борис Николаевич, мичман.

[1]) Старк, Георгий Карлович, лейтенант, старший минный офицер крейсера «Аврора».

[2] Не дописано.

ствуют нам в нашем трудном положении.

Речь адмирала, повидимому, имела хорошее влияние на команду, которая успокоилась, надо думать, на время; слышится по вечерам пение, а на баке даже плясали, чего не было уже пять месяцев [1]).

Выходить из Коломбо было трудно, но вышло хорошо. Ветер был довольно свежий, но к вечеру стихло, и эти два дня погода отличная. Не успевшие отговеть на прошлом переходе команды «Олега» говеют теперь. «Алмаз» держится пока на этом переходе несравненно лучше, чем на прошлом. «Олег» держится плохо, большею частью вне строя, а когда его спрашивают, отчего, он отвечает, что правит неопытный рулевой.

Погода отличная, и настроение у всех лучше, чем на якоре; адмирал чувствует себя неважно, жалуется на дурной сон и общее недомогание. Шаховской делает все, что только можно, чтобы кормить команду великолепно, может быть, и это помогает; по всем признакам заметно улучшение в настроении умов. В Коломбо встал на очередь серьезный вопрос о финансах отряда. Дело в том, что кредитивы «Олега» и «Авроры» уже разменены по всем параграфам, и почти все истрачено; к счастью, на «Алмазе» имеется второй кредитив, и можно рассчитывать на 200 000 рублей. Телеграфировали из Коломбо в счетный отдел [главного управления кораблестроения и снабжений], чтобы выслали нам в Порт-Саид новые кредитивы или переводы, но сообщение телеграфом не было еще надежно восстановлено, и нельзя ручаться, что телеграмма получена в Петербурге.

Адмирал остался на «Авроре» под давлением обстоятельств и, вероятно, останется на ней до России; в этом намерении его укрепили все мы в дни, когда так страшно нервничали. Дай-то бог, чтобы все обошлось хорошо; надежда на благоприятный исход понемногу воскресает, но не надо забывать, что малейшего случая довольно, чтобы вызвать совершенно неожиданный глупый бунт, и случая этого отнюдь не давать.

17 декабря.— Плывем довольно безмятежно, делая по 285 миль суточного плавания. Вчера Шаховской говорил мне, что он имел разговор с одним очень хорошим, образцовым матросом на тему mutiny [1]), столь теперь популярную.

Разговор носил совершенно частный характер и интересен тем, что матрос был, повидимому, совершенно откровенен. Сущность его взгляда следующая: в команде «Авроры» имеется известный процент негодяев, которым противен правильный строй жизни, и цель их просто дебош; остальная команда, можно сказать, индифферентна, но 300 человек имеют основание желать, чтобы все было спокойно, так как они кончили срок службы и, по возвращении судна в Россию, должны вернуться по домам. К сожалению, эти 300 человек, несмотря на то, что среди них очень много прекрасных, спокойных людей, представляют из себя стадо без воли, и дурной элемент в подходящую минуту может воспользоваться их пассивностью и не ошибется в расчетах. Как пример была приведена история с недостатком хлеба в Манилле: оказывается, все дело было устроено несколькими человеками, которые, узнав, что хлеба во-время не привезли, пошли по палубе и покрикивали: «Ребята, выходи во фронт, хлеба нет, живо!» и т. п. Все пошли, как бараны, и стали во фронт: рассказчик тоже был во фронте; на вахте стоял Шаховской, который, по счастью, не встравился, когда его приказание разойтись не было исполнено, и понял, что остается только как следует поставить людей. Унтер-офицеры были выведены на фланг, команда выравнена; все эти приказания исполнялись беспрекословно, — единственно, что не исполнялось, это приказание разойтись. Шаховской послал к старшему офицеру. Прохоров [2])

[1]) Возбужденное настроение, царившее среди матросов, вынудило Энквиста телеграфировать в Главный морской штаб просьбу сообщить ему о внутреннем положении в России. На телеграмме Энквиста помощником начальника Главного морского штаба была наложена резолюция: «Прошу составить ответ в успокоительном смысле и показать мне». 12 декабря 1905 г. Главный морской штаб телеграфировал Энквисту: «Иностранные газеты преувеличивают и повторяют заведомую ложь наших революционных газет. Латыши-революционеры производят беспорядки в Курляндской и Лифляндской губерниях. Туда высланы войска для усмирения. В Москве — беспорядки, подавляемые войсками. Революционерами была объявлена всеобщая забастовка, которая, повидимому, не удалась вовсе. В Петербурге жизнь течет совершенно нормально. На днях будет распубликован закон о выборах в Государственную думу.— В и р е н н у с».

[1]) «Мятеж».

[2]) Прохоров, Константин Викторович, лейт., и. д. ст. офицера на крейсере «Аврора».

вышел, и тут начался беспорядок, потому что он вышел встравленный, прикрикнул, и команда сейчас же зашумела и сплотилась друг к дружке, приняв заносчивый вид. Рассказчик признается, что, как только Прохоров прикрикнул, он как бы окаменел, и тут, что ни делай, хоть убей, из фронта бы не вышел. Все прекратилось, только когда адмирал лично приказал разойтись, прибавив, что дело будет разобрано.

Во всем этом интересно и грустно единственно то, что волей и инициативой обладает самый дурной элемент исключительно; хороший же — тряпка. Тут кроется какая-то большая причина, которая неясно вырисовывается передо мной, и говорить о ней, мне кажется, рано еще. Все эти дни перехода неимоверно ленился,— состояние такое, что ничего невозможно делать, полная апатия и физическая усталость; не дай бог долго находиться в таком состоянии, это слишком расслабляет волю и портит человека.

Понедельник, 19 декабря.— Ночью и утром проходим Сокотру, изменили курс на Джибути, придем, вероятно, послезавтра утром. Утром написал донесение о стоянке в Коломбо; адмиралу еще не показывал, не знаю, понравится ли ему или придется изменить.

Около 1 часу «Олег» опять выкинул фортель: ни с того ни с сего поднял шары, не уменьшая хода, и говорит: «Имею повреждение в холодильнике, больше 8-ми узлов итти не могу». Только уменьшили, а он: «Повреждение исправлено», и лезет нам в корму; прибавили, а он возьми и отстань на милю; чорт знает, что за судно! Погода сегодня особенно хороша, прохладно, качки нет, дышится легко и привольно, переходы куда приятнее якорных стоянок с их дрязгами, телеграммами и т. д.

Донесение адмирал одобрил, и оно уже переписано начисто. В 6 часов вечера прибавили ход до 14 узлов; «Олег» и «Алмаз» пока держатся хорошо и неудовольствий не изъявляют; неизвестно, долго ли будут себя так хорошо вести.

Теперь начал приставать 1898-й год. Они говорят, что остальная команда смеется над ними, что все получили год льготы за плавание эскадры, а они нет; хороши гуси господа, что смеются! Ротные командиры просят рапортами, чтобы адмирал объяснил 98-му году, что они не обижены, или запросил Петербург; если действительно этот льготный год считается только к действительной службе, то это крупная несправедливость, и вряд ли это так[1]).

Вечером в кают-компании начались мистические разговоры; между прочим, я рассказал случай с Витгефтом на «Герцоге», когда он, стоя на вахте, увидел маленького человечка с седой бородой, одетого в матросскую куртку и прошедшего ему навстречу. Дорн сейчас же рассказал мне, что в германском и английском флотах упорно держится поверие, что человечек такого вида бывает виден на судне перед несчастием.

В это плавание действительно у нас случилось несчастие и, как теперь я вспоминаю, человек упал с марса рея и разбился на-смерть у того места, где, по рассказу Витгефта, пропал маленький старик. Хорошо, что мы в то время не знали этого поверия, а то наверно бы нервничали!

Пятница 23 декабря — Jibuti. 21-го в 1 час пополудни стали на якорь в Jibuti. Тотчас приехало два типа, оба претендующие быть нашими консулами: один — агент «Messageries maritimes», другой — «Русского общества». Пришлось выяснять дело, телеграфировать консулу в Марсель, и теперь консульство упрочено за Ghaleb'ом («Русское общество»). Через час после нашего прихода пришел на рейд английский крейсер 2-го класса. Наши, было, уже начали традиционную речь о пресловутом нахальстве англичан, но оказалось, что 22-го должен притти сюда с визитом к губернатору губернатор Адена, и их послали для производства салютов.

Из полученных здесь адмиралом телеграмм узнали, что «Цесаревич» пришел благополучно в Суэц и выходит в Алжир, в Тулон министр запретил итти; что кредитивы высланы нам в Саид, придется менять донесение. На следующий день утром поехали с визитом к губернатору Ormiere; он, оказывается, был губернатором Габука, когда мы там были эскадрой в прошлом году.

Утром пришел губернатор Адена; для встречи его губернаторский дом был расцвечен флагами: французы и англичане усиленно дружат. Аденский губернатор прибыл с визитом к адмиралу; замечательно мил. Адмирал отвечал сегодня. Вчера вечером ездили на берег, обедали в гостинице, если можно назвать так ее, и играли до 4 ч. 50 м. в

[1]) Приказом по флоту и морскому ведомству от 29 сентября 1905 г., за № 203, было объявлено о сокращении матросам 2-й эскадры, кроме судов, сдавшихся в плен, срока действительной службы для увольнения в запас флота на один год.

макао. Я выиграл 8 фунтов, но одно время был в проигрыше около 40 фунтов; это плохой признак, признак, что могу неожиданно зарваться; надо принять меры, чтобы это не повторялось.

Ожидавшийся третьего дня с Мадагаскара «Messagerie» опоздал на 40 часов, встретил у Comores очень сильный циклон. Англичане говорят, что в Красном море холодно; надо готовить черное платье. Здесь мы проведем праздники. «Аврора» будет праздновать en grand два спектакля, из которых один, правда, «Царь-Максимилиан», и елка. Предполагается пригласить губернатора с семьей на спектакль 26-го.

Джибути совсем деревня. Французы скупятся; при желании, вложив хорошую сумму, можно было бы здесь сделать небольшой, но приличный порт; стратегическое положение города стоило бы того, на мой взгляд. Впрочем, французы говорят, что рост порта теперь обеспечен, потому что удалось найти достаточно пресной воды, чего раньше не было. Когда железная дорога будет окончена, начнется прогресс. Впрочем, я еще слишком мало познакомился с местными условиями, чтобы говорить о Джибути. Местность сама удивительно безотрадна: растительности ноль, голый песок; есть несколько только что посаженных садиков, которые, повидимому, обещают приняться.

26 декабря. — Уф! Отпраздновали вчера здорово первый день; нечего сказать, давно я так не набадывался.

Днем принимали гостей; вечером на «Авроре» была елка; адмирал был на раздаче подарков, потом поехали на «Олег». Давали «Бульбу»; поставлена пьеса была хорошо, но было так жарко и долго тянулось, что с трудом дождался конца. На «Авроре» застали последнее действие «Максимилиана» — великолепно; давно не смеялся так от души.

30 декабря. — Сегодня утром вышли из Джибути. «Алмаз» был послан вчера в Порт-Саид, чтобы облегчить нам проход каналом и подготовить все необходимое. С «местными условиями» так и не познакомился, а потому и говорить о них не могу.

Два раза съезжал вечером на берег играть в макао; оба раза выиграл, первый раз 8 фунтов, а второй 62 фунта, но на запись; долг еще очень большой, до России не разделаешься, и придется выписывать деньги, что очень неприятно. С берегом в Джибути альянсов почти не было, если не считать обеда у губернатора и спектакля на «Авроре». Губернатор Ormiere был очень любезен; он рамоли, постоянно болен, но старался быть гостеприимным. Конечно, под конец стоянки «Олег» опять удружил; оказалось, что, если ему не уступят решительно всю пресную воду с берега, то он не может уйти в назначенный срок. Пришлось уступить, что вызвало вполне понятное неудовольствие на «Авроре», затем неожиданно оказалось, что с казенным углем «Олег» дойти до Порт-Саида не может; пришлось разрешить ему принять кардиф, который пришлось купить у «Afrique Orientale».

Неприятный инцидент на «Авроре» до такой степени раздражает, что просто хоть спи целый день. Я не могу так существовать; кругом одни недовольные собой и другими морды, нервные, издерганные люди. До такой степени все мрачно, что противно думать и писать.

Ответственный редактор Я. Берзин.
Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. ответ. редактора), В. Малаховский, И. Меницкий; Ф. Ротштейн.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Первые дни мировой войны. С предисловием *А. Попова* 3

Разгром Сербии в 1915 г. и «помощь» союзников. С предисловием *Ф. Нотовича* 69

Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны. С предисловием *Ф. Н.* 86

Солдатские письма в годы мировой войны. С предисловием *О. Чаадаевой*. 118

Московский Военно-революционный комитет. С предисловием *Э. Рожена*. 164

К истории революции 1905 г. на заводе «Сормово». С предисловием *В. Зельцера*. 193

Из записной книжки архивиста

После Цусимы. (Из дневника лейт. А. С. Зарина.) Сообщил *Ф. Петров*. 248

ОГИЗ * СОЦЭКГИЗ * КОГИЗ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

ПОКРОВСКИЙ, М. Н.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Сборник статей. Соцэкгиз. 1934. (Институт истории коммунистической академии). Стр. 448. Ц. 4 р. 50 к., в пер. 5 р. 50 к.

ФЕЙ, СИДНЕЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перевод с английского. Соцэкгиз. 1934

Том I

Перевод С. Соколова и А. Сперанского. С предисловием А. Попова. Стр. 388. Ц. 4 р. 50 к.

Том II

Перевод Б. Жуховецкого. С предисловием А. Ерусалимского. Стр. 368. Ц. 5 р.

ПЕЧАТАЕТСЯ

ПОЛЕТИКА, Н.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Соцэкгиз. Объем 40 л. Ц. 7 р. 20 к.

Продажа во всех магазинах и киосках КОГИЗ'а. Почтовые заказы направлять — Москва, Могиз «Книга-почтой», а также в «Книга-почтой» в ближайшие областные (краевые) отделения КОГИЗ'а

ОГИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. Серия III 1914—1917 гг. М.—Л. Соцэкгиз.

Т. 1. 14 янв. — 13 марта 1914 г. 1931 г. стр. XLIII + 614.
Ц. 7 р. 50 к., в пер. 8 р. 50 к.

Т. 2. 14 марта — 13 мая 1914 г. 1933 г. стр. XX + 560.
Ц. 8 р., в пер. 9 р.

Т. 3. 14 мая — 27 июня 1914 г. 1933 г. стр. XVII + 468.
Ц. 8 р., в пер. 9 р.

Т. 4. 28 июня — 22 июля 1914 г. 1931 г. стр. XVI + 423. Ц. 10 р.

Т. 5. 23 июля — 4 августа 1914 г. 1934 г. стр. XXX + 497.

ЦЕНТРАРХИВ

КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В СИБИРИ В 1905—1906 гг. Документы и материалы. Подготовил к печати В. Максаков. М.—Л. Соцэкгиз. 1932. Стр. 463 + 1 карта. Ц. 4 р. 50 к.

Содержание. Канун 1906 г. в Сибири. Организация карательных экспедиций в Сибирь. Действия карательного отряда генерала Меллер-Закомельского на Самаро-златоустовской, Сибирской и Забайкальской железных дорогах. Действия карательного отряда ген. Ренненкампфа в Забайкалье. Военно-полевой суд при отряде ген. Ренненкампфа. Окончание карательной экспедиции ген. Ренненкампфа и ее итоги.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ во все магазины, киоски и отделения Когиза.

ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ без задатка: Москва, Могиз, „Книга—почтой"

СКЛАД ИЗДАНИЙ: сектор партийной и комсомольской литературы—Москва, ул. Блюхера, № 8.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1934 год
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1935 год

на журнал

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Год издания 13-й

6 книг в год

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции и гражданской войны, истории фабрик и заводов

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на год—15 руб., на 6 мес.—7 р. 50 к.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями, магазинами и киосками Когиза в главной конторе подписных и периодических изданий Когиза, Москва, Мароссйка, 7 и повсюду на почте. Когиза

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории рабочего движения во время мировой войны.— К истории гвоздевщины.— Германская интервенция и Донское правительство в 1918 г. Из истории — семеновщины в 1919 г.—Анатоль Франс и царская цензура.—Из дневника А. А. Половцова.— Николай II — „доктор русской истории". — До Цусимы.

ЦЕНТРАРХИВ
ОГИЗ ■ СОЦЭКГИЗ ■ МОСКВА
1934

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Из истории рабочего движения во время мировой войны (Стачечное движение в Костромской губ.). С предисловием *М. Иноземцева* 5

К истории гвоздевщины („Бюллетени" Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета). С предисловием *Ив. Меницкого* 28

Германская интервенция и Донское правительство в 1918 г. С предисловием *С. Пионтковского* . . 93

Из истории семеновщины в 1919 г. С предисловием *Вл. Елагина* 131

Анатоль Франс и царская цензура. С предисловием *Л. Полянской* 147

Из дневника А. А. Половцова. С предисловием *Д. З.* . 168

Из записной книжки архивиста

Николай II—„доктор русской истории". С предисловием *Д. Заславского* 187

До Цусимы 193

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

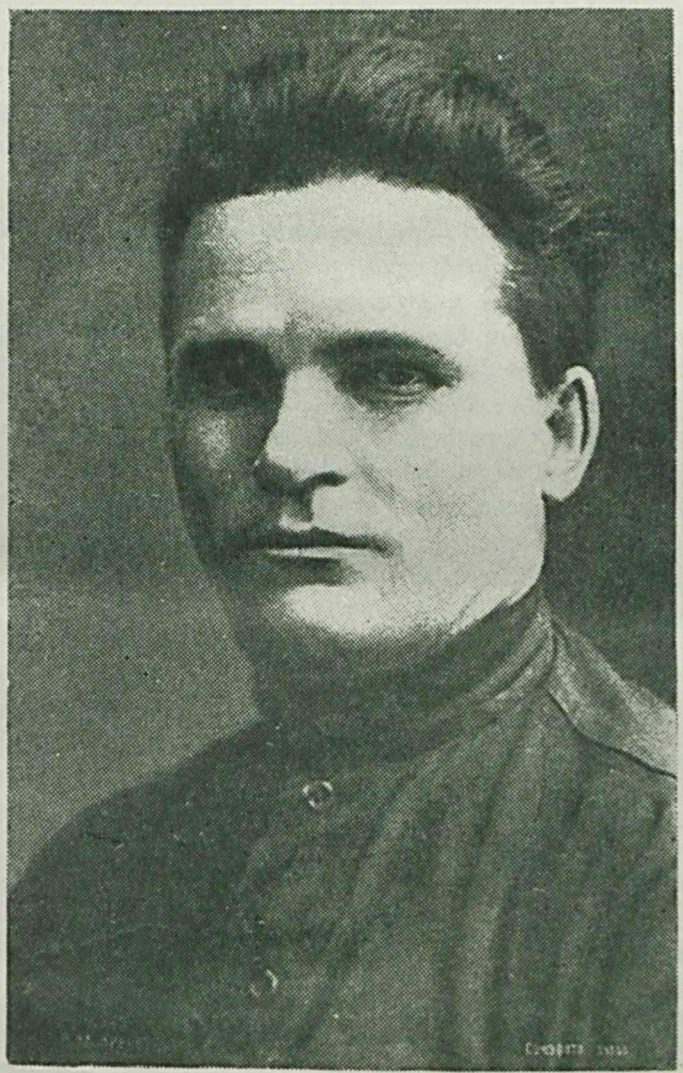
ТОМ ШЕСТОЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ)

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

Сдано в произв. 10/XI — 23/XII 1934 г. Подписано к печати 23-27/I 1935 г.
Статфор. Б, 176 × 250 13 п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п) № 37. З. т. 1024
Уполн. Главлита Б—41212 Тираж 2550

Интернациональная (39-я) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3.



Сергей Миронович КИРОВ

(1886—1934)

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

Центральный комитет ВКП (большевиков) с великим прискорбием извещает партию, рабочий класс и всех трудящихся Союза ССР и трудящихся всего мира, что 1 декабря в Ленинграде от предательской руки врага рабочего класса погиб выдающийся деятель нашей партии, пламенный, бесстрашный революционер, любимый руководитель большевиков и всех трудящихся Ленинграда, секретарь Центрального и Ленинградского комитетов ВКП(большевиков), член Политбюро ЦК ВКП(б) товарищ Сергей Миронович Киров.

Потеря товарища Кирова, любимого всей партией и всем рабочим классом СССР, кристально чистого и непоколебимо стойкого партийца, большевика-ленинца, отдавшего всю свою яркую, славную жизнь делу рабочего класса, делу коммунизма, является самой тяжкой потерей для всей партии и Страны Советов за последние годы.

Центральный комитет верит, что память о товарище Кирове, светлый пример его бесстрашной, неутомимой борьбы за пролетарскую революцию, за строительство социализма в СССР будут вдохновлять миллионы пролетариев и всех трудящихся на дальнейшую борьбу за торжество социализма, за окончательное искоренение всех врагов рабочего класса.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

Центральное архивное управление СССР включило в свой план работы на 1935 год издание сборника исторических документов о тов. С. М. КИРОВЕ, павшем на боевом посту от руки подлого агента подлой контрреволюционной банды последышей зиновьевской антисоветской группки.

Эти документы, выявление которых ведется как в центральных, так и местных архивохранилищах, послужат материалом для развернутой биографии тов. С. М. КИРОВА,— в них отражены различные этапы кипучей революционной деятельности этого ближайшего соратника, ученика и друга великого СТАЛИНА, подлинного пролетарского трибуна, непримиримого большевика, всю свою жизнь отдавшего неустанной борьбе за великое дело партии ЛЕНИНА—СТАЛИНА, за победу пролетарской революции во всем мире.

ЦАУ СССР

Из истории рабочего движения во время мировой войны

(Стачечное движение в Костромской губ.)

Настоящая публикация является продолжением публикации «Из истории рабочего движения накануне мировой войны», напечатанной в LXIV томе «Красного архива». Публикуемые здесь документы освещают рабочее движение в городе Костроме летом 1915 г.

Важнейшим этапом этого движения была экономическая забастовка Большой Костромской льняной мануфактуры, начавшаяся 2 июня и превратившаяся в политическое движение рабочих города Костромы против полицейского режима военного времени.

Правление Костромской мануфактуры в первый день забастовки угрожало лишением бастующих льготы от военной службы, которой они пользовались как работающие на оборону. Но это не помогло. 3 июня бастовали уже все шесть тысяч человек Большой мануфактуры, а 5 числа в 12 часов дня к ним присоединилось две тысячи рабочих фабрики Анонимного общества, несмотря на то, что полицией были предприняты все меры к тому, чтобы изолировать работающих от бастовавших.

Главноначальствующий Костромской губернии губернатор Мякинин в объявлении, выпущенном 3 июня, грозил репрессиями за стачку на Большой мануфактуре, как за стачку на правительственном предприятии «ввиду выполнения этой фабрикой срочных казенных заказов для нужд сражающихся за веру, царя и родину русских воинов», иначе говоря, грозил применением военной силы и отправкой на фронт.

5 июня вечером забастовавшие рабочие всей массой пошли снимать рабочих фабрики Зотова, работавших над приготовлением материалов для пулеметных лент и по заказам морского министерства, под охранным кордоном полиции, конных стражников и роты 670-й пешей дружины. Подойдя к фабрике Зотовых, рабочие начали строить баррикады против конных стражников, стали разбирать мостовую и проникли даже во двор фабрики.

Полиция открыла стрельбу по «скопищу» и арестовала ряд «зачинщиков». Арестовывали из-за засады, спрятавшись во дворе фабрики Зотовых, там же прятали арестованных, не смея вести их по улице.

Полиция скрывала, сколько было убитых, — во всех донесениях число убитых меняется. Но даже по полицейским сведениям оказались убитыми и тяжело ранеными: Миша Королев—10 лет, Катя Иванова, Митя Осипов и Ваня Смыслов — не старше 16 лет, Корзинин, Блохина, Шестаков, Рябишкина, Герасимова — 18—19 лет, и только трое: Ермолаев, Хохлова и Прокофьев были старше 20 лет. Среди убитых и раненых оказалось несколько рабочих фабрики братьев Зотовых.

Тов. министра внутренних дел Джунковский телеграммой одобрил расстрел и приказал предать военному суду «зачинщиков».

Однако расстрел не сломил сопротивления рабочих. Администрации Большой мануфактуры и Анонимного общества пришлось пойти на экономические уступки. Публикуемые здесь показания директора фабрики Костромской мануфактуры Шевал-

дышева выясняют, как он в контакте с фабричной инспекцией и губернатором пытался организовать сопротивление рабочим требованиям, переходя от угроз к уступкам. Но рабочие продолжали бастовать и «глухо волноваться». 7 июня в виде протеста против расстрела к бастующим примкнули печатники. 8-го к ним присоединилась фабрика Зотова. Положение оставалось напряженным. Движение грозило перебросится в Нерехтский, Костромской, Кинешемский уезды. 9 июня бастовали фабрики Симонова в селе Яковлевском, Нерехтского уезда, 10 июня — фабрика Кормилицына в селе Ильинском, Костромского уезда, 11 июня — фабрика Скорынина, Нерехтского уезда. Весь характер движения говорит о том, что движение среди этих текстилей было связано с движением в Иваново-Вознесенске в конце мая и начале июня. Движение начинало принимать общерайонный характер.

Политические мотивы движения всячески замазываются полицией во всех публикуемых документах, но факты скрыть трудно. 6 июня среди рабочих и около лагеря запасного батальона распространялась прокламация «К русскому солдату от русской женщины». Эта листовка отражает настроение работниц, она дышит ненавистью против войны и против царского режима. Женщины обращались к солдатам и просили их помощи. Что делать? Они голодают. Хлеба нет. Вероятно, они знали, что сотни тысяч пудов хлеба достались немцам в Либаве и Привислинском крае во время русского отступления в начале 1915 года, когда бездарные русские полководцы накопили там хлеб вместо снарядов и вынуждены были все запасы отдать немцам. Женщины наивно формулируют это в прокламации: «Неужели только для немца родила земля русская?», но они ясно видят, что для них хлеба нет. Где же он? «Что нам делать? Солдаты, защитите нас. Мы голодны и не можем работать. Нас, безоружных, расстреливают здоровые, сытые стражники. Что делать? Научите нас».

Работницы еще не сделали для себя вывода: бороться против царского режима, против войны, за превращение империалистической войны в войну гражданскую. Но своими действиями они уже делают это: движение костромских рабочих останавливает на время военное производство, дезорганизует тыл.

Руководил ли кто-нибудь этим движением, была ли большевистская организация в городе? Полицейские дознания и полицейский сыск не могли установить в городе влияния большевиков. Но оно налицо. Ни аресты до забастовки, ни постоянное наблюдение шпиков, ни расстрел, ни разгон профессиональной организации печатников не могли уничтожить большевистского влияния на рабочую массу. В этом отношении любопытен спор, освещаемый в донесении жандармского полковника Семигановского, между председателем «Профессионального общества рабочих печатного производства», который боялся репрессий и «берег» профсоюз, и П. К. Кагановичем и Мастом, которые настаивали «возможно шире и интенсивнее поддерживать движение против хозяев» и добились того, что печатники объявили политическую забастовку против расстрела. Разве это не показатели большевистского влияния? Из этого же документа мы узнаем, что Каганович был в 1908 г. членом подпольной с.-д. организации, Маст в 1912 г. был одним из распространителей большевистской газеты «Звезда», Симановский настаивал на активизации всех действий общества. Большевистское влияние проявляется и в самом движении масс. Даже начальник Костромского жандармского управления в письме к товарищу министра внутренних дел принужден это признать: «Наибольшим успехом в Костромской губернии пользуется учение с.-д. партии, имеющее довольно значительное число своих последователей в среде фабричных рабочих. В наиболее крупных районах текстильных фабрик, как гг. Кострома, Кинешма», в рабочей массе «стало замечаться неловольство войной и возмущение существующим порядком в государстве». Далее он приводит выдержку из резолюции с.-д. конференции, происходившей в Иваново-Вознесенске 11 июля: «Принимая во внимание текущие события, группа находит современное положение стра-

ны критическим. Желая выйти из такого положения и следуя принципам социал-демократии, группа должна принять самые энергичные меры для возбуждения масс, требовать прав народу при помощи экономической стачки. При неудовлетворении — вести агитацию за вооруженное восстание с целью свержения современного правительства».

Июньские события в Костроме в 1915 г. показывают, что несмотря на ужасный полицейский гнет и репрессии военного времени, несмотря на провокации, провалы и т. д., рабочее движение в годы мировой войны, руководимое партией большевиков, росло и крепло. Победа рабочего класса была близка.

М. Иноземцев.

Из доклада начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 14 июня 1915 г. № 304 [1]).

С поступлением от военного ведомства заказов на частные фабрики, многие прядильные фабрики Костромского фабричного района перешли на изготовление этих заказов исключительно из разных грубых сортов пряжи и почти прекратили выработку наиболее тонких сортов. В мирное время, когда на этих фабриках вырабатывались и тонкие и грубые сорта пряжи, существовала нормальная расценка платы рабочим за выработку этих сортов, дававшая каждому единичному рабочему определенный заработок, более или менее удовлетворявший его. Когда же фабрики прекратили выработку тонких сортов пряжи, дававших рабочему наибольший заработок, и перешли на выработку в большинстве грубых сортов, уплачивая за них рабочим по существовавшей на эти сорта расценке, то этим самым ежемесячный средний заработок каждого рабочего при выработке заказов военного ведомства понизился. Так как в это же время рабочие видели, что благодаря массовым заказам фабрикант зарабатывает больше, чем до выполнения заказов военного ведомства, то естественно среди них началось брожение с целью урегулировать свой заработок и повысить его, причем на большинстве фабрик рабочие избирали для этого свой старый путь — объявления забастовки и предъявления требований. Так как эти требования были экономические, то обыкновенно забастовка заканчивалась, когда тем или другим способом данный фабрикант и его рабочие приходили, при содействии фабричной инспекции, к какому-либо соглашению. При этом все возрастающая дороговизна жизни заставляла рабочих постепенно повышать свои требования, поддерживая их также угрозой забастовки.

Между прочим, на фабриках г. Костромы такие экономические забастовки, продолжавшиеся один-два дня и иногда даже только частью фабрики, начались с февраля месяца сего года и продолжались с перерывами до последнего времени, причем прибавки к заработку рабочих, на которые соглашались фабриканты, дошли от 10% на заработанный рубль до 25—30% на рубль и до 2 рублей квартирных денег в месяц. При наблюдении за рабочими было установлено, что на предъявление требований их вызывала не какая-либо определенная организация, а пример одной фабрики заражал другую — когда на какой-либо фабрике получалась рабочими прибавка, то соседняя требовала за ней того же, причем фабриканты, действуя не солидарно, прибавляли

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 20. Документы подгот. к печати Е. В. Горелкина.

неодинаково — один набавит расценку, другой прибавит процент на заработанный рубль, третий квартирные деньги и т. д., что, в свою очередь, вызывало среди рабочих разных фабрик постоянное стремление получить то, что имеют рабочие на другой фабрике.

Все это, несомненно, создавало известную организованность рабочих, и в их действиях получалась солидарность.

Полковник Семигановский.

Телеграмма костромского губернатора министру внутренних дел от 5 июня 1915 г. № 450 [1]).

Днем 1 июня в Костроме на фабрике товарищества Большой льняной мануфактуры рабочие предъявили требования квартирных денег, но работу продолжали. 2 июня днем около трех тысяч рабочих прекратили работы, определенных требований не предъявили, выражая желание квартирных денег. 3 июня с утра прекратили работу все шесть тысяч рабочих фабрики; 3 и 4 июня администрацией завода и рабочими велись переговоры, и 4-го, казалось, было достигнуто соглашение. Рабочие все время вели себя спокойно, при первом требовании расходились. Все меры предосторожности были приняты; на соседние фабрики забастовка не переходила. Сегодня, вопреки ожидания, рабочие снова забастовали, предъявили новые экономические требования, причем настроение у них тревожное. О последующем донесу дополнительно.

[Губернатор Мякинин.]

Объявление администрации рабочим товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры от 2 июня 1915 г. [2]).

Правление товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры доводит до сведения рабочих следующее.

1) На фабрике товарищества без всяких заявлений со стороны рабочих были сделаны прибавки к заработной плате в феврале и мае, в общем, до 25%. Больше никаких прибавок не будет.

2) Фабрика в настоящее время работает почти исключительно для армии, поэтому остановка работы на фабрике вызовет задержку доставки предметов снаряжения армии и будет на-руку нашим врагам.

Кроме того, ввиду военных заказов, правительством были освобождены ратники, работающие на фабрике. В случае останова работы льгота эта пропадает.

Грозное время, переживаемое отечеством, требует напряженной работы и полного спокойствия внутри страны.

Не время бастовать, необходимо работать.

Правление товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры.

2 июня 1915 г.

Объявление главноначальствующего Костромской губернии [3]).

3 июня 1915 г.

Считаю долгом напомнить рабочим и служащим на фабрике товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры, что ввиду выпол-

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 6. Воспроизводится по копии деп. полиции.
[2]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 78.
[3]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 188. Заголовок подлинника.

нения этой фабрикой срочных казенных заказов для нужд сражающихся за веру, царя и родину русских воинов, виновные в возбуждении к стачке, а также самовольно, по соглашению между собой прекратившие или приостановившие на ней работы, согласно закону, подлежат преследованию и наказанию, как за стачку на правительственном предприятии.

Обращаюсь при этом с просьбой ко всем рабочим фабрики не останавливать в настоящее военное время правильного хода работ на фабрике и не создавать этим затруднений и замешательств, которые наруку и могут принести пользу исключительно лишь нашему врагу, с такой яростью набросившемуся и наступающему на святую Русь.

Главноначальствующий Костромской губ.
губернатор Мякинин.

Из протокола показаний помощника костромского полицеймейстера судебному следователю Костромского окружного суда по важнейшим делам от 6 июня 1915 г.[1]).

3 июня сего года на фабрике Большой Костромской льняной мануфактуры, в городе Костроме, началось забастовочное движение среди рабочих, предъявивших фабричной администрации требование об установлении помесячного квартирного довольствия для рабочих. Из всех костромских фабрик 3 и 4 июня означенное движение происходило на одной лишь фабрике товарищества Большой льняной мануфактуры. Около 12 часов 5 июня бастующие рабочие этой фабрики, в числе около 1000 человек, вышли с фабричного двора толпою и направились по Царевской улице, пытаясь проникнуть на центральные улицы города. Приказом, отданным наряду полицейских чинов, бывших в фабричном районе, толпа рабочих была рассеяна, причем последние обманули полицию, сделав вид, что они расходятся по домам. Вскоре однако та же толпа, и приблизительно в том же количестве участников, пробравшись задворками, переулками и окраинными улицами к воротам фабрики Анонимного общества, остановилась здесь, причем, увидев вход в ворота фабрики запертым и охраняемым чинами полиции, несколько человек из толпы рабочих бросились бежать к забору, ведущему через сад во двор названной фабрики и, проломив отверстие в заборе, проникли во двор, а затем в фабричный корпус, где насильственным способом сняли с работы 2 000 человек рабочей смены.

Вместе со снятыми рабочими фабрики Анонимного общества рабочие фабрики Кашина, или иначе товарищества, направились огромной толпой к фабрике бр. Зотовых, вырабатывающей материалы для пулеметных лент и материалы для морского министерства, с явною целью насильственного прекращения работ на этой фабрике, где они еще продолжались. В расстоянии 240 шагов от ворот фабрики бр. Зотовых наряд полиции в составе 25 стражников, вооруженных винтовками, под моей командой, преградил дорогу скопищу рабочих, причем многие из толпы, высказывая возмущение по поводу присутствия конных стражников, заявили мне, что они доведут дело до конца, не взирая даже на то, если бы в них стреляли.

---

[1]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 5.

Около 3 часов пополудни нескольким десяткам из стоявшего возле фабрики скопища удалось, обежав по задворкам фабрику бр. Зотовых, сломать заднюю калитку и, проникнув в фабричные корпуса, пытаться насильственно прекратить работы на фабрике. Из вторгшейся в фабричные корпуса кучки задержаны были немедленно 9 человек, оказавшихся бастующими рабочими фабрик Большой Костромской льняной мануфактуры и Анонимного общества. Задержанные помещены были в сторожку, расположенную на фабричном дворе, под охраной полицейских городовых и двух рядовых прибывшей к тому времени и прошедшей мимо скопища рабочих роты 670-й Костромской пешей дружины.

Задержанных рабочих, переданных военной власти, не удалось немедленно отправить по назначению, так как на пути от фабричных ворот к городу стояла значительная толпа рабочих, состоящая из мужчин, женщин и подростков, настроенная явно враждебно против присутствующих стражников и полицейских чинов. Вскоре скопище рабочих устремилось на образованную нарядом стражников цепь, начало бросать в стражников камнями, выломанными из проходящей мимо фабрики мостовой. Независимо от сего, некоторыми из толпы был спилен стоявший по близости телефонный столб, причем проволоки последнего были подтянуты и укреплены к расположенным через дорогу телеграфному и фонарному столбам, так что получилось заграждение, препятствовавшее проезду конных стражников. Устроив эту преграду, толпа, бросая булыжником из разрушенной на пути ее прохождения мостовой, начала теснить отряд полицейских стражников по улице к воротам фабрики бр. Зотовых, настойчиво требуя освобождения 9 арестованных за вторжение в фабричный корпус. При этом некоторые из стражников получили ранения.

Видя, что намерения скопища приняли явно угрожающий характер, я, распоряжавшийся действиями полиции, приказал отряду стражников произвести залп из винтовок. Залп был произведен, но никто из толпы ранен или убит не был. После этого в толпе раздались крики: «Не бойтесь, у них нечем стрелять, патронов нет». И одновременно с этим толпа рабочих бросилась ко мне и отряду стражников, стоявших поперек улицы, причем я, получив несколько ударов камнями и видя, что рабочие, не ограничиваясь бросанием камней, начали стрелять из бывшего у некоторых из них огнестрельного оружия, вновь распорядился произвести выстрелы, после чего выстрелами были ранены находившиеся в числе участников скопища 7 мужчин и 6 женщин: из числа их один убит был на месте происшествия, двое же других мужчин и женщина, — как мне известно, — скончались по доставлении в фабричную больницу.

Личности убитого и раненых рабочих были установлены и оказались: 1) крестьянин Нерехтского у., Сидоровской вол., дер. Худынской Иван Ионов Корзинин, 18 лет, рабочий фабрики Михина; 2) крестьянин Костромского у., Каримовской в., дер. Чижова Александр Андреев Ермолаев, 27 лет, рабочий фабрики бр. Зотовых; 3) крестьянин Костромского у., Семеновской вол., д. Окатова Михаил Михайлов Королев, 10 л.; 4) крестьянка Нерехтского у., Блазновской в., д. Пирогова Мария Зиновьева Блохина, 18 л., рабочая фабрики Кашина; 5) крестьянка Костромского у., Башутинской вол., д. Лиходеева Екатерина Никитина Иванова, 16 лет; 6) крестьянин Костромского у., Пушкинской вол., д. Пуловлева Дмитрий Степанов Осипов, 16 л., рабочий фабрики бр. Зо-

товых; 7) мещанин г. Костромы Александр Николаев Шестаков, 19 л., рабочий фабрики Чумакова; 8) крестьянин Костромского у., Шишкинской вол., д. Федорка, рабочий фабрики Большой Костромской льняной мануфактуры Иван Ефимов Смыслов, 16 лет; 9) крестьянка Костромского у., Коряковской вол., д. Захарова Александра Лукоянова Рябишкина, 17 л., рабочая той же фабрики; 10) крестьянка Костромского у., Башутинской в., д. Лиходеева Александра Никитина Иванова, 20 лет, рабочая той же фабрики; 11) крестьянка Нижегородской г., Кирилловского у., Зауломовской в., д. Сосунова Авдотья Петрова Хохлова, 28 лет, рабочая той же фабрики; 12) крестьянин Нерехтского у., Яковлевской в., д. Рогачева Иван Константинов Прокофьев, 30 лет, рабочий той же фабрики, и 13) крестьянка Нерехтского у., Золотиловской вол., дер. Дюдякова Анна Николаева Герасимова, 19 лет, рабочая той же фабрики.

Что касается задержанных во дворе фабрики Зотовых 9 лиц, о которых я показывал ранее, то они, как выяснилось, оказались следующими лицами: 1) крестьянами Костромской губернии и уезда, Гридинской вол., с. Рождественского Василием Ивановым Кокушкиным, 2) Апраксинской вол., дер. Чечулина Иваном Васильевым Копытцевым, 3) Бахмутинской вол., д. Окулова Иваном Павловым Моревым, 4) Бычихинской вол., д. Невежина Василием Васильевым Веселовым, 5) Колшевской вол., д. Догадкина Иваном Васильевым Костровым, 6) Белореченской вол., с. Федорова Александром Федоровым Тихомировым, 7) Вологодского у., Вопревской вол., с. Порозова Константином Ефимовым Бокаревым, 8) Коряковской вол., дер. Захарова Михаилом Васильевым Болотовым и 9) плесским мещанином Иваном Михайловым Сорокиным.

Исполняющий должность судебного следователя по важнейшим делам [подпись].

Телеграмма костромского губернатора министру внутренних дел от 6 июня 1915 г. № 474 [1]).

В дополнение телеграммы доношу: в час дня на фабрике Большой мануфактуры было вывешено объявление о расторжении договоров и закрытии фабрики на неопределенное время. Рабочие во 2-м часу большой толпой двинулись в город, были остановлены полицией и рассеялись, но часть задворками пробралась, сломав забор, на фабрику Анонимного общества и успела снять с работы всех рабочих, около тысячи человек. Затем бросилась к фабрике Зотова, где производится много заказов военного ведомства. Здесь полиция успела их перехватить, и 9 ворвавшихся на фабрику арестованы. Толпа, в которой было много женщин и подростков, собралась у фабрики Зотова и стала себя вести агрессивно. Я немедленно поехал на место; часть мостовой была разобрана, повидимому, для цели нападения. Я убеждал толпу разойтись и не чинить беспорядков. Толпа, видимо, успокоилась, но просила освободить арестованных, в чем категорически отказано. Для охраны завода вызвал роту. Около 9 часов вечера толпа значительно увеличилась, стала бросать камнями в стражников; приказано было разогнать толпу нагайками. Толпа повалила телеграфный столб, устроила баррикаду и не

[1]) ДП, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 8.

поддалась; тогда стражникам было приказано произвести залп; толпа рассеялась. Убито двое; число раненых не выяснено.

Губернатор Мякинин.

Телеграмма товарища министра внутренних дел Джунковского костромскому губернатору от 7 июня 1915 г. № 1443 [1]).

№ 474. Действия ваши одобряю. Выясните зачинщиков, [чтобы] предать их военному суду. Держите меня в курсе дела ежедневно. № 1443.

За министра внутренних дел Джунковский.

Телеграмма костромского губернатора товарищу министру внутренних дел Джунковскому от 8 июня 1915 г. № [486] [2]).

Дополнение телеграммы № 474. Пятого убитых оказалось четыре, раненых выяснено пока девять; из чинов полиции получили ушибы камнями помощник полицеймейстера, четыре городовых, двенадцать стражников; ушибы легкие. Шестого работы на фабрике Зотова продолжались, на фабрике Большой мануфактуры и Анонимного общества бастовали. В городе настроение было тревожное. Шестого [много] слухов о возможности погромов. Ездил на фабрику Большой мануфактуры, куда собрал часть рабочих, убеждал не нарушать порядок, начать работы. Хотя настроены примирительно, но, ввиду несомненного присутствия приезжих из Москвы агитаторов, положение остается невыясненным. Около лагеря запасного баталиона найдены разбросанными прокламации. Сегодня, седьмого [3]), ввиду крестного хода и ярмарки, ожидались беспорядки. Были приняты при участии войска строгие меры предосторожности, и все прошло благополучно. Забастовали только в виде протеста все работающие на частных типографиях. Розыски и расследование деятельности производятся.

[Губернатор Мякинин].

Прокламация костромских женщин-работниц к солдатам [4]).

Июнь 1915 г.

К русскому солдату от русской женщины.

Солдаты! К вам обращаемся мы за помощью. Защитите нас. Наших отцов, сыновей и мужей забрали и отправили на войну, а нас, беззащитных, безоружных, расстреливают здоровые, сытые стражники. Некому нас защитить! Защитите вы нас!

Нам говорят: работайте спокойно, но мы голодны и не можем работать. Мы просили, и нас не слышали, мы стали требовать, и нас расстреливали. Говорят, нет хлеба. Где же он? Неужели только для немца родила земля русская?

Солдаты!

Что нам делать? Научите нас, помогите нам! У нас нет близких.

Женщины-работницы.

---

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 13.
[2]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 15.
[3]) Так в подлиннике.
[4]) ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 35, лит. В, л. 10.

Доклад начальника Костромского губернского жандармского управления департаменту полиции от 25 июля 1915 г. № 423 [1]).

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Местная организация партии социал-демократов.
Принадлежит к . . . . . [2]) областному комитету.
Возникла в 1903 г. в ноябре месяце.

Деятельность проявляется в следующих пунктах губернии. В городах: Костроме, Кинешме, селах: Новой Вичуге, Гольчихе Кинешемского, села Середе Нерехтского и селе Родниках Юрьевского уездов.

Местные комитеты имеются в следующих пунктах. Комитетов нет, есть отдельные лица и кружки, самостоятельно ведущие сношения между собой.

Втечение отчетного месяца деятельность организации проявилась в следующем (совершенно кратко). Лица местной с.-д. группы, входившие в состав «Профессионального общества рабочих печатного производства», создали забастовку печатников в виде протеста против примененной полицией силы в столкновении с фабричными рабочими.

Были изданы или распространены втечение отчетного месяца следующие революционные издания (поименовать и приложить образцы). Отпечатаны ручным способом типографским шрифтом в количестве около 2-х десятков и распространены прокламации «К русскому солдату от русской женщины».

Технические предприятия (типографии, лаборатории, склады литературы и оружие) имеются или ставятся в следующих пунктах. Нет.

Боевые организации имеются в . . . . Нет.

Военные организации имеются в. . . . . Нет.

Секретных сотрудников имеется: а) интеллигентов — . . . . ., б) рабочих—5. Вспомогательных—15.

Полковник Семигановский.

Объявление администрации рабочим фабрики товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры от 4 июня 1915 г.[3]).

Правление товарищества, уже повысив с 1 февраля с. г. постоянные заработки рабочим на 10—15% и, кроме того, по случаю тяжелого военного времени в мае с. г. сделав временную прибавку до 1 октября в размере 10%, ныне по желанию рабочих временную последнюю прибавку, равную 10%, заменяет квартирными деньгами, которые будут выдаваться постоянно с 1 июня с. г. ежемесячно в следующем размере:

Рабочим малолетним (12—15 л.).	75 коп.
» подросткам(15—17 л.).	1 руб.
» взрослым (муж. и женщ.).	2 руб.

[1]) ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 35, лит. В, л. 8.
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Моск. военно-окружный суд., 1915 г., д. № 637, л. 79

Кроме того, ввиду вздорожания продуктов первой необходимости, правлением товарищества будут приняты меры, и по возможности работ на фабрике рабочим будет устроена льготная продажа с 15 июня с. г. на все время войны (через общество потребителей) на таких условиях: каждый рабочий старше 15 лет втечение месяца может получать следующие товары по ценам:

	Количество	Цена	Сумма
Муки ржаной обдирной . . .	1 пуд —	1 р. 35 к.	1 р. 35 к.
Муки пшеничн. 2-й голуб. . . .	1 пуд —	2 р. 30 к.	2 р. 30 к.
Пшена	— 10 ф.	1 р. 60 к.	— 40 к.
Гороху.	— 05 ф.	1 р. 80 к.	— 22½ к.

Разницу же — убыток от этих цен товарищество принимает на себя.

Правление товарищества:
С. Третьяков.
В. Шевалдышев.

Объявление администрации рабочим фабрики товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры от 5 июня 1915 г.[1]).

Несмотря на все сделанные правлением уступки, рабочие предъявили новые требования и на работы стать не пожелали.

Договор найма с рабочими считается расторгнутым с 1 часу дня сего 5 июня, и фабрика закрывается на неопределенное время.

О дне выдачи расчета рабочим будет объявлено особо.

Правление товарищества Большой
Костромской льняной мануфактуры:
С. Третьяков.
В. Шевалдышев.

Объявление администрации рабочим фабрики Большой Костромской льняной мануфактуры от 6 июня 1915 г.[2]).

Замена десятипроцентной прибавки, назначенной к выдаче по 1 октября, квартирными деньгами оказалась по подсчету невыгодной для рабочих, зарабатывающих более 20 рублей в месяц.

Не желая понижать заработок рабочих, правление товарищества постановило: всем, для кого замена десятипроцентной прибавки квартирными деньгами окажется в конце месяца невыгодной, то есть менее 10% прибавки, — доплатить разницу, эта доплата будет продолжаться до 1 октября с. г.

Таким образом, с 1 октября будут сохранены квартирные деньги навсегда, в размерах, уже объявленных, и понижение цен на продукты первой необходимости до конца войны, согласно объявления от 4 сего июня.

Если же рабочие и при этих условиях не приступят к работе, то начиная с 10 час. утра 10 сего июня рабочим предлагается получить полный расчет, для получения которого рабочие небольшими группами

---

[1]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 80.
[2]) Моск. военно-окружный суд., 1915 г., д. № 637, л. 84.

будут допускаться к конторе фабрики. Только к 10 июня может быть окончен подсчет расчетных книжек.

Правление товарищества:

С. Третьяков.
В. Шевалдышев.

Объявление правления товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры от 8 июня 1915 г.[1]).

По последней просьбе рабочих рабочим будут выданы ежемесячные квартирные деньги в следующем размере:

взрослым (мужчин. и женщ.).	2 руб.
подросткам (15—17 л.).	1 руб.
малолетним (12—15 л.).	—75 коп.

Кроме того для всех будет сохранена последняя майская десятипроцентная прибавка до 1 октября сего года.

Все объявления, вывешенные до сего времени, теряют свою силу, так как сами рабочие предпочитают десятипроцентную прибавку удешевлению харчей.

Так как депутаты от рабочих заявили, что после этого объявления все рабочие станут на работу, то на фабрике будет дан свисток.

Если же к работам не приступят после свистка, то рабочим будет предложен расчет 10 июня.

Правление товарищества:

С. Третьяков.
В. Шевалдышев.

Протокол показания директора фабрики Большой Костромской льняной мануфактуры судебному следователю Костромского окружного суда по важнейшим делам от 17 июня 1915 г.[2]).

Владимир Алексеевич Шевалдышев, пот. поч. гражданин, живу в г. Костроме, 39 лет, правосл., не судился.

Первого июня сего года мне сообщили, что чесальное отделение на фабрике остановило работы, но требований никаких не предъявило. Так как рабочие не изъявили желания говорить со мной, то я на фабрику не пошел. Часа через два мне сообщили, что чесальщики просят меня к себе в корпус. Когда я пришел в корпус, то в корпусе кроме чесальщиков появились рабочие из других отделений. Чесальщики заявили мне, что они просят дать им квартирные деньги, как это сделано на фабрике у Зотовых. Я объяснил рабочим, что прибавка, сделанная нами в мае месяце, больше прибавки Зотовых и что замена этой прибавки квартирными деньгами невыгодна для самих же рабочих. Когда я начал объяснять рабочим, почему считаю уплату квартирных денег как нечто особое от общего заработка, неправильной и невыгодной для рабочих, то из толпы рабочих кто-то крикнул: «Не [надо] его слушать! Слыхали мы эти сказки». После такого заявления мне при-

[1]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 82.
[2]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 76.

шлось заявить рабочим, что я пришел с ними разговаривать, а не слушать дерзости, и уйти из корпуса.

2 июня забастовала ткацкая фабрика, чесальщики же приступили к работам, но через некоторое время опять забастовали. Затем забастовали рабочие и по другим отделам, причем требований, как это делали на прежних забастовках, никаких никто не предъявлял. Мной было вывешено объявление за № 1 [1]), при сем прилагаемое, которым я надеялся повлиять на рабочих, так как наша фабрика в настоящее время исполняет военные заказы. Остановка работ на нашей фабрике могла бы вызвать остановку ряда фабрик, исполняющих из нашей пряжи заказы того же военного ведомства. Об этом мной было доведено до сведения рабочих.

3 июня забастовка на фабрике продолжалась, и никаких требований рабочие не предъявляли. 4 июня рабочие попросили приехать фабричного инспектора, которому изложили свои желания. По совету с фабричным инспектором было вывешено объявление № 2 [2]), которое при сем прилагается. Рабочие заявили, что на условиях, предложенных объявлением № 2, на работы они станут. 5 июня к работам рабочие не приступили. Мной было вывешено объявление № 3 [3]). До часу дня я лично вел переговоры с рабочими и просил рабочих к городу и в город толпой не ходить. Упрашивал рабочих спокойно разойтись по домам, так как вся толпа рабочих, собравшихся 5-го у конторы фабрики, была возбуждена, и среди нее главным образом фигурировала молодежь. Около часу дня рабочие вышли с фабрики и отправились по Царевской улице. Я же уехал из Костромы, так что знаю о последующих событиях 5 июня только по слухам. 6 июня на фабрику были приглашены губернатором рабочие ткачи, с которыми вел переговоры начальник губернии. После этих переговоров было вывешено объявление № 4 [4]). Рабочие заявили, что на условиях, предложенных объявлением за № 4, они на работу стать не могут. Наконец, было вывешено объявление № 5 [5]), с которым рабочие согласились, и 7 июня стали на работу. 8 июня вновь забастовало ткацкое отделение с просьбой освободить арестованных рабочих. После долгих разъяснений рабочим, что арест того или иного лица зависит не от фабриканта, что требование предъявлено не по адресу, рабочие изъявили готовность работать и стали на работу 9 июня с. г. Насилий на фабрике товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры во время забастовки не было.

Потомственный почетный гражданин директор
Шевалдышев.

Исполняющий должность судебного следователя по важнейшим делам [подпись].

Телеграмма костромского губернатора товарищу министра внутренних дел от 9 июня 1915 года № 490 [6]).

Дополнение телеграмм № 470 и № 486. Восьмого забастовала в виде протеста против стрельбы фабрика Зотова. Администрация Большой

[1]) См. стр. 8.
[2]) См. стр. 13.
[3]) См. стр. 14.
[4]) См. стр. 14.
[5]) См. стр. 15.
[6]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 16.

мануфактуры сделала уступки; в час дня часть рабочих стала на работу. В типографиях рабочие были сняты; виновные выяснены, заключены в тюрьму. Напали на следы организации; розысками, дознанием руковожу лично. Девятого фабрики Большой мануфактуры и Зотова работают полностью, бастует Анонимное общество, где идут переговоры; требования экономические. Поступают сведения об уездах Нерехтском, Юрьевецком; брожение среди рабочих на почве дороговизны; вызвал фабрикантов, принимаю меры к падению цен, рассчитываю, что удастся предупредить беспорядки. О дальнейшем буду сообщать почтой.

Губернатор Мякинин.

Доклад костромского губернатора товарищу министра внутренних дел Джунковскому от 13 июня 1915 г. № 117[1]).

В дополнение к телеграммам моим от 5, 7 и 9 сего июня за №№ 490, 474 и 486 и согласно телеграммы вашего превосходительства на № 474 имею честь представить о ходе забастовочного движения по Костромской губернии нижеследующие сведения.

10 июня работы на фабриках Большой Костромской льняной мануфактуры и бр. Зотовых прошли в полном порядке, на фабрике же Анонимного общества продолжали итти переговоры между администрацией и рабочими, причем требования последних чисто экономические, и никаких эксцессов с их стороны проявлено не было. 11 июня, с утра, ткачи на фабрике Большой Костромской мануфактуры, в числе около тысячи человек, объявили забастовку, как протест против произведенного в ночь на это число жандармскими и полицейскими чинами ареста двух их товарищей, привлеченных к делу о насильственном 5 июня снятии с работ рабочих фабрики Зотова, и заявили администрации завода, что просят освобождения всех арестованных по делу стачки. Остальные рабочие фабрики (5000 человек) к стачке не примкнули и продолжали работать. Мною, через администрацию завода, было объявлено, что никакие домогательства об освобождении арестованных успеха иметь не будут и что, если забастовщики не станут на работу, к стачке их, как к стачке политического характера, будут применены строгие меры репрессии. На следующий день с утра работы на фабрике полностью возобновились в полном порядке и в полном же порядке протекают и сегодня. На фабрике Анонимного общества часть рабочих взяла расчет и перешла на другие фабрики, другая же часть сегодня заявила, что соглашается работать на новых, предложенных администрацией, условиях, и последняя вывесила объявление, что если утром в понедельник на фабрику явится достаточное для хода работ количество рабочих, то фабрика будет пущена в действие. Таким образом есть полное основание ожидать, что с понедельника 15 июня рабочая жизнь на всех фабриках г. Костромы войдет в нормальную колею.

Забастовка в типографиях длилась лишь один день и имела характер политического протеста против бывшей 5 июня стрельбы. Все принуждавшие к забастовке, в числе семи человек, арестованы, — скрылся лишь один рабочий Симановский,—причем выясняется, что они, повидимому, руководили забастовками на фабриках, и почти все состоя-

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 22.

ли в составе правления Костромского профессионального общества печатного производства, которое мною, по этому поводу, и закрыто. Дознание о них производится начальником жандармского управления Семигановским, дела же о принуждавших к забастовке на фабрике Зотова и о нападении на полицию с целью освобождения арестованных препровождены судебному следователю и будут переданы в военный суд.

Что касается, наконец, забастовочного движения в уездах, то пока забастовали лишь три фабрики: 9 июня фабрика Симоновой в селе Яковлевском, Нерехтского уезда, 10 июня — Кормилицына в с. Ильинском, Костромского уезда, и 11-го — Скорынина в Нерехтском уезде, предъявившие лишь экономические требования. Первая забастовка уже окончилась, а вторая близится к концу. Вообще, благодаря тому, что владельцы фабрик охотно идут навстречу требованиям рабочих, вызванным вздорожанием продуктов, можно думать, что серьезных осложнений с рабочим вопросом в ближайшем времени удастся избежать. Тем не менее все меры предосторожности приняты, и полицейская стража фабричных уездов усилена стражею из северной, нефабричной части губернии. Несколько более тревожное брожение наблюдается лишь в Середском районе, Нерехтского уезда и в части Кинешемского.

Губернатор Мякинин.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 16 июня 1915 г. № 317 [1]).

10 сего июня подмастерья 2-й смены бумаготкацкой фабрики Скорынина, в числе 21 человека, в 6 часов вечера прекратили работу и предъявили заведующему фабрикой Наумову словесное требование о прибавке 1¼% с комплектной выработки. Наумов сказал, что он доведет до сведения хозяина, от которого и будет зависеть прибавка, а до получения ответа просил подмастерьев стать на работу, но они отказались и спокойно разошлись. 11 июня подмастерья 1-й смены, тоже в количестве 21 человека, придя в 4 часа утра на фабрику и пробыв там без работы с час времени, вышли с фабрики и, дождавшись Наумова, предъявили то же самое требование, что и подмастерья 2-й смены, и разошлись по домам.

Ввиду невозможности продолжения работы без подмастерьев, Наумов предлагал более опытным ткачам заменить подмастерьев, но ткачи от этого отказались. Среди ткачей начался разговор, что как только подмастерья получат прибавку, то прекратят работу они. Подмастерья зарабатывают 23—25 рублей в месяц, а ткачи в среднем 8—10 рублей. Предъявленное требование подмастерьев исчисляется около 4 рублей в месяц. 11 июня рабочие 2-й смены, около 615 человек, в 7 часов вечера прекратили работы и, не предъявив никаких требований, разошлись по домам. 12 июня не вышла на работу и 1-я смена, и около 12 часов дня человек 300 из обеих смен пришли к фабричным воротам и попросили к себе Наумова, которому и заявили, что не приступят к работе, пока не будут удовлетворены предъявляемые ими требования: 1) прибавить 1 квартирный рубль к ранее получаемому рублю, 2) прибавить 20% на заработанный рубль, 3) прибавить 10 копеек за рабочий день и 4) при-

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 26.

нять всех уволенных ранее за забастовки. Наумов, объявивший в этот день о прибавке 1 рубля по случаю вздорожания жизни, ответил, что на эти требования хозяин не согласится, но рабочие просили его передать хозяину об их требованиях и заявили, что 17-го числа придут за ответом, работать же с прибавленным рублем не станут. Рабочие держатся спокойно.

Об изложенном доношу департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 27 июня 1915 г. № 340 [1]).

В дополнение к записке моей от 16 июня 1915 года, за № 317, докладываю департаменту полиции, что 17 сего июня рабочие фабрики Скорынина собрались на фабричном дворе для получения ответа на представленные ими требования и, узнав, что требования их удовлетворены быть не могут, заявили заведующему фабрикой Наумову, что на старых условиях они на работу пока не станут и вновь явятся за ответом и для переговоров 1 июля, и после этого спокойно разошлись по домам.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 5 июля 1915 г. № 360 [2]).

В дополнение записок моих от 16 и 27 июня сего года, за №№ 317 и 340, докладываю департаменту полиции, что 1-го сего июля рабочие фабрики Скорынина, в количестве около 600 человек, собрались к воротам фабрики и попросили хозяина для переговоров. Скорынин, выйдя к рабочим, объявил им, что он ввиду вздорожания жизни с 1-го сего июля сделает некоторую прибавку, а именно: подмастерьям 1¼% с комплектного выработка, ткачам 10% на заработанный рубль и по 1 рублю в месяц на каждого рабочего на все время войны.

Рабочие прибавкой остались довольны и 2-го июля с 4-х часов утра приступили к работе.

Полковник Семигановский.

Отношение костромского губернатора в департамент полиции от 22 декабря 1915 г. № 11211 [3]).

19 сего декабря на фабрике товарищества Большой Костромской льнопрядильной мануфактуры прекратили работы рабочие ткацко-брезентового отделения в количестве 58 человек и предъявили к администрации фабрики требование об увеличении заработной платы.

Администрация фабрики требование рабочих удовлетворила, сделав прибавку по 5 копеек на каждый выработанный кусок брезента. В 12 часов в тот же день рабочие помянутого отделения приступили к работам.

Об изложенном имею честь уведомить департамент полиции.

И. д. губернатора Хозиков.

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 29.
[2]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 32.
[3]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 56.

Постановление начальника Костромского губернского жандармского управления о Кагановиче, Масте и других от 27 июля 1915 г.[1]).

1915 г. июля 27 дня, в г. Костроме, я, начальник Костромского губернского жандармского управления полковник Семигановский, рассмотрев производившуюся при вверенном мне управлении в порядке положения о государственной охране переписку о Кагановиче, Масте и др., нашел:

1) С осени 1914 г. в управление поступали сведения, что возвратившийся в г. Кострому из административной ссылки Петр Каганович[2]), вошедший членом в существовавшее здесь «Профессиональное общество рабочих печатного дела», подбирает себе единомышленников и настаивает на более интенсивной деятельности этого общества в целях улучшения быта рабочих-печатников и урегулирования их отношения к хозяевам. Под его влиянием общество, утвержденное с 7 июня 1914 г. и не проявлявшее особой деятельности, начало с января 1915 года оживать, был выбран состав правления, которое и стало собираться, причем собрания происходили в квартире секретаря общества Герца Маста, уступившего для этой цели свою комнату. Уже в марте деятельность правления придала особую остроту в отношениях между рабочими-печатниками и хозяевами типографий, начались забастовки их на экономической почве, и правление всячески поддерживало забастовавших, причем здесь агентура отметила некоторое несогласие в самом составе правления. В то время как Каганович и Маст настаивали на необходимости возможно шире и интенсивнее поддерживать движение[3]) рабочих-печатников против хозяев, председатель правления Василий Смирнов, являвшийся в то же время одним из учредителей общества, указывал, что такая деятельность может вызвать репрессии, и общество будет закрыто, не выполнив своей цели — улучшить условия труда своих членов, почему он настаивал на строгом соблюдении утвержденного устава общества. Такое ограничение деятельности общества не понравилось многим из его членов, и некоторые из них даже вышли из его состава. Между прочими вышли Георгий Буриченков и Андрей Медведев, находя общество недостаточно активным.

Когда в мае и июне на текстильных фабриках г. Костромы начались экономические забастовки, то агентура, хотя и указывала на знакомство Кагановича с рабочими некоторых из этих фабрик, но какой-либо агитации его среди этих рабочих не отмечала.

2) 5 июня экономические забастовки на фабриках г. Костромы закончились тем, что рабочие фабрики Кашина, не удовлетворившись заявлением администрации фабрики, направились по другим фабрикам и начали снимать там рабочих с работ. Задержанные у фабрики Зотова полицейским нарядом, они стали нападать на наряд и вынудили полицию употребить в дело оружие, результатом чего были убитые и раненые.

На это обстоятельство на утро 6 июня все типографии в г. Костроме решили реагировать забастовкой в виде протеста, причем эту забастов-

---

[1]) ДП, VII, 1915 г., д. № 2043, л. 5.

[2]) Петр Кириллович Каганович — один из активных участников революции 1905 г. в Костроме, член исполнительной комиссии Костромского совета рабочих депутатов. В настоящее время член ВКП(б).

[3]) В подлиннике «уважение».

ку вызвали наиболее активные рабочие, перебегая из одной типографии в другую и требуя общего прекращения работ.

Вечером 6 июня в городе появились в незначительном количестве прокламации, отпечатанные типографским шрифтом и озаглавленные «К русскому солдату от русских женщин», с просьбой к солдатам от женщин-работниц защитить их от произвола администрации. Агентурные сведения указывали, что отпечатал эти прокламации в количестве около двух десятков типографским шрифтом, ручным способом рабочий типографии Чемоданова — Григорий Симановский, а текст составил Каганович [1]).

Затем 7 июня некоторые из рабочих-печатников были в числе лиц, требовавших от полиции выдачи тел убитых для погребения, и так как тела не были выданы, то в виде протеста на это в понедельник 8 июня типографские рабочие снова забастовали, причем в типографии Крылова, где рабочие работали в этот день, ворвавшаяся группа рабочих-печатников насильственно прекратила работы.

3) Ввиду изложенного были произведены обыски у 1) Петра Кагановича, 2) Герца Маста, 3) Григория Симановского, 4) Василия Смирнова, 5) Георгия Буриченкова, 6) Николая Магницкого, 7) Александра Федорова и 8) Андрея Медведева. Названные лица были арестованы, за исключением Симановского, который ко времени обыска куда-то скрылся, и о них начата переписка в порядке положения о государственной охране.

4) При производстве переписки было установлено, что обысками, произведенными у вышеуказанных лиц, не было отобрано материала, имеющего значение для переписки, за исключением книги протоколов занятий правления профессионального общества рабочих печатного производства, из осмотра которой видно, между прочим, что 30 марта 1915 года собралось экстренное собрание правления для разбора вопроса «о конфликте в типографии Азерского», причем по рассмотрении этого вопроса в протокол заседания было записано следующее: «Правление нашло, что содержатель типографии Азерский не имел права требовать от рабочих наборщиков-мелочников исполнять работу бойкотированную. Постановило: считать забастовку в типографии Азерского, вызванную им самим, правильной и взять на себя весь дальнейший ход забастовки».

О таковом решении правления взять на себя весь дальнейший ход забастовки, как выходящем из пределов устава общества, было сообщено от 17 июня за № 3497 [2]) г. костромскому губернатору на распоряжение.

16 июня был задержан и Григорий Симановский.

Кроме того, при наблюдении за Кагановичем, было установлено, что из рабочих текстильных фабрик г. Костромы его посещал наиболее часто ткач кашинской фабрики Алексей Прокофьев Мозжухин, приход которого к Кагановичу был отмечен и 6 июня, т. е. в день забастовки

[1]) Вопрос о том, кто являлся составителем прокламации, не выяснен, — во всяком случае, не П. Каганович, в чем сомневались даже полицейские. Так, 30 августа 1915 г. начальник Костромского губернского жандармского управления сообщил департаменту полиции: «Хотя по переписке и были получены указания, что эта прокламация составлялась Кагановичем, а воспроизводилась и распространялась Симановским, но указания эти были не настолько определенны, чтобы их можно было использовать для привлечения указанных лиц в качестве обвиняемых».

[2]) В деле не сохранилось.

типографий и распространения прокламаций «Русскому солдату от русской женщины», ввиду чего Мозжухин был обыскан и задержан 13 июля, с целью выяснения, не пользовался ли Каганович Мозжухиным как связью рабочих-печатников с рабочими фабрик.

По обыску у Мозжухина не было обнаружено материала, могущего иметь значение для дела, и при производстве переписки не было добыто каких-либо данных, указывавших на то, что Каганович влиял на рабочих фабрик вообще и через Мозжухина в частности, ввиду чего Мозжухин из-под стражи был освобожден 27 июля. Что касается до остальных вышеупомянутых лиц, задержанных как наиболее активных деятелей, вызвавших забастовку рабочих типографий и проявивших себя как подстрекателей и организаторов рабочей массы на беспорядки, то полицейским дознанием и перепиской по отношению к каждому из них, в частности, выяснилось следующее:

1) Каганович, Петр Кириллов, 27 лет, костромской мещанин. Из дел Костромского губернского жандармского управления видно, что, по результатам негласного наблюдения, в ночь с 27 на 28 декабря 1905 года у него был произведен обыск, причем по обыску обнаружено было: масса нелегальной литературы противоправительственного направления и переписок о личном составе членов исполнительной комиссии Костромского совета рабочих депутатов. Была возбуждена переписка в порядке положения о государственной охране, а затем приступлено к производству формального дознания.

Дознание это на основании предложения прокурора Костромского окружного суда от 20 декабря того же года, за № 1129 согласно 1035[26] и 1036 ст.ст. уг. суд., перешло на производство следствия судебного следователя по важнейшим делам. В 1906 году 16 июля, по сведениям агентуры, принимал участие на митинге в лесу за г. Костромой по поводу убийства рабочего Ивана Варакснна, с целью устройства демонстрации с флагами во время похорон рабочего 17 июля, а также собирал деньги на венок.

Из дел Московского губернского жандармского управления усматривается, что костромской мещанин Петр Кириллов Каганович в 1905 г. был обыскан в Костроме по делу Костромского совета рабочих депутатов и привлечен к формальному, в порядке 1035 ст. уст. угол. суд., дознанию, по обвинению в преступлении, предусмотренном 126 ст. угол. улож., но успел скрыться и был задержан в Москве 31 октября 1906 года. По рассмотрении дела Московской судебной палатой, в заседании от 27 марта 1907 года, Каганович был приговорен к заключению в крепости на один год. 17 июля 1908 года в г. Москве Каганович был вновь обыскан и арестован по принадлежности к местной подпольной социал-демократической организации, за что по постановлению г. министра внутренних дел он был выслан под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию на 3 года. В ночь на 10 марта 1912 г. Каганович был обыскан и арестован в г. Москве при ликвидации активных представителей и руководителей местной организации Российской социал-демократической рабочей партии. По рассмотрении произведенной по этому поводу переписки особым совещанием, образованным согласно ст. 34 положения о государственной охране, г. министр внутренних дел постановил: выслать Кагановича в Тобольскую губернию под гласный надзор полиции на 3 года, считая срок с 8 июня 1912 года.

Тобольский губернатор 27 июня 1914 года, за № 5576, уведомил, что Каганович, в силу высочайшего указа от 2 февраля 1913 года, за окончанием срока, освобожден от гласного надзора полиции и высылки, и что ему тобольским уездным исправником было выдано 18 июня 1914 года, за № 15, временное свидетельство сроком на 3 месяца.

По возвращении из ссылки обратно в г. Кострому Каганович поступил рабочим в типографию Риттера, вступил затем членом в «Профессиональное общество рабочих печатного производства» и, пользуясь своим влиянием и при поддержке своих единомышленников, старался поставить общество на путь активного противодействия существующему порядку вещей. 6 июня, подстрекнув рабочих типографии Риттера забастовать в виде протеста против событий 5 июня, пошел в типографию Гелина и, переговорив там со своим ближайшим единомышленником Мастом и Буриченковым, принудил бросить работу и в типографии Гелина, а затем и в остальных типографиях г. Костромы.

Повидимому, в тот же день, 6 июня, составил текст прокламации «Русскому солдату от русской женщины», которую и отпечатал Григорий Симановский.

2) Маст, Герцель Исааков, 19 лет, костромской мещанин. В 1912 году во время распространения в Костроме с.-д. газеты «Звезда» был замечен в числе лиц, причастных к этому распространению. 6 июня того же года у Маста был произведен обыск, которым было обнаружено пять брошюр, содержащих в себе отчеты первого, третьего и четвертого всемирных конгрессов сионистов. Маст был арестован, но дальнейшее расследование не дало результатов. Вскоре после освобождения из-под стражи Маст, бывший ранее рабочим-печатником в одной из типографий г. Костромы, уехал в Петроград, работал там в разных типографиях и в конце 1914 года вернулся снова в Кострому, поступил опять в типографию, вошел членом в «Профессиональное общество рабочих печатного производства», был избран секретарем его правления и, принимая непосредственное участие как в делах правления, так и в жизни всего общества, постоянно настаивал на наиболее активной деятельности общества в борьбе его членов рабочих-печатников с хозяевами типографий.

6 июня, установив согласие с другими руководителями, способствовал прекращению работ в типографиях в виде протеста против событий 5 июня, а 8 июня, желая поддержать солидарность в рабочих-печатниках, не остановился перед насильственными мерами и, ворвавшись в числе других в типографию Крылова, где рабочие продолжали работу, заставил их бросить ее и не допустил к телефону хозяина типографии, когда тот хотел подойти к нему, чтобы передать полиции о действиях ворвавшихся в его типографию.

3) Симановский, Григорий Алексеев, 24 лет, костромской мещанин. Из дел управления видно, что он в феврале месяце 1913 года вошел в сферу наблюдения, как имевший частные сношения с членом Костромской с.-д. организации Петром Васильевым Васильевым-Куделиным. Состоя членом правления общества рабочих печатного производства, принадлежал к группе рабочих, настаивавших на более активных действиях общества, а 6 июня принимал участие в создании забастовки печатников и затем набрал в типографии Чемоданова, где работал, текст прокламации «Русскому солдату от русской женщины», отпечатал ее затем ручным способом и принял меры к ее распространению.

4) Буриченков, Георгий Андреев, 21 года, крестьянин Курской губернии, Старо-оскольского уезда, Олуховской вол., слободы Вологды. Родившись и проживая в г. Владивостоке, работал там в типографиях и в 1912 г. привлекался за участие в незаконном сборище, а затем выехал из Владивостока, работал в Харбине и в 1914 году выехал в Европейскую Россию. Пробовал устроиться в Самаре, Казани, Нижнем-Новгороде и, наконец, прибыл в Кострому, где поступил в типографию Гелина, а затем, вступив членом в «Профессиональное общество рабочих печатного производства», являлся наиболее активным в требованиях расширения деятельности общества, выходящей из пределов устава.

6 июня, совместно с Кагановичем и Мастом, проявил наибольшую деятельность в призыве рабочих во всех типографиях бросить работу и забастовать в виде протеста против событий 5 июня.

5) Смирнов, Василий Александров, 38 лет, крестьянин Костромской губернии, Нерехтского уезда, Спасской волости, дер. Реутова, наборщик в типографии Чемоданова в г. Костроме.

Из дел управления видно, что 20 марта 1910 года были получены от начальника Ярославского губернского жандармского управления агентурные сведения, указывающие, что в центральной организации РСДРП в г. Костроме в числе других состоит наборщик Василий Смирнов. Наблюдение, установленное тогда за Смирновым, не дало результатов.

В 1914 г. он совместно с двумя другими лицами принял на себя работы по организации, а затем и по утверждению «Профессионального общества рабочих печатного производства» в г. Костроме, но, хотя общество и получило утверждение с июня 1914 года, оно не пользовалось особой популярностью среди рабочих-печатников до начала 1915 года, когда под влиянием Кагановича и Маста оно стало стараться расширить свою деятельность, выходя из пределов устава. Хотя в это время Смирнов, как председатель правления, и старался парализовать влияние наиболее активных членов, заботясь о сохранении общества, но 6 июня сам в типографии Чемоданова, где был рабочим, предложил остальным рабочим забастовать в виде протеста на события 5 июня, а 7 июня, явившись в числе других лиц к полицейскому участку, в крайне грубой форме требовал выдачи тел убитых 5 июня.

6) Медведев, Андрей Федоров, 38 лет, костромской мещанин. Из дел управления видно, что 1 мая 1906 г. Медведев вместе с другими рабочими в гор. Кинешме снимал с работ приказчиков и рабочих из магазинов, требуя от хозяев магазинов и лавок, чтобы они прекратили торговлю ввиду праздника 1 мая, за что был задержан и арестован. В 1912 г. 1 февраля Медведев обыскивался в числе других лиц, замеченных во вредном влиянии на рабочих, но обыск не дал результатов. Работая в гор. Костроме в типографии Гелина, вместе с Мастом и Буриченковым, 6 июня потребовал от остальных рабочих забастовать в виде протеста против событий 5 июня, а 8 июня, вместе с другими лицами, ворвался в типографию Крылова и содействовал в этот день насильственному снятию с работ рабочих этой типографии.

7) Федоров, Александр Васильев, 23 лет, крестьянин Костромской губернии, Шишкинской волости, дер. Калинки. Состоя рабочим типографии Азерского, входил в состав членов правления общества рабочих печатного производства и содействовал тому, что рабочие указанной

типографии забастовали 6 июня в виде протеста против событий 5 июня, а 8 июня вместе с другими принял участие в насильственном снятии с работ рабочих типографии Крылова.

8) Магницкий, Николай Федоров, 27 лет, мещанин г. Костромы. Состоя рабочим типографии Риттера, входил в состав членов правления общества рабочих печатного производства и 6 июня содействовал тому, что рабочие указанной типографии бросили работу в этот день и забастовали в виде протеста против событий 5 июня, а 8 июня вместе с другими ворвался в типографию Крылова и содействовал насильственному снятию с работ рабочих этой типографии.

Принимая во внимание, что перепиской устанавливается не только политическая неблагонадежность вышеуказанных 8 лиц, но и их выделяющееся из среды других рабочих-печатников г. Костромы положение, как организаторов и руководителей масс рабочих, п о с т а н о в и л: настоящую переписку препроводить г. костромскому губернатору с ходатайством о направлении ее в особое совещание при министерстве внутренних дел на предмет административной высылки Кагановича, Маста, Симановского, Смирнова, Федорова, Медведева, Магницкого и Буриченкова из пределов Костромской губернии на срок и в местности по усмотрению особого совещания и на предмет прекращения ее в отношении крестьянина Костромской губ., Нерехтского уезда, Сорохтской волости, деревни Василькова, Алексея Прокофьева Мозжухина.

Полковник С е м и г а н о в с к и й.

Из доклада начальника Костромского губернского жандармского управления товарищу министра внутренних дел Джунковскому от 27 октября 1915 г. № 633 [1]).

Наибольшим успехом в Костромской губернии пользуется учение социал-демократической партии, имеющее довольно значительное число своих последователей в среде фабричных рабочих. В наиболее крупных районах текстильных фабрик, как гг. Кострома и Кинешма и села: Родники, Середа, Яковлевское и Вичуга, наблюдаются социал-демократические группы рабочих, которые однако в настоящее время не имеют ни одного организационного устройства внутри этих групп, ни объединения их между собой. Обыкновенно в такую группу, с более или менее подпольным характером, выделяются наиболее развитые, «сознательные» [2]) рабочие, читающие в большинстве оппозиционные газеты, умеющие так или иначе, насколько это для них возможно, самостоятельно, т. е. без участия профессионалов или интеллигентных работников партии, которых в последнее время в пределах губернии не наблюдается,— разобраться в прочитанном и передать своими словами другим. Эти более или менее передовые рабочие могут заставить толпу слушать себя и являются до известной степени руководителями ее. За текущий год эти руководители не выходили из рамок экономической борьбы с фабрикантами, причем иногда общая масса рабочих свои требования поддерживала забастовкой. При этом нужно отметить, что с самого начала войны рабочая масса была настроена патриотично и не только не препятствовала делу войны, но, насколько могла, помогала ему. Та-

[1]) ДП, о. о., 1915 г., д. № 167, ч. 35, л. 4.
[2]) Кавычки подлинника.

кое положение дел в рабочей массе продолжалось до нашего галицийского и последующего отступления, когда, под влиянием военных неудач, стало замечаться недовольство войной и возмущение существующим порядком в государстве. В это время (11 июля сего года) социал-демократы в г. Иваново-Вознесенске Владимирской губернии организовали созыв социал-демократической конференции, выработавшей устав, который должен быть принят повсеместно в среде рабочих текстильного района, и вынесший следующую разолюцию: «Принимая во внимание текущие события, группа находит современное положение страны критическим. Желая выйти из такого положения и следуя принципам социал-демократии, группа должна принять самые энергичные меры для возбуждения масс, требовать прав народу при помощи экономической стачки. При неудовлетворении вести агитацию за вооруженное восстание с целью свержения современного правительства и придерживаться требований программы-минимум. Исследуя почву для предотвращения великих событий, группа пришла к заключению, что самостоятельно выполнить необходимое она не в силах, и задалась целью призыва к общим усилиям и к выработке плана общих действий, а сама должна учесть свои силы, заняться организационной работой, т. е. связать соседние организации во-едино и избрать областной комитет, который должен дать директивы всем организациям».

Одним из инициаторов этой конференции была высланная из Владимирской губернии в Кострому под гласный надзор полиции Вера Каравайкова (донесение мое в департамент полиции 1 июля сего года № 346) [1]), которой удалось организовать поездку на эту конференцию и четырем рабочим из Костромской губернии: Карасеву, Столбову, Лукину и Голубеву. Эти лица, возвратившись с конференции, пытались пропагандировать ее результаты и в среде местных рабочих, но были мной арестованы, о них возбуждена переписка, в настоящее время законченная и направленная в особое совещание.

Каравайкова также была арестована, о ней возбуждена и закончена переписка, и в настоящее время постановлением особого совещания она высылается под гласный надзор полиции в Иркутскую губернию на 2 года.

Успевшие обсудить и принять к своему руководству вышеуказанную резолюцию, представители с.-д. группы фабричного района с. Середы-Орехов — Тиранов, Юлов и Смирнов также были арестованы, о них возбуждена переписка, которая теперь заканчивается. Также был арестован в с. Родниках рабочий Кузьмичев, пытавшийся создать там «агитационный с.-д. кружок рабочих», о нем возбуждена и закончена переписка, и в настоящее время Кузьмичев постановлением особого совещания выслан из пределов Костромской губернии и фабричного района под гласный надзор полиции на 2 года.

Среди фабричных рабочих г. Костромы, в начале июня сего года, под влиянием разгрома в г. Москве, протекавшая обычным порядком экономическая забастовка на одной из фабрик пыталась вылиться в общее для всех рабочих города движение, что привело к употреблению против демонстрантов оружия со стороны полицейских стражников (донесение

[1]) Начальник Костромского губернского жандармского управления в донесении от 1 июля за № 346 ходатайствовал перед департаментом полиции о высылке Веры Каравайковой не в Кострому, ввиду ее агитационной деятельности среди рабочих, а в Костромской, не фабричный уезд.

мое командиру корпуса от 14 июня сего года за № 303) [1]). Этот инцидент задумали использовать с агитационной целью главари существующего в г. Костроме профессионального союза рабочих печатного дела, но в числе 9 человек были мной арестованы, о них возбуждена и закончена переписка, и в настоящее время постановлением особого совещания из числа арестованных Каганович высылается в Иркутскую губернию под гласный надзор полиции на 5 лет, Маст и Симановский высылаются из пределов Костромской губернии и фабричного района на 2 года, а об остальных переписка прекращена, за вменением им в наказание срока содержания под стражей.

Полковник Семигановский.

Рапорт вр. и. д. военного прокурора командующему войсками Московского военного округа от 7 ноября 1915 г. № 214 [2]).

Представляя при сем вашему высокопревосходительству заключение по следственному производству, изъятое в настоящее время согласно п. 1 ст. 17 и ст. 26 положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия главноначальствующим Костромской губернии из общей подсудности о крестьянах Иване Зайцеве, Александре Морозове и др., прошу в случае согласия с сим заключением приказать меня уведомить, приложив копию с приказа о предании обвиняемых Московскому военно-окружному суду [3]).

Закон: 553—557 ст. кн. XXIV с. в. п. 1869 года, изд. 4-е.

Приложение: заключение и следственное производство на 28 листах.

Вр. исп. д. военного прокурора генерал-майор Чивадзе.

---

[1]) В деле не сохранилось.

[2]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 941, л. 9.

[3]) Массовые аресты рабочих последовали вслед за событиями 5 июня. В качестве обвиняемых, как руководители выступления, были привлечены 15 человек: Иван Павлович Морев, 18 лет, Василий Васильевич Веселов, 18 лет, Василий Иванович Кокушкин, 20 лет, Иван Васильевич Копытцев, 19 лет, Иван Васильевич Костров, 18 лет, Михаил Васильевич Болотов, 19 лет, Иван Сергеевич Зайцев, 38 лет, Александр Павлович Морозов, 23 лет, Григорий Ефимович Нечаев, 25 лет, Василий Афанасьевич Шуйский, 22 лет, Михаил Сергеевич Кичин, 23 лет, Дмитрий Николаевич Шалунов, 23 лет, Алексей Дмитриевич Веселов, 24 лет, Феоктиста Васильевна Колчина, 20 лет, Дарья Ивановна Баранова, 26 лет. Девять месяцев тянулось расследование дела; один из рабочих, Алексей Дмитриевич Веселов, умер в тюрьме от туберкулеза легких. 27 февраля 1916 года приговором временного военного суда в Ярославле подсудимые были оправданы за недоказанностью обвинения.

К истории гвоздевщины

(*„Бюллетени" Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета*).

«Война вызвала глубокий кризис всего международного социализма. Как и всякий кризис, настоящий кризис социализма глубже и яснее вскрыл его внутренние противоречия, сорвал много фальшивых и условных покровов, показал в самой резкой и яркой форме, что сгнило и отжило в социализме и в чем залог дальнейшего развития и движения к победе».

(Ленин, Сочинения, 2-е изд., т. XVIII, стр. 150)

Изучая деятельность Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, нужно помнить, что источником идей русского социал-шовинизма являлись идеи русского буржуазного национал-либерализма. Его взгляды социал-шовинисты лишь приспособляли к рабочей аудитории, подделывая их под социализм. Поэтому для того, чтобы понять эволюцию русских социал-оппортунистов к социал-шовинизму, к гвоздевщине, нужно вникнуть в эволюцию в царской России левых буржуазных течений.

Как известно, к моменту войны партия кадетов вполне оформилась как партия крупного финансового капитала. Эта партия идеологов российского империализма состояла из крупной цензовой интеллигенции, промышленных и банковских деятелей, т. е. тех групп, которые уже входили в систему начавшего складываться в России финансового капитала. П. Н. Милюков являлся идеологом, вождем этой группы буржуазии. Его группа, составлявшая большинство кадетской партии, определяла ее физиономию и тактику, а вместе с тем делала политику российской буржуазии. К этому времени мелкобуржуазные попутчики кадетов — третий земский элемент, городские мелкобуржуазные слои и техническая интеллигенция примыкали к так называемым «левым кадетам» и «прогрессистам». Одним из лидеров этих элементов являлся крупный текстильный фабрикант А. И. Коновалов, которому некоторыми историками приписывается авторство опубликованной в «Красном архиве» записки «Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию» [1]).

Левая группа кадетов, по донесениям охранки, считала необходимым сближение буржуазии с мелкобуржуазными и рабочими массами, чтобы овладеть их движением и направить его в желанное для крупной буржуазии русло. Особенно активно начала она выступать после того, как официальное большинство кадетской партии, после сентябрьской забастовки, резко повернуло вправо, в сторону единения с правительством.

В этот момент разногласия обнаружились настолько остро, что охранка начала трубить о расколе. Соглашаясь с большинством кадетской партии в оценке момента,

[1]) См. «Красный архив», т. LVII, стр. 72—81.

считая, что революция неизбежна, левые предлагали в борьбе с правительством Горемыкина и Хвостова равнение не направо, а налево. «Нужно итти не с теми, кто явно бессилен, а с теми, кто представляет реальную силу». Вместо попытки «завоевать доверие бюрократии», вместо бесплодных попыток кое-что у нее выиграть и выторговать, Мандельштам предлагал ориентироваться на «доверие в широких демократических кругах общества».

«В своих политических расчетах, — говорил Мандельштам, — Милюков исходит из того, что̀ есть, между тем нужно исходить из того, что̀ неизбежно должно быть, что̀ неизбежно вытечет из справедливого народного гнева. После войны должна быть расплата, после войны так более оставаться не может, после войны должны будут уйти все те, кому народ на своем суде вынесет строгий приговор. Судьей будет именно весь народ, это будет именно не революция, а суд, строгий, справедливый суд. И кто видит неизбежность этого, кто видит, как все выше и выше поднимается волна народного гнева, для того ясно, какой курс должна принять кадетская партия. Ясно, что она должна блокироваться не направо, а налево, должна пойти рука об руку с демократическими партиями. Если мы этого не сделаем, события пойдут мимо нас, мы потеряем руководящую роль в них».

Мандельштам считал необходимым принять самое активное участие в организующихся всероссийском рабочем и всероссийском кооперативном союзах: «Если мы не можем занять в этих союзах решающие руководящие роли, то мы не можем позволить, чтобы они совершенно проходили мимо нас. И достигнуть этого мы можем, лишь идя навстречу требованиям демократии... Мы должны опираться на широкие народные массы» [1]).

На VI съезде конституционно-демократической партии (18—22 февраля 1916 г.) Мандельштама поддержал Шингарев. Благодаря настояниям Шингарева на съезде прошло предложение о необходимости большего сближения кадетов с другими демократическими партиями, т. е. с с.-д. меньшевиками и трудовиками, и как шаг в этом направлении съезд признал вполне приемлемыми «домогательства рабочих в военно-промышленных комитетах», а на IV общегородском съезде была принята политическая резолюция, предложенная Рабочей группой (гвоздевцами).

Милюковцы устами своих лидеров отмежевывались от «праздных болтунов», но они ничего не имели против того, чтобы их болтовней припугнуть правительство и сделать его более сговорчивым. Если «левые» мечтали оседлать революционные массы и использовать их в своих целях, то буржуазия, в свою очередь, старалась использовать мелко-буржуазных заложников в своей среде. Оставляя в своих рядах часть левых, мелкобуржуазных попутчиков, она с помощью их фрондировала, не компрометируя себя перед монархом и правительством. В случаях необходимости нажима на правительство она спускала с цепи Мандельштама или других «праздных болтунов», а сама стояла в стороне и только наблюдала, чтобы массы не вступили на путь этой «праздной болтовни». Здесь перед кадетами стояла та же задача, какая стояла, по словам Шульгина, перед «прогрессивным блоком» в Государственной думе: «нужно было недовольство масс подменить недовольством Госуд. думы».

Этому служили неоднократные выступления Рабочей группы с поддержкой программы прогрессивного блока, с требованиями созыва Государственной думы, с которыми, как мы видим из ниже печатаемых «Бюллетеней», группа выступала бесчисленное число раз как на заседаниях ЦВПК, так и в своих декларациях и обращениях к председателю Государственной думы и другим «высоким лицам». Потом все эти документы, размноженные на средства господ промышленников, бросались в рабочие массы с целью погасить их революционное недовольство, с целью посеять иллюзию, что «барин», т. е. Государственная дума, «поможет».

[1]) Б. Грав е. «Буржуазия накануне Февральской революции», Центрархив, 1927, стр. 66, 69, 71, 81, 83.

Яркой расшифровкой роли, отводившейся буржуазией рабочим массам, может служить речь Керенского, произнесенная им на совещании у Коновалова 20 ноября 1915 г. [1]). Керенский уже тогда блокировался с буржуазией и выступал в роли ее советчика. Он предлагал продемонстрировать народное недовольство не правительством, а действиями правительства — забастовками или иными какими-либо демонстративными эксцессами. Эти отдельные эксцессы «заставят одуматься зарвавшееся правительство, поэтому, с этой точки зрения, эти эксцессы необходимы». По мнению Керенского, нет основания «бояться того, что они, будучи начаты, не остановятся, когда нужно, и тем вызовут в стране общую разруху... в настоящее время народная масса достаточно дисциплинирована», так что он, Керенский, не боится вызвать «общую смуту». Керенского поддерживали Коновалов и другие, а Рабочая группа рада была стараться. Меньшевистско-эсеровской организованности масс осторожные буржуа не особенно доверяли, и собрание склонилось к точке зрения Милюкова, который доказывал, что буржуазия «сейчас бессильна, и потому все счеты с властью нужно отложить до окончания войны».

Милюкова поддерживал Гучков, который призывал городской съезд скорее объединиться и организоваться для борьбы с «анархией». «Не для революции, — говорил он, — мы призываем власть пойти на соглашение с требованиями общества, а именно для укрепления власти в целях защиты родины от революции и анархии». Боязнь революции в 1916 г. у буржуазии была настолько сильной, что она на экономический бойкот буржуазных организаций ответила не протестом, не борьбой, а челобитной и делегациями к правительству.

Она ползала на брюхе и, описав заслуги Земского и Городского союзов перед царем и родиной, молила гнев сменить на милость. «Левые» все же не унимались. В ряде бесед с московскими фабрикантами и промышленниками Коновалов, как доносило Московское охранное отделение, рисовал самыми мрачными красками настоящее положение страны. Коновалов предсказывал неизбежность революционного движения не только в городах, но и в деревне, где, по его мнению, имеются налицо «все признаки анархии». «На другой день после мира, — горячо доказывал Коновалов, — у нас начнется кровопролитная внутренняя война. И весь ужас этой войны будет в том, что она будет протекать стихийно и без плана, без какого бы то ни было центрального руководства. Это будет анархия, бунт, страшный взрыв исстрадавшихся масс».

Как видим, представитель промышленной буржуазии отчетливо сознавал неизбежность «превращения империалистической войны в гражданскую», чего никак не могли понять очень многие из социалистов, не говоря уже о Рабочей группе.

«При первых революционных взрывах, — говорил Коновалов, — правительство окончательно растеряется и бросит все русское общество на произвол судьбы, вот почему все, кто сознает неизбежность того, что ждет нас после войны, теперь должны подумать о самозащите, об ослаблении грозных последствий анархии. Спасение в одном: в организации себя, с одной стороны, и в организации рабочих, с другой». Последней Коновалов придавал исключительное значение. В приручении рабочих масс через оппортунистов он видел возможность спасения всего буржуазного строя. «Если мы будем смотреть, — говорил он, — на организацию рабочих враждебно, мешать им, то мы лишь будем содействовать собственной гибели. Объявляя в такой момент рабочим войну, мы рискуем превратить всю русскую промышленность в развалины». «На правительство, — говорил он, — надеяться нечего, мы окажемся лицом к лицу с рабочими, и тут совершенно бесспорны их силы и наше бессилие». «Не лучше ли, — убеждал он своих коллег, — в таком случае путь соглашения, путь трезвых уступок как с одной стороны, так и с другой стороны?»

---

[1]) В. Граве, «К истории классовой борьбы в России», 1926, стр. 305.

Коновалов особое значение придавал созданию примирительных камер. «Фабриканты и заводчики, — говорил он, — боящиеся примирительных камер, сами не сознают той ужасной опасности, пред которой они встанут после войны. И правительство и многие фабриканты и заводчики относятся отрицательно к рабочим группам при военно-промышленных комитетах, но кто ясно себе представляет, что должно наступить на другой день после войны, тот поймет, какое безумие вооружать против себя и разгонять эти группы. В момент анархии они могут слишком и слишком пригодиться».

Исходя из этих соображений «самозащиты» буржуазии от революции, Второй съезд военно-промышленных комитетов, состоявшийся в Москве в феврале 1916 г., принял постановление о целом ряде мер, которые должны были обеспечить буржуазии более или менее нормальное сожительство с рабочей аристократией. Съездом было принято постановление об организации примирительных камер в законодательном порядке. Мера эта признавалась настолько спешной, что «ввиду медленности законодательного пути» съезд признавал желательным «учреждение временных примирительных камер властью Особых совещаний по обороне государства», а впредь до осуществления этих мер было решено организовать примирительную камеру при Центральном военно-промышленном комитете.

Этот же съезд принял и ряд других постановлений по урегулированию условий труда в мобилизованной промышленности. Вряд ли нужно говорить о том, какие цели преследовала буржуазия, проводя эти реформы. Она сама это ясно указала в постановлении об организации института старост на фабриках: она надеялась, что институт старост явится тем примиряющим органом, который «поможет рабочим и предпринимателям найти общий язык, чтобы в пользу обеих сторон сговориться по поводу волнующих вопросов». Последнее соображение заставило ЦВПК циркуляром от 7 апреля 1916 г. настойчиво рекомендовать местным комитетам скорейшее проведение в жизнь этой меры. В этих же целях было принято и постановление о созыве всероссийского рабочего съезда, за проведение в жизнь которого с необыкновенным усердием взялась Рабочая группа при ЦВПК под руководством московского промышленника А. И. Коновалова.

Публикуемые ниже «Бюллетени» Рабочей группы при ЦВПК дают в желательном ей духе освещение ее деятельности, но, каково бы ни было желание составителей «Бюллетеней», факты — упрямая вещь, от них никуда не уйдешь, и таких фактов в «Бюллетенях» много. Как бы составители ни скрывали свою предательскую работу, от суда истории им не уйти, и лучшая против них улика это — их собственные документы.

Рабочая группа хотела представлять рабочий класс, говорить от его имени. Она вынуждена была обман революционных рабочих, свое предательство маскировать революционными жестами и марксистской фразеологией. Но не только марксисту-историку, но и рядовому читателю нетрудно рассмотреть, где слова лицемерия и где настоящие дела, полные черного предательства.

«Бюллетени» освещают работу Рабочей группы за весь период ее существования; все важнейшие моменты деятельности группы нашли в них отражение. Поэтому они вместе с опубликованной нами справкой «Деятельность Рабочей группы ЦВКП» дают богатый материал для изучения гвоздевщины [1]).

Информируя рабочие массы о своей деятельности, Рабочая группа старалась показать значительность своих достижений в защите рабочих интересов. «Бюллетени» отмечают частые обращения рабочих в Рабочую группу с жалобами, «что заставило группу, — читаем мы в «Бюллетене», — поставить в центре своей деятельности охрану интересов труда». Правда, редакции «Бюллетеней» приходится признаться.

---

[1]) «Красный архив», т. LVII, стр. 48 — 72.

что «группа в этом направлении мало что могла сделать». Группа вместе с промышленниками дружно выступала против милитаризации промышленности, и неугодный промышленникам законопроект был провален, но это, как известно, нисколько не помешало милитаризации рабочих. В «Бюллетенях» много места уделено подготовке рабочего съезда и вообще разработке программы либеральной рабочей политики. Все то, что рабочий класс России давно отверг (институт старост и примирительные камеры), Рабочая группа ставила в порядок дня и всячески старалась посеять хотя бы некоторые иллюзии насчет целесообразности введения этих учреждений. Как известно, из всего этого ничего не вышло. Правительство, еще в 1913 г. вносившее соответствующий законопроект, признало сейчас эти мероприятия «несвоевременными», фабриканты и заводчики с ними согласились, а рабочие массы, руководимые большевиками, расценили эти усилия Рабочей группы как предательство их интересов, как желание потушить революционный пожар недовольства путем направления его в рамки легальной борьбы. «Бюллетени» из номера в номер дают довольно полную картину лихорадочной деятельности Рабочей группы в этом направлении.

Рабочая группа все время бралась за решение важнейших вопросов рабочей политики, но это усердие пришлось не по вкусу даже меньшевикам-интернационалистам, которые в специально выпущенной листовке заявили, что они, т. е. Рабочая группа, «кощунственно прикрывают именем широких масс свою антирабочую политику». «Бюллетени» пытаются показать связь Рабочей группы с массами, но о том, что̀ давала эта связь рабочим массам, можно судить по роли группы в стачечном движении и вообще в конфликтах труда с капиталом. Во всех таких случаях представители Рабочей группы были не на стороне рабочих. Яркой иллюстрацией сказанного могут служить действия и речь члена Рабочей группы ЦВПК В. М. Абросимова на заводе «Наваль» (г. Николаев). Этой речи нет в «Бюллетенях», но она помещена в коноваловском отчете о работе Рабочей группы, настолько по вкусу она пришлась хозяину [1]).

Характерно, что как это, так и другие примирительные выступления Рабочей группы не способствовали улажению конфликтов, а на заводе «Наваль», с 15 000 рабочих, продолжалась стачка, несмотря на всю жестокость примененных полицейских мер (аресты и массовые отправки рабочих на фронт).

Особенно позорную роль сыграла Рабочая группа ЦВПК в октябрьские дни 1916 г., когда забастовочное движение вылилось в уличные выступления, приведшие на Выборгской стороне к столкновению с полицией. Рабочих поддержали солдаты 181 зап. пех. полка, разогнавшие полицию, что̀ вызвало панику властей. В этот исключительно ответственный момент Рабочая группа ЦВПК, выполняя социальный заказ буржуазии, выступила в своей предательской роли гасителя революционной активности масс (см. «Бюллетень» № 5).

За все время своей деятельности Рабочая группа выпустила пять номеров «Бюллетеней». Печатались они на ротаторе в количестве 100 экземпляров для рассылки на места. Первые два номера вышли за подписью: «Члены Рабочей группы: В. М. Абросимов, Е. А. Анатовский, В. М. Божевольников, Г. Е. Брейдо, Н. В. Васильев, К. А. Гвоздев, Е. А. Гудков, И. И. Емельянов, А. А. Ершов, А. Б. Качалов, Г. К. Комаров, Е. А. Кузьмин, А. И. Остапенко, Я. С. Шилин, Н. Я. Яковлев, Ф. Я. Яковлев». Третий номер распоряжением Бюро ЦВПК был задержан и не получил распространения. Нужно полагать, что помещенная в этом номере переписка с Гучковым и освещение положения рабочих групп явилось этому причиной. Повидимому, «организаторы рабочего класса» признали вредным распространять «праздную болтовню» Гвоздева в условиях высокой накаленности политической атмосферы. Прекрасную оценку этой болтовни дал В. И. Ленин в 1915 г. в статье «Прикрытие

1) «Красный архив», т. LVII, стр. 52.

социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами», где, говоря о питерской газете «Рабочее утро», в которой «сидят главари ликвидаторства и социал-шовинизма вкупе с доносчиком г. Гвоздевым», он писал: «Рабочее утро» наряжается, прикрашивается, румянится, прихорашивается, делает глазки, ни перед чем не останавливаясь!.. Гвоздевцы «готовы подписать... какую угодно резолюцию об империалистической сущности войны... лишь бы [им] не мешали звать рабочих к участию в военно-промышленных комитетах, т. е. к фактическому участию в грабительской, реакционной («оборонительной») войне. Только это есть дело, все остальное — слова. Только в этом суть, все остальное фразы. Только это нужно полиции, царской монархии, Хвостову и буржуазии» [1]).

Четвертый номер «Бюллетеня» вышел под строгой цензурой Бюро ЦВПК. Что же касается пятого, то он был размножен на машинке вне стен ЦВПК, так как размножение и распространение его было зам. председателя Бюро ЦВПК А. И. Коноваловым запрещено.

Максимально использовав Рабочую группу в борьбе с рабочим движением и щадя ее для дальнейшего, Коновалов не мог допустить выпуск «Бюллетеня», содержание которого угрожало окончательным подрывом всякого авторитета Рабочей группы у рабочих масс. В этом отношении Коновалов был умнее компании гвоздевцев.

Для понимания трений и недоразумений, которые имели место во взаимоотношениях группы и Бюро ЦВПК, нужно указать, что проистекали они, с одной стороны, из желания оказать давление на неустойчивые элементы группы и, с другой, из боязни возможных тактических ошибок угоднических элементов. Поэтому не следует принимать всерьез эти маленькие недоразумения: в общем и целом и хозяева и подручные были весьма друг другом довольны, — все эти маленькие стычки больше служили для отвода глаз и не отражались на дружбе «представителей труда» и капитала.

Будь иначе, и у Коновалова, да и у всего прогрессивного блока, не нашлось бы таких ярких слов, и стены Таврического дворца не услышали бы таких дифирамбов Рабочей группе, какие имело место 17 февраля 1917 г. при обсуждении запроса по поводу ее ареста: «Я свидетельствую пред Госуд. думой, — говорил Коновалов, — что члены Рабочей группы выполняли лежащий на них долг в полном напряжении своих сил, с полным сознанием громадной ответственности и важности лежащих на них задач, с горячей преданностью делу национальной обороны, что было бы немыслимо, если бы в них действительно не горело пламя истинного патриотизма. (Караулов: «Совершенно верно». Голоса слева: «Правильно».) Я свидетельствую перед Госуд. думой, что представители Рабочей группы ЦВПК — не подпольные агитаторы, ставящие своей задачей сеять раздор и смуту... Представители рабочих в ЦВПК все свои силы отдавали делу национальной обороны, и, я уверен, нет таких жертв, которые бы не были ими принесены для счастья родины, нет предела тех усилий, которые они готовы были осуществить ради защиты чести, достоинства страны. (Рукоплескания слева)» [2]).

Как же за такие качества не любить и не превозносить их до небес? Если же это так, если у Рабочей группы имелись все эти качества, а этого она и сама не пробовала отрицать, то и Рабочая группа неизбежно должна была столь же горячо преклоняться перед патриотизмом и «самопожертвованием» русских промышленников. Ее «борьба», ее фразы и заботы об интересах рабочих масс — это лишь попытка скрыть действительное положение вещей. К таким господам обращался В. И. Ленин, когда писал: «Поменьше бы фраз о революции, господа, побольше ясности, прямоты

[1]) В. И. Ленин, Соч., 1 изд., т. XIII, стр. 217, 218, 219.
[2]) Стенограф. отчет Госуд. думы IV созыва, сессия 5, засед. 21, стр. 1518.

и честности в деловой политике сегодняшнего дня». Всего этого, как известно, «Рабочей группе» как раз и нехватало.

Подлинники №№ 1, 2, 4 и 5 «Бюллетеня» хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции (фонд № 3144, д. № 15). Публикуем их полностью, без сокращений. № 3 «Бюллетеня» воспроизводим по копии, доставленной осведомителем Петроградскому охранному отделению (Архив революции, особый отдел, 1916 г., дело № 346). № 4 представляет собой экземпляр, приобщенный к протоколу обыска и ареста Рабочей группы.

Ив. Меницкий.

Бюллетень № 1.

Посылая своих представителей в Центральный военно-промышленный комитет, выборщики от петроградских рабочих вручили им для руководства три политические резолюции и кроме того особый наказ.

Организация Рабочей группы.

Согласно этому последнему рабочие представители в Центральном военно-промышленном комитете должны образовать самостоятельную Рабочую группу. На заседаниях 1 и 2 декабря 1915 г. представители от рабочих в Центральном военно-промышленном комитете сорганизовались в независимую Рабочую группу, с особым бюро (из 5 человек) во главе, ответственную перед коллегией рабочих выборщиков.

Группа поэтому постановила отказаться от поста товарища председателя Центрального военно-промышленного комитета, предложенного представителю ее, постановив участвовать в органах Центрального военно-промышленного комитета и некоторых его отделов только в качестве делегатов Рабочей группы.

Самостоятельность Рабочей группы уже признана Центральным военно-промышленным комитетом, утвердившим выработанную ею инструкцию. По § 1 этой инструкции, «представители рабочих (п. 9, ст. 5 наказа) образуют в составе Центрального военно-промышленного комитета самостоятельную группу»; § 2 говорит о том, что «задачей группы является участие в работах Центрального военно-промышленного комитета и его отделов в целях отстаивания наших взглядов на стоящие перед страной задачи и охраны интересов труда».

Центральный военно-промышленный комитет ограничил самостоятельность Рабочей группы только одним постановлением, правда, весьма существенным: он лишил ее собственной канцелярии, включив ее в состав общей канцелярии, а это равносильно установлению над группою самого строгого контроля и надзора. Объективности ради приходится признать, что на практике это ограничение не дает себя пока чувствовать.

Выступления Рабочей группы общего характера.

Согласно наказа Рабочая группа должна была довести до сведения Центрального военно-промышленного комитета, как смотрят рабочие Петрограда на современное положение страны и условия ее спасения. Группа это сделала в первом же общем заседании Военно-промышленного комитета 3 декабря 1915 г. На этом собрании она огласила декларацию, выясняющую отношение рабочих к вопросам, стоящим перед

страной. Содержание этой декларации приведено в № 15 газеты «Наш голос».

В дальнейшем Рабочая группа имела возможность несколько конкретизировать свое отношение к общим вопросам, стоящим перед страной. В заседании Центрального военно-промышленного комитета 21 декабря были заслушаны отчеты местных и областных военно-промышленных комитетов, давшие очень яркую картину положения вещей в стране. Рабочая группа по этому поводу указала, что нельзя пройти мимо вскрытой картины разрухи и что нужно искать выхода из положения, первым шагом по этому пути может стать созыв Государственной думы.

Это предложение (вначале не обратившее на себя внимания собрания) было внесено во второй раз в том же заседании после доклада отдела по топливу, из которого выяснилась возможность приостановки деятельности заводов вследствие недостатка топлива. Рабочая группа доказывала, что спасение страны требует серьезных общественно-политических мероприятий и что без них невозможно решение даже чисто технических задач. Рабочие мотивировали свое предложение необходимостью сказать правду стране. Дума же является почти единственным органом общественности и ее трибуна единственным местом, где можно говорить с народом.

На заседании Центрального военно-промышленного комитета 14 января 1916 г. Рабочая группа имела снова возможность повторить свою аргументацию в пользу необходимости серьезных социально-политических мероприятий во имя спасения страны и снова по вопросу о недостатке топлива. Между прочим при обсуждении этого вопроса Рабочая группа указала на необходимость уплаты заработка рабочим тех предприятий, которые приостановили свою деятельность вследствие недостатка топлива и сырья. Мотивируя свое предложение, группа указала, что так как создавшееся положение вызвано деятельностью государственных властей, то и ответственность за него должно нести государство.

Центральный военно-промышленный комитет единогласно принял предложение Рабочей группы.

Продовольственный вопрос.

Почти с первых же дней деятельности Рабочей группы перед нею встал злободневный продовольственный вопрос. Центральный военно-промышленный комитет поставил его как вопрос о содействии рабочим кооперативам со стороны Центрального военно-промышленного комитета.

В заседании продовольственного отдела Центрального военно-промышленного комитета Рабочая группа внесла доклад о содействии кооперации. Указав, что корни современного продовольственного кризиса кроются и в мировом капиталистическом хозяйстве и в специально политических условиях страны, подчеркнув, что в кооперативах группа ценит по преимуществу их организующую роль, доклад наметил формы содействия кооперации со стороны Центрального военно-промышленного комитета. Основные положения доклада Рабочей группы приняты продовольственным отделом, который постановил: 1) признать, что единственно правильная форма содействия рабочим есть содействие

организованным рабочим; ввиду резкой критики со стороны Рабочей группы деятельности Общества фабрикантов и заводчиков постановлено, 2) созвать совещание из представителей Общества фабрикантов и заводчиков и рабочих для обсуждения вопроса о желательных формах содействия рабочим кооперативам; 3) продовольственный отдел признал необходимым содействие Центрального военно-промышленного комитета рабочим потребительским обществам как в форме товарного кредита через специально организованную при Обществе оптовых закупок секцию рабочих кооперативов, так и в форме денежного кредита; и 4) постановил, что Центральный военно-промышленный комитет должен взять на себя содействие организациям и лицам, пропагандирующим кооперацию среди рабочих.

19 декабря делегация Рабочей группы в составе К. А. Гвоздева, Г. Е. Брейдо и В. М. Абросимова посетила городского голову, сообщила ему о положении продовольственного дела на окраинах и обратилась к городской думе со следующими предложениями: 1) довести до сведения населения об истинном положении вещей, 2) принять энергичные меры к удовлетворению продовольственных нужд населения Петрограда, 3) содействовать широкому развитию муниципального производства и распределения, равно как и кооперации, 4) привлечь к участию в ближайшем заседании городской думы Рабочую группу для совместного обсуждения положения продовольственного вопроса на окраинах, 5) привлечь рабочих и демократию к участию в городских продовольственных комиссиях, 6) поставить как очередную задачу реорганизацию самоуправления на демократических началах.

В заседании 21 декабря Центрального военно-промышленного комитета, в виду чрезвычайно тревожных настроений в рабочих кварталах, Рабочая группа внесла срочное заявление, указав в нем, что главнейшей причиной кризиса являются господствующие условия в стране и что только демократизация и общественная самодеятельность могут ослабить бедствия населения. Рабочая группа предложила следующие очередные мероприятия: 1) продовольственное дело в стране должно быть передано в руки общественных организаций, 2) всем слоям общества должна быть предоставлена полная свобода самодеятельности и организации в области борьбы с продовольственным бедствием и 3) ввиду угрожающего положения в Петрограде необходимо спешно передать заведывание продовольственным делом в столице независимому уполномоченному органу, составленному из представителей общественных организаций.

В ответ на это заявление А. И. Гучков заявил, что вопросы о реформах выходят из компетенции Центрального комитета и могут быть поставлены только на съезде. Что же касается вопроса о снабжении Петрограда продовольствием, то Центральный комитет постановил передать его на предварительное рассмотрение в продовольственный отдел.

Рабочий вопрос.

С первых же дней существования Рабочей группы к ней стали обращаться по самым разнообразным поводам не только из Петрограда, но и из различных концов страны. Так, рабочие завода «Динамо» предлагают группе вмешаться в разрешение конфликта, назревающего вследствие стремления заводской администрации понизить заработок,

рабочие Галерного островка обращаются к группе с просьбой ликвидировать конфликт, уже приведший к приостановке работ. С различных концов города поступают запросы, как быть рабочим, лишившимся заработка вследствие недостатка сырья и топлива (Путиловский, Александро-Невский заводы), вследствие выключения предприятий из электрической сети (Богданов, Лаферм и др.). Не может ли группа помочь в получении военного пособия, трехкопеечной надбавки и проч.— спрашивают рабочие Риги и Харькова, Петрограда и Москвы, покрывая свои запросы сотнями подписей. Непрерывно в группу поступают сообщения о затруднениях при переходе военнообязанных из предприятия в предприятие, о борьбе предпринимателей с рабочими путем давления на военнообязанных, как то было у Нобеля, на Вагоностроительном, Адмиралтейском, у Промета и многих других заводах. Все это поставило перед Рабочей группой во всей сложности вопросы рабочей жизни в обстановке войны.

Исходя из общего положения рабочих во время войны, считаясь с отсутствием у них организации и полагая в то же время, что обычные средства борьбы русских рабочих в условиях военного времени становятся недействительными, учитывая, с другой стороны, все растущую дороговизну жизни, которая делает неизбежным стремление рабочих улучшить свое положение, группа поставила в центре своей деятельности охрану интересов труда.

На очереди в Рабочей группе стоит вопрос о заработной плате, причем она полагает разработать его в двух направлениях: во-первых, в направлении установления минимума заработной платы, и, во-вторых, создания учреждений, регулирующих ее, в зависимости от непрерывно меняющихся экономических условий.

В качестве первого шага, который должен дать группе материалы по вопросу, решено организовать анкету об условиях труда рабочих. В настоящее время разработаны три опросных бланка: 1) личный опросный лист о заработной плате и рабочем времени, 2) такой же опросный листок по мастерским и 3) квартирный опросный бланк. Эти проекты уже внесены в Центральный военно-промышленный комитет.

В тесной связи с указанными вопросами находится проект организации при Центральном военно-промышленном комитете временной примирительной камеры, цель которой содействовать рабочим и предпринимателям в разрешении ими путем обоюдного соглашения назревающих или уже возникших конфликтов. Рабочая группа считает необходимым немедленное создание такой камеры соглашения, которая может в некоторых случаях облегчить разрешение конфликтов благоприятно для рабочих. Она полагает, что камера окажет услуги рабочим в том только случае, если у предпринимателей, как и у рабочих, будет желание обращаться к ней и считаться с ней.

Рабочая группа полагает, что предпринимателей в примирительной камере может представлять Общество фабрикантов и заводчиков, временное же представительство в ней рабочих Петрограда она берет на себя. Считая необходимым немедленное открытие действий такой камеры, Рабочая группа предлагает Центральному военно-промышленному комитету организовать ее теперь же, не ожидая издания соответствующих законов.

Проект примирительной камеры обсуждался уже в заседании Бюро Центрального военно-промышленного комитета и в ближайшее время будет передан на его пленарное заседание.

В связи с приостановлением деятельности предприятий вследствие недостатка сырья или топлива Центральный военно-промышленный комитет, по предложению Рабочей группы, вынес постановление о необходимости оплаты рабочим их заработка. Центральный военно-промышленный комитет перенес затем этот вопрос на обсуждение Особого совещания по обороне, которое в принципе согласилось с предложением Центрального военно-промышленного комитета и уже разработало «Проект временных, по случаю войны, правил платы рабочим в промышленных предприятиях за время перерыва в их работах вследствие задержки доставки топлива или материалов». § 1 этих правил гласит, что они «распространяются лишь на промышленные предприятия, имеющие настолько важное значение для обороны государства, что в них будет признано необходимым сохранить наличный состав рабочих все время приостановки работ предприятия вследствие недоставки топлива и материалов не по вине рабочих или заводоуправления».

По § 2 каждый рабочий подобного предприятия, лишенный вследствие остановки по указанным причинам всего завода или целой мастерской возможности работать на заводе, получает за время перерыва работы поденное вознаграждение в размере $^2/_3$ среднего его дневного заработка, не менее суточной цеховой платы.

§ 5, сводящий эти правила на-нет, указывает, что, «если предвидится продолжительный перерыв работы на заводе, то, по распоряжению местного уполномоченного Особого совещания по обороне государства, часть или все рабочие завода могут быть рассчитаны с предупреждением их о том, на общем основании, за две недели».

Наконец, § 9 этих правил возлагает оплату потерянного по указанным причинам рабочего времени в равных долях на государство и предпринимателей.

Рабочая группа представила в своем заключении серьезные против этого проекта возражения. Прежде всего она предложила распространить эти правила на всех рабочих, независимо от того, работают они на оборону или нет. Во-вторых, Рабочая группа настаивала на полной оплате труда рабочих, высчитанной на основании среднего заработка рабочих за три последних месяца. В-третьих, в том случае, когда предвидится продолжительный перерыв в работе, Рабочая группа предложила уплачивать рабочим за полный месяц и гарантировать военнообязанным право перехода на другие предприятия. К этому сводятся главные поправки Рабочей группы.

Промышленники предложили, между прочим, оплачивать рабочих в ½ размере среднего заработка их. Но это предложение не прошло на заседании Бюро Центрального военно-промышленного комитета. Последнее, обсудив проект, постановило обратиться в Особое совещание по обороне с предложением созвать для окончательной разработки вопроса специальную комиссию из представителей Особого совещания, Центрального военно-промышленного комитета, предпринимателей и рабочих.

Ссылаясь на военное положение, рабочий отдел Центрального военно-промышленного комитета поставил вопрос о недостатке квалифицированных рабочих и о необходимости ввоза 100 000 японцев.

Полагая, что недостаток рабочих является лишь новой иллюстрацией общего социально-политического положения страны, что недостаток рабочих есть, вероятнее всего, результат неорганизованности рабочего рынка и многих других условий русской действительности, Рабочая группа считает, что для урегулирования этого вопроса нужны радикальные реформы, между прочим, отмена всяких исключительных норм и положений, амнистия, создание профессиональных союзов, организация бирж труда, улучшение положения рабочего класса, в частности повышение заработной платы, и пр. Отсюда Рабочая группа делает вывод: ввоз 100 000 рабочих есть попытка искусственно ухудшить положение рабочих, и поэтому Рабочая группа высказывается против ввоза 100 000 рабочих японцев. Вместе с тем Рабочая группа считает необходимым указать, что она, конечно, ничего не имеет и не может иметь против въезда желтых рабочих в Россию. По отношению к желтым рабочим она ставит следующие требования: 1) недопущение ввоза в Россию законтрактованных рабочих, 2) пересмотр контрактов, уже заключенных с желтыми рабочими, 3) желтые рабочие должны быть поставлены в такие же условия труда, как и все остальные рабочие, 4) распространение на них фабричного и страхового законодательства.

В тесной связи с вопросом о недостатке рабочих находится вопрос об искусственном уменьшении числа квалифицированных рабочих путем отправки их в окопы за участие в стачках и др.

Эта последняя мера находит себе все большее применение. При всяких конфликтах предпринимателей с рабочими она пускается в ход, как последнее слово экономической политики. Поэтому Рабочая группа решила самым энергичным образом протестовать против этой политики и настаивать на свободном переходе рабочих из предприятия в предприятие, с механическим зачислением их на учет.

Что касается организации рабочего рынка, то Рабочая группа следующим образом определяет свою позицию. Она стоит за повсеместную организацию в России бирж труда, построенных на началах равного представительства в них рабочих и предпринимателей (паритет) и невмешательства в экономическую борьбу тех и других (нейтральность). 20 декабря Рабочая группа отправила докладную записку в городскую биржу труда, в которой, выяснив свою точку зрения и указав на необходимость бороться с бюро спроса и предложения, организованными при военно-промышленных комитетах и являющимися замаскированными предпринимательскими биржами труда, предлагает городской бирже труда сделать первый шаг по пути создания биржи на началах паритета и нейтральности—привлечь рабочих в городскую биржу труда. В качестве временного представительства группа предложила пригласить в комитет биржи труда представителей Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета с тем, чтобы при первой возможности представители от рабочих в комитет биржи были избраны выборщиками в военно-промышленный комитет.

Комитет городской петроградской биржи труда, впредь до реорганизации биржи на началах паритета, пригласил в свой состав членов Рабочей группы, и в настоящее время шесть представителей ее временно входят в состав комитета биржи труда.

Организационные вопросы.

В своей декларации, оглашенной 3 декабря 1915 г. в заседании Центрального военно-промышленного комитета, группа поставила на очередь два вопроса: 1) созыв рабочего съезда и 2) общение с избирателями.

Эти вопросы были перенесены на собрание Центрального военно-промышленного комитета от 21 декабря 1915 г. Рабочая группа внесла два предложения: по вопросу о созыве всероссийского съезда группа предложила следующую резолюцию: «Выслушав сообщение Бюро, Центральный военно-промышленный комитет признает необходимым созыв всероссийского съезда для: 1) выяснения отношения рабочих к военно-промышленным комитетам и задачам, стоящим перед ними, и 2) избрания представителей от рабочих всей России в Центральный военно-промышленный комитет ввиду того, что рабочие Петрограда считают себя в Центральном военно-промышленном комитете представителями временными.

Дело подготовки организации рабочего съезда Центральный военно-промышленный комитет считает необходимым передать Рабочей группе Центрального военно-промышленного комитета, оказывая ей в этой работе всемерное содействие».

Другое предложение Рабочей группы относится к необходимости установления организованного общения членов Центрального военно-промышленного комитета—представителей от рабочих со своими избирателями. В заседании Центрального военно-промышленного комитета от 21 декабря Рабочая группа предложила Центральному комитету высказаться за необходимость: 1) рабочих собраний по заводам для выслушания отчетов своих выборных и 2) собраний выборщиков от рабочих в Центральный военно-промышленный комитет.

Кроме того группа предложила Центральному военно-промышленному комитету признать, что как собрания рабочих по заводам, так и собрания выборщиков должны происходить в отсутствии чинов полиции и Центральный военно-промышленный комитет должен оказывать группе энергичное содействие в устройстве таких собраний. Центральный военно-промышленный комитет по этим вопросам принципиально высказался в желательном группе духе и от своего имени возбудил перед властями соответствующее ходатайство.

Вопрос о рабочем съезде ставится группой как вопрос об единственном органе, который может собрать разрозненные силы рабочих и выяснить их отношение к основным вопросам русской жизни.

Для созыва рабочего съезда предпринято еще немного. Была создана комиссия из выборщиков (50—60 человек), которые раза четыре уже совещались. Выяснили цели и задачи съезда, программу, состав и проч.

Редакционная комиссия для выработки проекта программы съезда представила его в таком виде: 1) отношение рабочих к положению страны, 2) дороговизна жизни и продовольственный кризис, 3) экономическое положение рабочих и охрана труда, 4) рабочие и жертвы

войны, 5) отношение к Военно-промышленному комитету, 6) выборы от рабочих в Центральный комитет. По вопросу о составе съезда в комиссии существуют две точки зрения. Одни полагают, что на съезде могут участвовать представители от организаций (больничные кассы, профессиональные союзы, рабочие кооперативы и др.); где же их нет, там выборы на съезд могут происходить от неорганизованных рабочих (от фабрик и заводов). Другие считают необходимым участие в съезде представителей только от рабочих фабрик и заводов, полагая, что представительство от организаций нежелательно ввиду отсутствия или слабости их. Кроме того группа опубликовала в газетах обращение к рабочим с изложением проекта съезда. Текст обращения напечатан в ряде русских газет.

Вопрос о постоянной связи с выборщиками стоит пока открытым. Бюро группы постановило принять меры к организации общего собрания выборщиков и ряда публичных собраний по закону 4 марта. Первое собрание выборщиков проектировалось назначить на 24 января, причем в порядке дня были поставлены два вопроса: 1) отчет о деятельности Рабочей группы в Центральном военно-промышленном комитете и 2) биржа труда и организация представительства в ней рабочих. Но министерство внутренних дел дало пока отрицательный ответ, и вопрос о собраниях выборщиков таким образом до сих пор не разрешен.

Группа далее постановила посылать выборщикам в Военно-промышленный комитет систематические бюллетени о ходе работ группы, и первый опыт в этом направлении представляет настоящее извещение. Наконец, в тех же целях установления связи с избирателями Рабочая группа считает необходимым поставить на очередь вопрос об организации института старост (по зак. 1905 г.). Рабочая группа этот вопрос разрабатывает, и она усиленно рекомендует рабочим заняться организацией института старост.

Если еще указать на постоянно функционирующие четыре комиссии, составленные из выборщиков (продовольственная, анкетная, по рабочему вопросу, по созыву съезда), то этим будут исчерпаны все формы связи между выборщиками и представителями от рабочих в Центральном военно-промышленном комитете, проектируемые или реализованные уже Рабочей группой.

Рабочая группа убеждена, что энергичные совместные усилия рабочих представителей в Центральном военно-промышленном комитете и всех рабочих будут содействовать объединению рабочих России, в котором так нуждается теперь страна.

Члены рабочей группы:

[Следуют подписи.]

Бюллетень № 2.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Обсуждение законопроекта о мобилизации промышленных предприятий.
2. Конфликты и Рабочая группа.

3. Обращения рабочих к группе.
4. Рабочий съезд.
5. Рабочая группа и Государственная дума.
6. Выборы в военно-промышленные комитеты.

Приложение: Организационный устав рабочего съезда.

Законопроект о мобилизации промышленных предприятий.

Особое внимание Рабочей группы привлек поступивший из Центрального военно-промышленного комитета на ее предварительное рассмотрение законопроект «о мобилизации промышленных предприятий», выработанный военным министром. Указанный проект предположено в ближайшем будущем внести на рассмотрение законодательных палат, и не исключена возможность того, что большинством Государственной думы будут приняты его основные положения.

По этому проекту все заводы, фабрики и другие промышленные предприятия, как казенные, так и частные, могут быть объявлены военным министром мобилизованными. По закону все служащие и рабочие (проект говорит и о директорах заводов) мобилизованных предприятий не могут без письменного разрешения особых уполномоченных или начальников предприятий (на казенных заводах) оставлять службу и прекращать работу. Заявления и претензии служащих и рабочих в мобилизованных предприятиях разрешаются особыми уполномоченными, назначенными военным министром или начальником предприятия. На их решения могут подаваться жалобы в двухнедельный срок в районные заводские совещания.

Постановления и решения этих заводских совещаний почитаются обязательными и окончательными, и только в случае не единогласного решения по вопросу заработной платы жалобы восходят на рассмотрение военного министра. Военный министр, если он этого пожелает, может допустить к участию в рассмотрении жалоб представителей служащих (т. е. рабочих), избираемых в таких случаях по правилам, издаваемым тем же военным министром. Один из параграфов говорит, правда, о том, что «служащие в мобилизованных предприятиях, получающие за свой труд определенное вознаграждение, не могут быть поставлены в отношении оплаты труда в менее благоприятные условия, чем те, в которых они находились до мобилизации».

Вот все те основные положения, которые достаточно ясно определяют законопроект военного министра.

Рабочая группа, ознакомившись с законопроектом, нашла его совершенно неприемлемым с точки зрения интересов рабочего класса. Хотя проект пытается установить своего рода минимум заработной платы («не могут быть поставлены... в условия менее благоприятные...») и как будто уравнивает директоров и рабочих, но это является лишь словесным украшением его основного пункта, говорящего о лишении права свободного перехода не только военнообязанных, но всех вообще рабочих и притом на всех заводах, которые военное ведомство найдет необходимым объявить мобилизованными. Таким образом, проект, в сущности, ничего не давая рабочему

классу, прикрепляет рабочих к предприятиям, вводит своего рода заводское крепостное право. В условиях русской жизни, когда рабочие лишены целого ряда прав, какими пользуются рабочие в Западной Европе, такая мобилизация, по мнению Рабочей группы, не только не способна упорядочить производство и повысить производительные силы, но угрожает привести их в полное расстройство.

Исходя из этих взглядов на законопроект, Рабочая группа на собрании рабочего отдела решительно выступила против него. Указанный законопроект не встретил сочувствия не только в рабочем представительстве, но и в представителях промышленности. Не было ни одного голоса, высказавшегося в его защиту. Общее собрание Центрального военно-промышленного комитета в заседании от 22 февраля присоединилось к мнению рабочего отдела.

Конфликты и Рабочая группа.

За отчетный период рабочая жизнь была весьма богата конфликтами с администрацией и предпринимателями, иногда весьма серьезными и длительными. В большинстве случаев основаниями для этих конфликтов служило то бесспорно тяжелое экономическое положение, в какое почти повсеместно поставлен рабочий класс, слишком медленно или совсем не повышающаяся заработная плата и в то же время неимоверно быстрый подъем цен на все предметы первой необходимости.

Материалы, стекающиеся по этому поводу в Рабочую группу, с полной категоричностью опровергают ходячее мнение о том, что заводские рабочие благоденствуют, что заработная плата за время войны чрезвычайно повысилась.

Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете почти с первых же недель своего существования стала обращаться в центр, к которому стекались различные заявления о нуждах рабочих. Такие обращения шли не только от рабочих Петрограда, но и от рабочих самых различных мест России.

Одним из наиболее крупных и серьезных конфликтов, в разрешении которых пришлось участвовать группе, нужно считать конфликт в г. Николаеве на заводе «Наваль», где работает до 15 000 рабочих.

Неудовольствия рабочих вылились 11 октября в отказе продолжать работу. Причина—весьма тяжелое экономическое положение рабочих.

Характерная черта, которую нельзя не отметить: перед прекращением работ общее собрание рабочих завода, принимая во внимание важное значение для дела обороны страны снарядной мастерской, постановило в этой последней работу не прекращать, и все время конфликта две смены рабочих, числом 2 000 чел., работали в этой мастерской.

С самого же начала конфликта выяснилось, что заводская администрация не склонна пойти на какие-либо переговоры с рабочими. Было совершенно очевидно, что заводоуправление, хотя завод работает на оборону, по тем или иным причинам совершенно не заинтересовано в нормальном ходе работ.

Конфликт затягивался. Рабочими завода была послана телеграмма на имя Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете, но телеграмма, как это обнаружилось впоследствии, не была до-

ставлена по адресу. В дальнейшем рабочие завода «Наваль» избрали из своей среды двух делегатов и решили отправить их в Петроград для того, чтобы так или иначе помочь разрешению конфликта. Делегаты явились в Рабочую группу и сделали подробный доклад о положении дела.

Рабочая группа, находя конфликт на заводе «Наваль» весьма важным, характерным и типичным случаем для ряда подобных же случаев, на этот раз решила поставить в собрании Центрального военно-промышленного комитета вопрос о конфликтах во всем его объеме. Всякая мобилизация промышленности, о которой теперь так любят говорить при наличности таких фактов, по мнению группы, сводится на-нет.

Перед этим предварительно были сделаны шаги к тому, чтобы представители Центрального комитета повлияли на правление николаевских заводов, находящееся в Петрограде, а члены Государственной думы на членов Особого совещания по обороне. Но это мало подвинуло дело. Правление николаевских заводов, во главе которого стоит адмирал Бострем, отказалось от посредничества Центрального военно-промышленного комитета.

Тогда вопрос был поставлен в Бюро Центрального комитета. Рабочая группа решила войти в Центральный комитет с предложением и послать в Николаев своих делегатов: одного от Рабочей группы, другого—от представителей промышленности. Но, как оказалось, Бюро Центрального комитета самостоятельно пришло к такому же точно решению, и само предложило такую же меру. В Николаев командированы были два делегата: В. М. Абросимов (член Рабочей группы) и П. П. Козакевич (член Бюро Центрального военно-промышленного комитета).

Из сообщений В. М. Абросимова выяснилось, что к этому времени конфликт в Николаеве сильно разросся и осложнился. Его ход и результат лишний раз подчеркнули, как и во многих других подобных случаях, чрезвычайно неблагоприятную для рабочих обстановку. Делегат Рабочей группы в письме от 2 февраля сообщил о вмешательстве в конфликт местного градоначальника и военно-морского прокурора. В результате возвратившиеся из Петрограда делегаты николаевских рабочих были арестованы. До 200 человек военнообязанных призваны к воинскому начальнику, а 36 человек, отказавшихся после письменных приглашений стать на работу, преданы военно-морскому суду, как нижние чины, за непослушание. «Это обстоятельство,—писал наш делегат,—может до чрезвычайности усложнить положение».

24 февраля градоначальник вывесил объявление, что завод будет закрыт, если не возобновятся работы.

25, 26 и 27 февраля производился расчет ввиду невыполнения требования градоначальника. В тот же день забастовала снарядная. 12 человек арестовано, 150 отправлено на фронт.

29-го началась отправка на сборный пункт. Отправлено до 7 000 человек [1]).

---

[1]) В отчете ЦВПК указано, что было «отправлено в войска 3 600 чел. рабочих». См. «Красный архив», т. LVII, стр. 52. В запросе Госуд. думы от 14 июня 1916 г. сказано: «На николаевском заводе «Наваль» в солдаты взяли 7 500 человек (из общего числа 14 000)». См. сборник Центрархива «Рабочее движение в годы войны», 1926 г., стр. 299. — *И. М.*

Другие конфликты, по поводу которых в Рабочую группу обращались рабочие, в общих чертах весьма схожи с николаевским.

Так, рабочие Адмиралтейского завода (Петроград), 2 000 человек, обратились к заводской администрации с просьбой о прибавке жалованья; работ не приостанавливали. 8 января завод неожиданно для рабочих оказался закрытым, и всем им было объявлено о расчете. Рабочие обратились в Рабочую группу. Заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета А. И. Коновалов, по просьбе группы, посетил товарища морского министра. К тому времени рабочие от своего требования 75% прибавки отказались сами. Переговоры и хлопоты не дали существенных результатов. 350 человек военнообязанных призваны были на военную службу. Центральный комитет возбудил ходатайство о возвращении их на завод. Но это ходатайство до сих пор не имеет положительного результата.

Подобный же конфликт, возникший на заводе Нобеля (Петроград), закончился также расчетом рабочих. Центральный военно-промышленный комитет, по просьбе группы, пытался уладить конфликт. Однако вмешательство его и здесь не увенчалось успехом: 24 человека были привлечены к отбыванию воинской повинности.

Рабочие Металлического завода (Петроград) обратились к Рабочей группе с просьбой оказать содействие в улажении возникшего конфликта. Рабочие добивались прибавки и не приступали к работам втечение 1½ дней (модельная 2½ дня). После этого завод был закрыт и простоял еще 4 дня. Рабочие приступили к работам на старых условиях.

27 января в Рабочую группу поступила из Лысьвы, Пермской губ., следующая телеграмма:

«Обрушился один корпус Лысьвенского завода, есть убитые. Рабочие других новых зданий прекратили работы. Требуют комиссии по обследованию новых зданий завода. Просим содействия. Член правления Военно-промышленного комитета рабочий Жандармов».

Согласно присланному вслед за телеграммой письму все происшедшее рисуется в следующем виде.

Акционерное общество Лысьвенского горного округа получило в прошлом году большой казенный заказ и приступило поэтому к возведению новых заводских корпусов. Железо-бетонные работы велись при 30° мороза, в результате чего 26 января один из 7 вновь возведенных корпусов обрушился, покрыв обломками не успевших выбежать рабочих. Из объявления земского начальника видно, что убитых оказалось 2 и 8 раненых. Рабочие других новых зданий прекратили работы из опасения дальнейших обвалов и потребовали назначения следственной комиссии.

Рабочая группа, ознакомившись с телеграммой, незамедлительно обратилась в Центральный военно-промышленный комитет, предлагая принять меры к расследованию дела. В ответ на запрос Рабочей группы 29 января ею была получена телеграмма такого содержания: «Конфликт улажен, ведется следствие».

О конфликте на Патронном заводе в Туле Рабочая группа получила сведения тогда, когда он был уже в самом исходе. Необходимо указать, что этот конфликт, хотя он и разразился совсем в другой местности России, буквально, как две капли воды, похож и

на петроградские и на николаевский конфликты. Так же начался, так же протекал и так же печально окончился для рабочих.

Завод, на котором 14 000 рабочих, прекратил работу по частям: 19 января латунная (6 000 рабочих), 21-го патронная (8 000 рабочих). Одним из главных требований было требование повышения заработной платы на 70—75%, иначе говоря, чтобы женщины зарабатывали не менее 40 р. в месяц, а мужчины не менее 75 р.

Директор просил рабочих встать на работу, пока он будет вести переговоры с правлением. Рабочие согласились, но поставили условием 3-дневный срок для ответа и отмену расчета, объявленного рабочим латунного отделения, которым истекал положенный законом срок.

Правление завода, обсудив требование рабочих, согласилось на прибавку от 5% до 25% и то лишь для меньшинства рабочих. Рабочие не удовлетворились, 3-дневный срок прошел, и работы опять прекратились.

Тогда вмешалась местная администрация и объявила, что, если очередная смена не встанет на работу, то рабочих больше не впустят на завод. И завод действительно был закрыт. Рабочим объявили расчет через полицию. Накануне расчета воинский начальник вывесил объявление о призыве всех военнообязанных.

В первой партии сдано было 350 человек и объявлено о призыве ратников 2-го разряда за 3 года. Затем объявлен был новый набор на работы, и рабочие массой стали записываться на старых условиях (женщинам понизили заработок от 60 к. до 40 к. в день).

5 февраля конфликт был ликвидирован, не дав рабочим ничего кроме жертв, а в феврале завод пошел полным ходом.

Кроме перечисленных выше случаев целый ряд других заводов и фабрик обращался к группе за содействием по аналогичным делам.

Из более видных можно указать на следующие: Путиловский завод, Вагоностроительный, Невский, Судостроительный, Гук, Северная ткацкая фабрика, ткацкая фабрика Кожевникова, Объединенные мастерские высших учебных заведений, фортепианная фабрика Шредера и др.

Стачка на Путиловском заводе, вызванная как поведением заводской администрации, так и вмешательством властей, кончилась секвестрацией завода, массовыми расчетами рабочих и отправкой их на фронт.

Суровая репрессия, какой подверглись путиловские рабочие, вызвала волнения среди части рабочих Петрограда. Стачка ограничилась, главным образом, Выборгской стороной и сопровождалась рядом эксцессов, съемкой рабочих, не желающих бастовать, столкновениями рабочих с рабочими и т. д. Предостерегающий голос отдельных наиболее политически зрелых и способных оценивать момент групп рабочих не возымел действия.

Рабочая группа, вполне признавая тяжелое положение, в котором очутилась большая часть рабочей массы, обращает однако внимание рабочих на всю сложность обстановки, созданную чрезвычайными обстоятельствами. Вот почему Рабочая группа сочла себя обязанной в дни последних забастовок опубликовать следующее обращение к рабочим:

«Стачечное движение, вспыхнувшее в последние дни в Петрограде, ставит Рабочую группу при Центральном военно-промышленном ко-

митете в необходимость гласно высказать свое отношение к этому движению.

Рабочая группа, прежде всего, считает своею обязанностью заявить, что главную причину движения она усматривает в глубоком недовольстве рабочих масс своим экономическим и особенно правовым положением, которое за время войны не только не улучшилось, но претерпевает резкое ухудшение. Целый ряд законов, проведенных в порядке 87 статьи, порядки и обязательные постановления военной власти, отдающей рабочих в распоряжение военно-полевых судов, превращая рабочие массы, лишенные к тому же малейшей видимости свободы коалиции, в закрепощенных рабов, определенно толкают их к стихийному протесту. Стачка становится единственным выходом, в который по всяким поводам выливается такой протест.

Считая стачку одной из вполне законных форм рабочего движения, Рабочая группа однако не забывает о том, что прибегающий к этому орудию защиты своих интересов рабочий класс не может не учитывать в каждый момент всех обстоятельств окружающей обстановки. Обстоятельства же, сложившиеся вокруг настоящего движения, определенно неблагоприятны для рабочего класса.

Разрозненные, изолированные от движения рабочих других городов и от движения всех других прогрессивных слоев общества попытки, в форме стачечных протестов отдельных частей рабочего класса создают положение, при котором подобные стихийные вспышки лишь ослабляют и разбивают нарастающий конфликт всего русского общества с властью. Такие вспышки, принимая во внимание все указанные выше обстоятельства, идут во вред интересам рабочего класса, а не на пользу.

Принимая во внимание все вышесказанное, Рабочая группа полагает, что рабочий класс, имеющий все основания протестовать против своего невыносимого положения, который не в состоянии молчать, должен однако быть чрезвычайно осмотрительным в каждом данном случае в выборе способов защиты своих интересов и момента для своих выступлений.

Рабочая группа поэтому считает неотложно необходимым немедленный созыв общего собрания выборщиков в Военно-промышленный комитет от рабочих Петрограда, которое могло бы по поводу теперешнего стихийного движения сказать свое веское слово».

Обращения рабочих к группе.

Обращения рабочих в группу не ограничивались одними конфликтами. Рабочие разных предприятий обращались по самым разнообразным поводам: перерыв в производстве, недостаток топлива (фабрики Лаферм, Богданова, Невский судостроительный завод и пр.), невыдача военной прибавки (Лебедев, «Всеобщая компания электричества», рабочие Москвы, Харькова, Риги и мн. др.), эвакуационное пособие, стеснения в переходе военнообязанных из одного предприятия в другое, квартирный кризис (Пороховые заводы, Обуховский и т. п.).

Из этой последней категории обращений особо выделяется «Заявление 22-х уполномоченных Охтенского порохового завода», поданное в Рабочую группу при Центральном военно-промышленном комитете. В этом заявлении между прочим говорится:

«Товарищи, мы работаем на казенном заводе, изготовляющем порох для армии. За свой тяжелый и опасный труд мы получаем очень скудное содержание, но тяжесть нашего положения особенно усилилась в последнее время вследствие недостатка квартир. Расширение производства потребовало значительного увеличения числа рабочих, как строительных, так и заводских. Кроме того в нашем районе беспорядочно водворено много эвакуированных из Риги и Пернова рабочих, много бельгийцев. Все это создало такую густоту населения в районе, что рабочие квартиры, и раньше очень тесные, переполнялись сверх всякой меры. Хозяева воспользовались этой нуждой, и цены на квартиры поднялись вдвое и втрое».

Далее идут многочисленные примеры квартирных надбавок, причем рабочие указывают, что напоминания об обязательных постановлениях градоначальника приводили лишь к тому, что хозяева совсем перестали сдавать им квартиры.

«Мы не можем сами ничем помочь себе, чувствуем, что на стороне домовладельцев сила, — заканчивают рабочие свое заявление,—и потому просим вас довести до сведения Центрального военно-промышленного комитета и Госуд. думы, что мы, рабочие Охтенского порохового завода, числом около десяти тысяч, работающие исключительно на оборону и рискующие ежеминутно жизнью, находимся в безвыходном положении, что мешает нам спокойно работать».

В последнее время, как стало известно группе, среди рабочих Охтенских заводов зародилась мысль подать в Госуд. думу коллективное, за подписью сотен и тысяч рабочих, заявление, предлагающее Думе поднять этот вопрос.

Рабочий съезд.

В первом бюллетене Рабочей группы был приведен выработанный ею проект программы рабочего съезда, в настоящее время закончен выработкой и разослан по группам и выборщикам проект организационного устава.

При своем обсуждении в специально организованной при Рабочей группе комиссии вопрос о составе съезда вызвал первоначально довольно значительные разногласия. В процессе обсуждения выяснились две определенные точки зрения: одна, собравшая меньшинство, отстаивала последовательно проведенный принцип выборов от масс; другая, собравшая в конце концов подавляющее большинство, решительно отдавала предпочтение выборам от организаций, хотя бы этих организаций было немного и они были весьма несовершенны.

Группа единогласно приняла прилагаемый ниже (см. приложение) проект организационного устава, представляющий собою соединение двух принципов—от организаций и от масс. Наряду с выборами от рабочих организаций и больничных касс рабочие 8-ми наиболее крупных политических центров пользуются правом выборов от предприятий.

Принимая во внимание существующее соотношение общественных сил и имея в виду большую распыленность и неприспособленность рабочей массы в провинции, Рабочая группа, объединяя в проекте устава эти два принципа, полагает достичь наиболее полного и, в условиях русской жизни, наиболее совершенного представительства на съезде.

Группа полагает, что при полном отсутствии в России свободы коалиции рабочая масса, как таковая, не опираясь на открыто и законно

существующие организации, во многих случаях и местах совершенно не смогла бы произвести выборов к сроку и зачастую вовсе не в состоянии была бы противостоять различным административным влияниям и давлениям. Таким образом, выборы прямо от масс привели бы на практике к неполноте представительства: целый ряд местностей и целые слои рабочих оказались бы вовсе не представленными на съезде.

Те же условия русской жизни вместе с недостаточно высоким во многих случаях культурно-политическим уровнем и малым политическим опытом рабочей массы неизбежно превратили бы выборы на съезд в ряде мест в выборы слепые и случайные. Иначе говоря: выборы от фабрик и заводов оказались бы не только несовершенными, но и значительно менее совершенными, нежели от существующих организаций.

Ввиду того, что в столицах и в некоторых других крупных политических центрах рабочая масса, несмотря на слабость существующих организаций, политически более опытна и сплочена, проект, выработанный группой при Центральном комитете, выделяет особо 8 городов, в которых рабочие пользуются правом выборов—и от массы и от организаций.

Рабочая группа и Государственная дума.

Приближение открытия Госуд. думы побудило группу войти в общее собрание Центрального комитета с предложением вынести резолюцию, в которой хотя бы в общих чертах, но ясно и определенно было выражено отношение Центрального военно-промышленного комитета к Думе и ее задачам. Проект, предложенный Рабочей группой Центральному комитету, выражая в общем взгляд рабочего класса на ближайшие задачи Госуд. думы, в принципе не противоречил взглядам большинства Центрального комитета и, следовательно, мог быть вполне приемлемым для него.

Резолюция гласила:

«Признавая открытие Госуд. думы, после долгого и невольного перерыва ее работ, крупным фактом в нашей общественной жизни, способным сыграть значительную роль в деле организации общественных сил страны для ее спасения, Центральный военно-промышленный комитет считает в этих целях совершенно необходимым решительно настаивать:

1. На немедленной постановке в Думе всех основных вопросов русской жизни, которые способны развязать и раскрепить скованные силы и творчество народа.

2. Чтобы Госуд. дума, памятуя великую ответственность свою перед страной и не отступая ни перед какими препятствиями, продолжала свои работы до тех пор, пока не будет разрешена основная задача момента.

3. Для того, чтобы установить прочную связь между собою и страною и тем обеспечить за своими работами вес и внушительность, первым шагом Госуд. думы должно быть немедленное установление полной свободы обсуждения вопросов современности».

Пленарное собрание Центрального комитета, в принципе не возражая против резолюции, передало ее «для обработки» в Бюро, которое однако выработало свою особую резолюцию.

Выборы рабочих в военно-промышленные комитеты.

По сведениям, полученным Рабочей группой, выборы от рабочих в военно-промышленные комитеты произошли в следующих городах: Москва, Киев, Ростов-Дон, Самара, Уфа, Пермь, Вятка, Николаев, Армавир, Таганрог, Новочеркасск, Грозный, Елисаветград, Оренбург, Омск, Ново-Николаевск, Серпухов, Кинешма, Семипалатинск, Бийск, Новороссийск, Курган, Майкоп.

В Киеве выборы прошли еще в конце декабря. На собрании выборщиков было 199 чел., голосовало 169 чел. Избранными оказались в порядке количества полученных голосов 10 чел.: Л. Н. Алферов (134 г.), А. Е. Котов, П. А. Крылов, А. П. Смирнов, Т. М. Семченко, П. И. Незлобин, Н. М. Травянко, И. В. Беляев, П. И. Мартынов и В. Д. Тальянов. До февраля киевская группа имела 8 заседаний.

В Ростове на Дону выборы, назначенные на 24 января, благодаря вмешательству местной администрации не могли состояться. Рабочие 110 голосами против 62 решили производство выборов отложить и добиваться назначения новых выборов на 2 февраля с устройством предвыборных собраний; 2 февраля выборы состоялись, причем в перерыве была дана возможность устроить предвыборное совещание.

На собрании участвовали 145 выборщиков из 184 и 5 заместителей.

В Новочеркасске на выборах участвовало 671 рабочий. Избраны трое: два от заводов и механических мастерских и один от кустарей. При выборах администрация производила всевозможное давление вплоть до задержания уполномоченных. Воздействовали и другими способами,—так, один из выборщиков от железнодорожных мастерских получил расчет за свое избрание.

В Омске в январе организовалась рабочая группа. Представители рабочих вошли в военно-промышленный комитет с заявлением, в котором протестуют против уродливой системы выборов, считают необходимым созыв областного и всероссийского рабочего съезда, разрешение заводских собраний, комиссий и др.

Помимо указанных выше городов в целом ряде других выборы находятся в стадии производства.

В Царицыне выборами заведует рабочая комиссия (состоящая из самих рабочих). Предвыборные собрания еще не закончены.

В Екатеринославе выборы были парализованы вмешательством местной администрации, о чем в Центральном военно-промышленном комитете была получена жалоба.

В конце концов военные власти разрешили производство выборов на следующих основаниях: всякие предвыборные собрания воспрещены, от организаторов выборов требуют, чтобы они, под угрозой высылки в Иркутскую губернию, не допускали агитационных речей на избирательных собраниях.

В Луганске (Екатерин. губ.) еще в первой половине октября 1915 г., по предложению военного министра, на Патронном заводе (2 500 мужчин и 2 700 женщин) были произведены выборы 4 представителей. Но дальше все было остановлено вмешательством екатеринославской администрации. Машиностроительный завод Гартмана, с 5 450 мужчинами-рабочими и 450 женщинами, а также мелкие предприятия к выборам так и не были привлечены.

В Нижнем-Новгороде—Сормово выборы выборщиков прошли без подготовки. Выбрано было 38 выборщиков, явилось 34, выборы не состоялись, так как за них высказалось всего 6 человек против 28. Впрочем, несколько позже 12 из выборщиков протестовали против этого решения письмом в местной газете, считая его неправильно принятым, и возбуждали вопрос о возобновлении кампании.

В Харькове выборы были назначены 14 февраля. Собрание выборщиков, указав на запрещение предвыборных собраний, на устранение от выборов рабочих, работающих не на оборону и т. п., от производства выборов отказалось, потребовав от военно-промышленного комитета назначения новых выборов при более нормальных условиях.

В Перми в военно-промышленный комитет вошли 10 человек рабочих. Рабочая группа вследствие ненормальных условий при выборах считает себя представительством временным. Рабочие пермских пушечных заводов до 9—10 февраля к выборам не были привлечены, о чем неоднократно заявляли.

Кроме перечисленных случаев Рабочей группе известно о подготовке к выборам в Тифлисе, Саратове, Баку, Харькове, Одессе, Иркутске и др.

О выборах и подготовке к выборам во многих местах до группы еще не дошли сведения. Заинтересованная выяснением положения и ускорением выборов, Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете разослала по этому поводу письма-запросы во все те города и местности, где имеются военно-промышленные комитеты.

Бюллетень Рабочей группы № 3.

Всероссийское бюро труда и Всероссийский съезд бюро труда.

Всероссийское бюро труда при Земском и Городском союзах обратилось в Рабочую группу с предложением делегировать в состав Исполнительного комитета Бюро труда своего представителя.

Из сообщения представителя Рабочей группы Московского военно-промышленного комитета выяснилось, что Бюро труда обратилось раньше с этим же предложением в Московскую группу, которая указала Бюро труда на необходимость пригласить в свой состав представителей от московских профессиональных союзов. Петроградская рабочая группа согласилась с доводами Московской группы и на приглашение Бюро труда ответила следующее: группа принимает приглашение участвовать в Исполнительном комитете, поручает Московской группе представлять ее там, но указывает на желательность усиления рабочего представительства путем привлечения в состав Исполнительной комиссии представителей московских профессиональных союзов.

На 31 марта было назначено Всероссийское совещание бюро труда для обсуждения вопросов, связанных с организацией трудового посредничества и регулированием трудового рынка. Организационная комиссия по созыву совещания обратилась в Рабочую группу с предложением организовать представительство на это совещание от рабочей делегации Военно-промышленного съезда (в составе 10 чел.). Делегация распределила эти места так: четыре от Петрограда, два от Москвы, один от Киева, один от Самары, один от Ростова. Кроме того

организационная комиссия предоставила 10 мест рабочим Петрограда, и Комитет Петроградской биржи труда обратился к Рабочей группе с просьбой снестись по этому поводу с рабочими организациями Петрограда. Ввиду того, что времени до съезда оставалось мало, пришлось ограничиться рассылкой извещений в крупнейшие рабочие организации. Некоторые из них выбрали представителей для обсуждения связанных с участием в съезде вопросов и выборами. Съезд, по независимым обстоятельствам, отложен на неопределенное время.

Письмо М. В. Родзянко.

10 марта в Государственной думе обсуждался запрос депутатов-евреев по поводу погромных циркуляров, рассылавшихся департаментом полиции и департаментом окладных сборов. После объяснения правительства большинство Госуд. думы постановило прекратить прения, и по мотивам голосования гр. Капнист (земец-октябрист), очевидно, от имени прогрессивного блока, заявил, что юридических оснований для принятия запроса не остается, а возбуждение еврейского вопроса в Думе опасно вообще, так как может получить опасный отклик в стране.

Обсудив произошедшее 10 марта в Госуд. думе, Рабочая группа постановила: обратиться со следующим письмом к председателю Государственной думы:

«Милостивый государь, Михаил Владимирович!

В заседании Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета от 14 марта с. г. было признано необходимым довести до вашего сведения, как председателя Государственной думы, нижеследующее постановление представителей от рабочих в Центральном военно-промышленном комитете:

Поведение большинства Государственной думы в заседании от 10 марта фактически явилось прямой поддержкой и подкреплением антисемитской и погромной политики господствующего курса.

В тот момент, когда нарастает серьезная борьба с устарелым порядком, толкающим страну к гибели и разгрому, в этот момент думское большинство в таком боевом для русской революции вопросе, как еврейский, оказывается на стороне тех, из среды которых вышли Сухомлиновы, Маклаковы, Щегловитовы.

Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете считает своей обязанностью перед лицом всей страны решительно протестовать против недостойного поведения представителей думского большинства, которое своей поддержкой боевого антисемитизма господствующих кругов наносит опасный удар делу самозащиты страны».

Письмо А. И. Гучкова.

Через несколько дней после Съезда военно-промышленных комитетов на имя К. А. Гвоздева получилось следующее письмо за подписью А. И. Гучкова:

«Милостивый государь, Козьма Антонович!

Перед отъездом на продолжительное время для поправления здоровья считаю своею непременною обязанностью обратиться к вам и ко всем вашим товарищам с убедительной просьбой охранять тот «соци-

альный мир», который нам в настоящее время необходим более, чем когда бы то ни было.

Мы, несомненно, вступили в полосу таких решительных внешних событий, от исхода которых будет зависеть все будущее России. Поэтому необходимо проникнуться более чем когда-либо сознанием того, что светлую будущность России можно построить только на одолении врага, на победе над Германией. Поражение наше равносильно долгим десятилетиям экономического рабства, тяжелого подчинения нашей родины Германии, вредного прежде всего самим рабочим. Я твердо верю в государственный смысл и деятельный патриотизм рабочих масс, всегда думал, что пораженческие идеи чужды рабочему классу, и потому еще раз взываю к вам.

Помните, что каждый безработный день есть тяжелый удар по боевой мощи армии, есть косвенная, но самая, быть может, действительная помощь ополчившемуся на нас врагу. Помните, что все пробелы в материальном снабжении армии придется заполнить человеческой кровью наших же братьев. Помните, что враг не хочет знать жалости и не даст никакой пощады.

Вполне понимаю, что накопилось много счетов и что многое наболело, но сводить эти счеты и врачевать эти недуги придет свое время.

Обращаюсь к вам с горячей дружеской просьбой внять моему слову убеждения, обращаюсь к вам, потому что знаю, что у вас и у ваших товарищей, избранных в Центральный комитет, есть достаточный авторитет среди рабочих. Обращаюсь к вам, потому что [мы] до сих пор всегда умели находить общий язык. Думаю, что и на этот раз вы согласитесь с тем, что я прихожу к вам с искренним чувством, чувством самой горячей любви к нашей многострадальной родине и сознанием, что только дружными, соединенными усилиями и самосознанием общества мы спасем ее от опасности. Искренно уважающий вас А. Гучков».

В ответ на это письмо Рабочая группа ответила А. И. Гучкову следующее:

«Милостивый государь, Александр Иванович!

Получив ваше письмо, я почел своею обязанностью довести его до сведения своих товарищей по группе, и ответ мой является не только моим ответом, он выражает мнение и всех моих товарищей.

В своем письме вы выражаете уверенность, что «светлую будущность» России можно построить на «одолении врага, на победе над Германией». Исходя из этого положения, вы сочли возможным обратиться к нам, организованным рабочим, со словом убеждения.

Вам, конечно, известно, что положение страны, ее настоящее и будущее вселяют и в нас великую тревогу. Но вы знаете также и то, что выводы из этого признания мы делаем совершенно иные. На последнем Съезде военно-промышленных комитетов рабочая делегация 20 крупных городов страны огласила известную вам декларацию. Рабочие, стоя за ликвидацию войны самими народами, совмещают это свое стремление с защитой страны, раз ей угрожает опасность разгрома. «Одоление же врага» или «победа над Германией», если в это понятие вкладывать такое содержание, какое в него вкладывают имущие классы, может толкнуть Россию на путь завоеваний, военных насилий, авантюр. «Светлое будущее» — не на пути империализма, даже самого либерального.

Далее в своем письме вы говорите о «социальном мире». Я не стану гадать, какой смысл вы вкладываете в это понятие. Но я и мои товарищи по группе считаем необходимым твердо и категорически заявить: ни мира, ни перемирия с руководителями того устаревшего уклада русской жизни, который был всегда враждебен интересам страны и привел ее в настоящее время к катастрофе, мы не признаем.

Что касается сохранения социального мира между предпринимателями и рабочими, то прежде всего я должен заметить, что трудно говорить о сохранении того, чего нет и не было.

Мы, рабочие, всегда были убеждены в том, что установление социального мира возможно лишь при решительном изменении всех общественных условий, что такой мир, мир в полном значении этого слова, возможен лишь тогда, когда исчезнут самые причины классовой противоположности и неравенства.

В современных же условиях можно и должно говорить не о социальном мире, а лишь о большем или меньшем урегулировании экономических взаимоотношений между противоположными по своим интересам общественными классами. Рабочий класс давно признал, что распыленность, стихийность в классовом движении не в его интересах и что предупредить стихийность могла бы только свобода организации рабочего класса. Организуясь, имущие классы, с своей стороны, повидимому, начинают признавать, что и им лучше иметь дело с организованным рабочим классом, нежели со стихийным движением масс. Война в значительной степени усложнила, затруднила борьбу общественных классов. И перед рабочим классом, подчиняющим свою борьбу принципам целесообразности и экономии сил, встали новые задачи — создать учреждения, которые в обстановке войны, когда рабочему классу приходится учитывать целый ряд привходящих обстоятельств, могли бы максимально охранять труд и силы рабочих масс.

Вам, Александр Иванович, хорошо известно, кто был инициатором таких вопросов (установление минимальной заработной платы, введение примирительных камер и проч.): рабочие и, в частности, Рабочая группа, и кто так или иначе противодействовал на Съезде и до Съезда всем этим начинаниям: представители промышленности и, в частности, представители Петроградского общества фабрикантов и заводчиков.

Разумеется, важнейшей причиной стихийности и неорганизованности отношений между предпринимателями и рабочими являются господствующие порядки. Но это не все. Другой, и нередко не менее важной, причиной является чрезвычайно низкий общественно-политический уровень огромной части представителей русской промышленности.

Вот почему мне кажется, что ваши указания нам на «опасность каждого безработного дня для русской армии», указания ваши на «пополнение пробелов в снабжении армии человеческой кровью» и т. п. направлены не по адресу.

Вы признаете далее, что «накопилось много счетов» и «врачевать эти недуги» теперь не время.

Но я полагаю, и вы не можете не согласиться со мною, что отложить счеты для стороны, которая все имеет, которая имеет даже больше того, что она имела до войны, значительно проще и легче, чем спокойно оставаться с зияющими ранами и неуврачеванными неду-

гами другой стороне, той стороне, которая всего лишена, на которую война обрушилась всей своей тяжестью.

Я убежден, что такой «социальный мир», если бы он и осуществился, обратился бы в патриотическую ширму для холодной и беспощадной эксплоатации народных масс. Я скажу более. «Социальный мир», о сохранении которого вы пишете, был бы вреден не только интересам рабочего класса, но представил бы опасность и для всей страны.

Порабощение рабочих, а именно к этому и приводит политика социального мира, вообще, в условиях нашей действительности в особенности, неизбежно повлечет за собой распыление и подавление рабочего класса как самостоятельной социально-политической силы.

В момент же, когда интересы защиты и раскрепощения страны властно диктуют необходимость мобилизации общественных сил, ослабление силы — самой активной — рабочего класса равносильно отказу от решения очередной задачи.

Но классовая борьба, представляющая собой нормальное и неустранимое явление современного порядка, отнюдь не уничтожает возможности координирования прогрессивных общественных сил с силами рабочего класса для осуществления общей всем задачи. Приходится однако признать, что социальная реакционность значительной части представителей русского промышленного класса затрудняет возможность общего действия и тем укрепляет позицию русской реакции.

Примите уверения в совершенном почтении К. Гвоздев».

Вопросы, связанные со Съездом военно-промышленных комитетов.

Съезд военно-промышленных комитетов принял по докладу Рабочей группы резолюцию о введении института примири... Нехватает одного листа[1]).

Организационная комиссия имела три заседания, на которых обсуждался проект устава Съезда, выработанный Рабочей группой, и некоторые меры организационного характера, имеющие в виду популяризацию идеи Съезда и привлечение к его подготовке более широких слоев рабочих и рабочие организации. Одна из этих мер — создание местных групп, организующих обсуждение вопросов Съезда и всю подготовительную работу. В Петрограде такую группу представляет комиссия по подготовке Съезда при Рабочей группе, о которой рассказано ниже. При обсуждении устава Съезда организационной комиссией возникли те же разногласия, какие обнаружились в комиссии, вырабатывавшей устав: часть высказывалась за необходимость выборов от рабочих масс, другие за выборы преимущественно от организаций. Обсуждение устава в организационной комиссии не закончено.

Рабочая группа разослала во многие больничные кассы, кооперативы и все военно-промышленные группы письма с просьбой обсудить проект программы и устава Съезда и сообщить свои соображения по этому вопросу. Кроме того мы просим назвать существующие в данном месте профессиональные союзы и другие рабочие организации.

[1]) Так в архивном подлиннике, с которого воспроизводится текст «Бюллетеня» № 3. — *И. М.*

Такие же письма были разосланы всем выборщикам вместе с уставом и объяснительной к нему запиской.

На запрос ответило 26 больничных касс и кооперативов. Профессиональные союзы существуют только в пяти из ответивших городах (Баку—4, Елисаветград—1, Саратов—2, Челябинск—1, Самара—4); кроме того получено несколько писем от частных лиц, отозвавшихся на письмо о Рабочем съезде, помещенное Рабочей группой в газетах. Одна категория писем содержит приветствия инициаторам Съезда, горячие пожелания, успех и полное одобрение программы и устава Съезда (Луганск, Миллерово, Дружковка, Челябинск и др.). «До сих пор, — пишет группа дружковских рабочих, — мы, рабочие, не могли проявить никакой деятельности в общественной жизни, в то время как страна требует народных сил, народной деятельности. Пусть же эта группа крепко-на-крепко свяжется в единый союз и укрепится воля в них к святой работе в пользу страны и народа!»

«Горячо благодарю тех товарищей, которые нашли мужество поднять голос в защиту своих товарищей, — пишет железнодорожный рабочий... [1]). «Положение страны катастрофическое, и рабочие своей силой смогут вывести ее из критического положения. Но для этого нужно организовать рабочий класс, рабы не побеждают, у рабов нет инициативы». «От души радуемся вашему успеху, тем более, что в Съезде давно уже назрела насущная потребность. А также не можем не выразить вам свою сердечную благодарность за ваши труды для нашего общего дела. Глубоко верим, что настанут лучшие дни, когда все рабочие сольются в одну братскую семью», — пишут миллеровские рабочие.

В другой группе писем содержатся указания относительно программы и устава, поправки к уставу. В одном письме поправки выражаются в прибавлении слова «работницы» в тех пунктах, где говорится о рабочих: экономическое положение рабочих (и работниц) и пр. Кроме того автор предлагает включить пункт об избирательных правах женщин в военно-промышленные комитеты и мерах к установлению гласности в работах комитетов.

Правление одного из профессиональных союзов Ростова: «о дороговизне ростовские рабочие высказываются в том смысле, что должна быть увеличена заработная плата и в законодательном порядке ограничена прибыль торговцев. По пункту 4-му (рабочие и жертвы войны) ростовский союз полагает, что войну ведет капитал. Пусть капиталисты возвратят беженцам потерянное имущество и построят дома для инвалидов».

Правление больничной кассы Николаева предлагает включить в программу Съезда вопросы страхования рабочих.

Группа организованных луганских рабочих тоже излагает свои мнения по вопросам программы Съезда. «Мы против войны и сторонники мира, но без завоевательных тенденций. Факт войны налицо и такой войны, которую не только мы, но рабочие всего мира остановить, пожалуй, не смогут. А посему, не желая быть простыми зрителями всего ужаса войны, считаем необходимым защищать страну от возможного разгрома, несмотря на то, что правительство...». В этом же письме рабочие указывают на низкую заработную плату, усиленную заболе-

[1]) Неразборчиво — *И. М.*

ваемость, плохое лечение, переутомление. По поводу устава высказывают соображение, что в интересах скорейшего осуществления Съезда следовало бы сократить количество представителей и даются практические указания. Правление одной больничной кассы опасается, что Рабочий съезд будет носить односторонний характер ввиду состава организационной комиссии. Ростовская рабочая группа обсудила устав вместе с представителями большинства местных профессиональных союзов и предлагает следующие поправки: из числа рабочих организаций не исключаются профессиональные общества приказчиков, фармацевтов, конторщиков и другие профессиональные общества, стоящие на классовой точке зрения; в тех исключительных случаях, когда на местах нет рабочих организаций и больничных касс, организационной комиссии предоставляется право привлечь рабочих названных городов к выборам на Съезд на том основании, как в больших промышленных городах.

Из Мелитополя тоже указывают на необходимость привлечь торговых служащих к участию в Съезде.

Кооперативное общество в Николаеве указывает на необходимость выдвинуть на Съезде вопрос о кооперативном законе.

Третья категория писем включает разного рода вопросы. Вопросы касаются права участия железнодорожных служащих, торговых служащих, денежной стороны дела, порядка выборов и пр.

Самостоятельность Рабочей группы.

Много внимания занял у группы в отчетный период вопрос об ее и всех местных групп самостоятельности. В первые месяцы существования группы самостоятельность ее никем не оспаривалась. Как уже было изложено в первом отчете, группа существует на основании принятой Центральным комитетом инструкции, обеспечивающей ей полную самостоятельность. Группа имела право непосредственно сноситься по всем входящим в круг ее деятельности вопросам с государственными и общественными учреждениями и организациями. Все письма, циркуляры и обращения Рабочей группы подписываются ее председателем и доводятся до сведения канцелярии Центрального комитета.

Но этот порядок стал нарушаться, и на заседании Бюро Центрального комитета 18 марта нарушение это было закреплено следующим постановлением:

1. Признать недопустимой рассылку обращений Рабочей группы, касающихся подготовки Рабочего съезда, без просмотра в Бюро всех приложений.

2. Корреспонденция, исходящая от Рабочей группы к высшим государственным учреждениям и лицам, должна, по примеру других отделов, проходить через Бюро Центрального военно-промышленного комитета.

3. О бумагах Рабочей группы по менее важным вопросам надлежит доводить до сведения председателя рабочего отдела.

Это постановление группа рассматривает как явное ограничение ее самостоятельности, стесняющее ее деятельность. По инициативе Рабочей группы, этот вопрос был вторично обсужден на заседании Бюро Центрального комитета 26 марта, на котором указанное постановле-

ние было подтверждено. Эти перемены однако мало отразились фактически на работе Петроградской группы, но отразились чрезвычайно резко на деятельности провинциальных групп. Так, напр., Киевский комитет требует, чтобы все письма Рабочей группы подписывались секретарем комитета. Ростовская группа до сих пор еще не получила самостоятельности, несмотря на определенное решение по этому вопросу 2-го съезда. Грозненский военно-промышленный комитет считает невозможным передать Рабочей группе присланное из Петроградской группы письмо со вложением декларации рабочей делегации. Но самое тяжелое положение создалось в Московской группе. Там борьба за самостоятельность началась с первых дней ее существования и ведется еще сейчас. Вмешательство Центрального комитета во время совещания областных комитетов 6 февраля привело к формальному согласию руководителей Московского комитета предоставить самостоятельность Рабочей группе, на деле же свелось к тому, что Московская группа представляет подотдел отдела промышленного труда военно-промышленного комитета, в полной зависимости от которого (отдела) она и находится: президиум отдела просматривает корреспонденцию, утверждает состав комиссий и пр. Корреспонденция задерживается неделями, а иногда возвращается обратно в группу, комиссии не созываются, — деятельность Московской группы парализована.

Учитывая, что подобные ограничения лишают возможности рабочих представителей выполнить возложенный на них избирателями долг и взятые на себя задачи, Рабочая группа решила подать докладную записку в Бюро Центрального комитета, в которой изложена подробно история вопроса, и предложить Центральному комитету разослать всем военно-промышленным комитетам циркуляр о самодеятельности Рабочих групп.

Обращения в Рабочую группу.

Из обращений в Рабочую группу за отчетный период следует отметить следующие.

Механический завод Лесснера. В марте рабочие инструментальной мастерской заявили требование о повышении платы на 10—50% и дали администрации 3 дня для ответа. 16 апреля администрация ответила, что требования эти она может удовлетворить только частью. Инструментальная мастерская не удовлетворилась ответом и приступила к итальянской забастовке.

19-го чернорабочие тоже предъявили требование о повышении расценок, 21-го инструментальную мастерскую не пустили в завод. Общее собрание всех рабочих завода потребовало возвращения инструментальщиков и удовлетворения требования чернорабочих. Администрация отказала и объявила расчет всем рабочим. 5 апреля рабочие обратились в Рабочую группу с просьбой вмешаться в конфликт. 7-го А. И. Коновалов, по предложению Бюро Центрального комитета, посетил директора завода Лесснер г. Стариковича. 14 апреля депутация лессневских рабочих была в Бюро Центрального комитета, после чего в Бюро Центрального комитета были приглашены Старикович, Богданов (директоры завода) и члены Общества фабрикантов Дюфур и Нобель. Администрация завода Лесснер заявила, что будут приняты обратно все рабочие за исключением 250. Непринятыми же оказалось 800, по сведениям администрации же.

Невский судостроительный завод. В середине апреля прекратили работу рабочие Невского судостроительного завода, поддерживая требование одной мастерской об увольнении мастера, который систематически понижает расценки и очень груб с работницами. Не получая ответа от администрации, рабочие обратились в Рабочую группу с просьбой добиться для них возможности устроить общее собрание завода для обсуждения условий ликвидации забастовки. 22 апреля состоялось неразрешенное собрание, которое постановило поддержать требование. Администрация предложила старшим рабочим сдавать работу. 25-го было второе общее собрание, подтвердившее решение первого. Завод закрыт. Рабочим объявлен расчет.

Фабрика Максвель. Администрация увеличила на 10% расценки, но, переменив сорта пряжи и ткани, понизила таким образом соответственно плату. В апреле увеличили плату поденным рабочим. Сдельным рабочим плату понизили. 20 апреля рабочие заявили требование о повышении платы на 40% и военной прибавке (10 коп.), администрация отказалась вступить в переговоры с рабочими.

Балтийский завод. 26 апреля во время работ клепальная мастерская (400—500 чел.) заявила требование о повышении платы на 85%. Цеховая плата в этой мастерской 99 к.—1 р. 35 к. Сверх цеха платят 15—20%. Потребовали увеличения цеховой прибавки 15 коп. и увеличения военной прибавки с 3 до 5 коп. Удовлетворить требование мастер отказался. 27 рабочих в завод не пустили и объявили расчет.

Комиссии при группе.

За отчетный период работали, главным образом, комиссии 1) по охране труда, 2) по содействию организации профессиональных союзов, 3) комиссия содействия рабочей кооперации и 4) по подготовке Рабочего съезда.

Комиссия по охране труда обсуждала вопросы, связанные с предполагавшимся Всероссийским совещанием бюро труда и разрабатывала намеченные ею для своей делегации доклады — «Принципы труда».

Комиссия по содействию профессиональной организации рабочих обсуждала разработанный группой рабочих устав союза металлистов и программу литературного органа металлистов. Орган, по мнению его инициаторов, должен стоять на точке зрения единства профессионального движения и сохранять строго партийную и фракционную нейтральность. Устав союза присутствием не утвержден.

Комиссия останавливалась подробно на значении института старост для рабочей жизни вообще и в частности для существования и деятельности профессиональных союзов. Комиссия разработала нормальный устав института старост и решила разослать его во все рабочие организации для обсуждения и использования. Комиссия кроме того занята вопросом о содействии организации союзов в других профессиях.

Комиссия по содействию рабочей кооперации обсуждала вопросы, связанные с объединением петроградских рабочих кооперативов, созданием кооперативного литературного органа, рассматривающего вопросы кооперации с точки зрения интересов рабочих, устройством «Дня кооперации».

Комиссия по подготовке Рабочего съезда привлекла в свой состав многих выборщиков и сведущих лиц из разных заводов, многие из них выбраны правлениями больничных касс и кооперативов. Комиссия ставит себе целью организовать обсуждение всех касающихся Съезда вопросов в своих организациях и на своих заводах, где организуются ячейки, ставящие себе те же задачи пропаганды идеи Рабочего съезда и организационные шаги по его подготовке, — вот содержание деятельности этой комиссии.

Выборы в местные комитеты.

Выборы представителей от рабочих в местные военно-промышленные комитеты идут медленно, во многих местах с большими внешними затруднениями. Екатеринославский военно-промышленный комитет только недавно получил вновь разрешение на устройство выборов по губернии (см. «Бюллетень» № 2).

В Луганске было выбрано 4 человека на Патронном заводе, но дальнейшего движения вопрос до сих пор не получил. На другом большом заводе Гартмана, где работает 6 000 человек, выборы не назначались вовсе.

Особенно тяжелое положение в Баку. 17 февраля Бакинский областной комитет назначил выборы и поручил провести их приказчикам и управляющим нефтепромышленных фирм. 19 февраля были произведены аресты. За несколько дней до этого был погром, очень взволновавший рабочие массы. Это обстоятельство, так же как короткий срок, лишило возможности рабочих подготовиться к выборам. Рабочие потребовали отсрочки. Комитет не согласился, организовал в некоторых предприятиях выборы выборщиков и назначил их на 28 февраля.

Выборщики, установив неправильность своего избрания, настаивали на необходимости создать комиссию для руководства новыми выборами. Выборы до сих пор не состоялись. Почти так же обстоит дело в Харькове. Состоявшееся 14 февраля собрание выборщиков постановило, ввиду давления на выборы и неразрешения предвыборных собраний, признать [себя] неправомочным. Военно-промышленный комитет постановил ходатайствовать о новых выборах и о разрешении предвыборных собраний. Выборы до сих пор не произведены, несмотря на то, что рабочие подали (как они нам сообщают) мотивированное заявление в Одесский военно-промышленный комитет, в котором указано на необходимость участия рабочих в комитете. Противится проведению выборов, повидимому, предпринимательская часть комитета. Центральный комитет вступил по инициативе Рабочей группы в переписку с Одесским комитетом.

К репрессиям по отношению к рабочим, участникам военно-промышленных комитетов, надо отнести осложнения в Самаре. Губернатор потребовал исключения из состава военно-промышленного комитета шестерых делегатов от рабочих как состоящих под надзором полиции. Комитет не согласился с требованием губернатора, признавая, что заседания военно-промышленного комитета не публичны, и поэтому статьи закона о недопущении к общественной деятельности неприменимы. Рабочая группа Самарского комитета обратилась в центральную группу с предложением принять меры к разъяснению дела. В Херсоне губернатор запретил выборы от рабочих по тем причинам, что

нет предприятий с 500 чел. Архангельский губернатор запретил произвести выборы от рабочих ввиду того, что в городе нет предприятий, работающих на оборону. Из других мест надо отметить Царицын и Тифлис, где выборы произошли недавно. В Тифлисе к участию в выборах были привлечены рабочие всех казенных и частных заводов и мастерских с числом рабочих русских подданных не менее 20, предприятиям с меньшим числом рабочих предоставляется право входить в соглашение для совместного избрания уполномоченных; предвыборные собрания рекомендовалось правилами производить в общих для рабочих всего данного завода помещениях. Правила были напечатаны на русском, армянском и грузинском языках.

К выборам готовятся в Екатеринодаре и Екатеринбурге. В Екатеринбурге к участию привлечены все промышленные предприятия с рабочими не менее 30 человек. Участвуют 32 предприятия с 30 000 рабочих. Выборами руководит секция рабочего отдела военно-промышленного комитета.

Деятельность местных групп.

Мы располагаем более или менее подробными сведениями только относительно деятельности Московской и Киевской групп. Относительно Московской группы мы уже указывали, что деятельность ее сильно стеснена, и большая часть усилий тратится на борьбу за свою самостоятельность. После Съезда военно-промышленных комитетов Московская группа подала докладную записку в Бюро комитета о необходимости производства выборов от рабочих во все местные комитеты, входящие в район Московского областного комитета. По списку Центрального комитета в этот район входит более 50 комитетов, к моменту же составления записки представители от рабочих были только в 4-х. Бюро Московского комитета, по докладу Рабочей группы, признало необходимым указать местным комитетам, что производство выборов для них обязательно, некоторые высказывались даже за возможность лишения их прав комитетов в случае отказа организовать выборы от рабочих.

Московская группа разослала проект устава и программы Рабочего съезда всем московским союзам, кооперативам, культурным обществам и 66 крупнейшим кассам. Большая часть московских профессиональных организаций отказалась принимать участие в подготовке Рабочего съезда вместе с группой, так как не признает ее представительницей московских рабочих. Натянутые отношения Московской группы с союзами сильно тормозят ее работу.

Представитель Московской группы П. А. Черногородцев присутствовал на Всероссийском земском съезде. На одном из заседаний он выступил с речью, в которой указал на необходимость всенародной организации обороны, на то, что рост популярности этой идеи тормозится не только общими условиями, но и завоевательными стремлениями прогрессивной буржуазии, указал на неразрывную связь идеи всенародной организации обороны с идеей борьбы за мир.

Перед пасхой Московская группа подала в Комитет докладную записку относительно сокращения пасхального перерыва для рабочих, на котором настаивал военно-промышленный комитет. Группа указывала, что часть рабочих центрального района сохраняет связь с зем-

лей и весною уходит в деревню на работу, лишение этих рабочих продолжительного перерыва было бы для них тяжелым ударом и было бы вредно с общей точки зрения, как мера, затрудняющая обеспечение страны продовольствием. Кроме того, при исключительной напряженности работы в этом году и усиленном применении женского и детского труда, для многих рабочих продолжительный перерыв является мерой крайне необходимой для восстановления сил.

Рабочая группа предлагает устраивать в предприятиях специальные рабочие комиссии, ведающие все вопросы, касающиеся отпусков. В Бюро Комитета эта записка возражений не встретила, но движения никакого не получила.

В настоящее время Московская рабочая группа усиленно занята организацией борьбы с дороговизной жилищ и вопросом о выборах от рабочих в страховое присутствие.

В деятельности Киевской рабочей группы надо отметить ее энергичную работу по исследованию условий труда. Она не только исследует лично на местах условия труда в предприятиях, где возникают конфликты, и способствует улажению их путем организации согласительных комиссий, но и выделила из своей среды комиссию по исследованию условий труда в киевских промышленных предприятиях. Эта комиссия собрала обширный материал относительно положения рабочих. Группа занята, кроме того, проведением в жизнь закона о фабричных старостах, института примирительных камер, подготовкой к Рабочему съезду, содействием местной кооперации, организацией профессионального союза металлистов.

«Бюллетень» Рабочей группы № 4.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Приезд Альбера Тома.
2. Милитаризация промышленности.
3. Рабочая группа и законодательные учреждения.
4. Вопросы организации.
5. Институт рабочих старост.
6. Примирительные камеры.
7. Муниципальные вопросы.
8. Твердые цены.
9. Продовольственный центр.
10. Всероссийское бюро труда.
11. Положение рабочих групп.

Настоящий «Бюллетень» № 4 выходит непосредственно после второго и отделен от него значительным промежутком времени. Замедление это объясняется тем, что выпуск и распространение изготовленного Рабочей группой «Бюллетеня» № 3 были задержаны распоряжением Центрального военно-промышленного комитета, который предъявил к нему столь строгие цензурные требования, что соглашение по этому поводу между ним и Рабочей группой состояться не могло.

1. Приезд Альбера Тома.

Приезд члена французской социалистической партии и министра снаряжений Альбера Тома в Россию носил строго официальный характер. Об этом приезде не были ни предупреждены, ни извещены

родственные французской социалистической партии организации России, и самое пребывание А. Тома в России было обставлено таким образом, что общение с ним более или менее демократических организаций становилось почти невозможным. С другой стороны, и сам полномочный министр Франции, несмотря на свои социалистические убеждения, не нашел возможным проявить какую-либо инициативу в деле общения с теми элементами нашей страны, которые могли бы дать ему представление о внутреннем ее положении, представление, отличное от того, какое ему приходилось получать в высоких сферах, чьим гостем он себя признал.

Тем не менее Рабочая группа стала на ту точку зрения, что мнение представителей рабочего класса России о ее внутреннем положении, о связи между задачами обороны и условиями внутреннего политического развития должно быть тем или иным путем доведено до сведения А. Тома, а через него и французской социалистической партии, равно как и до сведения социалистических кругов Европы вообще. Рабочая группа стала на ту точку зрения, что как бы образ действий А. Тома и обстановка, в которой он преимущественно вращался, ни не соответствовала нашим представлениям о международных обязанностях социалистов, международные обязанности самой группы властно диктуют ей необходимость, не взирая ни на что, воспользоваться присутствием Тома для выполнения своего долга перед Интернационалом. Долг же этот заключался в том, чтобы через посредство Тома усилить интернациональные связи, чтобы сказать правду о том, что думает группа о внутреннем положении России, о ее роли среди других держав Согласия в деле обороны и о зависимости этой обороны от внутреннего состояния России. Рабочая группа имела все основания думать, что те сведения, которыми запасся здесь А. Тома среди официальных сфер, дадут западно-европейской демократии слишком одностороннее представление об истинном положении дела, и что такое одностороннее, если просто не ложное, представление может, между прочим, повредить и тем задачам обороны, во имя которых французская партия уполномочила А. Тома занять свой высокий пост.

Рабочей группе стало известно, что Центральный военно-промышленный комитет собирается устроить торжественное заседание с участием французских гостей. За невозможностью найти какие-либо иные пути общения с А. Тома, было решено принять участие в этом заседании. Рабочая группа выработала заявление, которое поручено было огласить на заседании К. А. Гвоздеву. Заявление это мы, к сожалению, не можем здесь воспроизвести. Оно содержало в себе основанную на ряде ярких фактов характеристику внутреннего положения России и тех реакционных явлений, которые мешают делу обороны превратиться в акт всенародной активности и сознательного отношения к историческим задачам. Кроме того было указано и на ту точку зрения, которая разделяется группой в вопросах восстановления интернационального единства и международной ликвидации мирового конфликта. По предложению Центрального комитета, заявление это было представлено для предварительного ознакомления с ним собранию организаторов торжественного заседания. И тут же сразу выяснилось решительное противодействие Центрального военно-промышленного комитета тому, чтобы такое заявление в присутствии Тома было оглашено. Было предложено изменить текст заявления. К. А. Гвоздев заявил,

что изменение может касаться только формы изложения, от существа же группа отказаться не может. Следующее предложение сводилось к тому, чтобы группа присутствовала на заседании молча. Это предложение превратиться группе в собрание статистов вызвало, между прочим, протест покойного В. В. Жуковского. Наконец, третье предложение сводилось к тому, чтобы, ввиду невозможности достигнуть соглашения, торжественное заседание отменить. Принятием этого предложения и был ликвидирован вопрос о приеме Тома. Рабочая группа тогда решила препроводить А. Тома текст непроизнесенной речи вместе с объяснением, почему эта речь оказалась не произнесенной. Такова в кратких чертах история интересной попытки бросить свое слово через государственные границы России в среду западно-европейских товарищей.

Не менее печальный результат дала подобная же попытка и в Москве: здесь в общих чертах повторилась та же история, что и в Петрограде, с той только разницей, что председатель Московской рабочей группы Черногородцев, принявший целый ряд мер для свидания с А. Тома, получил свидание не с ним, а с представителями высшей московской администрации. К сожалению, Рабочей группе и до сих пор неизвестно, была ли осведомлена французская партия о тех подробностях, какими сопровождалось выполнение элементарных международных обязанностей, с одной стороны, А. Тома, с другой, представителями русских рабочих.

2. Милитаризация промышленности.

Вопросу о милитаризации промышленности Рабочая группа посвятила очень много времени и сил. Проект милитаризации был выработан правительством под названием «Положение о мобилизации промышленных предприятий» и поступил на обсуждение Государственной думы. Проект этот окончательно закреплял рабочих за предприятиями, превращая их в своего рода военные рабочие команды, подчиняющиеся всем строгим правилам казарменной дисциплины. Комиссия Государственной думы, в свою очередь, выдвинула свой законопроект, который в некоторых частях смягчал, а в других значительно усиливал военно-крепостное положение рабочего класса. Свое отношение к правительственному проекту Рабочая группа выразила в резолюции, в которой указывалось, что, в случае превращения законопроекта в закон, он, при наличности господствующего режима, не только не способствовал бы мобилизации промышленности и ее упорядочению, но, без сомнения, еще более дезорганизовал бы ее. Военная и гражданская бюрократия, заменяющая собою, по смыслу законопроекта, нынешних руководителей промышленности — отдельных предпринимателей, не только не устранила бы царящего теперь расхищения производительных сил, но к развивающемуся хищничеству добавила бы лишь свои полицейские порядки и чисто канцелярские навыки.

Осуществление этого закона в жизнь ударило бы по рабочему классу, который оказался бы в совершенно крепостном состоянии. Прикрепленного к заводу, лишенного права передвижения и распоряжения собою, лишенного под страхом суровой репрессии возможности протестовать, закон о мобилизации обратил бы рабочего в безгласную машину. Казарменный режим на мобилизованных фабриках и заво-

дах с такими карательными мерами, как карцер, а иногда и розги, был бы естественным следствием воплощения в жизнь указанного закона.

«Единственной реальной основой для действительной мобилизации промышленности, — говорится в резолюции, — является широкая организация общественных сил страны, и прежде всего организация рабочего класса. Поэтому для осуществления такой общественной мобилизации промышленности нужен не закон, надуманный военным министерством для ее бюрократизации, а немедленное проведение в жизнь свободы коалиции, т. е. свободы союзов, слова, печати...»

Эта резолюция, как и проекты правительства и Думы, служили предметом обсуждения на ряде рабочих собраний, присоединявшихся всецело к точке зрения Рабочей группы.

Еще на Втором съезде военно-промышленных комитетов правительственный проект мобилизации промышленности служил предметом горячих прений, в особенности в секции труда, где собралось наибольшее число членов рабочей делегации. Промышленники, естественно, были против проекта правительства, так как он стеснял их право неограниченной эксплоатации и вводил в некоторые рамки спокойное течение прибылей. Но, с другой стороны, те части проекта милитаризации, которые связаны были с прикреплением рабочих к предприятиям, встречались уже не так резко.

После целого ряда выступлений членов рабочей делегации секция приняла резолюцию, принятую затем и Съездом, пункт 1-й которой гласил: съезд признает неприемлемым проект мобилизации промышленности, внесенный в Государственную думу правительством.

Впоследствии при Центральном военно-промышленном комитете состоялось заседание с участием представителей общественных организаций и многих членов Государственной думы, на котором члены Рабочей группы подвергли всесторонней критике проекты милитаризации промышленности. Центральный комитет поддержал доводы членов Рабочей группы, и в итоге проекты милитаризации были отвергнуты также и здесь.

В общем выяснилось, что для проведения в жизнь этих проектов нет никаких оснований, и правительство на этом перестало настаивать. Вопрос был снят с очереди, но план милитаризации начал осуществляться в той его части, которая касалась прикрепления рабочих к предприятиям. Стали появляться циркуляры Главного комитета при Главном управлении генерального штаба по делам о предоставлении отсрочек военнообязанным, которые систематически урезывали право перехода рабочих из одного предприятия в другое. В свою очередь предприниматели стали чинить всевозможные препятствия рабочим, переходившим из одного предприятия в другое. В связи с этими мероприятиями Рабочей группе приходилось и ныне приходится выполнять огромную и тяжелую работу по выдаче разного рода справок и иной помощи рабочим, вынужденным покинуть предприятие и искать себе работу в новом месте. Число подобных обращений к группе исчисляется тысячами, и практика показала, что в этом отношении рабочие, покидающие предприятие, поставлены в крайне тяжелое положение. По циркуляру Главного комитета от 13 февраля 1916 года рабочий, покинувший то или иное предприятие, обязан был втечение семи дней найти себе новое место — число переходов не было огра-

ничено, но 1 июня 1916 года появился новый циркуляр, согласно которому рабочий имеет право только на один переход втечение периода отсрочки. Этим циркуляром прикрепление рабочих к предприятию было почти что завершено. По этому поводу Рабочая группа несколько раз обращалась в Центральный военно-промышленный комитет с указанием на необходимость изменения установленных правил перехода. Центральный комитет мало что мог в этом направлении сделать. Единственно, что получилось в результате — это был ряд циркуляров к предприятиям, в которых комитет указывал наиболее благоприятное для рабочих толкование циркуляров военных властей. Кроме того были отпечатаны инструкции с разъяснениями правил перехода, так как рабочие терпели массу лишних страданий в силу незнакомства с правилами перехода. Последний циркуляр комитета по отсрочкам был подвергнут подробному разбору в особой записке Рабочей группы, разосланной по всем местным рабочим группам. В этом циркуляре, сократившем право на переход до одного раза втечение периода отсрочки, было указано, что исключение возможно только при обстоятельствах, «не зависящих от воли служащих и рабочих». По этому поводу Рабочая группа в своей записке писала:

«Нужно иметь в виду, что, например, такое ухудшение условий труда, при котором делается совершенно невозможным продолжать работу в данном предприятии, тоже не зависит от воли рабочих: это воля предпринимателя, а рабочий в таких случаях вынужден искать новую работу. Известны в фабричной практике случаи, зарегистрированные фабричной инспекцией, когда резким ухудшением условий труда можно заставить уйти ту или иную группу рабочих, не прибегая к формальному увольнению. Циркуляр подобное положение совершенно игнорирует. Главный комитет по отсрочкам не признает даже права на переход в случае явного и доказанного нарушения предпринимателем договора найма. Нарушение договора может быть формально установлено и зарегистрировано соответствующей властью, тем не менее рабочий обязан оставаться в нарушившем закон предприятии, если не хочет уйти на фронт.

Во всех прочих областях жизни лица, привлеченные к обороне страны, пользуются повышенной охраной своих прав (напр., в судах приостанавливаются дела о военных, ограничены права домовладельцев по отношению к семьям призванных и т. д.). Наоборот, рабочие, работающие на оборону и также считающиеся военнообязанными, теряют элементарные гражданские права, а предпринимателям облегчается возможность нарушения прав рабочих именно потому, что они работают на оборону, что они военнообязанные.

Таким образом, новые разъяснения Главного комитета по отсрочкам знаменуют собой дальнейший шаг в деле прикрепления рабочих к фабрикам и заводам. Проекты милитаризации промышленности осуществляются, но только наполовину. И как раз на этой половине находятся рабочие. Другая же половина не только не подвергается ограничениям, связанным с милитаризацией, но, наоборот, получает в военное время еще больший простор, чем в мирное».

3. Рабочая группа и законодательные учреждения.

Открытие сессии законодательных учреждений побудило Рабочую группу высказать в особом обращении в Госуд. думу свое мнение о

тех задачах, какие надлежит выполнить нашему народному представительству. В общей форме это было уже сделано на Втором съезде военно-промышленных комитетов. К моменту же открытия Госуд. думы Рабочая группа решила придать своим положениям более конкретную форму путем непосредственного обращения к думскому президиуму.

Центральным пунктом этого обращения явился вопрос о необходимости Госуд. думе выдвинуть, как очередную, совершенно нетерпящую отлагательства задачу, установление свободы организации.

«Для Государственной думы, — говорится в обращении, — не может быть тайной, что в то самое время, когда торжественно провозглашалось единение всех общественных классов и проповедывалось напряжение всех сил страны, в самых различных промышленных районах России, возник и широко разлился пожар забастовок...

Большинство этих стачек возникает совершенно стихийно. И эта стихийность в настоящее время дезорганизует не столько промышленность, руководители которой зачастую за стачкой только укрывают свои эгоистические цели и антиобщественные планы, сколько и без того распыленный рабочий класс. Хаотичность стачечной войны последнего времени, по нашим наблюдениям, приводит рабочую массу к небывалой растрате сил...

Русская реакция, по весьма понятным побуждениям, пытается вывернуть правду наизнанку и усмотреть причину хаотичности забастовок не в отсутствии организации в рабочем классе, а наоборот — в наличности тех редких осколков рабочих организаций, какие еще сохранились в России...

Являясь одной из главных причин стихийности рабочего движения, русская реакция уже стремится использовать стачечную волну для нападения на общественные организации и прежде всего на рабочее представительство военно-промышленных комитетов. Вопреки многочисленным фактам, реакция попыталась изобразить Рабочую группу при военно-промышленных комитетах центрами стачечной стихии и не побрезговала бросить в нас гнусную ложь о скрытом нашем, будто бы, пораженчестве. Обходя с презрением эту полицейскую инсинуацию, представители рабочих в Центральном военно-промышленном комитете должны однако со всей решительностью протестовать против всякого порицания и осуждения рабочих, прибегающих к стачкам.

Вопреки ходячей сказке о небывало возросшем за время войны материальном благополучии рабочей массы, положение широких рабочих кругов не только не улучшилось, но, обостренное небывалым продовольственным кризисом, значительно ухудшилось.

В стачечной стихии нужно винить поэтому не рабочие массы, а тех, кто поставил рабочий класс в положение, в котором он во всех случаях и обстоятельствах своей жизни не имеет иного орудия для защиты себя и своих интересов кроме стачечного протеста.

Отсюда вытекает вполне определенный вывод: рабочий класс и с ним вместе вся страна не может дольше жить без свободы организации.

Конечно, эта свобода не устранит совершенно даже на время войны стачечного движения, ибо рабочие стачки являются нормальным средством для защиты до тех пор, пока существует общество, разделенное на классы. Но свобода рабочих организаций, объединяя мас-

сы, без сомнения, способна будет уничтожить наблюдающийся теперь стачечный хаос и введет конфликты между предпринимателями и рабочими в определенное русло. Организованные взаимоотношения труда и капитала вообще совершенно необходимы. В нынешний же острый момент они особенно необходимы как в интересах рабочего класса, так и в интересах других общественных слоев, действительно заинтересованных в спасении своей страны. При продолжающемся же отсутствии профессиональных и политических организаций, права собраний, слова и печати народная масса и, в частности, рабочий класс будут продолжать оставаться насильственно оторванными от вмешательства в судьбы своей страны, самая же организация самозащиты останется пустым звуком...

Поэтому, обращаясь к Госуд. думе при начале работ в нынешней сессии, представители рабочих в Центральном и Петроградском окружном военно-промышленных комитетах настоятельно предлагают думе первым шагом этих работ сделать вопрос о свободе организации».

Работа Госуд. думы в действительности однако ни в малейшей мере не считалась с этой роковой необходимостью укрепить за страной право на организацию. Значительная часть ее деятельности прошла мимо основных нужд народа, и Рабочая группа сочла нужным это отметить в особом заявлении, приуроченном к окончанию работ думской сессии.

4. Вопросы организации.

Из вышеизложенного видно, что центром в своих обращениях к Государственной думе Рабочая группа делала вопрос о свободе коалиций. Привлечь внимание рабочих масс к этому вопросу составляло и ныне составляет одну из главнейших задач Рабочей группы. С этой целью было выработано особое обращение к товарищам, в котором, между прочим, говорилось: «Буквально нет ни одного более или менее крупного запроса рабочего класса, который в конце концов не уперся бы в глухую стену отсутствия в России свободной коалиции. Возьмите вопрос о биржах труда и о примирительных камерах. Даже институт старост, если он будет проведен в жизнь, при отсутствии рабочих организаций не сможет получить должного значения».

Обращение рекомендует рабочим самым энергичным образом взяться на первых порах за обсуждение вопроса о возможных видах организаций, сообразно условиям места и времени.

«В каждом рабочем центре следует, — по мнению группы, — теперь же организовать особые совещания, которые занимались бы специально разработкой вопроса об организации и взяли на себя обязанность проводить в жизнь постановления рабочих собраний, содействуя стремлению рабочих к осуществлению права организации». «Необходимо, — говорится далее в обращении, — чтобы всюду и теперь же рабочие подавали на утверждение уставы о профессиональных союзах, культурно-просветительных обществах и т. п., проявляя в этом направлении упорство и энергию. В случае неутверждения таких уставов необходимо обжаловать отказы в Сенат, одним словом, использовать все имеющиеся права и стремиться вновь проводить уставы». Обращение это было разослано по всем рабочим организациям России в очень большом количестве.

В результате настояний Рабочей группы Центральный военно-промышленный комитет составил докладную записку по рабочему вопросу, в которой мысль о необходимости предоставления рабочим права организации была проведена достаточно выпукло и решительно. С другой стороны, тот же вопрос о свободе рабочих организаций был поставлен на обсуждение областного съезда военно-промышленных комитетов в мае текущего года и вызвал ряд чрезвычайно интересных и горячих прений. Все эти шаги, несомненно, повели к некоторому усилению интереса среди рабочих масс к делу создания рабочих организаций.

Печальнее всего стояло дело в этом отношении в Петрограде, где после некоторых попыток регистрации уставов, кончавшихся неудачами, движение в пользу организации, казалось, совершенно замерло. Рабочая группа сочла необходимым заново поставить вопрос об организации наиболее многочисленной категории рабочих по металлу. В этой отрасли промышленности отсутствие организации рабочих приводило к наиболее печальным последствиям, и целые ряды неудачных конфликтов обрушивались неимоверной тяжестью на головы рабочих. Члены Рабочей группы, принадлежащие преимущественно к этой категории рабочих, поставили себе целью приложить все старания к тому, чтобы союз рабочих по металлу стал фактом. Было устроено несколько собраний, выработан устав, который первоначально администрацией был отклонен. Это однако не остановило членов Рабочей группы. Был выработан новый устав, который на этот раз был зарегистрирован. Событие это имело большое значение, так как впервые после долгого промежутка отсутствия рабочих организаций появилась, так сказать, первая ласточка рабочей коллективности. Союз этот пока еще не приступил к своей практической работе, но запись членов идет чрезвычайно успешно и можно надеяться, что союз этот будет развиваться планомерно, если не случится чего-либо в области административного пресечения [1]). Под непосредственным влиянием и при прямом участии членов Рабочей группы начали создаваться также культурно-просветительные организации (так называемые рабочие клубы). Ныне уже зарегистрировано три устава [2]).

В связь с указанным должна быть также поставлена деятельность членов Рабочей группы в области рабочей кооперации. При их ближайшем участии был создан союз петроградских рабочих кооперативов, который ныне значительно расширил свою деятельность; отдельные районные рабочие кооперативы в последнее время работают также при содействии членов Рабочей группы, занимающих в них ответственные посты. В общем, работу в области профессионального и кооперативного строительства ведут две специальные комиссии при Рабочей группе: профессиональная и кооперативная. Обе эти комиссии обсуждают текущие нужды соответствующей формы рабочей организации, привлекая к этому делу сведущих лиц из числа практических работников профессионального и кооперативного движения.

Наряду с профессионально-кооперативным строительством столицы в Рабочую группу поступают сведения, что соответствующие усилия проявляются и в ряде провинциальных городов, и здесь также рабо-

[1]) Это уже случилось, и союз металлистов закрыт накануне первого своего общего собрания.

[2]) Культурно-просветительные общества также закрыты.

чие группы являются часто инициаторами и наиболее активными работниками движения.

5. Институт рабочих старост.

Изыскивая пути для привлечения в рабочую среду элементов организации хотя бы в самых простейших ее формах, Рабочая группа обратила внимание на закон 1903 года о рабочих старостах. Закон этот в свое время рабочими бойкотировался, и лишь в последние годы начали делаться попытки использования этого закона в целях создания внутрифабричного рабочего представительства. Уже на Втором съезде военно-промышленных комитетов в своем докладе о рабочей политике Рабочая группа выдвинула вопрос о рабочих старостах, как об одном из элементов конституционного строя на фабриках и заводах. Положения этого доклада в части, относящейся к рабочим старостам, были единогласно приняты секцией труда Второго съезда военно-промышленных комитетов. На пленарном заседании съезда фраза о конституционном строе на фабриках и заводах была выдвинута, и принятая всем съездом резолюция в соответствующей части гласила: «Съезд вменяет в обязанность военно-промышленным комитетам озаботиться установлением на фабриках и заводах института старост». Резолюция эта с объяснительной запиской была разослана Центральным военно-промышленным комитетом во все связанные с ним организации.

С своей стороны Рабочая группа не ограничилась вынесением этого вопроса на съезд и занялась выработкой практических мероприятий для скорейшего проведения этого института в жизнь. Постепенно прежнее предубеждение против института старост стало ослабевать, и в различных пунктах стали вновь возрождаться организации внутрифабричного представительства. Ввиду того, что интерес к институту фабричных старост стал проявляться и в провинции, в Рабочую группу стали поступать запросы о желательных формах организации этого института. Рабочая группа выработала особую записку по этому вопросу, в которой был подвергнут критике закон 1903 года, изложена вкратце история отношения рабочих и предпринимателей к этому закону и указаны те пути, при помощи которых закон 1903 года может быть использован в интересах рабочих.

Был составлен проект положения о фабричных старостах на основе закона 1903 года и вместе с докладом в большом количестве экземпляров был разослан по разным городам России. Эти мероприятия Рабочей группы встретили живой отклик со стороны рабочих, и в настоящее время число предприятий, где вводятся старосты, все увеличивается. В Рабочей группе имеются сведения из Москвы, Киева, Казани, Самары и некоторых пунктов Донецкого бассейна, где приступлено к практическим шагам по введению института старост.

Движение рабочих в эту сторону, а также интерес к вопросу, возбужденный Рабочей группой также и в среде предпринимателей, побудили министерство торговли и промышленности обратить внимание на закон 1903 года. Министерство выработало план изменений в этом законе, который в одной части, несомненно, его улучшает, а в другой — решительно ухудшает. Беглую оценку предположений министерства торговли можно найти в докладной записке, о которой говорилось выше. Министерство торговли для обсуждения вопроса о рабочих ста-

ростах собирается созвать особое междуведомственное совещание. Дальнейшим шагом Рабочей группы, несомненно, должно явиться стремление к тому, чтобы окончательная судьба закона о рабочих старостах ни в коем случае не была бы решена без самого активного участия представителей от рабочих. По этому поводу Рабочей группой составлена подробная объяснительная записка с рядом возражений против предполагавшегося ведомствами установления высокого возрастного ценза и ценза оседлости в данном промышленном предприятии, дающих право на участие в выборах фабрично-заводских старост.

6. Примирительные камеры.

Необычайно тяжелые условия экономической борьбы и хаотические формы возникновения, течения и ликвидации конфликтов уже с самого начала своей деятельности побудили Рабочую группу заняться вопросом о незамедлительной организации примирительных камер. Вопрос этот несколько раз был поставлен на обсуждение Центрального военно-промышленного комитета, который сочувственно отнесся к инициативе Рабочей группы. Ко Второму съезду военно-промышленных комитетов Рабочей группой был выработан проект примирительной камеры, который был принят секцией и общим собранием съезда. Вслед затем съезд принял резолюцию об организации примирительной камеры на основаниях, выработанных Рабочей группой. Уже на самом съезде обнаружилось, что представители Общества фабрикантов и заводчиков стремятся сорвать примирительную камеру систематическим противодействием всем предложениям не только Рабочей группы, но и Центрального военно-промышленного комитета. 10 марта Центральный комитет обратился к председателю Особого совещания по обороне с предложением, чтобы Особое совещание своей властью провело положение о примирительных камерах. Особое совещание от этого предложения отказалось, сославшись на подведомственность вопроса министерству торговли и промышленности, но, в свою очередь, это министерство спустя некоторое время признало институт примирительных камер несвоевременным.

Вслед затем вопрос о примирительных камерах был поднят Московской рабочей группой, а в начале июля состоялся съезд областных военно-промышленных комитетов, на котором вопрос о немедленном создании примирительных камер был поставлен рабочими делегатами широко и решительно. Съезду была предложена резолюция, выработанная рабочей делегацией, в которой нашла себе характеристику позиция предпринимателей по отношению к примирительным камерам и выставлено требование о немедленном приступе к организации примирительных камер на началах, принятых Вторым съездом военно-промышленных комитетов. Съезд однако принял другую резолюцию менее категорического характера, за которую рабочая делегация не сочла возможным голосовать. Прения, происходившие на съезде областных комитетов, вызвали необычайно острый интерес к вопросу о создании примирительных камер в общей прессе, которая, в общем и целом, решительно поддерживала все выступления по этому вопросу Рабочей группы. Вслед за тем вопрос о примирительных камерах был вновь поставлен в Московском комитете, и здесь разыгралась чрезвычайно яркая картина борьбы даже наиболее ли-

беральных руководителей объединенных промышленников против примирительной камеры, и в этом случае голос общественного мнения решительно поддерживал требования рабочих делегатов. Общество фабрикантов и заводчиков все не давало ответа, желает ли оно участвовать в примирительной камере или нет. Ввиду этого Рабочая группа предложила Центральному комитету сделать Обществу решительный запрос, а если оно втечение двух недель не даст ответа, то приступит к организации примирительной камеры при Центральном военно-промышленном комитете.

1 августа Центральный военно-промышленный комитет вновь обратился к Обществу фабрикантов и заводчиков с предложением избрать своих представителей в примирительную камеру, но получил следующий ответ: «Факультивные примирительные камеры, как выяснила практика их развития в Западной Европе, являются авторитетными учреждениями лишь в тех случаях, когда они создаются прочно установившимися профессиональными организациями работодателей и рабочих. Единственно возможными, при существующем у нас укладе промышленной жизни, являются примирительные камеры, проведенные в законодательном порядке и обязательные для обеих сторон».

18 августа, после того, как выяснился окончательный отказ Общества фабрикантов от участия в примирительных камерах, состоялось заседание Центрального военно-промышленного комитета, на которое ввиду его важности прибыли из Москвы проф. Мануйлов и др. Здесь снова был поставлен вопрос об организации примирительных камер. Рабочими, с одной стороны, и проф. Мануйловым, с другой — была дана яркая характеристика дезорганизаторской политики объединенных промышленников, которые стремятся во что бы то ни стало сорвать дело, способное несколько урегулировать отношения между рабочими и предпринимателями.

В результате голосования единогласно принято предложение о желательности немедленной организации примирительной камеры при Центральном военно-промышленном комитете. Рабочие представители сочли нужным подчеркнуть, что устройство примирительных камер без участия в них организованных промышленников заранее обрекает их на бездействие и создает только суррогат примирительного института. Но все же Рабочая группа, исходя из общественно-политических интересов рабочего класса, не считает возможным отказаться от организации примирительной камеры даже в таком урезанном виде. Таким образом Рабочая группа находится сейчас на пути практического проведения института примирительной камеры. На последнем заседании Бюро группы было постановлено предложить Центральному комитету выбрать комиссию, построенную на равном представительстве от предпринимательского состава комитета и Рабочей группы, для начала подготовительных работ по организации камеры. Таково положение вопроса о примирительных камерах к моменту составления настоящего «Бюллетеня».

7. Муниципальные вопросы.

Биржа труда.

В своей текущей деятельности Рабочей группе пришлось столкнуться с рядом антиобщественных явлений, получивших все большее раз-

витие в стенах центрального городского самоуправления с тех пор, как там воцарилось реакционное большинство так называемых «стародумцев». Уже вскоре после их победы нависла серьезная угроза над жизнью петроградской биржи труда, которая втечение короткого времени своего существования успела развить широкую и полезную деятельность. Замышлялось серьезное сокращение ее сметы, перевод биржи в отдаленный район города и реорганизация ее строя на чисто канцелярских началах. Намерения городской думы вызвали серьезную тревогу за судьбу биржи труда в кругах, заинтересованных в ее существовании. Считаясь с серьезной опасностью, Рабочая группа решила выступить в защиту биржи труда и в первую очередь отправила петроградскому городскому голове следующее заявление:

«Ввиду того, что на рассмотрение городской думы внесен устав петроградской биржи труда, и в данный момент обсуждается вопрос о ее дальнейшем существовании и, принимая во внимание неотложную необходимость систематической деятельности правильно организованной биржи труда, как органа, регулирующего рабочий рынок и ослабляющего бремя безработицы, деятельности, значительной в настоящее время и особенно необходимой в период острой безработицы, которая может наступить после окончания войны, Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета в своем заседании от 2-го, обсудив вопрос о бирже труда, сочла необходимым довести до сведения городского самоуправления о следующих пожеланиях: 1) Петроградская биржа труда должна быть признана думою постоянным учреждением, существующим на средства города. 2) Управление биржей труда должно быть передано паритетному комитету, состоящему из равного числа представителей от рабочих и нанимателей, во главе с нейтральным председателем. 3) Служащие биржи труда должны назначаться из кандидатов, указываемых рабочею частью паритетного комитета. 4) В случае конфликтов между трудом и капиталом биржа труда должна прекращать деятельность по отношению к предприятиям, вовлеченным в конфликт, и 5) Кроме чисто посреднической деятельности биржа труда должна заботиться об удовлетворении различных нужд безработных путем устройства столовых, чайных, читален, библиотек, школ и т. п., для чего городом должны быть предоставлены достаточные средства.

Вместе с тем Рабочая группа заявляет, что реорганизация петроградской биржи на бюрократических началах, реорганизация, равносильная уничтожению самой биржи труда, являлась бы со стороны городской думы актом, нарушающим интересы сотен тысяч петроградских рабочих, и не должна быть допущена».

Заявление это встретило живой отклик среди рабочих, и в городскую думу стали поступать аналогичные заявления от отдельных групп рабочих, которые затем были поддержаны выступлением ряда других общественных организаций. В итоге получилось довольно широкое движение в защиту биржи труда, с которым стародумское большинство не могло не считаться. Несколько раз оно приступало к пересмотру положения о бирже, каждый раз откладывая вопрос, покуда он, наконец, не был решен в том смысле, что за биржей сохраняются все ее старые права и средства. Выступления в защиту биржи труда были чрезвычайно поучительны в том отношении, что выяснилось, что энергичное выступление общества и заинтересованных элементов ра-

бочего класса может заставить дрогнуть даже такую, казалось бы, неприступную твердыню реакционного большинства, как петроградское городское самоуправление.

Трамвайный тариф.

Не увенчалось реальным успехом выступление Рабочей группы в связи с удвоением городом трамвайного тарифа. Рабочая группа, понимая, какой вред нанесет малоимущему населению города удвоение трамвайного налога, заявила по этому поводу свой протест, посланный в начале июня на имя петроградского городского головы. В этом заявлении, между прочим, говорилось: «Отсутствие рабочих жилищ вблизи предприятий и крайняя разбросанность последних по обширной площади градоначальства и уезда заставляют рабочих тратить значительную часть своего бюджета и рабочего времени на передвижение. Удвоение тарифа ляжет тяжелым бременем и на без того отягощенный рабочий бюджет, все более отстающий от резкого подъема цен на все предметы первой необходимости.

Рабочая группа полагает, что, ввиду ничем не ограниченного роста цен, задача городского самоуправления сводится к тому, чтобы по возможности поставить предел губительной для масс спекуляции. Петроградское же городское самоуправление своей новой мерой само идет в сторону усиления дороговизны, само делает свои предприятия источником повышения и без того высоких доходов. Благодаря этому у городского самоуправления исчезает почва для борьбы с частно-хозяйственной спекуляцией, и его деятельность сама по себе становится фактором, делающим жизнь неимущего населения во время войны совершенно невыносимой.

Рабочая группа обращает внимание городского самоуправления на все тяжкие последствия такого явления и подчеркивает полную его недопустимость. При этом Рабочая группа не может не пройти мимо того факта, что нынешняя высокая доходность трамвая ни в какой мере не соответствует ни удобствам, предоставляемым пассажирам, ни нормам оплаты труда многочисленного кадра трамвайных служащих и рабочих.

Покрытие городского дефицита за счет добавочного налога на трамвайное движение является недопустимым перенесением финансовых недочетов городского хозяйства на неимущие слои населения в то время, как имущие слои, представленные в городской думе, никаких избыточных тягот на содержание городского хозяйства не несут.

Увеличение трамвайного тарифа приведет неизбежно к некоторому сокращению пользования трамваем со стороны трудящихся масс. Следствием этого явится то, что более состоятельное население будет себя чувствовать в трамваях просторнее и, таким образом, насущный вопрос об упорядочении трамвайного движения разрешится в сторону предоставления удобств имущим за счет лишения возможности пользоваться трамваем неимущих. Против такой трамвайной политики городского самоуправления Рабочая группа не может не протестовать».

Рабочая группа настаивала на отмене удвоенного тарифа, и ее почин в этом деле был поддержан рядом групповых заявлений рабочих, посылавших свои протесты в думу. Вследствие разроставшегося проте-

ста вопросом об удвоении тарифа заинтересовалась высшая администрация, но, в конце концов, постановление об удвоении тарифа было проведено в жизнь.

Выступление Петроградской рабочей группы нашло отклик в Самаре, где по подобному же поводу выступила с протестом местная рабочая группа.

Общественные столовые.

Рабочей группе неоднократно приходилось выступать в связи с продовольственным кризисом. Но за последнее время, особенно в рабочих кварталах, он принял настолько острую форму, что явилась необходимость немедленного принятия ряда чисто практических мер, которые несколько облегчили бы совершенно *невыносимое* для рабочих масс положение. Первым шагом в этом направлении, Рабочая группа полагала, должно явиться устройство целой сети общественных столовых. С этой целью в Петроградскую городскую думу была отправлена докладная записка, из которой ниже приводятся наиболее существенные места: «Отсутствие рабочих жилищ вблизи промышленных предприятий лишает множество рабочих возможности кормиться дома, так как в короткие перерывы невозможно съездить домой поесть и вернуться. Привлечение к работам огромной массы женщин уничтожает возможность домашнего изготовления пищи, и это еще более обостряет вопрос о способах пропитания рабочего населения. Между тем рабочая масса как раз в настоящее время работает с необычайным напряжением своих сил благодаря крайней интенсификации труда и удлинению рабочего времени. И в мирное время наблюдается опасный контраст между затратой физических сил и той нормой питания, которая должна была пойти на восстановление этих сил. Но военное время довело это противоречие до небывалых размеров, так как затрата сил стремительно возросла, а норма продовольствия столь же стремительно упала». Рабочая группа в конце своего обращения указывает, что «независимо от мер общегосударственного характера местное самоуправление обязано принять ряд экстренных и широких мер для смягчения стремительно обостряющегося продовольственного бедствия.

В первую очередь городское самоуправление обязано организовать питание населения путем создания *широкой и густой сети общественных столовых*, приноровленных к условиям жизни в фабричных районах. Эти столовые должны быть в состоянии отпускать по доступным ценам доброкачественную пищу, способную дать не только временный эффект насыщения, но и действительное возмещение затрачиваемых рабочими сил. Дело это должно быть поставлено сразу же широко не в виде робких опытов, а на твердую почву сознательной муниципальной политики. Должен быть разработан план, жизненность которого обеспечивалась бы участием в его выработке представителей заинтересованных масс в качестве полноправных строителей собственного дела.

Рациональная постановка и успешное функционирование столовых может быть обеспечено лишь тогда, когда эти столовые — не дар гуманности или благотворительности, а результат коллективных усилий широких слоев населения.

В соответствии с этим управление столовыми на местах должно находиться в руках представителей рабочих организаций.

Обязанностью же городского управления является притти на помощь всем начинаниям общественных организаций, в особенности рабочих кооперативов, ближе всего стоящих к вопросам продовольственного дела; обязанностью городского управления является, путем предоставления денежных средств, помещений и продуктов, всемерно способствовать организации общественных самоуправляющихся столовых.

Представляя все это на рассмотрение городского общественного управления, Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете полагает, что первым шагом со стороны города должен явиться созыв собрания из представителей больничных касс, рабочих кооперативов, профессиональных союзов для обсуждения общих основ дела и для избрания из состава собрания исполнительной комиссии, которая совместно с представителями городских управлений и приступит к практическому осуществлению сети общественных столовых».

Центральный военно-промышленный комитет, разделяя общие соображения Рабочей группы, придал тем не менее вопросу несколько иное направление. По инициативе А. И. Гучкова вопрос был сужен в том смысле, что на первую очередь ставится тип чисто фабричных столовых, устраиваемых по соглашению между предпринимателями и рабочими, причем первые берут на себя всю финансовую часть, а организация и заведывание делом передается представителям рабочих. 25 августа состоялось соединенное заседание представителей Центрального военно-промышленного комитета, Рабочей группы, Общества фабрикантов и заводчиков и городского самоуправления. Выступление последних обнаружило, что город не принимает тех предложений, которые имеются в заключительной части записки Рабочей группы. Они заявили, что созвать предлагаемое собрание им запрещает закон, а что касается финансовой помощи организующимся столовым, то у города денег нет и касса его пуста. Представители города согласились только на отпуск в кредит имеющихся в его распоряжении продуктов. Кроме того город ничего не имеет против того, чтобы в соглашение с рабочими на предмет устройства столовых вступали бы городские попечительства о бедных.

Представители Общества фабрикантов и заводчиков на этот раз выразили довольно большую готовность итти навстречу пожеланиям рабочих, предоставляя в их распоряжение помещения и необходимые средства. Члены Рабочей группы возражали против сведения вопроса к устройству чисто фабричных столовых, так как это будет по силам только наиболее крупным предприятиям; средние же и мелкие таких столовых не в состоянии будут устраивать. Кроме того имеется масса рабочих, работающих по мелким мастерским, так что в итоге останется огромная армия рабочих, для которой продовольственный вопрос будет стоять столь же плачевно, как и до открытия крупнейшими предприятиями своих собственных столовых.

После этого собрания состоялось организованное Рабочей группой собрание, на котором присутствовали представители больничных касс, кооперативов и некоторых городских попечительств о бедных и санитарных попечительств. Здесь выяснилось, что эти попечительства со-

гласны оказать рабочим всяческую поддержку. Но, с другой стороны, пришлось учесть и то обстоятельство, что таких попечительств в городе мало, не все из них устраивают столовые и, наконец, самая ничтожная часть этих попечительств расположена в рабочих районах. Независимо от этих шагов А. И. Гучков разослал письма фабрикантам и заводчикам, в которых они запрашивались о своем отношении к вопросу о рабочих столовых. Пока получился ряд благоприятных ответов. Далее А. И. Гучков послал письмо градоначальнику, в котором просил его не чинить препятствий рабочим собраниям для выбора уполномоченных по организации столовых. Градоначальник ответил, что о столовых в законе ничего нет, посему подобные собрания являются незаконными.

В момент составления этого «Бюллетеня» получился следующий ответ городского головы на обращение Рабочей группы:

«Вследствие отношения от 11 августа имею честь уведомить вас, милостивый государь, что вопрос о созыве собрания из представителей больничных касс, рабочих кооперативов, профессиональных союзов и представителей городских учреждений для обсуждения вопроса об организации ряда общественных столовых не входит в компетенцию городского общественного управления.

Сообщая об изложенном и признавая желательность участия представителей города в совещаниях при Центральном военно-промышленном комитете по разработке плана об устройстве общественных столовых, покорно прошу уведомить меня, какое число представителей города могло бы быть привлечено к участию в означенных совещаниях. Городской голова П. И. Л е л я н о в».

16 сентября состоялось большое собрание, на котором присутствовали представители 15 больничных касс, одного собрания заводских старост, 10 кооперативов и отдельных заводов, где вопрос о столовых был поставлен на чисто практическую почву. Отчет об этом собрании будет разослан отдельно. Принятые же на собраниях решения сводятся к следующему:

1) Выразить протест от имени всех представленных на собрании организаций против отношения городского самоуправления к вопросу о столовых, выразившемся в вышеприведенном письме городского головы.

2) Считая тип внутризаводских столовых наименее желательным, настаивать всетаки на их организации на основах полного самоуправления.

3) Принять меры к немедленной организации столовых при существующих кооперативах.

4) Помимо этого приступить к организации ряда столовых на кооперативных началах путем образования специальных столовых кооперативов, добиваясь материальной и финансовой помощи государственных и муниципальных органов, однако при соблюдении полной своей независимости.

5) Собрать путем анкеты сведения о существующих формах организации питания рабочего населения, о предпринимаемых и предпринятых к этом направлении попытках, с централизацией всех сведений в Рабочей группе.

6) Обсудить вопрос о столовых на специальном собрании союзных кооперативных организаций (общество оптовых закупок, союз потребителей и т. д.).

7) Устроить ряд районных собраний по тому же вопросу.

8) Избрать столовый центр для приведения в исполнение всех означенных решений.

Центр этот избран в составе 15 человек и подлежит переизбранию в случае, если организации пожелают доверить по этому предмету полномочия лицам, не присутствовавшим на собрании.

В общем вопрос о столовых сдвинут с места, так как ряд предпринимателей уже выразил согласие на устройство столовых, управляемых самими рабочими, и, кроме того, городские попечительства выразили согласие привлечь к управлению устраиваемыми ими столовыми представителей рабочих.

Рядом с Петроградом вопрос о столовых принял такое же направление в Киеве, где местная рабочая группа обратилась в городское самоуправление с аналогичным же заявлением. Надо здесь еще отметить, что инициатива Петроградской рабочей группы была встречена весьма сочувственно общей прессой, благодаря чему вопрос о столовых приобрел широкообщественный характер и вызвал сочувствие широких общественных элементов. За Невской заставой и на Охте состоялись по этому вопросу собрания рабочих, на которых присутствовали представители местных попечительств.

8. Твердые цены.

Занятия съезда уполномоченных по продовольствию побудили Рабочую группу высказаться по вопросу о твердых ценах на хлеб, имеющему первостепенное значение для нужд рабочего класса. По этому вопросу состоялось в Рабочей группе собрание, на котором был сделан подробный доклад о значении проектированных цен для всего народного хозяйства России и, в частности, для рабочего класса. Общая точка зрения Рабочей группы на этот вопрос была изложена в нижеследующей резолюции:

«1. Во всех воюющих странах таксы и твердые цены вводятся в целях борьбы против чрезмерного вздорожания продуктов питания; между тем твердые цены на зерно, выдвинутые нашими аграриями и завоевавшие уже большинство в Особом совещании по продовольствию, имеют целью, наоборот, искусственный подъем цен — значительное повышение их по сравнению с ценами, стоявшими на рынке в июне и июле, до начала борьбы аграриев за твердые цены.

При вынужденном молчании народной массы, лишенной влияния на законодательство, при бездействии даже существующих законодательных учреждений аграрии, овладевшие государственной властью, вызывают, в целях увеличения своего дохода, непомерное вздорожание хлеба, этого главнейшего предмета потребления широких слоев населения.

2. В силу неразрывной связи цен отдельных продуктов между собой искусственное взвинчивание цен на хлеб должно вести к подъему цен и на все другие продовольственные продукты и, таким образом, грозит понижением реальной заработной платы и серьезным ухудшением питания народной массы.

3. Искусственное повышение цен на хлеб и вызываемое им повышение цен на другие продукты означает увеличение тех огромных расходов, которые идут на армию, и, следовательно, должно влечь за собою усиление государственной задолженности и усиленный выпуск бумажных денег, делая неизбежным благодаря тому и другому усиление после войны и без того непосильного налогового бремени, лежащего на народной массе.

4. Рабочий класс, все слои населения, которым проектируемые твердые цены угрожают серьезным ухудшением положения, должны поднять свой голос против стремления аграриев провести в жизнь выдвинутые ими твердые цены и использовать таким образом народное бедствие для усиления своих доходов на счет остальной массы населения».

Одновременно с этим состоялось заседание Центрального военно-промышленного комитета, которое постановило отправить протест против установленных съездом твердых цен с указанием на необходимость их понижения. Подобное же заявление было составлено и в Московской рабочей группе, и здесь так же, как и в Петрограде, военно-промышленный комитет (приняв к сведению постановление местной рабочей группы, присоединился к нему) с своей стороны также выступил с протестом против принятых съездом твердых цен. В связи с выступлением Рабочей группы в нее стали поступать резолюции различных рабочих организаций и собраний.

Так, поступили заявления от рабочего кооператива «Прогресс», больничной кассы при заводе Осипова, Орудийного завода и др.

9. Продовольственный центр.

Еще на Втором съезде военно-промышленных комитетов в проекте резолюции рабочей делегации по продовольственному вопросу было указано на необходимость создания всероссийского общественного центра для регулирования продовольственного вопроса. В дальнейшем такой центр был создан в Москве с отделением в Петрограде, и Рабочая группа получила предложение организовать представительство в этом центре от рабочих. С этой целью Рабочая группа разослала по всем рабочим организациям предложение избрать своих выборщиков для того, чтобы на общем их собрании избрать представителей в продовольственный центр. До сих пор получены ответы от 28 организаций, из которых 3 отказались участвовать в выборах, а 25 сообщили имена избранных ими выборщиков. Почти повсюду избрание их сопровождалось собраниями, где соответствующим образом освещен продовольственный вопрос и выяснены задачи рабочих представителей в продовольственном центре. Временно пока в нем присутствуют 2 представителя от Петроградской рабочей группы и один от Московской. Но в ближайшем будущем состоится общее собрание выборщиков, на котором будут избраны постоянные представители в продовольственный центр.

10. Всероссийское бюро труда.

Вследствие целого ряда конфликтов между Всероссийским бюро труда и его руководящими служащими, которые стремились поставить дело центрального посредничества на наиболее прочных, соответству-

ющих интересам демократии основах, Главный комитет Всероссийского союза городов, в ведении которого состояло Всероссийское бюро труда, Бюро закрыл, а служащих рассчитал. Рабочая группа, состоящая членом Всероссийского бюро труда, не получая долго извещения о причинах закрытия бюро, обратилась к Главному комитету Союза городов со следующим письмом:

«До настоящего времени Рабочая группа, являясь членом закрытого Всероссийского бюро труда, не получает от Главного комитета Союза городов, распорядившегося об этом закрытии, извещения о состоявшемся решении и его мотивах. О факте закрытия учреждения, членом коего мы состоим, мы узнали только из газет. Считая, что Главный комитет Союза городов не выполнил элементарного долга одной общественной организации перед другой, Рабочая группа, ознакомившись с причинами закрытия Всероссийского бюро труда, не может не выразить своего решительного протеста против подобного образа поведения Главного комитета Союза городов.

Все усилия разнообразных общественных организаций сводились до сих пор к тому, чтобы по возможности ослабить тот вредный хаос и дезорганизацию, которые свирепствуют на рынке труда России. Война в весьма жестокой форме показала, что неорганизованность трудового рынка сопряжена с величайшими экономическими бедствиями не только для ищущих труда рабочих, но и для всего народного хозяйства в целом. Эти причины и побудили деятелей Союза городов создать центральную организацию трудового посредничества, которая объединила бы разрозненные усилия местных органов. Дело это только начало налаживаться, полезные результаты организованного посредничества только начали сказываться, как Главный комитет Союза городов, после систематического противодействия рациональной постановке дела усилиями руководящих служащих, распорядился служащих рассчитать и Всероссийское бюро труда приостановить.

Рабочая группа находит этот акт Главного комитета формально неправильным и по существу глубоко вредным. Рабочая группа полагает, что не дело общественной организации тормозить с таким трудом налаживающуюся организацию трудового посредничества, без которого хозяйственная жизнь России станет еще более хаотической, чем ныне. Рабочая группа находит, что центральная организация посредничества, созданная усилиями и существовавшая при участии целого ряда общественных организаций, не может быть упразднена односторонним усмотрением одной из них.

Рабочая группа ввиду этого выражает свое крайнее сожаление по поводу действия Главного комитета и полагает, что его решение должно быть пересмотрено в ближайшем будущем при участии представителей всех заинтересованных в трудовом посредничестве общественных организаций».

Через некоторое время после опубликования в газетах этого письма в Центральный военно-промышленный комитет поступило предложение Уфимского военно-промышленного комитета обсудить вопрос об организации Всероссийского бюро труда при Центральном комитете. Предложение это возникло следующим образом. Уфимская организация помощи беженцам обратилась в местную рабочую группу с указанием на необходимость воссоздания Всероссийского бюро труда, за-

крытого Союзом городов, при Центральном военно-промышленном комитете. Рабочая группа обратилась в Уфимский комитет, который со своей стороны обратился к Центральному комитету. Центральный комитет просил высказаться по этому вопросу Петроградскую группу, которая стала на ту точку зрения, что центральная организация посредничества не может быть достоянием одной какой-либо организации вроде Центрального военно-промышленного комитета, а должна находиться в ведении всех общественных организаций, заинтересованных в деле посредничества. Поэтому Рабочая группа решила настаивать на заключительной части своего обращения в Главный комитет Союза городов и добиваться восстановления Всероссийского бюро труда на прежних в общем и целом основаниях. Если же Главный комитет Союза городов откажется от предложенной ему Рабочей группой меры, т. е. созыва совещания всех общественных организаций для воссоздания Всероссийского бюро труда, то обратиться к Петроградской бирже труда с предложением взять на себя инициативу в деле организации органа центрального посредничества. По имеющимся в Рабочей группе предварительным сведениям, Главный комитет Союза городов склонен пойти на пересмотр своего решения. Пока же однако формального ответа не получено.

11. Положение рабочих групп.

По мере развития деятельности рабочих групп усиливаются и административные их преследования. Так, Самарская рабочая группа лишилась вследствие арестов целого ряда своих членов. Другие были высланы в разные области России. В Ростове был изъят весь состав Рабочей группы и подвергнут разного рода административным репрессиям. В Москве серьезный удар деятельности группы был нанесен высылкой из Москвы ее секретаря. В Киеве высшая военная администрация предложила упразднить группу как самостоятельный отдел. Кроме указанного группы испытывают бесконечный ряд препятствий в деле осуществления элементарных своих задач. В Петрограде все попытки устроить собрание членов группы со своими выборщиками на основе закона 4 марта потерпели неудачу; даже такой невинный шаг, как лекция члена Рабочей группы Гудкова о старостах, не был разрешен в Москве, все попытки добиться разрешения собрания по вопросу о старостах также потерпели неудачу. Подобных фактов имеется много и по всем другим группам. По поводу арестов и высылки членов и служащих рабочих групп Петроградская рабочая группа неоднократно выступала в Центральном военно-промышленном комитете, который предпринимал те или иные шаги, заранее впрочем обреченные на неудачу ввиду того твердого курса, который, очевидно, окончательно принят по отношению к рабочему представительству в военно-промышленных комитетах. Центральный военно-промышленный комитет выносил постановления, принципиально осуждавшие подобный образ поведения администрации; по цензурным условиям об этом мало что могло быть сказано даже в печати.

Деятельность рабочих групп наталкивалась однако на препятствия и внутреннего характера со стороны самих военно-промышленных комитетов.

Столкновения, подобные петроградским и, пожалуй, даже в более острой форме, происходят и в Московском и в ряде других военно-

промышленных комитетов, где вместе с ростом нервности администрации усиливается и нервозность руководителей комитетов. Это обстоятельство ослабляет удельный вес тех выступлений руководящих элементов военно-промышленных комитетов, которые имеют целью защиту групп от преследования администрации. Во всяком случае, Рабочая группа должна констатировать, что отношения рабочих групп и военно-промышленных комитетов весьма далеки от идиллии и что каждый шаг действительной работы групп достается весьма тяжелой ценой, путем затраты больших сил на преодоление разного рода тормазов. Тем не менее Рабочая группа считает необходимым продолжать свое пребывание в военно-промышленных комитетах, исходя из организационно-практических соображений. Что же касается тормозящих работу трений и конфликтов, то они являются весьма важным материалом для определения характера некоторых общественных групп и для развития их взаимоотношений. Как ни тяжелы условия работы, приходится считаться с тем, что на безмятежное существование под покровом военно-промышленных комитетов никто не надеялся с самого начала, и конфликты, происходящие сейчас, являются неизбежными спутниками для всякого общественного работника, понимающего, что социально-политическая борьба рабочего класса не является своего рода беспроигрышной лотереей. С этой точки зрения Рабочая группа подходит и к тем требованиям об ее упразднении, которые раздаются среди некоторых групп рабочих.

Рабочая группа должна подчеркнуть, что требования об уходе группы из Центрального военно-промышленного комитета раздаются исключительно со стороны товарищей, не признающих точки зрения обороны. Таким образом требование ухода надо рассматривать, как один из фактов не прекращающейся борьбы двух течений в рабочем классе России. Рабочая группа имеет серьезные основания отказаться от ухода по чисто принципиальным соображениям. Во всяком случае, правильный исход столкновения двух точек зрения не может быть получен путем организационного удаления одной из сторон от той базы, на которой она практически воплощает свои взгляды. Уйдет ли группа из Центрального военно-промышленного комитета или останется в нем, этим все равно та или иная точка зрения не добьется торжества. Разница будет заключаться лишь в том, что из-под ног определенной части рабочего класса исчезнет та организационная почва, которая дается пребыванием в Центральном военно-промышленном комитете.

Оставляя в стороне принципиальный спор, необходимо учесть ценность той практической организационной работы, часть которой изложена в настоящем «Бюллетене». Когда идейный спор закончится победой противников позиции Рабочей группы, тогда можно будет сказать, что ценою даже большой практической работы нельзя окупать нарушения принципов. Но до этого состояния спор еще не дошел, и поэтому ликвидировать практическую работу во имя чистоты принципов, правильность которых следует еще доказать, было бы актом, неслыханным в истории рабочего движения.

Рабочая группа должна подчеркнуть, что требования об ее уходе раздаются со стороны ограниченных кругов рабочего класса, и она не может принять их к сведению в большей мере, чем требование ряда других рабочих организаций, которые все теснее примыкают к Рабо-

чей группе, участвуют в ее работах, поддерживают ее организационно и идейно. Если даже оставить в стороне то важное обстоятельство, что требование ухода предъявлено со стороны групп, расходящихся с Рабочей группой в основной ее позиции по вопросу о войне и мире, то даже и в этом случае согласие покинуть свой пост означало бы резкий разрыв с многочисленными товарищами, рассеянными по всей России, которые считают существование Рабочей группы необходимым и весьма ценным орудием в руках рабочего класса России. Согласиться с предложением отзовистов значит пойти на открытый разрыв с несколькими десятками рабочих организаций, с видными идейными руководителями рабочего класса и со всей интернациональной традицией современной демократии. Нельзя ради удовлетворения требований своих немногочисленных идейных противников итти на резкий разрыв с широкими кругами своих идейных сторонников.

Такова в общем и целом чисто практическая точка зрения группы по вопросу об ее отозвании. Следует в заключение только отметить, что за последнее время борьба некоторых элементов с Рабочей группой приняла крайне резкий, совершенно исключающий возможность товарищеского сговора, характер. Были выпущены листки, в которых Рабочая группа трактуется, как кровопийца, высасывающий кровь рабочего класса, и т. п. Кроме того группе приписывается ряд деяний, совершенно вымышленных, и в целях борьбы с нею утилизируется искаженное изложение газетных репортеров, в свое время опровергнутое. При этом группа должна отметить, что поспевать за всеми этими искажениями чрезвычайно трудно, а опровергать их по цензурным условиям не всегда возможно, так как газетные измышления сплошь и рядом построены на очень высоких патриотических нотах, всякое опровержение которых естественно рассматривается, как «изменничество».

«Бюллетень» Рабочей группы № 5.

Задачей настоящего «Бюллетеня», выпускаемого в спешном порядке, является восстановление внешней картины событий, происшедших за последний месяц в рабочих кварталах Петрограда. Освещению остальных сторон деятельности Рабочей группы будет посвящен следующий очередной номер «Бюллетеня».

С начала октября по всему Петрограду начали широко распространяться слухи о каких-то чрезвычайных событиях, происходящих будто бы в Москве, Харькове и еще в некоторых провинциальных городах. Из некоторых городов в частных письмах запрашивали: «Что у вас происходит в Петрограде?», когда в Петрограде еще ничего не происходило. В Петрограде же со всех сторон Рабочую группу осаждают тревожным вопросом: «Что слышно о Москве?». Упорство, с которым слух о «московских событиях» передавался из уст в уста и захватил все рабочие районы Петрограда, вынуждало Рабочую группу неоднократно наводить справки у московских товарищей. И всякий раз оказывалось, что слухи эти совершенно неправдоподобны.

Убедившись в вымышленности всех этих слухов, исходивших, повидимому, из темных источников, Рабочая группа вместе с тем должна была признать, что слухи эти падают на почву, чрезвычайно подготовленную к их восприятию.

Рабочая группа неоднократно указывала на опасность создавшегося положения.

Страшная продовольственная разруха, вызывающая постоянно тревожные опасения за завтрашний день, стремительно возрастающая дороговизна продуктов первой необходимости, отсутствие многих из них в продаже, бесконечные «хвосты», выстаивание в которых совершенно не по силам рабочему, расстройство домашней жизни рабочих вследствие массового вовлечения женщин в предприятия, наряду с этим постоянное падение реальной заработной платы, несмотря на чрезвычайную интенсивность и продолжительность труда, крайне изнуряющие силы рабочего, наконец, прикрепление его к заводам, угроза фронтом, как наказанием, усиливающийся на заводах казарменный режим и т. д., — все это уже само по себе создает тревожное, напряженное состояние рабочих масс, заставляет их настойчиво искать выхода из своего невыносимого положения.

В том же напряжении действуют и политические условия, тягостные для всего населения и особенно враждебно складывающиеся для рабочего класса. Общеполитические интересы здесь глубже и серьезнее, чем в других слоях народной массы. И если внутренние порядки России вызвали резкий протест даже в умеренных слоях господствующих классов, представленных в Государственной думе, и этот протест нашел себе отклик даже в некоторых кругах дворянства и купечества, то тем больше тревоги и волнения факты внутренней политики должны были вызвать в рядах рабочего класса.

Все это происходит на фоне тяжелых лишений, вызванных войной. Как бы те или иные течения в рабочей среде не относились к войне, полнейшая неизвестность относительно ее целей, опасения, что война ведется во имя завоевательных задач, не встречающих никакого отклика в рабочей среде, все это вместе рождает естественную тревогу, что страшные жертвы народа идут на неправое, никому ненужное дело, что народ подвергается истощению не во имя самозащиты, а во имя интересов, чуждых и враждебных народу. Для сознательного отношения ко всему происходящему рабочему классу, как и всей стране, необходимо пользоваться хотя бы элементарными правами общения, но это недоступно ему даже в той мере, в какой это доступно остальным классам населения. Лишенный собственной печати, которой он мог бы доверять вполне, лишенный своих организаций, в которых он мог бы совместно с товарищами отдать себе отчет в происходящем вокруг, рабочий не находит разъяснений и в общей печати, зияющие белыми местами страницы которой только еще больше усиливают его тревожное настроение.

При таких условиях самые невероятные, непроверенные слухи, попадая в нервную атмосферу, в которой живет сейчас рабочий класс, толкают дезорганизованную, распыленную массу на путь стихийных оказательств, являющихся неизбежным результатом отсутствия открытых форм рабочей общественности. Так оно случилось и на этот раз.

С ряда заводов в Рабочую группу стали поступать сообщения о крайне повышенном, возбужденном настроении рабочих. Настроение это достигло такого напряжения, что, по сообщениям корреспондентов Рабочей группы, достаточно было малейшего шума, падения листа железа, чтобы рабочие останавливали станки и устремлялись к выходу. Вместе с тем по городу стали циркулировать самые чудовищные слухи. Положение складывалось самое серьезное. Учитывая это, Рабочая

группа в своем заседании от 17 октября постановила обратиться к рабочим со следующим заявлением:

«В последние дни все чаще и настойчивее по фабрикам и заводам Петрограда распространяются самые тревожные и возбуждающие слухи. Передают: на таком-то заводе обрушилось здание и задавило сотни рабочих, на такой-то фабрике произошел взрыв, причем погибли сотни работающих там людей. На-днях широко распространились слухи о том, что вся Москва охвачена восстанием, что московская полиция забастовала, что вызванные войска отказались стрелять и т. д. Одновременно с этим подобные же слухи, но уже о восстании в Петрограде, о разгроме Гостиного двора, распространяются в Москве. Но этого мало. В Харькове рассказывают о революции в Москве, а в Москве о революции в Харькове.

При проверке эти слухи оказываются грубой выдумкой.

Все подобные слухи из различных, ничем не связанных друг с другом мест передаются в такой одинаковой форме, что невольно напрашивается вопрос: не скрыта ли в основе этих слухов какая-то невидимая действующая и направляющая злая воля?

Рабочая группа, обсудив положение вещей и приняв во внимание напряженно-тревожную атмосферу, создаваемую в широких слоях населения стремительно растущей продовольственной неурядицей, считает своим долгом предупредить рабочих о большой опасности для интересов рабочего класса в том случае, если рабочие будут относиться к подобным слухам без должной осторожности.

Всякому понятно, что возбудить массу, бросить в нее искру в настоящее тяжелое время не стоит большого труда. Но всякий сознательный рабочий, отдающий себе ясный отчет в том, какое положение в настоящее время и чего требуют от него его классовые интересы и интересы страны, понимает, что стихийная вспышка дезорганизованной, раздраженной тяжестью жизни народной массы, вспышка, которую враги народа будут пытаться перевести в погром или торговых заведений или инородцев, будет на-руку только врагам рабочего класса.

Вихрь ложных слухов, вдруг поднятый неизвестно кем в рабочей среде, является предостерегающим голосом для рабочего класса: быть настороже, так как вовлечение его в движение при его неорганизованности может разбить, ослабить и надолго задавить всякие малейшие проявления его самодеятельности.

Указывая на эту огромную опасность, стоящую перед рабочим классом, Рабочая группа обращается ко всем т.т. рабочим с призывом к энергичной общественно-организационной работе. Вопрос о планомерном организованном участии рабочих масс в общественной жизни становится при таких условиях единственно верным средством отвести от рабочего класса грядущую опасность».

Аналогичное заявление было направлено также в Государственную думу. Отметив факт распространения тревожащих рабочую массу слухов, Рабочая группа говорит затем в нем:

«Считая своей обязанностью обратить внимание Государственной думы на эту все более сгущающуюся атмосферу тревожных слухов, находящих, при полном отсутствии организованности в рабочей среде, при полицейском запрещении всяких собраний и т. д., весьма благодарную почву в настороженно и нервно настроенных рабочих массах, Рабочая группа указывает при этом на одну из самых ближайших при-

чин, поддерживающих такую, более всего опасную для самого рабочего класса, обстановку: на господствующую практику так называемой военной цензуры, уничтожившую рабочую печать и почти уничтожившую гласность.

Эта цензура, при всех своих стараниях, отнюдь, к счастью, неспособная не только скрыть стремительно растущую внутреннюю разруху, но и оградить от постороннего взора то, что называется «военной тайной», успела однако же обратить печать из органа гласности в орган безгласности, поставить ее в условия, при которых печати почти не верят и помимо печати ищут и доискиваются правды. Современная русская цензура, никем и ничем не обуздываемая, обратилась в то главнейшее орудие, которым русская реакция, многоопытная в таких делах, подготовляет почву для опаснейшей и страшной по своим последствиям провокации.

Доводя обо всем вышеизложенном до сведения Государственной думы, Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете заявляет, что первейшей обязанностью Думы в настоящее крайне тревожное время она считает немедленное и решительное обуздание так называемой военной цензуры, обратившейся в условиях настоящего момента в серьезнейшую угрозу для страны. Рабочая группа вместе с тем считает необходимым предупредить Государственную думу, что в случае весьма возможных народных эксцессов, подготовляющихся господствующей безгласностью, большая доля ответственности ляжет на думское большинство, до сих пор не удосужившееся начать решительную борьбу с этим злом, способным разжечь в стране выгодное для реакционных элементов бунтарство».

Направленное тотчас же для помещения в газетах обращение к рабочим не было пропущено военной цензурой, и только по отрывочному отчету о заседании бюджетной комиссии, в котором член Государственной думы Керенский выступил с внеочередным заявлением о происходящих событиях, рабочие могли узнать о том, что Рабочая группа обращается к ним с каким-то призывом. Только через несколько дней, да и то в урезанном виде, обращение появилось, наконец, в газетах. Но в известной степени было уже поздно.

17-го же октября, к вечеру, в Рабочую группу стали поступать сообщения о начавшихся забастовках. Придя в этот день на заводы, рабочие нашли их окруженными войсками, полицией. По улицам разъезжали конные патрули. Появление полиции оказалось последней искрой. Днем забастовал завод «Русский Рено», за ним Лесснер. На следующий день забастовочная волна перебросилась на остальные заводы Выборгской стороны, захватив вскоре и другие районы. Втечение 17—20 октября забастовка, вспыхивая постепенно то здесь, то там, коснулась следующих предприятий: «Русский Рено», Лесснер, Эриксон, Парвиайнен, Айваз, Металлический, Барановский, Феникс, Нобель, Сикорский, Щетинин, Лангезипен, Семенов, Дюфлон, Лебедев, Сименс Шуккерт, Динамо, Пильша и некоторые другие. Забастовка возникла и протекала совершенно стихийно, неорганизованно. Не было какого-либо единого лозунга, и в некоторых местах забастовка объяснялась «годовщиной 17 октября», в других — протестом против продовольственной разрухи, требованием ликвидации войны (а на одном из перечисленных выше заводов рабочие, наоборот, прекратили работу, требуя «полной победы над врагом»), в большинстве же случаев бастовали из солидарности

с «бастующей Москвой», в виде присоединения к «забастовавшим путиловцам» (на Путиловском работы все время продолжались) и т. д. Вся обстановка, в какой забастовка возникла и развивалась, ряд отдельных фактов, сообщенных с разных заводов, еще раз подтвердил, что первоначальное подозрение Рабочей группы о темных источниках распространяемых слухов вполне справедливо. Это подозрение усиливалось еще тем обстоятельством, что о забастовке в Петрограде, еще до ее возникновения, знали в других городах, знали в некоторых бюрократических канцеляриях. О провокаторских приемах говорил в Государственной думе депутат Керенский.

Признавая, что рабочий класс имеет все основания протестовать против своего невыносимого положения, Рабочая группа находила, вместе с тем, что он должен быть осмотрителен в выборе способов защиты своих интересов и момента для своих выступлений. Обстоятельства же, сложившиеся вокруг настоящего движения, были, по мнению Рабочей группы, определенно неблагоприятны для рабочего класса.

Разрозненные, изолированные от рабочего движения других городов и от движения всех других прогрессивных слоев общества, такие вспышки, по мнению Рабочей группы, ослабляют нарастающий конфликт всего русского общества с властью и поэтому могут пойти лишь во вред интересам рабочего класса. Учитывая все это и оставаясь на почве своего обращения к рабочим от 17 октября, Рабочая группа рекомендовала своим членам приложить все усилия к рассеянию вздорных слухов, направляя энергию рабочих масс на путь организационного строительства. Нельзя не отметить, что и представители противоположного течения, вначале поддерживая забастовку, в конце концов принуждены были обратиться к рабочим с призывом к ее прекращению, к осторожному отношению ко всякого рода провокационным слухам.

21—22 октября забастовочная волна схлынула, и повсюду возобновилась работа. Однако не надолго.

Приподнятое, нервное настроение рабочих масс вылилось вскоре в новую вспышку. Поводом к ней явился широко распространенный слух о смертной казни, будто бы угрожающей нескольким десяткам матросов, преданных военно-морскому суду. Распространению этого слуха особенно способствовало выпущенное одной политической организацией воззвание, призывающее даже по этому поводу к забастовке-протесту: «Долой смертную казнь!» — гласил лозунг листка. Ни начало, ни конец забастовки в листке указаны не были. Между тем матросы преданы суду по 102 ст., и им угрожает самое большее — каторга (как известно уже теперь, 16 человек оправдано, а 3 — приговорены к каторжным работам на разные сроки); 26 октября на ряде заводов Выборгской стороны (Эриксон, Лесснер, Феникс) опять началась забастовка, вызванная ложным сообщением о предстоящих казнях. В газетах ничего о процессе не было, и ложному слуху дана была полная свобода распространения. В последующие дни забастовка перебросилась и в остальные районы, охватив довольно значительный круг фабрик и заводов. Одновременно стало известно, что ряд забастовавших заводов Выборгской стороны (Металлический, Промет, Феникс, оба Лесснера, Нобель, Парвиайнен, Эриксон и др.) закрыт по распоряжению властей на неопределенное время. Явившиеся на работу рабочие разгонялись полицейскими нарядами. Это дало шедшему уже на убыль движению новый лозунг: поддержка локаутированных товарищей. Забастовка

продолжалась, захватив новые предприятия. На некоторых заводах (Путиловская верфь и др.) к тому же возникли конфликты на экономической почве, также вылившиеся в забастовку. Тревожному настроению способствовало поведение полиции, избившей нагайками толпу у Трубочного завода и т. п. Наконец, 29 октября на воротах бастующих заводов появилось следующее объявление:

«Начальник штаба Петроградского военного округа на театре военных действий. 28 октября 1916 года.

Директору (такого-то) завода.

Главный начальник округа приказал лишить отсрочки призыва и призвать немедленно на действительную службу рабочих завода военнообязанных досрочных призывов 1917 и 1918 годов.

Списки означенных рабочих немедленно представьте петроградскому уездному воинскому начальнику и в полицейский участок, безотлагательно произведя расчет призываемым военнообязанным.

Доводя о сем до сведения рабочих, прошу всех родившихся в 1896 и 1897 годах немедленно явиться в контору за получением расчета».

Естественно, что все события вызвали усиленное внимание Рабочей группы. На состоявшемся при многочисленном составе заседании комиссии по организации труда было отмечено, что деятельность отдельных безответственных лиц и групп, призывающих к крайним формам рабочей активности в такой неудачный момент, только потому приводит к событиям, имевшим место в последнее время, что рабочие массы, находящиеся в крайне дезорганизованном состоянии, не имеют возможности определить вполне сознательно линию своего поведения. Подобные действия, по мнению членов комиссии, наносят непоправимый удар делу организации рабочей общественности, вызывая безоглядную растрату и без того скромных общественных сил рабочих. Положительные задачи, по мнению комиссии, сводятся в настоящий момент к концентрации внимания рабочих на очередных общественных задачах, выдвинутых современным кризисом. Разрешение этих задач возможно только путем систематического и организованного участия рабочих в общественной жизни, привлечения их усиленного внимания к той борьбе за политическую реформу, которая в настоящий момент сосредоточилась вокруг Государственной думы, ставшей естественным центром организованных усилий всей общественности.

Одновременно с этим Рабочая группа приняла ряд постановлений по поводу затянувшейся забастовки. Группа признала, что необходимо продолжение работ в тех предприятиях, которые работ не прекращали. Бастующим, но не закрытым заводам группа рекомендовала приступить к работам. Рабочим же заводов, закрытых военными властями, группа советовала требовать их открытия.

Кроме того представителями рабочих в Центральном военно-промышленном комитете было выработано и направлено в Государственную думу заявление следующего содержания:

«Последняя стихийная волна рабочих забастовок, охватившая Петроград, должна привлечь к себе внимание Государственной думы. Волнения последних дней это предостерегающий голос о том, что так больше жить нельзя.

Основную причину как последних стачек, так и чрезвычайно напряженной нервной атмосферы в рабочей среде рабочие представители видят прежде всего в современных политических условиях, быстро тол-

кающих страну к разложению. Не в злонамеренных агитаторах, не в немецких происках или деньгах и т. п. надо искать причины этих явлений, а в господстве дворянско-бюрократической клики, вся система управления которой представляет собою одно сплошное издевательство над народными интересами, одну сплошную провокацию и предательство.

Политикой этой кучки страна в конец дезорганизована, разорена и приведена к тяжкому кризису, граничащему с голодом. Хозяйничанье же в тылу военных властей, по казарменному разрешающих сложные экономические вопросы, поставило и армию перед новой еще более грозной опасностью, чем это было весной прошлого года, — перед недостатком продовольствия.

Создавшееся тяжелое положение все нестерпимее давит на народные массы. С особенной же силой оно рушится на голову рабочего класса, наиболее бесправного, менее всего защищенного. Лишенные возможности проявить малейшую самодеятельность и противопоставить всем бедствиям войны какую бы то ни было силу организованности, запертые в душную атмосферу безгласности, рабочие острее других чувствуют, перед лицом надвигающейся опасности, необходимость разорвать наложенные на страну путы.

Попытки справедливого протеста распыленных рабочих масс против господствующих политических условий, в атмосфере подцензурного молчания, естественно выливаются в стихийные вспышки. В противоположность планомерной классовой борьбе организованных рабочих, особенно ненавистной господствующей реакции, ею же поощряемые стихийные вспышки способны дезорганизовать не только ряды самих рабочих, но и всю страну.

Несмотря на то, что страна изнывает и стонет под стремительно возрастающей тяжестью продовольственного бедствия, реакция усердно поддерживает это распыленное состояние рабочих масс. Широкая, свободная организация населения вообще и организация рабочего класса в частности—единственно правильный путь к выходу из создавшегося положения. Но широкая и свободная организация народа означает коренную реорганизацию всей политической системы сверху донизу. Это хорошо понимает русская реакция. И она уже сделала выбор: пусть гибнет страна, пусть разлагается, пусть армия окажется без продовольствия, но народ не должен быть организован, ибо в его неорганизованности и распыленности лучшая гарантия сохранения ее господства. Стихийные народные волнения, которые реакция вызывает и будет неизбежно вызывать своей политикой, она попытается обратить против народа: она взвалит всю вину за дезорганизацию страны, за недоедание и деморализацию на те самые беспорядки и волнения, которые вызывала сама.

Последние волнения рабочих с особенной силой подчеркивают всю остроту и трагичность момента. Медлить нельзя ни минуты. Спасение страны, стремительно разлагающейся под давлением преступной политики правительства, требует самого быстрого, решительного и коренного преобразования существующих политических условий, преобразования, обеспечивающего прежде всего полную свободу организаций, печати, собраний и т. п. Иного пути нет, и на него о б я з а н а твердо вступить Государственная дума. Только на этом пути она может при-

обрести доверие и поддержку народных масс и в них найти опору для борьбы за освобождение и спасение страны.

В настоящее время положение остается крайне обостренным. Правительство принимает ряд особенно опасных мер, лишь осложняющих критическое положение. Многие заводы распоряжением властей закрыты, производятся массовые аресты, в виде наказания рабочих отправляют на фронт, патрули и наряды раздражают рабочее население возможностью жестоких расправ.

Поэтому мы предлагаем, что Государственной думой должно быть немедленно предъявлено решительное требование к власти:

1) Открыть все закрытые распоряжением военного начальства заводы и фабрики.

2) Рассчитанных рабочих принять обратно, арестованных освободить, посланных на фронт возвратить на заводы.

3) Убрать от заводов и из рабочих кварталов полицейские патрули и усиленные наряды, нервирующие и раздражающие рабочие массы».

В конце октября закрытые по распоряжению военных властей заводы были вновь открыты. Возобновились работы и на остальных заводах.

Первые дни заседаний Государственной думы, приковавшие к себе внимание всей страны, вновь внесли оживление в рабочую среду. Корреспонденты Рабочей группы отмечают повсюду то напряженное внимание, с которым рабочие следят за развертывающимися событиями. Речи депутатов, широко распространяющиеся по заводам, прочитываются с большим интересом. В рабочие круги начинает проникать сознание, что политическая задача, вновь поставленная на очередь с открытием Государственной думы, требует серьезной активности прежде всего от рабочего класса. По сведениям Рабочей группы, на ряде заводов (Путиловский, Металлический, Орудийный, Обуховский, Арсенал, Эриксон, Сан-Галли, Парвиайнен и др.) состоялись многолюдные митинги, прошедшие с большим подъемом и закончившиеся вынесением определенных политических резолюций, направленных в Государственную думу. Некоторые из этих резолюций доставлены и в Рабочую группу.

Резолюции указывают на ту чрезвычайную опасность, которую представляет для страны установившийся режим. «Спасение страны,—говорится далее в резолюции,—в свободной широкой организации народных масс, но широкая и свободная организация народных масс возможна лишь при изменении существующего политического порядка».

«Россия переживает небывало серьезный и грозный момент. Народная масса и прежде всего рабочий класс должны напрячь все силы своего ума и воли, чтобы умело вмешаться в движение, охватывающее все слои населения, и оказать на события решающее влияние».

Представители рабочих в Центральном военно-промышленном комитете, с своей стороны, обсудили создавшееся положение, и, принимая во внимание то напряженное состояние, которое вызывается отсутствием в газетах сведений о Государственной думе, и считая необходимым, чтобы народное представительство имело общение с массами, постановили обратиться в Государственную думу с следующим заявлением:

«В течение недели в газетах на месте отчетов Государственной думы появляются белые места. Насилие правительства над свободой депу-

татского слова превращает Государственную думу в простую, отрезанную от народа канцелярию, низводя значение ее работ к минимуму. Нельзя обольщаться тем, что часть населения несмотря на цензурные рогатки все же узнает содержание депутатских речей. Это лишь незначительная часть населения. Огромное же большинство остается в полном неведении того, что делает Государственная дума. Страна может ознакомиться с думской деятельностью, оказывать на нее свое влияние и мобилизовать свои силы вокруг Думы лишь при одном условии — при условии свободного открытого обращения среди населения депутатских речей.

Первоначальное напряженное внимание народных масс к Думе, встречая в печати на месте речей белые места, постепенно будет падать и заменяться равнодушием. Может создаться атмосфера, чрезвычайно опасная для интересов страны и всех ее прогрессивных сил и чрезвычайно выгодная для реакции и ее замыслов.

Исходя из этого, представители рабочих в Центральном и Петроградском окружном военно-промышленных комитетах считают дальнейшую работу Думы при подобных условиях недопустимой. Продолжение деятельности Думы в таких условиях не только несовместимо с достоинством представительного учреждения, но и чрезвычайно вредно и опасно, создавая нежелательный прецедент, вкладывающий в руки реакции орудие, которым она в любой момент может обратить Думу в безвредную говорильню.

Полагая, что создавшееся положение, по существу уничтожающее Думу, как таковую, не может быть дальше терпимо, представители рабочих в Центральном и Петроградском окружном военно-промышленных комитетах, в согласии с настроением широких слоев рабочего класса, требуют от думского большинства применить все возможные, не останавливаясь и перед самыми крайними, средства, чтобы путем свободно и широко распространенных думских отчетов ознакомить население и армию с работами Государственной думы. Не выжидая результатов внесенного запроса по этому поводу, Государственная дума обязана, с одной стороны, немедленно отменить положение о военной цензуре, изданное в порядке 87 ст., с другой, опираясь на общественные силы, взять на себя дело самого широкого распространения думских речей.

Это — первейшая обязанность Думы. Без этого условия, без немедленного установления гласности своей работы Дума неизбежно окажется окончательно оторванной от страны и лишится всякого основания для дальнейшего продолжения своей деятельности».

Параллельно политической кампании и до известной степени в связи с нею в кругах сознательных рабочих началась энергичная организационная работа, проявившаяся в создании на целом ряде заводов так называемых «Комиссий содействия Рабочей группе». Задача этих комиссий — установление более тесной и постоянной связи наиболее сознательных элементов рабочего класса с существующим рабочим представительством. В некоторых местах организация таких комиссий приобретает чрезвычайно строгий и широкий характер. На Металлическом заводе, напр., «Комиссии содействия» выбраны во всех цехах; представители цеховых комиссий образуют общезаводскую комиссию, поддерживающую постоянное общение с Рабочей группой, все выборы утвер-

ждены общезаводским собранием. На многих заводах создание Комиссий еще не закончено и является делом ближайших дней.

В этих новых организационных ячейках Рабочая группа приобретает ценных помощников, так необходимых ей для дальнейшего развития работы. И с проведением в жизнь сети «Комиссий содействия» деятельность Рабочей группы может уже протекать при постоянной, организованной поддержке широких рабочих кругов, постоянном с ними общении.

Таким образом часть организационных заданий Рабочей группы уже накануне своего осуществления.

Германская интервенция и Донское правительство в 1918 г.

Украинская национальная буржуазия и помещики открыли путь немецкой интервенции на Украину. Силами немецких штыков была установлена их власть с гетманом Скоропадским во главе. Немецкая интервенция, охватившая Украину и Дон, стремившаяся проникнуть в Крым и на Кавказ, ставила себе сложные цели. Это была форма борьбы между империалистами, продолжавшими бороться между собой и выступавшими единым фронтом против диктатуры пролетариата. Англо-французская буржуазия, борясь с диктатурой пролетариата, стремилась воссоздать «великую и неделимую» Россию как силу, способную бороться с диктатурой пролетариата и продолжать борьбу с немецким империализмом. Немецкая интервенция стремилась организовать силы на борьбу с диктатурой пролетариата и, ударив по революции в России, избавиться от растущей революции в Германии. Немецкая интервенция стремилась путем выкачки сырья из захваченных районов укрепить падающие ресурсы Германии. Немецкая интервенция ставила своей задачей путем поддержки помещичье-буржуазной Украины и Дона создать не только барьер против проникновения большевизма в Центральную Европу, но и создать вместо феодальной России сеть послушных помещичье-буржуазных правительств, дающих помещение капитала германского империализма и сырьевые ресурсы для его промышленности. Значение и роль немецкой интервенции в организации украинской и донской контрреволюции хорошо известны из документов. Немецкие интервенты были фактическими хозяевами на территориях, где они создавали и поддерживали контрреволюционные правительства опереточных гетманов и атаманов. В руках немецкого командования были все нити борьбы с рабочим и крестьянским движением. Они практически и вели эту борьбу. Немецкое командование определяло границы государственной территории контрреволюционных правительств и, снабжая их оружием и боеприпасами, определяло их устойчивость и силу.

Деятельность интервенционных корпусов, ограбивших украинское крестьянство и выкачавших из Украины и Дона огромное количество сырья и питательных продуктов, сейчас уже достаточно освещена.

Немецкая и англо-французская интервенции поддерживали разные слои контрреволюции.

Англо-французская интервенция тесно связалась с великорусской буржуазией и помещиками, которые вложили капиталы в войну и только с помощью интервентов надеялись восстановить восточный фронт и вернуть свои расходы.

В момент начала гражданской войны в России германский империализм казался еще реальной силой, и проникновение немецких дивизий на Украину заставляло искать в них надежной поддержки для борьбы с диктатурой пролетариата. На немецкую интервенцию ориентировались те группы помещиков, которые до революции придерживались германской ориентации, ориентировались те группы буржуазии, ко-

торые искали готовой военной силы и помощи для борьбы с диктатурой пролетариата. Глава российской империалистической буржуазии Милюков лично вел в Киеве переговоры с Муммом и доказывал своим единомышленникам необходимость немецкой ориентации. Донская контрреволюция под руководством атамана Краснова всецело стояла на позициях немецкой интервенции.

Внешняя политика донской контрреволюции в тот период, когда ее возглавлял атаман Краснов, освещена им самим в его мемуарах; ряд дипломатических документов о переговорах донских дипломатов с немецкими генералами о признании независимого Дона и снабжении его оружием для борьбы с диктатурой пролетариата и большевиками был уже напечатан.

Печатаемые ниже документы дают интересные подробности, уточняют и углубляют уже известное. Они вскрывают цели восточной политики Германии и цели донской контрреволюции. Германия определяла судьбу и силу донской контрреволюции, она размежевывала территории Украины и Дона, и с этой точки зрения интересна судьба Таганрогского округа и борьба вокруг него. Немецкой интервенции нужны были хлеб и уголь. Немецким капиталистам нужны были районы вложения капиталов, и под грохот снарядов интервенционных корпусов шла спешная организация капиталистических предприятий для эксплоатации таганрогской промышленности и естественных богатств края.

Документы вскрывают, как была организована интервентами выкачка хлеба и угля из Донецкого района. Они дают возможность судить, как под влиянием внешних неудач на западном фронте и роста революционного рабочего движения внутри страны меняются притязания и требования германских интервентов. Ограбить украинское и донское крестьянство они успели, но превратить захваченные районы в колонии немецкого империализма не удалось. Рост революционного движения внутри Германии и рост революционных сил и организация советов среди войск интервентов лишили силы германскую интервенцию. Революция в Германии, революционные выступления среди германских войск на Украине лишили силы украинскую и донскую контрреволюцию. Донские генералы с большой печалью пишут, что рост революционного движения заставляет немецкое командование прекратить открытую помощь оружием, и они вместе с немецкими генералами сговариваются, как обмануть революционных немецких солдат.

Затрагивая ряд вопросов по истории контрреволюции на Украине и на Дону и ее связей с немецкой интервенцией, вскрывая на ряде отдельных конкретных примеров цели и приемы немецкой интервенции, издаваемые документы вносят ряд ценных деталей в изучение истории гражданской войны.

Они показывают, как создавался единый фронт буржуазии и помещиков всех наций и как этот фронт был прорван и опрокинут растущими силами революционных пролетариев и крестьян России и Германии, боровшихся за укрепление диктатуры пролетариата в СССР и во всем мире.

С. Пионтковский.

БОРЬБА ЗА ТАГАНРОГ.

Из доклада представителя Донского правительства на Украине ген. Черячукина ген. Краснову [1]).

12 июня 1918 г.

Глубокоуважаемый
Петр Николаевич!

Вчера письмом я доносил о благоприятных результатах по поводу снабжения нас вооружением и снаряжением. Сегодня я должен был получить официальную бумагу с желаемым разрешением, но, к ве-

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 46, л. 15. Документы подготовил к печати Л. Биг.

ликому моему удивлению, когда я пришел за этим разрешением к товарищу военного министра, я услышал от последнего, что вопрос решен отрицательно, что немцы, которых Украина запросила по этому поводу, не разрешили просимую мной и кубанцами выдачу, говоря, что они сами дадут войску из своих запасов, что нужно.

Ввиду всего происшедшего сегодня же я был в германском штабе и имел беседу с майором Ярош, который ведает всеми делами в данной области.

Встреча наша была не так любезна, как прежде. Майор Ярош сказал, что он принужден мне передать, что те хорошие и дружественные отношения казаков с германцами в нашей области, которые были до сих пор, начинают портиться.

Я, выразив удивление, заявил ему, что наоборот, я полагаю, что наши отношения в дальнейшем будут все более и более налаживаться и что я положительно не знаю, откуда он имеет такие сведения; сказал ему, что, может быть, был какой-нибудь мелкий эпизод, о котором мне не сообщили и который, я убежден, никоим образом не может служить к ухудшению отношений между германцами и казаками, ибо, зная настроение и рыцарские чувства казаков, я никоим образом не могу допустить мысли, чтобы казаки хотели каких-либо трений с немцами.

Майор Ярош тогда сообщил мне, что немецкое командование удивлено и недовольно той настойчивостью и тем тоном, с которым было выражено желание поставить наш гарнизон и назначить административных лиц в Таганроге [1]). Майор Ярош еще раз заверил меня, что для них совершенно безразлично, кому будет принадлежать Таганрог: Украине или нам и где будет наша граница, но, покамест там есть немецкий гарнизон, они ни в коем случае не могут согласиться на постановку нашего гарнизона и наших административных лиц и что поэтому в наших интересах скорей с Украиной решить вопрос о границах.

Я ответил ему, что это желательно и нам и потому я с своей стороны прошу германское командование посодействовать более скорым заседаниям украинцев с нами, дабы украинцы не откладывали бы этот вопрос в долгий ящик.

Тут же я подчеркнул ему, что, раз для них наши границы безразличны, для нас постановка нашего гарнизона и назначение административных лиц не является столь острым; нам необходимо было это сделать, дабы показать жителям, что этот округ принадлежит нам, а не Украине; если же немцы находятся там лишь временно и после передадут его тем, кому этот округ будет принадлежать, то настаивать на нахождении теперь нашего гарнизона в Таганроге мы не будем.

Ярош передал мне, что требование ваше было передано в таком тоне и с такой настойчивостью, включительно будто бы до возможности воевать из-за этого с Украиной, что германское командование, потеряв доверие в хорошие отношения казаков с немцами, решило, впредь до урегулирования этого вопроса, не выдавать тех вагонов со снаря-

[1]) Немецкие гарнизоны стояли в Таганроге, Ростове, на ст. Лихой, Каменской, Зверево и др.

дами, которые они уже обещали нам выдать, о чем Ярош будто бы уже сделал распоряжение, и не соглашаться на выдачу и впредь.

Из этого разговора я понял причину отказа нам в вооружении и Украиной, а посему полагаю:

1) Учитывая нашу крайнюю нужду в снарядах, в пушках и снаряжении, нам не следует настаивать особенно резким тоном на вводе нашего гарнизона в Таганрог и назначении туда градоначальника, если, конечно, нельзя будет сделать это по добровольному соглашению с местным немецким командованием в Ростове и Таганроге; ссориться невыгодно, мы тогда ничего не получим и будем предоставлены в борьбе с большевиками самим себе, без снарядов и патронов.

2) Учитывая неоднократное заявление немцев, что вопрос о границах они всецело предоставляют нам с Украиной, я решаю необходимым быть более решительным при переговорах наших о границах с украинцами и настаивать на более частых заседаниях.

Немцы так недовольны происшедшим инцидентом в Таганроге, что сегодня категорически отказались вести какие-либо разговоры о беженцах, о непропуске наших эшелонов южней Аксая, о разрешении получения вооружения от Украины, заявляя мне прямо, что они об этом будут говорить тогда, когда вопрос будет урегулирован, и они вновь поверят в те дружественные и хорошие отношения к ним с вашей стороны, в те отношения, о которых мы им заявляли...

Майор Ярош даже сказал мне, что если будет продолжаться такое отношение, то они могут тогда оставить Ростов и предоставить нам самим бороться с большевиками; впрочем, последнее, я думаю, простое запугивание.

Все же общее мое впечатление: с ним ссориться не приходится, и тогда, я надеюсь, я добьюсь многого и в смысле определения границ и в помощи всем необходимым, а посему, я полагал бы, инцидент в Таганроге необходимо ликвидировать возможно скорее, так как иначе я боюсь, как бы нам не пришлось считаться с немцами в Новочеркасске.

По всей вероятности, я завтра, т. е. 13/VI, вновь буду в штабе Эйхгорна[1]), дабы узнать, в каком положении дело. Ярош мне сказал, что ими послан из Ростова к вам офицер генерального штаба для выяснения всего и что завтра около 12 часов он уже будет иметь об этом донесение.

Письмо, которое вы мне дали, мы передали Мумму, но он сказал, что он должен спросить по телефону разрешение переслать его, а для этого он должен знать хотя бы идею, что написано в нем.

Вчера Свечин сообщил содержание письма, но ответа еще не имеет.

Сегодня был у нас атаман Астраханского войска князь Тундутов. Он приехал прямо из Берлина, был у Вильгельма и Гинденбурга. Сообщил мне, что Вильгельм поддержит Юго-восточный союз, но при следующих условиях:

а) чтобы области, входящие в этот союз, были бы независимыми и

б) чтобы мы объявили свой нейтралитет при борьбе германцев с нашими союзниками. При соблюдении этих условий немцы помогут нам броневыми поездами, орудием и летательными аппаратами.

---

[1]) Эйхгорн — фельдмаршал, главнокомандующий герм. оккупационными войсками на Украине в 1918 г.; был убит левым с.-р. Б. Донским в Киеве 30 июля 1918 г.

Тундутов едет в Новочеркасск и будет у вас и доложит все подробно. Тундутов сообщает, что воссоединение с Украиной Дона, Кубани и прочих областей Вильгельму не желательно, ибо он боится, что Киев сыграет такую же роль, как Москва во времена Иоанна, и что Киев может воссоздать славянский вопрос.

Заканчивая это письмо, я вновь должен доложить, что нам необходимо не портить наших отношений с немцами в области и избегать всяких трений; лучше временно отказаться от гарнизонов в Таганрогском округе, о которых я писал вам сам, нежели оказаться без снарядов и оружия. Мне кажется, что предварительные переговоры с немецким командованием о посылке туда или сюда наших гарнизонов приведут к согласию со стороны немцев, и тогда они дадут нам все, теперь же инцидент необходимо ликвидировать...

Докладывая об изложенном, я не могу скрыть трудности проведения всех здесь вопросов, но могу лишь доложить, что я справлюсь со всем, если не будут испорчены отношения с немцами, ибо они здесь все, да не только здесь, но и на всем юге, а наши союзники за морями, и, конечно, немцы нам могут скорей помочь, нежели союзники.

А. Черячукин.

Отношение ген. Богаевского [1]) на имя ген. фон Кнерцера [2]).

26 мая 1918 г. № 19 [3]).

Прилагая при сем выписку [4]) из доклада управляющего отделом внутренних дел 24/V 1918 г., с своей стороны считаю необходимым познакомить ваше превосходительство с сущностью изложенных в докладе обстоятельств.

Градоначальник генерал-майор Семенов, давая распоряжения о формировании городской таганрогской, также окружной милиции, не мог даже допустить возможности каких-либо притязаний со стороны Украины на названный город, ибо таковые никогда официально не выражались ею. С точки зрения исторического прошлого и связанных с этим прав, Таганрог вместе с Миусским округом спокон веков принадлежал казачеству, и никто на него не предъявлял никаких прав. Только вначале восемнадцатого столетия, после «Булавинского бунта» [5]), московские цари, опасаясь вольного и воинственного казачества, решились выдвинуть два форпоста, из коих один был г. Таганрог, поместив туда свои гарнизоны и выделив в особое градоначальство, не подчиненное войсковому атаману.

---

[1]) Ген. А. П. Богаевский — управляющий отделом иностранных дел и председатель совета управляющих отделами Донского правительства; после отставки Краснова — донской атаман.

[2]) Ген. фон. Кнерцер — командир германского оккупационного корпуса на Дону.

[3]) ЦАОР, ф. № 4261, д. № 42, лл. 6—7.

[4]) Выписка в деле не сохранилась.

[5]) Булавинское восстание вспыхнуло в 1707 г. в районе Войска донского, будучи вызвано попыткой правительства вернуть в места прежнего жительства бежавших на Дон от «непомерных тягот».

Эта историческая несправедливость была исправлена в царствование императора Александра III, и Таганрог в 1888 году был включен в состав области Донского войска.

Из этой краткой исторической справки ясно следует, что Украина никогда не имела и не может иметь каких-либо притязаний на г. Таганрог и Таганрогский округ.

По настоящему же положению дела наших дружественных взаимоотношений с Украиной мы имеем веские основания быть уверенными, что точка зрения гетмана Скоропадского на этот вопрос одинакова с нашей.

Генерал Семенов отдал самостоятельное и спешное распоряжение об организации милиции в Таганроге и въезде туда назначенных лиц. Спешность была вызвана тем обстоятельством, что социалистический состав городской думы Таганрога в лице своей управы всячески тормозил изъятие милиции из ведения города и переход таковой в подчинение отдела внутренних дел Донского правительства. Такое изменение в отношении милиции Донское правительство считает крайне необходимым и неотложным, единственно могущим способствовать установлению прочного порядка в городе,—цели, в одинаковой мере преследуемой как вашим высокопревосходительством, так и мною.

В силу тех же причин было дано генералом Семеновым распоряжение, в случае необходимости и для проведения этой меры, ввести в Таганрог две сотни казаков, как реальную поддержку распоряжения правительства против могущих иметь место противодействий со стороны социалистического меньшинства городского населения, захватившего городское хозяйство города благодаря несовершенству и односторонности выборного закона революционного периода.

Принимая во внимание изложенные обстоятельства, ваше высокопревосходительство можете сделать определенный вывод, что мы не подавали никаких поводов к предположению о возможности каких бы то ни было вызывающих действий с нашей стороны и, конечно, тем менее имели цель затронуть достоинство германского командования. И если распоряжение генерала Семенова вызвало несколько резкое противодействие, то я не могу объяснить это иначе, как простым недоразумением. При наличности желания войти в рассмотрение по существу создавшихся обстоятельств, можно было бы избежать имевшего место и, по моему, нежелательного и прискорбного для обеих сторон, инцидента.

Троекратно подчеркнутое выражение адъютанта бестактно в виде характеристики образа действий генерала Семенова, по моему мнению, является недопустимым, хотя бы по одному тому, что, как ваше высокопревосходительство уже имели случай убедиться, наше искреннее желание лойяльности и добрососедских отношений с германским командованием является неизменным, тем не менее, со стороны представителей германского командования мы не всегда встречаем к себе подобного же отношения.

Этим моим письмом к вам, я надеюсь, что создавшееся положение будет считаться вполне исчерпанным и с вашей стороны уже не может встретиться возражений против исполнения служебных обязанностей в Таганроге лицами, назначенными генералом Семеновым, о чем ему одновременно даны соответствующие указания.

[Богаевский.]

Донесение командующего войсками Ростовского района ген. Семенова ген. Краснову [1]).

Ростов н/Д. 8 июня 1918 г. № 362.

Немецкое командование в Таганроге сообщило начальнику таганрогской окружной милиции полковнику Кунакову частным образом, что оно готово оставить на должности его и весь штат окружной милиции при условии, что таковая будет подчинена немецкому командованию. И если полковник Кунаков даст также частным образом согласие на это русского командования, то последует приказ по германскому корпусу о том, что он и все чины милиции допускаются к исправлению своей должности и что частям войск предлагается оказывать им содействие.

Не признавая со своей стороны возможным согласиться на такое условие, испрашиваю ваших указаний.

Подробности лично доложит вашему превосходительству полковник Кунаков.

Генерал-лейтенант Семенов.

Начальник штаба генерального штаба генерал-майор [подпись].

Отношение офицера ген. штаба 1 армейского корпуса германских войск фон Шлейница на имя ген. Краснова [2]).

12 июня 1918 г. № 1415.

По поручению генерала командующего (Таганрог) имею честь сообщить.

В Таганроге распространяются слухи, волнующие население; эти слухи, повидимому, исходят от генерала Семенова, почему командующий генерал просит распоряжения о недопущении возвращения генерала Семенова в Таганрог.

Как только поступит ответ командующего армией (Эйхгорна) на вопрос вашего превосходительства, то таковой тотчас же будет через 7 ландверную дивизию вашему превосходительству передан. Задержка в ответе однако возможна, ибо разрешение возбужденного вопроса, в особенности, если он будет благоприятным, едва ли может зависеть от единоличного усмотрения фельдмаршала Эйхгорна, но, вероятно, оно потребует запроса у верховного командования.

Барон фон Шлейниц.

Письмо ген. Краснова ген. фон Кнерцеру [3]).

15 июня 1918 г.

Ваше высокопревосходительство!

Я прошу вас не очень обвинять генерала Семенова, может быть, за несколько поспешные шаги по отношению Таганрога. Это старый солдат, а не дипломат, это горячий патриот, сердце которого не может

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 5.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 25.
[3]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 42, лл. 9—10.

примириться с тем, что на Таганрог предъявляет свои притязания Украина. Да и как вы хотите, чтобы с этим примирился кто-нибудь из казаков. В 1855 году мой родной дядя защищал Таганрог от англичан и не допустил их десанта с моря, а прах моего отца покоится на таганрогском кладбище; около 400 лет Таганрогский округ принадлежит донским казакам, и не было ни одного дня, чтобы им владели украинцы.

Между тем притязания Украины сеют смуту среди таганрогского населения. Большевики используют промедление передачи Таганрога донским властям в свою пользу и смущают население. На-днях начинается сенокос, а потом жатва. Для того, чтобы не было кровавых столкновений из-за собранного урожая, необходимо установление твердой власти по всем хуторам и слободам. Вот почему я прошу ваше высокопревосходительство не препятствовать полковнику Кунакову формировать окружную милицию и послать ее на места для восстановления полного порядка, равным образом прошу дать возможность принять на себя охрану горных и заводских предприятий как самого Таганрога, так и его округа. В свою очередь, мною дана инструкция полковнику Кунакову смотреть на Германию как на державу наиболее благоприятствуемую для торговых операций, а управляющему отделом торговли и промышленности В. А. Лебедеву дано указание войти в сношение с германским командованием для установления самых оживленных торговых сношений. Также я надеюсь, что германское командование не будет препятствовать развитию деятельности аэропланного завода и Русско-балтийского завода в их работах для донского войска. Я буду рад видеть в Ростовском и Таганрогском округах дружественные войска Германии, столь храбро помогающие нам в нашей борьбе против общего врага человечества—большевиков.

Счастлив поздравить ваше превосходительство с громкими победами императорских и королевских войск на западе и в Таганроге. Я лично имел возможность убедиться в храбрости и стойкости германских войск, сражаясь под Куявкой в марте 1915 г. и под Железницей и Кухоцкой волей в сентябре 1915 года, где мои казаки и германская пехота и кавалерия научились взаимно уважать друг друга.

Уважающий вас П. Краснов.

Телеграмма полк. Пономарева управляющему отделом внутренних дел Донского правительства [1]).

Ростов н/Д. 16 июня 1918 г. № 657.

Начальник таганрогской почтово-телеграфной конторы телеграфирует мне, что комендант города, по распоряжению высшего германского командования, требует представления всех административно-распорядительных телеграмм для цензуры, переговоры по прямому проводу не допускаются без особого на то разрешения командного состава. Начальник испрашивает распоряжения. Не имея возможности сопротивляться и опасаясь худшего, то-есть взятия телеграфа, полагал бы допустить, а затем улаживать дипломатическим путем. Прошу распоряжения. № 4026.

Наокр. Пономарев.

---

[1]) ЦАОР ф. № 1261, д. № 10, л. 20.

Телеграмма и. д. начальника военного снабжения полк. Пономарева управляющему отделом внутр. дел Донского правительства [1]).

Ростов н/Д. 22 июня 1918 г. № 882.

Сего числа мной получена от начальника таганрогской почтовой конторы телеграмма: «Официальной бумагой мне городским головой объявлено: приказом высшего германского командного состава, до выяснения принадлежности Таганрога Украине или Дону, все административные распоряжения всем учреждениям Таганрога исходят исключительно от коменданта города или городского самоуправления. Подробное донесение почтой. № 789. Шуман». № 4150.

Пономарев.

Отношение начальника Ростовского почтово-телеграфного округа на имя ген. Богаевского [2]).

Ростов н/Д. 12 июля 1918 г. № 19923.

Штаб корпуса Кнерцера официальным отношением уведомил меня, что до разрешения вопроса о принадлежности Таганрога Украине или Донской области ни украинское, ни донское почтовое управление не вправе распоряжаться радиостанцией в Таганроге и вывозить находящиеся там принадлежности в другие места и что поэтому указанная радиостанция берется временно в военную эксплоатацию, а совместное пользование почтовым управлением для исполнения газетной службы будет допущено, насколько это будет согласовываться с военными задачами станции.

Пробные условия должны быть выработаны посредством сношений с старшим лейтенантом графом Вестергольд.

Вопрос о вознаграждении за пользование станцией немецкими властями будет решен, как только решится государственная принадлежность Таганрога.

О вышеизложенном имею честь сообщить вам.

Начальник округа [подпись].
За главного механика [подпись].

Отношение отдела иностранных дел Донского правительства на имя полк. Измайлова [3]).

16 июля 1918 г. № 278.

По приказанию управляющего отделом генерала Богаевского, отдел иностранных дел просит передать германскому командованию нижеследующее.

---

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 22. На подлиннике резолюция: «Срочно. Управляющему иностранных дел. Копию оставить при деле Всев. войска донского 22 июня 1918 г.».

[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 43. На подлиннике резолюция ген. Богаевского: «В доклад донскому атаману».

[3]) ЦАОР, ф. 1261, д. № 10 л. 44. Полковник (потом генерал) Измайлов — представитель Донского правительства при германском командовании в Ростове-на-Дону.

Насколько известно Донскому правительству, в Таганроге имеется два аппарата радиостанций, из коих один был устроен казачьей военной властью, поэтому этот второй аппарат подлежит передаче его собственнику, вне зависимости от решения вопроса о принадлежности Таганрога.

Донскому правительству неизвестно, когда, наконец, будет приступлено к разрешению этого вопроса, радиостанция же нужна донским войскам сейчас—немедленно для военных целей в борьбе его с большевиками, где-либо в другом месте получить радиоаппарат оно лишено возможности.

Кроме того, отдел иностранных дел просит передать германскому командованию копию отношения управляющего отделом финансов для ответа по существу вопроса.

Секретарь управляющего отделом иностранных дел
Шульгин.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя полк. Измайлова [1]).

Ростов-н/Д. 15 августа 1918 г. № 646.
Перевод.

На прилагаемое отношение [2]) корпус Кнерцера отвечает следующее: 1) при постоянной радиостанции в Таганроге находится одна переносная 0,75 К. В. станция, без приемника. Эта станция находилась раньше на пожарном пароходе. Предоставляется в распоряжение Донского правительства и может быть увезена. 2) Покупка спирта произведена хозяйственным отделом корпуса Кнерцера на основании договора с дирекцией винокуренного завода, копия которого здесь прилагается. Право Донского правительства устанавливать цены корпус не может признать.

Генерального штаба майор Кохенгаузен.
Верно. Поручик Юловский.

Отношение начальника Ростовского почтово-телеграфного округа на имя ген. Богаевского [3]).

Ростов-н/Д. 5 сентября 1918 г. № 26057.

С занятием германскими властями 2510 провода лишились возможности пользоваться телеграфом Должанская, Ровеньки, Щетово, Малокрепинская, Криндачевка.

Жители указанных мест все время обращаются к начальникам перечисленных учреждений с просьбой ходатайствовать о восстановлении телеграфной связи.

Принимая во внимание, что сношение с этим районом, как отдаленным и неимеющим телеграфной связи, при срочности будет весьма затруднительным, что район этот угольный, приносящий большой доход, и, полагая, что германские власти для своих нужд могли бы использо-

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 3, л. 58. Барон фон Кохенгаузен — информационный офицер штаба киевской германской армии Эйхгорна в Ростове-на-Дону.
[2]) Отношения найти не удалось.
[3]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 3, л. 102.

вать железнодорожный провод, имею честь просить вашего содействия об освобождении 2510 провода.

О последующем благоволите уведомить.

Начальник округа [подпись].

За главного механика [подпись].

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя полк. Измайлова[1]).

Ростов-н/Д. 18 июля 1918 г. № 129.

Перевод.

Высшее командование Эйхгорна установило в пределах района своего расположения, чтобы дипломатические и консульские представители государств, находящихся в войне с центральными державами, вместе с консульскими чиновниками были высланы в Великороссию, а подданные нейтральных государств, которые представляют интересы держав Согласия, должны сложить с себя соответствующие полномочия. Это постановление вызвано все увеличивающимися интригами держав Согласия.

Возбуждается просьба о том, чтобы со стороны Донского правительства было бы издано такое же распоряжение по отношению к части Донской области, занятой германскими войсками. В Ростове имеются в виду к высылке итальянский консульский агент Пепко[2]) и вице-консул Бразилии Ботта, оба итальянские подданные. Считаю необходимым подчеркнуть, что вопрос идет об отъезде исключительно самих консулов и их консульских чиновников, а не их семейств. Консулам предоставляется право взять свои семьи с собой или оставить их в Ростове. К отказу от представительства интересов должны быть понуждены: 1) нидерландский вице-консул Цероникос — Бельгии и Великобритании, 2) датский консул Шредер — Франции, Сиама и Китая, 3) бразильский вице-консул Кундри — этого государства. Возбуждается просьба о сообщении предпринятого, в особенности, куда названные лица будут высланы.

Фон Кохенгаузен, майор ген. штаба.

Отношение ген. фон Кнерцера на имя ген. Краснова[3]).

24 июля 1918 г. № 3065.

Перевод.

На телеграмму вашего превосходительства от 22/VII, касающуюся английского консула г-на Клейвели, имею честь ответить вашему пре-

[1]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 5, л. 13. На подлиннике резолюция ген. Краснова: «Майору Кохенгаузен. Ввиду непризнания до сего времени Всевеликого войска донского германским правительством самостоятельным и ввиду объявленного войском нейтралитета, считаю неудобным побуждение к высылке консулов из Ростова. Высылку их насильственную через германское командование буду рассматривать, как незаслуженную обиду и акт недружелюбия по отношению к войску. Донской атаман генерал-майор Краснов».

[2]) Сноска в подлиннике: «Остается до формального уведомления. Может быть переведен в Новочеркасск вместе с помощником». О. И. Пепко — итальянский консул в Таганроге в 1918 г., позднее начальник особой итальянской миссии при Деникине.

[3]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 84.

восходительству следующее: ввиду того, что английский консул аккредитован не у Донской республики, а у России и, кроме того, находился и в настоящее время еще находится в Таганроге, принадлежность которого до сих пор еще не определена, нельзя видеть в высылке нарушения нейтралитета Донской республики, так что никто никакого упрека не будет в праве сделать вашему превосходительству по этому поводу. С таким же правом могло в свое время допущение высылки консула из Таганрога быть вменено в вину Украинскому правительству, как допущение нарушения нейтралитета.

Высылка английского консула в Новочеркасск не может подлежать обсуждению.

Возможность переезда основательно будет обсуждена врачами. Я весьма сожалею, что не могу пойти навстречу человеколюбивому чувству вашего превосходительства.

Фон-Кнерцер, генерал-от-кавалерии.

Отношение ген. Измайлова на имя майора фон Кохенгаузена.

20 октября 1918 г. № 1364.

Покорнейшая просьба разрешить вопрос о возвращении консулов.

Ген. Измайлов.

Отношение нидерландского вице-консула в Таганроге на имя ген. Богаевского [1]).

Таганрог. 18 ноября 1918 г. № 47.

Копия.

В то время, когда по поводу г. Таганрога не было окончательно выяснено о включении его в состав территории Всевеликого войска донского и в Таганроге высшей властью была власть германского командования, из Таганрога были в спешном порядке удалены консул королевства Греции—г-н Спатарис и секретарь бельгийского королевского консульства, исполнявший обязанности бельгийского королевского консула — г-н Карен и увезены в Германию. Ввиду того, что ныне вопрос о принадлежности города Таганрога решен окончательно и высшей властью является власть Всевеликого войска донского, покорнейше прошу оказать содействие к немедленному возвращению вышеуказанных лиц в г. Таганрог [2]).

Нидерландский вице-консул в г. Таганроге [подпись].

Верно. Штабс-капитан Севрюгин.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя ген. Краснова [3]).

Киев. 17 сентября 1918 г. № 1391.

Перевод.

Штаб главнокомандующего и Украинское правительство выразили согласие на допущение чиновников и милиции Донского правительства

[1]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 5-а, л. 157.

[2]) На отношении резолюция секретаря отдела иностранных дел Шульгина: «Генерал-майору Измайлову. На распоряжение».

[3]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 84.

к исполнению своих обязанностей в Таганрогском округе. Посему таковые могут быть немедленно отправлены на места своих служебных поручений, причем испрашивается, чтобы к исполнению своих обязанностей они бы приступили лишь после ухода соответствующих полицейских органов немецких войск. О последовательности вывоза германских войск из Таганрогского округа и о прибытии новых германских частей в Ростов и Таганрог будет вашему высокопревосходительству своевременно доложено.

Генерального штаба майор фон Кохенгаузен.

Верно. Поручик [подпись].

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя ген. Измайлова [1]).

Киев. 15 сентября 1918 г., № 1383.
Перевод.

По мнению штаба корпуса, производство арестов в частях Таганрогского округа, занятых германскими войсками, должно выполняться германскими войсками до тех пор, пока туда не допущены донские учреждения. В случае же необходимости для Донского правительства ареста определенных лиц желательно бы было о таковом сообщить мне. Я тогда озабочусь о произведении немедленных арестов и передаче таковых лиц Донскому правительству.

Майор фон Кохенгаузен.

Верно. Поручик [подпись].

Рапорт ген. Измайлова ген. Богаевскому [2]).

Ростов-н/Д. 5 октября 1918 г. № 860.

Весьма секретно.

Майор фон Кохенгаузен просил меня довести до сведения правительства многочисленные ходатайства, поступающие к германским военным властям в Таганроге, в которых представители образованных классов просят не уменьшать значительно таганрогского гарнизона и выражают опасения, что тотчас после ухода германских войск начнутся беспорядки, выступления большевиков и вообще возникнет анархия и резня. Опасения эти, по мнению майора, основательны, так как среди 60—80-тысячного населения города много рабочих и других элементов, настроенных весьма большевично [3]), а германский гарнизон, после окончания всех намеченных перемещений, будет состоять лишь из одной роты пехоты (250 штыков) и рекрутского депо (до 200 вооруженных). Так как из состава л.-гв. Атаманского полка в Макеевский район уже отправлены две сотни, то, если полки 6-сотенного состава, в Таганроге останется лишь до 600 шашек, а весь гарнизон будет располагать лишь 800—900 штыков и шашек, что, при возникновении беспорядков, явно недостаточно.

---

[1]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 1, л. 99. На подлиннике помета: «К руководству».
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 108.
[3]) Так в подлиннике.

Что касается Ростова, то майор утверждает, что уменьшать численности германского гарнизона его пока не предположено, и, действительно, на место уходящих частей 7 ландверной (Вюртембергской) дивизии уже теперь прибывают части резервно-запасного № 2 полка (прусский состав) из г. Изюма. Часть его расположилась в Батайске, и наши [1]) весьма рьяно занимаются проверкой грузов, следующих к югу от Ростова.

Прошу мне указать, для сообщения германскому командованию, предположено ли увеличить наши гарнизоны в г. Таганроге, или же нужно просить германцев до поры до времени (т. е. до появления французов, англичан или других наших бывших союзников), конечно, не упоминая о наших надеждах, оставить хотя бы еще 3 роты с пулеметами и некоторым числом орудий.

Генерального штаба генерал-майор Измайлов.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя ген. Измайлова [2]).

17 октября 1918 г. № 2206.

Перевод.

Высшее командование императорской и королевской восточной армии сообщает, что Донской лейб-гвардии казачий полк продвинулся в район, занимаемый императорскими королевскими войсками. Штаб главнокомандующего армейской группы вновь указывает на то, что продвижения войск в этом районе допустимы только с согласия высшего командования императорской и королевской восточной армии или же с согласия командования И. и К. [?] XII корпуса. Я прошу соответствующие поручения каждый раз направлять мне.

Генерального штаба майор фон Кохенгаузен.

Верно [подпись].

Из рапорта ген. Измайлова ген. Богачевскому [3]).

Ростов-н/Д. 17 января 1919 г. № 69.

Чрезвычайно много хлопот и неприятностей было с пропусками и разрешениями на выезд из Ростова и Таганрога на Украину. Под предлогом холеры германцы установили целую систему запрещений, очень стеснявшую путешественников и должностных лиц, ездивших в Киев, Харьков и другие места Малороссии и Крыма. Только 21 сентября эти меры были отменены по отношению к едущим из Ростова в Таганрог, а для лиц, следующих на Украину и в Крым по делам службы, так же как и на Кавказ, требовались бесчисленные рекомендации, без которых представители Донского правительства не могли рассчитывать и шагу ступить в местных правительственных учреждениях. Большими стеснениями также была обставлена перевозка из Ростова за Батайск боевых припасов. Тут германцы уста-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 1, л. 117. На отношении резолюция: «В. срочно. Его превосходительству управляющему военным и морским отделами. На распоряжение с просьбой ответить через о. ин. дел. Секретарь о. ин. дел Шульгин».

[3]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 8, лл. 25—26.

новили форменный контроль, как меру, направленную прямо во вред интересам Добровольческой армии, дабы не допускать прямую передачу ей нужного боевого материала, и донским властям приходилось организовать снабжение добровольцев окольными путями.

Из вопросов хозяйственного и экономического характера обращает на себя внимание вмешательство германского командования в управление заводами: Таганрогским сталелитейным и механическим Русско-балтийского общества, Луганским патронным, таганрогским кожевенным и фабрикой консервов Кольберга. Секвестр Русско-балтийского завода долго дебатировался нами с германцами и был ими окончательно допущен лишь в половине октября. На кожевенном заводе германцы усиленно выбирали кожи, в Луганске пользовались станками, на винном складе в Таганроге чрезвычайно дешево покупали спирт, а фабрику Кольберга собирались серьезно приспособить для обслуживания нужд своей военной обороны, для чего заключили небезвыгодный и для Донского войска договор и собирались взять завод в продолжительную аренду при участии в этом деле германских частных капиталов. Все эти планы рухнули и предприятия расстроились тотчас по выяснении размеров военной неудачи, испытанной Германией на западном фронте.

Генерального штаба генерал-майор Измайлов.

РЕКВИЗИЦИЯ ХЛЕБА ГЕРМАНЦАМИ.

Отношение ген. Краснова на имя ген. фон Кнерцера [1]).

16 мая 1918 г. № 10.
Копия.

Германцы, стоящие на хуторе Малый Несветайск, забирают хлеб, не платя денег, отбирают масло и яйца без платы, берут лошадей, сено и вообще ведут себя не так, как подобает воинской части, чем вооружили против себя население. Прошу распоряжения вашего превосходительства и присылки судебного следователя для разбора жалоб и о внушении командному составу батальона, занимающего Малый Несветайск (Черкасского округа), иного отношения к мирным жителям, так как то, с которым относятся германцы, вызывает превратное и весьма невыгодное понятие о доблестной армии императора Вильгельма.

Донской атаман генерал-майор Краснов.

Из рапорта командира Николаевского сводного казачьего полка начальнику войск Ростовского района и окружному атаману Ростовского и Таганрогского округов [2]).

Станица Новониколаевская. 14 июня 1918 г. № 53.

Секретно.

Германскими войсками, расположенными в станице Новониколаевской, в селах Таганрогского округа реквизируются хлеб и продукты не

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 2, л. 22.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 37. На подлиннике резолюция ген. Краснова: «Ген. Богаевскому. Послать об этом выдержку фон Кнерцеру».

только для довольствия германских войск, оперирующих в Донской области, но и реквизируется хлеб для отправки из пределов Донской области в Германию. На берегу Азовского моря в хут. Безыменском станицы Новониколаевской германским обозным парком заняты конторы и амбары местного купца казака А. Н. Козлова, куда и ссыпается реквизируемый хлеб для отправки морем.

Каждому германскому солдату предоставлено отправлять на родину в Германию посылку в 20 фунтов еженедельно, и германский солдат широко пользуется предоставленным ему правом: покупают яйца, масло, крупу, сало и проч. и все это запаковывают в почтовые ящики и отправляют к железной дороге по направлению ст. Успенка.

Кроме того, немцы самовольно берут сено, не платя денег.

Донося о вышеизложенном, прошу указаний, как реагировать на подобные явления и какое количество хлеба, фуража и продуктов могут забирать германцы в пределах Таганрогского округа и по каким ценам.

Войсковой старшина [подпись].

За полкового адъютанта сотник Киселев.

Отношение секретаря отдела иностранных дел Донского правительства Шульгина на имя полк. Измайлова [1]).

6 августа 1918 г., № 226.

По приказанию управляющего отделом генерала Богаевского, отдел иностранных дел препровождает вам переписку за вх. №№ 185, 186, 164, 169, 171, 172, 177, 179 [2]) и копию приложения к вх. № 174.

Из всей прилагаемой переписки вы усмотрите, что главные основания недовольства населения вызываются:1) бесцеремонной реквизицией, 2) низкими реквизиционными ценами и 3) произвольным изменением курса германской марки. Уменьшения подобных жалоб не только не предвидится, но, напротив, их следует ожидать все больше и больше, и естественно, возникает вопрос о необходимости, кроме постоянного и неизменного внушения воинским частям дружественного образа поведения по отношению к населению, пересмотра реквизиционных цен, а также признания произвольного изменения курса денег недопустимым.

Подробно эти положения будут развиты в письме атамана на имя генерала Кнерцера.

Отдел иностранных дел просит не давать подлинную переписку в дивизию, во избежание имевших место случаев утраты таковой, и просит как прежде поступившую переписку, так и прилагаемую скорее возвращать отделу иностранных дел.

Секретарь отдела иностранных дел Шульгин.

---

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 2, л. 112.
[2]) Переписка в деле отсутствует.

Из протокола дознания начальника Малчевско-Полнинской милиции Донецкого округа 23 июня 1918 г.[1]).

23 июня 1918 г., № 143.

1918 г. июня 23 дня. Пос. Рогалик Малчевско-Полнинской волости. Я, начальник милиции по Малчевско-Полнинской волости, Донского округа, Таякин составил настоящий протокол в следующем.

Сего числа производил дознание согласно сообщения волостного старшины названной волости от июня 22 дня за № 3949, причем допрашивал сельского старосту пос. Рогалика Ефима Григорьева Долгодушева, который объяснил нижеследующее.

20 с. г. июня в пос. Рогалик явился германский офицер, который объявил себя комендантом германского штаба, прибывшего из гор. Луганска, и заявил ему, старосте, что он прибыл сладить [2]) земельный вопрос, и предложил нам: все засеянные земли должны половинную часть скосить и свозить в указанное место для германского войска, а луг отобрать, причем за луг деньги через земельный комитет уплачены владельцам этой земли.

Излишний хлеб должен быть отобран у крестьян пос. Рогалика и передан в пользу Германии по твердым ценам, на что он сам лично, т. е. германский офицер, составил протокол и приказал подписать таковой, причем этот протокол был прочитан через переводчика по-русски; по прочтении его староста не согласился подписывать, заявив ему, что он подписывать его не будет до тех пор, пока не узнает от своего войскового правительства Всевеликого войска донского, просив отложить это дело до воскресенья, т. е. до 24 июня с. г., на что германский офицер не обращал внимания на просьбу [2]), он схватил револьвер в руку и под угрозой смерти приказывал подписывать, говоря: «Что, я по семь раз должен говорить?». Ввиду этого я с испугу подписал этот протокол, причем были представители поселка Рогалика: Ефим Могильный, Семен Омельченко, Сидор Гусаков и сотский Евтихий Могильный и Иван Шевцов, которые также подтвердят мое показание. Настоящее дознание мне прочитано...

Спрошенный по сему представитель от пос. Рогалика крестьянин Исидор Яковлев Гусаков, проживающий в названном поселке, который объяснил [2]): 20 сего июня с. г. он был вместе с вышесказанными представителями командирован в колонию Таврида к германскому офицеру для улажения земельного конфликта, где этим офицером, по его усмотрению, был составлен протокол относительно нашего посева на немецком участке, засеянном нами через земельный комитет. Тогда немецкий офицер через переводчика на русский язык прочитал нам этот протокол, в котором сказано, что все земли, засеянные крестьянами, плохого урожая половинную часть должны свезти в указанное место немецким правительством, так как правительство войскового Всевеликого войска донского они, т. е. немцы, не признают,—а что касается хорошего урожая, то тот хлеб только третья копна должна перейти крестьянину, засеявши таковую, а две части должны остаться в пользу Германии, каковой хлеб, как сказал германский офицер, будет ими самими, т. е. немцами, смолочен и отправлен в Германию, а также что

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 2, лл. 173—176.
[2]) Так в подлиннике.

и окажется у крестьян излишка хлеба, то таковой также будет немецким правительством реквизирован по твердым ценам, на что он, Гусаков, не был согласен и подписывать протокола не соглашался, а заставил его подписать немецкий офицер с револьвером в руках под угрозой смерти. Ввиду этого Гусаков и подписал.

Настоящий протокол мне прочитан. Сидор Гусаков.

Из протокола совещания при центральном управлении продовольствием донской области 30 июня 1918 г. [1]).

По вопросу предварительного рассмотрения основ заключения условий вывоза зерновых продуктов, масличных семян и макухи, заключенных между Юго-восточным союзом и Германией, под председательством зав. центральным управлением продовольствия Донской области М. А. Герасимова, в присутствии А. Я. Фельдмана (от Ростовского н/Д. биржевого к-та), М. Я. Гурвича (общества фабрикантов и заводчиков) и В. М. Резникова (от хлеботорговцев), при помощнике секретаря Донской областной продовольственной управы А. А. Нейман, [постановлено:]

Имея ввиду указанные неблагоприятные виды на урожай, возникает вопрос, каким путем получить от населения могущие быть у него излишки хлеба. Благосостояние хлеборобов в смысле насыщенности их денежными знаками возросло, а следовательно, нельзя рассчитывать на получение большего количества хлеба путем покупки. Организовать обмен продуктов сельского хозяйства на продукты фабричной и заводской промышленности в этом году труднее ввиду возросшего истощения запасов продуктов промышленности и крайне хаотического состояния ее. Моральных стимулов, побуждающих к добровольной сдаче хлеба у населения, особенно, если хлеб будет назначаться для немцев, не будет. Остается принудительный путь, путь реквизиции. Без сильного сокращения потребления хлеба населением Донской области хлеб не может быть дан немцам, причем передача возможна была бы лишь в два приема: осенью и весной 1919 года.

Заведывающий центральным управлением продовольствия
Донской области полковник Герасимов.

Помощник секретаря Донской областной продовольственной
управы А. Нейман.

ТОРГ ЗА ОРУЖИЕ.

Отношение зам. начальника штаба фон Кнерцера майора Стефани на имя ген. Краснова [2]).

27 мая 1918 г., № 1888.
Перевод.

Письма вашего превосходительства за №№ 6, 8 и 9 получены.
Уведомляю ваше превосходительство, что генерал Кнерцер отдал приказание военным властям на ст. Лихая выдать уполномоченным

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 16, лл. 3—5.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 19.

вашего превосходительства около 25 вагонов с воинским имуществом, вооружением, пулеметами, винтовками и снаряжением. Пользуюсь случаем, чтобы затронуть еще несколько вопросов.

1) По поводу военнопленных в ближайшие дни в Новочеркасск прибудет для переговоров полковник фон Люберс.

2) За последнее время через командиров частей поступают в корпус многочисленные жалобы жителей, просящих немецкой защиты против самоуправства казаков.

Привожу следующие случаи.

Сего 26/V в 15 часов на хуторе «Русском» староста и его 16-летний писарь были так истязаемы 6-ю офицерами и 9-ю казаками из добровольческой конной команды, что оказались сильно израненными; многие другие жители были тяжко избиты нагайками.

За реквизированных лошадей, седла, фураж и продовольствие ничего не было заплачено, и самая реквизиция ничем не была оформлена.

В «Астаховке» лежат 10 жителей, избитых казаками, без всякой медицинской помощи. Оттуда, кроме того, взято 27 лошадей, масса сена, хлеба, сала и проч. и 5 000 руб.—все это без всякого вознаграждения.

В «Ясовке» были реквизированы 25 лучших лошадей, повозки, овес и сено—сего 26 числа—без вознаграждения. Начальником был есаул Фролов из Новочеркасска.

Обращаю внимание вашего превосходительства, что все эти реквизиции производятся в деревнях, населенных не казаками, немногочисленные же казачьи деревни оказались совершенно нетронутыми.

В местностях расположения немецких войск последние оповещены об обязанности охранять жизнь и имущество мирных жителей. Потому я прошу ваше превосходительство внушить вашим казакам не производить подобного рода реквизиций в расположении немецких войск.

Уведомляю вас по предложению ген. Кнерцер, что необходимо провести определенную демаркационную линию между немецкими войсками и казаками для производства реквизиций. Немецкие войска уже предупреждены в местах, для них не отведенных, не реквизировать и не покупать.

За начальника штаба корпуса майор генштаба Стефани.

Отношение ген. фон Кнерцера на имя ген. Краснова [1]).

1 июня 1918 г., № 1677.

Ваше превосходительство!

Имею честь сообщить, что главнокомандующий германскими войсками на Украине распорядился предоставить казакам значительную часть захваченного германскими войсками у большевиков при ст. Лихой оружия, если ваше превосходительство сочтете возможным поручиться, что это оружие не будет направлено против германских войск.

Я ожидаю соответствующих разъяснений вашего превосходительства. В таком случае немецкие войска у Лихой получат немедленно соответствующие распоряжения.

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 5. На отношении помета: «Читал. Ген. Богаевский. 28 мая 1918 г.».

Чтобы однако в будущем не было никаких недоразумений, я позволю себе обратить внимание вашего превосходительства, что, по германским взглядам, право собственности казаков на означенное имущество утратилось в тот момент, когда казаки не были в состоянии или не желали защищать это оружие от большевиков или иметь возможность им пользоваться. И, кроме того, обстоятельство, что это оружие находилось ранее в Новочеркасском арсенале, не может поколебать прав на него германских войск, которые отобрали его в бою с вашими врагами.

Что касается тех трений, о которых доведено до сведения корпуса отношением за № 13, которые имели место вследствие реквизиции германских войск около Малого Несветайска, то по этому поводу было произведено обстоятельное расследование, которое дало следующие результаты.

Ни немецкому местному командованию, ни атаману хут. Мало-Несветайска неизвестны жалобы на предосудительное поведение и неправильные реквизиции. Закупки производились до сего времени без всяких недоразумений, хотя это и было сильно затруднено тем обстоятельством, что казаки сами повсюду усиленно производят реквизицию. Мелкие разногласия с местным управлением происходят временами только вследствие личных свойств последнего.

Я не могу скрыть от вашего превосходительства моих личных опасений, что эти нежелательные и, с моей точки зрения, совершенно излишние трения, несмотря на желания обеих сторон, могут быть неправильно истолкованы, если ваше превосходительство будете посылать новые войска казаков в местности, где немцами устранена всяческая опасность.

Я охотно готов снять заботу с вашего превосходительства о безопасности мест, занятых моими войсками, и тем самым освободить ваши войска для других целей [1]).

Фон Кнерцер, генерал-от-кавалерии.

Из доклада представителя Донского правительства на Украине ген. Черячукина ген. Краснову [2]).

Киев, 5 июля 1918 г.

Атаман Всевеликого войска донского,
глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Несколько дней затишья. Фон Мумм еще не дал ответа. Гетман сказал мне, что он прикажет ускорить и решить вопрос о границах.

Вопрос об отправке вооружения и патронов идет средне.

---

[1]) На отношении против этого абзаца след. резолюция ген. Краснова: «Ответить с нарочным, что оружие никоим образом не будет употреблено против германских войск иначе как для защиты, если бы германские войска напали на нас, что по обстоятельствам нашего дружеского отношения к германскому народу считаю невозможным. Почему прошу дать распоряжение о выдаче оружия». Кроме того на отношении рукой ген. Краснова написано: «Я весьма благодарен вашему высокопревосходительству за ваше любезное предложение помогать нам в установлении нами полного порядка в земле Войска донского, и если я посылаю команды, то только для производства арестов и обысков у главарей большевизма и для установления войсковой власти на замену той анархии, которую внесли большевики».

[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 46, лл. 47—48.

Патроны (10 000 000), получаемые от Украины с поста Волынского сегодня уже отправлены, снаряды же (из Одессы) еще нет; там теперь сидит Майдель [1]), и я думаю, что и снаряды будут скоро отправлены. Затрудняет отправку неимение рабочих рук; приходится нанимать, тогда дело, конечно, пойдет скорее; для патронов я нанял (80—40 руб. каждый вагон), для снарядов же не имею возможности, ибо погрузка снарядов еще дороже, и из тех денег, которые я, наконец, получил и из которых я уже многое вперед истратил, мне нехватит.

Принимая во внимание, что выторговав бесплатно 76 000 снарядов и 10 000 000 патронов, я уже дал некоторую экономию Дону (около 10 млн.), мне казалось бы, не следовало скупиться и отпустить мне бо́льшие средства.

Орудия, ружья, пулеметы и аэропланы Украина не дает. Действую на них через немцев и прошу их еще больше дать пушек.

Аэропланы (20 штук) теперь направляются в Харьков или, может быть, даже в Таганрог. Думаю, что по негласному словесному сношению нашего офицера для связи при Кнерцере можно будет добиться, что немцы не заметят, как эти аэропланы будут по ошибке отправлены в Ростов или в Новочеркасск, и, может, некоторые из них перелетят, для сего прошу соответствующих распоряжений офицеру связи при Кнерцере. Здесь я с своей стороны постараюсь добиться ошибочной отправки аэропланов из Таганрога в Ростов, но думаю, что с местным командованием устроить эту ошибку еще лучше. Слухи о перемене министерства здесь вновь затихли.

Глубоко уважающий вас А. Черячукин.

Договор, заключенный между правительством Всевеликого войска донского и представителями командования 7-й Вюртембергской дивизии [2]).

В компенсацию за поставку Донским правительством скота для германско-австро-венгерской хозяйственной комиссии согласно договора ст. . . . [3]) сентября:

1) Представители германского командования 7-й Вюртембергской дивизии обязываются предоставить правительству Всевеликого войска донского в г. Ростове 15 миллионов штук русских винтовочных патронов, сто тысяч штук 3 *дм* артиллерийских снарядов и десять тысяч штук 6 *дм* артиллерийских снарядов.

2) Представители германского командования 7-й Вюртембергской ландверной дивизии обязуются оказать самое полное содействие к доставлению правительству Всевеликого войска донского получаемых им от Украины предметов военного снабжения (интендантского, инженерного, артиллерийского, санитарного).

3) Представители германского командования обязуются оказать самое полное содействие к беспрепятственной доставке правительству Всевеликого войска донского машин, необходимых для устройства на Дону суконной фабрики.

---

[1]) Барон Майдель — представитель Донского правительства в Одессе.
[2]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 5-а, л. 178.
[3]) Пропуск в подлиннике.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя ген. Краснова [1]).

16 сентября 1918 г., № 1376.

Представитель начальника германских военных полевых дорог уже продолжительное время ведет переговоры с местным министерством путей сообщения о выдаче 29 австро-венгерских паровозов, которые, по данным министерства железных дорог, оцениваются приблизительно в 700 000 рублей.

Так как паровозы в свое время были забраны на вокзале Батайска совместно германскими и донскими войсками, а в силу состоявшегося принципиального соглашения 50% числа захваченных локомотивов должны были немедленно быть выданы германским войскам без всяких дальнейших переговоров, все же отдел путей сообщения затянул надолго переговоры по этому вопросу и в настоящее время разделяет ту точку зрения, по которой локомотивы должны рассматриваться не как военная добыча, а как собственность Донского правительства.

Штаб главнокомандующего не может разделить такой взгляд и требует передачи названного количества паровозов.

Следуя принципу соглашения, штаб главнокомандующего просит сообщить, что половину названных паровозов он считает своей собственностью, а за другую половину желает получить следующую компенсацию:

За 1 343 патр. русск. полев. пуш. по 40 р.	58 720 р.
» 1 015 патр. русск. 15 сан. гранат без взрывателей по 50 р. . .	50 720 »
» 274 патр. русск. 15 сан. длиной с взрыв. по 60 р.	16 440 »
» 756 патр. русск 15 сан. гранат без взрыват. по 50 р.	37 80[illegible] »
» 300 патр. русск. зарядов для русск. пол. гаубиц по 10 р. . . .	3 000 »
» 1 000 000 русск. руж. патр. по 20 к. за штуку	200 000 »
	361 710 р.

Ген. штаба майор Кохенгаузен.

Объявление [2]).

Копия.

Германским полевым судом 24 июня 1918 года жители гор. Харькова

Прокофий Пономаренко и
Николай Мирошниченко

приговорены к смертной казни через расстрел, потому что они еще 15 мая 1918 года имели огнестрельное оружие, при помощи которого они 24/25 мая, 1 июня и 5/6 июня сего года производили разбойные нападения.

Приговор сегодня приведен в исполнение.

Командующий генерал [3]).

Харьков. 26 июня 1918 г.

С подлинным верно. За управляющего рудниками
Ясиновского акц. общества инженер Пономарев.

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 4, л. 38.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 54. Заголовок подлинника.
[3]) Так в подлиннике.

Объявление [1]).

Копия.

Штаб дивизии.

215 пех. дивизия.

20 июня 1918 года.

Я постановляю:

§ 1. Лица, совершающие преступные по германской законодательной книге действия против германской армии или членов ее или против какого-нибудь германского учреждения, будут наказаны по законодательной книге для Германской империи.

§ 2. Еще имеющееся оружие, амуниция и взрывчатые вещества должны быть сданы в ближайшую местную комендатуру по истечении пяти дней, считая от опубликования сего объявления.

Кто по истечении этого срока будет находиться во владении оружия, амуниции или взрывчатых веществ, не имея на то разрешения германского учреждения, будет подвергнут смертной казни.

§ 3. Кто будет содействовать преступной шайке или же причинит вред германским войскам, будет подвергнут смертной казни.

§ 4. Кто будет нарушать общественный порядок, главным образом принимая участие в уличных сборищах, а также и в собраниях с целью предпринимать какие-нибудь злонамерения, будет подвергнут каторжной работе или тюремному заключению не свыше 15 лет.

§ 5. При возможности смягчающих обстоятельств против постановлений под §§ 2 и 3 применяется каторжная кара не менее 10 лет.

Фон Верниц, генерал-лейтенант и комендант 215 пех. дивизии.

С подлинным верно. За управляющего рудниками инженер Поножин.

БОРЬБА ЗА УГОЛЬ.

Из докладной записки директора Ясиновских антрацитовых рудников в Таганрогском округе Лобова ген. Краснову [2]).

Новороссийск. 19 июня 1918 г.

Имею честь довести до сведения вашего превосходительства о безвыходном положении наших предприятий, находящихся в районе Таганрогского округа при станции Лобовские копи Екатерининской железной дороги вследствие неопределенного положения в отношении твердой власти, почему погрузка антрацита, вопреки приказа по Всевеликому войску донскому, производится исключительно за пределы Донского края по нарядам: а) Монотопа и б) германского горного бюро из Харькова.

Милиции и казачьих частей на местах нет, и вследствие неимения никакой местной власти начинаются грабежи: на-днях разграблена экономия Максимова и рудник «Бриллиант».

Директор-распорядитель Лобов.

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 55. Заголовок подлинника.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 32, л. 1.

Объявление [1]).

Копия.

Штаб дивизии.
10 июля (27 июня) 1918 г.

Дошло до моего сведения, что управлением рудниками вывешиваются объявления без моего предварительного разрешения.

Постановляю, что все объявления или воззвания, касающиеся рудников, заводов и рабочих вопросов, должны быть мною разрешены и снабжены печатью дивизии.

Фон Верниц, генерал-лейтенант и комендант 215 пех. дивизии.

С подлинным верно. За управляющего рудниками инженер Поножин.

Донесение полк. Измайлова ген. Богаевскому [2]).

Ростов н/Д. 30 июня 1918 г. № 65.

Прилагаемое требование [3]) носит ультимативный характер, так как, повидимому, распоряжение о воспрещении вывоза железа и угля больно бьет по карману Украины и германцев.

Мне кажется, что нужно уступить, требуя опять и опять скорейшего признания Дона и возвращения Таганрогского округа и пугая германцев усиливающимся недовольством общества и населения, которое может вылиться в восстание. В последнем случае всякий вывоз вообще прекратится и экономические интересы Германии и Украины пострадают значительно сильнее, так как эксплоатация минеральных богатств будет прекращена на весьма продолжительный срок.

Генер. штаба полковник Измайлов.

Донесение начальника Черкасской областной милиции ген. Богаевскому [4]).

Новочеркасск, 30 июня 1918 г. № 706.

При этом представляю прошение директора-распорядителя акционерного общества Ясиновских и Андреевских антрацитовых рудников Лобова, ходатайствующего об учреждении штата милиции на названных рудниках, за счет акционерного общества, с резолюцией на прошении управляющего отделом внутренних дел.

Войсковой старшина [подпись].

Секретарь [подпись].

---

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 52. Заголовок подлинника.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 31, лл. 24—25.
[3]) Требование это в деле не сохранилось.
[4]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 59.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя Донского правительства [1].

Ростов н/Д. 4 августа 1918 г. № 363.

Перевод.

Препровождаемая переписка мною была послана на распоряжение корпуса Кнерцера, корпус уполномочил меня сообщить Донскому правительству, что корпус до окончания разрешения вопроса о принадлежности Таганрогского округа, к сожалению, затрудняется разрешить установление окружной милиции в районе округа.

Фон Кохенгаузен, майор генер. штаба.

Верно. Делопроизводитель поручик Голубев.

Из телеграммы управляющего отделом торговли и промышленности Донского правительства В. А. Лебедева ген. Богаевскому [2].

Положение с углем весьма тяжелое, требуют распределения донского угля в Харькове, принимаю меры. Вопрос спорных областей затягивается, посылаю сегодня курьера, телеграфируйте срочно ответы. Сегодня уезжает кубанская делегация Рябовола. Требуйте настойчиво, чтоб кубанское законное правительство уполномочило нас вести переговоры совместно с донцами. Весьма важно.

Лебедев.

Из отношения майора фон Кохенгаузена на имя ген. Краснова [3].

Новочеркасск. 13 июля 1918 г.

Перевод.

В. спешное.

Имею честь передать вашему превосходительству нижеизложенное сообщение оберкомандо армии Эйхгорна.

Оберкомандо армии Эйхгорна заявляет свой протест против приказа Донского правительства от 26 мая № 118, касающегося запрещения вывоза и реквизиции угля и железа.

Во избежание того, чтобы украинское правительство в виде противомеры не запретило вывоза железа для расположенных в спорном районе заводов и не приняло бы других каких-либо ответных противомер, оберкомандо армии вело переговоры в том же смысле с Украинским правительством: впредь до разрешения вопроса о границах между донскими казаками и Украиной поставить угольный синдикат Монотоп и железный синдикат Югомета под нейтральный контроль средне-европейских государств. Контроль будет осуществляться особой комиссией в Киеве, в которой должны быть представители правительств Украины и Дона для поддержки своих самостоятельных интересов.

Ввиду того, что изданием вышеупомянутого приказа вызваны весьма серьезные нарушения нормальных хозяйственных отношений оберкомандо армии считает себя вынужденным настаивать на немедленной

[1] ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 65.
[2] ЦАОР, ф. № 1261, д. № 38, л. 9. Телеграмма (без даты) послана из Киева.
[3] ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 57.

отмене действия этого приказа и на скорейшем уведомлении заводов и рудников, на которые сила его распространяется.

Если же Донское правительство сочтет для себя [не] возможным решиться на такой шаг, оберкомандо армии будет считать себя вынужденным, принимая во внимание положение крайней необходимости, путем временной оккупации спорного района, нежелательным для Донского правительства способом, предрешить этот вопрос. Этого оберкомандо армии старается по возможности избегать.

Я покорнейше прошу ваше превосходительство сообщить мне, будет ли и когда отменен названный приказ и, кроме того, будет ли и когда командирован в Киев уполномоченный представитель Донского правительства для урегулирования хозяйственных вопросов.

Фон Кохенгаузен, майор.

Отношение атамана ген. Краснова на имя ген. фон Кнерцера [1]).

22 июля 1918 г. № 160.

Считаю необходимым сообщить вашему высокопревосходительству о том, что меня весьма неприятно поразили донесения и телеграммы об аресте нескольких иностранных подданных, произведенном распоряжением германского местного командования. Об этом же сегодня поступила докладная записка от совета Донского горнопромышленного союза.

До моего сведения дошло об аресте: 1) Стурма, Эрнеста Францевича, директора-распорядителя Азовской угольной компании, заключенного в арестном помещении в Ровеньках, 2) Стивенса, 3) Веккера — директора Английского акционерного общества и 4) бухгалтера того же общества — все это гражданские лица.

Мне неизвестно, чем вызваны эти аресты, каким-либо преступлением арестованных против германской армии или же только принадлежностью их к тому или иному подданству, но я должен обратить внимание вашего высокопревосходительства на то, что Донская область, как это заявлено в правительственной Всевеликого войска донского декларации, является нейтральным государством, и такого рода действия германского командования, если они не вызваны действительно серьезными обстоятельствами, ставят меня и мое правительство в совершенно невозможное положение и крайне волнуют население, в горнопромышленных же сферах произвели ошеломляющее впечатление, вызывая естественную тревогу за судьбу администрации и рудников, лишая возможности спокойно работать по воссозданию гибнущей донской горной промышленности.

Считаю необходимым особенно подчеркнуть, что о произведенных арестах местное германское командование даже не нашло нужным поставить в известность мое правительство, не говоря уже о предположении подобных арестов.

Я вполне уверен, что ваше высокопревосходительство отдадите приказ о срочном расследовании происшедшего, и ваш ответ, как это было всегда и раньше, послужит только к укреплению нашего взаимного уважения и дружбы.

[Краснов.]

---

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 7, л. 2.

Телеграмма ген. Краснова управляющему путей сообщения [1]).

3 декабря 1918 г. № 11456.

Копии ген. Измайлову и командующему армией.

Копия.

Срочно погруженный германский уголь всего двести вагонов. Направления, по коим пойдут вагоны, сообщите генералу Измайлову.

Донской атаман Краснов. № 11456.

Копия с подлинным копии верна. Подпоручик Байбус.

СОТРУДНИЧЕСТВО ДОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С ГЕРМАНСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ.

Отношение барона фон Шлейница на имя ген. Краснова [2]).

5 июня 1918 г. № 1а 1268.

По поручению генерала-от-кавалерии фон Кнерцера считаю своим долгом довести до сведения вашего превосходительства нижеследующее: «Во вчерашнем, имевшем место в Ростове, заседании по урегулированию вопроса вывоза не было достигнуто соглашения.

7-я ландверная дивизия отклонила, согласно моему поручению, право одностороннего регулирования генералом Семеновым вывоза, на котором настаивал последний, и, с своей стороны, предложила передать регулировку всего вывоза из Ростовского округа в руки особой смешанной комиссии.

Это предложение было отклонено. Я считаю такой порядок единственным основанием, на котором в свое время может установиться торговый обмен между Германией и Донской областью, на единоличный контроль генерала Семенова не могу смотреть иначе, как на акт, направленный против нас.

Ввиду того, что я не предполагаю, чтобы отклонение нашего требования, исполнение которого исключительно только и может послужить к установлению выгодных для обеих сторон торговых отношений между Германией и Донской областью, соответствует намерениям вашего превосходительства и что, далее, едва ли будет признано вашим превосходительством желательным, если мне придется отменять распоряжения генерала Семенова, я прошу ваше превосходительство сообщить мне не позднее 7-ми часов вечера шестого июня, также оповестить город Ростов, что распоряжение, которое ставит право на вывоз исключительно в зависимость от разрешения генерала Семенова, отменно вашим превосходительством и что взамен этого будет образована смешанная комиссия, которая и будет регулировать весь вывоз из Ростовского округа.

В противном случае я сам обнародую отмену этого распоряжения и приму соответствующие меры для защиты торговых интересов центральных держав и г. Ростова.

---

[1]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 5, л. 207-а. На телеграмме пометы: «1) По вход. 1666 от 3/12.18. 2) О. и. д. по исх. 1668. 3/XII. 3) К делу с № 4».

[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 11.

К сему присовокупляю, что я не вижу в этом никакого неправомерного вмешательства в права существующего Донского правительства, ибо только вследствие вступления немецких войск в городах Ростове и Нахичевани могли водвориться спокойствие и порядок.

Я надеюсь, что исполнением сего моего требования вашим превосходительством будет на будущее время положено основание правильного товарообмена в интересах обеих сторон».

За генерала-кавалерии фон Кнерцер барон фон Шлейниц, офицер генерального штаба.

Из докладной записки зам. представителя Донского правительства на Украине ген. Свечина ген. Краснову [1]).

Новочеркасск. 21 июня 1918 г.

Секретно.

Стремления Германии.

Что касается Германии, то если среди ее политических течений можно усмотреть желание в далеком будущем иметь соседку в единой России (конечно, с известными купюрами на западе, как-то: Польши, части Литвы, Прибалтийского края и Финляндии), то на вопросе ближайшего будущего все течения сходятся к тому, что Россия должна быть расчленена на несколько независимых групп.

Немцы отлично понимают, что война на Западе еще далеко не закончена, что наши бывшие союзники приложат еще много усилий, а потому европейская борьба потребует еще много времени и усилий со стороны немцев, а потому осложнить свою работу, имея на Востоке объединившегося соседа, едва ли может найти сторонников среди германцев. Последние отлично понимают, что в ближайшее время они не могут завоевать искренние симпатии у русских, а потому объединившаяся Россия через год—два представит для них новую угрозу, конечно, не столь большую, как раньше, но все же могущую усложнить их положение к концу борьбы, или хотя бы к мирному конгрессу.

Эта же идея, по некоторым данным, существует и у императора Вильгельма, который желает иметь соседкой Россию раздробленной примерно на 4—5 групп: Центральную Россию, Украину, Юго-восточные соединения, Закавказье и Сибирь.

Из изложенного видно, что задача всякого русского патриота — вновь увидеть в ближайшем будущем единую Россию—не может встретить никакого сочувствия, а всякое наше желание, выраженное в этом направлении, встретит со стороны центральных держав самое энергичное сопротивление.

Как вывод отсюда, нам необходимо затаить наше патриотическое чувство в глубине сердца и подходить к нему другими путями, не выдавая ничем до времени наших вожделений.

Положение Дона и юго-востока России.

Положение юго-восточных областей бывшей России и, в частности, особенно Дона — это нахождение между молотом и наковальней. От

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 46, лл. 31—34.

желания немцев зависит пристегнуть часть нас к Украине, а часть дать на растерзание Красной гвардии. Перспективы владычества последней хорошо известны всем; перспективы украинцев тоже нелегки. Сверженная немцами Центральная украинская рада, желая иметь свою полусоциалистическую власть, пригласила к себе на помощь германские войска, продав за их помощь себя полностью. Условия, на которые пошла указанная рада, заставляют содрогаться теперешних правителей Украины, что мне высказывали несколько ее представителей.

Итак, нелегко итти в объятия Украины, и что-то не хочется попасть в лапы красногвардейцев.

Поистине наше положение трагическое, находясь под угрозой немцев, от желания коих зависит бросить нас туда или сюда.

Наше преимущество.

Однако в нашем положении есть одно огромное преимущество, которого не имеют ни Москва, ни Киев, и которое необходимо использовать в полной мере.

Дело в том, что мы и казачество юго-востока представляем до сих пор неразгаданную величину для немцев. Мы для них «сфинкс», как выразился один из представителей германского командования. С одной стороны, им хотелось бы и помочь нам, дабы заручиться нашими симпатиями и кое-чем и материальным, с другой стороны, они боятся дать нам окрепнуть, дабы мы им не доставили неприятности. Между тем ссориться и возбуждать нас против себя им тоже невыгодно. Немцам и так нелегко справляться с начавшимся сильным движением крестьян на Украине. Украинское правительство не может выполнить условия своего договора с немцами о поставке условленного продовольствия, поэтому германо-австрийским войскам пришлось добывать хлеб в деревнях силой оружия. Вот тут-то немцы и встретили довольно сильный отпор, с которым справляться не так-то просто и легко. Уже и так вместо обещанных 3-х корпусов немцам, для оккупации Украины, пришлось ввести 6 корпусов, а требуется и еще поддержка.

Конечно, при этих условиях, немцам нет никакого желания возбудить против себя неприязненное отношение и со стороны казаков, которое может вызвать для немцев необходимость подвезти из Германии еще 1—2 корпуса. Это ослабляет их западный фронт, который, по выражению фельдмаршала Эйхгорна, «сидит у них на шее».

Используя эту выгоду в нашу пользу, мы вполне можем рассчитывать, что, не бросаясь в объятия Украины, мы, через последнюю, получим помощь от немцев боевым снаряжением и военной техникой, которые дадут нам возможность окончательно освободиться от большевиков и тем же способом сбросить это ярмо и с наших соседей к югу и востоку.

Что мы должны?

Для этого нам необходимо:

1) Ни в чем не выражать надежды видеть единую Россию.

2) Корректное отношение к уже находящимся у нас непрошенным гостям, не действуя вызывающе по отношению к ним и стараясь сглаживать могущие всегда быть трения.

3) Совершенно отказаться от сношений с нашими бывшими союзниками, которые до сих пор ничего нам не дали, а во многом предали, помощи которые никакой оказать нам не могут и влияние которых далее Урала немцы не допустят.

4) Выразить готовность с оружием в руках защищать свою территорию от вторжения в нее наших врагов.

5) Заключить с немцами торговый договор на правах наиболее благоприятствуемой державы.

Что мы получим?

За это мы получим:

1) Необходимое вооружение, снаряжение и предметы военной техники.

2) Установление наших границ с Киевом и Москвой согласно нашим желаниям.

3) Прочное устройство Юго-восточного союза, который представит из себя настолько мощный организм, вполне могущий устроить, хотя бы до поры до времени, свою самостоятельную жизнь.

4) Организацию Юго-восточного союза, как суверенного государства, признают державы центрального союза, с ними вместе и Украина и Закавказье.

Необходимые меры теперь же.

Для проведения в жизнь союза теперь же необходимо:

1) Атаману Всевеликого войска донского принять на себя, впредь до образования союза и освобождения его от большевиков, власть атамана Юго-восточного союза.

2) Приказать Донскому правительству, при участии Кубанского правительства, немедленно выработать конституцию союза [1]).

3) Атаману союза назначить союзных министров.

4) Издать соответствующую декларацию.

Генерал-лейтенант Свечин.

Телеграмма ген. фон Кнерцера ген. Краснову [2]).

Таганрог. 22 июня 1918 г. № 250.

Перевод.

Исправленное повторение.

Благодарю ваше превосходительство за интересное для меня сообщение о продвижении чехо-словацкой дивизии. Пусть она попробует только напасть на войска вашего превосходительства и мои. Мы готовы.

Фон Кнерцер.

---

[1]) В подлиннике против этого пункта помета ген. Краснова: «Что-то не хочется».
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 33.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя полк. Измайлова[1]).

18 июля 1918 г. № 121.

Ввиду нашего сегодняшнего разговора полковник фон Шлейниц уведомил меня, что он лично отправляется завтра на батайский фронт, чтобы исследовать вопрос о примыкании немецкого левого крыла к правому флангу донских войск и разрешить его на месте.

Фон Кохенгаузен, майор генеральн. штаба.

Донесение представителя Донского правительства на Украине ген. Черячукина ген. Краснову[2]).

Киев. 12 июля 1918 г. № 130.

Атаман Всевеликого войска донского!

Телеграммой и письмом я уже доносил о том, что германский посол передал мне, что на посылку письма с теми условиями, которые изложены в данных вами мне полномочиях, со стороны императора препятствий нет, и теперь я ожидаю от вас это письмо.

Вместе с сим германский посол сказал мне, что он ожидает от меня, или еще лучше от вас, заявления о наших отношениях к приближающимся чехо-словакам, что вынудило меня письменно подать им ноту, в которой я подчеркиваю, что если вам будет дана самостоятельность и сохранены границы, то мы сохраним вооруженный нейтралитет и не пустим на территорию Дона никакой вражеской силы, будет это враг Дона или Германии (копию заявления я уже послал вам).

Сам посол уехал в Крым, но поручил переговоры вести с генеральным консулом Тиле.

Вчера генеральный консул приглашал меня к себе. В разговоре с ним я выяснил, что моя нота их не удовлетворяет. Германский генеральный консул определенно сказал мне, что для них нужно от нас, без всяких «если», определенное и гласное заявление перед всеми, что мы никакого отношения к чехо-словакам не имеем и не будем иметь, не будем поддерживать никаких с ними сношений и не пустим их на свои территории, и только в случае такого заявления немцы могут приступить к переговорам с нами о снабжении нас оружием и деньгами.

Генеральный консул добавил, что вряд ли я имею достаточно полномочий, чтобы сделать именно такое заявление.

Мои доводы о том, что реальная помощь со стороны Германии в смысле отстаивания границ, признания самостоятельности даст возможность окончательно доказать казакам, что дала нам Германия сравнительно с союзниками, что мы выиграем, обратив взоры к Германии, что тогда и последние элементы, еще мечтающие о поддержке союзников, сойдут с ума, оказали лишь некоторое воздействие.

Я просил, чтобы Германия не настаивала на предварительном нашем гласном заявлении, не дав нам ничего существенного, так как в этом

---

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 76. На отношении помета: «На подлиннике написано: «Принято к сведению и возвращается 10/7—18 г.». Шульгин».

[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 46, лл. 56—57.

кроется краеугольный камень симпатий к немцам и отпада окончательного от союзников.

Я упомянул, что мы будем драться с японцами, — так с японцами, с американцами, — так с американцами, но делать из себя Бельгии мы не желаем, что мы жаждем мира, желая сохранить лишь вооруженный нейтралитет, что ни на Москву, ни на восток, ни на запад мы не пойдем, а получив самостоятельность с помощью Германии, мы и Юго-восточный союз поможем тем же немцам давить на Англию и на ту же Украину.

Генеральный консул в конце беседы сказал, что теперь он яснее понимает и более удовлетворен и все это доложит барону Мумм, который приедет во вторник же 16 июля нов. стиля и все донесет в Берлин.

Докладывая всю эту беседу, прошу меня экстренно телеграфом или срочным курьером уведомить, одобряете ли вы мои шаги здесь, и ориентировать меня о вашем решении гласного окончательного заявления о чехо-словаках, о котором я пишу в начале этого письма.

Вместе с сим доношу, что эти столь строгие, по моему мнению, требования со стороны Германии начать переговоры лишь после нашего определенного гласного заявления об отношении к чехо-словакам — требования парламентской германской партии; употреблю все усилия, чтобы военная партия не была бы столь требовательна и дала бы нам нами просимое, взяв с нас обязательство нейтралитета, буду добиваться, чтобы немцы первые дали нам наше желаемое, а не требовали бы с нас, ничего нам не дав, а лишь наобещав начать переговоры.

Вы же сообщите мне и пришлите ваше заявление, если обстановка на Дону заставляет уже пойти и на крайнее решение, предлагаемое немцами.

Сегодня, 29 июня, был у гетмана и поздравил его от вас с днем тезоименитства.

Слышал от него сердечные слова, просил передать вам благодарность и искреннее его желание тесной дружбы Дона с Украиной и закрепил эти слова поцелуем.

О деле сегодня много не говорили, гетман просил зайти на-днях. Все же должен доложить, что мне кажется, что Юго-восточный союз ему и Украине не нравится, они больше мечтали о присоединении Дона и Кубани, но об этом доложу в следующем письме.

Завтра получаю ноту от министра иностранных дел, в коей будут выяснены причины неудовлетворенности Украины нашей декларацией.

А. Черячукин.

Из доклада представителя Донского правительства на Украине ген. Черячукина ген. Краснову [1]).

Киев. 27 июля 1918 г. № 188.

Атаман Всевеликого войска донского!

12 июля прибыл герцог Лейхтенбергский [2]). 13 июля мы были с ним у майора Ярош, который теперь по случаю болезни Гренера замещает начальника штаба фельдмаршала Эйхгорна.

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 46, л. 63—64.

[2]) Герцог Н. Н. Лейхтенбергский — председатель миссии Донского правительства к Вильгельму II. Эта миссия была отправлена в августе 1918 г. в составе председа-

Ярош сказал, что несколько дней придется задержаться в Киеве ввиду того, что высшее германское командование теперь усиленно занято действиями на западном фронте.

Признаться, мне это очень не нравится, не есть ли это уловка, тем более, что от барона Мумма идут неутешительные сведения, что будто бы Германия не признает самостоятельности Дона...

Когда я откровенно задал вопрос Ярошу, хотят ли немцы Юго-восточного союза, он не отрицал, но все же сказал, что теперь об образовании союза напирать не следует, из чего я заключаю, что, если мы, отложивши образование союза на будущее, будем говорить только о нашей самостоятельности и нашем союзе с Украиной, дело будет лучше, а образование союза признаем теперь невыполнимым.

Вот об этом и нужно скорей письмо гетману. После, когда мы заключим союз с Украиной и получим самостоятельность, можно будет федерировать и с союзом.

Во всяком случае, я при поездке в Берлин возьму ту линию, которая одобряется немцами, лишь бы скорей добиться сохранения границ и нашей самостоятельности.

Спешно жду ответа на все эти вопросы.

А. Черячукин.

Из доклада полк. Измайлова ген. Богаевскому [1]).

Ростов н/Д. 31 июля 1918 г. № 233.

Прошу позволить мне представить правительству некоторые соображения, посвященные обзору текущих общеполитических событий и тем изменениям в международной конъюнктуре, которые обрисовываются ныне с некоторой рельефностью уже в сферах возможного и ожидаемого. Чрезвычайно показательным, как я думаю, является новейшее приятное для нашего Дона событие: признание Украиной за Доном преимущественных прав в его притязаниях на Таганрогский округ. По заявлению майора Кохенгаузена, это признание прошло под сильнейшим давлением германской дипломатии. Да иначе оно и не могло быть, потому что, как это общеизвестно, внешняя политика гетмана руководится из Бер-

теля — генерал-майора герцога Н. Н. Лейхтенбергского, зам. председателя ген.-майора Черячукина и секретаря подъесаула герц. Лейхтенбергского (сына первого). Миссия должна была передать Вильгельму II письмо ген. Краснова с просьбой: 1) о признании Дона Германией, 2) о содействии Германии в восстановлении монархии, 3) о помощи Дону оружием, 4) о нажиме со стороны Германии на Советское правительство, чтобы оно заключило мир с Доном, 5) о помощи Дону оружием и расширении границы Дона до Царицына-Каменской и пр., взамен чего Дон обязывается держать нейтралитет по отношению к немцам и предоставить Германии права «наиболее благоприятствуемой державы в делах торговых».

Миссия успеха не имела. Она была принята только Людендорфом и Гинденбургом, но не Вильгельмом, которые передали герцогу Лейхтенбергскому, что Германия официально не может признать самостоятельности Дона, не оговоренной Брест-Литовским договором, для чего советовали вступить в мирные переговоры с Советским правительством, обещая свое содействие. Они разъяснили, что официально поддержать Дон оружием Германия не может, точно так же как и поддержать монархическое движение.

Ввиду неуспеха миссии «атаман зимовой станицы Всевеликого войска донского в Германии», как герцог Лейхтенбергский называл себя, просил уволить его в отставку.

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 31, лл. 37—38.

лина и зависит всецело от германских политических деятелей. Таким образом, уступки и притом весьма ценные (сколько миллиардов стоит угольный район Таганрогского округа!) делает маленькому, еле формирующемуся Дону могущественная мировая держава Германия.

Не могу не отметить также значительного смягчения общего тона германского командования при сношениях по различным частным вопросам: уступчивости при разборе недоразумений, обещанного подвоза сахара (50 000 фунтов) для продажи его населению по сравнительно пониженной цене и, наконец, таких услуг, обещанных атаману, о которых я могу доложить лишь при личном свидании с вами, г. управляющий отделом. Все это, на мой взгляд, характерно для текущих настроений правящих сфер Германии, но для меня, по крайней мере, ничуть не неожиданно. С божьей помощью, при выдержке и с терпением, мы можем без пролития капли крови достигнуть всего, что нужно для укрепления Дона и возвеличения его правительства. Тот явный «флирт» с Доном, которым ныне занялись правители Германии, вытекает, как я думаю, из общей политической обстановки, быстро эволюционирующей в сторону весьма грозных для держав Центрального союза событий. Стратегическое положение на западном фронте для Германии весьма скоро должно сделаться критическим. Те стратегические резервы (по грубому моему подсчету — не более 1 000 000 бойцов), которыми располагала германская главная квартира после ликвидации восточного фронта, вследствие колоссальных потерь при наступлении к Парижу почти израсходованы в боях южнее Реймса и на Марне. Результаты этого последнего отчаянного штурма фронта союзников армиями фельдмаршала Гинденбурга оказались, несмотря на огромнейшие цифры захваченных пленных, на причиненные противникам колоссальные потери и на грандиозную военную добычу, в масштабе мировой войны, несущественными. Париж, обстреливаемый германскими дальнобойными орудиями, не взят, армии держав Согласия не разбиты. Напротив, собравшись с силами, главная квартира Согласия опрокинула на германские линии огромнейшие массы «цветных» воинов своих колониальных войск. Напор этих диких людей, чернокожих, бронзовых и желтокожих, повидимому, все усиливается, и победоносные армии германцев принуждены отходить все дальше от берегов той же для них несчастной реки Марны, которая им так памятна по 1914 году. «Коварный Альбион» мобилизовал против Германии весь черный континент, и теперь эти «черные миллионы» готовы задавить своей неисчерпаемой физической силой уже надломленную мощь белокурого тевтона.

Такова трагическая обстановка, которая складывается на Западе. Существенное беспокойство должны вызвать в сердцах германских политиков также серия восстаний и террористических актов в оккупированной германскими войсками Украине и гибельная для них, хотя и отдаленная еще перспектива восстановления на территории «бывшей» России восточного фронта.

Среди всего этого комплекса мрачных событий и пагубных для Германии перспектив некиим сравнительно светлым пятном является спокойная обстановка, в которой немецкие войска пребывают на Дону, черпая здесь необходимые для «фатерланда» средства пропитания и отдыхая среди спокойного пока и терпимо к ним относящегося населения. Вполне поэтому естественно, что внимание Берлина все чаще обращается в сторону той загадочной страны на далеком юго-востоке Евро-

нейской России, где пока германские дела идут так гладко и где складывается теперь еще сравнительно небольшая, но могущая развиться сила, привлечь которую на свою сторону немцам, несмотря на всю их гордость и кичливость, становится все интереснее, по мере того, как они на глазах у всего мира быстро и неудержимо слабеют.

В самой Германии, как откровенно пробалтываются вернувшиеся из отпуска немецкие офицеры, по мере ослабления — вследствие чисто физических потерь на полях сражений — рядов юнкерства, аграриев и офицеров—все шумнее и ярче выступают на сцену бюргеры и демократические элементы, нажившиеся на работах «на оборону», разбогатевшие и осмелевшие. Демократического вида грязноватая толпа, как говорят, заполняет в Берлине лучшие кафе, рестораны и театры, и бывший триумфатор берлинской улицы — офицер все больше затирается и пропадает в туманном водовороте кипящего социал-демократического людского потока. Эта сторона дела также, повидимому, влияет на общее направление внешней политики правящих классов Германии, все более нуждающихся в точке опоры против враждебных им сил, действующих извне и внутри немецких государств. Таким образом, все яснее обрисовывается новый курс политики императора Вильгельма II. Он чувствует неустойчивость своего международного положения, его военная мощь уменьшается, его трон уже пошатывается, и он ищет где-нибудь точки опоры. Из двух течений германской дипломатической мысли последних дней: одного—стремящегося поддерживать на развалинах Российской империи хаотическое состояние умов, перманентный беспорядок, дробление недавно великой державы на мелкие, между собой враждующие республики, и другого—мечтающего о восстановлении хотя бы одной только Европейской России под скипетром русского царя, т. е. поощряющего монархические тенденции, имеющие конечной целью воссоздать дружественное, экономически и политически связанное с центральными империями русское новое царство. Из этих двух течений, судя по многим признакам, за последнее время возобладало второе. Местные представители германского командования — ген. фон Арним, кап. фон Шлейниц, майор фон Кохенгаузен — в беседах со мной на общеполитические темы высказываются в этом смысле все определеннее. Сегодня майор Кохенгаузен даже высказывал надежду на то, что новая монархическая Россия зародится именно тут на Дону, на нашем юго-востоке. Реальная поддержка всяких монархических начинаний: финансовая им помощь, политическое покровительство, снабжение оружием и боевыми припасами видна на каждом шагу. Таковы попытки покровительствовать «полковнику» Всеволжскому, Астраханскому войску (кн. Тундутову), графу Келлеру, ген. Павлову и другим.

Наш Дон положительно становится фаворитом и баловнем германских «нянюшек» в том, конечно, расчете, что вооруженное германцами казачество, натерпевшееся от большевистского засилия и разочаровавшееся в химерах социализма, возглавляемое бывшими офицерами русской императорской гвардии, вполне способно составить то ядро, объединяющее монархически настроенные элементы России, вокруг которого завяжется и вырастет будущее ветвистое и достаточно сильное духовно и материально русское царство, будущий добрый сосед и союзник германской монархии и яркий противник демократических стран всего мира. Говоря языком эпоса и сравнений, израненный и

уставший в борьбе с многочисленными врагами «тевтонский лев» протягивает свою окровавленную лапу «3-х месячному русскому медвежонку», оставшемуся сиротой после смерти своей великой матери, «Большой медведицы», бывшей русской империи. «Лев» думает, что пригретый и вскормленный им «медвежонок» быстро вырастет и окрепнет настолько, что уже через несколько месяцев, быть может, ко времени окончания его борьбы с лютыми его врагами, окажется ему полезен и, кто знает, спасет «льва» от окончательной гибели.

Насколько дальновидны и справедливы эти германские расчеты, если мои предположения верны, судить, конечно, трудно, но тенденция покровительствовать казакам и всем монархическим организациям в России со стороны Германии выступает уже весьма рельефно, и не менее наглядна враждебность германцев к социальным демократическим и даже конституционным русским партиям. Так, и октябристы и «кадеты» вызывают к себе со стороны германцев определенно отрицательное отношение, всякие же оттенки социалистических течений — прямое их преследование. Итак, Германия думает, что в России «ex Oriente lux». Нужно ли нам постоянно вспоминать фразу Катона «timeo Danaos et dona ferentes». Мое личное мнение таково: германскому большому кораблю — большое плавание, с его боевой рубки пусть открываются кормчему далекие перспективы и широкие горизонты. Нам же на Дону, с нашей маленькой и утлой государственной ладьей, с потрепанными и изорванными политическими бурями парусами, нужно плыть за германским броненосцем в кильватере, прикрываясь от ветров его бронированными бортами и мечтая пока лишь о тихой пристани и хорошем доке, прибыв куда мы могли бы починить и надстроить над нашими низенькими бортами еще хоть несколько палуб и наростить борта. Тогда, если бог будет милостив, быть может, и выйдет из нашей маленькой посудины корабль русский хоть куда. Загадывать же, с какими мореплавателями мы впоследствии будем дружить, еще не время. Быть может, с немцами, а может быть, и с другими — с кем будет выгоднее. За услугу германцев мы платим своим хлебом и спасаем их от голодной смерти и этим, по справедливости, расчеты можно и закончить. Воспользоваться же так явно предлагаемой помощью, право слово, стоит: этого требует реальная политика и политика здорового государственного эгоизма.

Генерального штаба полковник Измайлов.

Из рапорта ген. Измайлова ген. Богаевскому [1]).

Ростов н/Д. 22 ноября 1918 г. № 1571.

Секретное. Спешное.

Вчера я докладывал вам по телефону о том, что по условиям расквартирования войск 215 пех. дивизии (германской) немцы в Луганске сдавать нам остающиеся обозы, лошадей, амуницию, артиллерию, оружие и снаряжение никак не могут и что они просят сдачу всего этого материала произвести на станции Криничная. В Кантемировку приемщика они просят тоже пока не посылать. Сегодня у меня были командированные начальником артиллерии — полковник Леонов, ко-

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 31, лл. 104—105.

торого я направил в Криничную, и полковник Беляев, которому я сообщил, что в Луганск ехать вообще не придется, а в Кантемировку пока еще ехать рано и нужно ждать уведомления.

Внезапно ко мне пришел майор фон Кохенгаузен и сообщил следующую печальную весть: германское командование согласно передать воинское снаряжение, но ввиду настроения солдат (германских) против продажи Донскому правительству испрашивается назначение посредников (einverstanden, Stimmung der Mannschaften jedoch gegen Donkosakenverkauf daher nur durch Mittelpersonen namen erbiten).

Майор пояснил, что эти посредники должны быть какими-нибудь совершенно частными людьми, купцами или комиссионерами, но никак не офицеры или чиновники Донского войска. Другая шифрованная депеша, полученная майором фон Кохенгаузен из Харькова, сообщает, что в штабе 1-го армейского корпуса в Харькове имеется «до десяти тысяч карт различного масштаба местностей между Киевом, Крымом и Волгою, подлежащих продаже, если донское казачество пришлет желающих купить их посредников».

Таким образом, в германских войсках образовались уже солдатские «совдепы», которые к Дону относятся определенно враждебно, не желая снабжать нас военным снаряжением. Поэтому всякие командировки приемщиков-офицеров как в Криничную, так и в Кантемировку для непосредственного приема снаряжения ныне исключаются, а к делу должны быть привлечены покупатели-посредники, может быть, через отдел торговли и промышленности.

В Харьков — за покупкой карт и снаряжения, передаваемого нам штабом 1 армейского корпуса, тоже придется послать частного человека. В Кантемировке же предполагалось передать нам снаряжение тех германских частей, которые занимали демаркационную линию между Белгородом и Кантемировкой (2-я кавалерийская дивизия и др.). Передача эта по случаю настроения германских солдатских советов возможна также при посредничестве лишь частных лиц.

О столкновении нашей сотни у ст. Аллеатной с «петлюровцами» я вам вчера докладывал, так же как и о просьбе германского командования, чтобы не вызывать озлобления в Харькове, не посылать наши части так далеко.

Майор предполагает все же оставаться пока в Ростове, просит защиты и покровительства Донского правительства и рассчитывает быть еще полезным Дону в деле ликвидации разных незаконченных еще вопросов и, насколько это в его силах, содействовать снабжению нашей армии для успешного продолжения борьбы с большевизмом.

Генерального штаба генерал-майор Измайлов.

Рапорт ген. Измайлова управляющему отделом иностранных дел.

Ростов н/Д. 21 декабря 1918 г.

Прибывший из Харькова начальник штаба партизанского отряда полковника князя Эристова полковник Федоров, который по поручению генерала Кирьянова был командирован вместе с г. Молдавским и несколькими офицерами для покупки у германцев оружия и снаряжения, передал мне некоторые подробности о своей поездке. Покупка,

как известно, решительно не удалась. Первый поезд в составе 27 вагонов, который удалось погрузить на ст. Мерефа после больших затруднений, сомнений и торга с представителями германского командования, сопровождался до Лозовой одним лейтенатом и 10 вооруженными людьми германского конвоя.

Паровоз, заказанный на последней станции, однако был взят одним из начальствующих лиц петлюровского отряда, а потому поезд с боевым снаряжением не мог быть отправлен дальше тотчас после прибытия в ночные часы, когда чины петлюровского гарнизона ст. Лозовой (до 500 человек) крепко спали. На другой день отправить поезд уже оказалось невозможно, потому что он возбудил подозрение и своим видом и тем, что накладные оказались заготовленными на имя «Донского правительства». Несмотря на самое энергичное вмешательство немецкого лейтенанта и на бодрое настроение прочих чинов конвоя петлюровцы не позволили поезду следовать на ст. Никитовка, конвой принужден был уйти, а русские офицеры (полковники Федоров и Антонов) вынуждены были даже прятаться и скрытно бежать. Полк. Федоров утверждает, что поезд легко мог отстоять прибывший к этому времени на ст. Лозовую штаб германской 215 пех. дивизии, так как в местечке находилось до 5 батальонов германской пехоты, но ни настроение штаба, ни состояние германских батальонов не соответствовали нужным условиям для действий против плохо вооруженной и трусливой банды петлюровцев, а потому поезд с весьма ценным грузом, среди которого были и русские снаряды и свыше 3 миллионов винтовочных патронов, был взят петлюровским помощником атамана и отправлен им в Полтаву. Полковник Федоров не надеется также на то, чтобы поезд в 50 вагонов, погруженных в Харькове, следовавший в Славянск, мог быть доставлен на Дон. По его мнению, поезд этот либо расхищен петлюровцами, либо, в лучшем случае, будет взят Добровольческой армией. Таким образом, экспедиция за снарядами в Харьков не удалась. Если бы однако удалось уговорить главную квартиру Добровольческой армии пропустить харьковскую группу германских войск через Донскую область в Новороссийск, как об этом хлопочет майор фон Кохенгаузен, то, как говорит полковник Федоров, нам и добровольцам досталась бы вся артиллерия германцев, все их пулеметы и богатый комплект патронов и снарядов.

Генерального штаба генерал-майор Измайлов.

Из истории семеновщины в 1919 г.

Омский переворот 18 ноября 1918 г., установивший диктатуру адмирала Колчака, сильно обострил противоречия внутри контрреволюционного лагеря. В то же время этот переворот вызвал резко отрицательное отношение со стороны империалистических кругов Японии.

Установление этой военной диктатуры ни в коей мере не соответствовало японским планам захвата дальневосточных областей Советской России. Поэтому, проводя, в противоположность империалистам Антанты, политику поддержки сепаратистских тенденций авантюристов и проходимцев типа Калмыкова, Семенова, Унгерна и др., японские империалисты сочли для себя целесообразным противопоставить Колчаку наиболее удачливого из этих «атаманов» — Семенова. Уже 27 ноября 1918 г. министр иностранных дел Японии маркиз Като телеграфирует в Читу атаману Семенову: «Японское общественное мнение не одобряет Колчака. Вы протестуйте ему [!]» [1]).

Этой телеграммой, поддержавшей отказ Семенова признать Колчака верховным правителем [2]), и был в сущности развязан так называемый «Читинский конфликт», сыгравший большую роль в упрочении власти Семенова и вообще «атаманщины» на Дальнем Востоке, принесшей неисчислимые бедствия дальневосточному пролетариату и крестьянско-казачьей бедноте.

«Читинский конфликт» определился, с одной стороны, активными действиями атамана Семенова, выразившимися в перерыве телеграфной связи Омск—Владивосток и в задержке военных грузов, и с другой — приказами Колчака №№ 60 и 61 от 1 декабря 1918 г., объявлявшими атамана государственным изменником и отрешавшими его от командования 5 корпусом с преданием военно-полевому суду [3]).

Дальнейшее течение конфликта, грозившего перейти в вооруженное столкновение, было направлено под давлением представителей союзных держав в русло предоставления Семенову возможности «оправдаться от возводимых на него тяжких обвинений» [4]).

Поддерживаемый негласно Японией, атаман занял по отношению к назначенной Колчаком чрезвычайной следственной комиссии настолько независимую позицию, что комиссия очень скоро поняла бесцельность своей деятельности «при тех ограни-

---

[1]) ЦАОР, ф. № 200, д. № 145, л. 78.

[2]) В телеграмме, посланной 23/XI за № 139/а председателю совета министров Вологодскому, Хорвату и Дутову, Семенов в объяснение своей позиции писал: «Адмирал Колчак, находясь... на Дальнем Востоке, всячески старался противодействовать успеху моего отряда..., а посему признать адмирала Колчака, как верховного правителя, не могу. На столь ответственный перед родиной пост я... выставляю кандидатов ген. Деникина, Хорвата и Дутова». (ЦАОР, ф. № 162, д. № 5, л. 9).

[3]) ЦАОР, ф. № 200, д. № 145, л. 123.

[4]) Отношение упр. мин. иностр. дел Сукина представителю США Гаррису от 30 января 1919 г. № 119 (ЦАОР, ф. № 200, д. № 146, л. 27).

ченных условиях, в которые она поставлена», и потребовала от колчаковского правительства своего отзыва [1]).

Как известно, «Читинский конфликт» кончился полной победой Семенова, лишь формально признавшего прерогативы омских правителей [2]): бандит Семенов, недавний «государственный изменник», охарактеризованный своим же соратником, как «отрицательная личность», в организации которого царят «пьянство, кутежи, произвол» [3]), не только восстанавливается в правах, но и получает повышение по службе — пост помощника командующего войсками Приамурского военного округа [4]).

Этот акт «верховного правителя» усилил внутренние трения в растленной белогвардейской среде, наиболее дальновидные представители которой естественно пытались скрыть от европейского общественного мнения кошмарные проявления «истинно-русского» генеральского экстремизма.

В секретной телеграмме за № 59 от 26 июля 1919 г. на имя управляющего министерством иностранных дел Сукина русский посланник в Пекине Кудашев писал: «Не считаю себя в праве скрыть от вас то удручающее впечатление, которое произведет на Дальний Восток и заграницу подобная мера правительства, как бы санкционирующего самое худшее проявление власти и атаманщину» [5]).

Публикуемый ниже документ — протокол допроса чрезв. следственной комиссией Омского правительства сподвижника Семенова ген.-майора Шильникова — ярко рисует целый ряд деталей «патриотической деятельности» атамана, вскрывающих систему произвола и диких насилий сибирской белогвардейщины, систему, царившую в атаманских «вотчинах» в своем наиболее концентрированном виде.

Ген.-майор Шильников, один из самых крупных представителей внутрисеменовской оппозиции, занимавший в так называемом «Временном Забайкальском областном правительстве» атамана Семенова пост управляющего военно-административной частью, проявил максимально возможную для этого «патриота» противобольшевистской борьбы объективность в освещении внутренней обстановки, создавшейся в семеновской армии.

Причины такой «объективности» совершенно ясны. Сам Шильников в своих показаниях недвусмысленно их раскрывает: командир Забайкальской казачьей бригады, он пользовался немалой, очевидно, популярностью среди забайкальского казачества и офицерства и выдвигался кое-кем в кандидаты на тот самый пост командира отряда, который занимал Семенов. Беспристрастие ген. Шильникова кончается однако там, где он должен был бы характеризовать свою собственную деятельность, свои интриги, которые он, несомненно, вел против Семенова, допустившего его к работе в отряде лишь по настоянию союзных агентов. О своей «позитивной» деятельности Шильников совершенно умалчивает, выдвигая лишь момент оппозиционной борьбы против «безобразий, творившихся в отряде».

Чрезвычайно характерно, что, касаясь внешнеполитической стороны деятельности атамана Семенова, Шильников держится строго союзнической ориентации. Он категорически осуждает как антирусское семеновское «тяготение к Японии», пытаясь одновременно обелить вождей Колчаковии, якобы стремившихся «обойтись в борьбе

---

[1]) Телеграмма адм. Колчака ген. Иванову-Ринову без даты и номера (ЦАОР, ф. № 200, д. № 146, л. 117).

[2]) Приказом № 136 от 27 мая 1919 г. Колчак отменил свой приказ № 60. Семенов телеграфировал Колчаку: «Счастлив донести вашему высокопревосходительству, что ваше справедливое решение ликвидировало последние шероховатости общегосударственной работы по созданию великой, единой и неделимой России» (ЦАОР, ф. № 200, д. № 146, л. 262).

[3]) См. ниже стр. 142.

[4]) Подробнее о «Читинском конфликте» см. Сперанский, «Роль Японии в истории сибирской атаманщины», «Вестник Наркоминдела», 1922, № 1—3, стр. 113.

[5]) ЦАОР, ф. № 200, д. № 145, лл. 180—181.

с большевиками своими русскими силами, при денежной и материальной помощи со стороны союзников» [1]). Здесь «объективный» генерал не замечает таких фактов, как участие чехо-словацких частей в боях на «восточном» фронте, поддержка иностранными отрядами колчаковских карательных экспедиций, участие английского генерала Нокса в организации колчаковского переворота и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что в показаниях ген. Шильникова, там, где они касаются порядков, царивших в семеновской армии, все без исключения факты документально обоснованы: достоверность их, таким образом, не подлежит никакому сомнению. Самые документы, на которые делает ссылки Шильников, в настоящей публикации за недостатком места опущены.

Печатаемый документ хранится в Центральном архиве Октябрьской революции (фонд № 178, дело № 1, лл. 26—38).

Вл. Елагин.

Протокол допроса ген.-майора Шильникова чрезвычайной следственной комиссией Омского правительства 25—27 февраля 1919 г.

1919 г., февраля 25—27 дня, в Иркутске член чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий полковника Семенова и подчиненных ему лиц допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. ст. устава угол. суд., причем он показал:

Ген.-майор Иван Федорович Шильников, 42 лет, православный, начальник Иркутской конной бригады, проживаю в Иркутске, Амурская, 15; не судился, полковнику Семенову посторонний.

1 февраля 1918 г. я, вследствие непризнания советской власти, был отчислен от командования 2-й отдельной Забайкальской казачьей бригадой. Около месяца скрывался в окрестностях г. Читы, а 4 марта приехал на ст. Манчжурия, где в то время был отряд атамана есаула Семенова, и с тех пор до сентября я находился в районе действия и расквартирования этого отряда. Еще будучи в Чите, я слышал много нехорошего о действиях и поведении семеновского отряда—о расстрелах без суда и следствия, об отобрании всего обмундирования (донага) у проходящих домой солдат, о беспощадной порке, даже офицеров, и пр., почему я, по приезде в Манчжурию, не заявил ему о желании служить в его отряде, а хотел сначала проверить все слышанное.

От такого заявления меня удерживало и другое обстоятельство: еще будучи в Чите, я письмом просил есаула Семенова указать способ, которым я бы мог ему давать сведения о большевиках из Читы, на что не получил никакого ответа. По приезде же в Манчжурию я узнал и о причине этого —оказывается, группа забайкальских офицеров, знавшая меня по прежней службе, ожидала и открыто высказывала желание видеть меня, если не начальником отряда, то начальником штаба. Зная мою популярность среди забайкальских казаков, стоящие у власти, очевидно, были испуганы этим, как бы я своей фигурой не заслонил их, и поэтому не желали моей помощи. Я, чтобы не разрушать как будто налаживающееся дело, заявил начальнику штаба отряда полковнику Нацвалову, что я приехал не для занятия какой-либо должности, а чтобы жить спокойнее, но всегда готов помочь безымянно

[1]) См. ниже стр. 143.

Я слишком дорожил своим именем, чтобы брать ответственность на себя за все, что творилось в отряде.

16 марта в Манчжурию приехал советник российского посла в Пекине Владимир Владимирович Граве и английский военный агент в Китае полковник Робертсон и совместно с французским военным агентом капитаном Пильо произвел смотр частей отряда. По словам полковника Робертсона, сделавшего это заявление в присутствии моем, бывшего члена Государственной думы от Забайкальского казачьего войска, а ныне управляющего Забайкальской областью Сергея Афанасьевича Таскина и капитана Пильо, он вынес тяжелое впечатление, что все похоже на игру в солдатики, все делается несерьезно, бессистемно, неумно,—почему военные агенты Англии и Франции и советник посольства Граве просили меня помочь отряду работой и поступить в отряд. Мною было заявлено, что на роль простого работника, не могущего влиять на поведение чинов отряда, я пойти не могу, не желая нести ответственности за все безобразия; а так как я вполне сочувствую идее борьбы с большевизмом, я согласен работать и помогать, не входя в состав отряда. Решено было, что я составлю план мобилизации забайкальских казаков по мере продвижения отряда и самый план наступления отряда со ст. Манчжурия на Читу—Иркутск, и по просьбе есаула Семенова 21 марта приступил к работе.

По занятии ст. Борзя [1]) отрядом есаула Семенова, решено было объявить Временное забайкальское областное правительство, в состав которого вошли: атаман Семенов — командующим отрядом, я—управляющим военно-административной частью и Сергей Афанасьевич Таскин—управляющим гражданской частью в области. Войдя в состав правительства, я стал более настойчиво требовать изменения поведения: так, чтобы прекратить пьянство, по моему настоянию, поддержанному Таскиным, было воспрещено подавать водку в столовую атамана и штаб отряда, наказан подъесаул Бирюков за то, что на пасхе побил помощника начальника ст. Бырка, заявлен протест на расстрел казаков Могайтуевской станицы по приговору полкового суда, открытого командиром сотни сотником Стрельниковым без всякого полномочия атамана и некоторых др. В результате мне пришлось уйти. Официальным поводом был мой руководящий приказ № 4 забайкальским казачьим полкам, которые в период мобилизации подчинялись мне.

Начальник юридического отдела Волгин телеграфировал атаману Семенову в Харбин, что ген. Шильников вводит выборное начало и комитеты, и просил разрешения арестовать меня. Это мне сообщил чиновник министерства иностранных дел Николай Кузмич Эльтеков, находящийся сейчас в Омске при министерстве иностранных дел. Кроме того им же был подан рапорт атаману, о содержании которого я узнал из большевистской газеты «Забайкальский рабочий» от 28 июня за № 122. Получив это донесение, атаман из Харбина телеграфировал мне, чтобы я не вводил выборного начала и выехал из штаба отряда в тыл.

---

[1]) В апреле 1918 г. отряд Семенова перешел манчжурскую границу и начал наступление против советских войск Забайкалья, чем было положено начало так называемому Забайкальскому фронту. После первых успехов семеновцы встретили серьезное сопротивление Красной армии. (Главнокомандующим этим фронтом был военный специалист б. поручик С. Е. Лазо, организатор Красной гвардии в Забайкалье и Приамурье.) В ряде боев отряд Семенова был разбит и отброшен обратно в Манчжурию (Парфенов, «Гражд. война в Сибири», изд. 2, стр. 21).

Надо заметить, что приказ мой № 4 был предварительно опубликования просмотрен в черновике атаманом Семеновым и Таскиным и никаких замечаний не вызвал.

По возвращении атамана Семенова и Таскина из Харбина, я заявил о своем уходе из состава правительства, но их уговоры и телеграмма посла в Пекине кн. Кудашева заставили меня официально остаться в составе правительства, но совершенно устраниться от всякой работы в отряде, и я выехал в отпуск на ст. Манчжурия и Хайлар.

Перед уходом мною подано заявление от 2 июня за № 16, при каких условиях возможно мое возвращение в состав правительства. Из этого заявления видно, против каких неправильностей и незакономерностей я протестовал.

Близко стоя к отряду, я наблюдал, между прочим, следующие незакономерности и непорядки в отряде:

1. В марте месяце в харбинских газетах печатался отчет съезда союза профессиональных служащих Китайско-Восточной железной дороги, где было неоднократно высказано, что прапорщик Борщевский из мести без суда расстрелял на ст. Бухеду доктора Григорьева, и несмотря на это Борщевский все время оставался на службе, наводя террор на население.

2. Тоже в газетах «Новости жизни» и «Вестник Манчжурии» около 13 марта делаются прозрачные намеки на то, что покушение на председателя Харбинского городского исполнительного комитета Вольфовича произведено чинами семеновского отряда.

3. Около 8 апреля офицеры семеновского отряда подъесаул Зимин, корнет Кульев, хорунжий Сокович и вольноопределяющийся Заксон в Харбине произвели обыск в гостинице и отобрали у греческого подданного опий. Об этом знает капитан Пильо, защищавший интересы пострадавших.

4. 26 марта открылась панама железнодорожного отдела отряда. Начальник отдела инженер Бурхардт, в компании с хорунжим Каблуковым и артистом Томашевским, реквизировал на ст. Манчжурия несколько вагонов чаю и электрических принадлежностей и все это обратил в свою пользу. Часть виновных скрылась, а инженер Бурхардт арестован, предан суду и приговорен в арестантские роты, но 18 июня уже снова гулял на свободе.

5. 31 марта начальник автомобильного отряда поручик Подгорецкий на отрядных автомобилях перевозил за деньги частный груз в Монголию, несколько автомобилей испортил, засадил в песок, и к моменту наступления автомобилей исправных оказалось недостаточно, и за это он почти не был наказан.

6. По городу ходили слухи о больших взятках, которые берутся комендантским управлением, так, комендантский адъютант хорунжий Цареградский за 385 руб. выпустил с гауптвахты важного преступника.

7. В конце мая товары, конфискованные Манчжурской таможней на несколько миллионов рублей, были реквизированы отрядом. Для учета их был назначен унтер-офицер Погадаев, чиновник таможни Горецкий и др. Погадаевым из числа реквизированного товара продано манчжурскому купцу Суринову 26 пудов опию по 100 рублей кусок, цена которого не менее 400 руб. Предполагали, что Суринов должен на этом заработать ½ милл. рублей. Часть товара предполагалось вывезти в склады, нанятые Погадаевым, но Таскин наложил печати на таможен-

ные склады и товары взял на свой учет. Погадаев вместо предания суду получил командировку в Могайтуй. Это все в подробностях известно С. А. Таскину, от которого я все это и узнал.

8. В конце июня в Харбине был убит семеновского отряда хорунжий Кабанов, в кармане у него оказалось 131 тыс. рублей. Оказывается, он в Харбине продавал накладные на сырые кожи, которые в количестве 29 вагонов кто-то реквизировал в Хайларе у товарищества «Скороход». Атаман Семенов заявлял в газетах, что ему о реквизиции кожи ничего неизвестно. Говорили, что реквизиция произведена есаулом бароном Унгерн-Штернбергом [1]), который был тогда начальником гарнизона г. Хайлара. Дело это известно прокурору Заамурского окружного суда. Оно заглохло. Это известно С. А. Таскину, он с Волгиным выезжал по этому поводу в Харбин.

9. В Даурии в начале июня, по распоряжению есаула Тирбах [2]), был продан двухэтажный дом; на протест по этому поводу управляющего гражданской частью Таскина [Тирбах] ответил, что ему кроме атамана никто не может приказывать.

10. В начале апреля отрядом были взяты деньги Манчжурской таможни и сберегательной кассы и записаны на приход не общей кассы отряда и не на учет интенданта, а на учет начальника юридического или политического отдела. Капитан Пильо тогда протестовал, он требовал деньги сберегательной кассе возвратить, а таможни — записать на учет интенданта, просил меня поддержать его; я об этом говорил, еще не состоя в правительстве, но протест этот остался без удовлетворения, лишь деньги сберегательной кассы были возвращены.

11. Отрядом проданы в Хайларе и Фулярди электрическая станция и бараки пограничной стражи, а в Даурии строительный материал. Это подробно известно ген. Оглоблину [3]).

12. В начале июня был реквизирован в большом количестве табун [лошадей], скот и бараны у казаков Цаган-Олуевской станицы, якобы большевиков, с тем, чтобы, как говорил Таскин, после свержения большевиков из этого стада выдать казакам, потерпевшим от большевиков. Скот этот в несколько десятков тысяч голов был известен Таскину. Много лошадей из этого табуна оказалось потом у извозчиков в Манчжурии, много взяли офицеры Даурского полка и штаба отряда,—напр., у сотника Сергеева в то время было 7 молодых полукровок, есть и здесь в Иркутске, напр., у ген. Оглоблина. Это может подтвердить сотник 1-го Забайкальского казачьего войска Воросов Иван Никонович и казак Манчжурской станицы Дмитрий Аникеев.

По словам казака Дурулгуевской станицы Лазаря Протасьевича Вронникова, Погадаев купил хорошего рысака за 10 кобыл, взятых из так называемого большевистского табуна.

В начале августа, по распоряжению есаула барона Унгерн-Штернберга, прапорщик Жуч пригнал 18 тысяч баранов приаргунских ста-

[1]) Сподвижник Семенова, сформировавший в Монголии «дикую дивизию». Своими бандитскими налетами и невероятными жестокостями Унгерн держал в постоянном страхе жителей Монголии и Южного Забайкалья. В середине 1921 г. его отряд был разбит народно-революционной армией ДВР, а сам Унгерн захвачен в плен и расстрелян.

[2]) Один из самых близких к атаману Семенову офицеров, непосредственный исполнитель его «ответственных поручений».

[3]) Начальник гарнизона ст. Манчжурия.

ниц Дуроевской и Зоргольской, тоже якобы большевистских. В числе пригнанных оказалось много баранов офицеров и казаков, служащих в отряде Семенова, напр., прапорщиков Пинигина, Якимова и др. и многих лиц, хотя и не служащих в отряде, но явных противников большевиков, как, напр., у классного фельдшера Кузьменко с Цурухайтуя угнали породистых баранов-мериносов. Правда, этих баранов вернули, но неполностью, так как часть уже потеряли или продали, а часть испортили, смешав с самцами и несвоевременно оплодотворив. Это могут подтвердить указанные выше хозяева, а также казак Шарасунского поселка Деревцов и много казаков-беженцев Абагайтуевской, Чиндантской и др. станиц. Скот этот пострадавшим от большевиков не выдавали, от этого отказались уже в августе, когда Таскина в отряде не было уже. 22 августа начальник снабжения отряда подполковник Афанасьев заявил и. д. председателя войскового правления Гордееву Захару Ивановичу, что скота раздавать населению не будем, так как его не так много: 700 рогатого скота, 2 500 табуна и 17 тыс. баранов, между тем его было гораздо больше; во-вторых, нужны деньги—часть лошадей будет взята в отряд, часть скота и баранов нужно для продовольствия отряда, а часть нужно продать: «Я,—говорит,—и без того хотел предложить атаману сдать какую-нибудь концессию, чтобы добыть деньги». Между прочим, на вопрос Гордеева, что сделано со скотом, реквизированным в приаргунских станицах 30 июля, подполковник Афанасьев ответил: «О, этого вопроса, батенька, не поднимайте, ведь это сделал барон, не спрашивайте, и где этот скот. И я не могу вас уверить, что он при движении вперед и в области не реквизнет».

На вопрос Гордеева:—«Разве вы, как начальник снабжения, не можете воспретить?» ответил: «Нет, батенька, если я об этом заявлю, то мой чуб пострадает. Тут есть особый пункт, которого касаться нельзя».

Сам же атаман Семенов еще раньше этого на заявленце Гордеева о недопустимости грабежа скота у приаргунских станиц, сказал: «Оставь, пожалуйста, это в покое, все это изменится».

13. У казака Цагано-Олуевской станицы Ключевского поселка Геннадия Белокопытова был отогнан семеновским отрядом табун в числе 1½ тысяч голов. Сам он был арестован. Когда он был выпущен с гауптвахты и заявил о том, что большая часть его табуна расхищена, то ему ответили: «Благодарите бога, что вы остались живы, и считайте, что вы этот табун подарили отряду». Была отдана благодарность в приказе по отряду Белокопытову за подаренные 200 лошадей.

14. Порка была введена в систему,—больше всего этим занимался есаул Унгерн-Штернберг со своими помощниками прапорщиками Еремеевым и Шадриным и подхорунжим Бурдуковским, которого в отряде не иначе называли, как «палач». Пороли даже офицеров; так, в марте в Хайларе выпороли полковника, фамилию забыл; в сентябре и октябре выпороли есаула Баева, об этом рассказывал сотник Костромин в присутствии прапорщика Березовского и полковника Новикова; последний—в Иркутске, остальные в Забайкалье.

11 августа, по распоряжению того же барона, в Хайларе выпороли начальника участка инженера Васильева, что может подтвердить, кроме хайларских жителей, полковник Кобылкин Ал. Васильевич.

15. Барон Унгерн не позволил комиссии, назначенной управлением Китайско-Восточной железной дороги, произвести ревизию Хайларского общественного управления. Председатель общественного управ-

ления Спичников — представитель богатой немецкой фирмы, сестра его жены живет с бароном. Могут подтвердить Вадаков в Хайларе и полковник Кобылкин.

16. В начале августа Кругликов в Хайларе подал через начальника войскового штаба есаула Шароглазова заявление, что его брат был осужден к расстрелу, но приговор в Маньчжурии не приведен в исполнение, а его перевезли в Хайлар,— здесь помощник начальника гауптвахты ротмистр Каменев предложил брату внести 100 тыс. руб., тогда атаман освободит осужденного, но так как таких денег он достать не мог, то брата казнили. Это заявление было передано атаману. Поэтому или нет, но через несколько дней (20 августа) он уволен с этой должности и назначен начальником уголовно-сыскного отделения, а впоследствии, по занятии Читы [1]), он назначен начальником областной милиции, в каковой должности состоит, кажется, и сейчас. В конце августа в газете «Новая жизнь» появилось письмо жены казненного Кругликова, с подробным изложением, как ротмистр Каменев вымогал 100 тыс. рублей за освобождение ее мужа.

17. Хозяйство и денежная отчетность велись в беспорядке: напр., в марте выводится приказом в расход 36 тыс. рублей, неизвестно кому выданных подъесаулом Тирбах, так как подписи на расписках неразборчивы, и неизвестно для какой надобности [они выданы]. Это представляется иностранным агентам, которые в ужас приходят. Знает капитан Пильо.

В марте уже было 216 тыс. рублей выдано по документам, и даже большие и влиятельные лица, как инспектор артиллерии ген. Никонов и подъесаул Тирбах, не погашали своевременно,—в апреле и мае было несколько приказов с напоминанием.

В мае документов уже на 400 тыс. рублей. Оправданием служат лишь расписки в получении, а на что израсходовано, неизвестно. Учета людей и лошадей никакого не было: требовалось довольствие и отпускалось без всяких оправдательных документов, — напр., в апреле и мае, чтобы составить требование, посылались из штаба отряда адъютанты, которые объезжали все роты и сотни и записывали, сколько у них людей и лошадей. Широкое поле для злоупотреблений.

Когда я вступил в правительство, выписал начальником снабжения и тыла бывшего командира 2 Читинского полка, Забайкальского казачьего войска полковника Силинского, человека безукоризненной честности, экономного, твердого и требовательного и знающего хозяйство. Он, назначенный атаманом, энергично взялся за приведение в порядок хозяйства и отчетности, что не понравилось особенно интенданту

[1]) К началу августа 1918 г. советская власть пала почти во всех городах Сибири и Дальнего Востока. Сопротивление продолжалось вплоть августа—сентября лишь в Забайкальской и Амурской областях вследствие лучшей организации здесь Красной армии, руководимой военными специалистами — Лазо, Велижевым и др. (Парфенов, «Гражд. война в Сибири», изд. 2, стр. 27). Чита была взята чехо-словаками и войсками Сибирского правительства 26 августа, а 28 августа на конференции советских деятелей на ст. Урульга было принято решение о ликвидации борьбы «с врагом организованным фронтом» (Минц, «Японская интервенция в 1918—22 г. в документах», сб. Центрархива, стр. 80). Последний центр советской власти — Благовещенск — пал 18 сентября. Авангард семеновских войск вошел в Читу непосредственно после «воссоединения чехо-словацких и сибирских войск с военными силами Дальнего Востока», состоявшегося 3 сентября 1918 г. на ст. Оловянной Забайкальской железной дороги (ЦАОР, ф. № 178, д. № 14, л. 2).

полковнику Бирюкову, хорошему строевому офицеру, но пьянице и картежнику, с широкой натурой, не признающей кропотливой отчетности, и с помощью других лиц через месяц его убрали. Хозяйственные непорядки он может хорошо осветить.

18. Было большое стремление к широким штатам и большим окладам,—напр., в начале марта на 4 орудия был инспектор артиллерии, командир дивизиона и батареи; для охраны железной дороги в 200 верст на 72 казака охраны ген. Никонов установили штат в 5 офицеров штаба.

С 1 июня [были] назначены командиром 3 Даурского полка подъесаул Савельев и помощником [его] Левицкий; отпускалась ежемесячно приличная сумма на расходы, а полка, по крайней мере, до конца августа не было. Интендант Бирюков будто бы даже протестовал против этого.

19. Когда авангард семеновского отряда под начальством полковника Артамонова прибыл в Читу, где в это время находилась сотня красильниковского отряда есаула Жадовского [1]), то начали бесследно исчезать некоторые лица, — напр., есаул Кобылкин, Виталий и родственник полковника Бакшеева, Алекс. Прокловича, ныне командира бригады Забайкальской дивизии, фамилию не знаю, и много других. Об убийстве есаула Кобылкина может показать заведующий Забайкальской заводской конюшней ротмистр Вазагов. В конце сентября в Чите, в районе казарм бывшей искровой роты милицией было открыто 15 трупов, большинство с отрубленными головами. Об этом знает бывший начальник областной милиции Костылев.

Когда я прибыл к арестованным на ст. Манчжурия 5 октября, то там были арестованы около 10 офицеров сотни Жадовского, в том числе штабс-ротмистры Танков, Корсунский, Штюрмер, корнет Стронге, по обвинению в убийстве офицера на ст. Манчжурия и вообще в убийствах в Чите, но через несколько дней после приезда из Читы чинов контр-разведки отряда Семенова корнетов Корнеева и Мокроносова были освобождены. Тогда же говорили: освободили потому, что в этих убийствах были замешаны упомянутые чины контр-разведки и другие чины семеновского отряда. Об этом более подробно и точно должен знать ген. Оглоблин, бывший тогда начальником гарнизона Манчжурии, знает ротмистр Вазагов, отчасти знает полковник Новиков и штабс-капитан Егоров, отец которого имеет торговлю в Иркутске на Нестеровской улице. Об этом, а также о самочинном увозе из Читинской тюрьмы и избиении арестованных подъесаулом Стрельниковым и Филипповым знает бывший областной комиссар Флегонтов Антон Матвеевич [2]) и бывшие арестованные полковник Новиков, полковник Маклаков, подполковник Русинов и прапорщик Вакулов.

20. О вымогательстве, взятках и порке на гауптвахте, о том, как содержавшихся под арестом женщин водили на допрос по ночам, как возвращались эти женщины в 12 часов ночи и позже заплаканные, как арестованная сестра милосердия Гарет побила морду ротмистру Каменеву за приставание, как вещи и деньги расстрелянных делятся чинами гауптвахты, напр., чемоданы и др. вещи Файбусова [3]), несмотря

[1]) Отряд входил в состав войск Сибирского правительства.

[2]) Флегонтов был областным комиссаром Сибирского правительства по Забайкальской области.

[3]) Начальник политического отдела семеновского отряда, расстрелян Семеновым 16 августа 1918 г. См. ниже, стр. 140.

на завещание выдать сестре Гарет, были взяты начальником гауптвахты подполковником Лутовиновым, как следователи и прокуроры приносили арестованным женщинам шоколад, как начальник гауптвахты подполковник Лутовинов отправил в Читу 6 вагонов товару, взятого из таможни—шелк, карты, коньяк и проч., могут показать полковник Новиков, штабс-капитан Егоров в Иркутске, прапорщик Березовский и чиновник Колосов в Чите. Рассказ об этом от этих лиц слышал и Флегонтов.

21. Те же арестованные Маклаков, Русинов, Давыдов и Вакулов говорили, что в октябре на ст. Борзя полевым судом освобождали заведомых комиссаров, как, напр., Мальцев, или как впоследствии был освобожден Давыдов, бывший председатель Читинского исполнительного комитета, и вновь посажен только после того, как об этом стали писать в газетах, и, наоборот, простых казаков, повидимому, за пустяки расстреливали.

22. Полковник Новиков и чиновник Колосов в октябре рассказывали, что сестру Гарет последнее время держали под арестом и выпытывали у нее дневник казненного Файбусова. Будто бы этот дневник на 400 страницах имеет много интересного,—напр., записаны дословно переговоры атамана Семенова с японцами или разговоры самого Файбусова с японцами, которые он вел как начальник политического отдела от имени атамана, и др. дела и деятельность отдельных лиц. Говорят, дневник находится в надежных руках. Это несколько подтверждает то, что жена полковника, ныне ген.-майора, Нацвалова, Зинаида Александровна (Чита, Ивановская ул., дом Западворова) говорила еще 7 июля. Между прочим, она говорила, что у атамана Семенова имеется договор с японцами, по которому им отдаются в разработку все золотые прииски в Забайкалье, а атаману Семенову выплачивается 5% с валового дохода [1]); что у него много денег положено на чужие имена. Он старается избавиться от тех лиц, которые это знают; в числе этих лиц называют Файбусова, убитого хорунжего Кабанова, барона Унгерна, Тирбах и Шадрина. Мне же лично она говорила 14 июля, что у нее много документов, есть сфотографированные договоры Семенова с японцами [2]). Может быть, все это объясняет, почему с Файбусовым поступили так жестоко,—он был виновен не больше, чем полковник Загоскин и инженер Бурхардт или Погадаев, — ему ставилось в вину, что он совместно с полковником Загоскиным склонил броневики уйти из боя и отправиться к ген. Хорвату на Уссурийский фронт, и что будто бы у него при аресте в вагоне нашли некоторые товары из таможни—вино и шелк. Ни его высокое прежнее положение, приближенность к атаману, ни заступничество Таскина и Волгина, которые для этого специально

---

[1]) Золотые прииски в Забайкальской области приказом № 10 по семеновской так называемой «Восточно-сибирской армии» в январе 1919 г. были изъяты из ведения горного управления Нерчинского округа и переданы в ведение военного ведомства, причем руководителем работ по добыче золота был назначен барон Унгерн-Штернберг (ЦАОР, ф. № 178, д. № 3, л. 25). Омское правительство было чрезвычайно обеспокоено этой «реформой» атамана «в связи с особыми отношениями, существовавшими между полковником Семеновым и японцами», но изменить создавшееся положение было, конечно, бессильно. (Минц, «Японская интервенция в 1918—22 г. в документах», сб. Центрархива, стр. 35).

[2]) Впоследствии З. А. Нацвалову постигла та же участь, что и Файбусова. Она была арестована семеновскими офицерами и после страшных пыток и надругательств тайно убита. Труп ее был найден в окрестностях Читы.

приезжали из Владивостока, не смягчили участи Файбусова, и он 16 августа был казнен, а полковник Загоскин и прапорщик Погадаев здравствуют и даже служат.

23. По прибытии отряда в Читу поведение чинов отряда к лучшему не изменилось, — напр., прапорщик Валяев самовольно с государственной заводской конюшни взял кобылицу, — об этом знает агроном Николай Сафронович Иконников и бывший тогда начальником гарнизона Читы ген. Мисюра, который не в состоянии был приказать возвратить; в сентябре выпороли комиссию по ликвидации дел 1 Верхнеудинского полка во главе с чиновником Кузнецовым, тогда как в то же время председатель другой такой же комиссии чиновник Чебыкин получает повышение; были самочинные обыски, отобрание оружия с угрозой расстрелом в таких твердых станицах, как Титовская, которая, несмотря на близость к очагу советской власти, не признавала ее, не дала ни одного казака им и вместе с офицерской организацией в августе восстала против большевиков, поселок Каштажный. В октябре начальник броневых поездов полковник Степанов повез в своем поезде читинского золотопромышленника Шумова в Харбин для размена золота; этот Шумов через несколько дней оказался вместе с другими лицами убитым и выброшенным по дороге в Харбин у ст. Карымская. Полковник Степанов и посейчас в отряде. Это дело известно судебным властям г. Читы.

В конце октября открылась очередная панама с продажей на громадную сумму читинским коммерсантам товаров, привезенных для продажи населению по низкой цене. При самом начале производства дознания начальник политического отдела Левит застрелился; другой главный виновник подполковник Лутовинов был арестован, но, повидимому, дело с приездом атамана Семенова из Владивостока замяли, Лутовинов выпущен из-под ареста. Это могут осветить ген. Семенов, начавший это дело в отсутствии атамана Семенова, и полковник Бакшеев; по словам некоторых коммерсантов г. Читы, много темного с провозом товаров из Манчжурии; это может осветить коммерсант Цукович. Массовые, до сотни человек, порки продолжаются и до настоящего времени как в Чите, так и по областям,—я получаю письма об этом и до сейчас. Напр., из Нерчинска от 10 февраля пишут: «Многие из нас, кадровых офицеров, в этой военной атмосфере положительно задыхаются. Во многих местах Забайкалья бесчинствуют негодные отбросы офицерства под маркой «семеновцы». Все ли они полномочны творить произвол, не знаю, но усмирять мнимые восстания некоторые из них уполномочены. Подобные усмирения, видимо, часто завершаются самосудом и грабежами; словом, из деревни часто доносится стон...» Просит устроить куда угодно, лишь бы бежать из этого ада. Около этого же времени приехал [офицер] из другого района из ст. Доннинской, в районе Нерчинского завода, и рассказывает о разъездах харачин дикой дивизии барона Унгерна, которые порют массами [местных жителей], массами и обирают; перед рождеством была экспедиция в Акшу. Об этом, а также и вообще, что творится в области, могут подтвердить и более подробно осветить атаманы отделов.

24. О характеристике некоторых лиц, окружающих атамана Семенова, его самого, о их чаяниях можно судить по моим записям в дневнике. Так, напр., 4 марта 1918 г., после первого же представления

моего при приезде в Манчжурию, записано: «Убили последнюю искру на благоприятный исход дела. Тут все отрицательное, что есть у нас, русских: упоение властью, стремление удержать ее во что бы то ни стало, боязнь, что слава перейдет к другому; полное отсутствие организаторских способностей Григория Михайловича [Семенова], безыдейная организация. Много, если не большинство, работает не из-за идеала, а из-за куска хлеба, много присосалось к довольно вкусному пирогу, — поэтому стремление к широким штатам. Пьянство, кутежи, произвол и влияние женщины — царствует во всей силе».

С самого начала возникновения отряда в нем были настроены против учености. Вначале имели полную возможность пригласить офицера генерального штаба, но не хотели, потом, когда в марте военные агенты [союзников] нашли полную неорганизованность и бессистемность и стали настаивать на приглашении офицера генерального штаба, то таких свободных уже не оказалось.

Когда тогда же речь зашла о замене начальника штаба полковника Нацвалова, то я, зная всех офицеров, заявил, что у них в отряде нет не только лучшего и больше знающего, чем полковник Нацвалов, но нет даже равного ему. Он был оставлен до конца июля.

Должность ген.-квартирмейстера исполнял неспособнейший подъесаул Мунгалов. Один начальник политического отдела—Файбусов—расстрелян, другой—Левит—застрелился.

Характеристику и личность начальника юридического отдела Волгина хорошо знают [1]) в Иркутске по его прежней службе при губернаторе; другой, подполковник Афанасьев, сознает, что барон грабит, но не может открыто об этом заявить, боится за свой чуб. Сам атаман Семенов представлялся мне сначала добрым и безвольным человеком, который находится под влиянием нехороших людей, как, напр., барон Унгерн, которого в газете «Вестник Манчжурии», в № 170, справедливо назвали «злым гением отряда», и др; без всяких организаторских способностей и опыта, как житейского, так и боевого, так как на войне он командовал только сотней. Сначала я, зная его взгляд на политику и поведение чинов отряда, думал, что он многого не знает, но впоследствии я убедился, что он почти все безобразия знает, не прекращает их или потому, что не может, будучи чем-то связан, или просто не хочет. Напр., он еще 21 марта мне говорил, между прочим, о полной неспособности занимать какую-нибудь должность ген. Никонова, называя его трутнем, и в то же время он занимает до сих пор высокий пост; возмущался пьянством и дебошами некоторых молодых офицеров, продолжая держать их у себя даже в конвое.

Сам, будучи в войсковом правлении, согласился на кандидатский список, предложенный ему войсковым правлением, на командные должности в дивизии и по внутреннему управлению войском, а уехавши в «ставку», очевидно, под давлением своих приближенных, изменяет этот список.

При встрече со мной 5 сентября в Оловянной рассыпался в любезностях и уважении, а 2 октября по доносу прапорщика Валяева меня арестовывают, как впоследствии оказалось, за то, что я будто бы был 1 октября на митинге в 1-й женской гимназии и вместе с областным комиссаром Флегонтовым после митинга уехал на одном экипаже. До-

[1]) Так в подлиннике.

статочно было такого повода, чтобы меня, генерала русской службы, схватить, под конвоем отправить в Манчжурию и засадить здесь в арестантский вагон, в котором сидят пьяницы и буяны, подобранные на улицах Манчжурии, осужденные за растрату, обвиняемые за массовые убийства, видные деятели советской власти; установить особо строгий тюремный режим — не допускать ко мне посетителей, в то время, как к другим заключенным ежедневно приходили девицы из публичного дома; [установить] прогулки на воздухе в неделю раз; в баню и перед отъездом в Читу за покупками в город водить под конвоем казака и китайца, служащего в отряде. Митинг, за участие в котором я был арестован, было заседание педагогического совета, где я, как товарищ председателя родительского комитета, присутствовал и никуда с комиссаром Флегонтовым не ездил и с ним до ареста не был и знаком.

Несмотря на очевидную ложность доноса мне не разрешалось выехать в Иркутск, где я получил назначение на настоящую должность, до конца октября. На мою просьбу выдать мне постановление о прекращении дела не ответили.

Все это указывает на мелкий мстительный характер [атамана Семенова], двуличность и желание убрать с дороги возможного конкурента власти. До 1918 г. я был с ним знаком, не был в близких отношениях, но в хороших, никаких недоразумений не было. С приездом же моим в Манчжурию он сразу увидел мои взгляды как на поведение чинов отряда, так и на политику.

Его отношение к иностранным представителям и взгляд на русский народ видны из следующего: 16 марта на совещании с военными агентами [союзников] полковником Робертсон и капитаном Пилью, советником посольства Граве, мною и Таскиным было замечено две группы: 1) Англия, Франция и наша Пекинская миссия и 2) атаман Семенов и Япония.

Первая группа стремилась обойтись в борьбе с большевиками своими русскими силами при денежной и материальной помощи со стороны союзников. Семенов надеялся набрать отряд из харачин-монгол-разбойников. Когда Граве стал его предостерегать от этого, говоря, что харачины ненадежны в боевом отношении, будут грабить население и что это будет пахнуть японским вторжением, так как харачины—ставленники Японии в Манчжурии, то Семенов ответил, что он в них верит, что при умелом управлении они грабить не будут, и что более грабителей, чем русские, трудно сыскать. Это он не постеснялся заявить в присутствии иностранцев. В дальнейшем я наблюдал, какое отношение было атамана Семенова и его помощников к военным агентам Англии и Франции, с одной стороны, и Японии, с другой. К первым относились неприязненно, ко второму, капитану Куроки, наоборот,— без капитана Куроки не производилось, кажется, ни одной боевой операции, с ним всегда советовались по всяким вопросам, он был постоянным спутником атамана. Правда, представители Англии и Франции были очень требовательны в правильности составления хозяйственной отчетности, были очень экономны, японцы—наоборот; когда они стали давать деньги отряду, то интендант полковник Бирюков открыто выражал свое удовольствие, что японцы дают денег сколько угодно и не требуют отчета. Это могут подтвердить капитан Пильо—француз и капитан Дени — англичанин и полковник Кобылкин (Акша).

Отсутствие в отряде опытных и знающих лиц вредно отражалось на успехе дела. Напр., апрельское наступление. Несмотря на то, что был выработан план, наступление началось не по этому плану, не было отдано общего приказа о наступлении, а отдавались последовательно каждому начальнику, почему никто не знал, что делает сосед; рабочий поезд для исправления пути [был] забыт и опоздал почти на сутки, расчет времени не был сделан, и удар обходной колонны войскового старшины Золотухина из Кулусутая на тыл произошел на 1½ суток раньше общей атаки ст. Борзи и имел только отрицательные результаты, — не принося пользы, вывел из строя во время самого боя всю конницу; артиллерия (9 орудий), испугавшись огня одной большевистской пушки, стрелявшей с платформы, была уведена полковником Загоскиным в тыл и дала время расчистить путь и уйти 9 большевистским эшелонам, которые до этого стояли на железнодорожном пути в 6 верстах от Борзи, не имея возможности двинуться вперед, так как все станции были забиты.

В дальнейшем, при занятии Оловянной, та же артиллерия под управлением полковника Загоскина позволила Лазо взорвать мост, для чего он пять раз подъезжал на автомобиле к мосту поджигать шнур и произвел несколько взрывов,—артиллерия не мешала, не сделала ни одного выстрела, а имела полную возможность,—все это происходило днем. После занятия Оловянной, несмотря на мои настояния, не перешли в наступление дальше, имея на то полную возможность,—у нас было 3 паровоза и 14 вагонов, этого было достаточно, чтобы орудия, пехоту и снаряды везти по железной дороге, а конница могла двигаться походным порядком; окрестные жители буряты хорошо относились к отряду и могли выставить достаточное количество подвод. Серьезного сопротивления мы бы не встретили, так как главная сила большевиков уже ушла за Ингоду к Карымской, в Чите была паника (Иркутск. советская газета). Но, на несчастье, взятие Оловянной произошло за 2 дня до пасхи, и все устремились после победы кутить в Манчжурию, начиная с самого атамана,— несмотря на мои уговоры он нашел повод для каких-то переговоров с китайскими и монгольскими властями. Мне, знакомому с военным искусством, было тяжело смотреть, как грубо нарушаются азбучные истины—не давать опомниться разбитому противнику. Молодежь торжествовала победу и занялась пьянством и в Манчжурии и на фронте; они не заглядывали в будущее.

Безостановочное движение вперед требовалось еще и потому, что отряд Семенова перед выступлением из Манчжурии был настолько слаб и по численности, а главное по качествам, что я считал, что можно добиться успеха только обманом: нанести сокрушительный удар большевистскому авангарду в Борзе и на его плечах дойти до Читы, быстро мобилизовать ближайшие к железной дороге станицы, чем отряд увеличился бы втечение 1—2 недель в 2—3 раза. Я считал, что дойти до Читы с наличными силами нетрудно, а удержать Забайкалье труднее от напора с востока и запада, и был прав. Мы занялись пьянством, а в это время к Чите спешили подкрепления большевиков из Омска и Владивостока, с приходом которых отряду пришлось оставить ст. Оловянную и приставшие к отряду станицы по р. Ойону поставить под удар большевиков.

Эта неудача имела очень вредные последствия. Казаки, видя бессилие отряда Семенова, стали более охотно исполнять приказы больше-

виков о мобилизации, и скоро силы их, особенно конница, сильно возросли.

Под напором этих превосходных сил отряд отошел к границе, а потом даже и за границу.

Сколько точно отряд Семенова оттянул на себя большевистских сил, не знаю, но думаю, тысяч до 6—8, причем много было сил местных, казачьих. С этой стороны заслуга отряда атамана Семенова несомненна, но если бы сначала не пренебрегали ученостью и знанием, было бы лучшее управление в бою и организации до боя, если бы поведение чинов отряда не отталкивало от себя желающих поступать добровольцами, если бы больше думали о пользе государственной, а не о личном благе и удобствах, то я не сомневаюсь, что Забайкальская область была бы очищена от большевиков еще в апреле, а вслед за Забайкальем и весь Дальний Восток.

Рядовое офицерство и прочие добровольцы в бою держали себя хорошо, что можно доказать довольно большими потерями, не в пример прочим отрядам Дальнего Востока — калмыковцам и орловцам. Мое недовольство успехами в Борзе и Оловянной, когда молодежь торжествовала, известно С. А. Таскину, а оценки отряда и способа действия были высказаны мною еще 16 марта на совещании с полковником Робертсоном, капитаном Пильо и советником Граве.

25. На отношение чинов отряда ко мне указывает следующий случай: в 24 часа 3 июля, когда я находился в Манчжурии в отпуску, приехал хорунжий Орловский с другим офицером и передал приказание атамана Семенова приехать мне на ст. Мациевскую (25 вер.) командовать отрядом, так как сам атаман пошел с обходной колонной. Заподозрев что-то неладное, я пошел вместе с ними в гостиницу, где жил начальник гарнизона ген. Оглоблин, чтобы проверить правильность приказа. Хорунжий Орловский, увидев комендантского адъютанта, бросился бежать и скрылся, но через 4 часа дня [1]) был арестован. Произведено [было] следствие, которым, насколько мне известно, выяснилось, что он приезжал убить меня. Сначала я не знал, от кого он имел поручение убить—от большевиков или от семеновцев. 30 сентября был суд над хорунжим Орловским, на который ни я, ни другие свидетели вызваны не были. Хорунжий Орловский [был] оправдан и, вероятно, до сих пор служит в семеновском отряде. Между прочим, когда я сидел арестованным, то штабс-капитан Егоров, полковник Новиков, прапорщик Березовский и чиновник Колосов рассказали мне, что за несколько дней до моего приезда из этого же вагона был выпущен после суда хорунжий Орловский. Вместе с хорунжим Орловским несколько дней в арестантском вагоне жили не арестованные его два брата штатских, было ежедневно пьянство в вагоне. Один из Орловских говорил, что он убьет меня, за что освободят его брата.

26. Занятие Читы войсками Сибирского правительства и чехо-словаками было очень неприятно как самому атаману Семенову, так и его приближенным, это их страшно ошеломило, расстроило всю их программу — победоносно шествовать по Сибири и властвовать — они боялись потерять власть. Атаман больше суток был пьян до беспамятства, и никто ничего не мог добиться (подъесаул Токмаков Александр

[1]) Так в подлиннике.

Кондратьевич). По слухам, в Чите 12 сентября [1]) полковники Артамонов, Перекрестов, есаул Стрельников и др. все время стараются поссорить Семенова с Сибирским правительством; натравливают не признавать его, очень недовольны назначением [атамана] корпусным командиром,— им этого мало,— они его толкают в диктаторы Сибири, причем всех стращают японцами, которые якобы поддерживают Семенова; на указание, что население недовольно действиями Семенова, отвечают: «Наплевать, мы всю эту сволочь перебьем».

27. Мне неизвестны мотивы, по которым атаман Семенов не признал верховного правителя адмирала Колчака, но могу предполагать: во-первых, адмирал Колчак имел столкновение с атаманом Семеновым в мае на ст. Маньчжурия, когда адмирал Колчак проезжал как командующий российскими войсками в полосе отчуждения. Атаман Семенов не признавал этой власти, хотя тогда же принял производство в войсковые старшины ген. Хорватом, который являлся и начальником адмирала Колчака. Последний тогда дал правильную оценку действиям атамана Семенова, назвав нас хамами; многие, услышав об этом, были огорчены происшедшим, но были вполне согласны с данной оценкой, считая ее заслуженной. Во-вторых, Семенову и в штабе был известен взгляд [адмирала] на японцев; тогда говорили, что он сторонник Англии и Франции в противовес Японии, что, конечно, идет вразрез с политикой Семенова. В-третьих, атаман Семенов знает, что адмиралу Колчаку хорошо известны все незакономерные действия как его самого, так и чинов отряда и их поведение.

Очевидно, принимая это во внимание, атаман Семенов просто из боязни, что адмирал Колчак, как верховный правитель, ликвидирует его, чтобы удержать за собой власть, и решился на такой безумный шаг. Для него, конечно, выгоднее видеть верховным правителем ген. Деникина или Дутова, которые не знают всех его художеств, а читают лишь по газетам, что он борется с врагами государства.

Не думаю, чтобы сам он сейчас, при наличии правительства ген. Деникина, серьезно думал о собственной кандидатуре в верховные правители.

Непризнание адмирала Колчака считают персональным.

С марта 1918 г. в отряде ни от него, ни от Таскина я иного и не слышал, что союзники, особенно Япония и Франция, никакой иной, кроме единоличной власти, не допустят.

28. В заключение должен заявить, что беспристрастность моих показаний и оценки поведения и деятельности лиц доказывается тем, что оценка неспособности [атамана] к организации и управлению большим отрядом, поведение чинов отряда, их пьянство, разгул, произвол, бесхозяйственность, тяготение к Японии и недоброжелательное отношение к представителям Англии и Франции, взгляд мой на реквизицию сделаны были мною еще в марте, до разногласий с атаманом.

Генерал-майор Шильников.

Член комиссии [подпись].

---

[1]) Так в подлиннике.

Анатоль Франс и царская цензура

Один из крупнейших писателей буржуазной Франции, изысканнейший представитель буржуазной культуры, посвятивший вместе с тем значительную часть своих произведений вскрытию и разоблачению самых священных устоев капиталистического мира и сделавший основным мотивом своего творчества скептическое, преисполненное иронии и насмешки изображение современности — А. Франс заслуживает со стороны советского читателя самого пристального внимания. Неоднократно касавшийся тем социализма, друг Жореса и враг русского царизма, заплатив дань шовинистическому угару в начале империалистической войны, он нашел в себе силы освободиться от этого угара и понял неизбежность гибели капиталистической системы. Это убеждение и этот вывод привели его к противоположному лагерю,— отсюда его горячие, искренние симпатии к пролетарской революции и к Советскому Союзу, неоднократно высказывавшиеся им в печати, наряду с его резкими протестами против борьбы, которую вел с нами после Октября весь капиталистический мир.

Десять лет, прошедшие со дня смерти великого сатирика (он умер 12 октября 1924 г.), должны не только не ослабить, а наоборот усилить интерес к оставшемуся после него литературному наследству. Переживаемый капиталистическим миром кризис, судорожные попытки преодолеть этот кризис и, в связи с этим, углубление и усиление противоречий империализма заставляют с особым вниманием прислушиваться к метким и злым характеристикам, к едким сатирическим изображениям этих противоречий в произведениях Франса.

Интерес к его творчеству ни в какой мере не освобождает нас однако от обязанности глубоко критического к нему отношения. Огромные заслуги Франса перед современностью, его исключительное мастерство не должны затушевывать ни его подлинного классового лица, ни его социально-политических идеалов, ни методологической сущности излюбленных им литературных приемов.

Представитель мелкобуржуазной интеллигенции, переживший за свою долгую жизнь сложную эволюцию, основные этапы которой определялись такими общественно-политическими событиями, как дело Дрейфуса, революция 1905 г., империалистическая война и Октябрьская революция, Франс к концу жизни называл себя социалистом и даже коммунистом. Однако анализ его произведений как в части острой критики современной ему капиталистической действительности, так и других, менее определенных и ясных положительных высказываний, приводит к выводу, что Франс, в основном, остается в плену мелкобуржуазной идеологии. Непримиримая борьба, которую он вел с основными силами империалистической Франции — церковью, военными кругами и аристократией,— как старой родовитой, так и новой финансовой,— вызывалась и оправдывалась интересами именно мелкой буржуазии. Не будучи в состоянии отвлечься от законов капиталистического общества, он его противоречия превращает как бы в абсолютные законы и распространяет их действие на изображаемое им общество социалистического периода. Что касается последних

лет жизни Франса, когда он смело и открыто заявил о своих симпатиях к Советскому Союзу, при всем громадном значении этих симпатий они не могли превратить его в коммуниста или пролетарского писателя. Наконец, если обратиться к столь типичному для Франса литературному приему, как парадокс, независимо от его необычайной красочности и эффективности, независимо от большого его значения в заострении изображаемых жизненных противоречий, нельзя упускать из виду, что парадоксы его являются в значительной степени софистическими, что они переносят характеризуемые противоречия из области действительности в область логики.

Но и со всеми этими поправками и оговорками нельзя не признать в лице Франса великого разоблачителя противоречий буржуазного капиталистического мира, пытавшегося порвать с этим миром и перейти на сторону нового мира, которому принадлежит будущее.

Печатаемые ниже документы рисуют отношение к Франсу царской цензуры. Царская цензура должна была поддерживать и охранять диктатуру помещика-крепостника. Этим определяется ее особенно бережное отношение к авторитету исполнительного органа этой диктатуры —самодержавию и одному из главных его устоев — религии и церкви. Отсюда же и исключительное внимание цензуры к литературным произведениям, ставящим такие «рискованные» в условиях русской действительности темы, как социализм и революция.

Печатаемые документы относятся преимущественно к французским изданиям сочинений Франса. Это обстоятельство надо учитывать при анализе отзывов и решений цензоров, так как степень доступности для широких читательских кругов сомнительного с точки зрения цензуры произведения играла немаловажную роль: «Конечно, что не может быть пропущено на русском языке, то имеет больше шансов пройти на французском» —отмечает цензор, давая отзыв об «Острове пингвинов» (см. ниже документ № 12).

Наиболее резкое и непримиримое отношение цензуры проявляется по поводу антимонархических тенденций Франса и особенно в связи с высказываниями его, непосредственно обращенными к русскому царизму. «Мнения г. Жерома Куаньяра» были «признаны неудобными к дозволению» в 1893 г. именно в части его суждений о монархической власти, хотя и отмечается, что он (Куаньяр) «не ставит непременным условием насильственный переворот» (см. документ № 3). При пересмотре книги в 1907 г. цензор подтверждал, что «она содержит много неодобрительного, еще больше парадоксов и нелепостей», но предлагал ее допустить, указывая, что в целом ряде допущенных произведений печати затрагиваемые Франсом темы антимилитаризма, социализма и анархизма ставятся и освещаются в гораздо более серьезных формах. Однако эти аргументы не подействовали, и запрещение книги было подтверждено (см. документ № 4).

Отмечая противоцензурные места в книге А. Франса «На белом камне», цензор, конечно, не обходит страниц, «где резко осуждаются правительственные сферы за войну с Японией» (см. документ № 7). Разбирая «кощунственное» «Восстание ангелов», он с раздражением заканчивает свою характеристику словами: «Но А. Франс не может обойтись и на этот раз, чтобы не задеть Россию, к которой он мало расположен», и приводит сравнение обветшавшего небесного самодержавия с самодержавием русским и персидским (см. документ № 15). И, наконец, особенно суровое отношение встречают мысли Франса о неизбежной гибели царизма. Сочинение Вердена «Те, кого презирают», снабженное письмом к автору А. Франса, и сборник «К лучшим временам» подверглись абсолютному запрещению, без выдачи даже «благонадежным» лицам, так как в них говорится об антисемитизме, как о причине гибели царизма, о 9 января русской революции и опасности, представляемой цариз-

мом для всего цивилизованного мира (см. документы №№ 10 и 11). Даже выдержка из речи Франса о 9 января, приведенная для подтверждения отрицательной характеристики его стиля, несмотря на «благонамеренную» цель автора (Эрнест Шарль), исключается цензурой, так как она содержит выпады против царизма.

Не меньшее внимание уделяет царская цензура антирелигиозным выступлениям Франса. Начиная с «Харчевни королевы Гусиные лапки», кончая «Востанием ангелов», ряд его произведений подвергся запрещению за проявленную в них вражду к церкви и религии. Рассуждения Куаньяра, касающиеся религии в «Харчевне королевы Гусиные лапки», в 1893 г. признаны «нецензурными» как «антирелигиозная болтовня» (см. документ № 1). При пересмотре этой книги в 1907 г. высказывания действующих лиц по вопросам веры осуждены цензором еще строже и признаны «непристойными с точки зрения религиозной». Поэтому и в условиях полученных печатью льгот книга снова запрещается (см. документ № 2). К «Саламандре», по заключению духовной цензуры, применяется 262-я статья цензурного устава, которой предписывалось запрещать сочинения, содержащие места, «противные христианской нравственности, правительству и религии» (см. документ № 6). «На белом камне» в 1913 г. инкриминируются по 73 и 74 статьям уголовного уложения «кощунственные и богохульные мысли» (см. документ № 9). Сложный по содержанию «Остров пингвинов» интересует цензуру главным образом своим «насмешливым третированием бога» (см. документ № 12), «нагло кощунственным глумлением над христианством и специально над св. таинствами крещения и причастия», а также «гнусным издевательством над учением церкви о святых и мощах их» (см. документ № 13). И под влиянием такой характеристики перевод книги на русский язык Московским окружным судом был приговорен к уничтожению. Весь доклад цензора о «Восстании ангелов» состоит из выдержек, указывающих на «кощунственный характер всей книги», в связи с чем она запрещается также по 73 статье уголовного уложения (см. документ № 15).

Проблемы социализма и революции, вследствие их двойственного освещения у Франса, встречают двоякое отношение цензуры. Там, где Франс рисует картину утопического социализма и делает это в общедоступной форме или говорит о своих симпатиях к трудовому пролетариату и чаяниях «наступления социальной справедливости и всеобщего мира», цензура сейчас же настораживается и дает отпор (см. документы №№ 5 и 11).

Там, где при изображении революции дискредитируются и самая идея революции и ее деятели («Боги жаждут»), цензура признает книгу полезной и прощает Франсу даже антирелигиозные выпады, находя для них различные смягчающие и извиняющие соображения. Применяя к книге 182 статью цензурного устава, которая предлагала при рассмотрении иностранных сочинений «обращать внимание на цель оных, на дух и намерение автора, не принимая всех его выражений в тесном смысле», цензура с своей точки зрения рассуждала логично: для такой «цели» и «намерения» автора, как развенчание революции и ее героев, можно было поступиться несколькими резкостями по адресу господа бога (см. документ № 14).

Печатаемые ниже документы хранятся в Ленинградском центр. истор. архиве (фонды Центрального комитета иностранной цензуры, Главного управления по делам печати и Петербургского комитета по делам печати). Названия рассматриваемых книг во всех докладах цензоров в Центральный комитет иностранной цензуры в подлинниках приведены на французском языке.

Л. Полянская.

1. Доклад цензора Н. Г. Дукшта-Дукшинского Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Харчевня королевы Гусиные лапки», VI издание,, Париж, 1893 г., — 21 апреля 1893 г.

Роман представляет собой цензурный интерес не по существу романической завязки, хода и развязки, а по контроверзам, составляющим главную его основу. Автор его переносит читателя в торговое помещение с организацией продажи приготовленных мясных и других блюд. В этом заведении, по большей части, как и у его владельца, происходят разговоры о ежедневной жизни и толкования также по предметам философского и религиозного характера, конечно, между лицами, не разделяющими одинакие мировоззрения. Каждое из них, убежденное притом в правоте своих выводов, настаивает на них, внушает их слушателям, по большей части не подготовленным к критическому обсуждению мыслей, религии касающихся. Одно из таких лиц, принятое владельцем помещения в наставники к сыну своему, в прениях своих по предмету религии не стеснялось в выражениях о святых, о творце и такими суждениями повлияло и на воспитанника своего. Уже со стр. 30 замечается как оно относилось к этому предмету, а таких мест немало. Но есть и более сильные, как напр. 44—45, 56, 67—68, 119, 121, 142—143—148, 157—158, 159, 180—181, 199—204, 305—306 и др. стр., где между прочим оно говорит и о боге.

Признавая большую часть указанных страниц нецензурными, полагаю, что книга, представляющая собою подобную антирелигиозную болтовню, подлежит запрещению.

Дукшта-Дукшинский.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры А. Н. Майкова: «*Запретить*».
(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1893 г., № 3227.)

2. Доклад цензора А. Р. Генца Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Харчевня королевы Гусиные лапки» — 28 августа 1907 г.

В этом рассказе автор изощряет свое остроумие на предметах веры, влагая в уста то аббата Куаньяра, то какого-то сумасшедшего каббалиста различные замечания и речи, которыми они, хотя и без намерения, выводят церковь в комическом свете. Так, аббат высказывает, например, сомнение относительно святости реликвий, которыми торговал один капуцин, встречающийся в рассказе: не собственные ли свои штаны давал этот последний целовать верующим? «Нет,— отвечает тот тоном мученика, страдающего за правду,— это не были мои штаны, это была одна нога святого Евстахия (стр. 43); у меня было еще ребро Марии Египетской» (стр. 44). Упоминание об этом святой дает аббату повод распространяться на тему, что многие женщины уж слишком дорожат своей женской честью, тогда как ведь тело есть-де нечто такое, что должно быть умерщвляемо (стр. 45). Несколькими страницами далее (стр. 59—60) собеседница другого лица — каббалиста замечает, что вполне естественно, что у бога много имен: чем выше кто занимает положение тем больше у него и имен. Каббалист объясняет, что Иегова, сотворивший мир, есть не бог, а могущественный демон (стр. 67—68);

что, с другой стороны, христиане клевещут на сатану (стр. 109—110), что, когда Демиург, называемый Иеговой, не то что создал свет, «это значило бы сказать глупость», а устроил маленькое местопребывание для Адама и Евы, работая при этом собственно в грязи и глине, как обыкновенный хороший горшечник, и имея над собой много других Демиургов, более древних и более искусных, он вскоре разочаровался в своем произведении и наслал потоп, а затем, поняв, как смешон такой гнев, впал в полное уныние (стр. 143—144).

В другом месте (стр. 180—181) говорится по поводу отречения апостола Петра; рассуждает аббат Куаньяр. Он находит связь между белым вином и пеньем петуха и думает, что, если бы святой Петр в ночь отречения выпил белого вина, то он не отрекся бы от Христа; но что, во всяком случае, жалеть об его поступке нечего, так как, не сделай он этой последней из подлостей, то он не был бы теперь величайшим святым и краеугольным камнем церкви.

В доказательство существования бога аббат приводит «в дополнение к доводам богословской науки, которые, впрочем, сами по себе достаточны», еще амурный случай, бывший с ним самим в его юности: «кухонная девушка, молодой священник, лестница, сено... какое сцепление причин и следствий, какое доказательство существования бога!» (стр. 204).

Аббат умирает от раны, полученной в уличном скандале романтического характера: картина смертного одра и причащения также носит до известной степени комический характер (стр. 361 и выше).

Приведенным не исчерпываются места, непристойные с точки зрения религиозной; так, например, на стр. 254 встречается такая безобразнейшая выходка: один дворянчик по поводу приглянувшейся ему еврейской девицы легкого поведения замечает, что ведь и богородица была еврейка.

Полагаю, что для отмены запретительного решения по отношению к этой книге, оснований не имеется[1]).

Генц.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Комитет согласился с мнением докладчика».

(Доклад не датирован; отнесен нами к августу 1907 г., так как рассматривался в заседании 28 августа этого года. Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1907 г., № 6195.)

3. Доклад цензора Н. Г. Дукшта-Дукшинского Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Мнения г. Жерома Куаньяра», II издание, Париж, 1893,— 2 октября 1893 г.

Издатель книги поясняет в предисловии своем, что случайно найденная им рукопись с мнениями Куаньяра составляет как бы дополнение к воспроизведенному им в начале текущего года сочинению под заглавием «Харчевня...» и т. д. Та книга была запрещена комитетом из-за противомонархической тенденции[2]); в настоящей, многими страницами тождественной с первой, встречаются отделы с субъективным значением для эпохи Людовиков. Таковы о министрах их времени, об отношении их к Америке, об армиях, академиях наук, о справедливости и пр. Во всех этих суждениях Куаньяра издатель находит нрав-

ственные достоинства, приравнивает их к мыслям Франциска д'Ассиза и утверждает, что философские идеи Куаньяра усвоены были этим аббатом с той же восприимчивостью, как и о христианстве с точки зрения римско-католической.

Не касаясь этой стороны, обращу внимание комитета на места, где автор переходит к значению монархической власти, так как в настоящем их воспроизведении они могут быть признаны неудобными к дозволению, хотя Куаньяр и не ставит непременным условием насильственный переворот. Движение народное он предоставляет времени и убежден, что монархическая власть, монархические установления уступят, силою вещей, законам, данным нам природой. С уничтожением монархических принципов общество ни мало не утратит своей силы, сохраняя ее в законах природы, существовавших в первобытные еще времена (стр. 33). В том же смысле, в более резкой форме, встречаются выражения, вытекающие последовательностью своей из воззрений Куаньяра, на страницах 118, 126—127, 167—169, 170—171, 213—218 и др.

В книге есть место и пикантного характера; это — мнение президента обществ охранения нравственности, своеобразный взгляд его на условия брачного союза, вызывающие необходимость особых выкроек для первой ночи (232—235), с ответом Куаньяра. Встречаются и другие места подобного вышеуказанному характеру смысла.

Комитет, быть может, найдет более целесообразным запрещение всей книги, о чем имею честь предложить.

Дукшта-Дукшинский.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры А. Н. Майкова: «Запретить».

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1893 г., № 8307.)

4. Доклад цензора А. Р. Генца Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Мнения г. Жерома Куаньяра»,— [до 28 августа 1907 г.]

Настоящее произведение Анатоля Франса представляет собой, под видом мнений, высказываемых аббатом Куаньяром, сатирическую критику современного общества и государства, их нравов и учреждений; касается автор и церкви. Отношение к церкви характеризуется следующими местами: в одном месте, например, аббат обвиняет неприятного ему капуцина в том, что тот за реликвии выдает легковерным людям бараньи или поросячьи кости, которые он сам же с жадностью обглодал (стр. 56); в другом — серьезно объясняет одной девотке [2]) неосновательность лишения собаки костей в страстную пятницу (стр. 91); в третьем — рассуждение его же о блохах, как великой тайне божией (стр. 116); девице легкого поведения он объясняет, что согрешить с красивой девушкой извинительно перед господом; другое дело — блуд с уродиной (стр. 52—53); людей он потому только воздерживается называть смешными животными, что они искуплены кровью Спасителя (стр. 42); всеобщее избирательное право называет такой же ловушкой для дураков, как — голубка, принесшая св. миро (стр. 30); предпочитая дурное общество хорошему, он подражал де Христу, который также жил между откупщиками

и проститутками (стр. 21). Вообще по отношению к религии — тон насмешки.

Другие темы трактуются таким образом: монархии, если они божественного установления, то даны людям небом разве в наказание (стр. 118); демократия не сделает много более глупостей и зла, чем венчанные государи (стр. 126); но, с другой стороны, министры в демократиях не обладают такой силой, как при абсолютных монархах, что́, впрочем, дает им меньше возможности делать зло (стр. 112); парламентаризм, с своей стороны, дает слабое правительство и только плодит плохих ораторов (стр. 123—124); таким образом, преимущества какой-либо одной форме правления не дается (стр. 217); в деле же революции люди предостерегаются от увлечения фразами (стр. 118).

Идут затем рассуждения об армии, военной дисциплине, милитаризме. Военное состояние тем, по мнению Куаньяра, приспособлено к человеческой природе, что здесь никогда не думают, — а люди не созданы думать (стр. 162); если военное сословие облагораживают военные опасности, то еще более благородными должны быть признаны крестьяне и рабочие: они рискуют каждый день умереть с голоду (стр. 166); если говорят, что армии нужны для безопасности государства, то на самом деле разве государи не двигают их в бой под разными ничтожными предлогами: напр., чтобы кровью своих солдат смыть свою честь — что́ очевидно нелепо (стр. 167), или чтобы отнять область у другого государства (стр. 168), притом им совсем ненужную? (стр. 169).

Распространяется автор (в лице Куаньяра) и по поводу государственной юстиции. Здесь мы встречаемся с принципиальным отрицанием частной собственности: всякая собственность приобретается де насилием или хитростью (стр. 269 и др.); это признают де и судьи, но по отношению лишь к могущественным похитителям: так, королю разрешается отбирать у нас нашу серебряную посуду для своих военных надобностей (стр. 270); в то же время лишение человека тех или других принадлежащих ему драгоценностей может даже быть спасительно для его души (стр. 273). Возмущает аббата и существование особого военного кодекса наряду с гражданским (стр. 277), с жесточайшими наказаниями для ничтожных прегрешений (стр. 278). Вообще суды поддерживают как все хорошее, имеющееся в государстве, так и все дурное, как права граждан, так и тиранические желания королей, не говоря уже о смешных и жестоких предрассудках (стр. 279). Смертная казнь и денежные пени—это те же грабежи, те же убийства (стр. 284); законы—человеческого происхождения и носят в себе все недостатки такого происхождения: невежество, предрассудки, гордыня князей, интересы законодателей, капризы, фантазии... отражаются на них (стр. 285—286).

Книга Франса заключает в себе, таким образом, много неодобрительного, еще более парадоксов и нелепостей; однако, на мой личный взгляд, к запрещению ее достаточных оснований все-таки не представлялось бы: встречающиеся в этом томе выходки против церковности, хотя и заслуживают осуждения, чрезмерно дерзкими едва ли могут быть названы; с другой же стороны, антимилитаризм, и социализм, и анархизм встречаются в много более серьезных формах в произведениях печати, допущенных в настоящее время к обращению в публике. Кроме того, сказанное в книге ослабляется заключительными замеча-

ниями Куаньяра (стр. 288), что он слишком был рассудителен в своей критике законов и нравов, что сердце сильнее головы, и семена добра сеются в обществе не рассудком, а чувством.

Генц.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Комитет постановил запретить» [4]).

(Доклад даты не имеет; она устанавливается фактом рассмотрения его в заседании, бывшем 28 августа 1907 г.—Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1907 г., № 6196.)

5. Из доклада цензора Н. В. Лебедева Петербургскому цензурному комитету о рассказе Анатоля Франса «Дом без греха» 10 сентября 1903 г.

В «Журнале для всех» [5]) предполагается поместить перевод рассказа А. Франса под заглавием «Дом без греха», между тем он представляет собой, в сущности, краткое, но легкое и общедоступное изложение социалистических идей. Эти идеи развивает перед рабочим каменщиком монах брат Джиованни. Он доказывает, что на всем современном строе человеческой жизни «написано одно слово: Несправедливость. Несправедливость высится над всеми гражданами, над правителями, над законами». Все отношения людей настоящего времени основаны на купле-продаже. «Но тот, кто продает, враг тому, кто покупает, и продающий принуждает покупателя стать его врагом. И в этом корень зла, отравляющего города, как яд змеи в ее теле. И должна жена попрать ногою хвост змия, и женой этой будет Бедность. Она уже посетила в темнице Людовика, короля Франции». «Истинно говорю,— восклицает брат Джиованни,—банкиры и менялы не внидут в царство небесное, ни булочники, ни аптекари, ни фабриканты».

Путем таких рассуждений монах доводит рабочего, сначала не понимающего его слов, до убеждения, что настанет день, когда на земле водворится справедливость, и то, что теперь кажется «безумием, станет для всех мудростию». «Все на земле принадлежит богу, и мы—дети бога, а доли всех детей должны быть равны, иначе говоря, каждый должен брать столько, сколько ему нужно».

Очевидно, рассказ подлежит запрещению на основании 95 ст. устава о цензуре и печати [6]).

Лебедев.

Определение Петербургского цензурного комитета: «Рассказ А. Франса «Дом без греха» к напечатанию не разрешать за силой приведенной цензором статьи закона».

(Фонд Петерб. цензурного комитета, дело № 58, 1895 г., л. 24.)

6. Из журнала заседания Петербургского цензурного комитета от 2 июня 1904 г.—О трагедии Уайльда «Саломея» и романе Анатоля Франса «Саламандра».

Предназначенные для помещения в «Новом журнале иностранной литературы» [7]) а) «Саломея. Трагедия в одном действии О. Уайльда» и б) «Саламандра. Роман А. Франса» препровождены были С.-Петербургским цензурным комитетом на заключение С.-Петербургского духовного цензурного комитета [8]). Последний ныне уведомил, что оба на-

званные произведения не могут быть разрешены к печати: первое на основании 260 статьи устава о цензуре и печати, а второе на основании 262 статьи [9]).

Определено: трагедию «Саломея» и роман «Саламандра» к напечатанию не дозволять за силою указанных С.-Петербургским духовным цензурным комитетом статей устава о цензуре и печати.

Исп. об. председателя граф Головин.

(Фонд Петербургского цензурного комитета, журналы заседаний за 1904 г., № 22, статья 8.)

7. Доклад цензора Н. Г. Дукшта-Дукшинского Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «На белом камне», Париж,—16 февраля 1905 г.

В целях изучения и исследования памятников истории и древностей Рима группа лиц предприняла экскурсию по Италии; обозрение музеев привлекало ее к вопросам о культуре, религии народа времен Юлия Цезаря, Нерона и позднейших. Нередко суждения касались создания вселенной, творца мира, основ христова учения, жизни апостола Павла, наконец, бессмертия души, как и религиозных убеждений населения Италии и верования его в силу молитвы, обращаемой им к пресвятой деве и спасителю. Население требовало чудес и от святых патронов своих и, при долгом их неисполнении, недовольство свое выражало неприличными возгласами, как, например, приведенный на стр. 12: «Это не к тебе я обращаюсь, сын блудницы, а к твоей святой матери» [10]), в обращении к спасителю.

В дальнейшем развитии своем суждения экскурсантов переходят на почву материализма, а частью и на мысли, позаимствованные из известного произведения графа Толстого: «Царство божие внутри нас» [11]) (стр. 70—71, 73—75, 81—82—о бессмертии души, 83—84 и т. д., 146—148). С 201—202 стр., с вопроса о солидарности народов, автор на стр. 208, 211, 213, 217 резко осуждает правительственные сферы за войну с Японией. Не менее резкие толкования встречаются и на стр. 276—279—280—281—283—284—287, 290—297—298—299—300, 302—310 и др., хотя в этих последних и передается все в виде сна. Принимая во внимание все вышеизложенное, полагал бы книгу запретить.

Дукшта-Дукшинский.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Запретить согласно докладу».

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1905 г., № 1319.)

8. Доклад цензора В. К. Боаса Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «На белом камне», Париж,—19 февраля 1906 г.

Запрещено по докладу № 1319 за 1905 г. [12]). Инкриминированные места, послужившие причиной запрещения этого сочинения, находятся в вышедшем недавно русском переводе «На белом камне» (перевод П. Казановича, СПБ, «Социалистическая библиотека», № 1 [13]). Издатель—редактор В. Яковенко. Типография Меркушева). Места эти в переводе на стр. 12 (французском—12), 48—49 (французском—70), 52—53 (француз-

ском—76), 56—57 (французском—84), 96—97 (французском—146—148), 136—137 (французском—210), 138—139 (французском—212), 140 (французском—217), 182—183 (французском—279). Ввиду появления в свободной продаже перевода, оказавшегося по сличении сходным с оригиналом, полагаю нужным дозволить это сочинение на французском языке. О вышеизложенном имею честь представить на благоусмотрение комитета.

Боас.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Комитет согласился с мнением докладчика».

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1906 г., № 6920.)

9. Представление Петербургского комитета по делам печати в Главное управление по делам печати о книге Анатоля Франса «На белом камне» — 17 мая 1913 г.

На рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати поступил № 1 журнала «Социалистическая библиотека» за 1906 год, выходившего в свет в Петербурге под редакцией В. Яковенко.

Весь этот нумер журнала состоит из одной только книги Анатоля Франса, под заглавием: «На белом камне», в переводе П. Казановича.

Особое внимание в книге Франса обращают на себя те места, где он касается религиозных вопросов. Между прочим на стр. 114 автор говорит так: «Иегова или Геркулес, в чем тут важность? Поверьте, что сын Алкмены правил бы миром точно так же, как отец Иисуса». Подобные же кощунственные и богохульные мысли высказываются и на стр. стр. 106, 112—113 и 116.

Усматривая, ввиду изложенного, в содержании № 1 журнала «Социалистическая библиотека» за 1906 г. признаки преступлений, караемых по ст. ст. 73 и 74 уголовного уложения [14]), С.-Петербургский комитет по делам печати постановил возбудить судебное преследование, по силе вышеуказанных статей закона, против редактора названного издания В. Яковенко, а на № 1 за 1906 г. этого издания наложить арест, на основании ст. 1213 [16] устава уголовного судопроизводства [15]).

О вышеизложенном, с препровождением инкриминируемого издания, С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить Главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 13 мая сего года за № 1086 [16]).

Исп. об. председателя А. Андрияшев.

За секретаря Г. Попов.

(Фонд С.-Петербургского комитета по делам печати, д. № 829, 1906 г., л. 14.)

10. Из доклада цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича Центральному комитету иностранной цензуры о книге Вердена «Те, кого презирают. Роман из современной русской жизни, с письмом к автору Анатоля Франса», Париж, 1905 г.,—22 марта 1906 г.

В письме к автору этого романа известный французский писатель Анатоль Франс превозносит до небес достоинства и романа и его авто-

ра. Роман растрогал его до слез и открыл ему глаза на причину всех несчастий царизма в России. Несправедливость нации к евреям, их постоянное преследование и погромы — вот где кроется причина гибели России и царизма. Из этого уже можно предвидеть содержание романа... [17]).

Васенцович-Макаревич.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Запретить согласно докладу и не выдавать» [18]).

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1906 г., № 1617.)

11. Доклад цензора В. К. Боаса Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «К лучшим временам». Париж, 1906, томы I—III (Социальная и философская библиотека)— 31 августа 1906 г.

В этой книге собраны речи Анатоля Франса, произнесенные им по поводу разных событий за последние восемь лет. Книга делится на три части. В первой внимание цензуры могло бы остановиться на особенных симпатиях Франса к трудовому пролетариату и мыслям, выраженным в «Марсельезе» и «Карманьоле» (стр. стр. 20—22, 47, 48, 51, 52, 58). Наиболее резким в цензурном отношении местом в этой части надо признать письмо Франса, прочитанное на митинге, собравшемся для выражения сочувствия русским революционерам (стр. 53). Не буду однако вдаваться в обсуждение этих мест, так как они, сравнительно с высказанными Франсом далее дерзостями по адресу государя императора, представляются только общими известными фразами всех врагов государственной власти.

Ряд речей, произнесенных Франсом на митингах по поводу событий в России, не оставляет сомнений в необходимости строжайшего запрещения этой книги. На первом митинге Франс, между прочим, сказал: «Я не буду вам пересказывать, как царь повелел избивать людей, которые, умирая от нищеты и голода, провинились перед ним только тем, что в отчаянии обратились к нему, как к отцу. На их усердную мольбу, на их сыновний призыв, на их слезы он ответил нагайками своих казаков и пулями своих гренадеров. Эти пули пронизали его собственный портрет, бывший в руках священника Гапона. Справедливый против желания, царь убил царя и царизм. Из крови, обагрившей лед Невы, встанут миллионы мстителей за жертвы. Царь убил царя и вызвал революцию, которая пожрет царизм. Николай Александрович уже более не существует, и память о нем предана проклятию всего мира» [19]). (Часть III, стр. 10.)

Такого же преступного характера все речи, произнесенные Франсом на митингах, собиравшихся для выражения сочувствия русским революционерам. «Последний из Романовых» (стр. 19 и 23), «самодержавный убийца» (стр. 19), «несчастный» (стр. 22), «император-клятвопреступник» (стр. 53)—вот эпитеты, употребляемые Франсом, когда он говорит о государе императоре.

Восхваляя в этих речах деятельность русских революционеров и указывая на то, что царь и его власть, быть может, завтра «будут сме-

тены» (стр. 37), Франс пытается убедить слушателей в том, что царизм, будучи смертоносным в России, представляет опасность для всех цивилизованных народов, и поэтому Франс приглашает сограждан объявить себя врагами царя (стр. 38).

Как вышеизложенное, так и призыв Франса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь для подготовки наступления социальной справедливости и всеобщего мира» (стр. 53) доказывают преступность содержания этой книги, вследствие чего должна быть запрещена и не выдаваема частным лицам по просительным запискам, о чем имею честь представить комитету.

Боас.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Запретить согласно докладу и не выдавать» [20]*).*

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1906 г., № 5213.)

12. Доклад цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Остров пингвинов», Париж, 1908, — 29 октября 1908 г.

Новое сочинение известного писателя одновременно вышло в свет в Париже на французском языке и в Петербурге на русском, будучи переведенным с рукописи г-жой Венгеровой. Так как появление в продаже русского перевода при современном положении печатного дела в России еще не исключает возможности наложения ареста на книгу [21]), то это обстоятельство только приходится принимать во внимание при рассмотрении французского подлинника, попутно сравнивая оригинал с переводом.

Содержание книги представляет довольно остроумную сатиру на историю человечества. Святой Маэль, проповедывая евангелие, попал в Ледовитый океан на остров, обитаемый птицами пингвинами, которых окрестил. Крещение птиц произвело в раю большую сенсацию и вызвало совещание святых под председательством самого бога. На этом совещании решено было превратить пингвинов в людей. Когда это осуществилось, то святой Маэль привязал веревку к острову и притащил к берегам Бретани. Затем рассказывается история нового народа пингвинов, представляющая много общего с историей всякого народа, с войнами, завоеваниями, падением власти монархов, установлением федеративного устройства городов вплоть до социальной революции и анархии. Некоторые черты этой истории напоминают события во Франции, но к России прямого отношения не имеют. Автор иронически и зло касается взглядов людей на всякую власть, как происходящую от бога (стр. 63—64), на «неисповедимые пути божии» (стр. 114), на ремесло солдат—стрелять в народ (стр. 279), на абсурд брачного института (стр. 315). Все эти вылазки находятся и в русском переводе (стр. 54—55, 84, 182, 203), но, разбросанные по разным местам, не производят впечатления проповеди разрушительных теорий. Поэтому мне остается обратить лишь внимание комитета на насмешливое третирование бога. Это особенно бросается в глаза в гл. VI и VII «Собрание в раю» [22]) (стр. 25—44). Когда весть о крещении птиц дошла

до рая, то «сам господь был в затруднении» (стр. 25). Он вступает в переговоры со святыми, выслушивает их мнения и советы, успокаивает ссорящихся, прикрикивает на них, приглашая не подражать земным конклавам и синодам, на которых отцы вырывают глаза и бороды друг другу, оставаясь со всем тем непогрешимыми, так как с ними он, бог (стр. 42).

Надо полагать, что переводчица сама усмотрела в этих главах признаки кощунства, предусмотренного ст. 74 уголовного уложения 1903 г.[23]), потому что в этих главах (на стр. 32—44) у нее везде бог заменен архангелом. Точно так же и в дальнейшем можно видеть похвальную осторожность переводчицы. Так, на стр. 95 слова «Святой Иоанн» переводятся «ангелочек» (франц. стр. 134); на стр. 97, говоря об изображении апостолов гуляками, она выпускает слова «и сам боготец» (франц. стр. 137), на стр. 113 выпускается несколько строк с насмешками над духовными лицами (франц. стр. 165); на стр. 119 переводчица в фразе: «великие демократии миролюбивы, и дух их вскоре заразит самих самодержцев» — предусмотрительно слово «самодержец» заменяет «властителем» (франц. стр. 175).

Из изложенного видно, что перевод смягчает несколько резкости подлинника, и что если обращение его в публике не встретит препятствий со стороны Комитета по делам печати[24]), то из этого еще не следует, что и французский оригинал должен быть дозволен. Конечно, что не может быть пропущено на русском языке, то имеет больше шансов пройти на французском, тем не менее, представляя об изложенном на благоусмотрение комитета, со своей бы стороны полагал возможным дозволить эту книгу с исключением стр. 25—44.

Васенцович-Макаревич.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Исключить стр. 25—44»[25]).

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1908 г., № 7694.)

13. Отношение Московского комитета по делам печати на имя прокурора Московского окружного суда о книге Анатоля Франса «Остров пингвинов»—15 мая 1909 г.

Центральный комитет иностранной цензуры, при отношении от 25 апреля сего года, за № 1390, препроводил в Московский комитет по делам печати книгу под заглавием: «Анатоль Франс. Остров пингвинов. Полный перевод с французского Я. Мацкевича и И. Хвойника. Книгоиздательство «Заря». Типография Л. Н. Холчева (Москва, Тверской бульвар, 105). Цена 30 коп.» и просил сообщить ему сведения о том, допущена ли эта книга к обращению в публике в целости.

Рассмотрев означенную книгу в заседании 29 минувшего апреля, Комитет по делам печати нашел в ее содержании нижеследующее.

Это сочинение составляет злобную насмешку над Францией («Пингвиния») в ее историческом прошлом и настоящем времени, как в отношении государственного строя, так и общественной науки и культуры.

Красной нитью через все произведение проходит нагло-кощунственное глумление над христианством и специально над св. таинствами крещения и причастия и над поклонением святым и мощам их.

Настоятель монастыря св. Маэль, переплывая в каменной ладье, направляемой промыслом, от острова к острову, проповедует с успехом христианство. Наконец, он прибывает к далекому пустынному острову посреди Ледовитого океана. Будучи уже полуслепым, полуглухим старцем, он принимает сидящих парами, по случаю весеннего спаривания, на уступах скал пингвинов за людей, проповедует им учение Христа, принимает их крики за выраженное ими на неизвестном ему языке согласие креститься и совершает над ними обряд св. крещения.

Известие о крещении пингвинов вызвало в раю крайнее удивление. Сам господь очутился в затруднительном положении и созвал собрание священников и богословов, чтобы спросить у них, считают ли они это крещение действительным.

Происходят продолжительные прения. По мнению св. Патрика, таинство крещения, совершенное над птицами, недействительно, все равно, как недействительно таинство бракосочетания, совершенное над евнухом. Св. папа Дамасин говорит, что освящающая сила таинства крещения является следствием внешнего действия, и тот, кого крестят, ничем не способствует своему освящению. Если бы это не было так, то не крестили бы новорожденных. Св. Маэль выполнил при крещении пингвинов все предписанные церковью обряды и, значит, пингвины крещены. На это возражает св. Генолэ, что в таком случае можно было бы окрестить во имя отца и сына и св. духа, кроплением или погружением в воду, не только птицу или четвероногое животное, но и всякий неодушевленный предмет: статую, стол, стул и т. д. И это животное было бы христианином, этот идол, этот стол были бы христианскими, — это нелепо!

Затем благочестивый, но не причисленный к лику святых Проб, настаивал на том, что святость и действительность таинства зависят от соблюдения при совершении его всех предписанных формальностей, рассказывает, что, будучи сорок лет священником одной церкви в Риме, он с ужасом видел, что прихожане его, несмотря на то, что усердно причащались св. таин, не поправлялись и еще, так сказать, держа на языке облатку, положенную руками священника, снова впадали в грех, как будто таинство не оказывало на них никакого действия. И, лишь почив в господе, он уже в раю знал от одного из ангелов, что кабатчик все время под названием вина отпускал ему отвар из корней и древесной коры, в котором не содержалось никакого вина, и он не мог претворить эту смесь в кровь, ибо только вино претворяется в кровь христову. Освящение вина было поэтому недействительно, и священник и паства его, сами того не зная, были 40 лет лишены св. причастия и тем самым отлучены от церкви, и ни один из прихожан не был принят в рай. Ввиду этого смиренный Проб просил господа исправить зло, которое иногда происходит вследствие перевеса формы над содержанием в церковных таинствах. «Нет, — ответил господь, — если бы в деле спасения души сущность получила перевес над формой, то наступил бы конец церкви».

Во время дальнейших прений св. Григорий Назианз просит господа даровать пингвинам бессмертную душу, а св. Катерина Александрийская умоляет бога дать им человеческую голову и грудь, чтобы они могли достойным образом восхвалять бога, и даровать им бессмертную душу, но, конечно, небольшую.

Возникли ожесточенные споры, и тогда господь воскликнул: «Исповедники и папы, не подражайте соборам и синодам на земле. Не вносите в торжествующую церковь страсть, раздирающую воинствующую церковь. Ибо слишком известно, что на всех соборах в Азии и Африке отцы вырывали друг у друга бороды и глаза. Но все же эти соборы были, конечно, непогрешимы, ибо я был с ними».

Наконец, господь решает превратить крещеных пингвинов в людей. Архангел Рафаил дает знать св. Маэлю о сделанной им ошибке и приказывает ему сказать вошедшим благодаря ему в церковь господню пингвинам, вооружась именем господа: «Станьте людьми!» Маэль исполнил приказание, и пингвины стали людьми (см. стр. 42—61).

Кроме изложенного, по особому гнусному издевательству над учением церкви о святых и мощах их необходимо отметить рассказ об Орберозе (особенно чтимая французскими католиками св. Женевьева?), признанной церковью святою и непорочною, а в действительности развратнице, потерявшей свою невинность вследствие насилия, совершенного над нею пользовавшимся славою большой святости монахом (стр. 62—63), ставшей затем любовницей разбойника Кракена, который грабил окрестных жителей, наряжаясь драконом, и отдающейся, кроме того, при всяком удобном случае пастухам и погонщикам быков.

Монахи указывают запуганным постоянными грабежами жителям, что дракона может победить лишь девственница, которая, обвив шею своим поясом, сможет повести его за собою, как малую собаченку.

Орберозе задумывает разыграть выгодную комедию, которая ей блестяще удается.

Она рассказывает, что была похищена драконом, который пожрал ее. Но, очутившись во чреве дракона, она осенила себя крестным знамением, вышла невредимою из его пасти и удалилась в пустыню, где предавалась молитве и размышлениям и совершила неслыханные подвиги воздержания, когда вдруг узнала по небесному знаку, что только чистая дева может покорить дракона и что эта дева — она. Она вручит чудовище Кракену, который заколет его, и из брюха дракона выйдут живыми дети, которых он пожрал. Согласно указаниям свыше за освобождение от дракона племя пингвинов должно будет платить благородному рыцарю Кракену ежегодную дань, а освобожденные им дети должны служить и повиноваться ему.

Комедия разыгрывается с инсценированием чучела, изображающего перед наивным населением дракона.

Предмет общественных почестей при жизни, Орберозе после смерти была причислена к лику святых и сделалась небесною заступницею Пингвинии (стр. 101—102), а к месту ее погребения паломничали в особенности юноши и девицы, которые большей частью отправлялись туда парами вечером, точно их благочестивые чувства искали мрака и уединения (стр. 108). Около гробницы основали монастырь, и блаженная Орберозе совершала теперь более крупные чудеса на благо тем, которые возлагали приношения на ее гробницу. Она обнадеживала бесплодных женщин, посылала сны ревнивым мужьям, чтобы разубедить их в измене своих молодых жен. Она отвращала язвы, падеж скота, голод, бури и кападокийских драконов.

После разграбления гробницы возмутившимся народом она оставалась сто лет заброшенной, но затем святилище было вновь восстановлено, и тогда святая стала творить все большие и большие чудеса,

исцеляя в особенности от искривления ног, водянки, паралича и пляски св. Витта (стр. 109).

Вновь через пять веков, после казни короля и провозглашения республики, рака святой была вскрыта, и в ней нашли только горсточку пыли и старые лохмотья, которые были брошены в костер, и вокруг него народ плясал и пел патриотические песни (стр. 144).

По миновании террора и восстановления национальной церкви старая сводня Рукен (муж которой занимался холощением котов) явилась к священнику с банкой из под варенья, в которой она поместила золу и обглоданные кости из под собственного очага, выдавая их за добытые ею ночью с опасностью для собственной жизни из костра останки святой. Рассказу старухи поверили, и переданные ею кости были вложены в новую драгоценную раку в церкви св. Маэля (стр. 143, 244, 245).

На стр. 301 рассказывается об одном из чудес, совершенных св. Орберозой; застигнутая мужем в кровати с голым любовником жена ювелира обращается мысленно с молитвою к святой, и, о чудо, к стыду ревнивого мужа, вместо любовника в кровати оказывается племянница этой четы.

Находя на основании вышеизложенного, что в содержании книги Анатоля Франса под заглавием «Остров пингвинов» заключается хула на бога и святых и поношение святых таинств и святых мощей, т. е. признаки преступления, предусмотренного ст. 73 уголовного уложения, Комитет по делам печати постановил: на книгу Анатоля Франса под приведенным выше названием наложить арест, согласно ст. 3 отд. IV именного высочайшего указа от 26 апреля 1906 года [26]), а против виновных по сему делу лиц возбудить судебное преследование по указанной выше статье уголовного закона.

Сообщая об этом, Комитет по делам печати имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство привлечь виновных по настоящему делу лиц к судебной ответственности по ст. 73 уголовного уложения.

Об аресте инкриминируемой книги, а также о доставлении вашему превосходительству требуемых законом сведений об ответственных по сему делу лицах Комитетом сделано надлежащее распоряжение через младшего инспектора книгопечатания 4-го участка гор. Москвы отношением от 29 апреля текущего года, за № 1491.

Экземпляр инкриминируемой книги при сем прилагается.

(Фонд Главного управления по делам печати, II отделение, дело № 254, 1909 г., лл. 3—5).

14. Доклад цензора А. А. Горяинова Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Боги жаждут», Париж, — 20 июня 1912 г.

Действие этого романа происходит во времена первой французской революции, точнее—в последние дни террора, и кончается казнью Робеспьера и его сообщников. Деятели революции, ее «боги», их якобинский образ мыслей, их действия, их политика—вплоть до мельчайших поступков и распоряжений—выведены автором в жалком виде. В талантливом изложении он убеждает читателя в ничтожестве этих «бо-

гов», жаждущих человеческой крови, окончательно одичавших, ограниченных и надутых, а главное, страдающих смертельным страхом и потому казнящих виновных и невинных, чтобы не быть казненными самим. Он же указывает на необъятное воровство и темные проделки с имуществом казненных дворян этих строгих неподкупных республиканцев, впоследствии покорных придворных Наполеона и последующих королей.

Книга, написанная искренно и, повидимому, основанная на документах, прежде не использованных, могла бы быть только полезна, тем не менее я принужден представить ее комитету из-за нескольких мест, в которых имя бога упоминается без всякого уважения. Правда, эти выражения исходят или от санкюлотов или от скептиков, коих так много было в XVIII столетии; те и другие иначе выражаться не могли, и нигде не видно, чтобы автор им сочувствовал. Мест этих пять, приведу наиболее характерные [27]): «теологи... изображают нам его (бога) нелепым и злым... они принуждены сознаться, что он действует с жестокостью» (стр. 88)...». «Без чистилища и без ада господь бог был бы жалким ничтожеством» (стр. 89). «Эпикур сказал: или бог хочет помешать злу, но не может, или может и не хочет; или он и не может и не хочет; или он может и хочет. Если он хочет и не может, он бессилен; если он может, но не хочет, он зол; если он не может и не хочет, он и бессилен и зол» (стр. 212—213). На страницах 277—278 осужденные на смерть люди разных сословий забавляются тем, что изображают чертей, приходящих за душами, причем тянут из постели монаха капуцина, сообщая ему, что он осужден в ад «за то, что превратил творца вселенной в существо завистливое, глупое и злое, врага веселья и любви». Какой-то революционер обзывает христианство «сектой санкюлота Иисуса» (стр. 43).

Подобные же выражения, но значительно слабее, имеются на стр. 215 и 220.

Представляю все вышеизложенные выражения на благоусмотрение комитета, прибавляя от себя, что все они подлежали бы исключению ввиду их внешней резкости, которая, впрочем, почти совершенно сглаживается предыдущими им и последующими рассуждениями и которая неизбежна, принимая во внимание персонажей, выводимых автором.

Горянов.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Позволить на основании 182 статьи устава цензуры» [28]).

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1912 г., № 4560).

15. Доклад цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Восстание ангелов», Париж, 1914,—26 марта 1914 г.

Новый роман Анатоля Франса, в сущности, не роман, а фантастическое повествование о восстании ангелов против бога, уснащенное богословскими и философскими рассуждениями автора.

Один из ангелов-бунтовщиков, Аркадий, начитавшись разных мыслителей в богатой библиотеке буржуазной семьи д'Эспарвье, пропа-

гандирует идею бунта против бога и вместе с другими такими же бунтовщиками поднимает восстание. При этом, конечно, ангелы пользуются всеми современными человеческими средствами разрушения и достигают того, что под предводительством сатаны овладевают троном бога, изгоняют его с неба в ад, коронуют богом сатану, а побежденный бог делается в аду сатаной [29]).

Из философских мудрствований автора однако можно усмотреть, что он как будто воюет с еврейским богом, Иеговой, который, по его мнению, представляет лишь видоизменение ассирофиникийского Ялдбаота. В действительности же он нередко от Иеговы переходит к христианскому богу, и, таким образом, резкая критика божества порой относится непосредственно к богу, чтимому христианами. Так [30]):

1. На стр. 96—97 Аркадий говорит: «Я верю в бога евреев и христиан. Но я отрицаю, что он создал мир; он, самое большее, лишь организовал некоторую его часть, и все, к чему он прикоснулся, носит на себе печать его грубого и непредусмотрительного ума. Я не думаю, чтобы он был вечным и бесконечным, так как абсурдно мыслить существо, которое не имеет конца во времени и пространстве. Я считаю его ограниченным и даже очень» и т. д.

2. На стр. 114 бог представляется Аркадию так: «Этот жадный до хвалений повелитель, которому он долгое время поклонялся, теперь представлялся ему невежественным, тупым и жестоким тираном».

3. На стр. 126 про Ялдбаота говорится, что «он лжет, называя себя бесконечным, вечным и всемогущим, что он далек от того, чтобы создавать миры, и не знает ни их числа, ни законов».

4. На стр. 135, когда Аркадий убедился, что Ялдбаот вместе с миром сотворил зло и смерть, он перестал обожать его и служить ему: «Его любовь превратилась в ненависть, поклонение в презрение. Он крикнул ему в лицо свое проклятие и бежал на землю».

5. На стр. 217—218 сначала говорится об Иегове: «Его невежество, жестокость, тщеславие и азиатская роскошь, его пренебрежение к законам, его упорное желание оставаться незримым»,— все это оскорбляло греков и римлян, а затем незаметно тот же Иегова превращается в христианского бога: «Лукавый Иегова дал понять, что он послал собственного сына на землю, дабы тот кровью искупил долг всех людей... нашлись несчастные существа, поклонявшиеся Иегове и его сыну-искупителю, которые провозгласили их таинства, как благую весть. Мы должны были ожидать этого безумия».

6. На стр. 234—235 автор, допуская снисхождение к Иегове и его сыну, не прощает христианской церкви ее нетерпимости.

7. На стр. 244 утверждается, что «бог писания поражает боящегося его и щадит идущего против него, не считается с поступками людей и осуждает на гибель, когда ему вздумается, самых верных своих слуг».

8. На стр. 285—286 бог определяется, «как демиург. Он ничего не знает о божественном мире, выше его стоящем, и простодушно мнит себя единственным, истинным богом».

9. На стр. 289 Иегова-Ялдбаот опять величается не творцом, а демиургом, «невежественным и варварским».

10. На стр. 292 прибавляется: «Он никогда не видит дальше кончика своего носа... По слепоте его можно сравнить лишь с любимейшим его королем Карлом X» [31]).

11. На стр. 294 еще прибавляется: «Несмотря на свои громы он (демиург) не очень силен, это доказывает тот ужасный страх, который вызвала в нем башня из необожженного кирпича и асфальта» [32]).

12. На стр. 340 говорится об иудейско-христианском небе и опять Иегова-Ялдбаот называется «невежественным и грубым демиургом».

13. На стр. 357 высмеиваются церкви, колокольни которых «вздымаются к небу, как гигантские клистирные трубки к голым задам херувимов».

14. На стр. 404—411 описывается разгром неба, свержение бога с трона и водворение на его место сатаны.

Приведенные места подтверждают в достаточной мере кощунственный характер всей книги, но Анатоль Франс не может обойтись и на этот раз, чтобы не задеть Россию, к которой он мало расположен, а именно:

15. На стр. 139, сравнивая небо с землей, автор находит, что на земле социальный порядок лучше, чем на небе: там все прогнило: «старое управление, старое военное устройство, старые финансы, все это изъедено червями более, чем русское или персидское самодержавие».

Представляя об изложенном комитету, с своей стороны полагаю, что роман этот подлежит запрещению на основании ст. 73 уголовного уложения 1903 г. [33]).

Васенцович-Макаревич.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры гр. А. Н. Муравьева: «Запретить» [34]).

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1914 г., № 2500.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Новое рассмотрение этого произведения было вызвано циркуляром Главного управления по делам печати от 17 октября 1906 г., № 10497, которым предписывалось пересмотреть запретительные решения, состоявшиеся по отношению к заграничным изданиям, прошедшим русскую цензуру до 1 октября 1905 г. (в связи с манифестом 17 октября 1905 г.).

2) Запрещение книги А. Франса «Харчевня королевы Гусиные лапки», по докладу самого Дукшта-Дукшинского, последовало вследствие того, что в ней была усмотрена антирелигиозная, а не антимонархическая тенденция (см. документ № 1).

3) Девотка — набожная женщина, ханжа.

4) Эта книга А. Франса, как и «Харчевня королевы Гусиные лапки», пересматривалась цензурой в 1907 г. на основании уже упомянутого циркуляра Главного управления по делам печати от 17 октября 1906 г., № 10497, подобно ей подверглась новому запрещению.

5) «Журнал для всех» издавался в Петербурге с 1895 г.; редактором-издателем его с 1899 г. был В. С. Миролюбов. Благодаря хорошо подобранному составу сотрудников, большому вниманию, уделяемому журналом освещению темных сторон русской жизни, а также вследствие очень низкой цены (1 руб. в год), он пользовался большим распространением. Неоднократно подвергался цензурным взысканиям.

6) Статьей 95-й запрещалось допускать к печати сочинения, «излагающие вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии».

7) «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки» издавался в Петербурге с 1897 г. (редактор Ф. Н. Булгаков). С 1904 г., кроме переводов, стал помещать и произведения русских авторов, в связи с чем из его названия было выпущено слово «иностранной».

8) Устав о цензуре и печати не только предписывал передавать на рассмотрение духовной цензуры произведения, целиком или частично посвященные вопросам ре-

лигии, но обязывал сноситься с органами духовной цензуры по поводу всех произведений, по закону подлежащих ведению светской цензуры, но вызывающих хотя бы сомнение относительно подведомственности их цензуре духовной.

9) Статья 260-я предписывала не разрешать сочинений «с большими недостатками в основательности мыслей, чистоте христианских чувств, доброте слога, ясности и правильности изложения».

Статья 262-я предлагала запрещать сочинения и переводы, «в которых находятся места, противные христианской нравственности, правительству и религии».

10) В подлиннике цитата приведена на французском языке.

11) Произведение Л. Н. Толстого «Царство божие внутри нас» неоднократно подвергалось цензурным запрещениям как за «кощунственное отношение к догматам и обрядам христианской, особенно православной, церкви», так и за проповедь «всесторонней государственной и общественной анархии». См. фонд Главного управления по делам печати, I отделение, дело № 246, 1908 г.

12) См. документ № 7.

13) Журнал «Социалистическая библиотека» выходил в 1906 г.—2-я и 3-я его книги подверглись аресту в том же году. Они состояли: № 2—из статьи П. А. Кропоткина «Завоевание хлеба», № 3 — из статьи А. Вольского «Умственный рабочий. — Ч. I. Эволюция социал-демократии» (в 1913 г. арестованные экземпляры этой книги были уничтожены).

№ 1 журнала, состоявший из перевода книги А. Франса «На белом камне», в 1906 г. цензура «проглядела». В сферу внимания цензоров эта книга попала только в 1913 г. (см. документ № 9).

14) Статьями 73-й и 74-й устанавливалось наказание за богохульство (ст. 73) и «поношение установлений или обрядов церкви православной или вообще христианской» (ст. 74).

15) Статья 1213[10] устава уголовного судопроизводства устанавливала случаи, в которых цензуре предоставлялось право налагать арест на отдельные нумера периодических изданий, одновременно с возбуждением судебного преследования против виновных (в том числе, когда в содержании этих нумеров заключались признаки «преступного деяния, уголовным законом предусмотренного»).

16) Утверждения ареста судом, видимо, не последовало, так как в изданном Главным управлением по делам печати «Алфавитном указателе книгам и брошюрам, а также нумерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями по 15 апреля 1914 г.», ни № 1 журнала «Социалистическая библиотека», ни книга Анатоля Франса «На белом камне» не помещены.

17) В романе изображается судьба раввина и его сыновей, из которых один стал революционером и подвергся преследованиям и ссылке, другой — врач — сделался невольным участником русско-японской войны и погиб, испытав все ее ужасы. Попутно описываются погромы и вообще тяжелое положение евреев, как жертв русского царизма.

18) Кроме абсолютного запрещения заграничных изданий, Центральный комитет иностранной цензуры практиковал еще запрещение для широкой публики, при котором допускалась выдача запрещенного издания по просительным запискам наиболее надежным в политическом отношении лицам.

19) Эта и следующие цитаты в подлиннике приведены на французском языке.

20) Перед нами снова случай абсолютного запрещения (см. примечание 18-е). В связи с этим подверглась исключению выдержка из речи Франса о 9 января, приведенная в книге «Эрнест-Шарль. Литературные субботы», Париж, 1907, как доказательство того, что Франс из тонкого изящного писателя превратился в «напыщенного и лишенного вкуса митингового оратора». Цензор А. А. Горяинов предложил исключить эту выдержку, считая, что «плоские слова» Франса о Николае II не могут быть терпимы даже при условии отрицательного отношения к ним автора. (См. фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1907 г., № 8326).

21) После отмены предварительной цензуры неповременных изданий (1906 г.) органам цензуры было предоставлено право налагать арест на вышедшие уже издания, с одновременной передачей решения дела судебным учреждениям (см. примечание 26-е).

22) Название глав VI и VII, а также дальнейшие цитаты в подлиннике приведены на французском языке.

23) О статье 74-й см. примечание 14-е.

24) Имеется в виду Петербургский комитет по делам печати, занимавшийся, как орган внутренней цензуры, рассмотрением произведений, выходивших в Петербурге,

в отличие от Центрального комитета иностранной цензуры, ведению которого подлежали вопросы о допущении к обращению внутри империи заграничных изданий.

Перевод на русский язык «Острова пингвинов», о котором упоминает цензор, Петербургским комитетом по делам печати был пропущен без возражений, так как было признано, что первые восемь глав книги, содержащие сомнительные с точки зрения религиозной места «представляют собой пародии частью на католические средневековые легенды, частью на те споры, которые происходили на католическом западе в эпоху схоластического богословия и которые в настоящее время не могут иметь религиозного значения». Приняты были во внимание также существенные отступления перевода от подлинника (см. фонд Главного управления по делам печати, I отделение, дело № 39, 1910 г.). О цензурной судьбе перевода «Острова пингвинов» Мацкевича и Хвойника см. документ № 13

25) В соответствии с исключением VI и VII глав из французского подлинника книги Центральный комитет иностранной цензуры произвел исключения этих глав из переводов ее на немецкий и польский языки, подвергавшихся рассмотрению в 1909 г. (см. рапорты №№ 3563 и 5370).

Перевод книги на датский язык, рассмотренный в 1910 г., вызвал более снисходительное отношение: было разрешено выдать книгу владельцу, не производя из нее исключений (см. рапорт № 2395). Видимо, было принято во внимание, что датским языком в России владеет очень ограниченный круг читателей.

26) Указ 26 апреля 1906 г., содержащий «временные правила» для непериодической печати, так же как и указ 24 ноября 1905 г. относившийся к печати периодической, представлял собой уступку, к которой самодержавие было вынуждено революцией. Основное содержание этой уступки — отмена предварительной цензуры.

Статья 3 отдела IV указа 26 апреля 1906 г. предоставляла органам цензуры право наложения ареста на все экземпляры неповременного издания, «когда в издании этом заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного уголовным законом». Одновременно вопрос об аресте должен был передаваться на решение судебного учреждения.

Приговором Московского окружного суда от 10 февраля 1911 г. было постановлено книгу А. Франса «Остров пингвинов» уничтожить. (См. фонд Главного управления по делам печати, II отделение, дело № 254, 1909 г., л. 8).

27) В подлиннике цитаты приведены на французском языке.

28) Статья 182 устава о цензуре и печати предписывала «при рассмотрении книг иностранных... обращать внимание на цель оных, на дух и намерение автора, не принимая всех его выражений в тесном смысле».

29) Конец романа цензором пересказан не совсем точно. Как известно, в романе план восстания ангелов не приводится в исполнение, так как сатана разочаровывается в самой его идее после того, как во сне видит осуществление замысла и его результаты.

30) Все дальнейшие цитаты в подлиннике приведены на французском языке.

31) Карл X — второй после реставрации Бурбонов король Франции (1824—1830), свергнутый Июльской революцией. При нем крайне усилилось влияние духовенства и иезуитов, которым он оказывал особое покровительство.

32) Намек на библейскую легенду о Вавилонской башне.

33) О статье 73-й см. примечание 14-е и документ № 13.

34) В связи с запрещением романа «Восстание ангелов» цензура исключила и статью о нем Жоржа-Ле-Кордоннеля, помещенную во французском журнале «Ле-Марж» (№ 50 от 15 июня 1914 г.). Исключение этой статьи было произведено по отзыву цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича, указавшего, что в ней проводится сочувственное отношение к Франсу и его произведению и что она содержит выдержки из романа, «конечно, самые яркие и сильные места кощунственного характера». (См. фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1914 г., № 6605).

Из дневника А. А. Половцова

Выдержки из дневника А. А. Половцова уже печатались в «Красном архиве» [1]).

Половцов соединял в себе черты представителя высшей бюрократии трех последних царствований и представителя крупной буржуазии. Сам по себе он был человеком незнатного происхождения, и в обычных условиях ему нелегко было бы сделать карьеру. Но он женился на приемной дочери капиталиста барона Штиглица, и миллионы открыли ему дверь в придворные круги. После смерти своего тестя он стал владельцем крупных металлургических заводов в Богословском горном округе, одним из богатейших людей царской России.

Он был образованным для своего круга человеком, и всего больше манила его придворно-бюрократическая карьера. Но она не давалась ему. Хотя он и достиг звания сенатора, государственного секретаря и члена Госуд. совета, но руководящие посты ускользали от него при всяких переменах на троне и среди министров. Все его старания стать ближайшим советником у царей оканчивались неудачей. Богатство создало ему некоторую «независимость» при дворе. Хотя он был убежденным монархистом и реакционером и эта его «независимость» сопровождалась верноподданническим холопством, но при дворе и в высших бюрократических сферах к нему относились, как к выскочке.

Неудачи создали озлобленность. Накопившуюся горечь Половцов изливал в своем дневнике. Он был не лишен наблюдательности и литературных способностей. Поэтому его характеристики царей, великих князей, придворных сановников и бюрократов высшей марки часто злы и метки. В интимном дневнике он разоблачает тайны двора. Как председатель императорского Исторического общества он не имел мужества в исторических трудах раскрыть подлинное лицо царизма. Но в дневнике своем он часто выступает как летописец-разоблачитель, и его свидетельство имеет ценность исторического материала.

Публикуемые в этом томе выдержки из дневника Половцова охватывают 1894 год. Они дают интересную картину царского двора и высших кругов бюрократии в момент, когда после смерти Александра III вступил на престол его сын. Черты последнего представителя династии Романовых проступают ярко уже в первые месяцы его царствования. При крайне убогом общем и специально историческом образовании он был, оказывается, «усердным поклонником» Николая I.

Рассказ об обстоятельствах, вызвавших отставку министра путей сообщения Кривошеина, о взятках, грабеже, растратах в дворцовой охране и в «богоугодном» ведомстве императрицы Марии Федоровны дает дополнительный материал для характеристики всего хищнического строя, разбитого и уничтоженного пролетарской революцией.

Д. З.

---

[1]) См. «Красный архив» тт. III, IV, XXXIII, XLVI (в III т. даны краткие биографические сведения об А. А. Половцове).

1894 год.

27 октября. Четверг.

Положительные известия о плохом состоянии здоровья государя [Александра III] мы получили в сентябре месяце от кн. Н. С. Долгорукого, приехавшего из Красного Села, где он по обязанности свиты генерал-майора дежурил при императоре и был поражен его исхудалостью и ослаблением. Окружавшие государя категорически заявили Долгорукому, что врачи удостоверили существование albuminerie — отделения белковины.

По возвращении в Париж дурные вести стали умножаться, и скоро исчезла всякая надежда на выздоровление. Несмотря на то в. кн. Владимир Александрович и в. кн. Мария Павловна приехали в Париж. В среду, 12 (24) октября, мы должны были ехать вместе в Opéra Comique, но втечение дня я получил из России телеграмму, гласившую: «Fin approche, question d'heures»[1]). Я немедленно поехал в «Hôtel Continental», и в. князь с в. княгиней, несмотря на то, что получили в этот же день из Ливадии от императрицы депешу, утверждавшую, что государю лучше, решили не ехать в оперу, а провести вечер в нашей скромной квартире, rue Cambon, 41. Я поскорее забежал в Jockey-club и уговорил трех любезных французов: duc de la Force, Fredern, O'Connor провести вечер у нас и своей болтовней несколько ослабить тяжесть угнетавшего нас впечатления. На другой день получены весьма дурные известия, и в. князь с в. княгиней тотчас уехали в Ливадию. Двадцать четыре часа спустя за ними проследовал в. кн. Алексей Александрович. Уехавший из Парижа одновременно с ним Долгорукий обещал предуведомить нас о времени привезения в Петербург тела государева, и, получив от него условленную депешу, выезжаем из Парижа в понедельник, 24-го, а достигаем Петербурга в четверг, 27 октября.

Проездом через Берлин вижу Шувалова, который не может нахвалиться германским императором, непрестанно восхищающимся достоинствами de son ami Nica[2]).

Петербург еще довольно пуст, но несмотря на то переполнен сплетнями и выдумками.

Захожу к министру внутренних дел Дурново, который получил от молодого государя такую телеграмму: «Если можете, приезжайте в Москву, где надеемся быть в воскресенье».

Дурново сообщает, что в Москве, а также и в Петербурге были разосланы и расклеены по стенам прокламации, требовавшие от нового государя конституции и угрожавшие в противном случае смертным приговором.

29 октября. Суббота.

Узнав о приезде в. кн. Владимира Александровича, еду к нему в 1½ час.

Вот приблизительно сущность слышанного от него.

Государь умер, сознавая приближение кончины, он часто крестился и, видимо, молился. Он говорил императрице, что оставляет духовное

---

[1]) «Кончина приближается, вопрос нескольких часов».

[2]) Своего друга Ника.

завещание, но до сих пор такового не нашли. Быть может, оно в столе аничковского или гатчинского кабинета; ключи от этих столов были в Ливадии. Ничего он наследнику не говорил в смысле политических наставлений. Наследник по вступлении на престол выражал Владимиру Александровичу, в какой степени положение его затруднительно вследствие его неприготовленности и отдаления от дел, в коем его доселе держали.

Владимир Александрович отвечал ему, что помнит вступление на престол и своего отца и своего брата, что при каждом из этих событий Россия находилась в совсем ином, весьма тяжелом, смутном положении, что теперь напротив, после тринадцатилетнего мира, все находится в ином положении. Без сомнения, течение государственной и народной жизни потребует изменений, но что торопиться этими изменениями нет надобности. Не следует подать повода заключать, что сын осуждает порядки, установленные отцом, выборы людей, призванных им к сотрудничеству; на первое время переменами следует приостановиться, но, конечно, следовать тому, что было основою всей политики покойного: Россия для русских. Он мог ошибаться в подробностях, но основная, коренная мысль его была верна.

Молодой император весьма сочувственно принял слова своего дяди и тотчас передал их своей матери, которая тем более была тронута этими словами, что на основании некоторых прежних эпизодов ожидала иного мнения.

Передавая мне все это, в. князь прибавил всегдашнюю свою оценку достоинств своего покойного брата, останавливаясь особенно на том, что он, как человек глубоко искренний, готов был слушать всякое чужое мнение и нередко отступал от своего убеждения. При этом в. князь вспомнил, как вначале царствования он имел с своим братом продолжительные разговоры, умеряя его вспышки неудовольствия и раздражения то против Австрии, то против Пруссии, то против Англии, — вспышки, тесно граничившие с воинственным задором.

Я мог ответить только, что в. князь может с покойною совестью наслаждаться мыслью о том, что он доставил счастие современникам и потомству, схоронив в душе своей воспоминания о разговорах с братом и не нуждаясь в людской славе, в похвалах, пригодных для какого-нибудь Скобелева, Бонапарта и им подобных проходимцев.

Вечером от достоверного повествователя слышу, что новый государь — усердный поклонник императора Николая I (вероятно, потому, что плохо знает его царствование). Под впечатлением такого поклонения он относится с большим сочувствием к престарелой и недалекой в. кн. Александре Иосифовне, которой сказал, что ему надоели советы дядей и что он им покажет, как обойдется без этих советов.

В. кн. Михаил Михайлович чрез в. кн. Марию Павловну просил о даровании ему прощения и позволения приехать в Россию ко дню похорон императора; императрица мать предложила разрешить Михаилу Михайловичу приехать ко дню похорон и немедленно вслед затем опять уехать из России, но молодой император категорически во всем отказал Михаилу Михайловичу.

Делая визиты, заезжаю в этот день к Витте, которого застаю дома. Входит Муравьев, и они вдвоем рассказывают невероятные пошлости министра путей сообщения Кривошеина, который распорядился о взыскании с каждого подписывающего в министерстве контракт взыски-

вать многотысячную сумму на общеполезное по его, Кривошеина, понятиям дело.

Один из таких контрагентов — Юз, владелец обширных на юге каменноугольных копей и железоделательного завода, был обложен сбором в 50 тысяч; он согласился заплатить всего 10 тысяч, и, когда ему отказано было в подписании контракта, то он пришел в департамент железных дорог министерства финансов и сделал сцену, вследствие которой дело и дошло до министра.

С другим подрядчиком произошла комическая сцена. Его фамилия Игнациус, и Кривошеин, принимая его, начал бранить его за то, что он не хочет вносить наложенного на него платежа, подобно всем приезжающим из других государств иностранцам, кои преследуют лишь цели наживы и не хотят делать никаких на пользу России пожертвований. Подрядчик отвечал, что он коренной русский подданный и отставной полковник Преображенского полка.

Заходит ко мне гр. Константин Пален, бывший министр юстиции, и рассказывает еще хороший анекдот про того же Кривошеина. По докладу государственного контролера государь сделал отметку, что Либавскую дорогу следует в видах экономии отапливать углем, а не дровами. Кривошеин отвечал, что это невозможно, потому что с подрядчиком заключен долгосрочный контракт. Тогда контролер выяснил, что контракт имеет силу всего на 8 месяцев и что в качестве топлива поставляются дрова из лесов, принадлежащих Кривошеину.

31 октября. Понедельник.

Приезжает ко мне Муравьев. Рассказывает, что в анархистских кругах положено напомнить о своем существовании выходками спорадического террора. Намечены жертвами Победоносцев и Гурко. В Польше, с одной стороны, социальное, с другой, революционное движение подвигаются быстро. Пробыв в Варшаве 5 дней, Муравьев имел случай в том убедиться рассмотрением множества производящихся там политических процессов. Гурко — развалина. Его жена непозволительно захватывает власть. Муравьев ожидает первого своего доклада у государя, чтобы представить ему обширные документы относительно анархического движения. Иными словами, он рассчитывает на возможность этим путем пробраться в министры внутренних дел.

Я забыл записать, что, быв у Витте, я обратился к нему и присутствовавшему при этом Муравьеву с такими словами: «Вы оба, господа, умнее всех своих сотоварищей, вы жалуетесь на то, что при покойном государе проскакивали такие непродуманные распоряжения, как учреждение инспекторского департамента. Позвольте сказать вам, что для предотвращения этого в будущем одно средство: по возможности вести дела к тому, чтобы они обсуждались при участии нескольких лиц, а не решались с глазу-на-глаз в кабинете государя с одним каким-либо лицом. Вам обоим это всегда будет выгодно, потому что вы сумеете в прениях победить других».

Они оба так были поражены смелостью моего заявления, что ни единого слова мне не отвечали.

При новом свидании Муравьев заявил мне, что он моей мысли вполне сочувствует, а относительно Витте прибавил, что он тоже против

моей мысли ничего не имеет, но под условием, чтобы он, Витте, был приглашаем на всякое подобное совещание. Я возразил, что без министра финансов едва ли может решаться какой бы то ни было серьезный вопрос.

1 ноября. Вторник.

К девяти часам утра приезжаю на станцию Московской железной дороги. На меня возложена обязанность нести сибирскую корону, состоящую в числе «регалий». В 9½ часов церемониймейстер устанавливает нас на Невском проспекте вблизи от Николаевской улицы. Граф Пален несет скипетр, Набоков императорскую корону, Рооп государев меч и т. д. При каждом из нас два ассистента. Меня сопровождают гофмейстер Мицкевич и сенатор Гречищев, которым я от времени до времени и передаю подушку, на коей лежит мнимо-сибирская корона, т. е. шапка из золотой парчи, окаймленная соболем и покрытая эмалевыми украшениями в стиле XVI столетия с несколькими не очень драгоценными камнями. По прибытии погребального поезда в 10 часов шествие трогается и достигает Петропавловской крепости в 2 часа. По обеим сторонам улиц (Невский, Адмиралтейская площадь, Английская набережная, Николаевский мост, Васильевский остров, Мытнинский мост, сквер) стоят войска и учебные заведения, а позади их публика. Порядок примерный. В соборе служат панихиду и поклоняются телу, лежащему в открытом гробе. Бальзамирование сделано через три дня после смерти и потому весьма неудачно.

2 ноября. Среда.

В 12 часов в Аничковом дворце государь принимает Государственный совет. В гостиной, что пред бальным залом, мы выстраиваемся по старшинству. Войдя в комнату и остановясь недалеко от двери, молодой государь говорит приблизительно следующее:

«Нас постигла тяжелая утрата, мы потеряли государя, благодетеля, отца. По воле провидения мне суждено принять наследство отца моего преждевременно рано. Я не имел случая в последние дни жизни отца моего получить от него поручение благодарить вас, но, зная его чувства по отношению к совету, я могу не ошибаясь передать вам, господа, его благодарность за труды ваши в его царствование. Возлагаю на провидение надежду, что оно поможет мне исполнять лежащие на мне обязанности; надеюсь и на вас, господа, в том, что вы трудами своими поможете мне сделать все от меня зависящее для счастья России».

После своей речи он подошел к старейшим членам гр. Гейдену, Абазе, Убри, Набокову, Палену, Сольскому, Гирсу и пожал каждому из них руку; дойдя до гр. Игнатьева, он сделал общий поклон и удалился.

Еду вечером на панихиду в Петропавловскую крепость. Стоя рядом с Победоносцевым, спрашиваю его, он ли писал манифесты. Отвечает, что писал только второй — о крещении невесты, а первый был представлен графом Воронцовым-Дашковым.

Сообщает, что в Москве имел продолжительный разговор с юным государем, которому и написал слышанную советом речь, причем сказал: «Ведь вы никого не знаете. Ваш отец при вступлении на престол был в таком же положении, — я один был около него. И теперь, если

вам что понадобится, то пошлите за мной, — ведь мне ничего не нужно, я желаю только служить вам».

3 ноября. Четверг.

Приезжает завтракать Павел Шувалов; рассказывает о том, как горячо в отношении нового императора выражает свои чувства Вильгельм, который непременно хотел приехать в Петербург на похороны, но отказался от этой поездки вследствие настояний своих приближенных, находивших, что он и без того слишком усиленно и явно ухаживает за Россиею. В. кн. Владимир Александрович мне говорил, что в депеше государю Вильгельм пишет: «Je suis obligé de rester ici pour étouffer le socialisme» [1]). Шувалов в дополнение этому говорит, что Вильгельм сообщал ему, что в Магдебурге был открыт заговор анархистов, намеревавшихся взорвать укрепления Магдебурга, причем должно было погибнуть до 100 тыс. человек.

Шувалов забавляет нас рассказом о том, как он имел свидание с Гирсом и заявил ему о желании после десятилетней тяжелой в Берлине службы покинуть тамошний пост. На что Гирс с обычным лицемерием отвечал, что он намерен просить об отставке и что ходатайство Шувалова должно быть заявлено его преемнику.

4 ноября. Пятница.

Государь принимает в три часа Лобанова весьма любезно в Аничковском дворце, где он продолжает занимать свои великокняжеские комнаты. Разговор продолжается 20 минут и не касается политики. Государь жалуется на продолжительность и множество церковных церемоний. «Мы все исплакались,— говорит он,— и присутствуем на панихидах как истуканы».

5 ноября. Суббота.

Разговаривал у себя дома вечером с несколькими приятелями по поводу выраженного одним из них убеждения о глубокой преданности царю русского народа, выслушиваю такой рассказ от князя Куракина, крупного симбирского помещика. Один из мужиков, запевал в его имении, узнав о смерти государя, сказал Куракину: «Ведь у него, верно, наследник был?» — и на утвердительный ответ продолжал: «Знамо дело, они не переведутся».

6 ноября. Воскресенье.

Заезжаю к Победоносцеву, который на вопрос мой о том, хранит ли он письма покойного государя, отвечает, что послал молодому императору письма его отца за первый год царствования. В числе их есть любопытные, как, например, письмо от 31 декабря. Накануне нового года Александр III пишет, что лишь глубокое религиозное чувство, им питаемое, останавливает его от самоубийства, — до того ужасно его положение.

Среди современных драматических событий и положений слышатся любопытные в психологическом и историческом отношении рассказы, которые я и буду заносить сюда, ручаясь за их достоверность, но не выставляя имен тех, кому я обязан их сообщением.

[1]) «Я должен остаться здесь для того, чтобы задушить социализм».

Гр. С. Д. Шереметьев говорит, что нынешний государь — человек весьма бессердечный, неспособный к увлечению. Дети гр. Шереметьева с детства были товарищами по играм, препровождению времени с наследником, но никто из них не может сказать, в чем заключается его образ мыслей. Во время предсмертной болезни государя в Ливадии однажды гр. Шереметьев, разговаривая с наследником, выхвалял ему прелести Ливадии и жизни там сравнительно с Петербургом и петербургской жизнью. Наследник в ответ на такую оценку сказал, что жизнь в Ливадии скучна, из чего гр. Шереметьев вывел новое доказательство его бессердечности.

Молодой государь чрезвычайно нежно обходится с матерью. День начинается с того, что он приходит к ней в уборную и, показывая ей все полученные им письма, советуется относительно всего предстоящего ему в тот день.

Втечение дня, в то время как он читает в изобилии присылаемые ему бумаги, его невеста сидит за чтением или рукоделием в той же или соседней комнате.

13 ноября. Воскресенье.

Министр иностранных дел Гирс, гораздо более похожий на разлагающийся труп, чем на живого человека, при первом докладе государю уклончиво пролепетал что-то о своей отставке; он утверждает, будто бы государь отвечал, что просит его не покидать, что теперь настает время пожинать то, что отец его и Гирс посеяли. Так ли это?

Сегодня заехал ко мне Бунге и рассказывал, что, быв у государя, чтобы переговорить о всемилостивейшем манифесте по случаю бракосочетания, спросил его, кому ему угодно будет поручить председательствование в Сибирском комитете; на это последовал ответ: «Это дело так меня интересует, что я желаю сам остаться председателем».

14 ноября. Понедельник.

В 11½ часов приказано съезжаться в Зимний дворец по случаю бракосочетания государя императора. Между матерью императора и братьями покойного отца его были продолжительные споры о том, каким порядком должна совершаться церемония, т. е. с обычною пышностью и блеском или в более скромных размерах. Первое мнение — мнение в. кн. Владимира Александровича — восторжествовало, по счастью.

15 ноября. Вторник.

Заезжает ко мне Имеретинский и, с свойственными ему остротою и резкостью, рассказывает следующее:

Согласно давно существующему обычаю, решено послать к иностранным дворам генерал-адъютанта для оповещения о вступлении на престол нового государя. Добрый, но глупый командующий главною квартирою Рихтер в выборе долженствующих ехать с этим поручением лиц руководствовался исключительно желанием сих последних. Так, напр., на вопрос, сделанный Рихтером Имеретинскому, куда бы он желал поехать, последний отвечал: «Меня интересуют макароны и кастаньеты», вследствие чего Имеретинский и назначен к поездке в Италию и Испанию. Вероятно, таким же порядком назначен в Берлин пошлый глупец Свечин, а в Париж и Лондон — ненавистный Европе

вообще, и Англии в особенности, по своей предшествующей деятельности, гр. Игнатьев.

На церемонии бракосочетания Имеретинский увидал в одной из зал неподвижно стоявшего Гирса (которого унесли на кресле тотчас после того, как прошло шествие, так как он не имел сил ни войти в церковь, ни добраться на своих ногах до подъезда). Подойдя к нему, Имеретинский спросил, окончательно ли состоялось назначение ген.-адъютантов. Гирс вспыхнул и сказал, что не понимает, как Рихтер осмелился сделать подобные распоряжения, не войдя в соглашение с ним, Гирсом, и что он пойдет жаловаться государю и просить распоряжения об отмене.

Другой рассказ Имеретинского: Воронцов сказал Победоносцеву, что сам писал первый манифест — о вступлении на престол; вслед за тем Вяземский, на скромность которого Воронцов рассчитывал, стал утверждать, что [манифест] написан им, а когда это известие распространилось, то один из подчиненных Вяземского — Ваганов — стал утверждать, что истинный автор манифеста никто иной, как он, Ваганов.

Лобанов дает нам обед в помещении нового клуба. Павел Шувалов сообщает мне, что комбинация о назначении его генерал-губернатором в Варшаву подвигается вперед. После обеда в приятельском кружке (Пален, Убри, я) он поддерживает тему, что и ему принадлежит частичка того ореола «миротворца», коим исключительно поминают Александра III. Как образец того, в какой степени бывало трудно поддерживать хорошие с Пруссией отношения, Шувалов передает следующий случай. То было во время приготовления к памятному дню свидания императоров в Киле, где Шувалов уже ожидал съезда высочайших путешественников. Здесь он получил от Александра Александровича депешу, написанную немецкими словами, но русскими буквами,— депешу, в грубых выражениях предписывавшую отменить все сделанные германским императором распоряжения о принятии наивозможно торжественнее и пышнее его русского коллеги. Времени до приезда оставалось слишком мало, чтобы начать телеграфную переписку, и Шувалов решился сесть на первый отходивший в Потсдам поезд и, не снимая поношенного пальто и потертой шляпы, отправился прямо к императору Вильгельму. В Потсдаме оказалось, что император присутствует на каком-то торжественном параде, так что полицейские стражи не пропускали Шувалова, принимая его чуть не за анархиста. Наконец, ему удалось пробраться, и он стал на пути следования императора, ведшего под руку императрицу. Прочитав депешу, текст которой был несколько сглажен Шуваловым, Вильгельм тотчас, нисколько не задумываясь, сказал: «Отвечайте, что я на все согласен; войдите в кабинет мой и напишите там ответную депешу».

Графиня Шувалова рассказывает мне, что у нее в тот день была с визитом жена Гурко и заявила, что после оскорблений, испытанных ее мужем в Петербурге, он ни в каком случае не останется долее варшавским генерал-губернатором.

17 ноября. Четверг.

В пятом часу еду к в. кн. Марии Павловне, которой еще не видал с приезда. В этот час она бывает дома и принимает. Застаю ее наверху в гостиной вместе с в. князем и мекленбургскою ее приятельницей

госпожею Петерс. Через несколько времени входит кн. Волконская, и я увожу в. князя в соседнюю комнату, чтобы держать ему приблизительно следующую речь:

«Все, что слышится о новом государе, утешительно и отрадно во всех отношениях, но есть несколько мелких обстоятельств, в коих вы можете оказать ему услугу. Например, Кшесинская продолжает вести себя неприлично, кричит окружающим ее: «Ну, еще увидим, чья возьмет, — Алиса или я» и т. п. Необходимо ее выслать из Петербурга и не давать в руки капиталов, а назначить пенсию, которую и выплачивать ежемесячно под угрозою отнятия в случае возвращения.

О поведении ее мне известно от директора театров Всеволожского. Она чувствует поддержку в Михайловичах, которые ссудили государя 400 тыс. руб., чтобы рассчитаться с любовницей, когда покойный отец его не хотел давать более несообразно ограниченной суммы.

Вы говорили мне, что ляжете костьми, но не пропустите к молодому государю хлыща, а между тем хлыщ уже проник туда и, как слышно, пользуется особым расположением: это — Плеве, человек весьма способный, но без всяких принципов, думающий исключительно о своих выгодах и одинаково пользовавшийся расположением и Лорис-Меликова, и Игнатьева, и Толстого, и Дурново. Не такие люди нужны государю. Воспользуйтесь первым случаем, чтобы убедить его при первой возможности созывать несколько людей и выслушивать их взаимные прения. Пускай на докладе того или другого министра отложит одно или два дела, имеющие отношение к другому министру, а затем созовет в один день всех подлежащих министров и выслушает мнение каждого».

В. князь сочувствует этой мысли и обещает сделать все от него зависящее для ее осуществления.

В. князь: «Il comprendra que je n'ambitionne rien». Я: «Certainement d'autant plus que vous êtes exempt d'ambition non seulement par naissance, mais aussi par tempérament»[1]).

19 ноября. Суббота.

Делаю визит к Сольскому. Этот высшего сорта чиновник представляет из себя любопытное явление. Будучи богато одарен от природы, весьма образован, в итоге исполнен добрых чувств,— он мог бы принести своею службою несомненную пользу, но полнейшая его бесхарактерность, вознесшая его, правда, на высоту чиновничьего величия, сделала из него опасного и презренного покровителя всякой мерзости или пошлости, коль скоро мерзость эта исходит от сильного по положению человека.

На этот раз начинаю разговор с предстоящего в ближайшем заседании финансового комитета обсуждения вопроса о выпуске новых билетов государственного казначейства (серий) взамен таких же, оканчивающих срок своего существования. Я высказываю мысль о необходимости вникнуть поглубже в оценку этой формы займа, — формы приносящих проценты денежных знаков, формы наиболее опасной при наступлении какого-либо кризиса. Сольский, в душе своей разделяющий взгляд мой, находит на словах, что форма эта прекрасна и возбуждаемый мной вопрос излишен.

[1]) В. князь: «Он поймет, что я ничего не домогаюсь». Я: «Конечно, тем более, что вы лишены честолюбия не только по своему происхождению, но и по темпераменту».

Переходя к обсуждению всей финансовой политики Витте, я высказываю мысль, что столь широко проводимые им принципы безграничного вмешательства правительственных чиновников в мелочи частной промышленной деятельности и всякого рода предприимчивости убивают эту предприимчивость, делают невозможным сильное развитие труда, а с ним вместе и подъем экономического благосостояния, что та ужасная чиновничья опека, под которою мы живем, есть ничто иное, как государственный социализм, приносящий нередко плоды еще более горькие, чем социализм отдельных граждан.

Что же отвечает мне Сольский? «Да, это правда, но социализм делает повсюду такие быстрые шаги вперед, что нам остается лишь подчиниться этому движению». На этом слове я встал и уехал.

20 ноября. Воскресенье.

В 1 ч. уезжает к своему посту в Вену кн. Лобанов, прогостивший у нас в Петербурге три недели. Он уезжает, опасаясь, что будет скоро вызван для занятия места Гирса. Опасается он этого потому, что видит всю трудность ведения дел при петербургских порядках, и потому, что в его годы желал бы прожить остаток дней, дыша во всех отношениях менее отравленным воздухом.

Лобанов человек добрый, умный, простой в обращении, честный и твердый в сношениях, весьма образованный, быть может, иногда слишком легко принимающий события и подчас смотрящий на них несколько исключительно.

Несомненно, что он головою выше всякого другого кандидата, который мог бы попасть на этот наиважнейший в настоящую минуту для России пост.

21 ноября. Понедельник.

На своей обычной утренней, в девятом часу, прогулке встречаю в. кн. Владимира Александровича, который сообщает мне, что назначение П. Шувалова на место Гурки в Варшаву дело решенное, что Гурко будет назначен фельдмаршалом. Я: «А в Берлин кого же?» В. князь: «Мой кандидат был бы Н. Долгорукий». Я: «Против него будет Шувалов». В. князь: «Я не думаю, потому что Долгорукий ушел из военных в Берлине агентов, как скоро узнал, что его личность неприятна была Шувалову».

Поговорив о предметах безразличных, спрашиваю его, говорил ли он что-либо вдовствующей императрице о каких-то бриллиантах. Отвечает, что говорил два раза и будет говорить еще, потому что бриллианты эти, по завещанию императрицы Марии Александровны, должны были быть вручены новобрачной супруге императора в самый день ее свадьбы, а между тем Мария Федоровна этого не сделала; впоследствии это забудется, и воля матери его, в. кн. Владимира Александровича, останется неисполненною. Я: «Но вы сказали это в присутствии Ксении Александровны. После вашего ухода [она?] и мать проливали обильные слезы, будучи обижены тем, что подверглись таким с вашей стороны подозрениям».

Владимир Александрович: «И все-таки я буду еще раз говорить». Я: «Умоляю вас этого не делать». Владимир Александрович: «Да ведь то же самое было с кольцами, завещанными императрицею Ека-

териною для венчания императора или наследника престола. Я с величайшим трудом добился, чтобы они были возвращены по назначению».

22 ноября. Вторник.

Обычно ничтожное заседание Госуд. совета. Рядом со мною сидящий Чертков сообщает, что едет в Париж и Лондон объявлять о вступлении на престол Николая II. Отжившее обыкновение, лишенное ныне всякого значения.

В 9 часов заседание финансового комитета на квартире у Сольского, в Гагаринской улице. Витте делает через Ротшильдов стомиллионный заем для погашения пятипроцентных железнодорожных облигаций.

Прошлою осенью, в бытность мою в Париже, я виделся с министром внутренних дел Дурново, который мне говорил, что, даже и находясь в Париже, он будто бы не перестает заниматься делами и в особенности делом об ограничении прав евреев, которое, по приказанию государя, он, Дурново, обязан непременно внести в Государственный совет. На вопрос мой, почему дело, столь долго тянувшееся, необходимо должно теперь получить столь быстрое окончание, Дурново отвечает мне, что доселе министр финансов Витте останавливал государя тем, что имел нужду в евреях, но что в последнее время Витте заявил государю, что финансы приведены им, Витте, в такое блестящее положение, что ему, Витте, никакой более надобности в евреях нет.

Неискренность такого выражения подобострастия и желание понравиться государю всего лучше доказывается тем, что на первых же днях нового царствования Витте заключает заем со всеми домами Ротшильдов.

Дело само по себе недурное, но обсуждение его в финансовом комитете почти комичное. Всякого замечания Сольский боится, как огня, и всегда соглашается с министром. По делу о займе я настаиваю только на внешней форме указа, не допуская, чтобы правительство могло давать обещания, что не будет делать того или другого. Нахожу неуместной эту отрицательную форму.

По другим делам, в особенности по выпуску новых серий, стараюсь отстоять вред такой формы займа и необходимость консолидации его на продолжительное время, с устранением характера денежных знаков, принадлежащего ныне «сериям». Витте, напротив, по недостатку финансового образования, дорожит этим характером и желает даже новым выпускам придать форму сторублевых билетов. Сверх того, он желает запретить вывоз таких билетов за границу, чтобы отнять у берлинской биржи материал для спекуляций. На этой спекуляции он совсем помешался.

Разумеется, его во всем поддерживают и Сольский, и государственный контролер [1]), цитирующий лишь тексты из правил апостольских, и Вышнеградский, опасающийся лишь раскрытия его мошенничеств преемником, и два подвластные Витте наемные чиновника, носящие титул его товарищей. Какой это комитет,—он не имеет ничего общего с комитетом в первоначальном его устройстве!

---

[1]) Филиппов, Т. И.

23 ноября. Среда.

По приглашению Воронцова еду с ним охотиться на лосей в «Вартемяш» — имение П. Шувалова.

Воронцов совсем иной, чем прежде, — нахмуренный, озабоченный, грустный. При всегдашней его молчаливости все-таки проскакивают кое-какие интересные факты, итог коих сводится к следующему.

Завещание до сих пор не найдено, и потому на-днях должен возникнуть вопрос о наследовании в имуществе покойного. У него осталось лично ему принадлежащих капиталов около 4 миллионов и приблизительно столько же в купленных им имениях. Второму сыну, Георгию, государь подарил имение в Орловской губернии, заплаченное около 4 миллионов; дочь Ксения получила в приданое 2 миллиона и дом, заплаченный один миллион, но третий сын, Михаил, и вторая дочь, Ольга, ничего еще не получили. Возникает необходимость раздела оставшегося имущества.

24 ноября. Четверг.

Разговор со вновь назначенным управляющим государственного банка [1]), который, будучи не блестящим, но здравомыслящим человеком, весьма трезво смотрит на значительную долю увлечения и пересаливания, отличающих деятельность Витте, особливо в банковом деле.

В 2 часа у графини Монтебелло, очень милой и умной женщины, весьма приятно разговаривающей до той минуты, пока она не считает необходимым перед каким-нибудь второстепенным слушателем стать на посольские ходули.

Встречаю здесь Н. Долгорукого, обер-церемониймейстера, царедворца до мозга костей. Поболтав с посольшею, едем вдвоем в новый клуб, чтобы поговорить о современном положении. Долгорукий начинает вопросом: возможно ли было ожидать такого ореола последнему царствованию? Я отвечаю, что не вижу ореола. Вся измельченная, разбитая в политические дребезги Европа была счастлива тем, что наибольшая в свете сила сосредоточилась в руке человека, искренно желавшего мира, державшего слово и отличавшегося своим упрямством. Нестало этого человека, и Европу охватил панический страх, выразившийся похвальными кликами. Но вся эта Европа видела лишь ту сторону императорской фигуры, которая была обращена к ней. Что делалось и делается в самой России, для Европы и не совсем постижимо. Пускай только не будет войны, а как живут русские, как удовлетворяются их нравственные и материальные потребности, это для Европы безразлично; напротив, чем мы беднее, невежественнее, суевернее,— тем для Европы приятнее. И вот почему самые похваления минувшему царствованию в Петербурге изображают чуть не эхо парижских и лондонских восклицаний. Я не слышал ни слова хвалы относительно мероприятий к устройству, улучшению русской жизни.

27 ноября. Воскресенье.

Вечером заезжает Протасов-Бахметьев, всегда преисполненный рассказов о своем управлении. Своеобразность его недоконченных фраз, сопоставление событий, не имеющих ничего общего, опасение сказать что-либо не только резкое, но просто категорическое, делают его изло-

[1]) Плеске, Э. Д.

жение на первый взгляд трудно понятным, но когда привыкнешь отгадывать, что скрывается под этою темнотою выражений, какой порядок вещей царит в этом будто бы благодеющем, а в действительности злодеющем ведомстве, то чувствуется, что не бедному, хотя и вполне честному, Протасову совладать с этим нравственным хаосом. Какова, например, такая картина:

В Николаевском институте расхищено 95 тысяч рублей, и вся растрата произведена с письменного разрешения заведывающего этим учреждением почетного опекуна гр. Делянова. Опекунский совет, рассматривая это дело, нашел, что виновны в такой растрате три лица: начальница института госпожа Шостак, которую нельзя подвергнуть возмещению убытков за старостью ее лет, директор заведения, который не может, равным образом, подлежать взысканию, за множеством лежащих на нем обязанностей, и, наконец, почетный опекун Делянов, на которого денежное взыскание не может быть наложено потому, что взыскание в подобных случаях производится соразмерно получаемому обвиняемым содержанию, тогда как Делянов никакого содержания не получает, и, следовательно, никакому взысканию подвергнут быть не может. Такое решение опекунского совета было представлено в августе месяце покойному государю, который написал такую резолюцию: «Какое отвратительное безобразие! Пора положить этому конец».

Такова его оценка лица, которое втечение всего своего царствования он сохранял во главе народного просвещения!

28 ноября. Понедельник.

На утренней прогулке встречаю Имеретинского, который сообщает мне, что едет в Мадрид и Лиссабон объявлять о вступлении на престол нового императора, и спрашивает, что сказать от меня Шувалову в Берлине.

Я: «Скажите ему, что я не одобряю сделанный им выбор покровительствуемого им преемника».

Имеретинский: «Да, намеченный ему в преемники Муравьев—такой проныра, что он сам себе покровительствует и ни в чьем покровительстве не нуждается. Я состоял при датском короле и видел, как Муравьев ежедневно являлся в Аничков дворец и через короля добился аудиенции у императрицы, где под влиянием ее отца устроил и свою судьбу, и повышение своего зятя — Дабижа».

Продолжая разговор, Имеретинский высказывает весьма справедливый взгляд на то, что мы до сих пор работали для Дании, что естественным последствием такой работы было охлаждение в отношении Германии и шаткое, неясное в могущих ежедневно наступить последствиях сближение с буйной, переменчивой, демагогической Францией.

29 ноября. Вторник.

Объяснение с Витте. Заявляю ему, что условия обсуждения дел в финансовом комитете невозможны и что потому только я не мог настоятельнее спорить с ним (спорить безрезультатно) относительно нового выпуска серий, кои считаю вредною для правильного финансового хозяйства бумагою. Витте отвечает мне, что, в сущности, он со мною согласен, но что вопрос этот стоит в связи с вопросом о металлическом обращении, потому что до восстановления металлического

обращения нельзя сокращать количества бумажных денежных знаков без стеснения денежного рынка, так как из других государств не может в минуты кризиса последовать прилива металла; что вопрос о металлическом обращении весьма его занимает и что на-днях он намерен внести в финансовый комитет свои предложения, заключающиеся в том, чтобы разрешить для сделок некоторых категорий употребление золотой монеты по курсу и таким образом постепенно увеличивать обращение металла, до тех пор, пока итог его, при постепенном одновременном уничтожении ассигнаций, приведет окончательно к возможности открытия размена.

Все, что он говорит, весьма умно, но несколько самонадеянно и в подробностях исполнения подлежит весьма тщательному изучению.

30 ноября. Среда.

Зайдя навестить одного больного, слышу рассказ его врача, который, состоя профессором медицинской академии, повествует о том, в каком затруднительном положении он очутился после смерти покойного государя:

«Входя на кафедру, я, конечно, желал сказать несколько слов о том, что сделал для врачебной части покойный, но что же можно было сказать, когда вся его деятельность ограничивается тем, что он из принадлежащего медицинской академии капитала выдал 30 тысяч рублей обществу врачей-гомеопатов. Мне бы следовало сделать, как Захарьин в Москве. Взойдя на кафедру, он закрыл лицо руками, несколько раз вздохнул, потом перекрестился и начал чтение лекции».

5 декабря. Понедельник.

В общем собрании Государственного совета, между прочим, рассматривается представление министра финансов Витте о предоставлении ему права назначать служащих до должностей V класса включительно, не стесняясь чином. Департамент законов сначала хотел отказать в этом представлении, а затем разрешил временное, на шесть месяцев, пользование этим правом, с тем, чтобы назначаемые имели высшее образование и с тем, чтобы втечение 6 месяцев были выработаны правила общего прохождения служебной карьеры.

Будучи связан с этим вопросом,— вопросом об уничтожении чинов,— не только личными симпатиями, но и участием своим в совещании, разработавшем предположения о замене чинов должностями, я настаиваю в особом собрании на том, чтобы предоставляемые министру финансов права были распространены на всех остальных министров. Несмотря на оппозицию Островского и Делянова, мнение мое принимается общим собранием единогласно.

12 декабря. Понедельник.

Постыдное для Плеве заседание общего собрания Государственного совета. В. кн. Михаил Николаевич устраивает торжественный прием вновь назначенному членом совета в. кн. Сергею Александровичу. Членам совета предписывается приехать в праздничной форме, в. князь обходит поставленных по старшинству членов, пожимая им руку, и, наконец, Плеве читает журнал, в коем говорится о благоговейной благодарности совета к государю за назначение в. князя. Я требую жур-

нал, мною составленный при назначении членом совета наследника престола, нынешнего государя, в коем никаких подобных выражений подобного низкопоклонничества не существует, и по окончании заседания громко говорю в. кн. Алексею Александровичу, что ему должно быть обидно, что при назначении его совет не считал, что должен чувствовать благоговейную благодарность, как при назначении его младшего брата.

На замечание, обращенное к Плеве, о том же, он отвечает, что при внимательном чтении написанного им журнала я увижу, что эти слова могут относиться к совету столько же, как и к самому в. князю. Каков негодяй!

15 декабря. Четверг.

Охота у Юсупова около станции Саблино на лосей. По возвращении домой узнаю, что министр путей сообщения Кривошеин уволен от должности. По слухам, дело было так: государственный контролер Филиппов представил государю доклад о произведенном по его распоряжению следствии относительно злоупотреблений, допущенных Кривошеиным при поставке из своего собственного имения шпал на Либаво-Роменскую дорогу. Следствие, как слышно, было подкреплено данными, добытыми через прокурорский надзор и представленными министром юстиции Муравьевым. Был вызван в Царское Село Бунге, в качестве председателя Комитета министров долженствовавший сообщить о рассматривавшемся там отчете государственного контролера. Результатом общего всех сих лиц обсуждения было поручение от государя Бунге приказать Ренненкампфу (управляющему собственною е. и. в. канцелярией) объявить Кривошеину, чтобы он подал в отставку, что и было исполнено.

Кривошеин в этот самый день производил освящение вновь отстроенной им в доме министра церкви и давал присутствовавшим (до 60 чел.) лицам обильный завтрак, после коего и получил сам угощение.

16 декабря. Пятница.

В клубе И. Н. Дурново усердно защищает Кривошеина, утверждает, что все взведенное на него клевета. Я советую ему не вмешиваться в дело, обстоятельства коего ему недостаточно известны, тем более, что каковы бы ни были его уверения, все останутся убежденными, что ему обязаны назначением Кривошеина. Дурново возражает, что Кривошеин был назначен исключительно по представлению Витте вследствие настояний Мещерского.

19 декабря. Понедельник.

Никакого заседания Государственного совета. Министры остановились какими бы то ни было представлениями. Очевидно, выжидают, чтобы выяснилось, какое дуновение свыше. Своего, самостоятельного, твердого ни у кого нет.

20 декабря. Вторник.

Заходит из комитета Победоносцев. Рассказывает, что был в Царском Селе, ездил к государю докладывать церковные дела, а при этом говорил о необходимости приблизить к императрице двух-трех женщин, могущих знакомить ее с Россией. Рекомендовал Е. А. На-

рышкину (рожд. Куракину) и Д. Ф. Тютчеву. Государю на жалобы его, что его заваливают бумагами, говорил, что он должен бы отклонить от себя многое пустое, тем более, что на его утверждение часто представляются решения только с тем, чтобы избежать ответственности. Повторял уже сказанное о Совете министров и о возможности созывать советников, хотя бы и в менее, чем советским учреждением предусмотрено, числе. Жаловался государь на Гирса, который присылает ему множество бумаг, т. е. все получаемые депеши и телеграммы. Жаловался, что не может назначить посла в Берлин, не повидавшись с Гирсом, а тот лежит недвижим в своей министерской квартире. Победоносцев упрашивал государя ни под каким предлогом не пускать к себе Мещерского; это, впрочем, казалось отвечающим взглядам много государя.

27 декабря. Вторник.

Подвергнувшись припадку подагры, сижу дома. Заходит в. кн. Владимир Александрович, более 25 лет верный в дружественном своем расположении. Повидимому, очень равнодушен ко всему окружающему и как будто чувствует, что его от серьезного дела отодвигают. Разговариваем о записках Муравьева-Карского, помещенных в последнем № «Русского архива». Какая иллюстрация николаевского царствования, — какое царствование лжи, подличания, обмана, самообольщения! В. князь говорит, что посоветовал молодому государю прочитать эти записки. Я невольно перехожу к тому, как исторически необходимы были первые годы царствования Александра II и как преступны те, кои убедили покойного государя, что реформы отца его были для России опасны и вредны.

Вслед за в. князем входит Витте, и разговор с ним столь любопытен, что постараюсь записать его дословно:

Витте: «Я пришел к вам с великой просьбой, надеясь, что вы исполните ее, если ваше убеждение согласно будет с моим. Вот в чем дело: для министра финансов весьма важно иметь министра путей сообщения, с которым он мог бы вести дело в согласии. В настоящую минуту идет речь о четырех кандидатах на место министра путей сообщения: 1) Куломзин, который оседлал Бунге; это—тупой чиновник, с которым дело вести будет невозможно. 2) Князь Хилков; это—не дурной, но посредственный человек, который мог бы быть директором департамента, но никак не больше. 3) Кази —человек даровитый, но способный только на отдельный эпизодический труд, а никак не на продолжительное управление какой-либо частью; человек блестящий, но не солидный; наконец, четвертый—Иващенко, который по избранию Сольского имел в руках контрольное дело железных дорог; человек степенный, трудящийся, несколько медлительный в труде, но снискавший себе уважение в совете, где он втечение двух лет присутствует в качестве моего товарища. Это был настоящий человек. Завтра, в среду, вероятно, решится у государя этот вопрос, и я думаю, что слово в. кн. Михаила Николаевича могло бы иметь решающее влияние. Зная, в какой степени ваши мнения уважаются в. кн. Михаилом Николаевичем, я прошу вас, если вы разделяете мое мнение, убедить его замолвить слово за Иващенко».

Я: «Я разделяю ваше мнение о том, что из всех четырех кандидатов Иващенко был бы наилучшим, но вы видите, что я недвижим вслед-

ствие подагры, а к тому же и мое мнение не имеет перед в. князем значения, и сам в. князь никогда не решится заговорить о том, а государь его не спросит».

Витте: «Тогда, по всей вероятности, будет назначен Куломзин, а с ним невозможно будет вести дело».

Я: «Я не знаю, какое вы принимали участие в увольнении Кривошеина, а потому и не могу сказать, в какой степени у государя должна быть мысль о том, что не из вашего кармана следует брать ему преемника».

Витте: «По счастью, я был совсем в стороне от этого дела. Я имел доклад в пятницу и ничего не говорил о Кривошеине. В субботу государственный контролер Филиппов представил государю собранные им о Кривошеине данные, в следующую среду был вызван Бунге, по совету коего и последовало увольнение Кривошеина. Мое участие заключалось в том, что Филиппов в заседании Комитета министров подошел ко мне и сказал, что намерен представить Комитету собранные им данные. Я ему советовал представить все государю и при этом внушил мысль, чтобы бумаги были переданы на рассмотрение не кого-либо из министров, а кого-либо независимого, указав при этом на Бунге. В следующий доклад государь спросил меня, почему я ему не говорил о Кривошеине. Я отвечал, что сделал бы это через несколько времени, но не на самых первых порах. При этом упомянул, что об увольнении Кривошеина у меня была речь с «вашим батюшкою», который сказал, что увольнение это последует тотчас по возвращении его осенью в Петербург. Государь спросил свою мать, которая подтвердила, что слышала это от покойного мужа».

Я продолжаю настаивать на своей подагре и выражаю сожаление, что не попаду в четверг на заседание, в коем он, Витте, будет представлять положение наших финансов. Вспоминаю, как велика перемена сравнительно с тем, что было в начале моего служения государственным секретарем, когда я устраивал совещания об уничтожении сверхсметных кредитов.

Витте: «Об этом вы услышите послезавтра воспоминание».

Я: «Как сводится в нынешние годы исполнение бюджета?»

Витте: «64 миллиона превышения доходов».

Я: «Надо бы сложить некоторые налоги».

Витте: «Я представлю о сложении половины страхового налога, об освобождении прямых наследников от платежа налогов с наследства, когда наследство заключается в землях, а также о взыскании крепостных пошлин при переходе недвижимого имущества с цены имущества за вычетом долгов».

Я пробую уговорить его сделать по этому предмету общее представление, но эта мысль ему не нравится.

В заключение Витте мне говорит, что вследствие ходатайства нескольких губерний предполагается начать покупку хлеба казною, что принесет 7 или 8 миллионов убытка. Я энергически говорю против, но вижу очень хорошо, что с его стороны это лишь маневр, в надежде привлечь на свою сторону известные группы, почитаемые им влиятельными.

Стараюсь доказать ему, что экономическое положение изменится лишь тогда, когда создастся действительная, а не фиктивная поземельная собственность, но он отвечает, что это уж не его дело, и что

если бы он это затронул, то его стали бы еще больше бранить за вмешательство в чужие дела.

29 декабря. Четверг.

Почувствовав облегчение от припадка подагры, еду в заседание общего собрания Государственного совета. Витте читает длинный доклад о финансовых результатах, но не последнего года, как это установлено, а целого царствования императора Александра III. Он хочет установить полную свою солидарность с покойным государем, которого изображает не только твердым в своих привычках бережливости, но еще прозорливым гением в деле развития экономической народной жизни. Выставляя блестящие цифры кассовой наличности, Витте останавливается на одной темной стороне настоящего положения—дешевизне цен на хлеб. После него государственный контролер Филиппов бормочет несколько комплиментов министру финансов о его деятельности. Затем Сольский, повторив эти комплименты в грамотной форме, объявляет, что для поднятия цен есть средство — закупка хлеба средствами казны, что по сему предмету уже высочайше утверждено предположение об образовании совещания под председательством его, Сольского (это главное), из министров финансов, земледелия, контролера, внутренних дел.

Бунге отвечает министру финансов, что, хотя доходы и увеличились, но не по статье прямых налогов, что, напротив, на крестьянах числится огромная недоимка, из которой последним манифестом сложено 40 миллионов, что экономическое благосостояние поднимется только тогда, когда громадная крестьянская масса получит управление и организацию, основанные на возможности осуществления гражданских прав, подобно тому, как это происходит в государствах Западной Европы.

После заседания я тщетно стараюсь убедить Сольского в опасности такого мероприятия, как покупка хлеба правительством. Его, очевидно, соблазняет перспектива популярности ввиду ходатайства по сему предмету дворянских собраний.

Приезжает обедать с нами Протасов-Бахметьев; рассказывает любопытные подробности о всякого рода домогательствах различных членов императорской фамилии по его управлению.

Относительно отношений, связующих Дурново с Кривошеиным, Протасов выдает за верное, что, быв екатеринославским губернатором, Дурново состоял в связи с барышнею Струковою, которую и выдал замуж за своего товарища и друга Кривошеина. За такую услугу он устроил ему блестящую карьеру, своей же карьерой обязан много тому, что в это же самое время его жена была в связи с Рихтером, который командовал дивизиею, в той же местности расположенною.

Приезжает с визитом Черевин, который очень сбавил тон, вследствие того, что молодой государь не взял его с собою в Царское Село и вообще далек от той с ним интимности, которая существовала при Александре III. Черевин и умный и благородный человек, но на нем два пятна: первое,—что он горький пьяница, и второе—госпожа Федосеева, которой муж состоит при нем правителем канцелярии, дворецким, чем хотите, получает значительные суммы на охрану и, вместо чем раздавать их полицейским агентам, нанимает роскошную квар-

тиру, задает пиры, путешествует за границею и т. д. Разумеется, при этом не обходится без взяток в разнообразных формах.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александра Иосифовна, вдова вел. кн. Константина Николаевича.
Бунге, Н. Х. (1823—1895), б. министр финансов (1881—1886).
Воронцов-Дашков, И. И. (1837—1916), граф, министр двора и уделов (1881—1897), позже наместник на Кавказе.
Вышнеградский, И. А. (1831—1895), б. министр финансов (1887—1892).
Вяземский, Л. Д., кн., ген.-от-кав., член Госуд. совета.
Гирс, Н. К. (1820—1895), министр иностр. дел (1882—1895).
Гурко, И. В. (1828—1901), ген.-ад., варшавский генерал-губернатор (1883—1884).
Делянов, И. Д. (1818—1897), министр нар. просвещения (1892—1897).
Дурново, И. Н. (1830—1903), министр внутр. дел.
Иващенко, А. П., тов. мин. финансов.
Игнатьев, Н. П. (1832—1908), граф, в 1864—1878 гг. посол в Константинополе, в 1881—1882 гг. министр внутр. дел.
Имеретинский, А. К. (1837—1900) князь, ген.-ад., б. главный военный прокурор (1881—1891), позже варшавский генерал-губернатор.
Кази, И. И., пом. мор. министра.
Куломзин, А. Н. (1838—1924), управляющий делами Комитета министров.
Кшесинская, М. К., балерина имп. театров, с которой Николай II находился в интимной связи в бытность наследником.
Лобанов, А. Б. (1824—1896), князь, в 1881—1895 гг. посол в Вене, в 1895—1896 гг. министр иностр. дел.
Лорис-Меликов, М. Т. (1825—1888), граф, ген.-ад., министр вн. дел в 1880—1881 гг.
Мещерский, В. П. (1839—1914), князь, редактор-издатель ультра-реакционного «Гражданина».
Михаил Михайлович (1881—1929), вел. кн., за вступление в морганатический брак был выслан из России и проживал за границей.
Михайловичи — вел. кн. Сергей, Николай и Георгий Михайловичи; после женитьбы Николая II М. К. Кшесинская вступила в связь с в. кн. Сергеем Михайловичем и имела от него сына.
Монтебелло — жена французского посла в Петербурге гр. Г. Монтебелло (1891—1903).
Муравьев, М. Н. (1845—1900), граф, посланник в Копенгагене в 1893—1897 гг.; в 1897—1900 гг. министр иностр. дел.
Муравьев, Н. В. (1850—1908), граф, министр юстиции (1894—1905).
Нарышкина, Е. А., ур. Куракина, статс-дама.
Плеве, В. К. (1845—1904), сенатор, тов. министра внутр. дел, в 1902—1904 гг. министр внутр. дел; убит с.-р. Ег. Сазоновым.
Плеске, Э. Д. (1852—1904), упр. Госуд. банком, позже министр финансов.
Протасов-Бахметьев, Н. А. (1833—1907), граф, стоял во главе ведомства учреждений им. Марии.
Сольский, Д. М. (1833—1910), граф, б. госуд. контролер (1878—1889), председатель деп. госуд. экономии Госуд. совета.
Толстой Д. А. (1823—1889), граф, министр внутр. дел в 1882—1889 гг.
Филиппов, Т. И. (1825—1899), госуд. контролер.
Хилков, М. И., гл. инспектор жел. дорог, министр путей сообщения в 1895—1905 гг.
Черевин, П. А., ген.-ад., нач. дворцовой охраны.
Шувалов, П. А. (1830—1908), граф, ген.-ад., в 1885—1894 гг. посол в Берлине.

Из записной книжки архивиста

Николай II — „доктор русской истории"

Покровительство официальной русской истории входило в круг тех почетных обязанностей, которые возлагали на себя русские цари. Вообще говоря, они не обременяли себя науками, справедливо полагая, что не царское это дело, как госпожа Простакова полагала, что география — не дворянское дело. Но для «отечественной истории» делалось исключение из общего правила о науках. К «отечественной истории» цари, — в особенности последние, питали некоторый интерес. Они председательствовали в торжественных собраниях «императорского Исторического общества», и звание почетного председателя переходило от одного императора к другому наряду со всякими другими званиями.

Русские официальные историки прославляли сию попечительную любовь монархов к «отечественной истории». Со своей стороны монархи выделяли историков из толпы иных ученых и даже приближали некоторых ко двору. Карамзин именовался придворным историографом — звание, которое, кажется, для него и было учреждено, другие русские историки, в том числе и прославившие свое имя, фактически состояли при дворе, хотя и не носили официального титула придворных историографов.

За этим декоративно-церемониальным интересом монархов к русской истории был вполне реальный интерес династии. «Отечественная» история была в действительности историей самодержавия, и у монархов были вполне достаточные основания для того, чтобы держать под строгим контролем всякие исторические изыскания в весьма щекотливой области происхождения и приключений династии Романовых. Конечно, на этот предмет существовала надежная цензура. Кроме того, государственные архивы оберегались так, словно содержали они величайшую и опаснейшую тайну. Были такие исторические эпизоды, на которые наложены были высочайшими покровителями истории строжайшие запреты, так что придворные историографы и не смели приблизиться к таким темам. Сплошь и рядом требовалось разрешение самого царя на производство научных изысканий в архивах минувших царствований. В своем дневнике, частью опубликованном в «Красном архиве», А. А. Половцов, состоявший в звании неофициального придворного историографа, не раз испрашивал позволения опубликовать те или иные документы чуть ли не столетней давности и не раз получал отказ, так как документы эти бросали неблаговидный свет на жизнь предков царствующего монарха. С позволения сказать, историк Половцов недовольно брюзжал в своем интимном дневнике, но, конечно, подчинялся.

Однако простая охрана памяти предков от уличающих преступления династии фактов не могла удовлетворить монархию. В интересах самодержавия она требовала систематической фальсификации исторических фактов. Придворные историографы этому подчинялись. Цари умели ласкать и приучать тех, кто им был нужен. Впрочем, дворянские историки не были слишком требовательны. Фальсификация истории лежала по линии интересов дворянства. Даже те из дореволюционных русских историков, которые проявляли некоторую сравнительную независимость, уклонялись от того, чтобы со всей беспощадностью вскрыть подлинную историю сословий и классов в России. Близость ко двору давала себя знать. В. О. Ключевский и по таланту, и по эрудиции, и по научной самостоятельности стоял тремя головами выше всех своих собратий. Но и он не избежал общей участи. Его панегирик царю Александру III, как покровителю русской истории, ярко свидетельствует

об условиях, в которые была поставлена до революции русская официальная историография. Что уж говорить о С. Ф. Платонове, придворное холопство которого нуждается для сравнения в образцах эпохи московских царей!

Из всех коронованных покровителей отечественной истории последний Романов был самым убогим. Ему полагалось по званию и по традициям проявлять интерес к истории. Он и «проявлял», т. е. один раз в год безмолвно председательствовал на торжественных собраниях русского Исторического общества и затем в стереотипных фразах выражал свою милостивую благодарность. У Александра III, — при всей его тупости, — были все же какие-то свои вкусы. Он баловался славянской стариной и содействовал насаждению в России лжерусского стиля, замечательного своей бездарностью. У его сына и такого пристрастия не было.

И все же именно при Николае II холопство официальной русской историографии достигло таких размеров, которые показались бы чрезвычайными даже холопам предшествующей эпохи, когда тон русской исторической науке задавал Победоносцев. Из публикуемых ниже документов видно, что в 1914 — 1915 годах профессора русской истории замышляли преподнести Николаю второму звание доктора русской истории. Это не вышло по причинам, которые всего меньше зависели от призванных «знатоков» исторических событий в России. Война представила холопствующей русской буржуазии повод для выдающегося сервилизма. Но представители буржуазной исторической науки в своей готовности распластаться на брюхе перед престолом побили всякий рекорд.

Легенда о римском императоре Калигуле, который посадил своего жеребца в сенат, исторически верными чертами характеризует состояние римского сената в данную эпоху. Намерение русских придворных историографов поднести Николаю II звание доктора русской истории honoris causa превосходно характеризует состояние этой отрасли науки перед революцией. С равным основанием господа профессора могли бы преподнести звание доктора истории и жеребцу своего покровителя.

Д. Заславский.

Печатаемые ниже документы извлечены из дела департамента народного просвещения «о разрешении имп. Московскому университету созвать совещание из профессоров русской истории российских университетов» 1915 г., № 128, хранящегося в Архиве внутренней политики ЛОЦИА. Второй документ (письмо проф. Любавского) — подлинник, первый и третий — копии, заверенные подписями составителей, четвертый (адрес) — заверенная копия. Документы сообщены ст. научным сотрудником ЛОЦИА — Л. И. Полянской, подготовлены к печати ученым специалистом ЛОЦИА М. И. Ахуном.

1.

Представление проф. М. Н. Крашенинникова[1] в историко-филологический факультет Юрьевского университета от 27 ноября 1914 г.

Честь имею войти в факультет с предложением присудить державному покровителю нашего университета его императорскому величеству государю императору Николаю Александровичу степень доктора руской истории honoris causa ввиду особо выдающихся заслуг его императорского величества в области русской истории.

Выступая с этим предложением, я опираюсь на следующие факты и соображения.

1. Его императорское величество, являясь всесторонним и глубоким знатоком как русской, так и всеобщей истории, а равно в совершенстве владея и различными вспомогательными дисциплинами, как например, палеографией и дипломатикой, но, как известно, главным образом интересуясь именно отечественной историей, всемерно и мощно содействует развитию и преуспеянию русской исторической науки, втечение уже целого ряда лет принимая непосредственное и активное участие в ученой деятельности императорского Русского исторического общества, которое имеет поистине завидное счастье состоять под действительным председательством его императорского величества и своим процветанием обязано именно августейшему покровителю и председателю.

2. Как верховный и самодержавный вождь всего великого народа русского его императорское величество, неустанно работая на благо нашего отечества и победоносно преодолевая тысячи разнообразных препятствий на многотрудном пути к достижению заветной цели, мощною рукою направляет русскую историю в искони ей предназначенное судьбою истинное русло и этим самым приобщается к числу таких избранных провидением делателей русской исто-

[1] Крашенинников Михаил Никитич, профессор Юрьевского университета по кафедре древнеклассической филологии и литературы.

рии[1]), как Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской, Петр Великий, Александр II и Александр III, имена которых золотыми буквами отмечены в летописях отечественной истории.

Из многочисленных великих и славных деяний во славу и пользу нашего отечества, которыми ознаменовано благополучное царствование государя императора, позволю себе отметить следующее.

В сфере внешней истории России его императорское величество ныне счастливо завершает великое дело собирания земли русской, «отторженная возвращая» (Галицкую Русь), и сверх того, победоносно расширяет пределы государства российского, причем недалек и тот счастливый день, когда православный крест воссияет на св. Софии в русском Царьграде.

В области внутренней истории России достаточно упомянуть о таких грандиозных реформах, как призвание к жизни Государственной думы, новое земельное устройство Российской империи по программе, предначертанной самим государем императором, значительное расширение сферы народного просвещения, благодетельное отрезвление народа и в особенности продолжение начатого незабвенным императором Александром III величайшего и труднейшего дела искоренения давнишнего немецкого засилья, которое является самым серьезным и опасным недугом России.

К вышеизложенному считаю долгом добавить, что если бы факультет постановил поднести его императорскому величеству степень почетного доктора не только русской, но и всеобщей истории, приняв во внимание и такой факт, имеющий мировое значение, как совершающаяся ныне решительная борьба славянства с германизмом, в которой протагонистом бесспорно является государь император, как верховный и самодержавный вождь и руководитель наших победоносных войск, — то я первый приветствовал бы такое постановление факультета.

Во всяком случае на нас, скромных тружениках науки, имеющих счастье быть современниками настоящей великой эпохи, лежит, по моему мнению, нравственная обязанность принести в том или ином виде и наш «малый дар, но от чистого сердца», по выражению античного поэта (Гомер, Одиссея. VI, 208), великому обновителю русской жизни и русской истории его императорскому величеству государю императору Николаю Александровичу, имя которого будет алмазными буквами начертано на скрижалях как отечественной, так и всемирной истории.

Декан историко-филологического факультета императорского Юрьевского университета ординарный профессор Михаил Крашенинников.

Г. Юрьев, 27 ноября 1914 г.

[1]) Здесь и ниже подчеркнуто самим составителем документа.

2.

Письмо ректора Московского университета проф. М. К. Любавского[1]) товарищу министра народного просвещения М. А. Таубе[2]) от 18 декабря 1914 г.

Секретно.

Милостивый государь, барон Михаил Александрович.

Вашему превосходительству угодно было почтить меня доверительным сообщением о том, что среди профессоров императорского Юрьевского университета возникла мысль о всеподданнейшем поднесении государю императору степени доктора русской истории, причем инициаторы этого дела готовы уступить чеоть осуществления его старейшему в России Московскому университету. В устной беседе с вами по этому поводу я счел своим долгом высказать свои сомнения о возможности и уместности этого шага. Но так как сообщение ваше было для меня неожиданным и я не успел выяснить себе всех сторон этого дела и

[1]) Любавский Матвей Кузьмич, профессор русской истории Московского университета с 1902 г., ректор с 1911 г., после демонстративного ухода ряда профессоров Московского университета в связи с реакционной университетской политикой министра народного просвещения Л. А. Кассо. В годы империалистической войны Любавский в качестве ректора вел активную борьбу с революционным движением среди студенчества (см. статью «Московское студенчество и профессура накануне Февральской революции» в LVIII т. «Красного архива», стр. 101—130). В 1929 г. был избран членом Академии наук СССР. В 1930 г. вместе с С. Ф. Платоновым Любавский за контрреволюционную деятельность был лишен звания академика.

[2]) Таубе Михаил Александрович, барон, товарищ министра народного просвещения (с 1911 г.); был профессором международного права Петербургского университета, состоял членом Государственного совета, сенатором, членом Русского исторического общества. После Октябрьской революции эмигрировал; в 1928 г. выпустил в Париже книгу «La Politique russe d'avant guerre».

всех связанных с ним затруднений, то и считаю своим священным долгом в дополнение к тому, что было уже сказано мною устно, изложить свои соображения в настоящем письме.

В среде ученых, занимающихся русской историею, высокое покровительство государя императора разработке отечественной истории и живой интерес, проявляемый его величеством к нашему прошлому, хорошо известны и высоко ценимы как проявления не только его горячей любви к отечеству, но и его знания отечественной истории. Мысль о торжественном признании этого факта со стороны ученого мира и, в частности, со стороны императорского Московского университета, конечно, найдет во всех нас сердечный и единодушный отклик. Но предположенный профессорами Юрьевского университета способ этого признания представляется мне несоответствующим высокой цели ни по форме, ни по существу.

Присуждение ученых степеней университетами является обычным, будничным их делом, одним из моментов их ученоучебной деятельности. Степени присуждаются после известных испытаний, рассмотрения ученых трудов и обсуждения их в факультетах, защиты диссертации и т. д. Правда, что в известных случаях в степень доктора возводятся ученые и без испытаний и защиты диссертаций. Но условия и обстановка этого возведения, предусматриваемые законом, таковы, что исключают возможность подвергать этому действию превысочайшую особу государя императора. По закону требуется ходатайство факультета перед советом, голосование в совете большинством $^2/_3$ (в некоторых университетах в таких случаях практикуется закрытое голосование) и, наконец, утверждение министра. Все эти моменты, как в отдельности, так и в совокупности знаменующие собою присуждение[1]) ученой степени, не могут быть приложены к особе государя императора, носителя наивысшей санкции, от которой проистекают и все полномочия подчиненных органов управления.

Но и независимо от формальных препятствий я нахожу присуждение государю императору степени доктора русской истории слишком мелким признанием его заслуг перед наукой русской истории, не обнимающим всего их величия. Государь — не простой работник на научном поле, которого можно поставить на одну доску с «докторами русской истории». Он — не автор разных ученых трудов в этой области, но их вдохновитель, своим животворным интересом, одобрением, предуказаниями, материальным содействием вызывающий их появление на свет, морально объединяющий всех ученых работников в области русской истории в дружной и плодотворной деятельности. Причисление его величества к разряду простых, так сказать, цеховых ученых мне представляется натяжкою, а следовательно, и порухою его превысочайшему сану.

В силу всех этих соображений в устной беседе с вашим превосходительством я высказал было мысль, нашедшую и ваше сочувствие, о возможности более торжественного возведения государя императора в степень доктора русской истории всеми университетами, для чего может быть выработано соответственное единогласное представление всех русских историков. По тщательном размышлении я нахожу однако, что и этот путь не лишен риска и очень большого. Советы не могут быть посвящены во все деликатные детали этого дела, и предложение русских историков, даже прошедшее в факультете, может вызвать серьезные возражения в том или другом совете с формальной, законной стороны и может быть признано неуместным и дерзновенным.

Итак, по моему мнению, нужно подумать о других способах осуществления симпатичной мысли торжественного признания заслуг его величества перед наукою русской истории. Наиболее удобным представляется мне съезд русских историков, выработка ими и поднесение его величеству торжественного адреса с изображением всех заслуг его величества перед наукою русской истории. В этом адресе была бы для русских историков возможность высказать, что знание русской истории помогло его величеству стать великим зиждителем современной истории России в духе заветов ее великого прошлого. Русские историки могли бы выразить его величеству верноподданническую преданность и признательность не только словом, но и делом, приняв постановление изготовить соединенными силами обзор разработки науки русской истории в царствование его величества ко дню 25-летия этого царствования, с посвящением его государю императору.

Если бы ваше превосходительство нашли предлагаемый способ осуществления мысли профессоров Юрьевского университета приличествующим существу дела, то Московский университет мог бы в данном случае взять на себя инициативу. Как я уже докладывал вам, в январе 1915 года мы имеем в виду присудить степень доктора русской истории

[1]) Подчеркнуто составителем письма.

его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. В связи с этим я мог бы в совете коснуться и высоких заслуг перед наукой русской истории его величества и предложить совету войти с ходатайством к министру народного просвещения о созыве съезда профессоров русской истории для обсуждения вопроса о способах торжественного признания этих заслуг и благодарного их увековечения. Министерство по нашему ходатайству могло бы созвать этот съезд у себя в Петрограде, примерно на масленице или на святой неделе, и на этом съезде могли бы быть выработаны и адрес и вышеуказанное постановление о составлении обзора русской историографии за царствование его величества с присоединением даже исторической библиографии. На съезд могли бы быть привлечены и все вообще видные русские историки, даже и не состоящие университетскими профессорами. В результате могла бы выйти импозантная демонстрация, кладущая более сильное и ясное впечатление, чем присуждение государю степени доктора русской истории.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою Матвей Любавский, ректор императорского Московского университета.

3.

Представление профессоров М. М. Богословского[1]) и М. К. Любавского в историко-филологический факультет Московского университета[2]).

Профессорам русской истории в императорском Московском и других российских университетах пало на долю великое счастье разрабатывать свою науку в непосредственном общении с державным покровителем наук в России — его величеством государем императором. Среди своих многочисленных царственных забот и трудов его величество уделяет любовное внимание отечественной истории, знакомясь с важнейшими трудами в этой области, живо интересуясь лицами и делами минувших дней, процессом строительства русской государственности и общественности как в ближайшем, так и в отдаленном прошлом. Под его руководительством, при его поощрении и материальном содействии работает императорское Русское историческое общество в Петрограде, выпускающее «Сборники» ценнейших материалов по русской, преимущественно новой, истории и многотомный биографический словарь русских исторических деятелей на всех поприщах жизни. Годичные заседания этого общества, сопровождающиеся чтением ученых докладов, происходят обычно под личным председательством его величества, давая великое нравственное удовлетворение всем участникам их, в присутствии царя получающим наглядное указание на всю жизненную важность и ответственность их дела.

Покровительство его величества разработке отечественной истории не ограничивается тесными пределами императорского Русского исторического общества, но широко распространяется на ученые силы, работающие в области науки русской истории. Состоящее при Московском университете императорское Общество истории и древностей российских в день своего столетнего юбилея удостоилось всемилостивейшего приветствия и поощрения его величества. Благосклонности государя императора это общество обязано увеличением казенной субсидии до десяти тысяч рублей, что дало ему возможность широко развернуть свою издательскую деятельность и печатать на страницах своих «Чтений» первостепенной важности источники и капитальнейшие исследования. В самое последнее время удостоились всемилостивейшего внимания и самые молодые научные учреждения, работающие в области русской истории — губернские ученые архивные комиссии. Государю императору для более успешного развития их деятельности благоугодно было назначить им пособия по 2 000 рублей на каждое. По указанию его величества, в Петрограде состоялся в прошлом году съезд представителей губернских архивных комиссий для выяснения их нужд и очередных задач и объединения их деятельности; для этого съезда по распоряжению его величества было отпущено 5 000 руб. Съезд удостоился приветствия его величества и получил таким образом великую поддержку не только материальную, но и моральную.

Его величество подает собою высокий пример глубокого уважения ко всем памятникам русской исторической жизни, ко всем проявлениям русского народного духа как в творениях литературы, так и в произведениях искусства. Его заботам о сохранении национального духовного достояния обязаны крупными

[1]) Богословский Михаил Михайлович (1867—1929), экстраординарный профессор Моск. университета по кафедре русской истории; с 1921 г.—член Академии наук.

[2]) Представление было заслушано 10 февраля 1915 г. в заседании историко-филологического факультета Московского университета.

приращениями такие учреждения, как Эрмитаж и Музей Александра III в Петрограде; среди этих приращений в высокой степени ценным приобретением является единственное по богатству собрание икон древнерусского письма.

Глубоко признательные его величеству за высокое покровительство, оказываемое разработке отечественной истории, мы, профессора русской истории в старейшем университете России, в переживаемые ныне великие исторические дни с особою силою чувствуем и сознаем великое значение национального воспитания, которому служила эта деятельность его величества, высокую ценность тех культурных благ, которые насаждал его величество, тех нравственных ресурсов, которые представляют из себя любовь к своему родному, духовная солидарность поколений, связь со всем историческим прошлым России и его великими заветами. Это наше чувство и сознание ищет своего внешнего выражения и закрепления. Вполне уверенные в том, что его разделяют и все наши ближайшие товарищи по специальностям, все вообще профессоры российских университетов, мы просим историко-филологический факультет через совет императорского Московского университета войти к г. министру народного просвещения с ходатайством о разрешении Московскому университету созвать на предстоящей святой неделе, 26 марта, комитет из профессоров русской истории российских университетов для обсуждения вопроса о торжественном признании и благодарном увековечении заслуг его императорского величества государя императора перед наукою русской истории.

Ординарный профессор М. Любавский.

Экстраординарный профессор М. Богословский.

4.

Всеподданнейший адрес профессоров русской истории и истории русского права, поднесенный Николаю Романову 24 мая 1915 г.

Всемилостивейший государь!

Волею господнею русский народ в царствование вашего императорского величества поднялся на высоту своего исторического призвания. По зову своего монарха, как один человек, восстал он на освобождение от тевтонского ярма своих братьев славян, на защиту собственного достояния и чести, на восстановление поруганных начал права и справедливости в международных отношениях. Близятся к разрешению очередные великие задачи России, поставленные ей историею, исполняются заветы ее прошлого и открываются перспективы светлого будущего...

В эти знаменательные исторические дни мы, профессоры русской истории и истории русского права в российских университетах, следившие за внешними судьбами нашего отечества и за ходом его внутреннего государственного и гражданского развития, с особою силою почувствовали и с особою ясностью сознали великое значение совершавшегося доселе национального воспитания русского народа. Усилиями многих веков, многих поколений государственных, общественных, литературных и научных деятелей совершалось это национальное воспитание, прояснялось народное самосознание, развивалось чувство национального достоинства и укреплялась стихийная любовь к отечеству. При обозрении этих усилий наши взоры с глубоким умилением останавливаются на вашей деятельности, великий государь.

Призвав свой народ в лице выборных представителей к участию в государственном домостроительстве, ваше императорское величество тем самым сообщили новую действенную силу русскому национальному чувству и сознанию. Эта действенная сила ярко выразилась ныне в заявлениях и постановлениях законодательных учреждений, в заявлениях и деятельности многоразличных государственных и общественных организаций, в патриотическом одушевлении и готовности к жертвам широких народных масс. Чувство, сознание и воля русского народа слились ныне воедино и в тесном, неразрывном соединении с чувством, сознанием и волею монарха направились ныне к совершению великих дел, великого исторического подвига.

Разделяя со всем русским обществом, со всем русским народом благодарное признание этого великого деяния вашего императорского величества, мы, русские ученые, работающие в области русской истории вообще и истории русского права в частности, испытываем ныне душевную, сердечную потребность благодарно засвидетельствовать и о той стороне вашего мощного содействия делу русского национального воспитания, которая близко соприкасается с нашею специальною научною деятельностью. Среди своих многочисленных царственных забот и трудов ваше императорское величество всегда уделяли любовное внимание отечественной истории, лицам, деяниям и памятникам минувших времен.

В лице вашего императорского величества наука русской истории имеет высокого покровителя, неустанно пекущегося о сохранении ее памятников и разработке их, а русские историки имеют своего царственного духовного вождя, подающего им высокий пример глубокого уважения ко всем памятникам русской исторической жизни, ко всем проявлениям русского национального гения в слове, образах и действии, своим живым интересом, одобрением и содействием ведущего их на усердную и дружную работу на поле отечественной истории.

Великий государь! Дерзаем думать, что ничем другим мы не сможем ответить на все эти щедроты вашего любвеобильного духа, как только усилением нашей научной деятельности. В прошедшем 1914 году по указанию вашего императорского величества собирался съезд представителей губернских ученых архивных комиссий для выяснения их нужд, очередных задач и объединения их деятельности. В этом съезде мы увидали предуказание вашего императорского величества, что́ надо делать и нам, профессорам и преподавателям учебных заведений и членам ученых исторических обществ. Собравшись в стенах старейшего в России Московского университета, мы, профессоры русской истории и истории русского права, пришли к мысли связать с славным именем вашего императорского величества возникновение в России нового установления — периодических съездов русских историков в широком смысле этого слова, имеющих созываться через каждые пять лет в университетских городах по очереди и в общении изысканиями и мнениями объединять всех ученых, работающих в разных отраслях русской истории и соприкасающихся с нею дисциплин.

Повергая к стопам вашего императорского величества чувства беспредельной любви и преданности, всеподданнейше просим вас, всемилостивейший государь, благословить и утвердить это наше начинание и тем дать нам возможность запечатлеть достойно и навсегда особое благоволение и покровительство вашего императорского величества разработке науки русской истории.

Вашего императорского величества верноподданные... [1])

5.

Ответ Николая Романова представлявшимся ему 24 мая 1915 г. профессорам русской истории и истории русского права [2]).

Сердечно благодарю вас, господа, за внимание, которое вы мне оказали, и с особым удовольствием изъявляю свое согласие на присвоение периодическим историческим съездам моего имени.

Верю вместе с вами, что после великой, грозной и тяжелой войны Россия еще более окрепнет и что с развитием ее внутренней жизни и дорогая нам с вами наука русской истории и русского права пойдет вперед верными и бодрыми шагами.

Еще раз благодарю вас, господа.

До Цусимы.

Публикуемое ниже письмо старшего флаг-офицера штаба 2-й Тихоокеанской эскадры, близкого к адмиралу З. П. Рожественскому, лейтенанта Е. В. Свенторжецкого*) написано за четыре месяца до Цусимской катастрофы.

Публикуемое письмо было написано Вавилову, Павлу Михайловичу, штабс-капитану по адмиралтейству, младшему делопроизводителю Главного морского штаба, сослуживцу Е. В. Свенторжецкого по ученому отделу.

Свенторжецкий оставил советскому историку документ, который вскрывает то, чего не дают официальные документы. Сохранившиеся в Морском историческом архиве ЛОЦИА донесения адмирала З. П. Рожественского носят характер информаций о стоянках, о выходе и передвижении эскадры, о погрузках

*) Свенторжецкий, Евгений Владимирович (род. в 1865 г.), лейтенант. В 1900—1901 гг. и. д. старшего флаг-офицера штаба начальника эскадры Тихого океана; в 1904 г. был назначен обер-офицером стратегической части военно-морского ученого отдела Главного морского штаба; в том же 1904 г. был вновь переведен в действующий флот, во 2-ю Тихоокеанскую эскадру, в качестве старшего флаг-офицера походного штаба З. П. Рожественского. Погиб 14 мая 1905 г. во время Цусимского разгрома.

[1]) Подписи отсутствуют. Текст адреса воспроизводится по копии его, хранящейся в деле деп. нар. просв. 1915 г., № 128, лл. 45—46.

[2]) «Правительственный вестник» № 114 от 27 мая 1915 г.

угля, но в них нет и намека на те настроения команды и офицерства, на те трудности плавания, о которых так полно и искренно говорит в своем письме Е. В. Свенторжецкий.

Ценность этого письма заключается еще в том, что в нем устами представителя сравнительно передовой части офицерства вскрывается вся авантюрность политики царизма и русской буржуазии, стремившейся к господству на Дальнем Востоке, без ясного отчета в реальности осуществления задуманного плана.

Царский флот по сравнению с японским, согласно донесениям морских агентов, количественно отставал незначительно, но в части военной техники, подготовки личного состава, организации и руководства оставался далеко позади японского.

Соединение судов новой постройки с «старыми сундуками» типа «Адмирал Ушаков», «Николай I» и др., включение в состав эскадры совершенно не испытанных кораблей превратили эскадру Рожественского в собрание разнокалиберных судов и резко снижали боевые качества флота. И вот эта «великая армада», такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя [1]), была двинута с затратою миллионов народных денег на Дальний Восток овладевать «господством на море». Отсутствие разведывательной службы и морских баз на всем пути осложняло и без того исключительное по своим трудностям плавание эскадры.

Еще хуже обстояло дело с личным составом. Матросская масса, собранная «с бору да с сосенки» [2]), в большинстве своем состояла из запасных (кадровые были оставлены внутри страны для борьбы с революцией); в экипажи судов эскадры попали люди пожилые, давно отставшие от военной службы.

Бесконечные погрузки угля приводили экипажи судов в такое физическое состояние, при котором уже не могло быть и речи об учебно-практических занятиях с матросами, да и времени для этого не оставалось: погрузка угля поглощала все внимание и время всего личного состава от самого Рожественского до последнего матроса; боязнь остаться без угля посреди океана заслоняла в пути все прочие опасности. Инстинктивно чувствуя бессмысленность этого военного похода, задавленная железной дисциплиной, матросская масса по мере продвижения к театру военных действий все больше проникалась мыслью, что ее ведут на убой.

В такой атмосфере на судах постоянно вспыхивали матросские «волнения» (на броненосце «Орел», крейсере «Адмирал Нахимов», на судах «Терек», «Малайя»), начинавшиеся, по обыкновению, на экономической почве.

Командный состав подбирался в такой же спешке и в большинстве состоял либо из молодых мичманов, не окончивших курса, либо из призванных из запаса перед самым уходом эскадры.

Эти недостатки комплектования эскадры значительно понизили ее тактическую ценность и незамедлительно сказались при открытом столкновении с японским флотом.

«Преступно пренебрегая элементарными принципами морской стратегии» [1]), русское офицерство отправилось завоевывать воды Тихого океана.

Разгром порт-артурской эскадры и падение после восьмимесячной блокады такой, казалось бы, неприступной твердыни, как Порт-Артур, убили последнюю веру в успех этой военной авантюры даже у оптимистов и предрешили вопрос о господстве на море. Разгром порт-артурской эскадры подвел «один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны» [2]).

Офицерство типа Свенторжецкого воочию убедилось в своем невежестве, отсталости и в бессмысленности дальнейшего ведения войны.

Разгром эскадры у Цусимы и пленение Рожественского показали уязвимые места царизма, после чего наступил момент, когда «все ополчилось против самодержавия, — и оскорбленное национальное самолюбие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной авантюре» [3]).

Письмо Е. В. Свенторжецкого публикуется по машинописной копии, хранящейся в фонде «Дневников, заметок и записок участников русско-японской войны» (Морской исторический архив ЛОЦИА — ф. № 3465, д. № 42-46, 1905 г. лл. 301—316). Документ подготовлен к печати научной сотрудницей Морского архива А. М. Заковой.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. VII, изд. 3-е, стр. 333.

[2]) Там же, стр. 335.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. VII, изд. 3-е, стр. 47.

[2]) Там же.

[3]) Там же, стр. 136.

Носси-бе.
21 января 1905 г.

Дорогой Павел Михайлович,

Вчера почта из Европы через Джибути доставила мне ваше письмо, за которое искренно благодарен. Это же письмо напомнило мне один из лучших периодов моей службы, именно службы в ученом отделе, где милые и добрые сослуживцы всегда были лучшим утешением в минуты служебных разочарований. Благодарю вас сердечно за постоянное внимание к моим просьбам и очень извиняюсь, что моя корреспонденция, наверно, приносит вам немало хлопот.

Наше плавание, которым вы интересуетесь, описывается довольно подробно в донесениях адмирала; донесения эти получаются, вероятно, очень регулярно и читаются с интересом.

С своей стороны я попытаюсь побеседовать с вами о том, что́ нельзя найти ни в каких донесениях: о наших недостатках, тяжелых ранах, о наших мечтах, о наших дальнейших планах и о вероятных результатах нашего плавания в очень недалеком будущем.

Лично мне одному известна корреспонденция Зиновия Петровича [1]), так как шифрованная переписка поручается только мне, и, как вам, вероятно, известно, содержание ее благодаря характеру адмирала никогда не обнародуется. Во время составления телеграмм адмирал нередко выражает свои взгляды на положение дел, и здесь невольно приходится знакомиться с его настроением.

Ведь не секрет, что вторая эскадра была сформирована внезапно из судов или только что едва-едва закончивших постройку, или судов устарелых типов, что в эскадру было зачислено все, что возможно; личный состав также набран без особого выбора, казалось лучшее, что в это время было, и таким образом было образовано скопище совершенно неподготовленных судов, которые форсированным ходом должны были длиннейшими путями следовать на театр военных действий.

Короткий подготовительный учебный период в Ревеле, одновременно с окончанием постройки некоторых судов и постоянными приемками, не мог принести существенной пользы в деле боевой подготовки эскадры, и адмирал главным образом заботился собрать, наконец, свою эскадру, чтобы двинуться в путь. Работа эта шла при постоянном понукании со стороны русского общества, обвинявшего Зиновия Петровича в нежелании поспешить на Восток, выручить Порт-Артур. Но согласитесь, что такое понукание могло быть только со стороны тех, кто незнаком с организацией боевой подготовки флота, кто не знает, что обучить флот — работа многих лет, а не двух-трех недель, что корабли без обученного личного состава — груз, легкая добыча для неприятеля. Этого именно не сознавало русское общество, кричавшее на всех перекрестках о необходимости скорейшего отправления нашей эскадры. Это же общество теперь, под влиянием разжигающих статей Кладо [2]) и других, не вовремя взявшихся за перо, военных писателей, требует скорейшего отправления к нам на помощь еще одной эскадры, совершенно не представляя себе той обстановки, которая ожидает вдали от родины этот жалкий отряд адмирала Небогатова, который бог весть когда доберется до театра военных действий.

Хотят отправлять на Восток даже «Полярную звезду» и «Штандарт» [3]), — это ли не увлечение, хотя бы плавание их было бы в качестве госпитальных судов! Ну, а если и с приходом третьей эскадры мы все еще будем слабы? Что отправлять тогда к берегам Востока?

Итак, под влиянием, могу сказать, неразумного русского общественного мнения, мы покинули в начале октября Либаву. Сзади тянулись запоздавшие корабли, часть которых скоро начала отставать. А ведь перед нашим выходом из Либавы можно было почти с уверенностью сказать, что Порт-Артур не выдержит осады, что наш флот в Артуре, этот несчастный флот, погубленный не столько беспечностью личного состава, сколько превосходством военных знаний и добросовестностью боевой подготовки противника, не сослужит той службы, которая поручена была ему государством. Мысль об этом нередко приходила в голову, но надо было стараться отогнать ее и мечтать, что в ходе наших операций порт-артурский фрот и владивостокские крейсера принесут хоть какую-либо пользу. Эти соображения, хотя чрезвычайно шаткие, все-таки отчасти служили при составлении соображений относительно нашей экспедиции, главным образом в отношении границ театра военных действий и распределения на театре неприятельских морских сил.

Под влиянием этих мечтаний мы начали наше плавание. Никакое донесение, никакое самое яркое описание не в состоянии изобразить всю тяжесть обстановки переходов второй эскадры. Первый раз в истории флотов всего мира вы видели большую эскадру, которая, не имея ни морских баз, ни угольных станций, состоящая из судов всевозможных типов, всевозможных возрастов и требований, отважилась двинуться в такой

далекий путь. Политическая и стратегическая обстановка плавания вам хорошо известна, но надо было лично испытать всю тяжесть этих дипломатических переговоров с различными администрациями в Испании, в африканских колониях, чтобы перечувствовать то, что перечувствовал адмирал [4]). Любой испанский жандарм мог принести много горя вашему самолюбию, любой командир старого полуразвалившегося европейского стационера с сознанием собственного достоинства и правоты мог заставить вас призадуматься, не говоря уже о различных требованиях и намеках колониальных губернаторов, выражающих поступками своими какие-то приступы будто бы незаконной политической благотворительности. Надо было иметь только такт, сдержанность и ум Зиновия Петровича, чтобы обойти все эти трудности без оскорбления этой многочисленной отвратительной челяди, не уронив собственного достоинства и вверенной ему эскадры. Вот при такой обстановке эскадра двигалась сперва соединенно, а потом поотрядно к пункту соединения.

Отряд броненосцев, не имея ни одной угольной станции и поддерживаемый угольной любезностью Гамбургско-американской линии [5]), шел вокруг мыса Доброй надежды. Броненосны вокруг мыса, это, кажется, первый пример в истории. Англичане в виде опыта, при известной всему миру прекрасной обстановке для судов их флота, посылали два броненосца из эскадры Канала в Кептоун.

Переход броненосцев вокруг мыса представлял поразительное зрелище. Громадные корабли походили скорее на угольные транспорты. Нельзя было надеяться на уголь при всяких условиях, и потому суда брали усиленные запасы. На броненосны принималось вместо 1100 тонн — 2500. Все, что возможно, завалилось углем: 75-мм батарея, с совершенно негодными для моря орудиями, была наглухо задраена и обращена в угольные ямы. Уголь грузился в коридоры, на срезы, на ют, везде, где только можно было найти свободное место. Грязь была невыносимая. Весь корабль, все офицерские каюты были беспрерывно покрыты тонким слоем кардифской пыли. Весь переход от Танжера до Мадагаскара был беспрерывной угольной операцией. Как только эскадра приходила на рейд, где ожидали ее угольщики, тотчас к борту подводился угольщик, все лебедки, все стрелы Темперляя начинали моментально работать. В это время начинались бесконечные переговоры с местной администрацией, посылались многочисленные телеграммы в метрополии, мы употребляли все старания затянуть переговоры, пользуясь временем для угольной операции. Погрузка угля обратилась в спорт — грузили на призы, причем лучшим, почти непобедимым, был «Император Александр III». Окончив погрузку угля, отряд тотчас выходил в море и следовал на следующую станцию.

С выходом в море на верхнем мостике появлялся адмирал. Он почти не сходил оттуда ни день, ни ночь. Отряд двигался безостановочно только потому, что неустанная энергия Зиновия Петровича подгоняла броненосцы. С никуда негодными рулевыми приборами броненосны обошли мыс с промежутками между кораблями в два кабельтова. Во второй кильватерной колонне двигались вокруг мыса наши несчастные спутники: «Камчатка», «Метеор», «Корея», «Малайя», «Анадырь» и «Роланд». Немало хлопот было с «Малайей», «Камчаткой» и «Роландом». Наши пароходные общества, вероятно из патриотических чувств, снабдили нас такими достойными представителями, как «Малайя» и «Князь Горчаков». С «Малайей» каждый день в океане что-нибудь случалось; какие-нибудь поломки ее задерживали отряд иногда по восьми часов с застопоренными машинами [6]).

Ничего не проходило мимо внимания адмирала. День и ночь на мостике он подгонял свой отряд; никакие поломки не могли заставить его зайти для исправлений в ближайший порт, и только сигналы, эти бесконечные и подчас оскорбительные сигналы, с категоричными требованиями, могли благополучно перенести броненосный отряд из Танжера на Мадагаскар [7]). Переходы при страшной жаре и вечных погрузках угля до-нельзя утомили личный состав, и, когда отряд был в ходу, нечего было и думать о какой-нибудь серьезной боевой подготовке. Люди, истомленные жарой и работой, лежали на грудах угля и беспомощно проводили жаркие часы дня.

У мыса Доброй надежды отряд броненосцев выдержал шторм. Броненосны, перегруженные углем, сверх ожидания, прекрасно выдерживали волну. Размахи не превосходили 10—12 градусов на сторону. Во время этого шторма мы потеряли «Малайю», которая потом все-таки присоединилась к нам у острова Сент-Мари. Ее поставило поперек волны, и она около девяти часов, при крене до 45°, исправляла свои повреждения в машине.

В Сент-Мари отряд пришел после довольно беспокойного перехода. Здесь предполагали сосредоточить эскадру перед выходом в Индийский океан, и потому адмирал, не имея еще никаких телеграмм из Петербурга, послал адмиралу

Фелькерзаму [8]) приказание следовать в Сент-Мари, куда должны были прибыть и германские угольщики на Диэто Суарец. Отделенный от отряда в Ангара Пеквена госпитальный «Орел» привез однако массу телеграмм, из которых мы хоть немного ознакомились с тем, что делается на белом свете. Ведь за весь переход из Танжера до Мадагаскара мы не представляли себе политического мира, не могли угадать, что происходит на театре войны.

Отряд Фелькерзама однако не мог присоединиться к нам в Сент-Мари. Верный традициям своих предков, отряд этот кое-как с большим кейфом дополз до Носси-бе и конечно прежде всего начал чиниться. Хромые миноносцы отправились в Моюнгу, где имеются кой-какие мастерские; остальные суда начали разбирать свои старческие члены и готовиться к будущей победе. Публика повалила толпой на берег, где вместе с разношерстной публикой Добровольного флота немедленно открыли в каких-то притонах игорные дома; распущенная команда наших судов и транспортов наводнила небольшую французскую колонию, обратив ее в какую-то зараженную клоаку.

При таких условиях, конечно, нечего было и думать о приходе отрядов Фелькерзама и Радлова [9]) в Сент-Мари, и адмирал решил итти с отрядом броненосцев в Носси-бе. Перед самой съемкой якоря мы получили от губернатора известие о занятии Порт-Артура и уничтожении нашего флота. С этими тяжелыми новостями, совершенно изменившими наши операционные расчеты, прибыли мы, наконец, в Носси-бе.

Появление адмирала в Носси-бе отрезвило публику. Карточная игра была немедленно прекращена, увольнение команды на берег разрешалось только по праздникам и с большим выбором. Начались погрузки угля, пошли учения и занятия, эскадра после продолжительного плавания начала приводиться в порядок.

Момент нашего прихода в Носси-бе совпал с моментом перемены всей стратегической обстановки дальнейшего хода наших действий. Мы следовали на театр военных действий из России не в качестве активного флота, а в виде сильного стратегического резерва, который своими обдуманными операциями должен был поддержать флот активный, сосредоточенный на театре войны, выручить его, усилить и совместными операциями способствовать уничтожению флота противника. На Востоке однако этого, видимо, не понимали, что особенно рельефно выразилось в телеграмме адмирала Скрыдлова [10]), полученной нами через ваше посредство. В этой телеграмме адмирал Скрыдлов просит потребовать от командующего 2-й эскадрой рандеву, на которое он собирался прибыть для соединения с нашей эскадрой. Этот один вопрос уже обрисовывает взгляд командующего флотом на стратегическую обстановку на театре войны. Конечно, другого ответа, кроме того, который мы сообщили, и дать было нельзя—20 января в Зондском архипелаге.

Итак, до прихода эскадры на Мадагаскар мы считали себя вспомогательной резервной эскадрой, которая, хотя и с трудом, может обойтись средствами малонадежной плавучей базы, каковыми являлись беззащитные транспорты.

Но с уничтожением флота в Артуре все переменилось. Из резервного мы обратились в активный флот.

Флот этот, совершенно отрезанный от каких-либо отечественных баз, сосредоточился на северной оконечности Мадагаскара, вдали от театра военных действий; он, как теперь оказывается, должен начать новую и непременно победоносную войну. Чем обеспечен этот флот? Ничем. Он никогда не чувствовал себя таким осиротелым и необеспеченным, как теперь. Единственная база — Владивосток — очень далеко; она никогда не была так далека для русского флота, как теперь; достигнуть Владивостока — значит преодолеть все трудности плавания на театре военных действий, чтобы достичь единственной базы для остатков нашего флота. Вторая эскадра совершенно не обеспечена. Вам хорошо известны недоразумения с Гамбургско-американской компанией, поставляющей уголь. Разве это надежная плавучая угольная база? Уже теперь ощущается недостаток в машинных материалах, провизии, в одежде; смешно, но правда, что почти вся команда на эскадре ходит в лаптях, сделанных из ворса. Но уголь, уголь, вот главный вопрос, вопрос более существенный, чем пища и лапти. Разве мы обеспечены углем, отправляясь в такую серьезную экспедицию? Наконец не менее важно — это отсутствие веры личного состава эскадры в успех экспедиции. Эта вера сразу была потеряна по получении известия о сдаче Артура и уничтожении нашего флота.

Через неделю — год войны. Каковы ее результаты? Вам они лучше известны. Так неужели же, господа, после целого года неудач, после потери лучших сил флота с его базой на главном театре, после головых неудач на сухопутном театре, после установившегося господства неприятеля на морском простран-

стве театра войны, можно ждать от флота не подготовленного вследствие тяжелых условий плавания к бою, от флота, находящегося у берегов Мадагаскара, т. е. совершенно изолированного от отечественной, единственной базы, успехов и утвердительного решения той задачи, которая сообщена была нам телеграммой № 224? Без сомнения, нет. В эту войну мы никогда не будем владеть морем. Ведь для того, чтобы владеть морем, надо уничтожить противника на море, а разве мы можем это сделать с нашими силами? Мы ожидаем подкреплений; на-днях, вероятно, придет «Олег» и два миноносца с «Изумрудом», но разве это подкрепление? А третья эскадра, господа, помилосердствуйте! Посылаются суда заведомо негодные, суда, которые могут быть приняты в состав эскадры только из деликатности: «Николай», «Ушаков», «Сенявин», «Апраксин», «Мономах» и «Водолей»... Зачем давать еще призы японцам, они уже довольно их получили! Что мы будем делать с этими судами, на эскадре никто не знает, а если адмирал откажется их подождать в Носи-бе, то им придется просто вернуться в Россию, так как их отдельное плавание на театр военных действий будет небезопасно. Третья эскадра — это ведь последние ресурсы флота, а что дальше?

Успех второй эскадры совершенно не обеспечен. Не надо мечтать о победах, вы о них не услышите. Вы услышите только жалобы и стоны тех страдальцев, которые сознательно, не веря в успех, пошли умирать. Мне невольно вспоминаются слова известного лейтенанта Семечкина [11]), который ровно 36 лет тому назад, призывая личный состав флота к изучению военных наук тактики и стратегии, на одной из своих лекций, между прочим, сказал: «Что умереть не страшно, то в этом нам убеждать друг друга не нужно, но умереть пешкою — ужасно. Отдать свою жизнь за родину — легко и отрадно, но отдать ее не умеючи, дешево, не за дорогую цену — невыносимо тяжело и трудно». Так и он говорил 36 лет тому назад, так и мы теперь поступаем.

Что же ожидает нашу эскадру в самом скором будущем? Вот как, по моему мнению, обрисовывается грустная картина предстоящих военно-морских операций.

Освободившийся после уничтожения нашей эскадры в Артуре японский флот мог перенесть театр военных действий в Зондский архипелаг. Японцы отлично знают все, к чему мы готовимся, и так как нельзя ожидать внезапного появления нашего флота в Зондском архипелаге, то они и сделают попытку предпринять пока какие-либо меры против Владивостока. Не знаю, когда, но, наконец, мы должны будем тронуться в путь через Индийский океан. Путь этот будет очень сложный. Он окончательно оторвет нас от телеграфной линии, чем лишит нас возможности сноситься с главными центрами и различными пунктами, где будут сосредоточены наши запасы и находиться доверенные лица. Приемка угля в условных рандеву хороша на бумаге, а не на пространстве вблизи театра военных действий. Первое нападение на германских угольщиков, а, ведь, вероятность таких нападений вам хорошо известна, поведет к расстройству организаций угольных рандеву и озлобит немцев, ни в чем неповинных людей. Это же вызовет недовольство команд германских угольщиков и, может быть, преднамеренные поломки машин угольных транспортов, что заставит их остаться в различных нейтральных портах позади эскадры. Японские миноносцы безнаказанно могут уничтожить наши транспорты. У нас нет средств защитить транспорты. Минный флот,— да ведь это не миноносцы, а минные карикатуры, которые будут нами потеряны, если не в океане, то во всяком случае в первом сражении. Обеспокоенные [?] переходом через океан, мы, может быть, наконец, прибудем в одну из бухт Зондского архипелага, где уже наши боевые корабли начнут подвергаться минным атакам японских миноносцев. Что мы будем делать, если какой-либо из наших броненосцев получит пробоины? Недавняя история научила нас, что можно сразу надолго вывести из строя три сильных корабля [12]). Что мы будем делать, если это несчастье случится с нами где-нибудь у пустынных берегов Суматры или Явы? Где мы будем чинить наши корабли? А до Владивостока ой как далеко, да там ведь единственный док занят, кажется, надолго. Может быть, мы справимся с повреждениями кораблей, может быть, придется на буксире вести раненых дальше. Как печально, как ужасно вести в бой корабли на буксире! На переходах нас, конечно, не оставят японские миноносцы. Они постараются вывести окончательно из строя буксируемые нами корабли. Роль наших старых, никуда негодных крейсеров я даже не могу предугадать, ведь «Алмаз» тоже крейсер и флагманское судно адмирала Энквиста [13]).

В таком виде, без надежных угольщиков, мы или должны будем искать пристанище опять во французских колониях или рискнуть итти в Корейский про-

лив, прорываясь к Владивостоку. Тут нас ожидает, может быть, генеральное сражение с японским флотом, вполне исправным, с флотом, заслужившим себе боевую славу, с флотом, уже уничтожившим один наш флот. С нашей стороны выступят утомленные и долгим плаванием и тревожными ожиданиями корабли, никогда не бывшие в бою, никогда не испытавшие разрушительного действия меткого неприятельского артиллерийского огня. В этом сражении, из-за недостатка тактической подготовки, мы понесем немало потерь, которые еще увеличатся при прорыве мимо Цусимы, базы японского минного флота. Наконец, может быть, части флота доберутся до Владивостока, где с нетерпением будут ожидать очереди ввода в док. А где в это время будут наши транспорты? Что будет в это время делать третья эскадра археологического состава? Неужели и ей придется перенести все ужасы нашего плавания?

Кто же после этих событий, согласно телеграмме № 224, будет владеть морем?

Нет, говорю совершенно убежденно: нет, мы никогда, ни при каких условиях не будем в эту войну владеть морем, т. е. не выполним возложенной на нас задачи.

Я думаю, адмирал в это [не] верит, но он, конечно, молчит и никому не высказывает своих тяжелых, раздирающих душу, мыслей. Он сам никогда не подаст и тени мысли о возвращении эскадры в Россию. Он отлично знает, что вся Россия ожидает от него чего-то необычайного, ожидает победы и уничтожения японского флота. Но ведь это может только ожидать русское общество, общество, совершенно незнакомое с обстановкой, в которой находятся теперь наши морские силы, с обстановкой, в которой мы будем находиться очень скоро после выхода из Носси-бе. Адмирал отлично знает, что вся пресса кричит о его будущих подвигах, что нет самой ничтожной провинциальной газеты, где бы не было имени Рожественского. И он, конечно, пойдет вперед. Ему уже все равно; он знает, что родина не даст ему ничего, кроме добрых пожеланий, но ведь добрые пожелания не броненосцы, не современные сильные броненосные крейсера, не неистощимые запасы угля и других материалов, без которых не может существовать флот. И вот с этими добрыми пожеланиями ринется вперед человек, который мог бы принести немало пользы именно теперь, когда нужны будут люди для великой работы преобразования флота, создания новых морских сил после столь постыдной войны.

Что же делать, — вы, может, спросите меня? Да, что же делать? Постыдно сознаться, но говорю беспристрастно, надо окончить морские операции. Надо сознаться, что флот, т. е. его личный состав, оказался не на высоте, что современные корабли без личного состава, подготовленного к бою,—не что иное как неприятельский приз, что мы мало знакомы с военными науками, что мы не верим в них, не следуем бессмертным заветам истории и пренебрегаем основными принципами стратегии и тактики. Надо сознаться, как это ни грустно, что мы не оправдали надежд, возложенных на нас нашей родиной, что мы не могли поддержать честь государства. Надо смириться с теми упреками, которые посыпятся на нас со всех сторон, с теми насмешками, которыми заполнятся заграничные газеты и журналы. Надо смириться с теми тяжелыми условиями, которые принесет нам мир, и наконец дать себе слово создавать обдуманно и трудолюбиво новый флот, забыв, главным образом, наши традиции. Японский флот потому только и силен, что у него нет традиций, от которых он мог бы отстать; традиции губят именно флот — это сложное и великое техническое сооружение, а ведь известно, что техника пренебрегает традициями. Затем никогда не надо забывать, что без организации флот существовать не может, что организация есть мать победы.

Вот все, что я мог вам сказать, дорогой Павел Михайлович, может быть, последний раз. Лично я искренно люблю флот, и каждое событие может привести меня в жестокое разочарование. С самым тяжелым чувством следил я втечение последнего года за грустными событиями войны и особенно нашего флота. Наконец, я сам попал в самое сердце той силы, которой суждено спасти честь государства на море. Но и в это я не верю. Что же делать, но такова судьба! И вот за всю свою службу во флоте на всевозможных обязанностях я пришел к глубокому убеждению, что, несмотря на дивные качества русского солдата и русского матроса, несмотря на все усилия военных и морских тружеников, мы не будем иметь успеха, пока не поверим, наконец, что надо учиться, надо слепо верить в основные принципы военных наук, а не строить свое здание на фантастических устоях отдельных личностей, и тогда мы только можем достичь, если не полной победы, то, по крайней мере, избегнуть того срама, которым покрыла нас текущая война, этот суровый боевой экзамен пред лицом всего мира.

Благодарю вас искренне еще раз за ваши хлопоты. Не откажите передать мой искренний поклон Вере Андреевне, всем моим сослуживцам по ученому отделу, Павлу Александровичу Вельцину[14]) и Евграфу Романовичу[15]).

Желаю вам сил для службы нашему флоту, ему нужна теперь эта работа более, нежели когда-либо.

Буду вам писать, а вы не забывайте всегда сердечно преданного вам и искренне любящего вас Е. Свенторжецкого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Рожественский, Зиновий Петрович, адм., командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой.

2) Кладо, Николай Лаврентьевич, проф. морской академии по кафедре стратегии; военно-морской писатель. Речь идет о статьях, в которых Кладо выразил свое мнение о слабости для самостоятельных операций против японцев 2-й Тихоокеанской эскадры и о недостаточности ее для овладения господством на море. Его публицистические выступления в печати закончились увольнением его в отставку в мае 1905 г.

3) «Полярная звезда» и «Штандарт» — царские яхты, совершенно не приспособленные для океанского плавания.

4) Трения в портах нейтральных держав возникали вследствие того, что перед походом эскадры не были предприняты все мероприятия международного характера, обеспечивающие плавание в нейтральных водах; не было договоренности с портами этих держав относительно стоянок и снабжения всем необходимым. Такую подготовку командование считало невозможной, опасаясь, что предварительные переговоры преждевременно разоблачили бы маршрут эскадры.

5) Согласно контракту транспорты пароходного общества Гамбургско-американской линии доставляли уголь для 2-й Тихоокеанской эскадры. После падения Порт-Артура положение несколько изменилось: дирекция согласилась на доставку угля лишь до Мадагаскара, что ставило эскадру под угрозу остаться без угля в открытом море. После долгих переговоров конфликт этот был улажен, и угольщики Гамбургско-американской линии продолжали сопровождать эскадру до места назначения.

6) «Несчастные спутники», о которых говорится в письме, — многочисленные транспортные суда, следовавшие за эскадрой. Благодаря дальности перехода и отсутствию базы транспорта (походные мастерские, суда с пресной водой и т. п.) были совершенно необходимы для эскадры и являлись в то же время обузой, уменьшая и без того малую ее боеспособность.

7) «Никто не имел понятия, — пишет старший офицер броненосца «Сысой Великий» капитан Георг. Авенир. Ивков, — о намеченном направлении пути, и все только слепо верили в Рожественского, который в то же время на всех нагонял какой-то страх; все жили под каким-то гнетом, более думая о том, чтобы угодить адмиралу и не попасть под гнев его, и менее всего думая о неизбежности столкновения с гигантскими силами противника» (фонд «Дневников, заметок и записок участников русско-японской войны», ЛОЦИА).

8) Фелькерзам, Дмитрий Густавович, контр-адмирал. Командовал 2-м отрядом броненосцев, входившим в состав 2-й Тихоокеанской эскадры; отряд этот прошел через Суэцкий канал. Умер накануне Цусимского разгрома.

9) Радлов, Отто Леопольдович, капитан I ранга; заведывал отрядом транспортных судов 2-й Тихоокеанской эскадры.

10) Скрыдлов, Николай Илларионович, в.-адм. В апреле 1904 г. после гибели адмирала С. О. Макарова был назначен командующим морскими силами на Д. В.

11) Семечкин, Леонид Павлович, лейтенант. Читал лекции в Кронштадте по морской тактике. Умер в 1889 г.

12) Речь идет о броненосцах «Ретвизан» и «Цесаревич» и о крейсере «Паллада», подорванных японцами в ночь на 27 января 1904 г. при первой их атаке на Порт-Артур.

13) Энквист, Оскар Адольфович (1849—1912), контр-адмирал, командовал 1-м отрядом крейсеров 2-й Тихоокеанской эскадры.

14) Вельцин, Павел Александрович, в 1904—1905 гг. старший делопроизводитель в Главном морском штабе.

15) Каульбарс, Евграф Романович, подполковник, бывш. лейтенант; в 1904 г.— штаб-офицер для особых поручений при управляющем морским министерством.

Ответственный редактор Я. Берзин.
Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. ответ. редактора), В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. Ротштейн.

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА КРАСНОЙ АРМИИ

(г. Москва, Б. Андроньевская ул., д. № 22, тел. 1-57-04).

По инициативе народного комиссара обороны СССР т. Ворошилова Центральный архив Красной армии приступил к собиранию и выявлению архивных материалов о погибших героях гражданской войны и Красной армии.

Эти материалы будут использованы для издания ряда художественно-исторических сборников о погибших героях.

Значительное количество документов, необходимых для этой цели, еще не поступило в указанный архив и находится у участников гражданской войны и других лиц.

Прошу все воинские и военно-морские части и соединения РККА, воинские землячества, общества красногвардейцев и красных партизан, старых большевиков и политкаторжан, всех участников гражданской войны, членов профсоюзов, членов Осоавиахима, членов домов Красной армии и флота, краеведов, туристов и всех трудящихся СССР выслать в Центральный архив Красной армии (по адресу: Москва, 38, Большая Андроньевская ул., д. № 22) имеющиеся в их распоряжении все материалы (как напр.: дневники, биографии, автобиографии, подлинные письма, приказы, фотоснимки, газеты, брошюры, книги, воззвания, донесения и т. п.), могущие помочь освещению подвигов, жизни, гражданской и военной деятельности героев, убитых на полях сражений, умерших от ран и болезней во время гражданской войны и в особенности награжденных орденами Красного знамени, почетным революционным оружием и другими наградами за боевые отличия, а также героев гражданской войны, погибших и умерших после гражданской войны.

Если имеются другие документы, относящиеся к истории гражданской войны, Красной гвардии, РККА, красным партизанам или белым армиям, просьба выслать их в тот же архив.

Почтовые расходы по пересылке документов будут возмещены архивом.

Прошу всех председателей бюро землячеств заверять все материалы о героях, отправленные в ЦАКА.

Директор Центрального архива
Красной армии *Ширинский.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1935 год

на журнал

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Год издания 14-й

6 книг в год

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции и гражданской войны, истории фабрик и заводов

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—15 руб., на 6 мес.—7 р. 50 к.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР—2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями, магазинами и киосками Когиза, в главной конторе подписных и периодических изданий Когиза, Москва, Маросейка, 7 и повсюду на почте.